Хрустальный грот

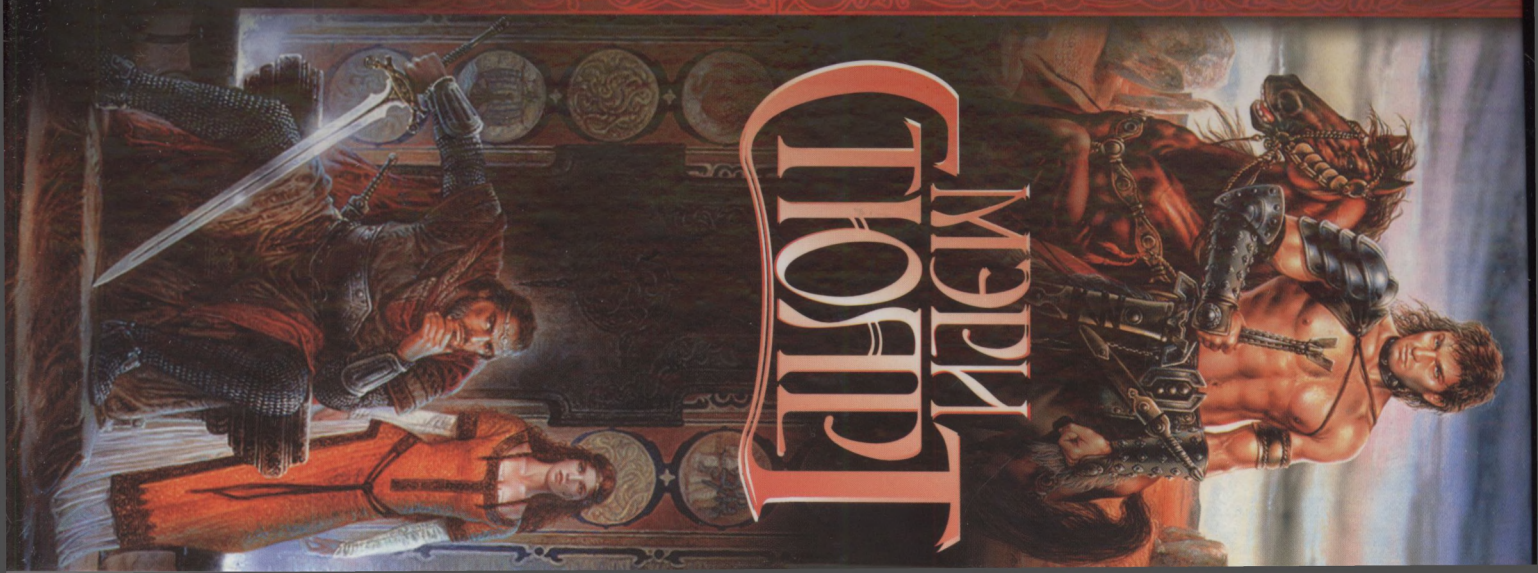
Полые холмы

Мэри Стюарт

Хрустальный грот

Полые холмы

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Мэри Стюарт

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

MARY

STEWART

The Crystal Cave

The Hollow Hills

МЭРИ

СТЮАРТ

Хрустальный грот

Полые холмы

АСТ
Издательство
Москва
2001

ББК 84 (4Вл)
С11

Серия основана в 1999 году

Mary Stewart
THE CRYSTAL CAVE
1970
THE HOLLOW HILLS
1973

Перевод с английского А.А. Комаринец («Хрустальный грот») и И.М. Бернштейн («Полые холмы»)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения Hodder and Stoughton Limited и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать 09.07.01. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 43,68. Тираж 15 000 экз. Заказ № 3970.

Сюарт М.
С11 Хрустальный грот. Полые холмы: Романы / М. Стюарт; Пер. с англ. А.А. Комаринец, И.М. Бернштейн. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 827, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-009276-8

Это — самая прославленная «артуриана» XX в!

Не просто фэнтези, но — ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА, озаряющая тьму давно прошедших времен светом безграничного воображения...

Не просто увлекательные приключения, но — истинная Высокая магия и истинный, высокий дух первоначального, полузабытого артуровского мифа...

Это — чудо, созданное великолепным пером Мэри Стюарт.

Сказание о деяниях Мерлина, величайшего из магов Британии, и Артура, благороднейшего из британских королей. Сага о любви женщины, которую когда-нибудь назовут Гвиневерой, и славного рыцаря, которого еще не назвали Ланселотом. Повесть о королеве-колдунье, верившей в судьбу, и принце-бастарде, тщетно пытавшемся судьбу превозмочь.

Это — драгоценный подарок для всех, кому хочется еще раз оказаться в мире Артура.

Не пропустите!

ББК 84 (4Вл)

© Mary Stewart, 1970, 1973
© Перевод. А.А. Комаринец, 2001
© Перевод. И.М. Бернштейн, 1992
© ООО «Издательство АСТ», 2001

Памяти Молли Крейг
с любовью

Хрустальный грот

МЕРЛИН

О Мерлин, маг в хрустальном гроте,
Где день меж бриллиантов бродит!
Найдется ль на земле певец,
Чья песнь по борозде проходит,
Что прочертил Адам-отец
В полях, в прибое, в небосводе?
О, где бегун, что избежит
Своей же тени, сердцем века
Пробьется, как пожар во ржи,
И яблоко вернет на ветку?
Открыть ли в колдовстве небрежном
Лик юной девы в грезе страшной,
День — что в покров оделся снежный,
И Время, запертое в башне?..*

* Перевод с английского Н. Эристави.

ПРОЛОГ
КНЯЗЬ ТЬМЫ

Теперь я старик. Немолод я был и тогда, когда корона легла на чело Артура. События лет, пробежавших с того славного дня, предстают предо мною куда тусклее, чем те, что предшествовали ему, словно жизнь моя была деревом, что расцвело с появлением этого отрока. Ныне, когда предназначение мое исполнено, листва на сем древе пожелтела и меня самого ожидает лишь молчанье могилы.

Все старики в этом схожи друг с другом: недавние события словно затягивает белесым туманом, а давно минувшие дни предстают во всем великолепии чудесных картин и красок. Даже сцены из моего далекого детства возвращаются ко мне отчетливо и ясно: словно расцвеченные всеми цветами радуги, очерченные резко и точно, будто миниатюра красочного манускрипта или фруктовое деревце, льнущее к беленой стене, или залитые солнцем знамена на фоне грозового неба.

Все краски в моих воспоминаниях много ярче, чем были они на самом деле. Воспоминания, что приходят ко мне теперь, в темноте, я вижу глазами детства, свежим взором ребенка. Эти сцены так далеки от меня, боль того времени их покинула. И они разворачиваются предо мною словно картины чужой жизни. Словно все это случилось не со мной, не с той хрупкой оболочкой плоти и кости, в которой когда-то обитала эта память, а с иным Мерлином — юным, свободным и легким, как воздух, как весенние ветры, как птица, чье имя дала мне мать.

Поздние воспоминания — иные: они проносятся горячим ветром и игрой теней на темной стене, как приходит все, увиденное в огне. Вот где я их собираю — в реве

пламени. Это Видение — один из немногих трюков — я не стал бы звать их силой, — что остались со мной теперь, когда я стар и, лишившись былого могущества, стал наконец простым смертным. Я все еще Вижу... неясно и не с триумфом или с бравадой и не под грохот фанфар и литавр, как бывало то прежде, а так, как дети видят сны наяву или картинки в пламени. Я, как и прежде, умею вызвать огонь и заставить пламя погаснуть — это самое простое волшебство, которому легче всего научиться и которое забывается последним. Чего не вызвать мне в снах, то Вижу я в танцующих языках пламени, в красном сердце огня и в бесчисленных зеркалах хрустального грота.

Самая первая из этих картин видится мне словно за танцем огня. Это — не моя память, но позднее вы поймете, как и откуда мне это известно. Назовите это не столько воспоминаньем, сколько сном о прошлом, памятью крови, чем-то, что осталось во мне от него с тех пор, когда он еще носил меня в своем теле. Я верю, что такое возможно. Правильно будет начать с того, кто был до меня и кто будет вновь, когда меня не станет.

Вот что случилось той ночью. Я это Видел, и повесть моя о том дне — истина.

В пещере было темно и промозгло, но, собрав сухие ветки, он разжег небольшой костер, угрюмо дымивший и дававший мало тепла. Весь день шел дождь, и с ветвей у входа в пещеру мерно скатывались капли. Этот небольшой водопад уже переполнил каменную чашу вокруг источника, так что вода то и дело плескала через край, пропитывая землю вокруг.

Ему не сиделось у костра; несколько раз он выходил из пещеры. Вот и теперь он спустился к подножию утеса, где в рощице стоял его стреноженный конь.

С наступлением сумерек дождь прекратился, но стал подниматься туман, наползая седой пеленой, пока не превратил деревья в закутанные в белесые саваны привидения, а пасущегося коня — в волшебное создание, тихо плывущее над мглистой завесой словно лебедь. Сам конь был серой масти и казался еще более призрачным от того, что жевал почти беззвучно; его хозяин разорвал узорчатый платок и обмотал дорогой материей удила, чтобы случайное позвякивание не выдало его присутствия. Бляхи на удилах были позолочены, а порванный платок — из шелка, поскольку молодой чело-

век был сыном короля. Если его схватят, то убьют. Ему минуло всего восемнадцать лет.

Вдалеке послышался топот копыт: кто-то поднимался по узкой долинке. Молодой человек повернул голову; дыхание его участилось, а в руке блеснул меч. Серый конь перестал щипать траву и поднял голову из тумана. Ноздри его затрепетали, но он не издал ни звука. Человек улыбнулся. Топот копыт раздавался уже совсем рядом — и вот, по загривок утопая в тумане, из сумерек возник гнедой пони. Всадник был маленьким и хрупким и кутался от ночной прохлады в темный просторный плащ. Пони остановился и, вскинув голову, громко и пронзительно заржал. Всадник что-то раздраженно воскликнул и, соскользнув на землю, схватил его под уздцы, стараясь заглушить ржание своим плащом. Всадником оказалась совсем юная девушка, которая беспокойно оглядывалась по сторонам до тех пор, пока не увидела под сенью деревьев молодого человека с обнаженным мечом в руке.

— От тебя шума, как от кавалерии на рысях, — с улыбкой заметил он.

— Я выехала к утесу раньше, чем думала. В тумане все выглядит так странно.

— Тебя никто не видел? Ты доехала благополучно?

— Вполне. Я два дня не могла вырваться. Днем и ночью по всем дорогам рыскают дозоры.

— Я догадывался об этом, — улыбнулся он. — Но ты все же приехала. Давай мне поводья.

Юноша отвел пони под деревья, чтобы стреножить его в укромном месте. Потом он обнял и поцеловал девушку.

Спустя какое-то время она оттолкнула его.

— Мне нельзя задерживаться. Я привезла вещи, и даже если я не смогу приехать завтра... — Девушка замолкла, заметив, что конь его оседлан, что к седлу приторочена дорожная сума, а упряжь из предосторожности обмотана тканью. Ее руки вспорхнули на грудь мужчины, а он поймал их будто птиц и только крепче прижал к себе девушку. — Вот так, — со вздохом произнесла она. — Я знала. Я знала, еще когда спала сегодня ночью. Ты уезжаешь.

— Я должен... Сегодня...

Она молчала целую минуту. Затем просто спросила:

— Сколько у нас времени?

Он не стал притворяться, что не понимает ее.

— Час-два, не больше.

— Ты вернешься, — решительно сказала девушка. — Нет. Не сейчас, — остановила она его, заметив, что он хочет возразить. — Все уже сказано, и на разговоры нет больше времени. Я лишь имела в виду, что с тобой ничего не случится и что ты благополучно возвратишься. Я знаю, что говорю. У меня есть дар предвидения. Ты вернешься.

— Едва ли нужно Предвидение, чтобы это знать. Я должен вернуться. И тогда, быть может, ты послушаешь меня...

— Нет, — снова перебила его она, теперь почти гневно. — Это не имеет значения. К чему разговоры? У нас остался всего час, а мы тратим его на пустые слова. Пойдем.

А он уже вытягивал булавку с драгоценным навершием, которой был заколот ее плащ. Вот он обнял девушку за плечи и повел ее к пещере.

— Ты права, пойдем внутрь.

КНИГА I
ВЯХИРЬ

1

В тот день, когда вернулся домой мой дядя Камлах, мне едва-едва исполнилось шесть лет.

Я запомнил его таким, каким впервые увидел: высокий молодой человек, нравом горячий, как и мой дед, с голубыми глазами и рыжеватыми волосами, как у матери, которые казались мне верхом совершенства. Он появился в Маридунуме на закате сентябрьского дня, с ним прискакал небольшой отряд. Поскольку тогда я был совсем мал, то играл на женской половине, в длинном старинном покое, где ткали в светлое время дня мать и ее придворные дамы. Моя мать сидела за ткацким станком. Я помню выходившую из-под ее пальцев ткань: алую с узкой узорчатой каймой зеленым по краю. Я сидел у ног матери на полу и играл сам с собой, гоняя по полу бабки. Косые лучи солнца из окна ложились на потрескавшуюся напольную мозаику лужицами яркого золота. Монотонно гудели над грядками пряных трав пчелы, и даже мерное постукивание ткацкого станка звучало отчего-то сонно. Женщины переговаривались над прялками, но негромко, склонив друг к другу головы, а Моравик, моя кормилица, та просто спала на своем табурете в озерце солнечного света.

Но вот тишину внутреннего двора разорвал топот копыт, затем — крики. Ткацкий станок умолк, а вместе с ним затихло и негромкое бормотанье придворных дам. Моравик коротко всхрапнула и, внезапно проснувшись, недоуменно уставилась перед собой. Моя мать сидела очень прямо, вскинув голову и прислушиваясь. Челнок выпал из ее руки. Я заметил, как ее глаза встретились с глазами Моравик.

Я был на полдороге к окну, когда Моравик резко окликнула меня; в ее голосе прозвучало нечто такое, что заставило меня остановиться и покорно вернуться к ее табурету. Кормилица поспешно принялась поправлять на мне

одежду, расправлять складки туники, даже пригладила мне волосы, так что я понял, что прибывший гость — важная персона. Меня взволновало и одновременно удивило то, что меня, очевидно, собирались представить ему; я привык, что в те дни меня прятали от глаз гостей. Я терпеливо ждал, пока Моравик с трудом расчесывала мои непокорные вихры, обмениваясь поверх моей головы тихими фразами с матерью; из их разговора я не понял ничего. Да я и не прислушивался. Я вслушивался в цокот копыт во дворе и крики мужчин, язык которых был мне смутно знаком: это был не валлийский и не латынь, а кельтское наречие, похожее на говор Малой Британии. Моравик, моя кормилица, была родом из тех земель, и потому на ее наречии я говорил так же свободно, как и на своем родном языке.

Я услышал раскатистый смех моего деда, и ему ответил другой, незнакомый мне голос. Потом дед, наверное, увел приезжего в дом, потому что голоса стихли, и снаружи слышались только бряцанье сбруи и топот лошадей, которых уводили в конюшни.

Вырвавшись из рук Моравик, я подбежал к матери:

— Кто это?

— Мой брат Камлах, сын короля.

Не глядя на меня, она указала на упавший челнок. Я поднял его и подал матери. Медленно, будто во сне, она снова вернулась к работе.

— Значит, война закончилась?

— Война давно закончилась. Твой дядя был при дворе верховного короля на юге.

— А теперь он возвратился потому, что умер дядя Дивед? — Дивед был наследником, старшим сыном короля. Он скончался внезапно, в муках, причиной которых была желудочная колика; его вдова Элейна, которую он оставил бездетной, возвратилась к своему отцу. Разумеется, ходили обычные в таких случаях слухи об отравлении, но никто не воспринимал их всерьез. Диведа все любили: он был отважным воином и человеком осмотрительным и осторожным, но там, где следовало, проявлял немалую щедрость.

— Говорят, ему придется взять себе жену. Он женится, мама? — Я был взволнован, чувствовал себя значительным — раз уж мне известны столь важные вещи — и предвкушал свадебный пир. — Он женится на Керидвене, теперь, когда дядя Дивед...

— Что? — Челнок остановился; мать, вздрогнув, резко обернулась. Но, видно, выражение моего лица утишило ее гнев, потому что, когда мать заговорила, из ее голоса исчезли гневные нотки, хотя она по-прежнему хмурилась, и я услышал, как Моравик возмущенно зацокала языком у меня за спиной. — Откуда, скажи на милость, тебе это известно? Ты слышишь слишком многое и часто не понимаешь смысла услышанного. Забудь об этом и попридержи язык. — Челнок засновал снова, но уже медленнее. — Послушай меня, Мерлин. Когда они придут посмотреть на тебя, постарайся вести себя тихо. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да, мама. — Я все отлично понял. Я на горьком опыте научился не попадаться под руку королю. — Но придут ли они взглянуть на меня? И почему на меня?

Повисло недолгое молчание, а когда она наконец ответила, в голосе ее звучала горечь, которая вмиг состарила ее, сделав почти такой же старой, как Моравик:

— А ты как думаешь почему?

Ткацкий станок снова яростно клацнул. Мать заправляла в него зеленую нить; я видел, что она совершает ошибку, изменяя узор, но мне понравилось то, что выходило из-под ее рук, поэтому я промолчал. В старинном покое вновь воцарилась сонная тишина. Стоя возле матери, я наблюдал за ее работой, пока грубая мужская рука не отдернула полог у двери, чтобы впустить двух мужчин.

Они, казалось, заполнили собой все помещение; рыжая и седая головы едва не задевали потолочные балки. На моем деде было голубое, цвета барвинка, отороченное золотом одеяние. Камлах был в черном. Позднее я узнал, что он всегда носил черное; на пальцах у него и в застежке плаща на плече переливались самоцветные камни. Рядом со своим отцом он казался хрупким и молодым и в то же время проворным и ловким, как лис.

Мать встала. Одета она была в домашнее темно-коричневое платье, такого цвета бывают торфяники осенью. Ее рассыпавшиеся по темной ткани волосы отливали золотом. Но ни один из вошедших не удостоил ее и взглядом. Можно было подумать, что, кроме меня — худенького мальчика, стоявшего подле ткацкого станка, — в старинном покое никого нет.

Дед мотнул головой и произнес одно лишь слово:

— Вон.

Тихо зашелестев юбками, женщины поспешили безмолвно удалиться. Моравик не двинулась с места, напыжившись для храбрости, как куропатка, но суровый взгляд голубых глаз на мгновение задержался на ней, и она последовала за остальными. Ее смелости хватило лишь на то, чтобы, проходя мимо мужчин, возмущенно фыркнуть. Глаза короля снова обратились ко мне.

— Бастард твоей сестры. Вот погляди, — пренебрежительно начал король. — Шесть лет недавно исполнилось. Вытянулся, как сорняк, а похож на нас не больше, чем можно ждать от дьяволова пащенка. Только посмотри на него! Глаза черные, волосы тоже, а хладного железа боится все равно что подменыш из полых холмов. Если мне скажут, что сам дьявол его породил, поверю всему, до единого слова!

Обернувшись к матери, мой дядя обронил лишь одно слово:

— Чей?

— Глупец, ты что, думаешь, мы ее не спрашивали? — ответил за нее дед. — Ее секли до тех пор, пока женщины не сказали, что у нее будет выкидыш, но все равно не выжали из нее ни слова. А может, мало мы ее секли, без этого отродья все б было лучше — а то старухи плетут какую-то чушь о дьяволах, которые приходят в темноте, чтобы возлечь с молодыми девами, но если посмотреть на этого выродка, то в их болтовню можно поверить.

Камлах смотрел на меня с высоты своих шести футов. Глаза у него были голубые и такие же ясные, как у моей матери, и румянец во всю щеку. На его сапогах из мягкой оленьей кожи желтыми комьями засохла грязь, а от него самого пахло потом и лошадьми. Он пришел взглянуть на меня, даже не удосужившись помыться и сменить одежду с дороги. Я помню, как он пристально смотрел на меня; мать молча стояла рядом, а дед хмурился из-под бровей и дыхание из его груди выходило учащенно и с хрипом — как это бывало всегда, когда он давал волю ярости.

— Подойди сюда, — сказал дядя.

Я сделал пять-шесть шагов. И, не осмеливаясь подойти ближе, остановился. С трех шагов дядя Камлах казался еще огромнее. Он возвышался надо мной, подпирая стропила потолка.

— Как тебя зовут?

— Мирддин Эмрис.

— Эмрис? Дитя света, принадлежащее богам?.. Едва ли такое имя пристало последышу демона.

Его мягкий тон меня ободрил.

— Еще меня зовут Мерлинус, — рискнул добавить я. — Так римляне называли сокола.

— Сокол! — рявкнул дед и презрительно фыркнул, вскинув руки так, что звякнули наручьи.

— Маленький, — попробовал оправдаться я и умолк под задумчивым взглядом дяди.

Он потер подбородок, а затем, приподняв брови, глянул на мою мать.

— Странное имя для ребенка из христианской семьи. Ниниана, может, это был римский демон?

— Возможно. Откуда мне знать? Было темно, — вздернула она подбородок.

Мне показалось, что на лице дяди мелькнула тень не то веселья, не то удивленья, но тут король яростно рубанул воздух рукой, словно мечом.

— Видишь? Все, чего от нее можно добиться, — лишь ложь, сказки о волшебстве и дерзость! Принимайся за работу, девка, и пусть твой ублюдок не попадается мне на глаза! Теперь, когда вернулся твой брат, мы найдем мужчину, который заберет вас обоих, чтобы вы не путались у нас под ногами! Камлах, я надеюсь, ты понял, почему тебе надо поскорей сыскать себе жену и произвести на свет сына, а то и двух, поскольку это все, что у меня осталось.

— Ну, я совсем не против, — непринужденно отозвался Камлах. На меня перестали обращать внимание. Они уходили, и никто меня не тронул. Я расцепил занемевшие пальцы и стал медленно, по полшага, отступать назад.

— Однако, господин, у тебя самого молодая королева, и, мне сказали, она в тягости.

— Это не имеет значения. Тебя надо женить, и как можно скорее. Я — старый человек, а времена теперь неспокойные. Что же до этого мальчишки, — я вновь замер, — забудь о нем. Кто бы ни породил его, если он не объявился за шесть лет, то нет причин полагать, что он сделает это сейчас. Да будь его отцом сам верховный король Вортигерн, и тот бы от него отказался. Кому нужен угрюмый сопляк, все время прячущийся по углам? С другими детьми и то не играет — боится, наверное. Он и собственной тени боится.

Король отвернулся. Поверх моей головы встретились взгляды Камлаха и матери. Они словно говорили друг с другом без слов. Затем Камлах снова посмотрел на меня и вдруг улыбнулся.

Я до сих пор помню, как осветился старинный покой, хотя солнце уже скрылось, а с ним ушло и его тепло. Скоро принесут свечи.

— Что ж, — заметил Камлах, — в конце концов, он всего лишь птенец сокола. Не будь так жесток к нему, господин. В свое время ты нагонял страх и не на таких храбрецов.

— Ты имеешь в виду себя? Ха!

— Уверяю тебя.

Уже стоя на пороге, король кинул на меня быстрый взгляд из-под сросшихся бровей, и, недовольно хмыкнув, перебросил через руку плащ.

— Хорошо-хорошо, пусть будет по-твоему. Клянусь ранами господними, я голоден. Время ужина давно миновало — но, надо думать, ты сперва захочешь помокнуть в бане, по этой твоей проклятой римской моде. Предупреждаю, топок с твоего отъезда никто не разжигал...

Еще не закончив своей речи, он резко повернулся, взмахнув синим плащом, и вышел прочь. У меня за спиной с облегчением вздохнула мать и села, прошелестев юбками. Дядя протянул мне руку:

— Пойдем, Мерлин, поговори со мной, пока я буду мыться в вашей холодной уэльсской воде. Принцам нужно хорошенько узнать друг друга.

Я словно прирос к месту. Молчание матери тяжелым плащом легло мне на плечи: она сидела неподвижно, затаив дыхание.

— Пойдем, — мягко повторил Камлах и снова улыбнулся мне.

Я подбежал к нему.

В тот вечер я забрался в подпол.

Здесь бывал только я один; в этом тайном убежище я скрывался от детей годами старше меня и играл в собственные свои одинокие игры. Мой дед был прав, говоря, что я прячусь по углам, но прятался я не из страха, хотя когда сыновьям его вассалов удавалось поймать меня, следуя его примеру (как обычно следуют примеру взрослых дети), они делали меня жертвой в своих жестоких военных играх. Правда

и то, что поначалу туннели гипокауста, обветшалой и заброшенной отопительной системы римских времен, служили мне укрытием, тайником, в котором я мог скрыться, чтобы побыть наедине с собой. Но вскоре я уже находил удивительное удовольствие в исследовании огромного лабиринта темных, пахнущих землей камер и переходов, расположенных прямо под полами дворца.

В давно минувшие времена дворец моего деда был обширной виллой одного знатного римлянина, который приказал расчистить под пашни и пастбища земли на несколько миль вверх и вниз по реке. Господская половина виллы уцелела, хотя и она не избежала разрушительного воздействия времени и войн, а также по крайней мере одного пожара, уничтожившего половину главного здания и часть правого крыла. Старые пристройки для рабов остались почти нетронутыми, они с четырех сторон замыкали просторный внутренний двор, где трудились слуги и повара. Баня тоже сохранилась, хотя ее стены во многих местах были подлатаны новой более грубой кладкой, а крыша, там, где старая совсем прохудилась, была небрежно настлана соломой. На моей памяти огонь в топках не разводили ни разу, а воду для купания грели в котлах на кострах во внутреннем дворе.

Вход в мой тайный лабиринт вел через отверстие в топке в особом, отведенном для печей помещении: в стене под треснувшим и проржавевшим котлом располагалась маленькая дверца, высотой едва ли по колено взрослому мужчине, скрытая зарослями щавеля и крапивы и огромным выгнутым бронзовым осколком, отвалившимся от самого котла. Пробравшись внутрь, можно было проникнуть в подпол под банными залами, но баня так долго стояла в запустении, что гипокауст под ней стал, даже на мой вкус, слишком темным и замусоренным. Я обычно отправлялся в другую сторону, в проход, ведший к господской части дворца.

Здесь древняя система подачи горячего воздуха была построена столь добротно, что даже теперь в низком подполе было сухо и дышалось легко, а на кирпичных столбах, подпиравших пол, до сих пор держалась штукатурка. Разумеется, местами столбы обрушились или со свода гипокауста попадали камни, но арочные проемы, ведшие из одного помещения в другое, были надежно скреплены известкой и вполне безопасны, так что, не увиденный и не услышанный никем, я легко добирался до самых королевских покоев.

Если бы меня обнаружили, то, наверное, подвергли бы наказанию худшему, чем простая порка: сам того не желая, я подслушал с десяток тайных советов и, уж конечно, стал свидетелем нескольких любовных свиданий, но тогда это не приходило мне в голову. Вполне естественно, что никто во дворце и подумать не мог бы, что ему грозит опасность быть подслушанным; в давние времена гипокауст чистили мальчишки-рабы не старше десяти лет — было в лабиринте несколько мест, в которые даже я протискивался с трудом. Лишь однажды я был на грани разоблачения: однажды летним днем, когда Моравик полагала, что я играю с мальчишками во дворе, а они, в свою очередь, думали, что я прячусь за ее юбками, рыжеволосый Диниас, мой главный мучитель, столкнул с высокого дерева, на котором они играли, ребенка младше его годами. Тот сломал ногу и поднял такой крик, что Моравик стремглав примчалась на место происшествия и, обнаружив мое отсутствие, поставила на ноги весь дворец. Я услышал шум и вылез из-под котла, запыхавшийся и покрытый грязью, как раз в тот момент, когда кормилица начала искать меня в том крыле, где находилась баня. Я тогда чего-то наплел и отделался надранными ушами и хорошей взбучкой, но этот случай послужил мне предупрежденьем. С тех пор я не отваживался спускаться в гипокауст при свете дня, а отправлялся туда только по вечерам, незадолго до того, как Моравик ложилась спать, или ночами, когда мне не спалось, а кормилица уже храпела на своем тюфяке. К тому времени большая часть дворца тоже погружалась в сон, но если бывал пир или если дед допоздна засиживался с гостями, я прислушивался к звукам голосов и пению. Иногда я добирался до покоев моей матери и слышал, как она разговаривала со своими женщинами. Но однажды ночью я услышал, что она молилась, громко и вслух, как делают, когда никого рядом нет, и в ее молитву вплеталось мое имя — Эмрис, а еще — рыданья. После этого случая я предпочитал пробираться другим путем, пролегавшим мимо королевских покоев, где почти каждый вечер в окружении своих фрейлин молодая королева Олвена пела под звуки арфы, пока музыку и пенье не прерывали тяжелые шаги короля в коридоре.

Но я забирался в подпол не для того, чтобы подслушивать. Гораздо важнее для меня было — и теперь я ясно это вижу — побыть одному в потаенной темноте, там, где над человеком властны только он сам и смерть.

Обычно я забирался в укромный уголок гипокауста, который называл «моя пещера». Некогда «пещера» была частью главного дымохода, но задолго до моего рождения его перекрытие обрушилось, и в образовавшуюся дыру теперь виднелось небо. Это место зачаровало меня с того дня, как я, взглянув на небо в полдень, увидел бледную, но четко различимую звезду. С тех пор, пробираясь сюда ночью, я сворачивался калачиком на подстилке из украденной из конюшен соломы и следил за медленным круговоротом звезд, заключая уговор с небесами: если, пока я здесь, в дымоход заглянет луна, следующий день принесет мне исполненье сокровенного желанья.

В тот вечер я увидел луну. Полная и сияющая, она стояла прямо над проломом, и на мое обращенное к небу лицо лился свет столь белый и чистый, что мне казалось, будто я пил его, как воду. Я не отваживался пошевелиться, пока она не исчезла, а за ней — и маленькая яркая звезда, подобно собаке всегда сопровождавшая луну.

Возвращаясь, я прополз под комнатой, которая до того пустовала, а теперь наполнилась голосами.

Разумеется. Комната Камлаха. Мой дядя был не один; я не знал имени бывшего с ним человека, но, судя по выговору, это был один из воинов его отряда. Еще раньше я узнал, что эти воины родом из Корнуолла. У незнакомца был густой, раскатистый голос, так что я мог уловить только несколько слов из сказанной им фразы — боясь задерживаться на одном месте, я как можно быстрее старался проползти меж столбами и не издать при этом ни звука.

Я уже уперся в стену, отыскивая сводчатый лаз в соседнее помещение, как вдруг задел плечом разбитую вытяжную трубу, и неплотно державшийся кусок обожженной глины, загремев, упал на пол.

Голос корнуэльца внезапно оборвался.

— Что это?

Затем из разбитой трубы донесся голос моего дяди, причем так отчетливо, будто он говорил мне в самое ухо.

— Ничего. Крыса, наверное. Гремело под полом. Говорю тебе, дворец разваливается на части. — Наверху отодвинули кресло, и тяжелые шаги направились в дальний от меня угол комнаты. Голос стал глуше. Мне показалось, что я услышал звон кубка и бульканье наливаемого напитка. Медленно-медленно я начал продвигаться вдоль стены к лазу.

Дядя возвращался.

— ...пусть даже она откажет ему, невелика важность. Она здесь не останется, во всяком случае, лишь до тех пор, пока моему отцу хватает сил противиться епископу и держать ее при себе. Уверяю тебя, раз она устремилась мыслями к тому, что она называет двором всевышнего, мне нечего бояться, даже если он заявится сюда собственной персоной.

— Ну, раз уж ты так ей веришь...

— О да, я ей верю. Я расспрашивал повсюду и везде слышал одно и то же. — Он засмеялся. — Кто знает, может, нам еще придется благодарить судьбу за то, что есть кому замолвить за нас словечко при этом ее небесном дворе до того, как будет сыграна эта партия. И, как мне говорили, своим благочестьем она еще всех нас спасет — если только захочет.

— Что ж, тебе это может понадобиться, — заметил корнуэлец.

— Возможно.

— А мальчик?

— Мальчик? — переспросил мой дядя. Он остановился, затем его мягкие размеренные шаги послышались вновь. Я весь обратился в слух. Мне надо было услышать. Я не вполне осознавал, почему мне это необходимо. Меня не слишком волновало то, что меня звали бастардом, трусом или дьяволовым отродьем. Но в ту ночь над проломом стояла полная луна...

Дядя возвратился. Его голос звучал ясно, беззаботно и снисходительно.

— Ах да, мальчик. На первый взгляд смышленый ребенок, и, пожалуй, его здесь недооценивают... он довольно приятный, если говорить с ним учтиво. Я приближу его к себе. Запомни это, Алун, мне нравится мальчик...

Он позвал слугу, чтобы тот снова наполнил кувшин вином, и, воспользовавшись этим, я поспешил ускользнуть.

С этого все и началось. Целыми днями я повсюду сопровождал Камлаха, а он терпел мое присутствие и даже поощрял его. Мне и в голову не приходило, что мужчине двадцати одного года не всегда может быть по нраву, что за ним по пятам следует шестилетний щенок. Моравик бранилась, когда ей удавалось меня поймать, но мать моя казалась довольной и просила кормилицу оставить меня в покое.

2

Лето в тот год выдалось жаркое. В окрестных землях все было мирно, и первые дни по возвращении домой Камлах предавался безделью, отдыхая в усадьбе или объезжая с отцом или своей свитой созревшие для жатвы поля и долины, где спелые яблоки уже опадали с деревьев.

Южный Уэльс — чарующий край с зелеными холмами и глубокими долинами, с просторными и золотистыми от полевых цветов заливными лугами, на которых тучнеет скот, с дубовыми лесами, где привольно резвятся олени, и с временами сизыми, временами прозрачно-голубыми скалистыми нагорьями, где весной кукует кукушка, а по зиме рыщут волчьи стаи и где даже в снежный буран мне доводилось увидеть, как просверкивает случайная молния.

Маридунум примостился там, где открывается в море эстуарий, в устье реки, которая на военных картах обозначена как Тобий, но валлийцы называют ее Тиви. В этом месте холмы расступаются, образуя ровную и широкую долину, и Тиви течет по глубокому руслу, через болота и заливные луга, плавно извиваясь между пологими берегами.

Город стоит на высоком северном берегу, откуда подземные воды стекают в большую реку сотней ручьев. В глубь страны ведет старый военный тракт до самого Каэрлеона, а с юга к Маридунуму можно проехать по отличному каменному мосту в три пролета, от которого поднимается мимо королевской усадьбы в гору мощеная улица и оканчивается на городской площади. Кроме дома моего деда и старых казарм при построенной еще римлянами крепости, в которых дед разместил своих солдат и потому поддерживал их в хорошем состоянии, лучшим строением в Маридунуме считался христианский женский монастырь, расположенный на берегу реки, неподалеку от дворца. Там в молитвах доживали свой век несколько святых отшельниц, называвших себя Общиной святого Петра. Однако большинство жителей города звали это место Тир Мирддин* — по названию святилища старого бога: с незапамятных времен резной божок стоял в своей нише под огромным дубом прямо против ворот обители Святого Петра. Еще

* В валлийском языке звук, обозначаемый сдвоенной буквой «д» («dd»), произносится как среднее между русским «д» и «з». Каэр Мирддин — современный Кармартен. — *Примеч. пер.*

ребенком я слышал, как город именовали Каэр-Мирддин: неверно, как считают многие ныне, что его так назвали так в мою честь. На деле и меня, и город, и холм за ним, из которого бил священный источник, назвали в честь бога, которому поклонялись на вершинах холмов и утесов. После событий, о которых я собираюсь здесь поведать, город со всеобщего согласия был переименован в мою честь; но все же бог Мирддин был здесь задолго до меня, и если мне сейчас принадлежит его холм, то лишь потому, что он делит его со мной.

Усадьба моего деда, старый дворец среди фруктовых садов, обнесенных каменной стеной, стояла над самой рекой. Если залезть на склоненную яблоню, а с нее перебраться на саму стену, то сверху хорошо видны дорога и мост через реку, по которым проезжают путники с юга, и корабли, поднимающиеся по реке с приливом.

Хотя мне не позволяли лазать на дерево за яблоками — я должен был довольствоваться падалицей, — Моравик никогда не запрещала мне взбираться на стену. Сидя верхом на стене, я был все равно что часовой на посту: это означало, что моя кормилица первой во дворце узнавала о прибытии гостей и гонцов или о возвращении домой конных отрядов или просто слуг. В конце сада имелась слегка приподнятая терраса, защищенная полукруглой кирпичной стеной, укрытая от ветра, стояла там каменная скамья, на которой Моравик любила вздремнуть над своею прялкой; солнце припекало здесь так жарко, что на плиты террасы выбирались погреться ящерицы, а я со своего наблюдательного пункта выкрикивал новости.

Однажды жарким полднем, дней восемь спустя возвращения домой Камлаха, я, как обычно, удобно устроился на верхушке стены. Ни на мосту, ни на дороге, ведущей в долину, не было ни души, лишь на пристани разгружали с местной барки зерно и горстка зевак собралась поглазеть на работы; да еще под стеной усадьбы слонялся старик в плаще с капюшоном; старик то и дело нагибался, собирая падалицу.

Я взглянул через плечо на укромный уголок Моравик. Моя кормилица спала, уронив на колени веретено; из-за распушившейся белой шерсти оно напоминало взорвавшийся семенами камыш. Я швырнул на землю недоеденную падалицу, которую грыз перед тем, и запрокинул голову, изучая запретные верхние ветви, густо усеянные плодами, желтевшими на фоне неба.

Я прикинул, что до одного я мог бы дотянуться. Яблоко было круглое и блестящее и, казалось, прямо на гла-

зах доспевало под жарким солнцем. Рот у меня наполнился слюной. Найдя удобный сук, чтобы поставить на него ногу, я принялся карабкаться на дерево.

До заветного плода оставалось всего две ветви, когда меня остановил пронзительный оклик, раздавшийся со стороны моста. Вслед за этим криком послышались быстрый цокот копыт и бряцанье металла. Что было сил вцепившись в ветку над головой, я попробовал, прочен ли подо мной сук, а потом, осторожно раздвинув листья, глянул на мост. К городу направлялся конный отряд. Во главе его в одиночестве ехал на высоком гнедом жеребце мужчина с непокрытой головой.

Это был не Камлах и не мой дед, он также не мог быть одним из их приближенных или владельцем небольшого замка в округе — его герб и значок были мне незнакомы. Когда отряд подъехал ближе, уже готовясь съехать с моста, я разглядел, что и сам предводитель мне незнаком: он был черноволос, чернобород и в иноземных одеждах, а на груди у него сверкало золото. Наручьи у него тоже были золотые, в ладонь шириной. В отряде, насколько я мог судить, было не меньше полусотни человек.

Король Горлан из Ланаскола. Я не знал, как и откуда так четко и ясно возникло у меня в голове это имя. Может, я когда-то слышал его в лабиринте гипокауста? Были ли это несколько слов, неосторожно произнесенных в присутствии ребенка? Или это было и вовсе во сне? На мгновенье меня ослепило сверканье щитов и наконечников копий в полуденном солнце. Горлан из Ланаскола. Король, что приехал жениться на моей матери и забрать меня с собой за море. Она станет королевой. А я...

Король Горлан уже послал коня вверх по взбирающейся на холм мощеной улице. Я начал осторожно сползать с яблони.

«А что, если она откажет ему?» Я узнал этот голос; он принадлежал корнуэльцу. А за ним я вспомнил и слова моего дяди: «Если она и откажет ему, это не будет иметь значенья... мне нечего бояться, даже если он сам заявится сюда».

Отряд неторопливо съехал с моста. Бряцанье оружия и топот копыт эхом отдавались в неподвижном воздухе.

Он приехал. Вот он.

До верхушки стены было рукой подать, когда я вдруг оскользнулся на ветке и чуть не упал. К счастью, я крепко держался за сук руками и в водопаде листьев и ли-

шайников благополучно соскользнул к развилке, как раз в тот момент, когда раздался пронзительный голос кормилицы:

— Мерлин! Мерлин! Господи помилуй, куда подевался этот мальчишка?

— Здесь... здесь, Моравик... уже спускаюсь.

Я спрыгнул в высокую траву. Она отложила на скамью веретено и, подхватив юбки, бросилась ко мне.

— Что там происходит на мосту? Я слышала лошадей, судя по шуму, их там целый отряд... Святые угодники, дитя, посмотри, что стало с твоей одеждой! Разве я не чинила тебе тунику на этой неделе? А теперь только погляди на нее! Тут дыра, в которую можно кулак просунуть, и к тому же вывозился в грязи с ног до головы, как сын нищего!

Я вывернулся из-под ее руки.

— Я упал. Прости. Я спешил слезть, чтобы все тебе рассказать. Там правда конный отряд — иноземцы! Моравик, это — король Горлан из Ланаскола! У него красный плащ и черная борода!

— Горлан из Ланаскола? Неужели? Оттуда всего миль двадцать до того места, где я родилась! Интересно, зачем он пожаловал?

— Разве ты не знаешь? — удивился я. — Он приехал, чтобы взять в жены мою мать.

— Ерунда!

— Это правда!

— Разумеется, нет! Думаешь, я бы об этом не знала? Лучше бы тебе не говорить таких слов, Мерлин. У тебя могут быть неприятности. С чего ты это взял?

— Не помню. Кто-то сказал мне. Наверное, мама.

— Неправда, и ты это знаешь.

— Тогда, возможно, я где-то слышал.

— Где-то слышал, где-то слышал... Верно говорят, что у поросят длинные уши. Подумать, сколько ты всего слышишь, так твои уши должны уже волочиться по земле! Чему ты улыбаешься?

— Ничему.

Она уперла руки в бока.

— Ты опять подслушивал разговоры, не предназначенные для твоих ушей. Я уже тебя предупреждала. Неудивительно, что люди такое о тебе судачат.

Обычно я сдавался и, проговорившись, старался уйти от опасной темы, но в тот раз возбуждение лишило меня рассудительности.

— Это правда, вот увидишь — это правда! Какая разница, где я это услышал? Если уж на то пошло, я сам этого сейчас не помню, но это правда! Моравик...

— Что?

— Король Горлан — мой отец. Настоящий отец.

— Что?! — На сей раз вопрос резанул меня будто пила.

— Разве ты не знала? Даже ты?

— Нет, я не знала. И ты этого не знаешь. И если ты хоть словом об этом обмолвишься... Откуда тебе известно его имя? — Она схватила меня за плечи и резко встряхнула. — Откуда ты знаешь, что это король Горлан? Никто ничего о его приезде не говорил, даже мне не сказали.

— Говорю тебе, я не помню точно, что я слышал и где. Просто я слышал где-то его имя — это все, и я знаю, что он приехал переговорить с королем и посвататься к моей матери. Мы поедем в Малую Британию, Моравик, и ты вместе с нами. Тебя ведь это порадует, а? Там твой дом. Возможно, мы будем неподалеку...

Она крепче стиснула мою руку; я замолк и только тут с облегчением увидел бегущего к нам через яблоневый сад слугу моего деда. Он совсем запыхался.

— Велели привести к королю... Мальчика... В большой зал... Быстрее.

— Кто это? — требовательно спросила Моравик.

— Король приказал не мешкать. Я повсюду искал мальчика...

— Кто это?

— Король Горлан из Малой Британии.

Кормилица негромко зашипела, словно вспугнутая гусыня, и уронила руки.

— А при чем здесь мальчик?

— Откуда мне знать? — Слуга хватал ртом воздух — день стоял жаркий, а он был тучен и не собирался любезничать с Моравик, чье положение кормилицы бастарда было, на взгляд слуг, лишь чуть выше моего собственного. — Я знаю только, что послали за госпожой Нинианой и мальчиком, и, сдается, кое-кого ждет хорошенькая взбучка, если король оглянется в поисках мальчика, а того не окажется под рукой. Король пришел в крайнее волнение, когда ему сообщили о приезде гостя со свитой, помяни мои слова.

— Ладно-ладно. Возвращайся и передай, что через пару минут мальчик будет в зале.

Слуга поспешил прочь, а кормилица повернулась и схватила меня за руку.

— Святые угодники на небесах! — Из всех жителей Маридунума у Моравик было самое большое собранье амулетов и талисманов; я не помню случая, чтобы она прошла мимо придорожного святилища, не воздав хвалу обитавшему в нем божеству, хотя на людях она всегда слыла христианкой и — особенно ввиду каких-либо неприятностей — становилась крайне набожной. — Сладкоголосые херувимы! Ну почему именно сегодня этому ребенку вздумалось обрядиться в лохмотья?! Пошевеливайся, иначе нам обоим несдобровать. — Она потащила меня за собой по дорожке к дому, деловито взывая к своим святым и подгоняя меня, наотрез отказываясь даже упоминать о том обстоятельстве, что насчет гостя я оказался прав. — Милосердный, милосердный святой Петр! Зачем я ела за обедом этих жирных угрей, а затем так крепко уснула? Именно сегодня! Вот, — она втолкнула меня в нашу комнату, — снимай с себя эти отрепья и надень приличную тунику; тогда мы вскоре узнаем, что уготовил тебе Господь. Поторапливайся, малый!

Комната, в которой я жил вместе с Моравик, была маленькой и темной и примыкала к помещеньям для слуг. Там всегда пахло стряпней с кухни, но мне это нравилось, так же как нравилась поросшая лишайниками груша, льнувшая к стене под окном, в ветвях которой пели летом по утрам звонкоголосые птицы. Моя кровать стояла под самым окном. Кровать была совсем простая, из положенных на две деревянные колоды досок; у нее не было никаких украшений, не было даже изголовья или изножья. Помню, как Моравик, думая, что я не слышу, ворчливо жаловалась другим слугам, что эта каморка — не самые подходящие покои для внука короля, но мне она говорила, что ей удобнее жить рядом с другими слугами. Я же и в самом деле не чувствовал никаких неудобств, поскольку она следила за тем, чтобы у меня был чистый сенник и шерстяное одеяло, ничуть не хуже того, которое покрывало кровать моей матери в большой комнате, рядом с покоями деда. Сама Моравик спала на тюфяке у двери, прямо на полу. Иногда она делила свою постель с огромным волкодавом, беспокойно ерзавшим у нее в ногах, чесавшимся и ловившим блох, а иногда с Сердиком — конюхом из саксов, которого когда-то, очень давно, захватили в плен во время одного из набегов захватчиков с Саксонского берега на Уэльс; Сер-

дик решил обосноваться в Маридунуме, взяв в жены местную девушку. Год спустя жена его умерла в родах, и ее ребенок тоже, но сакс так и остался в усадьбе деда и был, по-видимому, вполне доволен своей жизнью и положеньем.

Однажды я спросил Моравик, которая вечно ворчала из-за вони и блох, почему она позволяет волкодаву спать в каморке. Не помню, что она мне ответила, но, хоть об этом не было сказано ни слова, я понял, что собаку пускают сюда для того, чтобы она лаем предупредила нас, если ночью кто-то попытается проникнуть в комнату. Сердик, разумеется, был не в счет: завидев его, пес не только не поднимал шума, а даже радостно стучал по полу хвостом и безропотно уступал ему место на тюфяке. До некоторой степени Сердик служил здесь ту же службу, что и пес, — помимо всего прочего. Моравик об этом никогда не заговаривала, поэтому я тоже молчал. Считается, что ребенок всегда спит крепким сном, но еще тогда, будучи совсем мал, я нередко просыпался среди ночи и лежал совершенно неподвижно, глядя за окно на звезды, поблескивающие в переплетенье ветвей груши, словно яркие серебристые рыбки, запутавшиеся в темной сети. То, что происходило между Моравик и Сердиком, не значило для меня ровным счетом ничего, разве что я сознавал, что конюх помогал охранять меня ночью так же, как кормилица стерегла меня днем.

Моя одежда хранилась в деревянном сундуке, стоявшем у стены. Сундук был очень старый, с филенками, расписанными сценами из жизни богов и богинь; думаю, его когда-то привезли из самого Рима. Сейчас рисунки затерлись, а краска была вся в трещинах и в патине и местами осыпалась, но на крышке еще можно было разглядеть смутные, словно тени, линии, складывавшиеся в сцену, что разыгрывалась будто в пещере: здесь были бык, мужчина с ножом и еще кто-то, державший в руке сноп колосьев, а в верхнем углу, почти совсем затертая, виднелась фигура, опиравшаяся на посох; вокруг ее головы простирались во все стороны лучи наподобие солнца. Изнутри сундук был обит кедром, и Моравик, сама стиравшая мне одежду, убирала ее в сундук, перекладывая сладко-пряными травами из сада.

В спешке отбросив крышку так резко, что та ударилась о стену, кормилица достала лучшую их двух моих приличных туник — зеленую с красной каймой, крикнула, чтобы ей принесли воды. Одна из служанок тут же прибежала

с кувшином да еще получила нагоняй за то, что расплескала воду на пол.

Задыхаясь, снова явился тучный слуга, чтобы поторопить нас — за его усердие на него же и накричали, — но через мгновение меня уже волокли вдоль колоннады, а затем провели под большой аркой в главную часть дома.

Зал, в котором король принимал гостей, представлял собой длинную высокую комнату с полом, выложенным белыми и черными каменными плитами; в центре его помещалось мозаичное изображение бога, у ног которого присел леопард. Мозаику испещрили царапины и шрамы — слишком часто по ней волоком тащили тяжелую мебель, сделало свое дело и то, что по ней постоянно и безжалостно стучали тяжелые сандалии. Одна стена зала открывалась в колоннаду; в ближнем ко входу ее конце зимой прямо на плитах пола разводили костер, обложив кострище крупными булыжниками. Пол и стены вокруг этого варварского кострища почернели от копоти. В дальнем конце зала несколько ступеней вели к возвышению, на котором стоял большой трон моего деда, а рядом кресло поменьше — для его королевы.

Дед сидел на троне, по правую руку от него стоял Камлах, а слева сидела королева Олвена. Она была его третьей женой: годами моложе моей матери, темноволосая, молчаливая и довольно простодушная девушка с молочно-белой кожей и косами до колен, которая умела петь, словно птичка, и отлично вышивать, но более ничего. Мать, думаю, одновременно и любила, и презирала ее. В любом случае вопреки всем ожиданиям они вполне сносно ладили между собой, и я слышал, как Моравик говорила, что жизнь матери стала намного легче после того, как год назад умерла вторая жена короля Гвиннета. Не прошло и месяца после ее смерти, как место на супружеском ложе короля заняла Олвена. Даже если бы Олвена, сталкиваясь со мной, осыпала меня тумаками и насмешками, как это делала Гвиннета, я все равно, наверное, полюбил бы ее за пение, но она всегда была добра ко мне, хотя ее рассеянную безмятежность, казалось, ничто не в силах было поколебать. А когда король отсутствовал, новая королева учила меня музыке и позволяла играть на своей арфе до тех пор, пока я не научился сравнительно точно выводить мелодию. Она говорила, что у меня есть слух, но мы оба знали, что сказал бы король, узнай он о ее потворстве, поэтому держали ее доброту и наши уроки в тайне даже от моей матери.

Теперь она не замечала меня. Никто не обратил на меня внимания, за исключением моего кузена Диниаса, стоявшего на ступенях подле кресла Олвены. Диниас был незаконнорожденным сыном моего деда от рабыни-наложницы. Это был крупный мальчик семи лет с волосами, такими же рыжими, как у его отца, и с таким же вспыльчивым нравом. Он был довольно силен и совершенно бесстрашен и пользовался благосклонностью короля с того дня, когда в возрасте пяти лет без разрешения оседлал одного из коней своего отца — горячего гнедого трехлетку, который пронес его через весь город и сбросил, ударившись грудью об ограду. Король собственноручно выпорол Диниаса, а потом наградил кинжалом с позолоченной рукоятью. С тех пор Диниас претендовал на титул принца — по крайней мере среди остальных детей во дворце — и относился к другому бастарду, то есть ко мне, с полным презрением. Сейчас он смотрел на меня ничего не выражавшими глазами, но его левая рука — та, которую не мог видеть король — сделала оскорбительный жест, а потом безмолвно и выразительно рубанула вниз.

Я задержался в дверях; кормилица одернула на мне тунику сзади и легонько подтолкнула меня в спину между лопаток:

— Иди. Выше голову. Он тебя не съест... — И, будто опровергая свои слова, тут же загремела амулетами и забормотала молитву.

Большой зал был полон. Многих из собравшихся я знал, но было также несколько чужаков, которые, очевидно, приехали сегодня. Их предводитель сидел по правую руку от короля в окружении своей свиты. Да, это был тот самый крупный черноволосый мужчина, которого я видел на мосту. Я узнал окладистую бороду, нос, похожий на клюв хищной птицы, и могучие плечи, закутанные в алый плащ. По другую руку от короля, но не на самом возвышении, а на ступенях, ведущих к нему, стояла моя мать с двумя своими дамами. Меня порадовало, что одета она по-королевски: длинное сливочно-белое одеяние ниспадало до самого пола прямыми ровными складками, словно было выточено из свежего молодого дерева. Волосы она не заплела, и теперь они темными струями окутывали ее плечи и спину. Поверх платья был наброшен голубой плащ с медной застежкой. В ее неподвижном лице не было ни кровинки.

Меня настолько одолевали собственные страхи: жест Диниаса, безучастное лицо и потупленные глаза мате-

ри, молчание собравшихся в зале людей и гулкая пустота побитой мозаики, по которой мне предстояло пройти, — что я даже не осмелился взглянуть на своего деда. Все еще никем не замеченный, я сделал шаг вперед. Внезапно король хлопнул обеими руками по подлокотникам трона, словно ударила копытами лошадь, вскочил на ноги и яростно оттолкнул тяжелое кресло, процарапавшее дубовые доски возвышения.

— Клянусь светом! — Его лицо побагровело, и рыжеватые брови буграми сошлись над яростными голубыми глазками. Он гневно взирал сверху вниз на мою мать и так шумно втянул носом воздух, собираясь заговорить, что это было слышно у самых дверей. Тогда бородач, вставший вместе с ним, произнес что-то с незнакомым мне выговором, одновременно Камлах тронул короля за локоть и что-то шепнул ему на ухо.

Король помолчал, а затем глухо произнес:

— Как хочешь. Потом. Выведи их отсюда. — Затем, обращаясь к моей матери, он отчеканил: — Это еще не конец, Ниниана. Обещаю тебе. Шесть лет. Клянусь богом, с меня довольно! Пойдем, милорд.

Он перебросил через руку полу плаща, кивнул своему сыну, спустившись с возвышения, взял бородатого мужчину под локоть, а затем направился вместе с ним к двери. Следом прошествовала кроткая овечка, королева Олвена со своими дамами, а за ними — улыбающийся Диниас. Моя мать не сдвинулась с места. Король прошел мимо, не удостоив ее ни словом, ни взглядом. Толпа придворных разошлась в стороны, освобождая ему путь, как расступается стерня под напором плуга.

Я остался один в трех шагах от двери, выпучив глаза и не в силах сойти с места. Когда король надвинулся на меня, я очнулся и уже было повернулся, чтобы убежать в переднюю комнату, но сделал это недостаточно быстро.

Он внезапно остановился, отпустил руку Горлана и круто повернулся ко мне. Взметнулся синий плащ, хлестнув меня краем по глазу, отчего тот наполнился слезами. Моргая, чтобы не дать воли слезам, я поглядел на деда. Горлан стоял рядом. Он был моложе моего дяди Диведа. Он тоже гневался, но скрывал свои чувства, к тому же гнев его был обращен не на меня. Горлан, казалось, удивился такой задержке и спросил:

— Кто это?

— Ее сын, которому твоя милость собирался дать имя, — едко промолвил дед.

Сверкнуло золото на узорчатом обручье; огромный кулак короля взвился, а потом опустился снова, сбив меня с ног, — словно мальчишка прихлопнул муху. Мимо меня прошуршал синий плащ, потом прошагали сандалии короля, а за ними без малейшего промедления проследовали сандалии Горлана. Над моей головой прозвенел прелестный голосок склонившейся ко мне Олвены, но король гневно окликнул ее, и она, отдернув руку, поспешила за ним вместе с остальными.

Я поднялся с пола, оглядываясь в поисках Моравик, но ее нигде не было видно. Она прошла прямиком к моей матери и не видела происшедшего. Я стал протискиваться к ним сквозь толпу челяди и придворных, но прежде, чем я добрался до матери, ее безмолвные женщины окружили ее тесным кольцом, провожая из зала, — вышли они в другую, дальнюю дверь. Никто из них даже не оглянулся.

Кто-то заговорил со мной, но я не ответил. Я выбежал под колоннаду, пересек главный двор и оказался в залитом тихим солнечным светом саду.

Мой дядя Камлах нашел меня на террасе Моравик.

Лежа ничком на горячих каменных плитах, я наблюдал за ящерицей. Изо всех событий того дня это я помню ярче всего: ящерица, прижавшаяся к горячему камню в двух шагах от моего лица. Тело ее, словно отлитое из зеленоватой бронзы, неподвижно, если не считать мелко бьющегося горла. У нее были крохотные аспидные глазки и пасть цвета спелого арбуза. Длинный острый язык выскальзывал из пасти, подобно крохотному хлысту. Мелко прошуршав коготками по камню, ящерка пробежала по моему пальцу и юркнула в щель между плитами.

Я повернул голову. Ко мне через сад шел дядя Камлах.

Он поднялся по трем низким ступенькам на террасу, ступая почти неслышно в изящно зашнурованных сандалиях, и остановился, глядя на меня сверху вниз. Я не поднимал глаз. Во мху между камнями росли крохотные белые цветы, размером не больше глаз ящерицы, но каждый цветок был так же совершенен, как самая изысканная резная чаша. До сих пор я помню узор на них так хорошо, словно вырезал его собственными руками.

— Подними голову, — произнес дядя.

Я не шелохнулся. Он подошел к каменной скамье и сел лицом ко мне, расставив колени и свесив между них сцепленные руки.

— Посмотри на меня, Мерлин.

Я повиновался. Довольно долго он молча изучал меня.

— Мне все время твердили, что ты не любишь играть в шумные игры, что ты убегаешь от Диниаса, что из тебя никогда не получится воин или даже мужчина. И все-таки, когда король сбил тебя с ног тумаком, от которого любая его гончая убежала бы, поскуливая, в конуру, ты не издал ни звука и не пролил ни слезинки.

Я ничего не ответил.

— Думаю, ты совсем не такой, каким тебя считают, Мерлин.

Я по-прежнему хранил молчанье.

— Ты знаешь, зачем приехал Горлан?

Я решил, что лучше будет солгать.

— Нет.

— Он приехал просить руки твоей матери. Если бы она согласилась, ты отправился бы с ним в Малую Британию.

Я тронул один из цветков указательным пальцем. Цветок опал, как дождевик, осыпался и исчез. Я тронул еще один на пробу.

— Ты меня слушаешь? — резче обычного произнес Камлах.

— Да. Но если она ему отказала, это едва ли имеет значение. — Я поднял глаза. — Не так ли?

— Ты имеешь в виду, что не хочешь уезжать? Я подумал было... — Он нахмурил светлые брови, совсем как мой дед. — К тебе относились бы с почтением, и ты стал бы принцем.

— Я и так принц. И больше принцем, чем сейчас, никогда не стану.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если она отказала ему, — произнес я, — он не может быть моим отцом. Я думал, что он — мой отец. Я полагал, он поэтому приехал.

— Что тебя заставило так думать?

— Не знаю. Мне казалось... — Я замолк. Я не в силах был объяснить Камлаху, что имя Горлана явилось мне вспышкой ослепительного света. — Я просто решил, что он — мой отец.

— Только потому, что ты все это время ждал его. — Голос дяди был спокоен и ровен. — Такое ожидание неразумно, Мерлин. Тебе пора взглянуть правде в глаза. Твой отец мертв.

Я опустил руку на холмик мха, сминая его о камень. Глядел, как белеют от напряжения мои пальцы.

— Она тебе это сказала?

— Нет. — Он пожал плечами. — Но если бы он был жив, то давно бы уже объявился. Ты сам должен это понимать.

Я молчал.

— А если он жив, — продолжал дядя, пристально глядя на меня, — и все-таки не приехал, значит, и горевать об этом не стоит, так?

— Да, если не считать того, что, как бы низок он ни был родом или нравом, это могло бы избавить мою мать от многого. И меня тоже. — Я убрал руку, и мох распрямился опять, но цветы исчезли.

Дядя кивнул:

— Возможно, для нее было бы разумнее принять предложение Горлана или какого-либо другого принца.

— Что с нами будет? — спросил я.

— Твоя мать хочет удалиться в обитель Святого Петра. А ты... ты смекалист и умен, и мне говорили, что ты умеешь немного читать. Ты мог бы стать священником.

— Нет!

Его брови вновь сошлись у переносицы.

— Это хорошая жизнь. Воина из тебя не выйдет, это уж точно. Почему же тебе не избрать судьбу, которая соответствует твоему характеру, и место, где ты будешь жить в безопасности?

— Не нужно быть воином, чтобы желать свободы! А если меня запрут в монастыре, пусть даже в обители Святого Петра, я совсем ничего не достигну... — Меня словно прорвало. Я говорил с жаром, но вдруг заметил, что мне не хватает слов. Я не мог объяснить того, чего толком не понимал сам. Я с надеждой посмотрел на дядю. — Я останусь с тобой. Если ты не найдешь мне применения... я убегу и поступлю на службу к другому принцу. Но мне хотелось бы остаться с тобой.

— Ну, о таких вещах рано пока говорить. Ты слишком юн. — Он поднялся на ноги. — Лицо болит?

— Нет.

— Тебе следует позаботиться о ране. А теперь пойдем со мной.

Он протянул мне руку; взяв ее, я пошел с ним. Камлах повел меня через фруктовый сад, прямо к арке, ведущей в личный сад моего деда.

Я замедлил шаг, не желая идти дальше.

— Мне туда нельзя.

— Ты уверен? Даже со мной? Твой дед занят приезжим королем и тебя не увидит. Пойдем. У меня есть для тебя кое-что получше падалицы с яблони. С утра здесь собирали абрикосы, и, проходя через сад, я отобрал из корзины лучшие.

С грациозностью большой кошки он шагнул под арку. И я последовал за ним мимо бергамота и лаванды туда, где, распятые у залитой солнцем стены, росли абрикосовые и персиковые деревья. От запахов фруктов и пряных трав клонило в сон, из голубятни доносилось томное воркованье. У моих ног лежал спелый бархатистый абрикос. Я ковырнул его носком сандалии, так что он покатился, открыв большое пятно гнили, вокруг которого копошились осы. Тень накрыла плод. Надо мной стоял дядя, в каждой руке он держал по абрикосу.

— Я же сказал тебе, что у меня есть кое-что получше, чем падалица. Вот. — Он подал один плод мне. — И если тебя станут бить за кражу, то им придется наказать и меня. — Он улыбнулся и откусил от своего абрикоса.

Я так и остался стоять с большим чудесным абрикосом в сложенной лодочкой ладони. Воздух в саду был знойный и неподвижный, и тишину нарушало лишь жужжанье насекомых. Плод отливал золотом и пах солнцем и сладким соком. Его кожица на ощупь походила на пушистое брюшко пчелы. Мой рот вдруг наполнился слюной.

— В чем дело? — спросил дядя. Голос его прозвучал встревоженно и раздраженно. Сок абрикоса стекал по его подбородку. — Парень, нечего стоять и разглядывать его! Давай ешь! С ним же все в порядке, верно?

Я поднял голову. Сверху на меня смотрели голубые, хищные, как у лисы, глаза. Я протянул ему абрикос:

— Мне он не нужен. Он черный внутри. Посмотри, все же насквозь видно.

Он резко втянул в себя воздух, словно собираясь что-то сказать, но тут за стеной послышались голоса: по-видимому, садовники несли пустые корзины к утреннему сбору фруктов. Наклонившись, Камлах выхватил из моей руки абрикос и швырнул им о стену. Золотистая мякоть, влажно чмокнув, расплескалась по кирпичу, вниз потек сок. Между нами тревожно прожужжала согнанная с дерева оса. Камлах отмахнулся от нее странным, резким движеньем, потом глянул на меня, и слова его внезапно засочились ядом:

— Держись от меня теперь подальше, дьяволово отродье. Слышишь? Держись от меня подальше.

Он утерся тыльной стороной ладони и широким шагом направился к дому.

Я остался стоять на месте, глядя, как по горячей стене стекает абрикосовый сок. На сок опустилась оса, поползла по липкой дорожке и внезапно, жужжа, упала спинкой на землю. Полосатое тельце выгнулось, жужжание переросло в визг, когда оса отчаянно попыталась взлететь, и вот она затихла.

Этого я почти не видел, потому что к горлу у меня подступил комок, грозящий вот-вот задушить меня, а затем золотистый вечер словно поплыл предо мной, потерял очертанья и растворился в слезах. Это были первые на моей памяти слезы.

Мимо розовых кустов садовники шли с корзинами на головах. Повернувшись на пятках, я выбежал из сада.

3

•

В моей комнате не было никого — даже волкодава. Взобравшись на свою кровать и опершись локтями на подоконник, я стал смотреть в окно. Так я стоял долго, никто не шел; я был совсем один, а за окном дрозд свиристел в ветвях груши, и со внутреннего двора, из-за закрытой двери кузницы доносились глухие и мерные удары молота, и скрипел ворот, приводимый в движенье мулом, устало ходившим вокруг колодца.

Моя память слабеет. Теперь я уже не мог бы сказать, сколько времени прошло, прежде чем гул голосов и звон посуды дали мне знать, что на кухне начались приготовленья к вечерней трапезе. Не могу я припомнить и того, насколько сильно пострадал тогда от королевской десницы, но когда конюх Сердик распахнул дверь, а я оглянулся на звук, он остановился как вкопанный и сказал:

— Помилуй нас, Господи. Что ты делал? Играл в загоне для быков?

— Я упал.

— Ах, ты упал! Удивительно, почему пол всегда оказывается для тебя вдвое тверже, чем для других детей? Кто это тебя так разукрасил? Наш молочный кабанчик Диниас?

Когда я промолчал, он подошел ближе. Сердик был небольшого роста, с кривыми ногами, коричневым,

словно дубленым лицом и копной светлых волос. Стоя, как сейчас, на кровати, я мог смотреть ему прямо в глаза.

— Вот что я тебе скажу, — начал он. — Когда ты немного подрастешь, я научу тебя кое-чему. Не обязательно быть высоким, чтобы взять верх в драке. Поверь мне, достаточно знать пару-тройку хитрых трюков. А их следует знать — особенно если ты ростом с воробья. Послушай, я могу справиться с молодцом, который вдвое тяжелее меня, и с женщиной тоже, если дело дойдет до борьбы. — Он засмеялся, отвернулся, чтобы сплюнуть, но вспомнил, где находится, и ограничился тем, что откашлялся. — Не думаю, что такому высокому парню, как ты, когда станешь взрослым, понадобятся в драке мои уловки, да и в обращении с девушками тоже. Сдается, у тебя останется шрам. — Он кивнул на пустой тюфяк Моравик: — Где она?

— Ушла с моей матерью.

— Тогда тебе лучше будет пойти со мной. Я позабочусь о твоей ране.

Вот так и вышло, что на рассеченную скулу мне наложили лошадиную мазь и я разделил ужин с Сердиком в конюшне, сидя на соломе, в которую то и дело любопытно тыкалась мордой гнедая кобыла, а мой собственный раскормленный пони, натянув веревку, провожал взглядом каждый кусок пищи, который мы отправляли в рот. Наверное, Сердик знал пару-тройку трюков и для обращения с поварами: ячменные лепешки были свежие, каждому из нас досталось по половинке куриной ноги и по ломтю соленой ветчины, а пиво было холодное, свежее и ароматное.

Когда Сердик принес еду, по его виду я понял, что он уже все знает. Должно быть, весь дворец только об это и говорил. Но он лишь молча подал мне ужин и опустился рядом со мной на солому.

— Тебе рассказали? — спросил я.

Он кивнул, пожевал, а затем, между двумя кусками мяса с хлебом, заметил:

— У него тяжелая рука.

— Он взъярился от того, что мать отказалась выйти замуж за Горлана. Он хочет отдать ее замуж из-за меня, но до сих пор она отказывалась даже говорить о свадьбе. А теперь умер мой дядя Дивед, и остался только Камлах, и из Малой Британии пригласили Горлана. Думаю, это дядя Камлах убедил деда пригласить его, поскольку он боится, что если она выйдет замуж за принца из Уэльса...

На этом месте Сердик меня оборвал с удивленным и в то же время испуганным видом:

— Замолчи сейчас же, малыш! Откуда ты все это знаешь? Готов поклясться, твои родственники не болтают при тебе о таких важных вещах! Если это Моравик не удержала язык за зубами...

— Нет. Это не Моравик. Но я знаю, что это правда.

— Именем Громовержца, откуда тебе известны такие подробности? Рабы насплетничали?

Я скормил последний кусок своей лепешки кобыле.

— Если ты клянешься языческими богами, Сердик, это тебе несдобровать, Моравик уж тебе задаст.

— Ах так. В такие неприятности нетрудно впутаться. Давай выкладывай, с кем ты говорил?

— Ни с кем. Я просто знаю. Я... я не могу объяснить как... А когда она отказала Горлану, мой дядя Камлах был так же зол, как и дед. Он боится, что мой отец приедет и женится на матери, а его выгонит. Конечно, он не признается в своих опасениях деду.

— Разумеется. — Сердик смотрел прямо перед собой, забыв даже жевать, из уголка его раскрытого рта стекала слюна. Он поспешно сглотнул. — Боги знают... Господь знает, где ты это слышал, но это похоже на правду. Ладно, продолжай.

Гнедая кобыла толкала меня в спину, обдавая мне шею сладким дыханием. Я отмахнулся от нее.

— Это всё. Горлан разгневан, но его задобрят подарками. А мою мать в конце концов отпустят в обитель Святого Петра. Вот увидишь.

Наступило долгое молчание. Сердик проглотил свое мясо и выбросил кость за дверь, где на нее набросились две жившие при конюшне дворняжки и тут же затеяли грызню.

— Мерлин...

— Да?

— Ты поступишь мудро, если никому больше не расскажешь об этом. Ни одной душе. Понимаешь?

Я промолчал.

— Есть вещи, которых ребенок не понимает. Высокие материи. Да, согласен, о них все судачат, но что касается принца Камлаха... — Сердик опустил руку на мое колено, сжал его и встряхнул. — Я тебе вот что скажу: он очень опасен. Оставь эти дела и держись от него подальше, держись в тени.

Я никому не расскажу, можешь на меня положиться.

Но ты... ты не должен болтать лишнего. Это может плохо кончиться даже для законнорожденного принца или для такого королевского любимца, как этот рыжий выродок Диниас, а для тебя тем более... — Он еще раз встряхнул мое колено. — Ты слушаешь меня, Мерлин? Ради спасения собственной шкуры молчи и не вставай у них на пути. И признайся мне, кто рассказал тебе об этом.

Я подумал о темной пещере в подполе и небе, сверкавшем над проломом.

— Никто мне не говорил. Клянусь.

Когда же Сердик нетерпеливо заворчал, явно встревоженный, я посмотрел прямо на него и рассказал столько правды, сколько осмелился.

— Признаюсь, я слышал об этом. Иногда люди говорят у тебя над головой, не подозревая, что ты их слышишь, или просто считая, что ты их не понимаешь. Но иногда, — здесь я выдержал паузу, — словно кто-то обращается ко мне и я будто что-то вижу... А иногда звезды говорят со мной... я слышу голоса и музыку в темноте. Это похоже на сон.

Он поднял руку, словно желая защититься. Я подумал, что он крестится, но затем увидел знак от дурного глаза. Тут он, по-видимому, устыдился своего страха и опустил руку.

— Так оно и есть, это сны, ты прав. Похоже, ты спал в каком-нибудь углу, а над тобой болтали, о чем не следовало, и ты услышал то, что не предназначалось для твоих ушей. Я совсем забыл, что ты всего лишь ребенок. Когда ты так смотришь... — Он умолк и пожал плечами. — Но пообещай никому не рассказывать об услышанном.

— Хорошо, Сердик. Я обещаю тебе. Если ты кое-что мне скажешь.

— Что же?

— Кто мой отец?

Он поперхнулся пивом, затем осторожно смахнул пену и, положив рог, выжидательно поглядел на меня.

— Почему ты вдруг решил, что мне это известно?

— Я полагал, что Моравик могла тебе сказать.

— А она знает? — удивился он так искренне, что я сразу ему поверил.

— Когда я ее спрашивал, она просто отвечала, что есть вещи, о которых лучше не говорить.

— Тут она совершенно права. Но мне все-таки кажется, что это обыкновенная отговорка и она знает не боль-

ше других. Но если ты спросишь меня, юный Мерлин, хотя ты, конечно, этого не спрашиваешь, то я тебе скажу вот что: держись-ка ты подальше и от этого. Если бы твоя вельможная мать хотела, чтобы ты знал, кто твой отец, она бы сама тебе это сказала. Нет сомнений, ты и так довольно скоро все узнаешь.

Я заметил, как он снова сложил знак от дурного глаза, хотя на этот раз спрятал руку. Я открыл было рот, собираясь спросить, верит ли он в сказки, но тут Сердик подобрал свой рог и поднялся на ноги.

— Ты пообещал мне держать язык за зубами, так?

— Помню, что обещал.

— Я наблюдал за тобой. Ты идешь свой дорогой, и временами мне кажется, что ты ближе к природе, чем к людям. Ты знаешь, что мать назвала тебя именем сокола?

Я кивнул.

— Ладно, вот тебе предмет для размышлений. Забудь пока лучше о соколах. Их много вокруг, по правде сказать, слишком много. Ты когда-нибудь наблюдал за вяхирями, а, Мерлин?

— За теми, что пьют из фонтана вместе с белыми голубями, а затем снова улетают в лес? Конечно, наблюдал. Я кормил их зимой вместе с голубями.

— У меня на родине говорят, что у вяхирей много врагов, потому что у них нежное мясо и вкусные яйца. Но вяхири живут и благоденствуют, так как вовремя успевают улететь прочь. Госпожа Нинианa может называть тебя маленьким соколом, но ты еще далеко не сокол, молодой Мерлин. Ты всего лишь вяхирь. Помни об этом. Живи тихо и убегай вовремя. Помни мои слова. — Он кивнул и протянул руку, чтобы помочь мне встать. — Рана все еще болит?

— Жжет.

— Значит, уже заживает. Ссадина пустячная, скоро пройдет.

В самом деле, рана зажила, даже следа от нее не осталось. Но я помню, что в ту ночь не мог заснуть от жгучей боли; Сердик и Моравик тихо лежали в своем углу, наверное, из страха, что это из их бормотанья я выудил сведенья для опасных речей о моей матери, Горлане и Камлахе.

Как только они уснули, я выбрался из постели, переступил через собаку и бегом направился к лазу в подпол.

Но из услышанного той ночью я ничего не запомнил, только голос Олвены, мелодичный, как у дрозда, который пел незнакомую мне песню о дикой гусочке и охотнике с золотой сетью.

4

После этих событий жизнь вновь вошла в привычную колею. Думаю, мой дед наконец смирился с отказом матери выйти замуж. Почти неделю отношения между ними были натянутыми, но присутствие Камлаха, который быстро занял прежнее свое место в семье и в усадьбе, словно никуда и не уезжал, сделало свое дело, и в предвкушении славного охотничьего сезона король позабыл свой гнев, и все вновь пошло своим чередом.

Для всех, кроме, наверное, меня. После случая в саду Камлах перестал привечать меня, а я в свою очередь перестал ходить за ним по пятам. Мне показалось, он не затаил ко мне вражды: раз или два защитил меня в мелких потасовках с другими детьми; он даже стал на мою сторону против Диниаса, который попал к нему в милость после меня.

Но я больше не нуждался в подобном заступничестве. Тот сентябрьский день, помимо поучений Сердика о вяхире, преподал мне и другие уроки. С Диниасом я справился сам. Однажды вечером, пробираясь по дороге к своей «пещере» под его спальней, я случайно услышал, как он и его прихлебатель Брис смаковали подробности вечерней вылазки: они выследили Алуна, товарища Камлаха, отправившегося на свиданье к одной из служанок, а потом из укрытия наблюдали за развитием событий — от самого начала до сладострастного финала. Когда на следующее утро Диниас подстерег меня, я не убежал, а, повторив пару фраз из ночного разговора, спросил, видел ли он уже Алуна. Диниас сперва изумленно воззрился на меня, покраснел, потом побледнел (потому что у Алуна рука была тяжелая и характер ей под стать) и бочком отошел прочь, украдкой сложив за спиной знак от дурного глаза. Если ему хочется считать это волшебством, а не обычным шантажом — пусть считает. После этого, даже появись в Маридунуме верховный король и объяви он во всеуслышанье, что я его сын, никто из мальчишек ему бы не поверил. Меня оставили в покое.

Что было весьма кстати, поскольку в ту зиму часть пола в банях обрушилась. Мой дед посчитал опасным весь подпольный лабиринт, а потому приказал насыпать в подпол отравы для крыс и заложить все входы.

Итак, словно звереныш, выкуренный из норы, я вынужден был учиться жить среди людей.

Спустя приблизительно полгода со дня приезда Горлана, когда на смену холодному февралю пришли набухающие почками мартовские дни, Камлах начал настаивать, сперва в разговорах с моей матерью, а затем и с дедом, чтобы меня научили читать и писать. Мать, думаю, была благодарна ему за такое проявленье интереса ко мне; мне и самому было приятно, и я приложил все усилья, чтобы выказать это, хотя после происшествия в саду не питал иллюзий относительно его побуждений. Но я не видел вреда в том, чтобы позволить Камлаху считать, будто мое отношение к участи священника начинает меняться. Повторяемые матерью слова о том, что она никогда не выйдет замуж, подкрепленные частым ее уединением в кругу приближенных дам и не менее частыми визитами в обитель Святого Петра, где она беседовала с настоятельницей и заезжими священниками, рассеяли наихудшие Камлаховы опасенья, что мать может выйти замуж за принца из Уэльса, а тот впоследствии станет претендовать от ее имени на Маридунум, или же что явится однажды мой неизвестный отец, чтобы предъявить свои права на нее и узаконить мое рождение, или хуже того, что он окажется человеком достаточно влиятельным и могущественным, чтобы силой отобрать королевство. Камлаху не было дела до того, что бы ни случилось, я все равно не представлял для него особой опасности — и теперь еще меньше, чем когда-либо: незадолго до Рождества он взял себе молодую и знатную жену, и уже к началу марта стало видно, что она в тягости. Даже все более очевидную беременность королевы Олвены Камлах мог не принимать в расчет, поскольку благосклонность к нему его отца, короля, не знала границ, и маловероятно, что когда-нибудь угроза его положению будет исходить от столь юного брата.

Будущее Камлаха было прочно: он славился как храбрый воин, знал, как заставить людей любить себя, и в равной мере умел проявлять безжалостность и здравый смысл. Безжалостность его проявлялась в том, что он пытался сделать со мной в саду, а здравый смысл — в безразличной доброте после того, как решенье моей матери избавило его от угрозы. Но, как нередко я замечал за людьми честолюбивыми или наделенными властью, они боятся даже намека на угрозу своему могуществу. Он не обретет покоя до тех пор, пока не

поприсутствует на моем рукоположенье и не выпроводит за пределы дворца.

Какими бы ни были побужденья Камлаха, приезду моего учителя я обрадовался. Этот грек был некогда переписчиком в Массилии, но допился до долговой ямы и в конечном итоге — до рабства. Теперь его приставили ко мне. В благодарность за перемену в своем положении и избавленье от непосильного труда он учил меня хорошо и без религиозного рвенья, сужавшего круг предметов, каким меня обучали священники матери.

Деметрий был человек приятный и обладавший талантом к языкам и бесплодным умом. Его единственным развлеченьем были игра и (в случае выигрыша) выпивка. Временами, когда он выигрывал достаточно, я находил его, склонившегося над книгами, погруженным в счастливый и беспробудный сон. Я никому не рассказывал об этом; наоборот, радовался возможности заняться собственными делами. Он был благодарен мне за молчанье и в свою очередь, когда я раз или два прогулял уроки, держал язык за зубами и не пытался выяснить, где я провел это время. Я легко нагонял упущенное и делал успехи более чем достаточные, чтобы удовлетворить мать и дядю Камлаха, так что мы с Деметрием уважали тайны друг друга и неплохо ладили между собой.

Однажды августовским днем, почти год спустя после приезда Горлана ко двору моего деда, я оставил Деметрия мирно спящим после утреннего похмелья, а сам отправился верхом к холмам за городом.

Прежде я уже несколько раз ездил этой дорогой. Быстрее всего было проехать мимо под стенами, а дальше — по военной дороге, ведущей через холмы к Каэрлеону, но это означало, что придется ехать через город, где меня, возможно, увидят и начнут задавать ненужные вопросы. Поэтому я избрал путь вдоль берега реки. Прямо с конного двора, через ворота, которыми почти не пользовались, можно было выехать на широкую ровную тропу, проложенную лошадьми, волочившими барки с зерном. Тропа тянулась вдоль реки на довольно большое расстояние, мимо монастыря Святого Петра, повторяя плавные изгибы Тиви до самой мельницы, — дальше барки не заходили. Я никогда прежде не заезжал за мельницу, но там шла тропинка, ведущая в сторону от нее, через военный тракт и далее по долине притока, который помогал вращать мельничные жернова.

Стоял жаркий, нагонявший дремоту день, напоенный запахом папоротников. Над рекой, сверкая в солнечных лучах, сновали стрекозы, а над густыми луговыми травами гудели, словно мухи над сладким творогом, тучи всевозможных мошек.

Копыта моего пони мерно цокали по спекшейся глине тропы. Навстречу нам попался большой серый в яблоках тяжеловоз, тянувший от мельницы пустую барку, — было время прилива, так что коняга шел почитай что налегке. Мальчишка, сидевший на его холке, весело окликнул меня, а рулевой на барке поднял в приветствии руку.

Возле мельницы не было ни души. Только что разгруженные мешки с зерном сложили на узком причале. Около них под палящим солнцем разлегся пес мельника; пес не потрудился даже приоткрыть глаза, когда я натянул поводья в тени построек. На длинном прямом отрезке военного тракта надо мной тоже никого не было. В старой римской кульверте в насыпи дороги журчал ручей, и я заметил, как в пене блеснула выпрыгнувшая из воды форель.

Пройдет еще несколько часов, прежде чем меня кинутся искать. Я направил пони вверх по насыпи к старому тракту, выиграв недолгую битву, когда пони заупрямился и хотел повернуть на тракте домой, а затем пустил его рысцой по тропинке, ведущей вдоль ручья к холму.

Вначале тропинка, извиваясь, взбиралась по крутому берегу ручья, но потом, вырвавшись из зарослей терновника и тонкого дубняка, которыми поросла лощина, по плавной дуге поднималась вверх по открытому северному склону.

Жители города выпасали на этом склоне овец и крупный скот, поэтому трава кругом была словно подстрижена. Я проехал мимо пастушка, отдыхавшего под кустом боярышника неподалеку от овец; это был местный дурачок, который уставился на меня невидящим взором, перебирая кучу камней, которыми он сгонял овец в стадо. Когда я проезжал мимо, он поднял гладкую зеленоватую гальку, и я подумал было, что он собирается швырнуть ею в меня, но пастушок запустил галькой в парочку откормленных ягнят, отбившихся от стада, после чего вновь погрузился в дремоту. Ближе к реке, там, где трава была выше, паслось стадо черных коров, но пастуха я нигде не заметил. А еще дальше, у подножия холма, возле крохотной хижины, я увидел маленькую девочку со стадом гусей.

Тропинка вновь пошла в гору, и мой пони замедлил шаг, осторожно огибая редкие деревца. Нас окружали заросли густого орешника, среди скатившихся сверху валунов, наполовину скрытых кустами шиповника, пробивались юные рябинки, и высокие папоротники-орляки задевали брюхо моего пони и мои сандалии. Под орляком в зарослях листовиков сновали кролики; пара назойливых соек, сидя на безопасной высоте, бранью спугнула лису, укрывшуюся под низким грабом. Почва на склоне была, думаю, слишком твердая, чтобы на ней остались отпечатки подков, но я не заметил ни примятого папоротника, ни сломанных веточек, которые сказали бы мне, что недавно здесь проехал всадник.

Солнце стояло высоко. Пролетевший легкий ветерок загремел твердыми зелеными плодами боярышника. Я пришпорил пони. Теперь среди дубов и остролистов стали попадаться сосны с красноватыми в солнечных лучах стволами. Склон становился все круче, и по мере того как тропинка карабкалась в гору, из-под слоя дерна все чаще выглядывали проплешины седых валунов, и земля между ними пестрела дырами кроличьих нор. Я не знал, куда ведет тропинка, не испытывал ничего, кроме радости свободы и одиночества. Ничто не подсказало мне, какой это был день или какая путеводная звезда направила меня к дальним холмам. В те дни будущее было скрыто от меня.

Мой пони замедлил шаг, и я очнулся. Тропа раздваивалась, но ничто не подсказало мне, какую дорогу предпочесть. Обе они терялись из виду, с разных сторон огибая чащу. Пони решительно повернул влево, поскольку эта тропинка спускалась вниз по склону холма, и я, верно, дал бы ему волю, но в это мгновение прямо передо мной тропу слева направо пересекла низко летящая птица и тут же скрылась за деревьями. Передо мной промелькнули заостренные крылья, рыжие и серовато-синие перья, хищный темный глаз и загнутый клюв сокола-мерлина. По этой причине (что было все-таки лучше, чем отсутствие всякого повода) я повернул пони вслед исчезнувшей птице и ударил его пятками в бока.

Тропа поднималась, оставляя по левую руку чащу, но подъем этот был пологий. Слева от меня сосны стояли так тесно, что под ними было совсем темно, к тому же поваленные деревья заплели гроздовник и омела — чтобы пробраться через такую чащу, пришлось бы прорубать себе путь топором. Я услышал хлопанье крыльев — невидимый

вяхирь выпорхнул из своего убежища и полетел в глубь леса. Вяхирь полетел влево. Я же на сей раз направился за соколом.

Со стороны речной долины и города меня теперь скрывал лес. Пони осторожно ступал вдоль края пологой долинки, на дне которой журчал неширокий ручей. На его противоположном берегу длинные, поросшие дерном откосы переходили в щебенчатую осыпь, которую венчали сине-серые, сверкавшие на солнце скалы. Склон, по которому я ехал, порос редкими зарослями боярышника, отбрасывавшими долгие косые тени, выше снова начиналась осыпь и увитый плющом утес, а еще выше в небе над ним с криками, звеневшими в прозрачном воздухе, кружили клушицы. Если бы не эти деловитые крики, то в долине царила бы полная тишина, ненарушаемая даже эхом.

Копыта пони глухо стучали по твердой земле. Было жарко, хотелось пить. Теперь тропинка бежала вдоль утеса футов двадцати в высоту, у подножия которого бросали тень на тропинку заросли боярышника. Где-то наверху, совсем близко, журчала вода.

Я остановил пони и соскользнул на землю. Затем завел его в тень, привязал там, а сам отправился искать источник.

Скала у тропы была сухой, на склоне я не заметил родничков, которые, стекая сверху, подпитывали бы ручей. Но звук журчащей воды был отчетливым, я не мог ошибиться. Сойдя с тропы, я стал карабкаться вверх по траве рядом со скалой и наконец оказался на небольшом пятачке дерна — на сухой лужайке с разбросанным по ней кроличьим пометом. За лужайкой круто вверх поднимался еще один скалистый утес.

В скале была пещера. Круглое отверстие входа казалось маленьким и очень правильным, словно это была высеченная людьми арка. По одну сторону, справа от меня, склон состоял из замшелых камней, когда-то давно сорвавшихся сверху и поросших теперь дубами и рябинами, чьи ветви затеняли вход в пещеру. По другую сторону, всего в нескольких шагах от арки, бил источник.

Я подошел к нему поближе. Небольшой родничок выдавал слабый блеск воды, сбегавшей из трещины в скале в округлое углубление, похожее на каменную чашу. Вокруг чаши было сухо — выходит, вода не переливалась через край. Скорее всего источник бил из скалы, вода собиралась в каменную чашу, а затем через другую трещину в камне просачивалась вниз, подпитывая ручей на дне горной долинки. В чис-

той воде были видны каждый камешек, каждая песчинка на дне чаши. Над самой чашей склонился папоротник-листовик, край водоема был укрыт мхом, а под ним пышно росла свежая трава.

Став на колени у каменной чаши, я уже было собрался приникнуть губами к воде, как вдруг увидел ковшик. Он стоял в крошечной нише среди папоротников.

Ковшик величиной с ладонь был сделан из коричневого рога. Подняв его, я обнаружил полускрытую папоротником резную фигурку деревянного божка. Я узнал его. Я видел его прежде — под дубом в Тир Мирддине. Здесь, на вершине холма под открытым небом, он был в своих владеньях.

Я наполнил ковш и выпил, пролив несколько капель на землю для бога.

А потом вошел в пещеру.

5

Пещера была просторнее, чем казалась снаружи. Всего пара шагов под сводом входа — а шаги у меня были тогда совсем маленькими, — и пещера расступилась, образуя просторный грот, потолок которого терялся в тени. Было темно, однако — хотя я сперва не заметил этого и не искал причины — где-то находился невидимый источник света, словно наполнявший все пространство слабым мерцанием. Когда глаза мои немного привыкли к темноте, я увидел, что пол ровный и что впереди нет никаких преград.

Я медленно двинулся вперед, напрягая зрение и чувствуя, как во мне нарастает волнение, которое всегда вызывали у меня пещеры. Кто-то переживает такие ощущения у воды, кто-то, насколько мне известно, — на возвышенностях, кто-то ради такого же головокружительного удовольствия раскладывает огонь; меня же всегда манили глубины леса или глубины земли. Теперь я понимаю почему; но тогда я был всего лишь шестилетним мальчишкой, который обнаружил нечто новое, нечто, что мог бы назвать своим в мире, где ему не принадлежало ничего.

В следующее мгновение я застыл как вкопанный; радостное возбуждение захлестнуло меня словно вода — что-то шевельнулось в сумраке справа от меня.

Я стоял неподвижно, напрасно напрягая зрение. Ничего.

Прислушиваясь, я затаил дыхание. Ни звука. Я раздул ноздри, осторожно втягивая воздух пещеры. Никакого запаха — ни человека, ни зверя. Мне показалось, что к естественным запахам дыма, сырых камней и земли примешивается еще какой-то незнакомый мне странный затхлый запах. Я знал, хотя и не мог словами передать свои ощущения, что, будь в пещере со мной кто-то еще, воздух в пещере был бы иным. Но пространство вокруг казалось совершенно пустым. Здесь не было никого.

Я решился позвать в темноту, но тихо произнес лишь одно слово, по-валлийски:

— Приветствую.

Шепот так быстро вернулся ко мне в виде эха, что я понял: совсем недалеко впереди — стена; затем эхо, зашелестев, потерялось под сводом пещеры.

Я уловил какое-то движение. Сперва я принял его за усиленный эхом шепот, но шорох все нарастал, напоминая шелест женского платья или занавеси, колеблемой сквозняком. Что-то пронеслось мимо моей щеки, пискнув бесстрастно и пронзительно, почти на пределе слышимости. Последовал второй писк, а потом чешуйка за чешуйкой посыпались с потока пронзительно кричащие тени, словно листья, подхваченные ветром, или рыбы, попавшие в водопад. Это были потревоженные мной летучие мыши, они поднялись из своих гнездовий под сводом пещеры и устремились в залитую дневным светом долину. Они вылетали из-под низкой арки входа наподобие струйки дыма.

Я стоял не шевелясь и раздумывал, не они ли были причиной того странного затхлого запаха. Мне казалось, что я улавливал их запах, когда они пролетали мимо, но это было совсем не то. Я не боялся, что они зацепят меня: в темноте или при свете, какой бы ни была их скорость, летучие мыши никогда ни с чем не сталкиваются. Думаю, они настолько приспособлены к полету, что ощущают, как воздушная струя расступается перед препятствием, и облетают его, подобно уносимым потоком воды лепесткам. Они пролетали мимо — верещащая волна летучих созданий между мной и стеной. Из детского любопытства, чтобы посмотреть, что сделает этот стремительный поток, проверить, как он отклонится, я сделал шаг к стене. Ничто меня не коснулось. Поток разделился и продолжал движение, обдавая обе мои щеки струями

подрагивающего воздуха. Будто меня и вовсе там не было. Но в то же мгновение, когда я сдвинулся с места, сдвинулось и существо, которое я заметил вначале. А затем моя рука натолкнулась не на стену, а на металл, и я понял, кем было это существо. Я встретился со своим отражением.

На стене висел лист металла, отполированный до тусклого блеска. Так вот он, источник рассеянного света в недрах пещеры. Гладкая поверхность прислоненного к стене зеркала улавливало свет от входа в пещеру и отбрасывало его в темноту. Я видел, как мое отражение зашевелилось в нем подобно привидению, когда отшатнулся от зеркала, и заставил себя опустить руку, метнувшуюся к кинжалу у пояса.

Поток летучих мышей у меня за спиной иссяк, и в пещере воцарилась тишина. Вновь обретя уверенность в себе, я остался стоять на месте, с интересом разглядывая себя в зеркале. У моей матери когда-то было такое, старинная безделушка из Египта, но со временем она посчитала эту вещицу суетной и спрятала навсегда. Конечно, я часто видел свое лицо, отраженное в воде, но до того момента никогда не видел отражения своего тела.

Передо мной стоял темноволосый мальчик, настороженный, с расширенными от любопытства, тревоги и возбуждения глазами. При слабом освещении мои глаза казались совершенно черными; волосы тоже были черные, чисто вымытые и густые, но подстриженные и причесанные куда хуже, чем грива моего пони. Тунику и сандалии постеснялся бы надеть даже раб. Я улыбнулся, и зеркало тут же отразило эту внезапную улыбку, которая совершенно изменила мой облик: на месте замкнутого молодого зверька, готового драться или убегать, проступило существо смышленое и живое, мягкое и доброжелательное. Даже тогда я знал, что его удавалось увидеть лишь немногим.

Но стоило мне наклониться, чтобы провести рукой по металлу, преображенное существо исчезло, уступив место маске настороженного зверька. Зеркало было холодным и гладким, недавно отполированным. Кто бы его ни повесил — а это, наверное, был тот же человек, который пользовался роговым ковшиком у источника, — он ушел совсем недавно или все еще жил здесь и в любой момент мог вернуться и меня обнаружить.

Я не особенно боялся. Я насторожился, увидев ковшик, но стоять за себя люди учатся с младых ногтей; к

тому же я вырос в сравнительно мирные времена, по крайней мере для нашей долины. Однако всегда следует помнить, что на дороге или в лесу ты можешь повстречать каких-нибудь дикарей, разбойников или бродяг, и любой мальчишка, отдававший предпочтение одиночеству, как я, должен был уметь постоять за свою шкуру. Я был жилистым, сильным для своего возраста и вдобавок имел кинжал. То, что мне было всего семь лет, как-то не приходило мне в голову; ведь я, Мерлин, законнорожденный или нет, все-таки оставался внуком короля. Я продолжил исследовать пещеру.

Следующей вещью, обнаруженной мною в шаге от зеркала, был большой ларец, на котором мои руки сразу нащупали трут и кресало, а также большую, грубо слепленную свечу, неприятно пахнувшую овечьим салом. Рядом с этими предметами — ощупывая ларец дюйм за дюймом — я, не веря себе, обнаружил череп барана с превосходно сохранившимися рогами. В крышку ларца были вбиты гвозди, с которых, по-видимому, свисали клочки кожи. Однако, тщательнее ощупав эти обрывки, я почувствовал под высохшей кожей какие-то хрупкие кости. Это были летучие мыши, распластанные и пригвожденные к дереву.

Действительно, найденная мною пещера оказалась полной сокровищ. Если бы я нашел золото или оружие, то они едва ли взволновали меня сильнее. Движимый любопытством, я потянулся к трутнице.

И тут я услышал, как он возвращается.

Сперва я подумал, что хозяин пещеры, наверное, увидел моего пони, но затем понял, что он идет с противоположной стороны — спускается с холма. Я слышал, как из-под его ног по осыпи скатывались камешки. Камешек с плеском упал в источник возле пещеры — было уже слишком поздно. Я услышал, как человек спрыгнул на траву возле водоема.

Вновь наступило время вяхиря. Сокол был забыт. Я метнулся в глубь пещеры. Когда он отклонил ветви, затенявшие вход, ворвавшегося на короткий миг света хватило, чтобы указать мне дорогу: наклонно уходившая вверх задняя стена пещеры, выступ скалы и, на высоте двух моих ростов, довольно широкий уступ. Вспышка солнечного света, отраженного зеркалом, выхватила темный угол над уступом, достаточно широкий, чтобы укрыть меня. Мягкие, разношенные сандалии позволяли двигаться почти беззвучно, и я, легко вскарабкавшись на уступ, забился в этот темный угол. Только

тут я обнаружил, что этот темный закуток был на самом деле расселиной в скале, ведущей, судя по всему, в другую, меньшую пещеру. Я скользнул в проход, как выдра скатывается с речного берега.

Похоже, он ничего не услышал. Ветви, опустившиеся за спиной человека, когда тот вступил в пещеру, вновь скрыли свет. Шаги, ровные и неторопливые, принадлежали мужчине.

Если бы я дал себе труд подумать надо всем этим, то, наверное, пришел бы к выводу, что в пещере никого не бывает по крайней мере до захода солнца, что владелец этого жилища уходит на охоту или по другим делам и возвращается лишь с наступлением темноты. Не было смысла жечь свечу, когда снаружи ослепительно сияло солнце. Возможно, сейчас он пришел сюда, чтобы занести домой добычу, и вскоре снова уйдет, дав мне шанс убраться восвояси. Я надеялся, что он не заметит моего пони, привязанного в зарослях боярышника.

Затем я услышал, как он, с уверенностью человека, знающего дорогу и с завязанными глазами, подошел к свече и трутнице.

Даже тогда я не почувствовал страха. Меня беспокоила лишь одна мысль, или, скорее, ощущение: это было ощущение тревоги и крайнего неудобства пещеры, в которую я заполз. Она оказалась крошечной, не больше крупного чана для окрашивания тканей, и почти такой же, как чан, формы. Пол, стены и потолок сливались вокруг меня в единый непрерывный овал. Будто я оказался внутри большой сферы; более того, сферы, усаженной гвоздями или с внутренней стороны сплошь ощетинившейся крохотными зазубренными камешками. Казалось, не было ни дюйма, свободного от острых кремниевых осколков, и, наверное, только благодаря своему маленькому весу я не порезался, пока ощупью искал место, где можно было бы прилечь. Я нашел пятачок более или менее ровной поверхности и свернулся на нем, подтянув колени к подбородку и напряженно вглядываясь в еле видное отверстие. Потихоньку я вытянул из ножен свой кинжал, так чтобы оружие оказалось у меня под рукой.

Послышалось шипение и быстрые удары кремня по железу, занялся трут и, неожиданно ярко в темноте, полыхнул свет. Затем возникло ровное, все нараставшее свечение — это человек зажег сальную свечу.

Точнее, я должен был увидеть медленно нараставший свет, но вместо него вспыхнула искорка, которая

тут же превратилась во всепоглощающий пожар, словно с ревом полыхнули просмоленные дрова, сложенные для костра на сторожевой башне. В мой грот вливался, вспыхивая, алый и золотой, багровый и белый, невыносимо яркий свет. Я отшатнулся от него, теперь уже до смерти напуганный, нечувствительный к боли и порезам, и съежился под колючей стеной. Пылала, заполнившись огнем и светом, вся сфера.

Я действительно находился в сфере, круглом помещении, пол, стены и свод которого покрывали кристаллы. Они были столь же хрупкими, как и стекло, и такими же гладкими, но я никогда не видел такого прозрачного стекла; никогда не видел и такого стекла, которое сверкало бы как алмаз. Именно за алмазы я сперва и принял их по детскому своему разумению. Я был внутри сферы, выложенной алмазами, миллионами горящих алмазов, каждая грань которых лучилась светом, отражая его от одного драгоценного камня к другому. В этом свете была и радуга, и реки, и россыпи звезд; переливы складывались в ползущего вверх по стене багряно-алого дракона, а ниже дракона проплывало девичье лицо с закрытыми глазами. Свет вливался в мое тело будто в распахнутое окно.

Я закрыл глаза. Когда я открыл их вновь, то увидел, что золотистый свет съежился и теперь сосредоточился на участке стены размером не больше моей головы, и это пятно, где уже не было никаких видений, отбрасывало сверкавшие изломанные лучи.

Из нижней пещеры не долетало ни звука. Пришедший не шевелился. Я не слышал даже шороха его одежды.

Потом свет сместился. Искрящийся диск медленно пополз по хрустальной стене. Меня била дрожь. Теснее прижавшись к острым камням, я старался не попасть в него. Отступать было некуда. Свет медленно двигался по кругу. Вот он коснулся моего плеча, моей головы, и я пригнулся, сжавшись от страха. Тень от моего движения метнулась по сфере, словно зыбь от ветра, пронесшегося над прудом.

Свет остановился, отступил и застыл, мерцая в кристаллах на прежнем месте. Затем он погас. Но, как ни странно, мерцание свечи осталось — обыкновенный ровный желтый свет за расселиной, ведущей в мое убежище.

— Выходи.

Голос произнес это слово негромко и ясно, совсем не так, как в гневе выкрикивал приказы мой дед, но в нем слышалась таинственная уверенность человека, привыкшего

повелевать. Мне и в голову не пришло ослушаться этого голоса. Я пополз по острым кристаллам к выходу из грота. Затем медленно выбрался на уступ, выпрямился, прижавшись спиной к стене большой пещеры, сжимая в правой руке кинжал, и лишь тогда посмотрел вниз.

6

Огромная (или мне так тогда показалось) фигура в длинном одеянии из коричневого домотканого полотна стояла между мной и свечой. Мне видна была седая борода; в свете свечи волосы, тоже седые, казались нимбом вокруг головы. Лицо незнакомца скрывалось в тени, и выражения его было не разобрать. Правую руку он прятал в складках одежды.

Я замер в настороженном ожидании.

— Спрячь свой кинжал и спускайся вниз, — все тем же спокойным и загадочно властным тоном произнес незнакомец.

— После того, как увижу твою правую руку, — возразил я.

Выпростав руку из коричневых складок, незнакомец поднял ее ладонью вверх. В руке у него ничего не было.

— Я безоружен, — серьезно сказал он.

— Тогда посторонись, — сказал я и прыгнул. Пещера была просторная, и стоял он под самой стеной. Приземлившись почти на середине пещеры, я, не успел он и шагу ступить, одним духом проскочил мимо него и оказался перед самым выходом. Но, по правде говоря, он даже не шевельнулся. Отводя в сторону нависшие пологом у входа ветви, я услышал у себя за спиной смех.

Этот звук пригвоздил меня к месту, заставил обернуться.

Теперь, когда я стоял спиной к входу, проникавший свет заливал пещеру, и я смог ясно разглядеть незнакомца. Передо мной стоял старик; основательно поредевшие на макушке волосы свисали на уши безвольными прядями, жесткая седая борода была неровно подстрижена. В мозолистые руки въелась застарелая грязь, но сами эти руки когда-то были тонкими и сильными, с длинными изящными пальцами. Теперь же раздувшиеся подобно червям старческие вены обезобразили их узлами и буграми. Но меня поразило лицо старика: тонкое, с запавшими щеками, оно походило на череп;

под высоким челом хмурились кустистые брови, сходившиеся у переносицы над глазами, в которых я не увидел следа прожитых лет. Эти большие, близко посаженные глаза были поразительно ясными и головокружительно серыми. Нос походил на тонкий клюв, а растянувшийся в смехе почти безгубый старческий рот открывал на удивление здоровые зубы.

— Вернись. Тебе нечего бояться.

— Я и не боюсь. — Отпустив ветви, я с показной храбростью вернулся в пещеру и остановился в нескольких шагах от старика. — Чего мне тебя бояться? Ты знаешь, кто я?

С мгновение он молча разглядывал меня, словно размышляя.

— Давай посмотрим. Темные волосы, темные глаза, стан танцовщика и повадки молодого волка... или мне следовало бы сказать «молодого сокола»?

Я опустил руку с кинжалом.

— Так значит, ты меня знаешь?

— Скажем так: я знал, что однажды ты придешь, а сегодня я сразу понял, что в пещере кто-то есть. Что, по-твоему, заставило меня вернуться так рано?

— Откуда ты узнал, что кто-то пришел? Ах да, конечно. Ты видел летучих мышей.

— Возможно.

— Они всегда так поднимаются?

— Только если пришел чужой. Твой кинжал, господин.

Я заткнул кинжал за пояс.

— Никто не называет меня «господин». Я бастард, иными словами, незаконнорожденный. А это значит, что я принадлежу только себе и никому больше. Меня зовут Мерлин, но это тебе, наверное, известно.

— А мое имя — Галапас. Ты голоден?

— Да, — сказал я с некоторым сомнением, вспомнив о черепе и мертвых летучих мышах.

К немалому моему замешательству, он понял. Серые глаза подмигнули.

— Как насчет фруктов и медовой коврижки? И сладкой воды из источника? Что может быть вкуснее, пусть даже и в доме короля?

— В такой час в доме короля не получишь ничего подобного, — честно признался я. — Благодарю тебя, мой господин. Я буду рад отобедать с тобой.

Он улыбнулся:

— Никто не называет меня «господин». Я, как и ты, не принадлежу никому. Иди посиди на солнышке, а я вынесу еду.

Фрукты оказались яблоками, которые с виду и на вкус были точно такими же, как в саду моего деда. Я даже пару раз украдкой взглянул на моего хозяина, чтобы рассмотреть его при свете дня, размышляя, не видел ли я его когда-нибудь на берегу реки или в городе.

— У тебя есть жена? — спросил я. — Кто печет коврижки? Они очень хороши.

— Нет, жены нет. Я же сказал тебе, что никому не принадлежу, в том числе и женщине. Ты еще увидишь, Мерлин, как на протяжении всей твоей жизни мужчины, а заодно и женщины будут стараться окружить тебя «оградой», но ты будешь проскальзывать меж прутьев или гнуть или плавить их по своему желанию, пока однажды, по собственной воле, ты сам не возведешь стены, чтобы уснуть в их тени... А коврижки мне дает жена пастуха: она печет их столько, что хватит и на троих, и достаточно добра, чтобы поделиться со мной из милосердия.

— Выходит, ты отшельник? Святой человек?

— Разве я похож на святого?

— Нет.

Это было правдой. В то время, насколько помню, я боялся только святых отшельников, которые иногда забредали в город, проповедуя и прося милостыню. Эти появлявшиеся всегда поодиночке странные люди с безумным блеском в глазах вели себя надменно и шумно, а смрад от них шел, как от груды потрохов, сваленных у бойни. Порой было трудно определить, какому богу они служат. Кое-кто из них, если верить передававшимся шепотом сплетням, были друидами, которых указы различных королей поставили вне закона, хотя в селеньях Уэльса они без особых помех отправляли свои ритуалы. Другие, таких было немало, поклонялись старым богам — местным божествам, — и поскольку популярность богов менялась в соответствии со временем года, служители их в соответствии с календарем переходили на службу тому богу, который обещал наибольшие пожертвования. Так иногда поступали даже христианские проповедники. Впрочем, настоящих проповедников обычно легко было распознать, потому что они были самым грязными. Римские боги и их жрецы прочно окопались в своих ветшающих храмах, но и они безбедно существовали на пожертвования. Святая церковь проявляла сильное недовольство ситуацией, но поделать ничего не могла.

— Там, возле источника, я видел бога, — рискнул заговорить я.

— Да, это Мирддин. Он одолжил мне свой источник, и свой полый холм, и свое тканное светом небо, а взамен я возношу ему хвалы. Неразумно пренебрегать местными богами, кем бы они ни были. В конечном счете они все едины.

— Если ты не отшельник, кто же ты?

— В данный момент наставник.

— У меня есть домашний учитель. Он родом из Массилии, но на самом деле он бывал даже в Риме. Кого ты учишь?

— До настоящего времени никого. Я стар и устал и поселился здесь ради одиночества и моих изысканий.

— Зачем у тебя в пещере мертвые летучие мыши, те, что лежат на ларце?

— Я их изучаю.

Я удивленно уставился на него:

— Изучаешь летучих мышей? Как можно их изучать?

— Я изучаю их строение, то, как они летают, спариваются, питаются. Их способ жизни. Не только летучих мышей, но и прочих зверей, рыб, растений, птиц — все, что я вижу.

— Но это не изучение! — Я воззрился на него с удивлением. — Деметриус — это мой учитель — твердит мне, что наблюдать за ящерицами и птицами значит попусту тратить время, все равно что спать. Хотя Сердик — он мой друг — советовал мне изучать повадки вяхирей.

— Зачем?

— Потому что они быстрые и тихие и держатся в стороне от всех. Потому что они откладывают всего по два яйца, но, хотя все охотятся на них — люди, звери, ястребы, — вяхирей все же гораздо больше, чем других птиц.

— К тому же их не сажают в клетки. — Старик отпил воды, внимательно глядя на меня. — Итак, у тебя есть учитель. Выходит, ты умеешь читать.

— Конечно.

— И по-гречески?

— Немного.

— Тогда пойдем со мной.

Галапас встал и направился в пещеру. Я пошел следом. Старик вновь зажег свечу — выходя из пещеры, он погасил ее, чтобы не жечь напрасно свечное сало — и при свете поднял крышку ларца. Под ней оказались свернутые в плотные свитки книги, гораздо больше, чем в моем представле-

нии существовало на всем свете. Я смотрел, как старик выбирает свиток, потом опускает крышку.

— Вот, смотри. — Он осторожно развернул книгу.

Я восхищенно глядел на тонкий, как паутина, но отчетливый рисунок скелета летучей мыши. Рядом с рисунком аккуратными, но едва разборчивыми греческими буквами шли фразы, которые я тут же, забыв даже о присутствии Галапаса, начал разбирать по слогам.

Через минуту или две его рука легла мне на плечо.

— Возьмем ее наружу. — Он вытащил гвозди, удерживавшие на крышке одно из высушенных кожистых телец, и осторожно положил летучую мышь себе на ладонь. — Задуй свечу. Рассмотрим ее вместе.

Вот так, без дальнейших вопросов и церемоний, начался мой первый урок у Галапаса.

Лишь когда солнце почти коснулось крон деревьев на краю долины и вверх по склону холма поползли длинные тени, я вспомнил, что меня ожидает иная жизнь и что я забрался слишком далеко. Я вскочил на ноги:

— Мне нужно идти! Деметриус ничего не скажет, но если я опоздаю к ужину, то меня станут расспрашивать, почему я задержался.

— А ты не собираешься им рассказывать?

— Нет, не то мне запретят приходить сюда.

Он улыбнулся, но промолчал. Сомневаюсь, что тогда я заметил ту невысказанную предопределенность, что лежала в основе нашей беседы: он даже не поинтересовался ни тем, как я попал к нему, ни тем, что привело меня сюда. Будучи всего лишь ребенком, я тоже принимал это как должное, но из вежливости все же спросил:

— Я ведь могу прийти снова?

— Разумеется.

— Я... трудно сказать, когда это будет. Не знаю, когда мне удастся вырваться... То есть когда я буду свободен.

— Не беспокойся. Я узнаю, когда ты соберешься ко мне, и буду ждать тебя.

— Как ты узнаешь?

Длинные ловкие пальцы аккуратно сворачивали книгу.

— Так же, как и сегодня.

— Ах да! Я совсем забыл! Ты имеешь в виду, что я войду в пещеру и выгоню наружу летучих мышей?

— Можно сказать и так.

Я радостно засмеялся:

— В жизни не встречал такого человека, как ты! Подавать дымовые сигналы летучими мышами! Мне никто не поверит, расскажи я об этом, даже Сердик.

— Ты не расскажешь об этом даже Сердику.

Я кивнул:

— Ты прав. Вообще никому. А теперь я должен идти. До свидания, Галапас.

— До свидания.

Так и повелось с тех пор. Текли дни, месяцы... Как только представлялась возможность, один, а иногда даже два раза в неделю я скакал через долину к пещере. Галапас явно знал, когда я должен появиться, потому что к моему приезду он почти всегда ждал меня с разложенными книгами; но если его нигде не было видно, я поступал, как мы договорились, — выгонял из пещеры летучих мышей, как бы посылая ему дымовой сигнал. За недели летучие мыши привыкли ко мне, и требовалось два-три точных броска камнем в потолок, чтобы выгнать их из пещеры. Впрочем, со временем необходимость в таких сигналах отпала: во дворце привыкли к моим отлучкам и перестали донимать меня вопросами, так что я мог заранее договариваться с Галапасом о дне следующего приезда.

Моравик все больше предоставляла меня самому себе: в конце мая родила королева Олвена, а с появлением в сентябре сына Камлаха Моравик прочно утвердилась в дворцовой детской как ее полноправная правительница и забросила меня так же внезапно, как птица оставляет свое гнездо. Я все реже видел мою мать, которая, казалось, вполне довольствовалась обществом своих дам, и потому я остался практически полностью на попечении Деметриуса и Сердика. У Деметриуса были свои причины радоваться выпадавшему ему свободному дню, а Сердик был моим другом. Он, не задавая вопросов, расседлывал моего забрызганного грязью и взмыленного пони, иногда лишь позволяя себе подмигнуть и отпустить непристойное замечание насчет того, где это меня носило, что означало шутку и воспринималось как таковая. Теперь моя комната принадлежала мне одному, если не считать волкодава, который по привычке проводил со мной ночи, но охранял он меня или нет, я не знал. Подозреваю, что нет; я был в относительной безопасности. В стране царил мир, и извечные слухи о

вторжении из Малой Британии вполне можно было сбросить со счетов; Камлах жил в согласии с отцом; я, как считали домашние, с готовностью стал на краткий путь, который приведет меня в тюрьму, определенную саном священника. А посему, после того как Деметрий объявлял, что закончил свой урок, я волен был отправляться, куда мне вздумается.

Никого больше в долине я никогда не видел. Пастух жил здесь, в жалкой хижине у опушки леса, только летом. Других жилищ в долине не было, а тропой, идущей позади пещеры Галапаса, ходили лишь олени и овцы. Она никуда не вела.

Отшельник был хорошим учителем, а я схватывал все на лету. Впрочем, я вряд ли считал времяпрепровождение с ним уроками. Геометрию и языки мы оставили Деметриусу, а религию я постигал с исповедником матери; поначалу учиться у Галапаса было все равно что слушать заезжего сказителя. В молодости он побывал на другом конце света, путешествовал по Эфиопии, Греции и Германии, объездил все земли вокруг Срединного моря; он видел удивительные вещи и приобрел удивительные умения. Старик давал не вполне приземленные знания: как собирать и высушивать для хранения травы, как использовать их в лечебных снадобьях, а еще как выделять из этих трав определенные хитрые лекарствия и даже яды. Галапас заставлял меня изучать строение птиц и животных — на мертвых птицах и овцах, которых мы находили на склонах горы, а однажды — на мертвом олене — я узнал, как устроены внутренние органы и кости тела. Он научил меня останавливать кровотечение, складывать перелом, удалять дурную плоть и прочищать рану, чтобы она лучше заживала. Он научил меня даже — хотя и гораздо позже — на одурманенном куреньями животном, как сшивать сухожилия и мышцы нитью. Помню, что первым волшебством, которому он меня обучил, было заговаривать бородавки; это так просто, что под силу и любой женщине.

Однажды Галапас достал из ящика книгу и, развернув ее, спросил:

— Знаешь, что это такое?

Я уже привык к схемам и чертежам, но на этом рисунке ничего не мог разобрать. Надписи были по-латыни, я прочитал слова — «Эфиопия» и «Счастливые острова», а в самом углу справа — «Британия». Весь рисунок был испещрен извивающимися линиями и цепями холмов, словно поле, над которым потрудились кроты.

— Это горы?

— Да.

— Значит, это картина мира?

— Карта.

Я никогда прежде не видел карты. Поначалу я ничего не мог на ней понять, но со временем и с течением нашей беседы я увидел мир на листе бумаги таким, как видит его с высоты птица: дороги и реки — словно разбегающиеся от центра нити паутины или тайные нити, что приводят пчелу к цветку. Подобно тому как человек отыскивает известный ему ручей и следует вдоль него через болота и пустоши, так и с помощью карты можно проехать из Рима в Массилию или из Лондона в Каэрлеон, ни разу не спросив дороги и не разыскивая подорожных вех-камней. Искусство картографии было изобретено греком Анаксимандром, хотя некоторые полагают, что первыми придумали карты египтяне. Карта, которую показал мне Галапас, была срисована из книги Птоломея Александрийского. После того как он объяснил мне, что к чему, и мы вместе изучили карту, Галапас попросил меня достать дощечку и самому начертить карту — карту моей страны.

Когда я закончил, он заглянул мне через плечо:

— Что это у тебя в центре?

— Маридунум, — с удивлением ответил я. — Видишь, вот мост, здесь река, это — дорога через рынок, а ворота казарм вот тут.

— Я это вижу. Но я не просил тебя рисовать твой город, Мерлин. Я сказал: твою страну.

— Весь Уэльс? Откуда мне знать, что находится за горами на севере? Я никогда не заезжал так далеко.

— Я тебе покажу.

Он отложил дощечку и, взяв заостренную палочку, стал чертить в пыли, объясняя свой рисунок. Из-под его руки постепенно выходил большой треугольник, охватывавший не только Уэльс, но и всю Британию и даже дикие земли за Великой стеной, населенные варварами. Он показывал мне горы и реки, дороги и города, Лондон и Каллеву, селенья и городки, тесно сгрудившиеся на юге, вплоть до городов и крепостей у конца паутинок-дорог — Сегонтиума, Каэрлеона и Эбокарума, и города, расположившиеся вдоль самой Великой стены. Он говорил обо всем этом как о единой стране, хотя я мог бы назвать ему имена королей, правивших в дюжи-

не упомянутых им мест. Я запомнил все это лишь из-за того, что произошло потом.

Вскоре, когда настала зима и звезды рано проступали на небе, Галапас поведал мне об их названиях и о силе каждой из них и о том, как можно составлять звездные карты точно так же, как мы составляли карты городов и дорог. Двигаясь по небу, говорил Галапас, звезды творят музыку сфер. Сам он был несведущ в музыке, но, узнав, что Олвена научила меня играть, помог мне построить арфу. Оглядываясь назад, я думаю, что поделка у нас получилась грубая, к тому же небольшая — с остовом и передней колонкой из красного ивняка с берега реки Тиви и струнами из волоса, выдернутого из хвоста моего пони. По словам Галапаса, у арфы принца должны быть струны из золотой и серебряной проволоки. Но, пробив дырочки в медных монетах, я смастерил из них крепления для струн, а из полированной кости — ключ и колки, затем вырезал на деке сокола, моего побратима, и решил, что инструмент у меня получился лучше, чем у Олвены.

И правда, моя арфа была столь же певуча, сколь и ее, с тем же сладким шепчущим голосом, который словно ткал мелодии из воздуха. Хотя Диниас давно оставил меня в покое, считая себя воином, а меня — сопливым клириком, арфу я все же хранил в пещере. Я не стал бы держать во дворце хоть сколько-то для меня ценную вещь, если не мог запереть ее в своем сундуке, а арфа для этого была слишком велика. Дома музыкой мне служило щебетание птиц в ветвях груши, да и Олвена по-прежнему пела еще иногда. А когда молчали птицы и ночное небо лучилось морозным светом, я прислушивался к музыке звезд. Но так никогда ее и не слышал.

Но однажды, когда мне было уже двенадцать лет, Галапас сам заговорил о хрустальном гроте.

7

Всем известно, что при детях о самом важном зачастую просто не говорят. Наверное, ребенок инстинктивно распознает, что есть вещи слишком большие, слишком значительные для его лет, не обсуждая их, но храня их в памяти, он питает их своим воображением, пока они не разрас-

таются до размеров чрезмерных и гротескных, так что в результате могут стать питательной почвой для волшебства, равно как и для кошмаров.

Так случилось и с хрустальным гротом.

Я никогда не рассказывал Галапасу о том, что мне довелось там пережить. Даже самому себе я не решался признаться в том, что видел иногда в игре света и пламени. Это — сны, убеждал я себя, воспоминания, добытые из самых глубин памяти, пустые домыслы, наподобие голоса, рассказавшего мне о Горлане, или видения яда в абрикосе. И, обнаружив, что Галапас никогда не упоминает внутренний грот, что бронзовое зеркало завешено всякий раз, когда бы я ни входил в пещеру, я и сам молчал о нем.

Однажды я приехал к Галапасу зимним днем, когда дорога от мороза сверкала и звенела, а мой конь выдыхал носом пар, будто самый настоящий дракон. Конь бежал резво, вскидывая головой и натягивая удила, и как только я повернул от леса вверх по долине, сорвался на легкий галоп. В конце концов я перерос пони своего детства, добрую молочно-белую лошадку; теперь же я гордился моим маленьким сивым уэльсским коньком, которого назвал Астером.

Есть порода уэльсских горных пони, выносливых, стремительных и очень красивых, с точеной узкой головой, маленькими ушами и крепкой изогнутой шеей. Стада диких пони издревле бродили среди холмов Уэльса, в прошлом эти пони скрещивались с лошадьми, которых римляне завезли с Востока. Астера поймал и объездил мой кузен Диниас; Диниас гонял его как мог последние несколько лет, а затем бросил лошадку ради настоящего боевого коня. Попал ко мне он непослушным, со множеством дурных привычек и разорванным ртом, но после привычной мне мелкой тряски он, казалось, не шел, а стлался, и стоило ему преодолеть свой страх передо мной, оказался привязчив как собака.

Давным-давно уже я соорудил для своего пони убежище на зиму. Подножие скалы, в которой скрывалась пещера Галапаса, почти скрывалось в зарослях боярышника, в самую чащу этих зарослей мы со стариком натаскали камней и сложили из них небольшой загон, задней своей стороной упиравшийся в скалу. Обложив его стены сухими ветвями и настелив ими крышу, я принес внутрь пару охапок папоротника, так что импровизированное стойло получилось не только теплым и прочным, но и незаметным для чужих глаз.

Потребность хранить в тайне наши встречи была еще одной темой, которую мы никогда не обсуждали открыто. Я догадался и без подсказок, что Галапас по-своему помогал мне избежать участи, уготованной для меня Камлахом, поэтому — хотя со временем я получил большую свободу действий — я принимал все меры предосторожности, чтобы не допустить разоблачения, изобретая бесчисленное множество причин для своих отлучек и отыскав с дюжину различных тропинок, ведущих в долину.

Я завел Астера в загон, снял с него седло и уздечку, повесил их на колышек, затем бросил ему корм из седельной сумки и, заложив вход толстой ветвью, быстро пошел к пещере.

Галапаса дома не было, но ушел он совсем недавно, о чем свидетельствовали угли, тлевшие в жаровне у входа в пещеру. Я поворошил их, пока не заплясали язычки пламени, а затем устроился с книгой поближе к теплу. Мы не договаривались в тот день о встрече, но времени у меня было предостаточно, так что я не стал выгонять мышей, а просто какое-то время мирно читал.

Не знаю, что заставило меня внезапно отложить книгу, именно в тот день изо всех дней, когда я оставался один в пещере, чтобы, пройдя мимо завешенного зеркала, заглянуть в расселину, через которую я пытался убежать пять лет назад. Я говорил себе, что мною движет лишь любопытство, желание узнать, действительно ли она такова, какой я ее помню, или, быть может, хрусталь, подобно моим видениям, — лишь плод моего воображения. Каковы бы ни были мои побуждения, я быстро взобрался на уступ и, опустившись на четвереньки, заглянул внутрь.

Внутренний грот был темным и безжизненным, ни один отблеск огня не проникал туда. Я осторожно пополз вперед, пока не наткнулся руками на острые кристаллы. Они были вполне реальными. Даже тогда, не признаваясь самому себе, откуда такая спешка, почему я то и дело одним глазом поглядываю на вход в основную пещеру и прислушиваюсь, не идет ли Галапас, я соскользнул с выступа и, подхватив плотную кожаную куртку, которую снял, устраиваясь у огня, метнулся назад, бросив ее в отверстие грота. После чего полез туда сам.

С расстеленной на полу кожаной курткой в округлом гроте стало сравнительно уютно. Я лежал неподвижно. Тишина была абсолютной. Когда мои глаза привыкли к

темноте, я стал различать едва видное серое свечение, исходившее от кристаллов, но в нем не было и следа волшебства, которое приносил врывавшийся в пещерку свет.

Должно быть, где-то имелась трещина, по которой поступал воздух, поскольку даже в этом темном замкнутом пространстве ощущался слабый ток воздуха, холодная ласка сквозняка. А за движением этой холодной нити пришли и звуки, которых я ждал: шаги, приближавшиеся по схваченным морозом камням...

Когда несколько минут спустя в пещеру вошел Галапас, я уже сидел у огня, опираясь локтем на свернутую куртку и сосредоточенно изучая книгу.

За полчаса до наступления сумерек мы отложили книги. Однако я и не думал собираться в обратный путь. Жарко пылал огонь в жаровне, наполняя пещеру теплом и мерцающим светом. Какое-то время мы оба сидели молча.

— Галапас, я хочу спросить тебя кое о чем.

— Да?

— Помнишь тот день, когда я впервые пришел сюда?

— Прекрасно помню.

— Ты знал, что я приду. Ты меня ждал?

— Разве я так сказал?

— Ты же знаешь, что сказал. Откуда тебе было известно, что я буду здесь?

— Я видел тебя в хрустальном гроте.

— А, это конечно! Ты повернул зеркало, так что на меня упал свет свечи, и ты заметил мою тень. Но я не об этом спрашиваю. Я имел в виду, откуда ты знал, что я именно в тот день собирался поехать вверх по долине?

— Именно на этот вопрос я и ответил, Мерлин. Я знал, что ты поднимаешься по долине, потому что еще до твоего приезда я видел тебя в гроте.

В молчании мы глядели друг на друга. Огоньки мерцали и перешептывались между нами, пригибаясь под легким сквозняком, уносившим дым из пещеры. По-моему, я тогда только кивнул в ответ на его слова. Это немногое я понимал. Спустя некоторое время я просто спросил:

— Ты мне покажешь?

Он еще мгновение внимательно разглядывал меня, а затем поднялся на ноги.

— Время пришло. Зажги свечу.

Я повиновался. Крохотный огонек затеплился золотом, расцветил тени, отбрасываемые плящущим пламенем жаровни.

— Сними покрывало с зеркала.

Я потянул за край, и все покрывало упало мне на руки шерстяным комом. Я уронил его на стоявшую у стены кровать Галапаса.

— А теперь взбирайся на уступ и ложись.

— На самом уступе?

— Да. Ложись на живот, головой к расселине, так чтобы ты мог заглянуть вовнутрь.

— Разве ты не хочешь, чтобы я вошел внутрь?

— И взял с собой куртку вместо подстилки?

Я был на полпути к уступу. Резко обернувшись, я увидел, как он смеялся.

— Бесполезно, Галапас. Ты и так все знаешь.

— Однажды ты отправишься туда, куда я не в силах буду последовать за тобой даже магическим зрением. А теперь ложись, помни, ты не должен шевелиться, и смотри.

Я лег ничком на уступ. Он был широкий и плоский, я удобно устроился, пристроив голову, как на подушку, на сложенные руки, и заглянул в расселину.

Голос Галапаса внизу негромко произнес:

— Ни о чем не думай. Бразды пока в моих руках. От тебя не требуется ничего. Только смотреть.

Я услышал, как он пересек пещеру и подошел к зеркалу.

Пещера оказалась больше, чем я предполагал. Ее свод терялся в вышине, а пол был гладко утоптан. Я заблуждался и насчет кристаллов: свечение, отражавшее свет факелов, исходило лишь от лужиц на полу и от одного-единственного места на стене, где тонкий потек влаги выдавал источник, бивший где-то выше.

Факелы, вставленные в трещины в стенах пещеры, были дешевые: из тряпок, набитых в потрескавшиеся рога, — изделия, забракованные ремесленником. В спертом воздухе они угрюмо чадили. Хотя в пещере было холодно, люди работали обнаженными, если не считать набедренных повязок, пот стекал по их спинам, а они, не останавливаясь, мерными, бесшумными ударами врубались в скалу. Там, где уши должно было бы закладывать от грохота, царила мертвая тишина, но видно было, как ходят, вздымаются мускулы, блестящие от пота в свете факелов. Плоский выступ нависал

над полом на высоте колена, а под ним, распластавшись на спинах в лужицах сочащейся влаги, два человека болезненными укороченными ударами долбили скалу в нескольких пальцах от своих лиц. На запястье одного из них я заметил морщинистый и блестящий рубец от старого клейма.

Один из каменотесов у гранитной стены согнулся в кашле, потом, бросив взгляд через плечо, подавил приступ и вновь принялся за работу. В пещере становилось светлее; свет исходил из квадратного отверстия, открывавшегося как дверной проем в поворачивающий за угол туннель: кто-то шел по туннелю, неся свежий факел — хорошего качества.

Появились четыре мальчика, грязные от пота и каменной пыли и обнаженные, как и остальные в пещере; они несли глубокие корзины, а за ними шагал мужчина, одетый в коричневую тунику в пятнах влаги. В одной руке мужчина держал факел, а в другой — табличку, которую внимательно изучал, нахмурив брови, тем временем мальчишки, подбежав к стене пещеры, стали насыпать в корзины осколки камней. Некоторое время спустя надсмотрщик подошел к стене и внимательно осмотрел ее, подняв факел повыше. Люди отошли назад, видимо, обрадовавшись передышке, а один из них заговорил с надсмотрщиком, показывая сперва на выработку, а затем в дальнем конце пещеры на сочившуюся там влагу.

Мальчики, наполнив и утрамбовав свои корзины, потянули их от стены. С ухмылкой пожав плечами, надсмотрщик достал из кошеля серебряную монету и уверенным движением игрока подбросил ее в воздух. Рабочие склонились посмотреть, что выпало. Тогда каменотес, говоривший с надсмотрщиком, повернулся к скале и с размаху всадил в трещину клин.

Трещина расширилась, и, затмевая свет, взметнулось облако пыли. А вслед за пылью хлынула вода.

— Выпей, — сказал Галапас.

— Что это?

— Один из моих отваров, не твоя настойка. Он совершенно безвреден. Пей.

— Спасибо. Галапас, сейчас грот по-прежнему хрустальный. В моем... сне он был совсем иным.

— Забудь пока об этом. Как ты себя чувствуешь?

— Странно... Я не могу объяснить. Кажется, со мной все в порядке, только голова болит, но... вот только это ощущение какой-то пустоты, как у раковины, которую сбро-

сил моллюск. Нет, я — будто тростник, у которого вынули сердцевину.

— Свирель для ветра. Да. Спускайся к огню.

Когда я вновь сел на свое место с чашей подогретого вина в руках, он спросил:

— Где ты был?

Я рассказал ему об увиденном, но когда я стал расспрашивать его о том, что это значило и что ему известно об этом, он лишь покачал головой:

— Думаю, это уже выше моего понимания. Я знаю только, что ты должен поскорее допить свое вино и отправляться домой. Ты представляешь себе, сколько времени провел, лежа на уступе? Луна взошла.

Я вскочил на ноги:

— Уже? Должно быть, время ужина давно миновало. Если меня хватятся...

— Тебя не будут искать. Сейчас происходят другие события. Отправляйся, узнай все сам... и помни, что и ты — их часть.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал. Любыми средствами постарайся поехать с королем. Вот, не забудь. — Галапас сунул мне в руку мою куртку.

Я, словно слепой, смотрел прямо перед собой.

— Он уезжает из Маридунума?

— Да, но ненадолго. Я не знаю, сколько времени займет его поездка.

— Он не возьмет меня с собой.

— Это зависит от тебя. Боги будут сопутствовать тебе, Мирддин Эмрис, только если ты сам ступишь на их тропу. А для этого потребна смелость. Надень куртку, прежде чем выходить. Снаружи холодно.

Я сердито сунул руку в рукав.

— Ты все видел — то, что происходит на самом деле, а я... я только пялился в хрусталь с отраженным в них огнем и вот теперь заработал ужасную головную боль, и все напрасно... Какой-то глупый сон о рабах в старой шахте. Галапас, когда ты меня научишь видеть, как ты?

— Прежде всего, я уже вижу волков, которые съедят тебя и Астера, если ты не поспешишь домой.

Он рассмеялся себе в бороду, будто сказал что-то необычайно смешное, так что мне ничего не оставалось, кроме как сбежать из пещеры и вниз по склону, чтобы оседлать своего пони.

8

Над головой висел ломоть луны, четверть от полного круга, и света он давал ровно столько, чтобы не сбиться с пути. Пони пританцовывал, чтобы разогреть кровь, и натягивал повод сильнее обычного, навострив уши в сторону дома в предчувствии ожидавшего его ужина. Мне приходилось то и дело с усилием сдерживать его, поскольку тропа обледенела и я боялся свалиться. Сознаюсь, впрочем, последнее замечание Галапаса тревожно звенело у меня в голове, и по склону холма я пустил Астера гораздо быстрее, чем это было бы безопасно. Однако эта моя тревога вскоре была позади, поскольку мы быстро достигли мельницы и ровной тропы.

Здесь дорогу было ясно видно, поэтому я вонзил пятки в бока пони, и остаток пути мы проскакали галопом.

Как только вдалеке показался город, я понял, что там что-то происходит. На тропе у реки было пусто, что немудрено, поскольку городские ворота давно уже закрыли, но сам город светился множеством огней. За стенами факелы, казалось, горели повсюду, и за воротами слышались крики и топот. Соскользнув с седла у ворот конюшенного двора, я уже был готов к тому, что они закрыты и придется или стучать, или провести ночь на улице, но едва я подошел ближе, как одна створка отворилась и Сердик, держа в одной руке закрытый с трех сторон фонарь с одинокой свечой, поманил меня внутрь.

— Я слышал, как ты подъехал. Весь вечер прислушивался. Где ты был, маленький герой-любовник? Должно быть, девушка сегодня была особенно нежна с тобой.

— Твоя правда. Обо мне спрашивали? Меня хватились?

— Насколько мне известно, нет. У них и без тебя полно сегодня забот. Дай мне повод, устроим пока Астера в амбаре. На большом конном дворе сейчас слишком оживленно.

— Почему? Что там происходит? Шум слышен за целую милю. Неужели война?

— Нет, а жаль; хотя, возможно, все к тому идет. Сегодня после обеда прибыл гонец: верховный король приближается к Сегонтиуму, заляжет там на пару недель. Твой дед выезжает завтра, поэтому все должно быть готово к отъезду как можно скорее.

— Понимаю. — Войдя за ним следом в амбар, я остановился, глядя, как Сердик расседлывает Астера,

рассеянно сворачивая в жгут выдернутый из скирды пучок соломы. Жгут я подал его конюху через холку пони.

— Король Вортигерн в Сегонтиуме? Зачем он там?

— Говорят, чтобы сосчитать головы. — Сердик коротко фыркнул, изображая смех, и начал чистить пони.

— Ты имеешь в виду, он собирает своих союзников? Выходит, были разговоры о войне?

— Разговоры о войне и не прекращались с тех пор, как этот ваш Амброзий засел в Малой Британии, опираясь на короля Будека, но людская память хранит то, о чем лучше не говорить.

Я кивнул. Не могу точно припомнить, когда мне рассказали, поскольку никто не говорил об этом открыто, но все знали историю о том, как нынешний верховный король заполучил трон. Он стал регентом после внезапной кончины молодого короля Константина. Много разных слухов ходило вокруг этой смерти. А младшие братья Константина, не дожидаясь подтверждения или опровержения этих слухов об убийстве, бежали к своему кузену Будеку в Малую Британию, оставив королевство Волку и его сыновьям. Раз в год, а то и чаще слухи распространялись словно из ниоткуда: будто король Будек собирает юным принцам армию; будто Амброзий отправился в Рим, а Утер поступил наемником на службу к повелителю Восточной Империи или, дескать, он женился на дочери короля Персии; будто два брата собрали армию в четыреста тысяч человек и вот-вот вторгнутся в Великую Британию, чтобы предать огню и мечу всю ее землю от одного берега до другого; или что они придут с миром, подобно архангелам, и без единого сражения изгонят саксов с восточного побережья. Но минуло свыше двадцати лет, а ничего такого не случилось. О возвращении Амброзия говорили теперь как о чем-то уже свершившемся и ставшем легендой — так говорят о приезде в Британию Брута и троянцев спустя четыре поколения после падения Трои или о путешествии Иосифа к Тернистому холму вблизи Авалона. Или как о втором пришествии Христа — хотя когда однажды я повторил этот слух при матери, она так разгневалась, что я больше никогда не пытался шутить на сей счет.

— Ну да, конечно, — съязвил я, — вновь приближается Амброзий, не так ли? А если серьезно, Сердик, зачем верховный король приезжает в Северный Уэльс?

— Я же сказал тебе. Объезжает владения и пытается сколотить в преддверии весны поддержку себе и своей саксонской королеве.

При упоминании о ней он сплюнул на пол.

— Зачем ты это сделал? Ты ведь сам сакс.

— Это было очень давно. Теперь я живу здесь. И кто, как не эта светловолосая стерва, толкнула Вортигерна на мошенничество? И конечно, ты не хуже меня знаешь, что с тех пор, как она улеглась в постель верховного короля, северяне хозяйничают в этой земле словно пожар на вересковой пустоши, так что теперь он не может ни воевать с ними, ни откупиться от них. И если правда то, что о ней говорят, можешь быть уверен, ни один из законнорожденных сыновей короля не доживет до короны. — Сердик говорил очень тихо, почти шепотом, и все же, оглянувшись через плечо, не слушает ли кто, снова плюнул и сложил знак от дурного глаза. — Да тебе и самому все известно... или было бы известно, если бы ты больше слушал старших вместо того, чтобы тратить время на книги и прочую чепуху или якшаться с народом из полых холмов.

— Так вот куда я, по-твоему, хожу?

— Разное судачат. Я не задаю вопросов. И не желаю ничего знать. А ну-ка тише! — Это уже относилось к пони. — Сердик обошел Астера, чтобы приняться за другой его бок. — Поговаривают, что саксы опять высадились к северу от Рутупии и на сей раз они запросили столько, что даже Вортигерну этого не снести. С наступлением весны ему придется воевать.

— И моему деду вместе с ним?

— Именно на это он надеется, не сойти мне с этого места. Ладно, беги, если хочешь получить свой ужин. На тебя никто не обратит внимания. На кухне сущая кутерьма творилась, когда я час назад попытался перехватить кусок.

— Где мой дед?

— Откуда мне знать? — Склонив голову, Сердик настороженно глянул на меня поверх крупа лошади. — Что это ты задумал?

— Я хочу поехать с ним.

— Ха! — фыркнул он и бросил сечку для пони. Ничего ободряющего в этом возгласе не было.

— Мне пришло в голову поглядеть на Сегонтиум, — упрямо возразил я.

— А кому не хочется? Я тоже страсть как хочу увидеть его. Но если ты задумал попросить короля... — Он оборвал себя на полуслове. — Конечно, тебе пора поехать куда-нибудь, повидать пару-тройку мест, немного встряхнуться: это

пошло бы тебе на пользу, но я не могу поручиться, что это произойдет. Ты же ни за что не пойдешь к королю?

— Отчего же? Самое большее, что он может, — отказать мне.

— Самое большее? Юпитер-громовержец, вразуми этого парня! Послушай моего совета, забирай свой ужин и отправляйся в постель. К Камлаху тоже не суйся. Он только что выдержал настоящую битву со своей женой и теперь все равно что горностай с больным зубом... Ты что, серьезно говорил?

— Боги будут сопутствовать тебе, Сердик, только если ты сам ступишь на их тропу.

— Что ж, отлично, но у некоторых из них могут найтись огромные копыта, чтобы по тебе потоптать. Как ты хочешь, чтобы тебя похоронили? По-христиански?

— Я не возражаю. Думаю, что довольно скоро созрею для крещения, если дать волю епископу, но до тех пор я официально ни к кому не нанимался.

— Надеюсь, мне зададут жару, когда наступит моя очередь, — засмеялся Сердик. — Это очищает. Ладно, не желаешь слушать — не слушай, но не стоит встречаться с ним на пустой желудок, только и всего.

— Это я тебе обещаю, — ответил я и пошел добывать себе ужин. Поев, я переоделся в пристойную тунику и отправился на поиски деда.

К немалому моему облегчению, Камлаха с ним не было. Короля я нашел в его опочивальне: он развалился в просторном кресле перед ревущим пламенем в очаге, у ног его дремали любимые волкодавы. Сперва я решил, что женщина, сидевшая на стуле с высокой спинкой по другую сторону огня, — королева Олвена, но затем узнал в ней свою мать. Перед моим приходом она шила, но теперь застыла, уронив руки на колени, и белая ткань недвижно покоилась поверх складок коричневого одеянья. Она с улыбкой обернулась ко мне, но во взгляде ее стояло удивление. Один из волкодавов забил хвостом по полу, а другой открыл глаз, обвел взглядом комнату и снова задремал. Дед сердито глянул на меня из-под насупленных бровей, но заговорил довольно доброжелательно:

— Ладно, парень, не стой там. Проходи-проходи, устроил тут проклятый сквозняк. Закрой дверь.

Я подчинился и подошел ближе к огню.

— Позволь поговорить с тобой, мой господин.

— Ты уже со мной говоришь. Что тебе нужно? Возьми табурет и садись.

Табурет стоял возле стула моей матери. Я отодвинул его, показывая тем самым, что не нуждаюсь в ее покровительстве, и сел на равном расстоянии между ними.

— Ну? Давненько я тебя не видел, не правда ли? Корпел над своими книжками?

— Да, господин, — ответил я и, исходя из правила, что лучше нападать, чем обороняться, сразу перешел к делу: — Меня... меня не было сегодня после обеда, я ездил верхом и...

— Куда же?

— По дороге вдоль реки. У меня не было определенной цели, просто хотелось поупражняться в верховой езде, поэтому...

— Да, не мешало бы.

— Ты прав, мой господин. Поэтому я прозевал гонца. Мне передали, что ты завтра уезжаешь.

— Ну а тебе что с того?

— Только то, что мне хотелось бы поехать с тобой.

— Тебе хотелось бы? Хотелось бы? С чего это вдруг?

На языке у меня вертелось с дюжину подходящих случаю фраз. Мне показалось, что моя мать поглядела на меня с сожалением, а дед ждал моего ответа с безразличием и раздражением, лишь едва-едва смиряемыми любопытством. Я же просто сказал правду:

— Потому что мне уже двенадцать лет, а я ни разу не выезжал из Маридунума. Потому что я знаю, что если все выйдет по воле моего дяди, то вскоре я окажусь взаперти в этой долине или в каком другом месте, чтобы учиться и стать клириком, и прежде, чем это произойдет...

Ужасные брови стали опускаться.

— Ты пытаешься втолковать мне, что не желаешь учиться?

— Нет, как раз этого я хочу больше всего на свете. Но образование ценится выше, если человек немного повидал мир. Мой господин, это в самом деле так. Если бы ты позволил мне сопровождать тебя...

— Я еду в Сегонтиум. Это тебе сказали? Это не праздная охота, а длительное и тяжелое путешествие, в котором нет места для плохих наездников.

Я словно старался встать с тяжелым грузом на плечах, попытка не отвести взгляд от свирепых голубых глаз деда всегда действовала на меня так.

— Я не тратил времени зря, господин, и теперь у меня отличный пони.

— Ну да, конечно, тот, которого объездил Диниас. Что ж, он как раз по тебе. Нет, Мерлин, я не беру детей.

— Значит, и Диниаса ты тоже оставляешь?

Я услышал, как охнула мать. Голова деда, уже отвернувшегося от меня, дернулась, поворачиваясь снова ко мне. Руки его вцепились в подлокотники кресла, но он не ударил меня.

— Диниас — мужчина.

— Тогда и Маэль с Дуахом поедут с тобой, мой господин?

Это были его пажи, по возрасту младше меня, которые всегда сопровождали деда.

Мать открыла уже было рот, чтобы что-то сказать, но дед жестом остановил ее. В свирепых глазах под нахмуренными бровями появился интерес.

— От Маэля с Дуахом есть польза. А какая польза от тебя?

Я спокойно смотрел на него.

— До сих пор небольшая. Но разве тебе не говорили, что на языке саксов я говорю, как на родном, что я читаю по-гречески, а моя латынь лучше вашей?

— Мерлин... — начала было мать, но я не обратил на нее внимания.

— Я мог бы добавить сюда также знание бретонского и корнуэльского, но сомневаюсь, что они пригодятся тебе в Сегонтиуме.

— А можешь ли ты назвать мне хоть одну подходящую причину, — сухо произнес дед, — почему я должен объясняться с королем Вортигерном на любом другом языке, кроме валлийского, учитывая то, что родом он из Гвенты?

По его тону я понял, что победил. Опустить взгляд было для меня теперь, все равно что с облегчением покинуть поле боя. Сделав глубокий вдох, я смиренно ответил:

— Нет, мой господин.

Он громко расхохотался своим лающим смехом и пинком перевернул на живот одну из собак.

— Что ж, возможно, в конце концов, несмотря на твой вид, в тебе и сохранилась капля нашей крови. По крайней мере у тебя хватило мужества, когда понадобилось, схватиться со старым псом в его конуре. Хорошо, можешь собираться. Кто поедет с тобой?

— Сердик.

— Сакс? Скажи ему, чтобы собирал твои вещи. Мы отправляемся с рассветом. Ну, чего ты ждешь?

— Хочу пожелать спокойной ночи моей матери.

Я встал с табурета и приблизился к ней, чтобы поцеловать. Я не часто делал это, и она снова поглядела на меня с удивленьем.

У меня за спиной дед резко бросил:

— Не на войну уезжаешь. Не минет и трех недель, как снова будешь дома. Проваливай.

— Да, мой господин. Благодарю тебя. Доброй ночи.

Выйдя за дверь, я целых полминуты стоял, прислонившись к стене, и дожидался, пока замедлится кровь, толчками бившая мне в голову, и перестанет першить в горле. «Боги лишь тогда будут сопутствовать тебе, если сам ты ступишь на их тропу. А для этого потребна смелость».

Я переборол подступившую тошноту, вытер потные ладони о перед рубахи и побежал искать Сердика.

9

Вот так я впервые покинул Маридунум. В то время это представлялось мне величайшим приключением на свете: выехать по прохладе на утренней заре, когда звезды на небе еще не погасли, быть своим в тесной группе шумных и общительных мужчин, сопровождающих короля и Камлаха. Надо сказать, что большинство мужчин в этой небольшой процессии были полусонными и угрюмыми и ехали мы, почитай, в полном молчании; наше дыхание клубилось в морозном воздухе, а копыта лошадей высекали искры из аспидно-серой от изморози дороги. Даже позвякивание упряжи отдавало холодом, а я так задубел, что уже почти не чувствовал в руках поводьев и помышлял лишь о том, чтобы удержаться на возбужденном пони, иначе меня с позором отправили бы назад, не отъехав и мили от дому.

А теперь, поскольку рассказы о детстве всегда утомительны, а предстоит поведать еще о многих славных делах, я поскорее перескочу через наше путешествие в Сегонтиум, которое длилось восемнадцать дней. Там я впервые увидел короля Вортигерна, который к тому времени уже свыше двадцати лет был Верховным королем Британии. Разумеется, я немало слышал о нем — в равной мере и правды, и выдумок. Вортигерн был суровым человеком, каким и должен быть

тот, кто захватил трон, прибегнув к убийству, и удерживал его на крови. Но он проявил себя сильным королем во времена, когда потребна была сила, и нельзя поставить только ему в вину то, что его затея с призванием на помощь наемников-саксов вышла из-под его власти, как выскальзывает из окровавленной руки острый клинок, чтобы разрезать до кости эту самую руку. Он платил, снова платил, а затем вел войну; и теперь большую часть года он дрался, как волк, сдерживая орды, бешено накатывавшие с Саксонского берега. О нем говорили — с уважением — как о свирепом и кровожадном тиране, а его саксонскую жену, королеву Ровену, с ненавистью звали ведьмой. И хотя мое воображение с детства подпитывали сплетни и басни кухонных рабов, я скорее с любопытством, нежели со страхом ожидал встречи с ними.

В любом случае мне нечего было бояться; верховного короля я видел лишь издали. Снисходительность моего деда простиралась не далее разрешения ехать в его обозе; а там со мной считались не более — а на самом деле менее — чем с его пажами Маэлем и Дуахом. Мне предоставили самому искать себе места в безымянной толпе мальчишек и слуг, а поскольку среди сверстников я не завел себе друзей, это означало, что я сам должен был заботиться о себе. Позже мне пришлось благодарить судьбу за то, что в те немногочисленные оказии, когда я оказывался в толпе, окружавшей двух королей, Вортигерн меня не заметил, а мой дед и Камлах вообще забыли о моем присутствии.

Мы провели неделю в Сегонтиуме, который валлийцы называют Каэр-ар-Вон, потому что он находится как раз напротив Моны — острова друидов. Сам город, подобно Маридунуму, раскинулся по берегам многочисленных проток реки Сейнт, там, где она впадает в море. Сегонтиум располагает великолепной гаванью и крепостью, воздвигнутой на возвышении приблизительно в полумиле от морского берега. Эти массивные укрепления, возведенные еще римлянами для защиты гавани и города, более ста лет пребывали в запустении, пока Вортигерн не приказал восстановить хотя бы часть стен и валов. Немного ниже на склоне холма протянулось еще одно укрепление, возведенное много позже, если не ошибаюсь, Максеном, дедом убитого Константина, для защиты от набегов ирландцев.

Местность здесь была более величественной, чем наши холмы и долины в Южном Уэльсе, но, на мой

взгляд, скорее более грозной, чем красивой. Возможно, весной и летом луга меж протоками устья покрывались нежной зеленью, но той зимой, когда я впервые увидел Сегонтиум, горы вздымались за ним, словно грозовые тучи, подножия и склоны их топорщились серым и голым лесом, а сланцевые синие вершины венчались шапками снега. А позади них, словно великан над карликами, возвышалась повитая тучами великая вершина Мэль-и-Виддфа, которую саксы теперь называют Снежной горой, или Сноудоном. Это величайшая во всей Британии гора и обиталище многих богов.

Сколько бы ни судачили в городе о привидениях, Вортигерн обосновался в Башне Максена. Его армия — в те дни он не отваживался выезжать без эскорта в тысячу воинов — квартировала в крепости. Благородные рыцари из свиты моего деда жили с королем в башне, а обоз, к которому принадлежал и я, разместили в удобном, хотя и несколько прохладном месте возле западных ворот крепости. Нас принимали с почестями, Вортигерн не только состоял в дальнем родстве с моим дедом, но и, судя по всему, сбывалось «пророчество» Сердика о том, что верховный король «сколачивает себе поддержку».

Верховный король был крупным смуглым мужчиной, с широким мясистым лицом и черными, начинавшими седеть волосами, густыми и топорщившимися словно щетина дикого кабана. Черные волосы покрывали и его руки и торчали из ноздрей. Королевы при нем не было; Сердик шепнул мне, что король не отважился привезти ее в земли, где саксов не особенно жалуют. Когда я возразил на это, что его самого принимают доброжелательно лишь потому, что он позабыл о своих саксах и стал добрым валлийцем, конюх засмеялся и закатил мне оплеуху. Полагаю, не моя вина, что я никогда не умел вести себя по-королевски.

Распорядок нашего дня был незатейлив. Почти до самых сумерек мы охотились, а с наступлением темноты возвращались к кострам, напиткам и обильной еде, после чего короли и их советники удалялись для переговоров, а их свита развлекала себя игрой в кости, распутством, ссорами или какими-нибудь иными утехами, по своему выбору.

Прежде я никогда не охотился; это занятие было чуждо моей природе, к тому же здесь все выезжали гурьбой, что мне и вовсе не нравилось. К тому же такая охота всегда таила в себе немалую опасность: у подножия холмов водилось множество дичи, и в дикой гонке за добычей немудре-

но было свернуть себе шею. Но я не видел другого способа посмотреть на окружавшую меня страну. Кроме того, мне предстояло выяснить, почему Галапас так настаивал на моей поездке в Сегонтиум. А потому я выезжал на охоту ежедневно. Несколько раз я падал, но серьезно не пострадал, отделавшись лишь многочисленными ссадинами и синяками, и мне удалось избежать внимания со стороны сколько-нибудь важных лиц. Однако не нашел я и того, что искал. Ничего необычного я не видел, и ничего не произошло, если не считать того, что значительно улучшилось мое искусство верховой езды, а вместе с ним и манеры Астера.

На восьмой день нашего пребывания в Сегонтиуме мы отправились в обратную дорогу; и сам верховный король, охраняемый сотней всадников, выехал на старый тракт, дабы пожелать моему деду спокойного возвращения.

Первая часть нашего пути проходила по узкому лесистому ущелью, где несла свои быстрые воды глубокая река и где нашим лошадям приходилось между утесами и водой идти по одной, в лучшем случае по две в ряд. Путешествуя таким отрядом, можно было не опасаться нападения, поэтому мы ехали не таясь, наполняя ущелье топотом копыт, звоном уздечек и звуками мужских голосов. Иногда к этим звукам присоединялось карканье ворон, слетавших с утеса, чтобы посмотреть на нас. Эти птицы, что бы ни говорили, не ждут шума битвы; я видел, как они долгие мили сопровождали вооруженные отряды, дожидаясь смертельной схватки.

Но в тот день ничто нам не угрожало, и около полудня мы выехали к тому месту, где верховный король должен был покинуть нас и возвратиться домой. Там сливались две реки, а узкое ущелье расступалось, переходя в широкую долину. Оба берега широкой реки были закованы в обледенелые сланцевые валуны, и сама река, вздувшаяся от таяния снегов, неспешно несла свои бурые воды на юг. У слияния рек находился брод, от которого начиналась прямая как стрела дорога, ведущая по возвышенности прямо на юг, к Томени-Муру.

Мы остановились, не доезжая брода, на северном берегу. Вожди свернули в укромную ложбину, с трех сторон обрамленную густо поросшими лесом склонами. Рощицы безлистой ольхи и густые заросли камышей свидетельствовали о том, что летом эта ложбина превратится в болото. В тот декабрьский день почва была крепко схвачена морозом, но лож-

бина была укрыта от ветра, и солнце в ней пригревало нечастым теплом.

Здесь наш отряд остановился отдохнуть и перекусить. Короли расположились отдельно, а неподалеку от них сели обедать остальные члены королевской свиты. Среди них я заметил и Диниаса. Я же, как обычно, оказался не со свитой, не с воинами и даже не со слугами, а потому, поручив Астера заботам Сердика, не присоединился ни к кому. Вскарабкавшись немного вверх по склону, я обнаружил небольшую, поросшую лесом лощинку, в которой можно было посидеть одному, незаметно для других. За спиной у меня была прогретая солнцем скала, из-за которой доносились приглушенное позвякивание уздечек пасущихся лошадей, бормотание мужских голосов, внезапные взрывы хохота, сменяемые тишиной и снова бормотанием, из чего я понял, что в ход пошли кости, чтобы скоротать время, пока короли закончат прощаться. Над моей головой высоко в холодном небе парил сокол, крылья которого в солнечных лучах отсверкивали бронзой. Я думал о Галапасе и его бронзовом зеркале и спрашивал себя, зачем я сюда приехал.

Внезапно у меня за спиной раздался голос короля Вортигерна:

— Сюда. Ты смело можешь поверить мне свои мысли.

Вздрогнув от удивления и испуга, я резко обернулся и тут же понял, что король и человек, с которым он разговаривал, находились по другую сторону укрывавшей меня скалы.

— Мне сказали, пять миль в любом направлении... — Голос верхóвного короля стал глуше; он отвернулся. Я услышал шаги по замерзшей земле, шорох и треск опавшей листвы и скрежет подбитых гвоздями сапог по камням. Они удалялись. Стараясь не шуметь, я встал и осторожно выглянул из-за скалы. Поглóщенные разговором, Вортигерн и мой дед шагали рядом между деревьями.

Помню, я колебался. Что, в конце концов, они могли еще сказать друг другу, о чем уже не переговорили наедине в Башне Максена? Мне не верилось, что Галапас отправил меня на их встречу простым соглядатаем. Но для чего же тогда? Возможно, бог, на чью тропу я ступил, послал меня сюда лишь ради сегодняшнего дня, вот для этого. Неохотно я повернулся, чтобы последовал за ними.

Не успел я ступить и шагу, как меня довольно грубо схватили за локоть.

— И куда это ты собрался? — требовательно, но едва слышно спросил Сердик.

Я раздраженно сбросил его руку:

— Будь ты проклят, Сердик! Я чуть из кожи вон не выпрыгнул! Какое тебе дело до того, куда я собрался?

— Я здесь затем, чтобы присмотреть за тобой.

— Только потому, что я взял тебя с собой. Никто не приказывал тебе шпионить за мной все эти дни. Или, может, тебе приказали? — Я пристально посмотрел на него. — Ты и прежде следил за мной?

— По правде сказать, — ухмыльнулся он, — я и не думал трудиться, слишком хлопотно. А может, нужно было?

— Кто-нибудь приказал тебе следить за мной сегодня? — настаивал я.

— Нет. Но разве ты не видел, кто пошел в ту сторону? Это были Вортигерн с твоим дедом. Будь я на твоем месте, то хорошенько подумал бы, прежде чем идти за ними следом.

— Я не собирался идти следом, — солгал я. — Просто хотел осмотреться вокруг.

— Тогда я бы поискал другое место. Они особо предупредили, чтобы свита оставалась на месте. Я пришел предупредить тебя, вот и все. Они были настроены очень серьезно.

Я снова сел.

— Отлично, благодарю за заботу. А теперь, пожалуйста, оставь меня. Вернешься и предупредишь, когда пора будет двигаться в путь.

— А ты не рванешь отсюда в ту же минуту, как я повернусь к тебе спиной?

Кровь прилила к моим щекам.

— Сердик, я приказываю тебе уйти.

— Послушай, я знаю тебя и знаю, чего ждать, когда ты выглядишь вот так, как сейчас, — упорствовал он. — Трудно сказать, что у тебя на уме, но когда у тебя так блестят глаза, это сулит кому-то неприятности, и обычно этим кем-то бываешь ты. Что же мне делать?

— На сей раз неприятности ожидают тебя, — разъярился я, — если ты сейчас же не сделаешь так, как я тебе велю.

— Нечего тут изображать из себя короля, — заявил конюх. — Я лишь хотел уберечь тебя от порки.

— Я понимаю это. Извини меня. Я хотел... кое-что проверить.

— Но мне-то ты можешь об этом рассказать, ведь так? Я вижу, как тебя все эти дни что-то грызет. Что же это?

— Я и сам не знаю, — честно ответил я. — В этом ты не сможешь мне помочь. Забудь. Послушай, а короли не говорили, куда они идут? Уж конечно, они могли наговориться в Сегонтиуме или по дороге сюда?

— Они отправились на вершину утеса. Там есть место на самом конце кряжа, откуда долину видно со всех сторон как на ладони. Говорят, там когда-то стояла древняя башня. Ее называли Динас Бренин.

— Королевская Твердыня? А большая это была башня?

— Теперь там ничего, кроме кучи камней. А что?

— Я... ничего. Интересно, когда мы тронемся в путь?

— Говорили, через час. Слушай, почему бы нам не спуститься вниз и не сразиться в кости?

— Нет, спасибо, — улыбнулся я. — Я что, оторвал тебя от игры? Прости.

— Не извиняйся. Я все равно проигрывал. Ладно, оставлю тебя одного, но ты не сделаешь какой-нибудь глупости, правда? Нет смысла рисковать своей шеей. Помни, что я говорил тебе о вяхире.

И в то же самое мгновение над нами, хлопая крыльями, стрелой пронесся вяхирь, обдав нас струей морозной пыли. Сверху на него готовился напасть мой побратим-мерлин.

Вяхирь немного изменил свой полет, встретив на пути склон горы, и метнулся вверх, почти касаясь склона, как скользит по гребню вздымающейся волны чайка. Вяхирь стремился к густым зарослям у края лощинки, до земли ему было не больше фута, и нападение могло обернуться для сокола немалой опасностью, но, очевидно, он умирал с голоду, едва вяхирь подлетел к зарослям, мощная птица камнем упала на него.

Крик, яростно пронзительное «куик-ик-ик» сокола, треск ломающихся ветвей, а затем — ничего. Несколько перышек, словно снежинки, лениво опустилось на землю.

Я побежал вверх по склону.

— Он поймал вяхиря! — Было ясно, что произошло; обе птицы, сцепившись, влетели в заросли и рухнули наземь. Судя по тишине, очевидно, они, оглушенные, обе лежали в чаще.

Заросли представляли собой густое переплетение ветвей, почти полностью покрывавших крутой склон лощины.

Яростно разметывая во все стороны ветви, я продирался сквозь кусты. Упавшие перья указывали мне путь.

И вот я нашел их. Вяхирь был мертв. Он лежал ничком, распластав крылья, как в момент падения на камни; яркие капли крови размазались алым по переливающимся перышкам шеи. Поверх вяхиря лежал сокол. Острые когти глубоко вонзились в спину вяхиря, хищный клюв наполовину погрузился в тело жертвы. Сокол был еще жив. Когда я склонился над птицей, ее крылья слегка шевельнулись, а голубоватое веко приподнялось, открыв свирепый темный глаз. Задыхаясь, подошел Сердик и похлопал меня по плечу.

— Не трогай его. Он поранит тебе руки. Позволь мне.

Я выпрямился.

— Вот что произошло с твоим вяхирем, Сердик. Не пора ли нам позабыть о нем? Нет, не трогай их, не надо. Мы заберем его, когда будем возвращаться.

— Возвращаться? Откуда?

Я молча показал на квадратный черный проем, словно дверь внутрь горы за чащей, как раз в том направлении, куда летели птицы. Вход, невидимый случайному взору, доступный лишь тому, кто, сообразуясь с какой-либо причиной, проложил себе дорогу сквозь переплетение ветвей.

— Зачем нам туда? — спросил Сердик. — Судя по виду, это штольня заброшенной шахты.

— Да. Именно ее я и собирался осмотреть. Зажги огонь и пошли.

Он начал возражать, но я быстро осадил его:

— Можешь идти или оставаться, это твое дело. Но дай мне огонь. И поторопись, у нас мало времени.

Я направился ко входу в шахту, а он, все еще бормоча что-то себе под нос, принялся собирать пригоршни сухой травы и веток, чтобы смастерить из них факел.

Сразу за входом, там, где рухнули сгнившие подпорки, путь нам преградила куча мусора и обвалившихся камней, но дальше проход был свободен, и в глубь горы уходила почти ровная подземная галерея. Я мог продвигаться, почти не пригибаясь, а Сердику, который был небольшого роста, приходилось лишь слегка сутулиться. Пламя сделанного на скорую руку факела отбрасывало нам под ноги кривые тени. В полу проступили борозды, оставленные корзинами, которые вытягивали наружу, а на стенах и потолке виднелись следы от кирок и зубил, при помощи которых прорубили этот туннель.

— Куда, во имя всех богов, мы, по-твоему, идем? — Голос Сердика у меня за спиной дрожал от напряже-

ния. — Послушай, давай повернем. В старых штольнях небезопасно. Свод может рухнуть.

— Он не рухнет. Не дай погаснуть факелу, — даже не остановившись, отрезал я.

Туннель свернул вправо и начал полого опускаться вниз. Под землей совершенно теряешь способность ориентироваться; там нет ни малейшего движения воздуха, которое, погладив тебя по щеке, способно дать хоть какую-то подсказку даже в кромешной темноте. Но я догадывался, что, следуя за поворотами, мы медленно, но верно пробираемся в самое сердце горы, на которой некогда стояла древняя королевская башня. Время от времени влево и вправо открывались проходы, но нам не грозила опасность: мы шли по главной галерее, а скала казалась довольно прочной. Местами нам попадались обвалившиеся с потолка или стен камни, а однажды путь почти полностью преградила осыпь, но я перелез через нее, а дальше туннель был свободен.

Сердик перед осыпью остановился. Подняв повыше факел, он смотрел мне вслед поверх камней.

— Во имя всех богов, Мерлин, вернись! Это даже не глупость. Говорю тебе, такие места очень опасны, а мы лезем в самое чрево скалы. Одни боги знают, кто обитает там внизу. Пойдем назад, парень.

— Не трусь, Сердик. Здесь места много, ты легко пролезешь. Давай же. Скорее...

— Вот этого я не сделаю. Если ты сию минуту не выберешься оттуда, клянусь, я уйду и расскажу обо всем королю.

— Послушай, это очень важно. Не спрашивай меня почему. Но готов поклясться, что там нам ничто не угрожает. Если ты боишься, тогда отдай мне факел и возвращайся.

— Ты же знаешь, что я не могу так поступить.

— Да, знаю. Ты побоишься вернуться к ним и рассказать обо всем, верно? А если ты бросишь меня здесь и со мной что-нибудь случится, что тогда, по-твоему, с тобой будет?

— Правду они говорят, когда называют тебя дьявольским отродьем, — пробурчал Сердик.

Я рассмеялся.

— Когда мы выберемся наружу, можешь говорить мне, что хочешь, однако сейчас поторопись, Сердик, очень прошу. Обещаю, с тобой ничего не случится. В воздухе сегодня не чувствуется беды, и ты сам видел, как мерлин-сокол указал нам на вход.

Разумеется, он последовал за мной. Бедняга Сердик, ему ничего другого не оставалось. Но, когда он снова оказался рядом, я заметил, что сакс смотрит на меня искоса и левой рукой делает знак против дурного глаза.

— Не задерживайся, — попросил он. Только и всего.

Шагов через двадцать за поворотом перед нами открылась пещера.

Я жестом попросил Сердика поднять повыше факел. У меня отнялся язык. Это огромное пространство в самом сердце горы, вырубленное рукой человека, эта тьма, почти не рассеиваемая пламенем факела, эта мертвая неподвижность воздуха, в которой я отчетливо слышал биение собственного сердца, — безусловно, это было то самое место. Я узнавал полозы и груды щебня на полу, отметины на стенах, иссеченную и разбитую кайлами скалу, из которой прорвалась вода. Купол свода скрывался в кромешной тьме над головой, а в углу ржавела груда оставшегося от насоса железа. Блестящая влага на стене уже не напоминала ленточку, а превратилась в мерцающую завесу сырости, а в том месте, где в моем видении были лужицы и сочилась из-под нависшего выступа вода, теперь раскинулось широкое гладкое озеро. Почти треть поверхности пола скрылась под водой.

В воздухе стоял странный, ни на что не похожий запах — дыхания воды и живой скалы. Где-то наверху капала вода, и звук был таким отчетливым и ясным, словно маленьким бронзовым молоточком били по металлу. Забрав у Сердика коптящую вязанку хвороста, наш импровизированный факел, я подошел к краю озера и, подняв факел как можно выше, наклонился, вглядываясь в темную воду. Там ничего не было видно. Свет отражался от воды, как от металла. Я ждал. Свет дрожал, вспыхивая, и тонул во тьме. Ничего там не было, только мое отражение, словно призрак в зеркале Галапаса.

Я отдал факел Сердику, который не произнес ни слова. Все это время сакс следил за мной широко раскрытыми глазами.

Я тронул его за руку:

— Теперь мы можем возвращаться. В любом случае огонь скоро погаснет. Пошли.

На обратном пути мы не разговаривали, спеша пробраться извилистой галереей, мимо осыпи, мимо обвалившихся подпорок штольни, и, наконец, вышли на морозный воздух. Небо было бледное, молочно-голубое. На его фоне

зимние деревья казались хрупкими и тихими, а березы белели подобно костям. Снизу послышался зов рога, настойчивый и требовательный в неподвижном, словно стальном воздухе.

— Они уходят.

Сердик загасил факел о замерзшую землю. Я полез вниз через заросли. Вяхирь уже остыл и окоченел. Сокол тоже был рядом; он освободился от тела своей жертвы и теперь, нахохлившись, сидел подле нее на камне, он даже не пошевелился при моем приближении. Подобрав вяхиря, я бросил его Сердику:

— Спрячь в свою седельную сумку. Мне нет надобности приказывать тебе молчать обо всем, не так ли?

— Можешь положиться на меня. Что ты делаешь?

— Он оглушен. Если его оставить здесь, через час он замерзнет, погибнет от холода. Я возьму его с собой.

— Осторожно! Это взрослый сокол...

— Он меня не поранит. — Я поднял своего побратима мерлина; он растопырил крылья, спасаясь от холода, и на ощупь напоминал молодую сову. Натянув рукав кожаной куртки на левое запястье, я наклонился, и сокол прыгнул ко мне на руку, яростно вцепившись в рукав когтистыми лапами. Глаза его теперь были полностью открыты, и темный взгляд неприрученной птицы внимательно следил за мной. Однако крылья сокол сложил и теперь сидел неподвижно. Я слышал, как Сердик что-то пробормотал себе под нос, наклонившись, чтобы подобрать мои вещи у подножия скалы, где я устроился обедать. Вдруг он произнес слова, дотоле ни разу не слетавшие с его губ:

— Пора идти, молодой хозяин.

Сокол остался послушно сидеть у меня на запястье, когда я присоединился к обозу моего деда, отъезжавшего домой, в Маридунум.

10

Птица не делала попыток улететь от меня и когда мы приехали домой. Осмотрев ее, я обнаружил, что падение, последовавшее за атакой на вяхиря, сильно повредило часть маховых перьев; я подлечил крылья, как научил меня

Галапас. После этого сокол сидел на груше за моим окном, принимая пищу, которую я давал ему, и не пытался улететь.

Я взял его с собой к Галапасу, когда в очередной раз поехал навестить старика.

Был первый день февраля; накануне ночью мороз спал, и небо разверзлось моросью. День стоял серый, с низкими свинцовыми тучами и злыми порывами ветра, налетавшего вместе с дождем. По всему дворцу шныряли сквозняки, колыхались плотные пологи, которыми слуги затянули дверные проемы, и сами обитатели дворца плотнее кутались в шерстяные плащи и ближе придвигались к жаровням. Мне казалось, что не только февральская непогода, но и серая свинцовая тишина накрыла дворец.

С тех пор как мы возвратились в Маридунум, я почти не виделся с дедом; он часами совещался со своими приближенными, и поговаривали, что, когда он запирался наедине с Камлахом, дело доходило до крика и ссор. Однажды я подошел к дверям в покои матери, но мне сообщили, что она предается молитве и не может принять меня. Я мельком увидел ее сквозь приоткрытую дверь и готов был поклясться, что она рыдала, преклонив колени перед святым образом.

Однако в верхней долине все осталось по-прежнему. Галапас взял сокола, похвалил то, как я потрудился над его крыльями, и посадил птицу на защищенный от ветра уступ возле входа в пещеру, после чего пригласил меня обогреться у огня. Он налил мне мясной похлебки из дымящегося горшка и прежде, чем выслушать мой рассказ, заставил меня поесть. И тогда я поведал ему обо всем, вплоть до ссор во дворце и слез моей матери.

— Это была та самая пещера, Галапас, готов поклясться! Но почему? Там ничего не осталось. И ничего больше не произошло, совсем ничего. Я расспрашивал где мог, а Сердик говорил с рабами, но никто не знает, что обсуждали короли или почему рассорились дед и дядя Камлах. Но Сердик все же смог мне кое-что поведать: за мной следят. Люди Камлаха. Если бы не это, я приехал бы повидаться с тобой раньше. Камлах с Алуном и остальными сегодня уехали, а я сказал, что хочу потренировать сокола на заливных лугах, и отправился к тебе.

Он долго сидел молча, поэтому я нетерпеливо повторил:

— Что происходит, Галапас?

— О твоем видении и пещере, которую ты обнаружил, мне ничего не известно. А относительно перепо-

лоха во дворцѐ могу строить предположения. Ты слышал, что у верховного короля остались сыновья от первой жены: Вортимер, Катигерн и юный Пасцентий?

Я кивнул.

— Кто-нибудь из них был в Сегонтиуме?

— Нет.

— Мне сказали, что они порвали со своим отцом, — продолжал Галапас, — и Вортимер собирает собственное войско. Говорят, что он хотел бы стать верховным королем, и похоже, Вортигерну придется вскорости усмирять восстание; беспорядки ему в стране сейчас вовсе ни к чему. Его новую королеву все ненавидят, это ты и сам знаешь, а вот мать Вортимера была доброй британкой; кроме того, молодежь хочет видеть на троне молодого короля.

— Камлах поддерживает Вортимера, так? — быстро спросил я, и старик улыбнулся:

— Похоже на то.

Я немного поразмыслил над услышанным.

— Что ж, как говорится, когда грызутся волки, все достанется воронам, верно?

А поскольку я родился в сентябре, под Меркурием, то ворон был моим символом.

— Возможно, — согласился Галапас. — Но скорее всего тебя запрут в клетку раньше, чем ты ожидаешь.

Но произнес он эти страшные слова рассеянно, будто витал мыслями где-то далеко, и потому я вновь вернулся к тому, что заботило меня больше всего:

— Галапас, вот ты говоришь, что ничего не знаешь о моем видении или пещере. Но это... это наверняка произошло по воле бога.

Мой взгляд обратился к уступу, на котором терпеливо сидел сокол, сумрачно прикрыв глаза, так что лишь щелочки поблескивали в свете пламени от жаровни.

— Может, и так.

Я помедлил, но потом все же сказал:

— А мы можем узнать, что он... что это означает?

— Ты желаешь вновь войти в хрустальный грот?

— Н-нет, не хочу. Но, полагаю, мне следует это сделать. Наверное, ты мог бы дать мне совет?

Спустя несколько секунд он медленно произнес:

— Да, думаю, тебе нужно войти туда снова. Но сперва я должен еще кое-чему научить тебя. На этот раз ты

должен сам зажечь для себя огонь. Не такой, как этот... — Он улыбнулся, когда я взял веточку, чтобы поворошить угли. — Оставь их. Перед своим отъездом ты просил меня показать тебе что-нибудь настоящее. Это все, что мне осталось тебе показать. Я не сознавал... Что ж, пусть будет так. Время пришло. Нет, сиди, не двигайся. Тебе больше не понадобятся книги, дитя. А теперь смотри.

О том, что последовало за его словами, писать я не буду. Не стоит писать о том, чему он обучил меня, вся его наука — искусство, остальное — премудрости лекаря. Но как я и говорил, эта лекарская премудрость была первым волшебством, какое я освоил, и она покинет меня последней. Я без труда постиг, как сотворить огонь, холодный, как лед, как выпустить буйный огонь и как вызвать огонь, который подобно плети рвется во тьму. Ничего удивительного в том нет, но я был слишком молод для подобных вещей, а волшебное искусство способно поразить слепотой того, кто к нему не готов или пришел случайно.

Когда мы закончили, за стенами пещеры было уже темно. Галапас тяжело поднялся на ноги.

— Я вернусь через час, чтобы разбудить тебя.

Сдернув плащ, обычно закрывавший бронзовое зеркало, он завернулся в него и вышел наружу.

Рев пламени почему-то напомнил мне топот скачущего галопом коня. Один длинный бесконечно яркий язык хлестнул будто плеть. Полено упало с шипением, превратившимся в женский вздох, а затем тысячи веточек затрещали человеческими голосами, шепотом, обрывками новостей...

Все это растворилось в безмерном, ослепительном пламени тишины. Зеркало вспыхнуло. Прихватив свой плащ, теперь уже приятно сухой и мягкий, я залез с ним в хрустальный грот. Свернув ткань, прилег на плащ и устремил взгляд на складывающиеся в свод кристаллы над головой. Пламя потянулось за мной следом; оно накатывалось сияющими волнами, наполняя сам воздух, пока я не оказался внутри сферы из света, будто в звезде. И свет этой звезды становился все ярче и ярче, потом вдруг распался, и все поглотила тьма...

Копыта высекали искры из утоптанного гравия римской дороги. Снова и снова щелкал хлыст всадника, но

лошадь и без того неслась во весь опор, раздувая кроваво-алые ноздри, и дыхание ее в холодном воздухе вырывалось клубами пара. Камлах погонял коня. Далеко позади него, отстав уже почти на полмили, скакали остальные молодые воины его отряда, а еще дальше — вел на поводу свою охромевшую и загнанную лошадь гонец, привезший вести для королевского сына.

По взбудораженному городу метался свет факелов, люди выбежали навстречу отчаянно несущейся лошади, но Камлах не удостоил их и взглядом. Вонзив шипастые шпоры в бока взмыленного скакуна, он галопом погнал его через город, ветром пронесся по крутой улице и влетел прямо на внешний двор перед дворцом. Здесь тоже пылали факелы. Их свет выхватил из темноты рыжие волосы Камлаха, когда он, спрыгнув с седла, бросил поводья подбежавшему рабу. Принц в своих мягких сапогах для верховой езды бесшумно бежал вверх по лестнице и через колоннаду, ведущую к покоям его отца. Стремительная черная фигура на мгновение скрылась из виду в тени под аркой, а затем распахнула дверь и ворвалась в помещение.

Гонец сказал правду. Это была внезапная смерть. Старик лежал на резной римской кровати под наброшенным чьей-то рукой пурпурным шелковым покрывалом. Каким-то образом удалось подпереть челюсть покойника, и теперь его буйная седая борода топорщилась в потолок, а небольшой подголовник из обожженной глины под шеей поддерживал голову прямо, пока тело постепенно коченело. В такой позе, какую придали его телу, никто бы не заметил, что шея у него сломана. Но старческое лицо уже стало опадать, сморщиваться: смерть будто оттягивает плоть от выступающего носа, пока тот не приобретет холодную восковую бледность. Золотые монеты, прикрывавшие его рот и глазницы, блестели в свете факелов, установленных по углам кровати.

В ногах кровати между факелами стояла Ниниана. Облаченная во все белое, прямая и неподвижная, она стояла, склонив голову, с распятием в сложенных перед грудью руках. Когда дверь отворилась, она не подняла взгляд, а так и продолжала неотрывно смотреть на пурпурное покрывало; но в лице ее не было горя, скорее, на нем было такое выражение, словно мыслями она была где-то далеко.

Вот рядом с ней стал ее брат, гибкий, как хлыст, в своих черных одеждах, и в движениях его сквозила не-

истовая грация, словно встряхнувшая комнату. Он шагнул прямо к кровати, постоял над ней, глядя на тело отца. Потом принц опустил руку на сложенные поверх пурпурного шелка коченеющие ладони. Его рука задержалась на мгновение, после чего Камлах отнял ее — и перевел взгляд на Нииану. Позади нее, в тени у дальней стены покоя, неуверенно переминались, перешептывались слуги. Молча с сухими глазами стояли среди них Маэл и Дуах и неотрывно смотрели на принца. И Диниас тоже все свое внимание сосредоточил на Камлахе.

— Мне сообщили, что произошел несчастный случай. Это правда? — вполголоса обратился Камлах к одной лишь Нииане.

Она не пошевелилась и не ответила. С мгновение Камлах внимательно всматривался в нее, потом, раздраженно дернув углом рта, перевел взгляд на людей, стоявших позади, и, повысив голос, спросил:

— Пусть кто-нибудь скажет мне. Это был несчастный случай?

Вперед вышел слуга. Личный слуга короля по имени Мабон.

— Это правда, мой господин. — Мабон нерешительно облизнул губы.

Камлах оскалился.

— Тогда почему, черт вас всех подери, вы тут дрожите?

Тут он заметил, к чему прикованы их взоры, опустил взгляд на пояс, куда заткнут был лишенный ножен короткий кинжал. Клинок был по рукоятку в крови. Фыркнув от отвращения, он выхватил кинжал и отшвырнул его прочь; тот пролетел по полу и ударился об стену, громко звякнув в мертвой тишине.

— Чья, по-вашему, на нем кровь? — вопросил он, снова презрительно вздернув губу. — Кровь оленя, только и всего. Когда прибыл гонец, мы только забили добычу. Я со своими людьми был в двенадцати милях отсюда. — Камлах уставился на слуг, словно бросая им вызов, мол, решатся ли они возразить. Никто не пошевелился. — Продолжай, Мабон. Гонец сказал, отец поскользнулся и упал. Как это произошло?

Слуга кашлянул, прочищая горло.

— Чудовищная глупость, мой господин, чистейшая случайность. При нем никого даже и не было. Это произошло в маленьком дворике, что ведет к помещениям для слуг, ступени там совсем стерлись. Один из слуг разносил масло, чтобы наполнить светильники. Он разлил немного масла на ступени, и прежде чем успел вернуться, чтобы вытереть

их, вдруг появился разъяренный король. Его... кто мог знать, что он пройдет там в такое время? Мой господин, твой отец поскользнулся на масле и, упав навзничь, ударился головой о камни. Вот как это все произошло, мой повелитель. Это был несчастный случай, все видели. Есть люди, готовые подтвердить это под присягой.

— А человек, по вине которого это случилось?

— Это раб, мой господин.

— Его покарали?

— Он мертв, мой господин.

Пока они разговаривали, под колоннадой послышались голоса и шаги множества ног — это прибыли люди из отряда Камлаха и спешили теперь за своим вожаком в королевскую опочивальню. Они набились в комнату еще во время рассказа Мабона, а теперь Алун неслышно приблизился к принцу и тронул его за рукав.

— Новость уже распространилась по городу, Камлах. Перед дворцом собирается толпа. Ходят миллионы слухов... Так недолго и до беды. Ты должен выйти к ним поговорить.

Окинув его быстрым взглядом, Камлах кивнул:

— Иди и позаботься об этом, хорошо? Бран, иди с ним, и ты, Руан, тоже. Заприте ворота. Передайте народу, что я скоро выйду. А теперь вы все — прочь отсюда.

Комната опустела. Диниас задержался было в дверях, но, не удостоенный даже взгляда, последовал за остальными. Дверь закрылась.

— Ну, Нииниана?

За все это время она даже не посмотрела на него. Теперь Нииниана подняла глаза.

— Что ты хочешь от меня? Мабон сказал правду. Он умолчал лишь о том, что король развлекался со служанкой и был пьян. Но это был несчастный случай, и он мертв... а ты и все твои друзья были в целых двенадцати милях отсюда. Итак, ты стал королем, Камлах, и никто не сможет указать на тебя пальцем и упрекнуть: «Он желал смерти своему отцу».

— Да, никто, ни мужчина, ни женщина, Нииниана.

— Я не говорила этого. Я просто сказала, что ссорам во дворце настал конец. Королевство принадлежит тебе, а теперь лучше последуй совету Алуна: выйди и поговори с народом.

— Сперва я объяснюсь с тобой. Почему ты стоишь здесь так, будто тебе и дела нет до того, что произошло? Будто тебя и нет здесь с нами?

— Возможно, потому что это правда. То, кем ты стал, брат мой, равно как и то, к чему ты стремишься, мне безразлично, я лишь хотела попросить тебя об одном одолжении.

— Каком же?

— Отпусти меня. Он не соглашался, но ты не откажешь мне.

— В обитель Святого Петра?

Она склонила голову.

— Я же сказала тебе, что мне теперь все здесь безразлично. Я давно утратила интерес к вашим делам, а теперь и вовсе не хочу оставаться в этом месте: не хочу слушать разговоры о вторжении и войне, что начнется с весной, не хочу выслушивать слухи о перемене власти или о том, как и почему умирают короли... Брось, не смотри на меня так. Я не глупа, и отец немало беседовал со мной. Но тебе нечего меня бояться. Я не знаю и не в силах предпринять ничего такого, что могло бы нарушить твои планы. Повторяю тебе, что не хочу от жизни больше ничего, лишь бы мне позволили удалиться с миром и жить в мире, и моему сыну тоже.

— Ты просила об одном одолжении, а это уже второе.

Впервые что-то ожило в ее глазах; наверное, это был страх.

— Такое будущее ему было предопределено; ты сам предопределил его, ты убедил в этом нашего отца. Разве после отъезда Горлана ты не понял, что даже если бы отец Мерлина прибыл с мечом в руке и тремя тысячами всадников за спиной, и тогда я не последовала бы за ним? Мерлин не способен причинить тебе вред, Камлах. Он навсегда останется незаконнорожденным без имени и титула, к тому же сам знаешь, он не воин. Богам известно, что он совершенно безвреден.

— И будет еще безвреднее, когда его запрут в монастырь? — бархатным голосом спросил Камлах.

— И будет еще безвреднее, когда его запрут в монастырь. Камлах, ты играешь со мной? Что у тебя на уме?

— Тот раб, что разлил масло, — ответил принц. — Кто это был?

Ее глаза снова блеснули. Потом веки опустились.

— Сакс. Сердик.

Он не пошевелился, но изумруды в застежке на черной тунике внезапно сверкнули, словно, екнув, их подтолкнуло сердце.

— Не делай вид, что ты догадался об этом! — яростно воскликнула Ниниана. — Как ты мог догадаться?

— Это не догадка, нет. Когда я приехал, дворец гудел, как осиное гнездо. — С неожиданным раздражением он добавил: — Ты стоишь здесь, как привидение, сложив руки на животе, будто все еще защищаешь лежащего там ублюдка.

К моему удивлению, она улыбнулась.

— Да, защищаю. — И продолжила, когда изумруды сверкнули вновь: — Не будь дураком. Откуда взяться еще одному бастарду? Я имею в виду, что не могу уйти, пока не буду уверена, что ему не угрожает опасность с твоей стороны. И что мы оба в безопасности от твоих планов относительно нас.

— От моих планов относительно вас? Клянусь тебе, я ничего...

— Я говорю о королевстве моего отца. Но оставим это. Повторяю тебе, единственная моя забота — об обители Святого Петра... И уверена, ее оставят в покое.

— Ты видела это в хрустале?

— Христианину запрещено заниматься предсказаниями, — ответила Ниниана, вид у нее был слишком уж богобоязненный, и голос прозвучал так чопорно, что Камлах быстро взглянул на нее, а затем, будто не находя себе места, принялся ходить взад-вперед по опочивальне, то скрываясь в тени, то вновь выходя на свет.

— Скажи мне, — внезапно спросил он, — что станет с Вортимером?

— Он умрет, — безразлично уронила она.

— Все мы когда-нибудь умрем. Но тебе известно, что теперь я связан с ним обещанием. Можешь ли ты предсказать мне, что произойдет будущей весной?

— Я ничего не вижу и ничего не могу тебе сказать. Но какими бы ни были твои замыслы о будущем королевства, только тебе во вред будет допустить, чтобы пошел хотя бы шепоток об убийстве. И еще скажу: ты окажешься в дураках, если будешь считать, что в смерти короля виноват не несчастный случай. Двое конюхов видели, как это случилось, и девчонка, которая была с королем, тоже.

— Успел сказать что-нибудь тот человек перед казнью?

— Сердик? Нет. Только то, что это был несчастный случай. Его, казалось, больше тревожила судьба моего сына, чем его собственная. Более он не сказал ничего.

— И мне передали то же, — согласился Камлах.

Вновь наступила тишина. Они стояли, глядя друг другу в глаза.

— Ты не посмеешь, — сказала она.

Брат и сестра стояли, скрестив взгляды; пламя светильников заколыхалось от сквозняка, пробежавшего по комнате.

Затем принц улыбнулся и вышел. Хлопнула дверь, и порыв ветра, ворвавшись в комнату, принялся терзать огонь светильников, пока все не закружилось в водовороте света и теней...

Языки пламени опадали, и тускнели кристаллы хрусталя. Выбираясь из грота, я потянул за собой плащ, и он разорвался. Угли в жаровне мерцали красным светом. Снаружи было уже совсем темно. Спотыкаясь, я спустился с уступа и побежал к выходу.

— Галапас! — позвал я. — Галапас!

Он никуда не уходил. Высокая сутулая фигура отделилась от кромешной темноты за входом в пещеру, и старик вошел внутрь. Старые сандалии не давали тепла, и его ноги посинели от холода.

Я остановился в десятке шагов от него, но чувство у меня было такое, словно я подбежал к нему, уронил голову ему на плечо, словно он завернул меня в складки своего плаща.

— Галапас, они убили Сердика.

Он ничего не ответил, но молчание его утешало так же, как слово или прикосновение руки.

Я сглотнул, прогоняя комок, ставший мне поперек горла.

— Если бы я не поехал сюда сегодня... Я таился от него, как и от остальных. Но я мог бы довериться ему, даже рассказать ему о тебе. Галапас, если бы я остался... если бы я был там, я, наверное, мог бы чем-то ему помочь.

— Нет. С тобой никто не считается. Ты сам знаешь это.

— А с этого дня станут считаться еще меньше. — Я поднес руку к голове: она просто раскалывалась от боли, все плыло перед глазами, все еще полуслепыми от сияния кристаллов.

Осторожно взяв меня за руку, он заставил меня сесть подле огня.

— Почему ты говоришь так, Мерлин? Погоди, расскажи мне, что произошло?

— Разве ты не знаешь? — изумленно воскликнул я. — Он наполнял светильники в колоннаде и пролил немного масла на ступени, а король поскользнулся, упал и сломал себе шею.

Вины Сердика в этом не было, Галапас. Он пролил масло, только и всего. К тому же он возвращался, он как

раз возвращался, чтобы протереть ступени. А они схватили его и убили...

— И теперь королем стал Камлах.

Наверное, я какое-то время просто смотрел на него невидящим взором: мои усталые глаза были слепы от видений, а ослепленный горем мозг не в силах был одержать больше одной простой мысли.

— А твоя мать? Что с ней? — мягко, но настойчиво спросил он.

— Что? Что ты сказал?

В руке у меня оказался теплый кубок. Я почувствовал запах напитка, который Галапас давал мне в прошлый раз, когда меня посетило видение в гроте.

— Выпей. Тебе следовало поспать, пока я не разбудил бы тебя, тогда бы такого не произошло. Пей до дна.

Я пил жадными глотками, и острая боль в висках начала понемногу притупляться, сменяясь глухими пульсирующими ударами, а размытые тени вокруг обрели четкие очертания. Вместе с ними вернулась и ясность мысли.

— Прости. Все прошло. Я вновь могу думать, я вернулся... Я расскажу тебе обо всем. Моя мать собирается уйти в обитель Святого Петра. Она пыталась уговорить Камлаха отпустить и меня, но тот не соглашался. Думаю...

— Что?

— Я не все понял. — Теперь я говорил медленно, напряженно размышляя. — Мои мысли были заняты Сердиком. Но, полагаю, он собирается убить меня. Наверное, он попробует воспользоваться для этого смертью моего деда; он скажет, что короля убил мой слуга... О, никто не поверит, будто я могу что-нибудь отнять у Камлаха, но если ему все-таки удастся запереть меня в Божий дом, а потом я тихо умру, слухи к тому времени сделают свое дело, и никто и не подумает поднять голос в мою защиту. К тому времени моя мать будет уже не дочерью короля, а всего лишь одной из монахинь в обители Святого Петра, так что и она ничего не сможет поделать. — Я обхватил руками кубок, глядя поверх него на своего учителя. — Почему кто-то должен так меня бояться, Галапас?

Вместо ответа он кивнул на кубок:

— Допей. После этого, мой милый, тебе придется уйти.

— Уйти? Но если я вернусь, меня убьют или запрут в монастырь... Ведь так?

— Попытаются, если смогут тебя разыскать.

— Если бы я остался у тебя, — горячо заговорил я, — ведь никто не знает, что я здесь, но даже если они догадаются и приедут за мной, тебе ведь ничего не грозит! Мы еще за несколько миль увидим, как они поднимаются по долине, или узнаем об их приближении, ты и я... Они меня никогда не найдут; я могу спрятаться в хрустальном гроте.

Старик покачал головой:

— Время для этого еще не пришло. Такой день настанет, но будет он не сегодня. Отныне спрятать тебя не удастся, как не удастся спрятать, вернув в яйцо, и твоего сокола.

Я оглянулся на выступ, на котором всегда неподвижно, словно сова Афины, сидел, нахохлившись, мой сокол. Птица исчезла. Тыльной стороной руки я отер глаза, потом часто замигал, не веря своим глазам. Но ничего не изменилось. Освещенная пламенем ниша была пуста.

— Галапас, он улетел?

— Да.

— Ты видел, как он улетел?

— Он пролетел мимо, когда ты позвал меня в пещеру.

— Я... в каком направлении?

— На юг.

Я допил снадобье и опрокинул кубок, выплеснув последние капли для бога. Затем я поставил кубок и потянулся за плащом.

— Мы еще увидимся, правда?

— Да, это я тебе обещаю.

— Значит, я вернусь?

— Я тебе это уже пообещал. Однажды эта пещера станет твоей, и все, что в ней есть, тоже.

Снаружи в пещеру ворвалась струя холодного воздуха, взметнувшая мой плащ и поднявшая волосы на моем затылке. По коже моей поползли мурашки. Встав, я накинул на плечи плащ, потом скрепил его на плече застежкой.

— Итак, ты уходишь? — Галапас улыбался. — Ты настолько веришь мне? Куда ты намерен отправиться?

— Не знаю. Для начала, наверное, домой. Дорогой у меня будет время подумать обо всем, если понадобится. Но я по-прежнему иду тропой моего бога. Я чувствую, как дуют ветры. Почему ты улыбаешься, Галапас?

Но, оставив мой вопрос без ответа, старик встал, привлек меня к себе, наклонился и поцеловал. Его поцелуй

был сух и легок — стариковский поцелуй, словно прикосновение опавшего листа. Затем он подтолкнул меня к выходу:

— Иди. Я уже оседлал твоего пони.

Все то время, пока я спускался вниз по долине, шел дождь. Мелкий холодный дождь ледяными иглами проникал под одежду; капли оседали у меня на плаще, тяжким бременем ложились на плечи и смешивались со слезами, что катились у меня по лицу.

Тогда я плакал второй раз в жизни.

11

Ворота конного двора были заперты. Иного я и не ожидал. В тот день я открыто выехал, через главный двор с соколом на руке, в любую другую ночь, возможно, и рискнул бы возвратиться той же дорогой, сочинив какую-нибудь историю о потерявшемся соколе и о том, как я проискал его дотемна. Но не в ту ночь.

В ту ночь никто не вслушивался в ночную тишину, ожидая моего возвращения, чтобы впустить меня.

Хотя опасность дышала мне в спину, я, даже сознавая необходимость спешки, заставлял разгоряченного пони идти шагом, почти неслышно пробираясь вдоль стены дворца к мосту. На мосту и на дороге к нему в свете факелов мельтешили люди, слышались крики и шум; на протяжении тех нескольких минут, что мост находился в поле моего зрения, дважды промчались на юг всадники-гонцы.

Над тропой нависали мокрые от дождя, голые в зимнюю пору ветви садовых деревьев. Под самой стеной тянулся ров, и в тишине раздавался мерный стук капель, падавших с веток. Соскользнув со спины пони, я завел его под наклонившуюся над стеной яблоню и там стреножил. Затем я взобрался на седло, твердо стал на ноги, постоял с мгновение, чтобы обрести равновесие, а потом, подпрыгнув, попытался ухватиться за сук над головой.

Кора была мокрой, и одна моя рука соскользнула, но я повис на другой. Когда я забросил ноги на сук, остальное было уже совсем просто: в считанные секунды я прополз над стеной, чтобы спрыгнуть на траву в саду.

Слева от меня высилась стена, отгораживавшая сад моего деда, а справа находились голубятня и приподнятая терраса, где любила посидеть за прялкой Моравик. Прямо передо мной тянулась череда дворовых построек, в которых обитали слуги. Я с облегчением увидел, что ни в одном из окон света не было. Все огни и дворцовая суматоха сосредоточились за стеной — слева от меня — в главном здании. А из-за дворца с улиц города доносился приглушенный дождем шум толпы.

Мое окно было совершенно темным. Я побежал.

Я никак не рассчитывал на то, что они могут принести его сюда, в его старое жилье. Убогий тюфяк Сердика лежал теперь не поперек входа, а валялся в углу, возле моей постели. Здесь не было ни пурпура, ни светильников; сакс лежал так, как его бросили. В полутьме я мог разглядеть лишь неуклюже распластавшееся тело, одна рука была отброшена в сторону, на холодный пол, так что кисть неестественно вывернулась от удара. Было слишком темно, чтобы разглядеть, как он умер.

Наклонившись над телом конюха, я взял его за руку. Рука уже остыла и начала коченеть. Я бережно опустил ее на тюфяк ближе к телу и, метнувшись к кровати, сорвал с нее тонкое шерстяное покрывало. Я накинул его на Сердика и рывком сел, услышав неподалеку мужской голос. Слов я не разобрал, но другой голос из-под колоннады ответил:

— Нет, здесь он не проходил. Я следил за дверью. Его пони уже в стойле?

— Нет. Его там нет.

Тот же голос снова что-то неразборчиво вопросил, и снова из-под колоннады ответили:

— Что ж, он не может уехать далеко. Он часто отсутствует до самой ночи. Что? Ну, ладно...

Шаги быстро удалились. Тишина.

Под колоннами на подставке стоял светильник. Сквозь полуоткрытую дверь он давал достаточно света, чтобы мне было видно, что делать. Тихо приподняв крышку моего сундука, я достал то немногое из одежды, что у меня было, потом бросил в эту кучу мой лучший плащ и запасную пару сандалий. Все это я запихал в сумку вместе с остальными моими скудными пожитками: расческой из слоновой кости, парой брошей и сердоликовой застежкой. Их можно будет продать. Забравшись на кровать, я выбросил сумку в окно. Затем я вернулся к Сердику и, опустившись на колени, пошарил у него на бедре. Они оставили ему кинжал. Пока я возился с бляхой

пояса, пальцы едва слушались меня, и причиной тому была не только темнота. Наконец мне удалось снять с Сердика пояс с висевшим на нем кинжалом взрослого мужчины, вдвое большим, чем мой, и остро заточенным. Свой кинжал я положил рядом с саксом на тюфяк. Возможно, там, куда он отправится, ему понадобится оружие, в этом я, впрочем, сомневался: ему всегда хватало голых рук.

Я был готов. Остановив на мгновение взгляд на теле конюха, я вдруг — словно во вспышке хрусталя — увидел вместо убогого тюфяка роскошное ложе, на котором выложили моего деда: кругом светильники, и пурпур, и убитые горем домочадцы. А здесь ничего, кроме темноты; собачья смерть. Смерть раба...

— Сердик, — произнес я вполголоса в темноте. Я не плакал. Все было кончено. — Сердик, покойся в мире. Я отошлю тебя в дальний путь, куда полагается. Как короля.

Подбежав к двери, я секунду прислушивался, а затем скользнул под колоннаду. Там никого не было. Снимая с подставки тяжелый светильник, я расплескал немного масла. Конечно же, ведь Сердик в тот вечер наполнил светильник.

Вернувшись к себе в комнату, я поднес светильник к тому месту, где он лежал. И тут — я не мог этого предвидеть — мне открылось, как его убили. Конюху перерезали горло.

Даже если бы я не собирался этого сделать, это бы произошло неминуемо. Светильник дрогнул у меня в руке, и горячее масло плеснуло на покрывало. От фитиля отвалился горящий кусочек и, упав, с шипением поджег масло. Затем я кинул светильник на тело и пять долгих секунд наблюдал, как огонь разбегается по маслу. И вот тюфяк полыхнул погребальным костром.

— Отправляйся к своим богам, Сердик, — произнес я и выпрыгнул из окна.

Я приземлился на узел со своими пожитками и потому неловко растянулся на мокрой траве. Потом, вскочив на ноги, я подобрал суму и что было сил побежал к выходящей на реку стене.

Чтобы не испугать пони, я перебросил сумку через стену в нескольких шагах от яблони, потом вернулся к дереву, чтобы вскарабкаться по нему наверх. Лишь только оседлав стену, я рискнул оглянуться назад. Пожар разгорался. В моем окне пульсировал красный свет. Никто еще не забил тревогу, но, несомненно, через несколько секунд пламя за-

метят или кто-нибудь почувствует запах гари. Я перевалился через стену, повис на руках, а затем спрыгнул. Не успел я приземлиться, как высоченная тень набросилась на меня, чтобы нанести удар.

Поверх меня приземлилось тяжелое мужское тело и придавило к грязной траве. Жесткая ладонь зажала мне рот, заглушив готовый сорваться крик. Рядом послышались быстрые шаги, скрежет металла, и нетерпеливый мужской голос произнес по-бретонски:

— Погоди. Сперва заставим его говорить.

Я лежал совершенно неподвижно. Это было совсем нетрудно, поскольку, кроме потрясения от удара, едва не выбившего из меня дух, я чувствовал острие ножа у своего горла. После слов второго незнакомца человек, схвативший меня, удивленно промычал, освободил меня от своего веса и на пару дюймов отодвинул лезвие ножа.

— Это всего лишь ребенок, — раздраженно пробормотал он, а потом уже по-валлийски, чтобы я понял, резко бросил: — Ни звука или я перережу тебе горло. Понял?

Я кивнул. Мужчина снял руку с моего рта и, вставая, рывком поднял меня на ноги. Он пихнул меня, заставив распластаться по стене, и у моей ключицы снова возникло острие ножа.

— Из-за чего весь этот сыр-бор? Почему ты бежишь из дворца, словно крыса, за которой гонятся собаки? Ты вор? Отвечай же, крысенок, пока я не удавил тебя.

Он встряхнул меня, словно я и в самом деле был крысой.

— Ничего. Я ни в чем не виноват! Отпустите меня! — выдохнул я.

Из темноты послышался негромкий голос второго мужчины:

— Вот что он перебросил через стену. Мешок с тряпками.

— Что там? — спросил поймавший меня. — А ты тише, — предупредил он.

Ему не нужно было беспокоиться. Мне показалось, что ветерок уже занес запах дыма, и из-за стены стали видны первые отблески пламени: видимо, огонь перекинулся на стропила. Я еще глубже вжался в тень под стеной.

Второй человек изучал содержимое моей сумки.

— Одежда... сандалии... несколько украшений...

Человек вышел на дорогу, и теперь, привыкнув к темноте, я смог рассмотреть его. Невысокого роста,

скользкий тип с сутулыми плечами и узким острым личиком под спутанными волосами. Я его прежде никогда не видел.

— Вы не королевские слуги! — облегченно выдохнул я. — Кто же вы тогда? Что вам здесь нужно?

Перестав копаться в моей сумке, проныра злобно уставился на меня.

— Это не твоя забота, — ответил за обоих державший меня здоровяк. — Спрашивать будем мы. Почему ты так боишься королевских слуг? Ты всех их знаешь, а?

— Конечно, знаю. Я живу во дворце. Я... я дворцовый раб.

— Маррик, — вмешался вдруг проныра, — посмотри-ка, там начался пожар. Гул стоит, как из растревоженного улья. Нечего тратить время на беглого раба. Перережь ему глотку, и давай уносить ноги, пока не поздно.

— Погоди, — отозвался здоровяк. — Возможно, он кое-что знает. Слушай, ты...

— Если вы все равно собираетесь перерезать мне глотку, с какой стати я должен отвечать вам? Кто вы такие?

Внезапно наклонив голову, он взглянул мне в лицо:

— С чего это ты вдруг распетушился? Не твое это дело, кто мы. Раб, говоришь? Значит, убегаешь?

— Да.

— Проворовался?

— Нет.

— Нет? А украшения в сумке? А это? Это не плащ раба. — Он туже стянул материю на моем горле, и я стал задыхаться. — А как же пони? Давай выкладывай правду!

— Ладно. — Я надеялся, что теперь мой голос звучит достаточно угрюмо и испуганно, чтобы сойти за голос раба. — Я взял несколько вещей. А пони принадлежит принцу Мирддину... Я... я нашел его на лугу. Я правду говорю, господин. Принц уехал еще днем и до сих пор не вернулся. Он плохой наездник, наверное, конь сбросил его. Я... мне повезло... меня хватятся, когда я буду уже далеко. — Я умоляюще вцепился в его одежду. — Пожалуйста, господин, отпусти меня. Пожалуйста! Я не причиню вам вреда...

— Маррик, во имя неба, у нас нет времени. — Пламя уже пылало вовсю. Из дворца доносились крики, и проныра потянул товарища за руку. — Прилив спадает быстро, и одни боги знают, придет ли корабль в такую погоду. Прислушайся, какой там гвалт, — они в любую минуту могут здесь появиться.

— Никто не придет, — сказал я. — Они будут слишком заняты тушением пожара, чтобы думать о чем-то еще. Огонь уже разгорелся, когда я его оставил.

— Когда ты его оставил? — Маррик не пошевелился; он смотрел на меня сверху вниз, однако его хватка несколько ослабла. — Это ты поджег?

— Да.

Теперь их взгляды были прикованы ко мне, даже проныра глядел на меня заинтересованно.

— Почему?

— Потому что я их ненавижу. Они убили моего друга.

— Кто убил?

— Камлах и его люди. Новый король, вот кто!

На мгновение повисла тишина. Я смог лучше рассмотреть Маррика. Он был высокий и дородный, с шапкой густых черных волос и черными глазами, в которых отражался свет пожара.

— К тому же, — продолжал я, — если бы я остался, то они и меня бы убили. Поэтому я поджег дом и сбежал. А теперь отпустите меня, пожалуйста.

— Почему они захотят убить тебя? Теперь-то понятно, когда дворец пылает, как щепка, — но до того? Что ты натворил?

— Ничего. Но я раб старого короля, и... думаю, я подслушал кое-что не предназначенное для моих ушей. Рабы все слышат. Камлах полагает, что я могу быть опасным для него... Могу расстроить его планы... Я знаю о них. Поверь мне, господин, — серьезно произнес я. — Я продолжал бы служить им так же верно, как и старому королю, но они убили моего друга.

— Какого друга? За что?

— Другого раба, сакса. Его звали Сердик. Он расплескал масло на ступени, и старый король упал. Это был несчастный случай, но они перерезали ему горло.

Маррик повернул голову к своему товарищу.

— Ну что, Анно? Похоже на правду. Я слышал об этом в городе. — Потом он обернулся ко мне. — Хорошо. А сейчас расскажи нам еще кое-что. Ты говорил, что тебе известны планы Камлаха?

Однако Анно вновь перебил его, на этот раз чуть не плача:

— Маррик, богами клянусь! Если ты считаешь, что ему есть что рассказать, возьми мальчишку с собой. Он ведь и в лодке может говорить? Говорю тебе, если мы задержимся

еще ненадолго, то упустим отлив и корабль уйдет. Нутром чую, надвигается шторм, а сам знаешь, они не станут ждать. — Он перешел на бретонский: — Мы можем прихлопнуть его попозже с таким же успехом, как и сейчас.

— Лодка? — спросил я. — Вы поплывете по реке?

— А по чему же еще? Думаешь, мы можем передвигаться по дороге? Взгляни, что творится на мосту. — Маррик кивнул в направлении моста. — Ладно, Анно, собирайся, мы уходим.

Он потащил меня по тропе. Я упирался:

— Куда вы меня ведете?

— Это наше дело. Умеешь плавать?

— Нет.

Маррик тихо засмеялся. Приятного в этом смехе было мало.

— Тогда какая тебе разница, куда тебя ведут, а? Пошевеливайся. — Он снова зажал мне рот ладонью, перебросил меня через плечо, словно я был не тяжелее моей сумы, и быстро зашагал к маслянисто блестевшей темной реке.

Под обрывистым берегом была укрыта рыбачья лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей. Анно уже отчаливал. Прыгнув с обрыва, Маррик съехал по песку к самой воде, словно куль с тряпьем, швырнул меня в неустойчивую посудину и забрался в нее следом за мной. Когда лодка отошла от берега, я снова почувствовал у своего затылка нож.

— Вот. Чувствуешь? Попридержи язык, пока не минуем мост.

Анно оттолкнулся от берега веслом и принялся поспешно грести, выводя лодку к середине реки. Трудиться ему пришлось недолго, поскольку течение вскоре подхватило лодку и она понеслась, все набирая и набирая скорость. Анно склонился над веслом, держа курс точно на южный пролет моста.

Маррик не ослабил хватки, так что я сидел лицом к корме. В то мгновение, когда течение подхватило нас, чтобы понести на юг, я услышал пронзительное ржание Астера, напуганного дымом и ревом огня. На фоне огненного зарева я увидел, как конь мой, сорвавшись с привязи, выскочил, волоча за собой порванные постромки из-под сени деревьев, и словно привидение понесся по тропе вдоль реки. Что ж, несмотря на пожар, он отыщет ворота и пробьется к своему стойлу, а там его быстро найдут. Интересно, что они подумают и где станут искать меня? Сердик исчез навсегда, а вместе с ним и моя комната, расписной сундук и покрывало, достойное принца. Может, они подумают, что я обнаружил Сердика и,

ужаснувшись, выронил светильник из рук? Что и мое тело осталось там, сгорело дотла под головешками крыла для слуг? Что бы они, впрочем, ни подумали, это уже не имело значения. Сердик отправился к своим богам, а я, по-видимому, направлялся к своим.

12

Черная дуга моста промелькнула над головой и исчезла. Лодка летела вниз по течению. Отлив вот-вот должен был смениться приливом, но последние волны несли нас достаточно быстро. Воздух посвежел, и лодка закачалась сильнее.

Нож как по волшебству исчез в складках платья здоровяка. Некоторое время спустя Маррик сказал:

— Что ж, пока все к лучшему. Звереныш крепко нам подсобил с этим пожаром. Никто и не думал смотреть на реку с моста. А теперь, парень, давай послушаем, что ты можешь нам рассказать. Как тебя зовут?

— Мирддин Эмрис.

— И ты говоришь, что был... Эй, погоди-ка! Ты сказал, Мирддин? Не тот ли бастард?

— Он самый.

Маррик громко присвистнул, а Анно опустил весло, но тут же торопливо стал загребать им, потому что лодку развернуло поперек течения.

— Ты слышал, Анно? Мы поймали бастарда. Почему же тогда, во имя всех подземных духов, ты назвался рабом?

— Я не знал, кто вы такие. Вы не узнали меня, поэтому я решил, что если вы сами воры или люди Вортигерна, то отпустите меня.

— Пони, сума, безделушки в ней... Выходит, ты и в самом деле удирал? Что ж, — произнес он задумчиво, — если верить сплетням, ничего удивительного, и твоей вины в этом нет. Но зачем поджигать дворец?

— Я же говорил, и это чистая правда. Камлах убил моего друга, сакса Сердика, хотя тот не сделал ничего дурного, чтобы заслужить такую смерть. Думаю, сакса убили лишь потому, что он был моим другом и слугой. Саму его смерть хотели обернуть против меня. А тело подложили мне в

покой, чтобы я его там нашел, как вернусь во дворец. Вот почему я поджег комнату. Его народ в огне уходит к своим богам.

— И плевать на то, что станется с остальными во дворце?

— В крыле для слуг не было ни души, — безразлично произнес я. — Они все ушли на ужин, или искали меня, или прислуживали Камлаху. Просто удивительно — хотя чему тут удивляться, — как быстро люди способны менять хозяев. Полагаю, пожар потушат прежде, чем огонь доберется до королевских покоев.

С минуту Маррик смотрел на меня в молчании. Лодка по-прежнему летела на волнах отлива, но притоки уже остались позади, нас выносило к самому устью. Анно, по-видимому, не собирался приставать к противоположному берегу. Я дрожал от холода и потому поплотнее закутался в плащ.

— К кому ты удирал? — спросил Маррик.

— Ни к кому.

— Послушай, парень, мне нужна правда или, будь ты незаконнорожденный принц или отродье раба, все равно полетишь за борт. Ты слышишь меня? Ты не протянул бы и недели, если б тебе некуда было податься, если у тебя нет кого-нибудь на примете, кто взял бы тебя на службу. К кому ты собирался? К Вортигерну?

— Это было бы логично, не так ли? Учитывая, что Камлах поддерживает Вортимера.

— Что? — Его голос стал резким. — Ты уверен?

— Совершенно уверен. Он и раньше склонялся к этой мысли, из-за чего и ссорился со старым королем. Думаю, он все равно бы ушел со своими людьми к Вортимеру. Теперь же, разумеется, он может поднять против Вортигерна целое королевство, закрыв его для верховного короля.

— И впустив сюда кого-то другого?

— Об этом я ничего не слышал. Но кого? Сам понимаешь, что он не особенно распространялся на этот счет до сего дня, когда его отец почил на смертном одре.

— Гм. — С минуту он размышлял. — У старого короля остался еще один сын. Если вассалы не захотят этого союза...

— Младенец? Подумай хорошенько. У Камлаха есть отличный пример для подражания: Вортимер не был бы в том положении, в каком оказался сейчас, если бы его отец не сделал то, что теперь собирается сделать Камлах.

— И что же это?

— Это ты знаешь не хуже меня. Послушай, почему я должен и дальше отвечать на твои вопросы, не зная, кто вы такие? Не пора ли тебе рассказать мне о себе?

Он пропустил мой вопрос мимо ушей. Казалось, Маррик задумался.

— Похоже, тебе многое известно. Сколько тебе лет?

— Двенадцать. В сентябре исполнится тринадцать. Но для того, чтобы узнать о Камлахе и Вортимере, большого ума не надо. Я слышал об этом от него самого.

— Ну надо же, клянусь Быком?! А что ты еще слышал?

— Довольно многое. Я всегда путался под ногами. Никто меня не замечал. Но моя мать решила удалиться от мира в обитель Святого Петра, и теперь моя жизнь не стоит и ломаного гроша. Вот почему я смылся.

— К Вортигерну?

— Не знаю, — честно ответил я. — Я об этом не думал. Возможно, в конце концов я попал бы к Вортигерну. Из кого мне выбирать? Есть только он и эти сакские волки, что так и будут раз за разом вцепляться в горло нашей Британии, пока не порвут ее на части и не проглотят целиком. Кто есть еще, кроме них?

— Хотя бы Амброзий, — сказал Маррик.

— Ах да, Амброзий, — рассмеялся я. — Я думал, что ты говоришь всерьез. Я знаю, что вы прибыли из Малой Британии, это слышно по вашему говору, но...

— Ты спрашивал, кто мы такие. Так вот, мы люди Амброзия.

Повисла тишина. Только тут я заметил, что берега реки исчезли. Далеко впереди к северу мелькнул свет — огонь на сторожевой башне. Дождь, стихший еще некоторое время назад, перестал совсем. Похолодало, ветер с берега гнал по морю крутую зыбь. Лодка клевала носом и раскачивалась, и я почувствовал первые позывы тошноты, предвестники морской болезни. Крепко сцепив руки на животе, стараясь одновременно согреться и остановить подкатывающую к горлу тошноту, я резко спросил:

— Люди Амброзия? Так значит, вы все же шпионы? Его шпионы?

— Скажем лучше, верные люди.

— Выходит, это правда? Правда, что он выжидает в Малой Британии?

— Да, это правда.

— И вы направляетесь туда? — Я с ужасом поглядел на него. — Неужели вы думаете, что можно доплыть туда в этой утлой лодчонке?

Маррик засмеялся, а Анно кисло произнес:

— Возможно, нам придется в ней плыть, если корабль ушел.

— Какой корабль окажется зимой в этих местах? — вопросил я. — В такую погоду в море не выходят.

— Выходят, если хорошо заплатить, — сухо ответил Маррик. — Амброзий заплатил. Корабль будет на месте. — Его большая рука почти дружелюбно опустилась на мое плечо. — Пусть тебя это не беспокоит, я хочу еще кое о чем узнать.

Я скорчился, обхватив живот и стараясь набрать в грудь побольше холодного чистого воздуха.

— Ну да, а я о многом могу тебе рассказать. Но если вы собираетесь выбросить меня за борт, мне нечего терять, правда? С тем же успехом я могу и молчать обо всем, что мне известно... или проверить, заплатит ли Амброзий за эти сведения. Вон ваш корабль... Вы, наверное, ослепли, если не увидели его до сих пор. А теперь оставьте меня в покое — мне худо.

Послышался сдавленный смех.

— А ты смелый, надо отдать тебе должное. И действительно, корабль на месте, теперь и я его ясно вижу. Что ж, учитывая, кто ты есть, мы, пожалуй, возьмем тебя с собой. Есть на то и еще одна причина: мне понравилось, как ты говорил о своем друге. Твои слова звучали вполне правдиво. Значит, и ты можешь быть преданным? К тому же у тебя нет причин хранить верность Камлаху или Вортигерну. Способен ли ты преданно служить Амброзию?

— Скажу, когда его увижу.

Удар кулака отбросил меня на дно лодки.

— Пускай ты и принц, но потрудись говорить о нем с подобающим почтением. Много сотен людей считают его своим королем по праву рождения.

Я с трудом сел, и меня вырвало. Совсем близко послышался тихий оклик, и спустя мгновение мы уже покачивались в тени корабля.

Если он настоящий человек, то этого будет достаточно.

Корабль был небольшой, но вместительный и низко сидел на воде. На борту не светилось ни одного огня, и корабль казался призрачной тенью в морской тьме. На фоне несущейся по небу тучи, которая была лишь немного

светлее черного неба над головой, я видел лишь, как раскачивается верхушка мачты, что вызвало у меня новый приступ тошноты. Оснасткой корабль походил на купеческие суда, по торговым делам заходившие в Маридунум при благоприятной погоде, но все контуры и линии корабля показались мне более чистыми, как будто построен он был ради быстрого бега.

Маррик отозвался на отклик, и с борта змеей спустился канат. Анно тут же подхватил его и привязал лодку.

— Давай же, пошевеливайся. Сможешь взобраться по веревке?

Каким-то образом мне удалось стать на ноги в раскачивавшейся лодке. Промокший канат плясал и дергался у меня в руках. Сверху раздался нетерпеливый голос:

— Поторапливайтесь. Нам повезет, если вообще удастся добраться до дому в такую погоду.

— Лезь наверх, порази тебя гром, — выругался Маррик, грубо подталкивая меня. Этого оказалось достаточно. Мои потерявшие чувствительность руки соскользнули с каната, и я повалился назад в лодку. Свесившись через борт, пока меня выворачивало наизнанку, я хватал воздух широко открытым ртом: в тот момент меня совершенно не заботило, какая судьба ожидает меня самого или даже дюжину пусть самых славных королевств. Если бы меня пырнули ножом или швырнули за борт, то и тогда я, наверное, не обратил бы на это внимания, хотя, возможно, и приветствовал бы смерть как избавление от мук. Я просто висел на борту лодки словно узел мокрого тряпья и избавлялся от содержимого своего желудка.

То, что произошло потом, я помню очень смутно. Разные голоса сыпали проклятиями, и вроде бы Анно настойчиво советовал Маррику не ввязываться в неприятности и выбросить мальчишку за борт. Но меня все-таки сгребли в охапку и каким-то образом передали наверх, в протянутые руки, которые втянули меня на корабль. Потом кто-то протащил меня вниз и там бросил на какое-то подобие постели, поставив рядом со мной ведро с водой и открыв люк, так чтобы холодный ветер обдувал мое залитое потом лицо.

Полагаю, плавание заняло дня четыре. Море было действительно бурным, но вскоре мы ускользнули от надвигавшегося шторма, и корабль, поймав ветер, набрал скорость. На протяжении всего путешествия я лежал внизу, у самого бортового отверстия, благодарно завернувшись в одеяла и не отваживаясь поднять голову. Спустя некоторое время

мне полегчало, но сомневаюсь, что я был в состоянии пошевелиться, и, к счастью, никто меня и не заставлял. Лишь однажды ко мне спустился Маррик. Помню я об этом смутно, словно это было во сне. Осторожно переступив через груду старых якорных цепей, он подошел к тому месту, где я лежал, и, склонившись, какое-то время недоуменно всматривался в меня. Потом он покачал головой:

— Подумать только, я считал, что удача нам улыбнется, если мы возьмем тебя с собой. Видно, надо было все-таки отправить тебя за борт и тем самым уберечь себя от массы неприятностей. Думаю, тебе и рассказать-то мне больше нечего, а?

Я не ответил.

Он как-то странно засмеялся и вышел. Я же в изнеможении уснул.

Проснувшись, я обнаружил, что кто-то снял с меня мокрую одежду. Я лежал сухой и голый под грудой одеял. Возле моей головы стоял, заткнутый для верности тряпицей, кувшин с водой, а рядом лежала половинка ячменной лепешки. Я не решился дотронуться до еды, но понял ее значение... Я провалился в сон...

Затем наступил день, когда незадолго до сумерек впереди показался Дикий берег, и вскоре мы бросили якорь в спокойных водах Морбигана, что также называют Малым морем.

КНИГА II
СОКОЛ

1

О том, что мы причалили к берегу, я узнал из слов, которые произносили у меня над головой резкие голоса, вырвавшие меня из недр тяжелого сна.

— Что ж, ладно, верь ему, если хочешь, дело твое. Но неужели ты в самом деле думаешь, что принц, пусть даже бастард, станет расхаживать в таком тряпье? Все грязное, на поясе нет даже позолоченной пряжки, а посмотри на его сандалии! Согласен, у него хороший плащ, но он же порван. Скорее я поверю в первую его байку. Мы и впрямь поймали раба, убегавшего с хозяйскими вещами.

Я узнал голос Анно, говорившего на бретонском наречии. К счастью, я лежал к ним спиной, зарывшись в ворох одеял. Мне не составило труда притвориться спящим: я лежал неподвижно и старался дышать ровно.

— Нет, это бастард, можешь быть уверен; я видел его в городе. Я узнал бы его раньше, если б увидел при свете дня, — отозвался басом Маррик. — Как бы то ни было, не имеет значения, кем он был: рабом или королевским бастардом — главное, что он, как свои пять пальцев, знает положение дел во дворце, и Амброзий захочет это услышать. И еще он смышленый парнишка. Сомнений нет, он тот, за кого выдает себя. На кухне так держаться и так говорить не научат.

— Да, но... — От перемены в голосе Анно у меня мороз пробежал по коже. Я боялся пошевелиться.

— Что еще?

— Если мы заставим его рассказать обо всем сначала нам... — перешел на шепот проныра. — Сам посуди. Помнишь, сколько он нам наболтал о том, что собирается предпринять король Камлах, и об остальном... Если мы вытрясем из него эти сведения и поспешим сами их передать, нас ждет тугой кошелек, ведь так?

— А что будет потом, когда он сойдет на берег и расскажет кому-нибудь, откуда он приехал? — проворчал Маррик. — Амброзий узнает обо всем. От него ничего не утаишь.

— Да ты что, простачка из себя строишь? — язвительно вопросил Анно.

Сжавшись в комок, я молил моего бога, чтоб он не дал мне выдать себя. Кожа между моими лопатками похолодела и натянулась, как будто к ней уже приставили лезвие ножа.

— Не такой уж я и простак. Я тебя понял. Но не понимаю, каким образом...

— Никто в Маридунуме не знает, куда он подевался, — быстро и горячо зашептал Анно. — Что до людей, которые видели, как он поднимался на борт, о них не тревожься: они решат, что мы забрали его с собой. Да, именно так мы и поступим; возьмем его с собой, а между берегом и городом есть уйма укромных местечек... — Я услышал, как он сглотнул. — Я еще раньше говорил тебе: нет смысла тратить деньги на его перевозку...

— Если мы собирались избавиться от него, — глухо сказал Маррик, — то нам вообще не следовало платить за его проезд. Пошевели мозгами, теперь мы в любом случае получим назад наши денежки, а может, и сверх того.

— С чего ты взял?

— Если мальчишке есть что рассказать, Амброзий оплатит его проезд, можешь быть уверен. А если к тому же окажется, что он бастард — а я в этом не сомневаюсь, — можно надеяться еще и на подарок. Сыновья — или внуки — королей бывают ох как полезны; кому об этом знать, как не Амброзию?

— Амброзий должен понимать, что как заложнику мальчишке грош цена, — хмуро буркнул Анно.

— Кто знает? Но ежели он Амброзию не нужен, что ж, мы все равно не прогадаем: продадим мальчишку, а выручку поделим. Послушай меня, оставим пока все как есть. Живой он чего-нибудь стоит; мертвому ему ломаный грош цена, к тому же мы потратились на перевозку.

Анно грубо пнул меня в бок.

— Сейчас он, похоже, совсем ни на что не годен. Ты видел, чтобы кто-нибудь так блевал? У него желудок как у девчонки. Как по-твоему, он способен идти сам?

— Сейчас узнаем, — отозвался Маррик и встряхнул меня за плечо. — Эй, парень, вставай.

Я застонал и медленно повернулся, представив их взорам, как я надеялся, измученное бледное лицо.

— В чем дело? Мы уже прибыли? — спросил я по-валлийски.

— Да, мы на месте. Давай поднимайся, мы сходим на берег.

Я снова застонал, еще жалостнее, чем прежде, и схватился за живот:

— О Господи, только не это, оставьте меня в покое.

— Принести ведро воды? — предложил Анно.

Маррик выпрямился.

— Времени нет. — Он снова перешел на бретонский. — Похоже, нам придется его нести. Нет, мы оставим парня; нам надо спешить к графу. На сегодняшнюю ночь назначено собрание или ты забыл? Он наверняка уже знает, что прибыл корабль, и захочет повидаться с нами до того, как ему придется уехать. Лучше поскорее доложить ему обо всем, иначе жди беды. Оставим пока мальчишку здесь. Можно его запереть, а матросу на вахте сказать, чтоб приглядывал за трюмом. Мы вернемся еще до полуночи.

— Ты хотел сказать, что ты вернешься, — едко бросил Анно. — У меня есть неотложные дела.

— Амброзий тоже ждать не станет, поэтому, если хочешь заработать на мальце, тебе лучше вернуться. Они уже разгрузили половину корабля. Кто на вахте?

Анно что-то ответил, но его слова заглушил скрип тяжелой двери и грохот засова, которым они заложили за собой дверь. Я прислушивался к тому, как удалялись их голоса, потом эти голоса потерялись в шуме разгрузочных работ, сотрясавших корабль: в скрипе лебедок, криках людей у меня над головой и других, отвечавших им с берега, визге и шипенье канатов на шкивах, глухих ударах тюков, перебрасываемых с корабля на причал.

Я сбросил с себя одеяла и сел. Муторная качка исчезла, и я чувствовал себя сносно, даже хорошо; мною овладело какое-то ощущение легкости и опустошенности, невесомое, почти нереальное ощущение, подобное силе, которой обладаешь во сне. Став на колени среди одеял, я огляделся.

На причале горели фонари; их свет проникал в трюм сквозь небольшое квадратное бортовое отверстие. В этом свете я увидел кувшин с широким горлом, стоявший на прежнем месте, и новый ржаной сухарь. Откупорив кувшин, я

осторожно отпил воды. Она была затхлой и отдавала тряпкой, но была пригодна для питья и прогнала металлический привкус во рту. Сухарь был твердый как камень, но я размочил его водой и, отломив кусок, стал жевать. Поев, я приподнялся и выглянул наружу.

Для этого мне пришлось ухватиться за край отверстия и подтянуться на руках, а в качестве приступки воспользоваться распорками, что шли вдоль всего шпангоута. По очертаниям моего узилища я догадывался, что оно находилось в носовом трюме, и теперь убедился в своей правоте. Корабль стоял бортом к каменному причалу; на столбах там висело несколько фонарей, освещавших десятка два солдат, которые были заняты переноской тюков и груженых корзин с корабля. Позади причала виднелся ряд крепких на вид построек, предназначавшихся для хранения товаров, но в тот вечер прибывший груз, по-видимому, собирались отправить в другое место. Под фонарными столбами ожидали повозки с запряженными в них терпеливыми мулами. Люди при повозках были в кожаных армейских панцирях и все как один при оружии, а за разгрузкой наблюдал капитан.

Швартовы находились приблизительно в середине корабля, возле спущенного на причал сходня. Носовой конец был привязан к поручню у меня над головой, что позволило судну развернуться носом в море, так что между мною и берегом лежало футов пятнадцать воды. Огней на носу не было, и царила тут полная тишина; канат убегал в притягательную темноту, за которой прятались постройки и где мрак был еще гуще. Однако я решил подождать, пока закончат разгрузку и повозки, а с ними и солдаты уедут прочь. Позднее настанет более удобный момент для побега: на борту окажется только вахтенный, а с причала, наверное, даже уберут фонари.

Разумеется, я должен был бежать. Останься я в заточении, мне пришлось бы полагаться лишь на доброе расположение Маррика, а оно, в свою очередь, зависело от исхода переговоров с Амброзием. А если по какой-то причине Маррик не сможет вернуться и вместо него придет Анно...

Кроме того, я был голоден. После воды и противного размоченного сухаря в моем мучительно пустом животе забурлили соки. Даже мысль о том, чтобы провести еще два или три часа в ожидании, пока кто-нибудь явится за мной, не принимая во внимание и страх, с каким я ждал возвращения моих тюремщиков, казалась невыносимой. И при са-

мом благоприятном исходе, если Амброзий пришлет за мной, я не мог быть уверенным в своей судьбе после того, как граф получит все интересующие его сведения. Несмотря на блеф, спасший мне жизнь при встрече с его лазутчиками, этих сведений было недостаточно, и Анно правильно полагал — а Амброзий должен знать об этом наверняка, — что меня не удастся использовать в качестве заложника. Мое полукоролевское происхождение могло произвести впечатление на Маррика и Анно, но то, что я был внуком союзника Вортигерна или племянником приверженца Вортимера, явно свидетельствовало против меня и не оставляло надежд на добрый прием у Амброзия. Королевский я бастард или нет — в лучшем случае моим уделом станет рабство, а если удача от меня отвернется — никем не воспетая смерть.

Но я не собирался дожидаться смерти. По крайней мере пока бортовое отверстие стояло распахнутым настежь, а дорогу на берег обеспечивал свисавший канат. Оба шпиона, решил я, так редко имели дело с узниками моего возраста, что даже не подумали об открытом люке. Ни один взрослый мужчина, даже такой тщедушный, как Анно, не способен удрать через него, но это было по силам худенькому мальчику. Однако даже если бы такая мысль и пришла им в голову, они знали, что я не умею плавать. Внимательно осмотрев из бортового отверстия швартовый канат, я решил, что смогу по нему проползти. Если крысы могут ходить по канату — а именно в тот момент по канату на берег сходила огромная жирная крыса, — то смогу и я.

Но мне пришлось ждать. Между тем было холодно, а я был совершенно раздет. Мягко спрыгнув на пол, я принялся искать свою одежду.

Свет, лившийся с берега, был тусклым, но его хватало. Я рассмотрел клетушку, в которой находился: скомканные одеяла на груде старых мешков, служивших мне постелью, покоробленный и потрескавшийся морской сундук возле перегородки, груда ржавых цепей, которую я не смог сдвинуть с места, кувшин с водой, а в дальнем углу — то есть на расстоянии двух шагов — вонючее ведро, все еще наполовину наполненное блевотиной. Больше в каморке ничего не было. Возможно, Маррик из добрых побуждений снял с меня промокшую одежду, но то ли он забыл вернуть ее, то ли одежду спрятали, чтобы воспрепятствовать моему побегу.

Пяти секунд хватило, чтобы убедиться, что в сундуке нет ничего, кроме нескольких дощечек для письма, бронзовой чашки и ремешков от сандалий. По крайней мере, подумал я, опуская крышку над этими скудными сокровищами, они оставили мне сандалии. Не то чтобы я не привык ходить босиком, но стояла зима, и кто знает, какая мне предстоит дорога... Пусть голому и босому, не важно, но мне нужно бежать. Одни только предосторожности, к каким прибег Маррик, исполнили меня решимости скрыться как можно скорее.

Я не представлял себе, что буду делать и куда подамся, но бог спас меня из рук Камлаха и помог благополучно преодолеть Узкое море, так что я верил в свою судьбу. Пока я собирался поближе присмотреться к Амброзию, чтобы составить о нем собственное мнение; и если я решу, что могу рассчитывать на покровительство или хотя бы на жалость, то я приду к нему и предложу свою историю и свои услуги. Мне и в голову не приходила нелепость самой мысли: просить принца принять на службу двенадцатилетнего мальчишку. Полагаю, для этого у меня хватило королевской самоуверенности. Если бы мне не удалось поступить на службу к Амброзию, то у меня оставалась призрачная надежда найти деревушку к северу от Керрека, откуда была родом Моравик, и обратиться за помощью к ее родственникам.

Мешки, на которых я лежал, были старыми и уже начинали гнить. Проделать в одном из них отверстия для головы и рук оказалось довольно легко. Одеяние получилось отталкивающее, однако оно прикрывало тело. Я разорвал еще один мешок и тоже натянул его через голову — для тепла. Я бы натянул и третий мешок, но он уже сковывал бы движения. Я с тоской погладил одеяла, они были хорошие и плотные, но я не смог бы разорвать их, и к тому же они непомерно мешали бы карабкаться по канату. Неохотно я положил одеяла на место. Из пары кожаных ремешков я связал себе пояс. Оставшуюся краюху хлеба я сунул за пазуху. Ополоснув лицо и руки остатками воды из кувшина, я подошел к бортовому отверстию, подтянулся и выглянул наружу.

Пока я одевался, до моего слуха донеслись крики и топот ног, как будто солдат строили перед маршем. Теперь я убедился, что так оно и было. Повозки с сидевшими в них людьми отъезжали в сопровождении всадников. Последняя тяжело груженная повозка как раз со скрипом проехала мимо строений, и возница щелкнул кнутом, подгоняя мулов. Вско-

ре стих и топот мерно вышагивающих ног. Я не мог не спрашивать себя, что за груз доставил из Уэльса этот корабль; в такое время года это едва ли могло быть зерно. Если на разгрузку поставили солдат да еще выделили к повозкам охрану, скорее всего это были металл или руда. Перестук колес затихал вдали. Я осторожно осмотрелся по сторонам. Фонари по-прежнему освещали причал, однако теперь на нем не было ни души. Самое время бежать, пока вахтенный не решил проверить, как там сидится пленнику.

Для юркого мальчишки задача не составила труда. Вскоре я уже сидел, наполовину высунувшись из люка: ногами я цеплялся за перегородку, а руками тянулся к канату. Затем наступил неприятный момент, когда обнаружилось, что из такого положения до каната мне не дотянуться: я должен был встать на ноги, прижимаясь к корпусу корабля над черной пропастью, разверзшейся между судном и причалом, в которой плескалась среди отбросов маслянистая вода. В конце концов мне удалось встать, цепляясь за борта корабля, словно я был одной из крыс, собравшихся на берег, и ухватиться за канат. Он оказался туго натянутый и сухой и полого спускался к тумбе на берегу. Схватив его обеими руками, я извернулся так, чтобы стать лицом к берегу, оттолкнулся от борта корабля и забросил на канат ноги, повиснув вниз головой.

Я намеревался осторожно спуститься на берег, постепенно перебирая руками, и закончить этот тяжкий путь в укромном темном уголке за тумбой, но, не будучи моряком, не учел подвижности маленького суденышка. Даже мой незначительный вес, пока я сползал по канату, опасно раскачивал корабль, и его нос внезапно повернулся к причалу. Канат подо мной провис, ослаб, а потом упал, когда ослабло натяжение и разошлась петля. Я раскачивался, цепляясь за него, словно обезьяна, и тут, к ужасу своему, увидел, как ушла под воду высвободившаяся петля; канат повис вертикально, мои ноги потеряли опору, а на руках я не сумел удержаться. Словно бусинка, надетая на нитку, я полетел вниз по канату вдоль борта корабля.

Если бы корабль поворачивался чуть медленнее, то меня или раздавило бы между корпусом и причалом, или я утонул бы, опустившись в нижнюю точку слабины; но корабль двигался, как пугливая лошадь. Когда судно ударилось о причал, я находился как раз над ним. Резкий рывок

заставил меня разжать руки и отбросил вниз. Я растянулся в тени от стены на твердой, скованной морозом земле всего в нескольких дюймах от кнехта.

2

Ощупывать себя в поисках ушибов не было времени. С палубы доносился топот босых ног — вахтенный бежал смотреть, что произошло. Я перевернулся, вскочил на ноги и метнулся в темноту прежде, чем его фонарь осветил место происшествия. Слышно было, как он что-то крикнул, но я уже свернул за угол и был уверен, что матрос меня не заметил. Но и заметь он меня, думаю, большой беды не случилось бы. Сперва ему пришлось бы проверить мое узилище, но даже после этого он вряд ли отважился бы покинуть корабль. Я позволил себе передохнуть несколько мгновений, привалившись к стене и дуя на руки, обожженные канатом, в ожидании, пока мои глаза привыкнут к темноте.

Поскольку и на корабле царила полутьма, то мне не понадобилось много времени; я быстро осмотрелся вокруг.

Укрытием мне служил навес последней в ряду построек, по другую сторону — противоположную обращенной к причалу — которых находилась дорога — прямая лента гравия, уходившая к россыпи огней, мерцавших вдалеке. Без сомнения, там — город. Немного ближе, как раз там, где дорога растворялась в темноте, раскачивался тусклый огонек, наверное, фонарь на задней повозке. Больше ничего не двигалось.

Не составило большого труда догадаться, что охраняемые с таким тщанием повозки направляются прямо в резиденцию Амброзия. Я не имел понятия, удастся ли мне попасть к нему или хотя бы пробраться в город или селение, но в тот момент меня заботило лишь то, как найти хоть какую-нибудь еду и место, где можно согреться и перекусить в ожидании утра. А как только я отдохну и приду в себя, мой бог, в этом я не сомневался, укажет мне путь.

Ему также придется позаботиться о моем пропитании. Изначально я намеревался выменять еду на одну из моих застежек, но сейчас, труся за фургонами, я думал о том, что мне придется что-нибудь украсть. На худой конец у меня

оставалась краюха ржаного хлеба. Оставалось отыскать место, где укрыться до наступления дня... Если Амброзий, по словам Маррика, отправился на «собрание», бесполезно было идти в его резиденцию и добиваться аудиенции. Сколь значительной персоной я бы себя ни выставлял, маловероятно, что я мог надеяться на почести или просто доброе отношение солдат Амброзия, явись я к нему в таком виде, да еще в его отсутствие. Наступит день, и тогда будет видно.

Было холодно. Воздух, вылетавший у меня изо рта, превращался в пар, сероватый в черном морозном воздухе. Луны не было, но звезды уже зажглись и следили за мной с небес, словно волчьи глаза. На дорожных камнях, которые звенели под копытами и колесами впереди меня, блестела изморозь. К счастью, погода стояла безветренная, и от быстрого бега я несколько согрелся, но я не отваживался догнать медленно ползший обоз, поэтому время от времени мне приходилось останавливаться и ждать; мороз тысячью иголок тут же впивался в мое тело, покусывая сквозь драные мешки, так что мне то и дело приходилось хлопать себя по бокам и ляжкам руками, чтобы не закоченеть.

К тому же удача пока была на моей стороне и вдоль дороги было множество мест для укрытия: по обочинам росли кусты, кое-где редкие, а местами сливавшиеся в густые заросли, сгорбленные под напором ветра; схваченные морозом, они все еще тянули вслед ветру окоченелые руки-ветки. Среди кустов стояли огромные камни, отчетливо видневшиеся на фоне звездного неба. Первый такой камень я принял за гигантский верстовой столб, но затем увидел и другие: они выстроились рядами, словно аллея пораженных молнией деревьев или как колоннада, вдоль которой прогуливаются боги — неизвестные мне боги.

На камень, возле которого я остановился, выжидая, когда обоз отойдет подальше, упал свет, и мое внимание привлек рисунок, грубо высеченный в граните с мерцающей в черных линиях изморозью. Двуглавая секира. Теряясь во тьме, стоячие камни уходили вдаль, словно строй великанов. Ноги мне кололи изломанные стебли чертополоха. Собираясь уходить, я снова оглянулся на камень. Секира исчезла.

Стиснув зубы, чтобы унять дрожь, я выбежал на дорогу. Разумеется, я дрожал от холода, от чего же еще? Обоз отошел довольно далеко, и я побежал за ним следом, держась дерна по краю обочины, хотя, по правде говоря, земля

была такой же твердой, как гравий. Тонкий ледок ломался и поскрипывал под ногами. За моей спиной таяла в темноте безмолвная армия камней, а впереди светились городские огни и ждали теплые дома. Наверное, впервые в жизни я, Мерлин, стремглав бежал к свету и обществу людей, убегая от одиночества: так волчьи глаза в темноте заставляют человека жаться ближе к огню.

Город был окружен стеной. Об этом можно было догадаться, принимая во внимание близость моря. Высокий вал венчал палисад, а перед ним в широком рву белел лед. Через равные промежутки в нем чернела вода, очевидно, лед разбили на отдельные льдины, достаточно маленькие, чтобы они не могли выдержать вес человека. Темную воду уже затягивал новый ледок, а из-под него смотрели, помаргивая, отражения звезд. Через ров к воротам был переброшен деревянный мост, перед которым сейчас, в ожидании дальнейших приказов капитана, отъехавшего переговорить со стражей, остановились повозки. Люди стояли неподвижно, будто окаменели, а мулы переступали на месте, всхрапывали и бренчали сбруей, предвкушая тепло конюшни.

Если у меня и была мысль запрыгнуть в последнюю повозку и таким образом проникнуть в город, то я должен был от нее отказаться. Всю дорогу до города вдоль обоза двумя колоннами маршировали солдаты, а их командир ехал сбоку и в отдалении так, что ему были видны все фургоны. Распустив колонну и отдав приказ переходить мост, капитан развернул лошадь и направился к хвосту колонны, чтобы проследить, как проедет последняя повозка. На мгновение он повернулся ко мне лицом: средних лет, злой и посиневший от холода. Такой человек не станет терпеливо слушать, если захочет слушать вообще. Безопаснее оставаться под звездами среди марширующих великанов.

С глухим стуком створки ворот сомкнулись за обозом, и я услышал скрежет закладываемого засова.

Вдоль рва вилась едва различимая тропинка. Она вела на восток, и, присмотревшись, я различил в отдалении еще горсть огней. Огни были так далеко, что, наверное, освещали ферму или селение очень далеко от города.

Я рысцой свернул на тропу, на бегу я откусывал от черствой краюхи, а потом сосал хлеб в ожидании, когда слюна размягчит его.

Оказалось, что огни светились в достаточно большой усадьбе, строения которой окружали обширное подворье: с одной стороны разместился двухэтажный господский дом, а с остальных — одноэтажные постройки: бани, помещения для слуг, конюшни, даже пекарня. Все строения открывались внутрь двора, а передо мной высились наружные их стены, почти везде глухие; лишь кое-где я разглядел узкие оконца, до которых мне было не дотянуться. Попасть в усадьбу можно было только через ворота, возле которых в железной скобе на высоте человеческого роста горел факел. Во дворе тоже горели огни, но я не слышал ни шагов, ни голосов. Ворота, разумеется, были накрепко заперты.

Да я и не отважился бы пройти через них, чтобы не попасть в руки привратнику. В надеже отыскать место, где можно перелезть через стену, я отправился в обход усадьбы. За третьим окном оказалась пекарня; из окна на меня пахнуло холодом и скисшим тестом; впрочем, и этого запаха хватило, чтобы заставить меня попытаться вскарабкаться вверх по стене, однако окно пекарни было настолько узким, что вполне могло бы называться щелью.

Дальше шло окно конюшни, и следующее тоже... Я вдыхал запахи лошадей и других животных, к которым примешивался аромат сена. Затем я вышел к господскому дому, стены которого были глухие, без единого оконца. Так же, как и у бань. Обогнув усадьбу, я снова вышел к воротам.

Внезапно загремела цепь, и в нескольких шагах от меня, по другую сторону ворот, громко залаяла огромная собака. Я отскочил назад, как ошпаренный, и распластался вдоль стены, услышав, как неподалеку открылась дверь. Некоторое время до меня доносилось только рычание собаки, а затем мужской голос что-то коротко приказал, и дверь закрылась. Собака еще немного поворчала, принюхиваясь к подворотне, а потом поволокла цепь обратно к конуре. Потом я услышал, как она умащивается там на соломе.

Было совершенно очевидно, что вовнутрь мне не пробраться. Я постоял немного, прижимаясь спиной к холодной стене, которая все-таки казалась чуть теплее леденящего воздуха. От холода меня била столь отчаянная дрожь, что казалось, громыхают друг о друга мои кости. Я ни минуты не сомневался, что правильно поступил, удрав с корабля и отдавшись на милость отряда при обозе, но сейчас я задумался, не попытаться ли постучать в ворота и попросить пристани-

ща. Конечно, меня могли вышвырнуть за порог как попрошайку, но если я проведу ночь в поле, то, возможно, замерзну насмерть еще до наступления утра.

И вдруг там, куда уже не достигал свет факела, я увидел темные очертания низкого строения — должно быть, коровника или сарая. Оно располагалось шагах в двадцати от меня, в углу поля, огороженного невысокой насыпью, обсаженной поверху терновником. Мне показалось, я слышал, как в этом сарае скотина переступала с ноги на ногу. По крайней мере я смогу обогреться теплом животных, и если мне удастся перестать стучать зубами, то у меня оставалась еще сухая краюха.

Стоило мне отступить на шаг от стены, совершенно беззвучно, могу поклясться в этом, как из будки, гремя цепью, выскочила собака и снова залилась неистовым лаем. На этот раз дверь дома отворилась без промедления, и я услышал во дворе мужские шаги. Человек направлялся к воротам. До моего слуха донеслось бряцанье оружия, высвобождаемого из ножен. Я уже повернулся, чтобы броситься наутек, но вдруг ясно услышал то, что всполошило и заставило залаять собаку: в морозном воздухе гулко раздавался стук лошадиных копыт, кто-то спешил сюда во весь опор.

Подобно тени, я метнулся через открытое пространство к сараю. Попасть на поле можно было лишь через проход в насыпи, перегороженный сухим терновником. Поспешно перебравшись через них, я потихоньку, чтобы не встревожить животных, ползком пробрался к сараю и присел в тени дверного проема, так чтобы меня не было видно от ворот усадьбы.

Это было маленькое, сложенное из нетесаных камней строеньице, крытое соломой, и высотой оно было едва-едва в рост взрослого мужчины. Почти все небольшое пространство внутри заняли молодые бычки, стоявшие так тесно, что не могли лечь, но, по-видимому, вполне довольные такой теснотой, которая давала больше тепла, и мирно жевавшие сухое сено. Двери у сарая не было, но вход в него закрывала нестроганая доска, не позволявшая животным выйти наружу. В свете звезд передо мной серебрилось схваченное морозом пустынное поле, окруженное насыпью и увенчанное все тем же истерзанным ветром кустарником. Посреди поля возвышался один из стоячих камней.

За воротами усадьбы человек пытался утихомирить собаку. Стук копыт нарастал, молотом звеня по промерзшей дороге, а затем из темноты неожиданно вырвался

всадник и, взметнув град камней и комьев мерзлой земли, осадил у ворот лошадь. Подковы заскрежетали о камни, а передние копыта глухо ударили в створку деревянных ворот. Человек во дворе что-то прокричал, очевидно, вопрошая о чем-то подъехавшего, на что тот, спешиваясь, крикнул в ответ:

— Конечно. Давай открывай!

Послышался скрип распахиваемой створки ворот, после чего мужчины обменялись несколькими фразами, но за исключением нескольких обрывков слов я не разобрал ничего. Судя по движению света, привратник (или просто человек, вышедший к воротам) вынул факел из скобы. Более того, свет, а вместе с ним и оба незнакомца, ведя в поводу лошадь, направлялись к сараю.

— Ладно, сойдет и это, — нетерпеливо сказал прибывший всадник. — Если уж на то пошло, я даже буду рад возможности побыстрей убраться отсюда. Там есть корм?

— Да, господин. Мне пришлось загнать туда молодняк, чтобы разместить всех лошадей.

— Выходит, много народу собралось?

Голос был молодой, ясный, слегка грубоватый, или мне так показалось, потому что всадник, быть может, охрип от холода и держался надменно. Голос патриция, небрежный, как и его обращение с лошадью, которую он заставил стать на дыбы перед воротами.

— Порядочно, — ответил ему привратник. — Теперь гляди под ноги, господин: нам сюда, в этот проем. Позволь я пойду вперед, так тебе будет больше света...

— Я и так вижу, — раздраженно бросил молодой человек. — Только не тычь мне факелом в лицо. Эй ты, потише!

Последние слова относились к лошади, оступившейся на камне.

— Давай я пойду впереди, господин. Проход я заложил сухим терновником, чтобы бычки не разбежались. Подожди минутку, я его сейчас уберу.

Я воспользовался их задержкой, чтобы выскользнуть из сарая и спрятаться за углом, где грубая каменная стена примыкала к насыпи. В этом месте был аккуратно сложен нарезанный торф, возле которого примостились вязанки хвороста и ворох сухого папоротника, предназначавшегося, очевидно, на зимнюю подстилку скотине. Забившись за торф и хворост, я сжался в комок и стал ждать.

Послышался шорох оттаскиваемого в сторону терновника.

— Вот так, господин, заводи его сюда. Здесь не так уж просторно, однако если ты уверен, что готов оставить его здесь...

— Я же сказал тебе, сойдет. Подними доску и заведи коня внутрь. Поторапливайся, я и так опаздываю.

— С твоего позволения, господин, я расседлаю коня.

— Не нужно. Час-другой он и так простоит. Просто ослабь подпругу. Наверное, мне стоит набросить на него плащ. Боги, до чего холодно... Да, сними еще уздечку. Я пошел...

Молодой всадник удалился, позванивая шпорами. Доска со стуком легла на прежнее место, зашуршал сухой терновник. А когда привратник поспешил вслед за молодым человеком, я уловил странную фразу:

— Впусти меня через черный ход, чтобы отец не увидел.

Ворота усадьбы затворились, лязгнул засов. Загремела цепь, но собака молчала. Я слышал, как они пересекли двор, а потом за ними захлопнулась дверь господского дома.

3

Даже если бы я рискнул пробраться через освещенное пространство, да еще зная, что из конуры на меня в любую минуту может выпрыгнуть сторожевая собака, чтобы перелезть через насыпь и пробежать двадцать шагов до ворот, то теперь необходимость в этом отпала. Бог позаботился обо мне, послав мне тепло и, как оказалось, пищу.

Не успели закрыться ворота, как я снова нырнул в сарай, где, шепотом успокоив лошадь, снял с нее плащ. Конь не вспотел: вероятно, он проскакал галопом всего лишь милю или около того от города до поместья и в сарае среди плотно сгрудившихся животных наверняка не простудится. В любом случае моя нужда была острее.

Это был богатый плащ из толстой, тяжелой и мягкой шерсти. Завладев одеждой, я с волнением обнаружил, что молодой господин оставил мне не только свой плащ, но и полную седельную сумку. Привстав на цыпочки, я пошарил в сумке. Первой мне в руку легла кожаная фляга. Встряхнув ее, я обнаружил, что она почти полная. Без сомнения, в

ней было вино: едва ли этот молодой вельможа стал бы возить с собой воду. Затем я нащупал узелок — это были завернутые в салфетку кусочки вяленого мяса, сухари и горсть изюма.

Животные толкались, пускали слюни и обдавали меня своим теплым дыханием. Край длинного плаща, выскользнув у меня из рук, упал в грязь под их копытами. Я подхватил его и, прижимая к груди флягу и узелок с едой, проскользнул под жердиной, запиравшей выход животным. Куча хвороста за сараем была чистой, но, думаю, я не побрезговал бы укрытием, будь это даже куча навоза. Я зарылся в хворост, поплотнее завернулся в мягкую шерсть плаща и принялся есть и пить все, что послал мне мой бог.

Что бы ни случилось, мне нельзя было спать. К несчастью, все шло к тому, что молодой человек пробудет в усадьбе не более часа или двух; но этого времени и ниспосланной мне пищи должно было хватить, чтобы согреть меня, и тогда я мог бы уютно скоротать ночь. Шум в доме разбудит меня загодя, и мне достанет времени проскользнуть в сарай, чтобы накинуть плащ на спину коню. Мой молодой господин едва ли заметит, что из его седельной сумы исчез походный паек.

Я выпил еще вина. Просто удивительно, какими вкусными кажутся даже корки ячменного хлеба, будучи запиты им. Вино было отличное: крепкое и сладкое, и на вкус отдавало изюмом. От него по моему телу волнами разливалось тепло, пока мои мышцы наконец не расслабились и члены не перестали дрожать. Свернувшись калачиком в своем гнезде, я натянул на себя целую гору сухого папоротника, чтобы сберечь тепло.

Должно быть, я все же заснул. Неизвестно, что меня разбудило; вокруг было тихо. Притихла даже скотина в сарае.

Снаружи стало темнее, и я подумал, что, наверное, близится рассвет, перед которым бледнеют звезды. Но, раздвинув папоротник и выглянув из своего убежища, я увидел, что звезды по-прежнему горят ярко белым светом в угольно-черных небесах.

На удивление потеплело. Поднялся ветер и принес с собой облака, стремительно несшиеся по небу и то и дело закрывавшие звезды; казалось, свет гонится за тенью, словно волны бегут по серебристому от инея полю, где чертополох и жесткая зимняя трава словно текли, подобно воде, и

волновались, как пшеничное поле под порывами ветра. Однако самого ветра не было слышно.

Над уносимой ветром рваной пеленой облаков ослепительно ярко сияли звезды, усыпавшие черный небосвод. Наверное, тепло и то, что я лежал, свернувшись калачиком в темноте, навеяли мне (так я тогда решил) сон об укромном убежище, о Галапасе и хрустальной сфере, в которой я лежал, так же свернувшись и всматриваясь в игру света. Сверкающий звездами небосклон над головой напоминал свод пещеры, где свет отражался от вспыхивающих кристаллов и где, гонимые огнем, метались и трепетали тени. И в этом черном своде видны были красные, сапфировые и белые точки-огни, а свет одной дальней звезды падал на землю ровным золотым лучом. Тут беззвучный ветер погнал по небу еще одну тень, и еще одна волна света побежала вдогонку за ней, и задрожал на ветру терновник, и с ним — тень от стоячего камня.

Наверное, я слишком глубоко зарылся в свою берлогу и потому не слышал шелеста ветра в траве и кустарнике. Не услышал я и того, как молодой человек отодвинул сухие кусты, которыми привратник перегородил проход в насыпи, потому что внезапно и без малейшего предупреждения он возник посреди двора — высокий, прямой как копье молодой человек быстрой поступью шел через поле; он двигался легко и беззвучно, как ветер.

Я весь подобрался, подобно улитке, спасающейся в свою раковину. Слишком поздно бежать в стойло, чтобы вернуть на место плащ. Мне оставалось лишь надеяться, что он сочтет, будто вор сбежал, и не станет искать его где-нибудь неподалеку. Но молодой человек даже не глянул в сторону сарая. Он направился вперед, прямо через заиндевелое поле. И тут я увидел наполовину скрытое тенью стоячего камня белое животное, мирно щипавшее траву. Должно быть, это его конь вырвался из сарая. Одним богам известно, что он мог найти съестного в зимнем поле, но я видел, хоть и не совсем отчетливо из-за большого расстояния, что белое животное паслось рядом со стоячим камнем. Конь, наверное, терся обо что-то подпругой, пока та не лопнула; седло тоже исчезло.

По крайней мере, пока он будет ловить лошадь, мне достанет времени, чтобы скрыться... или еще лучше — бросить плащ возле сарая, чтобы он подумал, будто плащ соскользнул со спины лошади, а самому подождать в своем логове, пока молодой господин уйдет. В том, что вырвался его

конь, винить он станет лишь привратника, и поделом: я не трогал жердину, закрывавшую вход. Я осторожно приподнялся, выбирая удобный момент.

Вероятно, почуяв приближение человека, пасшееся животное подняло голову. По небу проплыло облако, погрузив поле во тьму. Когда тьма исчезла под новой волной света, изморозь еще ярче заблестела звездами. Наконец волна света достигла стоячего камня, и я увидел, что ошибся: это была не лошадь. Не был это и один из молодых бычков из сарая. Возле камня стоял бык, огромный белый бык, вполне взрослый, с по-королевски разведенными рогами и шеей, подобной грозовой туче. Бык опустил голову, пока не коснулся подгрудком земли, и раз-другой предупреждающе ударил в траву копытом.

Молодой человек остановился. Теперь, когда тень унеслась вдаль, я видел его ясно как на ладони. Он был высокий и крепко сбитый, с выбеленными лунным светом волосами. Одежда его была чужеземного покроя — штаны, накрест переплетенные завязками под подпоясанной по бедрам туникой, и высокая шапка. Из-под шапки выбивались светлые кудри, развеваемые ветром, они обрамляли его лицо словно солнце лучи. В руке незнакомец держал свернутую в моток веревку, петли которой задевали за траву. Короткий темный плащ бился на ветру у него за спиной, но в игре теней и света нельзя было разглядеть цвета одежды.

Плащ? Выходит, передо мной не мой молодой господин. И зачем этот высокомерный вельможа вышел бы ночью с веревкой на поле? Неужели он стал бы ловить сбежавшего быка?

Без звука и без предупрежденья белый бык рванулся вперед, атакуя. Тени и свет неслись вместе с ним, мигали, метались, отчего все плыло у меня перед глазами. Взвилась и опустилась веревка с петлей на конце. Человек отпрыгнул в сторону. Огромное животное пронеслось мимо и, оскользнувшись, остановилось, натянув веревку и расставив ноги, из-под которых пошел пар от растаявшей изморози.

Бык развернулся и напал снова. Человек ждал, не сходя с места, слегка расставив ноги, всей своей позой выражая пренебрежение к опасности. Когда бык был уже совсем рядом, незнакомец с легкостью танцора увернулся. Бык пронесся так близко от него, что рогом вспорол развевающийся плащ, а плечо быка скользнуло по ноге незнакомца, словно влюбленный, жаждущий ласки. Руки мужчины пришли

в движение. Новой петлей захлестнула бычьи рога веревка... Незнакомец откинулся назад, натягивая ее, и, когда бык развернулся для новой атаки, — прыгнул.

Нет, не в сторону. Он прыгнул вперед и, приземлившись на толстую бычью выю, коленями сдавил подгрудок и натянул веревки, словно поводья.

Бык как будто врос в землю, уперевшись в нее широко расставленными ногами и низко наклонив голову, изо всех сил сопротивляясь веревкам. По-прежнему я не слышал ни звука: ни стука копыт, ни шороха веревки, ни шумно вырывающегося дыханья. Наполовину выбравшись из груды хвороста, я, позабыв обо всем на свете, в оцепенении глядел на схватку человека с быком.

На поле вновь легла печать тьмы. Я вскочил на ноги. Наверное, я намеревался схватить доску из груды возле сарая и стремглав броситься через поле, дабы оказать — пусть бесполезную — помощь, какая была в моих силах. Но не успел я пошевелить и пальцем, как вновь воссияли звезды, и я снова увидел застывшего на прежнем месте быка и человека у него на спине. Но теперь голова животного поднималась. Человек бросил веревку: его руки лежали теперь на бычьих рогах, и он все дальше задирал животному голову. Медленно, почти с ритуальной торжественностью, бык поддавался; бык поднимал голову, подставляя могучую шею. В правой руке человека сверкнуло лезвие. Он наклонился вперед и вонзил нож, а затем провел им поперек горла животного.

Ни звука. В безмолвии бык медленно опустился на колени. Черная кровь, хлынув струями, окрасила белую шкуру и белую изморозь, белую руку и белый камень.

Я вырвался из своего убежища и побежал через поле, не помню, что я выкрикивал на бегу.

Не знаю, что я собирался сделать. Человек увидел, как я бегу к нему, и повернул голову: я понял, что все кончено. Он улыбался, но в свете звезд его лицо казалось на удивление гладким и нечеловечески бесстрастным. Словно не было ни напряженья схватки, ни торжества закланья. И глаза его тоже были бесстрастны, темны и холодны, и улыбки в них не было.

Я споткнулся, попытался остановиться, запутался в плаще и рухнул наземь, покатившись смешным и беспомощным комком к ногам незнакомца как раз в тот момент, когда обессиленный, медленно кренившийся бык наконец по-

валился на бок. Что-то ударило меня в висок. Я успел услышать пронзительный, по-детски жалобный крик, понял, что кричу от боли я сам, и все погрузилось во тьму.

4

Боль привела меня в чувство — кто-то сильно ударил меня ногой по ребрам. Я застонал и перевернулся, пытаясь отползти подальше, но мне мешал плащ. Почти в самое лицо мне ткнули факелом, вонючим и коптящим. Знакомый молодой голос гневно произнес:

— Да ведь это мой плащ, клянусь Господом! Хватайте его! Живо! Будь я проклят, если прикоснусь к этому паршивцу — от него смердит.

Меня окружили со всех сторон: ноги, шаркающие по заиндевелой земле, мечущийся свет факелов, любопытные, сердитые или просто безразличные мужские голоса. Здесь были и верховые: они держались края толпы, и лошади их беспокойно били копытами на холоде.

Я с трудом поднялся на четвереньки, поморгал, прислушиваясь к голосам. Голова у меня раскалывалась от боли; в неровном свете факелов все происходящее казалось нереальным и словно бы рваным, будто действительность и сон мучительно смешались и переплелись в моем сознании. Огонь, голоса, корабельная качка, падающий белый бык...

Чья-то рука сдернула с меня плащ. Вместе с плащом с меня сорвали и часть прогнивших мешков, обнажив плечо и бок до пояса. Еще кто-то схватил меня за руку и рывком поставил на ноги. Другой рукой неизвестный грубо схватил меня за волосы и дернул вниз, заставляя поглядеть на стоявшего надо мной мужчину. Мужчина был высокий и молодой, со светло-каштановыми волосами, которые в свете факелов отсвечивали рыжиной, и лицом, обрамленным элегантной бородкой. Голубые глаза глядели на меня с презрением и злостью. Несмотря на холод, на нем не было плаща. В левой руке он сжимал хлыст.

— Собачье отродье, — с отвращением фыркнул он, смерив меня взглядом. — От него смердит. Похоже, плащ

мне придется сжечь. За это я с тебя шкуру спущу, недоносок. Ты, наверное, и лошадь хотел украсть?

— Нет, господин. Клянусь, я взял только плащ. Но я бы его вернул, честное слово.

— И застежку?

— Застежку?

— Твоя застежка все еще в плаще, милорд, — произнес человек, державший меня.

— Я просто взял его на время, чтобы согреться... Было так холодно, что я... — поспешил объяснить я.

— Выходит, ты решил оставить замерзать моего коня?

— Я думал, что это не повредит ему, господин. В сарае было тепло. Я бы положил плащ на место, правда положил бы.

— Чтобы я надел его после тебя, вонючий крысеныш? Только за это тебе надо перерезать глотку.

Кто-то — один из всадников — сказал:

— Да брось ты. Всего-то вреда, что плащ придется отправить завтра суконщику. Несчастный мальчишка едва одет, а мороз такой, что замерзнет и саламандра. Отпусти его.

— По крайней мере, — сквозь зубы процедил молодой офицер, — я согреюсь, вздув его как следует. А ну, не вырывайся. Держи его крепче, Кадал.

Хлыст взметнулся вверх. Человек, державший меня, перехватил меня покрепче, когда я попытался увернуться, но прежде чем опустился хлыст, чья-то тень заслонила свет факела, и запястья молодого человека легко коснулась сильная рука.

— Что происходит? — спросил незнакомый голос.

Словно повинуясь приказу, все замолкли. Молодой человек уронил руку с хлыстом и обернулся.

Услышав голос вновь прибывшего, державший меня слуга ослабил хватку, и я вывернулся из его рук. Возможно, мне бы удалось проскользнуть между людьми, лошадьми и попытаться удрать, но скорее всего верховые догнали бы меня в считанные секунды. Однако я и не думал удирать. Я вовсю глазел на подошедшего мужчину.

Он был высок ростом, на целых полголовы выше лишившегося плаща лорда. Мужчина стоял спиной к факелам, и я не мог как следует рассмотреть его. Слепящие языки пламени расплылись и затрепетали у меня перед глазами; голова мучительно ныла, а мороз вновь набросился на меня, будто хищный зверь. Я видел только высокую темную фигу-

ру, бесстрастное лицо и рассматривавшие меня темные, почти черные глаза.

— Это был ты! — задохнулся я. — Ты же видел меня, верно? Я бежал тебе на помощь, но споткнулся и упал. Я не удирал... скажи ему, милорд, прошу тебя. Я хотел вернуть плащ, прежде чем он вернется. Пожалуйста, объясни ему, что случилось!

— О чем ты говоришь? Что я должен объяснить?

Я заморгал от слепящего света факелов.

— О том, что произошло только что. Это же был ты... Ты убил быка?

— Я что сделал?

Было и так тихо, но теперь наступила полная тишина, нарушаемая лишь дыханием придвинувшихся ближе мужчин и беспокойного позвякивания упряжи.

— Какого быка? — резко спросил молодой человек.

— Белого быка, — ответил я. — Он перерезал ему горло, и кровь забила словно фонтаном. Именно тогда я и испачкал твой плащ. Я пытался...

— Проклятье, откуда тебе известно о быке? Где ты был? Кто тебе рассказал?

— Никто, — удивился я. — Я все видел собственными глазами. Неужели это такая тайна? Сперва я подумал, что сплю, меня клонило в сон после хлеба с вином...

— Клянусь светом! — воскликнул молодой человек, и его крик подхватили остальные: толпа разразилась гневными возгласами: «Убить его — и дело с концом... Он лжет... Лжет, чтобы спасти свою жалкую шкуру... Наверняка он шпионил...»

Высокий незнакомец молчал, не сводя с меня глаз. Гнев окружающих заразил и меня, и я горячо обратился прямо к нему:

— Я не шпион и не вор! Хватит с меня всего этого! Неужели я должен был замерзнуть насмерть, чтобы спасти жизнь лошади?

Кто-то положил мне руку на плечо, но я стряхнул ее движением, достойным моего деда.

— Я не нищий, милорд. Я — свободный человек и пришел предложить свою службу Амброзию, если он согласится взять меня к себе. Вот зачем я прибыл сюда из моей страны и... и я потерял свою одежду по чистой случайности. Возможно, я молод, но я знаю многое, что может быть ему полезно, и я говорю на пяти языках... — Мой голос дрогнул. За

моей спиной раздался сдавленный смех. Крепко сжав челюсти, чтобы унять стук зубов, я сделал глубокий вдох и с почтением добавил: — Я лишь прошу приютить меня сейчас, милорд, и подсказать, где я могу найти Амброзия утром.

На этот раз повисла такая плотная тишина, что казалось, ее можно разрезать ножом. Я услышал, как лишившийся плаща молодой человек набрал в грудь воздух, собираясь что-то сказать, но незнакомец остановил его мановением руки. Судя по тому, как все подчинялись ему, он был их начальником.

— Погоди. Он вовсе не дерзок. Взгляни на него. Люций, подними повыше факел. А теперь скажи, как тебя звать?

— Мирддин, мой господин.

— Ладно, Мирддин, я выслушаю тебя, но говори ясно и коротко. Расскажи мне все об этом быке. С самого начала. Ты видел, как мой брат поставил лошадь в сарай, и ты снял с нее плащ, чтобы согреться. Продолжай с этого места.

— Да, мой господин, — согласился я. — Я взял из седельной сумки вина и еды...

— Так ты имел в виду мои хлеб и вино? — возмущенно вмешался молодой человек.

— Да, господин. Мне очень жаль, что так вышло, но я ничего не ел целых четыре дня.

— Хватит об этом, — оборвал меня военачальник, — продолжай.

— Я спрятался в куче хвороста за углом сарая и, верно, заснул. Проснувшись, я увидел быка, вон там, у стоячего камня. Он пасся почти беззвучно. Затем появился ты, с веревкой в руках. Бык бросился на тебя, но ты набросил ему на шею веревку, а потом запрыгнул ему на спину и, заломив быку голову, прикончил животное ножом. Кровь была повсюду. Я побежал на помощь. Не знаю, чем бы я мог подсобить, но я все равно побежал. Затем я наступил себе на плащ и упал. Вот и все.

Я умолк. Переступила с ноги на ногу лошадь, кто-то кашлянул. Никто не отваживался заговорить. Мне показалось, что Кадал, слуга, державший меня, немного отодвинулся.

— Возле стоячего камня? — очень спокойно произнес военачальник.

— Да, господин.

Он повернул голову. Люди и лошади стояли совсем рядом с камнем, который виднелся за их спинами, освещенный огнем факелов на фоне ночного неба.

— Разойдитесь, пусть он увидит, — приказал высокий военачальник, и люди расступились.

До камня было шагов десять — двенадцать. Земля у его подножья была утоптана подковами и сапогами. Крови не было. Там, где я видел, как рухнул наземь белый бык, заливая все вокруг хлеставшей из горла кровью, белела схваченная морозом трава и лежала тень от камня.

Человек с факелом наклонил огонь так, чтобы свет упал на камень. Отсвет лег на лицо моего собеседника, и я впервые смог рассмотреть его. Он оказался старше, чем я поначалу подумал; лицо его избороздили морщины, а густые брови хмурились. Глаза незнакомца были темные, а не голубые, как у его брата, и он оказался намного грузнее, чем я предполагал вначале. На вороте и запястьях у него сверкало золото, а тяжелый плащ ниспадал с плеч до самых пят.

— Это был не ты, — запинаясь, вымолвил я. — Прости, теперь я понимаю, что видел сон. Никто бы не осмелился выйти с веревкой и коротким ножом против быка... и ни один человек не смог бы заломить голову быку и перерезать ему горло... это было одно из моих... это был сон. Теперь я вижу, что ошибся. Я... я подумал, что ты — тот человек в высокой шапке. Прости.

Мужчины зашептались, но уже не угрожающе. Молодой командир обратился ко мне совсем иным тоном, чем говорил раньше:

— На кого был похож тот «человек в высокой шапке»?

— Не надо. Не сейчас, — вмешался его брат. Он взял меня рукой за подбородок и взглянул мне в глаза. — Ты сказал, что тебя зовут Мирддин. Откуда ты?

— Из Уэльса, мой господин.

— Ага. Выходит, ты тот мальчишка, которого привезли из Маридунума?

— Да. Так ты знаешь обо мне? Ох! — Наверное, холод и замешательство помутили мой рассудок, так что только сейчас меня озарило то, о чем я должен был догадаться гораздо раньше. Меня пробрала дрожь, словно нервного пони, и все мое существо заполнило странное ощущение; я даже не знал, чего в нем было больше: страха или необычного волнения. — Ты, наверное, граф Британский. Должно быть, ты сам Амброзий.

Он не стал утруждать себя ответом.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать, мой господин.

— Так кто ты такой, Мирддин, чтобы предлагать мне свою службу? Что ценного ты можешь мне предложить? Почему мне не следует покончить с тобой прямо сейчас и не позволить вот этим господам вернуться в тепло?

— Кто я такой, господин, не имеет значения. Я внук короля Южного Уэльса, но он мертв. Мой дядя Камлах стал теперь королем, однако это мне тоже не поможет: он желает моей смерти. Так что как заложник я тебе тоже не пригожусь. Не важно, кто я, важно, что я собой представляю. У меня есть что предложить тебе, милорд. В этом ты убедишься, если позволишь мне дожить до утра.

— Ах да, ценные сведения и пять языков. А еще, по-видимому, сны. — Слова были насмешливы, хотя Амброзий и не думал улыбаться. — Значит, ты внук старого короля? И Камлах не твой отец? И уж конечно, не Дивед? Я и не знал, что у старика был внук, кроме ребенка Камлаха. Со слов моих шпионов я решил, что ты его бастард.

— Иногда он выставлял меня своим бастардом, чтобы, по его словам, скрыть позор моей матери; хотя она никогда не считала это позором, а уж кому, как не ей, это знать. Моей матерью была дочь старого короля, Ниниана.

— Ага. — И после короткой паузы: — Была?

— Она жива, но сейчас удалилась в обитель Святого Петра. Можно сказать, что она стала монахиней уже много лет назад, но покинуть дворец ей позволили только после смерти старого короля.

— А твой отец?

— Она никогда не говорила о нем ни со мной, ни с кем-нибудь другим. Люди судачили, что я родился от Князя тьмы.

Я ожидал, что после услышанного он, как и все, сложит охранительный знак или быстро оглянется через плечо. Он не сделал ни того, ни другого. Он рассмеялся.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что ты предлагаешь королям вернуть их королевства и видишь богов под звездами. — Амброзий повернулся, взмахнув широким плащом. — Пусть кто-нибудь возьмет его с собой. Утер, верни-ка ты ему плащ, пока он не умер от холода у нас на глазах.

— Ты полагаешь, что я дотронусь до плаща после него, даже если бы он был самим Князем тьмы? — возмущенно вопросил Утер.

— Если ты будешь гнать это свое несчастное животное, как обычно, — засмеялся Амброзий, — то не

замерзнешь и без одежды. А если твой плащ окроплен кровью быка, значит, сегодняшней ночью он не для тебя, правда?

— Ты богохульствуешь?

— Я? — с холодным безразличием переспросил Амброзий.

Его брат открыл было рот, чтобы ответить, но передумал, пожал плечами и запрыгнул в седло своего жеребца. Кто-то бросил мне его плащ, пока я дрожащими руками снова закутывался в него, подхватил меня и, кое-как завернув в тяжелую ткань, словно мешок перебросил другому всаднику, как раз разворачивавшему коня. Амброзий вскочил в седло крупного вороного:

— Поехали.

Вороной жеребец сорвался с места, и плащ Амброзия взвился по ветру. Серый его брата понесся следом. Остальные всадники кавалькады растянулись в цепь, рысью пошедшую назад в город.

5

Штаб Амброзия располагался в городе. Позже я узнал, что на самом деле этот город вырос вокруг лагеря, где Амброзий с братом в течение нескольких лет собирали и обучали армию, так долго бывшую мифической угрозой для короля Вортигерна. Теперь же с помощью короля Будека и войск из половины стран, составлявших Галлию, угроза постепенно становилась реальной.

Будек был королем Малой Британии и кузеном Амброзия и Утера. Именно он двадцать лет назад приютил двух братьев: Амброзию было тогда десять лет, а Утера еще не отлучили от груди кормилицы — когда их из предосторожности увезли за море после того, как Вортигерн убил их старшего брата, законного короля. Собственный замок Будека был возведен из камней, оставшихся после постройки лагеря Амброзия на расстоянии нескольких саженей от него. Вокруг двух цитаделей возник город: скопление домов, мастерских и хижин, окруженных стеной и рвом для защиты. Будучи уже в преклонных годах, Будек объявил Амброзия своим наследником, дал ему титул графа Британского, а заодно и сделал военачальником надо всеми своими полками. Прежде считалось,

что братья останутся в Малой Британии и станут править ею после смерти Будека. Но теперь, когда власть Вортигерна над Большой Британией ослабла, а Амброзий получил существенную помощь людьми и деньгами, ни для кого не являлось секретом, что он задумал прибрать к рукам Южную и Западную Британию, а Утер — великолепный воин уже в свои двадцать лет — будет, как надеялись, править Малой Британией, и таким образом по крайней мере еще на одно поколение удастся сохранить римско-кельтский барьер двух королевств против накатывающих с севера варварских орд.

Вскоре я обнаружил, что хотя бы в одном Амброзий был истым римлянином. Первое, что со мной сделали после того, как свалили меж двух часовых у входа в его внешний покой, — это схватили, раздели и отправили в баню; я был настолько обессилен, что не мог уже ни задавать вопросы, ни протестовать. Здесь-то отопительная система работала; от горячей воды валил пар, и мое замерзшее тело целых три минуты с болью и восторгом привыкало к ее жару. Человек, привезший меня домой — им оказался Кадал, один из личных слуг Амброзия, — собственноручно искупал меня. Проделал он все это по личному указанию Амброзия, о чем и сообщил в немногих словах, отмывая, умащивая и обсушивая меня. После чего помог мне облачиться в чистую тунику из белой шерсти, лишь на пару размеров больше, чем было бы мне по росту.

— Это для того, чтобы быть уверенным, что ты не удерешь снова. Он хочет поговорить с тобой, и не спрашивай почему. Тебе нельзя носить такие сандалии в этом доме. Одной Дие известно, где тебя в них носило. Впрочем, ясное дело, где ты в них ходил. В коровнике, да? Можешь ходить босиком, полы теплые. Ну вот, по крайней мере ты чист. Есть хочешь?

— Ты шутишь?

— Тогда пойдем. Кухня вон там. Хотя если ты и впрямь незаконнорожденный внук короля или что ты там ему наболтал, то, наверное, чураешься есть на кухне?

— Придется разок потерпеть.

Он бросил на меня хмурый взгляд, но потом ухмыльнулся.

— А храбрости тебе не занимать, надо отдать тебе должное. Ты неплохо смог за себя постоять там, у камня. Ума не приложу, как тебе удалось так складно все придумать. Взял их и огорошил. Когда Утер тебя сцапал, я за твою жизнь не дал бы и пары булавок. Как бы то ни было, ты обвел их вокруг пальца.

— Я сказал правду.

— О, конечно, конечно. Что ж, скоро ты сможешь еще раз поведать свою историю, и постарайся, чтоб звучала она поубедительней, а то он терпеть не может людей, которые попусту отнимают у него время, понимаешь?

— Сегодня?

— Вот именно. Сам узнаешь, если ты доживешь до утра, он не особенно много времени тратит на сон. И если уж на то пошло, так и принц Утер тоже; впрочем, он не то чтобы так уж трудится. Во всяком случае, он проводит ночи не над бумагами, а усилия, сколь огромными бы они ни были, предпочитает прилагать на другом поприще. Пошли.

Еще за несколько шагов до кухни в нос мне ударил запах горячей пищи, вскоре я услышал и шипение сковородок.

Кухня была просторной; она показалась столь же величественной, как обеденный зал во дворце деда в Уэльсе. Пол был выложен гладкой красной плиткой, а в торцах на возвышениях помещались огромные очаги. Вдоль стен протянулись разделочные столы, под которыми были сложены емкости с маслом и вином, а над ними — полки и стойки для утвари и блюд. Заспанный мальчишка у очага разогревал масло в сковороде на длинной ручке; в топке пылал уголь, на разогретой плите томился горшок с супом, на решетке потрескивали и плевались салом колбаски, а откуда-то доносился запах жарящегося цыпленка. Я заметил, что, несмотря на кажущееся неверие Кадала в мою историю, еду мне подали на самианской тарелке тонкой работы, с таких, наверное, ели за столом самого Амброзия, а вино налили в стеклянный кубок из красного, обливной майолики, кувшина с резной пробкой и табличкой «Запас». Постелили даже белую салфетку тонкого полотна.

Поваренок (его, верно, подняли, чтобы приготовить мне поесть) даже не поинтересовался, для кого он старается. Положив еду на тарелки, он торопливо выгреб золу из топки, чтобы утром плита была чистой, еще быстрее поскреб сковородки, а затем, взглядом попросив разрешения у Кадала, зевая, отправился досыпать. Кадал сам прислуживал мне, он даже принес свежего горячего хлеба из пекарни, где как раз испекли первую партию на утро. Суп представлял собой похлебку из моллюсков, которую едят в Малой Британии чуть ли не каждый день. От тарелки шел ароматный пар, и мне показалось, что я в жизни не ел такой вкуснятины, пока не попробовал цыплят, обжаренных в масле, с хрустящей

корочкой, а потом колбаски: начиненные мясом, сдобренным специями и луком. Я насухо вытер тарелку свежим хлебом и замотал головой, когда Кадал подал мне блюдо с сушеными финиками, сыром и медовиками:

— Нет, спасибо.

— Наелся?

— Да, конечно. — Я отодвинул тарелку. — Лучше я ничего в жизни не ел. Благодарю.

— Что ж, правду говорят, что голод — лучшая приправа. Хотя я и допускаю, что кормят здесь неплохо.

Кадал принес воды и полотенце и подождал, пока я вымою и оботру руки.

— Теперь даже я готов поверить в то, что ты нарассказывал.

— Что ты имеешь в виду? — посмотрел я на него.

— На кухне таким манерам не обучают, это уж точно. Готов? Тогда пошли; Амброзий приказал побеспокоить его, даже если он будет занят.

Впрочем, когда мы вошли в его комнату, Амброзий не работал. Большой мраморный стол итальянской работы был завален свитками, картами и письменными принадлежностями, а сам граф Британский сидел в большом кресле за столом, немного отодвинувшись, подперев кулаком подбородок и глядя на огонь в жаровне, которая наполняла комнату теплом и слабым ароматом яблоневого дерева.

Он не поднял головы, когда Кадал заговорил со стражем, который пропустил меня, бряцнув оружием.

— Мальчик, мой господин, — произнес Кадал совсем иным тоном, чем говорил со мной.

— Спасибо, можешь идти спать, Кадал.

— Благодарю, господин.

Слуга вышел. Лишь только когда кожаный полог опустился на место у него за спиной, Амброзий повернул голову. Несколько минут он молча осматривал меня с головы до ног, после чего кивнул на табурет:

— Садись.

Я повиновался.

— Вижу, тебе нашли во что одеться. Тебя накормили?

— Да, благодарю, господин.

— Теперь тебе достаточно тепло? Пододвинь табурет поближе к огню, если хочешь.

Амброзий выпрямился в кресле и откинулся на спинку, положив руки на резные подлокотники в виде львиных голов. Между нами на столе стояла лампа, яркий ровный свет которой совершенно изгладил из моей памяти какое бы то ни было сходство между Амброзием и явившимся мне в видении незнакомцем.

Сейчас, оглядываясь назад через столько лет, мне трудно вспомнить, каким показался мне Амброзий в тот первый день. В то время ему было немногим более тридцати, но в мои двенадцать лет этот возраст, разумеется, казался мне весьма почтенным. Думаю, он и вправду выглядел старше своих лет: естественное следствие той жизни, какую он вел, и тяжкого бремени ответственности, какое легло на его плечи, когда он был ненамного старше меня.

Глаза Амброзия — когда он того желал — прятались среди морщин, а между бровей залегли две глубокие складки, свидетельствовавшие о решительности и, вероятно, вспыльчивом нраве; рот обычно был сжат в плотную линию, и улыбка на этих устах была нечастым гостем. Густые, темные, как и волосы, брови обычно хмурились и нередко грозно затеняли глаза. От левого уха и до середины скулы лицо пересекал тонкий белый шрам. Нос с высокой переносицей и горбинкой делал его похожим на римлянина, но кожа Амброзия скорее потемнела от солнца, нежели имела природный оливковый оттенок, и в его глазах или в их выражении было что-то, что говорило, что перед тобой смуглый кельт, а не римлянин. Я видел перед собой суровое лицо, лицо, которое (как я позднее узнал) могло исказиться разочарованием или гневом или отвердеть, когда он пытался обуздать свой нрав или скрыть чувства, но такое лицо внушало доверие. Амброзий был не из тех, кого легко любить, и уж конечно, не из тех, кто нравится, — его можно было или ненавидеть, или преклоняться перед ним. С ним либо сражались, либо шли за ним без оглядки. Третьего не дано; каждый, кто сталкивался с Амброзием, терял покой.

Все это мне еще только предстояло узнать. Сейчас мне вспоминается лишь немногое из того, что я думал о нем в тот вечер. Ясно помню лишь глубокие глаза, смотревшие на меня поверх светильника, и руки, лежавшие на львиных головах. Но зато я помню каждое слово, произнесенное им.

— Мирддин, сын Нинианы, — начал он, смерив меня взглядом, — дочери короля Южного Уэльса... и знаток, как мне сказали, дворцовых тайн Маридунума?

— Я... разве я говорил это? Я лишь сказал, что жил во дворце и иногда кое-что слышал.

— Мои люди переправили тебя через Узкое море только потому, что ты упомянул о тайнах, которые могут быть мне полезны. Разве не так?

— Господин, — заговорил я с некоторым отчаянием, — я не знаю, что может быть для тебя полезным. Я говорил с ними языком, который, по-видимому, был им понятен. Я думал, что они собирались убить меня. Я спасал свою жизнь.

— Понимаю. Что ж, теперь ты в безопасности. Почему ты сбежал из дому?

— Потому что после того, как скончался мой дед, мне было опасно оставаться во дворце. Моя мать собиралась постричься в монахини, а дядя Камлах уже однажды пытался убить меня, а его слуги убили моего друга.

— Твоего друга?

— Моего слугу. Его звали Сердик. Он был рабом.

— Ах да. Мне говорили об этом. Мне также сказали, что ты поджег дворец. Тебе не кажется, что это... чересчур?

— Возможно. Но кто-то должен был воздать ему честь. Он принадлежал мне.

Брови Амброзия поползли вверх.

— Ты говоришь об этом как о поводе или об обязанности?

— Господин? — обескураженно переспросил я, затем, подумав, медленно произнес: — Думаю, это было и то, и другое.

Амброзий посмотрел на свои руки. Он убрал их с подлокотников и скрестил на столе перед собой.

— Твоя мать... принцесса, — сказал он, будто эта мысль прямо следовала из нашего разговора. — Они и ей причинили вред?

— Конечно, нет!

Он поднял голову на мой возмущенный тон, и я поспешил объяснить:

— Прости, милорд, я хотел лишь сказать, что если бы они собирались причинить ей вред, то как бы я мог убежать? Нет, Камлах никогда не причинит ей вреда. Я же говорил тебе, что она уже долгие годы желала удалиться в обитель Святого Петра. Не припомню, чтобы она отказала в приюте какому-нибудь христианскому священнику, забредшему в Маридунум, и даже сам епископ, когда приезжал из Каэрлеона, всегда останавливался во дворце. Но мой дед не позволял ей уйти в монастырь. Из-за этого они часто ссорились с епис-

копом... и еще из-за меня. Епископ хотел меня окрестить, а дед и слышать об этом не желал. Наверное, он хотел купить такой ценой согласие моей матери выйти замуж за человека, которого он подберет ей в мужья, или признание в том, кто мой отец. Но она не соглашалась и не открыла ему правду. — Я умолк, опасаясь, не слишком ли много я болтаю, но Амброзий не отводил от меня пристального взора и, казалось, внимательно слушал. — Мой дед поклялся, что она никогда не достанется церкви, — добавил я, — однако сразу после его смерти она попросила Камлаха, и тот согласился. Он и меня запер бы в монастырь; поэтому я и убежал.

Амброзий кивнул:

— Куда ты направлялся?

— Не знаю. Тогда, в лодке, Маррик правильно сказал, что мне пришлось бы пойти к кому-нибудь. Мне всего двенадцать лет, и, поскольку я не могу быть хозяином самому себе, мне нужно найти покровителя. Я не хотел, чтобы им стал Вортигерн или Вортимер, но я не знал, куда еще мне податься.

— Итак, ты убедил Маррика и Анно сохранить тебе жизнь и привезти тебя ко мне?

— Не совсем, — честно признался я. — Поначалу, не зная, куда они направлялись, я просто сказал первое, что пришло мне на ум, чтобы спасти себе жизнь. Я отдал себя в руки бога, который привел меня на их тропу, а потом и на корабль. Поэтому я убедил их перевезти меня через море.

— Ко мне?

Я кивнул. Огонь в жаровне мигнул, и вокруг затанцевали тени. Тень пробежала по щеке Амброзия, и показалось, что он улыбнулся.

— Почему же ты не обождал, пока они не сделают это? Зачем было прыгать с корабля? Зачем рисковать замерзнуть насмерть посреди поля?

— Да ведь я боялся, что в конце концов они не захотят привезти меня к тебе. Я подумал, что они могут догадаться, как... насколько малый интерес я для тебя представляю.

— Поэтому ты рискнул сойти на берег зимней ночью, в чужой стране, а бог бросил тебя прямо к моим ногам. Сдается мне, ты и твой бог — вместе довольно могущественное сочетание. Похоже, у меня нет выбора.

— Мой господин?..

— Возможно, ты прав и можно сыскать способ, каким ты сможешь послужить мне. — Он снова по-

смотрел на стол, взял перо и повертел в пальцах, как бы изучая его. — Но ответь мне сперва, почему тебя назвали Мирддином? Ты говорил, что твоя мать так и не сказала, кто был твой отец? Даже не намекнула? Может быть, она назвала тебя его именем?

— Нет, господин. Имя Мирддин здесь ни при чем. Это один из древних богов — его святилище как раз перед воротами обители Святого Петра. Он был богом горы, расположенной неподалеку, и, как говорят, — других мест за пределами Южного Уэльса. Но у меня есть и другое имя. — Тут я заколебался. — Я никому прежде не говорил об этом, но я уверен, что это имя моего отца.

— И какое же это имя?

— Эмрис. Я слышал, как она однажды разговаривала с ним ночью, много лет назад, когда я был совсем маленьким. Но я не забыл. Было что-то в ее голосе. Такое сразу поймешь.

Перо замерло в его руках. Амброзий взглянул на меня из-под насупленных бровей.

— Разговаривала с ним? Выходит, это был кто-то из обитателей дворца?

— О нет, ты меня не так понял. Это происходило не наяву.

— Ты хочешь сказать, что это был сон? Видение? Подобно тому, как ты видел быка сегодня ночью?

— Нет, господин. Я не стал бы называть это сном — это было реально; но сама реальность была иной. Со мной так иногда бывает. Но в тот раз, когда я услышал мою мать... Во дворце есть гипокауст, им уже многие годы не пользуются. Позже его забили землей, но когда я был юн... когда я был маленьким... я обычно заползал в подпол, чтобы спрятаться от людей. Я хранил там свои сокровища, ну, знаешь, безделушки, которые дети собирают, а взрослые выбрасывают, если находят.

— Знаю. Продолжай.

— Правда? Я часто ползал в подполе, и вот однажды ночью я пробирался под ее покоем и услышал, как она вслух разговаривала сама с собой, словно молилась. Помню, она произнесла «Эмрис», остальное стерлось из памяти. — Я посмотрел на Амброзия. — Знаешь, бывает так, что свое имя улавливаешь даже тогда, когда невозможно разобрать другие слова. Я тогда подумал, что она молилась за меня, но, повзрослев, вспоминая услышанное, я стал считать, что моего отца, должно быть, звали Эмрисом. Понимаешь,

меня мать звала Мерлином. В ее голосе было что-то странное... и потом, она никогда не называла меня Эмрисом.

— Почему она звала тебя Мерлином?

— По названию сокола.

— Тогда и я буду звать тебя Мерлином. Ты наделен смелостью и глазами, которым, по-видимому, открыты дальние дали. Однажды мне могут понадобиться твои глаза. Но сегодня мы начнем с более прозаических вещей. Расскажи мне о своем доме. Что он собой представляет?

— Если я буду служить тебе... то, конечно, расскажу обо всем, что знаю... Но... — Я заколебался, и он продолжил за меня:

— Но тебе нужно мое обещание, что когда я завоюю Британию, то не причиню вреда твоей матери? Я обещаю тебе. Она будет в безопасности так же, как и любой мужчина или женщина, которых ты попросишь пощадить, потому что они были добры к тебе.

Я ошеломленно уставился на него:

— Ты... ты очень великодушен.

— Если я покорю Британию, то смогу позволить себе быть великодушным. Хотя, наверное, мне стоит сделать оговорку. — Он улыбнулся. — Ты поставишь меня в трудное положение, если попросишь помиловать твоего дядю Камлаха.

— Об этом не может быть и речи, — ответил я. — Когда ты завоюешь Британию, он будет уже мертв.

Наступила тишина. Его губы разомкнулись, но, по-моему, он передумал и сказал вовсе не то, что хотел вначале:

— Я сказал, что мне однажды могут понадобиться твои глаза. Теперь, когда я дал тебе слово, давай побеседуем. Не обращай внимания, если вещи, о которых мы будем говорить, покажутся тебе не стоящими обсуждения. Позволь мне судить об этом.

После мы долго беседовали. Тогда мне не показалось странным ни то, что он говорил со мной как с равным, ни то, что он провел со мной полночи, задавая вопросы, ответы на которые, хотя бы отчасти, мог получить от своих шпионов. Думаю, не менее двух раз приходил раб, чтобы безмолвно доложить углей в жаровню, и один раз послышалось бряцание оружия и команды часовым, сменяющимся у двери. Амброзий спрашивал, подбадривал, слушал, а иногда что-то записывал на дощечке перед собой или просто сидел и смотрел на

меня, подперев кулаком подбородок, но большей частью не сводил с меня свой прямой взгляд из-под нависших бровей.

Когда я колебался или начинал говорить о вещах, не имеющих отношения к делу, или путался из-за накатывавшей на меня усталости, он помогал мне наводящими вопросами, ведшими к какой-то неизвестной мне цели, как погонщик мулов удерживает на дороге своих животных.

— Кстати, о крепости на реке Сейнт, в которой твой дед встречался с Вортигерном. Как далеко к северу она от Каэрлеона? По какой дороге? Расскажи мне о дороге... Как можно добраться до крепости от моря?

А затем:

— Башня, в которой обосновался верховный король, Башня Максима — Максена, по-твоему... Расскажи мне о ней. Сколько там было размещено людей? Какая дорога ведет оттуда к гавани?..

Или:

— Ты говоришь, что королевский кортеж сделал привал в долине, южнее Снежной горы, и короли уединились. Твой слуга Сердик сказал, что они осматривали старый бастион на утесе. Опиши мне это место... Какова высота утеса? Как далеко видно с его вершины на север, на юг и на восток...

И еще:

— А теперь подумай о приближенных твоего деда. Сколько из них верны Камлаху? Назови их имена. Сколько у него людей? Кто у него в союзниках? Сколько их? Сколько у них бойцов?

А потом вдруг:

— Теперь скажи мне вот что. Откуда тебе стало известно, что Камлах собирается к Вортимеру?

— Он сказал об этом моей матери, — ответил я. — У смертного одра моего деда. Я это слышал. Об этом ходили слухи, и я знал, что он ссорился с дедом, но никто ничего не знал наверняка. Даже моя мать лишь подозревала о его намерениях. Но как только король умер, он ей все рассказал.

— Он прямо так и заявил об этом? Как же тогда получилось, что Маррик и Анно не слышали ничего, кроме слухов о ссоре?

Усталость и длительные расспросы притупили мою бдительность. Прежде чем подумать, я неосторожно ответил:

— Он не объявлял об этом. Он сказал только ей. Кроме них, в комнате никого не было.

— За исключением тебя? — Его голос изменился, и я вскочил с табурета. Амброзий внимательно следил за мной из-под нависших бровей. — Кажется, ты говорил, что подпол заложили?

Я молча сел, не сводя с него глаз. Ничего не приходило в голову.

— Тебе не кажется странным, — ровным голосом продолжал он, — что Камлах сообщил о своем решении твоей матери при тебе, хотя он не мог не знать, что ты его враг? После того, как его люди только что убили твоего слугу? И потом: когда он раскрыл тебе свои тайные замыслы, как тебе удалось выбраться из дворца и, попав в руки моих людей, «заставить» их взять тебя с собой ко мне?

— Я... — Я запнулся. — Мой господин, ты же не думаешь, что я... милорд, я же сказал тебе, что не шпионил. Я... все, что я тебе говорю, — правда. Он действительно так говорил, клянусь.

— Будь осторожен. От того, сказал ли ты правду, многое зависит. Тебе рассказала твоя мать?

— Нет.

— Значит, это пересуды рабов? Только и всего?

— Я слышал это собственными ушами, — в отчаянии произнес я.

— Тогда где ты был?

Наши взгляды встретились. Не совсем понимая почему, я сказал правду:

— Мой господин, я спал в холмах в шести милях от дворца.

Повисло молчание, самое продолжительное в нашем разговоре. Я слышал потрескивание углей в жаровне, где-то залаяла собака. Мне показалось, что Амброзий вот-вот даст волю гневу.

— Мерлин...

Я поднял глаза.

— Откуда у тебя дар предвидения? От твоей матери?

Вопреки моим ожиданиям он мне поверил.

— Да, но мой дар отличается от ее, — горячо заговорил я. — Она видела лишь то, что интересует женщин, все, связанное с любовью. Затем она испугалась данной ей силы и отказалась от своего дара.

— А ты не боишься?

— Я буду мужчиной.

— А мужчина берет силу и власть там, где они достаются. Да. Ты понял то, что видел сегодня ночью?

— Быка? Нет, мой господин, я понял лишь то, что мне открылась какая-то тайна.

— Что ж, однажды ты ее узнаешь, но не сейчас. Слушай.

За окном пронзительно и заливисто, словно протрубили серебряные трубы, пропел петух.

— Вот, твои призраки сейчас растают. Тебе давно пора спать. Ты, похоже, полумертв от усталости. — Амброзий встал. Я соскользнул с табурета, и какое-то мгновение он стоял и смотрел на меня сверху вниз. — Когда я отплыл в Малую Британию, мне было десять лет и меня тошнило всю дорогу от берега до берега.

— Меня тоже.

Амброзий засмеялся.

— Тогда ты, наверное, чувствуешь себя таким же измученным, каким был я. — Он тронул колокольчик. Раб распахнул дверь и отступил в сторону. — Сегодня ты будешь спать в моем покое. Проходи.

Его опочивальня тоже была насквозь римской. Мне предстояло узнать, что в сравнении, скажем, с покоями Утера она была довольно аскетичной, но мальчику, привыкшему к провинциальным нравам маленькой страны, где зачастую многое сработано наспех, эта опочивальня показалась роскошной. Широкая кровать была застелена алыми шерстяными покрывалами и меховым одеялом, на полу лежали овечьи шкуры, а из трех рожков бронзового светильника, выполненных в виде голов дракона и поставленных на высокий треножник высотой в человеческий рост, вырывались языки яркого пламени. Плотные коричневые занавеси защищали от ночного мороза, и в комнате было совершенно тихо.

Когда я шел следом за Амброзием и рабом мимо стражи — у двери замерли двое часовых; они были неподвижны, словно статуи, если не считать внимательного взгляда, лишенного всякого выражения, который переместился с Амброзия на меня, — мне впервые пришло в голову, что он может быть римлянином и в других отношениях.

Но он лишь указал на нишу, скрытую за коричневыми занавесями, где находилась еще одна постель. Я предположил, что там иногда спал раб, чтобы быть под рукой.

Слуга отбросил полог и показал мне одеяла, сложенные поперек тюфяка, и отличные подушки, набитые овечьей шерстью, после чего отошел к Амброзию.

Я снял одолженную мне тунику и аккуратно сложил ее. Одеяла были толстые, из новой шерсти и пахли кедровым деревом. Амброзий тихо говорил с рабом, их голоса казались эхом, идущим из дальнего угла глубокого безмолвного грота. Каким блаженством было вновь оказаться в настоящей постели, лежать в теплоте и сытости, в месте, куда даже не доносился шум моря. И в безопасности.

Мне показалось, что Амброзий пожелал мне доброй ночи, однако я уже погружался в сон и не мог вырваться из его объятий, чтобы ответить. Последнее, что я помню, это лицо раба, неслышно пришедшего погасить светильники.

6

На следующее утро я проснулся поздно. Раздвинутые занавеси впускали свет серого ветреного дня. Постель Амброзия была пуста. За окном я увидел с четырех сторон обнесенный колоннадой внутренний дворик, с садом посередине, в центре которого бил фонтан — как мне показалось, совершенно беззвучно, но затем я рассмотрел, что струи воды обратились в лед.

Под своими босыми ногами я ощущал теплые плитки пола. Потянувшись за белой туникой, которую я сложил на табурете возле кровати, я обнаружил, что кто-то заменил ее новой — зеленой, цвета тисовых листьев, и подходящей мне по размеру. Кроме туники, я нашел еще отличный кожаный пояс, пару новых сандалий взамен старых и даже плащ светло-зеленого, как березовые листья, цвета с медной застежкой. На застежке был рисунок: красный эмалевый дракон, точно такой же, как на перстне-печатке, который я видел ночью на руке Амброзия.

По-моему, тогда я впервые в жизни почувствовал, что выгляжу как принц, и мне показалось странным, что это произошло в то время, когда я считал, что оказался в самом ничтожном положении. Здесь, в Малой Британии, я был никем, не был даже незаконнорожденным принцем, чтобы прикрыться именем королевского бастарда, не имел родственников и совершенно ничего из имущества. Я не говорил ни с кем, кроме Амброзия, а по отношению к нему я был слугой,

нахлебником, орудием, какое предстояло использовать; да и жизнь мне оставили только из милости.

Кадал принес мне на завтрак черного хлеба, соты с медом и горсть сушеных фиг. Я поинтересовался, где Амброзий.

— Обучает солдат. Или, вернее будет сказать, наблюдает за учениями. Он бывает там каждый день.

— Как ты думаешь, чего он ждет от меня?

— Он лишь сказал, что ты можешь оставаться здесь, пока не отдохнешь, и чтобы располагался, как дома. Мне нужно послать кого-нибудь на корабль, поэтому если ты скажешь мне, что из твоих пожитков пропало, я скажу, чтобы это принесли.

— Там осталось совсем немного вещей, у меня было мало времени на сборы. Две туники и пара сандалий, завернутых в синий плащ, да еще несколько мелочей — брошь, заколка, подаренная мне матерью, и прочее в таком же роде. — Я дотронулся до складок дорогой туники, в которую был облачен. — Вещи намного хуже этой. Кадал, надеюсь, я смогу служить ему. Он не сказал, что ему от меня нужно?

— Ни слова. Ты же не думаешь, что он поверяет мне свои тайные помыслы, правда? А теперь делай, что он тебе велел, чувствуй себя как дома, держи рот на замке и смотри не попади в беду. Наверное, ты не часто будешь его видеть.

— Я тоже так думаю. Где я буду жить? — спросил я.

— Здесь.

— В этой комнате?

— Маловероятно. Я имел в виду в доме.

Я отодвинул тарелку.

— Кадал, а у милорда Утера есть собственный дом?

Кадал подмигнул мне. У этого коренастого крепкого мужчины с квадратным обветренным лицом и гривой черных волос были маленькие черные глазки, похожие на оливки. Блеск этих глаз свидетельствовал о том, что он точно знал, о чем я подумал, более того, всем в доме было до мельчайших подробностей известно о произошедшем между мной и принцем прошлой ночью.

— Нет, у него нет своего дома. Он тоже живет здесь. Можно сказать, бок о бок.

— Ох...

— Не беспокойся; ты и с ним не часто будешь видеться. Через неделю-другую он отправляется на север.

При такой погоде он быстро остынет... В любом случае он, вероятно, уже забыл о тебе.

Кадал ухмыльнулся и вышел из комнаты.

Он был прав. На протяжении последующих двух недель я лишь изредка видел Утера, а потом он отправился с полками на север в экспедицию, задуманную отчасти как военные учения, отчасти как вылазка на поиски провианта. Кадал правильно угадал, что отъезд Утера принесет мне облегчение. Я совсем не сожалел, что оказался вне его досягаемости. Я понимал, что ему не нравилось мое пребывание в доме его брата, но еще больше его раздражало неизменно доброе отношение Амброзия ко мне.

Я полагал, что редко буду видеть моего покровителя после той первой ночи, когда я рассказал ему все, что знал, но Амброзий присылал за мной почти каждый вечер, когда бывал свободен: иногда для того, чтобы расспросить меня и послушать мои рассказы о доме, иногда, испытывая усталость, он приглашал меня поиграть для него или несколько раз предлагал партию в шахматы. К моему удивлению, оказалось, что играем мы на равных; я не думаю, что он мне поддавался. Амброзий говорил, что давно не играл. Обычным развлечением в его лагере были кости, но он не рискнул бы помериться в них удачей с юным прорицателем. Шахматы же скорее были сродни математике, нежели волшебству, и, следовательно, не так восприимчивы к тайным искусствам.

Амброзий сдержал свое слово и объяснил мне то, что я увидел в ту ночь у стоячего камня. Думаю, если бы он велел, я бы забыл об увиденном, как о случайном сне. Со временем видение поблекло в моей памяти, и я уже готов был счесть его сном, навеянным холодом, голодом и смутными воспоминаниями о полустертых рисунках на крышке римского сундука в моей комнате в Маридунуме: упавший на колени бык и человек с ножом в руке под звездным куполом неба. Но когда Амброзий заговорил об этом, я понял, что видел больше, чем было изображено на картинке.

Я видел бога солдат, Слово, Свет, Божественного Пастыря, посредника между единым Богом и человеком. Я видел Митру, пришедшего из Азии тысячу лет назад. По словам Амброзия, он был рожден в пещере посреди зимы, в час, когда пастухи стерегут свои стада и в небе ярко сияют звезды; он был рожден из земли и света и выпрыгнул из скалы с факелом в левой руке и ножом в правой. Митра убил

быка, чтобы пролитая кровь дала жизнь и плодородие земле, а затем, когда он в последний раз отведал хлеба с вином, его призвали на небо. Он был богом силы и кротости, мужества и сдержанности. «Солдатский бог, — повторил Амброзий. — Вот почему мы восстановили здесь его культ, чтобы по примеру римских армий объединить вождей и мелких царьков всех языков и верований, кто стал в наши ряды. О мистериях Митры я рассказать тебе не могу, поскольку это воспрещено, но знай, что когда я и мои командиры встретились в ту ночь для церемонии мистерий, твой рассказ о хлебе, вине и убийстве быка означал для нас, что ты видел намного больше того, о чем нам позволено даже говорить вслух. Возможно, однажды ты все узнаешь. Но до тех пор будь осторожен, и если тебя станут расспрашивать о твоем видении, помни, что это был лишь сон. Понимаешь?»

Я кивнул, но меня внезапно захватило кое-что из сказанного им. Я вспомнил о матери и ее христианских священниках, о Галапасе и колодце Мирддина, о том, что можно увидеть в воде и услышать в ветре.

— Ты хочешь, чтобы я присоединился к культу Митры?

— Мужчина берет силу там, где она достается, — повторил он. — Ты сказал, что не знаешь, рука какого бога ведет тебя; возможно, ты ступил на тропу Мирты, который привел тебя ко мне. Посмотрим. Как бы то ни было, он останется богом армии, и нам понадобится его покровительство... А теперь принеси арфу и, будь добр, спой для меня.

Так складывались наши отношения. Он обходился со мной как с настоящим принцем; со мной не обходились так даже в доме моего деда, где я по крайней мере имел на это некоторое право.

Кадала определили моим личным слугой. Я поначалу думал, что ему это будет в обиду, ведь после того как он прислуживал самому Амброзию, его приставили к какому-то мальчишке, но он, по-видимому, не возражал, и у меня создалось впечатление, что Кадал был даже польщен. Вскоре мы были уже накоротке; поскольку в доме не было других ребят моего возраста, Кадал повсюду сопровождал меня. Мне также дали коня. Сначала мне предложили лошадь из собственной конюшни Амброзия, но, проездив на нем лишь день, я со стыдом должен был попросить коня, более подходившего мне по росту, после чего мне дали невысокого серого

жеребца, ростом не больше пони, которого — в приступе тоски по дому — я назвал Астером.

Так шли первые дни. В сопровождении Кадала я ежедневно выезжал осматривать окрестности; земля по-прежнему была скована морозом, но вскоре мороз сменился дождем — и поля превратились в сплошную разбитую хлябь, а дороги развезло. Днем и ночью над равнинами гулял холодный ветер, взбивая белую пену на серо-стальных волнах Малого моря и покрывая темной влагой северные бока стоячих камней. Однажды я захотел найти камень, клейменный топором, но не смог этого сделать. Зато я нашел другой камень, на котором в определенном освещении можно было различить высеченный кинжал, а еще с одного массивного камня, стоявшего несколько поодаль, из-под лишайника и птичьего помета смотрел распахнутый глаз. При свете дня от камней не веяло таким холодом, но все равно в них оставалось что-то, едва ощутимое, отчего мой пони артачился и не желал идти в ту сторону.

Естественно, я осмотрел город. В центре возвышался замок короля Будека — каменистый холм, увенчанный высокой стеной. К закрытым и охраняемым воротам вела пологая, сложенная из камня дорога. Я часто видел, как Амброзий или его военачальники поднимались к воротам, но сам никогда не заходил дальше поста у начала подъема. Однако я все же несколько раз видел короля Будека, когда он выезжал из замка со своей свитой. Его волосы и длинная борода почти совсем поседели, но на своем крупном гнедом жеребце король сидел как влитой, словно был лет на тридцать моложе своего возраста; я слышал множество историй о том, как искусно он управляется с мечом и копьем, и о том, как он поклялся отомстить Вортигерну за убийство своего кузена Константина, даже если на это уйдет вся его жизнь.

По правде, к этому и шло, поскольку для такой маленькой страны собрать армию, способную разбить Вортигерна и саксов, а потом еще и удержать Большую Британию, казалось почти невыполнимым делом. Но скоро, шумели в лагере слухи, уже скоро...

Каждый день в любую погоду на ровном поле за городскими стенами проходили учения. У Амброзия, как я узнал, теперь было не ополчение, а настоящая армия в четыре тысячи человек. Что до Будека, то содержание стольких ртов уже не раз окупилось сторицей, поскольку не далее чем в тридцати милях его страна граничила с владениями моло-

дого короля, всегда готового поживиться грабежом; этого короля сдерживали лишь слухи о возрастающей силе Амброзия и грозной славе его солдат. Будек и Амброзий всеми силами внушали окрестным правителям мысль о том, что их армия — только оборонительная, и заботились о том, чтобы Вортигерн ничего наверняка не узнал: известия о подготовке вторжения достигали его ушей, как и прежде, в виде слухов, а шпионы Амброзия делали все, чтобы их считали пустыми слухами. На деле Вортигерн верил лишь в то, во что Будек старался заставить его поверить: будто Амброзий и Утер смирились с участью изгнанников, утвердились в Малой Британии в роли наследников Будека и теперь направили все усилия на охрану земель, которые однажды перейдут под их руку.

Это впечатление подкреплялось тем, что отряды Амброзиева войска отправлялись в экспедиции для пополнения запасов города. Не существовало никакого слишком простого или низменного труда, за какой не брались бы воины Амброзия. Работу, от которой с презрением отвернулись бы даже едва обученные войска моего деда, эти закаленные бойцы выполняли как должное. Они привозили и складывали дрова на городских подворьях. Они добывали и запасали торф, жгли уголь. Они строили кузни и работали кузнецами, производя не только орудия войны, но и орудия для пахоты и сбора урожая, инструменты для строительства зданий — лопаты, плужные лемехи, топоры, косы. Они умели объезжать лошадей, могли выпасать стада и забивать скот, они сооружали повозки; за два часа они разбивали и обносили рвом лагерь, выставляли по периметру часовых, а сняться с лагеря могли и вдвое быстрее. В этой армии был свой отряд военных механиков, чьи мастерские растянулись почти на половину квадратной мили; эти механики могли изготовить все что угодно — от амбарного замка до судна для перевозки войск. Они готовились к высадке вслепую на чужой берег, к тому, чтобы кормиться с этой незнакомой страны и быстро передвигаться по ней в любую погоду.

— Война кажется потехой под ясным небом, — сказал однажды в моем присутствии Амброзий своим командирам, — только потешным солдатам. Я буду сражаться ради победы, а победив, стану драться за то, чтобы удержать завоеванное. Британия — большая страна. В сравнении с ней этот уголок Галлии — всего лишь лужайка. А потому, друзья мои, воевать мы будем весной и летом, но не отступим с

первыми октябрьскими заморозками на зимние квартиры, чтобы отдыхать и точить мечи к следующей весне. Мы продолжим драться — в снегопад, если того потребуют обстоятельства, в дождь и холод, на размякшей глине и на полях, схваченных морозом. И все это время в любую погоду мы должны есть, пятнадцать тысяч человек должны есть — вот так.

Вскоре после этого, спустя месяц после моего прибытия в Малую Британию, закончились дни моей свободы. Амброзий нашел мне учителя.

Белазий сильно отличался от Галапаса и от незлого пьяницы Деметрия, состоявшего на должности моего наставника в Маридунуме. Это был человек в расцвете сил, который принадлежал к «деловым людям» Амброзия. Математик и астроном по образованию, он, по-видимому, вел учет в делах моего покровителя. Белазий был наполовину галльским римлянином, наполовину сицилийцем: высокий мужчина с оливковой кожей, черными печальными глазами под густыми ресницами и жестоким ртом. Он обладал ядовитым умом, острым языком и непредсказуемым дурным характером, но никогда не мучил меня капризами. Вскоре я узнал, что могу избежать его сарказма и тяжелой руки, быстро и хорошо делая свою работу, а поскольку учеба давалась мне легко и я учился с удовольствием, мы быстро нашли общий язык и неплохо ладили.

Как-то в конце марта мы сидели в моей комнате в доме Амброзия над уроками. Белазий держал дом в городе, но не любил говорить о своем жилище, из чего я сделал вывод, что он живет с какой-нибудь маркитанткой и стыдится, что я ее увижу. Большую часть времени он проводил в штабе, но в помещениях возле казны всегда толпилось множество писарей и казначеев, поэтому наши ежедневные занятия проходили в моей комнате. Комнатку мне отвели небольшую, но, на мой взгляд, хорошо обставленную: пол, выложенный красной плиткой, что обжигали тут же в городе, резная мебель, бронзовое зеркало, жаровня и светильник римской работы.

В тот день светильник горел и в светлые часы, поскольку небо было затянуто свинцовыми тучами, сквозь которые не прорывался ни один луч солнца. Белазий был мной доволен. Мы занимались математикой, и мне выпал один из дней, когда все удается: я без труда решал задачи, которые составлял для меня Белазий, словно поле знаний было открытой лужайкой, через которую вела видная всем прямая тропа.

Учитель стер ладонью все мои рисунки на воске, отложил дощечку и встал.

— Сегодня ты хорошо потрудился, что, впрочем, и к лучшему, потому что мне надо уйти раньше.

Он протянул руку и позвонил в колокольчик. Полог откинулся так быстро, что я понял, что его слуга, должно быть, ждал за дверью. Мальчик принес плащ и, расправив одежду, подал своему господину. Слуга даже взглядом не спросил у меня разрешения; он не сводил с Белазия глаз, в которых читался страх. Мальчик был приблизительно одних со мной лет или немного младше, кудрявые каштановые волосы были коротко острижены и напоминали маленькую шапочку, плотно сидящую на его голове, а серые глаза казались слишком большими для худенького лица.

Белазий не удостоил слугу ни словом, ни взглядом. Повернувшись к нему спиной, он принял плащ, и мальчик привстал на цыпочки, чтобы заколоть застежку. Поверх его головы Белазий обратился ко мне:

— Я расскажу графу о твоих успехах. Он будет доволен.

Выражение его лица как никогда напоминало улыбку. Ободренный этим, я повернулся на своем табурете.

— Белазий...

Он остановился на полпути к двери.

— Ну?

— Ты наверняка должен знать... Прошу, скажи мне, какие у него намерения на мой счет?

— Я знаю лишь то, что ты должен заниматься математикой и астрономией и не забывать языки.

Он говорил ровным монотонным голосом, но в его глазах промелькнуло изумление, и я продолжил:

— Кем я должен стать?

— А кем ты хочешь стать?

Я не ответил. Белазий кивнул, словно мое молчание и было ответом на этот вопрос.

— Если бы он хотел, чтобы ты поднял меч под его знамя, ты был бы сейчас на учениях.

— Но... я живу здесь вот так, ты учишь меня, Кадал прислуживает мне... Я этого не понимаю. Я должен каким-то образом служить ему, а не просто учиться... и жить вот так, как принц. Я понимаю, что остался жив только благодаря его милости.

С мгновение он молча разглядывал меня из-под тяжелых, словно сонных, век.

— А вот это следует запомнить. Кажется, ты однажды сказал ему, что важно не то, кто ты есть, а то, что ты собой представляешь... Поверь мне, он использует тебя так же, как использует остальных. Так что перестань ломать себе голову и оставь все как есть. А теперь мне пора идти.

Мальчик открыл дверь для своего хозяина как раз в тот момент, когда Кадал занес руку, чтобы постучать.

— Прошу прощения, господин. Я пришел узнать, когда ты сегодня закончишь занятия. Кони готовы, господин Мерлин.

— Мы уже закончили, — ответил Белазий. Он задержался на пороге и повернулся ко мне. — Куда ты предполагаешь отправиться?

— Думаю, на север, по дороге через лес. Насыпь нигде не подмокла, и дорога будет сухой.

Он заколебался, а затем обратился скорее к Кадалу, нежели ко мне:

— Тогда не съезжайте с дороги и возвращайтесь назад до наступления темноты.

Кивнув, Белазий вышел в сопровождении своего маленького слуги.

— До наступления темноты? — задумчиво повторил Кадал. — И так весь день темно, да вдобавок дождь пошел. Послушай, Мерлин, — наедине мы держались без особых церемоний, — почему бы нам просто не побродить по мастерским? Тебе это всегда нравилось, а Треморин, должно быть, уже наладил этот свой механический таран. Что ты скажешь, если мы останемся в городе?

Я покачал головой:

— Сожалею, Кадал, но, несмотря на дождь, придется поехать верхом. Мне не сидится на месте, мне нужно обязательно выехать за стены.

— Ладно, тогда достаточно пройти на рысях пару миль до гавани. Пошли, вот твой плащ. В лесу будет темно, хоть глаз выколи. Имей хоть каплю рассудительности.

— В лес, — упрямо сказал я, отворачивая голову, когда он начал скалывать мне плащ застежкой. — И не спорь со мной, Кадал. Если хочешь знать, Белазий ведет себя совершенно правильно. Его слуга не спорит, он даже говорить боится. И мне следует обращаться с тобой подобным образом... В самом деле, начну немедленно... Чему ты ухмыляешься?

— Ничему. Хорошо, я знаю, когда нужно уступить. Едем в лес. Если мы там заблудимся и погибнем, то по крайней мере меня утешает, что я умру вместе с тобой и мне не придется отвечать перед Амброзием.

— Не думаю, чтобы он так сильно из-за меня переживал.

— Конечно же, нет, — откликнулся Кадал, придерживая предо мной дверь. — Это лишь фигура речи. Сомневаюсь, что он вообще что-нибудь заметит.

7

Снаружи было светлее, чем казалось. Стоял довольно теплый, но хмурый и укутанный туманом день, когда водяная пыль, словно изморозь, ложится на тяжелую ткань плащей и лошадиные гривы.

Приблизительно в миле к северу от города засоленные торфяные пустоши сменялись лесом, вначале редким, с одиноко стоящими то тут, то там деревьями, в ветвях которых запутались клочья тумана. Туман также льнул к земле белыми озерцами, которые взвихрялись и опадали вновь, когда их рассекал изредка пробегавший олень.

На север вела старая мощеная дорога. Люди, построившие дорогу, вырубили деревья и кустарник на сотню шагов по обе ее стороны, но время и запустение сделали свое дело, и просека заросла толокнянкой, и вереском, и молодыми деревцами, так что теперь лес надвигался на путника со всех сторон и на дороге было темно.

Вблизи города мы повстречали нескольких крестьян, ведших домой в поводу груженных вязанками хвороста ослов, а однажды нас обогнал один из гонцов Амброзия; посмотрев на нас, он махнул рукой в знак приветствия. Однако в лесу мы никого не видели. Кругом было тихо: дневные птицы умолкли, а совы еще не вылетели на охоту.

Когда мы въехали под высокие деревья, дождь прекратился и туман стал рассеиваться. Вскоре мы выехали к развилке, где старый тракт под прямым углом пересекала лесная дорога, разумеется, немощеная. По этой дороге возили корабельное дерево из лесу; ездили по ней и телеги угольщиков. Несмотря на глубокие колеи и колдобины, дорога была

прямой и незаросшей: если держаться обочины, то коня можно было гнать галопом.

— Кадал, давай свернем здесь.

— Ты же помнишь, он сказал, чтобы мы держались дороги.

— Да, я помню, но не понимаю почему. В этом лесу совершенно безопасно.

Это было правдой. В этом тоже была заслуга Амброзия; местные жители не боялись больше путешествовать по дорогам Малой Британии и искали себе попутчиков или провожатых, только отправляясь в дальние города. Отряды графа Британского разъезжали по всей стране и только и ждали случая показать себя в деле. Более того, самым опасным было то (как однажды признался Амброзий), что войска его застоятся и слишком рьяно примутся искать себе противника. Между тем разбойники и просто шалый сброд держались от его земель подальше, и добропорядочный люд жил себе в покое и мире. Даже женщины отваживались теперь путешествовать без большого эскорта.

— Кроме того, — продолжил я, — какое имеет значение, что он говорил? Он мне не господин. Ему поручили учить меня, только и всего. Мы наверняка не заблудимся, если только не съедем с дороги. А если не поехать рысью сейчас, то когда мы снова выедем на поля, будет уже слишком темно, чтобы пускать лошадей в галоп. Ты все время жалуешься, что я плохой наездник. Как я могу научиться верховой езде, если мы всегда едем трусцой по главному тракту? Пожалуйста, Кадал.

— Пойми, я ведь тоже тебе не господин. Ладно, поехали, но недалеко. И будь повнимательней со своим пони: под деревьями станет темнее. Будет лучше, если я поеду первым.

Я положил руку на его повод.

— Нет, я хочу ехать впереди, а ты держись слегка позади, ладно? Дело в том, что мне так не хватает... уединенности, к которой я привык. Это одна из причин, по которой я избрал эту дорогу. — И осторожно добавил: — Не думай, что я не рад твоему обществу, но иногда мне нужно побыть наедине с собой, чтобы... подумать о некоторых вещах. Ты дашь мне хотя бы пятьдесят шагов форы?

Он тут же натянул поводья.

— Я сказал уже, что я тебе не хозяин. — Кадал прочистил горло. — Езжай вперед. Только будь осторожен.

Свернув Астера на проселок, я пустил его рысью. Мой пони уже три дня не выезжал из конюшни и, несмотря на то что мы проехали довольно большое расстояние, бежал охотно. Прижав уши, он стал набирать скорость на поросшей травой обочине. К счастью, туман почти сошел, но местами еще клубился над дорогой, достигая стремян, и лошади, казалось, погружались в него, как в воду.

Кадал отстал довольно далеко. Глухие удары копыт его кобылы эхом вторили топоту моей лошадки. Дождик перестал моросить; воздух был чистым, холодным, настоянным на запахе смолистых сосен. Над головой пролетел вальдшнеп, тихо, почти шепотом позвав кого-то; пушистая еловая ветка стряхнула горсть мелких капель, упавших мне на губы и за ворот туники. Я встряхнул головой и засмеялся; пони еще прибавил ходу, разбрызгивая лужицы тумана. Просека сузилась, и ветви принялись хлестать нас всерьез; я прижался к шее пони. Стало темнее; вверху, между ветвями, вечерние тени сгустились в сумерки, и лес несся мимо словно безмолвное, если не считать плавного галопа Астера и легкого ровного бега кобылы, темное облако, пропитанное запахами.

Кадал крикнул, чтобы я остановился. Я сразу не ответил, и удары копыт его лошади участились и стали ближе. Астер застриг ушами, но затем снова прижал их и стрелой полетел вперед. Я остановил его. Это оказалось легко, поскольку дорога стала труднее и пони стал покрываться пеной. Астер замедлил бег, а затем остановился и спокойно ждал, пока подъедет Кадал. Его кобыла стала неподалеку. Теперь в лесу было слышно только тяжелое дыхание наших лошадей.

— Ну, — помолчав, спросил Кадал, — ты получил желаемое?

— Да, только ты слишком рано окликнул меня.

— Нам нужно поворачивать, если мы хотим успеть к ужину. Хороший у тебя пони. Ты хочешь ехать впереди на обратном пути?

— Если можно.

— Повторяю: не спрашивай разрешения, поступай, как считаешь нужным. Я знаю, тебе нелегко знать, что ты не можешь выезжать один, но ты пока еще слишком юн, и мое дело присмотреть, чтобы ты не попал в беду, только и всего.

— В какую беду я могу попасть? Дома я привык везде ездить один.

— То было дома. Ты еще не знаешь эти места как следует. Ты можешь заблудиться или упасть с лошади и остаться лежать в лесу со сломанной ногой...

— Не слишком убедительно, правда? Тебе приказали следить за мной, признайся.

— Присматривать за тобой.

— Это почти то же самое. Я слышал, как тебя называют: «Сторожевой пес».

Кадал хмыкнул:

— Не надо меня щадить. «Черный пес Мерлина» — вот как меня называют. Да я и не против. Я делаю, как он мне приказывает, и не задаю лишних вопросов, но мне жаль, если это тебя раздражает.

— Вовсе нет. Я совсем не это имел в виду... Все в порядке, только... Кадал...

— Что?

— Так я все-таки заложник?

— Этого я не могу сказать, — ответил Кадал с одеревеневшим лицом. — Поехали. Ты разминешься со мной?

Наши лошади стояли в месте, где дорога сужалась. В глубокой луже посреди дороги, слабо поблескивая, отражалось ночное небо. Кадал заставил свою кобылу отступить в обрамлявшие просеку заросли молодых деревьев, а я принудил Астера, который не замочил бы ног, если его не пришпорить, пройти мимо кобылы. Когда круп гнедой лошади вжался в переплетение дубовых и каштановых ветвей, позади нее вдруг послышался треск ломаемого подлеска, и какой-то зверь, проскочив под брюхом кобылы, метнулся через просеку прямо перед мордой моего пони.

Внезапное движение испугало обеих лошадей. Захрапев от ужаса, гнедая кобыла дернулась вперед, натянув удила. В тот же момент Астер отпрянул в сторону, едва не выбросив меня из седла. Тут кобыла ударила пони в плечо; тот круто развернулся и, став на дыбы, сбросил меня наземь.

Я тяжело плюхнулся в грязь у обочины всего в нескольких дюймах от лужи, возле расщепленного пня старой сосны, о который я мог бы сильно пораниться, попади я прямо на него. Я отделался царапинами, парой синяков и вывихнутой лодыжкой; когда я перевернулся и попробовал ступить на нее, меня пронзила такая острая боль, что черный лес поплыл у меня перед глазами.

Кобыла еще не успела остановиться, а Кадал уже соскочил с седла, набросил поводья на сук и склонился надо мной.

— Мерлин... господин Мерлин... ты ушибся?

Заставив себя разжать крепко стиснутые от боли зубы, я начал осторожно обеими руками распрямлять ногу.

— Нет, только лодыжку слегка повредил.

— Позволь мне взглянуть... Нет, не двигайся. Клянусь псом, Амброзий с меня за это шкуру спустит.

— Что это было?

— По-моему, дикий кабан. Для оленя слишком маленький, а для лисы — крупный.

— Судя по запаху, это был кабан. Где мой пони?

— Надо думать, на полпути домой. Конечно, тебе пришлось бросить поводья, правда?

— Извини. Там перелом?

Руки Кадала тщательно ощупывали мою лодыжку.

— Не думаю... Нет, наверняка нет. Больше ты ничего не повредил? Вот, давай, попытайся встать на ноги. Кобыла довезет нас обоих, и если удастся, то я хочу приехать раньше, чем твой пони прибежит с пустым седлом. Меня уж точно скормят миногам, если Амброзий его увидит.

— Ты же не виноват. Неужели он так несправедлив?

— Он посчитает, что это случилось по моей вине, и будет недалек от истины. Давай попробуем.

— Нет, погоди минутку. Не беспокойся об Амброзии, мой пони не ускакал домой. Он остановился неподалеку на просеке. Тебе лучше поехать и привести его.

Кадал опустился на колени рядом со мной, я видел его смутную тень на фоне неба. Он повернул голову, вглядываясь во тьму. Рядом с нами тихо стояла кобыла; ее волнение выдавали лишь стригущие уши и сверкающий белым глаз. Тишину вспорол крик совы, и где-то далеко ему эхом отозвался другой.

— Уже в двадцати шагах ничего не разглядеть, — сказал Кадал, — темно, хоть глаз выколи. Ты слышал, как он остановился?

— Да. — Это было ложью, но ни время, ни место не подходили для разговоров. — Иди и приведи его, быстрее. Пешком. Он убежал недалеко.

С мгновение Кадал внимательно смотрел на меня, после чего поднялся на ноги и пошел, держась обочины, чтобы не угодить в грязь. Ясно, словно при свете дня, я

видел его озадаченную физиономию. И выражение его лица внезапно напомнило мне о Сердике, каким тот был у королевской цитадели. Я привалился спиной к пню. Мои ссадины ныли, а боль пронизывала лодыжку, но, несмотря на это, меня, как после глотка теплого вина, окатило тем волнующим чувством свободы, которое приходит с силой. Теперь я знал, что должен был пойти этим путем. Это был один из тех часов, когда ни тьма, ни расстояние, ни время не будут иметь значения. Над моей головой беззвучно проплыла над просекой сова. Кобыла навострила уши, но глядела на птицу без страха.

В вышине попискивали летучие мыши. Мне вспомнились хрустальный грот и взгляд Галапаса, когда я рассказал ему о своем видении. Он не был ни озадачен, ни удивлен. Мне вдруг стало интересно: а как бы выглядел в такой ситуации Белазий? И я понял, что и он не удивился бы.

Копыта мягко шлепали по размякшей земле. Сперва я увидел серую призрачную тень Астера, а затем возле его головы замаячила фигура Кадала.

— Все в порядке, я его нашел. Он остановился в паре саженей, и не без причины. Твой пони охромел. Наверное, потянул что-нибудь.

— По крайней мере он не придет домой раньше нас.

— Поверь мне, когда бы мы теперь ни вернулись домой, неприятностей нам не избежать. Ну, давай, я подсажу тебя на Руфу.

С помощью Кадала я осторожно встал на ноги. Когда я попытался перенести вес на левую ногу, то почувствовал довольно сильную боль, но меня успокаивало, что там всего лишь вывих и скоро мне станет легче. Подсадив меня в седло, Кадал отцепил поводья от кустов и дал мне их в руки. Цокнув языком Астеру, он медленно повел его впереди.

— Что ты делаешь? — спросил я. — Разве мы не можем ехать на ней вдвоем?

— Не в этом дело. Ты же видишь, как он хромает. Его нужно вести. Если его вести впереди, то он будет задавать темп. А кобыла приспособится к нему. Тебе там удобно?

— Великолепно, спасибо.

Серый пони в самом деле сильно хромал. Опустив голову, он медленно шел рядом с Кадалом, размытой тенью маяча передо мной в сумерках. Кобыла тихо ступала следом. Я прикинул, что таким шагом мы будем до-

биpаться домой часа два, даже если забыть о том, что ждало нас впереди.

Я вновь погрузился в свои одинокие размышления. Тишину нарушали только мягкое шлепанье лошадиных копыт, поскрипывание кожаной упряжи да редкие звуки ночного леса, окружавшего нас. Кадала не было видно — лишь тень рядом с двигающимся туманным призраком моего пони. Седло большой кобылы, идущей мерным и ровным шагом, было высоким, и я оказался наедине с темнотой и деревьями.

Мы проехали, должно быть, с полмили, когда сквозь ветви огромного дуба справа от меня я увидел ровный свет белой звезды.

— Кадал, нет ли более короткой дороги обратно? Помнится, была здесь тропа, ведущая на юг, она начиналась сразу за большим дубом. Туман почти рассеялся, даже звезды видны. Посмотри, вон там Большая Медведица.

— Нам лучше не съезжать с дороги, — донесся голос из темноты. Но через пару шагов Кадал остановил пони у тропы, ответвлявшейся к югу, и подождал, пока подойдет кобыла.

— С виду она достаточно хорошая, правда? Прямая и намного суше просеки, по которой мы едем. Нам нужно лишь держать Большую Медведицу за спиной, и через милю-две мы выйдем к морю. Разве ты не знаешь дорогу через лес?

— Конечно, знаю. Твоя правда, так будет короче, если мы сможем рассмотреть тропу. Но... — Я услышал, как он проверил, легко ли вынимается из ножен короткий меч. — Едва ли нас ожидают неприятности, но лучше быть готовым ко всему, так что, пожалуйста, говори тише и держи нож наготове. И позволь мне сказать еще одну вещь, юный Мерлин: если что-нибудь произойдет, ты поскачешь домой и оставишь меня самого выпутываться из беды. Понятно?

— Опять распоряжения Амброзия?

— Можешь так считать.

— Ладно, если тебе от этого станет легче, обещаю, что не задумываясь брошу тебя и во весь опор поскачу домой. Но ничего не случится.

— Можно подумать, тебе все известно, — вздохнул он.

— Конечно, — рассмеялся я.

На мгновение звезды высветили белки его глаз и быстрый взмах руки. После чего он молча развернулся и повел Астера по тропе на юг.

8

Хотя тропа была достаточно широкой, чтобы по ней могли бок о бок проехать два всадника, Кадал шел впереди, а я двигался следом. Гнедая кобыла приноравливала свой широкий мягкий шаг к дробной поступи охромевшего пони.

Стало прохладнее. Я плотнее закутался в плащ, стараясь согреться. С холодом туман совершенно развеялся, небо очистилось, и при свете звезд было легче различить дорогу. Огромные раскидистые деревья, в основном дубы, стояли редко, а между ними густо разрослись молодые деревца. По ветвям дубов стелилась омела, обнимала голые заросли жимолости и терновника. То тут, то там на фоне неба чернели резкие силуэты сосен. Время от времени я слышал, как падала на землю тяжелая капля, а однажды тишину нарушил предсмертный крик какого-то мелкого зверька, попавшего в когти совы. Воздух был влажный и пах грибами, опавшей листвой и густым перегноем.

Кадал шагал молча, не поднимая глаз от тропы, которую местами закрывали упавшие и гниющие сучья. Позади него ехал я, удерживая равновесие в седле его большой кобылы и все еще пребывая под воздействием светлой, будоражащей силы. Впереди было что-то, к чему меня вели; вели, и в этом я был совершенно уверен, как привел меня сокол к подземелью у подножия древней королевской цитадели.

Руфа насторожила уши, и я услышал, как затрепетали ее мягкие ноздри. Лошадь вытянула шею. Кадал ничего не услышал, а серый пони, слишком озабоченный своей хромотой, не почувствовал запаха других лошадей. Но еще раньше Руфы я знал, что впереди переступают с ноги на ногу кони.

Тропа повернула и стала полого спускаться в низину. По обе стороны от нас деревья слегка расступились; теперь их ветви не перекрещивались над тропой, посветлело. Вдоль тропы потянулись откосы с проплешинами валунов и рубцами оврагов, летом поросшие наперстянкой и папоротником, но сейчас ощетинившиеся колючими сухими зарослями ежевики. Копыта наших лошадей, осторожно ступавших вниз по склону, скребли по земле и звякали на камнях.

Внезапно Руфа, не останавливаясь, вскинула голову и издала протяжное ржание. Кадал что-то воскликнул и замер на месте, а кобыла остановилась возле него, прядая

ушами и повернув голову к опушке леса справа от нас. Схватив ее под уздцы, Кадал пригнул голову Руфы, ткнув ее ноздрями в сгиб руки. Астер тоже поднял голову, но не издал ни звука.

— Лошади, — спокойно произнес я. — Разве ты не чувствуешь запах?

Кадал пробормотал что-то вроде:

— Если ты и в самом деле что-нибудь чуешь, то нюх у тебя, наверное, как у лисы. — Он торопливо начал уводить Руфу с тропы. — Поздно возвращаться, они слышали эту проклятую кобылу. Лучше будет, если мы укроемся в лесу.

— В этом нет нужды, — остановил я его. — Я уверен, что там нам ничего не грозит. Поехали.

— Говоришь-то ты спокойно и уверенно, но откуда тебе знать?..

— Поверь мне, я знаю. Как бы то ни было, если эти люди хотели причинить нам вред, мы бы об этом уже узнали. Они давно услышали, как мы едем, и наверняка догадались, что здесь всего лишь две лошади, одна из которых хромает.

Кадал все еще колебался, не снимая руки с рукояти короткого меча. От возбуждения кожу у меня покалывало, словно колючками. Я видел, куда были направлены уши кобылы, — на большую сосновую рощу шагах в пятидесяти впереди нас, справа от тропы. Сосны казались черными даже на фоне черного леса. Вдруг я понял, что не в силах дольше ждать, и нетерпеливо произнес:

— Как хочешь, а я поеду. Выбирай сам: следовать за мной или нет.

Вздернув голову Руфы, я ударил ее в бок здоровой ногой так, что она прыгнула вперед мимо серого пони. Я послал гнедую вверх по откосу, к роще.

И действительно, в роще стояли лошади. Сквозь просвет в густых сосновых кронах сияло несколько звезд, и животных было отчетливо видно. Лошадей было только две, они неподвижно стояли с опущенными головами и уткнув морды в грудь хрупкой фигурки, от холода укутанной в плащ с надвинутым на глаза капюшоном. На топот копыт Руфы человек обернулся, и капюшон соскользнул на плечи: в сумерках забелел овал его лица. Больше никого не было.

Я вдруг со страхом подумал, что ближайший ко мне вороной конь может быть жеребцом Амброзия, но через мгновение, когда животное высвободило голову из-под

плаща, я увидел белую звезду у него на лбу, и меня осенило, словно лучом света, прорвавшимся сквозь облака, что и почему привело меня сюда.

Позади, ломая сучья и удивленно ругаясь, Кадал тянул за собой Астера. Слуга поднял клинок, я увидел серый блеск его обнаженного меча.

— Кто там?

— Успокойся, — не оборачиваясь, тихо ответил я. — Это Белазий... По крайней мере там его конь. Еще одна лошадь и мальчик. Только и всего.

Кадал приблизился. Его меч снова вернулся в ножны.

— Клянусь псом, ты прав. Эту белую звезду я узнаю где угодно. Эй, Ульфин, рад тебя видеть. Где твой хозяин?

Даже с расстояния шести шагов было слышно, как мальчик облегченно вздохнул:

— А, это ты, Кадал... Господин Мерлин... Я слышал, как заржала твоя лошадь... Я подумал... Никто не ездит этой дорогой.

Заставив кобылу подойти ближе, я посмотрел на него сверху вниз. На бледном лице мальчишки выделялись огромные глаза. Он все еще боялся.

— Но Белазий, по-видимому, ездит, — произнес я. — Зачем?

— Он... он ничего мне не говорит, господин.

— Не морочь нам голову, — резко бросил Кадал. — Нет почти ничего такого, чего бы ты о нем не знал. Всем известно, что ты днем и ночью ни на шаг от него не отходишь. Ну же, говори. Где твой хозяин?

— Я... он скоро вернется.

— Мы не можем ждать его, — возразил Кадал. — Нам нужна лошадь. Пойди скажи ему, что мы здесь, что господин мой Мерлин повредил ногу, а его пони охромел и нам необходимо немедленно вернуться домой... Ну? Чего же ты стоишь? Ради всего святого, что с тобой происходит?

— Я не могу. Он сказал, что мне нельзя. Приказал не сходить с этого места.

— Так же, как запретил нам съезжать с дороги, если мы направимся в эту сторону? — поинтересовался я. — Интересно. Значит, тебя зовут Ульфин? Ладно, Ульфин, забудь о лошади. Я хочу знать, где сейчас Белазий?

— Я... я не знаю.

— Но ты должен был хотя бы видеть, куда он удалился.

— Н-нет, мой господин.

— Клянусь псом! — воскликнул Кадал. — Какое нам дело до того, где он, если у нас есть лошадь? Послушай, парень, сам посуди, мы же не можем полночи дожидаться твоего хозяина: нам нужно возвращаться домой. Если ты скажешь ему, что коня взял милорд Мерлин, он же не съест тебя живьем, правда? — А когда мальчик пробормотал что-то нечленораздельное, добавил: — Хорошо, значит, ты хочешь, чтобы мы сами отыскали его и попросили у него позволения?

Тут мальчик все же зашевелился, дернулся, прикусил костяшки пальцев, едва не засунул себе в рот кулак, словно деревенский дурачок.

— Нет! Вам нельзя... Вам нельзя!

— Во имя Митры, — произнес я (эту божбу я перенял от Амброзия). — Чем он там занят? Убивает кого-нибудь?

При этих моих словах ночную тишину разорвал пронзительный крик. Это был даже не крик, а хуже — вопль. Так кричит человек в предчувствии смерти.

В этом крике мне послышалось какое-то слово, будто ужас обрел форму, но это слово было мне неизвестно. Вопль нарастал, взметнулся мучительно, словно грудь кричавшего вот-вот разорвется, — и внезапно оборвался, как будто кто-то ударил по перенапряженному горлу. В этой ужасной тишине выдох Ульфина прозвучал слабым эхом крику.

Кадал замер вполоборота, в одной руке сжимая меч, а другой ухватившись за уздечку Астера. Я вздернул голову кобылы и хлестнул ее поводом по шее. Она рванула вперед, едва не сбросив меня. Лошадь понеслась между соснами к темной тропе. Я распластался у нее на шее, стараясь укрыться от пролетавших мимо ветвей, и полулежал, полувисел на ней, как клещ, вцепившись в постромки. Кадал и мальчишка так и остались стоять, не издав ни звука.

Когда лошадь, оскальзываясь в оползнях камешков и песка, спустилась по откосу на просеку, я увидел — это было так естественно, так неизбежно, что я даже не удивился и не задумался над этим — другую тропу, узкую и заросшую, которая прямо против сосновой рощи ответвлялась от просеки, уводя куда-то влево под сень деревьев.

Рывком натянув поводья, я повернул лошадь, а когда она заартачилась и попыталась свернуть на широкую дорогу к дому, хлестнул ее снова. Прижав уши, Руфа галопом рванулась по узкой тропе.

Тропа петляла и извивалась, так что почти сразу бег кобылы замедлился, перешел в тяжелую рысь. Тропа вела именно туда, откуда донесся до нас тот ужасающий вопль. Тропой почти не пользовались, и зимняя трава и вереск совсем заглушили ее, но даже при свете звезд было видно, что совсем недавно здесь кто-то проезжал. Почва была такой мягкой, что даже лошадь, идущая легким галопом, не создавала много шума.

Я напряг слух, надеясь, что Кадал последовал за мной, но не уловил ни звука. Только тут мне пришло в голову, что и он, и мальчик могли подумать, будто я, напуганный криком, ускакал домой, как меня и уговаривал Кадал.

Я заставил Руфу перейти на шаг. Гнедая охотно замедлила бег, высоко подняв голову и насторожив уши. Лошадь дрожала. Она тоже слышала крик. В трех сотнях шагов впереди показался просвет, и я подумал, что там, наверное, заканчивается лес. Мы осторожно приближались к опушке, но за деревьями на фоне неба ничего не двигалось.

Затем, так тихо, что мне пришлось всему обратиться в слух, чтобы не спутать звук с шелестом ветра или шумом моря, послышалась монотонная песня.

Мое тело словно покрылось мурашками. Теперь я понял, куда ушел Белазий и почему так напуган был Ульфин. Я понял, почему Белазий предупреждал:

— Не съезжайте с дороги и возвращайтесь до наступления темноты.

Я выпрямился в седле. Меня обдавало волнами жара, такими же мелкими, какими прокатывается рябь от ветра по воде. У меня перехватило дух, дыхание участилось. На какое-то мгновение мне показалось, что я поддался страху, но затем понял, что просто сильно возбужден. Остановив лошадь, я бесшумно соскользнул с седла и, заведя гнедую на три шага назад в лес, привязал повод к ветке и оставил Руфу под деревьями. Когда я ступил на поврежденную ногу, та отозвалась болью, но теперь уже вполне переносимой, и вскоре я позабыл о ней, быстро ковыляя к тому месту, где светлело небо и откуда доносилось песнопение.

9

Я был прав, полагая, что море недалеко. Лес обрывался на берегу морского залива. Деревья, подступившие к самой полоске пляжа, окаймляли его, казалось, со всех сторон, так что я сперва принял залив за озеро, но затем ощутил запах соли и увидел на прибрежной гальке принесенные приливом морские водоросли. Лес оканчивался на самом обрыве; обнаженные корни деревьев торчали из высокого глинистого берега, который год за годом подтачивали приливы. Узкий пляж был в основном галечный, хотя местами виднелись полосы светлого песка и серовато поблескивала скала, там, где сбегали струйками к морю мелкие потоки. Вода в заливе была гладкой как стекло, будто державшиеся последние недели морозы сковали ее льдом, а кромешную тьму вдали прорезала светлая полоса — там меж двумя мысами белым разбивался прилив. По правую руку — на юге — к вершине гребня карабкался черный лес, тогда как на севере, где местность была более пологой, большие деревья могли служить отличным укрытием. На первый взгляд лучшей гавани и не найти, но, присмотревшись внимательней, я заметил, что сам залив очень мелок и что сейчас, в самый пик отлива, из воды черными громадинами выступали осколки скал и валунов, блестевшие в свете звезд от влажных водорослей.

Посреди залива, почти в самой его середине, из-за чего я поначалу подумал, что это дело рук человека, возвышался остров. Точнее, островом он становился во время прилива; сейчас, когда вода стояла низко, стало ясно, что это скорее овальный полуостров, соединенный с берегом цепочкой камней. Эта грубая дамба, без сомнения, рукотворная, подобно пуповине, связывала остров с большой землей. В ближайшей из мелких бухт, укрытых дамбой, словно стадо тюленей, прикорнули на берегу несколько маленьких рыбачьих лодок.

Здесь, в низине у залива, все еще сохранился туман; он повсюду цеплялся за ветви деревьев, будто рыбачьи сети, развешанные для просушки. Над поверхностью воды туман редел и плыл лоскутами, медленно расползаясь в клочья, которые уносил легкий ветерок, потом сгущался в другом месте и снова плыл над водой. У подножия острова туман был таким густым, что сам остров, казалось, парил на облаке. Сияние звезд отраженным светом поднималось от серой

пелены, и в этом призрачном свете был отчетливо виден весь остров.

Своей формой остров напоминал не правильный овал, а скорее яйцо, узким концом обращенное к дамбе. На дальнем его конце, который расширялся в сторону моря, на ровной площадке возвышался небольшой холм, столь же правильной формы, как и пчелиный улей. Основание холма было окружено кольцом из стоячих камней, разорванным лишь в одной точке — как раз напротив меня: широкий проем образовывал ворота, от которых тянулся похожий на колоннаду двойной ряд стоячих камней, и оканчивался у самой дамбы.

Ни один звук не нарушал мертвую тишину. Если бы не смутные силуэты вытащенных на берег лодок, можно было подумать, что вопль и песнопения — всего лишь плод моего воображения. Я стоял на самой опушке, обхватив левой рукой молодой ясень и опираясь всем весом на правую ногу. Мои глаза так привыкли к темноте, царившей под деревьями, что подсвеченный туманом остров был виден мне словно днем.

У подножия холма, там, где в него упиралась центральная колоннада, внезапно вспыхнул факел. На мгновение свет выхватил из темноты отверстие в склоне холма, а перед ним — фигуру факельщика, облаченного в белую хламиду. Теперь я увидел, что то, что я принял за клубы тумана в тени каменных арок, на самом деле было рядами неподвижных фигур, также в белом. Когда свет факела взметнулся выше, до моего слуха вновь донеслось песнопение, очень тихое, с незнакомым мне бессвязным распевом. Затем факел и факельщик стали постепенно опускаться под землю, и я понял, что от отверстия в глубь холма уходят ступени. Остальные фигуры, смешав ряды, двинулись следом за ним, на мгновение столпились у входа, а затем исчезли, словно дым, затянутый за заслонку печи.

Песнопение продолжалось, но было таким слабым и приглушенным, что напомнило мне гудение пчел в зимнем улье. Мелодии не было слышно, в дрожании воздуха только слегка отдавался ритм. Это биение можно было скорее почувствовать, чем услышать, и оно становилось все напряженнее и быстрее, а вместе с ним убыстрялось и биение моего собственного сердца...

Внезапно все кончилось. Наступила мертвая тишина; но эта тишина была такой напряженной, что у меня к горлу подступил комок, и я сглотнул. Неожиданно я обнаружил, что давно уже вышел из-за деревьев и теперь стою на

высоком берегу, забыв о боли, широко расставив ноги, которые, казалось, вросли в землю, и все тело словно напряглось, стремясь впитать ее силу, как деревья корнями впитывают из нее живительные соки. Подобно ростку дерева, пробивающемуся из-под земли, во мне нарастало возбуждение. Неведомыми путями оно вырывалось из глубин острова, текло по пуповине дамбы и наполняло мои плоть и душу, потому, когда наконец раздался крик, мне показалось, что он извергся из моего собственного горла.

На этот раз крик был другой, высокий и режущий слух; он мог означать что угодно — торжество, поражение или боль. Клич смерти исходил на сей раз не из уст жертвы, а из уст палача.

И снова мертвая тишина. Ничто не нарушало ночной покой. Остров маячил предо мной словно запечатанный улей, скрывший в себе то неизвестное, что копошилось и гудело внутри.

Затем предводитель — я предположил, что это был мужчина, хотя факел давным-давно уже погасили — будто призрак возник в отверстии в склоне холма и стал подниматься по ступеням. За ним следовали и остальные, но из холма выходила уже не процессия, а отдельные группы людей, которые, будто повинуясь фигурам неизвестного мне танца, сходились и расходились вновь, пока не выстроились двумя белыми рядами вдоль кромлехов.

Опять наступила полная тишина. Предводитель воздел руки к небу, и словно следуя сигналу, из-за холма поднялся край месяца, белый и сияющий, как лезвие ножа.

Предводитель что-то выкрикнул, и этот третий крик, услышанный мною, без сомнения, был возгласом ликования и приветствия. Белая фигура еще выше подняла руки над головой, как бы предлагая лунному серпу то, что было между ними.

Толпа пропела запев и ответ, ликующе загудел хор. Затем, когда светило взошло над холмом, жрец опустил руки и обернулся. То, что ранее он предлагал богине, он отдавал теперь ее поклонникам. Фигуры сомкнулись вокруг него.

Я с таким напряжением наблюдал за церемонией на острове, что совсем упустил из виду берег и даже не сразу заметил, что наползавший с воды туман окутал и камни, ведущие от берега к острову. Вглядываясь в темноту, я принимал белые фигуры людей за клочья тумана, который клубился, наплывал и откатывал, складываясь в белые сгустки.

Наконец я сообразил, что именно так оно и происходило на самом деле. Толпа расходилась. По двое и по трое люди безмолвно проходили между камнями, то теряясь в черных тенях, то вновь возникая в полосах серебра, которые отбрасывала в просветы меж кромлехами луна. Неизвестные направлялись к лодкам.

Я не представлял себе, как долго все это длилось, но, очнувшись, обнаружил, что совсем закоченел, а моя одежда, там, где плащ соскользнул с моего плеча, отсырела от тумана. Я встряхнулся, как собака, и вновь укрылся за деревьями. Возбуждение покинуло меня, теплой волной излилось и из души, и из тела, потекло по ногам, оставив по себе опустошение и стыд. Я смутно сознавал, что здесь властвовало что-то, незнакомое мне. Это была не та сила, которую я научился принимать и лелеять, не было это и опустошенностью, которая накатывает после видений. После уроков у Галапаса я чувствовал себя просветленным, свободным и сильным, как отточенное лезвие; теперь же я походил на пустой горшок, из которого еще не выветрился запах давно вытекшего содержимого.

Я с трудом наклонился, чтобы сорвать пучок блеклой влажной травы и почиститься, оттер ею руки, а затем провел рукой по траве, чтобы умыться проступившей ночной росой. Роса пахла опавшей листвой, влажным воздухом и напомнила мне о Галапасе, священном источнике и длинном ковше из рога. Отерев ладони об изнанку плаща, я плотнее завернулся в него и вернулся к своему посту возле ясеня.

По глади залива скользили темные тени возвращающихся лодок. Остров опустел. Его покинули все, кроме высокой белой фигуры, которая теперь спускалась по центральному проходу между камнями. Туман обволакивал этого человека, потом расходился, потом укутывал его вновь. Он направлялся не к лодке, а, казалось, шел прямо к дамбе, но, дойдя до конца колоннады, он вдруг остановился в тени последнего камня и исчез.

Я ждал, не чувствуя ничего, кроме глубокой усталости, и с тоской думал о глотке чистой воды и уюте моей теплой и тихой комнаты. Никакого волшебства не было и в помине, ночь была такой же выдохшейся и пустой, как старое скисшее вино. Спустя какое-то время я снова увидел залитую лунным светом фигуру — незнакомец пробирался по камням дамбы. Теперь на нем было темное одеяние. Он всего лишь

сбросил свою белую хламиду, которую теперь нес, перебросив через руку.

Последняя лодка растворилась в темноте. Одинокий мужчина быстро шагал с камня на камень. Я вышел из-под деревьев и спустился на берег ему навстречу.

10

Белазий увидел меня еще до того, как я вышел из тени деревьев, но не подал виду, что удивлен, только, сойдя с каменной дамбы, свернул в мою сторону. Спокойно и не спеша он приблизился к тому месту, где я стоял, и остановился, глядя на меня сверху вниз.

— Ага. — Это прозвучало как приветствие, и даже в голосе его я не услышал удивления. — Мне следовало догадаться. Давно ты стоишь здесь?

— Трудно сказать. Время пролетело так быстро. Мне было интересно.

Он молчал. Яркий лунный свет падал на его правую щеку. Я не видел его глаз, затененных длинными темными ресницами, но в его осанке и голосе было что-то тихое, почти сонное. Стоя на краю леса, я испытал то же чувство после высвобождающего, торжествующего крика. Молния уже ударила, и на луке ослабили тетиву.

Он не обратил внимания на вызов, прозвучавший в моих словах, и просто спросил:

— Что привело тебя сюда?

— Я спускался к берегу, когда услышал крик.

— Вот как, — снова сонно произнес он. — Откуда ты спускался?

— От сосновой рощи, где ты оставил своего коня.

— Почему ты выбрал эту тропу? Я же сказал тебе держаться дороги.

— Знаю, но мне хотелось проехаться галопом, и мы свернули на главную просеку; там с Астером приключилось несчастье — он подвернул ногу, и нам пришлось вести его домой в поводу. Мы шли медленно, а было уже поздно, поэтому я решил срезать через лес напрямик.

— Понимаю. А где же Кадал?

— По-моему, он подумал, что я поскакал домой, и, наверное, отправился следом. В любом случае сюда за мной он не приехал.

— Он поступил рассудительно, — произнес Белазий. Его голос был по-прежнему мягким, почти сонным, но сонным как у кота, лениво развалившегося у мышиной норы, мягким, как бархатные ножны, скрывающие острие наточенного кинжала. — Но несмотря на то... что ты слышал... тебе не пришло в голову убежать домой?

— Разумеется, нет.

Его глаза на мгновение сверкнули из-под длинных ресниц.

— Разумеется, нет?

— Мне необходимо было знать, что там происходило.

— А... Ты знал, что я буду там?

— Нет, я понял это, только когда увидел Ульфина и лошадей. И дело не в твоем совете не съезжать сегодня с дороги. Но я... скажем так, я знал, что сегодня ночью в лесу творится нечто необычное, и я должен был все разузнать.

Еще с мгновение он внимательно разглядывал меня. Я был прав, полагая, что он не удивится моему присутствию. Затем Белазий встряхнул головой:

— Пойдем, холодно, и я хочу поскорее надеть свой плащ. — Я последовал за ним, скрипя сандалиями по гальке, и он, не оборачиваясь, добавил: — Полагаю, Ульфин все еще там?

— Думаю, да. Ты запугал его до смерти.

— Ему нечего бояться, пока он держится подальше от моих дел и ничего не видит.

— Значит, это правда, что он ничего не знает?

— Не важно, знает он или нет, — безразлично обронил Белазий, — важно, что у него хватает ума молчать. Я пообещал ему, что если он будет повиноваться мне, не задавая вопросов, то я заблаговременно освобожу его, чтобы он успел бежать.

— Бежать? От чего?

— От смерти, когда я умру. Обычно слуг жрецов отправляют вслед за своими господами.

Мы шагали по тропе бок о бок. Я взглянул на него. Белазий был облачен в темное платье, намного элегантнее всего, что мне доводилось видеть в Маридунуме, даже на Камлахе. Его пояс был из прекрасной тисненой кожи, скорее всего итальянской работы, а на плече поблескивала в лунном свете большая круглая фибула, украшенная узором из колец и переплетенных золотых змей. Даже под пеленой, кото-

рую набросила на него сегодняшняя тайная церемония, Белазий выглядел утонченным римлянином с изысканными манерами.

— Прости меня, Белазий, — обратился я к нему, — но разве такие культы не умерли вместе с выходцами из Египта? Даже в Уэльсе такое посчитали бы старомодным.

— Возможно, и так. Но тогда можно сказать, что и сама богиня старомодна и предпочитает, чтобы ей служили так, как она к тому привыкла. Наши обряды столь же древние, сколь и она, они древнее, чем все, что способна была сохранить — даже в песнях или в камне — людская память. Задолго до того, как в Персии начали убивать быков, задолго до того, как эти обряды появились на Крите, задолго до того, как из Африки пришли небесные боги и в их честь были воздвигнуты эти камни, богиня уже обитала в священной роще. Теперь лес закрыт для нас, и мы отправляем свои ритуалы, где можем, но где бы ни была богиня — в камне, дереве или пещере, — есть роща, которая называется Немет, и там мы приносим наши жертвы. Вижу, ты понимаешь меня.

— Прекрасно понимаю. Об этих обрядах я узнал еще в Уэльсе. Но уже несколько сот лет никто не приносит жертв, подобных той, которую вы принесли сегодня ночью.

— Он был убит за святотатство, — масленым голосом ответил Белазий. — Разве тебя не учили?.. — Он вдруг застыл как вкопанный, и его рука метнулась к бедру. Тон Белазия изменился. — Это лошадь Кадала. — Он повел головой, словно охотничий пес, почуявший дичь.

— Это я приехал на ней, — объяснил я. — Я же говорил тебе, что мой пони охромел. Кадал, должно быть, уже дома. Думаю, он взял одну из твоих лошадей.

Отвязав кобылу, я вывел ее на освещенную луной тропу. Белазий убрал свой кинжал в ножны. Мы продолжили наш путь. Кобыла шла следом, тычась мордой в мое плечо. Нога у меня почти перестала болеть.

— Итак, Кадал тоже должен умереть? Выходит, дело не только в святотатстве? Ваши церемонии настолько тайные? Скажи мне, Белазий, дело в мистериях для посвященных или то, что вы делаете, — незаконно?

— И в том, и в другом. Мы собираемся там, где можем. Сегодня нам пришлось воспользоваться островом; там достаточно безопасно — обычно в ночь равноденствия к нему не приближается ни одна душа. Но если Будек прослы-

шит об этом — жди беды. Убитый сегодня был человеком короля. Его держали здесь восемь дней, и все это время соглядатаи Будека разыскивали его повсюду. Но он должен был умереть.

— Теперь его найдут.

— О да. Далеко отсюда, в лесу. Будут считать, что его разорвал дикий кабан. — Снова быстрый взгляд искоса. — В конечном счете можно сказать, что он умер легко. В прежние времена ему бы распороли живот и гоняли вокруг священного дерева, пока его кишки не намотались бы на ствол, как пряжа на веретено.

— А Амброзий знает?

— Амброзий тоже принадлежит к людям короля.

Несколько шагов мы прошли молча.

— Ну а что будет со мной, Белазий?

— Ничего.

— Разве я не совершил святотатство, подсмотрев ваши обряды?

— Ты в полной безопасности, — сухо произнес он. — У Амброзия длинные руки. Почему ты так смотришь?

Я мотнул головой. Я не мог выразить это словами, не мог объяснить это даже самому себе. Это было все равно что оказаться безоружным в гуще битвы и вдруг обнаружить, что в руке у тебя щит.

— Ты не боялся? — спросил Белазий.

— Нет.

— Клянусь богиней, думаю, тогда это правда. Амброзий был прав: ты храбр.

— Если у меня и есть храбрость, то совсем не такая, которой надо восхищаться. Когда-то я полагал, что я лучше других мальчишек только потому, что не понимал и не разделял большинства их страхов. Конечно, и у меня были свои страхи, но я научился держать их при себе. Наверное, это была своего рода гордыня. Но сейчас я начинаю постигать, почему, даже когда опасность и смерть, не таясь, стоят у меня на пути, я не могу свернуть с него.

Он остановился. Мы уже почти дошли до рощи.

— Скажи мне — почему?

— Потому что они не для меня. Я часто боялся за других, но не за себя. Пока что. Думаю, люди боятся неизвестности. Они боятся боли и смерти, которые могут поджидать их за любым углом. Но бывают мгновения, когда я знаю

то, что сокрыто, или то, что ожидает нас, или — я уже говорил тебе — вижу, когда то, что уготовано мне, лежит прямо у меня на пути. Я знаю, где меня ждут опасность и боль, и знаю, что время моей смерти еще не пришло; поэтому я не боюсь. Это не храбрость.

— Да. Я знал, что ты обладаешь даром видений, — медленно произнес Белазий.

— Это случается лишь изредка, и по воле Бога, а не по моей.

Я и так сказал слишком многое, а Белазий был не из тех, с кем можно делиться своими богами. Чтобы поменять тему, я поспешно сказал:

— Белазий, ты должен послушать меня. В том, что произошло, нет вины Ульфина. Он отказался сообщить нам хоть что-нибудь и остановил бы меня, если бы мог.

— Ты хочешь сказать, что если кто-то должен поплатиться, ты предлагаешь, что сам понесешь наказание?

— Ну, это кажется только справедливым, и, в конце концов, я могу себе это позволить. — Я смеялся над ним, чувствуя себя в безопасности за своим невидимым щитом. — Какой же будет расплата? У такой древней религии, как твоя, должны быть в запасе какие-нибудь наказания за мелкие провинности? Сегодня ночью мне суждено умереть во сне от судорог? Или меня растерзает дикий кабан, когда я в следующий раз выеду в лес без своего черного пса?

Белазий впервые улыбнулся.

— Не думай, что так легко отделаешься. Будь уверен, я найду применение твоим видениям, да и тебе тоже. Амброзий не единственный, кто без остатка использует людей, и я намерен тебя использовать. Ты сказал, что тебя привели сюда сегодня ночью. Тебя привела сама богиня, и к богине ты должен отправиться. — Он приобнял меня за плечи. — Ты заплатишь за все, что сотворил сегодняшней ночью, Мерлин Эмрис. Расплатишься монетой, какая придется ей по нраву. Богиня станет преследовать тебя, как она поступает со всеми, кто выведывает ее тайны, но не для того, чтобы уничтожить тебя. О нет, не Актеон, мой маленький способный ученик, но Эндимион. Она примет тебя в свои объятия. Иными словами, ты будешь учиться, пока я не смогу взять тебя с собой в ее святилище, пока ты не предстанешь там пред богиней.

Мне хотелось сказать: «Нет, если ты собираешься намотать мои кишки на дерево в лесу», — но я при-

держал язык. Силу берут там, где она достается, говорил Амброзий. Вспомнив сегодняшнее ночное бдение у ясеня, я подумал, что в обрядах на острове все же была некая сила. Увидим. Я высвободился, хотя и обходительно, из-под лежавшей на моем плече руки и первым пошел по тропинке к роще.

Если несколько часов назад Ульфин выглядел испуганным, то теперь он почти лишился дара речи от ужаса, увидев меня рядом со своим господином и поняв, где я был.

— Мой господин... Я думал, он отправился домой... В самом деле, мой господин, Кадал сказал...

— Подай мне плащ, — велел Белазий, — и убери это в седельную сумку.

Он безразлично бросил белую хламиду; развернувшись, та мягко опустилась на землю возле дерева, к которому был привязан Астер. Пони при этом фыркнул и попятился. Сперва я подумал, что его испугало падение белого как призрак одеяния, но затем увидел — их не могла скрыть даже темнота, царившая под деревьями — черные пятна и подпалины на белом фоне, и даже с того места, где стоял, почувствовал запах дыма и затхлой крови.

Ульфин безучастно поднял плащ.

— Мой господин. — Он чуть не задохнулся от страха и усилий, затраченных на то, чтобы удержать встревоженную лошадь. — Кадал забрал вьючную лошадь. Мы думали, что господин Мерлин уехал в город. Правда, господин, я и сам был уверен, что он скрылся в том направлении. Я ему ничего не сказал. Клянусь...

— На кобыле Кадала есть седельная сумка. Положи это туда. — Белазий набросил плащ и застегнул его, после чего потянулся за поводом. — Помоги мне сесть в седло.

Мальчик повиновался. Насколько я мог понять, он пытался не только вымолить себе прощение, но определить, насколько разгневан Белазий.

— Мой господин, прошу, поверь мне, я ничего не сказал. Могу поклясться в этом любыми богами.

Белазий не удостоил его и взглядом. Я знал, что он может быть жестоким. И правда, за все время нашего знакомства он ни разу даже не задумался о том, что кто-то может испытывать страх или боль: точнее, ему и в голову не приходило, что человек вообще может испытывать какие-либо чувства, даже свободный человек. В то мгновение Ульфин, должно

быть, казался ему менее реальным, чем лошадь, которой он правил. Легко запрыгнув в седло, он коротко бросил:

— Отойди.

Затем обратился ко мне:

— Ты справишься с кобылой, если мы пустим коней галопом? Я хочу вернуться прежде, чем Кадал обнаружит, что тебя нет дома и поднимет на ноги весь лагерь.

— Попробую. А как же Ульфин?

— А что Ульфин? Он отведет домой твоего пони, не беспокойся.

Белазий развернул лошадь и выехал из рощи. Ульфин уже подбежал, чтобы свернуть запятнанную кровью хламиду и засунуть ее в седельную сумку гнедой кобылы, после чего поспешил подставить мне свое плечо; опираясь на него, я с трудом вскарабкался в седло. Мальчишка молча отступил на шаг, но я успел почувствовать, что его бьет дрожь. Полагаю, такой страх был естественным для раба. Мне пришло в голову, что он даже боялся в одиночку вести моего пони через лес.

Я на мгновение натянул поводья и наклонился:

— Ульфин, он не гневается на тебя; все будет хорошо. Клянусь тебе. Поэтому не бойся.

— Ты... ты что-нибудь видел, господин?

— Совершенно ничего. — В моих глазах это и впрямь было правдой. Я серьезно посмотрел ему в глаза. — Великолепие тьмы и невинную луну. Но что бы я ни увидел, Ульфин, это не будет иметь последствий. Скоро меня посвятят. Теперь ты понимаешь, почему он не сердится? Вот и все. Возьми это.

Я вынул свой кинжал из ножен и бросил на землю; вонзившись острием вниз, тот задрожал в опавшей хвое.

— Оружие придаст тебе уверенности, но оно тебе не понадобится. Ты благополучно доберешься домой. Поверь мне. Я знаю. Обращайся с моим пони ласково, договорились?

Ударив кобылу по ребрам, я двинулся следом за Белазием.

Он поджидал меня — иными словами, он ехал неспешной рысью, но как только я нагнал его, пустил коня галопом. Гнедая кобыла не отставала. Я вцепился в повод и висел, как репей.

Деревья расступились, и луна давала достаточно света, чтобы ясно видеть утоптанную землю, ложившуюся под копыта лошадей. Прямая как стрела просека взбиралась на гребень, откуда на краткий миг стали видны городские огни.

Затем мы понеслись вниз и вскоре выехали из леса на засоленные равнины, выходящие к морю.

Белазий ни разу не сбавил скорости и не произнес ни слова. Я прилип к лошади, всматриваясь в дорогу перед собой, и гадал, поедет ли Кадал искать меня сам или возьмет с собой солдат.

Взметнув фонтан брызг, мы пересекли мелкий ручей, едва замочивший копыта лошадям, после чего плотно утоптанная тропа повернула вправо — к главной дороге. Я узнал это место; отправляясь из города, я заметил эту тропу, ответвлявшуюся от главной дороги сразу за мостом у лесной опушки. До моста и мощеной дороги оставалось всего несколько минут.

Тут, придержав коня, Белазий оглянулся через плечо. Моя кобыла поравнялась с ним. Жрец поднял руку и натянул повод. Лошади перешли на шаг.

— Слушай...

Лошади. Много лошадей, идущих на рысях по мощеной дороге. Они направлялись к городу.

Послышалась отрывистая команда. Мост озарился неровным светом факелов, и мы увидели подъезжавший отряд. Факелы высветили алого дракона на знамени.

Белазий выхватил у меня повод, наши лошади остановились.

— Это люди Амброзия, — произнес он или по крайней мере начал произносить, когда пронзительно и ясно, словно пропел петух, заржала моя кобыла, и ей ответил один из жеребцов на мосту.

Кто-то пролаял приказ. Отряд остановился. Еще один приказ — и лошади галопом понеслись в нашу сторону. Я услышал, как Белазий пробормотал себе под нос какое-то проклятие, потом он отпустил повод моей кобылы.

— Здесь мы расстанемся. А теперь держись и не распускай язык. Даже рука Амброзия не защитит тебя от проклятия.

Он хлестнул мою кобылу по крупу, и та прыгнула вперед, едва не сбросив меня. Я был слишком занят, пытаясь справиться с беспокойной кобылой, чтобы смотреть, куда он поедет. За спиной у меня послышался плеск и шорох осыпающегося песка — это вороной конь перепрыгнул ручей и скрылся в лесу всего за несколько мгновений до того, как меня со всех сторон окружили верховые, чтобы доставить к своему командиру.

Под знаменем в свете факелов нервно переступал серый жеребец. Один из сопровождавших меня солдат взял мою кобылу под узду и повел вперед.

— Он был один, господин. Не вооружен.

Командир поднял забрало*. Голубые глаза широко раскрылись, и слишком хорошо знакомый голос Утера произнес:

— Конечно, кто еще это мог быть. Ну, бастард Мерлин, что ты здесь делаешь один и где ты был?

11

Я помедлил с ответом, раздумывая, как много мне можно рассказать. Любому другому военачальнику я без труда наговорил бы полуправды, но Утер, похоже, собирался поквитаться со мной. К тому же для любого человека, побывавшего на собрании, как тайном, так и незаконном, он был не просто «военачальник», он был опасен. Нет, у меня не было причин покрывать Белазия, но я и не был обязан отчитываться — или давать объяснения — перед кем-либо, кроме Амброзия. В любом случае разумнее всего было уклониться от гнева Утера.

Поэтому я взглянул ему в глаза, как я надеялся, с выражением полной искренности:

— Мой пони охромел, господин. Я поручил слуге отвести его домой, а сам взял его лошадь и поехал назад. — Утер хотел было что́-то сказать, но я прикрылся невидимым щитом, который вложил мне в руки Белазий. — Обычно твой брат посылает за мной после ужина, и я не хотел бы заставлять его ждать.

Его брови нахмурились, когда я упомянул имя Амброзия, однако он лишь спросил:

— Почему здесь и в этот час? Почему ты не поехал торной дорогой?

— Мы были в лесу, когда Астер повредил ногу. На перекрестке мы свернули на просеку, от которой на юг ответвлялась тропа. Нам показалось, что по ней мы быстрее доберемся домой. Луна давала достаточно света, чтобы не сбиться с пути.

— Что это за тропа?

---

* Автор по каким-то причинам упоминает забрало шлема, хотя в описываемые времена в Европе не существовало шлемов с забралом. — *Примеч. пер.*

— Я плохо знаю этот лес, господин. Тропа взбирается на гребень, откуда сбегает к броду в полумиле отсюда вниз по течению.

Некоторое время он хмуро рассматривал меня.

— Где ты оставил своего слугу?

— Недалеко от развилки. Мы хотели удостовериться, что избрали правильную дорогу, прежде чем он отпустил меня одного. Надо полагать, сейчас он подъезжает к вершине гребня.

Я растерянно, но искренне молил всех богов, чтобы в тот момент на дороге не появился Кадал, отправившийся из города на поиски.

Утер смотрел на меня, не обращая внимания на беспокойно перебиравшего копытами коня. Тогда впервые я осознал, насколько он был похож на своего брата. И, опять же впервые, я заметил в нем некую властность и понял, несмотря на свою молодость, что Амброзий не зря отзывался о нем как о талантливом вожде. Утер, как никто другой, разбирался в людях. Я понимал, что он видел меня насквозь, чувствуя ложь, но не в силах разоблачить ее. Он размышлял и был полон решимости докопаться до истины...

Вдруг он заговорил довольно дружелюбно, без пыла, даже мягко:

— Ты лжешь, не так ли? Почему?

— Это чистая правда, милорд. Едва ты увидишь моего пони, когда он появится здесь...

— О да, это правда. Не сомневаюсь, что конь хромает. И если я пошлю людей по тропе, они встретят Кадала, ведущего его домой. Но мне хочется знать...

— Не Кадала, милорд, — торопливо вставил я. — Ульфина. Кадал был занят исполнением других обязанностей, и Белазий послал со мной Ульфина.

— Одного поля ягода! — презрительно бросил Утер.

— Мой господин?

Внезапно голос принца дрогнул от ярости.

— Не смей пререкаться со мной, ты, маленькая утеха мужеложца. Ты что-то недоговариваешь, и я желаю знать, что именно. Я чую ложь за милю. — Затем он взглянул мимо меня, и голос его изменился. — Что там, в твоей седельной сумке?

Он кивнул одному из солдат, окруживших меня. Из сумки торчал уголок белой хламиды Белазия. Запустив руку в сумку, солдат вытащил одежду. На испачканной землей и смятой материи темнели пятна, в происхождении которых

невозможно было усомниться. Запах крови не могли перебить даже чадящие факелы.

За спиной Утера кони зафыркали и замотали головами, втягивая воздух, а солдаты переглянулись. Я заметил, как факельщики с подозрением уставились на меня, а стражник сбоку что-то тихо пробормотал.

— Клянусь всеми богами преисподней, так вот оно что! — вскипел Утер. — Он один из них, клянусь Митрой! Мне следовало догадаться, даже отсюда я чувствую, как от тебя несет их куреньями! Отлично, ублюдок, давай разбрасывайся именем моего брата, у которого ты в особом фаворе! Посмотрим, что он на это скажет. А что ты сам сейчас можешь сказать? Нет смысла отпираться, не так ли?

Я поднял голову. Сидя на большой кобыле, я мог встретить его взгляд почти прямо, как будто мы были одного роста.

— Отпираться? Я отрицаю, что нарушил закон или сделал что-то, что может не понравиться Амброзию, а только эти две вещи могут иметь значение, господин мой Утер. Ему я все объясню.

— Клянусь богом, тебе придется объясниться! Значит, Ульфин отвез тебя туда?

— Ульфин здесь ни при чем, — резко ответил я. — Я отправил его раньше. В любом случае он раб и поступал согласно моим приказаниям.

Внезапно дав шпору своему коню, Утер оказался почти вплотную к моей кобыле. Подавшись вперед, он сгреб мой плащ у ворота и без особых усилий приподнял меня из седла. Его лицо было совсем рядом с моим, а железный наколенник больно врезался мне в ногу.

— А ты станешь делать то, что я тебе прикажу, понял? — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Чем бы ты ни был для моего брата, ты и мне будешь повиноваться. — Он еще сильнее стянул ворот моего плаща и встряхнул меня. — Ты понял, Мерлин Эмрис?

Я кивнул. Он ругнулся, оцарапавшись о застежку плаща, и отпустил меня. По его руке потекла струйка крови, но он оставил ее без внимания — его взгляд был прикован к моей застежке. Утер поманил пальцем факельщика, и тот приблизился, высоко подняв огонь.

— Он дал тебе это, чтобы ты его носил? Красного дракона?

Внезапно он умолк на полуслове, и взгляд Утера остановился на моем лице. Утер впился в него расширившимися глазами, которые, казалось, вспыхнули ярким синим светом. Серый жеребец попятился, и всадник рванул узду так, что полетели хлопья пены.

— Мерлин Эмрис... — произнес он снова, словно самому себе, однако на этот раз так тихо, что я едва его расслышал. Затем неожиданно он расхохотался — удивленно, весело и жестко; я никогда раньше не слышал, чтобы он так смеялся. — Что ж, Мерлин Эмрис, и все-таки тебе придется держать перед ним ответ, где ты был сегодня ночью! — Он развернул коня, бросив через плечо своим людям: — Возьмите его с собой и смотрите, чтобы он не свалился с лошади. Кажется, мой брат очень дорожит им.

Повинуясь удару шпор, серый конь рванулся вперед, и отряд поскакал следом. Мои стражи, окружив меня и по-прежнему не отпуская повода гнедой кобылы, двинулись следом.

Хламида друида осталась лежать втоптанной в грязь там, где по ней проехал отряд. Я гадал, увидит ли ее Белазий и воспримет ли он это как предупреждение.

Затем я выбросил это из головы. Так или иначе, мне предстоял разговор Амброзием.

Кадал был в моей комнате.

— Хвала богам, ты не отправился искать меня, — с облегчением вымолвил я. — Меня подобрали люди Утера. Он вне себя от ярости, потому что знает, где я был.

— Знаю, — хмуро сказал Кадал. — Я видел.

— Что ты имеешь в виду?

— Я отправился тебя искать. Я был уверен, что у тебя хватит здравого смысла уехать домой, когда ты услышал эти... звуки, поэтому я поехал за тобой. Не увидев тебя на дороге, я подумал, что ты что есть мочи погнал кобылу, — должен сказать тебе, земля у меня под ногами почитай что горела! А затем...

— Ты догадывался, что там произошло? Где был Белазий?

— Да. — Он отвернулся и сплюнул на пол, потом опомнился, но все же сложил знак от дурного глаза. — Приехав домой и не обнаружив тебя здесь, я понял, что ты поехал посмотреть, что там происходит. Своевольный дурачок. Зачем ты совался туда? Тебя могли убить!

— Тебя тоже. Но ведь ты вернулся.

— А что мне оставалось делать? Ты, должно быть, слышал, как я звал тебя. Сплошная с тобой морока. Ладно, отъехав с полмили от города, я заметил приближающийся отряд и сошел с дороги, чтобы переждать, пока они пройдут мимо. Знаешь, где был старый сторожевой пост, тот, что теперь разрушен? Я ждал там. Я видел, как отряд проскакал в город и как тебя везли под охраной в хвосте колонны. Так что я догадался, что ему все известно. Я старался держаться к отряду как можно ближе, а потом срезал путь до дому боковыми улицами. Я только что вошел. Итак, он все узнал?

Я кивнул и принялся расстегивать плащ.

— В таком случае будь уверен, нас ожидают крупные неприятности, — заключил Кадал. — Как он догадался?

— Белазий положил свою хламиду в мою седельную сумку, а они ее нашли. Думают, что она моя. — Я ухмыльнулся. — Если бы они обратили внимание на размер, то им пришлось бы поискать ей другого хозяина. Но им это и в голову не пришло. Солдаты просто швырнули хламиду наземь и втоптали ее в грязь.

— И поделом. — Он опустился на колено, чтобы развязать мои сандалии. Но вдруг замер с одной сандалией в руке. — Ты хочешь сказать, что Белазий видел тебя? Разговаривал с тобой?

— Да. Я ждал его, а затем мы вместе вернулись к лошадям. Кстати, Ульфин должен привести Астера.

Кадал пропустил мое замечание мимо ушей. Он уставился прямо перед собой и, как мне показалось, побледнел как мел.

— Утер Белазия не видел, — продолжал я. — Белазий вовремя ускользнул. Он знал, что слышали-то они только одну лошадь, так что он послал меня им навстречу, иначе они, наверное, погнались бы за нами обоими. Он, похоже, забыл, что его хламида у меня, или же понадеялся, что ее не найдут. Будь на месте Утера кто-нибудь другой, он бы даже не потрудился посмотреть.

— Тебе и близко не следовало подходить к Белазию. Все даже хуже, чем я думал. Нет, позволь мне расстегнуть. У тебя руки замерзли. — Расстегнув застежку с драконом, он снял с меня плащ. — Будь осторожен, слышишь? Он дурной человек. Все они таковы, если уж на то пошло, а он — хуже всех.

— Так ты о нем знал?

— Я бы так не сказал. А ведь мог бы догадаться. Это вполне в его духе. Но я имел в виду другое: тебе не следует водиться с этими людьми.

— Что ж, он архидруид или, во всяком случае, глава этой секты, так что он фигура значительная. Да не гляди так тревожно, Кадал, сомневаюсь, что он попытается причинить мне вред и никому другому, думаю, тоже не позволит.

— Он тебе угрожал?

Я рассмеялся:

— Ну да. Грозил проклятьем.

— Говорят, такие вещи прилипают словно репей. Говорят, друиды могут наслать на тебя кинжал, который станет охотиться за тобой много дней, а ты и не узнаешь ничего, пока не услышишь свист, с которым он разрезает воздух за мгновение до удара.

— Мало ли что говорят. Кадал, есть у меня еще пристойная туника? Лучшую уже принесли от прачки? И я хочу сходить в баню прежде, чем пойду к графу Британскому.

Подняв крышку сундука с одеждой, он бросил на меня косой взгляд.

— А ведь Утер, наверное, пошел прямо к нему. Это тебе известно?

— Конечно, — снова засмеялся я. — Предупреждаю тебя: я расскажу Амброзию правду.

— Всю правду?

— Всю до капли.

— Что ж, думаю, так будет лучше всего. Если кто-то и может защитить тебя от них...

— Не в этом дело. Просто он должен знать. Он имеет на это право. Да и почему я должен скрывать это от него?

— Я думал о проклятьи... — смущенно произнес Кадал. — Даже Амброзий не в силах будет уберечь тебя от него.

— Плевал я на это проклятье, — бросил я и сделал жест, который не часто можно увидеть в домах вельмож. — Забудь о нем. Ни ты, ни я не сделали ничего постыдного, и я отказываюсь лгать Амброзию.

— Настанет день, когда я увижу страх в твоих глазах, Мерлин.

— Вполне вероятно.

— Ты в самом деле не боишься Белазия?

— Неужели я должен? — Мне стало интересно. — Он не причинит мне вреда. — Я расстегнул пояс и бросил его на кровать. Затем внимательно посмотрел на Кадала. — Ты бы испугался, если бы узнал, какой конец ожидает тебя, Кадал?

— Да, клянусь псом! А ты?

— Иногда. Иногда я вижу его урывками. И это видение вселяет в меня страх.

Слуга стоял неподвижно, не отрывая от меня наполненных страхом глаз.

— И что же ты видишь?

— Пещеру. Хрустальный грот. Временами мне кажется, что это смерть, а иногда — рожденье, или врата видений, или темные объятья сна... Я не могу сказать наверняка. Но однажды мне все откроется. А до тех пор, полагаю, мне нечего опасаться. В конце я обрету покой в пещере, как ты... — Я вдруг замолк.

— Как я? — быстро спросил он. — Какой конец меня ждет?

— Я хотел сказать: «Как ты доживешь до старости», — улыбнулся я.

— Это ложь, — грубо бросил он. — Я видел твои глаза. Когда у тебя видения, глаза у тебя становятся странными; я заметил это еще раньше. Зрачки расширяются и словно затуманиваются, будто ты видишь сны, — но лицо при этом остается жестким. Нет, это не сон, лицо у тебя становится холодным и жестким, словно хладный металл, и тогда кажется, что ты не замечаешь ничего, что происходит вокруг. Ты начинаешь говорить так, будто ты не человек, а бесплотный голос... Или словно ты улетел куда-то, оставив свое тело, чтобы впустить в него кого-то иного... Словно дуют в рог, чтобы извлечь звук. О, я знаю, я видел это лишь дважды, краткие мгновения, но каждый раз меня пробирала дрожь.

— Я тоже боюсь, Кадал, — сказал я и сбросил свою зеленую тунику на пол. Он подал мне длинную рубаху из серой шерсти, какую я надевал, ложась в постель. Я рассеянно потянулся за ней и присел на край кровати, так и оставив одежду лежать у меня на коленях. Я говорил скорее сам с собой, нежели с Кадалом. — И меня это тоже пугает. Ты прав, именно так я себя и чувствую — пустой оболочкой, в которую входит что-то иное... Я говорю, вижу, думаю о вещах, о которых дотоле не имел ни малейшего представления. Но ты ошибаешься, когда полагаешь, что я ничего не чувствую. Это причиняет мне боль. Думаю, это потому, что не могу управлять тем, что прорицает во мне... Я имею в виду, я еще не научился им управлять. Но я научусь. Это мне тоже известно. Однажды я смогу управлять той частью меня, которая знает и видит, и это и будет

настоящей силой. Я смогу отличить в своих прорицаниях интуицию человека от тени бога.

— А когда ты говорил о моем конце, что это было?

Я поднял глаза. Как ни странно, лгать Кадалу оказалось намного труднее, чем Утеру.

— Но я не видел, как ты умрешь, Кадал. Я не видел ничьей смерти, кроме своей собственной. Я сказал не подумав. Я собирался сказать: «Как ты где-нибудь в чужом краю...» — Я улыбнулся. — Я знаю, что для бретонца это хуже ада. Но, полагаю, тебе не избежать такого конца... То есть если ты останешься моим слугой.

Его взгляд просветлел, а губы растянулись в улыбке. Я подумал, что обладаю настоящей силой, если одно мое слово способно испугать такого человека.

— О, можешь не беспокоиться. Я остался бы с тобой, если бы даже он не просил меня. У тебя легкий характер, и за тобой приятно присматривать.

— Неужели? Я полагал, что ты считаешь меня своевольным дурачком и к тому же сплошной морокой.

— Вот видишь. Я бы в жизни не отважился сказать подобное кому-нибудь из твоего сословия, а ты всего лишь смеешься, а ведь ты вдвойне принц.

— Вдвойне принц? Нельзя же в самом деле считать моего деда... — Я запнулся. Меня остановило выражение его лица. Он сказал не подумав и теперь, казалось, хотел вогнать свои слова обратно в рот и проглотить их.

Кадал так и остался молча стоять с испачканной туникой в руке. Я медленно встал, забытая шерстяная рубаха соскользнула на пол. Ему не было нужды говорить. Я знал. И не мог понять, почему это не открылось мне тогда, на покрытом изморозью поле, когда я стоял перед Амброзием, а он рассматривал меня в свете факелов. Он знал уже тогда. А сотни других, должно быть, догадывались. Теперь я припомнил косые взгляды ратников, бормотание командиров, почтение челяди, которое я отнес на счет уважения к указаниям Амброзия, но которое на самом деле оказалось почтением к сыну Амброзия.

В комнате было тихо как в пещере. Пламя жаровни мигало, и ее свет плясал и разбивался в бронзовом зеркале у стены. Я посмотрел в зеркало. В сверкающей бронзе мое обнаженное тело казалось хрупким и призрачным, нереальным созданием света и тьмы, колеблющимся в мерцании огня.

Но лицо было ярко озарено. В густых мазках тени и пламени я увидел его лицо таким, каким оно было тогда в его покое, когда он сидел над жаровней в ожидании, пока меня приведут к нему. В ожидании того момента, когда он сможет спросить меня о Ниниане.

И вновь дар Предвидения мне не помог. Люди, наделенные зрением богов, нередко слепы в делах людей.

— Все об этом знают? — спросил я Кадала.

Он кивнул, даже не спросив, что я имею в виду.

— Праздные языки не остановишь. Временами ты очень похож на него.

— Полагаю, и Утер мог догадаться. Раньше он этого не знал?

— Нет. Он уехал еще до того, как пошли слухи. Он взъелся на тебя не из-за этого.

— Рад это слышать, — сухо сказал я. — Из-за чего же тогда? Только потому, что я разозлил его той историей у стоячего камня?

— И это тоже, но были и другие причины.

— Какие же?

— Он считал тебя наложником Амброзия, — с грубоватой прямотой ответил Кадал. — Граф Британский не тратит времени на женщин, и если уж на то пошло, он и мальчиков не жалует. Но Утер никак не может взять в толк, как это мужчина способен семь раз в неделю ложиться в пустую постель. Когда его брат стал так заботиться о тебе, поселил тебя в своем доме и приставил меня смотреть за тобой, Утер подумал именно о любовных утехах, и ему это пришлось не по нраву.

— Понимаю. Нечто в этом роде он бросил мне в лицо сегодня ночью, но тогда я решил, что он просто вышел из себя.

— Если бы он хоть чуть-чуть внимательнее присмотрелся к тебе или прислушался к тому, что говорят люди, то давно бы уже обо всем догадался.

— Теперь ему все известно, — совершенно неожиданно и с полной уверенностью сказал я. — Он понял это еще там, на дороге, когда увидел застежку с драконом, которую подарил мне Амброзий. Я не задумывался об этом прежде, но, естественно, он должен был понять, что правитель вряд ли украсит наложника королевским знаком. Он приказал поднять повыше факел и хорошенько рассмотрел меня.

Думаю, он тогда все понял... — Внезапно меня поразила еще одна мысль. — И по-моему, Белазий тоже все знает.

— О да, — согласился Кадал. — Он знает. Но почему ты так думаешь?

— Я сужу по его разговору... Словно он знал, что я ему не по зубам. Именно поэтому он попытался припугнуть меня проклятьем. А ведь он ловкач, не так ли? Наверное, по пути к роще он напряженно думал. Он не отваживался тайком прикончить меня за святотатство, но в то же время ему необходимо было заставить меня молчать. Отсюда и проклятье. А также... — Я замолк.

— А также?

— Да не пугайся ты так. Это было всего лишь еще одной гарантией моего молчания.

— Так что же это такое, во имя неба?

Я пожал плечами, вдруг осознал свою наготу и снова потянулся за ночной рубашкой.

— Он пообещал взять меня с собой в святилище. Думаю, он не прочь сделать из меня друида.

— Он так и сказал? — Мне уже был известен знак, которым Кадал отводил злой глаз. — Что же ты будешь делать?

— Я пойду с ним... по крайней мере хоть раз. Не смотри так, Кадал. Поверь, ничто не заставит меня пойти туда во второй раз. — Я серьезно посмотрел на него. — Но нет в этом мире ничего, что я не был бы готов увидеть и изучить, и нет такого бога, к которому я не был бы готов обратиться по его обычаю. Я уже говорил тебе, что истина — это тень бога. Если я собираюсь использовать ее, то мне необходимо знать, кто он. Ты понимаешь меня?

— Откуда мне понять? О каком боге ты говоришь?

— Я думаю, что существует только один. Да, боги есть везде: в полых холмах, в ветре и в море, в траве, по которой мы ходим, и в запятнанных кровью сумерках, где им прислуживают подобные Белазию люди. Но я верю, что должен быть среди них один, который и есть бог, тот, что подобен огромному морю, и все мы — мелкие божества, люди и все кругом — словно реки, в конце концов, приходим к нему... Баня готова?

Спустя двадцать минут, облаченный в темно-синюю тунику, сколотую застежкой с драконом, я отправился к своему отцу.

12

В переднем покое секретарь с озабоченным видом предавался безделью. Из-за занавеси доносился тихий голос Амброзия. Двое стражей возле двери казались вырезанными из дерева.

Потом невидимая рука откинула полог, и из внутренних покоев вышел Утер. Увидев меня, он резко остановился, помедлил, словно собирался что-то сказать, но затем, очевидно, перехватив заинтересованный взгляд секретаря, шагнул мимо меня, взмахнув красным плащом и обдав запахом лошадиного пота. По запаху всегда было легко определить, где перед этим побывал Утер, он впитывал запахи, подобно губке. По-видимому, он отправился с дороги прямиком к своему брату, не потрудившись смыть с себя дорожную пыль.

Секретарь, которого звали Соллий, обратился ко мне:

— Ты можешь войти к нему без доклада, господин. Он, похоже, тебя ожидает.

Я не обратил внимания на титул «господин». Казалось, я давно уже свыкся с ним.

Когда я вошел в комнату, он стоял спиной к двери, склонившись над столом, заваленным бумагами и вощеными дощечками для письма, поверх одной из которых лежал стиль, словно Амброзия оторвали от работы. На секретарском столике у окна, как ее оставил Соллий, так и лежала брошенная наполовину развернутая книга.

Дверь у меня за спиной затворилась. Я остановился на самом пороге, и кожаный полог, опускаясь, с шелестом задел мой плащ. Амброзий повернулся на звук.

Наши взгляды скрестились в тишине на несколько, казалось, бесконечных секунд. Затем он откашлялся и сказал:

— А, Мерлин. — Едва заметным жестом Амброзий пригласил меня сесть.

Я повиновался и прошел к своему обычному табурету возле жаровни. Еще некоторое время он молчал, отрешенно разглядывая стол. Взяв стиль, он рассеянно посмотрел на вощеную дощечку, дописал что-то на ней. Я ждал. Он хмуро смотрел на дощечку, а затем перечеркнул написанное и, отбросив стиль, вдруг произнес:

— Ко мне приходил Утер.

— Знаю, господин.

Он взглянул на меня из-под сдвинутых бровей.

— Насколько я понял, он встретил тебя одного за пределами города.

— Я выехал не один. Со мной был Кадал, — поспешно сказал я.

— Кадал?

— Да, господин.

— Утеру ты сказал совсем иное.

— Да, господин.

Теперь он не сводил с меня проницательного взора.

— Что ж, продолжай.

— Кадал всегда сопровождает меня, милорд. Он... более чем верен. Мы заехали в лес на север до самой просеки, но вскоре мой пони охромел, и Кадал отдал мне свою кобылу, после чего мы повернули домой. — Я остановился, чтобы сделать глубокий вдох. — Мы поехали лесом напрямик и натолкнулись на Белазия и его слугу. Часть обратного пути Белазий проехал вместе со мной, но... по-видимому, в его планы не входила встреча с принцем Утером, и он покинул меня.

— Понимаю. — Голос был бесцветным, но я чувствовал, что он о многом догадывается. И следующий его вопрос подтвердил это. — Ты был на острове друидов?

— Тебе известно о нем? — удивленно спросил я. А затем, когда он промолчал, в холодной тишине ожидая моего ответа, я продолжил: — Как я уже сказал, мы с Кадалом поехали напрямик через лес. Если ты знаешь, где этот остров, то тебе известна и тропа, по которой мы двигались. В том месте, где тропа сворачивает к морю, есть сосновая роща. Там мы обнаружили Ульфина, слугу Белазия, и двух лошадей. Кадал хотел взять лошадь Ульфина, чтобы быстрее доставить меня домой, но, разговаривая с Ульфином, мы услышали крик — или, точнее, пронзительный вопль, донесшийся откуда-то к востоку от рощи. Я не мог не выяснить, что это значит. Клянусь, я понятия не имел, что там есть остров, и даже не догадывался о том, что на нем происходит. Не знал этого и Кадал. Будь он верхом, он обязательно остановил бы меня. Но к тому времени, когда он вскочил на коня Ульфина и отправился догонять меня, я уже скрылся из виду. Кадал подумал, что я испугался и поскакал домой — как он и советовал мне поступить, — и обнаружил свою ошибку, только приехав в город. Он вернулся, чтобы разыскать меня, но к тому времени я

уже возвращался в город с отрядом. — Я сплел пальцы и стиснул руки между коленями. — Не знаю, что заставило меня спуститься к острову. Хотя нет... был крик, и я хотел увидеть... Но крик был не единственной причиной. Я не могу этого объяснить, пока не могу... — Я перевел дух. — Мой господин...

— Ну?

— Я должен тебе это сказать. Сегодня ночью там, на острове, убили человека. Не знаю, кем он был, но мне известно, что это один из людей короля Будека, тот, который пропал несколько дней назад. Его тело обнаружат где-то в лесу, так, будто его задрал дикий зверь. — Я помедлил. На лице Амброзия ничего нельзя было прочесть. — Я подумал, что должен сказать тебе об этом.

— Ты побывал на острове?

— О нет! В таком случае я, наверное, был бы уже мертв. Об убийстве я узнал позже. По их словам, он совершил святотатство. Я не расспрашивал, в чем оно заключалось. — Я поднял глаза на Амброзия. — Я только спустился к берегу. Я остался стоять под деревьями и оттуда наблюдал за танцами и... за жертвоприношением. До меня доносилось песнопение. Я не знал, что все это противозаконно... Конечно, у меня на родине такое запрещено, хотя всем известно, что последователи этого культа продолжают отправлять свои ритуалы, и я подумал, что здесь дела могут обстоять иначе. Но когда милорд Утер догадался, где я был, он пришел в ярость. Кажется, он ненавидит друидов.

— Друидов? — рассеянно переспросил Амброзий. Он все еще вертел в пальцах стиль. — Ах да. Утер их недолюбливает. Он из фанатичных последователей Митры, а свет, полагаю, непримиримый враг тьмы. Ну, что там? — Последние резкие слова были обращены к Соллию, который, извиняясь и кланяясь, застыл у порога.

— Прошу простить меня, мой господин, — произнес секретарь. — Посланец от короля Будека. Я сказал ему, что вы заняты, но он настаивает, что его дело срочное. Прикажешь ему подождать?

— Впусти его, — велел Амброзий.

Вошел посланец и протянул Амброзию свиток. Король опустился в большое кресло у стола и развернул письмо. Читая его, он все больше хмурился. Я наблюдал за ним. Танцующее пламя в жаровне полыхнуло ярче, высвечивая черты лица, которое я, казалось, знал теперь не хуже собственного. В не-

драх пламени в жаровне зародилось красное сияние, свет растекался и танцевал. Я чувствовал, как он застит все предо мною, как расплывается пред моим взором комната...

— Мерлин Эмрис? Мерлин?

Эхо сгустилось в обычный голос. Видение улетучилось. Я сидел на своем табурете в покое Амброзия, глядя на свои сцепленные на коленях руки. Амброзий глядел на меня сверху вниз, стоя между мной и огнем. Секретарь ушел, мы были одни.

Он снова повторил мое имя, я замигал и тоже вскочил на ноги.

— Что ты видел в огне?

Я ответил, не поднимая глаз:

— Заросли боярышника на склоне холма, девушку на гнедом пони и молодого человека, плащ которого сколот на плече застежкой в виде дракона, а еще — стелившийся на уровне колен туман.

Я услышал, как Амброзий сделал глубокий вдох, после этого его рука взяла меня за подбородок, заставляя взглянуть ему в лицо. Я встретился с его пытливым и жестким взглядом.

— Выходит, это правда, у тебя действительно есть дар. Я и так был уверен, а теперь... теперь, вне всяких сомнений, это правда. Я предполагал это с той первой ночи у стоячего камня, но это могло быть чем угодно — сном, выдумкой мальчишки, счастливой догадкой, чтобы заинтриговать меня. Но это... Я был прав в отношении тебя. — Он отнял руку от моего лица и выпрямился. — Лицо девушки ты видел?

Я кивнул:

— Да, господин.

— А мужчины?

Тут я встретился с ним взглядом.

— Да, господин.

Он вдруг отвернулся и застыл спиной ко мне, склонив голову. Амброзий снова взял со стола стиль и завертел в пальцах. Спустя некоторое время он произнес:

— И давно ты об этом знаешь?

— Только с сегодняшнего вечера. Кадал что-то неосторожно сказал, и я припомнил некоторые странности и то, как пристально рассматривал меня твой брат, когда увидел, чем сколот мой плащ. — Я коснулся застежки с драконом у себя на шее.

Он бросил взгляд на застежку, потом кивнул:

— Так значит, это видение посетило тебя впервые?

— Да. Я и подумать не мог. Теперь кажется странным, что я даже не подозревал об этом... но я могу поклясться, что подобная мысль не приходила мне в голову.

Амброзий стоял, тяжело опираясь рукой о стол. Не знаю, чего я ожидал, но я и подумать не мог, что увижу, как великий Аврелий Амброзий лишится дара речи. Он пересек комнату, подошел к окну, вернулся к столу и лишь тогда заговорил:

— Странный у нас выходит разговор, Мерлин. Столько нужно сказать, и все равно этого будет мало. Теперь ты понимаешь, почему я задавал столько вопросов? Почему я приложил столько сил, чтобы узнать, что привело тебя сюда?

— Провидение богов — вот что привело меня сюда, милорд, — ответил я. — Почему ты покинул ее?

Я не хотел, чтобы мой вопрос прозвучал столь резко, но, наверное, он так долго угнетал меня, что теперь вырвался наружу с силой обвинения. Я начал что-то бормотать, собираясь просить прощения, но он оборвал меня взмахом руки и спокойно ответил:

— Мне было восемнадцать лет, Мерлин. За мою голову назначили вознаграждение, если я отважусь ступить на землю моего собственного королевства. Основное тебе известно: то, как мой кузен Будек приютил меня после того, как моего царственного брата подло убили, и то, что он никогда не прекращал вынашивать планы мести Вортигерну, хотя долгие годы казалось, что это возмездие так и не осуществится. Однако все это время он посылал разведчиков, собирал донесения, составлял все новые планы. А затем, когда мне исполнилось восемнадцать, он тайно послал меня к Горлойсу Корнуэльскому, который был другом моему отцу и никогда не питал любви к Вортигерну. Горлойс послал меня с парой доверенных людей на север, чтобы я своими глазами увидел, что творится в стране. Когда-нибудь я расскажу тебе, где мы побывали и что с нами приключилось, но не сейчас. Сейчас тебя интересует... В конце октября мы держали путь на юг, чтобы сесть в Корнуолле на корабль, который отвез бы нас домой, но на нас напали, и мы были вынуждены сражаться. Это были люди Вортигерна. Не знаю, то ли они заподозрили нас, то ли забавлялись убийством — как это в обычае саксов и лис — от безделья и любви к сладкому запаху крови. Последнее, полагаю, вернее, иначе они постарались бы довести дело до конца. Они убили двух моих товарищей, но мне улыбнулась удача. Я отделался легкой раной, к тому же меня оглушили уда-

ром по голове. Нападавшие бросили меня, посчитав мертвым. Дело было в сумерках. Когда я наутро пришел в себя и осмотрелся вокруг, то увидел, что надо мной стоит гнедой пони, а с седла на меня смотрит юная девушка и в полном молчании переводит ошеломленный взгляд с меня на убитых.

На его губах мелькнула улыбка, но обращена она была не мне, а далекому воспоминанию.

— Помню, я хотел что-то сказать, но потерял много крови, а то, что я пролежал всю ночь под открытым небом, вызвало лихорадку. Я боялся, что она испугается и галопом поскачет в город — тогда со мной будет покончено. Но она не ускакала. Девушка поймала мою лошадь и распаковала седельную сумку, она дала мне напиться, а затем промыла и туго перевязала рану, а тогда — одному богу известно, как ей это удалось — взвалила меня на коня и вывезла из долины. Она сказала, что недалеко от города есть укромное место, где я буду в безопасности: там никто не бывает. Это была пещера, а возле нее — источник... Что с тобой?

— Ничего, — ответил я. — Мне следовало догадаться. Продолжай. В пещере тогда никто не жил?

— Ни души. К тому времени, когда мы добрались туда, полагаю, я впал в горячку; ничего не помню. Она укрыла меня и мою лошадь в пещере, подальше от чужих глаз. В седельной сумке у меня было немного пищи и вина, к тому же при мне оставались одеяло и плащ. Уже было далеко за полдень, когда, приехав домой, она узнала, что нашли двух убитых и их лошадей. На север отправился отряд; маловероятно было, что кто-нибудь в городе догадается, что трупов должно было быть три. Таким образом мне ничто не угрожало. На другой день она вновь приехала в пещеру и привезла еду и лекарства... И на следующий тоже... — Амброзий умолк. — И знаешь, каков был конец этой истории?

— Когда ты открыл ей свое имя?

— Когда она сказала, что не может оставить Маридунум и уехать со мной. До тех пор я полагал, что она одна из приближенных королевы. Судя по манерам ее и речам, я решил, что она выросла в доме короля. Возможно, то же самое она думала и обо мне. Но это не имело значения. Ничто не имело значения, за исключением того, что я был мужчиной, а она — женщиной. С самого первого дня мы оба знали, что именно должно произойти. Ты поймешь, каково это, когда станешь взрослее. — Улыбка снова озарила его лицо, на

этот раз коснувшись не только губ, но и глаз. — Это то знание, которого тебе, думаю, придется подождать, Мерлин. Дар Предвидения в делах вопросах любви бессилен.

— Ты просил ее уехать с тобой? Уехать с тобой в Малую Британию?

Он кивнул:

— Еще до того, как узнал, кто она. А когда узнал, стал упрашивать еще настойчивее, опасаясь за нее, но она отказывалась последовать за мной. Из ее речей я понял, что она ненавидела и боялась саксов, страшилась того, на какую судьбу обрекает Вортигерн британские королевства, и все же отказывалась уехать. По ее словам, одно дело то, как она распорядилась собой, и совсем другое — отправиться за море с человеком, который, вернувшись, неминуемо станет врагом ее отца. Она сказала, что мы оба должны покончить с этим, как заканчивается год, а потом забыть обо всем.

Минуту он помолчал, глядя на свои руки.

— И ты так и не узнал, что у нее родился ребенок? — спросил я.

— Нет. Разумеется, я не раз спрашивал себя. Весной я послал ей письмо, но не получил ответа. Тогда я оставил все, как есть, понимая, что если бы я понадобился ей, то она знала, весь мир знал, где меня найти. Потом, наверное, прошло уже больше двух лет, до меня дошли слухи, что она обручена. Теперь я знаю, что это было неправдой, но тогда это помогло мне выбросить ее из головы. — Амброзий посмотрел на меня. — Ты в силах это понять?

Я кивнул:

— Это могло быть и правдой, но не в том смысле, каком ты воспринял это известие, мой господин. Она посвятила себя церкви, когда я перестал нуждаться в ней. Христиане называют это обручением.

— Вот как? — На мгновение он задумался. — Как бы то ни было, я больше не посылал писем. И когда спустя некоторое время до меня дошли слухи о незаконнорожденном ребенке, мне и в голову не пришло, что это может быть мой сын. Однажды здесь побывал человек, странствующий глазной лекарь, который проехал через весь Уэльс. Я послал за ним и подробно расспросил его. Он подтвердил, что действительно во дворце живет бастард, такого-то возраста, рыжеволосый, рожденный от короля.

— Диниас, — произнес я. — Наверное, меня этот лекарь в глаза не видел. Меня всегда... ну разве что не прятали... К тому же дед в самом деле иногда называл меня перед заезжими людьми своим сыном. У него было немало незаконнорожденных детей по всему королевству.

— Я так и думал. Поэтому я почти не прислушивался к новым слухам о бастарде — сыне то ли короля, то ли его дочери. Это относилось к далекому прошлому, а у меня было множество неотложных дел. Кроме того, меня не оставляла одна мысль: если бы она родила ребенка, то неужели не сообщила бы мне? Если бы я был нужен ей, неужели она не послала бы весточку?

После этих слов он замолк, погрузившись в свои мысли. Сейчас я не вспомню, понял ли тогда все, о чем он говорил. Но позже, когда из отдельных кусочков сложилась мозаика, все стало совершенно ясно. Та же гордость, какая не дала моей матери последовать за своим возлюбленным, не позволила ей позвать его назад, когда она обнаружила, что беременна. Та же гордость помогла ей выдержать месяцы унижений. Было и другое: если бы она каким-либо образом — пусть даже своим бегством — выдала имя своего любовника, то ничто бы не помешало ее братьям отправиться ко двору Будека и убить Амброзия. Зная своего деда, я без труда представлял, сколько принесено было тогда клятв кровавой мести тому, кто был отцом бастарда. Шли годы, и возвращение моего отца становилось все менее вероятным, а затем представлялось и вовсе невозможным: будто он и в самом деле был мифом или воспоминанием в ночи. А затем вмешалась иная давняя любовь и вытеснила из ее сердца прежнюю — священники одержали верх, и зимние свидания были преданы забвению. За исключением ребенка, так похожего на своего отца. Но, исполнив свой долг по отношению к нему, она могла бы обрести уединение и покой, в поисках которых она много лет назад отправилась по горной долине, как позже и я пристрастился ездить той же тропой, возможно, отыскивая то же, что и она.

Я вздрогнул, когда он внезапно прервал молчанье:

— Тяжело тебе пришлось? Жить, не зная, кто твой отец?

— Достаточно тяжело.

— Ты поверишь мне, если я снова скажу, что ничего не знал?

— Я верю всему, что ты говоришь, мой господин.

— Ты ненавидишь меня за это, Мерлин?

Я ответил медленно, не отрывая взгляда от своих рук:

— В том, что ты бастард и ничейный сын, есть одно преимущество. Можно сколько угодно придумывать себе отца. Его можно представлять себе и отпетым негодяем, и самым лучшим человеком на свете; отца себе можно выдумывать по воле настроения или каприза. С тех пор, как я достаточно вырос, чтобы осознать, что я бастард, я видел или искал своего отца в каждом солдате, каждом принце, каждом священнике. Я также видел его в каждом красивом рабе в королевстве Южного Уэльса.

Его голос прозвучал очень мягко, где-то у меня над головой:

— А теперь ты видишь его наяву, Мерлин Эмрис. Я спрашивал, ненавидишь ли ты меня за ту жизнь, на которую я обрек тебя?

Я не поднял головы и ответил, не отрывая глаз от языков пламени:

— С самого детства я мог выбирать себе в отцы кого угодно. Из них всех, Аврелий Амброзий, я выбрал бы тебя.

Тишина. Язычки пламени трепетали подобно бьющемуся сердцу.

— В конце концов, какой мальчишка не выбрал бы в отцы короля всей Британии? — добавил я, пытаясь обратить все в шутку.

Его рука твердо взяла меня за подбородок и отвернула мое лицо от жаровни, а взгляд — от танцующего пламени.

— Что ты сказал? — Голос его был резким.

— Что я сказал? — непонимающе заморгал я. — Лишь то, что выбрал бы тебя.

Его пальцы впились в мою плоть.

— Ты назвал меня королем всей Британии.

— Неужели?

— Но это же... — Он внезапно умолк. Его глаза, казалось, жгли меня. Затем он опустил руку и выпрямился. — Оставим это. Если богам будет угодно, они заговорят снова. — Он улыбнулся мне. — Сейчас же имеет значение лишь то, что ты говоришь от себя. Не каждому мужчине удается услышать такое от взрослого сына. Кто знает, может, оно и лучше, что мы встретились как мужчины, когда у каждого из нас есть что дать другому. Мужчине, чьи дети с младенчества путаются у него под ногами, не дано вдруг увидеть свое отражение в сыне так, как я увидел себя в тебе.

— Неужели я так похож на тебя?

— Так говорят. А я к тому же вижу в тебе достаточно сходства с Утером, чтобы понять, почему все утверждают, что ты — мой сын.

— По-видимому, ему это не дано было увидеть, — заключил я. — Он очень разгневался или же вздохнул с облегчением, узнав в конце концов, что я не твой наложник?

— Тебе и это известно? — Амброзия это, казалось, забавляло. — Если бы он побольше упражнял свои мозги, а не мышцы, это пошло бы ему только на пользу. Но, как бы то ни было, мы отлично ладим. Он выполняет свою работу, а я — свою, и если я смогу проложить путь, то он станет после меня королем, если у меня не...

Он внезапно замолк на полуслове. В последовавшей затем неловкой тишине я сидел, не поднимая глаз от пола.

— Прости меня. — Он говорил тихо, как равный с равным. — Я сказал не подумав. Я так давно свыкся с мыслью, что у меня нет сына.

— Это и остается правдой, в том смысле, какой подразумеваешь ты, — ответил я, подняв взгляд. — И конечно, именно так и будет считать Утер.

— Значит, мой путь не будет таким ухабистым, раз ты думаешь так же.

— Не думаю, что я стану королем, — рассмеялся я. — Полукоролем, возможно, но скорее даже на четверть королем — маленькой частичкой, способной видеть и думать, но лишенной возможности действовать. Быть может, когда тебя не станет, из нас с Утером и получится один король на двоих? Он уже и сейчас ни в чем не знает меры, как по-твоему?

Однако Амброзий не улыбнулся. Глаза его прищурились, а взгляд стал напряженным и пристальным.

— Именно так я это и замышлял. Ты догадался?

— Нет, господин. Откуда мне? — Я выпрямился, и тут меня осенило. — Так вот как ты надеялся использовать меня? Конечно, теперь я понимаю, почему ты оставил меня при себе, почему со мной обращались по-королевски, но мне хотелось верить, что у тебя есть на меня особые планы... что я могу быть тебе полезен. Белазий как-то сказал, что ты любого человека используешь, сообразуясь с его способностями, и если я не многого стою как боец, ты все же найдешь мне применение. Это правда?

— Истинная правда. Я понял это сразу же, еще до того, как подумал, что ты мог бы быть моим сыном. Я понял это, когда увидел, как ты противостоял Утеру в ту ночь, когда в глазах твоих еще стояло видение и сила окутывала тебя словно сияющий плащ. Нет, Мерлин, из тебя никогда не выйдет король или даже принц таким, как видит их весь мир, но, когда ты вырастешь, я верю, что король, рядом с которым ты будешь, сможет управлять хоть целым миром. Теперь ты понимаешь, почему я отправил тебя учиться у Белазия?

— Потому что он очень ученый человек? — осторожно спросил я.

— Он порочный и очень опасный человек, — прямо сказал Амброзий. — Но он обладает изощренным и пытливым умом, он много путешествовал и владеет множеством умений, какие тебе не представится шанс приобрести в Уэльсе. Перенимай их у него. Я не хочу, чтобы ты во всем следовал за ним, поскольку есть места, куда тебе дорога заказана, но ты должен научиться всему, чему только сможешь.

Я поднял голову, затем кивнул:

— Тебе о нем известно. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Если ты имеешь в виду то, что он жрец древней религии, да, мне это известно.

— И ты не возражаешь против этого?

— Пока что я не могу себе позволить выбрасывать ценные орудия лишь потому, что мне не нравится их отделка. Он полезен, и потому я использую его. Если ты мудр, то будешь поступать так же.

— Он хочет взять меня с собой на следующую церемонию.

Амброзий нахмурил брови, но промолчал.

— Ты мне запрещаешь пойти?

— Нет. Ты пойдешь?

— Да, — медленно сказал я, серьезно и тщательно подбирая слова. — Милорд, если ты ищешь... то же, что и я, то тебе приходится искать в самых странных местах. Человек не может все время смотреть только на солнце, не опуская свой взор вниз, на его отражение в земных вещах. И если оно отражается в грязной луже, то все равно не перестает быть солнцем. Нет такого места, куда я отказался бы заглянуть, чтобы найти его.

— Вот видишь? — улыбнулся Амброзий. Он отклонился, почти присел на край стола и, казалось, совер-

шенно расслабился. — Тебе не нужно никакой охраны, кроме Кадала. — Он откинулся назад, опершись спиной о край стола, расслабившись и отдыхая. — Она назвала тебя Эмрисом. Дитя света. Один из Бессмертных. Божественный. Ты знал, что означает твое имя?

— Да.

— Разве ты не знал, что меня зовут так же?

— Как и меня? — тупо переспросил я.

Он кивнул:

— Эмрис... Амброзий — одно и то же имя. Мерлин Амброзий — она назвала тебя в мою честь.

Я удивленно посмотрел на него.

— Я... да, конечно. Мне и в голову никогда не приходило...

Я рассмеялся.

— Чему ты смеешься?

— Нашим именам. Амброзий, Князь света... Она всем говорила, что моим отцом был Князь тьмы. Я даже песенку об этом слышал. В Уэльсе обо всем слагают песенки.

— Когда-нибудь я попрошу тебя мне ее спеть... — Внезапно он стал серьезным. Его голос зазвучал глуше. — Мерлин Амброзий, дитя света, посмотри в огонь и скажи мне, что ты там видишь. — А затем, когда я испуганно взглянул на него, требовательно добавил: — Сейчас, сегодня ночью, пока не погасло пламя, пока ты утомлен и тебя одолевает сонливость. Смотри на жаровню и говори со мной. Что будет с Британией? Что ожидает меня и Утера? Смотри, мой сын, потрудись ради меня... скажи мне...

Все было бесполезно; я бодрствовал, а языки пламени постепенно опадали; сила исчезла, оставив в комнате быстро остывающие тени и мужчину и мальчика, погруженных в беседу. Но из любви к нему я обратил свой взор на тлеющие угли. Царила полная тишина, если не считать шелеста осыпающейся золы и потрескивания остывающего металла.

— Я не вижу ничего, кроме угасающего огня в жаровне и горячих углей, — произнес я.

— Продолжай смотреть.

Я почувствовал, как мое тело начало покрываться испариной, капли пота побежали по крыльям носа, из подмышек, проступив в паху, потекли по ногам. Сцепив руки, я зажал их между коленями так, что стало больно пальцам. Виски раскалывала жестокая боль. Резко качнув головой, чтобы стряхнуть ее, я поднял глаза.

— Бесполезно, мой господин. Прости меня, я не могу. Не я повелеваю богом — мой бог повелевает мной. Возможно, настанет день, когда я смогу по собственной воле или повинуясь твоему приказу увидеть грядущее, но сейчас видения приходят сами по себе или не приходят вовсе. — Я развел руками, стараясь объяснить. — Это все равно что ждать под небесами, затянутым тучами; внезапный порыв ветра разрывает пелену, и из вышины ударяет солнечный сноп. Иногда он падает мне на лицо, иногда я лишь стою на пороге мимолетней колоннады лучей. Однажды весь этот храм света станет моим. Но не сейчас. Я ничего не силах увидеть. — Силы покидали меня. Я чувствовал это по своему голосу. — Прости, милорд. Я не в силах помочь тебе. У тебя еще нет своего прорицателя.

— Нет, — произнес Амброзий. Он опустил руку мне на плечо, а когда я встал, привлек меня к себе и поцеловал. — Только сын, который не ужинал и устал до смерти. Иди спать, Мерлин, и проведи остаток ночи без снов. Еще настанет время для твоих видений. Доброй ночи.

Той ночью видения больше не посещали меня, но мне приснился сон. Я никогда не рассказывал о нем Амброзию. Я снова видел пещеру на склоне холма и девушку по имени Ниниана, выходящую из тумана, и мужчину, ожидающего ее возле входа в пещеру. Но лицом эта Ниниана никак не походила на мою мать, а мужчина возле пещеры не был молодым Амброзием. Там сидел старик, и лицо у него было моим.

КНИГА III
ВОЛК

1

Пять лет провел я у Амброзия в Малой Британии. Оглядываясь назад, я вижу теперь, что многое из произошедшего тогда изменилось в моей памяти, подобно разбитой мозаике, которую спустя годы восстанавливает мастер, почти позабывший картину. Кое-что возвращается ко мне ясно, во всех мельчайших чертах и красках; другие события и дела, быть может, более важные, видятся словно в тумане, словно через пелену, которую набросило на них все, что случилось с тех пор: смерть, печали и горе, гнев, смененный на милость, предательство, сменившее любовь. Места всегда вспоминаются мне лучше всего, многие столь ясно, что кажется, и сейчас я словно могу войти в них, и будь у меня власть сосредоточить свою мысль или сила, что некогда покрывала меня как плащ, я мог бы воссоздать их здесь, в темноте, как когда-то воссоздал я много лет назад для Амброзия Хоровод Великанов.

Я вижу ясно места и мысли, что являлись мне тогда в сияющей новизне, но люди — дело иное: иногда, вороша свою память, я спрашиваю себя, не путаю ли я одного с другим — Белазия с Галапасом, Кадала с Сердиком, бретонского военачальника, имя которого я давно позабыл, с капитаном моего деда в Маридунуме, который когда-то пытался сделать из меня искусного бойца, поскольку твердо верил, что именно об этом должен мечтать любой, пусть даже незаконнорожденный принц.

Но когда я пишу об Амброзии, он будто сидит рядом со мной, будто светится в моей темноте, как светился внутренним светом юноша в высокой шапке той зачарованной морозом первой моей ночью в Малой Британии. Даже лишившись одежд магической силы, я могу вызвать из тьмы его глаза, уверенный взгляд из-под насупленных бровей, линии грузного тела, лицо (что кажется мне сейчас таким молодым), на котором отпечатана всепоглощающей, непреклон-

ной волей суровость, что заставляла его обращать взгляд на запад, к закрытому для него королевству все двадцать с лишним лет, которые потребовались ребенку для того, чтобы вырасти в воина и вождя и создать — наперекор слабости и нищете — ударную силу, что росла с ним самим, ожидая своего часа.

Об Утере писать труднее. Или точнее, трудно писать о таком Утере, каким он был в прошлом, как о части истории, которая уже много лет как завершена. Еще живее, чем Амброзий, Утер сейчас со мной; не здесь, в темноте пещеры, где пребывает та часть меня, что исходит от Мирддина, — частица Утера и по сей день хранит в солнечных лучах Британские берега, воплощает планы, которые я строил для него, сверяясь с картой, показанной мне однажды летним днем Галапасом.

Но нет уже, разумеется, Утера, о котором я пишу. Есть человек, ставший итогом всех нас, человек, который есть мы все: Амброзий, воспитавший меня; Утер, трудившийся бок о бок со мной; я сам, использовавший Утера, как использовал я всякого, кто волею моего бога встречался на моем пути, чтобы сотворить для Британии Артура.

Время от времени из Британии доходили новости, а иногда — через Горлойса Корнуэльского — и вести из дому.

Все сходилось к тому, что после смерти моего деда Камлах не поспешил немедленно разорвать давний союз со своим родичем Вортигерном. Ему требовалась уверенность в своих людях и в себе самом, прежде чем он решился бы поддержать «сторону молодых», как звала себя клика Вортимера. Но и Вортимер остановился за шаг до открытого бунта, хотя было ясно, что рано или поздно этот шаг должен быть сделан.

Король Вортигерн снова оказался меж молотом и наковальней: желая оставаться королем британцев, он должен призвать на помощь соплеменников своей жены-саксонки, а саксонские наемники год от года увеличивали свои требования, — страна приходила в упадок и истекала кровью под игом того, что народ открыто называл Саксонской Чумой, а в западных землях, где народ сохранил еще толику свободы, зрело восстание и люди только и ждали прихода вождя всех вождей. Положение Вортигерна становилось все более отчаянным; вопреки здравому смыслу он вынужден был все больше доверять командование западными войсками Вортимеру и его братьям, чья кровь не была осквернена саксонской заразой.

О матери не было вестей, кроме той, что она пребывает под защитой обители Святого Петра. Амброзий не посылал ей писем. Если до ее ушей дойдет, что у графа Британского в Керрике объявился некий Мерлин Амброзий, она все поймет, но весточка или письмо прямо от врага верховного короля навлекло бы на нее ненужную опасность. Вскоре она сама обо всем узнает, сказал Амброзий, ждать осталось недолго.

На самом деле ждать перелома событий нам пришлось пять лет, но время неслось подобно волнам, подгоняемым ветром. Ввиду зреющего в Уэльсе и Корнуолле восстания приготовления в лагере Амброзия набирали ход. Если жители Уэльса ждут вождя, то Амброзий не намеревался уступать это место Вортимеру. Он подождет, он даст Вортимеру стать клином, а они с Утером обратятся в молот, который ударит в расщелину сразу за ним.

Тем временем надежда в Малой Британии все росла, словно паводок по весне; рекой лились предложения военной помощи и союза, окрестности лагеря сотрясались от топота копыт, и улицы оружейников и механиков до глубокой ночи звенели сталью: это мастера с удвоенным рвением стремились изготовить два оружия за время, которое раньше требовалось для создания одного. Теперь вторжение уже не за горами, и когда оно настанет, Амброзий должен быть готов. Никто не ждет полжизни, собирая нужный материал, чтобы изготовить смертоносное копье, а затем случайно потерять его в темноте. Не только люди и материя, но время, и дух, и ветер с небес должны благоприятствовать ему, и сами боги должны распахнуть ворота. Для этого, говорил Амброзий, боги послали ему меня. Появление мальчика со словами победы на устах, полного видений о непокоренном боге, — вот что убедило его (и, что более важно, его рать) в том, что близится наконец час, когда он нанесет удар и будет уверен в победе. Вот почему — к ужасу своему, обнаружил я — он меня ценит.

Будьте уверены, я не спрашивал его больше о том, как он намерен использовать меня. Амброзий, терзаемый гордостью, страхом и жаждой отцовской любви, выразился достаточно ясно. Я рвался научиться всему, чему меня могли научить, и открыть себя силе — вот и все, что я мог дать ему. Если он хотел иметь под рукой пророка, его ждало разочарование: мой дар спал. Знание заступило дорогу видениям. Но то было время для знания.

Я учился у Белазия, пока не превзошел его, учась на деле применять вычисления, которые для него были скорее искусством, как для меня песни, — но и песни пошли в дело. Долгие часы я проводил на улице механиков, и Кадалу не раз приходилось силой оттаскивать меня от замасленного инструмента, ворча, что теперь я годен лишь для общества раба-банщика. Я записывал все, что мог вспомнить из наставлений Галапаса по части целительства, дополняя их опытом, приобретенным у полковых лекарей. Мне была предоставлена полная свобода действий в городе и лагере: прикрываясь именем Амброзия, я упивался этой свободой, подобно молодому волку, впервые дорвавшемуся до крупной добычи. Я учился всему и у всех, у каждого мужчины и у каждой женщины, с кем мне доводилось встречаться. Верный своему обещанию, я всматривался в свет и во тьму, в солнечное сияние и в стоячие лужи. Я ходил с Амброзием в святилище Митры в подвале фермы и с Белазием на тайные собрания в лесу. Мне даже позволили молчаливо сидеть на совещаниях графа с его военачальниками, хотя никто даже не скрывал, что от меня будет мало толку на поле брани, «разве что, — как однажды с веселой злостью изрек Утер, — он станет над нами, подобно Иисусу, чтобы задержать ход солнца по небосклону и дать нам время закончить настоящее дело. Хотя, шутки в сторону, могло быть и хуже... Солдаты, похоже, считают его чем-то средним между Гонцом Митры и щепкой Истинного креста — извини, что говорю так в твоем присутствии, брат, — но, будь я проклят, от него будет больше пользы, если мы посадим его счастливым талисманом на вершину холма у всех на виду, потому что в бою он не продержится и пяти минут».

Пищи для насмешек у Утера прибавилось, когда в возрасте шестнадцати лет я забросил ежедневные упражнения в искусстве владения мечом, что дает мужчине, пусть скромную, сноровку в защите себя; но мой отец на это только рассмеялся. Полагаю, в отличие от меня он уже тогда знал, что у меня защита иная.

Итак, я учился всему и у всех: у старух, собиравших для врачевания паутину травы и водоросли, у бродячих торговцев и знахарей, у коновалов, у шептунов, у священников. Я прислушивался к байкам солдат у дверей таверны, и к беседам военачальников в доме моего отца, и к болтовне мальчишек на улице. Но было одно, в чем я оставался невеждой: к тому времени, когда я в возрасте семнадцати лет поки-

дал Малую Британию, мне ничего не было известно о женщинах. Когда я думал о них — что случалось довольно часто, — то говорил себе, что у меня нет времени, что впереди у меня целая жизнь и меня ожидают более важные и неотложные дела. Но правда, думаю, крылась в том, что я их боялся. Поэтому я топил свои вожделения в работе. Правду сказать, я теперь верю, что этот страх был навеян мне моим богом.

Я ждал, проводя свои дни в учении, делал свое дело, которое — как мне тогда казалось — состояло в том, чтобы подготовить себя к служению моему отцу.

Однажды я сидел в мастерской Треморина. Треморин, старший механик Амброзия, будучи человеком доброжелательным, позволял мне учиться у него всему, чему я смогу: он отвел мне угол в мастерской и дал материалы, с которыми я мог ставить свои опыты. Помню, войдя в мастерскую в тот день, он застал меня склонившимся над моделью на отведенном мне верстаке и подошел поближе, чтобы посмотреть. Увидев плод моих трудов, он рассмеялся.

— Я думал, что их кругом и так пруд пруди, а ты еще трудишься, возводя новые.

— Мне было интересно понять, как их сюда доставляли. — Я поправил уменьшенную модель стоячего камня, так чтобы он стоял ровно.

Он выглядел удивленным. И не без причины. Всю свою жизнь он прожил в Малой Британии, а местность там столь густо утыкана этими камнями, что люди перестали замечать их. Всякий день он проходил через лес камней, а большинство людей видит в стоячих камнях лишь то, чем кажутся они случайному взору, — мертвым камнем... Но только не мне. Со мной они еще говорили, и я должен был узнать, о чем они говорят. Ничего этого Треморину я не сказал, а просто добавил:

— Я пытался выдержать масштаб.

— Могу сказать тебе кое-что сразу: такие попытки уже были... И неудачные. — Он смотрел на ворот, который я приспособил для подъема макета. — Для вертикальных камней это, возможно, сгодится, и то лишь для самых легких, а для нависших вообще не подходит.

— Да. Это я уже выяснил. Но у меня появилась одна мысль... Я собирался подойти к ним иначе...

— Попусту тратишь время. Надо бы тебе заняться чем-нибудь более насущным, что нам необходимо и что мы могли бы использовать. Послушай, твоя идея о легком передвижном подъемнике стоит того, чтобы над ней поработать...

Несколько минут спустя его окликнули. Я разобрал модель и сел за новые расчеты. Треморину я о них ничего не сказал: его ждали дела поважнее, к тому же он бы только посмеялся, расскажи я ему, что о том, как поднять стоячие камни, я узнал у барда.

Случилось это так.

Однажды, за неделю до описываемых событий, гуляя вдоль рва, опоясывавшего городские стены, я услышал пение. Старческий голос дрожал и от напряжения срывался на хрип, голос певца, надорванный от усилия перекрыть гул толпы, простуженный на морозном воздухе. Однако внимание мое привлекли не голос и не мелодия, которую едва можно было разобрать, а то, что он раз за разом повторял мое имя:

Куда идешь, Мерлин, о Мерлин?

Он сидел у моста с чашкой для подаяния. Я заметил, что он слеп, однако его сорванный голос звучал чисто, и он не протянул мне чашку, услышав, что я остановился рядом. Старик сидел, опустив голову на грудь, подобно арфисту, склонившемуся над арфой, который прислушивается к речи струн, что перебирают его пальцы, словно ощупью чувствуют ноты. Когда-то, наверное, он пел в королевских палатах.

Куда идешь,
Мерлин, о Мерлин,
В час первый утра, со псом черным?
Яйцо искал я,
Яйцо багряное змея морского,
Яйцо, что скрыто близ брега моря,
В камне, волнами долбленном,
Травы сбирал я,
Зеленые стебли и стебли златые,
Желтый лишайник, дарующий дрему,
Омелу дубовую, ветвь друидов,
Растущую в темной чаще лесной,
Близ родников бегущих.
Мерлин, о Мерлин,

Вернись от вод из чащобы!
Забудь дубы и стебли златые,
Травы, росой кропленные в поле,
Забудь о яйце змея морского,
Одетом пеной
В камне, волнами долбленном!
Мерлин, о Мерлин,
Напрасно ищешь!
Божественен Бог один*.

В нынешние времена эта песня известна как «Песня Марии Девы» или как «Король и Серый Тюлень», но тогда я услышал ее впервые. Узнав, кто остановился его послушать, старик был польщен, что я не погнушался сесть рядом с ним на откос ради ответов на свои вопросы. Помню, в то первое утро мы говорили главным образом о песне, затем о нем самом; я узнал, что в молодости он побывал на острове друидов Моне, видел Каэр-ар-Вон и поднимался на Сноудон. Зрения старик лишился на острове друидов, но он никогда не рассказывал мне, как это произошло. Когда же я сказал, что собираю на берегу водоросли и травы, чтобы готовить притирания и мази, а вовсе не для того, чтобы творить магию, он улыбнулся и пропел стих, который я не раз слышал из уст моей матери и который, по его словам, послужит мне щитом. Он не сказал от чего, а я не спросил.

Я опустил деньги в чашку, и старик с достоинством их принял, но, когда я пообещал сыскать для него арфу, он промолчал, только уставился в пространство пустыми глазницами, и я видел, что он не поверил мне. На следующий день я принес арфу. Отец был щедр ко мне, и у меня не было даже нужды объяснять, на что пойдут эти деньги. Когда я вложил арфу в руки слепого певца, он прослезился, а потом принялся целовать мне руки.

После этого вплоть до самого моего отплытия из Малой Британии я часто навещал его. Он много путешествовал, побывал в землях — от Ирландии на западе до Африки на юге. Он научил меня песням многих стран — Италии, и Галлии, и белого Севера, и древним песням Востока, — странным, будто бессвязным, мелодиям, пришедшим, по его словам, на Запад с Восточных островов вместе с людьми древних времен, теми, что возвели стоячие камни. В этих песнях говорилось о науке,

* Перевод с английского Н. Эристави.

давно позабытой и оставшейся лишь в стихах. Сам он, пожалуй, считал их всего лишь песнями о магии стародавних дней, вымыслом певцов и сказителей. Но чем больше я размышлял о них, тем яснее видел: в них говорится о людях, живших на самом деле, и о великом рукотворном чуде, какое они оставили по себе, воздвигнув огромные камни, чтобы отметить путь луны и солнца, и жилища для своих богов и канувших в небытие королей-великанов.

Однажды я упомянул об этом Треморину, который был в равной мере умен и добр и обычно умел находить для меня время, но механик со смехом отмахнулся от моих слов, и я больше не заговаривал о камнях. В преддверии готовящегося вторжения у механиков Амброзия было о чем подумать, помимо помощи мальчишке в его бесполезных, с практической точки зрения, расчетах. Поэтому я оставил все как есть.

Весной моего восемнадцатого года наконец пришли вести из Британии. Мороз и стужа сковывали морские пути весь январь и февраль, и только в начале марта, воспользовавшись тихой холодной погодой перед наступлением весенних штормов, небольшое торговое суденышко вошло в порт и привезло Амброзию новости.

Новости были будоражащие — в буквальном смысле слова: и уже спустя несколько часов после прибытия корабля Амброзиевы гонцы поскакали на север и на восток, чтобы как можно скорее собрать союзников, — ведь известие запоздало.

По всему выходило, что Вортимер решился и прошлой осенью порвал со своим отцом и его саксонской королевой. Устав умолять верховного короля разорвать союз с саксами и защитить свой народ от пришельцев, несколько британских вождей — среди них и властители Запада — в конце концов убедили Вортимера взять дело в свои руки и восстали вместе с ним. Они провозгласили его королем и под его знаменем выступили против саксов. В этом походе им сопутствовала удача: оттесненные на юго-восток саксы погрузились на боевые корабли и отправились искать убежища на острове Танет. Но Вортимер преследовал их и там, пока наконец в последние недели осени не взял остров в осаду. Уже в первые дни зимы саксы запросили пощады и разрешения с миром покинуть берега Британии, а затем, прихватив свои пожитки, отправились назад в Германию, бросив на произвол судьбы своих женщин и детей.

Однако победное царствование Вортимера продлилось недолго. Никто не знает, что в точности произошло, но, по слухам, Вортимер скончался от яда, который предательски поднес ему один из приближенных королевы. Правда это или нет, но молодой король умер, а его отец Вортигерн вновь прибрал к рукам власть. Первым делом (и это тоже поставили в вину саксонской королеве) он призвал Хенгиста и его саксов обратно в Британию. Вортигерн предложил им вернуться с малой силой: небольшим подвижным отрядом, который помог бы ему водворить мир и порядок в стране и воссоединить раздробленное королевство. На самом же деле саксы пообещали ему триста тысяч клинков. Это были лишь слухи, но, хотя слухам свойственно преувеличивать, ни у кого не осталось сомнений в том, что Хенгист намерен вернуться во главе огромной армии.

Пришли и обрывочные вести из Маридунума. Гонец не принадлежал к лазутчикам Амброзия, а потому привезенные им новости также следовало считать по большей части слухами, и слухи эти были не из приятных. Похоже, мой дядя Камлах вместе со своими вассалами — подданными моего деда, людьми, хорошо мне известными — стал на сторону Вортимера и сражался с ним бок о бок в четырех решительных битвах. Во второй из них, при Эписфорде, Камлах был убит, и вместе с ним был убит брат Вортимера Катигерн. Но больше, чем судьба Камлаха, меня тревожила участь сторонников Вортимера и их семей, на чьи головы обрушилась после гибели молодого короля Вортигернова кара. Старый волк захватил королевство Камлаха, дабы воссоединить свои родовые земли в Гуэнте, и, стремясь иметь заложников, повторил давнее злодейство: схватил детей Камлаха, один из которых был еще младенцем, и отдал на попечение королеве Ровене. Мы так и не смогли узнать, живы ли они. Ничего не было известно и о судьбе сына Олвены, которого постигла та же судьба. Никто особенно не верил в то, что его оставили в живых. Не было и никаких известий о моей матери.

Через два дня после получения новостей наступила пора весенних штормов; Британия вновь оказалась закрыта и для нас, и для новостей. Впрочем, это было нам на руку. Если мы не могли получить вести из Британии, то и о нас Вортигерн не мог прослышать, и последние и ускоренные приготовления к вторжению в Западную Британию оставались тайной. Не было того, кто бы еще сомневался, что время при-

шло. Мало было просто высадиться с войском, на радость Уэльсу и Корнуоллу. Если Красному Дракону нужны сподвижники, готовые сражаться под его знаменем, то за корону ему придется биться в ближайшие весенние месяцы.

— Ты отправишься с первым же кораблем, — сообщил мне Амброзий, не отрывая глаз от расстеленной перед ним на столе карты.

Я стоял у окна. Даже через закрытые ставни и задернутые занавеси были слышны завывания ветра, и плотная занавесь возле меня трепетала на сквозняке.

— Да, господин, — произнес я и подошел к столу. Тут я увидел то место на карте, куда указывал его палец. — Я должен попасть в Маридунум?

Он кивнул.

— Ты сядешь на первое судно, идущее на Запад, и оттуда, куда оно пристанет, отправишься домой. Ты поедешь прямо к Галапасу. От него и узнаешь, что нового в Маридунуме. Сомневаюсь, что тебя узнают в городе, но рисковать все же не стоит. У Галапаса ты будешь в безопасности. Можешь сделать его пещеру своей базой.

— Значит, из Корнуолла больше не было вестей?

— Никаких, если не считать слухов о том, что Горлойс стал на сторону Вортигерна.

— Вортигерна? — Мгновение я переваривал услышанное. — Выходит, он не выступил вместе с Вортимером?

— Насколько мне известно, нет.

— Иными словами, он переметнулся на сторону врага?

— Возможно. Мне трудно в это поверить. Может быть, это ничего и не значит. Насколько я понял, он взял молодую жену, и, быть может, дело лишь в том, что он просидел всю зиму в четырех стенах, дабы не дать остыть ее ложу. Возможно же, он предвидел судьбу Вортимера и предпочел послужить моему делу, явив напоказ верность верховному королю и сохранив тем самым земли и войско. Но, не зная наверняка, я не могу послать к нему гонца. Возможно, за ним следят. Итак, ты поедешь к Галапасу за новостями из Уэльса. Мне донесли, что и Вортигерн, оставив всю Восточную Британию на разграбление Хенгисту, окопался в тех краях. Сперва надо выкурить старого волка и только затем поднимать Запад на саксов. Но делать это следует быстро. И мне нужен Каэрлеон. — При этих словах он поднял глаза. — Я посылаю с тобой твоего старого приятеля — Маррика. С ним отправишь мне

вести. Будем надеяться, в Маридунуме все хорошо. Думаю, ты и сам жаждешь кое-каких новостей.

— С этим можно обождать, — ответил я.

На это он промолчал, только приподнял бровь, потом вновь обратился к карте.

— Ладно, садись, я сам введу тебя в курс тамошних дел. Будем надеяться, что ты скоро уедешь.

— И всю дорогу меня будет тошнить, — пробормотал я, кивая на развевающуюся занавеску.

Оторвавшись от карты, Амброзий рассмеялся.

— Клянусь быком Митры, об этом я не подумал. Полагаешь, и я буду блевать? Не пристало вождю так возвращаться в свой дом.

— Возвращать себе королевство, — поправил я.

2

Я пересек пролив в начале апреля на том же корабле, что доставил меня в Малую Британию, однако второе путешествие разительно отличалось от первого. Теперь на борт взошел не Мирддин, беглец, а Мерлин, хорошо одетый молодой римлянин с туго набитой мошной и в сопровождении слуг. Мирддина заперли нагим в трюме; Мерлину отвели удобную каюту, а капитан относился к нему с явным почтением. Одним из моих слуг был, разумеется, Кадал, а вторым, к немалому моему веселью, оказался Маррик; последнего эта перемена в наших отношениях далеко не радовала. (Анно был мертв. Насколько я мог судить, он переусердствовал в таком мелком деле, как шантаж.) Естественно, ничто в моем поведении не указывало на то, что между мной и Амброзием может быть какая-то связь, но ничто не могло заставить меня расстаться с подаренной им застежкой; я приколол ее на плечо туники, но с изнанки. Вряд ли кто-нибудь узнал бы во мне мальчишку, бежавшего пять лет назад, и капитан, конечно, ничем не выдал нашего прошлого знакомства, но все же я держался замкнуто, а если и говорил, то только на бретонском.

Удача сопутствовала нам: корабль должен был войти прямо в устье реки Тиви и бросить якорь в Маридунуме, но было условлено, что, как только это торговое судно

войдет с приливом в широкое устье, нас с Кадалом доставят на берег в лодке.

По сути, это путешествие зеркально повторяло предыдущее; впрочем, в том, что было для меня самым важным, не существовало особой разницы. Всю дорогу меня терзала морская болезнь. То, что вместо вороха тряпья и ведра в трюме у меня теперь была удобная койка, а Кадал не отходил от меня ни на шаг, нисколько не облегчало страданий. Как только корабль вышел из Малого моря и расправил паруса под свежими апрельскими ветрами, я, позабыв о своей браваде, спустился в каюту и слег от морской болезни.

Как мне сказали, дул попутный и свежий ветер, так что мы вошли в устье и бросили якорь еще до наступления зари, за десять дней до апрельских Ид.

Воздух был неподвижен, все вокруг окутывал холодный туман. Было очень тихо. Только начался прилив, погнавший воду вверх, в устье реки, и когда наша лодка отчалила от борта корабля, тишину нарушали только журчание воды под ее килем да мягкий плеск весел. Где-то далеко, едва слышно, пропели петухи. Скрытые туманом, кричали ягнята, им вторило глухое блеяние овец. Промытый ночным дождем воздух пах солью и, как ни странно, домом.

Мы держались ближе к середине потока, так чтобы за пеленой тумана нас никто не мог разглядеть с берега. Говорить мы старались только шепотом; а однажды, когда на берегу залаяла собака, мы услышали мужской голос, прозвучавший так отчетливо, будто человек находился рядом с нами в лодке. Это оказалось достаточным предостережением, и мы замолчали вовсе.

Сильный весенний прилив быстро нес наше суденышко. Это было нам на руку, поскольку корабль стал на якорь позже, чем было намечено, а рассвет разгорался все ярче. Гребцы то и дело встревоженно поглядывали на небо и налегали на весла. Я наклонился вперед, напрягая зрение и стараясь увидеть хоть кусочек знакомого берега.

— Ты рад, что вернулся? — прошептал мне на ухо Кадал.

— Это зависит от того, что мы узнаем. Клянусь Митрой, как же хочется есть!

— Немудрено, — кисло хмыкнул он. — Что ты выискиваешь?

— Здесь должна быть бухточка — белый песок и ручей, бегущий между деревьев, — а за ней дюна, поросшая соснами. Мы пристанем там.

Он кивнул. По замыслу, мы с Кадалом должны были высадиться на берег в устье реки против Маридунума, в известном мне месте, откуда мы могли незамеченными выйти на дорогу, идущую с юга. Нам предстояло выдавать себя за путников из Корнуолла; говорить за обоих буду я, а выговор Кадала сойдет в беседе со всяким, кроме коренного корнуэльца. С собой я вез несколько горшочков с мазями и небольшой сундучок с лекарствами: если меня спросят, кто я, то я вполне сойду за странствующего лекаря, и эта личина послужит мне пропуском почти повсюду, где я хотел побывать.

Маррик остался на корабле. Как обычно, он прибудет в город на торговом судне и высадится на верфи. Ему предстояло разыскать старых знакомцев, восстановить старые связи в городе и узнать как можно больше; Кадал же отправится со мной в пещеру Галапаса и будет служить связником между мной с Марриком, передавая добытые мною сведения.

Корабль задержится в устье Тиви на три дня. Перед самым его отплытием Маррик поднимется на борт, чтобы доставить в Малую Британию собранные нами сведения. Присоединимся ли мы с Кадалом к нему, зависело от того, что мы обнаружим. Ни я, ни мой отец не забывали, что после участия Камлаха в восстании Вортигерн наверняка похозяйничал в Маридунуме, как лиса в курятнике; и не он один: можно не сомневаться, он впустил сюда саксов. Первой моей заботой было добыть сведения о Вортигерне и отослать их в Бретань, а затем уже найти свою мать и убедиться, что ей ничто не угрожает.

Приятно было оказаться вновь на суше, хоть не на сухой земле, поскольку трава у подножия холма была высокой и мокрой; однако, когда лодка исчезла в тумане, я испытал немалое облегчение, которое сменилось волнением, когда мы с Кадалом стали пробираться лесом к дороге. Не знаю, что я ожидал увидеть в Маридунуме; я даже не знаю, заботило ли это меня. Не возвращение домой заставило меня тогда воспрянуть духом, а то, что наконец я смогу послужить Амброзию. Если я еще не мог прорицать для него, то по крайней мере мог выполнить работу взрослого мужа, а затем и сыновний долг. Мне кажется, что все то время я надеялся, что меня попросят отдать за него жизнь. Я был очень молод.

До моста мы добрались без приключений. Здесь тоже нам сопутствовала удача: мы повстречали барышника с парой коренастых верховых лошадок, которых он наме-

ревался продать в городе. Я купил у него одну лошадь, поторговавшись ровно столько, сколько нужно было, чтобы отвести подозрения. Барышник остался вполне удовлетворен сделкой и потому даже подарил мне потертое седло.

К тому времени, когда сделка состоялась, уже совсем рассвело. Мимо прошли несколько человек, которые, впрочем, удостоили нас лишь беглым взглядом, за исключением одного парня, который, по-видимому, узнал каурую лошадь.

— И далеко ты собрался ехать, приятель? — с ухмылкой обратился он скорее к Кадалу.

Я сделал вид, что не услышал, но краем глаза увидел, как Кадал развел руками, пожал плечами и указал глазами на меня. Его взгляд был красноречив: «Я только следую за ним, а он повсюду безумен».

Вьючная тропа была безлюдной. Кадал шел рядом, держась рукой за постромки.

— Знаешь, а ведь он прав. Старая кляча долго не протянет. Впрочем, сколько нам еще идти?

— Возможно, не так далеко, как мне помнится. Миль шесть, не больше.

— Ты говорил, что дорога все время идет в гору?

— Я всегда смогу пойти пешком. — Я провел рукой по костлявой шее лошади. — Знаешь, не такая уж это кляча, лошадь лучше, чем кажется. Пару раз задать ей побольше корму, и вот увидишь, она выправится.

— Что ж, тогда ты по крайней мере не зря потратил свои деньги. Что там за стеной, на которую ты смотришь?

— Раньше я там жил.

Мы проезжали мимо усадьбы деда. На первый взгляд она мало изменилась. С высоты седла я без труда мог заглянуть за стену; мне видна была терраса с растущим на ней айвовым деревом, его огненно-алые цветы уже распускались навстречу утреннему солнцу. За ней открывался сад, где Камлах угостил меня отравленным абрикосом. А вот и ворота, через которые я убежал, обливаясь слезами.

Лошадь потихоньку трусила вперед. Мы миновали сад; почки на яблонях уже набухли, а свежая яркая трава окружала террасу, на которой, бывало, сиживала над прялкой Моравик, пока я играл у ее ног. А вот то место, где я перелез через стену в ночь бегства, и наклонившаяся яблоня, к которой я привязал Астера. Стена обрушилась, и сквозь пролом мне была видна заросшая густой травой лужайка, через которую

я убежал в ту ночь, оставив позади тело Сердика на погребальном костре моей комнаты.

Заставив каурую остановиться, я привстал на стременах, чтобы разглядеть все получше. Должно быть, той ночью я хорошо потрудился; исчезло не только строение, в котором помещалась моя комната, но и два крыла построек, окружавших внешний двор. Конюшни были прежними, значит, огонь до них не добрался. Колоннада отчасти была разрушена, а затем, очевидно, восстановлена в новом, современном духе и потому разительно отличалась от остальных строений дворца: большие, плохо отесанные камни и грубая кладка, квадратные колонны, поддерживающие деревянную кровлю, квадратные, утопленные в стену окна. Не дом, а пристройка, которая выглядела уродливой и неуютной; единственным ее достоинством было, очевидно, то, что в ней можно было укрыться от непогоды. С тем же успехом можно жить и в пещере, подумалось мне. Я тронул коленями лошадь.

— Чему ты ухмыляешься? — спросил Кадал.

— Только тому, насколько я пропитался римским духом. Забавно, мой дом уже не здесь. А если говорить начистоту, то думаю, что он и не в Малой Британии.

— Тогда где же?

— Не знаю. Там, где обитает граф Британский, — вот где. А в ближайшее время, думаю, он будет в домах, подобных этим.

Я указал на стену старых римских казарм, видневшихся за дворцом. Казармы были полуразрушены, на всем лежала печать запустения. Тем лучше, подумал я, по крайней мере Амброзию не придется сражаться за это поместье. А дай Утеру сутки, казармы будут как новенькие. Мы подъехали к обители Святого Петра, на первый взгляд не тронутой ни огнем, ни мечом.

— Если хочешь знать, — обратился я к Кадалу, когда мы выбрались из тени монастырской стены и вышли на тропу, ведущую к мельнице, — если и есть какое-то место, какое я могу назвать своим домом, то это пещера Галапаса.

— Не очень-то подходящее жилище для римлянина, — заметил Кадал. — Оставь мне хорошую таверну, приличную постель и добрую баранину на обед и можешь забирать хоть все пещеры в округе.

Даже на этой заезженной кляче путь показался мне короче, чем я его помнил. Вскоре мы подъехали к мельнице, пересекли большой тракт и стали подниматься вверх

по долине. Будто и не было прошедших лет. Казалось, только вчера я ехал по этой же залитой солнцем долине и ветер трепал серую гриву Астера. Даже не Астера еще, а того первого конька, который был у меня до него, поскольку... под тем же терновым кустом сидел все тот же полоумный дурачок и так же сторожил овец, как и в первый мой приезд. Когда мы выехали к развилке тропы, я обнаружил, что оглядываюсь в поисках вяхиря. Но на склоне горы было тихо, только в молодом папоротнике шуршали кролики. То ли моя каурая почувствовала конец своего путешествия, то ли ей понравилось ступать по траве с нетяжелой ношей на спине, но она будто ускорила шаг. Теперь уже впереди виднелся скалистый утес, за которым скрывалась пещера.

Возле зарослей боярышника я натянул повод.

— Вот мы и приехали. Это здесь, над утесом. — Спрыгнув с седла, я бросил повод Кадалу. — Оставайся здесь и жди меня. Через час можешь подняться. — Немного подумав, я добавил: — И не тревожься, если увидишь что-то наподобие дыма. Просто из пещеры вылетят летучие мыши.

Я уже почти забыл о знаке Кадала от дурного глаза. Теперь он вновь его сложил. Рассмеявшись, я покинул слугу.

3

Даже раньше, чем вскарабкаться по огибающей небольшую скалу тропинке на лужайку перед пещерой, я знал.

Назовите это предвидением. Мне не было знака. Разумеется, здесь стояла тишина, но эта тишина царила здесь всегда, когда я приближался к пещере. Но это безмолвие было иным. Лишь несколько минут спустя я понял, в чем дело: я не слышал журчания источника.

Я вышел на изгиб тропы и, ступив на дерн, увидел... Не было нужды заходить в пещеру, чтобы убедиться, что Галапаса здесь нет. И никогда уже не будет.

В невысокой траве перед входом в пещеру кучками валялся какой-то сор. Я подошел поближе.

То, что сотворили здесь, еще не успело зарасти. Здесь пылал костер, погашенный затем дождем, который не дал огню окончательно все уничтожить. Передо мной ле-

жала куча размокшего мусора — обугленные деревяшки и щепы, тряпье, превратившийся в бесформенную массу пергамент с ясно видными почерневшими краями. Я перевернул ногой ближайший кусок обгоревшей доски. И по резному рисунку на ней узнал, что это было. Сундук, в котором хранились его книги. А пергамент — это все, что осталось от самих книг.

Думаю, в мусоре можно было найти еще кое-что из его вещей. Я не стал их искать. Если книги погибли, то та же участь постигла и остальное. И Галапаса тоже.

Едва переставляя ноги, я подошел ко входу в пещеру. Остановился возле источника. Теперь я понял, почему не было слышно журчания: кто-то забросал источник землей, камнями и мусором, выброшенным из пещеры. Но источник еще бил, и сквозь все эти грязь и сор беззвучно сочилась вода, медленно стекала по каменной стенке, превращая дерн у ее подножия в вязкое болото. Мне показалось, что я различил в чаше выбеленный водой скелет летучей мыши.

Как ни странно, факел остался на своем месте — в нише у входа в пещеру, — и к тому же он был сухой. У меня не было ни кремня, ни кресала, но я сотворил огонь и медленно вошел внутрь, держа факел перед собой.

Наверное, моя плоть трепетала, словно из пещеры на меня подуло холодным ветром. Я уже знал, что обнаружу внутри.

Пещеру не просто ограбили — разорили. Все, что только можно было, вынесли и сожгли. То есть все, за исключением бронзового зеркала. Конечно, оно не стало бы гореть и, наверное, было слишком тяжелым, чтоб забрать с собой в качестве добычи. Сорванное со своего места, зеркало, словно пьяный, стояло прислоненное к стене. Больше не осталось ничего. Даже летучие мыши не шевелились и не перешептывались под сводом пещеры. Сама пещера откликалась не эхом, а пустотой.

Подняв факел повыше, я глянул в сторону хрустального грота. Его там не было.

На какое-то мгновение я поверил, что ему удалось скрыть вход во внутренний грот и самому спрятаться там. Затем я все понял.

Расщелина, ведущая в хрустальный грот, была на месте, но случай, или называйте это как угодно, сделал ее невидимой для непосвященных. Бронзовое зеркало упало так, что вместо того чтобы отбрасывать свет на проем в стене, наоборот, затеняло его. Отраженный свет падал на выступ

скалы, который отбрасывал клин густой черной тени как раз на вход в хрустальный грот. Люди, занятые грабежом и крушением утвари, не могли заметить проход над уступом.

— Галапас? — позвал я, вслушиваясь в пустоту. — Галапас?

Из грота донесся легчайший шепот, призрачное нежное гудение, похожее на музыку, которую я слышал однажды ночью. Ничего живого; да я ничего и не ждал. Все же я взобрался на уступ и, опустившись на колени, заглянул внутрь.

Свет факела отразился в кристаллах, и по стенкам освещенной сферы заметалась четкая тень от моей арфы. Целая и невредимая, арфа стояла посреди грота. Больше там ничего не было. Только затихающий шепот в сверкающих стенах. Должно быть, в этих вспышках и переливах света таились видения, но я знал, что сейчас открою себя им навстречу.

Опершись рукой на выступ скалы, я спрыгнул на пол пещеры; факел задымил. Пробегая мимо накренившегося зеркала, я увидел отражение высокого юноши, несущегося в вихре пламени и дыма. Его лицо казалось бледным, а огромные глаза — совершенно черными. Я выбежал на лужайку, забыв о факеле, от которого тянулся дымный шлейф. Подбежав к краю утеса, я сложил рупором ладони, приложив их ко рту и собираясь позвать Кадала, но внезапный звук, донесшийся сзади, заставил меня обернуться, как ужаленного, и задрать голову.

В звуке не было ничего необычного. Два черных ворона взлетели с холма и теперь возмущенно бранили меня с валунов.

Я медленно стал взбираться по тропе, ведущей мимо источника на склон горы над пещерой. Вороны, каркая, перелетели еще выше. Из зарослей молодого папоротника взлетели еще две птицы. Пара других продолжала трудиться над чем-то, лежащим под кустом одевшегося в нежные цветы терновника.

Я взмахнул факелом, прогоняя их прочь, и побежал.

Никто не мог бы сказать, как давно он погиб. Птицы, ветер и дождь начисто выбелили кости. Но я узнал его по выцветшим коричневым лохмотьям, на которых покоился скелет, и по старой изношенной сандалии, одиноко валявшейся неподалеку среди апрельских маргариток. Одна кисть отвалилась от сустава, и у моих ног лежали чистые хрупкие косточки. Я заметил, что мизинец был когда-то сломан, а затем залечен, но сросся криво. Сквозь ребра грудной клетки пробивалась апрельская трава. Напоенный солнцем воздух был прозрачен и чист и пах цветущим дроком.

Факел погас во влажной, сочной траве. Наклонившись, я поднял его. Не стоило швырять им в воронов, подумалось мне. Его птицы устроили ему подобающие проводы.

Услышав шаги у себя за спиной, я резко обернулся, но это был всего лишь Кадал.

— Я видел взлетевших птиц, — произнес он, глядя на останки под терновым кустом. — Это Галапас?

Я кивнул.

— Я видел головешки у входа в пещеру. Я догадался.

— Я и не знал, что прошло так много времени.

— Позволь мне заняться этим. — Кадал наклонился над скелетом. — Я похороню его. Иди и жди меня там, где мы оставили лошадь. Возможно, мне удастся найти там внизу какое-нибудь орудие или я спущусь в...

— Нет. Пусть он покоится в мире под терновником. Мы насыплем над ним холм, и пусть полый холм укроет его. Мы сделаем это вместе, Кадал.

Наносив мелких камней, в изобилии лежавших на склоне горы, мы сложили невысокий могильный курган, затем кинжалами нарезали пласты дерна, чтоб обложить ими могильник. К концу лета он зарастет папоротником и наперстянкой, и свежие травы укутают его словно саваном. Ненужные больше, мы оставили его.

Спускаясь мимо пещеры, я думал о том, как шел этой тропой в прошлый раз. Я помню, я тогда оплакивал смерть Сердика, расставание с матерью и Галапасом, все утраты, какие, казалось, предвидел я в будущем.

«Ты увидишь меня снова, — сказал он мне на прощанье. — Это я тебе обещаю». Что ж, я увидел его. И однажды, в этом я не сомневался, сбудется и другое его предсказание.

Меня пробрала дрожь. Перехватив быстрый взгляд Кадала, я отрывисто бросил:

— Надеюсь, у тебя хватило ума захватить флягу. Мне нужно выпить.

4

Кадал захватил не только флягу, он принес также пищи — соленой баранины, хлеба и прошлогодних олив в масле. Мы расположились на опушке леса и принялись за

еду. Рядом щипала траву лошадь, а внизу, вдалеке, среди апрельской зелени полей и поросших молодым лесом холмов, блестели плавные изгибы реки. Туман рассеялся, и наступил прекрасный день.

— Ладно, — немного погодя сказал Кадал. — Что теперь мы будем делать?

— Отправимся повидать мою мать, — ответил я. — Если она, разумеется, все еще здесь. — И с внезапной яростью, о существовании которой в себе я даже не подозревал, добавил: — Клянусь Митрой, я многое отдал бы за то, чтобы узнать, кто повинен в содеянном!

— Да кто же это может быть, кроме Вортигерна?

— Вортимер, Пасцентий, кто угодно. Если человек мудр, мягок и добр, — с горечью продолжал я, — мне кажется, что рука любого, рука каждого поднимется на него. Галапаса мог убить разбойник ради куска хлеба, или пастух ради коров, или проходивший мимо солдат ради глотка воды.

— Это не было убийством.

— Чем же тогда?

— Я имею в виду, что в нем участвовало несколько человек. Свора всегда страшнее, чем волк-одиночка. Я бы сказал, это были люди Вортигерна, которые пришли со стороны города.

— Возможно, ты прав. Это я обязательно узнаю.

— Полагаешь, тебе удастся повидать мать?

— Я попытаюсь.

— Он... у тебя есть послание к ней?

Думаю, то, что он осмелился задать мне подобный вопрос, было мерилом наших отношений с Кадалом. А потому я ответил без утайки:

— Если ты спрашиваешь, просил ли Амброзий меня что-нибудь передать ей, то нет. Он положился на меня. То, что я ей скажу, целиком зависит от того, что произошло со времени моего бегства. Сперва я поговорю с ней и только после этого решу, что ей сказать. Не забывай, что я давно не видел ее, а людям свойственно меняться со временем. Я хочу сказать, и верность может найти себе нового господина. Взять хоть меня. Когда я видел мать в последний раз, я был всего лишь ребенком, и сохранил детские воспоминания — мне только известно, что я совсем не понимал ее, не понимал, о чем она думает, чего она хочет. Ее чувства мне неизвестны, и дело даже не в том, насколько она погрузилась в свою веру, а в

том, что она испытывает по отношению к Амброзию. Боги свидетели, не ее в том вина, если она изменилась. Она ничем не обязана Амброзию. Об этом она хорошо позаботилась.

— Монастырь не тронули, — задумчиво произнес Кадал, устремив взор в зеленую даль, пересекаемую блестящей лентой реки.

— Вот именно. Что бы ни случилось с городом, обитель Святого Петра Вортигерн не тронул. Вот почему мне сперва нужно выяснить, кто на чьей стороне, а уж потом передавать какое-либо послание. Она столько лет пребывала в неведении, что еще несколько дней уже ничего не изменят. Что бы ни случилось, Амброзий сам скоро прибудет сюда, и я не могу рисковать, открывая ей слишком много.

Кадал принялся складывать в дорожную суму остатки пищи, а я сидел, подперев рукой подбородок, и размышлял, глядя в сверкающую даль.

— Узнать, где сейчас Вортигерн, нетрудно, — медленно добавил я, — то же верно и в отношении Хенгиста: успел ли он высадиться, и если да, то где и сколько с ним людей. Возможно, Маррику не составит труда все это разведать. Но есть еще кое-что, о чем меня просил разузнать Амброзий — едва ли об этом что-то знают в монастыре, — и теперь, когда Галапас мертв, мне придется искать иные пути. Мы подождем до сумерек, а затем отправимся в святую обитель. Моя мать скажет нам, к кому можно обратиться, не подвергая себя опасности. — Я посмотрел на него. — Какого бы короля она ни предпочла, меня она не выдаст.

— Это вполне справедливо. Что ж, будем надеяться, тебе позволят с ней повидаться.

— Если она узнает, кто ее спрашивает, думаю, понадобится нечто большее, чем просто слово аббатисы, чтобы удержать ее от встречи со мной. Не забывай, что она все-таки дочь короля. — Я лег на теплую траву, заложив руки за голову. — Даже если я еще и не сын короля...

Впрочем, королевскому сыну или кому-либо другому доступ в монастырь был закрыт.

Я был прав, полагая, что монастырь не понес урона. Высокие монастырские стены были девственно чисты, а новые и прочные дубовые ворота на железных петлях скреплял железный же засов. Сами ворота были крепко заперты. К счастью, снаружи не было приветливо горящего факела. Погруженная в ранние сумерки узкая улочка была безлюдна.

На наш настойчивый стук в воротах отворилось маленькое квадратное окошечко, и за решеткой сверкнул чей-то глаз.

— Путники из Корнуолла, — негромко произнес я. — Мне необходимо перемолвиться словом с госпожой Нинианой.

— Какой госпожой? — послышался в ответ бесцветный и невыразительный, какой бывает у глухих, голос. Раздраженно подумав, зачем на входе поставили глухую привратницу, я повысил голос, приблизив свое лицо к решетке:

— Госпожой Нинианой. Я не знаю, как она называет себя сейчас, но она была сестрой покойного короля. Она все еще здесь?

— Да, но она никого не принимает. У вас к ней письмо? Она может прочесть его.

— Нет, я должен поговорить с ней. Иди и передай, что здесь... один из ее родственников.

— Ее родственников? — Мне показалось, что в глазах привратницы вспыхнул огонек интереса. — Большинства из них уже нет в живых. Разве к вам в Корнуолл не доходят новости? Ее брат-король пал в битве в прошлом году, его детей отослали к Вортигерну. А ее собственный сын мертв уже пять лет.

— Это мне известно. Я не принадлежу к семье ее брата. И я такой же добрый подданный верховного короля, как и она сама. Иди и передай ей это. И вот... прими это как пожертвование...

Кошелек проскользнул сквозь решетку и был схвачен быстрым обезьяньим движением.

— Я сообщу о твоем приезде. Назови свое имя. Помни, я не могу обещать, что она тебя примет, но твое имя я ей передам.

— Меня зовут Эмрис, — заколебался я. — Она знала меня прежде. Скажи ей об этом. И поспеши. Мы обождем здесь.

Не прошло и десяти минут, как послышались возвращающиеся шаги. На мгновение мне показалось, что это моя мать, но из-за решетки на меня глянули все те же старческие глаза, и та же костлявая рука ухватилась за прутья.

— Она с тобой повидается. О нет, не сейчас, молодой господин. Сюда ты не можешь войти. А она пока не может выйти, надо дождаться окончания службы. Но после она готова встретиться с тобой на берегу реки; там в стене есть еще одни ворота. Будь осторожен — нельзя, чтоб тебя увидели.

— Очень хорошо. Мы будем осторожны.

Я заметил, как повернулись белки ее глаз, силясь разглядеть меня в темноте.

— Она узнала имя, да, сразу. Эмрис, а? Ладно, не волнуйся, я не проболтаюсь. Мы живем в беспокойное время, и чем меньше говоришь, тем лучше — для всех.

— Когда она выйдет?

— Через час после восхода луны. Ты услышишь колокол.

— Я буду там, — произнес я, но окошко уже захлопнулось.

С реки поднимался туман, и я решил, что это будет нам на руку. Мы тихо шли по переулку, опоясывавшему монастырскую стену. Он уводил от улиц к тропе вдоль реки. Начинало моросить.

— И что теперь? — спросил Кадал. — До восхода луны целых два часа, и, судя по погоде, нам еще повезет, если вообще удастся увидеть луну. Ты же не станешь рисковать, отправляясь в город?

— Нет. Но и не вижу смысла мокнуть здесь. Надо отыскать укрытие, откуда будет слышен звон колокола. Сюда.

Ворота конного двора были заперты. Я не стал тратить на них времени, а повел Кадала прямо к стене сада. Во дворце не горело ни огонька. Мы перебрались через стену там, где в ней зияла рваная брешь, и по мокрой траве направились через фруктовый сад во внутренний садик моего деда. В воздухе стоял тяжелый запах влажной земли и разных растений, мяты и шиповника, мха и молодых листочков, опустившихся под тяжестью росы. Несобранные прошлогодние фрукты чавкали у нас под ногами. За нашими спинами пусто и гулко скрипнули ворота.

В колоннаде было пусто, все двери на запоре, окна забраны ставнями. Во дворце царила темнота, гуляло эхо крысиной возни. Но я не заметил видимых разрушений. Я предположил, что, захватив город, Вортигерн решил сохранить дворец и прилегающее к нему поместье для себя. Ему удалось убедить или заставить своих саксов отказаться от разграбления поместья так же, как — из страха перед епископами — он заставил их пощадить обитель Святого Петра. Тем лучше для нас. По крайней мере вечернего колокола мы будем дожидаться в сухом и уютном месте. А внутрь мы попадем без труда: если я не сумею открыть любой замок в этом доме, то время в мастерских Треморина я и впрямь потратил впустую.

Я как раз сообщал об этом Кадалу, когда вдруг из-за угла, мягко, по-кошачьи ступая по мшистым

плитам, быстро вышел молодой человек. Завидев нас, он остановился как вкопанный, и я увидел, как его рука метнулась к бедру. Но одновременно с тем, как с едва слышным шорохом выхватил меч из ножен Кадал, юноша присмотрелся ко мне округлившимися от удивления глазами и воскликнул:

— Мирддин, клянусь святым дубом!

Какое-то мгновение я не узнавал его, что было вполне объяснимо, поскольку он был ненамного старше меня и сильно изменился за пять лет. Затем я безошибочно понял, кто стоял передо мною: широкие плечи, выступающий подбородок, волосы, даже в сумерки отливающие рыжиной. Диниас. Тот самый Диниас, который звался королевским сыном, в то время как я был безымянным бастардом; Диниас, мой «кузен», который не желал признавать своего родства со мной, Диниас, который сам захватил титул принца и которому это сошло с рук.

Мало кто принял бы его сейчас за принца. Даже в полутьме я разглядел, что он был одет не бедно, но в платье, в какое одеваются обычно торговцы, и украшением ему служило лишь одно медное обручье. Темное платье было подпоясано поясом из простой кожи, на рукояти меча не было ни единого украшения, а плащ, хотя и из хорошей материи, обтрепался и был испещрен пятнами грязи. От всей его фигуры исходило то неописуемое ощущение захудалой бедности, какое является результатом постоянных расчетов, как протянуть от одного дня до другого или, возможно, даже от обеда до ужина.

Поскольку, несмотря на значительные перемены, он, бесспорно, оставался моим кузеном Диниасом, следовало предположить, что если он узнал меня, то не было смысла притворяться, будто он ошибся. Я улыбнулся и протянул ему руку:

— Привет, Диниас. Надо же, первое знакомое лицо за сегодняшний день.

— Что, во имя богов, ты здесь делаешь? Все говорили, что ты мертв, но я этому не верил.

Он подался вперед, вытягивая шею, и с ног до головы окинул меня быстрым внимательным взглядом.

— Где бы ты ни был, жилось тебе, похоже, неплохо. Когда ты вернулся?

— Мы приехали сегодня.

— Значит, новости ты уже знаешь?

— Я знал, что Камлах погиб. Мне жаль... если ты был... Ты же знаешь, он не был моим другом, но дело тут вовсе не в политике... — Я замолк, выжидая. Пусть он сделает шаг. Краешком глаза я видел, как Кадал настороженно напрягся; он по-прежнему держал руку у бедра. Я успокаивающе повел рукой, повернул ее ладонью вниз и увидел, как он расслабился.

Диниас передернул плечами.

— Камлах? Он был глупцом. Я предупреждал его, откуда следует ждать прыжка Волка. — Однако при этих словах я заметил, как его взгляд метнулся в сторону густой тени. По-видимому, в эти тяжелые времена жители Маридунума научились держать язык за зубами. Он снова поглядел на меня подозрительно и настороженно. — А тебе здесь что за дело? Для чего ты возвратился?

— Чтобы повидаться с матерью. Я был в Корнуолле, а туда доносились лишь отголоски слухов о битвах. Когда же я услышал о смерти Камлаха и Вортимера, я стал тревожиться о судьбе близких.

— Что ж, она-то жива, это ты уже разузнал? Верховный король, — нарочито громко произнес он, — уважает Святую Церковь. Впрочем, я не думаю, что тебе удастся ее повидать.

— Возможно, ты и прав. Я ходил в монастырь, но они меня не впустили. Однако я пробуду здесь еще несколько дней. Я пошлю ей письмо, и если она захочет повидать меня, то, полагаю, найдет способ. По крайней мере я знаю, что она в безопасности. Это настоящий подарок судьбы — то, что я тебя повстречал. Ты сможешь рассказать мне остальные новости. Я вообще не представлял себе, что обнаружу здесь, и поэтому, как ты видишь, прибыл сегодня утром тихо, только со своим слугой.

— Это правильно, что тихо. Я подумал, что вы воры. Вам повезло, что я не порубил вас, прежде чем начал задавать вопросы.

Я узнавал прежнего Диниаса: ответом на мой мягкий и извиняющийся тон стала задиристая грубость.

— Ладно, я не хотел рисковать, не зная, как обстоят дела нашей семьи. Я отправился в обитель Святого Петра — обождав, пока сгустятся сумерки, — а затем пришел осмотреться здесь. Выходит, в доме теперь никто не живет?

— Я здесь все еще живу. А где же еще?

Пустое высокомерие напомнило мне о безлюдной колоннаде; на мгновение я испытал искушение попро-

сить его о гостеприимстве и посмотреть, что он скажет в ответ на это. Ему, похоже, пришла на ум та же мысль, и он поспешно спросил:

— Корнуолл? Как там дела? Говорят, что гонцы Амброзия снуют через Малое море все равно что водомерки.

Я рассмеялся:

— Откуда мне знать? Я старался жить тихо.

— Ты выбрал удачное место. — В его голосе снова слышалось так хорошо знакомое мне презрение. — Говорят, старый Горлойс провалялся всю зиму в постели с девкой, которой едва исполнилось двадцать лет, бросив остальных королей по снегу играть в свои игры. Говорят, что рядом с новой герцогиней Елена Троянская выглядела как базарная торговка. Правда ли это?

— Я ее никогда не видел. У нее очень ревнивый муж.

— Он ревнует к тебе? — Диниас засмеялся и отпустил шуточку, от которой стоявший у меня за спиной Кадал едва не задохнулся от гнева. Однако эта тема привела моего кузена в доброе расположение духа, и он утратил бдительность. Я оставался все тем же младшим родичем-бастардом, и со мной можно было не считаться.

— Что ж, тебе это пошло бы впрок, — добавил он. — У вас была мирная зима, у тебя и у этого старого козла герцога, в то время как мы топали по стране вслед за саксами.

Выходит, он сражался вместе с Камлахом и Вортимером. Именно это я и хотел узнать.

— Вряд ли меня можно винить за поведение герцога, — мягко произнес я.

— Ха! Тем лучше для тебя. Ты разве не знаешь, что он ушел на север за Вортигерном?

— Мне известно, что он отправился, чтобы присоединиться к верховному королю... у Каэр-ар-Вона, кажется, так? Может, и ты туда направляешься? — как можно более мягко осведомился я, а потом кротко добавил: — По правде сказать, мое положение не позволяло мне узнавать важные новости.

Между колоннами гулял холодный сырой сквозняк. Откуда-то сверху, из разбитой водосточной трубы, вылилась вода, брызгами рассыпавшись по плитам между нами. Я увидел, как Диниас подобрал плащ, кутаясь поплотнее.

— Так чего мы здесь стоим? — произнес он с грубоватой сердечностью, такой же фальшивой, как и высо-

комерие. — Может, пойдем обменяемся новостями за флягой вина?

Я заколебался, но лишь на мгновение. Казалось очевидным, что у Диниаса есть свои причины держать нас подальше от глаз верховного короля; к тому же если бы ему удалось утаить свой союз с Камлахом, то, уж конечно, он был бы теперь в армии Вортигерна, а не слонялся бы по пустому дворцу в обносках с чужого плеча. К тому же теперь, когда он знал о моем присутствии в Маридунуме, я предпочитал держать его под присмотром: рискованно было дать ему возможность уйти и разболтать о моем возвращении первому встречному.

Поэтому я принял его приглашение, сделав вид, что польщен и доволен, и настояв лишь на том, чтобы он присоединился ко мне за ужином, если он подскажет, где можно вкусно поесть и обсушиться в тепле...

Едва я успел договорить, как он схватил меня за руку и повел через атриум к выходу на улицу.

— Хорошо-хорошо. Есть одно местечко в западном квартале, за мостом. Кормят там сносно, а посетители не суют нос в чужие дела. — Он гадко подмигнул. — Впрочем, какое тебе дело до девок, так ведь? Хотя по твоему виду и не скажешь, что из тебя все-таки сделали клирика... Ну да ладно, хватит на время. И не строй из себя тихоню. Ни за что не поверю, что тебе не о чем порассказать... Да и о многом ли сейчас поговоришь? Ты или с валлийцами не в ладах, или с Вортигерном, а ведь город кишит его соглядатаями. Не знаю, кого они так ищут, но ходят слухи... Нет, вали отсюда со своим тряпьем.

Последние слова относились к нищему, протягивавшему к нам лоток с грубо обточенными камнями и кожаными шнурками. Без единого слова человек отступил на шаг. Я заметил, что он слеп на один глаз: щеку его пересекал отвратительный шрам, расплющивший переносицу сломанного носа. Судя по всему, это был страшный след от удара мечом.

Проходя мимо него, я бросил на поднос монету, и Диниас одарил меня далеко не дружелюбным взглядом.

— Времена переменились, а? Ты, должно быть, разбогател в Корнуолле. Скажи мне, что произошло той ночью? Неужели это ты поджег весь этот проклятый дворец?

— Я расскажу тебе об этом за ужином, — ответил я и отказывался отвечать на его расспросы до тех пор, пока мы не укрылись в таверне, где нам отвели скамью в углу так, чтобы у нас за спинами была стена.

5

Я не ошибся — Диниас действительно впал в нищету. Даже в полумраке, царившем в этой задымленной таверне, я видел, насколько изношена его одежда, а заказывая ужин и кувшин их лучшего вина, чувствовал, как он неотрывно следит со мной со смесью негодования, обиды и голодного вожделенья. Оставив Диниаса дожидаться, когда принесут еду и питье, я, извинившись, отошел перебросить парой слов с Кадалом.

— Возможно, из него удастся выудить кое-какие необходимые нам сведения. В любом случае мне показалось, что пока лучше держаться его — сейчас с него нельзя спускать глаз. Готов поспорить, что к восходу луны он так напьется, что будет совершенно безопасен: я или уложу его в постель к какой-нибудь девице, или по пути в монастырь мы благополучно препроводим его домой. А если все будет идти к тому, что мне не удастся выбраться отсюда до восхода луны, ты сам отправляйся к воротам на вьючной тропе, чтобы встретить мою мать. Что говорить, ты знаешь. Скажи ей, что я собирался прийти сам, но случайно столкнулся с моим кузеном Диниасом и сперва мне надо отделаться от него. Она поймет. А теперь иди поешь.

— Только будь настороже, Мерлин, а я сделаю все как надо. Так ты говоришь, что это твой кузен? Не ошибусь, если скажу, что он не слишком-то тебя жалует.

— Думаешь, ты сказал что-то новое? Это взаимно, — рассмеялся я.

— Ох, ладно, если ты будешь осторожен.

— Обязательно.

Диниасу достало хороших манер, чтобы он заставил себя дождаться, пока я не отпущу Кадала и не сяду налить вина. Насчет пищи мой дорогой кузен был совершенно прав: принесенный нам пирог не только был высоким и пышным, но в нем еще дымилась обильная начинка из говяжьего фарша с кусочками устриц, а хлеб, хоть и с добавкой ячменя, был свежим. Сыр же, наоборот, был выдержанным и отменного качества. Другой товар в таверне, похоже, не уступал подаваемым блюдам: из-за занавески в дальнем конце зала то и дело выглядывало смазливое девичье личико, и кто-нибудь из посетителей, отставив кружку, спешил на призывный смех.

По тому, как даже во время еды Диниас не сводил глаз

с этой занавески, я заключил, что мне не составит труда избавиться от него, как только я получу все интересующие меня сведения.

Прежде чем я начал задавать ему вопросы, я подождал, пока он прикончит половину пирога. Мне не хотелось ждать дольше, поскольку, несмотря на голод, после каждого куска он прикладывался к кувшину с вином, и я опасался, что, если я протяну с расспросами еще немного, голова его настолько затуманится, что он вообще не сможет связно что-либо мне рассказать.

Не будучи вполне уверен, на чьей стороне Диниас и каковы вообще настроения в здешних местах, я не вел прямые расспросы, которые могли оказаться опасными, но, учитывая положение, какое занимала моя семья, большую часть нужных Амброзию сведений я мог получить, просто интересуясь судьбой своих родственников. На эти вопросы Диниас отвечал довольно охотно.

Начать с того, что с самой ночи пожара все считали меня умершим. Тело Сердика сгинуло в огне, а с ним — и все то крыло дома. Когда же мой пони под пустым седлом под утро сам нашел дорогу на конный двор, а меня так нигде и не было, вполне разумно было предположить, что меня постигла участь останков Сердика и что мое тело дотла сгорело во время пожара. Моя мать и Камлах разослали людей обыскать окрестности, но, естественно, они не обнаружили моих следов. По-видимому, никому и в голову не пришло, что я мог улизнуть морем. Из-за непогоды ни один купеческий корабль не заходил в Маридунум, а рыбачью лодку Маррика и Анно никто не видел.

Мое исчезновение — и в этом нет ничего удивительного — не произвело большого шума. Что думала по этому поводу моя мать, никто не знал, к тому же вскоре после этого она удалилась в монастырь Святого Петра. Камлах, не теряя времени, провозгласил себя королем. Разумеется, приличия ради он предложил Олвене свои защиту и покровительство, но, поскольку его собственная жена уже имела одного сына и была беременна вторым ребенком, ни для кого не было тайной, что королеву Олвену поскорее выдадут замуж за какого-нибудь безобидного и по возможности правящего далеко от этих мест воеводу... И так далее, и так далее...

Слишком много разговоров о прошлом, в которых не было ничего нового ни для меня, ни для Амброзия.

Когда Диниас покончил с едой и прислонился к стене, распустив пояс и расслабившись после обильной пищи и вина в тепле таверны, я подумал, что пришло время перевести разговор на события недавних дней. Таверна уже была набита до отказа, и за царившим шумом никто не мог бы услышать нашу беседу. Из внутренних комнат вышло несколько девушек; зал заполнился раскатами громового хохота, посыпались грубые шутки.

Снаружи совершенно стемнело и, похоже, снова принялся моросить дождь. Входя с улицы, мужчины отряхивались, словно собаки, и громко требовали подогретого вина с пряностями. Воздух в помещении был тяжелым от торфяного и угольного дыма, поднимавшегося от жаровен, запахов готовящейся пищи и копоти дешевых масляных ламп. Я не опасался, что меня узнают: для того чтобы рассмотреть мое лицо, пришлось бы наклониться через стол и взглянуть на меня в упор.

— Заказать еще еды? — спросил я.

Диниас мотнул головой, икнул и осклабился:

— Нет, благодарю. Все было отлично. Я твой должник. А теперь расскажи о себе. Ты уже довольно меня послушал. Где тебя носило все эти годы? — Он снова потянулся к кувшину и перевернул его над своей кружкой. — В этом проклятом черепке ничего не осталось. Закажешь еще?

Я заколебался. Он не был похож на человека, стойкого к крепким напиткам, а мне не хотелось, чтобы он напился преждевременно.

Он неправильно понял мою нерешительность.

— Ну же, ну, неужели тебе жалко для меня еще одного кувшинчика вина? Не каждый день богатый молодой родственник приезжает из Корнуолла. Что тебя привело сюда, а? И что ты делал все это время? Давай рассказывай, маленький Мирддин. Послушаем твою историю, да? Но сперва — еще вина.

— Да, конечно, — сказал я и приказал прислуживавшему в таверне мальчишке принести еще вина. — Но прошу тебя, не называй здесь моего имени, ладно? Я теперь зову себя Эмрисом, пока не узнаю, откуда ветер дует.

Он с такой готовностью согласился на мою просьбу, что я понял: дела в Маридунуме обстоят даже хуже, чем я предполагал. Похоже, теперь опасно было вообще открыто объявлять о том, кто ты и на чьей ты стороне. Большинство мужчин в таверне были валлийцами с виду; я никого не узнал, что было неудивительно, учитывая то, какую компа-

нию я водил пять лет назад. Но у дверей сидела ватага пришлых, рыжебородых и светловолосых, которые вполне могли быть саксами. Я предположил, что это люди Вортигерна. Мы не произнесли ни слова, пока мальчишка не стукнул перед нами по столу полным кувшином. Диниас налил вина, отодвинул свою тарелку, облокотился на стену и выжидательно уставился на меня:

— Что ж, давай выкладывай о себе. Что произошло в ту ночь, когда ты удрал? С кем ты ушел? Тебе тогда было лет двенадцать-тринадцать, не больше, так?

— Я прибился к двум купцам, следовавшим на юг, — начал я свой рассказ. — Я заплатил за дорогу одной из брошей, которые подарил мне мой д... старый король. Они взяли меня с собой до Гластонбери. Потом мне снова посчастливилось — я встретил торговца, везшего груз стеклянных изделий с Острова домой в Корнуолл, и он взял меня с собой. — Я опустил взгляд, словно избегая смотреть ему в глаза, и повертел кружку в руках. — Он хотел завести дом, как у вельможи, и счел, что ему будет полезно иметь при себе мальчика, умеющего петь и играть на арфе, а также читать и писать.

— Гм, похоже на правду. — Я знал, что он мог подумать о моей истории; и в самом деле, в его тоне сквозило удовлетворение, словно его презрение ко мне внезапно получило оправдание. Что ж, тем лучше. Меня мало интересовало его мнение. — А потом? — спросил он.

— Ну, я провел у него несколько месяцев. Он благоволил ко мне, он и его друзья тоже. Я даже скопил немалую сумму.

— Игрой на арфе? — ощерился он.

— Да, игрой на арфе, — мягко отозвался я. — А еще тем, что читал и писал: я вел для него счета. Когда он снова собрался на Север, то позвал меня с собой, но мне не хотелось ехать назад. Я не отважился, — добавил я с обезоруживающей искренностью. — Мне было нетрудно получить приют в святой обители. О нет, я был слишком молод и стал только послушником. По правде, мне там понравилось; я вел очень мирную жизнь. Занимался я тем, что помогал переписывать книги об истории падения Трои. — Я едва не расхохотался, увидев гримасу, исказившую в тот момент его лицо, и, лишь чудом сдержавшись, поспешил опустить глаза на кружку. Она была хорошей работы, скорее всего самианской, с блестящей глазурью и хорошо видным клеймом гончара: А. С. «Амброзий сделал меня», — внезапно пришло мне в голову, и,

мягко погладив большим пальцем буквы, я закончил свой рассказ о пяти безмятежных годах, проведенных мной вдали от родного дома. — Я работал там, пока до меня не стали доходить слухи из дому. Сперва я не особенно к ним прислушивался: всякие слухи всегда ходят. Но когда стало ясно, что слухи о гибели Камлаха правдивы, а после этого мы узнали и о смерти Вортимера, я стал беспокоиться о том, что произошло в Маридунуме. Я понял, что мне нужно вновь повидаться с матерью.

— Ты собираешься здесь задержаться?

— Сомневаюсь. Мне нравится Корнуолл, у меня там есть свой дом.

— Значит, ты станешь священником?

Я пожал плечами:

— Об этом я еще не думал. В конце концов, меня всегда готовили к этому. Каким бы ни было мое будущее там, здесь я уже потерял свое место — если оно у меня когда-нибудь было. И воина из меня наверняка уже не выйдет.

При этих словах Диниас усмехнулся:

— Это уж точно. Но здесь-то война еще не закончена, должен тебе сказать. Она только-только начинается. — Он доверительно наклонился ко мне через стол, толкнув при этом кружку так, что из нее выплеснулось вино. Диниас подхватил кружку, не давая ей опрокинуться. — Чуть не разлил, а вино опять почти кончилось. Неплохое, а? Как насчет еще одного кувшина?

— Если хочешь. Но ты говорил о?..

— Ах да, о Корнуолле. Я всегда хотел там побывать. Что там говорят об Амброзии?

Вино уже развязало ему язык. Он позабыл о том, что собирался говорить доверительным шепотом; его голос звучал громко, и я заметил, как две или три головы обернулись в нашу сторону.

Он не обратил на это внимания.

— Да, надо думать, тебе известны все до единой тамошние новости. Если они вообще есть, эти новости. Говорят, он высадится там, а?

— Вот ты о чем, — небрежно бросил я. — Люди все время что-то болтают. Сам знаешь, слухи о вторжении ходят уже много лет. Пока что он не высадился, и ты можешь гадать об этом не хуже меня.

— Хочешь поспорим? — Я увидел, как он полез в кошель, висевший у него на поясе, достал пару игральных костей и принялся лениво перебрасывать их из руки в руку. — Давай сыграем.

— Нет, спасибо. В любом случае не здесь. Послушай, знаешь что, Диниас? Давай купим еще флягу вина или даже две, если хочешь, и мы пойдем домой и выпьем их там?

— Домой? — скорчил он презрительную гримасу. — А где это? В пустом дворце?

Он по-прежнему говорил громко; я заметил, что из другого угла комнаты за нами кто-то наблюдает. Этих людей я не знал. Двое мужчин в темной одежде, лицо одного окаймляла короткая черная бородка, другой был узколицый, рыжеволосый и с длинным, похожим на лисий, носом. Выглядели они как жители Уэльса. На столе перед ними стояла фляга, а в руках они держали кружки, но уже добрых полчаса уровень вина во фляге не уменьшался.

Я поглядел на Диниаса. Судя по всему, он достиг той степени опьянения, которая располагала в равной мере как к откровенности, так и к шумной ссоре. Если я стану настаивать на том, чтобы уйти немедленно, то, возможно, вызову эту самую ссору, а если за нами действительно следят и ватага у дверей и в самом деле люди Вортигерна, то нам лучше остаться здесь за тихой беседой; нет нужды рисковать, уводя моего родича на улицу, — мы вполне могли повести за собой соглядатаев. Да и что с того, что вслух помянули Амброзия? Это имя у всех вертелось на языке; и страна более чем когда-либо гудела от слухов, их обсуждали все — и друзья, и враги Вортигерна.

Диниас бросил кости на стол и перекатывал их из стороны в сторону, пальцы его и не думали дрожать. Возможно, кости послужат оправданием нашему перешептыванию в углу. Кроме того, кости могут отвлечь его от кувшина с вином.

Я достал горсть мелких монет.

— Ладно, если ты действительно хочешь играть. Что ты можешь поставить на кон?

Пока мы играли, я затылком чувствовал, что чернобородый и его собутыльник с лисьим лицом внимательно прислушиваются. Саксы у дверей выглядели довольно безобидными; большинство из них были уже мертвецки пьяны, а остальные галдели между собой, и ни до кого другого им не было дела. Но чернобородый, по-видимому, заинтересовался.

Я бросил кости: пять и четыре. Слишком хорошо; нужно, чтобы Диниас немного выиграл. Я не мог ни с того ни с сего предложить ему деньги и отправить за занавес к девкам. А тем временем, чтобы сбить со следа чернобородого...

Я произнес негромко, но отчетливо:

— Так тебя интересует Амброзий? Сам знаешь, что такое слухи. Я ничего определенного не слышал, обычная болтовня, которая не смолкает уже десять лет. О да, говорят, что он вторгнется в Корнуолл или Маридунум, захватит Лондон или высадится в устье Эйвона, — бери кости, твой бросок. — Чернобородый отвернулся. Я наклонился, чтобы лучше видеть, как Диниас бросит кости, и понизил голос: — А если бы он объявился здесь сейчас, что тогда? Тебе это известно лучше меня. Поднимутся ему на подмогу западные королевства или останутся верными Вортигерну?

— Запад запылает, что солома. Видит бог, такое уже случалось. Удваиваешь или рассчитаемся? Запылает, как в ту ночь, когда ты сбежал. Боже, как я смеялся! Маленький ублюдок поджег дом и унес ноги. Зачем ты устроил пожар? Я выиграл, две пятерки. Тебе бросать.

— Идет. Ты спрашиваешь, почему я сбежал? Я же говорил тебе, что боялся Камлаха.

— Я не это имел в виду. Я спросил, почему ты поджег дворец? Только не говори, что это был несчастный случай, я все равно не поверю.

— Это был погребальный костер. Я зажег его потому, что Камлах приказал убить моего слугу.

Он вытаращил глаза, кости у него в ладони на мгновение замерли.

— Ты поджег королевский дворец из-за раба?

— И что с того? Я любил своего слугу больше, чем Камлаха.

Диниас снова было пьяно вытаращился на меня, потом все же бросил кости. Два и четыре. Я вернул себе две монетки.

— Да будь ты проклят, — выругался Диниас, — ты не имеешь права выигрывать, у тебя и так много денег. Ладно, давай еще. Ну надо же, из-за слуги! Тоже мне, благородного из себя корчишь, а сам-то ты кто? Бастард, выдающий себя за писца в монастырской келье.

— Не забывай, что ты тоже бастард, любезный мой родич.

— Возможно, но я хотя бы знаю, кто мой отец.

— Говори тише, люди кругом. Ладно, твой бросок.

Кости катились. Я молчал, с волнением всматриваясь в них. До сих пор они по большей части падали так, что я выигрывал. Сколь было бы полезно, подумалось мне, если бы можно было навлечь волшебную силу на такие мелочи, как игральные кости; особых усилий это бы не потребовало, но намного облегчило бы мне дело. Но я уже начал понимать, что на самом деле моя сила ничего не упрощает; когда она приходила, словно волк вцеплялся мне в горло. Иногда я чувствовал себя, как тот мальчик из древнего мифа, который запряг в колесницу лошадей солнца и пронесся над миром как бог, пока сила не испепелила его. Я не мог не спрашивать себя, вспыхнет ли когда-нибудь еще во мне это пламя.

Кости выпали из моей обыкновенной, человеческой руки. Два и один. К чему сила, если на моей стороне удача? Диниас удовлетворенно крякнул и сгреб кости, а я пододвинул к нему несколько монет. Игра продолжалась. Я проиграл еще три броска, и горка монет возле него заметно выросла. Он расслабился. Никто не обращал на нас никакого внимания; наверное, у меня просто разыгралось воображение. Пора попытаться выудить еще несколько фактов.

— А где сейчас верховный король? — поинтересовался я.

— Что? Ах да, король! Он уехал отсюда с месяц назад. Двинулся на Север, как только установилась ясная погода и открылись дороги.

— В Каэр-ар-Вон, ты говорил... В Сегонтиуме?

— Я говорил? О, полагаю, это раньше он называл его своей базой, но какой дурак сам загонит себя в ловушку в этом медвежьем углу между Снежной горой и морем? Нет, говорят, он строит себе новую крепость. Ты, кажется, заказал еще вина?

— Его уже несут. Угощайся. С меня уже хватит. Так значит, крепость? Где?

— Что? Ах да. Недурное, однако, вино. Я точно не знаю, где он строит, это где-то в Сноудоне. Я же тебе говорил. Это место называется Динас Бренин... Он бы и построил, если б только смог.

— Что же ему мешает? Там что, какие-то волнения? Прежние сторонники Вортимера или что-то новое? В Корнуолле болтают, что у него за спиной тридцать тысяч саксов.

— За спиной, по бокам... у нашего короля везде саксы. Но за ним они не пойдут. Они пойдут за Хенгистом, а Хенгист и король не слишком-то ладят. Да говорю тебе, Вортигерна обложили со всех сторон! — По счастью, он гово-

рил тихо и его слова потонули в стуке костей и царившем в таверне гаме. Думаю, он уже почти забыл обо мне. Диниас нахмурился и бросил кости. — Ты только посмотри. Эти треклятые кости, верно, кто-то сглазил, как и королевскую цитадель.

Что-то в его словах затронуло струну памяти, отозвавшуюся ускользающим слабым звоном, бесследным, как гудение пчелы в ветвях цветущей липы. Я бросил кости и как бы невзначай спросил:

— Сглазил? Как это?

— Ха, вот это уже лучше. Такой паршивый бросок я, пожалуй, перекрою. Сам знаешь, каковы эти северяне: стоит однажды утром подуть холодному ветру, и они тут же начинают твердить, что это мертвый дух пролетает мимо. Они не посылают отрядов в разведку, куда там, у них ведь есть прорицатели да шептуны. Я слышал, стены возводили на высоту человеческого роста четырежды и всякий раз на следующее утро они шли трещинами... Что скажешь?

— Неплохо. Боюсь, этого мне не побить. Он выставлял охрану?

— Конечно. Охрана ничего не видела.

— А почему, собственно, она должна была что-то видеть? — Казалось, удача отвернулась от нас обоих: кости словно так же сговорились против Диниаса, как стены против Вортигерна. Сам того не желая, я выбросил два дубля подряд. Нахмурившись, Диниас пододвинул половину своих монет ко мне. — Похоже, он выбрал место, где почва была мягкой, — заметил я. — Почему ему не поискать другое?

— Он выбрал вершину скалы. Лучшего места для обороны не найти во всем Уэльсе. Она главенствует над севером и югом долины и стоит над дорогой в самом узком месте долины, там, где утесы сжимают ее с обеих сторон. Да будь я проклят, там даже раньше высилась башня. Местные жители с незапамятных времен зовут ее Королевской Твердыней.

Королевская Твердыня... Динас Бренин... Гудение усиливалось, пробуждая память. Белые скелеты берез на фоне молочно-голубого неба. Крик сокола. Два короля, прогуливающихся бок о бок, и голос Сердика: «Слушай, почему бы нам не спуститься вниз и не сразиться в кости».

Еще не осознав того, что делаю, я, почти как Сердик, неуловимым стремительным движением подтолкнул катящийся кубик. Диниас, в этот момент опрокидывав-

ший пустой кувшин над своей кружкой, ничего не заметил. Кости остановились. Два и один.

— Тебе не составит труда перебить мой бросок, — с горечью обронил я.

Диниас и в самом деле выбросил больше — но лишь на одно очко. Торжествующе хмыкнув, он подгреб к себе все деньги, после чего почти рухнул на стол, опершись о локоть, который поставил прямо в разлитое вино. Я подумал, что если даже мне удастся проиграть этому пьяному идиоту достаточно денег, мне еще посчастливится, если я смогу дотащить его хотя бы до занавески, закрывавшей проход во внутренние комнаты с гулящими девками.

Снова мой бросок. Еще встряхивая стакан, я заметил возле входа Кадала, ожидавшего, пока я обращу на него внимание. Пора уходить. Я кивнул, и он удалился. Пока Диниас оборачивался посмотреть, кому это я подавал знак, я бросил опять и рукавом незаметно перевернул остановившуюся шестеркой вверх кость. Один и три. Диниас удовлетворенно фыркнул и потянулся за стаканом.

— Послушай, — обратился я к нему. — Еще один кон, и мы уходим. Выиграешь ли ты или проиграешь, я все равно куплю еще флягу вина, и мы выпьем ее у меня на квартире. Там нам будет гораздо удобнее, чем здесь.

Как только я выведу этого пьяницу из таверны, мы с Кадалом найдем способ совладать с моим непутевым родичем.

— Квартира? Я сам могу предоставить тебе квартиру. Во дворце полно места, и тебе не следовало посылать своего человека на поиски ночлега. Знаешь, ныне следует быть осторожным. Вот. Две пятерки. Перебей мой ход, если сможешь, бастард Мерлин! — Он вылил остатки вина себе в глотку и, откинувшись назад, расплылся в улыбке.

— Сдаюсь. — При этом я придвинул к нему монеты и собрался встать. Оглянувшись в поисках мальчишки с обещанной флягой, я услышал, как Диниас хлопнул ладонью по столу. Подпрыгнув, кости задребезжали по столу, а кружка опрокинулась и, скатившись с края стола, упала и разбилась вдребезги. Разговоры стихли, и все уставились на нас.

— О нет, ты не уйдешь! Мы доиграем до конца! Ты уходишь именно тогда, когда счастье опять мне улыбнулось? Я ни от кого такого не потерплю — ни от тебя, ни от кого другого! Садись и доиграй, мой незаконнорожденный кузен!

— О, бога ради, Диниас...

— Ну ладно, я тоже бастард! Я только хотел сказать, лучше быть незаконнорожденным сыном короля, чем неизвестно чьим ребенком, у которого вообще никогда не было отца!

При этих словах он икнул, и кто-то рассмеялся. Я тоже засмеялся и взял кости.

— Ладно, мы возьмем их с собой. Я же тебе сказал, выиграешь ты или проиграешь, мы все равно унесем отсюда флягу. Можем доиграть и дома. Пора выпить на сон грядущий.

На мое плечо упала тяжелая рука. Я попытался обернуться, чтобы посмотреть, кто это, но тут другой человек подошел сбоку и взял меня за руку. Я увидел, что Диниас смотрит на меня широко раскрытыми глазами, полуоткрыв рот. Выпивохи вокруг нас внезапно примолкли.

Чернобородый сильнее сжал мою руку.

— Тише, молодой господин. К чему нам ссора, не так ли? Мы не могли бы перебросить с тобой парой слов на улице?

6

Я встал. Ни в одном из обернувшихся ко мне лиц не нашел ответа на вопрос, что же здесь происходит. Никто не произнес ни слова.

— В чем, собственно, дело?

— На улице, если тебе будет угодно, — повторил чернобородый. — Нам бы не хотелось...

— Ничего не имею против доброй ссоры, — решительно оборвал его я. — Вам придется назвать себя, прежде чем я сделаю с вами хоть шаг. А для начала уберите от меня свои лапы. Хозяин, кто эти люди?

— Люди короля, господин. Тебе лучше подчиниться. Если тебе нечего скрывать...

— То мне ничего не грозит? — договорил я. — Я знаю эту песню, она всегда лжет.

Стряхнув с плеча руку чернобородого, я обернулся, чтобы посмотреть ему в глаза. Диниас так и остался сидеть с разинутым ртом. Надо думать, увидел перед собой совсем не того кроткого мальчика, которого он знал. Что ж, время того мальчика прошло.

— Я не возражаю, чтобы все сидящие здесь услышали мои ответы. Скажите, что вам нужно. Почему вы хотите говорить со мной?

— Мы заинтересовались тем, о чем говорил твой приятель.

— Почему бы вам в таком случае не побеседовать с ним?

— Всему свое время, — твердо ответил чернобородый. — Изволь сказать, кто ты такой и откуда прибыл?

— Мое имя Эмрис, и я родился здесь, в Маридунуме. Несколько лет назад, еще ребенком, я уехал в Корнуолл и вот теперь пожелал вернуться и узнать, что здесь новенького. Только и всего.

— А этот юноша? Он назвал тебя кузеном.

— Ну, это всего лишь оборот речи. Мы в родстве, но не слишком близком. Возможно, вы также слышали, как он называл меня бастардом.

— Погодите минутку, — раздался голос из толпы у меня за спиной. Незнакомый мне немолодой человек с редкими седыми волосами проталкивался вперед. — Я его знаю. Он говорит правду. Да это же Мирддин Эмрис, будьте уверены, внук старого короля! — Тут он обернулся ко мне. — Едва ли ты меня помнишь, молодой хозяин. Я был одним из управляющих в поместье твоего деда. — Он по-куриному вытянул шею, снизу вверх глядя на чернобородого. — Мне все равно, люди вы короля или нет, но у вас нет права хватать этого молодого господина. Он говорит правду. Он уехал из Маридунума пять лет назад — точно, пять лет, это было в ту самую ночь, когда умер старый король, — и с тех пор никто о нем ничего не слышал. Но я готов принести любую клятву, какую вы только потребуете, что он не способен поднять руку на короля Вортигерна. Да что вы! Его готовили в священники, и он никогда не брал в руки оружия. И если он тихо пьет с принцем Диниасом, а они родичи, как он вам и сказал, то спрашивается, с кем еще он должен выпивать и от кого еще ему узнать домашние новости? — Старик ободряюще кивнул мне. — Да, это в самом деле Мирддин Эмрис. Теперь он уже взрослый человек, а не маленький мальчик, но я где угодно его узнаю. И позволь мне сказать тебе, господин, я невероятно рад тебя видеть. Мы боялись, что ты погиб в огне.

Чернобородый даже не взглянул на старика. Он стоял между мной и выходом и не сводил с меня пристального взгляда.

— Мирддин Эмрис, внук старого короля, — медленно произнес он. — Да к тому же бастард? Чей же ты тогда сын?

Не было смысла отпираться. Теперь я узнал управляющего. Старик оживленно кивал мне, крайне довольный собой.

— Моей матерью была Ниниана, дочь короля.

— Это правда? — прищурил глаза чернобородый.

— Истинная правда, истинная правда. — Это снова отозвался старый управляющий, в глуповатых блеклых глазах которого сквозило искреннее доброхотство.

Чернобородый снова повернулся в мою сторону. Я увидел, что с его губ готов сорваться новый вопрос. Сердце гулко билось у меня в груди, и я почувствовал, как кровь прилила к моему лицу. Усилием воли я попытался погасить волнение.

— А твой отец?

— Я его не знаю. — Может быть, он посчитает, что я покраснел от стыда.

— Думай, что говоришь, — предупредил чернобородый. — Кому, как не тебе, это знать. Кто тебя зачал?

— Я не знаю.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Твоя мать — дочь короля. Ты помнишь ее?

— Разумеется, прекрасно помню.

— И она никогда тебе не говорила? Кто в это поверит?

— Мне безразлично, поверишь ты или нет, — раздраженно сказал я. — Я устал от всего этого. Всю мою жизнь меня спрашивали одно и то же, и мне никто никогда не верил. Это правда, она никому не открылась. Мне кажется, что она, возможно, говорила правду, утверждая, что я — плод дьявола. — Я нетерпеливо махнул рукой. — Почему ты спрашиваешь?

— Мы слышали слова второго господина, — бесцветным голосом ответил он. — «Лучше быть незаконнорожденным сыном короля, чем неизвестно чьим ребенком, у которого вообще никогда не было отца!»

— Если я счел себя оскорбленным, то тебе-то какое дело? Ты же видишь, он перепил.

— Мы хотели удостовериться, только и всего. А теперь мы уверены. Тебя желает видеть король.

— Король? — глупо переспросил я.

Он кивнул:

— Вортигерн. Мы уже три недели тебя ищем. Ты должен отправиться к нему.

— Не понимаю. — Наверное, я выглядел сбитым с толку, а не испуганным. Я видел, как моя миссия идет прахом, но вместе с тем я испытывал смешанное чувство неуверенности и облегчения. Если меня ищут вот уже три недели, то это не может быть связано с Амброзием.

Диниас сидел в своем углу довольно тихо. Я подумал, что большая часть сказанного просто не дошла до него, но тут он подался вперед, опершись ладонями о залитый вином стол.

— Для чего он ему понадобился? Отвечайте!

— Тебе нечего беспокоиться, — почти презрительно бросил ему чернобородый. — Ему нужен не ты. Но слушай! Поскольку это ты привел нас к нему, то именно ты и получишь награду.

— Награду? — переспросил я. — О чем речь?

Диниас внезапно протрезвел.

— Я ничего не говорил. Что вы имеете в виду?

— Ничего. Именно твои слова привели нас к нему. — Чернобородый кивнул.

— Он только интересовался семьей... он долго отсутствовал, — забормотал мой родич. — Вы же слышали. Все слышали, мы говорили не таясь. Клянусь богами, если бы мы плели заговор, то неужели разговаривали бы здесь?

— Никто не ведет речи о заговоре. Я просто исполняю свой долг. Король желает видеть его, и он пойдет со мной.

— Вы не можете причинить ему вреда, — встревоженно вмешался старый управляющий. — Он тот, за кого выдает себя, — сын Нинианы. Спросите ее саму.

При этих словах чернобородый резко обернулся.

— Она еще жива?

— О да, жива и здорова. До нее рукой подать, она в обители Святого Петра, что за старым дубом у перекрестка дорог.

— Не трогайте ее. — Теперь я уже не на шутку испугался. Я страшился того, что она могла сказать им. — Не забывайте, кто она. Даже Вортигерн не осмелился ее тронуть. К тому же вы не обладаете властью. Ни надо мной, ни над ней.

— Ты так думаешь?

— Ну и какие же у вас полномочия?

— Вот какие. — Сверкнувший в его руке короткий меч был начищен до блеска.

— Закон Вортигерна, не так ли? — произнес я. — Что ж, это веский довод. Я пойду с вами, но мою мать

вам лучше не трогать. Говорю вам, оставьте ее в покое. Она скажет вам не больше, чем я.

— Да, но по крайней мере мы не обязаны верить ей, если она скажет, что ничего не знает.

— Но это правда. — Это опять вмешался болтливый управляющий. — Послушайте, я прослужил во дворце всю свою жизнь и все отлично помню. Поговаривали, что она понесла ребенка от дьявола, от самого Князя тьмы.

Замелькали руки — люди творили знаки от сглаза.

— Иди с ними, мастер Эмрис, — произнес старик, всматриваясь в меня. — Они не причинят вреда ни Ниниане, ни ее сыну. Наступит время, когда верховному королю понадобятся люди Запада, и кому это лучше знать, как не ему?

— Похоже, мне придется следовать за ними, поскольку к моему горлу приставлен слишком острый королевский ордер, — промолвил я. — Все в порядке, Диниас, в этом нет твоей вины. Скажи моему слуге, где я. А вы ведите меня к Вортигерну и уберите прочь от меня свои лапы.

Я направился к двери; посетители таверны расступились перед нами. На ходу я заметил, как Диниас, с трудом поднявшись на ноги, тоже двинулся к выходу. Когда мы вышли на улицу, чернобородый обернулся.

— Я совсем забыл. Вот, это тебе.

Глухо звякнув, на землю у ног моего кузена упал кошель с монетами.

Я не оглянулся. Но, проходя мимо, я краем глаза заметил лицо моего кузена, когда он, быстро зыркнув по сторонам, нагнулся за кошельком и поспешно сунул его за пазуху.

7

Вортигерн переменился. Он словно стал меньше ростом, утратил внушительность, и так показалось мне не только потому, что я сам был уже не ребенком, а высоким юношей. Как это бывает, он ушел в себя. Не было нужды видеть ни наспех сооруженные королевские палаты, ни двор, который представлял собой скорее сборище военачальников и тех женщин, каких они возили с собой, чтобы понять, что передо мной человек в бегах или, вернее, человек, загнанный в угол.

Но загнанный в угол волк намного опасней, чем волк на свободе, а Вортигерн все еще оставался волком.

Не оставалось сомнений в том, что свой угол он выбрал на редкость хорошо. Королевскую Твердыню. Насколько я помнил, это был горный кряж, возвышавшийся над речной долиной, к вершине которого можно было добраться по узкой седловине, отдаленно напоминающей мост. Кряж мысом выступал из кольца скалистых холмов, создавших естественный загон, где можно было выпасать лошадей и куда в случае нужды легко было бы загнать и скот, а потом без труда охранять его.

Вокруг долины громоздились горы, серые от каменных осыпей и еще не зазеленевшие весенней травой. Апрельские дожди лишь вызвали долгий каскад оползней, растянувшийся на тысячу футов от вершины до подножия гор. Дикое, темное, внушающее страх место. Если Волку удастся окопаться на вершине этого кряжа, то даже Амброзию нелегко будет выкурить его оттуда.

Путешествие заняло шесть дней. С первыми лучами солнца мы тронулись по дороге, ведшей на север от Маридунума; дорога была хуже, чем восточная, но короче, и мы добрались намного быстрее, даже несмотря на то что нас задерживала непогода и размеренный шаг, какой задавали верховым носилки женщин. Мост в Пеннале был разрушен и почти смыт водой; у нас ушло почти полдня на то, чтобы вброд переправиться через Афон Дифи, — только после этого кортеж смог пробиться к Томен-и-Муру, где дорога была хорошей. После полудня шестого дня пути мы свернули на тропу, идущую по берегу реки к Динас Бренину, в логово верховного короля.

Чернобородому не составило труда уговорить монастырь Святого Петра отпустить мою мать с ним к королю. И даже если в беседе с аббатисой он прибег к тем же средствам убеждения, что и в разговоре со мной, в этом не было ничего удивительного. Но мне так и не представилось возможности спросить ее, зачем мы понадобились Вортигерну, или хотя бы узнать чуть больше об этом.

Моей матери предоставили закрытый паланкин и дали в сопровождение двух женщин из святой обители. Поскольку монахини день и ночь не отходили от матери, то я не мог даже приблизиться к ней, чтобы побеседовать наедине, а она не подавала знака, что хотела бы поговорить со мной без свидетелей. Иногда я ловил на себе ее тревожный или,

скорее, озадаченный взгляд, но когда она говорила, то ее голос звучал спокойно и отчужденно; в нем не было даже намека на то, что ей известно что-нибудь такое, о чем не следовало знать Вортигерну.

Поскольку мне не позволяли увидеться с ней наедине, то я рассудил, что лучше всего будет рассказать ей ту же историю, что я рассказал Чернобородому и которая ничем не отличалась от изложенной мной Диниасу (насколько я знал, его допросили). Она могла думать что угодно об этом, а также о том, почему я не послал ей весточки раньше. Я, конечно, не отваживался упоминать ни о Малой Британии, ни даже о друзьях из тех краев из страха, что она догадается о моей встрече с Амброзием.

Я застал мать сильно изменившейся. Ниниана была бледна и тиха и прибавила в весе, а с лишней плотью пришла и некая тяжесть, сгобленность духа, которой я никогда прежде не замечал в ней. Лишь спустя день или два тряского пути через холмы на Север я внезапно понял, что это было: она утратила ту толику силы, какой когда-то владела. То ли время отобрало ее, то ли болезнь, а может, она отреклась от своей силы в пользу той, что дает христианский талисман, который носила на груди, — об этом я мог только гадать. Но прежняя Ниниана исчезла.

По крайней мере в одном я был совершенно спокоен: с моей матерью обращались с учтивостью, оказывая ей почести, достойные дочери короля. Меня такими почестями обошли, но дали хорошего коня, а на ночь отводили приличное жилье. Сопровождавшие меня всадники были достаточно учтивы, когда я заговаривал с ними. Но на том их учтивость и кончалась; они не отвечали на мои вопросы, хотя, по-видимому, прекрасно знали, почему король желает меня видеть. Я ловил на себе их любопытные взгляды, а раз или два заметил в этих взглядах нечто похожее на жалость.

По прибытии нас провели прямо к королю. Его лагерь располагался на плоской возвышенности между горным кряжем и рекой, откуда Вортигерн надеялся надзирать за возведением своей твердыни. Этот лагерь во многом отличался от тех, что разбивали на скорую руку Утер и Амброзий. Большинство ратников, не говоря уже о челяди, ютились в палатках, и, за исключением земляного вала и палисада со стороны дороги, военачальники, очевидно, полагались на естественные оборонные сооружения — реку и кряж с одной стороны,

скалу Динас Бренин с другой, а также непреодолимые пустынные горы, подпиравшие долину.

Сам Вортигерн устроился с королевской роскошью. Он принял нас в зале, деревянные колонны которого были занавешены пестрыми вышивками, а выложенный местным зеленым сланцем пол был устлан толстым слоем свеженарезанного тростника. Высокое царственное кресло на помосте украшала позолоченная резьба. На соседнем кресле, также резном и позолоченном, но чуть меньшего размера, восседала Ровена, саксонская королева. В зале было полно народу. Несколько человек в одежде придворных стояли вблизи трона, большинство присутствующих были вооружены. Повсюду мелькали светлые гривы и рыжие бороды саксов. За креслом Вортигерна разбились на две кучки священники и жрецы.

Когда нас ввели, гул голосов смолк. Все взоры обратились к нам. Тогда король встал, спустился с возвышения и с улыбкой и распростертыми объятиями сделал несколько шагов навстречу моей матери.

— Добро пожаловать, принцесса, — произнес он и обернулся, чтобы с церемонной учтивостью представить ее королеве.

По залу прокатился тихий шепот; присутствующие обменялись быстрыми взглядами. Своим приветствием верховный король давал ясно понять, что не считает мою мать ответственной за участие Камлаха в недавнем восстании. Он бегло посмотрел на меня, но я заметил в его взгляде заинтересованность. Король кивнул мне, а затем взял мою мать под руку и помог ей взойти на помост. По его знаку кто-то бросился ставить стул для нее на ступеньку ниже королевского трона. Он пригласил ее сесть, а затем король и королева вновь заняли свои места. Пройдя вперед в сопровождении стражников, я остановился у возвышения перед королем.

Опустив руки на подлокотники трона, Вортигерн выпрямился, переведя улыбающийся взгляд с моей матери на меня. В лице его читалось радушие и даже удовлетворение. Гул голосов постепенно смолк. Воцарилась тишина. Люди смотрели выжидающе.

Но король лишь вежливо извинился перед моей матерью:

— Прошу прощения, миледи, за то, что вынудил тебя предпринять путешествие в такое время года. Надеюсь, ты не претерпела особых лишений?

За этими словами последовали обычные придворные любезности, и все это время военачальники и придворные в напряженном молчании чего-то ждали, но моя мать только наклонила голову и почтительно ответила. Две монахини, сопровождавшие мать, стали у нее за спиной, словно фрейлины. Одну руку она прижимала к груди, теребя маленький крестик, который носила в качестве талисмана; другая пряталась в коричневых складках платья у нее на коленях. Даже в этом невзрачном коричневом одеянии она выглядела истинной королевой.

— А теперь не представишь ли ты мне своего сына? — наконец улыбнулся Вортигерн.

— Моего сына зовут Мерлин. Он покинул Маридунум пять лет назад после смерти моего отца, твоего родича. С тех пор он жил в Корнуолле, в божьей обители.

— Пять лет? — Король повернулся ко мне. — Мерлин, ты, наверное, был тогда еще почти ребенком. Сколько тебе сейчас лет?

— Семнадцать, милорд. — Я прямо посмотрел ему в глаза. — Зачем ты послал за моей матерью и мной? Я едва успел прибыть в Маридунум, как меня силой схватили твои люди.

— Я сожалею об этом. Их рвение простительно. Они знали только, что дело не терпит отлагательства, и поэтому прибегли к наиболее быстрому способу исполнить мой приказ. — Он снова обратился к моей матери: — Следует ли мне заверить тебя, леди Ниниана, что тебе не причинят ни малейшего вреда? Я клянусь в этом. Мне известно, что последние пять лет ты провела в обители Святого Петра и что союз твоего брата с моими сыновьями нельзя поставить тебе в вину.

— Как и моему сыну, милорд, — спокойно ответила она. — Мерлин покинул Маридунум в ночь смерти своего деда, и с тех пор я ничего не слышала о нем. Но в одном можно быть уверенным: он не принимал участия в бунте; к тому же, когда он ушел из дому, он был всего лишь ребенком. Теперь, зная, что он убежал в Корнуолл, я могу утверждать, что мой сын скрывался из страха перед моим братом Камлахом, который был его врагом. Заверяю тебя, милорд, что, о каких бы намерениях моего брата в отношении вас я ни догадывалась, мой сын ничего не знал о них, и мне не терпится узнать, почему ты послал за ним.

К моему удивлению, Вортигерна, по-видимому, нисколько не заинтересовало мое пребывание в Корнуол-

ле; он даже не удостоил меня взглядом, а, напротив, подперев кулаком подбородок, уставился из-под густых бровей на мою мать. Его взор был хмурым, а голос — учтивым и торжественным, но было что-то в атмосфере этого зала, что мне отнюдь не понравилось. Внезапно я понял, что это. Пока моя мать разговаривала с королем и оба они внимательно наблюдали друг за другом, жрецы, стоявшие за королевским троном, внимательно наблюдали за мной. Когда я рискнул украдкой скосить глаза на выстроившихся по стенам зала военачальников, то обнаружил, что многие из них также не сводят с меня глаз. В зале царила тишина, и я вдруг подумал: «Сейчас он перейдет к делу».

— Ты так и не вышла замуж, — тихо, почти неслышно произнес король.

— Нет. — Ее веки опустились, и я понял, что она внезапно насторожилась.

— Иными словами, отец твоего сына умер до того, как вы смогли пожениться? Может быть, он погиб в сраженьи?

— Нет, милорд, — ответила она тихо, но отчетливо. Я увидел, как шевельнулись и слегка напряглись ее руки.

— Выходит, он жив?

Мать промолчала, лишь склонила голову, так что капюшон упал ей на лицо, скрыв его от любопытных взглядов. Но с помоста его было хорошо видно. Я заметил, что саксонская королева воззрилась на мать с любопытством, к которому примешивалось презрение. Глаза у нее были бледно-голубые и слегка навыкате, а над туго затянутым синим корсажем выступали большие молочно-белые груди. Рот у Ровены был маленький, руки — такие же белые, как и грудь, но с толстыми, уродливыми, как у служанки, пальцами, унизанными золотыми и медными с финифтью перстнями.

На молчание моей матери король насупил брови, но голос его по-прежнему оставался приветлив.

— Ответь мне на один вопрос, госпожа Ниниана. Ты открыла своему сыну имя его отца?

— Нет. — Ее голос, глубокий и решительный, совсем не соответствовал позе со склоненной головой и спрятанным лицом. Это была поза женщины, согнувшейся под бременем стыда, и я подумал, не хочет ли она нарочно изобразить стыд, чтобы им объяснить свое молчание. Я не мог видеть ее лица, но видел руку, вцепившуюся в складки длинного коричневого одеяния. Неожиданно мне вспомнилась та

Нииана, которая открыто бросила вызов своему отцу, отказав Горлану, королю Ланаскола. На смену этому воспоминанию пришло другое: я увидел лицо моего отца, смотрящее на меня через стол в свете лампы. Я отогнал видение. Он, словно живой, предстал передо мной, так что я даже удивился, почему никто в зале, набитом людьми, его не видит. Затем меня пронзил острый страх, что Вортигерн его видел. Вортигерн знал. Вот почему мы здесь. До него дошли слухи о моем прибытии, и он решил действовать наверняка. Оставалось только гадать, как они отнесутся ко мне: как к соглядатаю или же как к заложнику.

Должно быть, сам того не желая, я совершил какое-то движение. Мать подняла голову, и я увидел ее глаза, до того скрытые под капюшоном. Она больше не походила на принцессу: скорее это была женщина, объятая страхом. Я улыбнулся ей; в ее лице что-то изменилось, оно словно ожило, и я понял, что она боялась за меня.

Я заставил себя стоять неподвижно и ждать. Пусть он сделает первый ход. У меня будет достаточно времени, чтобы ответить, когда он покажет мне, из-за чего мы бьемся.

Король повертел большой перстень на пальце.

— Именно это и сказал твой сын моим посланцам. А я к тому же слышал, что никто в королевстве не знает имени его отца. Из того, что мне говорили, и того, что мне известно о тебе самой, госпожа Нииана, отец твоего сына не мог быть человеком подлого рода. Почему бы в таком случае не открыться сыну? Мужчина должен знать такие вещи.

— А тебе-то что до этого? — забыв об осторожности, гневно вопросил я.

Мать бросила на меня взгляд, заставивший меня замолчать.

— К чему эти расспросы? — обратилась она к Вортигерну.

— Госпожа, — ответил король, — сегодня я послал за тобой и твоим сыном, чтобы задать вам лишь один вопрос. Как зовут его отца?

— Я повторяю: почему ты спрашиваешь?

Он улыбнулся. Вернее, просто оскалил зубы. Я сделал шаг вперед.

— Матушка, у него нет права спрашивать тебя об этом. Он не осмелится...

— Пусть он замолчит! — приказал Вортигерн.

Человек, стоявший рядом со мной, правой рукой схватил меня за плечо, а левой крепко зажал мне рот ладонью. Скрежет металла слева от меня сказал, что стражник выхватил из ножен меч, а мгновение спустя в бок мне уткнулось острие. Я застыл, боясь шевельнуться.

— Отпустите его! — воскликнула мать. — Мне все равно, король ты или нет, Вортигерн, но если ты причинишь ему зло, то я никогда не скажу тебе ни слова, даже если ты убьешь меня. Неужели ты полагаешь, что я скрывала правду от моего отца, моего брата и даже от моего сына все эти годы просто для того, чтобы вот так взять и рассказать все тебе?

— Ты ответишь мне, чтобы спасти своего сына, — промолвил Вортигерн. По его знаку стражник отнял ладонь от моего рта и отступил назад. Но правая рука всего лишь соскользнула на мой локоть; он по-прежнему держал меня, к тому же с другой стороны я чувствовал сквозь тунику острие меча.

Отбросив на спину капюшон, мать выпрямилась в кресле, сжимая руками подлокотники. Несмотря на то что она была бледна и взволнованна, одета в скромную коричневую рясу, саксонская королева смотрелась рядом с ней простой служанкой. В зале повисла мертвая тишина. Из-за трона короля на меня не мигая смотрели жрецы. Я приказал себе не думать. Если эти люди — колдуны и жрецы, нельзя допустить, чтобы мне в голову пришла мысль об Амброзии, даже само его имя.

Я почувствовал, как мое тело покрывается испариной, и постарался мыслью дотянуться до матери, поддержать ее, не показывая образов, которые могли бы перехватить эти люди. Но сила оставила меня, и мой бог тоже не мог прийти мне на помощь; я даже не знал, хватит ли у меня мужества противостоять тому, что случится после того, как она откроет им тайну. Я не осмелился снова заговорить. Я боялся, что если они применят против меня силу, то она заговорит, чтобы спасти меня. А как только они узнают, как только начнут меня допрашивать...

Какой-то отголосок моих мыслей, должно быть, все же коснулся ее, потому что она повернулась и снова поглядела на меня, поведя при этом плечами под одеянием из грубой ткани, словно на плечо ей легла чья-то рука. Встретившись с нею глазами, я понял, что в этом не было ничего от былой силы.

Она пыталась, как нередко это делают женщины, что-то сказать мне взглядом. Этот взгляд говорил о любви и

утешении, но был совершенно женским и человеческим, и я не мог понять его смысла.

Мать вновь обернулась к Вортигерну.

— Странное ты выбрал место для расспросов, господин мой король. Неужели ты ждешь, что я стану говорить о таких делах в твоей общей зале, на виду у всех, кто желает проникнуть в тайны королей?

Брови Вортигерна сошлись у переносицы, лицо потемнело — король размышлял. На лице у него выступили капли пота, и я заметил, как подрагивают на подлокотниках трона его руки. Этот человек гудел от напряжения словно арфа, и это напряжение почти видимой волной растекалось по всему залу. По коже у меня побежали мурашки, волчья лапа холодного страха прошлась у меня по хребту. Жрец, стоявший позади трона, склонился вперед и что-то прошептал верховному королю на ухо. Вортигерн кивнул:

— Пусть подданные оставят нас. Но жрецам и колдунам должно остаться здесь.

Опасливо переговариваясь, собравшиеся стали неохотно покидать тронный зал. С десяток жрецов в длинных одеяниях остались стоять позади тронов верховного короля и его королевы. Один из них, тот, что нашептывал что-то королю, стоял, поглаживая грязной, но в драгоценных перстях рукой седую бородку, и улыбался. Судя по платью, он был среди них главный. Я поискал в его лице следы силы и не увидел их. Хотя все эти люди были облачены в одежды жрецов и священников, в глазах их я не нашел ничего, кроме смерти. Смерть таилась во взгляде всех колдунов, и более я ничего не видел. Хватка стражника, стоявшего рядом со мной, не ослабла, и я не сопротивлялся.

— Отпусти его, — приказал Вортигерн. — Я не желаю вреда сыну госпожи Нинианы. Но если ты, Мерлин, осмелишься сдвинуться с места или заговорить без моего на то позволения, тебя выведут из зала.

Острие меча отодвинулось, но стражник по-прежнему держал его наготове. Потом стражники отступили от меня на шаг. С самого детства я не чувствовал себя столь беспомощным, столь лишенным знания или силы, покинутым моим богом. С горечью поражения я признавал, что даже будь я в хрустальном гроте, где пылает в бронзовом зеркале огонь и глядят на меня глаза Галапаса, и тогда я ничего не увижу. Внезапно я вспомнил, что Галапас мертв. Быть может, по-

думалось мне, сила исходила лишь от него и вместе с ним ушла.

Запавшие глаза Вортигерна вновь обратились к моей матери. Он подался вперед, и черты его лица внезапно сложились в злобную гримасу.

— А теперь, госпожа, ты ответишь на мой вопрос?

— С готовностью, — ответила дочь короля. — Почему бы и нет?

8

Она говорила так спокойно, что на лице короля проступило удивление. А она, изящным движением поправив капюшон, хладнокровно встретила его взгляд.

— Почему нет? Я не вижу в этом вреда. Я могла сказать тебе это и раньше, милорд, если бы ты спросил меня иначе и в другом месте. Теперь людское знание никому не причинит вреда. Я уже удалилась от мирской суеты, и мне нет нужды смотреть в глаза людям или слушать их пересуды. Поскольку теперь мне известно, что мой сын также посвятил себя богу, то я знаю, сколь мало значит для него людская молва. Поэтому я расскажу тебе то, что ты желаешь знать, тогда ты поймешь, почему я молчала все эти годы, почему не открылась никому — ни моему отцу, ни моему сыну.

От былого страха не осталось и следа. Она даже улыбалась. Ниниана больше не взглянула на меня. Я тоже пытался не смотреть на нее, стараясь придать моему лицу бесстрастное выражение. Я и представить себе не мог, что она собирается говорить, но сознавал, что она никогда не предаст меня. Она вела какую-то собственную игру и была уверена в мыслях своих, что ее слова помогут отвести от меня любую опасность. Я не сомневался, что она ни словом не упомянет об Амброзии. И все же в воздухе тронного зала лежала печать смерти.

Снаружи пошел дождь, надвигались сумерки. В дверях возник слуга с факелами, но Вортигерн взмахом руки отослал его. Отдавая ему должное, я полагал, что он в эту минуту думал о позоре моей матери, но сам подумал про себя: «Даже в этом не будет помощи: ни света, ни огня...»

— Говори же, — поторопил ее Вортигерн. — Кто отец твоего сына?

— Я никогда не видела его. — Она говорила совершенно непринужденно. — Я никогда не знала этого человека. — Ниниана умолкла, а затем продолжила, не сводя глаз с короля: — Мой сын простит мне то, что должен будет сейчас услышать, но ты принудил меня, и это он поймет.

Вортигерн метнул в меня острый взгляд. Я не дрогнул. Теперь я был в ней уверен.

— Тогда я была совсем юной, лет шестнадцати, — начала она свой рассказ, — и, как все девушки, думала о любви. Это случилось в канун праздника святого Мартина, после того, как я и мои фрейлины отправились спать. Девушка, ночевавшая вместе со мной, уснула, остальные находились во внешнем покое, но мне не спалось. Спустя какое-то время я поднялась с постели и подошла к окну. Ночь была ясная и лунная. Повернувшись к своей спальной нише, мне показалось, что я увидела стоявшего у моей постели юношу. Он был молод и хорош собой и облачен в тунику под длинным плащом, а на бедре у него висел в ножнах короткий меч. На вороте и на запястьях у него переливались самоцветные каменья. Первой моей мыслью было, что он пробрался через внешний покой, в котором спали фрейлины; затем я вспомнила, что стою босая, в одной рубашке, с распущенными волосами. Подумав, что он замыслил недоброе, я уже открыла рот, чтобы разбудить женщин, но тут он улыбнулся мне и поднял руку, как бы показывая, что не причинит мне вреда, и призывая к молчанию. Затем он отступил в тень, а когда я последовала за ним, чтобы посмотреть, где же он, то никого не обнаружила.

Она остановилась. Все молчали. Я вспомнил, как она рассказывала мне в детстве сказки. В зале ничто не двигалось, но я почувствовал, как вздрогнул человек, стоявший рядом со мной, словно борясь с желаньем отойти подальше. Красные губы королевы разомкнулись, то ли от удивления, то ли (как я полагал) от зависти.

Мать глядела на стену у короля над головой.

— Я подумала, что это был сон или игра девичьего воображения, вызванная лунным светом. Я легла в постель и никому ничего не сказала. Но он приходил снова. И не только ночью и не только тогда, когда я оставалась одна. Я поняла, что это не сон, а дух-знакомец, которому что-то от меня нужно. Я молилась, и все же он мне являлся. Когда я сиде-

ла над прялкой вместе с другими девушками или когда в погожие дни гуляла по саду моего отца, я ощущала его прикосновение на своей руке, в моих ушах звучал его голос. Но в те мгновения я не видела его, и, кроме меня, его никто не слышал.

Она схватила крест у себя на груди и крепко стиснула его. Движение было таким естественным и непосредственным, что я удивился, но вскоре понял, что она искала в кресте не защиты, а просила прощения, и подумал про себя, что, изрекая ложь, бояться ей следует не христианского бога; тяжкая кара ждет тех, кто лжет, говоря о силе. В устремленных на нее глазах короля, как мне показалось, светилось неистовое торжество. Жрецы же глядели на нее так, как будто готовы были съесть ее духа живьем.

— Так шли недели, всю ту зиму он являлся ко мне. Он приходил по ночам. Я никогда не оставалась в своих покоях одна, но он проникал сквозь двери, и окна, и стены и ложился со мной. Я больше не видела его образ, но слышала голос и чувствовала его тело. Затем, когда я понесла ребенка, он покинул меня. — Она помолчала. — Спроси людей, и тебе расскажут, как мой отец велел меня сечь и запереть под замок и как после рождения ребенка он отказывался дать ему имя, подобающее принцу и христианину, но поскольку мальчик родился в сентябре, он назвал его по имени бога небес, скитальца, у которого нет другого дома, кроме сотканного из воздуха и ветров. Но я дала ему еще и имя Мерлин, потому что в день, когда он родился, дикий сокол влетел в окно моего покоя, сел на мою кровать и поглядел на меня глазами моего возлюбленного.

При этих словах она бросила на меня короткий, как вспышка, взгляд. Значит, это было правдой. Как и имя Эмрис, которым она назвала меня наперекор всем; хотя бы эту частицу отца она для меня сохранила.

Ниниана отвела взгляд.

— Полагаю, милорд, мои слова тебя не особенно удивят. До тебя, верно, доходили слухи, что мой сын не такой, как другие мальчики... Нельзя все время молчать, и я знаю, что многие перешептывались, но сейчас я открыто говорю правду и молю тебя, милорд Вортигерн, позволить моему сыну и мне мирно удалиться в наши святые обители.

Она замолчала, и в зале повисла томительная тишина. Мать склонила голову и вновь надвинула на го-

лову капюшон, пряча под ним лицо. Я наблюдал за королем и людьми, стоявшими за его троном. Я ожидал увидеть его ярость, нахмуренные брови, нетерпение, но, к моему удивлению, его лицо прояснилось и король улыбнулся. Он открыл рот, чтобы ответить моей матери, но королева опередила его. Она наклонилась вперед, облизнула свои красные губы и в первый раз за все время обратилась к жрецам:

— Моган, это возможно?

На ее вопрос ответил высокий бородатый священник. Он говорил без колебания, учтиво и на удивление воодушевленно:

— Да, моя госпожа, такое возможно. Кто не слышал о созданиях воздуха и тьмы, которые процветают за счет смертных мужчин и женщин? В моих исследованиях и во многих прочитанных мною книгах я сталкивался с рассказами о детях, рожденных на свет именно таким образом. — Он смерил меня взглядом, теребя бороду, затем обратился к королю: — И впрямь, милорд, мы имеем свидетельства древних. Они отлично знали, что некоторые духи, блуждая ночью между землей и небом, сожительствуют со смертными женщинами, обретая мужскую плоть. Вполне вероятно, что эта госпожа королевской крови — эта благочестивая леди — пала жертвой такого создания. Мы знаем, и она сама подтвердила нам это, что много лет люди судачили на этот счет. Я сам разговаривал с одной из ее служанок, которая сказала, что это дитя — плод не смертного мужа, а самого дьявола, поскольку ни один мужчина не был близок с ее госпожой. Да и о самом ее сыне еще в те дни, когда он был совсем мал, мне довелось услышать много странного. Я верю, король Вортигерн, что она сказала правду.

Никто больше не смотрел на Нииану. Все взоры обратились ко мне. На лице короля читалась смесь ярости и невинности; так радуется ребенок или дикий зверь, видя приближающуюся жертву.

Сбитый с толку, я придержал язык, ожидая, что будет дальше. Если жрецы и колдуны Вортигерна поверили моей матери, а король поверил жрецам, то я не видел в этом никакой опасности для себя. Не было даже намека, который обратил бы мысли присутствующих к Амброзию. Моган и король, казалось, охотно ступили на тропу, указанную моей матерью.

Король глянул на моих стражей. Когда мать закончила свой рассказ, они отступили от меня, без сомнения, опасаясь стоять так близко к порождению демона. По знаку

короля они снова приблизились ко мне. Воин по правую руку от меня по-прежнему держал обнаженный меч, но опустил острие так, чтобы моя мать не видела оружия. Рука с мечом то и дело подрагивала. Человек слева незаметно потянул меч из ножен. Оба стража тяжело дышали, и от них веяло страхом.

Жрецы с умудренным видом кивали, а некоторые, как я заметил, сложили перед собой знак, призванный охранить их от чар. Было очевидно, что они верили Могану, верили моей матери и видели во мне отродье дьявола. Все, что случилось, лишь подтвердило их собственные верования и старые слухи. По сути, именно для этого ее и привезли сюда. Теперь они смотрели на меня с удовлетворением, но и с затаенным страхом.

Мой страх улетучивался. Я подумал, что начинаю понимать, что им нужно. Суеверность Вортигерна давно стала легендарной. Я вспомнил, как Диниас рассказывал мне о крепости, которая постоянно разрушалась сама собой, а также байки королевских колдунов о том, что это место якобы заколдовано.

Вполне вероятно, слухи о моем происхождении, а также способности, которые я проявлял в детстве, до того, как убежал из дому, о которых упоминал Моган, заставили их предположить, что я могу помочь им советом или волшебством. Если это так и меня привезли сюда из-за этой приписываемой мне силы, то я, похоже, нашел способ помогать Амброзию прямо из вражеского лагеря. Возможно, в конце концов, именно для этого привел меня сюда мой бог; возможно, он и теперь направлял меня. «Ступи на его тропу...» Что ж, использовать можно лишь то, что есть под рукой. Пусть мне и не хватало силы, у меня оставались знания.

Мысленно я возвратился к тому дню в недрах Королевской Твердыни и к затопленной шахте в недрах утеса, куда привело меня видение. Я наверняка мог сказать им, почему рушатся их строенья. Они получат ответ механика, а не чародея. Но, посмотрев в мутные глазки Могана, который как раз потирал свои длинные грязные руки в предвкушении ответа чародея, я подумал, что следует оправдать их ожидания. А вместе с ними и ожидания Вортигерна.

Я поднял голову. Думаю, мне удалось улыбнуться.

— Король Вортигерн!

Словно камень швырнули в стоячий пруд, так тихо было в зале, все внимание сосредоточилось на мне. Я продолжал окрепшим голосом:

— Моя мать сказала тебе то, что ты хотел услышать. Не сомневаюсь, что теперь ты скажешь мне, чем я могу послужить тебе, но сперва я прошу тебя сдержать свое королевское слово и позволить ей удалиться.

— Леди Ниниана — наша почетная гостья, — скорее механически ответил король. Он перевел взгляд на открытую аркаду, выходившую к реке, на серое небо, перечеркнутое журчащими белыми струями дождя. — Вы оба вольны идти, куда пожелаете, но сейчас неподходящее время для того, чтобы отправляться в долгий путь к Маридунуму. Полагаю, вы проведете здесь ночь, госпожа, надеясь на то, что завтра будет сухой и погожий день? — Он встал, а за ним и королева. — Покои тебе приготовлены, королева проводит тебя; ты сможешь отдохнуть и приготовиться к тому, чтобы отужинать с нами. Наш двор и все покои — лишь временное пристанище, но, каковы бы они ни были, они полностью в твоем распоряжении. Завтра тебя проводят домой.

Моя мать также встала вместе с королевской четой.

— А мой сын? Ты так и не сообщил, с какой целью нас сюда привезли.

— Твой сын сослужит мне службу. Он владеет силами, которые могут быть мне весьма полезны. А теперь, госпожа, не соблаговолишь ли ты проследовать за королевой, а я тем временем поговорю с твоим сыном и скажу ему, что мне от него нужно. Поверь мне, он так же свободен, как и ты. Под стражу его взяли лишь до тех пор, пока ты не рассказала мне то, что я желал услышать. Теперь я должен поблагодарить тебя за то, что ты подтвердила мою догадку. — Он поднял руку. — Клянусь тебе, госпожа Ниниана, клянусь любым божеством, каким пожелаешь, что я не стану преследовать твоего сына за его происхождение и никогда не поставлю этого ему в вину.

Какое-то мгновение она внимательно смотрела на него, после чего, оставив без внимания его торжественный жест, подошла ко мне, протягивая мне обе руки. Я тоже двинулся к ней и взял ее руки в свои. Они показались мне маленькими и холодными. Я был выше ее ростом. Она посмотрела на меня снизу вверх, и я навсегда запомнил этот взгляд: он был полон беспокойства и крох былого гнева и нес какое-то посланье, настойчиво повторяемое без слов.

— Мерлин, будь на то моя воля, ты не узнал об этом так. Я бы щадила тебя. — Но ее глаза говорили иное.

Я улыбнулся ей и осторожно произнес:

— Матушка, сегодня ты не сказала ничего такого, что могло бы меня потрясти. Поверь, ты ничего не можешь прибавить к тому, что мне и так уже известно о моем рождении. И потому не тревожь себя.

Она судорожно вздохнула, глаза ее расширились, вглядываясь в мое лицо. Очень медленно я продолжал:

— Кем бы ни был мой отец, никто не станет упрекать меня в этом. Ты слышала обещание короля. Это все, что нам нужно знать.

Поняла ли она эти мои слова или нет, я мог лишь гадать. Она все еще осмысливала то, что я сказал вначале.

— Ты знал? Ты знал?

— Я знал. Неужели ты полагаешь, что за все годы своего отсутствия — при тех стараниях, что я приложил, — мне не удалось открыть тайну моего происхождения? Прошло уже несколько лет с тех пор, как мой отец объявил мне о себе. Уверяю тебя, я говорил с ним, и не единожды, а много раз, в моем рождении я не обнаружил ничего позорного.

Еще на мгновение ее взгляд задержался на моем лице, потом она кивнула и прикрыла глаза. На ее щеках проступил легкий румянец. Она поняла меня.

Ниниана отвернулась, вновь опустив на лицо капюшон, и оперлась на руку короля. Она вышла из зала, неслышно ступая между ним и его королевой, и две ее придворные дамы-монахини проплыли следом. Жрецы остались, перешептываясь, тараща глаза. Не обращая на них внимания, я смотрел вслед матери.

Король задержался в дверях, и я услышал, как он распрощался с матерью. Во внешней галерее толпился народ. Люди расступились, пропуская Ровену, мою матушку и с полдюжины дам, следовавших за ними. Тихие голоса женщин и шелест их одежд утонули в шуме дождя. Стоя в дверном проеме, Вортигерн смотрел им вслед. Дробный звук падавших снаружи капель напоминал журчание реки. Быстро опускались сумерки.

Круто повернувшись на каблуках, король вернулся в тронный зал, а за ним последовали его воины.

9

Они столпились вокруг меня, шумно перешептываясь, но никто не решался сделать первый шаг — словно свора собак, надвигающихся на свою жертву, чтобы набро-

ситься разом. Смерть незримо витала в зале; я ощущал ее присутствие, но не мог ни поверить, что она ожидает меня, ни понять почему. Я сделал шаг вперед, словно собирался последовать за матерью, и стражники повыше подняли подрагивающие мечи. Я замер.

— Что это значит? — резко спросил я короля. — Ты же дал слово. Или твое слово немногого стоит?

— Это не клятвопреступление. Я дал слово, что если ты сослужишь мне службу, я не стану попрекать тебя твоим происхождением. Это правда. Потому я и приказал привести тебя ко мне, что рожден ты не от человека. Ты хорошо мне послужишь, Мерлин. Именно благодаря своему происхождению.

— Чем же?

Он взошел по ступенькам к трону и вновь сел. Вортигерн двигался нарочито медлительно. Воины и придворные, а с ними и факельщики набились в зал, и тот наполнился чадным огнем, шелестом одежд, скрипом кожи, бряцанием кольчуг. Снаружи шуршал дождь.

Подперев кулаком подбородок, Вортигерн наклонился вперед.

— Мерлин, мы узнали сегодня о том, о чем отчасти уже догадывались: ты рожден не от человека, а от дьявола. А будучи таковым, ты не можешь ожидать людской жалости. Но поскольку твоя мать — дочь короля, следовательно, и тебе положены определенные почести, я скажу тебе, почему я приказал привести тебя сюда. Тебе, возможно, известно, что я строю крепость на скале, которую называют Твердыней?

— Это все знают, — спокойно отозвался я. — И все знают, что стены рушатся, лишь стоит возвести их высотой в человеческий рост.

Король кивнул:

— Мои чародеи и мудрецы, мои советники открыли мне почему. Основание ее заложено неверно.

— Что ж, — ответил я, — их объяснения кажутся мне на диво разумными.

По правую руку от короля, рядом с королевскими чародеями и мудрецами, стоял высокий старик. Его голубые глаза из-под его сошедшихся у переносицы седых бровей сверкали гневом. Он не сводил с меня взгляда; мне показалось, что в его взоре сквозит жалость. При моих словах он поднес руку ко рту, будто пряча улыбку.

По-видимому, король пропустил мои слова мимо ушей.

— Мне сказали, что королевская крепость должна быть построена на крови.

— Разумеется, это не более чем красивое иносказание? — вежливо осведомился я.

Моган внезапно ударил посохом в доски помоста.

— В самом что ни на есть прямом смысле! — выкрикнул он. — Известь следует замесить на крови! Кровью же оросить основание цитадели. В древние времена ни один король не пренебрегал этим обрядом. Кровь сильного мужчины, воина, скрепляла стены.

В зале воцарилась гробовая тишина. Сердце у меня в груди екнуло, потом забилось медленными, тяжелыми ударами, заставляя подрагивать в жилах кровь.

— А какое это имеет отношение ко мне? — холодно спросил я. — Я не воин.

— Ты и не человек, — хрипло произнес король. — Вот какую магию, Мерлин, открыли мне мудрецы: я должен отыскать юношу, у которого нет отца, и погасить его кровью известь, что ляжет в основанье моей крепости.

Я впился в него глазами, а затем обвел взглядом лица окружавших меня людей. Они задвигались и забормотали, мало кто решался встретиться со мной взглядом, но на всех лицах я видел только смерть... смерть, дыхание которой ощутил, едва вошел в этот зал. Я снова повернулся к королю.

— Что это за вздор? Когда я покидал Уэльс, это была страна цивилизованных людей и поэтов, художников и ученых, воинов и королей, убивавших ради защиты этой земли, но честно и при свете дня. А теперь здесь говорят о крови, о том, чтобы приносить в жертву людей. Неужели время повернулось вспять и наш Уэльс вернулся к обрядам древних Вавилона и Крита?

— Я говорю не о «человеческих» жертвах, — размеренно произнес Вортигерн. — Ты — не сын человеческий. Помни об этом.

В наступившей за этими словами тишине было слышно, как дождевые струи хлестали по пузырящимся лужам. Кто-то кашлянул, прочищая горло. Я перехватил яростный взгляд старого голубоглазого воина. Я был прав: в его глазах читалась жалость. Но даже те, кто жалел меня, не собирались восставать против этой глупости.

Наконец все прояснилось, словно молния разорвала грозовые облака. Амброзий здесь ни при чем, так же как и моя мать. Ей ничто не угрожало, от нее ожидали лишь подтверждения того, что желали услышать. Ее с почестями препроводят в Маридунум, поскольку она дала им желаемое. А мысль об Амброзии и на ум им не приходила. Меня привезли сюда не как его сына, его лазутчика, его посланца; им нужно было всего лишь дитя дьявола, чтобы убить его ради свершения какого-то невежественного и грязного колдовства.

Судьба надсмеялась над ними: им в руки попал не сын дьявола и даже не мальчик, вдруг возомнивший, что обладает какой-то волшебной силой. Они заполучили всего лишь зеленого юнца, сына человеческого, не владеющего ничем, помимо простой человеческой сметливости. Но, клянусь моим богом, подумал я, одной этой смекалки может быть вполне достаточно... Пусть сила и оставила меня, я научился многому и способен сразиться с ними их же оружием.

Я выдавил из себя улыбку, глядя мимо Могана на остальных колдунов. Они все еще не решались распрямить сложенные от дурного глаза пальцы, да и сам Моган прижимал к груди свой посох, будто тот обладал силой, способной охранить его от меня.

— А что дает тебе уверенность в том, что мой отец — дьявол — не явится мне на помощь?

— Это всего лишь слова, мой король. У нас нет времени слушать, — поспешно и громко произнес Моган, и колдуны, следуя его примеру, вплотную придвинулись к трону. Все они теперь говорили разом:

— Да, убьем его немедля... Нельзя терять время... Отведи его на утес и сразу убей... Вот увидишь, это умилостивит богов, и стены станут прочны... Его мать ничего не узнает, а даже если и узнает, что с того?..

Все зашевелились, словно псы, подобрались перед броском. Я пытался придумать, но ни одной связной мысли не приходило мне в голову. Сгущались сумерки, сам воздух в зале стал удушлив. Я уже чувствовал запах крови, и в свете факелов тускло блестели лезвия мечей, приставленных к моей груди.

Сосредоточившись на озаренном пламенем металле, я попробовал опустошить свой разум, но перед моим взором предстал лишь обглоданный скелет Галапаса,

лежащий на залитой солнцем вершине холма, и кружащие над ним птицы...

— Скажите мне лишь одно, — начал вдруг я, не отрывая глаз от мечей. — Кто убил Галапаса?

— Что он сказал? Что сказал этот сын дьявола? — эхом прокатилось по залу. Чей-то хриплый голос произнес:

— Позволь ему договорить.

Это был седобородый воин.

— Кто убил Галапаса, волшебника, жившего на Брин Мирддине возле Маридунума?

Я почти кричал, едва узнавая собственный голос. Все замолчали и стали переглядываться, не понимая, о чем я говорю.

— Старика? — сказал Вортигерн. — Мне донесли, что он был соглядатаем.

— Он был волшебником и моим наставником, — уже тише сказал я. — Он учил меня, Вортигерн.

— Чему он тебя учил?

— Многому, — улыбнулся я. — Я узнал достаточно, чтобы видеть, что тебя окружают глупцы и шарлатаны. Пусть будет так, Вортигерн. Отведи меня на утес и не забудь прихватить свои ножи и своих ворожей. Покажи мне ту крепость, ее растрескавшиеся стены. Посмотрим, удастся ли мне объяснить, почему рушится твоя цитадель, лучше, чем это сделали они. «Сын без отца!» — презрительно бросил я. — Вот, что выдумывают эти дряхлые старики, когда не способны придумать ничего иного. Разве тебе не приходило в голову, о король, что сыну духа тьмы подвластно волшебство намного более могущественное, чем заклинания этих старых глупцов и невежд? Если сказанное ими — правда и если моя кровь укрепит камни, то почему они смотрели, как стены падают не раз, не два, а четыре раза, прежде чем посоветовали тебе, что предпринять? Позволь мне лишь раз взглянуть на это место, и я скажу тебе, в чем причина. Клянусь богом или богами, Вортигерн, если кровь из моего тела может заставить стены стоять, подумай, насколько лучше могу послужить тебе я, живой и невредимый.

— Колдовство! Колдовство! Не слушай его! Что может понимать в таких делах этот мальчишка? — закричал Моган, и за спиной у него зафыркали и затрещали остальные жрецы. Но старый воин хрипло и резко изрек:

— Пусть он попробует. Вреда от этого не будет. Помощь тебе нужна, Вортигерн, все равно — от бога или от дьявола. Говорю тебе, пусть он попытается.

И по всему залу воины, недолюбливавшие колдунов и жрецов, эхом откликнулись:

— Пусть он попытается.

Вортигерн в нерешительности нахмурился, переводя взгляд с Могана на воинов, потом поглядел на серые просветы арок, занавешенные дождем.

— Сейчас?

— Лучше немедленно, — ответили ему. — У нас мало времени.

— Да, — отчетливо произнес я. — У нас мало времени. — Снаружи льет дождь, Вортигерн. Что же это за король, чью крепость способны разрушить ливень или непогода? Ты увидишь, что твои стены обрушились вновь. Это оттого, что ты строил впотьмах и слушался советов слепцов. Прикажи скорее отвести меня на вершину утеса, и я скажу тебе, отчего рушится стена. И если ты послушаешь меня, а не этих прислужников тьмы, я покажу тебе, как отстроить Твердыню при свете дня.

Пока я говорил, дождь прекратился, словно по мановению руки. Во внезапно наступившей тишине люди застыли, разинув рты. Онемел даже Моган. Затем, будто отдернули темный занавес, выглянуло солнце.

— Видишь? — рассмеялся я. — Идем, король, отведи меня на вершину утеса, и в солнечном свете я покажу тебе, почему упала стена. Но прикажи захватить и факелы. Они нам понадобятся.

10

Еще до того, как мы достигли подножия утеса, мои предположения подтвердились. Снизу мне были видны каменщики, столпившиеся на краю скалы в ожидании короля, несколько мастеров уже спускались вниз навстречу процессии. Старший над ними, крупный мужчина с седеющими бровями, поспешил к королю, одной рукой сжимая на груди концы старой мешковины, которая служила ему плащом и с которой каплями стекала вода. Похоже, он не понимал, что дождь уже прекратился. Управитель был бледен, а его покрасневшие глаза говорили о том, что он недосыпал много ночей.

Остановившись в трех шагах, управитель замер, с тревогой глядя на короля и отирая с лица капли влаги.

— Опять? — коротко спросил Вортигерн.

— Да, мой господин, и готов поклясться, никто не сможет сказать, что это по нашей вине, точно так же, как в прошлый раз или до того. Ты видел вчера, как шла закладка. У тебя на глазах мы расчищали обломки, потом добрались до самой скалы, чтобы начать все заново. И это и впрямь была самая скала, клянусь, мой господин. Но стены все равно пошли трещинами. — Он испуганно облизнул губы, встретился со мной глазами, потом поспешно отвел взгляд, так что я понял, что ему известны планы короля и его колдунов. — Ты хочешь подняться наверх, милорд?

— Да. Отзови людей.

Он сглотнул, обернулся и побежал вверх по петляющей дороге. Я услышал, как он выкрикивает на бегу приказы. Вортигерну подвели мула, и король сел в седло. Меня крепко привязали за запястье к сбруе королевского скакуна. Чародей или нет, они не собирались давать мне шанса на побег, пока я не явлю свою волшебную силу. Стражники сомкнулись вокруг короля и его жертвы.

Переговариваясь вполголоса, воеводы и придворные короля окружили нас, но священники остались позади, с опаской глядя на меня издали. Я видел, что они не особенно опасались исхода испытания; они не хуже моего знали, что в их магии от дара богов, а что от иллюзии, обманывающей того, кто желает обмануться. Они были уверены, что я способен сделать не больше их и что, если я — из их братии, они без труда найдут способ разделаться со мной. Все, что я мог противопоставить их отточенным трюками, думали королевские шептуны, было привычным им шарлатанством да толикой везенья: что, как не случай, заставило остановиться дождь, пока я говорил, а на моих последних словах — выглянуть солнце?

Солнце блестело на мокрой траве на гребне утеса. Мы поднялись высоко над долиной; и отсюда река казалась яркой змеей, извивающейся меж отвесных зеленых холмов. Тут и там от построек в королевском лагере к небу поднимался дым. Вокруг деревянного зала и прочих строений словно поганки сгрудились кожаные шатры, а люди с такой высоты казались не больше мокриц, копошащихся между ними. Это был поистине величественный утес, настоящее орлиное гнездо. Остановив своего мула в роще истерзанных ветром ду-

бов, Вортигерн взмахом руки указал на площадку за черными голыми ветвями:

— Вчера отсюда была видна западная стена.

Сразу за рощей протянулся узкий гребень, самой природой сложенная подъездная дорога к не существующей еще неприступной цитадели, а по верху гребня тянулись колеи, оставленные колесами повозок строителей. Королевская Твердыня представляла собой скалистый утес, к которому с одной стороны в лоб подходил узкий гребень, а остальные ее стороны обрывались вниз головокружительно крутыми склонами, с торчащими из них острыми зубцами скал. Утес венчало ровное плато размером сто на сто шагов, некогда поросшее бурьяном и чахлыми деревцами, льнущими к седым валунам. Теперь расчищенное под строительство плато утопало в замешанной десятками ног черной грязи вокруг обломков зачарованной башни.

С трех сторон ее стены доходили мне до плеча, в четвертой зияла трещина, и сама кладка осела грудой камней — часть из них осыпалась и уже наполовину потонула в грязи, часть еще непрочно держалась, цепляясь известкой за выступы скального грунта. Через равные промежутки в грязь были вбиты сосновые столбы: натянутый на них холст должен был укрывать кладку от дождя. На немногих устоявших столбах холст хлопал и трепыхался на ветру или тяжело обвисал, напитанный влагой. Все отсырело, повсюду блестели лужи.

Каменщики покинули плато и сбились к кучу в дальней его стороне у подъездной дороги. Они молчали, на их лицах застыл страх. Я видел, что они боялись не королевского гнева за то, что случилось со сложенной ими стеной, но той силы, в которую они верили и которую не могли понять. У начала подъездной дороги скучала стража. Я понимал, что, не будь здесь вооруженных солдат, на площадке не осталось бы ни души.

Стражники скрестили копья, но, узнав короля, развели оружие.

Я поднял голову.

— Вортигерн, отсюда мне не сбежать, разве что я прыгну с утеса, и тогда его подножие обагрится моей кровью, как того и желает Моган. Но я не могу увидеть, что разрушает твою крепость, пока ты меня не освободишь.

Король дернул головой, отдавая приказ, и стражник развязал меня. Я сделал несколько шагов вперед, и

королевский мул двинулся следом, неуверенно ступая по жирной грязи. Протолкавшись через ряды придворных, Моган принялся настойчиво убеждать в чем-то короля. Среди бормотания я уловил лишь: «Надувательство... побег... теперь или никогда...»

Король остановился, а с ним и вся свита. Внезапно за спиной у меня раздался голос:

— Возьми, дружок!

Оглянувшись, я увидел седобородого, который протягивал мне посох. Я покачал головой, потом отвернулся и в одиночестве двинулся вперед.

Вода стояла повсюду, собираясь в болотистые лужи между кочками или поблескивая на скрюченных пальцах молодого папоротника, который пробивался сквозь выбеленную морозами траву. Серая скала ослепительно блестела сланцем. Я шел медленно, и всю дорогу наверх мне приходилось щурить глаза от этого сияния.

Западная стена просела и обрушилась. Ее возводили на самом краю утеса, и хотя большая часть кладки упала вовнутрь, груды обломков громоздились и на краю бездны, где свежий оползень сочился вязкой илистой глиной. В северной стене был оставлен проем для ворот; я прошел сквозь него между грудами щебня и сваленного в кучи инструмента каменщиков и оказался внутри башни.

Никто не потрудился настлать здесь хотя бы временный пол, и все утопало в вязкой грязи; в лучах заходящего солнца стоячие лужи слепили медью. Солнце опустилось уже совсем низко, даря уходящему дню последние яркие краски, и пока я осматривал рухнувшую стену, трещины, угол падения кладки, искал свидетельства того, как пролегает порода, било мне прямо в глаза.

До меня постоянно доносился приглушенный ропот и шум беспокойной толпы. Время от времени вспыхивала на солнце сталь обнаженных клинков. Бубнил голос Могана, высокий и хриплый, настойчиво пробивавший стену королевского молчания. Вскоре, если я ничего не сделаю и не скажу, толпа к нему прислушается.

С высоты седла король мог видеть меня сквозь проем в северной стене, но для большей части его свиты я был невидим. Я взобрался, вернее, взошел — с таким достоинством я это проделал — на упавшие обломки западной стены и теперь возвышался над развалинами постройки, чтобы

все могли лицезреть меня. Я проделал это не только для того, чтобы произвести впечатление на короля. Мне необходимо было осмотреть с этой господствующей точки склоны горы, поросшие лесом, по которым мы только что поднимались. Теперь я стремился отрешиться от шума и отыскать тропинку, что много лет назад привела меня к зарослям у заброшенной штольни.

Словно прилив, на меня накатил ропот заскучавшей толпы, и я медленно воздел обе руки к солнцу в неком ритуального жесте, к какому на моих глазах прибегали жрецы, вызывая духов. Если я дам им видимость чародейства, это удержит толпу на расстоянии, даст пищу сомнениям жрецов и надежду королю, а мне — время вспомнить. Я не мог позволить себе неуверенно метаться по лесу, словно сбившийся со следа пес, я должен вывести их напрямик, как вывел меня когда-то сокол-мерлин.

Удача не оставила меня. Едва я воздел руки, солнце ушло за горизонт, последние лучи его погасли, уступив место сгущающимся сумеркам.

Более того, исчезли отблески, слепившие мне глаза, и я стал лучше видеть. Я проследил взглядом узкий гребень подъездной дороги до холма, на который я некогда взобрался, чтобы уединиться от шумной свиты двух королей. Склоны густо поросли лесом, намного гуще, чем мне помнилось. Под защитой лощины уже пробивались первые листочки, сам же лес темнел терновником и остролистом. Я не узнавал дорогу, по которой некогда ехал зимним лесом. Вперив взгляд в сгущавшуюся темноту, я воскрешал в памяти детские воспоминания о том дне, когда блуждал по холму...

Мы въехали верхом со стороны открытой долины вдоль реки, под темными деревьями через тот низкий горный кряж прямо в лощину. Короли, Камлах и Диниас и остальные расположились на южном склоне ниже дубравы. Походные костры развели вон там, а ниже паслись лошади. Стоял полдень, и когда я уходил — вон в ту сторону, — то ступал по своей тени. Перекусить я присел за уступом скалы...

Теперь я вспомнил точно. Серая скала, в расщелине которой вырос молодой дубок. По другую сторону этой скалы прошли короли, направляясь к Королевской Твердыне. Серая скала рядом с тропой, расщепленная молодым дубком... Прямо с нее круто взмыл сквозь лесную поросль быстрокрылый сокол.

Я плавно опустил руки и обернулся. Небо затянуло серыми облаками, тьма быстро сгущалась. Заросшие склоны подо мной тонули в густых сумерках. Гряду облаков за спиной Вортигерна подсветило по краю слепящее золото, и одинокий тусклый луч отвесно пал на далекий черный холм. Фигуры людей виделись мне лишь темными силуэтами, плащи развевались на свежем влажном ветру. Чадили факелы.

Я медленно сошел со своего возвышения. Дойдя до середины башни, я остановился так, чтобы король хорошо видел меня, развел руки ладонями вниз, будто я, словно лозоискатель, ищу, что находится там, в глубинах земли. До меня докатилось бормотание толпы и режущий слух презрительный возглас Могана. Затем я уронил руки и приблизился к королю.

— Ну? — В сухом и жестком голосе короля звучал вызов. Он заерзал в седле.

Не удостоив его взглядом, я прошел мимо мула и направился в самую гущу толпы, как будто людей вовсе не существовало. Я шел не опуская рук, вперив взор в землю. Я видел, как, помедлив мгновенье, шаркая, задвигались ноги и толпа расступилась, чтобы пропустить меня. Я шествовал мимо них, стараясь двигаться по развороченной вязкой земле плавно и с достоинством. Стражи не сделали попытки задержать меня. Проходя мимо факельщиков, я поднял руку, и один из них тут же беспрекословно последовал за мной.

Дорожка, протоптанная рабочими и животными по склону холма, была совсем свежей, но я надеялся, что она не сильно отклонялась от старой оленьей тропы, которой шли тогда короли. Я не ошибся: на полпути вниз по склону я обнаружил седую скалу. Молодые папоротники пробивались в расщелинах у корней дуба; на дереве уже распускались почки, зеленея среди прошлогодних желудей. Нимало не колеблясь, я свернул с тропы и направился в густую темень чащи, затенившую крутой склон.

Подлесок оказался много гуще, чем мне помнилось, и, разумеется, никто не ходил этим путем, вероятно, с тех пор, как мы с Сердиком продрались сквозь чащу. Но я помнил его так ясно, как если бы вернулся в тот самый зимний день. Я шагал быстро и даже там, где кусты вымахали мне по плечо, старался идти плавно и величественно, будто передо мной расстилалась морская гладь. За величественность мнимого волшебника я поплатился на следующий день — ссадинами, царапинами и порванной одеждой, но у меня не было ни

малейших сомнений, что в тот вечер это произвело должное впечатление. Помнится, когда мой плащ зацепился за куст, опасно натянулся, грозя замедлить мой шаг, факельщик метнулся ко мне, словно раб, чтобы отцепить плащ и понести за мной.

Вот и переплетение терновника у самой стенки лощины. Валуны скатились по склону горы и белели теперь среди ветвей терновника, словно пена среди тростников в тихой заводи. Над ними навис кустарник: голые побеги бузины, жимолость, похожая на завитки волос, упругая колючая куманика, влажно блестящий в свете факелов плющ. Я остановился.

Мул оскользнулся, в шорохе осыпающихся камешков остановился у моего плеча.

— Что далее? — раздался голос короля. — Что это? Куда ты нас привел? Помни, Мерлин, твое время на исходе, и если тебе нечего нам показать...

— У меня найдется что тебе показать. — Я повысил голос, чтобы меня слышали все, сгрудившиеся за его спиной. — Я покажу тебе, король Вортигерн, и любому, у кого достанет смелости последовать за мной, магическое чудовище, которое лежит под твоей цитаделью и пожирает все созданное тобой. Подайте факел.

Слуга протянул мне факел. Не повернув головы, чтобы убедиться, что за мной следуют, я ринулся в темень чащи и раздвинул кусты, открыв вход в штольню.

Прямоугольный вход, все еще прочно укрепленный, был по-прежнему свободен, сухая шахта вела прямо к сердцу горы.

Мне пришлось наклонить голову, чтобы ступить в туннель. Ссутулившись, я шагнул внутрь, держа факел прямо перед собой.

Я помнил, что пещера была невероятно огромной, и был готов к тому, что, подобно другим детским воспоминаниям, это окажется преувеличением. Но она была даже больше, чем мне помнилось. Ее черная пустота удваивалась величественным зеркалом воды, которая покрывала весь пол пещеры, оставляя сухой выступающую из воды площадку у самого устья пещеры шириной в шесть шагов. И в это величественное неподвижное озеро словно причудливые колонны спускались выступающие ребра пещеры, сливались со своим отраженьем и снова терялись во мгле. Откуда-то из глубин горы доносился шум падающей воды, но здесь ничто не на-

рушало сверкающую, словно начищенное зеркало, водную гладь. Там, где прежде сочились, едва капая, тонкие ручейки, стены были затянуты тонкими сияющими вуалями влаги, неуловимо струящейся вниз и питающей озеро.

Я подошел к краю площадки, высоко подняв факел. Слабые язычки немного отогнали тьму, которую, казалось, можно было потрогать пальцами, более непроницаемую, чем даже в те ночи, когда темнота становится плотной и черной, как шкура дикого зверя, и давит на тебя, как душное одеяло. Там, где свет факела касался струящейся по стенам воды, вспыхивали и перемигивались тысячи сверкающих огней. Воздух был холоден и неподвижен, и слышалась из чащобы птичья трель.

Я услышал шаги людей, пробиравшихся вслед за мной в штольню, и мысль моя лихорадочно заработала.

Я мог открыть им правду, как она есть, без прикрас. Я мог бы взять факел, подняться по темным проходам в древнюю шахту и осветить разломы, все расходящиеся под тяжестью стен, укладываемых наверху. Но они едва ли прислушались бы к моим словам. К тому же они не переставали повторять, что время уже на исходе. Враг стоял у ворот, и Вортигерну потребны сейчас не логика и механика; ему требуется колдовство и нечто — что угодно, — что обещало бы скорую безопасность и укрепило бы верность подданных. Сам он еще мог внять голосу разума, но он не мог позволить себе прислушиваться к нему. Нет нужды долго гадать: он сперва убьет меня, а потом попробует укрепить эти разломы, вероятно, окропив их моей кровью. Иначе он лишится своих каменщиков.

Люди хлынули в разверстую пасть штольни, как пчелы в отверстие улья. Запылали новые факелы, и тьма отступила. Площадка запестрела разноцветными плащами, заблестела оружием, засверкала драгоценностями. На лицах читался благоговейный ужас. В холодном воздухе дыхание обращалось в пар. Слышались шарканье ног и сдержанный говор, как при скоплении народа в святом месте, никто не говорил в полный голос.

Я поднял руку и подозвал к себе короля. Он приблизился ко мне и остановился у озера. Я указал вниз. Сквозь поверхность воды просвечивало нечто — вероятно, скала, — очертаниями напоминавшее дракона. Я стал говорить медленно, как бы пробиваясь сквозь толщу воздуха

между нами. Слова мои падали тяжело и отчетливо, как капли воды на скалу.

— Вот она, магия, король Вортигерн. Вот что лежит под твоей башней. Вот почему твои стены рушатся, едва их успевают построить. Кто из твоих колдунов может показать тебе то, что открыл тебе я?

Двое факельщиков приблизились к нам, остальные держались поодаль. По мере их приближения свет усиливался, волнами отражаясь от стен. Свет падал на потоки скользившей вниз воды, сливался со своим отражением, и казалось, что из глубин озера поднимались, словно в игристом вине пузырьки, крохотные сферы огня и лопались, достигнув поверхности. Колебалось пламя, вода повсюду искрилась, яркие блики сливались, вспыхивали и тут же распадались по всей неподвижной поверхности озера, пока само озеро не исполнилось жидкого огня. А огонь все тек со стен водопадами, сверкавшими, как хрусталь. Словно ожила хрустальная пещера и задвигалась, закружилась вокруг меня. Словно звездный шар полуночи вспыхнул и поплыл водоворотом.

Мне сдавило болью грудь. Я с трудом перевел дыхание и продолжил:

— Даже если ты сможешь осушить это озеро, король Вортигерн, чтобы открыть то, что лежит в его глубинах...

Я умолк. Свет изменился. Никто не шевелился, и воздух застыл неподвижно, лишь свет факелов колебался в такт дрожи в руках факельщиков. Я больше не видел короля: нас разделило пламя. Тени метались меж потоков и извечных спиралей огня: пещера наполнилась глазами, крыльями, стуком подков, и ярко-красная пасть огромного дракона разверзлась над своей жертвой...

Голос кричал, пронзительно и монотонно, и словно задыхался на каждом слове. Дыхание замерло в моей груди. Меня пронзила мучительная боль, которая поднималась волной от паха вверх, будто кровь, хлещущая из раны. Я ничего не видел. Я почувствовал, как сжимаются мои кулаки, как вздымаются в вышину мои руки. Боль раскалывала голову, и скала у меня под щекой была твердой и влажной. Я впал в беспамятство, и они схватили меня, упавшего, они убивали меня — это моя кровь растекалась по поверхности озера, чтобы укрепить фундамент их разрушенной башни. Я захлебывался воздухом, точно желчью. Руки мои судорожно царапали скалу, глаза были открыты, но я ничего не видел — только

вихрь знамен и крыльев, волчьи глаза и раскрытые в крике рты, горящий хвост кометы, словно клеймо в небесах, и звезды, сверкавшие сквозь кровавый дождь.

Боль опять пронзила меня, горячим ножом вспарывая чрево. Я вскрикнул, и вдруг мои руки освободились. Я вскинул их вверх, ограждая себя от беспорядочных вспыхивавших видений, и услышал собственный голос, призывающий кого-то, но я и сам не знал кого. Видения предо мной кружились, дробились, слились в невыносимо яркой вспышке света и вдруг пропали во тьме и молчанье.

11

Я проснулся в просторном покое, богато убранном вышитыми занавесями; солнечный свет, пропущенный через оконный переплет, ослепительными полосами расчерчивал вощеные доски пола.

Я осторожно пошевелил руками и ногами и нашел, что мне не причинили вреда. Даже от головной боли не осталось и следа. Мое обнаженное тело было укутано мягким и теплым меховым одеялом, и в членах не было и намека на усталость или оцепенение. Удивленно моргая, я посмотрел в сторону окна, затем повернул голову и увидел Кадала, стоящего рядом с постелью. По лицу моего слуги разлилось облегчение, словно солнце выглянуло из-за тучи.

— Наконец-то! — вырвалось у него.

— Кадал! Клянусь Митрой, как я рад тебя видеть! Что случилось? Где мы?

— В лучшем гостевом покое Вортигерна, вот где. Ну и задал ты ему жару, юный Мерлин, задал так, что просто оторопь берет.

— Неужели? Ничего не помню. Мне казалось, что они вот-вот расправятся со мной. Так ты говоришь, они оставили намерение меня убить?

— Убить тебя? Скорее тебя посадят в священную пещеру и станут приносить тебе в жертву девственниц. Какая жалость, что эти жертвы окажутся напрасны. Хотел бы я, чтобы и мне немного перепало.

— Я всех их отдам тебе. Ох, Кадал, я в самом деле страшно рад тебя видеть! Как ты сюда попал?

— Я как раз добрался до ворот монастыря, когда пришли за твоей матерью. Я услышал, как они спрашивали о ней и сказали, что схватили тебя и что с первыми петухами вас обоих отправят к Вортигерну. Полночи я потратил на поиски Маррика, а еще полночи — на поиски подходящей лошади, хотя мог бы и не трудиться — все равно мне пришлось ехать на той кляче, что ты купил. И хотя вы ехали довольно быстро, к тому времени, когда вы достигли Пенналского моста, я отстал всего лишь на день. Что вышло к лучшему: мне не хотелось догонять вас, пока не разберусь, откуда ветер дует... Ну, да это не важно. В конце концов, я прибыл сюда вчера на закате и обнаружил, что весь лагерь гудит все равно что растревоженный улей. — Он отрывисто рассмеялся. — «Мерлин то, Мерлин се...» Они величали тебя уже не иначе как «королевский прорицатель»! Когда я сказал, что я твой слуга, меня разве что не насильно втолкнули к тебе. Похоже, здесь не слишком много желающих прислуживать такому могущественному волшебнику, как ты. Съешь чего-нибудь?

— Нет... да! Да, поем. Я проголодался. — Я сел в постели, заткнув за спину подушку. — Погоди минутку, ты сказал, что прибыл сюда вчера? Так сколько же я проспал?

— Ночь и весь день. Солнце уже садится.

— Ночь и весь день? Тогда... Кадал, что с моей матерью? Ты не знаешь?

— Она в полной безопасности, уже уехала домой. За нее не тревожься. Ты ешь, а я тебе буду рассказывать. Вот, держи.

Он протянул мне поднос, на котором стояла миска с дымящимся бульоном и блюдо с мясом и на отдельных тарелках хлеб, сыр и сушеные абрикосы. К мясу я не притронулся, а остальное с удовольствием съел, слушая Кадала.

— Она понятия не имела о том, что они собирались с тобой сделать, или о том, что произошло в пещере. Когда она вчера вечером поинтересовалась, где ты, ей ответили, что ты здесь, «размещен с королевскими почестями и в большой милости у короля». Ей сказали, что ты посрамил королевских колдунов, в пророчествах своей мудростью можешь соперничать с самим царем Соломоном, а теперь изволишь почивать. Сегодня утром она заходила сюда, чтобы убедиться, что ее не обманули, увидела, что ты спишь, подобно младенцу, и удалилась. У меня не было возможности поговорить с ней, но я видел, как она уезжала. Эскорт ей дали королевский, уж ты мне поверь: Вортигерн отрядил сопровождать ее

едва ли не половину верхового отряда — носилки ее монахинь не уступали в роскоши ее собственным.

— Говоришь, я прорицал? Посрамил колдунов?.. — Я обхватил голову руками. — Ничего не помню... Мы были в пещере под Королевской Твердыней, тебе, наверно, об этом рассказали? — Я с надеждой уставился на него. — Что там произошло, Кадал?

— Ты хочешь сказать, что ничего не помнишь?

Я покачал головой.

— Мне известно лишь, что меня собирались убить, чтобы перестала рушиться их поганая башня, и я попытался их одурачить. Решил, что если мне удастся подорвать веру короля в этих колдунов, то смогу спасти свою шкуру, но я надеялся лишь на то, чтобы выиграть время и потом попытаться бежать.

— Да, я слышал, что они собирались с тобой сделать. Просто удивительно, до чего невежественный здешний люд. — Но я прекрасно помнил выражение, с каким он теперь глядел на меня. — Странный способ морочить кому-то голову, а? Откуда ты знал, где искать вход в подземелье?

— А, ты об этом... Ничего мудреного тут нет. Я бывал в этих краях прежде, еще когда был ребенком. Однажды, много лет назад, я приходил сюда с Сердиком, моим тогдашним слугой. Я разыскивал в зарослях сокола, а обнаружил вход в старую штольню.

— Понятно. Кое-кто назвал бы это везеньем — но только тот, кто тебя не знает. Полагаю, тебе удалось их провести?

— Да. Когда я впервые услышал, что западная стена крепости постоянно рушится, я подумал, что это должно быть как-то связано со старой шахтой. — Затем я коротко рассказал Кадалу о том, что произошло в пещере, — то, что сохранилось у меня в памяти. — Огни, — сказал я под конец, — блики на воде... крики... Это было совсем не то, что мои прежние видения — белый бык и иные сцены, какие мне доводилось временами видеть. Это было нечто совсем иное. К тому же меня пронзила невыносимая боль. Такова, наверное, смерть. Думаю, что я в конце концов впал в беспамятство. Не помню, как меня сюда принесли.

— Мне тоже об этом ничего не известно. Когда меня привели сюда, ты очень крепко спал, но, как мне показалось, самым обычным сном. Признаюсь, я без особых церемоний осмотрел тебя со всех сторон, чтобы убедиться, что

они не причинили тебе вреда, но ничего не обнаружил, кроме царапин и синяков, которые, как мне сказали, ты получил, продираясь сквозь заросли. По твоей одежде легко было об этом догадаться, скажу я тебе... Но, судя по тому, как тебя здесь разместили, и по тому, с какой опаской о тебе сейчас говорят, думаю, они тебя и пальцем не осмелятся тронуть — во всяком случае, сейчас. Что бы там ни было — обморок или припадок, или, я бы сказал, транс, — ты нагнал на них страху, это уж точно.

— Правда? Но чем именно? Тебе не рассказывали?

— Угу, кое-что мне рассказали слуги, те, что вообще решились об этом говорить. Я говорил с Берриком, помнишь факельщика, который последовал за тобой с вершины утеса? По его словам, поганые колдуны во что бы то ни стало вознамерились перерезать тебе горло. Сдается, если бы король совсем не лишился рассудка и не поверил бы твоей матери, он на месте так и сделал. Вот только вы с матерью его остановили, показав, что нисколько жрецов не боитесь. Уж будь уверен, об этом мне все рассказали. Беррик признался, что там, в зале, когда твоя госпожа мать поведала свою историю, он не дал бы за твою жизнь и двух пенни. — Он глянул на меня искоса. — Что это за вздор о дьяволе в темноте? Это ж она тебя в такое втянула. Что на нее нашло?

— Она полагала, что помогает мне. Думаю, она решила, что верховный король узнал, кто мой настоящий отец, и велел притащить нас к нему, чтобы узнать, не известно ли нам что-то о его планах. Я и сам тогда так полагал. — Я погрузился в раздумья. — Но было и что-то еще... Когда в воздухе витают суеверия и страх, невольно это чувствуешь. Говорю тебе, я просто весь покрылся гусиной кожей. Она, видимо, тоже почувствовала это. Я почти уверен, что она избрала тот же путь, что и я, стараясь отразить магией колдовство. Поэтому она и рассказала старую сказку о том, что меня зачал инкуб, да еще приукрасила ее для убедительности. — Я улыбнулся ему. — Она и впрямь преуспела. Я бы и сам поверил в эти бредни, не знай я правду. Но оставим это, продолжай. Я желаю знать, что произошло в подземелье. Ты хочешь сказать, что я изрек нечто разумное?

— Ну, я не совсем это имел в виду. Беррик мне такого наговорил... Он клянется, что передал все слово в слово, — похоже, он возомнил себя менестрелем или вроде того...

Так вот, он говорит, что ты стоял, не отрывая взгляда

от воды, стекающей со стен, и вдруг заговорил — поначалу совсем обычным голосом, — обращаясь к королю, словно объяснял, как проложили в холме шахту и стали разрабатывать жилу, но тут старый колдун — Моган, так вроде его зовут? — принялся кричать: «Пустая болтовня» или что-то в этом духе. И тут ты внезапно издал вопль, от которого у них кровь в жилах свернулась, — слова Беррика, не мои, он не привык к службе в благородных домах. Глаза у тебя закатились, ты простер руки кверху, как будто срывал звезды с небесного цветника — опять Беррик, наверняка он станет поэтом, — и начал прорицать.

— Да?

— Так они все говорят. Сплошь загадки: орлы и волки, львы и вепри, множество другого зверья, какого и на римских аренах-то не видели, да еще драконы и прочие твари из легенд. А еще ты предсказал будущее на сотни лет вперед, что, слава Дие, вполне безопасно, но Беррик клялся, что твои пророчества звучали все равно что трубный глас, что говорил ты так, словно жизнь готов прозакладывать, что так оно все и будет.

— Возможно, у меня не было другого выхода, — сухо произнес я, — если я сказал что-либо о Вортигерне и своем отце.

— Что ты и сделал, — подтвердил Кадал.

— Н-да, лучше уж расскажи мне об этом. Придется придерживаться этих слов.

— В рассказе Беррика все приукрашено, словно у сказителей: красные драконы и белые драконы, которые сражаются и разоряют башню, реки крови и все такое. Но похоже, ты в точности расписал, что случится в ближайшем будущем: белый дракон саксов и красный дракон Амброзия сойдутся в схватке; красный дракон вначале потерпит неудачу, но в конце возьмет верх. Да. Затем из Корнуолла придет медведь и получит все.

— Медведь? Наверное, ты ослышался: значок Корнуолла — вепрь. Гм. Выходит, он все же на стороне моего отца...

— Беррик сказал «медведь». Ты произнес слово «Артос»... он запомнил, потому что сам заинтересовался, что это значит. Но, по его словам, ты говорил именно это. Ты назвал его Артос, Артур... имя, вроде этого. И ты хочешь сказать, что не помнишь из своих пророчеств ни слова?

— Ни одного.

— Тогда послушай меня. Больше я ничего не могу вспомнить, но если они начнут донимать тебя расспросами, ты мог бы найти способ вытянуть из них все подробности. Эка невидаль, что прорицатель сам не знает, что напророчествовал! С оракулами ведь всегда так?

— Думаю, да.

— Я только хотел сказать, что если ты уже поел и действительно хорошо себя чувствуешь, тебе лучше встать и одеться. Они все ждут за дверью твоего появления.

— Зачем? Во имя бога, неужели им нужен еще один совет? Они что, решили перенести крепость?

— Нет. Они делают то, что ты им приказал.

— Что же?

— Прорыли желоб и осушают подземное озеро. Строители день и ночь трудились, чтобы наскоро установить помпы, дабы откачать воду из шахты.

— Но зачем? Это никак не укрепит их башню. Это может обрушить всю вершину утеса — он же почитай что полый. Да, я поел, забери это. — Я ткнул ему в руки поднос и откинул покрывала. — Кадал, уж не хочешь ли ты сказать мне, что я приказал им такое в моем... гм, безумии?

— Ага. Ты сказал им осушить озеро, и на дне его они обнаружат чудовищ, которые и разрушают Королевскую цитадель. Ты сказал, это будут драконы, красный и белый.

Я сел на край кровати, охватив голову руками.

— Теперь я кое-что вспоминаю... что-то, что я видел. Да, должно быть, так оно и было... Я в самом деле увидел что-то под водой, наверное, скалу, очертаниями напоминающую дракона... И я вспоминаю, что говорил королю что-то насчет того, что если осушить озеро... Но я не приказывал осушать его, я сказал: «Даже если ты осушишь озеро, это тебе не поможет». Во всяком случае, это именно то, что я хотел сказать. — Я уронил руки и поднял глаза на Кадала. — Так ты говоришь, они действительно сейчас осушают подземелье, полагая, что в глубинах озера находится некое подводное чудовище, расшатывающее кладку крепости?

— По словам Беррика, ты сказал именно это.

— Беррик — поэт, он все приукрасил.

— Возможно. Но сейчас каменщики и землекопы работают в подземелье, и насосы уже много часов во всю мочь качают воду. Король тоже там и ждет тебя.

Я промолчал. Он бросил на меня полный сомнения взгляд, затем унес поднос и вернулся с полотенцами и серебряным тазиком с горячей водой. Пока я мылся, он занялся сундуком, что стоял в дальнем углу комнаты: доставал из него одежду, встряхивал и разглаживал складки, не переставая бубнить через плечо:

— Не похоже, чтобы ты сильно переживал. Если они осушат озеро и ничего не обнаружат на дне...

— Что-нибудь да обнаружат. Не спрашивай меня что, я не знаю, но если я говорю... Ты знаешь, это так и будет. То, что является ко мне в видении, всегда истина. У меня есть дар Провидения.

Его брови сошлись на переносице.

— Неужели ты думаешь, что сообщил мне нечто новое? Не ты ли десятки раз пугал меня до дрожи в коленках своими странными словами или когда видел то, что не доступно никому другому?

— А ты ведь раньше боялся меня, признайся, Кадал?

— Отчасти. Но теперь я не боюсь и дальше не намерен бояться. Кто-то ведь должен присматривать и за самим дьяволом, раз уж он носит одежду, ест и пьет. А теперь, молодой хозяин, если ты помылся, давай посмотрим, какие из присланных королем вещей тебе впору.

— Король прислал мне одежду?

— Да. С виду странные одеяния, какие, по их разумению, положено носить волшебникам.

Я подошел к сундуку.

— Только не этот длинный белый балахон, расшитый звездами и полумесяцами, и обвитый змеями посох? Ну в самом деле, Кадал...

— Что поделаешь, твоя собственная одежда вся изорвана, а тебе все равно надо во что-то одеться. Перестань, в таких одеждах ты будешь смотреться истинным чародеем, и, на мой взгляд, тебе стоит поразить их умы, раз ты уж оказался на положении колдуна.

Я рассмеялся:

— Возможно, ты и прав. Давай-ка посмотрим. Гм, нет, только не белое, я собираюсь состязаться с Моганом и его прислужниками. Полагаю, что-нибудь темное и черный плащ. Да, это подойдет. А заколю я его застежкой с драконом.

— Надеюсь, ты не без основания так уверен в себе. — Он запнулся. — Послушай, я знаю, Фортуна нам сейчас

улыбается, но не лучше ли нам поскорее улизнуть, не дожидаясь, как выпадут кости? Я мог бы украсть пару лошадей...

— Сбежать? Значит, я все еще пленник?

— Здесь повсюду стражники. Ты не под стражей, а под охраной, но, клянусь псом, в конечном счете это одно и то же. — Он выглянул в окно. — Скоро стемнеет. Послушай, я мог бы нарассказывать им каких-нибудь баек, чтобы их успокоить, а ты бы притворился, что снова заснул, а там наступит ночь и...

— Нет. Я должен остаться. Если я смогу заставить Вортигерна выслушать меня... Дай мне подумать, Кадал. Ты видел Маррика в ту ночь, когда нас схватили. Это означает, что сейчас он на пути к моему отцу и скоро сообщит ему новости. Насколько я могу судить, отец выступит немедля. Пока удача на нашей стороне: чем скорее выступит Амброзий, тем лучше. Если он успеет перехватить Вортигерна здесь, в западных землях, пока Волк не успел объединиться с Хенгистом... — На мгновение я задумался. — Корабль должен отплыть три, нет, четыре дня назад...

— Он вышел в море еще до того, как ты покинул Маридунум, — прервал меня Кадал.

— Что?!

Он улыбнулся, увидев выражение моего лица.

— Ну а что же ты думал? Единственный сын графа Британского схвачен, и его госпожа тоже. Никто не знает, зачем их повезли к верховному королю, но слухов в избытке, и даже Маррик счел разумным немедленно вернуться к Амброзию и сообщить ему об этом. Корабль вышел с отливом на рассвете того же дня. Он, наверно, вышел в море еще до того, как вы отправились в путь.

Я стоял не шевелясь. Помню, Кадал хлопотал вокруг меня, расправляя черный плащ, стараясь тайком от меня прикрыть складкой застежку с драконом, которой этот плащ был заколот.

Наконец я глубоко вздохнул.

— Это все, что мне надо было знать. Теперь я знаю, что мне делать. «Королевский прорицатель», говоришь? Они даже не подозревают, насколько правы. Теперь королевскому прорицателю следует нагнать страху на этот сброд, так любящий саксов, и заставить Вортигерна покинуть этот укромный уголок Уэльса и отправиться туда, откуда Амброзий без труда сможет его выкурить.

— Ты думаешь, у тебя получится?

— Я уверен.

— Тогда мне остается только надеяться, что ты знаешь и то, как нам выбраться отсюда до того, как они поймут, на чьей ты стороне?

— Разумеется. Как только мы узнаем, куда направляется Вортигерн, мы сами доставим эту новость моему отцу. — Я повел плечами, поправляя плащ, и улыбнулся ему. — И вот что, Кадал, укради пару лошадей и жди меня с ними у подножия утеса, там, где течет ручей. Встретимся возле упавшего в воду дерева, ты без труда его отыщешь; будешь ждать меня в укрытии. Я приду. Но сначала я должен пойти помочь Вортигерну явить драконов.

Я направился к двери, но Кадал опередил меня и положил руку на засов. В глазах его стоял страх.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я оставил тебя одного в этом волчьем логове?

— Я не один, и я не принадлежу себе, Кадал. Запомни это. И если ты не доверяешь мне, доверься тому, что во мне. Я этому научился. Я познал, что мой бог приходит, когда и как того пожелает, разрывая плоть, чтобы войти в меня, а когда свершит должное, вырывается с той же внезапностью, как и появился. После этого — вот как сейчас — я чувствую себя легким и опустошенным, будто парящий ангел... Нет, они ничего не смогут мне сделать, Кадал. Не бойся. Моя сила со мной.

— Они убили Галапаса.

— Настанет день, когда они убьют и меня, — сказал я. — Но не сегодня. Открывай дверь.

12

Двор верховного короля собрался у подножия утеса, там, где протоптанная рабочими тропа упиралась в заболоченное дно лощины. Меня по-прежнему сопровождала стража, но на сей раз — по крайней мере с виду — это был почетный караул. Четыре воина с мечами, мирно покоившимися в ножнах, проводили меня к королю.

Поверх болотной жижи и кочек был сооружен дощатый настил, на нем установили помост с креслом для короля. Челядь позаботилась и об укрытии от ветра: каркас из тонких жердей, переплетенных лозой, занавесили циновками и крашеными шкурами, так же настелили крышу. Вортигерн сидел на своем походном троне, опершись подбородком на кулак, в полном безмолвии. Королевы не было, как, впрочем, и других женщин. Колдуны держались поближе к королю, у задней стены помоста и не разговаривали. По обеим сторонам кресла стояли командующие войсками.

Позади временного павильона в багрово-алом зареве садилось солнце. Наверное, весь день шел дождь: земля хлюпала под ногами, каждая травинка клонилась книзу под тяжелыми каплями влаги. Знакомые уже свинцовые тучи медленно клубились на фоне заката, то скрывая, то вновь являя глазу закатное солнце. Пока я приближался к королю, зажгли факелы. В закатном свете они казались маленькими и тусклыми и, терзаемые порывами ветра, давали больше дыма, чем пламени.

Я остановился у ведущих на помост ступеней. Король смерил меня взглядом, но ничего не сказал. Он не спешил выносить решение. Он прав, подумалось мне. Похоже, представления из разряда тех, какое устроил вчера я, ему не в диковину. Теперь он хотел получить доказательства того, что хотя бы часть моих прорицаний правдива. И если таких доказательств не будет, еще не поздно и самое место пролить мою кровь. Меня же интересовало, какие ветры дуют в паруса кораблей из Малой Британии. В трехстах шагах бежал ручей, и под сенью ив и дубов было темно.

Взмахом руки Вортигерн приказал мне занять место на помосте подле себя; поднявшись по ступеням, я стал по правую руку от него, против колдунов. Несколько войсковых командиров отодвинулись от меня подальше; лица их одеревенели, и они избегали смотреть на меня. Я заметил, как они скрестили пальцы, защищая себя от дурных чар, и подумал: дракон не дракон, а с этими я справлюсь. Почувствовав на себе чей-то взгляд, я оглянулся и встретился глазами с седобородым. Потом взгляд его скользнул к моему плечу: порыв ветра разметал складки плаща, открыв фибулу с драконом. Внезапно глаза его расширились, а рука потянулась к бедру — не для того, чтобы тайком сложить знак от сглаза, а чтобы ослабить меч в ножнах. Я отвернулся. Никто не произнес ни слова.

Бдение вышло тревожное и напряжённое. Солнце опускалось все ниже, холодный весенний ветер, крепчая, трепал занавеси павильона. Лужи меж кочками покрылись рябью, в их грязной воде плескался ветер. Холодные сквозняки гуляли по доскам настила. В темнеющем небе насвистывал нехитрую песню кроншнеп, но вот она стихла, журча, словно ручей на перекате, и умолкла совсем. Над нами бился и хлопал в порывах ветра королевский штандарт. Тень павильона, удлиняясь, накрывала раскисшее поле.

Единственным свидетельством того, что в штольне шли работы, было движение под деревьями. Последние лучи заходящего солнца окрасили красным западный склон Королевской Твердыни, высветив вершину утеса, увенчанную рухнувшей стеной. Наверху не было ни души; должно быть, всех каменщиков и их подручных согнали на работы в подземелье и штольне. Мальчишки-посыльные по цепочке передавали последние сообщения о ходе работ и опрометью неслись назад. Насосы работают успешно и откачивают воду... За последние полчаса уровень снизился на две пяди... Не соизволит ли король запастись терпением: помпы остановились, но механики скоро их починят, а работники тем временем уже установили ворот и передают по цепочке ведра... Снова все хорошо, помпы заработали, уровень воды быстро пошел на убыль... Полагают, что скоро покажется дно...

Еще два часа оцепенелого ожидания; тишину нарушали лишь хлопанье ткани штандарта и свист пронизывающего ветра. Почти совсем стемнело, когда на сбегавшей с холма тропе появились огни — к нам направлялась толпа работников из пещеры. Они шли быстро, но без излишней поспешности, свойственной людям, подстегиваемым страхом, и еще до того, как они подошли достаточно близко, чтобы ясно разглядеть принесенное ими, я уже знал, что они обнаружили на дне озера. В ярде от помоста старший над ними поднял руку, призывая их остановиться, и работники столпились у него за спиной. Я заметил, что стражи придвинулись ближе ко мне.

Среди работников было немало солдат. Их капитан вышел вперед, подняв руку в почтительном приветствии.

— Озеро оказалось пустым? — спросил Вортигерн.

— Да, господин.

— Что же вы обнаружили на дне?

Капитан помедлил с ответом. Ему следовало быть бардом. Не было нужды мешкать, чтобы привлечь всеобщее внимание: все взоры и так были прикованы к нему.

Внезапный порыв ветра, еще более резкий, чем предыдущие, рванул его плащ в сторону со звуком, подобным щелканью хлыста, и заставил покачнуться столбы павильона. Пронеслась в вышине подхваченная злым ветром птица. Не сокол-мерлин: сегодня — не его день. Всего лишь грач, спешащий к гнездовью.

— Под водой ничего нет, господин. — Голос был бесстрастным, заученно церемонным, но я услышал, как по толпе, словно еще один порыв ветра, прокатилось бормотание. Моган подался вперед, вытянув шею, глаза его заблестели, как у стервятника, но я видел, что он не осмеливается заговорить, пока не узнает, куда склонится чаша весов, и главное — не выяснит мнение короля. Вортигерн крепче сжал подлокотники походного трона.

— Ты уверен в этом? Озеро осушили до дна?

— Разумеется, господин. — Он подал знак стоящим подле него работникам; трое или четверо подошли на шаг ближе, чтобы вывалить перед помостом груду покрытого илом хлама. Сломанная мотыга, изъеденная ржавчиной, несколько кремневых топоров, явно древнее римских, пряжка пояса, нож с почти полностью съеденным ржавчиной клинком, короткий обрывок цепи, металлический утяжелитель для кнута, несколько черепков и еще какие-то предметы, которые уже нельзя было узнать.

Капитан протянул мне руку ладонью вверх.

— Когда я говорю «ничего», милорд, я имею в виду лишь то, что ты, вероятно, ожидал. Вот это. Мы добрались до самого дна, под тонким слоем воды уже виднелась скала, но чтобы до конца убедиться, мы вычерпали и ил. Десятник подтвердит мои слова.

Десятник шагнул вперед, и я увидел, что в руке он держал полное ведро; вода переплескивалась через край.

— Милорд, это правда, там нет ничего. Ты сам в этом можешь убедиться, коли сходишь. Но лучше тебе не ходить, вход залит грязью, и там не пройти. Но последнее ведро я принес с собой, чтобы ты мог увидеть все своими глазами.

С этими словами он опрокинул ведро на и без того раскисшую от влаги землю. Вода плеснула в траву и лужицей стекла к древку королевского штандарта. Вместе с

илом, что собрался на дне ведра, выплеснулись несколько обломков камня и серебряная монета.

Король обернулся, чтобы посмотреть на меня. Наверное, отзвуком и мерой вчерашних пророчеств в подземелье было то, что жрецы все еще хранили молчание, а король явно ждал — и не оправданья, а объясненья.

Мой бог тому свидетель, у меня было довольно времени для раздумий — многие часы долгого, холодного молчаливого бдения, но я понимал, что раздумья мне не помогут. Если мой бог со мной, он явит себя теперь. Я поглядел на лужи, где лежало как кровь последнее закатное зарево. Я поднял глаза вверх, туда, где над утесом пронзительно вспыхивали в прозрачном небе звезды. Приближался новый шквал ветра; я слышал, как он рвет верхушки дубов, под которыми ждет меня в укрытии Кадал.

— Ну? — потребовал Вортигерн.

Я шагнул к краю помоста. Я все еще чувствовал себя опустошенным, но так или иначе, мне придется говорить. Стоило мне пошевелиться, на павильон налетел шквал. Послышался треск, чавканье, шорох и вой, словно свора гончих терзала оленя, потом — короткий оборванный крик. Королевский штандарт над нами развернулся, хлестнув воздух, натянул фалы и, приняв в себя всю мощь ветра, выгнулся будто парус. Древко его заходило из стороны в сторону в раскисшей глине, подмытой водой из ведра, внезапно вырвалось из удерживавших его рук знаменосца... и рухнуло. Штандарт лег плашмя под ноги королю.

Шквал унесся вдаль, наступило временное затишье. Полотнище знамени распласталось по земле и медленно набухало грязью. Белый дракон на зеленом поле. Мы смотрели, как дракон медленно погружался в лужу и зеленое поле захлестывала вода. Последние слабые лучи заката окрасили воду кровью.

— Знамение! — испуганно пробормотал голос у меня за спиной. Другой же громко выкрикнул:

— Тор великий, Дракон пал!

Послышались и другие крики. Знаменосец с посеревшим лицом уже наклонился, но я спрыгнул с помоста, повернулся к собравшимся лицом и воздел руки к небу.

— Кто теперь усомнится в том, что бог явил свою волю? Взгляните на небо, и вы увидите, что он говорит опять!

Потемневший восток прочерчивала, оставляя за собой след, как комета, горящая белым падучая звезда, какую в народе зовут огненным или огнедышащим драконом.

— Он идет! — закричал я. — Он идет! Красный Дракон Запада! Говорю тебе, король Вортигерн, не теряй времени, слушая невежественных глупцов, что твердят тебе о кровавых жертвах и строят тебе стену из камня — по две пяди в день. Какая стена защитит тебя от Дракона? Я, Мерлин, говорю тебе: отошли от себя жрецов, собери командиров и воевод и беги из уэльсских гор в свою родную страну. Королевская Твердыня не для тебя. Ты видел, как взошел огненный Красный Дракон, а Белый Дракон был повержен. И клянусь любыми богами, здесь тебе открылась истина! Внемли предостережению! Сними шатры и уходи домой, охраняй пределы своей земли, иначе Дракон последует за тобой и сожжет тебя! Ты привел меня сюда, чтобы я говорил, и вот я сказал. Говорю тебе, Дракон уже здесь!

Король вскочил на ноги, люди закричали. Я запахнулся в черный плащ и не торопясь отвернулся от толпы мастеровых и солдат, столпившихся вокруг помоста. Они не пытались остановить меня. Скорее они решились бы коснуться ядовитой змеи. В гуле голосов за спиной я услышал голос Могана и на мгновение подумал, что они будут преследовать меня, но королевская свита, спустившись с помоста, стала проталкиваться через толпу тесно стоявших работников и мастеровых, спеша назад в лагерь. Факелы загасили. Кто-то поднял намокшее знамя, и я видел, как оно раскачивалось на своем древке из стороны в сторону, разбрызгивая воду, — это капитаны, верно, расчищали дорогу королю. Я поплотнее завернулся в темный плащ, скользнул в тень и наконец, никем не замеченный, смог обойти павильон.

До дубравы было сотни три шагов по темному полю. В ее сени по гладким камням громко журчал широкий ручей.

Низкий голос Кадала, поторапливая меня, произнес:

— Сюда. — Копыто высекло искру из камня. — Я раздобыл тебе лошадь поспокойней, — сказал Кадал и забросил меня в седло.

Я коротко рассмеялся.

— Этим вечером я мог бы проехаться и на огнедышащем драконе. Ты видел ее?

— Да, милорд. И я видел и слышал все.

— Кадал, ты же обещал, что не будешь меня бояться. Это была всего лишь падающая звезда.

— Но она появилась именно в то мгновение.

— Да. А теперь нам нужно ехать, пока это еще возможно. Главное — правильно выбрать время, только и всего, Кадал.

— Тебе не стоит над этим смеяться, мастер Мерлин.

— Богом клянусь, я и не думал смеяться.

Кони вырвались из-под мокрых деревьев и быстрым аллюром понеслись по гребню. Проход на запад по правую руку от нас закрывал покрытый мелколесьем холм. Впереди лежала узкая горловина лощины, зажатой между холмом и рекой.

— Они пошлют погоню?

— Сомневаюсь.

Но как только мы перевели лошадей в галоп, между гребнем и рекой замаячил всадник, и лошади сбили шаг, Кадалов конь даже дал свечу.

Кадал вонзил шпоры ему в бока, и скакун, присмирев, рванулся вперед. Заскрежетало железо. Смутно знакомый голос внятно произнес:

— Успокойтесь. Друг.

Лошади били копытами и фыркали. Я заметил руку Кадала на поводе незнакомца. Тот сидел в седле неподвижно.

— Чей друг?

— Амброзия.

— Погоди, Кадал, это седобородый. Твоя имя, милорд? И какое у тебя ко мне дело?

Он хрипло откашлялся.

— Меня зовут Горлойс. Горлойс Тинтагельский из Корнуолла.

Кадал удивленно вскинулся, и я услышал, как звякнули уздечки. Он все еще держал повод второй лошади, а в его другой руке тускло блестел кинжал. Старый воин не шевельнулся. Не было слышно и топота копыт едущих следом лошадей.

— Тогда, господин, мне скорее следовало спросить, какое дело привело тебя к Вортигерну, — медленно произнес я.

— То же, что и тебя, Мерлин Амброзий. — Я увидел, как под седыми усами заблестели белые зубы. — Я отправился на Север, чтобы все увидеть самому и сообщить ему. Запад ждал слишком долго и с приходом весны созреет окончательно. Но ты прибыл раньше меня. Похоже, я мог бы не тратить трудов на дорогу.

— Ты приехал один?

Он коротко и жестко, словно пролаяв, рассмеялся:

— К Вортигерну? Едва ли. Мои люди нас вскоре нагонят. Но мне нужно было перехватить тебя. Я хочу знать новости. — И хрипло добавил: — О боже, юноша, ты сомневаешься во мне? Я приехал к тебе один.

— Нет, мой господин. Кадал, отпусти повод. Милорд, если ты желаешь говорить со мной, то тебе придется делать это в дороге. Нам нужно ехать, и быстро.

— Охотно. — Мы тронули лошадей. Когда они перешли на галоп, я спросил через плечо:

— Ты догадался, увидев мою застежку?

— Еще раньше. Ты похож на него, Мерлин Амброзий. — Я снова услышал его глубокий горловой смех. — И, клянусь богом, временами ты бываешь похож и на своего легендарного отца из преисподней. Здесь придержи коня, мы почти у брода. Вода сегодня стоит высокая. Говорят, что чародеи не могут пересечь проточную воду?

Я рассмеялся.

— Мне всегда плохо в море, но с этим я справлюсь. — Лошади, не сбивая шага, вошли в воду на переправе и галопом вынесли нас на другой склон. Мы выехали на мощеную дорогу, ясно видную в переменчивом свете звезд и ведущую по гребню возвышенности прямо на юг.

Мы скакали всю ночь, и погони за нами не было. Спустя три дня ранним утром Амброзий высадился в Британии.

КНИГА IV
КРАСНЫЙ ДРАКОН

1

Ежели верить хроникам, Амброзию понадобилось всего два месяца, чтобы короноваться верховным королем Британии и установить в стране мир и порядок. На самом деле это заняло более двух лет.

Первый этап был завершен достаточно быстро. Не впустую потратил он все эти годы в Малой Британии, когда они с Утером создавали и оттачивали свою ударную силу, подобной которой Европа не видела вот уже более ста лет, — с тех пор, как была распущена армия под началом маркграфа Саксонского берега. На деле Амброзий взял эту армию за образец, создав замечательно подвижное боевое соединение, способное снабжать себя на местности и делать все со скоростью вдвое большей, чем обычная рать. Цезарева скорость, еще называли это в дни моей молодости.

Амброзий высадился у Тотнеса в Девоне, при свежем ветре и благоприятном море; и не успел он поднять свой штандарт, не успел взвиться в небо Красный Дракон, как весь Запад поднялся на его поддержку. Он стал королем Корнуолла и Девона, не успев еще уйти с побережья, и повсюду, на всем его пути на запад воеводы и короли спешили стать под его знамя, пополняя ряды его войска. Элдол Глочестерский, неукротимый старик, сражавшийся вместе с Константином против Вортигерна, с Вортигерном — против Хенгиста и с Вортимером — против них обоих, готовый драться где угодно из любви к доброй схватке, встретил Амброзия в Гластонбери и принес ему присягу на верность. С ним пришло множество мелких вождей, и не в последнюю очередь — его родной брат Элдад, христианский епископ, чье ярое благочестие заставляло языческих волков казаться агнцами, а меня призывало задуматься, где и как проводил он долгие темные ночи зимнего солнцестояния. Однако епископ обладал не-

малой властью; я не раз слышал, как моя мать отзывалась о нем с почтением, и как только он открыто взял сторону Амброзия, с ним поднялись все христиане Британии, влекомые жаждой изгнать языческие орды, неуклонно продвигавшиеся в глубь страны с Саксонского берега и из тех мест, где причаливали их корабли. Последним прибыл Горлойс Тинтагельский, прискакавший прямиком из лагеря Вортигерна с известием, что верховный король поспешно покинул горы Уэльса. Властитель Корнуолла немедля был готов подтвердить клятву вассальной верности, которая, выйди Амброзий победителем, впервые присоединит все королевство Корнуэльское к Верховному Королевству Британия.

Главной заботой Амброзия было не отсутствие поддержки, а ее природа. Урожденные бритты, уставшие от Вортигерна, очертя голову рвались в битву, дабы изгнать из страны ненавистных саксов и вернуть себе дома и древние обычаи, но огромное их большинство знало лишь тактику партизанской войны или тактику внезапных набегов, пригодную для того, чтобы измотать противника, грозящую сокрушительным поражением там, где враг решит ударить всей своей силой. Более того, каждый отряд прибывал со своим военачальником, и ни один из них не рискнул подорвать свое положенье, предлагая перегруппировать войска, чтобы затем обучать их под присмотром чужаков. С тех пор как почти столетие назад из Британии ушел последний римский легион, мы сражались (как делали то наши предки до прихода римлян) отдельными племенами. Бесполезно было предлагать, к примеру, жителям Диведа сражаться бок о бок с выходцами из Южного Уэльса, пусть даже под командованием своих вождей, — и с той, и с другой стороны окажется немало перерезанных глоток еще до первого зова боевой трубы.

И в этом, как и во всем остальном, Амброзий явил себя мудрецом. Как это было в его обычае, он использовал каждого в меру его сил и умений. Своих командиров он рассеял по всем британским отрядам — лишь для согласования действий, как говорил он — и через них подспудно приспособил тактику каждого отряда с тем, чтобы она соответствовала его планам и целям, а основной вражеский удар пришелся бы по его собственным отборным войскам.

Обо всем этом я услышал позднее, хотя мог бы догадаться исходя из того, что знал о нем. Мог я догадаться и о том, что неизбежно случилось, как только собралось

все его воинство и провозгласило его королем. Его британские союзники бурно требовали, чтобы он немедленно выступил против Хенгиста и изгнал саксов с их земли. Вортигерн не слишком их заботил. В самом деле, какой бы властью ни обладал Вортигерн, он почти совсем утратил ее, и Амброзию не составило бы труда пренебречь им и сосредоточиться на саксах.

Но он отказался уступать давлению. Сперва надо выкурить старого волка, говорил он, и это развяжет нам руки для главной битвы. Кроме того, указывал он, Хенгист и его саксы — люди Севера и потому особенно подвержены влиянию слухов и суеверному страху; дайте мне объединить Британию против Вортигерна, говорил он, и саксы начнут нас бояться, начнут бояться британской рати как силы, с которой нельзя не считаться. Если дать саксам время, они соберут против нас одно большое войско, с которым можно будет покончить одним ударом.

Вожди собрали совет. Это было в крепости возле Глочестера, там, где первый мост переброшен через реку Сеферн. Воображение рисует его так ясно, будто я сам присутствовал там. Амброзий слушал, взвешивал и выносил свой суд, отвечая с присущей ему непринужденной серьезностью, давая высказаться каждому и не умаляя ничьей гордыни; и под конец принял решение, какое с самого начала намеревался принять, но уступая в делах малых, так что каждый из вождей полагал, что добился если не всего, чего хотел, то почти всего, а в обмен лишь уступил командование войсками своему королю.

Так, плодом этого совета стала первая победа Амброзия — не прошло и недели, как объединенное воинство британцев выступило на Север и настигло Вортигерна в Генорею.

Генорею лежит в долине реки Гуой, название которой саксы произносят как Уэй или Вайэ. Вайэ — большая река, что катит глубокие и безмятежные на вид воды по узкому ущелью, над которым нависли покрытые лесом склоны. Тут и там ущелье расступается, давая место зеленым пастбищам, но прилив поднимается на много миль вверх по реке, и пойменные луга нередко захлестывает ревущими бурыми потоками; великая Вайэ не так спокойна, как кажется, и даже летом в ней есть глубокие омуты, в которых отлеживаются огромные рыбины, а сильное течение способно перевернуть рыбачью лодку и утянуть человека на дно.

К северу, далеко за чертой, которой достигает прилив, там, где немного отступают скалистые утесы и долина делает широкий изгиб, высятся две горы, известные как Генореу. Большая — это северная гора, поросшая лесом и изрытая норами, в которых, как говорят, прячутся дикие звери и беззаконные, шалые люди. Гора, которую называют Малой Генореу, тоже покрыта лесом, но не столь густым, и поскольку склоны ее скалисты, высящаяся над кронами деревьев крутая вершина образует естественную цитадель, настолько могучую, что ее укрепили еще в незапамятные времена. Задолго до прихода римлян британский король построил на этой вершине форт, который благодаря своему господству над местностью и таким самой природой созданным укреплениям, как река и утес, стал грозной и неприступной твердыней. Вершина горы плоская, а склоны — крутые и изрезанные, и хотя в одном месте осадные машины можно было втянуть наверх, проход с этой стороны упирался в утесы, среди которых машины бесполезны. Повсюду, кроме этого прохода, был насыпан двойной крепостной вал, позади него шел ров, который требовалось преодолеть тем, кто желал пробиться к внешней стене крепости. Даже римляне лишь однажды подошли к ее внешнему валу, но захватить крепость смогли лишь благодаря предательству. Это случилось во времена Каракатака. Генореу была из тех крепостей, что, как легендарную Трою, берут изнутри.

И в этот раз взяли ее изнутри. Но не предательством, а огнем.

Всем известно, что там произошло.

Войско Вортигерна еще не успело оправиться после стремительного бегства из Сноудона, когда армия Амброзия вошла в долину Вайэ и стала лагерем к западу от горы Большая Генореу, в местечке под названием Ганарью. Мне не доводилось слышать, сколько припасов было у Вортигерна, но крепость держали в полной готовности как раз на такой случай. К тому же всем было известно, что в стенах крепости, которую на памяти людской еще никто не смог взять, бьют два источника; поэтому Амброзий мог потерять немало времени прежде, чем взял бы измором запершегося там Волка. Но как раз осады Амброзий и не мог себе позволить: под боком у него стягивал силы Хенгист, и апрельские шторма готовы были бы замереть, открывая морские пути меж Британией и побережьями Саксонии. К тому же британским союзникам Амброзия не терпелось схватиться с Хенгистом, и потому

10 м —

они ни за что не согласились бы на затяжную осаду. Генорею требовалось захватить молниеносно.

Штурм крепости был скоротечный и беспощадный. С тех пор немало говаривали, что взятие крепости было местью Амброзия за своего давно умершего брата. Не думаю, что это правда. Такая злопамятность была не в его характере; к тому же он прежде всего был полководец и прекрасный стратег и тактик, а уже потом обыкновенный человек. Им руководила только необходимость, а к беспощадному штурму его вынудила жестокость самого Вортигерна.

Три дня Амброзий осаждал крепость в обычной римской манере. Там, где это представлялось возможным, он велел подтянуть осадные машины и пытался пробить оборону. Ему и в самом деле удалось разрушить внешний крепостной вал в двух местах у так называемой Римской дороги, но тут его войска оказались на открытом пространстве перед внутренним валом, из-за которого посыпался град стрел, и он приказал отступить. Увидев, сколь долгой обещает стать эта осада, а также и то, что и в эти три дня часть британских отрядов потихоньку оставила его лагерь, словно гончие, почуявшие сакского зайца, Амброзий решил приблизить развязку. Он послал к Вортигерну парламентера с предложением условий, на которых крепость будет сдана. Вортигерн, который, должно быть, видел уход части британских войск и не мог не понимать, в каком положении оказался его противник, рассмеялся посланнику Амброзия в лицо и отослал его назад без ответа, но с отрубленными руками, которые, завернув в окровавленную тряпицу, привязали бедняге к поясу.

Спотыкаясь, парламентер вошел в шатер Амброзия сразу после захода солнца третьего дня и смог удержаться на ногах, пока произносил слова, которые ему было велено передать.

— Они говорят, что ты можешь оставаться здесь, мой господин, пока твоя армия не растает, а ты сам не станешь таким же безруким, как я. У них достаточно припасов, милорд, я это видел, и вода...

— Он сам приказал сделать это? — только и спросил Амброзий.

— Королева, — ответил искалеченный воин. — Это была королева.

Он рухнул ниц у ног Амброзия, и из окровавленной тряпицы вывалились его руки.

— Тогда мы спалим это осиное гнездо вместе с королевой и всеми прочими, — коротко бросил Амброзий. — Позаботьтесь о нем.

Той же ночью, к вящему удовлетворению осажденных, с Римской дороги и из пробоин во внешнем валу исчезли осадные машины. Вместо этого проломы заложили огромными ворохами валежника и спиленных сучьев, и Амброзиево войско теснее сжало кольцо на подступах к вершине горы: цепи лучников стали в немом ожиданье, а позади них — ратники, готовые зарубить любого, кому удастся бежать. В тихий предрассветный час был отдан приказ. Со всех сторон через стены крепости обрушился ливень стрел с наконечниками из подожженной промасленной пакли. Долго ждать не пришлось. Постройки были большей частью деревянные, а внутри скопилось множество повозок, запасов, животных и корма для них. Огонь жадно набросился на крепость. А когда рассвело, подожгли валежник у внешних стен, так что любого, спрыгнувшего с них, снаружи тоже встречала стена огня, а еще дальше — железное кольцо британской армии.

Говорят, что на протяжении всего этого беспощадного штурма Амброзий сидел на громадном белом коне и смотрел, пока от отблесков пламени его жеребец не стал таким же красным, как и Красный Дракон над его головой. А высоко на крепостной башне Белый Дракон, ясно видимый на фоне черных клубов дыма, окрасился кровью под цвет языков пламени, а затем почернел и упал.

2

Пока Амброзий осаждал, а затем предал огню Генореу, я все еще был в Маридунуме; с Горлойсом я расстался по пути на юг, пожелав ему скорой встречи с моим отцом.

Случилось это так. Всю первую ночь напролет мы неслись во весь опор, но погони не было и следа, так что с рассветом мы съехали с дороги, чтобы передохнуть и подождать, пока нас нагонят люди Горлойса. Они прибыли утром: в охватившей Динас Бренин панике им удалось ускользнуть незамеченными. Они подтвердили предположение, которое Горлойс уже высказывал мне: Вортигерн направится не в

свою крепость Каэр-Гуэнт, а в Генореу, цитадель в горах на берегу реки Вайэ, на самой окраине Уэльса. Люди Горлойса сообщили, что король движется по восточной дороге через Каэр-Гай на Бравониум. За Томен-и-Мур нам уже не грозит опасность погони или нападенья.

Итак, мы продолжили путь. Теперь наш отряд насчитывал около двух десятков человек, и мы ехали без спешки и не таясь. Моя мать, под охраной вооруженного эскорта, опережала нас менее чем на день, и ее кортеж с носилками двигался намного медленнее нас. Мы не хотели догонять их и, быть может, навязывать схватку, в которой могли пострадать женщины. Нет сомнения, сказал мне дорогой Горлойс, что женщин в сохранности доставят в Маридунум, «но, — добавил он в своей резкой, грубоватой манере, — мы встретим эскорт на обратном пути. Будь уверен, они повернут назад: откуда им знать, что король отправился на восток? А человеком меньше у Вортигерна — человеком больше у твоего отца. Мы узнаем новости в Бремии, там же за селеньем и разобьем лагерь, чтобы дождаться верховых короля».

Бремия была всего лишь кучкой каменных хижин, пропитанных запахом торфяного дыма и навоза, с дверными проемами, завешенными от ветра и дождя шкурами или мешковиной. И из-за этих пологов на нас смотрели испуганные глаза женщин и детей. Ни один мужчина не вышел нам навстречу, даже когда мы натянули поводья посреди селенья и дворняги забегали вокруг копыт наших лошадей, заливаясь яростным лаем. Это озадачило нас, пока я (на местном наречье) не окликнул людей, прятавшихся за ближайшим пологом, дабы успокоить их и узнать новости.

После этого они вышли наружу — женщины, дети и один или два старика — и живо обступили нас, поскольку были явно не прочь поговорить.

Первой новостью было то, что кортеж моей матери провел здесь предыдущие день и ночь, отбыв лишь этим утром по настоянию принцессы. Она занемогла, с готовностью поведали мне жители селенья, и остановилась в доме старосты, где за ней хорошо ходили. Монахини уговаривали принцессу свернуть с дороги ради монастырской обители, расположенной среди холмов неподалеку, где они могли бы отдохнуть, но она отказалась. Утром ей, по-видимому, стало лучше, и потому кортеж продолжил путь. По словам жены старосты, у нее была простуда; ее бил озноб, и она немного кашля-

ла, но утром ее состояние явно улучшилось, а до Маридунума оставалось не более дня пути, поэтому решили, что лучше позволить ей делать то, что она пожелает...

Я обвел взглядом убогий домишко, из которого мне навстречу вышла говорливая женщина, и подумал, что опасность, какой чреваты еще несколько часов, проведенные больной в носилках, гораздо меньше той, что грозила ей в столь жалком обиталище в Бремии, и потому поблагодарил женщину за ее доброту и поинтересовался, куда подевался ее муж. На это она с радостью ответила, что все мужчины селенья ушли к Амброзию...

Она неправильно истолковала мой удивленный взгляд.

— Разве вы не знаете? В Динас Бренине объявился пророк, сказавший, что придет Красный Дракон. Принцесса сама сказала мне об этом, и видно было, что солдаты боялись. А теперь он высадился. Он уже здесь.

— Откуда ты знаешь? — спросил я женщину. — Дорогой мы не встретили ни одного гонца.

Она поглядела на меня, как на безумца или глупца. Разве я не видел огнедышащего дракона? Все в селенье сразу поняли, что значит это предзнаменование, и пророк так сказал. Мужчины вооружились и в тот же день ушли. Если солдаты вернутся, женщины с детьми укроются среди холмов, но всем известно, что Амброзий способен передвигаться быстрее ветра, и им совсем не страшно...

Я не стал прерывать ее болтовню, а перевел сказанное для Горлойса. Наши взгляды встретились, и в них читалась одна и та же мысль. Мы еще раз поблагодарили женщину, воздали ей по заслугам за заботу о моей матери и отправились следом за мужчинами Бремии.

Южнее селенья дорога разветвляется: основной тракт сворачивает к юго-востоку мимо золотых копей и дальше ведет через холмы и низменности в широкую долину реки Уай, откуда лежит прямой путь до переправы через Сеферн и дальше на юго-запад. Другая, не столь наезженная дорога уходит прямиком на юг, до Маридунума отсюда не более дня пути. Я решил, что в любом случае последую за моей матерью на юг и переговорю с ней прежде, чем присоединюсь к Амброзию; теперь, после известия о ее болезни, такой разговор стал настоятельно необходим. Горлойс же поскачет к Амброзию и предупредит его о передвижениях Вортигерна.

На развилке, там, где расходились наши дороги, мы нагнали поселян. Наше приближение они услышали загодя и потому попрятались — местность была каменистой и поросла густым кустарником, — но недостаточно быстро; порывистый ветер, должно быть, заглушал топот наших коней, пока мы не оказались совсем рядом. Мужчин не было видно, но они не успели укрыть одного из своих жалких вьючных ослов, а по осыпи все еще скатывались мелкие камешки.

Снова повторилась Бремия. Остановившись, я обратился к ветреной тишине. На этот раз я назвал себя — и через мгновение дорога, казалось, кишела людьми. Они окружили наших лошадей, весело ухмыляясь и потрясая самым причудливым оружием — от погнутого римского меча до каменного наконечника копья, примотанного к ручке граблей. Поселяне рассказали нам то же, что и их женщины: они слышали пророчество и видели знамение; теперь вот шли к Амброзию, и скоро к ним присоединятся все мужчины Запада. Их боевой дух был высок, но в остальном они являли собой жалкое зрелище. К счастью, у нас была возможность им помочь.

— Поговори с ними, — обратился ко мне Горлойс. — Скажи им, что если они подождут здесь с нами еще один день, то получат оружие и лошадей. Они выбрали удачное место для засады. Да и кто знает местность лучше, чем они?

Итак, я сообщил поселянам, что перед ними герцог Корнуэльский, великий вождь, и что если они подождут с нами один день, то мы позаботимся о том, чтобы им достались лошади и оружие.

— Люди Вортигерна будут возвращаться этим путем, — объяснил я. — Они не знают, что верховный король уже бежал на Восток; они будут ехать назад по этой дороге, так что мы обождем их здесь. Вы поступите мудро, если подождете вместе с нами.

Все остались ждать. Должно быть, эскорт задержался в Маридунуме дольше положенного, но кто стал бы винить их за это после такой холодной и сырой поездки? Они показались на дороге незадолго до сумерек второго дня; ехали не таясь и помышляли, наверное, о ночлеге в Бремии.

Мы захватили их врасплох. Бой был коротким, кровавым и очень неприятным. Стычки на дорогах похожи одна на другую. Эта отличалась тем, что была лучшей по части командования и много более причудливой по части вооружения, но на нашей стороне было преимущество как в

неожиданности, так и в численности: мы добились желаемого результата — лишили Вортигерна двадцати воинов, потеряв лишь троих наших и отделавшись несколькими легкими ранами. Я вышел из схватки с большей честью, чем считал вообще возможным, убив человека, которого выбрал, до того как бой пронесся надо мной и дальше; другой ратник Вортигерна выбил меня из седла и, наверное, прикончил бы, если бы Кадал не отразил удар и сам не заколол нападавшего. Все кончилось очень быстро. Мы похоронили наших павших, а вражеских оставили на поживу стервятникам, предварительно лишив их оружия и кожаных панцирей. В этой стычке мы по мере сил щадили лошадей, так что, когда мы прощались на следующее утро, Горлойс увел за собой на юго-запад новый отряд, в котором у каждого был конь и приличное оружие. Мы с Кадалом повернули на юг к Маридунуму и прибыли в город перед наступлением вечера.

Первым, кого я встретил, когда мы ехали по улице к обители Святого Петра, был мой кузен Диниас. Мы неожиданно столкнулись с ним, когда он сворачивал из-за угла; он отпрыгнул как ошпаренный и побелел как мел. Наверное, после того как вооруженный эскорт привез мою мать, но без меня, слухи распространились по городу подобно лесному пожару.

— Мерлин. Я думал... я думал...

— Рад нашей встрече, кузен. А я собирался тебя искать.

— Послушай, клянусь, я не догадывался о том, кто эти люди... — поспешно заговорил он.

— Знаю. Это произошло не по твоей вине. Я не затем искал встречи с тобой.

— ...и я был пьян, ты же знаешь. Но даже если бы я догадывался, кто они такие, разве мог я знать, что они заберут тебя? До меня доходили слухи о том, что они ищут, сознаюсь, но поверь, мне и в голову не приходило...

— Я уже сказал, что тебя не виню. К тому же я благополучно вернулся, так ведь? Все хорошо, что хорошо кончается. Перестань, Диниас. Я хотел поговорить с тобой не об этом.

— Я взял деньги, помнишь? Ты сам видел, — не унимался он.

— Ну и что с того? Ты же не продал сведения за деньги, ты получил их уже после. По-моему, это не одно и то же. Если Вортигерну нравится бросаться деньгами, то следует всеми способами помогать ему в этом. Забудем все, прошу тебя. У тебя есть новости о моей матери?

— Я только что от нее. Тебе известно, что она больна?

— Я узнал об этом по дороге сюда. Что с ней? Она плоха?

— Мне сказали, что она простудилась, но уже поправляется. Мне показалось, что она плохо выглядит, но, должно быть, сказались тяжелая дорога и тревога за тебя. Чего ради ты понадобился Вортигерну?

— Чтобы убить меня, — коротко ответил я.

Он выпучил глаза и стал заикаться:

— Во... имя бога, Мерлин, я знаю, мы с тобой никогда не были... то есть бывали времена... — Он замолк, и я услышал, как Диниас с трудом сглотнул. — Ты же знаешь, что я родичей не продаю.

— Я же сказал, что верю тебе. Забудь. Это вовсе не связано с тобой, просто его колдуны наговорили всякого вздора. Но я уже сказал тебе, что остался жив и здоров.

— Твоя мать ничего об этом не говорила.

— Она не знала. Неужели ты полагаешь, что она покорно позволила бы ему отослать себя домой, знай она об их намерениях? Вот те, кто привез ее сюда, об этом наверняка знали. Но они же не проболтались ей?

— Кажется, нет, — ответил Диниас. — Но...

— Я рад это слышать. Надеюсь вскоре ее увидеть, и на сей раз при свете дня.

— Значит, теперь тебе больше нечего бояться Вортигерна?

— Возможно, мне следовало бы бояться, если бы здесь все еще было полно его людей, но у ворот сказали, что они все убрались, побежали к нему?

— Именно так. Одни уехали на север, другие — на восток, в Каэр-Гуэнт. Выходит, ты слышал новость?

— Какую новость?

Хотя на улице никого, кроме нас, не было, он по старой привычке воровато оглянулся через плечо. Я соскользнул с седла и бросил повод Кадалу.

— Какую новость? — повторил я.

— Амброзий, — тихо произнес он. — Говорят, что он высадился на юго-западе и продвигается на север. Это известие пришло вчера с кораблем, и люди Вортигерна сразу стали собираться. Но... если ты только что приехал с севера, как же ты мог их не встретить?

— Мы видели этим утром два отряда, но вовремя заметили их и ушли с дороги. И накануне мы встретили у развилки эскорт моей матери.

— Встретили? — Казалось, его поразили мои слова. — Но если они знали, что Вортигерн собирался убить тебя...

— То они знали и то, что мне нечего делать на Юге, и должны были убить меня? Ты прав. Поэтому мы их порубили. О, да не смотри ты на меня так — дело тут не в колдовстве, а в солдатах. Мы повстречали валлийцев, которые шли к Амброзию, устроили засаду на людей Вортигерна и посекли их.

— В Уэльсе уже знают? Было пророчество, не так ли? — В сгустившихся сумерках ярко блеснули белки его глаз. — Я слышал о нем... Все вокруг гудит слухами. Нам рассказали солдаты. Говорили, что ты показал большое озеро под утесом — это там, где мы останавливались когда-то, и, клянусь, тогда никакого озера там не было, — и в этом озере, под основанием башни лежали драконы. Это правда?

— То, что я показал озеро, да.

— А драконы. Что это было?

— Драконы, — медленно произнес я. — Нечто, сотворенное из ничего, что-то, что они могли бы увидеть воочию, поскольку, не увидев своими глазами, они не только не поверили бы мне, не стали бы даже слушать.

Повисло недолгое молчание. Затем он заговорил со страхом в голосе:

— Так это волшебство показало тебе приход Амброзия?

— И да, и нет, — улыбнулся я. — Я знал, что он придет, но не знал когда. Волшебство известило меня, что он уже в пути.

— Ты знал, что он идет? — снова уставился он на меня. — Значит, ты узнал что-то в Корнуолле? Мог бы и мне сказать.

— Зачем?

— Я бы присоединился к нему.

Какое-то время я испытующе всматривался в него.

— Ты и сейчас можешь присоединиться к нему. Ты и твои друзья, сражавшиеся за Вортимера. Как насчет Пасцентия, брата Вортимера? Ты знаешь, где он? Он по-прежнему горит желанием биться с Вортигерном?

— Да, но говорят, что он отправился мириться с Хенгистом. Он никогда станет под знамя Амброзия, потому что хочет сам заполучить Британию.

— А ты? — спросил я. — Чего ты хочешь?

Он ответил просто, без громких слов и бахвальства:

— Мне нужно всего лишь место, которое я смогу назвать своим. Вот это, если удастся. В конце концов, оно и так мое. Он убил детей, разве ты не знаешь?

— Я не знал этого, но ты меня не удивил. В конечном счете это в его духе. — Я помолчал. — Послушай, Диниас, разговор будет долгим, мне есть что рассказать тебе. Но сперва я хотел бы попросить тебя об одолжении.

— Каком?

— О гостеприимстве. Нет такого места, куда бы мне хотелось отправиться, пока мне подготовят жилье, а снова пожить в доме моего деда было бы любопытно.

— Он уже совсем не тот, что был раньше, — ответил Диниас без уверток и притворства.

— Но что-то же осталось, — рассмеялся я. — Там ведь есть крыша над головой, чтобы укрыться от этого поганого дождя, и огонь, чтобы обсушить нашу одежду, да еще что-нибудь для желудка, даже не важно что. Что ты скажешь, если я пошлю Кадала купить еды и мы пообедаем дома? Я тебе расскажу обо всем за пирогом и флягой вина. Но предупреждаю, если ты еще раз хотя бы покажешь мне кости, то я сам кликну людей Вортигерна.

— На этот счет можешь быть спокоен, — улыбнулся он, внезапно расслабившись. — Что ж, пойдем. Еще осталась пара комнат, пригодных для жилья, и мы найдем для тебя кровать.

Мне досталась комната Камлаха. В ней гуляли сквозняки и было полно пыли, и Кадал наотрез запретил мне ложиться в постель, пока та целый час не простояла рядом с ревущим огнем. У Диниаса не было слуги, за исключением одной неряшливой девчонки, которая приглядывала за ним, очевидно, в обмен на привилегию делить с ним постель. Кадал поручил ей наносить дров для растопки и разогреть воды, а сам тем временем отправился в монастырь с весточкой моей матери, а потом в таверну, чтобы раздобыть вино и ужин.

Мы ели, сидя перед огнем, а Кадал нам прислуживал. Мы проговорили допоздна, но здесь достаточно лишь заметить, что я рассказал Диниасу свою историю — или ту ее часть, которая была доступна его пониманию. Возможно, я получил бы некоторое удовлетворение, сообщив ему правду о моем рождении, но предпочел за лучшее подождать, пока не буду уверен в нем и в округе не останется людей Вортигерна. Поэтому я рассказал ему лишь о том, как попал в Британию и как стал одним из приближенных графа Британского. Диниас уже достаточно был наслышан о моем «пророчестве» в подземелье под Королевской Твердыней и слепо пове-

рил в грядущую победу Амброзия, поэтому наша беседа закончилась его обещанием отправиться утром на Запад с вестями и собрать с окраин Уэльса помощь для Амброзия, какую только удастся. Я понимал, что он побоится не сдержать свое обещание: что бы ни говорили солдаты о случившемся в Королевской Твердыне, этого оказалось достаточно, чтобы внушить моему простоватому Диниасу благоговейный страх перед моим могуществом. Но и без того я знал, что могу положиться на него.

Мы проговорили почти до зари, после чего я дал ему денег и пожелал доброй ночи.

(Он уехал еще до того, как я проснулся на следующее утро. Диниас сдержал свое слово и присоединился к Амброзию в Йорке, приведя с собой несколько сотен человек. Его приняли с почестями; он хорошо проявил себя, но вскоре в каком-то второстепенном сражении получил раны, от которых позже скончался. Что до меня, то я никогда его больше не видел.)

Кадал запер за ним дверь.

— Наконец у нас есть хороший замок и надежный засов.

— Ты опасаешься Диниаса? — спросил я.

— Я опасаюсь любого в этом проклятом городе. Мне не будет покоя, пока мы не уберемся отсюда и не окажемся рядом с Амброзием.

— Едва ли тебе стоит сейчас волноваться. Люди Вортигерна бежали. Ты же слышал, что сказал Диниас.

— Да, но и твои слова я тоже слышал. — Он наклонился, чтобы убрать одеяла от огня, и замер, глядя на меня поверх вороха постели. — Что ты имел в виду, говоря, что будешь здесь, пока не подготовят твое жилье? Ты же не думаешь построить себе здесь дом?

— Нет, не дом.

— Ту пещеру?

Я улыбнулся, увидев выражение его лица.

— Когда Амброзий перестанет нуждаться во мне, а в стране воцарятся мир и покой, туда-то я и намерен удалиться. Я же предупреждал тебя, что если ты захочешь остаться со мной, то будешь жить вдали от дома?

— Насколько мне помнится, мы говорили о смерти. Ты имеешь в виду, что будешь там жить?

— Не знаю, — ответил я. — Возможно, и нет. Но думаю, мне необходимо место, где я могу побыть один. Вдали от происходящих событий. Размышлять и строить пла-

ны — это одна сторона жизни, а деяния — другая. Человек не может все время что-нибудь делать.

— Скажи об этом Утеру.

— Я не Утер.

— Что ж, как говорят, годятся оба. — Он бросил одеяла на кровать. — Чему ты улыбаешься?

— Я улыбаюсь? Не обращай внимания. Давай спать, завтра нам нужно пораньше быть в монастыре. Тебе снова пришлось подкупать старуху?

— Нет там никакой старухи, — выпрямился он. — На этот раз была девушка. И довольно миловидная, насколько я мог судить о ней в этой мешковатой рясе и опущенном на лицо капюшоне. Тот, кто запирает таких девушек в монастырь, заслуживает... — Кадал принялся объяснять, что они заслуживают, но я оборвал его:

— Ты узнал, как себя чувствует моя мать?

— Они сказали, что ей лучше. Жар спал, но она не успокоится, пока не увидит тебя. Теперь ты ей обо всем расскажешь?

— Да.

— А потом?

— Мы поедем к Амброзию.

— Ага, — произнес он и потащил свой тюфяк, так чтобы он лежал поперек дверей, по пути задув светильник, после чего без единого слова улегся спать.

Кровать у меня была достаточно удобной, а комната, хоть и обветшалая, казалась после долгого путешествия верхом роскоши. Но спал я плохо. В мыслях я был рядом с Амброзием на дороге к Генореу. Все, что я знал о Генореу, подсказывало, что взять его будет делом нелегким. Я начал беспокоиться, не оказал ли медвежью услугу своему отцу, заставив верховного короля покинуть его крепость в Сноудоне. Быть может, думалось мне, стоило оставить его там в этой заговоренной, обваливающейся башне, Амброзий гнал бы его из Уэльса до самого моря.

С огромным усилием, удивившим меня самого, припомнил я собственное пророчество. То, что я сделал в Динас Бренине, произошло не по моей воле. Не я решил заставить Вортигерна удирать из Уэльса. Из тьмы и пустоты, из водоворота звезд явились мне эти слова. Красный Дракон восторжествует, а Белый падет. Голос, произнесший эти слова тогда и повторивший их теперь в затхлой темноте комнаты

Камлаха, принадлежал не мне: это был голос моего бога. А человек... он не бодрствует и не доискивается причин... Человек повиновался и заснул.

3

Монастырские ворота мне отворила девушка, о которой говорил Кадал. Ее, наверное, загодя послали ждать у ворот, потому что не успел Кадал потянуть за веревку звонка, как одна створка распахнулась, и монахиня знаком пригласила нас войти. Пока она брала на засов тяжелые ворота, я успел оценить гибкую молодую фигурку, закутанную в грубую рясу. Сверкнув большими глазами, девушка надвинула пониже капюшон, скрывая высокий лоб и светлые волосы, и быстро повела нас через монастырское подворье. Ее ноги в простых полотняных сандалиях посинели от холода и были заляпаны грязью из покрывавших подворье луж, но были стройными, хорошей формы, а руки — изящными.

Не проронив ни слова, она провела меня и Кадала через подворье к узкому проходу между двумя строениями, за которыми нам открылся просторный внутренний двор. Здесь, вдоль стен, росли фруктовые деревья, а среди них — немного цветов. Но цветник был неухожен, между полевыми цветами пробивалась сорная трава. В этот двор открывались некрашеные двери келий, и там, где они были распахнуты, я мог видеть голые комнатки, в которых скоромность и простота уступили место неприглядной убогости и слишком во многих — мерзости запустения.

Но келья матери была иной. Ее разместили с удобством, пусть и не по-королевски. Матери позволили привезти собственную мебель, комната была побелена и сияла чистотой; а поскольку апрель переменчив, из-за разошедшихся туч вышло солнце и сияло теперь в узкое оконце, ложась на кровать веселыми золотыми бликами. Обстановка была мне знакома: ее кровать из дворца и собственноручно сотканные ею занавеси — это алое полотно с узорчатой зеленой каймой мать ткала в тот день, когда возвратился мой дядя Камлах. Помнил я и волчью шкуру, что лежала сейчас на полу; мой дед взял зверя голыми руками и добил рукоятью сломавшегося кинжала; когда я был мал,

бусины в шкуре на месте глаз и желтый оскал вселяли в меня непреодолимый ужас. На голой стене в изножье постели висел крест из потемневшего серебра с красивым узором из плавных переплетающихся линий, усеянный аметистами, в которых игриво поблескивали солнечные лучи.

Безмолвно указав мне на приотворенную дверь, девушка удалилась. Кадал сел на скамью под окном и приготовился ждать.

Моя матушка полулежала, откинувшись на высокую подушку, на лице и на груди ее покоился солнечный свет. Она выглядела бледной и усталой, говорила едва слышным шепотом, но, по ее словам, была уже на пути к выздоровлению. Когда я начал расспрашивать ее о болезни и положил ей ладонь на лоб, она с улыбкой отвела мою руку и сказала, что здесь ей оказан достойный уход. Я не настаивал: более чем наполовину леченье заключено в доверии больного, а нет такой женщины, которая бы не думала о своем сыне как о большом ребенке. Кроме того, я видел, что жар спал, и теперь, когда мать не тревожится за меня, сон ее станет спокоен и крепок.

Поэтому я просто пододвинул поближе к постели единственный в комнатке стул и, не дожидаясь ее вопросов, стал рассказывать ей все, что она хотела знать: о моем бегстве из Маридунума, о том, как я, подобно пущенной богом стреле, перелетел из Британии прямо к ногам Амброзия, и обо всем, что произошло после. Она опустилась ниже на подушках и молча глядела на меня; на ее лице проступало удивление и еще одно все нараставшее чувство, в котором я распознал ошеломление, какое, быть может, испытывает плененная птица, высидевшая сокола.

Когда я закончил свой рассказ, вид у нее был утомленный; серые тени залегли под глазами так густо, что я поднялся со стула, собираясь уйти. Но она выглядела удовлетворенной и сказала, словно это был итог истории, и полагаю, для нее так оно и было:

— Он признал тебя.

— Да. Меня называют Мерлин Амброзий.

Она помолчала, улыбаясь своим мыслям. Я подошел к окну и, облокотившись на подоконник, выглянул во двор. Припекало солнце. Кадал сонно клевал носом на своей скамейке. Мое внимание привлекло движение смутной тени

в дальнем конце двора; в затемненном дверном проеме стояла девушка и не сводила глаз с двери кельи моей матери, будто ожидая, когда я оттуда выйду. Она откинула капюшон, и, несмотря на то что она стояла в тени, я сумел разглядеть золото ее волос и молодое лицо, нежное, как цветок. Потом она заметила, что я смотрю на нее. На мгновение наши взгляды скрестились. Я понял, почему древние вооружали своих самых жестоких богов стрелами, почувствовав, будто стрела насквозь пронзила мое тело. Затем девушка исчезла, темная ряса с откинутым капюшоном растворилась в тени, а позади меня моя матушка произнесла:

— А теперь? Что теперь?

Я отвернулся от солнечного света.

— Я поеду к нему. Но не раньше, чем ты поправишься. Уезжая, я хотел бы увезти с собой вести о тебе.

Она выглядела взволнованной.

— Ты не должен здесь оставаться. В Маридунуме для тебя небезопасно.

— Не думаю. После известия о высадке здесь не осталось ни одного из людей Вортигерна. Нам пришлось пробираться на юг тропами через холмы — дороги были запружены людьми, идущими сражаться под его рукой.

— Это так, но...

— И я не стану праздно разгуливать по городу, обещаю тебе. Мне повезло прошлой ночью — я встретил Диниаса, едва вошел в город. Он предоставил мне комнату в доме.

— Диниас?

Я рассмеялся, видя ее удивление.

— Диниас чувствует себя моим должником, не важно почему, но прошлой ночью мы вполне поладили. — Я рассказал, с каким заданием послал его, и она кивнула.

— Ему, — я понял, что матушка имела в виду не Диниаса, — понадобится каждый, кто способен поднять меч. — Она нахмурила брови. — Говорят, у Хенгиста триста тысяч воинов. Сможет ли он, — и опять ее слова относились не к Хенгисту, — выстоять против Вортигерна, а после — против Хенгиста и его саксов?

Наверное, я все еще думал о вчерашнем разговоре с Диниасом до первых петухов и потому изрек, даже не задумавшись над тем, как это прозвучит:

— Я так сказал, значит, так будет.

Шорох покрывала на постели заставил меня опустить взгляд. Мать крупно крестилась; взгляд ее был тревожен и суров, и в нем читался испуг.

— Мерлин... — После этого слова ее затряс кашель, и когда она вновь смогла говорить, из ее уст вырвался лишь хриплый шепот: — Бойся высокомерия. Даже если Господь наделил тебя силой...

Я накрыл ладонь матери своей, останавливая ее.

— Ты неверно поняла меня, госпожа. Я неудачно выразился. Хотел только сказать, что моими устами говорил мой бог, а поскольку так сказал он, это не может не быть правдой. Амброзий непременно победит, так велят звезды.

Она кивнула; я увидел, как обмякло и расслабилось ее тело, и умиротворение снизошло на ее ум, так затихает перед сном утомленный ребенок.

— Не бойся за меня, матушка. Для чего бы ни использовал меня бог, я доволен тем, что стал его голосом и орудием. Я иду туда, куда он посылает меня. А когда моя миссия будет окончена, он отзовет меня к себе.

— Есть только один бог, — прошептала она.

— Именно так я и начинаю думать, — улыбнулся я ей. — А теперь тебе нужно поспать. Я вернусь утром.

На следующее утро я снова пришел повидать матушку. В этот раз я отправился один. Кадала я был вынужден послать на рынок за провизией, поскольку Диниасова неряха исчезла вместе с ним, оставив нас самих заботиться о своем пропитании в опустевшем дворце. Я был вознагражден, потому что девушка снова ждала на своем посту у ворот, чтобы проводить меня в келью матери. Но едва я заговорил с ней, она, не ответив, пониже опустила капюшон, так что я снова видел лишь ее стройные руки и ноги. Сегодня брусчатка высохла, и от луж не осталось и следа. Девушка вымыла ноги, и, стянутые грубыми сандалиями, они напоминали цветы в голубых прожилках, собранные в крестьянскую корзину. Или же, убеждал я себя, воображение у меня разыгралось, как у какого-нибудь барда, да еще там, где на это оно не имело вообще никакого права. Стрела все еще дрожала в том месте, куда поразила меня, и все мое тело при виде девицы затрепетало и напряглось.

Она снова показала мне дверь, будто я мог забыть, где она, и удалилась.

Моя матушка выглядела несколько лучше и в ответ на мой вопрос сказала, что хорошо отдохнула. Мы немного поговорили; она расспрашивала о подробностях моих приключений, и я удовлетворял ее любопытство. Собираясь идти, я как бы невзначай спросил:

— Та девушка у ворот — не слишком ли она молода, чтобы быть здесь? Кто она?

— Ее мать работала во дворце. Кэридвена. Ты ее помнишь?

— А я должен ее помнить? — спросил я.

— Нет.

Однако когда я спросил ее, почему она улыбается, мать промолчала, и, не желая вызывать ее любопытства, я не отважился расспрашивать дальше.

На третий день у ворот стояла старая глухая привратница. Пока мы беседовали с матерью, я все время думал, не увидела ли она (как это умеют женщины) то, что скрывалось за моим напускным безразличием, и не приказала ли убрать девушку подальше с моих глаз. Но на четвертый день девушка вновь была там, и, ступив лишь три шага за ворота, я уже знал, что она слышала рассказы о Динас Бренин. Ей так хотелось взглянуть на волшебника, что она не заметила, как капюшон сполз ей на затылок, и я в свою очередь увидел широко раскрытые глаза, серо-голубые, в которых благоговейный страх мешался с любопытством. Я улыбнулся ей, сказав какие-то слова приветствия, и она снова спряталась под капюшоном, но на этот раз уже ответила.

У нее был милый и тихий, словно детский голос; она называла мéня «мой господин», словно и впрямь так думала.

— Как тебя зовут? — спросил я ее.

— Кэри, милорд.

Я постарался задержать ее.

— Как̀ сегодня моя матушка, Кэри?

Но она не ответила, а провела меня прямиком во внутренний двор и оставила там.

В ту ночь я опять не спал, но ни один бог не говорил со мной, ни один не сказал мне даже, что она не для меня. Боги не посещают людей, чтобы напомнить им о том, что те и так знают.

К концу апреля моя мать оправилась настолько, что, когда я пришел ее проведать, она уже сидела в кресле перед окном, облаченная в шерстяную рясу поверх сорочки,

и ее ласкали солнечные лучи. Айвовое дерево, прислонившееся к стене у ее окна, было густо усеяно розовыми чашечками цветов, в которых деловито гудели пчелы, а рядом с ней, на подоконнике, с важным видом расхаживала, воркуя, пара белых голубок.

— У тебя есть новости, — предположила она, как только увидела мое лицо.

— Сегодня прибыл гонец. Вортигерн мертв, а вместе с ним и королева. Говорят, что Хенгист с большой силой идет на юг, к нему присоединился брат Вортимера Пасцентий и остатки его армии. Амброзий уже выступил им навстречу.

Она сидела очень прямо, глядя мимо меня на стену. Сегодня с ней в келье была женщина, устроившаяся на табурете по другую сторону постели; это была одна из монахинь, сопровождавших ее в Динас Бренин. Я заметил, как она перекрестилась, но Ниниана даже не пошевелилась и продолжала глядеть мимо меня в пустоту, о чем-то напряженно размышляя.

— Расскажи мне.

Я поведал ей все, что узнал об осаде Генореу. Женщина еще раз перекрестилась, но моя мать осталась безучастна. Когда я закончил, ее взор обратился ко мне.

— Теперь ты уедешь?

— Да. Ты дашь мне письмо для него?

— Мы вскоре встретимся, — ответила она, — тогда у нас на все достанет времени.

Когда я распрощался с ней, она так и осталась сидеть очень прямо и глядела куда-то мимо мерцающих на стене аметистов. Вдаль или, быть может, в прошлое...

Кэри не ждала меня, и я немного замешкал, прежде чем медленно пройти монастырским подворьем к воротам. Затем я заметил ее в тени под сводом ворот и ускорил шаг. Я перебирал в уме множество вещей, которые следовало сказать и которые не могли продлить то, что нельзя было продлить, но в этом не было нужды. Протянув прелестную ручку, девушка просительно тронула меня за рукав:

— Мой господин...

Ее капюшон был полуотброшен назад, и я увидел, что в глазах ее стоят слезы. Я резко спросил:

— В чем дело? — Думаю, на какое-то сумасбродное мгновение мне показалось, что она рыдает из-за того, что я ухожу.

— Кэри, что случилось?

— У меня болит зуб.

Я уставился на нее. Должно быть, у меня был такой глупый вид, словно я только что получил пощечину.

— Вот здесь, — произнесла она и приложила мою руку к щеке. Капюшон упал ей на спину. — Он болит уже несколько дней. Прошу тебя, господин...

— Я не зубодер, — хрипло ответил я.

— Но ты можешь просто до него дотронуться...

— И не чародей, — начал говорить я, но она придвинулась ко мне, и слова застряли у меня в горле. От нее пахло жимолостью. У нее были ячменно-золотистые косы, а глаза — серо-голубые, как полевые колокольчики, готовые вот-вот распуститься. Я не смог воспротивиться, когда она взяла мою руку своими и поднесла ее к щеке.

Я чуть напрягся, словно желая отнять руку, но затем овладел собой и нежно провел ладонью по щеке девушки. Серые колокольчики глаз были такими же невинными, как небо. Она наклонилась ко мне, и в открывшемся вороте рясы я увидел ее грудь. Кожа Кэри была гладкой, как водяная гладь, а ее нежное дыхание ласкало мне щеку.

Я мягко отнял руку и отступил назад.

— Я ничем не могу помочь тебе, — сказал я. Наверное, мой голос прозвучал грубо. Она опустила ресницы и смиренно стояла, сложив на груди руки. Ресницы у нее были короткими, густыми и такими же золотистыми, как волосы. В уголке ее рта затаилась крохотная родинка.

— Если к утру тебе не станет легче, то лучше его вырвать, — посоветовал я.

— Мне уже лучше, мой господин. Боль утихла, как только ты коснулся его. — Ее голос был полон удивления, а рука потянулась к щеке, туда, где перед этим лежала моя ладонь. Ее движение напоминало ласку, и сердце мое забилось быстрее, словно от боли. Внезапно она снова потянулась за моей рукой, а потом застенчиво и быстро наклонилась и прижалась к ней губами.

Рядом со мной распахнулась створка ворот, и я очутился на пустынной улице.

4

Со слов гонца выходило, что Амброзий был прав в своем решении покончить сперва с Вортигерном и лишь затем выступить против саксов. Взятие Генорею и жесто-

кость, с которой это было проделано, произвели желаемое впечатление. Отряды саксов, глубже прочих проникшие в глубь страны, начали отходить на север, к диким и спорным землям, издавна служившим местом высадки захватчиков.

Они остановились к северу от реки Хумбер, где в ожидании Амброзия принялись укреплять долину. Сперва Хенгист полагал, что под началом у Амброзия всего лишь войско, вторгшееся из Малой Британии, — и он пребывал в неведении относительно того, с каким смертельным оружием войны ему придется столкнуться. Сакс думал (так доносили), что к Амброзию присоединилось не более горстки жителей островной Британии. Как бы то ни было, саксы так часто побеждали мелкие отряды отдельных племен, что давно уже привыкли относиться к ним с презрением, как к легкой добыче. Но теперь, когда в лагерь саксов что ни день прибывали гонцы с рассказами о тысячах воинов, что стекались под знамя Красного Дракона, а потом — и о победе при Генорею, Хенгист отказался от мысли отсидеться в укрепленных фортах за Хумбером и снова бросил свои орды на юг, чтобы самому выбрать поле, на котором он встретит британцев и сможет захватить Амброзия врасплох и разгромить его армию.

И снова Амброзий двинул свои войска с «цезаревой скоростью». Им руководила необходимость: саксы разоряли все земли, по которым им случалось идти.

Развязка пришлась на вторую неделю мая, когда по-июньски жарко припекало солнце и ясные дни перемежались не успевшими пролиться апрельскими ливнями; срок своевольной свирепости саксов истек, и наступил час запоздалой расплаты. Амброзий захватил врасплох Хенгиста, когда тот готовил своему противнику засаду у Маэсбели, возле крепости Конана или Каэрконана, которую саксы зовут также Конисбург. Земля здесь холмистая, на скалистом утесе высится крепость, а в нескольких саженях от утеса тянется глубокая лощина, где и вознамерился расположить своих воинов Хенгист. О готовившейся засаде лазутчики Амброзия узнали от одного бритта, на которого наткнулись, побираясь через холмы вокруг крепости Конана; бритт бежал в эти места, чтобы сберечь от топоров захватчиков с Севера жену и двух маленьких детей. Итак, Амброзий, предупрежденный заранее, молниеносно перебросил свои отряды и настиг Хенгиста до того, как тот закончил расставлять войска, принудив его принять бой на открытой местности.

И вышло так, что попытка Хенгиста устроить засаду обернулась против него. Развернув армию у подножия холмов, Амброзий получил преимущество местности. Его основные силы — бретонцы, галлы и жители южных и юго-западных пределов Британии — ждали на склоне пологого холма, перед которым простиралось ровное поле, где они могли беспрепятственно атаковать. Среди этих полков повсюду были расставлены отряды из других местностей Британии, пришедшие к Амброзию под знаменами своих вождей. Позади основного ядра армии полого поднимались холмы, поросшие случайными зарослями терновника и желтого утесника; холмы сходились к длинному гребню, который изгибался к западу чередой низких скалистых гор, а к востоку щетинился густым дубовым лесом. Жители Уэльса, привычные сражаться в гористой местности, расположились на флангах: отряды выходцев из Северного Уэльса Амброзий укрыл в дубовом лесу, а на западных отрогах, отделенные от них всей британской ратью, стали ратники Южного Уэльса. Эти отряды, легковооруженные, очень маневренные и жаждущие свести с саксами старые счеты, должны были держаться в резерве как подкрепления; им предстояло нанести стремительные удары, которые по приказу Амброзия раз за разом будут пробивать оборону врага в самых слабых его местах. И можно было не сомневаться, что они не упустят ни одного из саксов Хенгиста, когда те дрогнут и побегут с поля битвы.

Саксы, попавшие в свою же ловушку, запертые в долине распахнувшей по флангам крылья могучей ратью и зажатые между скалой Каэрконана и узкой теснины, где собирались устроить засаду, сражались как демоны. Но преимущество было не на их стороне: они вступили в битву со страхом в сердцах — страхом перед Амброзиевой славой и его жестокостью при покорении Генореу, но более всего — как мне говорили — со страхом, который вселило в них мое пророчество Вортигерну и который передавался из уст в уста со скоростью огня, охватившего крепость Генореу. И конечно, знамения были на руку Амброзию. Две рати сошлись перед самым полуднем — и к заходу солнца все было кончено.

Я видел все — от начала и до конца. Это была первая великая битва в моей жизни и, я не стыжусь в том признаться, — почти последняя. Оружие в моей битве — не копье и не меч. Если молва говорит правду, я приложил руку к победе при Каэрконане еще до того, как прибыл на поле бит-

вы, а достигнув его, волею моего бога сыграл в ней роль, однажды и в шутку отведенную мне Утером.

Я доехал с Кадалом до Каэрлеона, где мы застали небольшой отряд войск Амброзия, стоявший гарнизоном в местной крепости, и еще один, как раз выезжавший в Маридунум для восстановления тамошнего форта. А также, как доверительно сообщил мне капитан второго отряда, — сделать все возможное, чтобы не пострадал тамошний монастырь. «Все добрые христиане, — важно добавил он, едва заметно подмигнув мне. — Вот сколь велико благочестие нашего командующего». Более того, он получил распоряжение отрядить нескольких верховых, которые должны были сопроводить меня к Амброзию. Мой отец не забыл даже прислать мне кое-что из одежды. Потому я отослал Кадала, к вящему неудовольствию последнего, назад — по мере возможности привести в порядок пещеру Галапаса, — а сам под охраной выехал на северо-восток.

Мы нагнали армию британцев как раз перед Каэркононом. Войска уже развернулись для сражения, и нечего было даже думать о том, чтобы повидаться с командующим, и потому, подчинившись переданному с гонцом распоряжению, мы отвели коней к подножию западного холма, где воины из различных племен Южного Уэльса недоверчиво поглядывали друг на друга поверх мечей, обнаженных ради битвы с саксами. С таким же недоверием взирали на меня всадники моего эскорта: все время пути они не решались навязать мне разговоры, и по выражениям их лиц было очевидно, что они относятся ко мне не без трепета — и не только потому, что видят во мне признанного сына Амброзия, но и потому, что уже я прослыл «пророком Вортигерна». Неизвестно, когда прилепилось ко мне это звание, и один мой бог знает, сколько лет мне потребовалось для того, чтобы от него избавиться, как сбрасывает змея старую кожу. Когда я со своим эскортом явился к капитану, поставленному командовать западным флангом, и попросил указать нам место в боевых порядках, тот сперва ужаснулся, а затем с самым серьезным видом стал умолять меня остаться в стороне от грядущего сражения и подыскать возвышенность, откуда меня было бы хорошо видно его людям, чтобы они знали, как он это представил, «что пророк здесь и с ними». В конце концов я подчинился и обосновался на вершине небольшого утеса, откуда, завернувшись в плащ, я приготовился наблюдать за полем битвы, раскинувшимся подо мной словно живая карта.

Амброзий находился в самой середине: я видел белого жеребца и развевающегося над ним Красного Дракона. Справа мелькал лазоревый плащ Утера, скакавшего вдоль строя. Предводителя левого крыла я узнал не сразу; серый конь, крупный кряжистый всадник, как влитой сидящий в седле, белое знамя с гербом, который я сперва не мог распознать. Затем я увидел, что на нем за герб. Вепрь Корнуолла. Левым флангом Амброзия командовал не кто иной, как седобородый Горлойс, властитель Тинтагельский.

Боевой порядок, в котором выстроились саксы, ни о чем мне не говорил. С детства я слышал о свирепости этих светловолосых великанов; меня, как и всех британских детей, с младенчества воспитывали на рассказах об их жестокости. Говорили, во время боя на них нисходит священное безумие и они с неослабевающей силой и яростью способны драться, истекая кровью из дюжины ран. Но если свирепости и силы у них было в избытке, то порядка и дисциплины им не хватало. По-видимому, это было правдой. Я не мог разглядеть ни построения, ни плана в бескрайнем море сверкающего металла и развевающихся конских грив, которое пребывало в постоянном движении, подобно воде, готовящейся прорвать плотину.

Даже с такого расстояния я мог различить Хенгиста и его брата, гигантов, чьи длинные усы свешивались им на грудь, а ржаные гривы волос развевались по ветру, когда они давали шпоры своим лохматым крепким лошадкам, раз за разом объезжая строй. Они что-то кричали, и до нас доносилось эхо их криков: это были воззвания к их богам, кровавые клятвы, призывы и приказы, которые все нарастали в яростное крещендо, пока с последним диким криком: «Бей, бей, бей!» — не взметнулись, не засверкали против майского солнца боевые топоры, и вся стальная орда рванулась к застывшим в порядке рядам Амброзиевой армии.

Два войска сошлись с грохотом, от которого с криком взвились ввысь над Каэрконаном черные галки и, казалось, раскололся сам воздух. Даже с моего возвышения невозможно было увидеть, на чьей стороне перевес в этой битве, которая разбилась на несколько отдельных сражений. Вот, кажется, еще миг — и топоры и крылатые шлемы саксов пробуравят британский строй; но тут же глаз ловит горсть саксов, отрезанных от своих, и растворяющихся, исчезающих в море британцев.

Центр армии Амброзия под его командованием принял на себя главный удар, и тут же с восточного фанга налетела кавалерия Утера. Люди Корнуолла под предводительством Горлойса сперва выжидали, но как только дрогнула передняя линия саксов, они, подобно кузнечному молоту, обрушились слева и смяли врага, разбив его строй. После этого на поле брани повсюду воцарились смятенье и хаос. Тут и там сражались отдельные отряды, и воины схватывались в жестоком единоборстве. Крики и топот, скрежет, бряцание стали, запах пота и крови смешались, накатывали волной на вершину моего холма, где я сидел, закутавшись в плащ и созерцая ход битвы. Внизу подо мною нетерпеливо переминались, бормотали валлийцы, но когда отряд саксов вырвался из кольца и ринулся галопом к нашему холму, это бормотание вдруг сменилось улюлюканьем. Мгновение спустя на опустевшем холме остался я один, но крики и шум стали ближе, подобно быстро поднимающейся приливной волне забурлили вокруг холма. На терновник, подле моего локтя, опустилась малиновка и, запрокинув головку, начала нехитрую песнь. Нежная серебряная трель взвилась к небесам, безучастная к шуму сражения. И поныне, когда я думаю о битве при Каэрконане, в моей памяти всплывает песня малиновки, смешивающаяся с карканьем воронья. Черные птицы уже кружили в небе над головой: говорят, что звон мечей они слышат и за десять миль.

К заходу солнца все завершилось. Элдол, герцог Глочестерский, стащил Хенгиста с коня под самыми стенами Каэрконана, за которыми тот пытался укрыться, а остальные саксы рассыпались и побежали: немногим удалось ускользнуть, но большинство посекли на склонах холмов или в узкой теснине у подножия Каэрконана. С приходом сумерек у ворот крепости загорелись факелы, распахнулись сами ворота, и белый конь Амброзия прошествовал по мосту в освобожденную крепость, оставляя поле битвы воронам, священникам и похоронным командам.

Я не стал искать с ним немедленной встречи. Нужно было дать ему время похоронить павших и очистить крепость. Меня же ждала работа среди раненых, а кроме того, не было нужды спешить передать послание моей матери. Сидя на залитом майским солнцем холме, посреди грохота битвы и песни малиновки, я почувствовал, что мать моя снова занемогла и уже скончалась.

5

Я спустился с холма, осторожно обходя заросли утесника и терновника. Валлийские войска уже давно скрылись из виду, но еще долгое время после захода солнца раздавались вопли и воинственные крики, свидетельствовавшие о том, что мелкие отряды все еще охотятся на беглецов, скрывшихся в лесу или среди скал.

Внизу, на равнине, сражение завершилось. Раненых сносили в Каэрконан. Повсюду замигали факелы, и вскоре равнина превратилась в море огней и дыма. Перекликались похоронные команды, ясно слышались крики и стоны раненых, иногда дополняемые ржанием лошадей, отрывистыми приказами капитанов и мерным топотом ног полковых лекарей и их помощников, выносящих носилки с поля битвы. То здесь, то там в темных уголках поля, подальше от света факелов, по одному или по двое шныряли какие-то люди. Время от времени они наклонялись, распрямлялись, потом суетливо спешили прочь. Иногда с того места, где они останавливались, доносились крики или внезапный стон; иногда коротко сверкала сталь или стремительная тень опускавшейся дубины. Мародеры, шнырявшие среди убитых и умирающих, на шаг опережали тех, кого Амброзий выслал подобрать трофеи. Спускались, садились на тела вороны; я видел, как над самыми факелами скользят их черные крылья, а одна пара птиц уселась, выжидая, на валуне неподалеку от меня. С наступлением ночи сюда сбегутся крысы, покинув сырые норы под стенами крепости, и набросятся на мертвые тела.

Работы по выносу раненых с поля шли так же быстро и споро, как делалось все в армии Амброзия. Когда всех занесли в крепость, ворота затворились. Я решил, что отыщу Амброзия, когда будет покончено с первоочередными хлопотами. Ему уже, наверное, сообщили, что я благополучно спустился на равнину после окончания битвы, и он догадается, что я отправился помогать полковым лекарям. Позднее будет время для того, чтобы поесть, и более чем достаточно времени, чтобы переговорить обо всем.

На поле все еще трудились отряды носильщиков, отделяя тела своих от трупов врагов. Мертвых саксов сваливали в единую кучу посреди поля — очевидно, для того, чтобы сжечь согласно их обычаю. Возле все растущей горы трупов особый отряд охранял кипу тускло поблескивающих ору-

жия и украшений, снятых с убитых воинов. Павших британцев снесли под стену крепости и уложили рядами для опознания. Небольшие отряды во главе с командирами обходили ряды, склоняясь над каждым из павших. Пробираясь по грязи, маслянистой и зловонной от крови, я миновал, среди прочих вооруженных уставившихся в пустоту мертвецов, полдюжины тел, облаченных в лохмотья, — разбойников или селян, судя по виду. Очевидно, это были трупы мародеров, зарубленных или заколотых ратниками. Один из них был еще жив: тело его, пригвожденное к раскисшей земле обломком сакского копья, который оставили в ране, содрогалось, словно пришпиленный булавкой мотылек. Я помедлил, потом все же подошел и склонился над ним. Он смотрел на меня — говорить уже не мог, — и я видел, что надежда еще не оставила его. Если бы копье вошло чисто, я мог бы вырвать жало и дать ему истечь кровью, но, глядя на разбитое в щепы копье, я понял, что есть более быстрый способ избавить раненого от страданий. Вынув из ножен кинжал и откинув в сторону плащ, я осторожно, так, чтобы не забрызгаться кровью, всадил ему кинжал в шею правее горла. Я отер клинок о лохмотья покойного и, выпрямившись, обнаружил, что поверх обнаженного короткого меча на меня смотрят жесткие и холодные глаза.

К счастью, я знал этого человека. Он тоже узнал меня, засмеялся и опустил свой меч.

— Тебе повезло. Я чуть не заколол тебя сзади.

— Об этом я не подумал. — Я вернул кинжал в ножны. — Было бы жаль расстаться с жизнью за кражу у такого, как он?

— Ты бы удивился, если бы узнал, что снимают с мертвецов. Все — от куска веревки до сломанной пряжки сандалий. — Он мотнул головой в сторону крепости. — Он спрашивал о тебе.

— Я иду к нему.

— Говорят, что ты все предсказал. Это правда, Мерлин? И Генореу тоже?

— Я сказал, что Красный Дракон одолеет Белого, — произнес я. — Но думаю, что это еще не конец. Что сталось с Хенгистом?

— Он там. — Он снова кивнул на цитадель. — Когда сломался саксонский строй, он попытался прорваться в крепость, и его схватили у самых ворот.

— Это я видел. Выходит, он внутри? Все еще жив?

— Да.

— А Окта? Его сын?

— Удрал. Он и его кузен — кажется, Эоза — ускакали на север.

— Значит, это еще не конец. Он послал за ними погоню?

— Пока нет. Сказал, что у нас много времени. — Он смерил меня взглядом. — Ведь так?

— Откуда мне знать? — не стал обнадеживать я его. — Как долго он думает оставаться здесь? Несколько дней?

— По его словам, три. Чтобы похоронить мертвых.

— Что он сделает с Хенгистом?

— А как ты думаешь? — Он коротко рубанул ребром ладони. — Если хочешь знать, поделом ему. Они там в крепости держат совет, но едва ли кто назовет это судом. Граф еще не высказался, но Утер жаждет его смерти, а священники желают закончить день показательным кровопролитьем. Ладно, мне опять пора за дело. Посмотрим, удастся ли поймать еще кого-нибудь из этих мародеров. — И уже уходя, обернулся и добавил: — Мы видели тебя на горе во время битвы. Люди говорили, что это — знамение.

Он ушел. Хлопнув крыльями, с карканьем опустился ворон и уселся на груди только что убитого мною человека. Я окликнул факельщика, чтобы тот посветил мне остаток пути, и направился к воротам крепости.

Я еще не успел добраться до моста, когда впереди показались мечущиеся огни факелов, а среди них вышагивал связанный белокурый великан, должно быть, сам Хенгист. Воины Амброзия выстроились в каре, в образовавшееся пустое пространство которого ввели вождя саксов и, очевидно, заставили опуститься на колени, потому что грива льняных волос исчезла за тесно сомкнутыми рядами британцев. Затем я увидел Амброзия, ступавшего по мосту; по левую руку от него шел Утер, а справа — неизвестный мне человек, облаченный в забрызганные грязью и кровью одежды христианского епископа. Остальные толпились за ними. Епископ что-то хмуро шептал на ухо Амброзию. Лицо Амброзия застыло в так хорошо знакомую мне холодную бесстрастную маску. Мне показалось, он произнес:

— Вот увидишь, они будут удовлетворены, — а затем коротко бросил еще что-то, что заставило наконец епископа умолкнуть.

Амброзий занял свое место. Я видел, как он кивнул капитану. Раздался приказ, за которым послышался

свист и глухой шлепок. По рядам собравшихся прокатился вздох, но вряд ли кто-то назвал бы его криком удовлетворения. Хриплый голос епископа торжествующе произнес:

— Так сгинут все язычники, враги единого истинного Бога! Бросьте его тело на растерзанье волкам и коршунам!

И тут же холодный и спокойный голос Амброзия возразил:

— Он отправится к своим богам в окружении своей армии, так, как это заведено у его народа. — И обернулся к капитану: — Извести меня, когда все будет готово, — я выйду.

Епископ снова разразился криками, но Амброзий отвернулся, словно его и вовсе не было, и, сопровождаемый Утером и другими военачальниками, широкими шагами пересек мост и скрылся в крепости. Я отправился следом. Перед моей грудью, преграждая дорогу, стража скрестила копья, но затем — гарнизон крепости состоял из бретонцев Амброзия — меня узнали, и копья раздвинулись.

Сразу за воротами крепости находился просторный прямоугольный двор, где оживленно суетились люди и всхрапывали и били копытами лошади. Против ворот несколько широких ступеней вели через двор к дверям в большой зал и башню. Свита Амброзия как раз поднималась по лестнице, но я свернул в сторону. Мне не было нужды спрашивать, где разместили раненых. Лекари трудились в длинном двухэтажном строении с восточной стороны двора: догадаться об этом мне помогли доносившиеся оттуда крики. Меня с благодарностью приветствовал старший лекарь по имени Гандар, который обучал меня в Бретани: он во всеуслышанье возвестил, что не видит пользы ни в колдунах, ни в священниках, но ему очень пригодится еще одна пара умелых рук. Гандар приставил ко мне двух или трех помощников, отыскал для меня кое-какие инструменты, дал ящик с мазями и притираниями и почитай что втолкнул меня в длинное помещение — по виду немногим лучше, чем крытый сарай, — где разместили до пятидесяти раненых. Обнажившись до пояса, я принялся за работу.

Около полуночи, когда самое тяжкое осталось позади, походный лазарет начал затихать. Я трудился в дальнем конце лазарета, когда слабое дуновение воздуха от входа заставило меня оглянуться: я увидел появившегося в дверях Амброзия. В сопровождении Гандара и двух своих командиров он тихо шел вдоль рядов раненых, останавливаясь у каждого и о чем-то негромко спрашивая.

Когда процессия достигла меня, я зашивал рану на бедре: рана была чистой и зажить должна была без труда, но порез был глубоким и рваным, и, ко всеобщему облегчению, мой пациент лишился чувств. Я не поднял головы, и Амброзий молча ждал, пока я закончу накладывать стежки. Затем я потянулся за повязкой, приготовленной мне помощником, и перевязал рану. Закончив, я встал на ноги, и помощник подал мне таз с водой. Я окунул руки и, подняв глаза, увидел, что Амброзий улыбался. Он еще не успел снять посеченного и забрызганного кровью панциря, но выглядел свежим и бодрым, готовым в случае необходимости начать еще одну битву. Я видел, что раненые смотрели на него так, словно черпали силы из одного только его присутствия.

— Мой господин, — произнес я.

Он склонился над впавшим в беспамятство ратником.

— Как он?

— Удар прошел мимо кости. Он поправится и будет благодарить судьбу за то, что удар не пришелся на несколько дюймов левее.

— Я вижу, ты хорошо потрудился.

Затем, когда я осушил руки и со словами благодарности отпустил помощника, Амброзий протянул мне руку:

— А теперь добро пожаловать. Думаю, мы тебе многим обязаны, Мерлин. Я говорю не о твоем искусстве лекаря, я говорю о Генорее и о сегодняшнем сраженье. Во всяком случае, армия так считает, а если солдаты решили, что что-то приносит удачу, то это и есть удача. Что ж, я рад видеть тебя в добром здравии. Полагаю, у тебя есть для меня новости.

— Да, — бесстрастно ответил я, потому что нас окружали люди, но я увидел, как улыбка, оставшись у него на губах, исчезла из глаз. Он заколебался, но затем тихо попросил:

— Друзья, оставьте нас.

Они вышли. Мы смотрели друг на друга поверх тела лежавшего в беспамятстве британца. Рядом стонал и метался солдат, и еще один закричал было, но захлебнулся криком. В лазарете отвратительно пахло кровью, стылым потом и болезнью.

— Какие же это новости?

— Они касаются моей матери.

Думаю, он уже знал, что я ему скажу. Он медленно заговорил, тщательно отмеривая слова, будто каждое из них имело свой вес и он должен был ощутить его.

— Люди, приехавшие с тобой... привезли мне вести о ней. Она занемогла, но была на пути к выздоровлению, сказали они, и теперь находится в Маридунуме в безопасности. Это неправда?

— Это было правдой, когда мы покидали Маридунум. Если бы я знал, что болезнь смертельна, я бы не оставил ее.

— Смертельна?

— Да, милорд.

Он молчал, опустив взор на раненого, но не видя его.

Тот зашевелился. Скоро он очнется, вернется к боли, зловонию и страху смерти.

— Может, нам стоит выйти на свежий воздух? — предложил я. — У меня здесь больше нет дел. Я пришлю кого-нибудь к этому человеку.

— Да. Тебе следует одеться. Ночь стоит холодная. — И, не двигаясь с места, произнес: — Когда она умерла?

— Сегодня, перед заходом солнца.

При этих словах он быстро взглянул на меня, его глаза пристально сузились, затем он согласно кивнул. Поворачиваясь к выходу, он жестом предложил мне последовать за собой. И уже в самых дверях спросил:

— Как ты полагаешь, она знала?

— Думаю, да.

— Она ничего не просила мне передать?

— Не совсем. Она сказала: «Мы вскоре встретимся, тогда у нас на все достанет времени». Она ведь христианка, а они верят...

— Я знаю, во что они верят.

Снаружи донесся какой-то шум, топот ног, потом несколько отрывистых приказаний. Амброзий остановился, прислушиваясь. Кто-то торопливым шагом направлялся в лазарет.

— Мы поговорим позже, Мерлин. Тебе есть что рассказать мне. Но сперва мы должны отправить дух Хенгиста к его предкам. Пошли.

Трупы саксов сложили поверх огромной поленницы, а сверху залили смолой и маслом. Наверху этой горы, на грубо сколоченном дощатом помосте возлежал Хенгист. Мне так и не довелось узнать, что сделал Амброзий, чтобы не дать ограбить тело, но Хенгист лежал нетронутый. Его грудь прикрывал щит, а правая рука покоилась на рукояти меча. Широкий кожаный воротник — такой ратники надева-

ют для защиты горла в бою — скрывал разрубленную шею, и кожа на воротнике была проклепана золотом. Плащ укрывал тело от подбородка до пят, его алые складки растеклись по нетесаному дереву.

Стоило факельщикам подпалить хворост, жадное пламя вспыхнуло и разгорелось в погребальный костер. Казалось, прошло много часов, но еще не закончилась ночь, и в темные небеса взмыл черный столб дыма, пронизываемый алыми языками. Края Хенгистова плаща занялись, обуглились, сморщились, и сакс исчез в клубах огня и дыма. Поленья трещали, словно по ним били кнутом, быстро прогорали и рассыпались углями бревна, и люди, покрытые потом и гарью, бегом подносили новые поленья. Даже в том месте, где мы стояли, довольно далеко от костра, жар был почти невыносимый, а с порывами влажного ночного ветра налетал запах горящей смолы и паленого мяса. За освещенным кольцом наблюдавших за церемонией ратников все еще бродили по полю битвы факельщики и слышался глухой стук заступов и лопат, разрывавших землю, чтобы похоронить мертвых британцев. За ослепительным погребальным костром сквозь черный дым едва видна была майская луна, висевшая над темными склонами далеких гор.

— Что ты видишь?

Голос Амброзия заставил меня вздрогнуть. Я удивленно поднял глаза:

— Вижу?

— В огне, пророк Мерлин.

— Ничего, кроме поджаривающихся тел.

— Тогда постарайся увидеть кое-что для меня, Мерлин. Куда бежал Окта?

— Откуда мне знать? — рассмеялся я. — Я рассказал тебе обо всем, что смог увидеть.

— Смотри пристальней, — даже не улыбнувшись, приказал он. — Скажи мне, куда скрылся Окта? И Эоза. Где они окопались в ожидании меня? Как скоро мы встретимся?

— Я говорил тебе. Я не ищу видений. Если мой бог пожелает, они сами приходят ко мне, являются из языков пламени или из темноты ночи и настигают меня так же бесшумно, как стрела, пущенная из засады. Я не должен искать лучника, мне остается лишь обнажить грудь и ждать, когда стрела поразит меня.

— Тогда сделай это сейчас, — упрямо, с нажимом, произнес он. Я видел, что он настроен серьезно. — Ты видел ради Вортигерна.

— Ты называешь это «ради» него? Ради него предсказал ему гибель? Когда я сделал это, милорд, то я даже не сознавал, что именно говорю. Полагаю, Горлойс рассказал тебе, что произошло, — даже сейчас я не в силах говорить об этом сам. Я не ведаю ни когда видение посетит меня, ни когда оно меня покинет.

— Только сегодня ты узнал о смерти Нинианы, и тебе не понадобились ни огонь, ни темнота.

— Ты прав. Но я не могу сказать тебе, откуда я узнал об этом, так же как не понимал, что говорил Вортигерну.

— Тебя называют «пророком Вортигерна». Ты предрек нашу победу, и мы ее добыли и здесь, и при Генореу. Люди доверяют тебе и верят в тебя. Так же, как и я. Разве не лучше зваться «пророком Амброзия»?

— Мой господин, ты сам знаешь, что я приму любое звание или имя, какое ты соизволишь мне дать. Но эта сила исходит не от меня. Я не могу вызвать видение, но знаю, что в важных делах оно приходит само. А когда я что-нибудь увижу, поверь мне, ты узнаешь об этом первый. Ты также знаешь, что всегда можешь располагать мной. А вот об Окте и Эозе мне ничего не известно. Я могу лишь догадываться — догадываться, как простой смертный. Они по-прежнему сражаются под стягом с Белым Драконом, не так ли?

— Да. — Его глаза сузились.

— Тогда слова пророка Вортигерна по-прежнему должны предвещать победу.

— Я могу передать это войскам?

— Если они нуждаются в этом. Когда ты намерен выступить?

— Через три дня.

— В каком направлении?

— На Йорк.

Я поднял вверх руку.

— Тогда твоя догадка военачальника, вероятно, равна моей догадке чародея. Ты возьмешь меня с собой?

— А ты будешь мне полезен? — улыбнулся он.

— Возможно, но не как пророк. Разве тебе больше не нужен механик? Или ученик лекаря? Или хотя бы певец?

Он рассмеялся.

— Мне известно, что под твоей туникой — сонм ипостасей. Только, прошу, не превращайся в священника, Мерлин. У меня их и так достаточно.

— Этого можешь не опасаться.

Языки пламени опадали. Командир, надзиравший за погребеньем, подошел к Амброзию с просьбой позволить распустить людей. Амброзий отдал приказание и посмотрел на меня:

— Что ж, поехали со мной в Йорк. Я сыщу тебе там дело. Настоящее дело. Мне сказали, он теперь наполовину в руинах, и мне нужен кто-то, кто сумеет руководить механиками. Треморин сейчас в Каэрлеоне. А теперь отыщи Кая Валерия и попроси его позаботиться о тебе, а через час пусть он приведет тебя ко мне. — И добавил через плечо, уже отвернувшись: — А тем временем, если что-нибудь явится тебе из темноты, подобно стреле, ты дашь мне знать?

— Если только это не будет настоящей стрелой.

Он засмеялся и ушел.

Вдруг рядом со мной возник Утер.

— Ну что, бастард Мерлин? Говорят, ты обеспечил нам победу с вершины горы? — Я с удивлением заметил, что в его голосе не было злобы. Он говорил легко и весело, словно узник, отпущенный на свободу. Наверно, именно так он должен был чувствовать себя после стольких безысходных лет, проведенных в Бретани. Если бы Утеру дали волю, он бросился бы через Узкое море, едва научившись сидеть в седле, и геройски бы пал, потерпев пораженье со своей необученной ратью. Теперь же, подобно ястребу, впервые выпущенному на дичь, он ощущал свою мощь. Я тоже ощущал ее: она облекала его, будто сложенные крылья. Я пробормотал какие-то слова приветствия, но он оборвал меня. — Ты сейчас ничего не видишь в огне?

— Ох, и ты туда же, — тепло произнес я. — Граф, наверное, думает, что все, что я должен сделать, это взглянуть раз на факел — и тут же увижу будущее как на ладони. Я пытался объяснить, что так не бывает.

— Ты разочаровываешь меня. Я намеревался попросить тебя предсказать мне мою судьбу.

— О Эрос, нет ничего проще. Не пройдет и часа после того, как ты разместишь своих людей, ты отправишься в постель с девушкой.

— Если уж на то пошло, я сам только что не был в этом уверен. Но откуда, во имя всех богов, ты узнал,

что мне удалось найти девку? Их здесь негусто — лишь одному мужчине из пятидесяти удалось завладеть женщиной. Мне повезло.

— Именно это я и имел в виду, — согласился я. — Если на пятьдесят мужчин есть всего одна женщина, то ее получит Утер. Это один из непреложных законов жизни. Где мне найти Кая Валерия?

— Я пошлю кого-нибудь провести тебя. Я бы и сам пошел с тобой, но не хочу сегодня попадаться ему на глаза.

— Почему?

— Мы тянули жребий на девку, и он проиграл, — бодро ответил Утер. — Теперь у него полно будет времени, чтобы позаботиться о тебе. По сути, целая ночь. Пошли.

6

В Йорк мы вошли на исходе мая.

Лазутчики Амброзия подтвердили его догадку: на север от Каэрконана вела хорошая дорога, и Окта, собрав остатки саксонских войск, бежал по ней со своим родичем Эозой, чтобы укрыться за стенами укрепленного города, который римляне называли Эборакум, а саксы — Эофорвиком, или Йорком. Однако укрепления Йорка пребывали в жалком запустении, а его жители, прослышав о блестящей победе Амброзия при Каэрконане, оказали разгромленным саксам весьма холодный прием. Сколь бы поспешным ни было бегство Окты, Амброзий отставал от него всего на два дня пути, и при виде нашего огромного войска, отдохнувшего и пополнившегося отрядами британских союзников, окрыленных победами Красного Дракона, саксы усомнились в том, что смогут удержать город, и запросили пощады.

Я видел все это собственными глазами, поскольку был приписан к передовому отряду, подтащившему осадные машины под самые стены города. Приятного в этом было еще меньше, чем в битве. Вождь саксов, высокого роста и светловолосый, как и его отец, был молод. Он предстал перед Амброзием обнаженным по пояс, штаны его из грубой материи были повязаны кожаными ремешками. Ему скрутили руки цепью, а самого его, очевидно, вываляли в пыли, в которой

теперь прокладывал грязные дорожки пот, — знак унижения, в котором он вряд ли нуждался. В глазах его стоял гнев, и я ясно видел, что к сдаче города его принудила трусость — или, если хотите, назовите это мудростью: группки саксов и британской знати, толпящиеся за его стеной на дороге от ворот города и умоляющие Амброзия о снисхождении к ним самим и к их семьям.

На этот раз Амброзий даровал свою милость. Он потребовал только, чтобы остатки сакской армии убрались на север, за стену Адриана, которую (по его словам) он будет считать границей своих владений. Я слышал, что тамошние земли, дикие и бесплодные, едва пригодны для жилья, но Окта с радостью принял дарованную ему свободу, и вслед за ним, в надежде на ту же пощаду, отдал себя в руки Амброзия его кузен Эоза. Он также получил желаемое, и город Йорк распахнул ворота перед новым королем.

Занимая с войсками город, Амброзий всегда действовал по одному и тому же заранее продуманному плану. На первом месте стояло наведение порядка; он никогда не впускал в город вспомогательные отряды британцев; порядок водворяли и поддерживали его собственные войска из Малой Британии, не связанные узами верности или неприязни с жителями какой-либо из британских земель. Затем расчищали улицы, временно подновляли укрепления, механики составляли планы будущих работ, которые передавали группе опытных фортификаторов, а те уже набирали местных каменщиков и землекопов. После этого наступал черед встречи с городскими старшинами, где обсуждалась будущая политика городского совета и приносилась клятва на верность Амброзию, там же оговаривались условия, на которых оставался гарнизон после ухода основной армии. Завершала все религиозная благодарственная церемония, венчавшаяся пиром и народным праздником.

В Йорке, первом крупном городе, покорившимся Амброзию, церемония проходила в христианской церкви при собрании всей армии и толп народа.

Я уже возблагодарил богов на иной, не столь пышной церемонии.

Нельзя было ожидать, что в Йорке сохранился храм Митры. Городские власти, поддерживавшие христиан, воспретили поклоняться этому солдатскому богу, да и сами ритуалы канули здесь в Лету почти столетие назад, когда Саксонский берег покинул последний легион, но в те дни, когда

Тридцатый легион числил Эборакум своей штаб-квартирой, здешний храм Митры считался одним из красивейших в стране. Поскольку вблизи города не было естественной пещеры, храм был изначально устроен в обширном подвале под домом римского военачальника. Это и помешало христианам осквернить и разрушить его, как то было в их обыкновении, когда дело касалось святилищ людей иной веры. Но сырость и время взяли свое, и святилище сильно обветшало. Некогда при одном из губернаторов-христиан его попытались превратить в подземную часовню, но его преемник открыто, чтобы не сказать яростно, этому воспротивился. Он и сам был христианином, однако не видел причин, чтобы не использовать отличный погреб под его домом для того (по его мнению), для чего предназначены погреба, а именно для хранения запасов вина. Святилище так и оставалось винным погребом, пока Утер не послал работников прибрать и восстановить его для собрания, которое должно было состояться в день, посвященный Митре, в средину месяца — шестнадцатый день июня. На этот раз собрание было тайным, не из страха, а из соображений политики, поскольку главная церемония благодарения должна была пройти по христианскому обряду, Амброзий как главнокомандующий вознесет там благодарственную молитву в присутствии епископа и всего народа. Сам я святилища не видел, будучи с первого же дня своего пребывания в Йорке занят на работах по восстановлению христианского храма для городской церемонии. Но в праздник Митры мне предстояло явиться в подземное святилище вместе с остальными посвященными. Большинство было мне незнакомо или же я не мог узнать их по приглушенным масками голосам; но Утера трудно не признать, и мой отец, разумеется, тоже будет там, исполняя роль Гонца Солнца.

Двери святилища были затворены. Мы, посвященные низшей ступени, ждали часа, когда нас допустят, в преддверии храма под колоннадой.

Это довольно тесное помещение с низким сводом освещали два факела, которые держали в руках статуи у входа в святилище. Над дверным проемом виднелась выступающая из стены древняя каменная маска льва, стертая и разъеденная временем. Два каменных факельщика под ней, такие же обветшалые, потрескавшиеся, с отбитыми носами и членами, хранили вид древний и благородный. Несмотря

на факелы, в преддверии храма было промозгло, к тому же чадно. Я чувствовал, как холод пронизывает мое тело; он взбирался по ногам от каменного пола и закрадывался под длинную рубаху из белой шерсти, надетую на голое тело. Но едва по моей коже пробежала первая дрожь, дверь святилища распахнулись, и в то же мгновение все кругом исполнилось света, красок и огня.

Даже теперь, по прошествии стольких лет и зная все то, что довелось мне узнать за долгую жизнь, я не в силах нарушить данную мною клятву хранить молчание и тайну. И, насколько мне известно, ни один человек не преступил ее. Говорят, что то, чему научили тебя в юности, уже никогда не сотрется полностью из памяти. Что до меня, я знаю, что мне так и не удалось избавиться от зачаровывающей власти надо мной того тайного бога, что привел меня в Малую Британию и бросил прямо к ногам моего отца. Наложенная ли на дух мой узда, о которой я уже писал, или вмешательство самого божества, но мои воспоминания о его мистериях расплываются, словно я видел их во сне. А возможно, они и есть сон, но сон, не вызванный тем единственным обрядом, а многими ритуалами, начиная от видения на полуночном поле до церемонии той ночи, которая стала последней.

Кое-что я помню. Вдоль лестницы вниз — снова каменные факельщики. Длинные скамьи по обе стороны центрального прохода, где расположились мужи в ярких одеждах, обращенные к нам красочные маски и пристальные взгляды из-под них. Шорох шагов в дальнем конце залы, огромная апсида с аркой, открывающейся во внутреннюю пещеру, где под усеянным звездами сводом ясно виден каменный барельеф Митры, убивающего быка. Некая сила уберегла его от зубил сокрушителей богов, потому что резьба выступала из камня, и целая и невредимая фигура бога дарила уверенность и надежду. Да, это он — юноша стоячего камня, юноша в шапке, преклонивший колени на спине упавшего быка и, отвернув в печали и сострадании лицо, вонзающий меч в горло животного. Каменные алтари у подножья ступеней апсиды, по одному с каждой стороны. Подле правого алтаря посвященный под маской Льва, в длинных одеждах и с жезлом в руке. Подле левого — Гелиодромос, Гонец Солнца. И наверху лестницы, в центре апсиды — Отец, распахнувший навстречу нам объятья.

В моей маске Ворона были узкие отверстия для глаз, так что я мог смотреть только прямо перед собой. Повернуть голову я тоже не мог: не пристало водить птичьим клювом во время мистерий, так что мне оставалось только стоять, прислушиваясь к голосам, спрашивая себя, сколько друзей собралось здесь и скольких людей я знал. Я был уверен лишь в Гонце, что спокойно и недвижимо высился возле алтаря, и в одном из Львов, но тот человек мог скрываться под любой из львиных масок посвященного четвертой ступени: один стоял у самой арки, другие же наблюдали с наскоро сбитых скамей.

Таково обрамление церемонии, и это все, что согласна отдать мне память; еще мне вспоминается лишь конец мистерии. Отправлявший службу Лев никак не походил на Утера. Он был ниже ростом и кряжистее телом и, видимо, старше годами, а его удар был всего лишь ритуальным шлепком, без мучительной боли, которую всегда удавалось каким-то образом привнести в ритуал Утеру. Но Гонец не был Амброзием. Когда он подал мне символический дар вина и хлеба, на мизинце его левой руки я увидел перстень — золотой обод, обнимающий красную яшму с вырезанным в ней драконом. Когда же он поднес чашу к моим губам и вниз по его руке соскользнули складки алого одеяния, я заметил знакомый белый шрам на смуглой плоти и, подняв взгляд, встретился с голубыми глазами под маской, в которых мелькнула искра веселья и переросла в смех, когда я от удивления вздрогнул и расплескал вино. Видимо, с тех пор, как я в последний раз принимал участие в мистериях, Утер поднялся на две ступени. А поскольку другого Гонца в храме не было, то Амброзий мог быть лишь в одном месте...

Я отвернулся от Гонца, чтобы преклонить колени перед Отцом. Руки, принявшие мои ладони для произнесения клятвы, были старческие, и когда я поднял голову, из-под маски на меня взглянули глаза незнакомца.

Спустя восемь дней состоялась всенародная церемония благодарения, на которую явились Амброзий и все его военачальники. Был здесь также и Утер, «потому что, — заметил мой отец, когда мы остались наедине, — как ты однажды узнаешь, все боги, рожденные светом, — братья. И если в этой земле Митра, дарующий нам победу, ходит в обличье Христа, что ж, мы станем поклоняться Христу».

Больше мы об этом не говорили.

* * *

Капитуляция Йорка ознаменовала окончание первого этапа Амброзиевой кампании. После Йорка мы двинулись на Лондон, но уже короткими, неспешными переходами, не встречая сопротивления, если не считать нескольких мелких стычек. Теперь королю предстоял кажущийся непомерным труд: восстановить и объединить разоренную страну. В каждом городе, в каждом форте он оставлял гарнизон из обученных солдат под началом доверенного капитана, отряжал собственных механиков и саперов, чтобы те собирали людей на подновление и восстановление дорог, городов и крепостей. Повсюду нас встречали разруха и запустенье: некогда прекрасные здания, ныне обрушившиеся и обветшавшие; дороги, заросшие сорной травой; выжженные селенья, чьи напуганные жители скрылись в пещерах и лесах; разрушенные и осквернённые святыни и храмы. Словно невежество и беззаконная жадность саксонских орд наложили на всю страну гибельное заклятье. Все, что несло свет — искусства и песни, ученость и отправление обрядов, ритуальные собрания, праздники Пасхи или Дня всех святых или середины зимы, даже наука любить свою землю и ремесло, — все исчезло под черными тучами, колесницами северных богов войны и грома. А призвал их сюда Вортигерн, британский король. Это все, что сохранила о нем людская память. Забылось то, что Вортигерн добрый десяток лет был умелым и храбрым королем и еще несколько зим — вполне сносным, пока не обнаружил, что утратил власть над духом войны, которого сам впустил в свои земли. Молва помнила лишь о том, что он взошел на трон, пролив кровь, совершив предательство, убив своего родича, и этого родича молва звала истинным королем. Вот почему британцы стекались к Амброзию из всех пределов, благословляя его именем своих всевозможных богов и с радостью приветствуя его как короля, первого «короля всей Британии», как символ сияющего и доселе небывалого единства.

Историю Амброзиевой коронации и его первых деяний на троне всебританского короля уже поведали другие; рассказы о тех днях сохранили хроники и манускрипты, и потому мне лишь остается сказать, что те первые два года я провел подле него, но весной моего двадцатилетия его покинул. Мне опостылели заседания советов и путешествия в хвосте военных колонн, велеречивые обсуждения, во время кото-

рых Амброзий пытался вновь внедрить давно забытые законы, мне опостылели бесконечные встречи со старейшинами и епископами, ради единственной капли меда способных дни и ночи напролет неотвязно гудеть словно пчелы. Я пресытился возведением стен и строительством чертежей — это была единственная служба, какую я смог ему сослужить за все эти долгие месяцы, что я провел в его армии. Я понял, что настал час, когда я должен оставить его, бежать из-под груза повседневных забот, в которые был погружен он сам. Бог не станет говорить с тем, у кого нет времени слушать, разум должен стремиться к тому, что способно его напитать; я понял, что службу свою я смогу теперь сослужить лишь в тишине среди родных холмов. Поэтому весной, когда мы прибыли в Винчестер, я послал с гонцом весточку для Кадала, а затем разыскал Амброзия, чтобы сообщить ему о своем отъезде.

Он слушал рассеянно; в то время его угнетали заботы, а годы, которые до того невесомо ложились ему на плечи, теперь будто пригнули его к земле. Я часто замечал с тех пор, что такое обычно случается с теми, кто поставил себе уделом стремиться к далекому мерцанию высокого маяка; когда вершина горы достигнута, некуда дальше взбираться и осталось лишь подкладывать дрова в костер, поддерживая его горение, вот тогда они садятся рядом с огнем и стареют. Вместо бурленья в крови их согревает теперь огонь маяка. То же случилось и с Амброзием. Король, сидевший в огромном кресле в Винчестере и слушавший меня, был уже не тот молодой военачальник, который смотрел на меня поверх расстеленных на столе карт в Малой Британии, даже не Гонец Митры, скакавший ко мне по заиндевелому полю.

— Я не могу удерживать тебя, — сказал он. — Ты не мой капитан, ты всего лишь мой сын. Ты волен идти, куда пожелаешь.

— Я служу тебе. Ты это знаешь. А мне известно, как я могу сослужить тебе наилучшую службу. Вчера ты говорил, что собираешься послать отряд в Каэрлеон. Кто поедет?

Он посмотрел в записи. Год назад он вспомнил бы, не сверяясь со списком.

— Приск, Валенс. Возможно, Сидоний. Они отправляются через два дня.

— Значит, я поеду с ними.

Он впился в меня пронизывающим взглядом, и внезапно я увидел перед собой прежнего Амброзия.

— Стрела из темноты?

— Можно сказать и так. Я знаю, что должен ехать.

— Тогда езжай с миром. И пусть настанет день, когда ты возвратишься ко мне.

Кто-то прервал нас. Когда я выходил, он уже углубился в трудоемкие наброски устава для городов, перепроверяя слово за словом.

7

Дорога от Винчестера на Каэрлеон удобна, и поскольку день выдался сухой и ясный, мы не стали останавливаться на ночлег в Саруме, но, пока хватало света дня, держали путь на север по Великой равнине.

Сразу за Сарумом приютился городок, где родился Амброзий. Даже не припомню, под каким названием он был известен в давние времена, но уже в тот год городок стали звать его именем — Амересбург или Эймсбери*. Я никогда не бывал в этих краях и собирался осмотреть городок, а потому мы пустили лошадей скорой рысью и прибыли на место незадолго до захода солнца. Меня вместе с командирами Амброзия с удобством поселили в доме городского главы. Сам городок был размером чуть больше деревни, но теперь считал себя вознесенным над остальными как родина верховного короля. Неподалеку находилось место, где много лет назад саксы предательски зарубили около сотни знатных бриттов и схоронили их в общей могиле. Эта трагедия разыгралась в рощице к западу от Эймсбери, за древним кромлехом, который одни называют Хороводом Великанов, а другие — Хороводом Нависших Камней.

Я немало слышал о Хороводе и сгорал от любопытства; поэтому, когда наш отряд достиг Эймсбери и стал готовиться к ночлегу, я, принеся извиненья хозяину, в одиночестве отправился на запад по открытой равнине. Ни холм, ни ложбина

---

* Здесь автор, говоря об этимологии названия города, допускает некоторую натяжку сюжета ради. -burg и -bury в названиях, соответственно, Ameresburg и Amesbery — германские корни, а валлийские Ameres и Ames не имеют никакого отношения ни к римскому имени Амброзий, ни к его валлийскому эквиваленту Эмрис. — *Примеч. пер.*

не прерывают здесь тянущееся милю за милей пространство Великой равнины, лишь изредка встречаются здесь заросли утесника или терновника да одинокие, истерзанные ветрами дубы. Солнце садилось поздно, и в тот вечер, когда мой притомившийся конь усталым шагом продвигался на запад, небо впереди было еще окрашено последними лучами заката, но у меня за спиной уже легла на востоке вечерняя аспидная синь, и среди облаков показалась ранняя звезда.

Наверное, я ожидал, что Хоровод окажется менее внушительным, чем выстроившиеся в колонны армии стоячих камней, к которым я привык в Малой Британии, что он будет сродни кромлеху на острове друидов. Но эти камни были поистине огромными: подобно одиноким древним великанам вставали они посреди бескрайней пустынной равнины, наполняя трепетом сердце смертного.

Некоторое время я ехал вдоль стоячих камней, не сводя с них глаз, потом спешился и, оставив коня пастись, прошел меж двумя каменными исполинами внутрь первого круга. Моя удлиненная закатным светом тень, упавшая передо мной в круг гигантских теней, показалась мне крошечной, словно принадлежала карлику. Я невольно остановился, словно сами великаны сомкнули в круг руки, не пуская меня вперед.

Амброзий спросил меня, было ли это «стрелой из темноты». Я ответил утвердительно и сказал правду, но мне еще предстояло выяснить, что привело меня сюда. Но, оказавшись в этом круге, я думал лишь о том, что отдал бы все за то, чтобы очутиться за сотни миль от этого места. Нечто подобное я чувствовал в Малой Британии, проходя через анфиладу камней; словно кто-то или что-то дышал мне в спину, словно нечто неведомое, нечто, много древнее, чем само время, стояло за моим плечом. И все же эти каменные исполины были иными. Казалось, земля, по которой я ступал, камни, которых я касался, хоть и нагрелись от весеннего солнца, дышали холодом, поднимавшимся из неведомых глубин.

Превозмогая себя, я двинулся вперед. Свет быстро угасал, и пробираться к сердцу Хоровода следовало с осторожностью. Время и бури — а может, боги войны — сделали свое дело; многие камни повалились и лежали в беспорядке, но изначальный замысел творцов Хоровода был еще различим. Это действительно был круг камней, но отнюдь не похожий на те, что я видел в Малой Британии. Ничего подобного я не мог бы даже вызвать в воображении. Исполинские камни

изначально составляли внешнее кольцо, и там, где от него еще сохранился в целости короткий отрезок, стоячие громадины венчало непрерывное перекрытие из столь же необъятных блоков; огромный каменный полумесяц изгибался словно колоссальная изгородь, пересекшая небо. Местами отдельные стоячие камни внешнего кольца еще держались прямо, но большинство их повалилось или опасно кренилось, и блоки перекрытия лежали возле них на земле. Внутри внешнего кольца стояло еще одно, тоже из вертикальных глыб, но меньше размером; некоторые из внешних исполинов, падая, увлекли их за собой. А внутри этого кольца, обозначая центр, снова высились гигантские стелы, выстроившиеся подковой и соединенные каменными перекрытиями попарно. Три такие арки-трилитона* уцелели, четвертая упала, повалив и своего соседа. Повторяя подкову трилитонов, внутри стояла еще одна арка — из камней поменьше; и почти все они стояли нетронутые. Внутри этой малой подковы меня ждала пересеченная тенями пустая площадка, поросшая травой, которую из стороны в сторону пересекали тени.

Солнце закатилось; с его уходом небосвод на западе лишился красок, и в головокружительной зеленоватой мгле блеснула мне одинокая звезда. Я стоял неподвижно. Тишина была полная, настолько полная, что я слышал, как неспешно щиплет траву мой конь и как позвякивает его уздечка, когда он переходит на новое место. Кроме этого, единственным звуком, нарушающим тишину, было едва уловимое щебетанье скворцов, гнездившихся у меня над головой в гигантских трилитонах. Скворец — священная птица друидов, я слышал, что в давние времена друиды свершали здесь свои обряды. Много легенд ходит о Хороводе: о том, что в древности эти камни доставили из Африки неведомые исполины и воздвигли посреди равнины, или о том, что Хоровод — это и есть сами великаны, проклятьем обращенные в камень, пока танцевали свой веселый хоровод. Но не великаны и не проклятье дышали теперь холодом из камней; эти камни воздвигли простые смертные, и история их воздвижения воспета сказителями, такими, как слепой старик из Малой Британии. Последний закатный луч лег на камень возле меня; массивный каменный нарост на поверхности могучего базальта в точности соответ-

* Трилитон (букв. с греч. три камня) — доисторическое сооружение, состоящее из двух вертикальный камней и накрывающего его третьего. — *Примеч. пер.*

ствовал отверстию в упавшей перемычке. Эти шипы и гнезда были сработаны людьми, такими же мастерами, как те, за работой которых я наблюдал последние несколько лет — сперва в Малой Британии, затем в Йорке, Лондоне и в Винчестере. И сколь бы огромными и неподъемными ни были эти камни, их подняли не мощь или магия великанов, а руки рабочих и указания механиков и звуки музыки, подобной той, что я слышал от слепого певца из Керрека.

Я медленно пересек площадку в центре Хоровода. Слабого предсумеречного света хватало на то, чтобы моя тень бежала впереди меня, и на то, чтобы на мгновение в игре света и тени на поверхности одного из камней возник двуглавый топор. Я помедлил и обернулся... Моя тень на камне затрепетала, потом нырнула. Я ступил в неглубокую яму и упал ничком, растянувшись во весь рост.

Это было всего лишь углубление в земле, какое могло остаться спустя годы после падения одного из камней. Или от могилы...

Поблизости не было ни одного подходящего камня, и не было никаких следов работы киркой, никто здесь не был похоронен. Дерн был ровный, выщипанный овцами и коровами, а мои ладони, на которые я оперся, чтобы встать, легли на душистые звездочки маргариток. Но еще до того, еще не поднявшись из ямы, я почувствовал, как холод ударил меня из-под земли, ощутил внезапную острую боль, словно меня пронзила стрела, и понял: вот ради чего мой бог привел меня сюда.

Я поймал коня, сел в седло и вернулся на две мили назад, в городок, где родился мой отец.

Спустя четыре дня мы прибыли в Каэрлеон и застали город совершенно переменившимся. Амброзий намеревался использовать его как один из трех своих опорных пунктов — другими двумя предстояло стать Лондону и Йорку, — и работами здесь руководил сам Треморин. Стены отстроили заново, мост восстановили, реку почистили, а берега ее укрепили, заново перестроили весь восточный квартал казарм. В прежние времена военное поселение в Каэрлеоне, окруженное низкими холмами и охраняемое излучиной реки, занимало обширное пространство; теперь же не было нужды даже в половине его, поэтому Треморин приказал разобрать то, что осталось от западных казарм, а полученные таким образом дерево и камень пустил на постройку новых зимних квартир,

бань и нескольких новых кухонь. Старые были еще в худшем состоянии, чем бани в Маридунуме. А теперь, как я сказал Треморину, «все и каждый будут просить перевести их сюда», и он, казалось, был польщен.

— Хорошо бы нам управиться поскорее, — сказал он. — Ходят слухи о новых напастях. Тебе ничего не известно?

— Ничего. Но если это свежие новости, то я могу и не знать о них. Мы в пути уже около недели. Какие беды? Верно, не от Окты?

— Нет, на сей раз Пасцентий. — Это был брат Вортимера, сражавшийся вместе с ним во время восстания и сбежавший после гибели Вортимера. — Ты знаешь, что он удрал на корабле в Германию? Говорят, что он вернется.

— Дай ему только срок. Что ж, ты ведь будешь извещать меня обо всех новостях?

— Извещать тебя? Разве ты не останешься здесь?

— Нет. Я еду в Маридунум. Ты же знаешь — там мой дом.

— Я забыл. Ладно, может, мы еще увидимся; я еще какое-то время пробуду здесь: мы начинаем строить церковь. — Он ухмыльнулся. — Епископ впился в меня, как клещ: послушать его, так я должен сперва взяться за нее, а не тратить столько времени на земные дела. Поговаривают здесь и о том, чтобы возвести монумент в ознаменование побед короля. Некоторые предлагают поставить триумфальную арку, как у древних римлян. Разумеется, епископ твердит, что здесь, в Каэрлеоне, надобно возвести собор — во славу Господа и Амброзия в придачу. Хотя лично я полагаю, что если какой-нибудь епископ и должен воспользоваться славой Господа и короля, то это — Глочестер. Старый Элдад всех их за пояс заткнул. Ты видел его?

— Я его слышал.

— Что ж, надеюсь, ты хотя бы останешься на ночь? Поужинай со мной.

— Благодарю. С удовольствием.

Мы проговорили допоздна, он показал мне некоторые свои планы и чертежи, и мне польстило то, как он настойчиво уговаривал меня наезжать временами из Маридунума поглядеть на строительные работы. Я пообещал и на следующий день уехал из Каэрлеона один, отклонив столь же лестные, сколь и настойчивые предложения коменданта лагеря дать мне сопровождающих. Я отказался, и ближе к вечеру перед моим взором наконец показались родные холмы. На западе

собирались дождевые тучи, но перед ними, как яркий занавес, падали солнечные лучи. В такой день становится понятно, почему зеленые холмы Уэльса назвали Черными горами, а пересекающие их долины — Долинами из Золота. Полосы солнечного света пролегли вдоль деревьев золотых долин, а за ними стояли, подпирая вершинами небо, синевато-серые и черные холмы.

На путешествие я отвел два дня и потому ехал не спеша, отмечая по пути, как здешний край возвращается к мирному процветанию. Крестьянин, возводивший стену, едва взглянул на меня, когда я проезжал мимо, а молодая девушка, присматривавшая за стадом овец, одарила меня улыбкой. Когда я добрался до мельницы на Тиви, то увидел, что она работает, как и в дни моего детства: во дворе были сложены мешки с зерном, и откуда-то доносилось мерное поскрипывание поворачивающегося мельничного колеса.

Я миновал начало тропы, ведущей к пещере, и направился прямо в город. Думаю, я уверял себя, что наипервейшим моим долгом и заботой должно стать посещение обители Святого Петра, где мне расскажут о кончине матери и покажут ее могилу. Но когда, сойдя с коня у ворот монастыря, я поднял руку к колокольчику, сердце мое забилось громко и учащенно, и я понял, что лгал самому себе.

Мне не было нужды обманываться: в обитель меня впустила старая привратница и, не задавая вопросов, повела меня прямо через внутренний двор на зеленый склон у реки, где была похоронена моя мать. Место было чудесное — зеленая лужайка у стены, где, укрытые от ветров, покрылись в тепле ранним цветом грушевые деревья, а над их снежно-белыми соцветьями подставляли грудки солнцу нежно-сизые голубки, которых она так любила. До моего слуха доносилось журчание реки за стеной, а сквозь шелест деревьев слышался звон церковного колокола.

Аббатиса приняла меня благожелательно, однако не могла ничего добавить к тому рассказу, который привез вскоре после смерти матушки гонец из Маридунума, а я пересказал отцу. Уезжая, я оставил деньги на молебны и на изготовление могильной плиты, а увозил же в своей седельной сумке лишь ее серебряный с аметистами крест. Один лишь вопрос я не отважился задать — даже когда юная послушница, но не Кэри, принесла мне вина, чтобы я мог подкрепиться. Этот незаданный вопрос так и остался без ответа. Меня про-

водили к воротам, которые немедленно захлопнулись у меня за спиной. На мгновенье мне показалось, что удача вот-вот улыбнется мне, потому что, отвязывая повод моего коня от кольца в стене у ворот, я заметил, как сквозь зарешеченное окошко выглядывает старая привратница — без сомнения, вспоминая золото, что я дал ей в прошлый свой приезд. Но когда я достал деньги и знаком попросил ее приблизиться, чтобы прокричать ей в ухо свой вопрос, и даже после третьей попытки, когда она как будто поняла, о чем я веду речь, ответом было лишь пожатие плечами и бормотание, в котором я разобрал только: «Нет ее». Что бы ни хотела этим сказать глухая старуха, от слов ее было мало толку. В конце концов я сдался. Я убедил себя, что о девушке вообще следует позабыть. Не останавливаясь более нигде, я выехал из города и пустил коня вверх по склону, отделявшему меня от моей долины, но ее лицо преследовало меня везде, куда бы я ни посмотрел, а золото ее волос чудилось мне в каждом луче солнечного света.

Кадал восстановил загон, который мы с Галапасом когда-то соорудили в зарослях боярышника. Теперь у загона была надежная крыша и прочная дверь, и в нем без труда могли разместиться две крупные лошади. Одна — по моему предположению, Кадалова — уже стояла там.

Сам Кадал, должно быть, слышал, как я поднимался по долине, потому что едва я успел спешиться, как он сбежал вниз по тропе мимо утеса, выхватил у меня уздечку и, схватив обе мои руки в свои, поцеловал их.

— Что с тобой? К чему это? — удивленно спросил я. Ему нечего было опасаться за мою безопасность: письма, что я регулярно посылал ему, были бодрыми и с утешительными новостями. — Ты разве не получил известия о моем приезде?

— Да, получил. Столько времени прошло! Ты хорошо выглядишь.

— Ты тоже. Здесь все в порядке?

— Скоро сам увидишь. Если ты должен жить в таком месте, есть множество способов сделать его подходящим для жилья. А теперь поднимайся, ужин ждет. — Он нагнулся, чтобы распустить подпругу, предоставляя мне одному подниматься к пещере.

У него было достаточно времени, чтобы все успеть, и тем не менее, поднявшись наверх, я застыл, словно свершилось чудо. Будто ничто здесь и не изменилось: все те же зеленая трава и солнечный свет, те же звездочки марга-

риток и лепестки анютиных глазок между побегами молодого папоротника, и, как встарь, при моем приближенье, в заросли цветущего терновника юркнули кролики. Источник был хрустально чист, и в кристально прозрачной воде были видны серебристые камешки на дне каменной чаши. А над ним, в своей укрытой папоротниками нише, стояла резная фигурка божества: Кадал, верно, нашел ее, когда чистил источник. Он даже отыскал роговой ковшик, который стоял теперь на своем обычном месте. Я напился из него, плеснув несколько капель для бога, и вошел в пещеру.

Из Малой Британии прибыли мои книги; массивный сундук стоял вплотную к стене пещеры, там, где когда-то находился ларец Галапаса. На месте его стола тоже был другой — я узнал стол из дома моего деда. Бронзовое зеркало тоже вернулось на свое место. В пещере было чисто и сухо и пахло душистым сеном. Кадал сложил из камней очаг, и в нем в ожидании огня лежали поленья. Я почти надеялся увидеть Галапаса, сидящего у очага, а на карнизе у входа — сокола, улетевшего в ночь, когда маленький мальчик в слезах убежал из пещеры. В дальнем углу пещеры, где сгущались тени, залег над уступом черный провал, за которым скрывался хрустальный грот.

В ту ночь, когда уже погас огонь, я лежал на постели из папоротника, завернувшись в шерстяные одеяла, и вслушивался в шелест листвы снаружи и журчанье источника. Единственные звуки в ночи на всем белом свете. Я закрыл глаза и заснул так, как не засыпал с самого детства.

8

Подобно пьянице, который, пока не видит перед собой вина, считает себя избавившимся от пагубного пристрастия, я полагал, что излечился от жажды тишины и уединения. Но в первое же утро, когда я поднялся на Брин Мирддин, я понял, что здесь не просто убежище, здесь мой дом. Апрель перешел в май, на холмах перекрикивались кукушки, в молодом папоротнике распустились колокольчики, вечера наполнились блеянием ягнят, а я так и не подходил к городу ближе гребня невысокой горы в двух милях к северу, где собирал листья и травы. Кадал что ни день спускался в город за

провизией и новостями, и дважды вверх по долине поднимался гонец: один раз он доставил сверток с эскизами от Треморина, другой — новости из Винчестера и деньги от моего отца; гонец не привез письма, но подтвердил, что Пасцентий и в самом деле собирает войска в Германии и почти наверняка нагрянет еще до конца лета.

Что до остального, то я читал, бродил среди холмов, собирал травы и готовил отвары и мази. Я также слагал музыку и пропел множество песен, которые заставляли Кадала посматривать на меня искоса, отрываясь от своих занятий, и качать головой. Некоторые из тех песен поют до сих пор, но большинство лучше бы никто не вспоминал. Вот одна из преданных забвению песен, которую я пел однажды ночью, когда на город опустился май, покрыв все буйными облаками белых цветов, и седые чащи стали синими от лесных колокольчиков.

Сера нагая земля, и ветви — как кости мертвых,
Украдено ясное лето,
Тонкие косы ивы,
Синей воды краса и златые травы,
Даже и птичий щебет —
И все украдено девой,
Девой похищено, стройной, как тонкая ива.
Счастлива дева, как птица на ветви в мае,
Смех ее — точно звон колокольный с башни,
Пляшет — и тростинки пред нею клонятся,
Шагнет — следы ее ног сияют
В траве посерелой.
Принес бы ей дар я, владычице дев длиннокосых,
Но что для дара осталось в нагих долинах?
Ветер холодный, что свищет меж камышами,
Алмазы ливневых капель,
Вместо мехов — лишайник на сером камне.
Лишайник на камне — вот все, что для дара осталось.
Сомкнуты веки девы, —
Во сне от меня отвратилась*.

На следующий день я шагал по лесистой долине в миле от дома, высматривая дикую мяту и амброзию, когда, словно по моему зову, она появилась на тропинке, вьющейся среди ко-

* Перевод с английского Н. Эристави.

локольчиков и папоротника. Быть может, я действительно призвал ее. Стрела остается стрелой, какой бы бог ни выпустил ее.

Я неподвижно застыл подле сбившихся в тесную стайку юных берез и глядел на нее так, словно она вот-вот исчезнет; словно я и впрямь только что сотворил ее из мечты и желания — призрак в солнечном свете. Я не мог пошевелиться, хотя мои тело и душа готовы были бежать ей навстречу. Она заметила меня, и ее лицо озарилось улыбкой. Легко ступая, она направилась ко мне. В кружеве танцующего света и тени от качающихся ветвей березы она все еще казалась мне хрупким видением, призраком, чьи шаги не приминают траву, но затем она подошла ближе, и я убедился, что это не иллюзия, а Кэри — такая, какой я запомнил ее, облаченная в коричневое домотканое платье и пахнущая жимолостью. Однако на сей раз на ней не было капюшона: золотые волосы рассыпались по плечам, ноги ее были босыми. Солнце просвечивало сквозь беспокойную листву, заставляя ее волосы искриться, подобно солнечным зайчикам на воде. В руках у нее был огромный букет колокольчиков.

— Мой господин! — Прерывистый и тихий голосок, словно у нее перехватило дух, был полон радости.

Я стоял неподвижно, тщетно пытаясь закутаться, как в плащ, в собственную гордость, а мое тело разрывалось, словно конь, чувствующий одновременно натянутый повод и удар острых шпор. Я спрашивал себя, что мне делать, если она вновь вздумает целовать мне руки.

— Кэри! Что ты здесь делаешь?

— Как что? Собираю колокольчики. — Широко распахнутые глаза глядели так невинно, что никто не заподозрил бы в ее ответе дерзкой насмешки. Она подняла букет, улыбаясь мне поверх цветов. Кто знает, что она увидала в моем лице. Нет, она не собиралась целовать мне руку. — Разве ты не знаешь, что я ушла из обители Святого Петра?

— Да, мне сказали. Я подумал, что ты, должно быть, перебралась в другой монастырь.

— Нет, никогда. Ненавижу такую жизнь. Все равно что сидеть в клетке. Некоторым она по душе, они чувствуют себя в безопасности, но только не я. Я не создана для такой жизни.

— Когда-то и со мной пытались сделать то же, — произнес я.

— И ты тоже сбежал?

— О да. Но я сбежал еще прежде, чем меня заперли в монастырских стенах. Где ты теперь живешь, Кэри?

Она словно не слышала моего вопроса.

— Так значит, ты тоже не предназначен для этого? Я имею в виду для цепей?

— Не для таких цепей, как эти.

Я видел, что она озадачена, но я и сам не совсем понимал, что именно хотел сказать, поэтому придержал язык, бездумно глядя на нее, наслаждаясь огромным счастьем этого мгновения.

— Мне очень жаль, что твоя матушка умерла, — сказала она.

— Спасибо, Кэри.

— Она скончалась вскоре после твоего отъезда. Наверное, тебе об этом сказали?

— Да. Я побывал в монастыре, как только возвратился в Маридунум.

Она недолго помолчала, потупив взгляд, затем ткнула босой ножкой в траву — застенчивое движение танцовщицы, от которого зазвенели золотые яблочки на ее поясе.

— Я знала, что ты вернулся. Все только и говорят об этом.

— Неужели?

Она кивнула.

— В городе мне сказали, что ты принц и великий волшебник... — Она подняла взор, смерила меня взглядом, и в ее голос закралось сомнение. В тот день я был одет в свои самые старые одежды, на тунике остались пятна от травы, которые даже Кадалу не удалось вывести, а плащ был весь в репьях и истрепался от колючек терновника и куманики. На мне были полотняные сандалии, как у раба; нет смысла надевать кожаную обувь, если собираешься шагать по высокой мокрой траве. Даже в сравнении с тем скромно одетым юношей, каким она меня видела раньше, я, должно быть, выглядел нищим. И она спросила с невинной прямотой: — Ты по-прежнему принц, теперь, когда твоя матушка скончалась?

— Да. Мой отец — верховный король.

— Твой отец, — ее губы разомкнулись, — король? Я не знала. Никто об этом не говорил.

— Это немногим известно. Но теперь, когда моя мать мертва, это не имеет значения. Да, я его сын.

— Сын верховного короля... — с трепетом выдохнула она. — Да к тому же еще и чародей. Я знаю, что это правда.

— Да, это правда.

— Но когда-то ты сказал мне, что это не так.

— Я сказал тебе, что не умею лечить зубную боль, — улыбнулся я.

— Но ты же ее исцелил.

— Это ты так сказала. Я тебе не поверил.

— Твое прикосновение может излечить что угодно, — сказала она и подошла совсем близко.

Ворот ее свободного платья открывал белую, как соцветья жимолости, шею. Я вдохнул ее аромат и словно окунулся в горьковато-сладкий сок цветов, раздавленных меж нашими телами. Я поднял руку, потянул за ворот ее платья, и стягивавший его шнурок внезапно лопнул. У нее были круглые, полные груди, такие мягкие, что невозможно даже себе представить. Они легли мне в ладони, словно две голубки моей матери. Наверно, я ожидал, что она испуганно вскрикнет и отстранится, но вместо этого Кэри крепко прижалась ко мне, засмеялась, запустила пальцы в мои волосы и укусила за губу. Затем она вдруг всем весом повисла на мне, и я, пытаясь удержать ее и неуклюже целуя, наклонился вперед, споткнулся и повалился наземь, подмяв ее под себя. Падая, мы рассыпали вокруг нас цветы.

Немало времени потребовалось мне, чтобы понять то, что произошло в тот солнечный день. Сперва были только смех и учащенное дыханье и все то, что распаляет воображенье в ночи, но я сдерживал свой пыл, потому что она казалась такой маленькой и к тому же тихонько охала, когда я делал ей больно. Она была тонкой как тростинка и вместе с тем гибкой; я мог бы воображать, что это делает меня повелителем мира, но внезапно она издала глубокий горловой звук, будто задыхалась от жара, изогнулась в моих объятьях, как изгибается умирающий в конвульсиях боли, и ее рот метнулся к моему и впился в него.

Вдруг оказалось, что это я задыхаюсь; ее руки сжимали меня, ее рот высасывал из меня саму жизнь, а ее тело увлекло меня в тесный мир бесконечной тьмы, мир, где нет ни света, ни воздуха, ни дыхания, ни шепота бодрствующего духа. Могила в могиле. Страх пронзил мой мозг, словно к моим глазам приложили клинок, раскаленный добела. Я открыл глаза, но увидел лишь блики света и тень от дерева, лежащую на мне и растерзанную, будто плоть шипами. Ужас впился в меня заостренными когтями. Тень от тернового дерева, сотрясаясь, ширилась, разверзлось устье пещеры, и ее стены

вздохнули, зашевелились, сдавливая меня. Я оттолкнулся, вырвался от нее и откатился в сторону, обливаясь потом страха и стыда.

— В чем дело? — Даже голос ее казался слепым. Ее руки все еще обнимали воздух, где только что был я.

— Прости меня, Кэри. Прости меня.

— Что ты имеешь в виду? Что случилось? — Она повернула голову, обрушив водопад золотистых кудрей. Ее глаза сузились и затуманились. Она потянулась ко мне. — Ох, если только это, тогда иди сюда. Все в порядке. Я научу тебя, просто иди ко мне.

— Нет. — Я попытался отодвинуть ее как можно мягче, но меня била дрожь. — Нет, Кэри. Оставь меня. Нет.

— Что случилось? — Внезапно ее глаза широко раскрылись. Она приподнялась на локте. — Ну надо же, похоже, ты никогда прежде этого не делал. Ведь так? Ведь так?

Я молчал.

Она выдавила из себя смех, который должен был прозвучать весело, но вышел визгливо. Кэри перекатилась в траве и снова протянула ко мне руки.

— Ну, не придавай этому значения, ты же можешь всему научиться, правда? В конце концов, ты же мужчина. По крайней мере мне так показалось... — И вдруг воскликнула, задыхаясь от нетерпения: — О, ради бога! Да поторопись же ты. Уверяю тебя, все будет хорошо.

Я схватил ее за запястья, отводя от себя жадные руки.

— Кэри, прости меня. Я не могу тебе объяснить, но это... Я не должен — вот все, что я знаю. Нет, послушай, дай мне минуту.

— Отпусти меня.

Я разжал руки, она отодвинулась и села. В ее глазах застыла злость. В кудрях у нее запутались цветы.

— Причина не в тебе, Кэри, не думай так. Ты тут вообще ни при чем...

— Недостаточно хороша для тебя, так, что ли? Потому что моя мать была шлюхой?

— Вот как? Я даже не знал об этом. — Внезапно на меня навалилась нечеловеческая усталость. Я заговорил, тщательно подбирая слова: — Я ведь сказал, к тебе это не имеет никакого отношения. Ты очень красива, Кэри, и с первого мгновения, когда я увидел тебя, я почувствовал — ты сама, наверное, знаешь, что я почувствовал. Но дело не в чувствах.

Все дело во мне и... причина в моем... — Я запнулся. Все бесполезно. Она смотрела на меня ясными и пустыми глазами, затем резко отвернулась и стала приводить в порядок свое платье. Едва не сказав «могуществе», я закончил: — Причина в моем волшебстве.

— Волшебство. — Словно обиженный ребенок, она выпятила нижнюю губу, потом туго затянула пояс и начала собирать рассыпавшиеся цветы, повторив язвительно: — Волшебство. Неужели ты думаешь, что я верю в твою глупую магию? Неужели ты думаешь, что у меня в тот день действительно болел зуб?

— Не знаю, — устало произнес я и поднялся на ноги.

— Что ж, возможно, чтобы быть волшебником, не нужно быть мужчиной. Похоже, тебе все же следовало уйти в монастырь.

— Возможно. — В ее волосах запутался цветок, и она поднесла руку, чтобы выдернуть его. Нежный пушок блестел на солнце, как паутинка. Я заметил голубой след синяка у нее на запястье. — Я сделал тебе больно?

Она не ответила и не подняла глаз. Тогда я отвернулся:

— Что ж, прощай, Кэри.

Я отошел шагов на шесть, когда ее голос остановил меня.

— Принц...

Я обернулся.

— Выходит, ты отзываешься на свой титул? — уколола она. — Я удивлена. Сын верховного короля, как ты говоришь, а не оставил мне даже серебряной монетки в уплату за испорченное платье?

Должно быть, я застыл, уставившись на нее как во сне. Она мотнула головой, отбрасывая за спину гриву золотистых волос, и рассмеялась мне в лицо. Неловко, словно слепой, я запустил руку в кошель у пояса и достал монету. Она оказалась золотой. Я вернулся на шаг, чтобы отдать ей монету, а Кэри наклонилась, все еще смеясь, и словно нищенка протянула сложенные ковшиком руки. Разорванное платье свободно свисало с прелестной шеи. Я бросил монету ей под ноги и убежал прочь — вверх по склону и не разбирая дороги через лес.

Ее смех преследовал меня до тех пор, пока я не перевалил через гребень, не спустился в соседнюю долину и не упал ничком у ручья, где утопил память о ее прикосновенье и ее аромат в потоке горной воды, что пахла снегом.

9

В июне в Каэрлеон приехал Амброзий и послал за мной. Я прибыл один поздно вечером, уже после ужина, когда зажгли лампы и лагерь затих. Король еще работал: из окон его штаба лился свет, и в отблеске я различил дракона, вьющегося на развеваемом ветром штандарте. Еще не достигнув штаба, я услышал, как часовые с лязгом взяли копья на караул, а потом узнал и высокую фигуру того, кому они отдавали честь, — из покоев Амброзия вышел Утер.

Он перешел через улицу к дому, стоявшему против королевского, но, уже поставив ногу на ступеньку, заметил меня, остановился и вернулся на несколько шагов.

— Мерлин. Выходит, ты все же приехал. Ты не торопился, не так ли?

— Меня вызвали в спешке. Если мне предстоит путь за море, я должен покончить с делами.

Он застыл как вкопанный.

— Кто сказал, что ты едешь за море? — замер он.

— В округе только об этом и говорят. В Ирландию, правда? Ходят слухи, что Пасцентий завел там себе союзников, опасных для нас, и что Амброзий хочет разбить их как можно быстрее. Но зачем понадобился я?

— Потому что он хочет взять и разрушить их главный оплот. Ты когда-нибудь слышал о Килларе?

— Да кто же о нем не слышал? Говорят, что эту крепость еще никому не удавалось взять приступом.

— Правду говорят. Эта гора высится в самом сердце Ирландии, и говорят, с ее вершины видны все побережья окрест. Гору венчает цитадель, не какой-нибудь там земляной вал с палисадом, а крепость из крепкого камня. Вот, мой дорогой Мерлин, зачем понадобился ты.

— Понимаю. Вам нужны осадные машины.

— Нам нужны машины. Мы должны атаковать Килларе. Если нам удастся захватить крепость, можешь быть уверен — с десяток лет мы поживем спокойно. Поэтому я беру с собой Треморина, а Треморин настаивает, чтобы взяли тебя.

— Я так полагаю, что король остается?

— Именно так. А теперь желаю тебе доброй ночи: у меня еще дела, иначе я пригласил бы тебя скоротать со

мной ожиданье. У него сейчас комендант лагеря, но я не думаю, что это надолго.

После этих слов он вполне доброжелательно со мной распрощался и взбежал по ступенькам в свое жилище, окликая слугу, еще даже не переступив порога.

Почти тотчас от дверей королевских покоев послышался звон оружия, и во двор вышел комендант лагеря. Не заметив меня, он остановился переговорить с одним из часовых, а я стоял и ждал, пока он закончит.

Меня привлекло какое-то движенье, пугливое колебанье тени там, где кто-то осторожно пробирался по узкому проходу против дома, где разместился Утер. Часовые, занятые разговором с комендантом, ничего не заметили, я отодвинулся подальше в тень. На самом краю круга света, отбрасываемого факелами, появилась хрупкая фигурка, закутанная в плащ с надвинутым на глаза капюшоном. Девушка. Она приблизилась к освещенному углу и остановилась там, оглядываясь по сторонам. Затем движением, которое свидетельствовало скорее о желании сохранить тайну, а не об испуге, она надвинула капюшон пониже, скрывая лицо. Я узнал этот жест, как узнал запах жимолости в воздухе и выбившийся из-под капюшона золотистый в свете факелов локон волос.

Я замер. Зачем она последовала за мной сюда и чего намеревалась добиться? Не думаю, что меня жег стыд, нет, но меня ударило болью, быть может, смешанной с былым желаньем. Поколебавшись еще мгновенье, я шагнул вперед и окликнул ее:

— Кэри?

Но она не расслышала или не обратила вниманья. Скользнув из тени на свет, она быстро и легко взбежала по ступенькам к двери Утера. Я услышал оклик часового, потом бормотание и негромкий мужской смех.

Когда я поравнялся с дверью Утера, она была уже заперта. Факел высветил улыбку на лице часового.

Верховный король еще сидел за столом, в тени за креслом терпеливо ждал слуга.

Амброзий отодвинул бумаги и приветствовал меня. Слуга принес нам вина и налил кубки, после чего удалился, оставив нас наедине.

Мы долго беседовали. Он рассказывал мне о том, что произошло со времени моего отъезда из Винчестера, о продвижении строительства и о своих планах на будущее.

Затем мы заговорили о работе Треморина в Каэрлеоне, и так в наш разговор вплелась война. Я спросил, есть ли какие новости о Пасцентии, «потому что, — сказал я, — мы что ни неделя ждали, что очередной гонец прискачет с известьем о том, что он высадился на севере и опустошает страну».

— Пока нет. По сути, если моим планам суждено осуществиться, то до весны мы больше о Пасцентии не услышим, а к тому времени мы будем более чем готовы. Если позволить ему напасть сейчас, то он может оказаться самым опасным из врагов, с какими мне доселе приходилось сражаться.

— Я что-то слышал об этом. Ты имеешь в виду вести из Ирландии?

— Да. Вести из Ирландии дурные. Ты знаешь, что у них там теперь молодой король Гилломан? Сорвиголова, как мне сообщили, и рвется в бой. Ну, это тебе, возможно, известно, а новость в том, что Пасцентий обручился с сестрой Гилломана. Понимаешь, что это может означать? Подобный союз представляет угрозу и северным, и западным землям Британии.

— Пасцентий в Ирландии? Мы слышали, что он собирает силы в Германии.

— Это так, — отозвался Амброзий. — Мои люди не смогли добыть точные сведенья о численности его войска, но я бы сказал, что у него около двадцати тысяч воинов. И мне до сих пор не удалось узнать, что они с Гилломаном замышляют. — Он поднял бровь, довольно посмотрев на меня. — Успокойся, дружок, я призвал тебя не ради предсказанья. В Каэрконане ты высказался достаточно ясно. Как и ты, я довольствуюсь ожиданием твоего бога.

— Знаю, — рассмеялся я. — Ты позвал меня для того, что называешь «настоящей работой».

— Действительно. Ты прав. Я не собираюсь спокойно сидеть здесь, в Британии, пока Ирландия и Германия накопят силы, а затем обрушатся на оба наши берега одновременно, подобно летней буре, и встретятся, заполонив весь север Британии. Сейчас Британия лежит между ними, и она способна разделить их прежде, чем они объединятся для нападения.

— Значит, сначала ты покоришь Ирландию?

— Гилломана, — кивнул Амброзий. — Он молод и неопытен, но он и ближе. Утер отплывет в Ирландию еще до конца месяца. — На столе перед ним лежала карта. Он чуть развернул ее, чтобы мне было видно. — Вот. Здесь твердыня Гилломана; ты, без сомнения, о ней слышал. Это кре-

пость в горах под названьем Килларе. Я не нашел никого, кто бы видел ее своими глазами, но мне говорили, что она сильно укреплена и способна выдержать любой штурм. По правде, мне говорили, что ее ни разу не брали штурмом. Сейчас мы не можем позволить Утеру месяцами сидеть под ее стенами в то время, когда Пасцентий наступает с тыла. Килларе следует взять быстро, но огнем ее, как мне сказали, тоже не взять.

— Да? — Я уже заметил на столе свои рисунки среди его планов и карт.

— Треморин очень тебя хвалит, — уклончиво ответил он.

— Он слишком добр ко мне. — Затем настала моя очередь сменить тему. — Я встретил во дворе Утера. Он сказал мне, чего ты от меня хочешь.

— Так ты поедешь с ним?

— Разумеется, ты можешь распоряжаться мной. Но, милорд... — указал я на рисунки. — Я не составлял ни одного нового чертежа. Все, что чертил и рассчитывал, уже построено здесь. И если наша экспедиция такая спешная...

— Нет, не в том дело. Я не прошу ничего нового. У нас хорошие машины, и они еще послужат. То, что мы построили, готово к погрузке на корабли. Я позвал тебя не для того. — Он помолчал. — Килларе, Мерлин, — это больше, чем крепость, это священное место королей Ирландии. Мне сказали, на гребне горы стоит Хоровод Камней, такое же кольцо, какие ты видел в Малой Британии. Поверить молве, так Килларе — это сердце Ирландии и святая святых королевства Гилломана. Я хочу, Мерлин, чтобы ты разрушил это святое место и вырвал у Ирландии сердце.

Я молчал.

— Я говорил об этом с Треморином, — продолжал Амброзий, — и он сказал мне, что нужно послать за тобой. Ты поедешь?

— Я уже сказал, что поеду. Конечно.

Он улыбнулся и поблагодарил меня так, словно не был верховным королем, а я — подданным, повинующимся его воле, а как если бы я был ему равным и делал одолженье. Он пересказал мне все, что было ему известно о Килларе, упомянул о приготовленьях, какие, по его мнению, нам следовало предпринять, и наконец, откинувшись на спинку кресла, улыбнулся и произнес:

— Об одном я сожалею. Я еду в Маридунум и хотел бы, чтобы ты был рядом, но сейчас на это нет времени. Если пожелаешь, то я передам любое твое послание.

— Благодарю, но мне нечего передавать. Но даже если бы и было, то я не осмелился бы предложить тебе гостеприимство в пещере.

— Я хотел бы увидеть ее.

— Любой укажет тебе дорогу. Но едва ли она подходящее пристанище для верховного короля.

Я замолк. Его лицо осветилось смехом, и он словно помолодел на двадцать лет. Я отставил свой кубок.

— Я — глупец. Совершенно забыл.

— Что ты был зачат в ней? Я так и думал. Не беспокойся, я еще в силах отыскать туда дорогу.

Затем заговорил о планах. Амброзий намеревался остаться в Каэрлеоне.

— Потому что, если Пасцентий нанесет удар, — сказал он, — думаю, он пройдет вот здесь, — его палец провел линию на карте, — и я смогу перехватить его к югу от Карлайла. Кстати, я хотел бы поговорить с тобой еще об одном. Когда ты в последний раз проезжал через Каэрлеон по пути в Маридунум, в апреле, полагаю, ты говорил с Треморином?

Я выжидательно молчал.

— Об этом. — Он взял со стола пачку рисунков — не моих — и протянул ее мне. Это не были ни чертежи лагеря, ни вообще какого-либо известного мне здания. На рисунках были изображены церковь, большой зал, башня. Несколько минут я молча изучал их. Почему-то я чувствовал усталость, словно сердце для меня вдруг стало слишком тяжелым. Лампа чадила, потом вдруг словно потускнела, и от света ее на бумаге затанцевали размытые тени. Я собрался с мыслями и поднял глаза на своего отца.

— Понимаю. Наверное, речь идет о строительстве монумента?

— Я в достаточной мере римлянин, чтобы желать себе зримого памятника, — улыбнулся он.

Я постучал пальцем по рисунку.

— И в достаточной мере британец, чтобы сделать его британским? Да, я слышал и об этом.

— Что рассказал тебе Треморин?

— Что поговаривали о том, чтобы воздвигнуть какой-то монумент в ознаменование твоих побед, а также чтобы увековечить созданное тобой Объединенное королевство. Я согласился с Треморином, что строить здесь, в Британии, триумфальную арку было бы нелепо. Он сказал, что некоторые церковники хотят возвести большую церковь — епископ Каэрлеона,

например, предлагал заложить ее здесь. Но, милорд, это ведь не выйдет, не так ли? Если ты построишь храм в Каэрлеоне, то Лондон и Уинчестер, не говоря уже о Йорке, будут считать себя обойденными. Наиболее подходящим из всех этих городов я бы счел Винчестер. Там твоя столица.

— Нет. Я и сам немало об этом думал. По пути из Винчестера я проезжал Эймсбери... — Внезапно он подался вперед. — Что с тобой, Мерлин? Ты болен?

— Нет. Просто ночь сегодня душная. Думаю, приближается гроза. Продолжай. Ты проезжал через Эймсбери.

— Тебе известно, что я там родился? Так вот, мне подумалось, что если я возведу монумент в таком месте, то не дам повода для обид. И есть еще одна причина считать это место удачным выбором. — Он свел брови. — Ты побелел как полотно, мальчик мой. Ты уверен, что здоров?

— Совершенно уверен. Может, только устал немного.

— Ты ужинал? Прости мне мою невнимательность.

— Благодарю тебя, я поел в дороге. У меня есть все, что мне нужно. Хотя, возможно... немного вина...

Я приподнялся, но он опередил меня и оказался на ногах раньше, обошел стол и, налив из кувшина, сам подал мне кубок. Пока я пил, он оставался подле меня, застыл, присев на край стола. Мне отчетливо вспомнилось, как он вот так же сидел, когда открылся мне в Бретани. Помню, как согрело меня это воспоминанье и как спустя некоторое время я смог улыбнуться ему.

— Со мной все в порядке, милорд, в самом деле. Прошу тебя, продолжай. Ты хотел сообщить мне второй довод в пользу сооружения памятника в Эймсбери.

— Ты, наверное, знаешь, что неподалеку оттуда похоронены британцы, предательски зарубленные Хенгистом. Думаю, уместно — и, верно, не найдется ни одного человека, который оспаривал бы это, — чтобы монумент в честь моей победы, в честь объединения королевства под властью одного короля стал бы памятником и этим воинам. — Он помолчал. — Можно сказать, что есть и третий довод, к тому же более сильный, чем первые два.

Очень тихо, не поднимая глаза от своего кубка с вином, я сказал:

— То, что в Эймсбери и так находится величайший монумент Британии? Возможно, величайший на всем Западе?

— А, — воскликнул он, глубоко удовлетворенный. — Выходит, и твоя мысль бежит той же дорогой? Ты видел Хоровод Великанов?

— Я съездил к нему из Эймсбери, когда возвращался домой из Винчестера.

При этих словах он встал и обошел вокруг стола, возвращаясь к своему креслу. Сев, он наклонился вперед, положив руки на стол.

— Тогда тебе известен ход моих мыслей. Пока ты жил в Малой Британии, ты видел достаточно, чтобы понять, чем когда-то был Хоровод. И ты видел, чем он стал ныне — беспорядочные глыбы камней в уединенном месте, продуваемые ветрами и палимые солнцем. — И король медленно добавил, наблюдая за мной: — Я говорил об этом с Треморином. Он сказал, что не во власти человека поднять эти камни.

— И тогда ты послал за мной, чтобы я поднял их? — улыбнулся я.

— Ты, должно быть, слышал разговоры о том, что их воздвигли не силой человеческих рук, а силой волшебства.

— Тогда, — ответил я, — люди, несомненно, снова будут повторять это.

— Ты хочешь сказать, что можешь это сделать. — Он прищурил глаза.

— Почему бы и нет?

Амброзий не улыбался, он просто молчал, в ожиданье, и в том, что он не улыбнулся, заключалась вся его безграничная вера в меня.

— О, я слышал все эти легенды, а также и те, что рассказывают о Стоячих Камнях в Малой Британии. Но камни были водружены людьми, мой господин. А то, что было сделано человеком однажды, может быть повторено вновь.

— Выходит, если у меня нет чародея, то по крайне мере есть опытный механик?

— Именно так.

— Как ты это сделаешь?

— Пока что я знаю чуть больше половины. Но то, что было возведено однажды, можно возвести снова.

— И ты сделаешь это для меня, Мерлин?

— Конечно. Разве я не сказал, что готов служить тебе, чем только смогу? Я восстановлю для тебя Хоровод Великанов, Амброзий.

— Впечатляющий символ Британии, — задумчиво произнес он, глядя на свои руки. — Когда придет мой час, Мерлин, меня похоронят там. То, что Вортигерн хотел совершить для своей твердыни под покровом тьмы, я сделаю для своей при свете дня; под этими камнями будет похоронен король — воин под порогом всей Британии.

Должно быть, кто-то отдернул занавес двери. Часовых не было видно, лагерь затих. В каменном обрамлении дверного проема сверкала звездами синяя ночь. Вокруг нас поднялись исполинские тени, гигантские камни соединялись, подобно сплетшим ветви деревьям там, где давно истлевшие руки высекли знаки богов воздуха, воды и земли. Тихо говорил чей-то голос: голос короля, голос Амброзия. Он звучал уже несколько минут, и я слышал его смутно, словно древнее эхо из тьмы.

— ...и пока король будет лежать под тем камнем, не падет королевство. Потому пока стоит и будет стоять на века, восстанет Хоровод, и свет прольется на него с живых небес. И я привезу Король-камень, чтобы лег он на могильный холм, и станет он сердцем Британии, и с той поры все короли станут одним Королем, и все боги единым Богом. И ты восстанешь в Британии и пребудешь навечно, поскольку с тобой мы создадим Короля, чье имя будут помнить, пока стоит Хоровод, и тот Король будет больше чем символ; он будет щит и неутомимый светозарный меч.

И это был уже не голос короля; это мой голос звучал в темноте. Король все так же сидел по противоположную сторону заваленного картами стола, его распластанные ладони вдавились в бумаги, а глаза темнели под ровными бровями. Между нами тускло горела лампа, и свет ее колебался в сквозняке от приоткрытой двери.

Я не сводил с него глаз, пока зренье мое не прояснялось.

— Что я сказал?

Он с улыбкой мотнул головой и потянулся за кувшином с вином.

— Это обрушивается на меня как обморок на беременную девицу, — раздраженно произнес я. — Скажи, о чем я говорил?

— Ты подарил мне королевство. А еще подарил бессмертие. Чего мне больше желать? А теперь выпей, прорицатель Амброзия.

— Нет, не вина. У тебя есть вода?

— Вот. — Он встал из-за стола. — А теперь тебе самое время отправиться спать, да и мне тоже. Рано

утром я уезжаю в Маридунум. Ты уверен, что у тебя нет никаких поручений?

— Скажи Кадалу, чтобы он отдал тебе серебряный крест с аметистами.

В наступившей короткой тишине мы, не мигая, глядели друг на друга. Я был почти одного роста с ним.

— Итак, прощай, — мягко сказал он.

— Как сказать «прощай» королю, которому даровано бессмертие?

Он бросил на меня странный взгляд.

— Так значит, мы увидимся снова?

— Мы увидимся снова, Амброзий.

И тогда я понял, что в пророчестве моем была его смерть.

10

Килларе, как мне говорили, — это гора в самом сердце Ирландии. Есть горы и в других краях острова, которые хоть и не столь высоки, как в нашей Британии, но все-таки заслуживают это название. Но Килларе — совсем не гора. Это полого сходящийся к вершине холм, высотой, думаю, не более трехсот футов. Он даже не порос лесом, а склоны его покрыты жесткой травой, лишь изредка встают среди нее приземистые заросли терновника или немногие одинокие дубы.

И все же Килларе высится перед пешим ли, конным ли исполинской горой, потому что стоит посреди бескрайней равнины. Во все стороны, едва заметно волнуясь, распростерлась зеленая гладь: взгляни на север, на юг, на запад или на восток — повсюду одно и то же. Неправду говорят, что с этой вершины видны все побережья Эрины окрест, но ничто не заслоняет открывающейся оттуда панорамы зеленого луга, смыкающегося в дальнем далеке с мягкими облаками небес.

Даже воздух здесь мягок. Погода благоприятствовала нам, и ясным летним утром мы высадились на длинный серый пляж; ветер принес с берега запах болотной мирты, утесника и солончаков. В узких заводях дикие лебеди учили плавать свое потомство, а над лугами кричали чибисы, взмывая над укрытыми в камышах гнездами, где их ждали подрастающие птенцы.

Такое время и такая страна не годятся для войны. И действительно, война была скоротечная. Здешний король был молод — по словам лазутчиков Амброзия, Гилломану едва исполнилось восемнадцать зим — и не стал слушать своих советников, предлагавших ему выждать удобного момента и встретить врага на укрепленном поле. Юный сорвиголова был так полон боевого задора, что при первом же известии о высадке иноземных войск на священную землю Ирландии собрал своих воинов и бросил их на закаленные в боях отряды Утера. Они встретили нас на плоской равнине: за нами был холм, а за ними — река. Войска Утера выдержали их первый отчаянно смелый натиск, не отступив ни на пядь; затем пришел их черед наступать: они неумолимо загоняли ирландцев в воду. К счастью для них, это был широкий и мелкий поток, и хотя в тот вечер он стал красным, многим сотням ирландцев удалось спастись. Среди последних оказался и король Гилломан; узнав, что Гилломан с дружиной верных воинов бежит на запад, Утер, полагая, что король направляется в Килларе, послал за ним в погоню тысячу конников, наказав им захватить короля прежде, чем тот достигнет ворот крепости. И они поспели: погоня настигла короля в какой-то полумиле от цитадели — у самого подножия горы и в виду крепостных стен. Вторая битва была короткая и более кровавая, чем первая. Но в суматохе схватки и под покровом сумерек Гилломану с горсткой приближенных снова удалось бежать, но на сей раз никто не знал куда. Однако дело было сделано; к тому времени, когда основные силы Утера подошли к подножию горы Килларе, британская конница уже заняла крепость, и ворота ее стояли распахнутые настежь.

О том, что произошло после взятия ирландской твердыни, рассказывают множество небылиц. Я сам слышал несколько песен и даже читал одно повествование, занесенное в летопись. Цитадель Килларе была построена далеко не из одного крепкого камня; ее укрепления представляли собой обычные земляные валы с палисадом, окруженные глубоким рвом, за валами и палисадами располагался еще один ров, глубокий и усаженный кольями. Замок внутри крепостных стен и впрямь был каменный, возведенный из больших каменных блоков, но и в этом не было ничего невиданного: снабди обычных механиков и каменотесов нужными орудиями и механизмами, они без труда справятся с постройкой подобного зданья. За крепостной стеной приютились дома, в большинстве

своем деревянные, но с укрепленными подвалами, как заведено это и у нас в Британии. Еще выше стояло внутреннее кольцо стен, венчающее Килларе словно корона — чело короля. И внутри этого кольца, на самой вершине горы — священное капище. Здесь стоял Хоровод, кольцо из камней, заключавшее, если верить легендам, сердце Ирландии. Я не стал бы даже сравнивать это место с Великим Хороводом в Эймсбери: этот Хоровод состоял лишь из одного круга не соединенных меж собой камней; и все равно он наполнил мое сердце трепетом. В самом сердце круга высился трилитон, подобный исполинам Эймсбери, а возле него в высокой траве лежали в кажущемся беспорядке остальные глыбы.

В тот же вечер я в одиночестве поднялся на гору. Ниже на склонах перекликались голоса и суетились люди — столь знакомая мне по Каэрконану празднично-горькая суматоха после битвы. Но, пройдя через арку в стене, ограждавшей священное место, и поднявшись на вершину, я словно услышал тишину, как, кажется, слышишь ее, поднявшись из пиршественного зала в уединенную башенную комнату. Звуки угасли за стенами, и когда я шагал по высокой летней траве, вокруг не было ни души.

Низко в небе висела полная луна, бледная и запятнанная тенью, истончившаяся с одного края, словно стертая монета. Появились россыпи тусклых звездочек, здесь и там сгоняемые в стада звездами-пастухами, а напротив луны ярким белым светом горела одинокая большая звезда. Длинные тени мягко ложились на травы, готовые отдать ветру семена.

Высокий камень стоял отдельно, но кренился к востоку. Чуть дальше была яма, а за ней в лунном свете чернел круглый валун. Я остановился. Я не находил этому названия, но древний черный камень походил на созданье ночи и тьмы, сгорбившееся над ямой. По спине у меня пробежал холодок: это древнее таинство мне не хотелось бы нарушать.

Луна взбиралась вместе со мной, и когда я вошел в каменный круг, ее белый диск поднялся над покрытыми камнями, ярко освещая его середину. Мои сандалии сухо хрустели по золе и гравию, на котором недавно горели костры. Вдруг предо мной встал плоский камень, похожий на алтарь, и лунный луч высветил на нем белые очертанья костей и грубую резьбу на грани камня: сплетаясь, по камню ползли ленты и змеи. Я наклонился и провел пальцами по резьбе. Где-то в траве шуршала и попискивала мышь. Больше — ни звука.

Алтарь был чист и мертв, лишенный бога. Оставив его, я медленно двинулся по кружеву лунного света и тени. Вот еще один камень, с закругленным верхом, словно купол улья или омфал. Рядом, почти скрытый высокой травой, лежал рухнувший стоячий камень. Когда я проходил мимо павшего исполина, ветерок тронул траву, сминая тени и, словно туманом, заволакивая свет. Я обо что-то споткнулся, зашатался и упал на колени у края длинного плоского камня, почти невидимого в траве. Я пробежал по нему руками. Камень был массивен, продолговат и не украшен резьбой — естественная каменная плита в переливах лунного света. Мне не было нужды ни во внезапном холоде, ударившем мне в ладони, ни в шорохе трав, колеблемых налетевшим ветром, ни в запахе маргариток, чтобы понять, что вот он — искомый камень. Вокруг меня, словно расступившиеся танцоры, чернели молчаливые великаны. Слева от меня висела серебристая луна, справа — сияла белым король-звезда. Я медленно поднялся на ноги и стал в изножье продолговатого камня так, как, наверное, стоят у изножья кровати в ожиданье кончины лежащего на ней человека.

Меня разбудили тепло и близкие голоса. Я поднял голову. Колени мои упирались в землю, а руки и верхняя часть туловища покоились на камне. Утреннее солнце стояло уже высоко, ясный летний свет лился в середину Хоровода. От влажной травы легкой дымкой поднимался пар, и белые полосы тумана скрывали подножье горы и часть склона. Несколько человек, пройдя меж стоячими камнями, остановились внутри Хоровода и теперь тихо переговаривались между собой, не сводя с меня глаз. Когда я мигнул и повел плечами, разминая занемевшие члены, воины расступились, давая дорогу Утеру, который явился в сопровождении дюжины своих командиров, среди которых был и Треморин. Двое солдат, подталкивая, вели между собой какого-то человека — очевидно, плененного ирландца. Руки у него были связаны, вокруг раны на рассеченной щеке запеклась кровь, но держался он хорошо, и мне показалось, что охранявшие его воины выглядели более испуганными, нежели он.

Увидев меня, Утер остановился и подошел только тогда, когда я нетвердо поднялся на ноги. Ночь в капище, должно быть, оставила след у меня на лице, потому что в их глазах застыло то выражение недоверчивого изумления,

к которому я давно уже привык, и даже Утер заговорил чересчур громко:

— Выходит, твои чары не уступают ирландским.

Свет бил мне в глаза. В этом свете Утер казался слишком ярким и нереальным, словно образ, увиденный в проточной воде. Я хотел что-то сказать, прокашлялся и начал снова:

— Я все еще жив, если ты это имел в виду.

— В армии не найдется другого человека, который согласился бы провести здесь ночь, — хрипло произнес Треморин.

— Из страха перед черным камнем?

Я заметил, как рука Утера непроизвольно дернулась, чтобы сложить охранительный знак. Тут он заметил, что я увидел его жест, и рассердился:

— Кто рассказал тебе о черном камне?

Не успел я ответить, как вдруг ирландец произнес:

— Ты видел его? Кто ты?

— Меня зовут Мерлин.

Он медленно кивнул. На его лице по-прежнему не было ни следа страха или трепета. Он словно прочитал мои мысли и улыбнулся, как бы говоря: «Ты и я, мы сами можем позаботиться о себе».

— Почему тебя привели сюда связанным? — спросил я.

— Чтобы я указал им король-камень.

— Он уже все сказал нам. Это резной алтарь, вон там, — вмешался Утер.

— Отпустите его, — сказал я. — Он вам не нужен. И оставьте в покое алтарь. Вот этот камень.

Повисло молчание. Затем ирландец расхохотался.

— Не сойти мне с этого места! Если вы привезли сюда самого королевского волшебника, то на что надеяться несчастному барду? Звезды предрекли, что вы заберете его, и, по сути, это не что иное, как справедливость. Этот камень уже не сердце Ирландии, а ее проклятье. И может, когда вы его увезете, Ирландия вздохнет свободней.

— Объяснись, — попросил я его, а затем обратился к Утеру: — Прикажи, чтобы его развязали.

Утер кивнул, и стражники освободили руки узника. Он потер запястья и улыбнулся мне. Можно было подумать, что, кроме нас, в Хороводе никого нет.

— Говорят, в незапамятные времена этот камень привезли из Британии, с западных гор, с которых видно Ирландское море, и что великий король всей Ирландии, Фион

Мак Кахайлл его звали, однажды ночью перенес его в руке через море в Ирландию и поставил здесь.

— А теперь, — молвил я, — мы с несколько большими трудами доставим его обратно в Британию.

— А я-то думал, что такой великий чародей, как ты, поднимет его одной рукой, — рассмеялся он.

— Я не Фион. А теперь, бард, если у тебя осталась хоть капля мудрости, ты возвратишься домой к своей арфе и не станешь больше воевать, а сложишь песню об этом камне и о том, как чародей Мерлин взял камень из Хоровода в Килларе и легко перенес его в Хоровод Нависших Каменей, что у Эймсбери.

Не переставая смеяться, он махнул мне на прощанье рукой и ушел. Ему и впрямь удалось благополучно миновать лагерь и скрыться, потому что спустя годы я слышал сложенную им песню.

Но в то мгновение его исчезновение осталось незамеченным. Никто не произнес ни слова, пока Утер, нахмурив брови, рассматривал камень, будто мысленно взвешивал его.

— Ты сказал королю, что сможешь это сделать. Правда?

— Я сказал королю: что люди принесли сюда, люди же смогут и унести.

Он поглядел на меня неуверенно, все еще хмурясь и немного злясь.

— Он передал мне твои слова. Согласен. Здесь нужны не волшебство и заклинанья, а знающие механики и соответствующие машины. Треморин!

— Мой господин?

— Если мы забираем вот этот король-камень, то нечего церемониться с остальными. Где удастся, опрокиньте их и оставьте лежать.

— Да, милорд. Если бы Мерлин помог...

— Люди Мерлина будут работать над укреплениями. Мерлин, прошу тебя начать немедленно. Даю тебе двадцать четыре часа.

Дело оказалось солдатам привычным: они рушили стены и засыпали рвы землей и камнями. Палисад и деревянные постройки предали огню. Армия трудилась на совесть и с веселым задором. Утер всегда бы щедр со своими войсками, а в Килларе было что взять: медные, бронзовые и золотые браслеты и броши, оружие, откованное на славу и украшен-

ное медью и эмалью по ирландскому обычаю. С наступлением сумерек все было закончено, и войска отошли с горы в свой временный лагерь, разбитый на равнине у самого подножья Килларе.

После ужина ко мне зашел Треморин. На вершине горы все еще полыхали костры и факелы, и уцелевшие в Хороводе исполины казались черными пятнами на заревом фоне. Лицо у механика было усталое и хмурое.

— Целый день ушел у нас на то, чтобы поднять плиту на пару футов, — с горечью сказал он, — а полчаса назад треснули распорки, и она снова легла на место. Почему, во имя пса, ты выбрал этот камень? Алтарь ирландца был бы намного легче.

— Алтарь ирландца не подошел бы.

— Ну, клянусь богами, все идет к тому, что этот ты тоже не получишь! Послушай, Мерлин, плевать мне, что он там говорит, я руковожу этими работами, и я прошу тебя прийти и посмотреть, что к чему. Придешь?

То, что произошло потом, послужило пищей для легенд. Скучно и утомительно было бы в подробностях рассказывать о том, как мы это проделали, скажу лишь, что было это несложно. У меня был целый день на раздумья, ведь еще с утра я обследовал камень и склон горы, а какие мне понадобятся машины и блоки, я придумал еще в Малой Британии. Где было возможно, мы сплавляли плиту по воде — сперва от Килларе к морю, а оттуда — в Уэльс, а дальше, насколько смогли, — по рекам, так что по суше нам пришлось преодолеть не более дюжины миль — расстояние между двумя широкими Эвонами. Пусть я и не Фион Крепкая Рука, но я Мерлин, и огромная каменная плита проделала свой путь домой так же гладко, как барка по спокойным водам, да и я не отходил от нее ни на шаг. Наверно, во время пути я спал урывками, но сам я этого не помню. Я бодрствовал, как бодрствуют у смертного одра, и это было единственное мое морское путешествие, когда я не ощущал волнения, а, напротив, сидел (так мне сказали) невозмутимый и молчаливый, словно в своем кресле у домашнего очага. Однажды пришел Утер поговорить со мной — верно, он гневался оттого, что я с такой легкостью совершил чудо механики, какое оказалось не по плечу его людям, — но некоторое время спустя, так и не сказав ни слова, удалился и больше ко мне не подходил. Сам я об этом ничего не помню. Думаю, меня там не было. Я, неподвижный

наблюдатель, завис меж ночью и днем в парадной опочивальне в Винчестере.

Новости встретили нас в Каэрлеоне. Пасцентий нанес удар с севера силами своих германских и сакских союзников, а верховный король выступил с войском и разгромил его возле Карлайсла. Но затем, уже благополучно возвратившись в Винчестер, он внезапно занемог. Слухов об этой болезни ходило в изобилии. Одни утверждали, что подосланный Пасцентием лазутчик под видом лекаря пробрался к ложу слегшего с простудой Амброзия и поднес ему яд. Другие твердили, что это был человек Эозы. Кто бы это ни был, это ничего не меняло: опасно заболевший король слег в Винчестере.

В ту ночь снова взошла король-звезда, и походила она, как говорили люди, на огненного дракона, и влекла она за собою сонм меньших звезд, словно дымный шлейф. Но не было нужды в знаменье, чтобы сказать мне о том, что узнал я в ту самую ночь на вершине Килларе, когда поклялся привезти исполинский камень из Ирландии и положить его на могилу моего короля.

Вот так и вышло, что мы вернули плиту назад в Эймсбери, а я восстановил упавшие камни Хоровода Великанов в память о нем. А на следующую Пасху в городе Лондоне Утера Пендрагона короновали верховным королем.

КНИГА V
ПРИХОД МЕДВЕДЯ

1

После люди говорили, что великая дракон-звезда, которая вспыхнула на Амброзиеву смерть и от которой Утер взял себе королевское имя Пендрагон, была печальным предвестником нового правления. И в самом деле, поначалу все, казалось, было против Утера. Словно закат звезды Амброзия послужил сигналом для врагов короля вновь поднять головы и, повылезав из темных закутков королевства, сокрушить его наследника. Окта, Хенгистов сын, вместе со своим родственником Эозой, посчитав, что смерть Амброзия освободила их от данного обещания не пересекать северной границы королевства, призвали какие только смогли войска; и как только был оглашен этот призыв, собрались к ним все недовольные. Воины, жадные до земель и грабежа, снова ордой двинулись из Германии, а остатки Пасцентиевых саксов соединились с бежавшими ирландцами Гилломана и теми из британцев, которые полагали себя обойденными новым королем. Спустя несколько недель после смерти Амброзия Окта во главе большого воинства, подобно волку, разорял север, и прежде чем новый король мог встретиться с ним, разрушил до основания все города и крепости от стены Адриана до Йорка. Став перед Йорком, сильнейшим городом Амброзия, он увидел прочные стены, запертые ворота и людей, готовых защищать свою землю. Тогда он обложил город, подтянул имевшиеся у него осадные машины и стал ждать.

Он не мог не понимать, что Утер настигнет его здесь, но у него было столько клинков, что Окта мог не бояться британцев. Позже было подсчитано, что он привел тридцать тысяч человек. Как бы то ни было, Утер смог собрать для снятия осады лишь вдвое меньшее войско. Битва была жестокая и кровавая и закончилась она плачевно. Думаю, что смерть Амброзия потрясла королевство. Несмотря на славу Уте-

ра как могучего бойца, как полководец он был еще непроверен и не испытан, и войскам и знатным людям было известно, что он не выказывает спокойствия и рассудительности перед лицом опасности, какие некогда выказывал его старший брат. Недостаток мудрости Утер восполнял отвагой, но даже ее оказалось мало, чтобы в тот день при Йорке склонить на его сторону чашу весов. Британцы сломали ряды и обратились в бегство, и спасло их лишь наступление сумерек, сгущавшихся в то время года рано. Утер — вместе с Горлойсом Корнуэльским, вторым по старшинству военачальником — смог собрать остатки своего войска у вершины невысокой горы, называемой Дамен. Была эта гора крутой, но вершина ее, поросшая орешником, и склоны, окаймленные в середине обрывистыми утесами, могли служить лишь временным прибежищем от торжествующих саксонских орд, которые кольцом стали у подножья в ожидании утра. Положение британцев было отчаянным и требовало отчаянных мер. Пока солдаты растянулись у походных костров, чтобы хоть немного отдохнуть, Утер, угрюмо обосновавшийся в пещере, призвал своих утомленных битвой военачальников, и они вместе разработали план, как перехитрить огромное войско, залегшее у подножья горы. Сперва их мысли не шли дальше простого бегства, но кто-то — позднее мне говорили, что это был Горлойс — заметил, что отступать дальше значит просто оттягивать поражение и гибель нового королевства; если возможно бегство, то возможно и нападение, и таковое можно будет осуществить, если британцы не станут дожидаться рассвета, а воспользуются неожиданностью и внезапно нападут на врага в темноте, скатившись с горы. Незатейливый план, да и саксы вполне могли ожидать нечто подобное от людей, попавших в столь безвыходное положенье, но саксы не слишком мудры в делах войны и, как я уже упоминал, им не хватает дисциплины. С уверенностью можно было сказать, что они не станут ждать атаки или подвоха до наступления дня, а будут крепко спать там, где их застала ночь, уверенные в своей победе, а если повезет, то три четверти воинов перепьют захваченного вина.

Отдавая должное саксам, следует сказать, что Окта выставил часовых и они не дремали. Но план Горлойса сработал, чему способствовал слабый туман, поднявшийся из лощины и пеленой одевший подножье горы. В этом тумане британцы сомкнули ряды, так что число их словно удвоилось, и как только забрезжил рассвет и стали видны нагромождения скал,

хлынули вниз по склону. Не все сакские сторожевые посты британцы успели снять тихо, некоторые часовые затрубили в рожки и подняли тревогу, но было уже поздно. Воины перекатывались по земле, с проклятьями хватая лежавшее рядом оружье, но британцы, которым уже не стало нужды таиться, с воплями вторглись в сонный лагерь и рубили направо и налево, истребляя вражью орду. Еще до полудня все было кончено, Окта и Эоза — захвачены в плен. Перед наступлением зимы, очистив север от саксов и оставив догорать на северном побережье их боевые корабли, Утер возвратился в Лондон, бросил в узилище своих пленников и взялся за приготовления к своей будущей коронации, назначенной на весну.

Его битва с саксами — почти поражение, обернувшееся бесспорной, блестящей победой — была именно тем, чего жаждало королевство. Люди забыли горечь утраты Амброзия и о новом короле заговорили как о восходящем светиле. Его имя было у всех на устах — от ратников и знати, толпившихся вокруг него ради подарков и милостей, до ремесленников, строивших для него дворцы, и дам его двора, щеголявших в новых ярко-красных нарядах, так что дворцовые залы напоминали поле расцветших маков. Этот цвет назвали «красным пендрагоном».

В первые недели нового правления я видел его лишь однажды. Я по-прежнему находился в Эймсбери, руководя работами по восстановлению Хоровода Великанов. Треморин остался на севере, но при мне было достаточно умелых каменщиков, приобретших опыт при перевозке короля-камня из Килларе, которые жаждали помериться силами с массивными камнями Хоровода. Что касается стоячих камней, то после того как мы выкопали ямы, подвели к ним камни и утопили направляющие, все остальное было легко сделано с помощью канатов, треног и отвесов. Труднее было с огромными перемычками, но чудо постройки Хоровода было совершено много веков назад древними умельцами, которые обтесали камни так, что они прилаживались в пазы друг друга, словно ножки и столешница в руках ловкого плотника. Нам нужно было только найти способ поднять их. Именно это не давало мне покоя все годы с тех пор, как я, впервые увидев нависшие камни в Малой Британии, начал свои расчеты. Не забывал я и о том, что узнал из песен. Наконец я сконструировал некое подобие деревянной колыбели, от которой современные механики отмахнулись бы, как от детской игрушки, но ко-

торая — бард мне в том свидетель — справилась с задачей в прошлые времена и, если понадобится, справится с ней вновь. Дело продвигалось медленно, однако продвигалось. И зрелище поднимавшихся колоссов было, верно, величественным: медленно, шаг за шагом, они поднимались ввысь, чтобы, скользнув как по маслу, лечь в положенные им гнезда. Для того чтобы сдвинуть один камень, нужно было две сотни человек, обученных работать слаженно и поддерживавших нужный ритм, как гребцы, при помощи музыки. Впрочем, ритм движения, конечно же, определяла работа, а мелодии были теми древними напевами, которые я помнил с детства: их пела мне моя няня, хоть и опускала отдельные словечки, иногда вставляемые мужчинами. В этих словах бурлила жизнь: все как один куплеты были непристойные, сугубо личные, в большинстве своем направленные на власти предержащие. Не пощадили ни Утера, ни меня, хотя эти песни никогда не распевались ради того, чтобы задеть или оскорбить меня. Скажу больше: в присутствии чужаков мои каменщики выпевали всем известные слова или уж вовсе неразборчивые. Позже говорили, что я вознес камни Хоровода с помощью волшебства и музыки. Думаю, и то и другое верно. С тех пор мне кажется, что так, возможно, возникла легенда о том, как Аполлон Феб с помощью музыки воздвиг великие стены Трои. Но волшебство и музыка, восстановившие Хоровод Великанов, принадлежали мне в той же мере, что и слепому барду из Керрека.

Ближе к середине ноября, когда уже крепчали морозы, работа была завершена. Погас последний костер в лагере, и на юг, в Сарум, отправился последний обоз с каменщиками и работниками и немногими оставшимися машинами. Кадал уехал вперед меня в Эймсбери. Я медлил, придерживая бившего копытом коня, пока обоз не исчез из виду, и я остался один.

Над погруженной в тишину равниной словно донышко оловянного котла выгнулось небо. Было еще рано, и на траве белела изморозь. В слабом зимнем солнце выстроившиеся в танце камни отбрасывали длинные тени. Я вспомнил стоячий камень, белую изморозь, быка, кровь и улыбающегося белокурого молодого бога. Я опустил взгляд на камень. Его похоронили с мечом в руке.

— Мы оба вернемся в день зимнего солнцестояния, — сказал я ему и, сев на коня, поехал в Эймсбери.

2

В декабре пришли новости об Утере. Он покинул Лондон и направлялся на Рождество в Винчестер. Я послал ему письмо и, не получив ответа, покинул мой дом и выехал, на сей раз в обществе Кадала, туда, где посреди скованной морозом равнины одиноко стоял Хоровод Великанов. Было двадцатое декабря.

В небольшой ложбине сразу за Хороводом мы стреножили наших лошадей и развели небольшой костер. Мои опасения, что ночь будет облачной, оказались напрасны: она выдалась ясной и морозной, и звезды роились в небесах, словно лунная пыль.

— Поспи немного, если сможешь на таком холоде, — предложил Кадал. — Я разбужу тебя перед рассветом. Почему ты думаешь, что он приедет? — И добавил, не дождавшись ответа: — Что ж, ты волшебник, тебе лучше знать. Но послушай, на случай, если твое волшебство не поможет тебе заснуть, не мешало бы тебе укрыться еще одним плащом. Я разбужу тебя вовремя, так что не мучай себя.

Я послушался его и, закутавшись в плащ и натянув поверх него попону, придвинулся ближе к огню, примостив голову на седло вместо подушки. Я скорее дремал, чем спал, и в мою дрему то и дело врывались тихие звуки ночи, такие отчетливые в необъятной тишине огромной равнины: шипел и потрескивал костер, Кадал подкладывал ветки в огонь, лошади мерно пощипывали траву, временами ухала вылетевшая на охоту сова. А затем, незадолго до рассвета, раздался шум, которого я так ждал: ровное гуденье земли у меня под головой, что говорило о приближенье всадников.

Я сел. Кадал поднял затуманенные сном глаза и угрюмо произнес:

— Я бы сказал, у тебя есть еще целый час.

— Ничего. Я выспался. Приложи ухо к земле и скажи мне, что ты слышишь.

Он наклонился, прислушивался примерно пять ударов сердца, а затем вскочил и метнулся к нашим лошадям. В те дни никто не сидел сложа руки, услышав в ночи топот копыт.

— Все в порядке, — остановил его я. — Это Утер. Сколько, по-твоему, с ним человек?

— Двадцать, может, тридцать. Ты уверен?

— Вполне. А теперь оседлай коней и оставайся при них. Я пойду в Хоровод.

Был тот час между ночью и утром, когда воздух неподвижен. Всадники неслись галопом. Казалось, вся замерзшая равнина содрогалась в топоте копыт. Луна зашла. Я ожидал рядом с камнем.

Он оставил отряд чуть в стороне и подъехал в сопровождении лишь одного спутника. Наверное, они меня еще не видели, хотя должны были заметить отблеск костра Кадала, догоравшего в лощине. Ночь была звездной, и отряд ехал без факелов, неплохо ориентируясь в темноте; два всадника быстрым наметом приближались к внешнему кольцу Хоровода, и я было подумал, что они, не останавливаясь, въедут внутрь. Но кони разом стали, под копытами хрустнул утренний ледок, король спешился. Послышался слабый шорох, когда он перебросил поводья своему спутнику.

— Поводи его, — приказал Утер, и его стремительная тень замелькала среди колоссальных теней Хоровода.

— Мерлин?

— Милорд?

— Странное время ты выбрал. Неужели это обязательно надо было проделать среди ночи? — Говорил он бодро и не более любезно, чем обычно. Однако он приехал.

— Ты желал знать, что я здесь совершил, и сегодня та ночь, когда я могу показать тебе. Благодарю, что ты приехал.

— Что ты собираешься мне показать? Видение? Это еще один твой сон? Предупреждаю тебя...

— Нет. Ничего такого, во всяком случае сейчас. Но мне хочется показать тебе то, что можно увидеть только этой ночью. Но для этого, боюсь, нам придется еще немного обождать.

— Долго? Холодно.

— Не слишком, милорд. До рассвета.

Он стоял против меня, по другую сторону короля-камня, и в слабом свете звезд я видел, что он, склонив голову и поглаживая подбородок, рассматривает каменную плиту.

— Говорят, в ту ночь, когда ты впервые стоял у этого камня, у тебя были видения. А потом, в Винчестере, мне рассказали, что он, умирая, разговаривал с тобой, будто ты стоял в изножье его постели в королевской опочивальне. Это правда?

— Да.

Он резко вскинул голову.

— Выходит, ты еще в Килларе знал, что мой брат умирает, и ничего не сказал мне?

— Это было бы бесполезно. Даже знай ты, что он опасно болен, ты все равно не мог бы вернуться раньше. А так ты возвращался со спокойной душой, а в Каэрлеоне, когда он умер, я все сказал тебе.

— Клянусь богами, Мерлин, не тебе судить, о чем стоит говорить, а о чем нет! Ты не король. Ты должен был мне сказать.

— Но и ты не был тогда королем, Утер Пендрагон. Я сделал так, как он просил меня.

Я заметил его быстрое движение, затем он снова взял себя в руки.

— Легко тебе говорить. — Но по его голосу я понял, что он поверил мне и сейчас испытывал трепет и передо мной, и перед этим местом. — И вот теперь, пока мы здесь ждем рассвета и того, что ты собираешься показать мне, думаю, нам стоит объясниться. Ты не можешь служить мне так, как служил моему брату, и ты должен это понять. Мне нет нужды в твоих пророчествах. Мой брат ошибался, когда говорил, что мы рука об руку станем трудиться во благо Британии. И наши звезды противостоят друг другу. Признаю, что там, в Малой Британии, судил о тебе чересчур резко, и позже, в Килларе, тоже. И прошу за это прощенья, но теперь уже слишком поздно. Мы идем разными путями.

— Да. Я знаю.

Я произнес это без какого-либо особого выражения, просто соглашаясь, и был удивлен, когда он мягко, словно про себя, рассмеялся. Его рука легла мне на плечо почти дружески.

— Значит, мы понимаем друг друга. Я не думал, что это окажется так легко. Если бы ты знал, как я устал за эти недели от людей, выпрашивающих помощь, людей, молящих о пощаде, людей, пресмыкающихся ради милостей... И вот единственный человек в королевстве, у кого и впрямь есть право что-либо требовать, решает идти своим путем и не вмешиваться в мои дела!

— Почему бы и нет? Наши пути еще пересекутся, но не сейчас. И тогда нам придется трудиться рука об руку, хотим мы того или нет.

— Увидим. Признаю, что ты обладаешь могуществом, но какая мне от него польза? Я не нуждаюсь в священниках и жрецах. — Он говорил оживленно и дружелюбно,

словно хотел развеять странные чары этой ночи. Он обеими ногами стоял на земле. Амброзий понял бы смысл моих слов, но Утер шел не сворачивая тропой человека, как борзая, почуявшая кровь. — Похоже, ты и так уже неплохо мне послужил — в Килларе и здесь с Хороводом Камней. Одним этим ты заслужил мою благодарность.

— Где бы я ни был, я всегда к твоим услугам. Если я тебе понадоблюсь, ты знаешь, где меня отыскать.

— Неужели не при моем дворе?

— Нет, в Маридунуме. Там мой дом.

— Ах да, знаменитая пещера. Думаю, ты заслужил от меня чего-то большего.

— Мне ничего не нужно.

Стало чуть светлее. Я перехватил его быстрый взгляд искоса.

— Я говорил с тобой сегодня, как до этого не говорил ни с кем. Ты не в обиде на меня за прошлое, незаконнорожденный Мерлин?

— Мне не за что обижаться на тебя, милорд.

— Неужели?

— Ну, может быть, девушка в Каэрлеоне. Но она не в счет.

Я увидел его изумленный взгляд, сменившийся улыбкой.

— Которая?

— Не имеет значенья. Ты все равно уже позабыл о ней.

— Клянусь псом, я недооценил тебя. — Он говорил почти тепло, чего я никогда не слышал от него. Знай он, в чем дело, он бы, наверное, расхохотался.

— Говорю тебе, это не имеет значенья. Не имело значенья тогда, и совсем уж никакого теперь.

— Ты все еще не сказал, зачем вытащил меня сюда среди ночи. Взгляни на небо: занимается заря — да и лошади скоро замерзнут. — Утер посмотрел на восток. — День будет превосходным. Интересно будет поглядеть, что тебе удалось сотворить. Сейчас я могу сказать тебе, что Треморин до того самого дня, когда прибыл гонец с твоим письмом, твердил, что это невозможно. Пророк или не пророк, но от тебя, Мерлин, есть своя польза.

Разгорался свет, и темнота расступалась перед ним. Теперь я видел его ясно — король стоял против меня с поднятой головой, снова поглаживая рукой подбородок.

— Это хорошо, что ты приехал ночью и я узнал твой голос. При свете дня это было бы труднее. Ты отпустил бороду.

— Стал больше походить на короля, а? На войне больше ни для чего другого не оставалось времени. К тому времени, когда мы вышли к Хумберу... — Он принялся рассказывать мне о походе и впервые на моей памяти говорил непринужденно и естественно. Может, причина была в том, что из всех его подданных я один приходился ему родней и, как говорят, в нем зазвучал голос крови. Он рассказывал о войне на севере, о битвах, о дымящихся развалинах, которые оставляли за собой саксы.

— А теперь вот Рождество празднуем в Винчестере. Весной я коронуюсь в Лондоне, и уже...

— Погоди. — Я не хотел обрывать его столь властно, но время торопило меня, словно на мне зиждились и небеса над головой, и прочерчивающие их первые проблески света. Не было времени подыскивать слова, подобающие в беседе с королем. Я поспешно произнес: — Сейчас. Стань рядом со мной у подножья камня.

Я отодвинулся на шаг и застыл в изножье длинного король-камня лицом к пылающему востоку. Я не смотрел на Утера. Слышал только, как у него, словно от гнева, перехватило дыханье, но затем он овладел собой и, сверкнув самоцветами и кольчугой, стал бок о бок со мной. У наших ног распростерся камень.

На востоке ночь поблекла, поднялась, как занавес, и выглянуло солнце. Прямой, словно брошенный факел или огненная стрела, луч пронзил серый воздух и проложил сияющую дорогу от горизонта к камню у наших ног. Огромный трилитон-часовой перед нами холодной и черной аркой обрамлял зимнее сиянье. Затем солнце так быстро взошло над горизонтом, что было видно, как тени от звеньев кольца вытянулись в продолговатый эллипс, чтобы почти тут же выцвести и потеряться в зареве зимней зари.

Я перевел взгляд на короля. Его широко раскрытые глаза были словно пусты и устремлены на камень у его ног. Я ничего не смог прочитать в этих глазах. Затем он поднял голову, но посмотрел не на меня, а на исполинские камни внешнего кольца, на сомкнутый строй гигантов на фоне яростного света. Он медленно отошел на шаг от меня и повернулся на каблуке, обведя взглядом все кольцо Нависших Камней. Я заметил, что борода у него отросла рыжеватая и курчавилась; он отпустил длинные волосы, а поверх шлема сверкал золотой обруч.

Наконец его глаза, дымно-голубые в первом утреннем свете, встретились с моими.

— Неудивительно, что ты улыбаешься. Это впечатляет.

— Это от облегченья. На протяжении нескольких недель расчеты не давали мне спать.

— Треморин говорил мне. — Он окинул меня неспешным, оценивающим взглядом. — Он также передал мне твои слова.

— Мои слова?

— Да. «Я покрою его могилу тем, что само есть свет».

Я промолчал.

— Я уже говорил тебе, что ничего не знаю о пророках или священниках, — медленно продолжал он. — Я всего лишь солдат, и мыслю я как солдат. Но это... то, что ты сделал здесь, это я способен понять. Быть может, в конце концов в Британии хватит места для нас обоих. Я сказал, что проведу Рождество в Винчестере. Ты поедешь со мной?

Он спрашивал, а не приказывал. Мы разговаривали поверх король-камня. Это было началом, но началом чего именно, еще не было явлено мне. Я встряхнул головой:

— Возможно, весной. Мне бы хотелось посмотреть коронацию. Будь уверен, что когда я понадоблюсь тебе, я буду рядом. Но сейчас мне пора домой.

— В твою нору? Что ж, если ты именно этого желаешь... Видит бог, твои желания скромны. Ты ни о чем не хочешь попросить меня? — Он обвел рукой безмолвный Хоровод. — Люди плохо станут отзываться о короле, который не вознаградит такое волшебство.

— Я получил свою награду.

— Выходит, Маридунум. Дом твоего деда пристал тебе больше. Ты возьмешь его?

Я мотнул головой:

— Мне не нужен дом. Но я взял бы гору.

— Так прими ее. Мне говорили, что в народе ее и так уже зовут Горой Мерлина. Ну что ж, настал день, и кони мерзнут. Если бы ты когда-нибудь был солдатом, Мерлин, то знал бы, что есть кое-что поважнее даже королевских могил: нельзя дать лошадям застояться.

Он снова хлопнул меня по плечу, отвернулся, взмахнув алым плащом, и быстро зашагал к ожидавшей за камнями лошади. Я отправился на поиски Кадала.

3

Когда наступила Пасха, я и не думал покидать Брин Мирддин (Утер, верный своему слову, даровал мне гору с пещерой, и людская молва уже связывала ее не с моим богом, а с моим именем: ее называли Горой Мерлина), но король прислал с гонцом письмо, приглашая меня прибыть на коронацию в Лондон. На этот раз это был приказ, а не просьба, причем такой срочный, что король прислал эскорт, чтобы избежать всевозможных задержек — предвидя, что я пожелаю оттянуть свое появление при дворе, объясняя промедление отсутствием спутников для долгого путешествия.

В те дни все еще было небезопасным отправляться в путь одному или даже вдвоем, и все равно люди путешествовали при оружии и держались настороже. Те, кто не мог позволить себе путешествовать в сопровождении многочисленных слуг, выжидали, пока не соберется достаточно попутчиков, а купцы даже сбрасывались, чтобы заплатить за вооруженный эскорт. Леса и пустоши все еще кишели беглецами из армии Окты, ирландцами, которые не смогли пробиться домой, и случайными заблудившимися отрядами саксов, тщетно пытавшихся скрыть свою бледную кожу и беспощадно истребляемых в случае провала маскарада. Эти беззаконные люди, не решаясь зайти на освоенные земли, прятались среди диких холмов, на болотах и в глухих чащобах, совершая внезапные жестокие набеги в поисках пропитания и высматривая на дорогах одиноких, плохо вооруженных путников, как бы жалки они ни были. Любой путник в плаще и сандалиях представлялся им богачом и потому — притягательной мишенью для грабежа.

Ни одно из этих соображений не мешало мне отправиться из Маридунума в Лондон в сопровождении одного Кадала. Ни один разбойник или вор не отважился бы посмотреть мне в глаза, опасаясь проклятья. После событий в Динас Бренине, Килларе и Эймсбери моя слава, воспетая в песнях и легендах, разрасталась так, что в конце концов я сам с трудом узнавал собственные «деяния». Динас Бренин тоже переименовали — теперь он назывался Динас Эмрис: новое название в равной мере воздавало хвалу мне и служило напоминанием о высадке Амброзия и крепости, которую он возвел в этом месте. Что до меня, то мне жилось не хуже, чем во дворце моего деда или в доме Амброзия. Ежедневно у входа в пещеру по-

являлись подношения в виде еды и вина, а бедняки, которым нечем было заплатить за раздаваемые мною отвары и мази, приносили дрова или солому для лошадей, трудились на строительстве или мастерили нехитрую мебель. Так что зима миновала в мире и спокойствии, пока ясным днем в начале марта гонец Утера, оставив свой эскорт в городе, не поднялся по долине к пещере.

День, помню, стоял сухой и ветреный, первый более чем за две недели дождей и слякоти, и я поднялся на гору над моей пещерой поискать ранние травы и ингредиенты для целебных притираний. Я задержался на краю сосновой рощицы, чтобы посмотреть на одинокого всадника, наметом гнавшего лошадь в гору. Кадал, должно быть, услышал топот копыт: сверху мне было видно, как он вышел из пещеры и приветствовал всадника, а потом махнул рукой в том направлении, куда я удалился. Гонец даже не стал спешиваться, а повернул коня к вершине, вонзил шпоры и поскакал ко мне.

Он натянул поводья в нескольких шагах от меня, устало спешился и, сложив знак от дурного глаза, приблизился ко мне.

Это был молодой человек примерно одних со мной лет; лицо его под шапкой каштановых волос показалось мне смутно знакомым. Я подумал, что, наверно, видел его среди приближенных Амброзия или в свите самого Утера. По самые брови молодой человек был забрызган грязью, что не помешало мне заметить, что от усталости он бледен до синевы. Наверно, он сменил в Маридунуме лошадь для последнего рывка, потому что животное выглядело свежим и отдохнувшим, а когда он поднял голову, потянув за собой повод, я увидел, как молодой человек поморщился от боли.

— Милорд Мерлин, я привез тебе привет от короля из Лондона.

— Твой господин оказал мне большую честь, — церемонно ответил я.

— Он просит тебя присутствовать на празднестве в честь его коронации. Он прислал тебе эскорт, господин. Люди в городе, их лошади отдыхают.

— Ты сказал «просит»?

— Я должен был сказать «велит», мой господин. Мне было приказано возвратиться с тобой немедля.

— В этом заключается послание?

— Больше он ничего не передавал, господин. Лишь то, что ты должен без промедленья выехать в Лондон.

— Тогда, конечно, я поеду. Как насчет завтрашнего утра, когда ваши лошади отдохнут?

— Сегодня, господин. Сейчас же.

Было жаль, что высокомерный приказ Утера прозвучал в устах юноши как извиненье. Я внимательно всмотрелся в лицо гонца.

— Ты приехал прямо ко мне?

— Да, господин.

— Не передохнув?

— Да.

— Сколько дней ты был в пути?

— Четыре дня, господин. Это свежая лошадь. Я готов отправиться обратно сегодня.

Тут лошадь опять дернула головой, и я заметил, что он снова поморщился.

— Ты ранен?

— Ничего серьезного. Я вчера упал и повредил запястье. Но это правая рука, не та, в которой я держу повод.

— Но этой рукой ты держишь клинок. Спускайся в пещеру и повтори все сказанное тобой моему слуге, скажи ему также, чтобы он напоил и накормил тебя. Вернувшись, я займусь твоей рукой.

Он заколебался:

— Господин, король срочно требует тебя к себе. Это не просто приглашение посмотреть на коронацию.

— Вам придется обождать, пока мой слуга соберет вещи и оседлает наших лошадей. А также пока я сам поем и напьюсь. Руку я смогу тебе вправить за несколько минут. А тем временем ты расскажешь мне, чего нового в Лондоне, а также поведаешь, почему король так спешно требует меня на праздник. Спускайся, я скоро приду.

— Но, господин...

— К тому времени, когда Кадал приготовит нам поесть, я присоединюсь к вам. Спешить более этого даже король не в силах меня заставить: я не отпущу тебя в дорогу на голодный желудок и сам не поеду. А теперь иди.

Он с сомнением взглянул на меня и ушел, скользя по мокрому травянистому склону и таща за собой упиравшуюся лошадь. Спасаясь от ветра, я запахнулся плотнее в плащ и, обойдя сосновую рощу, скрылся от взора тех, кто мог бы наблюдать за мной с лужайки у входа в пещеру.

Я стоял на краю скалистого отрога, где ветры свободно уносились в долину, стремясь сорвать и утянуть за собой и мой плащ. За спиной у меня гудели сосны, а внизу, возле Галапасовой пещеры, трещали на ветру голые ветви терновника. Крик ранней ржанки разорвал серый воздух. Я поднял лицо к небу и подумал об Утере и Лондоне и о только что полученном приказе. Но вокруг не было ничего, кроме неба, сосен и ветра в терновнике. Я обратил свой взор в другую сторону — к Маридунуму.

С такой высоты город был виден как на ладони, но на расстоянии он казался совсем крошечным, почти игрушечным. Мартовский ветер мял тускло-зеленую долину. Под серым небом извивалась серая лента реки. По мосту над ней ползла повозка. Над крепостью реяла яркая цветная точка знамени. Вниз по реке спешила лодка под наполненными ветром коричневыми парусами. Еще по-зимнему сизые холмы охватывали долину, словно ладони, держащие стеклянный шар...

Ветер хлестнул мне по глазам водой, и пейзаж расплылся. Хрустальный шар холодил мне ладони. Я заглянул в него. Крохотный и совершенный в своих деталях, раскинулся в сердце кристалла городок: были здесь и мост, и знамя, и быстрая река, и стремительно несущееся к морю суденышко. Поднимаясь вверх по изогнутым стенкам хрустальной сферы, окружили город поля. Поднялись — пока поля, небо, река, облака не покрыли город и его беспокойных жителей, подобно тому как листья и чашелистики покрывают готовый распуститься в цветок бутон. Казалось, всю округу, весь Уэльс, всю Британию я смогу уместить, сохранить в сложенных лодочкой ладонях, словно драгоценность, застывшую в янтаре. Глядя на заключенную в хрустальный шар страну, я понял, что именно для этого и был я рожден на свет. Время настало, и пора принять это на веру...

Хрустальная сфера растаяла в моих ладонях, превратившись в пучок собранных мной растений, холодных от дождя. Разжав руки, я дал им упасть и тыльной стороной ладони смахнул воду с глаз. Пейзаж внизу переменился: повозка и суденышко исчезли, город затих.

Спустившись в пещеру, я застал Кадала за возней с горшками, в которых он обычно готовил нам пищу, а молодого человека — за оседлыванием наших лошадей.

— Оставь их, — сказал я ему. — Кадал, у нас есть горячая вода?

— Полно. Вот так неожиданное повеленье короля. Выходит, в Лондон едем? — Кадал казался довольным, и я не мог его за это винить. — Что ж, мы заслужили перемену обстановки, если хочешь знать мое мненье. Как по-твоему, в чем дело? Он, — кивок в сторону молодого гонца, — по-видимому, мало что знает или не хочет говорить. Судя по всему, какие-то неприятности.

— Возможно. Скоро узнаем. Вот, просуши его. — Я подал ему мой плащ, сел у огня и подозвал юношу. — А теперь покажи мне руку.

Его запястье посинело, распухло и, наверно, болело, когда я касался его, но кости были целы. Пока он умывался, я приготовил компресс, а затем закрепил его на руке бинтами. Юноша почти со страхом наблюдал за моими действиями, сдерживая желание отдернуть руку, что, как подумалось мне, вызвано не одной только болью. Теперь, когда он смыл дорожную грязь, я смог лучше рассмотреть его; и впечатление того, что он мне знаком, стало еще сильнее. Перевязывая запястье, я внимательно разглядывал посланца.

— Я ведь тебя знаю, не так ли?

— Вряд ли ты помнишь меня, господин. Но я тебя помню. Однажды ты был добр ко мне.

— Это было такой редкостью? — рассмеялся я. — Как тебя зовут?

— Ульфин.

— Ульфин? Знакомое имя... Погоди-ка. Да, вспомнил. Слуга Белазия?

— Да. Так ты меня помнишь?

— Отлично. Помню и ту ночь в лесу, когда мой пони охромел и тебе пришлось вести его домой в поводу. Полагаю, ты все время вертелся где-то рядом, но в глаза бросался не больше, чем мышь-полевка. Точно мне вспоминается только тот случай. Белазий тоже будет на коронации?

— Он мертв.

Что-то в его тоне заставило меня многозначительно взглянуть на него поверх повязки.

— Ты так его ненавидел? Нет, не отвечай, я об этом догадывался, несмотря на свою молодость. Что ж, я не стану спрашивать о причине. Боги видят, я и сам его не любил, а ведь я не был его рабом. Что с ним случилось?

— Он умер от лихорадки, господин.

— И тебе удалось пережить его? Кажется, я припоминаю что-то о древнем варварском обычае...

— Принц Утер взял меня на службу. Теперь я при нем... при короле.

Он говорил быстро, отводя взгляд. Я понял, что больше ничего не узнаю.

— И ты по-прежнему настолько боишься мира, Ульфин?

Но этот мой вопрос он оставил без ответа. Я закончил перевязку.

— Что ж, это дикое и неистовое место, и времена нынче жестокие. Но все переменится к лучшему, и, думаю, не без твоей помощи. Вот, дело сделано. А теперь поешь чего-нибудь. Кадал, ты помнишь Ульфина? Паренька, который привел домой Астера в ту ночь, когда мы наткнулись на отряд Утера возле Немета?

— Клянусь псом, так оно и есть. — Кадал осмотрел юношу с головы до ног. — Ты выглядишь намного лучше, чем тогда. А что приключилось с друидом? Умер от проклятья? Присаживайся и перекуси. А вот твоя еда, Мерлин, и гляди, съешь столько, сколько подобает нормальному человеку, а не твоим драгоценным птичкам.

— Попробую, — кротко ответил я и рассмеялся, увидев выражение лица Ульфина, когда тот переводил взгляд с меня на моего слугу, а затем опять на меня.

Ту ночь мы провели на постоялом дворе у перекрестка, откуда путь лежит через Пять Холмов к золотым копям. Я ужинал один в своей комнате, прислуживал мне Кадал. Как только закрылась дверь за местным слугой, принесшим блюда, Кадал, судя по всему, переполненный новостями, обратился ко мне:

— Что ж, похоже, времена в Лондоне настали веселые.

— Этого следовало ожидать, — мягко заметил я. — Я слышал, что Будек уже прибыл, а с ним большинство королей с того берега Малого моря, и что почти все они, а также половина наших вельмож привезли своих дочерей — ввиду того, что одна сторона трона пустует. — Я рассмеялся. — Утеру это придется по нраву.

— Говорят, он уже перепробовал половину лондонских девушек, — заметил Кадал, ставя передо мной тарелку с седлом барашка под горячим и ароматным луковым соусом.

— Говорить о нем могут что угодно. — Я принялся за еду. — Это вполне может оказаться правдой.

— Да, но если серьезно, то все уверены, что надвигается беда. И причина в женщине.

— О боги, Кадал, пощади меня. Утер был рожден для неприятностей, в которых замешаны женщины.

— Нет, в самом деле. Кое-кто из нашей охраны проговорился, и я не удивляюсь, что Ульфин молчал. Тут дело нешуточное. Жена Горлойса.

Я вздрогнул и поднял голову:

— Герцогиня Корнуэльская? Это не может быть правдой.

— Пока. Но, если верить сплетням, он не прочь попытаться.

Я отпил вина.

— Можешь быть уверен, это всего лишь слухи. Она более чем вдвое моложе своего супруга и, как я слышал, хороша собой. Полагаю, Утер осыпает ее знаками вниманья, ведь ее муж — второй военачальник в королевстве, а люди, зная Утера, выжали из этого все, что могли.

Кадал уперся кулаками в стол и посмотрел на меня сверху вниз. Он был необычно серьезен.

— Значит, знаки вниманья, да? Говорят, он ни на шаг от нее не отходит. Посылает ей за столом лучшие кушанья, следит за тем, чтобы ей подавали первой, даже раньше его самого, пьет за ее здоровье на глазах у всех, всякий раз, когда поднимает кубок. От Лондона до Винчестера только об этом и говорят. Мне сказали, что уже на кухне об заклад бьются.

— Не сомневаюсь. А Горлойс что-нибудь говорит об этом?

— Старался сперва не обращать вниманья, но дело зашло так далеко, что он больше не может притворяться, будто ничего не замечает. Он пытался смотреть на это так, словно Утер просто оказывал честь им обоим, но, когда он усадил леди Игрейну — так ее зовут — по правую руку от себя, а старика — напротив, да еще на шесть человек ниже ее...

— Он, верно, сошел с ума, — встревоженно пробормотал я. — Утер не может допустить раздора, любого раздора, и в первую очередь — с Горлойсом. Клянусь всеми богами, Кадал, ведь именно Корнуолл помог Амброзию завоевать страну, именно Корнуолл помог Утеру сесть на трон. Кто завоевал для него победу в битве у горы Дамен?

— Люди говорят и об этом.

— В самом деле? — Я нахмурился и с мгновенье размышлял. — А женщина? Что, кроме обычной грязи, рассказывают о ней?

— Что она говорит мало и день ото дня становится все молчаливей. Не сомневаюсь, что у Горлойса есть что сказать ей ночью, когда они остаются одни. Как бы то ни было, говорят, что на людях она теперь почти не поднимает глаз — особенно когда король впивается в нее взглядом поверх своего кубка или наклоняется через стол, чтобы заглянуть за вырез ее платья.

— Именно это я и называю грязными сплетнями, Кадал. Я имел в виду, что она собой представляет?

— Ну, как раз об этом и умалчивают, только и разговоров, что о ее молчании, красоте и тому подобном. — Он выпрямился. — Никто и не говорит, что она идет ему навстречу. Видит бог, Утеру не следует вести себя как голодному, завидевшему перед собой тарелку с едой: она будет до краев полна в любую ночь, стоит ему только пожелать. Едва ли в Лондоне отыщется хоть одна девушка, которая бы не пыталась завлечь его в свои сети.

— Я верю тебе. Он уже ссорился с Горлойсом? Я имею в виду открыто?

— Насколько я слышал, нет. По сути, он был чрезмерно радушен с Горлойсом, и примерно всю первую неделю ему все сходило с рук — старик был польщен. Но, Мерлин, вот что смущает больше всего: она вдвое моложе Горлойса и проводит свою жизнь взаперти в одном из холодных корнуэльских замков, где ей не остается ничего иного, как ткать мужу плащи и мечтать над ткацким станком; и можешь быть уверен, что мечтает она не о старике с седой бородой.

Я отодвинул тарелку. Припоминаю, что я все еще слишком беззаботно относился к выходкам Утера. Но последнее замечание Кадала было так близко к цели, что я не мог более оставаться спокойным. Однажды уже была другая девушка, которой не оставалось ничего иного, кроме как сидеть дома над пряжей и мечтать...

— Ладно, Кадал, — резко сказал я. — Мне приятно было узнать об этом. Я только надеюсь, что нам удастся держаться подальше от этой склоки. Я и раньше видел, как Утер сходил с ума по женщинам, но те всегда были доступными. Ухаживать за этой леди — самоубийство.

— Ты сам сказал — это безумие. И люди вокруг то же говорят, — медленно произнес Кадал. — А точнее, называют это колдовством. — Он глянул на меня искоса. — Возможно, именно поэтому так спешно он послал юного

Ульфина, чтобы убедиться, что ты приедешь в Лондон. Может быть, ты понадобился ему, чтобы разрушить чары?

— Я ничего не разрушаю, — коротко отрезал я. — Я творю.

С мгновенье Кадал удивленно смотрел на меня, по всей видимости, прикусив язык на полуслове, после чего отвернулся, чтобы поднять кувшин с вином. Наполняя мой кубок, он молчал, но я успел заметить, как левой рукой он сложил охранительный знак. Больше мы той ночью не говорили.

4

Как только меня ввели в покои Утера, я сразу понял, что Кадал был прав. Неприятности созрели нарывом, который грозил взорваться нешуточным скандалом.

В Лондон мы прибыли в самый канун коронации. Было уже поздно, и городские ворота были заперты на ночь, но, по-видимому, стража была предупреждена, так что нас поспешно и без ненужных расспросов провели за стены прямиком к замку, где обосновался король. Я едва успел сменить заляпанные грязью дорожные одежды, как явился королевский постельничий, чтобы сопроводить меня в опочивальню верховного короля. Часовые перед дверью безмолвно расступились, и я вошел внутрь. Слуги поспешили удалиться, оставив нас с королем наедине.

Утер уже приготовился ко сну и был облачен в длинную спальную одежду из темно-коричневого бархата, отороченную по рукавам и вороту мехом. Его кресло с высокой спинкой было пододвинуто к огню, пляшущему на поленьях, а на столике подле кресла стояли пара кубков и серебряный кувшин с филигранной крышкой, из носика которого вился прозрачный пар. Я уловил запах приправленного специями вина, едва вошел в комнату, и мое пересохшее горло перехватило сухой судорогой; но король даже не двинулся, чтобы предложить мне освежиться с дороги. Он не сидел у огня. Король непрерывно мерил шагами комнату, словно запертый в клетку дикий зверь, а за ним по пятам следовал шаг в шаг любимый волкодав.

Как только за слугами затворилась дверь, он резко, как в прежние времена, бросил:

— Ты не спешил.

— Четыре дня? Тебе следовало прислать за мной лучших лошадей.

Мои слова выбили его из колеи. Он не ожидал какого-либо ответа и, словно опомнившись, уже мягче, добавил:

— Они лучшие в моих конюшнях.

— Тогда тебе нужно завести крылатых коней, если ты хочешь, чтобы мы ездили быстрее, милорд. И людей покрепче. Кстати, двоих из посланной тобой охраны нам пришлось оставить в дороге.

Но он уже не слушал. Погрузившись в свои мысли, Утер снова начал беспокойно выхаживать по комнате, а мне оставалось только наблюдать за ним. Он похудел, двигался легко и быстро, словно оголодавший волк. От постоянных недосыпаний его глаза запали. В его поведении появились особенности, которых я раньше не замечал; его руки не знали покоя. Он сплетал их за спиной, хрустя суставами, или теребил полу халата, или запускал пальцы в бороду.

— Мне нужна твоя помощь, — бросил он через плечо.

— Я так и понял.

На эти мои слова он обернулся:

— Тебе все известно?

Я пожал плечами.

— Люди только и болтают, что о страсти короля к жене Горлойса. Сдается, ты и не пытался скрыть ее. Но с тех пор, как ты отправил за мной Ульфина, прошло уже больше недели. Что произошло за это время? Горлойс и его супруга все еще здесь?

— Разумеется, они здесь. Они не могут уехать без моего позволенья.

— Понимаю. Ты объяснился с Горлойсом?

— Нет.

— Но он не может не знать.

— У него та же беда, что и у меня. Как только будет произнесено хотя бы одно слово, разрыва нам не избежать. А завтра коронация. Я не могу с ним объясниться.

— Или с ней?

— Нет. Нет. О господи, Мерлин, я не могу даже подойти к ней. Ее охраняют, как Данаю.

— Значит, он приставил к ней стражу? — нахмурился я. — Да, это, пожалуй, настолько необычно, что более походит на публичное признанье семейного разлада?

— Нет, ты меня неверно понял. Я лишь хотел сказать, что ее окружают его слуги и ратники. Не только его телохранители — многие из его войска, те отряды, которые он привел сражаться на севере, все еще здесь. Я могу подойти к ней только на людях, Мерлин. Тебе, верно, об этом уже сказали.

— Да. А тебе удалось тайно передать ей посланье?

— Нет. Она блюдет себя. Целый день от нее не отходят ее дамы, а слуги стерегут двери. А он... — Утер замолк. Его лицо покрылось испариной. — Он проводит с ней каждую ночь.

Он снова резко отвернулся, взметнув складки спальной рубахи, и, мягко ступая, отошел в противоположный угол комнаты, укрывшись в тени за камином. Только тут он повернулся и, взмахнув руками, просто, словно несмышленый мальчишка, спросил:

— Мерлин, что мне делать?

Я подошел к очагу, взял кувшин и налил в кубки приправленного пряностями вина. Один кубок я подал ему.

— Для начала перестань метаться и присядь. Я не могу разговаривать с бурей. Вот, выпей.

Он повиновался и не опустился, а как-то рухнул в свое кресло, зажав кубок в руках. Я с удовольствием отпил из своего и сел по другую сторону очага.

Утер не пил. Думаю, он едва ли понимал, что у него в руках. Он сидел, вперив в огонь взгляд сквозь легкий пар, подымавшийся из кубка.

— Я все понял еще тогда, когда он впервые привез ее в Лондон, чтобы представить ее мне. Видит бог, сперва я думал, что это всего лишь еще одно преходящее влечение, подобно тому, какое я испытывал тысячу раз, лишь в тысячу раз более сильное...

— И от которого ты излечивался, — закончил я, — спустя ночь, неделю, месяц. Не помню, чтобы женщине удавалось увлечь тебя на более долгий срок, Утер. Но разве месяц любовных утех или даже три стоят погибели королевства?

Он пронзил меня холодным, как сталь клинка, взглядом, взглядом того прежнего Утера, которого я помнил.

— Клянусь Гадесом*, почему, ты думаешь, я послал за тобой? За минувшие недели я десятки раз мог погубить свое королевство, если бы думал, что оно того стоит. Как ты полагаешь, почему до сих пор я не зашел дальше безрассудных

* Гадес — в греческой мифологии повелитель подземного царства. — *Примеч. пер.*

тостов на пиру? Ну да, я признаю, что вел себя безрассудно, но говорю тебе, это как болезнь, лихорадочное безумие, а не та жажда, какую я испытывал прежде и утолял множество раз. Она сжигает меня, не давая мне спать. Как мне править и сражаться, как могу я выслушивать советчиков или подданных, если я не в состоянии спать?

— А ты пробовал приводить на ложе другую женщину?

— Ты сошел с ума? — Он уставился на меня, а затем выпил.

— Прости за глупый вопрос. Ты не уснул и тогда?

— Нет. — Он отставил на столик кубок и сцепил на колене руки. — Бесполезно. Все бесполезно. Ты должен привести ее ко мне, Мерлин. Ты владеешь волшебным искусством. Вот почему я послал за тобой. Ты должен привести ее ко мне так, чтобы никто не знал. Заставь ее полюбить меня. Приведи ее ко мне, когда он будет спать. Ты можешь сделать это.

— Заставить ее полюбить тебя? С помощью волшебства? Нет, Утер, волшебство здесь бессильно. Ты и сам это должен знать.

— Любая старуха клянется, что на это способна. А ты... ты обладаешь могуществом, какого нет ни у кого из смертных. Ты поднял Нависшие Камни. Ты поднял король-камень, когда Треморин потерпел неудачу.

— Просто мои расчеты были лучше, только и всего. Ради бога, Утер, что бы о том деле ни болтали, кому, как не тебе, знать, как все было сделано. Волшебство тут ни при чем.

— Ты говорил с моим братом, когда он умирал. Ты и это будешь отрицать?

— Нет.

— Или то, что ты поклялся служить мне, когда возникнет нужда?

— Нет.

— Ты нужен мне сейчас. Мне нужно твое могущество, в чем бы оно ни заключалось. Или ты хочешь сказать мне, что ты не чародей?

— Я не из тех, кто способен проходить сквозь стены, — произнес я, — и проносить тела через запертые на засов двери. — Он неожиданно повернулся, и я увидел в его глазах лихорадочный блеск, на сей раз вызванный не гневом, а, как мне показалось, страданьем. Я добавил: — Но я не отказывался помочь тебе.

Его глаза вспыхнули.

— Ты поможешь мне?

— Да, я помогу тебе. Когда мы виделись в последний раз, я сказал, что еще, возможно, настанет время, которое вынудит нас действовать заодно. Это время пришло. Я еще не знаю, что должен делать, но это будет явлено мне, и исход этого — в руках божьих. Но в одном я могу помочь тебе уже этой ночью. Я могу помочь тебе заснуть. Нет, сиди и слушай... Если ты хочешь короноваться завтра, хочешь всенародно принять Британию под свою руку, то сегодня сделай так, как я говорю. Я приготовлю тебе отвар, от которого ты уснешь и, как обычно, возьмешь себе в постель девушку. Было бы неплохо, чтобы кто-нибудь, кроме твоих слуг, мог поклясться, что ты провел ночь у себя в опочивальне.

— Зачем? Что ты собираешься сделать? — Его голос напрягся.

— Я попробую поговорить с Игрейной.

Он подался вперед, сжав подлокотники кресла.

— Да. Поговори с ней. Если я не могу пройти к ней, то, может, это удастся тебе. Скажи ей...

— Минутку. Только что ты просил меня «заставь ее полюбить меня». Ты хочешь, чтобы я использовал любую силу и власть, чтобы привести ее к тебе. Если ты ни разу не говорил с ней о своей любви и никогда не видел ее, кроме как на людях, почему ты думаешь, что она придет к тебе, даже если путь будет свободен? Тебе известны ее мысли, милорд?

— Нет. Она не говорит ничего. Улыбается, потупив очи долу, и молчит. Но я знаю. Я знаю. Все мои прежние увлечения были словно отдельные ноты. Сложи их вместе — и получится песня. Она и есть эта песня.

Повисло молчанье. За его спиной в углу комнаты стояла кровать, приготовленная для сна. Над кроватью на стене в прыжке распростерся дракон из червонного золота. В отблесках пламени он двигался, выпуская когти.

— Когда мы говорили в последний раз, — внезапно произнес Утер, — там, среди Нависших Камней, ты сказал, что тебе ничего от меня не нужно. Но, клянусь всеми богами, Мерлин, если ты поможешь мне сейчас, если я получу ее и все сойдет гладко, тогда ты можешь просить меня о чем угодно. Клянусь.

Я мотнул головой, король умолк. Полагаю, он видел, что я больше не думаю о нем; иные силы овладели мной, наполняя освещенную огнем комнату. Дракон вспыхивал и мерцал на темной стене. И в тени дракона возникла новая

сущность, сливаясь с огненным король-символом — пламя к пламени. Пламя словно когтистой лапой ударило мне в глаза. Я закрыл их, и наступила тишина. Когда я снова открыл глаза, огонь погас и стена почернела. Я посмотрел на короля, неподвижно сидевшего в своем кресле и не сводившего с меня пронзительного взгляда. Очень медленно я произнес:

— Об одном я попрошу тебя сейчас.

— Да?

— Когда я приведу ее к тебе и все сойдет гладко, ты зачнешь с ней ребенка.

Он ожидал чего угодно, но только не этого. Утер удивленно уставился на меня, потом неожиданно рассмеялся.

— Наверняка, и это в руках богов?

— Да, бог поможет вам.

Он выпрямился в кресле, будто с его плеч свалился непомерный груз.

— Если я взойду к ней, Мерлин, обещаю сделать все, что будет в моих силах. И все остальное, о чем бы ты ни попросил меня. Я даже буду спать сегодня ночью.

Я поднялся.

— Тогда я пойду приготовлю снадобье и пришлю его тебе.

— А ты повидаешься с ней?

— Я увижу ее. Доброй ночи.

Ульфин стоя дремал за дверью. Увидев, что я вышел в коридор, он часто замигал, прогоняя дремоту.

— Мне войти?

— Через минуту. Сперва пойдем ко мне, я дам тебе для него напиток. Проследи, чтобы он его выпил. Этот отвар поможет ему заснуть. Завтра нам всем предстоит долгий день.

В углу, завернувшись в синее одеяло на горе подушек, спала девушка. Когда мы проходили мимо нее, я увидел изгиб обнаженного плеча и прядь прямых каштановых волос. Она выглядела очень юной.

Я вопросительно поднял бровь, и Ульфин кивнул, затем с невысказанным вопросом качнул головой в сторону закрытой двери.

— Да, — ответил я. — Но позже. После того, как заставишь его выпить отвар. Пусть она пока спит. У тебя такой вид, что тебе и самому не мешало бы поспать.

— Если он будет спать сегодня, то, может, и я вздремну. — Он едва заметно улыбнулся. — Приготовь

отвар покрепче, а, господин? И чтобы он был приятным на вкус.

— Ну, он его выпьет, не бойся.

— Я думал не о нем, — осмелев, произнес Ульфин. — Я имел в виду себя.

— Тебя? А, понимаю, ты хочешь сказать, что тебе, возможно, придется отведать его первым?

Он кивнул.

— Ты должен пробовать все? Его пищу? Даже любовные снадобья?

— Любовные снадобья? Для него? — Он уставился на меня с открытым ртом. Затем рассмеялся. — Ах, ты шутишь!

— Мне хотелось посмотреть, можешь ли ты смеяться. — Я улыбнулся. — Вот мы и пришли. А теперь подожди, это займет не более минуты.

Кадал ждал меня у очага в отведенном мне покое. Это было уютное помещение в изгибе башенной стены, а Кадал разжег яркий огонь под большим котлом с водой, от которого валил пар. Он достал шерстяную ночную рубаху и выложил ее поверх разобранной постели.

На сундуке у окна лежала стопа одежд из переливающейся золотом материи и алых мехов.

— Что это? — спросил я, садясь и позволяя ему стянуть с меня сандалии.

— Король прислал тебе мантию для завтрашней церемонии, мой господин. — В присутствии мальчика, наливавшего воду для ванны, Кадал обращался ко мне с подчеркнутым благоговеньем. Я заметил, как дрожит, расплескивая на пол воду, рука мальчишки. Выполнив свою работу, он, повинуясь кивку Кадала, опрометью вылетел вон.

— Что с этим мальчишкой?

— Не каждый вечер готовишь ванну для чародея.

— Во имя бога, Кадал! Что ты ему наговорил?

— Только что ты превратишь его в летучую мышь, если он плохо тебе услужит.

— Дурак. Нет, погоди, Кадал. Принеси мне мой сундук. За дверью ожидает Ульфин. Я пообещал приготовить отвар.

Кадал послушно принес мой сундучок с лекарственным травами.

— В чем дело? Рука его еще донимает?

— Это не для него. Для короля.

— Ага. — И дальше уже молчал, но когда отвар был готов и Ульфин ушел, а я раздевался, чтобы помыться, он спросил: — Дела так плохи, как говорят?

— Еще хуже. — Я коротко передал ему свой разговор с королем.

Он слушал меня, хмуря брови.

— Что же теперь делать?

— Найти способ повидаться с леди. Нет, не ночную рубаху, увы, еще рано. Найди мне чистую тунику — что-нибудь темное.

— Но ведь не можешь же ты отправиться к ней прямо сейчас? Уже далеко за полночь.

— Мне не нужно никуда идти. Тот, кто мне нужен, сам придет ко мне.

— Но с ней будет Горлойс...

— Хватит, Кадал. Мне надо подумать. Оставь меня. Доброй ночи.

Когда дверь за ним закрылась, я подошел к креслу возле очага. Я солгал, говоря, что мне необходимо время, чтобы подумать. Все, что мне было нужно, — это тишина и огонь. Медленно-медленно я опустошил свой разум, чувствуя, как мысли изливаются из меня, подобно песку из стеклянного сосуда, оставляя по себе пустоту и легкость. Я ждал, мои руки лежали на серой материи, ладони — открытые и пустые. Было очень тихо. Откуда-то из темноты в углу комнаты донеслось сухое потрескивание старого дерева. Затрепетал огонь. Я глядел на него, но отвлеченно, как смотрит в него обычный человек, который ищет уюта в жарком пламени, когда за стенами его дома холодная ночь. Мне не было нужды во сне. Я был как легкий опавший листок на поверхности потока, стремившегося этой ночью влиться в море.

За дверью внезапно послышался шум, какие-то голоса. Быстрый стук по филенке — и в комнату вошел Кадал, притворив за собой дверь. Он смотрел настороженно, словно его посетило дурное предчувствие.

— Горлойс? — спросил я.

Он сглотнул, а потом утвердительно кивнул.

— Что ж, впусти его.

— Он спрашивал, виделся ли ты с королем. Я сказал, что ты приехал всего пару часов назад и просто не успел ни с кем повидаться. Я поступил верно?

— Бог руководил тобой, — улыбнулся я. — Пусть он войдет.

Горлойс стремительно вошел, и я поднялся, чтобы поприветствовать его. Мне подумалось тогда, что он переменился не меньше Утера; его крупная фигура согнулась, и впервые за все то время, что я знал его, я сразу заметил, что он стар.

Он оставил приветствие без вниманья.

— Ты еще не в постели? Мне сообщили о твоем приезде.

— Едва не опоздал на коронацию, но все-таки увижу ее. Может, присядешь, милорд?

— Благодарю, нет. Я пришел просить тебя о помощи для моей супруги, Мерлин. — Из-под седых бровей стрельнули быстрые глаза. — Да уж, никто на в силах догадаться, что у тебя на уме, но ты ведь слышал; не так ли?

— Ходят слухи, — осторожно начал я. — Но вокруг Утера всегда ходят слухи. Я не слышал, чтобы кто-нибудь отважился возвести хоть слово напраслины на твою госпожу.

— Пусть только попробуют, клянусь господом! Впрочем, я не из-за этого пришел к тебе посреди ночи. Здесь ты мне не в силах помочь... хотя, не исключаю, что ты единственный, кто способен вразумить короля. До конца церемонии к нему не подобраться, но если бы тебе удалось уговорить его отпустить нас назад в Корнуолл, не дожидаясь окончанья празднеств... Ты сделаешь это для меня?

— Если смогу.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать. Учитывая нынешнее положенье дел в городе, трудно сказать, кто тебе друг, кто враг. Утеру нелегко противоречить. Но ты мог бы... и, что важнее, ты осмелишься. Ты — сын своего отца, и ради моего старинного друга...

— Я же сказал, что сделаю это.

— В чем дело? Ты болен?

— Ничего. Просто устал. Дорога была тяжелой... Я повидаюсь с королем рано утром, перед тем, как он выедет на коронацию.

Он коротко кивнул, благодаря меня.

— Я хотел бы попросить тебя еще об одном. Ты не мог бы повидаться этой ночью с моей женой?

Наступила такая тихая и продолжительная пауза, что, по-моему, он должен был заметить. Затем я произнес:

— Если ты того желаешь, то да. Но зачем?

— Ей нездоровится. Вот причина, и если ты не против, я хотел бы, чтобы ты осмотрел ее. Когда ее дамы

сказали ей, что ты в Лондоне, она упросила меня послать за тобой. Скажу тебе, у меня гора свалилась с плеч, когда я услышал о твоем приезде. Сейчас я не многим доверяю, и видит бог, я прав. Но тебе я верю.

Рядом со мной распалось полено, обрушившись угольками в огонь. Взметнулись языки пламени, окрасив, словно кровью, лицо Горлойса, герцога Корнуэльского.

— Ты придешь? — спросил старик.

— Конечно. — Я отвел взгляд. — Я приду немедленно.

5

Утер не преувеличивал, когда говорил, что леди Игрейну хорошо охраняют. Она и ее супруг занимали подворье к западу от королевской резиденции, и во дворе толпились вооруженные корнуэльцы. В переднем покое тоже стояла вооруженная стража, а в самой опочивальне при герцогине находились не менее полудюжины дам. Когда мы вошли, старшая среди них, седоволосая женщина с напряженным взглядом, поспешила ко мне навстречу. На ее лице читалось облегчение.

— Принц Мерлин. — Она преклонила перед мной колени, с трепетом посмотрев на меня, после чего подвела к постели.

Воздух в комнате был теплый и пропитанный благовониями. В лампах горело душистое масло, а в очаге — яблоневые поленья. Кровать стояла у стены напротив огня. Подушки были из серого шелка с золотыми кистями, а покрывало украшала богатая вышивка с узором из цветов, диковинных зверей и крылатых созданий. Помимо этой опочивальни, я видел лишь одну женскую комнату — комнату моей матушки: с простой деревянной кроватью, резным дубовым сундуком, ткацким станком и потрескавшейся мозаикой на полу.

Сделав несколько шагов вперед, я остановился в изножье постели, всматриваясь в Горлойсову жену.

Если бы меня потом спросили, как она выглядела, я не смог бы ответить. Кадал говорил мне, что она хороша собой, и я видел голод в Утеровых глазах, так что я знал, что для мужчин она желанна; но, стоя в просторной, наполненной ароматами опочивальне и глядя на женщину, которая лежала, закрыв глаза, на сером шелке подушек, ее я не ви-

дел. Не видел я и самой опочивальни и прочих людей в ней. Перед моим взором мерцали, бились, как живое сердце, вспышки пламени — словно в хрустальном шаре.

Я заговорил, не отрывая глаз от женщины в постели:

— Одна из придворных дам пусть останется. Остальным выйти. И тебя тоже, господин, я попрошу нас оставить.

Он безропотно подчинился, забрав с собой стайку женщин, как пастух сгоняет отару овец. Женщина, приветствовавшая меня по приходе, осталась у постели своей госпожи. Когда за выходящими затворилась дверь, женщина на постели подняла веки. Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Затем я сказал:

— Чего ты хочешь от меня, леди Игрейна?

И она решительно и без тени притворства ответила:

— Я послала за тобой, принц, потому что нуждаюсь в твоей помощи.

— В деле, в котором замешан король, — кивнул я.

— Тебе уже известно? — прямо спросила она. — Когда мой муж привел тебя сюда, ты ведь догадывался, что я не больна?

— Догадывался.

— Значит, ты можешь догадаться и о том, о чем я тебя попрошу?

— Не совсем. Скажи, неужели ты до сих пор не могла сама переговорить с королем? Это помогло бы ему избежать многих тревог и волнений. И твоему мужу тоже.

Ее зрачки расширились.

— Как я могла говорить с королем? Ты проходил через двор?

— Да.

— Тогда ты видел ратников моего мужа и его вооруженную стражу. Что, по-твоему, произошло бы, если бы я поговорила с Утером? Я не могу ответить ему открыто, а если бы встретилась с ним тайно — даже если бы мне это удалось, — не прошло бы и часа, как это стало бы известно доброй половине Лондона. Разумеется, я не могла ни переговорить с ним, ни послать ему весточку. Единственное мое спасение — в молчании.

— Если бы в твоем письме говорилось, что ты — верная и преданная жена герцогу Корнуэльскому и что для самого короля было бы лучше обратить свой взор на других, то такое письмо гонец передал бы ему в любое время.

Она улыбнулась. И молча склонила голову.

Я вздохнул.

— Да, именно это я и хотел узнать. Ты честна, Игрейна.

— Какой смысл лгать тебе? Я немало о тебе слышала. Разумеется, я понимаю, что не стоит верить тому, что поют о тебе в песнях и рассказывают в легендах, но ты наделен проницательностью, хладнокровием и мудростью, и, говорят, ты ни одной женщине не любовник и ни одному мужчине не брат. Поэтому ты способен выслушать и рассудить. — Она опустила взгляд на свои руки, лежавшие поверх покрывал, потом вновь посмотрела на меня. — Но тем не менее я верю, что ты в силах провидеть будущее. Я хочу, чтобы ты предсказал мне его.

— Я не предсказываю судьбу, подобно старухам. Ты для этого за мной послала?

— Ты сам знаешь, почему я послала за тобой. Ты — единственный мужчина, с которым я могу поговорить наедине, не вызывая гнева или подозрений моего супруга... и король прислушивается к твоим словам. — И хотя она была всего лишь юной женщиной, лежавшей в постели, в то время как я возвышался над ней, Игрейна держалась так, будто она королева и дает аудиенцию. Она посмотрела на меня в упор. — Король уже говорил с тобой?

— Ему не было нужды говорить со мной. Всем известно, что томит его.

— А ты перескажешь ему наш разговор?

— Это будет зависеть...

— От чего? — потребовала она ответа.

— От тебя самой, — медленно молвил я. — До сих пор ты была осмотрительна. Будь ты не столь осторожна в своих речах и поступках, нам бы не миновать беды, возможно, дело дошло бы и до открытой войны. Я понимаю, что ты ни на минуту не могла позволить себе остаться в одиночестве или без присмотра; ты постоянно следила за тем, чтобы всегда быть на виду.

С мгновенье она молча глядела на меня, недоуменно приподняв брови.

— Естественно.

— Многим женщинам, особенно тем, что желают того же, чего жаждешь ты, такое было бы не по силам, леди Игрейна.

— Я не «многие женщины». — Слова ударили меня словно вспышка света. Игрейна внезапно села, отбросив назад темные волосы, и откинула покрывала. Пожилая жен-

щина схватила длинную голубую одежду и поспешила к своей госпоже. Игрейна накинула распашное платье поверх белой спальной туники, спрыгнула с кровати и нервно прошла к окну.

Она была высокого роста, а ее стать могла бы лишить головы и более стойкого мужчину, чем Утер. У нее были лебединая шея, изящно посаженная голова. Темные локоны струились по ее плечам. Глаза у нее были синие, не пронзительно-голубые, как Утеровы, а глубокие, темно-синие, какие нередко встретишь у кельтов. Гордо очерченный рот. Она была прелестна, но такая женщина никогда не станет игрушкой в руках мужчины. Если Утер желает ее, подумалось мне, ему придется сделать Игрейну королевой.

Она остановилась, чуть не дойдя до окна. Ее могли увидеть со двора. Она не из тех, кто теряет голову.

— Я дочь короля, королями были все мои предки. — Она круто повернулась ко мне. — Неужели тебе не понять, как велика моя мука, что я смею хотя бы думать об этом? — Она страстно повторила: — Неужели тебе не понять? В шестнадцать лет меня выдали замуж за властителя Корнуолла. Он хороший человек, и я уважаю и почитаю его. До приезда в Лондон я почти смирилась с однообразной жизнью в его замке, но он привез меня сюда — и что случилось, то случилось. Теперь я знаю, что должна получить, но получить все это не в моей власти, не во власти супруги Горлойса Корнуэльского. Так что же мне еще, по-твоему, остается? Только ждать и молчать, поскольку от моего молчанья зависит не только моя честь, но и моего мужа, моего рода, а еще честь королевства, за которое умер Амброзий и которое сам Утер скрепил огнем и кровью. — Она отвернулась, сделала два быстрых шага к дверям, возвратилась. — Я не дешевая Елена, не игрушка, из-за которой мужчины сражаются, умирают, разоряют королевства. Я не стану ждать на стенах, словно награда дюжему вояке, что всех одолеет. Я не могу уронить в глазах народа ни честь Горлойса, ни честь верховного короля. И я не могу прийти к нему тайно и тем самым обесчестить себя в своих глазах. Да, я женщина, томимая любовью. Но я также Игрейна Корнуэльская.

— Выходит, ты собираешься дождаться, пока сможешь прийти к нему при свете дня, прийти, не уронив себя, как его королева? — холодно спросил я.

— Что еще я могу сделать?

— Таково посланье, которое я должен ему передать?

Она молчала.

— Или ты призвала меня сюда, чтобы я предсказал тебе будущее? Сказал, сколько еще осталось жить твоему супругу?

Она по-прежнему не отвечала.

— Игрейна, нет никакой разницы. Если я передам Утеру, что ты любишь и желаешь его, но не сможешь прийти к нему, потому что ты замужем и муж твой еще жив, сколько лет жизни ты сама напророчишь тогда Горлойсу?

В ответ снова ни звука. Мне подумалось, что помимо прочего она наделена еще и уменьем молчать. Я стоял между ней и огнем и смотрел, как бился, обволакивая ее, свет, как, смешиваясь, свет и тени волнами поднимались вверх по белой тунике и голубому платью, колыхались, словно рябь бежала по воде или трава клонилась под ветром. Полыхнуло пламя, и моя тень накрыла Игрейну, разрастаясь, взбираясь вместе с мечущимся светом к ее тени и сливаясь с ней так, что на стене за спиной герцогини возникли не золотой или алый дракон, не огнедышащий змей с пылающим хвостом, а огромные размытые формы из воздуха и тьмы, рожденные пламенем и умирающие вместе с ним, пока, сжавшись, на стене не оставалась только одна тень — тень женщины, стройная и прямая, как меч. А там, где стоял я, не было ничего.

Она пошевелилась, и в свете ламп вокруг нас вновь возникла комната, теплая, реальная, пахнущая яблоневым деревом. Игрейна наблюдала за мной с каким-то новым выражением, которого раньше не было. Наконец она тихим голосом произнесла:

— Я же сказала, что от тебя ничего не утаишь. Ты правильно поступил, что облек это в слова. Я действительно держала в себе эти темные мысли. Но надеялась, что, послав за тобой, я смогу снять с себя ответственность за них, и с короля.

— Когда темные мысли силком облачают в слова, тайное становится явным. Ты давно уже могла бы утолить свою страсть, считай ты себя «любой женщиной», и король тоже, будь он «любой мужчина». — Я замолк. Комната приобрела обычные свои очертания. Безотчетно я произносил слова, приходившие из ниоткуда. — Если хочешь, я скажу тебе, как тебе ответить на любовь короля на своих условиях и на Утеровых — не опорочив ни его, ни своей чести, ни чести твоего мужа. Если я скажу тебе это, придешь ли ты к нему?

Ее глаза широко раскрылись, вспыхнув внутренним огнем. Но и тут она некоторое время размышляла.

— Да. — Ее голос не сказал мне ничего.

— Если ты послушаешься меня, я смогу вам помочь.

— Скажи, что я должна сделать.

— Ты даешь свое слово?

— Ты слишком торопишься, — сухо заметила она. — А сам ты заключаешь сделку, не узнав, к чему она тебя обяжет?

— Нет, — улыбнулся я. — Ну ладно, слушай. Когда ты притворилась больной, чтобы вызвать меня к себе, что ты сказала мужу и приближенным дамам?

— Только то, что я испытываю слабость и недомоганье и не склонна появляться на людях. Если мне нужно быть подле супруга на завтрашней церемонии, сегодня мне надо повидать лекаря и выпить целебный отвар. — Она усмехнулась. — Тем самым я готовила себе отходной путь, объясненье, почему я не буду сидеть рядом с королем во время пира.

— Что ж, неплохо. Ты скажешь Горлойсу, что ты в тягости.

— Что я в тягости? — Впервые она выглядела потрясенной. Игрейна уставилась на меня во все глаза.

— Это возможно? Он старый человек, но я думал...

— Это возможно. Но я... — Она прикусила губу, но спустя какое-то время спокойно молвила: — Продолжай. Я попросила твоего совета, так что должна позволить тебе его дать.

Я никогда прежде не встречал женщины, в разговоре с которой мне не нужно было подбирать слова и с которой я мог бы говорить, как с мужчиной.

— У твоего мужа нет причин подозревать, что ты забеременела не от него. И ты скажешь ему об этом, а еще, что опасаешься за здоровье младенца, если тебе придется и дальше оставаться в Лондоне, где тебя невыносимо гнетут сплетни и ухаживанья короля. Скажи ему, что желаешь уехать сразу после церемонии. Что ты не хочешь идти на пир, не хочешь, чтобы король выделял тебя среди остальных, не хочешь, чтобы с тебя не сводили глаз придворные, чтобы челядь судачила на твой счет. Ты выедешь с Горлойсом и ратью корнуэльцев завтра, перед закатом, когда закрывают ворота. До начала пира Утер ничего не узнает.

— Но... — Она снова непонимающе взглянула на меня. — Это же безрассудство. За три последние недели мы уже сотню раз могли бы уехать, если бы не опасались гнева короля. Мы вынуждены ждать, когда он соизволит отпустить нас. Если мы покинем Лондон без его соизволенья, то какие бы ни были причины...

Я оборвал ее:

— В день коронации Утер ничего не сможет сделать. Ему придется остаться в Лондоне на все время празднеств. Неужели ты думаешь, что он решится нанести обиду Будеку, Мерровею и остальным собравшимся здесь королям? Вы будете в Корнуолле еще до того, как он сможет выступить из столицы.

— Но затем он выступит с войсками. — Она сделала нетерпеливый жест. — И тогда вспыхнет война, и он станет жечь и разрушать, вместо того чтобы сплачивать и созидать. И ему не победить: одержав победу на поле боя, он потеряет поддержку Запада. Победит он или потерпит поражение, Британия будет расчленена и вновь погрузится во мрак.

Да, она могла бы быть королевой. Она так же страстно желала Утера, как и он ее, и все же она не теряла рассудительности. Она была умнее Утера, обладала ясностью мысли и, подумал я, превосходила его также и душевной силой.

— Да, он выступит. — Предупреждая ее возраженья, я поднял руку. — Но выслушай меня. Я поговорю с королем перед коронацией. Он узнает, что ты солгала Горлойсу. Он будет знать, что это я посоветовал тебе вернуться в Корнуолл. Он разыграет негодованье и ярость и прилюдно поклянется отомстить Горлойсу за нанесенное ему оскорбление... И он приготовится последовать за вами, как только завершится праздник...

— А тем временем наши войска спокойно покинут Лондон. Да, понимаю... Но я не вижу, к чему ты клонишь. Продолжай. — Она спрятала руки в рукава голубого платья, сложив их под грудью. Она не была такой холодно-спокойной, как казалась внешне, эта леди Игрейна. — А затем?

— Вы благополучно прибудете домой, не запятнав своей чести и сохранив честь герцога.

— Да, благополучно и в безопасности. Я окажусь в Тинтагеле, и даже Утер не сможет прийти туда ко мне. Ты видел когда-нибудь этот замок, Мерлин? Скалы на том побережье высоки и отвесны, а к острову, на котором стоит цитадель, ведет лишь узкий каменный мостик — единственная туда дорога. Мост настолько узок, что на нем не разминутся двое пеших, даже лошадь там не пройдет. А въезд на мост стережет еще один форт, к тому же внутри замка есть запас воды и пищи на целый год. Во всем Корнуолле нет крепости неприступней. Ее нельзя взять с суши, и к ней невозможно подобраться с моря. Если ты решил навек запереть меня подальше от Утера, лучше места тебе не сыскать.

— И я слышал то же. Итак, Горлойс отошлет тебя в Тинтагел. Если Утер последует за вами, как по-твоему, госпожа, сможет ли Горлойс просидеть целый год за стенами цитадели, подобно зверю, попавшему в ловушку? И сможет ли он содержать в крепости свое войско?

Она мотнула головой.

— Замок невозможно взять приступом, но и как военная база он непригоден. Он предназначен лишь для того, чтобы выдерживать осаду.

— Тогда ты должна убедить его, что если он не хочет сидеть взаперти, пока войска короля будут опустошать Корнуолл, то сам он должен быть в чистом поле, где можно дать битву.

Она ударила рукой об руку.

— Он так и сделает. Горлойс не станет прятаться, бросив Корнуолл на произвол судьбы. Но я все еще не в силах понять твой план, Мерлин. Если ты пытаешься спасти от меня своего короля и свое королевство, так и скажи. Я могу притворяться больной до тех пор, пока Утеру не придется отправить меня домой. Мы уедем, не нанеся никому оскорбленья, и избежим кровопролитья.

— Ты сказала, что выслушаешь меня, — резко оборвал ее я. — Время уходит.

— Я слушаю. — Она снова замерла.

— Горлойс запрет тебя в Тинтагеле. Куда он отправится, чтобы дать бой Утеру?

— В Димилиок. Это крепость на побережье в нескольких милях к северу от Тинтагела. Укрепления там мощные, да и само место удобно для ведения войны. Ну а потом? Ты что, полагаешь, что Горлойс не станет сражаться? — Она подошла к очагу и опустилась в кресло. Я увидел, как усилием воли Игрейна заставила свои руки лежать неподвижно, как обхватила колено пальцами. — И ты думаешь, что король сможет прийти ко мне в Тинтагел, будет там Горлойс или нет?

— Если ты сделаешь, как я скажу, то сможешь говорить с королем и найти в нем себе утешенье. И никто вам не помешает. Нет, — упредил я ее, заметив, что она резко вскинула голову, — это предоставь мне. Здесь наступит черед магии. В остальном доверьтесь мне. Тебе нужно лишь попасть в Тинтагел и ждать. Я приведу к тебе туда Утера. И от

имени короля обещаю тебе сейчас, что он не встретится лицом к лицу в битве с Горлойсом и что, после того как вы сойдетесь в любви, король с миром уйдет из Корнуолла. Как все это произойдет — в руках божьих. Я же могу сказать тебе только то, что знаю сам. Вся сила, что сейчас во мне, — от него, мы лишь проводники его силы и нашими руками он станет разрушать или созидать. Но скажу тебе и другое, Игрейна: мне было видение яркого костра и короны в нем, а еще — меча, стоящего в алтаре, подобно кресту.

Она стремительно вскочила на ноги, и впервые в ее глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Она открыла рот, будто собираясь заговорить, но вновь сомкнула губы и отвернулась к окну. И снова она не рискнула опереться о подоконник, но я видел, как Игрейна подняла голову, словно жаждала взлететь в небеса. Ей следовало родиться с крыльями. Если юность свою она провела за стенами Тинтагела, то неудивительно, что ей хотелось летать.

Она подняла руки, чтобы отбросить кудри со лба. Игрейна говорила в окно, не оборачиваясь ко мне:

— Я сделаю это. Если я скажу ему, что ношу ребенка, то он отвезет меня в Тинтагел. Там рождались все герцоги Корнуолла. А после этого мне придется довериться тебе. — При этих словах она обернулась и посмотрела мне в глаза, уронив руки. — Если хотя бы раз я смогу говорить с ним... даже если только поговорить... Но если из-за меня ты навлечешь кровопролитье на мою землю или смерть на моего супруга, то остаток жизни я буду молиться за то, чтобы и ты, Мерлин, умер, преданный женщиной.

— Я готов смириться с твоими молитвами. А теперь мне нужно идти. Есть ли кто-нибудь, кого бы ты могла отправить со мной? Я приготовлю отвар и пришлю со слугой. Это будет маковый отвар; ты можешь выпить его без страха.

— С тобой может пойти Ральф, это мой паж. Он ждет за дверью. Ральф — внук Марсии, ему можно верить так же, как я верю ей. — Игрейна кивнула в сторону пожилой женщины, которая как раз открывала передо мной дверь.

— Значит, если мне будет что сообщить тебе, я буду передавать это через него с моим слугой Кадалом. Доброй ночи.

Когда я покидал ее, она стояла посреди комнаты спиной ко мне — неподвижная, будто статуя, и освещенная пляшущим светом очага.

6

Мы во весь опор гнали лошадей в Корнуолл.

Пасха в тот год была как никогда ранней, весна еще только робко вступала в свои права, когда бурной темной ночью мы осадили лошадей на вершине утеса возле Тинтагела и остановились, всматривались вниз и терзаемые ветром. Нас было только четверо: Утер, я, Ульфин и Кадал. До тех пор все шло гладко и по плану. Приближалась полночь двадцать четвертого марта.

Игрейна послушалась меня во всем. В ту ночь в Лондоне я не осмелился отправиться из ее покоев прямо в опочивальню короля; об этом могли донести Горлойсу. Да и в любом случае Утер спал. Я побывал у него рано утром следующего дня, когда он принимал ванну и его одевали для коронации. Утер отослал всех слуг, кроме Ульфина, и я в подробностях рассказал, что ему нужно сделать. После навеянного моими травами сна он выглядел лучше, приветствовал меня довольно бодро и выслушал с живым интересом в ярких запавших глазах.

— И она сделает, как ты сказал?

— Да. Она дала мне слово. А ты?

— Ты же знаешь, что я не отступлюсь. — Он пристально посмотрел на меня. — Ну, быть может, теперь скажешь мне, каков будет исход?

— Я уже говорил. Ребенок.

— Ах это. — Он нетерпеливо дернул плечом. — Ты похож на моего брата; он тоже не мог думать ни о чем другом... Все еще служишь ему, да?

— Можно сказать и так.

— Что ж, наверно, рано или поздно ребенок у меня будет. Нет, я говорил о Горлойсе. Что станется с ним? Ведь, конечно же, риск остается?

— Ничто не делается без риска. Ты должен сделать то же, что делаю я, — довериться наступившей поре. Одно скажу тебе: и имя твое, и королевство эта ночь обессмертит.

Наступила короткая пауза. Король смерил меня взглядом.

— Когда такое исходит из твоих уст, придется, полагаю, довольствоваться этим.

— И в этом ты поступаешь мудро. Ты переживешь его, Утер.

Он вдруг рассмеялся.

— Ну и ну, это я и сам мог бы предсказать! Да он еще лет тридцать проживет, а он не из тех, кто отсиживается дома, когда дело доходит до войны. Это единственная причина, почему я не хочу пятнать рук его кровью. Из этих же соображений...

Тут он повернулся к Ульфину и принялся отдавать распоряженья. Передо мной снова был прежний Утер: оживленный, немногословный, логичный. Следует безотлагательно отправить гонца в Каэрлеон с приказом послать войска в Северный Корнуолл. Утер отправится туда из Лондона, как только сможет; выедет туда со всей поспешностью и в сопровождении лишь небольшого отряда телохранителей. Таким образом, он будет наступать Горлойсу на пятки, пусть даже герцог выедет немедленно, а Утеру еще долгих четыре дня придется чествовать своих пэров. Еще одного гонца следует послать по дороге, по которой мы предполагаем отправиться в Корнуолл, и присмотреть за тем, чтобы добрые лошади ждали нас через короткие промежутки на всем пути в Тинтагел.

Все шло так, как я задумал. Я видел Игрейну на коронации, тихую, собранную, прямую как стрела, с опущенным взором и такую бледную, что если бы я не видел ее накануне ночью, то поверил бы в правдивость ее выдумки. Я никогда не переставал восхищаться женщинами. Даже обладая волшебной силой, невозможно прочесть их мысли. Будь она герцогиня или потаскушка, женщине нет нужды учиться притворству. Наверное, то же можно сказать о рабах, живущих в страхе, и тех животных, что инстинктивно маскируются, меняют облик, чтобы спасти себе жизнь. На протяжении всей долгой, ослепительной церемонии она сидела словно восковая свеча, которая в любое мгновение может оплавиться и упасть. Позже я заметил, как, поддерживаемая своими дамами, она выходила из шумной толпы, в то время как блестящая процессия направилась к пиршественному залу. А еще позже, посреди пира, когда кувшины с вином уже совершили не один круг, Горлойс незаметно покинул зал вслед за парой других мужчин, вышедших по зову природы. Назад он не вернулся.

На взгляд того, кто знал правду, Утер, возможно, выглядел не так убедительно, как Игрейна, но если откинуть усталость, вино и дикое возбуждение в предчувствии того, что должно было произойти, он сыграл свою роль достаточно правдиво.

Мужчины вполголоса говорили о ярости, охватившей короля, когда он обнаружил исчезновение Горлойса, и

его гневные клятвы отомстить обидчику, как только разъедутся вельможные гости. Если его гнев и был чуть сильнее, а угрозы звучали чересчур жестоко по отношению к герцогу, чьей единственной виной было желание защитить собственную жену, то король и раньше был достаточно несдержан, и окружающие посчитали это в порядке вещей. И такой яркой была ныне Утерова звезда, таким ослепительным было великолепье коронованного Пендрагона, что Лондон простил бы ему и прилюдное изнасилование. Народ бы еще подумал, простить ли Игрейну за то, что отказала своему королю.

Итак, мы прибыли в Корнуолл. Гонец хорошо справился со своим заданием, и весь путь мы покрыли за два дня и одну ночь, меняя лошадей после каждых двадцати миль бешеной скачки. Лагерь Утеровых войск мы нашли в оговоренном месте — в нескольких милях от Геркулесовой Иглы, у самой границы Корнуолла — и узнали, не знаю уж как это удалось Игрейне, что она с горсткой доверенных людей укрылась в Тинтагеле, а ее супруг, забрав остальных воинов, пришел в Димилок, откуда призвал жителей Корнуолла собраться на защиту своего герцога. Он уже знал, что войска короля стоят у его границы, но, без сомнения, полагал, что они станут ждать прибытия короля, и, верно, даже не подозревал о том, что король уже здесь.

В лагерь мы въехали скрытно, под покровом сумерек и направились не в королевскую ставку, а в шатер одного из военачальников, на которого можно было положиться. Кадал был уже на месте; он поехал впереди нас, чтобы приготовить одежды, в которые я хотел обрядить нас, и дождаться сообщения от Ральфа из Тинтагела — мол, время настало.

Мой план был достаточно прост той простотой, что часто приносит успех. Немалую роль в нем играла привычка Горлойса с первых дней своей женитьбы, если предоставлялась возможность, приезжать ночью — из Димилока или другой своей крепости — повидаться с женой. Полагаю, среди солдат ходило слишком много шуток о страсти старого герцога к юной супруге, так что Горлойс взял себе в обычай (Ральф рассказал мне о нем) приезжать тайно и проникать в замок через потайную дверь, спрятанную так, что, не зная дороги, к ней было почти невозможно добраться. Мой замысел заключался в том, чтобы просто переодеть Утера, Ульфина и меня и выдать себя, если нас увидят, за Горлойса, его спутника и слугу, приехавших в Тинтагел

на ночь. Ральф устроит так, чтобы самому стать на страже у потайной двери, он же должен был встретить нас и провести потайной тропой. Игрейне предстояло убедить Горлойса — от него исходила наибольшая угроза — не приезжать к ней в ту ночь и отпустить всех своих дам, кроме Марсии. Ральф и Кадал условились между собой о том, какие на нас будут одежды: корнуэльцы выехали из Лондона в ночь пира в такой спешке, что оставили часть своего багажа, и в брошенных ими сундуках мы без труда отыскали попоны с гербом Корнуолла и даже один из хорошо знакомых всем военных плащей Горлойса с двойной серебряной каймой.

Последнее известие от Ральфа обнадеживало: время настало, ночь выдалась достаточно темная, чтобы укрыть нас, и достаточно ненастная, чтобы большинство людей сидело у очага. Мы выехали после наступления полной темноты — четыре никем не замеченные тени выскользнули из лагеря. Оставив наши боевые порядки, мы галопом понеслись к Тинтагелу, и только взор, обостренный подозреньем, способен был уловить, что вовсе не герцог Корнуэльский с тремя спутниками спешит домой к своей жене. Утерову бороду мы заранее подкрасили под седину, к тому же половину лица и уголок рта ему закрывала повязка, чтобы объяснить некоторую странность в его голосе, если бы королю пришлось вдруг заговорить. Опущенный низко капюшон плаща, что было естественно при таком ненастье, затенял его черты. Он был стройнее и более крепкого сложения, чем Горлойс, но скрыть это не составило труда; на руки, выдававшие в нем молодого, а не старого человека, мы надели ему латные рукавицы. Ульфин вполне мог сойти за Иордана, Горлойсова слугу, которого мы выбрали потому, что он более остальных был похож на Ульфина лицом и сложеньем. Я же облачился в одежды Британэля, друга и военачальника Горлойса: Британэль был старше меня годами, но голоса наши были похожи, и я неплохо говорил на корнуэльском диалекте. К тому же мне всегда легко удавалось подражать чужим голосам. Моим делом было отвечать на вопросы, если таковые возникнут. Кадал не переодевался; он должен был ждать нас с лошадьми у стен и в случае нужды стать нашим гонцом.

Нагнав короля, я произнес ему на ухо:

— До замка осталось меньше мили. Сейчас мы спустимся к берегу. Ральф будет там, чтобы нас провести. Мне лучше ехать впереди.

Король кивнул. Даже в неверной летучей темноте мне показалось, я вижу лихорадочный блеск его глаз.

— И не гляди так, — добавил я. — Иначе тебя никогда не примут за Горлойса, у которого за плечами много лет супружества.

Он рассмеялся, а я повернул свою лошадь и поехал впереди, осторожно выбирая дорогу на изрытом кроличьими норами склоне, среди кустов, по осыпям, спускаясь в узкую лощину, ведущую к морю.

Лощина, которой мы спускались, была на деле большим оврагом, промытым протокой, стекавшей к морю. В самом широком месте в ней было не более трех шагов в ширину, к тому же она была такой мелкой, что лошади могли перейти ее где угодно. В конце лощины вода падала с низкого утеса на черную береговую гальку. Мы ехали гуськом по узкой тропе, ручей журчал далеко внизу слева от нас, а по правую руку вверх уходил поросший кустарником склон. Поскольку ветер дул с юго-запада, а лощина была глубокой и тянулась почти строго на север, мы были защищены от бури, но наверху свистели ветра и мимо нас на тропу то и дело падали обломки веток. Даже если забыть о крутизне каменистой тропы и темноте, наш путь был нелегок; лошади, встревоженные бурей и исходившим от нас троих напряженьем — невозмутимый как скала Кадал сидел в седле как влитой, но ему, впрочем, не было нужды проникать в замок, — нервничали и дико косили, показывая белки глаз. Когда в четверти мили от моря мы повернули к ручью и заставили коней перейти его вброд, моя лошадь, ступавшая впереди, прижала уши и заартачилась, а когда я хлестнул ее и уже за ручьем галопом послал вверх по узкой тропе, из тени кустов выступила темная мужская фигура. Лошадь стала как вкопанная и поднялась на дыбы так, что мне показалось, будто вот-вот рухнет назад и подомнет меня под себя.

Тень метнулась вперед и схватила повод, заставив лошадь опустить копыта. Животное стояло покрытое пеной и подрагивало.

— Бритаэль, — сказал я. — Все в порядке?

Человек воскликнул и приблизился на шаг, прижимаясь к боку лошади и всматриваясь в меня сквозь темноту. Позади меня остановился жеребец Утера. Человек, стоявший рядом со мной, неуверенно спросил:

— Милорд Горлойс?.. Мы не ждали тебя сегодня ночью. Случилось что-то?

Это был голос Ральфа. Тогда и я произнес своим голосом:

— Выходит, мы сойдем за них, во всяком случае, в темноте?

Он шумно вздохнул:

— Да, мой господин... Мне на миг показалось, что это и впрямь Британэль. И серый жеребец... Это король?

— На эту ночь он будет герцогом Корнуэльским. Все в порядке?

— Да, господин.

— Тогда веди нас. Времени у нас немного.

Он перехватил повод поближе к мундштуку и повел моего коня, за что я был ему благодарен: тропа была опасная, узкая и скользкая и извивалась по крутому склону среди трещавших под ветром кустов; даже белым днем мне не хотелось бы преодолевать такой путь на чужой испуганной лошади. Остальные двигались следом; кони Кадала и Ульфина флегматично трусили рядом, а серый жеребец Утера фыркал на каждый куст и пытался вырвать повод у своего седока, но Утер мог бы править самим Пегасом и укротить того, даже не утомив запястья.

Тут моя лошадь чего-то испугалась, споткнулась и сбросила бы меня с обрыва, если бы Ральф не удержал ее голову. Негромко выругавшись, я спросил Ральфа:

— Далеко еще?

— До берега осталось шагов двести, господин; там мы оставим лошадей. На мыс мы пойдем пешком.

— Клянусь всеми богами бури, я буду рад оказаться в укрытии. Есть какие-нибудь трудности?

— Никаких, господин. — Ему пришлось повысить голос, чтобы быть услышанным, но в реве бури можно было не бояться, что нас слышно далее чем с трех шагов. — Госпожа сама предупредила Феликса, это наш привратник, что она просила герцога вернуться сразу, как только тот разместит войска в Димилиоке. Конечно, все уже знают, что она в тягости, и ее желание видеть его рядом выглядит вполне естественным даже при том, что войска короля почитай что у ворот Корнуолла. Она сказала Феликсу, что герцог воспользуется потайной калиткой на случай, если король уже подослал своих лазутчиков. Ему сказано не говорить ничего солдатам, чтобы не тревожить людей известьем, что их герцог покинул Димилиок и войска, но король не может добраться до Кор-

нуолла раньше следующего дня... Феликс ничего не заподозрил. Да и с чего бы...

— Привратник один сторожит калитку?

— Да, но в караульной есть два стражника.

Он рассказал нам о том, что ждет нас за потайной дверью. Это были маленькие ворота, врезанные во внешнюю стену замка, и сразу за ними, огибая стену, вправо поднимались ступеньки. На полпути вверх была широкая площадка, на которую выходила караульная. Затем ступени вновь круто шли вверх, оканчиваясь у небольшой дверцы, ведущей в покои герцога.

— Охрана знает? — спросил я.

Он покачал головой:

— Мы боялись рисковать, господин. Всех людей, которые остались с леди Игрейной, герцог отбирал лично.

— Лестница хорошо освещена?

— Факелом. Я позаботился о том, чтобы от него сегодня было больше дыма, нежели света.

Я оглянулся через плечо: серый жеребец, словно призрак, ступал сквозь темноту у меня за спиной. Ральф повысил голос, чтобы перекричать ветер, воющий над лощиной, и я было подумал, что король подъедет ближе, чтобы выяснить, о чем мы говорим. Но он молчал, как молчал все время пути. Казалось, он и в самом деле довольствовался тем, что вверил себя в руки судьбы. Или в мои руки.

Я вновь обернулся к Ральфу, наклонился, опираясь на луку седла.

— Есть ли пароль?

— Да, господин. Пилигрим. А еще госпожа прислала королю кольцо, которое тот должен надеть. Герцог иногда носит его. Здесь тропа кончается, тебе видно? Почти отвесно обрывается к берегу. — Он остановился, успокаивая лошадь, а затем животное прыгнуло вниз, заскрежетав копытами по гальке. — Лошадей вы оставите здесь, господин.

Я с благодарностью спешился. Насколько я мог судить, мы очутились в защищенной бухточке, укрытой от ветра скалистым мысом слева от нас, но, прорываясь за его оконечность, выплескивались на прибрежную гальку, ревели волны, словно армии сходились в яростном сражении. По правую руку от нас высился еще один высокий мыс, а между ними простерлась белая полоса прибоя, разбивающегося о черные зубы скал. Поток, вдоль которого мы ехали, низвергался к морю двумя каскадами, и ветер вздымал их, подобно

прядям волос. За этим мечущимся водопадом, под нависшей стеной главного утеса было укрытие для лошадей.

— Тропинка вон там. — Ральф указал на большой мыс слева от нас. — Предупреди короля, чтобы держался как можно ближе ко мне и не отставал. Стоит в такую ночь оступиться, и не успеешь на помощь позвать, как отлив унесет тебя к самым западным звездам.

Серый жеребец, глухо стукнув копытом, остановился возле нас, и король спрыгнул на землю. В темноте я услышал его смех, знакомый мне — резкий и ликующий. Даже не ожидай его в конце пути желанная награда, он и тогда бы не отступился. Опасность пьянила и ласкала Утера.

Остальные двое наших спутников поравнялись с нами и спешились, и Кадал собрал поводья. Утер стал рядом со мной, всматриваясь в накатывающие, ревущие волы.

— Нам что, придется плыть?

— Возможно, дойдет и до этого. Волны, похоже, вздымаются по самые стены замка.

Он стоял совершенно неподвижно, устремив взгляд на вершину мыса, и, казалось, не замечал ни порывов ветра и ни жалившего холодом дождя. Там, высоко в штормовом небе, светился огонек.

Я тронул его за руку:

— Послушай. Все идет так, как мы и ожидали. У калитки будет привратник, Феликс, а в караульной — два вооруженных стражника. Света на лестнице будет немного. Ты знаешь, куда идти. Будет вполне достаточно, когда мы войдем, тихо поблагодарить Феликса и быстро подняться по лестнице. Марсия, та старуха, встретит тебя у двери в покои Игрейны и проведет внутрь. Остальное предоставь нам. Если дойдет до схватки, нас будет трое против них троих, и в такую ночь никто не услышит ни звука. Я приду за час до рассвета и пошлю за тобой Марсию. Больше нам поговорить не удастся. Держись как можно ближе к Ральфу, тропа очень опасна. Ральф же передаст тебе кольцо и пароль. А теперь вперед!

Ни слова мне не ответив, он отвернулся и зашагал по осыпающейся гальке к ожидавшему юноше. Оглянувшись, я увидел рядом с собой Кадала, сжимавшего в руке поводья четырех лошадей. По его лицу, как и по моему, стекали капли дождя, а плащ развевался словно грозовая туча.

— Ты все слышал. За час до рассвета.

Он тоже смотрел вверх на утес, где высоко над нами навис замок. На мгновение ветер разорвал тучи, и лунный свет неожиданно высветил крепостные стены, словно выраставшие из скалы, ниже которых утес почти вертикально обрывался в ревущее море. Мыс соединялся с материком естественной скальной перемычкой, чьи отвесные камни были отполированы морем, словно начищенное лезвие меча. Казалось, из нашей бухточки на берегу нет иного выхода, кроме как по лощине; нельзя было выбраться ни к форту на материке, ни к дороге, ни к главной крепости. Неудивительно, что здесь не было постов. А тропку к потайной калитке сможет удержать и один человек против целой армии.

— Я останусь с лошадьми здесь, под навесом, — какое-никакое, а все же укрытие, — говорил тем временем Кадал. — И хотя бы ради меня, если не ради этого влюбленного господина, не опаздывайте. Если они там наверху хоть что-нибудь заподозрят, мы, считай, попались как крысы в ловушку. Ты знаешь, что эту проклятую лощинку они могут перекрыть так же быстро, как и верхнюю дорогу? А мне бы не хотелось выбираться отсюда вплавь.

— Мне тоже. Успокойся, Кадал, я знаю, что делаю.

— Я тебе верю. Что-то с тобой происходит... Как ты говорил с королем, не подбирая слов, ты и со слугами так не обращаешься. А он ни слова не возразил, делал все, как ты приказывал. Да, я бы тоже сказал, что ты знаешь, что делаешь. И это хорошо, господин Мерлин, потому что, будь это не так, ты ведь понимаешь, что ради удовлетворенья минутной страсти рискуешь жизнью верховного короля Британии?

Я сделал то, чего никогда не делал прежде; не в моем обычае это было. Я накрыл ладонью руку Кадала, сжимавшую поводья. Лошади, мокрые и печальные, притихли, повернувшись крупами к ветру и опустив головы.

— Если Утер войдет сегодня ночью в замок, — начал я, — и возляжет с ней, то пусть его потом даже убьют в той постели; для бога, Кадал, это будет иметь не больше значенья, чем клочок морской пены. Говорю тебе, из трудов этой ночи явится король, чье имя станет щитом и знаменем для людей и останется таковым, пока прекрасная эта земля не погрузится в те самые воды, что ее окружают, и пока люди не покинут эту землю, чтобы жить среди звезд. Ты полагаешь, Утер — это король, а, Кадал? Он всего лишь регент того, кто был до него и кто придет за ним, — короля отныне и на-

всегда. А в эту ночь он и того меньше: он — орудие, а она — сосуд, а я... я дух, слово, созданье воздуха и темноты, и в моих силах повлиять на ход событий не больше, чем в силах тростинки помешать дуть в нее богу. Ты и я, Кадал, мы беспомощны, как опавшие листья в волнах этой бухты. — Я отпустил его руку. — За час до рассвета.

— До встречи, мой господин.

На том я оставил его и, сопровождаемый Ульфином, зашагал по гальке к подножию черного утеса, где ждали нас Ральф и король.

7

Думаю, сейчас даже при свете дня я все равно не смог бы снова отыскать тропинку без провожатого, не говоря уже о том, чтобы в одиночку взобраться по ней. Ральф шел первым, за ним — король, положив ему на плечо руку, дальше — я, держась за полу Утерового плаща, и Ульфин, цеплявшийся за мой плащ. К счастью, скала, на которой стоял замок, защищала нас от ветра: в противном случае восхожденье было бы невозможным — буря сорвала бы нас с утеса как перышки. Но от моря ничто не могло нас укрыть. Бурные волны, должно быть, поднимались не менее чем на сорок футов, а огромные валы, те, что зовут еще самым страшным девятым валом, с ревом взмывали над нами словно исполинские башни, чтобы обдать нас водопадом соленых брызг.

Разбушевавшаяся стихия помогла нам в одном: белизна морской пены отражала тусклый свет, лившийся с неба. Наконец над нашими головами возникло подножие замковой стены, выраставшей из самой скалы. Даже в ясную погоду никто не смог бы вскарабкаться на эти грозные стены, а в ту ночь они сочились влагой. Я не видел двери, никакого проема в гладкой черноте стен. Ральф, не останавливаясь, провел нас под стенами к смотрящему на море выступу мыса. Здесь он на мгновение задержался, и я увидел, как он знаком велел нам быть осторожнее. Он медленно обогнул угол и скрылся из виду. Я почувствовал, как, дойдя до угла, Утер споткнулся, грудью встретив напор ветра. Король на мгновенье замер, потом вжался всем телом в поверхность скалы и медлен-

но двинулся дальше. Ульфин и я последовали за ним. Нам оставалось преодолеть еще несколько ужасающих ярдов пути, и все это время мы ползли, приникая к влажной, склизкой от мокрого лишайника скале, а потом оказались в благословенном укрытии за выступом контрфорса. Ральф остановился, давая нам перевести дух, после чего повел нас по предательски скользкому от водорослей и дождя склону, за которым перед нами предстал потайной ход Тинтагела, приютившийся в глубокой нише под стеной замка и скрытый от замковых укреплений над ним выступом скалы.

Я заметил, как, прежде чем повести нас под скалу, Ральф долгим взглядом обвел стены. Часовых наверху не было. К чему выставлять стражу на стенах, обращенных к морю? Вытащив из ножен кинжал, он резко постучал рукоятью в дверь. Мы, стоявшие вплотную к нему, едва расслышали за ревом бури условный стук.

Привратник, должно быть, ждал тут же за дверью, поскольку дверь немедленно отворилась. Беззвучно приоткрывшись не более чем на две пяди, она замерла. Я услышал позвякиванье цепочки. В образовавшуюся щель просунулась рука с факелом. Рядом со мной Утер пониже опустил капюшон, а я придвинулся ближе к Ральфу, по глаза закутавшись в плащ и сутуля плечи под порывами ветра и дождя.

Под факелом замаячило лицо привратника, во всяком случае, его рот и подбородок. Потом блеснул недоверчивый глаз. Ральф, стоявший ближе всех к свету, нетерпеливо произнес:

— Поторопись. Пилигрим. Я вернулся с герцогом.

Факел приподнялся чуть выше. Я увидел, как вспыхнул отраженным светом крупный изумруд на пальце Утера, и, подражая голосу Британэля, он отрывисто бросил:

— Открывай, Феликс. Да впусти же нас, во имя неба. Герцога утром сбросила лошадь, и его повязка совсем промокла. Нас всего четверо. Поторопись же.

Снова звякнула цепочка, и дверь распахнулась. Ральф держал дверь так, чтобы, якобы придерживая ее для своего господина, первым сделать шаг вперед и, когда король будет входить, оказаться в проходе между Феликсом и Утером.

Утер быстро прошел мимо склонившегося в поклоне человека, отряхивая влагу, как пес, и едва слышно бросил что-то в ответ на приветствие привратника. Затем, коротко взмахнув рукой, на которой снова сверкнул изумруд,

он свернул вправо к ведущей наверх лестнице и стал быстро подниматься по ней.

Ральф выхватил факел из рук привратника, в то время как я и Ульфин поспешили вслед за Утером.

— Я посвечу им. Закрой и заложи на засов дверь. Позже я спущусь и расскажу тебе новости, Феликс, но сейчас мы промокли, как бездомные собаки, и нам надо побыстрее добраться до огня. Верно, в караульной есть еще факел?

— Да. — Привратник отвернулся, чтобы запереть дверь. Ральф держал факел так, чтобы мы с Ульфином могли проскользнуть в тени.

Я, как и Утер, стал стремительно подниматься по лестнице. Ульфин не отставал. Ступени были освещены лишь чадящим факелом, который горел в гнезде на стене над просторной площадкой. Все шло гладко.

Слишком гладко. Вдруг вверху на площадке тусклый свет внезапно вспыхнул ярче; с весело полыхавшим факелом в руке на площадку вышел стражник, за ним показался в дверях караульной второй с мечом наготове.

Утер, находившийся на шесть ступеней впереди меня, на мгновенье задержался, но тут же оправился и стал подниматься снова. Я видел, как под плащом его рука легла на рукоять меча. Я тоже чуть освободил свой меч в ножнах.

Пятно света от факела Ральфа быстро приближалось к нам.

— Господин мой герцог!

Могу себе представить, с каким облегчением Утер повернулся спиной к стражникам и остановился, чтобы подождать Ральфа.

— Господин герцог, позволь тебе посветить, — ах, у них там есть факел. — Казалось, он только что заметил стражников и яркий свет. Проскользнув мимо Утера, Ральф обратился к стражникам:

— Эй, Марк! Привет, Селлик, дайте мне ваш факел, чтобы я мог провести милорда к герцогине. От этой треклятой головешки один дым.

Стражник, по-видимому Селлик, приподнял факел над головой, чтобы получше нас рассмотреть. Юноша не мешкал. Взбежав на площадку, он проскользнул меж обнаженных мечей и решительно взял факел из руки стражника. Прежде чем Селлик успел потянуться за ним, Ральф ткнул свой факел в ящик с песком, стоявший у входа в караульную. Тот задымил и погас. Факел из караульной светил ярко, но

раскачивался во время движения, отбрасывая на ступени гротескные исполинские тени стражников, давая нам возможность скрывать наши лица. Утер, воспользовавшись игрой света и тени, снова стал быстро подниматься по лестнице. На приветствие Марка и Селлика он ответил взмахом руки с перстнем Горлойса. Стражники отступили, но остались стоять на площадке по обе стороны лестницы, все еще сжимая в руках обнаженные мечи.

Я услышал, как сзади тихо прошелестело, освобождаемое от ножен, лезвие Ульфинового меча. Мой меч под плащом тоже был наполовину обнажен. Бесполезно надеяться пройти мимо них. Нам придется убить стражников и молиться, чтобы нас не услышали. Ульфин замедлил шаг, и я понял, что он подумал о привратнике. Возможно, ему придется вернуться к Феликсу, пока мы расправляемся со стражей.

Но это не понадобилось. Внезапно на верху второго пролета лестницы широко распахнулась дверь, и в сиянии яркого света появилась леди Игрейна. Она была в белом, как и тогда, когда я впервые видел ее, но на сей раз не в спальной одежде. Длинное платье мерцало подобно озерной воде. На одно плечо, на римский манер, был наброшен мягкий темно-синий плащ. Ее волосы были убраны драгоценными каменьями. Она протянула обе руки, и белая и синяя ткани упали, обнажив хрупкие запястья, на которых вспыхнуло червонное золото.

— Добро пожаловать, мой господин! — Оба стражника обернулись на ее высокий и чистый голос. Утер в два прыжка преодолел последние шесть ступенек, остававшиеся до площадки, пробежал мимо стражников, скользнув полами плаща по лезвиям их мечей, мимо яркого Ральфового фонаря и стал быстро подниматься по второму пролету лестницы.

Стражники замерли по обе стороны лестницы, прижавшись к стене и давая проход своему господину. У меня за спиной тяжело дышал Ульфин, но когда я поднимался на последние перед площадкой ступени, он шел следом за мной достаточно тихо и без видимой спешки. Наверно, есть свое преимущество в том, чтобы родиться принцем, хоть и бастардом: я знал, что взгляды часовых были, благодаря присутствию герцогини, прикованы к стене и они с таким же успехом могли быть слепы. Я прошел меж мечей, а Ульфин — следом за мной.

Утер уже достиг вершины лестницы. Он взял герцогиню за руки, и прямо здесь, перед освещенной дверью с мерцавшими внизу обнаженными мечами его врагов, ко-

роль наклонил голову и поцеловал Игрейну. Алый плащ взметнулся, обволакивая белую фигуру. У них за спиной виднелась тень старой Марсии, придерживающей дверь.

Затем король произнес:

— Пойдем. — И, все еще укрытые широким плащом, они исчезли в ярко освещенном дверном проеме, и дверь за ними затворилась.

Так мы взяли Тинтагел.

8

С Ульфином и мной неплохо обошлись той ночью. Едва затворилась дверь в герцогские покои, оставив нас стоять на полпути между запертой дверью наверху и стражниками внизу, как снова раздался голос Ральфа, веселый и громкий, легко перекрывавший скрежет убираемых в ножны мечей:

— Боги и ангелы, ну и ночка! А мне еще надо вести его назад, когда дело будет сделано! У вас там есть в караульной огонь? Отлично. Мы сможем обсушиться, пока будем ждать. А вы тем временем можете быть свободны, положитесь на нас, мы посторожим. Ну же, чего вы ждете? Вы получили приказ... и запомните, никому ни слова.

Один из стражей, отправляя свой меч в ножны, уже двинулся к караульной, но другой заколебался, глядя на меня.

— Так ли это, милорд Британэль? Мы должны покинуть пост?

Я стал медленно спускаться.

— Совершенно верно. Вы можете идти. Мы пошлем за вами привратника, когда будем уходить. И самое главное, молчите о том, что герцог здесь. Будьте осторожны. — Я обернулся к Ульфину, застывшему позади меня с широко раскрытыми глазами. — Иордан, ты пойдешь наверх, к двери, станешь там на часах. Нет, дай мне свой плащ. Я повешу его у огня.

Когда он уходил, сжимая в руке обнаженный меч, снизу из караульной донесся голос Ральфа, подкреплявшего мой приказ угрозами, о которых я мог только догадываться. Я спускался не спеша, чтобы дать ему время выпроводить стражников.

После того как за ними захлопнулась внутренняя дверь, я вошел в караульную. В комнате, ярко освещенной факелом и огнем в очаге, кроме нас, никого не было.

Ральф встретил меня веселой, хотя и несколько напряженной улыбкой.

— За все золото Корнуолла не соглашусь проделать это еще раз, даже чтобы доставить удовольствие моей госпоже!

— В этом больше не будет необходимости. Ты сделал все как нельзя лучше, Ральф. Король этого не забудет.

Он потянулся, чтобы вставить факел в гнездо, но, увидев мое лицо, встревоженно спросил:

— Что с тобой, господин? Ты нездоров?

— Здоров. Эта дверь запирается? — Я кивнул на закрытую дверь, через которую вышли стражники.

— Я ее запер и заложил засов. Если бы они что-то заподозрили, то не дали бы мне ключа. Но они ушли, ничего не заподозрив, да и откуда? Я и сам готов был немедля присягнуть, что там, на лестнице, с нами говорил Британэль. Это было... как волшебство. — В последнем слове звучал вопрос, и он не сводил с меня хорошо знакомого мне взгляда, но, когда я ничего не ответил, просто спросил: — Что теперь, господин?

— Иди вниз к привратнику и не пускай его сюда. — Я улыбнулся. — Ты посидишь у огня, Ральф, после того, как мы уйдем.

Он удалился, ступая, как всегда, легко, сбежал вниз по ступенькам. Послышался его голос и смех Феликса. Я стянул с себя мокрый плащ и развесил его перед огнем рядом с Ульфиновым. Моя одежда под плащом была почти сухой. Я немного посидел, грея руки над огнем. В комнате, залитой светом из очага, было очень тихо, но воздух снаружи сотрясали мерные удары волн и буря, неистовствовавшая у стен замка.

Мысли жалили меня, как искры. Я не мог усидеть на месте, а потому встал и беспокойно зашагал взад-вперед по небольшой комнатке. За стеной ревела буря, а подойдя к двери, я услышал отдаленный звук голосов и перестук костей: это Ральф и Феликс коротали время у калитки. Я посмотрел на верхний пролет лестницы. Оттуда не доносилось ни звука; я различил Ульфина или его тень, замершую у двери...

Кто-то тихо спускался по лестнице: закутанная в плащ женщина со свертком в руках. Она подошла совершенно беззвучно, и Ульфин тоже затих без звука и без движенья. Я ступил на площадку, и следом за мной вырвался сноп света из караульной: отблески огня, перемежавшиеся с тенью.

Это была Марсия. На ее щеках заблестели слезы, когда она склонила голову к свертку, что лежал у нее

на руках. Ребенок, укутанный от холода зимней ночи в одеяла. Она увидела меня и протянула мне сверток.

— Позаботься о нем, — тихо и внятно произнесла Марсия, и сквозь блеск слез я увидел, как за ней вновь обретали очертания ступени лестницы. — Позаботься о нем...

Шепот превратился в потрескивание факела и утонул в шуме бури за стеной. Я стоял один на лестнице, дверь наверху была заперта. Ульфин не двинулся с места.

Я опустил пустые руки и вернулся к очагу. Огонь угасал, и я подложил поленьев, но успокоения мне это не принесло, потому что меня снова ужалил свет. Хоть я и увидел то, что желал увидеть, но где-то впереди, вселяя в меня ужас, маячила смерть. Все мое тело мучительно ныло, и в караульной было чадно и душно. Прихватив свой плащ, который почти высох, и завернувшись в него, я пересек площадку к маленькой дверце во внешней стене, из-под которой, как ножом, бил холодный ветер, и, толкнув ее, вышел наружу.

Сперва, после света караульной, я ничего не видел. Закрыв за собой дверь, я прислонился спиной к мокрой стене, давая потокам ночного воздуха омывать меня словно речным теченьям. Затем предметы вокруг меня вновь обрели очертания. Впереди всего на расстоянии нескольких шагов маячили зубцы внешней крепостной стены, высотой мне по пояс. Между этой стеной и тем местом, где стоял я, лежала ровная площадка; надо мной вздымалась еще одна зубчатая стена, за ней снова скалы и стены, карабкавшиеся по ним: так ступенями крепость поднималась к вершине скалистого мыса. На самом верху, там, где несколько часов назад мы видели освещенное окно, на фоне неба чернела башня без единого огонька.

Я подошел к зубцам и выглянул через стену. Подо мной выдавался пологий выступ утеса, который при свете дня мог оказаться покрытым травой склоном, усеянным смолевками и гнездами морских птиц. Дальше и ниже белой пеной бурлил залив. Я посмотрел вправо, в ту сторону, откуда мы пришли. И увидел во тьме только белые дуги пены в бухте, где скрывался Кадал.

Дождь прекратился, облака истончились и поднялись выше. Ветер ослаб и немного сменился. К рассвету он совсем утихнет. Тут и там в разрывах между метавшихся туч сверкало звездами ночное небо.

И вдруг прямо у меня над головой тучи расступились, образовав прореху, в которой, словно по бегущим волнам корабль, проплывала звезда.

Она повисла надо мной, собрав в круг себя сонм меньших звезд, сперва неуверенно мигая, затем забилась, словно живое сердце, принялась расти, вспыхивать и переливаться всеми цветами, которые можно увидеть в беспокойной воде. Я смотрел, а звезда набухала светом — и вот взорвалась ослепительным сияньем, но тут ветер набросил на нее облачную вуаль, под которой звезда потускнела, отдалилась, затерялась среди своих менее ярких сестер. Затем, когда вновь заплясал звездный рой, звезда опять возникла в небе, вновь наполняясь светом, пока наконец не засияла среди остальных звезд, подобно факелу, отбрасывающему мириады искр. И так длился звездный танец в ночи, а я стоял в одиночестве у крепостной стены и смотрел, как волшебная звезда то оживала, сверкая, то серела и засыпала, но, просыпаясь, с каждым разом светила все мягче, уже дышала, а не взрывалась светом, пока наконец биенье этого сердца не превратилось в нежное мерцанье перед наступлением утра, предвещая ясный и погожий день.

Втянув грудью морской воздух, я отер пот со лба и выпрямился, оттолкнувшись от стены. Мое тело занемело, но ноющая боль исчезла. Я поднял глаза на темное окно Игрейны: любовники в опочивальне спали.

9

Я не спеша вернулся через площадку к двери. Открывая ее, услышал донесшийся снизу резкий отчетливый стук в потайную дверцу.

Быстро ступив за порог, я тихо затворил за собой дверь, как раз в тот момент, когда из своей привратницкой появился Феликс. Не успела рука привратника потянуться к цепочке, за его спиной возник Ральф с высоко поднятой рукой, в которой сверкнул кинжал. Неслышно, как кошка, он прыгнул на привратника, повис на мгновенье у него на плечах, потом ударил ему в затылок рукоятью кинжала. Феликс рухнул как подкошенный. Наверное, несмотря на грохот волн, не-

известный уловил какой-то слабый звук, потому что снаружи донесся резкий оклик:

— Что там? Феликс? — И снова стук в дверь, на сей раз намного громче.

Я уже преодолел половину лестницы. Ральф наклонился над телом привратника, но, увидев меня, обернулся и, правильно истолковав мой жест, выпрямился и громко и внятно спросил:

— Кто там?

— Пилигрим.

Голос был мужской, суровый и напряженный. Я быстро сбежал по оставшимся ступенькам. На ходу я сдернул с себя плащ и обмотал им левую руку. Ральф бросил на меня взгляд, из которого исчезли былые веселость и беспечная отвага. Ему не нужно было даже задавать следующий вопрос: мы оба знали ответ.

— И кто совершает паломничество? — хрипло спросил юноша.

— Бритаэль. А теперь открывай. Скорее.

— Господин мой Бритаэль! Господин... я не могу... мне запрещено впускать кого бы то ни было через этот вход... — Он смотрел, как я наклонился, взял Феликса под руки и поволок, стараясь производить как можно меньше шума, назад в привратницкую, подальше от глаз. Ральф облизнул губы. — Не мог бы ты проехать к главным воротам, господин? Герцогиня спит, а мне велено...

— Кто это? — потребовал ответа Бритаэль. — Судя по твоему голосу, Ральф. А где Феликс?

— Пошел наверх в караульную, господин.

— Тогда возьми у него ключ или пришли сюда его самого. — Голос мужчины стал жестким, и в дверь глухо ударил кулак. — Делай, как тебе говорят, парень, или, клянусь Господом, я шкуру с тебя спущу. У меня вести для герцогини, и она не поблагодарит тебя за то, что ты держишь меня здесь. Ну же, шевелись!

— Ключ... ключ здесь, господин. Минутку. — Он в отчаянии оглянулся через плечо, ковыряя в замке. Я положил бесчувственное тело привратника так, чтобы его не было видно, и стал за Ральфовой спиной, выдохнув ему в ухо:

— Проверь, нет ли с ним еще кого-нибудь. А затем впусти.

Он кивнул и отворил дверь на длину цепочки. Под прикрытием шума открываемой двери я вынул из но-

жен меч и, вжавшись спиной в стену, спрятался в тени позади юноши, там, где дверь закрыла бы меня от Британэля. Ральф приник лицом к образовавшейся щели, затем отодвинулся, кивнув мне и стал снимать цепочку.

— Прости меня, господин. — Его голос звучал униженно и смущенно. — Я должен был удостовериться... Что-то случилось?

— Что еще? — Британэль толкнул дверь так сильно, что она, наверное, ударила бы меня, не придержи ее Ральф. — Не беспокойся, ты делал все правильно. — Он шагнул через порог и остановился, возвышаясь подобно башне над юным пажом. — Кто-нибудь еще проходил через калитку этой ночью?

— Что ты, нет, господин. — Ральф выглядел перепуганным (что вполне соответствовало действительности), а потому его слова прозвучали убедительно. — Нет, пока я стоял здесь, никого не было, а Феликс ничего мне не говорил... Да что произошло?

Британэль заворчал, звякнула кольчуга — это он, очевидно, пожал плечами.

— Там, внизу, был один всадник. Он напал на нас. Я оставил Иордана разделаться с ним. Так здесь ничего не было? Никаких неприятностей?

— Никаких, господин.

— Тогда запри снова дверь и не пускай никого, кроме Иордана. А сейчас мне необходимо повидать герцогиню. Я привез для нее дурные известия, Ральф. Герцог мертв.

— Герцог? — Голос юноши дрогнул. Он даже не попытался запереть дверь, а отпустил ее, и та закачалась из стороны в сторону на ветру. Но дверь все еще прятала меня от Британэля. Ральф стоял рядом со мной, и мне было видно, как его лицо посерело от горя. — Герцог... м-мертв, господин? Предательски убит?

Британэль, уже двинувшийся было к лестнице, остановился и обернулся. Еще шаг — и он бы увидел меня, стоящего за дверью. Нельзя было дать ему дойти до лестницы: там он оказался бы надо мной.

— Предательски убит? Во имя неба, с чего ты взял? Кто может сотворить такое? Это не в обычае Утера. Нет, герцог решил испытать удачу, пока король еще сюда не прибыл, и мы напали на их лагерь этой ночью из Димилиока. Но Утеровы войска нас ждали. Горлойс погиб в первой же стычке. Я поскакал с Иорданом сообщить эту весть. Мы прямо с поля боя. А теперь запри дверь и делай, как я тебе велел.

Он отвернулся и направился к ступеням. Теперь мне хватало места, чтобы воспользоваться мечом. Я выступил из тени за дверью:

— Бритаэль.

Тот мгновенно обернулся. Его движенья были столь быстры, что свели на нет все преимущество, какого я надеялся достичь, выступив так неожиданно. Наверное, мне следовало напасть молча, но все же есть вещи, которые принц обязан делать. Это обошлось мне дорого, а могло стоить и жизни. Мне следовало помнить, что той ночью я не был принцем: я был орудием судьбы, как Горлойс, которого я предал, как Бритаэль, которого я вынужден был убить. И я был заложником будущего. Этот груз тяжело давил мне на плечи; и меч Бритаэля сверкнул предо мной еще прежде, чем я поднял клинок. Мы стояли, испытывая друг друга взглядами, и каждый смотрел противнику в глаза.

Он узнал меня, как только наши взгляды встретились. Я увидел в его глазах потрясение и краткую вспышку страха, тут же пропавшую, как только моя поза и мой обнаженный меч сказали ему, что мы будем биться по его правилам, не по моим. Возможно, по лицу моему он заметил и то, что этой ночью мне уже пришлось выдержать схватку и потяжелее той, в которой сегодня бился он сам.

— Мне следовало бы догадаться, что это будешь ты. Иордан сказал, что там внизу был твой человек, проклятый колдун. Ральф! Феликс! Эй, стража, ко мне. Стража!

Я увидел, что до него не сразу дошло, что я в замке уже давно. Однако тишина на лестнице и движенье Ральфа, метнувшегося запереть калитку, открыли ему глаза. Быстро, как волк, слишком быстро, чтобы я мог помешать ему, Бритаэль, взмахнув облаченным в железную перчатку кулаком, ударил юношу в висок. Ральф упал, не издав ни звука, его тело легло поперек двери, не дав ей закрыться.

Бритаэль метнулся к дверям:

— Иордан! Иордан! Ко мне! Измена!

Я бросился на него, каким-то чудом прорвавшись сквозь его защиту; мы сцепились вплотную, звеня металлом мечей и высекая снопы искр.

Быстрые шаги на лестнице. Голос Ульфина:

— Мой господин... Ральф...

Хватая ртом воздух, я умудрился крикнуть:

— Ульфин... Скажи королю... Горлойс мертв. Мы должны возвращаться... Спеши...

Я услышал, как он, спотыкаясь, побежал вверх по лестнице. Британэль процедил сквозь зубы:

— Король? Теперь я понимаю, грязный сводник.

Он был крупным мужчиной, воином в расцвете сил и пылал справедливым гневом. Я был неопытен, ненавидел то, что мне предстояло сделать, но тем не менее должен был сделать это. Я больше не был принцем или даже мужчиной, сражающимся по людским правилам. Я был диким зверем, дерущимся насмерть, потому что к этому его вынудили.

Свободной рукой я изо всех сил ударил его в лицо и заметил в его глазах удивленье, когда Британэль отпрыгнул назад, чтобы высвободить свой меч. Затем он перешел в наступленье; его меч засверкал предо мной, превратившись в кольцо сверкающего металла. Каким-то образом мне удалось подныр-нуть под свистящее лезвие, отбить удар и задержать его, а затем изо всей силы ударить Британэля ногой по колену. Его меч, прошипев, скользнул по моей щеке, будто прижигая мне кожу. Меня обожгло острой болью, по шее заструилась кровь. Затем, перенеся свой вес на ушибленное колено, он неловко оступился и тяжело упал, ударившись локтем о камень и выронив меч.

Любой другой мужчина отступил бы на шаг, позволяя ему поднять оружие. Я же бросился на него всем своим весом и попытался вонзить клинок ему в горло.

Это было легко и становилось все легче. Я увидел презренье и ярость в его глазах, когда он уклонялся от падавшего острия. Я промахнулся, и лезвие вошло глубоко в губчатые водоросли. За то мгновенье, что я выдергивал меч, он подладился под мою тактику, и его стальной кулак сильно ударил меня в ухо; затем, изогнувшись, он вскочил на ноги и прыгнул вниз на скользкий склон, туда, где в двух шагах от края утеса блестел в траве его меч.

Если бы ему удалось завладеть им, то, чтобы покончить со мной, Британэлю хватило бы и минуты. Я перевернулся, силясь подняться на ноги и броситься за ним. Я успел лишь стать на колени. И получил удар ногой под дых, а затем — по спине. Боль взорвалась внутри меня, словно кровяной пузырь, мои кости словно расплавились — и я вновь растянулся плашмя. Но, падая, я зацепил ногой за меч, столкнул его, и тот заскользил по мокрой траве и, слабо блеснув, перева-

лился через край утеса. Несколько мгновений спустя нам показалось, что сквозь грохот разбивающихся волн до нас донесся тонкий и нежный звук металла, упавшего на камни.

Но прежде чем этот звон мог достичь нас, он снова бросился на меня. Я успел только подтянуть к животу колено, чтобы с трудом и болью заставить себя подняться. Сквозь кровь, застившую мне глаза, я увидел опускавшийся на меня кулак и попытался увернуться, но его удар пришелся мне в шею, отбросив меня в сторону, так что, задыхающийся и ослепленный, я вновь растянулся на мокрой траве. Почувствовав, что скольжу, я, помня о пропасти, вслепую хватался за дерн, пытаясь остановить свое паденье. В правой руке я все еще сжимал меч. Бритаэль опять прыгнул ко мне, обеими ногами приземлившись на мою правую кисть. На металле эфеса затрещали кости. Я почувствовал, что пальцы мои разжались, выронили меч. Меч взметнулся вверх, словно кол в ловушке на зверя, ударив моего противника по вытянутой вперед руке. Он выдохнул бессвязные проклятья и мгновенно отпрыгнул. Не помню, как меч очутился в моей левой руке. И на сей раз Бритаэль тут же оказался рядом со мной и, когда я попытался отползти, наступил на мою изувеченную руку. Кто-то закричал — мучительно и страшно. Я замолотил ногами, обезумев от боли и ничего перед собой не видя. Из последних сил я, уже ни на что не надеясь, ткнул мечом в его туловище, высящееся надо мной на широко расставленных ногах, и почувствовал, как меч вырвался из моей руки, и, забыв о сопротивлении, остался ждать, пока последний удар ногой сбросит меня с утеса.

Я лежал, хватая ртом воздух, задыхаясь от подкатившей к горлу желчи и вцепившись левой рукой в мягкий дерн так, словно цеплялся за саму жизнь. Неистовые удары волн сотрясали скалу, и даже это слабое дрожание заставляло корчиться мое тело. Оно было пропитано болью. В боку жгло так, что казалось, ребра мои вдавлены внутрь, а со щеки, прижатой к земле, словно содрали кожу. Рот наполнился кровью, а правая рука превратилась в единый сгусток мучительной боли. Из далекого далека я услышал чьи-то смутные стенания.

Кровь пузырилась у меня изо рта, стекая по подбородку на землю. Я понял, что именно из моих уст исходят вместе с кровью эти жалкие звуки. Мерлин, сын Амброзия, принц, великий волшебник. Сглотнув кровь, я сжал челюсти и попытался приподняться, цепляясь за дерн.

Невыносимая боль в правой руке была хуже всего, что мне довелось испытать, — мне казалось, я скорее слышу, чем чувствую, как трутся, скрежещут друг о друга кости размозженного запястья. Поднявшись на колени, я пошатнулся и не отважился выпрямиться на краю пропасти. Подо мной в утес ударил огромный вал, прогремев и взметнув фонтан брызг в серое небо. Утес содрогнулся. В небе кричала, паря, первая утренняя чайка.

Я отполз от края пропасти и только тогда стал на ноги.

Бритаэль лежал ничком у самой калитки, словно из последних сил пытался заползти внутрь. За ним по дерну протянулся кровавый след, блестевший на траве, словно след от улитки. Он был мертв. Мой последний отчаянный удар рассек артерию в паху, и пока Бритаэль полз, взывая о помощи, жизнь вытекла из него по капле. Часть крови, заливавшей меня, должно быть, принадлежала ему.

Я опустился рядом с ним на колени, чтобы удостовериться, что он мертв. Затем стал переворачивать тело до тех пор, пока оно не покатилось по склону и не полетело в море вслед за мечом. О кровавом следе можно было не беспокоиться. Снова пошел дождь, и если повезет, он смоет кровь до того, как кто-нибудь увидит ее.

Потайная дверь все еще стояла нараспашку. Я кое-как добрался до нее и остановился, привалившись плечом к косяку. Кровь заливала мне глаза. Я стер ее мокрым рукавом.

Ральф исчез. Привратник тоже. Факел почти догорел, и в его чадном свете лестница и сторожка были пусты. В замке было тихо. Дверь на вершине лестницы была приотворена, и до меня донеслись негромкие голоса. Тихие, настойчивые, но не встревоженные. Утер и его помощники по-прежнему были на коне: призывы о помощи остались неуслышанными.

От утреннего холода меня била дрожь. Неизвестно когда плащ незамеченным соскользнул с моей руки. Я не стал его искать. Оттолкнувшись от косяка, я попробовал стать прямо. Мне это удалось. Я стал спускаться по тропе к бухте у подножия скал.

10

Света хватало ровно настолько, чтобы видеть тропу, а также грозный утес и ревущую пучину внизу. Но я, очевидно, я был настолько занят тем, чтобы просто дер-

жаться прямо, чтобы переставлять одну за другой подкашивавшиеся ноги, заставлять работать здоровую левую руку и не потревожить покалеченную правую, что и думать забыл о море подо мной или об опасно узком уступе скалы, по которому проходила тропа. Я быстро преодолел первый отрезок пути, а затем, цепляясь и чуть ли не ползком, стал спускаться по крутому спуску с островками мягкой травы и чередой ползущих осыпей. По мере того как тропа опускалась, рев моря становился все ближе, пока наконец соленые брызги от разбивавшихся волн не смешались с соленой кровью на моем лице. Настал пик прилива, и волны, поднятые ночной бурей, еще не улеглись: их ледяные языки лизали скалу и взлетали вверх рядом со мной, разбиваясь о камень с гулким грохотом, сотрясавшим меня до мозга костей и заливая водой тропу, по которой я, спотыкаясь, полз.

Я нашел его на полпути от берега: он лежал ничком на самом краю обрыва. Одна рука безвольно свесилась через край и раскачивалась в такт ударам мечущихся волн. Другая рука, та, что изо всех сил вцепилась в обломок скалы, закоченела. Пальцы почернели от запекшейся крови.

В этом месте тропа была достаточно широкой. Не помню, как мне удалось перевернуть его лицом вверх, а затем, то таща, то толкая, передвинуть ближе к отвесной стене утеса. Я стоял на коленях между ним и морем.

— Кадал. Кадал.

Его плоть под моей рукой была холодна. В предутреннем сумраке мне было видно, что его лицо заливала кровь, густо запекшаяся у раны под волосами. Я приложил к ней руку: рана была рубленая, но моя онемевшая рука ничего не почувствовала, лишь скользнула по влажной плоти. Я потянул за его намокшую тунику, но не смог сразу распахнуть ее, затем застежка не выдержала, и ткань разорвалась, обнажив его грудь.

Увидев то, что скрывалось под одеждой, я понял, что нет смысла прислушиваться к ударам его сердца. Я снова накрыл его пропитанной влагой тканью, словно она могла согреть его, и сел, только тогда заметив, что по тропе от замка спускаются люди.

Утер обогнул выступ скалы, спускаясь с такой же легкостью, будто прогуливался по залам своего дворца. Меч он держал наготове, а длинный плащ перекинул через левую руку. Ульфин, похожий на призрака, ступал за ним следом.

Король остановился надо мной и некоторое время молчал. Затем коротко спросил:

— Мертв?

— Да.

— А Иордан?

— Наверно, и он тоже, иначе бы Кадал не зашел так далеко, чтобы предупредить нас.

— А Бритаэль?

— Мертв.

— Ты знал об этом до того, как мы пришли сюда сегодня ночью?

— Нет.

— А о смерти Горлойса?

— Нет.

— Будь ты, как утверждаешь, прорицателем, то знал бы. — В его сдавленном голосе звучала горечь. Я поднял голову. Лицо его было спокойным, от лихорадки не осталось и следа, но глаза, аспидные в сером предутреннем свете, глядели мрачно и устало.

Я коротко ответил:

— Я сказал тебе. Мне пришлось положиться на судьбу. Это судьба. Мы сделали свое.

— А если бы мы подождали до завтрашнего дня, то эти люди, да и твой слуга тоже, были бы живы, Горлойс был бы мертв, а его супруга стала бы вдовой... И моей женой без всех этих смертей и перешептываний по углам.

— Но завтра ты зачал бы другого ребенка.

— Законного ребенка, — быстро возразил он. — А не бастарда, которого мы сотворили этой ночью. Клянусь головой Митры, неужели ты и вправду полагаешь, что мое и ее имена останутся после этой ночи незапятнанными? Даже если через неделю мы поженимся, сам знаешь, что станут говорить люди. Что я убил Горлойса. И найдутся такие, кто и дальше будет верить, что она действительно понесла от Горлойса, как им и сказала, и что ребенок этот его.

— Никто такого не скажет. Не найдется человека, который усомнился бы в том, что он твой сын, Утер, и по праву рождения — король всей Британии.

Он издал короткий звук, не смех, в котором смешались удивленье и презренье.

— Ты думаешь, что я когда-нибудь еще хоть раз тебя послушаю? Теперь я вижу, в чем состоит твое волшебство, эта твоя «власть», о которой ты говоришь... Это

всего лишь жалкое шарлатанство, попытка вмешаться в дела правления. Вот она, твоя тайна, — искусство политики, к которому брат тебя приучил, которое ты полюбил и научился играть по-крупному. Это обман — обещать людям то, чего они желают, заставлять их думать, будто в твоих силах дать им желаемое, но хранить цену в тайне, а затем оставлять их расплачиваться за все.

— Бог охраняет цену в тайне, Утер, а не я.

— Бог? Бог? Какой бог? Я слышал у тебя на устах имена стольких богов. Если ты имеешь в виду Митру...

— Митра, Аполлон, Артур, Христос — называй его как угодно, — ответил я. — Какая разница, каким именем люди называют свет? Он все равно остается светом, и люди должны или жить по его закону, или умереть. Я знаю лишь, что бог — источник того света, что освещает весь мир, и что провидение и помыслы его пронизывают этот мир и текут сквозь каждого из нас, как великая река, которую мы не в состоянии остановить или повернуть вспять, но можем только пить из нее, пока живы, и вверять ей наши тела после смерти.

Изо рта у меня вновь потекла кровь. Я отер ее рукавом. Он все видел, но в лице его ничего не изменилось. Сомневаюсь, что он вообще слушал меня и что он слышал мои слова за грохотом прибоя. С тем же безразличием, что стояло между нами, подобно стене, он молвил:

— Это всего лишь слова. Ты даже бога готов использовать в своих целях. «Это бог велит мне делать то-то и то-то, это бог устанавливает цену, это бог следит за тем, чтобы другие расплачивались...» За что, Мерлин? За твои амбиции? За великого прорицателя и мага, о котором люди говорят шепотом и которому поклоняются больше, чем королю или его первосвященнику? И кто же платит богу богово за исполненье твоих замыслов? Только не ты. Платят те, кто пошел за тобой, платят пешки в твоей игре. Амброзий. Вортигерн. Горлойс. Другие сегодня ночью. Но ты не платишь ничего. Никогда.

Волна разбилась рядом с нами, обрушив фонтан брызг на уступ и обмыв обращенное к небу лицо Кадала. Я наклонился и стер воду с его лба — вместе с кровью.

— Нет, — произнес я.

— Повторяю, Мерлин, меня тебе не обмануть. Я больше не буду марионеткой, которую ты станешь дергать за ниточки. Поэтому держись от меня подальше.

Это говорил король, не терпящий возражений. Неподвижная, холодная фигура, за плечом которой в сером небе висела звезда. Я молчал.

— Ты слышишь меня?

— Да.

Он сдернул с руки плащ и бросил его Ульфину, чтобы тот набросил его ему на плечи. Застегнув фибулу и расправив на плечах складки, он снова посмотрел на меня.

— За услуги, оказанные тобой, можешь оставить себе ту землю, что я подарил тебе. Возвращайся в свои уэльсские горы и больше не тревожь меня.

— Я не стану докучать тебе, Утер, — устало произнес я. — Я тебе больше не понадоблюсь.

С мгновенье он молчал. Затем вдруг сказал:

— Ульфин поможет тебе снести вниз тело.

— Не нужно. Уходи.

Я отвернулся.

Повисло молчанье, наполненное грохотом прибоя. Я не собирался говорить столь резко, но мне было уже все равно, и я даже не понимал, что говорил. Я только хотел, чтобы он ушел. Острие его меча качнулось вровень с моими глазами. Я видел, как оно двинулось, потом блеснуло, и на какое-то мгновенье подумал, что он достаточно разгневан, чтобы обратить его против меня. Затем Утер резко поднял меч и бросил его в ножны. Он повернулся и зашагал вниз по тропе. Ульфин, не говоря ни слова, тихонько обошел меня и последовал за своим господином. Еще до того, как они достигли следующего поворота тропинки, море заглушило звук их шагов. Я обернулся и обнаружил, что Кадал смотрит на меня.

— Кадал!

— Вот он, твой король. — Он лишь слабо шептал, но хрипотца и насмешливость осталась прежней. — Дай ему то, за что он — если поверить его клятвам — готов умереть, а потом: «Неужели ты полагаешь, что я переживу события этой ночи?» Судя по всему, он недурно потрудился, и по нему это видно.

— Кадал...

— И ты. Ты ранен... что с рукой? Кровь на лице?

— Ничего. Все заживет. Не думай об этом. Но ты... ох, Кадал...

Он чуть шевельнул головой.

— Бесполезно. Перестань. Мне вполне удобно.

— Уже не больно?

— Нет. Только холодно.

Я придвинулся к нему, стараясь защитить его своим телом от фонтанов брызг, на которые волны разбивались о скалы. Я взял его руку своей здоровой рукой. Я не мог растереть ее, но, распахнув свою тунику, прижал ее к груди.

— Похоже, я потерял плащ, — сказал я. — Выходит, Иордан мертв?

— Да. — Он помолчал. — Что... произошло там, наверху?

— Все шло, как мы задумали. Но Горлойс решился на ночную вылазку из Димилока и погиб. Вот почему здесь проехали Британэль и Иордан — они спешили с вестями к герцогине.

— Я услышал топот их лошадей. Понял, что они непременно увидят меня и лошадей. Нужно было задержать их, не дать поднять тревогу, пока король находился... — Он замолк, чтобы перевести дыхание.

— Не беспокойся. Дело сделано, и все будет хорошо.

Он не обратил на мои слова вниманья. Кадал теперь говорил шепотом, но таким чистым и отчетливым, что, несмотря на рокот прибоя, я слышал каждое его слово.

— Поэтому я сел на коня и немного отъехал, чтобы встретить их... по другую сторону потока... затем, когда они приблизились, я перепрыгнул ручей и попытался остановить их. — Он ненадолго замолк. — Но Британэль... вот это боец. Быстр, как змея. Ни на секунду не колебался. Вонзил в меня меч и проехал надо мной. Оставил Иордана меня прикончить.

— Он ошибся.

В его лице едва заметно напрягся мускул. Он улыбался. Потом, чуть погодя, спросил:

— Он заметил наших лошадей?

— Нет. Когда он подъехал, у ворот был Ральф, и Британэль просто спросил, не приезжал ли кто-нибудь в замок, потому что он встретил внизу всадника. Ральф сказал ему, что никого не было, и он поверил. Мы впустили его, а затем убили.

— Утер, — предположил, а не спросил он. Его глаза были закрыты.

— Нет. Утер все еще был у герцогини. Я не мог позволить Британэлю захватить его врасплох. Он убил бы и ее.

— Ты? — Его глаза распахнулись, прояснившись от удивленья.

— Ну же, Кадал, не очень-то ты мне льстишь, — улыбнулся я ему. — Хотя, боюсь, я не заслужил твоей

похвалы. Это была грязная драка. Король даже правил-то таких не знает. Я изобретал их по ходу дела.

На сей раз он по-настоящему улыбнулся.

— Мерлин... маленький Мерлин, который не мог даже сесть на лошадь... Ты сразил меня наповал.

Наверно, начался отлив. Следующая волна взметнула вверх лишь тончайшую водяную пыль, словно изморось, осевшую мне на плечи.

— Я и правда убил тебя, Кадал.

— Боги... — начал он и с хрипом втянул ртом воздух. Я знал, что он имел в виду. Его время истекало. По мере того как разгорался день, я видел, сколько его крови излилось на промокшую землю. — Я слышал, что сказал король. Неужели без всего этого... не обошлось бы?

— Нет, Кадал.

Его веки на мгновенье сомкнулись, затем он вновь открыл глаза.

— Что ж, — только и произнес он, но в этих двух словах была вся его не высказанная за восемь лет вера в меня. Глаза у него стали закатываться, рот приоткрылся. Я подсунул под него здоровую руку и немного приподнял. Слова лились из моих уст быстро и ясно:

— Это произойдет, Кадал, все сбудется так, как желал мой отец, как помыслил чрез меня бог. Ты слышал, что сказал Утер о ребенке. Это ничего не меняет. Потому что после трудов этой ночи Игрейна понесет ребенка и потому что после иных трудов этой ночи она отошлет его, отошлет сразу после рожденья, чтоб он не попадался на глаза королю. Она отдаст его мне, а я увезу его туда, где его не достать никакому королю, и выращу его, и воспитаю, и научу всему, чему учил меня Галапас, чему учили меня Амброзий и ты, и даже Белазий. Он станет итогом и венцом всех нас, а когда вырастет и возвратится, его коронуют в Винчестере.

— Ты знаешь это? Обещай мне, что так оно и будет. — Слова были едва различимы, и на каждом вздохе в горле его булькал воздух. Глаза сузились и побелели, ослепнув.

Я приподнял его и прижал к себе. Затем нежно и очень четко произнес:

— Я знаю это. Я, Мерлин, принц и пророк, обещаю тебе, что так и оно будет, Кадал.

Его голова упала набок, слишком тяжелая для расслабленных мышц. Глаза закатились. Он что-то пробормотал, а затем вдруг ясно сказал:

— Сложи за меня охранный знак, — и умер.

Я похоронил его в море, вместе с Бритаэлем, его убийцей. Отлив подхватит его, как сказал Ральф, и унесет к самым западным звездам.

Ни звука не слышалось в долине, только медленное цоканье копыт и позвякиванья медных блях на уздечке. Буря утихла. Ветра не было, и когда я заехал за первый изгиб ручья, то перестал даже слышать море. Внизу по лощине вдоль русла ручья неподвижно, словно траурная пелена, висел туман. Небо наверху начинало светлеть, бледное перед восходом солнца. Над головой у меня по-прежнему ровно светила звезда.

Но пока я смотрел на нее, небо вокруг звезды стало ярче, затопив ее золотым и нежным огнем, а затем захлестнуло внезапной волной ослепительного света: над землей в том месте, где горела вещая звезда, поднялось молодое солнце.

ЛЕГЕНДА О МЕРЛИНЕ

Вортигерн, король Британии, желая построить крепость в Сноудоне, собрал ради этого каменщиков из многих стран. Призванные в Херирские горы работники принялись класть ее основание. Но все, что они наработали за день, назавтра поглощала земля. Тогда Вортигерн обратился за советом к своим прорицателям, дабы те разъяснили причину происходящего. А те на это ответили, что ему следует разыскать юношу, у которого нет и не было никогда отца, и, разыскав такового, предать его смерти, дабы кровью убитого окропить щебень и камни. Они утверждали, что через это будет обеспечена устойчивость башни. Немедленно во все области государства король разослал гонцов, чтобы те отыскали подходящего человека. Прибыв в город, который позднее был назван Кармартеном, они заметили у городских ворот увлеченных игрой юношей и подошли к ним. Усталые с дороги, они присели возле ристалища. По прошествии большей части дня между двумя юношами, которых звали Мерлин и Динабуций, вспыхнула ссора. И вот в разгар их препирательства Динабуций крикнул Мерлину: «Что ты равняешь себя со мной, глупец? Тебе далеко до меня. Ведь я и со стороны отца, и со стороны матери происхожу из королевского рода, а кто ты, никому не ведомо, ибо нет у тебя отца». Услыхав эти слова, гонцы встрепенулись и стали расспрашивать стоявших там людей, кто таков этот Мерлин, и им ответили, что кому он обязан рождением, неизвестно, а его мать — дочь короля Южного Уэльса и проживает в их городе среди монахинь в церкви Святого Петра.

Гонцы отвезли Мерлина и его мать к королю Вортигерну. Государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, поскольку знал, что она происходит от знатных родителей, и начал расспрашивать ее, от кого она зачала Мерлина. И та ответила, что ей это неизвестно. «Мне ведомо только то, — молвила она, — что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной пред-

стал некто в облике прекрасного юноши и, сжимая в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мной совсем недолго, он внезапно исчез, точно его вовсе не было. Позднее, когда я бывала одна, он не раз возвращался, чтобы обратиться ко мне с речами, но я его ни разу не видела. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мной, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем в чреве». Пораженный король повелел призвать к себе прорицателя Мауганция, дабы тот разъяснил ему, возможно ли то, о чем поведала женщина. Мауганций заверил государя, что такие дела хорошо известны философам древности и что Мерлин был зачат одним из «бесплотных духов, что обитают между луной и землей, которых мы именуем демонами-инкубами».

Мерлин, слышавший все, потребовал, чтобы ему дозволено было побеседовать с королевскими прорицателями. «Прикажи твоим прорицателям явиться сюда, — так обратился он к королю, — и я изобличу их в том, что они измыслили ложь». Пораженный бесстрашными словами юноши и отсутствием в них страха, Вортигерн послал за прорицателями. И к ним Мерлин обратился с такими словами: «Не разумея, что препятствует устойчивости основания начатой башни, вы присоветовали королю, будто нужно обрызгать щебень моею кровью. Но скажите, что, по-вашему, сокрыто под основанием? Ведь под ним находится нечто, мешающее его устойчивости». Из страха явить свое невежество прорицатели промолчали. Тогда Мерлин, прозывавшийся также Амброзием, проговорил: «Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и ты обнаружишь озеро, которое не дает башне должной опоры». Когда это было сделано, строители нашли озеро. И тогда Мерлин велел королю спустить озеро по двум канавкам, и на дне открылись два полых изнутри камня и в них — два спящих дракона, красный и белый. Когда же озеро было осушено совсем, проснулись внезапно два дракона и, сойдясь друг с другом, вступили в ожесточенную схватку. И так бились они, изрыгая языки пламени, пока красный дракон не победил и не убил белого. И пока бились они, повелел пораженный король Амброзию-Мерлину разъяснить, что предвещает эта битва, и Мерлин, обратив свой взор к небесам, предсказал прибытие Амброзия и смерть Вортигерна. На следующее же утро спозаранку Аврелий Амброзий высадился на Тонтонезском побережье в Девоне.

После того как Амброзий победил Вортигерна и саксов и был коронован, он созвал отовсюду искусных в своем

ремесле каменщиков и плотников и повелел им подумать и измыслить новое и доселе невиданное сооружение, которым он увековечил бы память своих побед. Никто из них не мог помочь ему, пока Треморин, архиепископ Города Легионов, не предложил послать за Мерлином, прорицателем Вортигерна, потому как «нет в королевстве никого, кто был бы прозорливее и проницательнее как в предсказаниях будущего, так и в придумывании хитроумных орудий». И убежденный Амброзий разослал гонцов в различные области государства, и гонцы нашли Мерлина в земле Гуэнт у источника Галапаса, где он обыкновенно жил. Государь принял Мерлина с почестями и сперва повелел ему предсказать грядущее. На это Мерлин ответил: «Тайны такого рода не подлежат раскрытию, если того не потребует крайняя необходимость. Ибо если бы я изложил их ради забавы или теша свое тщеславие, во мне умолк бы просвещающий меня дух, и буде в нем явилась бы надобность, он бы меня покинул». Тогда король спросил его о сооружении, которое он задумал, но тогда Мерлин присоветовал ему: «Пошли к Кольцу Великанов, которое находится на горе Киллар, что в Ирландии». Услыхав такие слова, Амброзий засмеялся, заметив, что невозможно будет перевезти камни, поставленные, как известно всем людям, самими великанами древности. Со временем государь был все же убежден и послал своего брата Утера с пятнадцатью тысячами вооруженных победить короля Ирландии Гилломана и привезти Хоровод в Британию. Бритты возобладали в битве, но когда они поднялись на гору Киллар и стали разбирать великанский Хоровод и спускать камни, они не могли сдвинуть их с места. Когда же признали они наконец свое пораженье, Мерлин измыслил собственные орудия. Затем, применив кое-какие необходимые приспособления, он сдвинул камни с невероятной легкостью; сдвинутые им глыбы он заставил перетащить на корабли и на них погрузить, после чего бритты отплыли в Британию и наконец привезли камни на место в Эймсбери. Тогда Мерлин снова собрал свои приспособления и установил камни не иначе, чем они были расставлены на горе Киллар в Ирландии. Вскоре после этого на небе показалась звезда огромной величины и яркости и походящая на дракона, и Мерлин, зная, что предвещает она Амброзиеву смерть, разрыдался горько и предсказал Утеру, что станет он королем под знаком Дракона и что родится от него сын, «господству коего подчинятся все королевства, какие он возьмет под свою руку и на какие упал луч сей звезды».

На следующую Пасху, на празднике в честь коронации, увидел король Утер Игрейну, жену Горлойса герцога Корнуэльского, и сразу возгорелся такой страстью к ней, что, позабыв об остальных, все внимание отдал ей одной. Прекрасная герцогиня не отвечала на его любовь ни словом, ни взглядом, но ее супруг, не испросив разрешения, в ярости покинул двор и вернулся с женой своей и вооруженной стражей назад в Корнуолл. Разгневанный Утер повелел Горлойсу вернуться к его двору, но Горлойс не пожелал повиноваться. И тогда Утер, придя в неистовство, собрал сильное войско, пошел на земли Корнуолла и принялся жечь его города и замки. А Горлойс не решался сойтись с королем в битве, поскольку воинов у него было много меньше, чем у того, а потому, больше тревожась о жене, чем о самом себе, он отослал ее в замок Тинтагел, так как считал его наиболее надежным убежищем, а сам приготовился защищать замок Димилиок. Утер же немедля подошел к сему укреплению и осадил его, преградив в него всякий доступ, а сам стал искать способа проникнуть в Тинтагел и овладеть Игрейной. По прошествии недели он испросил совета у Ульфина, своего друга и соратника, и поведал ему о том, чего так пылко жаждал: «Подай мне совет, каким образом я мог бы удовлетворить мою страсть, иначе я погибну истерзанный муками». Ульфин, повторив королю то, что государь уже знал, — что Тинтагел неприступен, предложил послать за Мерлином. И, тронутый столь пламенной любовью короля, Мерлин обещал помочь ему. Применив различные снадобья и волшебные искусства, он придал Утеру облик Горлойса, так что государь стал во всем точным ему подобием. Ульфина Мерлин обратил в Иордана, приближенного Горлойса, а себя самого — в Бритаэля, одного из военачальников герцога Корнуолла. И втроем они пустились в путь в сторону Тинтагела и в сумерки подошли к крепости, где привратник распахнул перед ними ворота. И Игрейна, приняв Утера за герцога, своего мужа, ласково приветствовала его и приняла на своем ложе, и не отказала ему ни в чем, чего бы он ни пожелал. В ту ночь она зачала Артура.

Но между тем у стен Димилиока битва разгорелась, и пал Горлойс, в первых рядах бросившийся на врага. В Тинтагел к Игрейне явились гонцы, чтобы возвестить ей о гибели ее супруга. Но, увидев короля, сидящего рядом с нею в облике герцога, они смешались и поразились, так как, оставив его убитым в бою, обнаружили, что он живой и невредимый перед ними. Тогда король признался в обмане и несколько дней спустя взял за себя Игрейну.

Утер Пендрагон царствовал еще пятнадцать лет. В те годы он ни разу не видел своего сына Артура, которого в ночь, когда он родился, принесли к потайной калитке Тинтагела и передали в руки Мерлину, который втайне воспитывал ребенка, пока не пришло время Артуру унаследовать трон Британии. И пока длилось славное правление Артура, Мерлин служил ему советом и делом. Позднее, уже на склоне лет, Мерлин полюбил пылко юную девушку по имени Вивиана, которая в уплату за любовь упросила его научить ее всем волшебным искусствам. И когда сделал он так, она навела на него чары и погрузила Мерлина в беспробудный сон. Одни говорят, что спит он в пещере под сенью боярышниковой рощи; поверить другим, так искать его надо в хрустальной башне, а третьему сказано, что укрыт он одним лишь воздушным ореолом. Пробудится Мерлин, когда пробудится и восстанет Артур, и возвратится вместе с ним в горький час, когда возникнет в нем нужда у его страны.*

---

* В основу перевода «Легенды о Мерлине» взят сокращенный пересказ глав «Истории бриттов» по книге: Гальфрид Монмутский. «История бриттов». М.: Наука, 1984. — *Примеч. пер.*

ОТ АВТОРА

Ни один романист, пишущий о Британии Темных веков, не решится взяться за дело, хотя бы вскользь не остановившись на проблеме географических названий. Автор обычно объясняет, почему решил использовать те или иные названия, но я признаюсь, что одновременно и более, и менее других повинна в непоследовательности. В период истории, когда кельты, саксы, римляне, галлы и кто знает, кто еще, колесили по неспокойной и раздробленной Британии, каждое место должно было иметь по крайней мере три названия. Приходится руководствоваться лишь догадками о том, какое из них было наиболее употребительным в каждое данное время. В самом деле, «данное время» рождения короля Артура относят приблизительно к 470 году нашей эры, а V век — довольно темный отрезок британской истории. В довершение путаницы за основу своего романа я взяла полумифологическое романтическое повествование, записанное в Оксфорде в XII веке неким уэльсцем*, который подает названия мест и имена людей, так сказать, на постнорманнском диалекте с налетом церковной латыни. Поэтому и в моем повествовании читатель встретит Винчестер наряду с Рутупией и Динас Эмрисом, а также жителей Корнуолла, Южного Уэльса и Бретани вместо жителей Думнонии, Деметии и Арморики.

Прежде всего я хотела просто сделать свой рассказ понятным. Мне хотелось по возможности избежать такой раздражающей уловки, как словарь в конце книги, когда читатель вынужден отрываться от чтения, чтобы сверять географические названия, или решает читать не останавливаясь и совсем запутывается. Еще хуже приходится неанглоязычному читателю: он ищет в словаре Каллеву, обнаруживает, что это Силчестер, но по-прежнему остается в неведении, пока не обратится к карте. Так или иначе, от этого страдает повествование. Поэто-

* или, возможно, бретонцем. — *Примеч. авт.*

му, когда мне предоставлялась возможность выбора, я пыталась использовать то название, которое сразу бы давало читателю представление о географическом положении этого места: для этого я иногда пользовалась приемом, дающим возможность рассказчику приводить несколько названий кряду, вставляя даже современные, когда это не казалось совсем уж не к месту. Вот пример: «Маэсбели, возле Крепости Конана, или Каэрконана, которую иногда называют Конисбургом». В других местах я выбирала то или иное название произвольно. Совершенно очевидно, что в романе, написанном на английском языке, который, однако, в воображении читателя должен был быть латынью или валлийским (кельтским языком Южного Уэльса), было бы педантством писать о Лондиниуме, когда речь идет о Лондоне. Упоминая Лондон, Гластонбери, Винчестер и Тинтагел, я использовала современные названия этих мест, поскольку они, будучи средневековыми по происхождению, настолько освящены традицией, что прекрасно вписываются в контекст там, где невозможно ввести современность, скажем, Манчестера или Ньюкасла. Эти «правила», конечно, ни в коем случае не подразумевают критики в адрес других писателей; каждый выбирает форму исходя из своего произведения; а поскольку это всего лишь литературный вымысел, который никто не станет рассматривать как реальную историю, я позволила себе руководствоваться законами поэзии: то, что воспринимается легко и образно и звучит лучше всего, — это и есть наилучший вариант.

То же правило относится и к языку произведения. Рассказчик, излагая свою повесть на валлийском языке V века, использовал бы столько же разговорных элементов, сколько использовала их я; слуги Сдерик и Кадал говорили бы на каком-нибудь диалекте, тогда как, например, от королей или пророков в моменты прорицания следовало бы ожидать некоего «высокого стиля». Я намеренно употребила несколько анахронизмов, большей частью описательного характера, и мягкий жаргон для того, чтобы оживить повествование. Короче говоря, я полагалась на наитие, исходя из принципа, согласно которому в основанном на чистом вымысле произведении уместно все, что приемлемо звучит.

«Хрустальный грот» ни на что иное и не претендует. Это не научный труд, и уж конечно, он не может претендовать на серьезную историчность. Серьезному историку, надо думать, и в голову не придет считать его таковым, по-

скольку он обнаружит, что основным источником для моего романа послужила «История королей Британии» Гальфрида Монмутского*.

Для серьезного историка имя Гальфрида — это все равно что плевок. Из-под его пера в оксфордском скриптории возникла в XII веке пространная и пикантная «история» Британии, начиная с Троянской войны (в которой сражался «король бриттов» Брут) до VII века нашей эры, причем Гальфрид подгонял факты под свое повествование, а не наоборот, а когда этих фактов не хватало (что случалось на каждой странице), он высасывал их из пальца. С исторической точки зрения, его труд ужасающ, но как авантюрная повесть он просто великолепен и послужил источником и вдохновением для огромного цикла романов, именуемого «Дела Британии» (Matiere de Bretagne), а также для множества произведений: от «Смерти Артура» Мэлори до «Идиллий короля» Теннисона, от «Парсифаля»** до «Камелота»***.

В центре событий «Истории» — фигура Артура, короля впервые объединенной Британии. Артур Гальфрида — легендарный герой, но с уверенностью можно говорить о том, что Артур был реальным лицом. Я верю, что то же самое относится и к Мерлину, хотя известный нам Мерлин является сборным образом по крайней мере четырех человек: принца, пророка, поэта и механика. В легенде он впервые появляется юношей. На мой рассказ о его детстве повлияла фраза из «Истории»: «источник Галапаса****, у которого он имел обыкновение бывать» и упоминание о «моем наставнике Блэзе», ставшем в моем романе Белазием. Легенда о Мерлине в Бретани не менее популярна, чем в Британии.

И под конец — еще несколько коротких замечаний.

Матери Мерлина я дала имя Ниниана, потому что так звали девушку (Вивиана — Ниниана — Нимуэ), которая, согласно легенде, соблазнила престарелого волшебника и тем самым лишила его могущества, после чего оставила его запертым в пещере, где он будет спать до скончания времен. Легенда не связывает с именем Мерлина ни одной другой женщины. Зато

---

* В русском переводе «История бриттов». — *Примеч. пер.*

** Автор имеет в виду оперу Рихарда Вагнера. — *Примеч. пер.*

*** Имеется в виду голливудский кинофильм, снятый по мотивам мюзикла. — *Примеч. пер.*

**** В некоторых переводах «галабский источник». — *Примеч. авт.*

в легенде (и если уж на то пошло — в истории) прослеживается прочная взаимосвязь между безбрачием, или девственностью, и могуществом, поэтому я сочла обоснованным настаивать на девственности Мерлина.

Многие годы митратизм пребывал в буквальном смысле в подполье. Местное оживление этого культа я постулировала в целях развития сюжета; к тому же причины этого, которые приводит в моем романе Амброзий, кажутся убедительными. Из того, что нам известно о реальном Амброзии, он был в достаточной степени «римлянином», чтобы поклоняться «солдатскому богу»*.

О древних друидах известно настолько мало, что (по мнению видного ученого, к которому я обратилась за консультацией) их можно считать «законной добычей». То же относится и к мегалитам Карнака (Керрека) в Бретани, и к Хороводу Великанов Стоунхенджа в окрестностях Эймсбери. Стоунхендж был воздвигнут приблизительно в XV веке до нашей эры, поэтому я позволила Мерлину перенести из Киллара только один камень. И в самом деле, один камень в Стоунхендже — самый большой — отличается от остальных. По мнению геологов, он происходит из каменоломен возле Милфорд Хейвн в Уэльсе. Правда и то, что внутри Хоровода есть могила; она расположена несколько в стороне от центра, поэтому я использовала зимнее солнцестояние, а не летнее, на которое ориентирован Хоровод.

Все описанные мной места существуют на карте, за исключением пещеры Галапаса — и если Мерлин действительно спит в ней «в окруженье всех огней и всех чудес своих», то следует предположить, что она невидима. Но на склоне Брин Мирддина действительно бьет источник, а на гребне горы есть могильный холм.

Все сходится к тому, до средних веков нет ни одного письменного упоминания о том, что сокола называли «мерлином», к тому же само это слово, видимо, французское; но его происхождение неясно, и это служит достаточным оправданием для автора, в воображении которого уже возник ряд навеянных им образов еще до того, как была начата работа над книгой.

О родстве Мерлина и Амброзия в легенде, я уверена, нет ни слова. Ненний, историк IX века, у которого Гальфрид по-

* Беда Достопочтенный, британский историк VII века, называет его «римлянином Амброзием» («Церковная история англов» (Historia Ecclesiasatica Gentis Anglorum). — *Примеч. авт.*

заимствовал часть сведений для своей «Истории», называл пророка «Амброзий». Ненний поведал историю о драконах в озере и о первом записанном пророчестве юного прорицателя. Гальфрид, позаимствовав сюжет, спокойно объединил двух пророков: «Тогда проговорил Мерлин, называвшийся также Амброзием...» Это «легкой руки нахальство», как его называет профессор Гвин Джоунс*, навело меня на мысль о том, кто такой «Князь тьмы», породивший Мерлина, и, по сути, подсказало основной сюжет «Хрустального грота».

М.С.

Февраль 1968 — февраль 1970

---

* Вступление к «Истории королей Британии» в издании Everyman. — *Примеч. авт.*

Полые холмы

КНИГА ПЕРВАЯ
ОЖИДАНИЕ

1

Высоко в небе пел жаворонок. Ослепительный солнечный свет лился на мои смеженные веки, и с ним изливалась птичья песнь, будто пляска струй отдаленного водопада. Я открыл глаза. Надо мной выгибался небесный свод, и там, в вышине, в сиянье и синеве весеннего дня, затерялся невидимый пернатый певец. Воздух пропитали нежные, пряные ароматы, рождая мысли о золоте, о пламени свечей, о молодых влюбленных. Но тут подле меня зашевелилось нечто не столь благоуханное, и грубый молодой голос позвал:

— Господин!

Я повернул голову. Оказалось, что я лежу в углублении на траве, а вокруг цветут кусты дрока, словно унизанные сверху донизу золотистыми пахучими язычками пламени, зажженного весенним солнцем. Рядом на коленях стоял мальчик. Лет, наверное, двенадцати, грязный, нечесаный, в одежде из грубой коричневой ткани, плащ из кое-как сшитых шкур, весь в дырах. В одной руке посох. Не нужно было и принюхиваться, чтобы угадать его занятие: кругом в зарослях дрока паслись его козы, общипывая с кустов молодые зеленые колючки.

При первом же моем движении он вскочил и попятился, поглядывая на меня из-под спутанной гривы волос одновременно со страхом и надеждой. Стало быть, он меня еще не ограбил. Я покосился на его тяжелый посох, прикидывая сквозь одурь боли, под силу ли мне сейчас справиться даже с таким юнцом. Но он, как видно, возлагал надежды только на вознаграждение. Он указал куда-то за стену кустарника:

— Я поймал твоего коня, господин. Вон он там стоит привязанный. Я думал, ты умер.

Я приподнялся на локте. Солнечный день, слепя, закачался вокруг. Цветки дрока дымились на солнце, как маленькие кадильницы. Медленно наплывая, вернулась боль, а с нею и память.

— Ты сильно покалечился?

— Пустяки. Только вот рука. Дай срок, все заживет. Ты говоришь, поймал моего коня? А видел ты, как я упал?

— Да. Я был вон там. — Он махнул рукой туда, где кончался цветущий дрок и округло вздымался голый склон холма, испещренный серыми грядами скал, поросших зимним терновником. А дальше открывалась пустая и бескрайняя даль небес: в той стороне было море. — Я видел, как ты ехал этой долиной от моря, медленно-медленно. Я подумал: то ли болен, то ли спит в седле. А потом конь оступился — в яму, верно, копытом угодил, — и ты полетел на землю. Ты недолго пролежал без памяти. Я только-только подошел сверху...

Он не договорил — челюсть у него отвисла. Потрясенный, он смотрел, как я с трудом приподнялся, упираясь левой рукой, сел и осторожно положил себе на колени покалеченную правую руку. Она страшно распухла, из-под корки спекшейся крови сочилась свежая красная влага. Верно, я упал на руку, когда свалился с лошади. Спасибо, что потерял сознание. Теперь боль накатывалась волнами, то подымется, то отпустит, как прибой на галечном берегу, но дурнота прошла, голова хоть и болела от ушиба, но работала ясно.

— Матерь милосердная! — Пастушок побледнел. — Значит, конь тебя вовсе не сбрасывал?

— Нет. Я ранен в бою.

— Но у тебя нет меча.

— Потерялся. Не важно. Зато у меня есть кинжал и одна здоровая рука. Нет, нет, не пугайся. Мой бой кончен. Тебя никто не обидит. А теперь, если ты подсадишь меня в седло, я, пожалуй, поеду.

Он подал мне руку, и я встал. Мы находились на краю зеленого плоскогорья, там и сям поросшего кустами дрока, над которым возвышались одинокие нагие деревья, принявшие причудливые, вымученные позы на непрестанном соленом ветру. Ниже того места, где я только что лежал, земля круто уходила вниз, вся изборожденная овечьими и козьими тропами, образуя один склон узкого извилистого оврага, а по дну его несся, подпрыгивая на камнях, бурный ручей. Дно оврага мне было сверху не видно, но за краем травянистого плоскогорья вдали открывалось море. Угадывались очертания высоких скалистых обрывов над водой, а еще дальше, за урезом земли, уменьшенные далью, темнели крепостные башни.

Замок Тинтагел, твердыня герцогов Корнуэльских. Неприступная крепость на скале, проникнуть в которую можно только хитростью или с помощью предательства в самих ее стенах. Вчера ночью я прибег и к тому, и к другому.

По коже у меня пробежал холод. Вчера в бурном мраке ночи там творилась воля богов во имя некоей далекой цели, которая лишь иногда приоткрывалась моему глазу. И я, Мерлин, сын Амброзия, внушающий людям трепет как прорицатель и провидец, был в ту ночь всего лишь орудием в руках богов.

Ради этого и был ниспослан мне дар провидения, дарована сила, которую люди понимают как колдовство. Из этой отдаленной крепости над морем должен явиться Король, который один только сможет очистить землю Британии от вражьих сил, дать ей передышку, чтобы она успела оглядеться и найти себя, который вслед за Амброзием, последним из римлян, поставит преграду новой волне саксонской угрозы и пусть ненадолго, но сделает Британию единой. Вот что прочел я по звездам, услышал в завывании ветра; и о том, чтобы осуществилось предначертанное, позаботиться должен я, так сказали мне мои боги; я для этого рожден был на свет. Ныне, если боги мои не лгут, заветное дитя зачато, но из-за него — из-за меня — четверо расстались с жизнью. Ночью, когда свирепствовала буря и хвостатая звезда-дракон злобно взирала сверху, цена человеческой жизни была грош, и за каждым углом боги, не таясь, выжидали исхода. Но сейчас, погожим утром после бури, что от всего этого осталось? Молодой всадник с искалеченной рукой; король, утоливший свой любовный пыл; и женщина, для которой уже пошел срок расплаты. И для всех нас — пора помянуть павших.

Пастушок подвел мне коня. Взгляд его опять был насторожен и опаслив.

— Давно ли ты пасешь здесь коз? — спросил я его.

— Уже два восхода.

— Не заметил ли ты что-нибудь сегодня ночью?

Настороженность сразу обернулась страхом. Мальчик опустил веки, посмотрел в землю. Лицо стало бессмысленным, тупым, закрытым.

— Я забыл, господин.

Привалясь к боку коня, я разглядывал пастушонка. Сколько раз случалось мне наталкиваться вот на такую же тупость, выслушивать такое же невыразительное, монотонное бормотание; иной брони у бедных нет. Я ласково сказал:

— Что бы тут ни происходило нынче ночью, я хочу, чтобы ты это запомнил, а не забыл. Тебе нечего бояться. Расскажи, что видел.

Несколько мгновений он молча смотрел на меня. Что он при этом думал, кто знает? Зрелище было не из умиротворяющих: высокий молодой человек с окровавленной, разбитой рукой, без плаща, в запятнанной, изодранной одежде, лицо, можно себе представить, серое от боли и усталости, от горького похмелья после ночной победы. Но пастушонок вдруг кивнул и стал рассказывать:

— Ночью в самую темень я услышал конский скок. Четверо, должно, проскакали. Но видеть я их не видел. А рано на заре — еще двое во весь опор вслед за теми. Сдается мне, они держали путь в замок, только я сверху не заметил факелов ни в сторожевой башне, ни на подъемном мосту. Верно, скакали они не по дороге, а оврагом. Когда совсем развиднелось, я заметил двух всадников, они возвращались вон оттуда, от берега против скалы, на которой стоит замок. А потом... — Он замялся. — Я увидел тебя, господин.

Я проговорил медленно, глядя ему прямо в глаза:

— Теперь слушай, я расскажу тебе, кто были те всадники. Минувшей ночью, под покровом тьмы, здесь проскакал король Утер Пендрагон, и с ним был я и еще двое. Он спешил в Тинтагел, но подъехал не к главным воротам, где подъемный мост. Вот этим оврагом он выехал к морю, скрытой тропой поднялся по отвесной скале и проник в замок через тайный вход. Что качаешь головой? Не веришь?

— Господин, всякий знает, что король в ссоре с герцогом. Ни один человек не может войти в замок с той стороны, а король и подавно. Да если б он и отыскал потайную дверь, никто бы не осмелился ему отпереть.

— Осмелились и отперли. Сама герцогиня Игрейна приняла короля в Тинтагеле.

— Но ведь...

— Подожди, — сказал я. — Я расскажу, как это случилось. Король благодаря волшебным чарам принял обличье герцога, а его спутники — обличье его приближенных. Те, кто впустил их в замок, полагали, что отпирают самому герцогу Горлойсу с Британэлем и Иорданом.

Лицо пастушка под маской грязи побелело. Я знал, что в этом диком краю эльфов и фей про чары и волшебство слушают так же доверчиво и самозабвенно, как и про

любовь королей или кровопролитие у подножия трона. Мальчик, заикаясь, спросил:

— Король... король был этой ночью с герцогиней?

— Да. И дитя, которое у нее родится, будет дитя короля.

Он помолчал. Облизнул губы.

— Но... но когда герцог узнает...

— Он не узнает, — сказал я. — Он убит.

Одна грязная рука взметнулась ко рту, зубы прикусили кулак. Глаза, блеснув белками, обвели мою фигуру: изувеченную руку, одежду в кровавых пятнах, пустые ножны. Видно было, что он рад бы убежать, да не осмеливается даже на это. Прерывающимся голосом пастушок спросил:

— Ты... ты убил его? Убил нашего герцога?

— Вовсе нет. Ни я, ни король не желали его смерти. Он убит в бою. Минувшей ночью герцог, не зная, что король отъехал в Тинтагел, устроил вылазку за стены своей крепости Димилиок, напал на воинов короля и был убит.

Но он словно не слышал. Заикаясь, он произнес:

— Но ведь те двое, которых я видел сегодня утром... Это был сам герцог, и он скакал из Тинтагела, я его разглядел. Ты думаешь, мне его лицо незнакомо? Это был герцог, и с ним Иордан, его человек.

— Нет. Это был король, и с ним его слуга Ульфин. Я же сказал тебе, что король принял обличье герцога. Чары и тебя обманули.

Он попятился от меня.

— Откуда тебе все это известно? Ты... ты сказал, что был там. И это колдовство... Кто ты?

— Я — Мерлин, племянник короля. Меня называют Мерлин Королевский Маг.

Пятясь, он дошел до дроковой заросли. Дальше пятиться было некуда. Он повернул голову вправо, влево, ища пути к бегству, но я протянул ему руку:

— Не бойся. Я не обижу тебя. Вот, возьми. Да подойди же и возьми это, разве в здравом уме человек станет бояться золота? Считай, что это тебе в награду за поимку моего коня. И если ты подсадишь меня в седло, я теперь же уеду.

Он уже шагнул было ко мне, готовый выхватить монетку и удрать, но вдруг замер и насторожился, чутко, как животное. Козы тоже перестали щипать траву и, прислушиваясь, повернули головы к востоку. Тут и я расслышал стук копыт.

Я держал здоровой рукой поводья и обернулся к пастушонку за помощью, но он уже убегал вверх по склону, ударяя посохом по кустам дрока и гоня перед собой коз. Я крикнул — он обернулся, и я швырнул ему вдогонку золотую монету. Он подобрал ее и был таков.

Снова накатила боль, корежа кости изувеченной руки. Треснувшие ребра пекло и саднило. Испарина покрыла тело, и весенний день вокруг опять закачался и помутнел. Приближающийся стук копыт бил меня по костям, как пульсирующая боль. Привалясь плечом к конскому боку, я ждал.

Это был король. Он возвращался в Тинтагел, на этот раз при свете дня и со стороны главных ворот, в сопровождении отряда своих всадников. Они шли легкой рысцой, по четыре в ряд, поспешая травянистой дорогой из Димилиока. Над головой Утера реял в солнечных лучах королевский штандарт — красный дракон на золотом поле. Король был теперь в своем обличье: серая краска с волос и бороды смыта, на шлеме блистает драгоценный венец. Пурпурный королевский плащ развевается за плечами, прикрывая лоснящийся круп гнедого скакуна. Лицо короля спокойно и сосредоточенно — усталое, конечно, и мрачное лицо, но при всем том довольное. Он ехал в Тинтагел, и Тинтагел принадлежал теперь ему, вместе со всем, что находится в его стенах. Он получил то, чего добивался.

Я стоял, привалясь к боку моего коня, и смотрел, как они едут мимо.

Утер не мог меня не заметить, однако он даже не взглянул в мою сторону. Из рядов королевской свиты на меня бросали любопытные узнающие взгляды. Среди этих всадников не было, я полагаю, ни одного, кого не достигло бы уже известие о том, что произошло ночью в Тинтагеле и какую роль я сыграл в исполнении королевского желания. Быть может, самые простодушные из свиты даже ждали от короля благодарности и награды для меня или уж по меньшей мере признания и привета. Но я, выросший среди королей, хорошо знал: если надо награждать и взыскивать, то сначала находят, с кого взыскать, не то вина еще, глядишь, пристанет к самому королю. Король Утер сейчас понимал только одно: что по моему, как он считал, недосмотру герцога Корнуэльского убили в то время, как он, король, возлежал с его герцогиней. Он не видел в смерти герцога той мрачной иронии, что прячется за приветливой маской богов, требующих от нас исполнения их воли. Утер, мало знакомый с делами богов, понимал только,

что, выждав всего один день, мог бы добиться своего открыто и не роняя собственной чести. Он гневался на меня вполне искренне, но будь это даже напускное — ему ведь надо было возложить на кого-то вину; как бы он в глубине души ни воспринял смерть герцога — а она, бесспорно, была для него волшебной дверцей к желанному браку с Игрейной, — но перед людьми ему полагалось сокрушаться; и я оказался жертвой, которую он принес на алтарь своего сокрушения.

Один из его рыцарей — это был Кай Валерий, он скакал сбоку от короля — наклонился в седле и сказал ему что-то, но Утер и бровью не повел. Я видел, как прямодушный воин смущенно оглянулся на меня, потом то ли тряхнул головой, то ли кивнул мне и поскакал дальше: Я не удивился и спокойно смотрел им вслед.

Стук копыт замер на дороге, ведущей к морю. У меня над головой трепещущий крылышками жаворонок вдруг смолк и камнем упал из безмолвных высей в траву — на отдых.

Неподалеку от меня из травы торчал валун. Я подвел туда коня, с валуна кое-как вскарабкался в седло. И направил коня на северо-восток к Димилиоку, у стен которого стояло королевское войско.

2

Провалы в памяти бывают спасительны. Не помню, как доехал до лагеря, но когда спустя часы вынырнул из тумана усталости и боли, то оказался под кровом и в постели.

Я пробудился в полумраке, при слабом, зыбком свете то ли от очага, то ли от свечи. Трепетала цветная мгла, колебались тени, пахло древесным дымом, и где-то вдалеке словно бы плескалась и капала вода. Но даже в этом тепле и уюте сознание обременяло меня, и я, закрыв глаза, опять погрузился в беспамятство. На какое-то время мне представилось, будто я нахожусь на грани потустороннего мира, где встают видения и голоса раздаются из мрака и с огнем и светом приходит правда. Но вскоре боль в разбитых мышцах и резкая ломота в руке убедили меня, что я еще на этом свете и что голоса, звучащие в полутьме надо мной, тоже принадлежат живым людям.

— Ну вот, пока все. Хуже всего с ребрами, не считая руки, но ребра скоро заживут, там только трещины.

У меня было смутное ощущение, что этот голос мне знаком. Во всяком случае, ремесло говорившего не вызывало сомнений: свежие повязки держались ровно и прочно — чувствовалась хватка мастера. Я опять попытался поднять веки — тяжелые как свинец, они слиплись от пота и крови. Сонными волнами накатывало тепло, руки и ноги наливались тяжестью. Дурманяще пахло чем-то сладким — верно, перед тем как вправлять руку, мне дали выпить макового отвару или обкурили маковым дымом. Я покорился и снова отплыл от твердых берегов. Негромкие голоса далеко разносились по черным водам:

— Перестань пялить глаза и поднеси поближе чашу. И не бойся, он теперь вне опасности. — Это был снова врач.

— Но мне доводилось слышать про разные случаи...

Говорили по-латыни, однако выговаривали оба по-разному. Второй голос был чужеземный, не германский и не с берегов Срединного моря. Я с детства легко схватывал языки, говорил на нескольких кельтских диалектах и по-саксонски, знал немного и греческий. Но этот акцент был мне незнаком. Может быть, Малая Азия или Аравия?

Ловкие пальцы повернули мою голову на подушке, разобрали мне волосы, обмыли ссадины.

— Ты его первый раз видишь?

— Первый. Я не предполагал, что он так юн.

— Не так уж и юн. Ему сейчас, должно быть, двадцать два года.

— А он так много успел в жизни. Говорят, его отец, верховный король Амброзий, в последние годы своего правления шагу не ступал, не посоветовавшись с ним. Рассказывают, что он видит будущее в пламени свечи и может выиграть битву на расстоянии, с вершины холма.

— Люди чего только не расскажут. — Голос врача звучал сдержанно и ровно. Бретань, подумалось мне, верно, я встречал его в Бретани. В его гладкой латинской речи был какой-то знакомый призвук, только какой, я вспомнить не мог. — Но это правда, что Амброзий ценил его совет.

— А правда ли, что он восстановил вблизи Эмсбери Хоровод Великанов — Нависшие Камни, как называют его теперь?

— Правда и это. Находясь с войском отца в Бретани, он изучил строительное дело. Помню, он обсуждал

с Треморином, главным механиком при войске, как поднять и установить Нависшие Камни. И не только этим он занимался. Он и в медицине уже тогда смыслил куда больше, чем многие, кто зарабатывает ею себе на жизнь. Лучшего помощника для работы в полевом лазарете я бы себе не желал. Бог его знает, что ему вздумалось скрыться в этом диком углу Уэльса — мы можем только догадываться. Они с королем Утером не ладили. Утер, говорят, не мог ему простить, что покойный король, Утеров брат, относился к нему с таким уважением. Как бы то ни было, но после смерти Амброзия Мерлин нигде не показывался, ни с кем не видался до самого этого случая с женой герцога Горлойса. И сдается, получил в благодарность от Утера одни шишки... Поднеси-ка чашу поближе, я обмою ему лицо. Нет, не туда. Вот так.

— Это, должно быть, от удара мечом?

— Царапина. Видно, острие меча скользнуло по щеке. Не так она страшна, как кажется. Только крови много. Повезло человеку. На дюйм выше — и попали бы в глаз. Ну вот. Все чисто, и шрама не останется.

— Он похож на мертвеца, Гандар. Поправится ли?

— А как же. Разумеется. — Даже опоенный, я сквозь дурман уловил в этом быстром ответе профессиональную убежденность. — Не считая ребер и руки, тут только одни ссадины и царапины, ну и, надо полагать, что-то держало и гнало его вперед несколько последних дней, а теперь отпустило. Все, что ему нужно, — это выспаться. Подай-ка мне вон ту мазь. В зеленой банке.

Снадобье охладило мою порезанную щеку. Запахло валерианой. Мазь в зеленой банке... Дома я сам составлял такую: валериана, бальзам, нард... Этот запах перенес меня в моем полусне на мшистый речной берег — играя солнечными зайчиками, струилась вода, и я рвал прохладные листья, соцветия, золотистый мох...

Нет, просто кто-то лил воду у входа. Врач сделал свое дело и отошел вымыть руки. Теперь их голоса звучали в отдалении.

— Так он — побочный сын Амброзия? — Любопытство чужеземца еще не было удовлетворено. — Кто же была его мать?

— Королевская дочь из Маридунума, что в Южном Уэльсе. Говорят, провидческий дар он унаследовал от нее. А облик — нет, он, как отражение в зеркале, похож на покойного короля, куда больше, чем Утер. Та же масть: черный во-

лос и черный глаз. Помню, когда я впервые увидел его, еще маленького, в Бретани, он был похож на обитателя пещер в здешних полых холмах. И говорил подчас тоже не по-людски, а то и вовсе помалкивал. Ты не смотри, что он такой словно бы смирный; на самом деле за ним не только книжная премудрость и удача, уменье верно рассчитать время; нет, у него в руках настоящее могущество.

— Стало быть, правду о нем рассказывают?

— Правду, — сухо ответил Гандар. — Ну так. Он теперь будет поправляться. Сидеть над ним нет нужды. Пойди поспи. Я один сделаю вечерний обход и еще зайду взглянуть на него, прежде чем лягу спать. Доброй ночи.

Голоса затихли. После них во тьме звучали и вновь смолкали другие голоса, но эти были бесплотны, рождались из воздуха. Быть может, мне бы следовало подождать и послушать их, но у меня недостало храбрости. Я ухватился за сон и спрятался под ним, словно под одеялом, укрывшись от боли и заботы в милосердной темноте забытья.

Когда я вновь открыл глаза, ночную тьму озаряла мирная, одинокая свеча. Я находился в тесной комнате со сводчатым потолком и стенами из грубо тесанного камня; некогда покрытые яркой краской, они теперь потемнели и облупились от сырости и небрежения. Однако чистота здесь блюлась: пол из корнуэльского плитняка был тщательно вымыт, и толстые одеяла, которые меня укутывали, пахли свежестью и пестрели яркими узорами.

Неслышно открылась дверь, кто-то вошел. В светлом проеме я сначала разглядел на пороге только силуэт невысокого крепкого широкоплечего мужчины в долгополом простом одеянии и круглой шапочке. Но вот он шагнул в светлый круг от свечи, и я узнал Гандара, главного врача при королевском войске. Он с улыбкой склонился надо мною:

— Наконец-то!

— Гандар! Рад видеть тебя. Я долго спал?

— Ты уснул в сумерки, а сейчас уже за полночь. Это тебе и требовалось. Ты был похож на мертвеца, когда тебя принесли. Но признаюсь, мне было легче делать мое дело благодаря тому, что ты был в беспамятстве.

Я посмотрел: рука моя, тщательно перевязанная, покоилась поверх одеяла. В туго стянутом боку все еще пекло, хотя резкая боль утихла. Руки и ноги ломило. Рот

распух и хранил привкус крови, смешанный с ядовитой сладостью снотворного зелья. Но голова больше не раскалывалась, и порез на щеке перестал саднить.

— Как хорошо, что я попал к тебе. — Я попробовал пошевелить затекшей рукою. — Заживет она?

— Да. Юность и здоровье возьмут свое. Три кости переломаны, но полагаю, рана не загниет. — Он вопросительно посмотрел на меня. — Как ты ее получил? Похоже, что это лошадь копытом отдавила тебе руку, а потом еще ударила и переломала ребра. Но порез на щеке нанесен мечом. Тут уж некуда деваться.

— Да. Я сражался.

Он вздернул брови.

— Если и так, то, видно, это был бой не по правилам. Скажи мне... но нет, успеется. Я сгораю от нетерпения услышать, что произошло — мы все здесь хотим об этом узнать, — но сначала ты должен поесть.

Он отошел к двери, позвал, и в комнату вошел слуга с миской мясного отвара и хлебом. Поначалу хлеб мне не давался, но потом я стал размачивать его в отваре и так есть. Гандар пододвинул к моему ложу табурет и молча дожидался, пока я поем. Наконец я отдал ему миску, и он поставил ее на пол.

— Ну как, теперь ты в силах говорить? Слухи вьются вокруг, подобно жалящим комарам. Ты знаешь, что Горлойс убит?

— Знаю. — Я получше осмотрелся кругом. — Я так понимаю, что нахожусь в самом Димилиоке? Стало быть, после гибели герцога крепость сдалась?

— Осажденные открыли ворота, как только король возвратился из Тинтагела. Он уже знал о вылазке и о гибели герцога. Потому что едва только герцог упал мертвый, как двое его слуг, Британэль и Иордан, поскакали в Тинтагел сообщить герцогине печальную весть. Но это ты, верно, знаешь, ты ведь был там. — Он осекся, вдруг сообразив, что отсюда следует. — Значит, вот как было дело? Британэль и Иордан... они повстречались с тобой и Утером?

— Нет, с Утером они не встретились, он еще был у герцогини. А я стоял на страже перед дверью, я и мой слуга Кадал — ты ведь помнишь Кадала? Он убил Иордана, а я — Британэля. — Я усмехнулся, скривив опухший рот. — Напрасно ты на меня так смотришь. Да, он много превосходил меня ростом. Удивительно ли, что я дрался не по правилам?

— А что же Кадал?

— Убит. Иначе разве бы Британэль до меня добрался?

— Понятно. — Его взгляд еще раз перечел мои раны. Помолчав, он сухо заключил: — Четыре человеческие жизни. Ты пятый. Король, надо надеяться, не считает, что переплатил?

— Не считает. А если и считает, то скоро перестанет.

— О да, это мы знаем. Дай только ему срок объявить миру, что он неповинен в смерти Горлойса, и устроить покойнику пышные похороны, чтобы можно было заключить брак с герцогиней. Он ведь уже отправился в Тинтагел, ты знаешь? Он мог бы повстречаться тебе на дороге.

— И повстречался, — горько ответил я. — Проехал мимо, в двух ярдах от меня.

— А тебя не заметил? Ведь он должен был знать, что ты ранен! — Тут он, видно, понял, что означал мой горький тон. — Ты хочешь сказать, он видел, что ты нуждаешься в помощи, но предоставил тебе одному добираться в лагерь? — В его голосе слышалось больше негодования, чем удивления. Гандар и я были давние знакомые, объяснять ему мои отношения с Утером не было нужды. Утера всегда злила любовь брата-короля к внебрачному сыну. А мой провидческий дар внушал ему страх пополам с презрением. Гандар горячо заключил:

— И это — когда ты был ранен, служа ему!

— Нет, не ему. Я действовал во исполнение слова, данного мною Амброзию. Он завещал мне некую заботу о своем королевстве. — Больше я ничего не добавил, с Гандаром не следовало говорить о богах и видениях. Подобно Утеру, он был занят делами плоти. — Перескажи мне, — попросил я, — те слухи, о которых упоминал раньше. Что говорят люди? Как представляют себе события в Тинтагеле?

Он оглянулся через плечо. Дверь была затворена, но он понизил голос:

— Люди рассказывают, будто Утер уже раньше успел побывать в Тинтагеле и был с герцогиней Игрейной и будто сопровождал его туда ты и ты же помог ему пробраться в замок. Будто бы ты волшебными чарами придал ему обличье герцога и так он прошел мимо герцогских стражей в спальню к герцогине. Говорят и больше того. Будто бы и сама она, бедняжка, принимала его на своем ложе, думая, что это ее супруг. Британэль с Иорданом привезли ей весть о гибели Горлойса, смотрят, а «Горлойс» сидит с ней за завтраком, живой и невредимый. Клянусь Змеей, Мерлин, почему ты смеешься?

— Два дня и две ночи, — ответил я, — и уже создалась легенда. Что ж, наверно, люди ей поверят и будут верить всегда. Может быть даже, она лучше правды.

— А в чем же правда?

— Что нам не понадобились чары, чтобы войти в Тинтагел, — только хитрое переодевание и человеческая измена.

И я рассказал ему, как все было на самом деле и что я наговорил мальчишке-козопасу.

— Так что, как видишь, Гандар, это семя заронил я сам. Лорды и советники короля должны знать правду, но простому люду будет приятней, да и легче верить рассказу о колдовских чарах и безвинной герцогине.

Он, помолчав, сказал:

— Стало быть, герцогиня знала.

— А иначе разве бы нам удалось войти в замок? Нет, Гандар, пусть никто не говорит, будто герцогиню взяли силой: она знала.

Он опять помолчал, на этот раз еще дольше. Наконец сумрачно произнес:

— Измена — тяжкое слово.

— Но справедливое. Герцог был другом моего отца и доверял мне. Ему и в голову не могло прийти, что я буду помогать Утеру в ущерб ему. Он знал, как я отношусь к Утеровым вожделениям. Ему неведомо было только, что мои боги повелели мне на этот раз способствовать Утеру в утолении его страсти. Но хоть я и не волен был поступить иначе, все равно это была измена, и нас всех ждет за нее расплата.

— Кроме короля, — твердо сказал Гандар. — Я его знаю. Он испытает разве что минутное угрызение. Расплачиваться будешь ты один, Мерлин, как ты один нашел в себе мужество назвать вещи своими именами.

— В разговоре с тобой. Для других пусть это останется повестью о колдовских чарах, вроде тех драконов, что по моему велению грызлись друг с другом под Динас Эмрисом, или Хоровода Великанов, который по воздуху и по воде перенесся из Ирландии в Эмсбери. Но ты видел своими глазами, каково пришлось Мерлину Королевскому Магу. — Я помолчал, пошевелил больной рукой, лежащей поверх одеяла, и покачал головой в ответ на его озабоченный взгляд: — Нет-нет, не беспокойся. Уже не так больно. И еще одну правду о той ночи я должен тебе открыть. Будет ребенок, Гандар. Понимай это как надежду или как прорицание, но вот уви-

дишь, на Рождество родится мальчик. Утер не говорил, когда он намерен заключить брак?

— Как только это будет пристойно. Пристойно! — повторил он с коротким смешком и сразу закашлялся. — Тело герцога находится здесь, но дня через два его перевезут в Тинтагел и предадут земле. И тогда, после восьмидневного траура, король заключит брак с герцогиней.

Я задумался.

— У Горлойса был сын от первой жены. Его звали Кадор. Сейчас ему должно быть лет пятнадцать. Ты не знаешь, что с ним сталось?

— Он здесь. Он участвовал в последнем бою, сражаясь бок о бок с отцом. О чем договорился с ним Утер, неизвестно, но всем, кто воевал против короля под Димилиоком, даровано прощение и, кроме того, объявлено, что Кадор будет герцогом Корнуолла.

— Да, — подхватил я. — А сын Игрейны и Утера будет королем.

— Когда в Корнуолле сидит герцогом его злейший враг?

— Даже если и злейший враг, разве у него нет на то достаточной причины? За измену, быть может, придется расплачиваться долго и жестоко.

— Ну, это, — вдруг бодро возразил Гандар, подбирая полы своего длинного одеяния, — покажет время. А теперь, молодой человек, тебе следует еще поспать. Хочешь, я дам тебе снотворного?

— Нет, спасибо.

— Как рука?

— Лучше. Заражения нет, я знаю, как это бывает. Больше я не причиню тебе хлопот, Гандар, перестань обращаться со мною как с немощным страдальцем. Я выспался и чувствую себя вполне бодро. Ступай ложись спать, обо мне не думай. Покойной ночи.

Он ушел, а я еще долго лежал и прислушивался к шуму прибоя, стараясь обрести в ночной близости богов силу духа для предстоящего мне прощания с мертвым.

Обрел я силу духа или нет, но все равно прошел еще день, прежде чем я ощутил и в теле довольно силы, чтобы покинуть мою келью. Вечерело, когда я отправился в большую залу замка, где был установлен гроб с телом герцога. Наутро его должны были увезти в Тинтагел и

похоронить рядом с предками. Но сейчас он лежал один в высокой гулкой зале, где недавно пировал с пэрами и замышлял последнее сражение.

Было холодно и тихо, только снаружи грохотал прибой и выл ветер. Он переменился и дул теперь с северо-запада, неся с собою холод и влагу близких дождей. Окна зияли без стекол или роговых пластин, и на сквозняке колыхались и распластывались дымные огненные языки факелов в настенных скобах, покрывая свежей копотью древнюю каменную кладку. Голо и неприютно было под темными сводами — ни деревянной резьбы, ни цветных изразцов, ни росписей по стенам, сразу видно, что Димилиок — всего лишь военная крепость, герцогиня Игрейна, быть может, и не бывала здесь никогда. Серый пепел в очаге давно остыл, отсыревшие, полуобгорелые головни блестели каплями влаги.

Тело герцога было уложено на возвышении посередине залы и покрыто его военным плащом: белый вепрь на алом поле с двойной серебряной каймой. Я привык видеть эти цвета в сражении рядом с моим отцом. Видел я их и на Утере, когда вез его, переодетого, в замок Горлойса. Теперь тяжелые складки плаща ниспадали до пола, а тело под ними словно сплющилось, усохло — пустая оболочка, все, что осталось от крупного, могучего мужчины. Лицо было открыто. Плоть на нем посерела и спалась, как бы стекла с костей, подобно свечному салу, и обозначился череп, лишенный почти всякого сходства с Горлойсом, которого я знал. Монеты на веках уже глубоко запали. Волосы скрывал боевой шлем, и только знакомая седая борода была выпростана и лежала поверх белого вепря на груди.

Тихо ступая по каменным плитам, я думал о том, что не знаю, какому богу поклонялся Горлойс при жизни и к какому богу отправился после смерти. По убранству тела этого определить было нельзя. Монеты на глаза клали не только христиане, но и многие другие. Я вспомнил иные смертные ложа, вспомнил, как теснились вокруг них нетерпеливые духи; ничего такого здесь не ощущалось. Но он уже три дня как мертв, его дух, быть может, уже вышел на холод и ветер через проем окна. Быть может, он теперь далеко и мне уже не настичь его и не получить прощения.

Я стоял над телом человека, которого предал, который был другом моему отцу Амброзию, верховному королю. И вспоминал, как герцог явился ко мне просить подмоги

в деле с его молодой женой и как он мне сказал тогда: «Я сейчас не многим мог бы довериться, но тебе доверяю. Ты — сын своего отца». А я молчал в ответ и только смотрел, как от пламени в очаге ложатся красные, будто кровавые, отсветы на его лицо, и только выжидал случая, чтобы привести короля к ложу его герцогини.

Это один и тот же дар: видеть духов и слышать голос богов, слетающихся к нам, когда мы приходим в мир и когда его покидаем, но дар этот столько же от света, сколько и от тьмы. Видения смерти могут являться с такою же отчетливостью, как и видения жизни. Невозможно ведать будущее и быть свободным от призраков прошлого, вкушать славу и довольство, не испытывая мук и угрызений за свои прежние дела. То, чего я искал у тела убитого герцога Корнуолла, не принесло бы мне ни утешения, ни душевного покоя. Такому человеку, как Утер Пендрагон, который убивает в открытом бою под открытым небом, тут и думать было бы нечего: покойник и покойник. Но я, доверившийся богам так же, как герцог доверялся мне, знал, подчиняясь их велению, что должен буду за это расплатиться сполна. Поэтому я шел сюда, даже не питая надежды.

Горели факелы. К моим услугам был и свет, и огонь. И я был Мерлин. И я хотел говорить с ним, мне ведь уже приходилось вступать в общение с умершими. Я неподвижно стоял, следя за мятущимися факелами, и ждал.

Постепенно в крепости смолкли голоса и наступила тишь: все уснули. За окном вздыхало и ударяло в стену море. Под сводами проносился ветер, и папоротники, выросшие вверху из трещин в стене, шелестели и бились о камни. Пробежала, пискнув, крыса. В факелах, пузырясь, кипела смола. Сквозь запах дыма я различал сладковатый смрад смерти. Монеты на глазах мертвого, мигая, тускло отражали свет факелов.

Время шло. Глаза мои, устремленные на огонь, слезились, боль в руке была как въевшаяся цепь, не отпускавшая меня из тела. Дух мой оставался скован и слеп, как мертвец. Я улавливал мимолетный шепот, обрывки мыслей уснувших стражей, в них было смысла не больше, чем в звуке их дыхания или в скрипе кожи, в бряканье металла, когда они со сна слегка шевелились. Но помимо этого — ничего. Вся сила, снизошедшая на меня в ту ночь в Тинтагеле, исчерпалась с убийством Британэля, оставила меня и действовала теперь, как я полагал, в теле женщины. В теле Игрейны, которая в эту самую минуту лежала рядом с королем в неприступных древ-

них стенах замка Тинтагел, что высился прямо над морем в десяти милях к югу от Димилиока. А я был бессилен. Воздух стоял стеной и не расступался передо мною.

Один из стражей, ближайший ко мне, пошевелился, рукоять его уставленного в пол копья скребнула по камню. Резкий звук нарушил тишину. Я невольно взглянул в его сторону: молодой страж смотрел на меня.

Он стоял, весь напряженный, вытянутый, как древко его копья, кулаки, сжимавшие смертоносный стержень, побелели. Из-под густых бровей, не мигая, смотрели два горячих голубых глаза. Я узнал их, и меня словно копьем пронзило: глаза Горлойса. Это был Горлойсов сын Кадор Корнуэльский, он стоял между мной и мертвым и смотрел на меня неотступно, с ненавистью.

Утром тело Горлойса увезли на юг. Сразу после похорон, рассказывал мне Гандар, Утер должен был вернуться к своему войску под Димилиоком и выждать тут, пока можно будет сыграть свадьбу с герцогиней. Ждать его прибытия я не собирался. Я распорядился доставить мне припасов, привести коня и, не слушая убеждений Гандара, что я еще не окреп для путешествия, отправился в одиночестве под Маридунум, где в холмах находится пещера, которая по обещанию короля будет, что бы ни случилось, всегда принадлежать мне.

3

За время моего отсутствия в пещере не побывал никто. И неудивительно: ведь окрестные жители считали меня магом и боялись, к тому же всем было известно, что холм Брин Мирддин пожалован мне в собственность самим королем. От мельницы, свернув с главной дороги в узкую долину, ведущую к пещере, которая заменила мне дом, я ехал, не встречая ни живой души, не увидел даже пастуха, обычно пасшего овец на каменистых склонах.

В нижнем конце долины густо рос лес; дубы еще шелестели прошлогодними пожухлыми листьями, каштан с платаном жались бок о бок, норовя перехватить друг у друга весь солнечный свет, между белесыми стволами буков там и

сям чернел глянцевитый остролист. Выше деревья начинали редеть, тропа карабкалась по крутому склону, слева, глубоко внизу, бежал ручей, а справа уходил отвесно к небу травянистый откос с языками осыпей, увенчанный поверху грядой голых скал. Трава была еще по-зимнему бурой, но под прикрытием ржавого прошлогоднего папоротника проблескивали ярко-зеленые листья пролески и готовился зацвести терновник. Где-то блеяли ягнята, и их голоса да свист ястреба-канюка в высоте над скалами и хруст старого папоротника под усталым копытом моего коня — вот и все звуки, нарушавшие общее безмолвие. Здравствуй, дом, простота и покой.

Жители не забыли меня и, как видно, слышали, что я должен вернуться. Когда в зарослях терновника у подножия скалы я слез с коня и отвел его под навес, там нашел я свежую папоротниковую подстилку и мешок с овсом на крючке за дверью, а когда поднялся на площадку перед входом в мою пещеру, у бившего из-под скалы источника меня ждал сыр и свежевыпеченный хлеб, завернутый в чистую тряпицу, и бурдюк местного слабого и кислого вина.

Источник был крохотный — одна прозрачная струйка, выбивавшаяся из трещины сбоку от входа в пещеру. Вода, иногда низвергаясь маленьким водопадом, а в другие времена только сочась по зеленому мху, стекала в круглое углубление, выдолбленное в плоском камне. Над источником из папоротниковых зарослей выглядывала статуя Мирддина — бога крылатых воздушных пространств. Вода струилась прямо из-под его растрескавшихся деревянных стоп, и на дне каменной чаши, в которую она собиралась, поблескивал металл. Я знал, что вино и хлеб, как и монеты, брошенные в воду, предназначались столько же мне, сколько и богу Мирддину; в сознании простых людей и я сам уже стал преданием здешних холмов, их божеством во плоти, которое появляется и исчезает свободно, как воздух, и приносит людям исцеление.

Я взял у источника всегда лежавший там кубок из рога, наполнил его вином, плеснул часть к ногам бога, а остальное выпил сам. Бог разберется, был ли то просто привычный жест или же в нем содержалось нечто большее. А я, вконец измученный дорогой, не мог сейчас об этом размышлять или сотворять молитву, я выпил для бодрости, только и всего.

По другую сторону от входа в пещеру на россыпи камней росли молодые дубки и рябины, и в летнюю пору эта маленькая рощица затеняла и прятала вход в мое ка-

менное жилище. Но сейчас нависшие нагие ветви не могли скрыть небольшого отверстия в скале, гладкого и округлого, словно бы пробитого рукой человека. Я раздвинул их и вошел.

В очаге у самого входа все еще лежала седая зола, ветер закинул в нее снаружи прутики и мокрые прошлогодние листья. Пахло запустением. Трудно было поверить, что и месяца не прошло с тех пор, как я оставил эту пещеру и поехал на зов короля, помочь ему в деле с корнуэльской герцогиней Игрейной. Подле холодного очага так и осталась стоять немытая посуда от последней трапезы, наскоро приготовленной на дорогу моим слугой.

Да, теперь мне придется самому быть себе слугой. Я положил на стол бурдюк с вином и узелок с сыром и хлебом и занялся разведением огня. Трут и кресало лежали на обычном месте под рукой, но я опустился на колени и протянул над кучкой хвороста ладони, чтобы сотворить колдовство. Это было простейшее колдовство и первое, усвоенное мною в жизни: добывание огня из воздуха. Я обучился ему в этой самой пещере — здесь обитал старый отшельник Галапас, и от него я перенял все природные искусства, которыми ныне владею. Здесь же, в кристальном гроте, что лежит глубже под холмами, мне было первое видение и открылся мой ясновидческий дар. «Когда-нибудь, — говорил мне Галапас, — ты пойдешь совсем далеко, куда я даже магическим зрением не в силах буду последовать за тобой». Так оно и было. Я расстался с ним и пошел туда, куда влек меня мой бог, куда только я, Мерлин, и мог дойти. Но вот высшая воля исполнена, и бог меня оставил. В крепости Димилиок над телом павшего Горлойса я убедился, что опустошен, что я слеп и глух, как слепы и глухи все люди, что сила моя исчерпалась. И теперь, усталый после долгого пути, я знал, что все равно не успокоюсь, пока не проверю, сохранился ли за мною хотя бы простейший из моих талантов.

Ответ не заставил себя ждать, но я долго не хотел с ним смириться. Садящееся солнце уже повисло красным шаром в древесных ветвях против входа в пещеру, а кучка хвороста так и не загорелась, когда я наконец признал свое поражение; обжигающий пот струился по моему телу под одеждой, и руки, вытянутые для свершения колдовства, дрожали, как у дряхлого старца. В свежих сумерках весеннего вечера я сел у холодного очага и поужинал хлебом и сыром, запивая их разбавленным вином, и только тогда ощутил в себе силы взять с каменного уступа трут и кресало, чтобы развести огонь.

Даже и на эту работу, которую любая женщина проделывает всякий день без долгих размышлений, у меня ушла уйма времени, а раненая рука снова закровоточила. Но в конце концов огонь все-таки запылал. Я зажег факел и, держа свет высоко над головой, прошел в глубь пещеры. Там у меня было еще одно дело.

Главная пещера, высокосводчатая и большая, тянулась далеко вглубь. Я остановился в дальнем конце и, подняв факел, посмотрел вверх. Отсюда каменный пол подымался и вел к широкому уступу, а он, в свою очередь, уходил в вышину и терялся среди длинных теней. Там, невидимый снизу, был узкий проход во внутреннюю пещеру — небольшой округлый грот, сверху донизу мерцающий кристаллами, — там при свете и пламени были мне явлены первые видения. Если моя утраченная сила где-то еще дремала, то только здесь. Медленно, преодолевая гнетущую усталость, я поднялся на уступ, прошел по нему и, опустившись на колени, заглянул в низкое отверстие внутреннего грота. Пламя моего факела заиграло в кристаллах по стенам, свет многократно отразился от округлых сводов. Моя арфа стояла там, где я ее оставил: посреди усыпанного кристаллами пола. Тень ее взбежала по сверкающим стенам, в медных колках заискрились огоньки, но струны не ожили в дыхании ветра и выгнутые тени потеснили свет. Я долго стоял на коленях, глядя широко открытыми слезящимися глазами, как трепещут и бьются внутри кристального шара тень и свет. Но видение мне не открылось, и арфа безмолвствовала.

Наконец я выпрямился и опустился в большую пещеру. Двигался, помню, медленно, с трудом, словно впервые спускался по этим камням. Сунув факел под кучку сушняка, я разжег в очаге огонь; потрескивая, занялись толстые поленья. Я вышел наружу, разыскал переметные сумки, переволок их к приветливому теплу очага и стал разбирать.

Рука моя заживала долго. Первые несколько дней дергающая боль не отпускала ни на минуту, так что я начал опасаться заражения. Днем было еще не так мучительно, с утра до ночи одолевали дела, все те обязанности, что всегда выполнял за меня слуга, а я даже и не знал толком, как за них взяться: уборка, приготовление пищи, уход за конем. Весна в тот год в Южном Уэльсе запаздывала, пастбища на взгорьях еще не зазеленели, и мне приходилось нарезать и прино-

сить ему корм и в поисках целебных трав удаляться от дома на большие расстояния. Хорошо хоть, для меня самого пища все время имелась в достатке: что ни день, у подножия скалы появлялись свежие приношения. То ли местные жители до сих пор еще не прослышали, что я теперь у короля не в почете, то ли, целя их недуги, я сделал им столько добра, что оно перевесило Утерову немилость. Я был Мерлин, сын Амброзия, или, на валлийский лад, Мирддин Эмрис, местный знахарь и маг, а в каком-то смысле, я думаю, еще и жрец древнего божества здешних полых холмов, также носящего это имя — Мирддин. Принося дары мне, они одаряли его, и его именем я эти дары принимал.

Но если дни мои были терпимы, то ночью мне приходилось плохо. Мне казалось, я ни на миг не смыкал глаз, и не столько от боли в руке, сколько от муки воспоминаний. Похоронные покои Горлойса в Димилиоке были пусты, зато моя пещера в холмах Уэльса оказалась полна духов. То были не души дорогих мне умерших, общению с которыми я мог бы только радоваться, — нет, мимо меня в темноте, издавая тяжкие стоны, подобные писку летучей мыши, проносились души тех, кого я убил. Так по крайней мере мне представлялось. По-видимому, у меня был жар; в пещере с прежних времен гнездились летучие мыши, мы с Галапасом когда-то изучали их; это их я, должно быть, и слышал в лихорадочном полусне, когда они по ночам вылетали и возвращались обратно. Но в памяти моей о той поре их писк остался как голос мертвых, мятущихся во мраке ночи.

Прошел апрель, сырой и промозглый, с ветрами, пробирающими до костей. То было тяжкое время, когда только и знаешь, что одну боль, и делаешь лишь самое простое — чтобы не умереть. Должно быть, я очень мало ел; вода, и плоды, и ржаной хлеб составляли мое пропитание. Одежда на мне, и всегда-то далеко не роскошная, износилась без ухода и вскоре повисла лохмотьями. Чужой человек, повстречавшись со мной на крутой тропе, принял бы меня за нищего. Целыми днями я сидел нахохлившись у дымного очага. Ящик с книгами не открывал, арфу не трогал. Будь даже рука моя здорова, я все равно не смог бы играть. А что до колдовства, то не хватало смелости снова подвергнуть себя испытанию.

Но постепенно я, как герцогиня Игрейна в своем холодном замке к югу от меня, впал в состояние безмятежного восприятия. Шли недели, рука подживала. Остались

два негнущихся пальца и глубокий шрам по краю ладони, но к пальцам со временем вернулась гибкость, а на шрам я не обращал внимания. И остальные раны тоже постепенно заживали. Я притерпелся к одиночеству: ведь мне привычно уединение. Ночные призраки меня больше не мучили. А потом, с приближением мая, задули теплые ветры, и холмы покрылись травой и цветами. Убрались прочь серые тучи, мою долину залило солнечным сиянием. Я теперь часами просиживал на солнышке у входа в пещеру, читал или разбирал собранные травы, а иногда праздно поглядывал вниз на тропу, не едет ли ко мне всадник с какой-нибудь вестью. (Вот так же, думалось мне, сиживал, должно быть, на солнышке мой старый учитель Галапас и смотрел на дорогу, по которой к нему в один прекрасный день должен был приехать маленький мальчик верхом на коне.) Я возобновил запасы целебных трав и листьев, уходя за ними все дальше от пещеры по мере того, как ко мне возвращались силы. В городе я не показывался, но бедняки, по временам обращавшиеся ко мне за снадобьями или советом, приносили кое-какие обрывочные известия. Король и герцогиня отпраздновали свадьбу со всей торжественностью и пышностью, возможной при таком поспешном браке; король как будто весел и доволен, хотя чаще обычного чуть что приходит в ярость, а временами ни с того ни с сего становится угрюм, и тогда от него лучше держаться подальше. А что до королевы, то она молчалива, во всем уступает желаниям короля, но, по слухам, лицом мрачна, словно от тайного сокрушения...

Тут мой осведомитель покосился на меня, и я заметил, что пальцы его украдкой сделали охранительный знак от колдовства. Я отпустил его, не стал больше расспрашивать. Новость все равно меня не минует, пусть только настанет срок.

И она пришла без малого через три месяца после моего возвращения в Брин Мирддин.

Июньским утром, когда горячие солнечные лучи разгоняли туман над зелеными лугами, я поднялся на взгорье над пещерой — там я оставил пастись привязанного коня. Было тихо, в воздухе дрожали трели жаворонков. Над зеленым бугром, где был похоронен Галапас, на ветках терновника сквозь белую опадающую пену цветения проглядывали молодые зеленые листья и под папоротниками густо синели колокольчики.

Вообще-то коня незачем было и привязывать. Я всегда носил с собой остатки хлеба от крестьянских подношений, и он, завидев меня, сразу спешил ко мне, натягивая привязь и ожидая подачки.

Но сегодня было не так. Конь стоял на самом краю обрыва, вскинув голову и навострив уши, и смотрел на что-то внизу. Я подошел и, пока он губами убирал у меня с ладони хлебные крошки, тоже заглянул под обрыв.

Отсюда с высоты открывался вид на Маридунум — маленькие на расстоянии домики теснились по неверному берегу неторопливой реки, вьющейся по широкой зеленой долине на пути к морю. Город, с гаванью и выгнутым каменным мостом, расположен как раз там, где река расширяется перед впадением в море. За мостом, как всегда, торчал лес мачт, а ближе сюда по береговой тропе, повторяющей серебристые речные изгибы, медлительная гнедая лошадь тащила к мельнице баржу с зерном. Самой мельницы, расположенной в том месте, где в реку вливался ручей из моей долины, за стеной леса было не видно. От этого леса к восточным воротам Маридунума на пять миль по открытой равнине растянулась прямая как стрела старая военная дорога, когда-то приведенная в порядок моим отцом.

И на этой дороге, примерно в полутора милях за мельницей, клубилось облако пыли. Там шла схватка между конниками, я заметил блеск оружия. Вот пыль рассеялась, стало видно отчетливее. Конников было четверо, и бились они трое против одного. Этот один, похоже, старался отбиться и ускакать, а противники норовили окружить его и сшибить на землю. Наконец он все-таки вырвался. При этом его конь, вздернутый на дыбы, ударил копытами в бок другого коня, и этот всадник, не удержавшись, вылетел из седла. А одинокий, дав шпоры и пригнувшись к конской гриве, понесся напрямик по траве к спасительному лесу. Однако доскакать до леса он не успел. Двое устремились за ним в погоню, настигли его после короткой, бешеной скачки, обступили один справа, другой слева и у меня на глазах стащили с коня и швырнули наземь на колени. Он сделал попытку уползти, но куда там! Двое всадников, блистая оружием, носились вокруг. Третий, как видно не пострадав от падения, снова был в седле и уже скакал к ним. Но внезапно он резко натянул поводья, конь взвился на дыбы. Я увидел, как всадник вскинул левую руку. Должно быть, он крикнул что-то своим товарищам, потому

что они вдруг оставили свою жертву, повернули коней, и все трое помчались прочь, пластаясь галопом и увлекая за собой четвертого коня, и скрылись из виду в лесных зарослях на востоке.

В следующий миг я увидел, что их спугнуло. Со стороны города двигался еще один отряд конников. Ускакавшую троицу они не могли не видеть, но предшествовавшая их бегству схватка, должно быть, осталась ими не замеченной, потому что ехали они не спеша, рысцой. Вот они поравнялись с тем местом, где упал поверженный всадник — израненный или убитый, — но, не сбавляя шага, проехали мимо. Вскоре и они скрылись за лесом.

Конь, не находя больше хлеба, прихватил губами мою ладонь, потом резко отдернул голову, вытянул шею и прижал уши. Я взял его за узду, выдернул привязь вместе с колышком и стал спускаться к пещере.

— Здесь, — говорил я ему, шагая под гору, — стоял я в тот день, когда прискакал гонец короля и позвал меня помочь королю в его сердечных делах. Тогда моя сила была при мне; тогда мне казалось, что я держу в горсти весь мир, точно светлый маленький шарик. А ныне — что ж, быть может, ныне у меня и нет ничего, кроме этих холмов, однако кто знает, вдруг это гонец королевы лежит поверженный на дороге и в суме у него послание для меня? И потом, есть у него послание или нет, но если он жив, то нуждается в помощи. Мы же с тобой, мой друг, с избытком насладились бездельем. Пора опять за работу.

Потратив почти в два раза больше времени, чем на это употребил бы мой слуга, я в конце концов все же оседлал коня и поехал вниз. Достигнув старой военной дороги, повернул вправо и пришпорил коня.

Рядом с тем местом, где упал одинокий всадник, была опушка леса, поросшая густым кустарником, бурыми папоротниками, подлеском, из которого торчали отдельные высокие деревья. Здесь все еще стоял конский дух и пряный аромат потоптанного папоротника и вереска, но сквозь все это пробивался неистребимый запах блевотины. Я спешился, спутал коня и углубился в заросли.

Он лежал ничком, вжав голову в плечи, как полз и упал под ударами преследователей, одна рука подвернута, другая вытянута и вцепилась в кустик травы. Совсем еще юный отрок, лет пятнадцати, наверно, или чуть старше, тон-

кий в кости, но рослый. Одежда, в которой он сражался, а потом полз сквозь заросли, изодранная, вывалянная в грязи и запятнанная кровью, была добротной и богатой, на запястье поблескивал серебряный браслет, у плеча — серебряная застежка. Стало быть, ограбить они его не успели, если грабеж был целью их нападения. На поясе у него, застегнутая, висела сумка.

При моем приближении он не шевельнулся, и я решил, что он мертв или без чувств. Но когда я наклонился к нему, рука, державшаяся за кустик травы, еле заметно сжалась — как видно, он был до такой степени изранен и обессилен, что уже не способен ни к какому сопротивлению. И если бы я оказался одним из убийц, возвратившимся, чтобы его прикончить, он бы, так же не шелохнувшись, принял смерть.

Я мягко произнес:

— Не бойся, я не причиню тебе худа. Полежи еще минуту спокойно, не двигайся.

Он ничем не показал, что слышал мои слова. Я бережно наложил на него ладони, нащупывая раны и переломы. При моем прикосновении он сжался, но не издал ни звука. Я скоро убедился, что кости целы. На затылке вздулась и кровоточила большая шишка, по плечу растекался огромный синяк, но хуже всего была размозженная мякоть бедра — как я удостоверился потом, удар лошадиного копыта.

— А теперь, — сказал я ему, — перевернись на спину и выпей вот это.

Он зашевелился и, морщась от боли, при моей поддержке, медленно, с трудом перевернувшись, сел. Я обтер ему рот и приложил к его губам флягу; он жадно глотнул, закашлялся и откинулся мне на грудь, бессильно свесив голову. Я опять протянул флягу, но он отвернулся. Чувствовалось, что он из последних сил сдерживается, чтобы не закричать от боли. Я закупорил флягу и убрал.

— У меня здесь есть лошадь. Постарайся как-нибудь вскарабкаться в седло, тогда я отвезу тебя к себе и там залечу твои раны. — Он не отозвался, и тогда я добавил: — Давай-ка соберись с силами. Надо тебе убраться отсюда, пока те люди не надумали вернуться и довершить начатое.

Он встрепенулся, словно это были первые слова, дошедшие до его сознания. Рука его потянулась к поясу, нашла сумку и вдруг упала. Он весь обмяк, привалясь мне на грудь.

Это был обморок.

Тем лучше, подумал я, бережно уложил его на землю и пошел за конем. По крайней мере он не почувствует мучительных толчков поездки, и с божией помощью, прежде чем он очнется, я еще успею перевязать ему раны и уложить его в постель. Я уже нагнулся, готовясь половчее ухватиться и поднять его на спину коня, но остановился. Лицо его было покрыто грязью и кровью, сочившейся из ссадин и раны над ухом. К тому же оно было серым и осунувшимся. Волосы каштановые, веки опущены, подбородок отвис. Но все равно я узнал его. Это был Ральф, паж Игрейны. Это он в ту ночь открыл нам задний вход Тинтагела и вместе со мною и Ульфином караулил под дверью герцогской спальни, пока король получал то, чего добивался.

Нагнувшись, я поднял посланца королевы и уложил его, по счастью, бесчувственное тело поперек спины моего поджидающего коня.

4

По пути в пещеру Ральф не очнулся, только когда я уже промыл и перевязал его раны и уложил его в постель, он наконец открыл глаза. Посмотрел на меня, не узнавая.

— Ты что, не знаешь, кто я? — сказал я ему. — Я же Мерлин Амброзий. Видишь, ты благополучно доставил послание. — Я поднял нераспечатанный конверт. Но он скользнул бессмысленными, затуманенными глазами куда-то мимо и отвернул голову, поморщившись от боли в затылке. — Ну ладно, спи, — сказал я. — Ты в надежных руках.

Я посидел у его ложа, пока он снова не погрузился в сон, а потом с конвертом в руках вышел и уселся на своем привычном месте у входа, где так приятно грело солнце. Печать, как я и думал, оказалась королевина. Адресовано послание было мне. Я сломал печать и прочел, что там было написано.

Письмо было не от самой королевы, а от Марсии, бабки Ральфа и ближайшей королевиной наперсницы. Оно было кратким, но содержало все, что я хотел бы узнать. Королева и в самом деле была в тяжести, ребенок должен родиться в декабре.

Королева, по словам Марсии, радостно носит королевское дитя, но меня если и поминает, то с горечью, возла-

гая на меня вину за смерть ее мужа Горлойса. «Она молчалива, но сдается мне, втайне сокрушается духом, и, как ни велика ее любовь к королю, все же душа ее омрачена угрызениями. Дай-то бог, чтобы это не повлияло на ее чувства к младенцу. Что же до короля, то он не скрывает гнева, хотя с госпожой неизменно добр и ласков и никому не дает повода усомниться в том, что он — отец ребенка. Но, увы, на душе у меня нет спокойствия об этом младенце — я страшилась бы беды от рук короля, если б не то, что он так бережет и, конечно, не захочет огорчить свою королеву. По этой же причине, принц Мерлин, я сим письмом рекомендую тебе в слуги внука моего Ральфа. Для него тоже страшусь я беды от рук короля, и мнение мое такое, что лучше ему служить на стороне, у природного принца, нежели оставаться при короле, почитающем его службу изменою. В Корнуолле для него небезопасно. Вот почему прошу тебя, господин мой, пусть Ральф служит тебе, а после тебя — младенцу. Ибо, сдается мне, я поняла, что означали слова, сказанные тобою моей госпоже: «Я видел яркое пламя и в нем — сияющую корону и меч, на алтаре стоящий, подобно кресту».

Ральф проспал до сумерек. Я развел огонь и, приготовив мясной отвар, понес ему в глубь пещеры. Он уже лежал с открытыми глазами и смотрел на меня. Во взгляде его я прочел узнавание, но и непонятную тревогу.

— Как ты теперь себя чувствуешь?

— Недурно, господин. Я... это твоя пещера? Как я здесь очутился? Как ты нашел меня?

— Я был на вершине холма и оттуда видел, как на тебя напали. Потом твоих врагов спугнули, и они умчались, а тебя оставили. Тогда я спустился и на лошади привез тебя сюда. Стало быть, теперь ты знаешь, кто я?

— Ты отпустил бороду, но я все-таки признал тебя, господин. Разве я уже говорил с тобой? Ничего не помню. Не иначе как удар пришелся мне по голове.

— Да, так оно и было. А как сейчас твоя голова?

— Трещит. Но терпимо. Вот бок, — он поморщился, — бок болит сильнее всего.

— Это тебя конь ударил копытом. Но серьезного увечья нет, через несколько дней придешь в себя. А кто были те люди, тебе известно?

— Нет. — Он нахмурился, напрягая мысли, но видно было, что это усилие причиняет ему боль, и я сказал:

— Ладно, мы еще успеем поговорить об этом. Теперь поешь.

— Господин, со мною было послание...

— Я получил его в целости. Об этом потом.

Когда я возвратился, он уже съел похлебку с хлебом и стал больше похож на самого себя. От другой пищи он отказался, но я уговорил его выпить немного вина, и прямо на глазах в лицо ему вернулись краски. Я придвинул к его ложу табурет и сел.

— Ну как, лучше?

— Да. — Он не поднял на меня глаз. Руки его нервно теребили край одеяла. Он сглотнул и произнес: — Я... Я не успел поблагодарить тебя, господин мой.

— За что же? Что я подобрал тебя и привез сюда? Но у меня не было иного способа получить доставленные тобою вести.

Он вскинул на меня глаза, и я с удивлением убедился, что он не услышал в моих словах шутки, а принял их за чистую монету. И я понял, что означают его взгляды: он меня боится. Мне вспомнилась ночь в Тинтагеле и храбрый отрок, который сослужил такую службу королю и так самоотверженно помог мне. Но я не стал напоминать ему об этом. Я сказал:

— Ты привез мне известие, которого я ждал. Я прочел письмо твоей бабки. Ты знаешь, что там написано про королеву?

— Да.

— А про тебя самого?

— Да.

Он отвечал односложно и смотрел в сторону с хмурым видом человека, которого нечестно подловили и допрашивают, а он твердо решил, что ничего не скажет. Похоже, что в противовес планам своей бабки он вовсе не жаждет оказаться у меня в услужении. Значит, Марсия не открыла внуку, для чего он предназначается в будущем.

— Ну хорошо, пока оставим это. Но похоже, нынче утром какие-то неизвестные искали твоей погибели. Если они не простые разбойники с большой дороги, то неплохо бы знать, кто они и кто им платит. У тебя по этому поводу нет никаких предположений?

— Нет, — все так же не разжимая губ, ответил он.

— Мне это небезынтересно, — мягко пояснил я, — потому что, вполне возможно, они захотят убить и меня.

— Почему? — спросил он недоуменно и даже оживился.

— Если на тебя напали из мести за то, что ты участвовал в той тинтагельской истории, тогда следующим у них на очереди буду я. А если им нужно было письмо, которое ты мне вез, то интересно — зачем? Если же, что самое правдоподобное, это обыкновенные грабители, то они где-то здесь таятся, и надо сообщить о них солдатам в лагерь у стен города.

— А-а. Понимаю, — протянул он растерянно и немного даже виновато. — Но я сказал правду, сударь: мне неизвестно, кто они такие. Я... я и сам тут лежу и все голову ломаю. Нет никакой зацепки в памяти. Значков на них вроде бы не было... — Он страдальчески свел вместе брови. — Я ведь заметил бы, будь у них значки, правда?

— А облачение какое?

— Я... я не успел разглядеть толком. Кажется, в кожаных панцирях и подшлемниках. Без щитов, но с мечами и кинжалами.

— И кони под ними добрые, это я видел. А ты не слышал ли их речи?

— Помнится, нет. Да они и не переговаривались, так, возгласы только. Язык — британский, но из какой местности, не знаю. Я плохо разбираюсь в говорах.

— И не помнишь, ничего в них такого не было, что выдавало бы людей короля?

Я тронул близко от больного места. Он залился краской, но ответил сдержанно, ровно:

— Нет, не было. А разве это мыслимо?

— Казалось бы, нет. Но короли — странные существа, и особенно странные, когда у них совесть нечиста. Или, может быть, это были корнуэльцы?

Краска схлынула у него с лица, оно сделалось чуть ли не бледнее, мертвеннее прежнего. Глаза выразили горькую муку. Я попал в самую больную точку: вот опасение, которое его терзало.

— Ты думаешь, люди герцога?..

— В Димилиоке перед отъездом я слышал, что король намерен признать герцогом Корнуэльским молодого Кадора. А уж этот-то человек, Ральф, конечно, не питает к тебе теплых чувств. Для него не имеет значения, что ты ведь, если подумать, был слугой герцогини и выполнял ее повеления. Он полон ненависти и, наверно, жаждет мести. И его можно понять.

Такое беспристрастное рассуждение его изумило, но и заметно успокоило. И, поразмыслив, он в тон мне ответил:

— Да, пожалуй, это могли быть люди Кадора. Хотя по виду и не скажешь. А может быть, я еще вспомню что-нибудь. — Он помолчал. — Но ведь Кадор мог убить меня в Корнуолле, если бы захотел. Для чего было ехать в эдакую даль сюда? Кадор ненавидит тебя, наверно, не меньше, чем меня.

— Гораздо больше, — возразил я. — Но меня ему не надо выслеживать. Он знает, где меня найти: весь мир это знает. Да он бы и не откладывал так долго.

Ральф озадаченно захлопал глазами. Потом, как видно, нашел для себя объяснение моему бесстрашию:

— Сюда, должно быть, за тобой никто не отважится последовать, побоятся твоего колдовства?

— Что ж, неплохо, если так, — не стал я с ним спорить. Зачем ему знать, как ненадежна моя крепость? — Ну а теперь довольно. Отдыхай. И утром увидишь, что стал чувствовать себя гораздо лучше. Заснуть сможешь? Или больно тебе?

— Да нет, — ответил он, кривя душой. Боль — это слабость, в которой он не хотел признаваться.

Я наклонился над ним и нащупал в запястье отзвуки ударов его сердца. Они были сильные и ровные. Я отпустил его руку и кивнул:

— Ничего, будешь жив. Кликни меня ночью, если понадоблюсь. Покойной ночи.

Но наутро Ральф так и не вспомнил ничего нового про тех, кто на него напал, и что это были за люди, оставалось неясным. Обсудить с ним письмо Марсии я тоже не спешил. Но вот однажды вечером, убедившись, что он достаточно окреп, я подозвал его. Весь день лило, и вечер наступил такой промозглый, что я развел огонь и уселся к теплу ужинать.

— Ральф, принеси сюда свою чашку, поедим вместе у огня. Я хочу поговорить с тобой.

Он послушно приблизился. Он как-то умудрился привести в порядок одежду, синяки и ссадины поджили, и теперь это опять был прежний отрок Ральф, только прихрамывающий: рана на бедре еще не закрылась — и молчаливый, и выражение лица немного настороженное. Он приковылял к огню и уселся, где я показал.

— Ты говоришь, тебе известно, о чем еще писала мне твоя бабка, кроме здоровья королевы?

— Да, известно.

— Значит, ты знаешь, что она прислала тебя ко мне в услужение, опасаясь для тебя королевской немилости? А сам король давал тебе повод страшиться его?

Он слегка покачал головой. Но в глаза мне не посмотрел.

— Страшиться его? Да нет. Но когда пришла тревожная весть, что саксы высадились на южном побережье, и я попросился в поход с его отрядом, он меня не взял. — Обида и негодование звучали в его голосе. — Хотя взял всех до единого корнуэльских воинов, которые сражались против него под Димилиоком. А вот меня, который ему помогал, — нет.

Он отвернулся. Я видел опущенную голову, пылающую щеку. Вот, оказывается, в чем дело. Вот почему он обижен и сердит и так настороженно держится. И неудивительно, ведь он знал только одно: сослужив службу мне и королю, он за это лишился места при королеве и, хуже того, навлек на себя гнев герцога Корнуэльского, был опорочен как его подданный, изгнан из родных мест и определен в услужение там, где это ниже его достоинства.

Я сказал:

— Твоя бабка пишет мне только, что, по ее мнению, тебе будет лучше поискать себе дело за пределами Корнуолла. Оставим это пока: все равно ты не можешь заняться поисками, пока у тебя не зажила нога. Но скажи мне, король говорил с тобой хоть раз о той ночи, когда был убит Горлойс?

Долгое молчание, я уж думал, он не ответит. Наконец он произнес:

— Да́, один раз. Сказал, что я верно послужил ему, и поблагодарил. Спросил, не хочу ли награды. Я ответил, что нет, я довольно вознагражден тем, что сослужил ему службу. А ему не понравилось. Он, должно быть, хотел дать мне денег, расплатиться и забыть. Он сказал, что больше я не могу служить ни ему, ни королеве. Что ради него я предал моего господина — герцога, а кто предал одного господина, может предать и другого.

— Ну? — спросил я. — Это все?

— Все? — Он так весь и вскинулся, пораженный, негодующий. — Это все?! Когда тебя так оскорбляют? К тому же это ложь, и ты знаешь, что ложь! Я служил госпоже, а не герцогу Горлойсу! И вовсе я герцога не предал!

— Да, конечно. Это оскорбление. Но нельзя ждать справедливости от короля, когда он сам чувствует себя

Иудой. Ему нужны чужие плечи, чтобы переложить на них свое предательство, вот и пошли в ход твои и мои. Но едва ли тебе от него что-нибудь угрожало. Даже горячо любящая бабка не может назвать это угрозой.

— А кто говорит об угрозах? — вспылил Ральф. — Я уехал не потому, что боялся каких-то угроз! Надо было доставить тебе послание, а это, ты сам видел, было дело далеко не безопасное!

Такая несдержанность, неуместная для слуги, втайне позабавила меня. Но вслух я миролюбиво сказал:

— Не ерошь передо мной перышки, петушок. Никто не ставит под сомнение твою храбрость. Даже король, уверяю тебя. Расскажи-ка мне лучше про саксов. Где они высадились? Что там было? Я уже больше месяца не имею вестей с юга.

И Ральф, помолчав, ответил мне со всей надлежащей почтительностью:

— Это было в мае. Они высадились южнее Виндокладии. Там такой глубокий залив, не помню, как по-настоящему называется. Его все зовут Гончарный. Эти места за пределами их союзных владений, в Думнонии, то есть они нарушили союзное соглашение, которое сами же заключили. Ну, да это ты без меня знаешь.

Я кивнул. Я пишу о давно прошедших временах Утерова правления, а ведь теперь мало кто даже и помнит, что такое — союзные саксы. Первые союзные саксы были Хенгист и Хорза с войском, которых за плату нанял король Вортигерн, чтобы они помогли ему отстоять не по закону присвоенный престол. Когда война закончилась и законные принцы, Амброзий и Утер, бежали в Бретань, узурпатор Вортигерн хотел было отослать обратно своих саксонских наемников, но они отказались уехать и потребовали себе землю, на которой они могли бы поселиться, а Вортигерну обещали за это союзническую поддержку. Вортигерн, отчасти из робости, не смея им отказать, а отчасти в предвидении, что они ему понадобятся, пожаловал им земли на южном побережье, от Рутупий до Виндокладии. Эта область называлась Саксонский берег еще в римские времена, потому что все корабли саксов обычно приставали здесь; но в годы, когда правил Утер, это название приобрело более грозный и более точный смысл: в хорошую погоду с лондонских стен можно было разглядеть дымы саксонских селений.

Надежно закрепившись на Саксонском берегу и в таких же местах на северо-восточном побережье, они начали оттуда новые набеги. Королем тогда был мой отец. Он убил Хенгиста и его брата и отогнал захватчиков обратно, одних — на дикие земли за валом Адриана, других — в прежние пределы, и снова — на этот раз силой оружия — принудил их к соглашению. Но с саксами сговариваться — все равно что на воде писать: Амброзий, не доверяя их доброй воле, возвел вал, чтобы защитить богатые земли, по условной границе с Саксонским берегом. Вплоть до его смерти соглашение — или вал — удерживали их, и в начале царствования Утера они тоже не участвовали явно в набегах Хенгистова сына Окты и сородича его Эозы, но соседи они были беспокойные: здесь приставали все новые и новые германские корабли, и постепенно пришельцы густо населили Саксонский берег и все прибывали и прибывали, так что уже и вал Амброзия перестал быть надежной защитой. И по всему восточному побережью высаживались непрошеные гости из-за Немецкого моря, одни жгли, грабили и уплывали обратно, другие жгли, грабили и оставались тут жить, откупая или вымогая себе новые земли у местных властителей.

Вот такой набег и описывал мне теперь Ральф.

— Ну, союзные саксы, понятно, нарушили соглашение. В Гончарном заливе, много западнее их законных пределов, высадилось новое войско — целых три десятка кораблей, — и они приняли их с распростертыми объятиями и вывели им на подмогу свои рати. Вместе закрепились в устье реки и стали подниматься вверх по течению к Виндокладии. Стоит им добраться до горы Бадон, и я думаю... что это?

Он оборвал рассказ на полуслове, глядя мне в лицо с недоумением и легкой примесью страха.

— Да ничего, — ответил я. — Просто мне почудился какой-то шум снаружи, но это только ветер.

— Ты сейчас вдруг стал таким же, как в ту ночь в Тинтагеле, — медленно проговорил он, — когда объяснял, что воздух полон чар. Глаза сделались такие странные, черные и с поволокой, словно ты видишь что-то вон там, за очагом. — Он замялся и спросил: — Вещий знак, да?

— Нет. Ничего я не видел. Слышал только словно бы лошадиный скок. Это дикие гуси над нами пролетали. Был бы вещий знак, он бы еще раз повторился. Рассказывай дальше. Ты говорил о горе Бадон.

— Дело в том, что неведомо для саксов король Утер как раз оказался в Корнуолле со всем своим войском, с каким воевал против герцога Горлойса. Он поднял легионы, призвал на помощь корнуэльцев и двинулся отгонять саксов обратно. — Ральф помолчал, сердито поджав губы, потом договорил, понурясь: — Кадор выступил с ним заодно.

— Вот оно что, — задумчиво сказал я. — А ты не знаешь, на чем они поладили?

— Я только слышал, будто Кадор говорил, раз он один не в силах оборонить свою Думнонию, то пусть хоть сам черт ему предложит союз, он согласен, лишь бы прогнать саксов.

— Разумный юноша.

Но Ральф в пылу своих обид ничего не слушал.

— Он даже не заключил мира с Утером...

— Ну еще бы.

— ...а прямо выступил с ним вместе! А меня не взяли. Я ходил и к королю, и к госпоже, просил, умолял — не берет!

— Ну что ж, — повторил я рассудительно, — его можно понять.

Тут Ральф словно опомнился, посмотрел на меня, готовый вспыхнуть новой обидой.

— То есть как это? Если ты тоже считаешь меня предателем...

— Вы с Кадором однолетки, верно? Докажи же, что ты не глупее его. Подумай хорошенько. Раз Кадору предстоит сражаться рядом с королем, значит, король не может взять в это дело и тебя. Ведь если для Утера ты просто живой укор совести, то в глазах Кадора ты — один из виновников гибели его отца. Подумай сам, разве он потерпел бы тебя при короле, как ни велика его нужда в королевских легионах? Ну, видишь теперь, почему тебя не взяли в поход и тайно отправили на север, ко мне?

Он молчал. Я сказал ему ласково:

— Что сделано, то сделано, Ральф. Только дитя ждет от жизни справедливости; мужчина же принимает не ропща все, чем оборачиваются его поступки. Это теперь от нас обоих и требуется, поверь мне. Забудь о том, что было, и принимай, что пошлют боги. Пусть тебе и пришлось оставить двор и даже покинуть Корнуолл, жизнь твоя от этого еще не кончена.

Он молчал. Безмолвие затянулось. Наконец он встал, подобрал свою и мою пустые чашки.

— Понимаю, — проговорил он. — И раз мне пока делать больше нечего, я готов остаться здесь и услужать тебе. Но не потому, что я боялся короля, и не потому, что моя бабка хочет убрать меня подальше с глаз герцога Кадора. А потому, что я сам так решил. И к тому же, — он сглотнул, — я в долгу перед тобой.

В тоне его не слышалось ни благодарности, ни умиротворения. Он стоял как солдат, закинув голову и прижимая к груди обе чашки.

— Ну что ж, начни выплачивать свой долг с того, что вымой эти чашки, — миролюбиво сказал я и взялся за книгу.

Он еще помедлил минуту, но я не поднимал головы. И, не сказав больше ни слова, он вышел из пещеры набрать воды в источнике.

5

На молодых все заживает быстро, и через несколько дней Ральф уже хозяйничал вовсю, отказавшись от дальнейшего лечения. Только рана на бедре еще недели две причиняла ему страдания и заставляла прихрамывать.

«Сам решив» остаться у меня, Ральф в действительности не имел другого выбора: хромота и отсутствие лошади лишали его возможности покинуть пещеру. Но служил он мне хорошо, смирив обиду, которую, наверно, еще сохранил против меня, и недовольство новым своим положением. Он по-прежнему был неразговорчив, но меня это нисколько не смущало. Я спокойно занимался своими делами, и Ральф постепенно приспособился ко мне, так что мы с ним зажили душа в душу. Может быть, он и презирал про себя мое пещерное жилище и наш простой обиход, но видом своим и поведением неизменно подчеркивал, что он — паж и состоит в услужении у принца.

Я постепенно освобождался от тягостных ежедневных обязанностей, с которыми почти успел уже свыкнуться, и теперь на досуге опять мог читать, собирать травы и даже заняться музыкой. Странно было поначалу лежать ночью без сна и слышать с другого конца пещеры ровное дыхание спящего отрока; но потом я заметил, что лучше сплю, кошмары

стали проходить, ко мне возвращалось здоровье и душевный покой; и, хотя сила моя все еще не давала себя знать, я теперь верил, что она ко мне вернется.

Что же до Ральфа, то он хоть и досадовал на свое изгнание — ведь он не предвидел ему конца, — однако со мной был неизменно любезен, а потом постепенно и смирился со ссылкой и то ли изжил, то ли научился прятать за внешним довольством прежнюю досаду.

Проходили недели, нивы в долинах золотились, ожидая жатвы, когда наконец прибыла новая весть из Тинтагела. Однажды августовским вечером, в сумерках, шпоря коня, прискакал вестник. Ральфа со мной в это время не было: я отослал его к пастуху Аббе, который все лето жил в хижине за холмом, — его простачок сын по имени Бан повредил себе ногу, я лечил его, и рана хорошо заживала, но еще нужны были мази и промывания.

Я вышел навстречу всаднику. Он уже спешился под скалой и вскарабкался на уступ перед входом в пещеру. Был он молод, щеголеват и румян и коня не взмылил. Я понял, что весть, с которой он послан, — не срочная и что ехал он не спеша. Увидев меня, он единым взглядом охватил и старый, изодранный плащ, и изношенный балахон, но сдернул с головы шапку и опустился на одно колено. Кому предназначался этот поклон: магу или королевскому сыну? — подумал я.

— Господин мой Мерлин.

— Добро тебе пожаловать. Из Тинтагела?

— Да, сударь. От королевы. — Вскинул на меня глаза. — Я прибыл тайно. Без ведома короля.

— Я так и понял. Не то бы у тебя был королевский значок. Встань же. Трава сырая. Ты ужинал?

Он посмотрел недоуменно. Не так встречают гонцов особы королевской крови.

— Да нет, сударь, но я заказал себе ужин в деревенской харчевне.

— В таком случае не буду тебя задерживать. Там тебя, бесспорно, накормят лучше, чем здесь. С какой же ты вестью? Или ты привез мне письмо от королевы?

— Нет, господин, не привез, а просто на словах должен передать, что королева желает тебя видеть.

— Немедленно? — встревожился я. — Не случилось ли худа с нею или с младенцем, которого она носит?

— Ничего не случилось. Лекари и женщины говорят, что все хорошо. Но только... — он потупил взгляд, — у нее, как видно, что-то на сердце, о чем ей нужно с тобой побеседовать. Она велела сказать: как только сможешь.

— Понимаю. — И я спросил таким же старательно безразличным, как у него, тоном: — А где сейчас король?

— Король намерен покинуть Тинтагел во вторую неделю сентября.

— Ага. Вот я как раз после этого и смогу быть у королевы.

Подобная прямота даже испугала его. Он снова вскинул на меня глаза и тотчас потупился.

— Королева будет рада принять тебя в названное тобою время. Она повелела мне все подготовить. Ты понимаешь, что открыто явиться в замок Тинтагел для тебя невозможно. — И тут же, в порыве откровенности: — Ведь в Корнуолле сейчас все от мала до велика против тебя. Тебе лучше будет изменить обличье.

— Что до этого, — ответил я и погладил бороду, — то, как видишь, я уже и так почти неузнаваем. Не тревожься, приятель, я все понимаю. Я буду осмотрителен. Но тебе придется еще кое-что мне объяснить. Она ни словом не обмолвилась, зачем я ей нужен?

— Ни словом, сударь.

— И ты ничего не слышал? Женщины ни о чем таком не шептались?

Он покачал головой, потом, прочтя недоверие на моем лице, добавил:

— Сударь, нужда королевы срочная. Она ничего не сказала, но, должно быть, речь идет о младенце. О чем же еще?

— В таком случае я приеду. — Он как будто изумился и поспешил опустить глаза. Я резко добавил: — А чего ты ожидал? Я не слуга королеве. И королю не слуга. Так что нечего и пугаться.

— Чей же ты слуга?

— Свой и божий. Но ты можешь возвратиться к королеве и передать, что я у нее буду. Какие приготовления ты сделал?

Он с облегчением пустился излагать привычные подробности:

— В пяти милях от Тинтагела у брода через реку Кэмел стоит небольшая харчевня. Ее хозяина зовут Кау. Сам он корнуэлец, но жена его, Маэва, была раньше в услужении у королевы, и он не выдаст. Смело обращайся к ним,

они тебя будут ждать. Оттуда с одним из сыновей Маэвы ты сможешь послать королеве весть о своем прибытии — до того, как королева призовет тебя, тебе лучше к замку не приближаться. Теперь как ты будешь добираться. Погода в сентябре, как правило, стоит еще хорошая, море обычно спокойно, так что, если...

— Если ты намерен убеждать меня, что морем добираться мне будет удобнее, то не трудись понапрасну, — прервал его я. — Разве ты не слышал, что волшебники не могут плавать по морю? Не любят, во всяком случае. Да меня бы укачало даже на переправе через Северн. Нет, я поеду по суше.

— Но большая дорога по суше идет мимо лагеря под Каэрлеоном. Тебя узнают. А мост у Глевума охраняют люди короля.

— Хорошо. Я переправлюсь через реку ниже, кратчайшим путем. — Я знал, что он прав. Ехать по большой дороге через Каэрлеон, а потом по Глевумскому мосту значило не только подвергать себя опасности быть узнанным воинами Утера, но притом еще добавляло несколько лишних дней пути. — Я буду держаться в стороне от военной дороги. Есть отличная тропа, которая идет над берегом через Нидум; я поеду по ней, если в моем распоряжении будет лодка для переправы в устье Эли.

— Хорошо, сударь.

И мы условились, что я перееду на лодке от Эли до устья Укселлы в земле думниониев и оттуда тропами буду пробираться на юго-запад, не выезжая на дороги, где есть опасность встретиться с ратниками короля или герцога Кадора.

— А знаешь ли ты путь? — спросил он меня. — Конечно, ближе к Тинтагелу Ральф сможет быть твоим проводником.

— Ральфа со мной не будет. Но я найду дорогу. Я уже бывал в тех краях. Да и спросить язык не отвалится.

— Я могу устроить конные подставы...

— Лучше не надо. Мы ведь условились, что я буду продвигаться скрытно, чтобы никто меня не узнал. Я приму вид странствующего глазного лекаря, этот способ уже был мною испробован. А лекарь — не такая фигура, чтобы его ждали свежие подставы по всему пути. Ты не бойся, я останусь невредим и буду на месте, когда королева пожелает меня видеть.

Этим он удовлетворился и побыл со мною еще некоторое время, отвечая на мои вопросы и пересказывая последние новости. Краткий карательный поход короля против наглых грабителей побережья окончился успешно, за-

хватчики были отогнаны обратно в пределы союзных западных саксов. На юге наступила передышка. Но с севера приходили вести о трудных схватках с англами, переплывшими море и высадившимися в устье реки Алаунуса, что в стране вотадинов. Мы в Южном Уэльсе зовем этот край Манау Гуотодин. Оттуда столетие назад прибыл к нам великий король Кунедда, приглашенный императором Максимом, дабы изгнать из Северного Уэльса ирландцев и поселиться на их землях союзником имперских орлов. Кунедда и его соратники и стали первыми нашими федератами. Ирландцев они изгнали и навсегда осели в Северном Уэльсе, который на своем наречии назвали Гвинедд. Там и сейчас правил потомок Кунедды король Маэлгон, твердый властитель и искусный воин, каким и должен быть вождь, ведущий народ свой по пути великого Магнуса Максимуса.

Другой потомок Кунедды оставался править над вотадинами — молодой король Лот, воитель столь же искусный и бесстрашный, как и Маэлгон, его замок стоял недалеко от моря к югу от Каэр Эйдина, в самом сердце его королевства Лотиана. Вот он и отбивал теперь набеги англов. Возглавлять защиту северных и восточных берегов поручил ему еще Амброзий, который надеялся, что в союзе с ним властители севера: Гвалог Элметский, Уриен Горский, вассалы Стрэтклайда, король Коэль Регедский — станут надежной стеной. Однако Лот, по слухам, оказался драчлив и заносчив, Стрэтклайд наплодил уже девять сыновей и, пока они дрались между собой, точно молодые самцы-тюлени, каждый — за свой клочок земли, преспокойно продолжал плодить новых. Уриен Горский взял в жены Лотову сестру и стоял бы крепко, да слишком уж зависел от Лота. Самым сильным из них всех, как и во времена моего отца, оставался Коэль Регедский: он легкой рукой правил своими вассалами, но выводил их дружно на битву, как только возникала угроза верховному королевству.

И вот теперь, рассказал мне гонец королевы, король Регедский, а с ним Эктор Галавский и Бан Бенойкский объединились с Лотом и Уриеном и решили вместе избавить север от бедствий. Пока что им сопутствовала удача. Известия эти обнадеживали. Жатва повсюду в тот год была обильной, и можно было не опасаться, что голод опять пригонит грабителей-саксов к нашим берегам, пока зима не перекрыла морские пути. На какое-то время нас ожидал мир — Утер как раз успеет успокоить брожение в Корнуолле после своей ссоры с

герцогом Горлойсом и новой женитьбы, подтвердить союзнические договоры, заключенные Амброзием, и укрепить линии обороны.

Наконец посланец королевы простился со мной. Я не стал писать писем, только просил сказать бабке Ральфа, что внук ее благополучен и кланяется, да передать поклон королеве и благодарить за деньги, присланные мне с гонцом на дорогу. И молодой человек весело ускакал вниз по оврагу, торопясь в харчевню, где его ждали вкусный ужин и веселое общество. Мне же теперь предстоял разговор с Ральфом.

Разговор этот оказался еще труднее, чем я ожидал. Услышав о прибытии гонца, Ральф просиял, рванулся было повидаться с ним и очень расстроился, когда узнал, что гонец уже отбыл. От бабкиных приветов и наказов едва ли не отмахнулся с досадой, зато засыпал меня вопросами про боевые действия к югу от Виндокладии и с жадностью выслушал все, что я мог рассказать ему об этом и об остальном, что происходило на свете, — сразу видно было, как тяготит его в глубине души вынужденное бездействие среди холмов Маридунума. А когда я дошел в своем рассказе до королевина призыва, он весь загорелся — таким оживленным я его еще ни разу здесь не видел.

— Когда мы выезжаем?

— Я ведь не сказал, что мы выезжаем. Я поеду один.

— Один? — Можно было подумать, что я его ударил. Под нежную кожу прилила кровь, подбородок отвис, глаза вытаращились. Наконец он выговорил приглушенным голосом: — Не может быть. Ты не уедешь без меня.

— Это не самодурство, поверь мне. Я бы хотел взять тебя с собой, но ты сам должен понять, что это невозможно.

— Но почему? Ты же знаешь: здесь никто ничего не тронет, и потом, раньше-то ты оставлял все без присмотра. А в пути я тебе понадоблюсь. Как можно, чтобы ты путешествовал один?

— Мой милый Ральф. Мне уже случалось путешествовать в одиночку.

— Пусть так. Но ты не станешь отрицать, что я был тебе все это время хорошим слугой, отчего же тебе не взять меня? Выходит, сам ты вернешься в Тинтагел, в гущу важных событий, а меня оставишь здесь? Предупреждаю тебя... — Он набрал в грудь воздуху и сверкнул глазами, от всей его нарочитой учтивости не осталось и следа. — Предуп-

реждаю, господин, если ты уедешь без меня, то клянусь, не найдешь меня здесь, когда возвратишься.

Я встретил его взгляд и выждал, покуда он не потупился снова, а тогда мягко сказал:

— Ну подумай сам, мальчик. Неужели ты не понимаешь, отчего мне невозможно взять тебя с собой? С тех пор как ты оставил Корнуолл, там мало что изменилось. Ты отлично знаешь, что будет, если тебя узнает кто-нибудь из людей Кадора. А ведь в окрестностях Тинтагела твое лицо знакомо каждому. Слух о твоем возвращении пройдет повсюду.

— Знаю. Ну и что? Значит, ты все-таки думаешь, что я боюсь Кадора? Или короля?

— Нет, не думаю. Но просто глупо лезть на рожон, когда нету к тому нужды. Гонец, во всяком случае, говорил, что там опасно.

— А как же ты тогда? Ведь и тебе там опасно?

— Возможно. Я отправляюсь в путь, изменив обличье. Ты думал, я зачем отпускал все это время бороду?

— Не знаю. Я об этом не задумывался. Ты что же, знал, что королева тебя позовет?

— Что она пришлет за мною, этого я, признаюсь, не ожидал. Но я знал, что к Рождеству, когда родится ее дитя, я должен быть там.

Он поглядел на меня недоуменно:

— Зачем?

Мгновение я молча смотрел на него. Рисуясь темным силуэтом на фоне заката в отверстии пещеры, он как вернулся от пастуха за холмом, так и стоял, держа в руке корзинку, в которой носил мази. Теперь в ней лежал сверток в чистой льняной тряпице. Жена пастуха, жившая в соседней долине, каждую неделю присылала мужу хлеб, и Абба отправлял часть его мне. Я видел, как побелели пальцы Ральфа, сжимавшие ручку корзины. Он весь напрягся от ярости, как боевой пес перед схваткой. В этом явно было что-то большее, чем простая тоска по дому или обида из-за недоступного приключения.

— Поставь-ка, сделай милость, корзинку, — сказал я ему, — и подойди сюда. Вот так-то лучше. Садись. Настало время нам с тобой потолковать. Когда я принял тебя к себе в услужение, то сделал это не затем, чтобы было кому чистить мне посуду и приносить краюшки в дни, когда жена Аббы печет хлеб. Хотя сам я вполне доволен здешней жизнью, но легко могу понять, что тебе она не по вкусу и долго ты не вытерпишь. Мы с

тобой выжидаем, Ральф, только и всего. Скрылись здесь оба от опасностей, залечили свои раны, и теперь нам ничего иного не остается, как ждать.

— Чего? Королевиных родин? Но зачем?

— Затем, что сын королевы, едва только увидев свет, будет перепоручен моей заботе.

Он помолчал, что-то прикидывая, потом растерянно спросил:

— И моя бабка об этом знает?

— Я думаю, догадывается, что будущее младенца связано со мной. Когда я тогда в Тинтагеле говорил последний раз с королем, он сказал, что не признает младенца, если королева родит после той ночи. Верно, потому-то королева и послала за мной.

— Но... не признать собственного первородного сына? Он что же, отошлет его от своего двора? А королева, она неужто согласится? И потому младенец... зачем они станут отдавать его тебе? Разве ты сможешь его выпестовать? Да и откуда ты знаешь, что родится мальчик?

— Знаю, Ральф, потому что в ту ночь в Тинтагеле мне было видение. После того как ты впустил нас через задние ворота и король уже был с Игрейной, Ульфин стоял на страже у их двери, а ты играл в кости с привратником. Помнишь?

— Еще бы мне не помнить! Я не мог дождаться, когда она кончится, та ночь.

Я не стал объяснять ему, что она так до сих пор и не кончилась.

— И мне тоже было тягостно ожидание в помещении для стражи. И вот тогда-то я понял — получил объяснение, — зачем бог потребовал от меня поступить так, как я поступил. И мне был дан верный знак, что пророчества мои сбудутся. Я услышал шаги на лестнице и вышел на площадку. Сверху по ступеням ко мне спускалась Марсия, твоя бабка, неся на руках запеленутое дитя. Стоял март, но я ощутил стужу, как в разгар зимы, и, различив сквозь тело Марсии каменные ступени, понял, что это видение. Она передала дитя мне на руки и сказала: «Позаботься о нем». По лицу ее струились слезы. Потом она исчезла, исчез и младенец, а с ним ушла и зимняя стужа. То была правдивая картина, Ральф. К Рождеству я буду там, и Марсия передаст мне на руки королевина сына.

Ральф долго молчал, как видно устрашенный моим видением. Потом он спросил деловито:

— А я? Какая роль предназначена мне? Об этом и пеклась моя бабка, когда отсылала меня к тебе в услужение?

— Да. Она не видела для тебя будущего при короле. И потому позаботилась, чтобы ты был при его сыне.

— При младенце? — переспросил он недоверчиво и хмуро. Он вовсе не почувствовал себя польщенным. — То есть, если король его не признает, воспитывать его придется тебе? Я понимаю, почему это так заботит мою бабку, понимаю даже и твою заботу. Но при чем тут я, зачем она меня втянула, не могу уразуметь. Вот так будущее для меня — нянчить королевского пащенка, которого отец не желает узаконить!

— Не королевского пащенка, — возразил я. — Короля.

Стало тихо, только потрескивало пламя в очаге. Я произнес это слово без нажима, но с полной убежденностью. Он смотрел на меня, потрясенный, забыв закрыть рот.

— Ральф, — сказал я, — ты прибыл ко мне во гневе и оставался при мне по долгу, но служил мне со всей преданностью и усердием, на какие способен. Тебя не было в моем видении, и я не знаю, по божьему ли произволению явился ты сюда и получил раны, тебя здесь задержавшие; мои боги молчат с тех пор, как пал герцог Горлойс. Знаю я только после этих прожитых вместе с тобою недель, что изо всех людей на свете я своим помощником охотнее всего избрал бы тебя. И понадобится от тебя не та служба, что теперь: с приходом зимы мне нужен станет не слуга, но воин, муж бесстрашный и преданный, и даже не мне, и не королеве, а будущему верховному королю.

— Я не знал... я... я думал... — побледнев, забормотал Ральф.

— Ты думал, что оказался в изгнании? Мы оба с тобой в некотором смысле изгнанники. Я же сказал тебе, что сейчас для нас — пора ожидания. — Я опустил глаза и поглядел на свои ладони. Снаружи быстро темнело; солнце закатилось, и приближалась ночь. — Что там впереди, не могу сказать точно, знаю только, что опасности, потери и измены и в конце концов — немного славы.

Он сидел молча, недвижно, покуда я не стряхнул с себя задумчивость и не сказал ему с улыбкой:

— Теперь ты веришь, что я не сомневаюсь в твоей храбрости?

— Верю. Я сожалею, что говорил так. Я не понимал. — Он нерешительно прикусил губу, но потом все же отважился и спросил: — Господин, ты в самом деле не знаешь, зачем послала за тобой королева?

— В самом деле не знаю.

Он подался ко мне, упершись ладонями в колени.

— Но, зная, что видение твое было истинным, веришь, что съездишь в Корнуолл и вернешься невредимым?

— Пожалуй, что так.

— Но если пророчество твое должно, как всегда, сбыться и твое путешествие — пройти благополучно, может быть, и надо для этого, чтобы я поехал с тобой.

Я рассмеялся:

— Воину, я думаю, так и следует — не признавать себя побежденным. Но ведь ты понимаешь, взяв с собой тебя, я только удвою опасность. Про себя я костями чувствую, что опасности избегну, но отсюда не следует, что и тебе нечего опасаться.

— Раз ты можешь изменить обличье, значит, и я тоже могу. Пусть даже нам придется нищенствовать в пути и спать в канавах, все равно... что бы ни грозило... — Он сглотнул. Голос его вдруг зазвучал жалобно и совсем по-детски. — Ну пусть даже я и подвергнусь опасности. Что из того? Ты-то останешься невредим, ведь ты сам сказал? От того, что ты возьмешь с собою меня, тебе хуже не будет, а остальное не имеет значения. Позволь же мне поехать на свой страх и риск. Ну пожалуйста!..

Он смолк, и снова стало слышно, как потрескивает огонь. Было время, не без горечи подумал я, когда мне стоило только посидеть, глядя в пламя, и верные ответы приходили сами. Доедет ли Ральф благополучно? Или же еще одна смерть ляжет на мою совесть? Но в свете очага я видел только мальчика, который стремится обрести мужество. Утер отказал ему в этом; неужто и я должен поступить с ним так же?

Наконец я тяжело вздохнул и проговорил:

— Когда-то я говорил тебе, что мужчина должен уметь отвечать за свои поступки. По-видимому, я не вправе удерживать тебя. Ну что ж. Хорошо. Можешь ехать... Нет, не благодари. Ты еще проклянешь меня, прежде чем завершится наше путешествие. Оно будет далеко не из приятных, и тебе придется исполнять работу совсем не в твоем вкусе.

— К этому я привык, — засмеялся он, вскакивая на ноги. Он весь сиял воодушевлением, к нему вернулась прежняя резвость. — Но может быть, ты намерен обучить меня магии?

— Нет, не намерен. А вот медицине тебе — хочешь не хочешь — придется немного поучиться. Я буду стран-

ствующим глазным врачом; это ремесло лучше всякого пропуска, и им всегда можно будет заработать на стол и кров, не пуская в ход золота королевы и не возбуждая тем лишнего любопытства. Вот тебе и придется стать моим помощником, научиться смешивать целебные мази.

— Придется так придется. Только не завидую я твоим больным, я ведь одну траву от другой не отличу в жизни!

— Ничего, к сбору трав я тебя близко не подпущу. Это ты предоставь мне. А твоя обязанность будет готовить лекарства.

— И если кто-нибудь из людей Кадора нас ненароком признает, полечим его моим лекарством, и дело с концом, — ликующе заключил он. — Другой магии и не надо: искусный помощник глазного лекаря в два счета ослепит врага.

6

До харчевни у брода через Кэмел мы добрались в середине сентября.

Долина реки Кэмел извилиста, склоны ее круты и поросли лесом. В последний день пути мы ехали по тропе, которая тянулась у самой воды. Деревья стояли плотной стеной, тропу густо покрыли мхи и ярко-зеленые плауны, и мы двигались бесшумно, как тени. Рядом бежала река, прокладывая себе путь по темным лоснящимся гранитным глыбам. Осень уже тронула ветви дубов и буков вокруг и над головой; под копытами коней в палой листве то и дело похрустывали раздавленные желуди. Зрели орехи, плакучие ивы полоскали золотые косы в речных заводях; и солнечные лучи, прорываясь сквозь древесную чащу, повсюду натыкались на осенние паучьи тенета, провисшие под тяжестью рос, и зажигали в них разноцветные искры.

Наше путешествие протекало гладко. Оставив за спиной Северн, а с ним и опасность быть узнанными первым же встречным, мы поехали не спеша, с передышками. Погода, как это часто бывает в сентябре, стояла теплая, солнечная, но в воздухе чувствовался холодок, от которого верховая езда становится особенно приятной. Ральф всю дорогу был весел, как птица, нисколько не тяготясь ни бедной одеждой и крестьянской лошадью (купленной на королевины деньги),

ни тем, что должен был готовить промывания и мази, которыми мы зарабатывали себе в пути хлеб и ночлег. За все время мы только один раз имели дело с людьми короля. Это было за Геркулесовым мысом. Там в старой римской крепости Утер держал гарнизон, и мы по чистой случайности прямо нос к носу столкнулись с дозорным отрядом, возвращавшимся к себе в лагерь по той же тропе, какой ехали мы. Нас доставили в лагерь и допросили, но, по-видимому, то была лишь пустая формальность — в правдивости моих ответов не усомнились, мельком осмотрели нашу поклажу и отпустили подобру-поздорову, наполнив нам фляги королевским вином. Да еще один солдат, сменившись с караула, нагнал меня за лагерной оградой и купил глазной мази на медный грош.

Бдительность этого гарнизона меня заинтересовала, мне захотелось подробнее узнать о событиях на севере, но с этим пришлось потерпеть. Расспрашивать солдат значило привлечь к себе нежелательное любопытство. Ну что ж, узнаю позже, от самой королевы.

— Ты никого знакомого не заметил? — спросил я Ральфа, когда мы выехали за ворота лагеря и затрусили рысцой через болотистую равнину.

— Нет. А ты?

— Их командира я встречал когда-то, тому уже несколько лет. Его зовут Приск. Но он как будто бы меня не узнал.

— Я бы и сам тебя не узнал нипочем, — сказал Ральф. — И не только из-за бороды. У тебя и походка, и голос — все изменилось. Как в ту ночь в Тинтагеле, когда ты принял обличье начальника герцогской стражи. Я знал его сколько себя помню и мог бы поклясться, что это он и есть. Не диво, что люди толкуют про волшебство. Я тоже думал, ты навел на нас чары.

— Все гораздо проще, — объяснил я. — Если при тебе товар или ремесло, люди только на это и обращают внимание, а к тебе не приглядываются.

Я и вправду не слишком-то постарался изменить свой облик. Купил только новый коричневый плащ с капюшоном, скрывающим лицо. По-кельтски я говорил с бретонским выговором, это наречие очень близко корнуэльскому и понятно местным жителям. Только и всего. Вместе же с длинной бородой и скромной рабочей повадкой это делало меня неузнаваемым для всякого, кроме самых близких. Я ни за что на свете не расстался бы с фибулой, подаренной мне от-

цом, на ней был королевский знак — красный дракон на золотом поле, но я приколол ее к плащу изнутри и пригрозил Ральфу всеми проклятиями Девяти Книг черной магии, если он даже с глазу на глаз хоть раз, обмолвясь, назовет меня «господином».

В Кэмелфорд мы приехали под вечер. Харчевня помещалась в низеньком каменном строении, поставленном там, где большая дорога сворачивала к броду, на самом крутояре, куда не достигало половодье. Мы с Ральфом подъехали к харчевне тропой, по задам. Домик показался нам приветливым, чистым. Кто-то позаботился выкрасить стены густой охрой — цвет здешних плодородных красноземов. По выметенному двору бродили раскормленные куры и рылись у подножия аккуратных стожков сена. В тени осыпанного ягодами тутового дерева дремал цепной пес. К стене хлева прислонилась ровно уложенная поленница, а мусорная куча отстояла от кухонной двери на добрых двадцать шагов.

И как раз случилось так, что жена хозяина харчевни вышла со служанкой во двор снять белье, сушившееся под солнцем на кустах. Пес рванулся нам навстречу и, натянув цепь, залился лаем. Женщина распрямила спину и посмотрела на нас против солнца, из-под руки.

Она была молода, дебела, свежа, румяна, со светло-голубыми навыкате глазами и веселым, озорным выражением лица. Гнилые зубы и крутые бока выдавали сладкоежку, а игривый взгляд голубых глаз еще красноречивей свидетельствовал о пристрастиях к лакомствам иного рода. Эти глаза она устремила теперь на Ральфа, ехавшего впереди, нашла, что он подходит, но уж больно молоденький; потом с надеждой посмотрела на меня, но сразу определила, что со мной каши не сваришь, да и что с нищего взять? С горя опять перевела взгляд на Ральфа — и тут я увидел, что она его узнала. Вздрогнула, взглянула на меня, разинула рот, и я уж думал, сейчас она мне поклонится, но она успела овладеть собой. Одно слово — и служанка с охапкой белья отправлена в дом; пронзительный окрик — и пес, поджав уши и хвост, убрался восвояси под раскидистый тутовник; и вот хозяйка уже приветствует нас широкой улыбкой и любопытством, заговорщицким взглядом.

— Ты, стало, будешь глазной лекарь?

Мы заехали во двор.

— Твоя правда, хозяйка. Мое имя Эмрис. А это Бан, мой слуга.

— Мы вас ожидали. Вам приготовлен ночлег. — И, подойдя вплотную к моему коню, вполголоса добавила: — Добро тебе пожаловать, господин. И Ральфу тоже. Ну и возмужал же он с тех пор, как я видела его последний раз, право слово! Милости просим в дом.

Я слез с седла и бросил поводья Ральфу.

— Благодарю тебя. Хорошо, что мы наконец добрались, мы оба порядком устали. Ральф сам присмотрит за лошадьми. А теперь, прежде чем мы войдем, Маэва, расскажи мне, какие вести из Тинтагела. Все ли благополучно у королевы?

— О да, сударь, слава всем феям и святым. Даже и не сомневайся.

— А король? Он по-прежнему в Тинтагеле?

— Да, сударь, но, по слухам, не сегодня-завтра должен уехать. Долго тебе ждать не придется. У нас ты будешь в безопасности, как нигде в целом Корнуолле. О выступлении войска нас загодя предупредят, да их и слышно тут будет на дороге за добрую милю. И не опасайся Кау, мужа моего, он, правда, из людей герцога, но в жизни не причинит вреда моей госпоже, и потом, он всегда делает то, что я ему говорю. То есть, конечно, не всегда. Кое-что он делает не так часто, как мне хочется. — И она озорно расхохоталась.

Ральф, ухмыляясь во весь рот, увел лошадей, а хозяйка, громко толкуя о свободных постелях, о времени ужина и о больных глазах своего меньшенького — давно пора подлечить! — провела меня через заднюю дверь в харчевню.

Позже, увидев ее мужа, я удостоверился, что его мне и в самом деле нечего бояться. Был он сухонький, тщедушный мужичок, невидный и молчаливый, как устрица. Он появился в харчевне, когда мы садились ужинать, удивленно взглянул на Ральфа, кивнул мне и, не промолвив ни слова, занялся за стойкой своим делом. Его жена обходилась с ним и со всяким, кто ни появлялся в харчевне, одинаково сердечно и грубовато-ласково и неназойливо заботилась о том, чтобы всем было уютно и сытно. Отличное это было заведение, а кормили у них просто превосходно.

Народ там, само собой, толпился постоянно, но опасность, что нас узнают, была невелика. Как странствующий лекарь я не только не вызывал любопытства, но и мог под удобным предлогом целыми днями вместе с Ральфом бродить по окрестностям. Каждое утро, прихватив с собой еду и вина, мы уходили в один из глубоких лесистых оврагов, по

дну которых бегут питающие реку Кэмел ручьи, и подымались на обдуваемое ветрами взгорье, что лежит между Кэмелфордом и морем. Ральф знал здесь все тропы. Наверху мы с ним обычно расходились, и каждый занимал скрытую наблюдательную позицию, так чтобы видеть обе дороги, по которым Утер мог вывести войско из Тинтагела. Он должен был либо свернуть на северо-восток по берегу моря в направлении к Димилиоку и дальше к военному лагерю возле Геркулесова мыса, либо же — если он торопился в Винчестер и к немирному Саксонскому берегу — перейти вброд реку у Кэмелфорда и оттуда подняться на старую военную дорогу, которая шла вдоль Корнуэльского хребта. Здесь, на взгорье, открытом всем ветрам, лес редеет и перемежается верещатниками частью заболоченными, и над ними здесь и там возвышаются как часовые причудливые каменные столбы. Старая римская дорога, постепенно разрушающаяся в этих безлюдных краях, но все еще вполне пригодная для передвижения, проходит вдоль всего полуострова и спускается к более обжитым, удобным землям позади вала Амброзия. По моим расчетам, Утер должен был избрать именно этот путь, а я хотел посмотреть, кто поедет вместе с ним. Мы с Ральфом делали вид, что отправляемся на сбор трав для моих снадобий, я и в самом деле каждый вечер возвращался с мешком ценных ягод и кореньев, которые не растут на моих валлийских холмах. Погода, по счастью, все еще стояла ясная, и никому не в диковину было, что мы проводим дни под открытым небом. Люди только радовались, что у них остановился искусный лекарь, к которому можно прийти со своими хворями в любой вечер, и возьмет он за лечение не больше, чем ты можешь заплатить.

Так проходили дни, тихие, погожие. Мы ждали, когда король двинется в поход и прибудет посланец от королевы.

Король выехал из крепости на восьмой день. По той самой дороге, что я и думал. Я был на месте и все видел.

Проселок между Тинтагелом и Кэмелфордом проходит добрую четверть мили вплотную под крутым лесистым откосом. Чаща там непроницаемая, склон отвесный, лишь по краю на прогалины, на каменные осыпи, поросшие папоротником, чертополохом и цепкой куманикой, пробиваются солнечные лучи. Здесь стоят высокие кусты терновника, усыпанные лощеными ягодами. Были среди них еще зеленые, но больше спелых, налитых чернотой под сизым налетом. Отвар из терновых ягод — первое средство от поносов. Этой

хворью как раз маялся один из ребятишек Маэвы, и я обещал сварить ему вечером целебное питье. Всего-то на это дело нужна была малая горстка, но сизые ягоды поспели в самую меру, и я решил набрать побольше. Если их выдавить и особым способом добавить к можжевеловому вину, получается прекрасный напиток, крепкий, терпкий и ароматный. Я рассказал об этом Маэве, и ей захотелось испытать мой рецепт.

Я почти уже наполнил мешок, когда услышал словно отдаленный рокот грома — конский топот внизу по проселку. Я поспешно затаился на краю чащи и стал наблюдать. Вскоре показался головной отряд, а за ним и все войско в облаке пыли, в дробном перестуке копыт, сверкая пестрыми значками и флажками, прокатилось внизу под обрывом. Тысяча всадников, а то и более. Я застыл на своем наблюдательном посту за деревьями и смотрел во все глаза.

Впереди, один, ехал король. Чуть отступя, по левую от него руку, знаменосец вез Красного Дракона. Сквозь пыль мелькали и другие цвета, но ветер упал, флаги не развевались, и, как ни напрягал я зрение, поклясться в достоверности того, что увидел, я бы не мог. А тот флаг, который я особо высматривал, так и не показался, хотя, может быть, я его просто не заметил. Я подождал, покуда замыкающий всадник не скрылся на рысях за поворотом, а потом выбрался из чащи и пошел к тому месту, где условился встретиться с Ральфом.

Он бежал мне навстречу, запыхавшись.

— Ты их видел?

— Да. А ты где был? Я же послал тебя следить за второй дорогой.

— Я и следил. Но на ней не было никакого движения, ни живой души. И я как раз пошел обратно, когда услышал, что они едут. И бросился бегом. Едва не опоздал. Видел только задние ряды. Ведь это был король?

— Король. Ральф, а ты не разглядел значков? Никого не узнал?

— Узнал Брихана и Цинфелина, а больше из Корнуолла никого. Мне показалось, там были люди из Гарлота и из Цернива и еще кое-кто вроде бы знакомый, но сквозь пыль было плохо видно. И я не успел никого толком разглядеть, как они уже скрылись за поворотом.

— А Кадора среди них не было?

— Господин, мне очень жаль, но я не разглядел.

— Не важно. Раз были другие из Корнуолла, значит, можно не сомневаться, что и он с ними. В харчевне, конечно, будут знать. А ты забыл, что не должен называть меня «господин», даже с глазу на глаз?

— Прости... Эмрис. — Мы так сблизились с ним за это время, что он счел уместным тут же с наигранной кротостью добавить: — А ты забыл, что меня зовут Бан? — Он, смеясь, увернулся от подзатыльника. — Надо же было назвать меня по этому недоумку!

— Просто подвернулось на язык. Это, кстати, королевское имя. Бан, король Бенойка. Так что ты вправе сам выбрать из них двоих себе патрона.

— Бенойк? А где это?

— На севере. Ну пошли, вернемся в харчевню. Едва ли от королевы можно ждать известия ранее завтрашнего дня, но мне еще сегодня надо приготовить целебный отвар, а это дело не на один час. На-ка вот, понеси.

Я оказался прав, гонец прибыл на следующее утро. Ральф спозаранку встречал его на проселке, и они вдвоем явились ко мне с известием, что я должен немедля ехать в Тинтагел для встречи с королевой.

Я не поделился с Ральфом, да и себе до конца не признался, но на душе у меня от предстоящей аудиенции было неспокойно. В ту ночь в Тинтагеле, когда младенец был зачат, я не сомневался ни в чем, я знал твердо, как только можно твердо знать будущее, что мальчик, который родится, будет отдан на мое попечение и что я взращу великого короля. Утер, в досаде на смерть Горлойса, поклялся отвергнуть своего «внебрачного» отпрыска, и из письма Марсии было видно, что он намерения не изменил. Но от Игрейны я за долгие шесть месяцев, протекшие с той мартовской ночи, не получил ни единой вести, откуда же мне было теперь знать, а вдруг она не пожелает исполнить волю супруга, а вдруг не найдет в себе сил расстаться с рожденным ею ребенком? Я без конца перебирал в уме доводы, которые мог бы ей привести, и сам только дивился, куда подевалась та уверенность, с какой обращал я раньше к ней и к Утеру свои речи. Воистину тогда мой бог был со мною. И воистину, увы, теперь он покинул меня. Порой бессонными ночами прежние ясные видения даже начинали казаться мне просто прихотью фантазии, обманчивыми снами, рожденными неотступной мечтой. Вспоминались горькие слова короля: «Теперь я понимаю, что это у тебя за

мания такая, что за волшебная сила, о которой ты толкуешь. Обыкновенная человеческая хитрость, и больше ровным счетом ничего, страсть лезть в государственные дела. Мой брат приучил тебя к этому, и ты вошел во вкус, считаешь своим правом, своей тайной. Ты даже богом пользуешься в собственных целях. «Бог велит мне делать то-то и то-то, бог требует расплаты, бог взимает мзду с других...» За что, Мерлин? За то, что ты суешься не в свое дело? А кто должен выплачивать богу долги за твои победы? Уж не ты ли? Нет, те, чьими руками ты ведешь свою игру, они же и расплачиваются за тебя. Ты-то не платишь». Прислушиваясь к этим резким словам, так отчетливо звучавшим в молчании ночи, я и сам готов был усомниться, что верно толковал свои видения, что все труды мои и мечты — не пустая насмешка судьбы. И, вспоминая тех, кто уже поплатился за них жизнью, начинал думать, не отраднее ли смерть той пустыни неверия и сомнений, в которой я лежу недвижим, напрасно ожидая, чтобы мне прозвучал голос хоть самого малого из моих богов. Нет, я платил, и платил недешево. Все эти долгие девять месяцев, каждую бессонную ночь.

Но сейчас был день, и скоро мне предстояло узнать, чего хочет от меня королева. Помнится, я не находил себе места, пока Ральф седлал лошадей и завершал сборы в путь. Маэва со служанками в кухне мыла терновые ягоды, предназначенные для приготовления вина. Один чан с ягодами уже закипал на плите. Не дико ли, что я увожу с собой к королеве этот терпкий терновый дух? Вдруг он сделался для меня невыносим, я поспешил наружу, глотнуть свежего воздуха, но одна из служанок выбежала вслед за мной с каким-то вопросом, я стал давать ей объяснения, и это отвлекло меня от дум, а тут и Ральф подошел сказать, что все готово, и вот уже мы втроем — Ральф, гонец и я — поскакали легким галопом в ласковых, нежарких лучах сентябрьского полдня, направляясь в Тинтагел.

7

Всего лишь несколько месяцев я не видел Игрейну, но как же она переменилась! Сначала мне подумалось, что все дело в беременности: ее некогда стройный стан разнес-

ло, а лицо, правда, сохранило свежий здоровый румянец, но под глазами и у губ легли, как бывает у женщин, страдальческие тени. Но перемена в ней была глубже — во взгляде, в движениях, в том, как она теперь сидела. Раньше, горячая, юная, она была похожа на птицу, рвущуюся ввысь и бьющую крылами о прутья клетки, теперь же словно сникла в своей тяжести, сложила подрезанные крылья, прижилась на земле.

Она приняла меня в своих покоях на верхнем этаже — в продолговатой комнате с круглым углублением в северо-западной стене, где находилась угловая башня. В длинной стене, выходящей на юго-запад, было несколько окон, сквозь них свободно падали солнечные лучи, но королева сидела под узким башенным оконцем, в которое веяло прохладой погожего сентябрьского дня и доносился от подножия замка вечный шум морского прибоя. Во всем этом я узнавал Игрейну прежних дней. Как похоже на нее, подумалось мне, предпочесть солнечному теплу ветер и шум моря. Но хотя много здесь было воздуха и света, все же оставалось что-то от клетки: в этой комнате некогда томилась молодая жена старого герцога Горлойса — до той роковой поездки в Лондон, когда она и король увидели друг друга. Теперь, после краткого полета, она опять заточена здесь, заточена любовью к королю и тяжестью его ребенка. В моей жизни была только одна женщина, которую я любил, но ко многим испытывал жалость. И теперь эту юную королеву, прекрасную и добившуюся своего, жалел так же горячо, как и боялся: что-то она мне скажет?

Королева приняла меня с глазу на глаз. Паж провел меня к ней через передний покой, где за прялками, тканьем и пересудами проводили время придворные дамы. На меня устремились со всех сторон блестящие взоры, языки замерли, чтобы заработать с новой силой, как только я скрылся за порогом. Ни одна меня не узнала, а у некоторых на лицах даже выразилось разочарование при виде такого невзрачного, бедно одетого мужчины, чей приход не сулил им новых забав. Для них я был лишь посыльный, которого в отсутствие короля вели к королеве, только и всего.

Паж постучал в дверь внутреннего покоя и удалился. Дверь отворила Марсия, бабка Ральфа. Это была женщина в преклонных летах, с седыми волосами, но с такими же, как у внука, голубыми глазами на пожелтевшем, морщинистом лице и по-девичьи прямым станом. Она ожидала меня, и все-таки взгляд ее выразил растерянность, которую затем

сменило изумление. Даже Игрейна посмотрела на меня сначала недоуменно, но потом с улыбкой протянула руку:

— Принц Мерлин. Добро пожаловать.

Марсия сделала мне и королеве один общий реверанс и удалилась. Я подошел, встал на колено и поцеловал королевину руку.

— Госпожа.

Она милостивым жестом велела мне подняться.

— Ты был столь добр, что сразу же явился на мой необычный зов. Надеюсь, путешествие было легким?

— Вполне. Мы остановились у Маэвы и Кау, нам там удобно, и до сих пор ни одна живая душа не узнала ни меня, ни даже Ральфа. Твоя тайна соблюдена.

— Благодарю тебя за то, что ты так искусно ее блюдешь. Клянусь, я и сама узнала тебя не раньше, чем ты заговорил.

Я, улыбаясь, поднес руку к подбородку:

— Как видишь, я готовился к этой поездке уже давно.

— На этот раз обошлось без магии?

— На этот раз магии не больше и не меньше, чем прежде, — ответил я.

Она подняла свои прекрасные синие глаза и открыто, как раньше, посмотрела мне прямо в лицо, и я узнал в этом взгляде прежнюю Игрейну, гордую и, как мужчина, бесхитростную. Вся эта томная лень была лишь поверхностной, лишь молочной тишиной, что нисходит на женщин во время беременности, а под нею оставался прежний огонь. Она развела руками.

— Глядя теперь мне в глаза, неужто ты станешь утверждать, что в тот вечер в Лондоне, когда ты обещал мне любовь короля, во всем этом не было никакой магии?

— Чтобы привести короля в твои объятия, магии не потребовалось. Вот потом — может быть.

— Может быть? — Голос ее зазвенел, и я вовремя спохватился. Игрейна, конечно, королева и отважна, как мужчина, но она же и женщина на седьмом месяце. Мои сомнения должны оставаться при мне, я не вправе перекладывать их на нее. Я еще подыскивал подходящие слова, когда она сама проговорила, горячо, настойчиво, словно убеждала самое себя при моем молчанье: — Когда ты впервые явился и посулил мне любовь короля, в этом была магия, я знаю. Я ее чувствовала, видела в твоем лице. Ты говорил, что сила твоя — от бога и что, подчиняясь тебе, я тоже, как и ты, стану сосудом божи-

им. Ты говорил, что благодаря той магии, которая приведет ко мне Утера, всему королевству будет дарован мир. Толковал о тронах и алтарях... И вот теперь, когда я — королева и ношу под сердцем дитя короля, неужто ты посмеешь утверждать, что все это был обман?

— Не обман, госпожа. То было время видений, страстных грез и желаний. Теперь мы распростились с ними, настал трезвый день. Но магия не ушла, она здесь, в твоем теле, только теперь она — не видение, а реальность. Он родится под Рождество, если не ошибаюсь?

— Он? Ты говоришь так, будто знаешь наверняка.

— Я знаю наверняка.

Я увидел, что она сжала губы словно от внезапной боли и опустила глаза на свои руки, сложенные на животе. Голос ее, когда она заговорила, звучал ровно, обращенный то ли к рукам, то ли к тому, что они закрывали:

— Марсия рассказала мне про письмо, которое отправила тебе летом. Но ты ведь и без нее знал, верно? Знал, что думает об этом деле супруг мой, король?

Я молчал, но она требовательно ждала ответа.

— Он сам мне сказал, — утвердительно отозвался я. — И если мнение его неизменно, то, значит, мальчик не будет признан наследником престола.

— Его мнение неизменно. — Она опять подняла на меня глаза. — Не пойми меня превратно. Он не сомневается во мне, не усомнился ни разу. Он знает, что с первой нашей встречи я принадлежу ему одному, что с тех пор я под тем или иным предлогом не всходила на герцогское ложе. Нет, нет, во мне он не сомневается, он знает, что это — его дитя. И что бы он ни утверждал, — на губах ее мелькнула улыбка, и голос зазвучал ласково-снисходительно, так мать говорит о своем дитяти и жена — о любимом муже, — как бы громогласно ни отрекался, на самом деле он знает твою силу и страшится ее. Ты предрек ему, что после той ночи родится ребенок, и он поверил бы твоему слову, даже если бы ему мало было моего. Но это ничего не меняет в его сердце. Он винит себя — и тебя, и даже этого младенца — в гибели герцога Горлойса.

— Знаю.

— Повремени он еще одну ночь, так он говорит, и Горлойс бы все равно погиб, тогда бы я стала королевой и младенец был бы зачат в браке, и никто бы не мог усомниться в его происхождении и назвать его бастардом.

— А ты, Игрейна?

Долго она ничего не отвечала. Отвернула от меня свое прекрасное лицо и смотрела в окно, за которым с криками, взвиваясь и падая, кружились на ветру морские птицы. Я понял, сам не знаю как, что она как солдат, который выиграл одну битву и отдыхает перед началом второй. Нервы мои напряглись. Если следующая ее битва — со мною, дело будет нешуточное.

Она сказала, тихо и внятно:

— Может быть, это все верно, что говорит король. Не знаю. Но что сделано, то сделано, и моя забота теперь — этот ребенок. Вот почему я послала за тобой. — Она смолкла. Я ждал. Она повернула ко мне голову. — Принц Мерлин, я боюсь беды для моего ребенка.

— От руки короля?

Это был слишком прямой вопрос, даже для Игрейны. Холодно взглянула она на меня, и холодно прозвучал ее голос:

— Это дерзость. И глупость. Ты забываешься.

— Я? — столь же холодно отозвался я. — Это ты забываешься, госпожа. Будь моя мать законной супругой Амброзия, когда он зачал меня, не Утеру бы сейчас сидеть на престоле и не стал бы я трудиться приводить его к твоему ложу ради младенца, которого ты носишь. Не тебе говорить мне о дерзости и глупости. Никто лучше меня не знает, какая судьба ждет в Британии принца, рожденного вне брака и не признанного отцом.

Ее прежде столь бледное лицо залилось ярким румянцем. Взгляд потупился, гнев в нем угас. Она ответила мне не чинясь, как простая девушка:

— Ты прав, я забылась. И прошу у тебя прощения. Я совсем отвыкла от свободного разговора. Я никого не вижу, кроме Марсии и моего супруга, а с Утером мне нельзя говорить о ребенке.

Все это время я стоял перед нею. Теперь же я принес в башню кресло и сел подле нее под амбразурой. Отношения между нами вдруг переменились, словно ветер задул с другой стороны. Я понял, что следующая ее битва будет не со мной, а с собою, с ее собственной женской слабостью. Она смотрела на меня теперь так, как человек в болезни смотрит на лекаря. И я ласково сказал ей:

— Ну вот, ты позвала, и я здесь. И готов тебя выслушать. Что ты хотела мне сообщить?

Она глубоко вздохнула. Голос ее в ответ мне прозвучал ровно, но еле слышно, как шепот:

— Если родится мальчик, король не позволит мне оставить его у себя. Девочку я вправе воспитать здесь, но мальчик, зачатый так, как этот, не может быть признан принцем и законным наследником, а жить при дворе как побочный сын короля он тоже не может. — Под моим взглядом королева овладела собой. — Я уже сказала тебе, Утер во мне не сомневается. Но в ту ночь все так совпало: и гибель герцога, и разговоры о магии, — король клянется мне, что люди будут считать не его, а герцога отцом этого младенца. У нас, он говорит, будут еще другие сыновья, чье рождение не вызовет кривотолков, и из них он выберет наследника престола.

— Игрейна, — сказал я, — я знаю, как горько женщине — так ли, эдак ли — потерять своего ребенка. На свете, наверно, нет горя тяжелее. И все-таки я думаю, что король прав. В наше смутное, буйное время нельзя, чтобы мальчик оставался при дворе как побочный сын короля. Если появятся другие наследники, признанные и объявленные королем, они могут увидеть в нем угрозу для себя и, уж конечно, сами будут угрозой для него. Кому и знать это, как не мне: именно так было со мной в детские годы. А ведь мне выпало на долю благо, которое может и не достаться этому принцу: покровительство короля-отца.

Она молча кивнула, опять потупя взгляд.

— А если дитя должно быть отдано на сторону, это следует сделать сразу же, пока мать еще не подержала его на руках. Поверь мне, — добавил я поспешно, хотя она меня не перебивала, — это истинная правда. Я говорю сейчас как врач.

Она облизнула губы.

— И Марсия то же говорит.

Я выждал, но она больше ничего не прибавила. Горло мне перехватила хрипота. Я и не заметил, как сдавил побелевшими пальцами подлокотники кресла. Но голос мой, когда я, откашлявшись, приступил к самому главному, прозвучал спокойно и ровно:

— Король не распорядился, куда отдать сына на воспитание?

— Нет. Об этом с ним почти невозможно говорить. Когда последний раз у нас зашла об этом речь, он сказал, что еще подумает. И упомянул Бретань.

— Бретань?! — Как я ни сдерживался, это слово выкриком сорвалось с моих уст. Надо было овладеть

собой. Я разжал пальцы на подлокотниках, положил ладони на колени. Значит, опасения мои не напрасны. Как ни странно, на душе у меня стало спокойнее. Если я должен сразиться не только с Игрейной, но и с самим королем, да еще и с моими уклончивыми богами в придачу — что ж, значит, будем сражаться. Главное — иметь почву под ногами... — Что же, Утер хочет отослать его к королю Будеку?

— Похоже на то. — Она, как видно, не заметила моего смятения. — В прошлом месяце он отправил туда гонца. Незадолго до того, как я послала за тобой. Будек — это ведь выбор, который напрашивается сам собой.

Действительно, король Малой Британии Будек приходился Утеру кузеном. Это он за тридцать лет до того принял моего отца и Утера под свою защиту, когда их старший брат Констанций пал от руки захватчика Вортигерна, и в его столице они собрали и обучили войско, с которым потом отвоевали себе у Вортигерна верховное королевство.

Но я с сомнением покачал головой:

— Слишком уж напрашивается. Если кто-нибудь замыслит зло против мальчика, сразу догадается, где его искать. Не сможет же Будек охранять его день и ночь. К тому же...

— Будек не сможет печься о моем сыне так, как надо! — выкрикнула она, горячо оборвав меня на полуслове. Но это было сказано не в обиду мне. Это был вопль души. Она едва ли расслышала хоть что-нибудь из того, что я сказал. Я видел, она борется с собой и подыскивает слова. — Он уже стар, и к тому же Бретань далеко, и там сейчас неспокойно, еще неспокойней даже, чем в наших истерзанных саксами краях. Принц Мерлин, я... мы с Марсией... мы полагаем, что ты... — Она вдруг сжала лежащие на коленях руки. Голос ее дрогнул. — Кроме тебя, мне не на кого положиться. И Утер... что он ни говори, но и он на самом деле знает, что тебе может доверить хоть все свое королевство. Ты сын Амброзия и ближайший родич моему ребенку. Твоя сила известна повсюду и всем внушает страх — под твоим покровительством ребенок будет в безопасности. Ты... ты должен взять его, Мерлин! — Теперь она упрашивала меня. — Забери его куда-нибудь подальше от этих немирных берегов и вскорми в безопасном месте. Обучи его всему, чему учили тебя, и воспитай, как надлежит воспитать королевского сына, а когда он вырастет, привези обратно, и пусть он займет свое место при дворе, как и ты, рядом с будущим королем.

Она осеклась и смолкла, ломая руки. Должно быть, я выпучил на нее глаза как помешанный. Между нами воцарилась тишина, наполненная соленым дыханием моря и криками чаек. Я сам не заметил, как поднялся с кресла, но, опомнившись, увидел, что стою у окна, спиной к королеве, и гляжу на небо. Подо мной кружились и стенали на ветру чайки, а глубоко внизу, у подножия башни, бился о камни и пенился прибой. Для меня сейчас ничего не существовало. Я с такой силой надавил ладонями на край каменного подоконника, что, отняв, увидел на них две белые, бескровные полосы. И только тогда, растирая руки, обернулся лицом к королеве. Она тоже сумела овладеть собой, черты ее как бы окаменели, лишь одна рука нервно перебирала складки платья...

Я спросил без околичностей:

— Ты сможешь уговорить короля, чтобы он отдал мне младенца?

— Нет. Едва ли. Не знаю. — Она сглотнула. — Я, разумеется, могла бы попытаться, но...

— Тогда зачем было посылать за мной, если убедить короля не в твоей власти?

Без кровинки в лице, сжав губы, она смотрела мне прямо в глаза:

— Я думала, если ты согласишься, ты мог бы... попробовать...

— Я теперь бессилен воздействовать на Утера. Тебе ли не знать этого. — И с горечью добавил: — Или ты рассчитываешь, как прошлый раз, на вмешательство магии, будто я какая-нибудь старуха колдунья или деревенский друид? Право же, госпожа... — Я не договорил. Я увидел боль в ее глазах и скорбно поджатых губах и вспомнил о бремени, которое она носит. Гнев мой погас. Я поднял руку и миролюбиво произнес: — Хорошо, Игрейна. Если это в человеческих силах, я добьюсь от него согласия, пусть даже мне понадобится самому говорить с ним и напомнить о данном мне обещании.

— Обещании? Он тебе что-то обещал? Когда же?

— Когда в первый раз послал за мною и поведал мне о своей любви к тебе, он тогда поклялся, что подчинится мне во всем, если только желание его будет удовлетворено. — Я улыбнулся. — Он просто хотел этим подкупить меня, но мы заставим его исполнить королевское слово.

Она принялась было благодарить меня, но я ее остановил:

— Нет-нет, повремени с благодарностью. Я еще, может статься, ничего от короля не добьюсь; ты ведь знаешь, что любви он ко мне не питает. Ты правильно поступила, что пригласила меня тайно, и поступишь еще правильнее, если утаишь от него наш разговор.

— От меня он ничего не узнает.

Я кивнул.

— А теперь ради собственного спокойствия и благополучия ребенка забудь страхи. Предоставь все мне. Даже если нам не удастся убедить короля, клянусь, что, куда бы ни отдали мальчика, я всегда буду наблюдать за ним. Он вырастет в безопасности и получит воспитание, какое надлежит королевскому сыну. Это тебя удовлетворит?

— Да, если не будет иного выхода.

Только теперь она облегченно перевела дух и поднялась с кресла, двигаясь с изяществом, несмотря на грузную фигуру, прошла в конец длинной комнаты и встала там у окна. Я не последовал за ней. Постояв спиной ко мне несколько мгновений, она обернулась. На лице у нее была улыбка. Она жестом пригласила меня подойти. Я повиновался.

— Ответь теперь на один мой вопрос, Мерлин.

— Если сумею.

— В Лондоне, когда мы беседовали с тобой и ты обещал, что привезешь ко мне в Тинтагел короля, ты вел речи о короне и о мече, на алтаре стоящем, подобно кресту. Я все время об этом думаю. Чья это была корона, явленная в твоем видении? Моя? Или это означало, что мой сын, этот ребенок, доставшийся такой дорогой ценой, будет королем?

Мне следовало ответить ей так: «Не знаю, Игрейна. Если мое видение истинно, если я настоящий прорицатель, то быть ему королем. Но провидческий дар покинул меня, я больше не слышу голосов в ночи и в игре огня, я опустошен. Я могу теперь только, как ты, делать свое дело и положиться на время. Все равно пути назад нет. Бог не допустит, чтобы столько смертей было принято впустую».

Но она смотрела на меня страдальческими глазами матери, и я сказал:

— Он будет королем.

Она склонила голову и так постояла несколько мгновений, разглядывая солнечные квадраты на полу и словно бы не размышляя, а прислушиваясь к тому, что свершается в ее теле. Потом опять посмотрела мне в лицо:

— А меч на алтаре?

Я покачал головой:

— Я не знаю, госпожа. Это еще не сбылось. Если мне дано будет знать, я узнаю, когда настанет время.

Она протянула руку.

— Еще одно... — По ее голосу я угадал, что этот вопрос для нее самый важный. И на всякий случай приготовился солгать. Она проговорила: — Если этого сына мне суждено лишиться... Будут ли у меня другие, Мерлин?

— Это уже три вопроса, а не один, Игрейна.

— Ты не хочешь ответить?

Я сказал это, просто чтобы выиграть время, но в глазах ее выразилось столько тревоги и опасения, что я с облегчением признался:

— Рад бы ответить, госпожа, но я не знаю.

— Как это? — резко спросила она.

Я пожал плечами:

— Опять-таки не могу тебе ответить. Дальше, чем этот мальчик, которого ты носишь, мне ничего не открылось. Но можно заключить, раз ему суждено стать королем, что других сыновей у тебя не будет. Дочери — может быть, тебе в утешение.

— Я буду молиться об этом, — просто сказала она, повела меня обратно в башню и жестом пригласила сесть. — Не выпьешь ли теперь со мной кубок вина перед уходом? Боюсь, я оказала тебе дурной прием, а ведь ты проделал ради меня такой трудный путь. Но я места себе не могла найти, пока не поговорила с тобой. Посиди теперь со мной немного и расскажи, что у вас слышно.

И я остался у нее еще на некоторое время и, изложив ей свои скудные новости, поинтересовался, куда направился Утер со своим войском. Она рассказала мне, что он держит путь не в столицу свою Винчестер, как думал я, а на север, в Вирокониум, куда он созвал на совет вождей и малых властителей севера и северо-востока. Вирокониум — старинный римский город на границе Уэльса, защищенный горами Гвинедда от немирного Ирландского берега. В те времена он еще оставался торговым центром и дороги, к нему ведущие, поддерживались в хорошем состоянии. Оставив позади Думнонию и перейдя Глевумский мост, Утер мог довольно быстро передвигаться к северу. Если погода удержится и в пути будет все спокойно, он еще, глядишь, и вернется к королевиным родинам. На Саксонском берегу, по словам королевы,

было сейчас тихо; после победы Утера под Виндокладией незваные гости отступили и принуждены были пользоваться гостеприимством своих соплеменников — союзных саксов. А с севера вести приходили сбивчивые, но король опасался к весне совместных наступательных действий со стороны пиктов Стрэтклайда и заморских пришельцев-англов; совет в Вирокониуме и был назначен с целью выработать какой-нибудь общий план обороны.

— А герцог Кадор? — спросил я. — Он что же, остается здесь, в Корнуолле, или двинется в Виндокладию сторожить Саксонский берег?

Ее ответ удивил меня:

— Он идет на север вместе с королем и примет участие в совете.

— Вот как? В таком случае мне надо остерегаться. — Она вскинула на меня глаза, и я кивнул: — Да, я без промедления еду к королю. Время дорого, и хорошо, что он движется именно на север. Ему придется переводить войско по Глевумскому мосту, а мы с Ральфом воспользуемся лодочной переправой и попадем на тот берег раньше его. Ну а уж если я встречу его за Северном, откуда ему знать, что я покидал пределы Уэльса?

Вскоре вслед за тем я простился с Игрейной. Я ушел, а она осталась стоять у окна, и ветер моря раздувал темные волосы на ее высоко поднятой голове. И я уверился, что, когда настанет час, младенца отдаст мне не убитая горем слабодушная женщина, но Королева, которая смирилась с необходимостью предоставить сына его судьбе.

Иное дело — Марсия. Она ждала меня в передних покоях, распираемая вопросами, охами и обидами на короля, которые она с трудом прикрывала соблюдением этикета. Я как мог успокоил ее, поклявшись ей каждым божеством в каждом святилище и в каждой пещере на британской земле, что сделаю все возможное, чтобы младенец достался мне и был жив и невредим, и, лишь когда она стала требовать от меня заговоров для благополучного разрешения и советов насчет кормилиц, устремился к дверям.

Она, совсем забывшись от волнения, бросилась следом и ухватила меня за рукав.

— А про врача я говорила тебе? Король назначил к моей госпоже своего личного лекаря — на него-де можно положиться, он сохранит от всех в тайне, куда будет

отдан на воспитание бедный крошка! Как будто здоровье и благополучие госпожи не стоят на первом месте! Любому лекарю можно дать золота, и он тебе за это родной матерью поклянется в чем угодно, это все хорошо знают.

— Бесспорно, — ответил я. — Но я хорошо знаю Гандара: нет врача искуснее, чем он. Королева будет в надежных руках.

— Он же войсковой лекарь! Что он понимает в родах?

Я засмеялся:

— Он много лет состоял при войске моего отца в Бретани. Где ратники, там и их жены. Мой отец держал в Бретани пятнадцатитысячный гарнизон. Поверь, у Гандара богатый опыт.

Этим ей пришлось удовлетвориться. Она опять завела речь о кормилицах, и я удалился.

В тот же вечер она прискакала в харчевню, по-мужски сидя на лошади, с головой закутанная в плащ с капюшоном. Маэва привела ее в дом, выгнала на улицу всех, кто еще не спал, включая Кау, а потом пригласила Ральфа для беседы с бабкой. Я улегся спать, не дождавшись конца их беседы.

На следующее утро мы с Ральфом выехали в обратную дорогу, прихватив с собою для бодрости две бутыли тернового вина. К моему удивлению, Ральф ехал такой же радостный, как и на пути сюда: наверно, после краткой побывки в краях, где прошло его детство, служба у меня уже не была ему в тягость. Бабушка пересказала ему все новости, по пути он поделился ими со мною; это было главным образом все то же, что мне говорила королева, с небольшой добавкой придворных сплетен, занятных, но малоинтересных, за исключением, пожалуй, неизбежных пересудов о намерении Утера отказаться от ребенка.

Ральф теперь, совсем как его бабка, очень беспокоился о том, как сделать, чтобы опека над ребенком досталась мне. Мне смешно было это видеть.

— А если король откажет, что тогда?

— Поедем в Бретань, сговоримся с королем Будеком.

— Ты думаешь, он позволит тебе остаться при младенце?

— Будек ведь мне тоже родич, не забывай.

— Да, но не побоится ли он прогневить Утера? Отважится ли действовать втайне от него?

— Этого я не могу сказать с уверенностью, — ответил я. — Будь это не Будек, а Хоэль, сын его, тут все было бы ясно. Они с Утером всегда грызлись, как два кобеля за одну суку.

Я не стал добавлять, что сравнение это хоть и неприличное, но самое верное. Ральф кивнул, жуя (мы остановились перекусить на солнечном пригорке), и потянулся за бутылью.

— Не хочешь отхлебнуть? — предложил он мне тёрнового вина.

— Бог зеленого винограда да упасет меня от этого, мальчик! Оно должно еще год созревать, прежде чем станет пригодным для питья. Подожди до будущей жатвы, а тогда уж раскупоривай.

Но он не послушался меня и выдернул пробку. Запах был весьма странный, а вкус, он сам признал, и того страннее. Когда же я безжалостно заметил, что Маэва по недоглядке, должно быть, налила ему вместо вина снадобье от поносов, он выплюнул на траву все, что успел набрать в рот, и натянуто осведомился, над чем это я так смеюсь.

— Не над тобой, Ральф. Дай-ка я тоже попробую глоток... Ну вот, тут все намешано как надо, просто я, видно, по рассеянности забыл предупредить о выдержке. Смеялся же я над собой. Столько месяцев, даже столько лет ломиться в двери небес и получить — что? Младенца с кормилицей. Если ты намерен и дальше оставаться со мною, Ральф, нам предстоит освоить много нового в ближайшие годы.

Он только кивнул; сейчас ему хватало забот насущных.

— А если придется переехать в Бретань, мы что же, и там будем жить вот под этим обличьем? Несколько лет? — Он презрительно щелкнул пальцем по грубошерстному плащу.

— Видно будет. Надеюсь, что не совсем уж в этом. Не шпорь коня, покуда не нашел переправы, Ральф.

На его лице я прочел разочарование: разве так должны говорить маги? Маги сами наводят переправы или же перелетают с берега на берег по воздуху.

— То есть посмотрим, что скажет король? А может, не обязательно его и спрашивать? Моя бабка говорит, надо объявить, что ребенок мертворожденный, и тогда можно передать его тебе тайно, король ничего и не узнает.

— Ты забываешь. Люди должны знать, что родился принц. А иначе что их заставит признать его после смерти Утера?

— В таком случае как же нам быть?

Я только покачал головой. Он принял мое молчание за отказ отвечать и покорно перестал задавать вопросы. Что до меня, то мне еще надо было изрядно поломать голову, пока что я еще не видел, как нам «переправиться». Ко-

ролева — за нас, это значит, что половина — и самая трудная половина — игры уже выиграна. Но теперь надо еще решить, как одолеть короля: открыто ли просить его согласия или сначала сговориться с Будеком. И все же сейчас, во время нашего обеда, мои мысли не так уж были заняты Бретанью, королями, даже младенцем; я сладко нежился на солнце и не жалел убегающего времени. В Тинтагеле все сошло удачно само собой, без моих ухищрений. Дело двигалось; напоенный солнцем воздух дышал, божественный ветер проносился у меня над головой, невидимый в сиянии дня. Даже люди, не наделенные даром видеть или слышать богов, все равно как-то ощущают их присутствие, и я был тоже человек. Мне все еще недоставало дерзости — или мужества — испытать мою волшебную силу, но я радовался надежде, как радуется рубищу в зимнюю стужу нагой человек.

8

Погода все держалась, и мы ехали не спеша, следя за тем, чтобы не наступать на пятки Утеровой рати; если нас обнаружат западнее Укзельских болот, да и вообще к югу от Северна, будет совершенно ясно, откуда мы держим путь. Утер имел обыкновение передвигаться быстро, и в этом спокойном краю его нечему было задержать, так что мы ехали беззаботно, выжидая только, когда его войско минует лодочный перевоз через Северн. Если с переправой все сложится удачно и если, переехав на ту сторону, мы поспешим, то успеем (словно для того только и прибыли из Маридунума) встретить королевское войско у границ Уэльса и побеседовать там с королем.

На пути сюда мы избегали главной дороги и ехали по тропам, которые тянутся вдоль берега моря, иногда углубляясь в долины и вновь выбегая к воде. Теперь, чтобы не отстать слишком далеко от Утера, мы старались двигаться прямым путем вдоль горной гряды, но на мощеную дорогу не выезжали, опасаясь военных заслонов. При этом мы соблюдали величайшую осторожность. Покинув гостеприимный кров Маэвы, мы больше не заезжали в харчевни и гостиницы. Да их и не было на нашем пути; нам приходилось ночевать где придется: в хижинах лесорубов, в овечьих загонах, случалось даже,

на груде срезанных папоротников — и благодарить судьбу за теплую погоду. Путь наш лежал по дикой местности. Там на возвышенных пустошах меж гранитных скал растет хрупкий лиловый вереск, пригодный в пищу лишь овцам да диким оленям; а чуть пониже сразу начинается лес. Вверху деревья, истязаемые ветром, растут редко, уже теперь, в начале осени, наполовину утратив лиственный убор. Но ниже по склонам, в долинах и оврагах, заросли густые, огромные стволы стоят стеной в дебрях непроходимого подлеска, частого, как рыбачья сеть. То и дело попадаются каменные глыбы и валуны, скрытые от глаз кустарником и обвитые хмелем, — как грозные волчьи ямы, они, затаясь, поджидают ничего не подозревающего путника. Еще того грознее болотные топи, где отблескивающие черной жижей, а где скрывающиеся под невинной зеленью лужка — на таком лужке конь со всадником утонут с головой, как ложка в миске с кашей. Через эти места ведут надежные тропы, но они известны лишь дикому зверю да лесному человеку, путники же стараются обходить их стороной. Ночью здесь по земле перебегают болотные огоньки и танцуют загадочные язычки пламени — души умерших, по местным поверьям.

У себя в Корнуолле Ральф знал все тропы, но, когда мы оказались в болотистых лесах, сквозь которые течет река Укселла с притоками, прокладывая себе путь к слиянию с Северном, двигаться пришлось с сугубой осторожностью; мы спрашивали дорогу у лесных обитателей — угольщиков и охотников, изредка натыкались на отшельников, святых старцев, и они принимали нас на ночлег в своих пещерах, в лесных святилищах. Ральф только радовался трудному пути и неприютным ночевкам, даже опасности, быть может, подстерегавшие нас в лесной чаще, и грозная близость королевской рати лишь веселили его сердце. День ото дня мы с ним оба все больше дичали видом, все больше походили на бедных странников, за которых себя выдавали. Здесь это было, можно сказать, еще важнее, чем в Тинтагеле. Королевскому вестнику или купцу несдобровать было бы в стороне от проезжей дороги, а бедных здесь не обижают, бродяги и святые, от которых нечем поживиться, а стало быть, и мы с Ральфом как странствующие лекари повсюду встречали радушный прием. За медный грош и баночку мази мы везде могли получить пищу и кров. Лесные жители, обитающие среди зловонных, топких болот, много болеют, страдают от трясучей лихорадки и вос-

паления суставов, у них лекарю всегда найдется работа. Жилища свои они строят прямо у заболоченных озерец, на самом краю бездонной черной топи, а то и на сваях над тухлой стоячей водой. Эти глиняные хижины постоянно растрескиваются, подмокают и разваливаются, их надо каждую весну подмазывать и чинить, но зато весной и осенью на озерцах появляются большие стаи перелетных птиц, летом воды кишат рыбой, а леса — дичью, зимой же обитатели здешних селений разбивают у берега лед и ждут в засаде, когда придут на водопой олени. И всегда здесь орут лягушки; я не раз ел их в Бретани, это прекрасная пища. Так что местные жители держатся за свои зловонные хижины, сытно едят, пьют стоячую воду и мрут от лихорадки и поноса; не боятся они и блуждающих огней, которые появляются на болоте ночью: ведь это души их близких.

Первые неприятности начались, когда до перевоза оставалось еще двенадцать миль. Смеркалось. Позади остались темные дубравы, уступив место березнякам и ольшаникам, так близко подступавшим к нашей тропе, что приходилось ложиться на шею лошади, чтобы проехать под нависшими ветвями. Дождей давно не было, но земля под копытами мягко поддавалась, а кое-где и хлюпала черной грязью. Вскоре потянуло близким болотом, и вот уже сквозь поредевшие стволы тускло блеснула стоячая вода болотных окон, отражая гаснущий свет заката. Моя лошадь споткнулась, расплескала копытами болотную жижу. Ральф, ехавший первым, натянул удила. Мы остановились. Он указал вперед.

Там сумерки проницал другой свет — ровный желтый огонь тростниковой свечи. Хижина лесного жителя. Мы поехали на огонек.

Хижина стояла на земле, а не над водой, но грязь кругом была непролазная, а в непогоду еще, как видно, и вода разливалась, потому что хижина стояла на сваях и к двери вела узкая гать из плотно уложенных коротких бревен.

Залаяла собака. В двери черной тенью на желтом свету встал человек. Он вглядывался в темноту. Я окликнул его. Жители болот говорят на своем языке, но понимают кельтское наречие думниониев.

— Мое имя Эмрис. Я странствующий лекарь, и со мной мой слуга. Мы держим путь к перевозу на Укзелле. Едем лесом, потому что на дороге — королевское войско. Нам нужен ночлег. Мы заплатим.

Уж что-что, а необходимость держаться подальше от войска на марше хорошо понятна бедным жителям здешних краев. Мы быстро сговорились о цене, собаку кликнули в дом и привязали, и я пошел по скользким бревнам в хижину, оставив Ральфа расседлывать и привязывать на ночь лошадей где-нибудь, где посуше.

Нашего хозяина звали Нидд, был он низок ростом, быстр в движении и черноволос, колючая поросль на лице тоже была черной. Плечи и руки прямо исполинские, а одна нога хромая: когда-то она была сломана, вправлена неумело и срослась криво. Жена хозяина, едва ли тридцати лет от роду, совершенно седая и скрюченная ревматизмом, имела вид дряхлой старухи, от запавшего, беззубого рта ее по лицу расходились резкие морщины. В хижине у них было тесно, скверно пахло, я уже подумывал о том, чтобы устроиться снаружи, но к ночи вдруг похолодало, и не хотелось лязгать до зари зубами в здешнем сыром лесу. Поэтому, утолив голод похлебкой и черным хлебом, мы с Ральфом завернулись в плащи и собрались улечься спать на полу в предоставленном месте. Я заварил для хозяйки целебное питье, и она уже спала у стены под грудой звериных шкур, но Нидд ложиться явно не собирался. Он снова встал на пороге, всматриваясь в темноту, словно бы поджидал кого-то. Ральф, вздернув брови, многозначительно посмотрел на меня, рука его потянулась к кинжалу. Но я покачал головой. Я успел расслышать быстрые, легкие шаги по бревнам. Собака не залаяла, но застучала хвостом по полу. Грубо выделанную оленью кожу, завешивавшую дверной проем, отдернули, и в хижину влетел мальчик с торжествующей ухмылкой на чумазом лице. Увидев меня и Ральфа, он вздрогнул, но отец сказал ему что-то на их языке, и мальчишка, то и дело стреляя в нас любопытными глазами, свалил с плеча вязанку хвороста прямо на стол, развязал веревку и, опасливо покосившись в мою сторону, вытащил из-под хвороста битую птицу, несколько кусков соленой свинины, какой-то сверток, оказавшийся в развернутом виде парой кожаных штанов, и добрый, наточенный кинжал, какими вооружали королевских воинов.

Я приблизился к столу и протянул руку. Хозяин насторожился, но не тронулся с места, и мальчишка, помявшись, передал мне кинжал. Я взвесил кинжал на ладони, подумал немного и, усмехнувшись, скинул его острием в стол. Он задрожал, вонзившись в дерево.

— Неплохо ты нынче поохотился, а? И не надо сидеть всю ночь в кустах, дожидаться тяги на рассвете. Стало быть, королевское войско расположилось где-то неподалеку? Где же именно?

Мальчишка не отвечал, только испуганно таращился на меня, но в конце концов при поддержке папаши я все-таки узнал от него то, что хотел.

Сведения были тревожные. Оказывается, королевское войско стояло лагерем всего в пяти милях отсюда. Мальчишка спрятался на дереве прямо у опушки леса, выжидая удобной минуты, чтобы украсть съестное. Так он просидел довольно долго и слышал обрывки разговоров между солдатами, отходившими облегчиться. И если только он правильно понял услышанное, выходило, что войско должно, разумеется, завтра же продолжить путь по главной дороге, однако один отряд отделится и двинется в Каэрлеон, дабы доставить коменданту крепости какой-то приказ. И пойдут они, конечно, кратчайшим путем, то есть через перевоз. И все лодки на перевозе будут реквизированы.

Я посмотрел на Ральфа. Он уже застегивал у горла плащ. Я кивнул и обратился к Нидду:

— Мы, к сожалению, должны уходить. Нам надо поспеть к перевозу раньше королевского отряда, а он поскачет туда с первым светом. Так что приходится ехать. Твой сын может нас проводить?

Мальчишка за медный грош, который я ему дал, готов был сделать что угодно, а все тропки через болото он знал как свои пять пальцев. Мы поблагодарили хозяина, оставили ему плату и обещанные снадобья и пустились в путь. Мальчишка — его звали Гер — вел под уздцы моего коня.

Вызвездило. Сквозь рваные клочья тумана выглядывала четверть луны. Я едва различал впереди себя тропу, но мальчишка шел уверенно. Его глаза видели даже в густой тени под деревьями. Звери лесные в чащобе ступали еле слышно, он же двигался совершенно беззвучно.

Ехать было трудно, тропа петляла, ничего не видно, сколько проехали — не угадаешь. Но вот стволы впереди расступились, заросли раздвинулись, и мы выехали на открытое пространство. Луна поднялась, разливая сквозь белую дымку облаков тусклый, неверный свет. Теперь я отчетливо видел, где мы едем. Кругом по-прежнему тянулись болота, справа и слева поблескивали окна воды, как острова, окру-

женные чернотой. Копыта лошадей, хлюпая, засасывала жидкая грязь. Шелестели и трещали камыши в человеческий рост высотой. Со всех сторон орали лягушки, и время от времени что-то шумно плюхалось в воду. Один раз чуть не из-под самых копыт моего коня, захлопав крыльями, с гоготом вылетела большая белая болотная птица, и, если бы не рука мальчишки на узде, не миновать мне вылететь из седла. После этого мой конь пошел еще пугливее, вздрагивая при каждом легком всплеске, а в подступавших заводях что-то булькало и пузырилось и в клочьях тумана над водой мелькали болотные огни. Там и сям черным остовом торчали из трясины нагие, мертвые деревья.

Дикая, зловещая окрестность, ядовитые испарения в воздухе. По молчанию Ральфа я чувствовал, что ему страшно. Но проводник наш бойко пробирался вперед, не сворачивая ни перед бегучими туманами, ни перед блуждающими огнями, душами его умерших предков. Замешкался он только у развилки двух троп, где стояло толстое сухое дерево высотой в два человеческих роста, а в нем зияло большое дупло, источавшее слабое зеленоватое свечение. Выхваченная этим зеленым тлением и лунным лучом, смутно угадывалась фигура: глаза, рот, грубо вырезанные груди — древняя безымянная богиня перекрестков, из своего дупла взирающая на путников, точно сова — посвященная ей птица. А у ног ее на земле в половинке раковины лежало, светясь гнилостным зеленым светом, приношение — остатки какой-то рыбы. Ральф звучно, судорожно вздохнул, вскинул руку в оборонительном жесте. А мальчишка Гер, глазом в сторону не поведя, вполголоса произнес магическое слово и тут же снова двинулся по тропе.

Через полчаса, поднявшись на невысокий пригорок, мы увидели впереди под луной широкое зеркало реки, и в свежем, проветренном воздухе запахло морской солью.

Внизу у самой воды, где чернела маленькая пристань, рдел путеводный огонек. К нему с холмистой гряды, залитая лунным светом, сходила прямая дорога. Мы остановили коней и обернулись поблагодарить мальчишку, но он уже исчез, растворился в темноте, словно угасший блуждающий огонь над болотом. И мы направили усталых коней под гору, туда, где мерцал огонек.

Спустившись к переправе, мы обнаружили, что удача оставила нас так же внезапно и бесповоротно, как и

проводник. У воды на верхушке столба горел факел — маяк, но лодки на галечной отмели не было. Напрягая слух, я как будто расслышал сквозь журчанье воды плеск весел в отдалении, попробовал крикнуть, но не получил ответа.

— Он, похоже, должен скоро вернуться, — сказал мне Ральф, заглянув в хижину перевозчика. — В очаге горит огонь, и дверь осталась отворенной.

— Тогда подождем в хижине, — решил я. — Королевский отряд едва ли подымется в путь до петухов. Не так уж, верно, важен приказ, который должны доставить в Каэрлеон, иначе гонца отправили бы ночью. Позаботься о конях и приходи, отдохнем немного.

Хижина перевозчика была пуста, но в кольце камней, очертивших на полу место очага, еще тлели остатки огня. Рядом была сложена горка сухих щепок, и вскоре ласковый язычок пламени выбился из дров и стал лизать ломти торфа. Ральф сразу же задремал, пригревшись, а я сидел и сонно глядел в огонь, поджидая, когда вернется перевозчик.

Проснулся я не от скрежета лодочного киля по галечнику — до меня донесся отдаленный перестук копыт: приближался на рысях конный отряд.

Рука моя еще не дотянулась до плеча Ральфа, как он уже вскочил.

— Скорее, господин, если мы пустимся во весь опор вдоль самого берега, прилив еще только начался...

— Нельзя. Они нас услышат. Да и лошади устали. Как далеко они от нас, по-твоему?

Ральф в два шага очутился на пороге, наклонил голову, вслушался.

— В полумиле. Или меньше. Скоро будут здесь, что нам делать? Спрятаться невозможно, они увидят лошадей. И местность здесь ровная, как карта на песке.

Он был прав. Дорога, по которой скакали всадники, спускалась прямо к реке, по обе стороны от дороги лежали болота, отсвечивая черными «окнами» и кутаясь в белые космы тумана. А за спиной у нас в лунном свете поблескивала широкая водная гладь.

— От чего не убежишь, то остается встретить лицом к лицу, — произнес я. — Нет, не так, — добавил я, когда рука Ральфа рванулась к мечу. — Это ведь люди короля, да и где нам вдвоем против стольких. Нет, совсем иначе. Давай-ка сюда наши сумки.

При этом я уже стаскивал свои ободранные, грязные одежды. Ральф с сомнением взглянул на меня, но поспешил исполнить приказ.

— На странствующего лекаря ты их второй раз не купишь.

— А я и не собираюсь. Когда судьба решает за тебя, Ральф, не надо противиться. Похоже, что мне предстоит свидеться с королем несколько раньше, чем я рассчитывал.

— Здесь? Но ты... он... королева...

— Секрета королевы никто не узнает. Я успел все продумать на этот случай. Мы сделаем вид, будто только что из Маридунума, нарочно выехали к югу в надежде встретиться с королем.

— А перевозчик? Вдруг они спросят у него?

— Может выйти худо, но придется рискнуть. Да и зачем они станут спрашивать? Ну а спросят, что-нибудь изобретем. Про королевского мага, Ральф, люди поверят любой небылице — даже что он перелетел через реку на облаке или перешел вброд по колено во время прилива.

Пока мы переговаривались, Ральф успел отвязать седельные сумки и вытащил оттуда темную хламиду и сапоги из замши, в которых я был у королевы, а я тем временем, пригнувшись к ведру с водой, смыл следы усталости и запахи болотной хижины с рук и лица. «Когда судьба решает за тебя», — сказал я Ральфу. Кровь в моих жилах побежала живее, я подумал, что, может быть, этот поворот удачи — неудачи, как нам показалось сначала — есть не что иное, как первое, холодное и грозное, прикосновение божьей руки.

Когда отряд подскакал и, оскользаясь на гальке, осадил перед хижиной перевозчика, я встретил прибывших стоя на пороге раскрытой двери, освещаемый сзади огнем очага и залитый спереди лунным сиянием, в котором серебрилась фибула с королевским драконом на моем плече.

У меня за спиной Ральф из темноты с облегчением произнес:

— Слава богу, это не корнуэльцы. Они меня не знают.

— Зато меня знают, — вполголоса отозвался я. — Я вижу значок Инира. Это валлийцы из Гуэнта.

Командир был рослый мужчина с орлиным профилем, угол рта ему кривил белый шрам, я его не помнил, однако он, взглянув на меня пристально, вскинул приветственно руку и проговорил:

— Клянусь Вороном! Как ты здесь оказался, господин?

— Я должен переговорить с королем. Далеко ли до его лагеря?

При моих словах по отряду конников прошло какое-то движение, лошади переступили копытами, одна даже вскинулась на дыбы, словно ей вдруг нервно натянули повод. Командир, полуобернувшись, произнес что-то резкое. Потом обратился ко мне и, сглотнув, ответил:

— Около восьми миль, господин.

Здесь кроется что-то большее, чем просто удивление от встречи со мной на этом безлюдном берегу и чем обычный священный трепет, который я привык внушать простым людям, подумалось мне. Тут есть что-то еще. Я почувствовал, как Ральф плотнее придвинулся и встал у меня за плечом. Скосив на мгновение взгляд, я успел заметить, как зажглись у него глаза. При первом признаке опасности сердце у Ральфа взыграло.

Командир, помешкав минуту, решился и произнес:

— Вот кстати! Нам повезло. Ведь мы ехали в Каэрлеон: у нас приказ короля разыскать тебя и доставить к нему.

Ральф у меня за плечом чуть не в голос охнул. Я быстро соображал под участившийся стук собственного сердца. Этим объяснялось замешательство конников: они решили, что королевский маг благодаря чарам предугадал волю короля. И одновременно разрешалась трудность с перевозчиком: если этот отряд предназначался для сопровождения меня, им теперь незачем перебираться на тот берег. Я поеду с ними обратно, а Ральф тем временем сможет дать перевозчику денег и купить его молчание. Все равно я не возьму мальчика с собой — с королевской немилостью шутки плохи.

Надо было закрепить свой успех. Я приветливо сказал:

— Стало быть, я избавил вас от поездки в Брин Мирддин. Очень рад. А где намеревался король меня принять? В Вирокониуме? Ему ведь едва ли сейчас с руки располагаться в Каэрлеоне.

— Это верно, — ответил командир. Он старался овладеть собой, но голос у него вдруг охрип. — А ты... ты знал, что король идет на север, в Вирокониум?

— А как же иначе, — отозвался я. Краем глаза я видел, как солдаты кивали друг другу и переглядывались, повторяя за мной: «А как же иначе?» — Но я рассчитывал повидаться с ним ранее: король не вручил тебе для меня письма?

— Нет, господин. Только повелел доставить тебя к нему, и все. — Он пригнулся в седле и доверительно

сказал: — Я думаю, это все по причине известия, что он получил вчера из Корнуолла. Дурные вести, должно быть, хотя он никому не обмолвился ни словом. Но был в гневе. А потом приказал привезти тебя.

Он выжидательно смотрел мне в лицо, уверенный, что уж я-то знаю, какие вести пришли вчера к королю из Корнуолла.

Увы, я, кажется, догадывался. Кто-то узнал нас с Ральфом или же просто сообразил, кто может скрываться под обличьем странствующего лекаря, и королю был послан донос. Гонец с доносом мог даже обогнать нас по дороге. Все ясно. Как бы ни повернулось у меня дело с Утером, прежде всего надо отослать Ральфа. И хотя королеве от Утера ничего не могло угрожать, но были еще и другие: Маэва, Кау, Марсия, не говоря уж о младенце... Волосы у меня на затылке зашевелились и встали дыбом, как шерсть на загривке у почуявшего опасность пса. Я осторожно перевел дыхание и огляделся вокруг.

— У вас есть лишняя лошадь? А то моя устала, ее придется вести в поводу. Мой слуга останется здесь и с первым светом переправится на ту сторону, чтобы подготовиться к моему возвращению домой. Когда я освобожусь, король, конечно, отрядит со мной эскорт.

Голос командира, вежливый, но твердый, заглушил негодующее шипенье непокорного Ральфа у меня за спиной.

— Прости, господин, но вы должны последовать с нами оба. Таков приказ. Лошади у нас есть. Не пора ли в путь?

По его знаку всадники окружили нас. Делать было нечего. Командир получил четкий приказ, безопаснее подчиниться, чем спорить. К тому же с минуты на минуту мог вернуться перевозчик. С реки не доносилось ни звука, но, наверное, он уже заметил факелы и торопился к берегу, рассчитывая на заработок.

Подъехал солдат с двумя оседланными лошадьми. Наших лошадей взяли в повод. Мы уселись верхом, прозвучала команда, и отряд раздался, сомкнувшись позади нас.

Не отъехали мы и на двести шагов, как я отчетливо услышал за спиной скрежет лодочного днища по прибрежной гальке. Никто, кроме меня, не обратил на это внимания. Командир увлеченно рассказывал мне о предстоящем совете королей севера, а позади меня раздавался веселый, задорный голос Ральфа, сулящего солдатам «бурдюк тернового вина, вы подобного в жизни не пробовали. Рецепт моего хозяина. В Каэрлеоне теперь всем солдатам такое дают, а вам не доста-

нется. Будете знать, как ездить за мудрецом, которому и без вас известно все происходящее, даже когда оно еще не произошло...».

Король еще почивал, когда мы прискакали в лагерь и — под охраной — расположились в соседнем шатре. Мы не обменялись ни единым словом, не предназначенным для чужих ушей. С тех пор как мы покинули Кэмелфорд, нам не случалось ночевать с такими удобствами. Ральф скоро уснул, но я лежал не смыкая глаз, глядя в темную пустоту и прислушиваясь к тому, как предрассветный ветерок бросает в бок шатра пригоршни дождя. Я твердил себе: «Это сбудется. Сбудется. Мое видение — от бога. Дитя предназначено мне». Но темнота оставалась пустой, ветер налетал на шатер и отступал, затихая. Я ничего не дождался.

Повернув голову на измятом изголовье, я в темноте разглядел, что Ральф лежит с открытыми глазами и смотрит на меня. Но он мне так ничего и не сказал, повернулся на другой бок и вскоре задышал ровно — снова заснул.

9

Король принял меня с глазу на глаз, как только рассвело. Он встретил меня в латах, готовый в дорогу, но с непокрытой головой. Шлем с золотым королевским венцом лежал на табурете подле его кресла, меч и щит стояли тут же, прислоненные к коробу, в котором Утер возил с собой походный алтарь Митры. Шатер его был увешан шкурами и вышитыми полотнищами, но по ногам сквозили холодные утренние ветерки. Снаружи доносился шум войска, снимающегося с лагеря. Над входом в шатер бился и хлопал на ветру королевский дракон.

Приветствие короля было немногословным. Лицо его еще хранило хорошо запомнившееся мне с последней встречи выражение холодной безучастности, но ни гнева, ни вражды я на нем не увидел. Голосом, равнодушным и властным, он коротко и деловито сказал:

— Ты со своим магическим прозрением избавил меня от лишних хлопот, Мерлин.

Я склонил голову. Раз он не задает вопросов, значит, я могу не отвечать. Я перешел прямо к делу:

— Что тебе от меня угодно?

— Прошлый раз, говоря с тобой, я был резок. Позднее мне подумалось, что это недостойно короля, которому оказали услугу.

— Тебя огорчила смерть герцога.

— Ну, герцог сражался против короля. Что бы там ни было, но он поднял на меня меч, вот и погиб. Это дело прошлое, его теперь не исправишь. А у нас с тобой осталось на руках будущее. Оно меня теперь и заботит.

— Ребенок, — кивнул я.

Его голубые глаза сузились.

— От кого ты узнал? Или это опять прозрение?

— Мне сообщил Ральф. Покинув твой двор, он приехал ко мне. И теперь у меня в услужении.

Он свел брови к переносице, подумал, но не нашел в том худа, и лоб его разгладился. Я наблюдал за ним. Утер был высок ростом, рыжеват, светлобород, белокож и румян и от этого казался моложе своих лет. Прошло чуть больше года, мелькнула у меня мысль, как умер мой отец и Утер подхватил штандарт с королевским драконом. Бремя власти укротило его — я теперь читал в его лице не только пыл и прихоть, но также твердость и самообладание; одержанные победы и королевский сан облачили его величием.

Он сделал отстраняющий жест, и я понял, что Ральфу больше нечего его опасаться.

— Что прошло, то прошло, говорю я, но один вопрос я все-таки хочу тебе задать. В ту ночь в Тинтагеле, когда был зачат этот ребенок, я повелел тебе удалиться с моих глаз и больше меня не беспокоить, помнишь?

— Помню.

— А ты ответил, что не будешь больше меня беспокоить, потому что твоя служба мне впредь уже не понадобится. Ты провидел это или ответил так просто в сердцах?

Я спокойно сказал:

— Говоря с тобой, я произносил те слова, что приходили мне на язык. Я считал, что они внушены мне свыше. Во всем, что я говорил и делал в ту ночь, для меня была воля богов. Почему ты спрашиваешь? Или ты затем меня позвал, чтобы стребовать с меня новую службу?

— Не стребовать — просить.

— Как у прорицателя?

— Нет. Как у родича.

— Тогда, государь, как родичу я скажу тебе, что в ту ночь это было не пророчество и не обида на тебя, а просто горе. Я горевал о смерти моего слуги и о смерти Горлойса с товарищами. Ныне же, как ты говоришь, что прошло, то прошло. Если могу быть чем-то полезен, я к твоим услугам.

Но сам я, ожидая его ответа, думал: если сказанное в ту ночь — не пророчество, то и ничего тогда не было от бога и неправда, что бог говорил со мною. Нет-нет, я верно сказал: Утеру моя служба впредь уже не понадобится; да и в тот раз я сослужил службу не Утеру и теперь сослужу не ему. Мне припомнились слова другого короля, моего отца: «Я и ты, Мерлин, мы сложим наши старания, и получится один король, зато такой, какого еще не видел мир». Повеления умершего короля — вот что я исполнял. Умершего и того, который еще не рожден.

Но Утер не заметил моих сомнений, а может быть, мне удалось не показать виду. Он кивнул, уперся локтем в колено, а подбородком в кулак и задумался, хмуря брови.

— В ту ночь было произнесено еще нечто. Я сказал тебе, что не признаю ребенка, тогда зачатого. Я говорил сгоряча, но теперь, поразмыслив и посоветовавшись, я повторяю тебе, Мерлин, что намерение мое не изменилось.

Он подождал, не захочу ли я что-нибудь возразить, но я молчал. Он продолжил чуть раздраженно:

— Не пойми меня превратно, я верю королеве. Верю, что она не всходила на ложе Горлойса после нашей встречи в Лондоне. Ребенок — мой, не спорю, но ему невозможно быть моим наследником, как и невозможно расти в моем доме. Если это будет девочка — тогда все равно, но если мальчик — величайшим неразумием было бы воспитывать его как наследника верховного престола, когда людям ничего не стоит подсчитать сроки, и всегда можно сказать, что герцогиня Игрейна понесла сына от мужа своего Горлойса за полмесяца до свадьбы с королем. — Он посмотрел мне в глаза. — Ты понимаешь это не хуже меня, Мерлин. Ты жил среди королей. Всегда найдется кто-нибудь, кто поставит под сомнение его первородство и, значит, попытается отнять у него трон для другого, чье право «более верное», а уж таких-то, видит бог, всегда отыщется вдоволь. И в первую голову это будут другие мои сыновья. Так что даже на положении побочного сына при моем

дворе он будет нести в себе опасность. А вдруг он вздумает пробраться на королевский престол через смерть остальных моих детей? Клянусь светом, такие случаи известны. Я не хочу, чтобы мой дом стал полем сражения. Я рожу себе другого сына, наследника, чье право неоспоримо, зачатого в браке, так что никто не подкопается, и воспитаю его при себе — вот только пусть прекратятся смуты в королевстве и кончатся саксонские войны. Ты согласен со мной?

— Ты — король, Утер. И ты — отец ребенка.

Это был не слишком-то вразумительный ответ, но Утер кивнул, будто я с ним согласился.

— Мало того. Этот мальчик не только опасен для других, ему и самому будет грозить опасность. Раз пойдут слухи, что он не мой сын, а Горлойсов, стало быть, он младший наследник герцога Корнуэльского и должен получить свою долю владений, которые достались Кадору, когда я признал за ним герцогство по смерти его отца. Так что, королевский он сын или герцогский, в лице Кадора он будет иметь врага, а у Кадора найдется немало единомышленников.

— Кадор верен тебе?

— Я ему доверяю, — с коротким смешком ответил Утер. — Пока что. Он молод, но знает, чего хочет. Владеть Корнуоллом — вот его цель, Корнуоллом он не поступится и рисковать не будет. Сейчас. Но потом — кто знает? После моей смерти... — Он не договорил. — Нет, Кадор не враг мне. Но есть другие.

— Кто?

— Видит бог, на свете не бывало короля, который не имел бы врагов. Даже Амброзий... ведь до сих пор поговаривают, будто он умер от яда. Ты говорил мне, что это не так, я знаю, но все равно я на всякий случай распорядился, чтобы Ульфин отведывал прежде меня мою пищу. С того времени как я привел к себе пленниками Окту и Эозу, вокруг них все время кипят страсти, на них устремляет взоры всякий недруг мой, который хотел бы захватить корону, как Вортигерн, силой саксонских войск и ценой британских жизней и земель. Но что же мне с ними сделать? Отпустить, чтобы они взбунтовали против меня союзных саксов? Или убить, чтобы их сыновья в Германии получили предлог ринуться сюда и кровью смыть обиду? Нет, Окта и его кузен — мои заложники. Если б не они, Колгрим и Бадульф давно уже были бы здесь, а Саксонский берег прорвал бы плотины и плескался те-

перь у Амброзиева вала. А так я выигрываю время. Ты ничего не можешь мне сообщить, Мерлин, из того, что видел или слышал?

Он просил не пророчеств. На явления Потустороннего мира он смотрел косо и опасливо, как пес, который видит ветер. Я покачал головой.

— Про твоих недругов? Ничего. Разве только вот на Ральфа, когда он ехал от твоего двора ко мне, напали какие-то люди и едва его не убили. Значков у них не было. Они могли счесть его посланцем короля. Или королевы. Солдаты из казарм обшарили там всю местность, но они исчезли без следа. Помимо этого, я не слышал ничего. Но можешь не сомневаться, если услышу, сообщу тебе.

Он торопливо кивнул и продолжил свою речь, тщательно выбирая слова. Говорил он отрывисто и словно бы неохотно. А у меня перед глазами все шло кругом, я с трудом сохранял спокойную позу. Сейчас между нами начнется поединок, но совсем иной, чем я себе представлял. Он обсуждал со мной дела королевства. Разве он послал бы за мной, ежели бы не рассчитывал на мое участие в будущем ребенка?

Он подходил к тому, о чем уже беседовал я с Игрейной:

— ...ты понимаешь, отчего, если будет мальчик, мне нельзя оставить его у себя. И однако же если я отошлю его, то защитить уже не смогу. Но и беззащитным его оставить нельзя. Законный или нет, но он мой и королевин сын; если другие сыновья у нас не родятся, я должен буду в конце концов объявить его наследником верховного престола. — Он вскинул кверху ладонь. — Так что же мне остается? Мне нужно найти для него опекуна, у которого он проживет в безопасности и безвестности первые несколько лет жизни... ну, хотя бы до тех пор, покуда не уляжется смута в этом несчастном королевстве и не установится повсюду порядок и спокойствие и твердая, преданная мне власть.

Он опять подождал моего согласия. Я кивнул и, подавив волнение, спросил:

— И ты уже выбрал опекуна?

— Да. Будека.

Стало быть, королева не ошиблась, решение уже принято. Однако же ему понадобился я. Я сдержался и сказал ровным, почти безразличным тоном:

— Да, этот выбор напрашивается сам.

Утер откашлялся, переставил ноги. Я не без удивления увидел, что он смущен, даже робеет. И кажется, рад, что я одобрил его решение. Тут я понял, что, поглощенный единственной заботой, которую считал велением рока, я ошибочно видел в Утере врага. Не в том дело. Он был просто военный вождь, его одолевали беспрестанные бури вокруг его владений, наперегонки со временем он латал дыры в плотинах и дамбах, а вода все прибывала, и судьба младенца, которая впоследствии еще может оказаться достаточно важной, пока в его глазах лишь мелкая задоринка на пути разрешения серьезных вопросов, досадное затруднение, которое скорее бы сбыть с рук. То, что он сейчас говорил, было сказано без всякого волнения и вполне здраво. Может быть, он и вправду хотел спросить у меня совета, как советовался раньше со мной его брат. Но если так... Я облизнул пересохшие губы и заставил себя внимательно слушать, как надлежит советнику человека, попавшего в затруднительное положение.

А он продолжал говорить... Что-то о письме, которое пришло к нему вчера. Указал пальцем на табурет, где валялся скомканный кусок пергамента, словно бы отброшенный в сердцах.

— Ты знал об этом?

Я взял письмо в руки, разгладил. Краткое послание, адресованное королю в Тинтагел из Бретани и доставленное сюда за ним вдогонку. В нем сообщалось, что король Будек летом захворал лихорадкой, к осени уже стал было поправляться, но внезапно в исходе августа умер. В конце следовали учтивые изъявления дружества Утеру от нового короля Хоэля, «преданного тебе кузена и союзника...».

Я поднял глаза. Утер сидел, откинувшись на спинку кресла, и теребил алые складки мантии, перекинутой через руку. Все было спокойно кругом. Ветер снаружи утих. Шумы лагеря долетали сюда приглушенно, словно издалека. Утер смотрел на меня исподлобья, взгляд его выражал тревогу и нетерпение.

Я сказал вежливо:

— Огорчительное известие. Будек был хорошим человеком и надежным другом.

— Весьма огорчительное, даже если бы оно не нарушило моих планов. Я как раз собирался отправить туда письма, когда получил это. И теперь не возьму в толк, что делать. Тебе говорили, что я еду в Вирокониум на совет королей?

— Мне сказал Аудагус. — (Аудагус был начальник конников, доставивший меня сюда.)

Утер вскинул руку.

— Тогда ты поймешь, как нежелательно мне задерживаться для устройства вот этого дела. Но устроить его необходимо, и не откладывая. Для этого я и послал за тобой.

Я покачал пальцем болтавшуюся на шнуре печать.

— Так ты не хочешь отправлять младенца к Хоэлю? А ведь он клятвенно называет себя преданным тебе кузеном и союзником.

— Он, может быть, и преданный мне кузен и союзник, но он, кроме того, еще и... — Утер употребил выражение, которое более пристало солдату, нежели королю на совете. — Я всегда недолюбливал его, а он меня. Конечно, он не станет нарочно причинять вред моему сыну, однако, клянусь Митрой, он не то, что его отец: нельзя быть уверенным, что он сумеет оградить ребенка от происков дурных людей. Нет, я не отправлю сына к Хоэлю. Но к какому еще двору можно его отослать? Подумай сам. — Он перебрал несколько имен, все — мужи могущественные, короли, чьи владения лежали на юге, под защитой вала Амброзия. — Ну? Понимаешь, в чем трудность? Даже если он очутится у одного из владетелей мирного юга, все равно и здесь он может пострадать от руки коварного человека или, того хуже, стать орудием измены и мятежа.

— И потому?..

— Потому я и обращаюсь к тебе. Ты — единственный, кто может вывести меня из затруднения. С одной стороны, я должен буду клятвенно признать, что этот ребенок — мой, на случай если не рожу других сыновей. С другой стороны, надо удалить его отсюда, дабы устранить опасность для него самого и для нашего королевства, чтобы он рос, не ведая о своем высоком рождении, покуда я не призову его к себе. — Король перевернул лежащую на колене руку ладонью кверху и попросил меня с такой же простотой, как уже просил однажды: — Помоги мне.

И я ответил ему столь же просто. Смятенные, взбудораженные мысли вдруг улеглись в порядке, будто разноцветные осенние листья на траве, когда стихнет круживший их ветер.

— Хорошо. Мы в целости проведем корабль твоего королевства между этими рифами. Слушай, и я объясню как. Ты сказал, что думал и советовался об этом деле. Стало быть, твое намерение отослать мальчика к Будеку известно?

— Да.

— А говорил ли ты кому-нибудь о письме и о своем недоверии к Хоэлю?

— Нет.

— Отлично. Ты сделаешь вид, будто намерение твое неизменно и мальчик будет отправлен ко двору Хоэля в Керрек. Напиши Хоэлю, испроси его согласия. Поручи кому-нибудь приготовить все для путешествия младенца с мамкой и свитой, как только позволит погода. И пусть станет известно, что я сам буду его сопровождать.

Он слушал напряженно, наморщив лоб, возражения готовы были сорваться у него с языка, но не сорвались. Он только спросил:

— А потом?

— А потом надо будет, чтобы ко времени родин я оказался в Тинтагеле. Кто ее врач?

— Гандар.

Он хотел было еще что-то добавить, но раздумал и промолчал.

— Отлично. Я не имею в виду самолично пользовать королеву, — улыбнулся я. — Это лишь вызвало бы опасные толки. А ты предполагаешь быть там, когда придет ее срок?

— Постараюсь, но едва ли.

— Тогда засвидетельствовать рождение ребенка смогу я, а также Гандар и придворные дамы и еще кто-нибудь по твоему выбору. Если родится мальчик, тебе будет послано известие с помощью сигнальных костров, и ты объявишь его своим сыном и, пока нет других сыновей, рожденных в браке, наследником престола.

Он задумался, не спеша с ответом и согласием. Но я только развил его же собственную мысль. Наконец он кивнул и произнес немного напыщенно:

— Хорошо. Это все верно. Бастард или нет, но он мой наследник, пока не родится другой. Что же дальше?

— Между тем королева не покинет родильных покоев, ребенка покажут людям, клятвенно засвидетельствуют его рождение и возвратят матери, и пусть он там у нее находится все время и никто его не видит, кроме мамок и Гандара. Гандар за этим проследит. А я открыто уеду — через главные ворота, по подъемному мосту. Но с наступлением темноты тайком вернусь, теперь уже к задним воротам, и там мне передадут ребенка.

— Куда же ты с ним отправишься?

— В Бретань. Нет, погоди. Не к Хоэлю и не на том судне, на которое будут устремлены все взоры. Это ты предоставь мне. Я отвезу его к одному человеку в Бретани на самой границе Хоэлева королевства. Там он будет в безопасности и в надежных, заботливых руках. В этом я ручаюсь тебе своим словом, Утер.

Король сделал жест, словно бы отмахиваясь от моего якобы излишнего ручательства. Но видно было, что на душе у него полегчало, стало одной заботой меньше, хотя среди важных государственных дел она и представлялась ему незначительной и к тому же, пока ребенок был только бременем в утробе женщины, не вполне реальной.

— Я должен знать, где ты его поместишь.

— У моей старой няньки, которая вырастила в Маридунуме меня и остальных королевских детей, как принцев, так и бастардов. Ее имя — Моравик, она бретонка. Вортигерн ее прогнал, и она вернулась на родину. Там вышла замуж. Пока младенца не отлучат от груди, лучшего укрытия для него нельзя придумать. Дом это простой, там его искать никто не станет. Он будет под охраной, но безвестность надежней любых стражей.

— А как же Хоэль?

— Ему придется открыться. Предоставь это мне.

В лагере заиграла труба. Солнце, подымаясь, разогрело бок шатра. Король встрепенулся и расправил плечи, будто снял доспехи.

— Что мы скажем людям, когда обнаружится, что младенца на королевском корабле нет?

— Скажете, что, опасаясь встречи с саксами в Узком море, младенца отправили в Бретань не на королевском корабле, а тайно, с Мерлином.

— А когда станет известно, что и при дворе Хоэля его нет?

— Гандар и Марсия поклянутся, что передали младенца мне, живого и невредимого. Какие пойдут толки, не берусь угадать, но никто не усомнится, что он будет в безопасности под моим покровительством. Ты знаешь, как люди понимают мое покровительство. Будут, наверно, говорить о колдовстве и заклятье и что мальчик объявится вновь, когда я сниму с него чары.

Утер деловито возразил:

— А вернее — что корабль затонул и мальчик погиб.

— Я это опровергну.

— Значит, ты не останешься с младенцем?

— Пока нет. Этого нельзя. Меня все знают.

— Кто же тогда с ним будет? Ты сказал, что он будет под охраной.

Я в первый раз на минуту замялся. Но тут же поднял на него глаза и ответил:

— Ральф.

На лице его выразилось недоумение, потом гнев, потом мысль его заработала, преодолевая преграду гнева.

— Да, — проговорил он. — В этом я тоже был не прав. Он человек верный.

— Как никто другой.

— Ну хорошо. Я согласен. Сделай все, что сочтешь нужным. Это дело я целиком поручаю тебе. Ты лучше всех в Британии сумеешь сберечь этого ребенка. — Он тяжело уронил ладони на подлокотники кресла. — Стало быть, решено. Перед тем как сняться с лагеря, я еще отправлю королеве письмо, которым сообщу ей свою королевскую волю.

Я счел уместным спросить:

— А она согласится? Для женщины это нелегко, даже и для королевы.

— Она знает о моем решении и сделает, как я скажу. Но в одном она поступит по-своему: она захочет, чтобы младенец был окрещен.

Я покосился на алтарь Митры в глубине шатра:

— А ты не хочешь?

Он передернул плечами:

— Какая разница. Все равно на престоле ему не сидеть. А если уж сядет, то будет служить тем богам, каким молится его народ. — Он поглядел мне прямо в глаза и заключил: — Как мой брат.

Это был прямой вызов, но я от него уклонился и только спросил:

— А имя?

— Артур.

Имя было мне незнакомо, но прозвучало как эхо чего-то слышанного давным-давно. Не было ли в роду Игрейны римлян? Ну да, конечно. Артории, так, кажется, звались ее римские предки. Однако имя Артур я слышал где-то еще...

— Я позабочусь об этом, — сказал я. — А теперь, с твоего позволения, я тоже напишу письмо короле-

ве. Ей будет легче в родах, если она получит заверение в моей преданности.

Он кивнул, затем встал и протянул руку за шлемом.

На устах его появилась улыбка — слабый призрак злорадных усмешек, которыми он донимал меня в детстве.

— Не странно ли это, о Мерлин-бастард, что жизнь моего не в добрый час зачатого сына я доверяю единственному в королевстве человеку, у которого права на престол больше, чем у него? Тебе это не льстит?

— Нисколько. Ты был бы последним глупцом, если бы по сию пору не убедился, что я не стремлюсь к обладанию короной.

— Вот и моего бастарда обучи тому же, ладно? — Он кликнул через плечо слугу, потом опять обернулся ко мне. — Только смотри, черной магии своей его не учи.

— Раз он твой сын, магия не по его части, — сухо ответил я. — Я не буду учить его ничему сверх того, что ему необходимо и должно знать. Положись на мое слово.

И на том мы простились. Мы с Утером не слишком-то были расположены друг к другу, и тут уж ничего не поделаешь. Но нас связывало взаимное уважение, коренящееся в общности крови и в том, что мы оба, каждый по-своему, любили Амброзия и, каждый по-своему, служили ему. Мне бы надо было знать, что мы с ним, как две половинки одной шашки, можем двигаться только вместе, хотим мы того или нет. Боги склонились над доской и ведут игру, а люди движутся под их пальцами, любят или убивают.

Мне бы надо было знать это раньше. Но я так привык улавливать голос богов в пламени и в звездах, что совсем разучился узнавать его в человеческом разговоре.

Ральф, один в шатре, под стражей, дожидался моего возвращения. Узнав, чем кончился мой разговор с Утером, он долго молчал, потом проговорил:

— Значит, так оно все и будет, как ты предсказал. Ты это знал заранее? Мне-то показалось, когда они везли нас сюда ночью, что ты боишься.

— Я и боялся. Но не того, что ты думаешь.

Я ожидал от него вопроса, но, как ни странно, он меня понял. Щеки его залила краска, он наклонил голову.

— Господин мой, я должен признаться... — Голос его звучал сдавленно. — Я очень ошибался в тебе. Вначале я думал... ведь ты не воин, и я считал тебя...

— Трусом? Знаю.

Он резко поднял голову:

— Ты знал? И мирился?

Это было в его глазах едва ли не предосудительнее, чем трусость.

Я улыбнулся:

— Я привык к этому еще мальчиком, когда рос среди будущих воинов. К тому же я и сам никогда не был уверен в собственной храбрости.

Он захлопал глазами, потом выпалил:

— Но ты ведь не боишься совершенно ничего! Что только не происходило во время нашего путешествия, а на тебя поглядеть, так мы просто совершаем приятную утреннюю прогулку, а не едем по дорогам, где за каждым поворотом разбойники и дикие звери. Или когда нас захватили солдаты короля — он, конечно, твой родной дядя, но это вовсе не значит, что тебе от него ничего не грозило. Всем известно, как страшна немилость короля. Но ты оставался холоден и спокоен, словно только того от него и ждал, что он будет послушно выполнять твою волю, как все. Это ты-то не уверен в собственной храбрости? Да ты не боишься ничего земного!

— Об этом я и говорю. Так ли уж много храбрости нужно, чтобы встретить лицом к лицу врагов-людей — «земных», как ты их называешь, — если заведомо известно, что останешься жив? Но провидение, Ральф, несет с собой свои страхи. Смерть, может быть, и не за углом, но когда знаешь, как и когда она придет... Не очень-то это приятно.

— И ты что же, знаешь?

— Знаю. По крайней мере то, что мне видится, наверно, и есть моя смерть. Темнота, закрытая гробница...

Он содрогнулся:

— Да, понимаю. По мне, много лучше сражаться при свете дня, даже если, может быть, завтра умрешь. Может быть, завтра, но по крайней мере не сейчас. Ты поедешь в замшевых сапогах, господин, или переобуешься?

— Переобуюсь, пожалуй. — Я сел на скамью и протянул ему ногу. Он опустился на колени и взялся за мой замшевый сапог. — Ральф, я должен сообщить тебе еще кое-что. Я сказал королю, что ты находишься при мне и отправишься в Бретань охранять младенца.

Он взглянул на меня снизу вверх, пораженный:

— Ты сказал ему это? Что же он ответил?

— Что ты человек верный. Что он согласен и одобряет.

Ральф сел на пятки, держа в обеих руках мой сапог и хлопая глазами.

— У него было время поразмыслить, Ральф, — как должны всегда размышлять короли. И было время успокоить свою совесть — как умеют короли. Теперь для него все это — дело прошлое, а герцог Горлойс — мятежник. Если хочешь вернуться на службу к королю, он примет тебя милостиво и включит в число своих воинов.

Ральф, не отвечая, склонялся над моими ногами, затягивая пряжки. Потом вскочил, откинул полог шатра и крикнул, чтобы нам привели лошадей.

— Да поскорее! Мы с моим господином едем на переправу!

— Вот видишь, — сказал ему я. — На этот раз ты сам принял решение, по своей доброй воле. И однако же кто знает, не предусмотрено ли оно высшим изволением, как и «случайная» смерть Будека? — Я встал, потянулся и со смехом заключил: — Клянусь всеми живыми богами, я рад, что дело наконец пришло в движение. И всего более я рад сейчас одному обстоятельству.

— Какому же? Что так легко получил младенца?

— Да, конечно, этому тоже. Но я-то имел в виду, что наконец могу теперь сбрить эту проклятую бороду.

10

Ко времени нашего с Ральфом прибытия в Маридунум планы мои, насколько возможно, были составлены. Первым же судном я отослал Ральфа в Бретань с письмами к Хоэлю, в которых содержались мои соболезнования, а также необходимые дополнения к письму короля. Одно письмо, которое Ральф вез открыто, лишь повторяло королевскую просьбу к Хоэлю приютить на первые годы его младенца-сына; во втором, предназначенном для передачи тайно, говорилось, чтобы он не беспокоился — забота о ребенке на него возложена не будет — и чтобы в официально назначенный срок с королевским судном он нас не ждал. Я просил его оказать содействие Ральфу в подготовке нашего тайного переезда, который, по моим расчетам, должен был прийтись на Рождество. Хоэль —

лежебока и сибарит, не питающий при этом особо нежных чувств к своему кузену Утеру — будет, я знал, счастлив таким послаблением и на радостях поможет нам с Ральфом всем, чем только возможно.

Расставшись с Ральфом, я отправился на север. Я понимал, что долго держать младенца в Бретани не придется; его можно спрятать у Моравик на время, чтобы о нем немного позабыли, но длительное пребывание там сопряжено с опасностью. Враги Утера, как я объяснил королеве, прежде всего бросятся искать ребенка в Бретани. Узнав, что при дворе Хоэля, как было объявлено, его на самом деле нет и никогда не было, они, может быть, даже решат, что все разговоры о Бретани не более как ложный след. А я уж позабочусь, чтобы никакой след не навел их на убогое жилище Моравик. Но все это годилось, только пока дитя находится в колыбели; когда оно вырастет и начнет показываться на людях, могут пойти слухи, разговоры. Я знал, как это бывает: в простой семье растет мальчик, а окружен такой заботой и постоянным надзором; люди начнут задумываться, спрашивать и легко догадаются о правде.

Мало этого, когда мальчика отлучат от мамок и нянек, нужно будет дать ему воспитание, подобающее если и не принцу, то знатному отроку и будущему воину. Брин Мирддин для него неподходящее обиталище, это очевидно, он должен расти в довольстве и безопасности, в доме лорда. Так рассуждая, я в конце концов пришел к мысли о старом друге моего отца, человеке, которого я хорошо знал. Имя его было Эктор, титул — граф Галавский. Это был один из вассалов Коэля, короля Регедского, главного северного союзника Утера.

Регед — обширное королевство, протянувшееся от горной хребтовины Британии до западных берегов и от вала Адриана на севере вплоть до равнины Дэва. Галава — владение, которое Эктор держал от Коэля — находится примерно в тридцати милях от побережья, в северо-западном углу королевства. Местность здесь дикая, гористая: обрывы и склоны, потоки, лесные чащи; она издавна называлась в народе Дикий лес. Замок Эктора стоит на равнине над узким концом одного из тех длинных озер, которыми изобилуют междугорья. В давние времена там располагался римский форт — одна из нескольких крепостей на военной дороге, соединявшей порт Гланнавента на морском берегу с главным трактом Лугувалиум — Йорк. Между Галавой и Гланнавентой — крутые

склоны и узкие, легко обороняемые горние проходы, а на востоке лежат мирные владения Регеда.

Когда Утер говорил о том, чтобы отдать сына в какой-нибудь дом на воспитание, он имел в виду только богатые, давно освоенные земли за валом Амброзия. Но я, даже не разделяя его сомнений в верности вассалов, все равно счел бы эти области опасными. Их в первую голову мечтали захватить саксы, зажатые между берегом и валом. За них, я знал, они готовились сражаться, и сражаться не на жизнь, а на смерть. А на севере, в дремучем королевстве Регед, где никому не придет в голову его искать, под охраной древнего Дикого леса, мальчик будет расти, даст бог, в безопасности, и притом на свободе, как дикий олень.

Эктор как раз незадолго перед тем женился. Жена его, по имени Друзилла, была родом из Йорка, из римско-британской семьи. Отец ее Фаустус был городским советником и оборонял город от Хенгистова сына Окты, он же потом находился в числе тех, кто настоятельно советовал вождю саксов смириться перед Амброзием. А Эктор в то время сражался в армии моего отца. Там, в Йорке, он познакомился с Друзиллой и взял ее в жены. Оба исповедовали христианство, потому, быть может, их пути и нечасто пересекались с Утеровыми. Но я вместе с отцом своим Амброзием не раз бывал в Йорке в доме у Фаустуса, где велись долгие беседы о том, как замирить северные земли.

Замок в Галаве был почти неприступным. Построенный на месте старого римского форта, он стоял на берегу озера, а с двух сторон его защищали глубокая река и заросший лесом горный склон. Подойти можно было только по открытой воде или же по узким, постоянно охраняемым горным ущельям. Но видом Экторов дом на крепость не походил. За стенами росли деревья, расцвеченные в это время года золотом и багрянцем осени, на глади озера виднелись лодки, по низким берегам многоводной, плавно текущей реки в камышах сидели с удочками рыболовы. Зеленые луга вокруг пестрели стадами, а к стенам замка, совсем как в мирные римские времена, жалась деревня. В лесу, милях в двух от замка, был монастырь, а выше на горах, где кончались леса, на голых пастбищах, покрытых лишь короткой травой да каменными россыпями, прямо у себя над головой можно было видеть местных серо-голубых овец, которых пас веселый пастушонок, обороняющийся от волков и хищных горных лисиц с помощью посоха и единственной овчарки.

Я отправился туда один, не торопясь. И хотя ненавистную бороду я сбрил и обличье свое не менял, проехал никем не узнанный и не замеченный и под вечер ясным октябрьским днем прибыл в Галаву.

Главные ворота стояли нараспашку, за ними на широком мощеном дворе мужчины и отроки разгружали воз сена. Волы стояли смирно, жуя свою жвачку; рядом парень поил взмыленных лошадей. Из-под колес лаяли собаки, в соломе деловито рылись куры. Двор затеняли деревья, а по обе стороны от парадного крыльца на клумбах под поздним осенним солнцем золотились и рдели яркие ноготки. Все это напоминало скорее процветающую деревенскую усадьбу, а не замок, но сквозь открытую дверь я увидел развешанные рядами свежевычищенные доспехи, а откуда-то из-за высокой стены раздавались военные команды и лязг железа — шли учения.

Я остановился под аркой ворот, и в тот же миг передо мной вырос привратник. Он спросил, чего мне угодно. Я вручил ему кошелек, в котором лежала моя фибула с драконом, и велел отнести господину. Не прошло и нескольких минут, как он воротился, запыхавшись, за ним поспешал управитель замка, который сразу же проводил меня к графу Эктору.

Эктор мало изменился. Был он среднего роста и, должно быть, средних лет; будь жив сейчас мой отец, прикинул я, они были бы ровесники, то есть лет сорока с небольшим. В каштановой бороде серебрились нити седины, под смуглой задубелой кожей кровь играла здоровым румянцем. Жена его, женщина еще молодая, лет на десять моложе мужа, оказалась высокой, статной, в обхождении молчаливой и даже слегка робкой — только взгляд серо-голубых глаз опровергал чопорные манеры и сдержанное немногословие. Эктор выглядел человеком, вполне довольным жизнью.

Он принял меня с глазу на глаз в небольшой комнате, где у стен стояли прислоненные луки и копья, а перед очагом грелись четыре борзые собаки. В очаге жарко полыхали сосновые поленья, уложенные высоко, как на погребальном костре, и неудивительно, ибо узкие амбразуры-окна стояли незастекленные, сквозь них свободно входил бодрый октябрьский холод, и ветер выл в тетивах луков, будто пятая борзая.

Эктор с медвежьим радушием ухватил меня за локти и воскликнул, сияя:

— Мерлин Амброзий! Вот так радость! Сколько лет мы не виделись? Два года? Три? Немало с тех пор воды

утекло и немало звезд попадало, а? Ну, добро пожаловать, добро пожаловать! У меня в замке ты самый желанный гость. Ты, говорят, прославился за это время? Каких только небылиц про тебя не рассказывают... Ну да теперь я узнаю правду, и из первых рук. Но, клянусь блаженной кончиной Господа, ты час от часу все более на него походишь! Только вот похудее телом, да, похудее. Вид такой, будто ты целый год доброго куска мяса не съел. Садись-ка поближе к огню и позволь мне распорядиться об ужине, прежде чем мы приступим к беседе.

Ужин был превосходный и обильный, в десять раз больше, чем мне нужно было, чтобы насытиться. Эктор ел за троих, а остальное пришлось на мою долю. За едой мы беседовали, обменивались новостями. О беременности королевы он уже знал и сразу завел про это разговор, но я не поддержал его и справился вместо этого, успешно ли прошел в Вирокониуме совет королей. Он присутствовал на этом совете и лишь недавно возвратился домой.

— Успешно ли? — переспросил Эктор. — Трудно сказать. Съехались многие. Коэль Регедский, понятно, был и все другие властители здешних земель. — Он перечислил с десяток своих соседей. — Один только Риокатус Вертерский прислал гонца, сказался больным.

— А вы, стало быть, не поверили?

— Кто поверит хоть единому слову этого шакала? Разве что другой такой же подлый блюдолиз, — в сердцах ответил мне Эктор. — Но волки собрались всей стаей, так что пожиратели падали в счет не идут.

— И король Стрэтклайда был?

— О да, конечно, Кау приехал. Ему, понимаешь ли, с запада пикты житья не дают. Они сроду соседям в печенки лезли. Кау хоть и сам пиктских кровей, но готов вступить в любой союз, который помог бы ему держать в руках эти его дикие земли, так что к совету королей он отнесся благосклонно. На него, я уверен, можно будет положиться. Другой разговор, сумеет ли он держать в подчинении свору своих сыновей. Слышал ты, что наделал один из них, совсем еще юный негодяй по имени Хель? Ему бы, кажется, и копье-то поднимать не по возрасту, а умудрился минувшей весной взять силой одну из дочерей Мориена. Как раз на пути в монастырь: папаша при рождении дал обет отпустить ее в монахини. Поднял молокосос копье на девицу, и рука не дрогнула. Когда отец об этом узнал, она уж была за кордоном и не в том виде,

чтобы соваться в монастырь, даже самый терпимый. — Эктор усмехнулся. — Мориен, конечно, в крик: насилие, мол, да все его на смех подняли, ну он и приумолк, поладили миром. Стрэтклайд, некуда деваться, раскошелился, но в Вирокониуме он и Мориен сидели в разных концах зала, а Хель и вовсе носу не показал. Ну да они сговорились забыть взаимные обиды. Утер это дело сумел уладить, так что с Регедом и Стрэтклайдом теперь добрая половина северян стоит за верховного короля.

— А другая воловина? — спросил я. — Что Лот?

— Лот? — Эктор фыркнул. — Этот бахвал! Да он распишется в верности самому дьяволу вместе с Гекатой за несколько лишних акров земли. О Британии он печется не больше, чем вон тот пес у очага. Даже меньше. И он, и бешеный выводок его братьев сидят на своей холодной скале, и дела им ни до кого нет. Эти будут сражаться, только если им выгодно, и весь сказ. — Эктор помолчал, глядя в огонь и носком сапога щекоча брюхо псу; животное зевнуло и блаженно прижало уши. — Но на словах он за нас, и, может быть, я возвел на него напраслину. Времена-то меняются, теперь и варвары вроде Лота не могут не видеть, что, если мы не объединимся и не свяжем себя нерушимой клятвой, быть опять Всемирному Потопу.

Под этим Эктор подразумевал не наводнение, а великое вторжение диких племен, происшедшее столетие назад. Пикты и саксы и присоединившиеся к ним скотты из Ирландии хлынули в Британию через вал Адриана, все на пути обрекая огню и топору. Тогда их под Сегонтиумом наголову разбил Максим, он прогнал их прочь, завоевав Британии мир, а себе — империю и место в легенде.

Я сказал:

— Лотиану принадлежит ключевое место в обороне, задуманной Утером, даже более важное, чем Регеду и Стрэтклайду. Я слышал — вот не знаю, правда ли? — что по берегам Алаунуса тоже поселились англы и что союзных англов к югу от Йорка по реке Абусу теперь в два раза больше, чем при жизни моего отца.

— Это правда, — сокрушенно подтвердил Эктор. — И южнее Лотиана на побережье нет никого, кроме Уриена, еще одного стервятника, который кормится от Лота. Да нет, пожалуй, я и к нему несправедлив. В конце-то концов, ведь он женат на Лотовой сестре, как же ему не плясать под его дудку. А кстати, говоря об этом...

— О чем? — спросил я, потому что он не договорил.

— О женитьбе. — Он нахмурился, но тут же ухмыльнулся. — Забавное дело, хотя затея дьявольски опасная. Ты знаешь, что у Утера есть побочная дочь, не помню ее имени, ей сейчас лет семь или восемь?

— Моргауза. Да, я ее помню. Она родилась в Бретани.

Моргаузу родила от Утера одна бретонская девица, она последовала за ним и в Британию, надеясь, по-видимому, на брак, ибо была хорошего рода и к тому же, насколько известно, единственная женщина, имевшая от него ребенка. (Многие в войске Утера, кто потихоньку, а кто и вслух, диву давались, как это ему удается не оставлять за собой целого хвоста ублюдков, подобно тому, как сеятель оставляет за собой в борозде зеленую поросль. Однако та девица была единственная, насколько мне было известно. И Утеру, я думаю, тоже. Он был человек справедливый и щедрый и если и лишал девиц девства, то иных обид от него не потерпела ни одна.) Дочь свою он признал, содержал ее с матерью в одном из своих замков, а когда мать вышла замуж за его придворного, взял девочку к себе в дом. Я видел ее когда-то в Бретани: худенькое, пепельноволосое дитя с огромными глазами и маленьким поджатым ротиком.

— Так что же Моргауза?

— Утер выяснял возможности выдать ее за Лота, когда она созреет для постели.

Я поднял брови:

— А Лот что об этом думает?

— Ло́т? Ты бы на него посмотрел. Смех, да и только. Почернел от злости, будто росомаха, как услышал, что ему, королю Лоту, прочат Утерову побочную дочь, однако же речи вел учтивые, осторожные, боялся — а вдруг другой-то дочери, в законе рожденной, у короля не будет. Бастарды и их супруги и раньше, случалось, наследовали королевства. Не при тебе будь сказано, разу́меется.

— Разумеется. Вот, стало быть, как Лот высоко метит?

Эктор кивнул:

— Ни много ни мало как в верховные короли, можешь мне поверить.

Я, нахмурясь, размышлял. Лота я никогда не видел, он был едва ли старше, чем я, лет двадцати с небольшим, и хотя сражался под знаменем моего отца, но так уж получилось, что пути наши не пересеклись ни разу.

— Так Утер хочет привязать к себе Лотиан, а Лот не против, чтобы его привязали? Каковы бы ни были Лотовы тайные устремления, но по крайней мере это означает, что он будет сражаться за верховного короля, когда дойдет до дела. А Лотиан — наш главный оплот против англов и других, кто наседает на нас с севера.

— О да, сражаться он будет, — кивнул Эктор. — Разве только англы предложат ему кус полакомее, чем сулит Утер.

— Даже так?

Я встревожился. Эктор, человек простой и прямолинейный, был при всем том очень проницателен и, как никто, осведомлен в сложном соотношении сил на наших побережьях.

— Ну, может быть, я слегка и преувеличил. Но на мой взгляд, Лот — личность бессовестная и честолюбивая, а такое сочетание не сулит ничего доброго сеньору, который не сумел бы его ублаготворить.

— А каковы его отношения с королем Регеда? — Я думал о том, как будет житься младенцу в Галаве с таким соседом, как Лот, на северо-востоке, за Пеннинским хребтом.

— О, дружеские, дружеские. Как у двух псов, когда перед обоими стоит по полной миске. Так что пока беспокоиться причин нет, а с божьей помощью и не будет. Забудем о них и давай выпьем. — Он вылил в себя целый кубок вина, поставил его на стол порожним и вытер усы. Потом устремил на меня вопросительный, умный взгляд. — Ну? А теперь не пора ли к делу, мой мальчик? Не затем же ты проделал столь долгое путешествие, чтобы сытно поужинать и посудачить со старым фермером? Чем я могу служить сыну Амброзия?

— Племяннику Амброзия, вернее будет сказать.

И я объяснил ему все. Он выслушал меня молча. При всей его доброте и сердечности он не был человеком порыва, скоропостижного решения. В свое время Эктор почитался хладнокровным и расчетливым военачальником, какому цены нет в любом деле — от жаркой битвы до упорной осады. Когда я передал ему королевское решение о моей опеке над младенцем, он только выразил удивление взглядом и вздернутой бровью, но выслушал меня, не перебивая и не отводя глаз от моего лица.

Я кончил, и он расправил плечи.

— Что ж. Одно могу сказать тебе сразу, Мерлин: я горд и рад, что ты обратился ко мне. Ты знаешь, как я относился к твоему отцу. И сказать тебе по чести, мой мальчик... —

Он закашлялся, но продолжал, отвернувшись к огню: — Меня всегда печалило, что сам ты рожден вне брака. Это, конечно, между нами, сам понимаешь. Утер, впрочем, тоже взялся за дело неплохо...

— Гораздо лучше, чем сумел бы я, уверяю тебя, — с улыбкой ответил я ему. — Мой отец не раз говорил, что мы с Утером на двоих обладаем свойствами одного хорошего короля. У него была заветная мечта, что когда-нибудь мы вдвоем явим миру такого короля. И вот она сбывается. — Я добавил, видя, что он удивленно вскинул голову: — О да, я знаю, младенец, еще даже не родившийся. Но пока все складывается именно так, как я ожидал: дитя, зачатое Утером и отданное на воспитание мне. И я знаю, что из него вырастет король, о каком мечтал Амброзий, — такой король, какого еще не видала эта многострадальная страна и, быть может, никогда более не увидит.

— Это ты прочел по звездам?

— Да, бесспорно, это начертано на звездах, а кто начертал это там, если не бог?

— Что ж, дай господи, дай господи. Приближается время, Мерлин, быть может, не на будущий год, и не в ближайшие пять лет, и, может быть, даже не десять, но такое время настанет, когда год Великого Потопа повторится, и дай нам бог, чтобы в Британии нашелся король, способный противостоять нашествию с мечом Максима в руке. — Он резко обернулся. — Что это? Что это был за звук?

— Только ветер в тетивах луков.

— А мне показалось, арфа. Странно. Что с тобой, дружище? Почему ты так смотришь?

— Ничего. Так просто.

Он поглядел на меня долгим внимательным взглядом, хмыкнул, но ничего не сказал. Стало тихо, и в тишине внятно прозвучал протяжный, напевный звон, холодная музыка, как бы родившаяся из воздуха. Мне вспомнилось, как я ребенком, бывало, лежал, смотрел на звезды и прислушивался к музыке, которую, по рассказам старших, они издают, перемещаясь в небе. Вот так она, наверное, звучала, подумалось мне.

Вошел слуга с охапкой дров, и горний звон умолк. А когда слуга удалился, плотно закрыв за собой дверь, Эктор снова заговорил, теперь уже совсем другим тоном:

— Ну что ж, я, конечно, согласен. И буду горд все исполнить. Ты прав, ближайшие несколько лет Уте-

ру, похоже, будет не до него. При нынешнем положении самая жизнь младенца у такого отца может оказаться в опасности. В Тинтагеле он мог бы, конечно, расти, но там, как ты справедливо заметил, Кадор... А знает король, что ты обратился ко мне?

— Нет. И пока что я не намерен ему рассказывать.

— Вот как? — Эктор поразмыслил немного, хмуря брови. — И он что же, по-твоему, не спросит даже?

— Не знаю. Может быть, и не спросит. Про Бретань он особенно не расспрашивал. По-моему, сейчас он хочет только одного: чтобы от этой заботы его избавили. Да притом еще, — я горько усмехнулся, — сейчас у короля со мной перемирие, но едва ли оно продлится, если мы будем рядом. А с глаз долой — из головы вон. Если мне предстоит заниматься воспитанием ребенка, лучше мне для этой цели быть от короля подальше.

— Да, об этом мы тоже наслышаны. Помогать королям в осуществлении их желаний — дело небезопасное. Будет ли мальчик христианином?

— Воля королевы такова, и я постараюсь устроить в Бретани крещение. Мальчика нарекут Артуром.

— Ты будешь восприемником?

Я засмеялся:

— Поскольку сам я не крещен, вряд ли я гожусь для этой роли.

Эктор обнажил в улыбке зубы.

— Я и забыл, что ты язычник. Ну да я рад за мальчика. Не то бы тут еще возникли сложности.

— С твоей женой? Она набожная христианка?

— Да, бедняжка. Ей другого утешения не осталось с тех пор, как умер наш младший. И больше, ей сказали, не будет. Для нее просто милость божья, что мы возьмем еще одного мальчика в дом, мой сын Кей хоть и всего-то трех годов от роду, но строптив, разбойник, мамки и няньки его вконец избаловали. Второй ребенок в семье — как раз то, что надо. Как, ты сказал, его будут звать? Артур? Предоставь мне обговорить все с Друзиллой. Хотя, без сомнения, она будет рада ребенку не меньше меня. И могу заверить тебя, что она хоть и женщина, но умеет держать язык за зубами. Он будет у нас в безопасности.

— Знаю. Это мне не понадобилось вычитывать по звездам.

Но он прервал мои изъявления благодарности:

— Ну и отлично. Все решено, стало быть. Подробности обсудим позже. А с Друзиллой я поговорю нынче же вечером. Ты у нас погостишь, надеюсь?

— Благодарю, но это невозможно. Я задержусь здесь не дольше, чем необходимо для отдыха, моего и коня. В декабре я должен быть снова в Тинтагеле, а перед тем мне надо еще побывать дома и встретить Ральфа на возвратном пути из Бретани. О многом еще предстоит позаботиться.

— Жаль. Но ты потом появишься у нас. Будем ждать с нетерпением. — Эктор опять ухмыльнулся и потрепал одну из собак. — То-то забавно будет принять тебя в дом на место наставника или как там будет называться твоя должность при мальчике. К тому же, признаюсь, мне хочется, чтобы и на моего Кея нашлась наконец управа. Надеюсь, что с тобой он будет вести себя прилично, хотя бы уж из страха, как бы ты за непослушание не превратил его в жабу.

— Мне больше удаются летучие мыши, — смеясь, ответил я. — Ты очень добр, и я твой вечный должник. Однако поселюсь я отдельно от вас.

— Э нет, дружище, сын Амброзия не будет рыскать по округе в поисках пристанища, покуда у меня есть очаг и четыре стены, чтобы предложить ему гостеприимство. Отчего же не с нами?

— Потому что меня могут узнать, а где Мерлин, там люди станут ближайшие несколько лет искать и Артура. Нет, я должен жить скрытно. Большой дом со множеством домочадцев для меня опасен, и четыре стены, при всей моей признательности, не самое надежное прибежище.

— А-а, ну да. Стало быть, пещера. Что ж, в наших краях их, я слышал, несколько, только придется сначала выселить волков. Ладно, тебе лучше знать. Но скажи мне, а как же королева? Что она-то обо всем этом думает? Мыслимо ли, чтобы женщина позволила забрать своего первенца прямо с ложа, на котором произвела его на свет, и не попыталась бы потом найти его или дать о себе знать?

— Королева сама тайно призвала меня и просила, чтобы я взял младенца. Ей нелегко было принять такое решение, я знаю, но такова воля короля, а не просто прихоть его, рожденная досадой; королева тоже ясно видит опасность, грозящую ребенку. И она прежде всего королева, а потом уж женщина. — Я добавил, осторожно подбирая слова: —

Мне кажется, она не рождена для материнства, как и Утер не рожден быть отцом. Они — мужчина и женщина, созданные друг для друга, и, восстав с брачного ложа, остаются лишь королем и королевой. Возможно, что когда-нибудь Игрейна спохватится и спросит, ну да это дело будущего. А покамест она согласна на разлуку.

В тот вечер мы беседовали за полночь, обсуждая в подробностях все, что предстояло сделать. Условились, что Артур проживет в Бретани лет до трех-четырех, а затем, в безопасное время года, Ральф переправит его из Бретани и доставит в дом Эктора.

— А ты? — спросил Эктор. — Где ты в это время будешь?

— Только не в Бретани, по тем же причинам, по которым не смогу жить здесь. Я исчезну, Эктор. У магов есть такой дар — исчезать. А когда появлюсь снова, то где-нибудь в таком месте, где смогу отвести глаза людей и от Бретани, и от Галавы.

Он стал было меня допрашивать, но я только засмеялся и больше ничего ему не открыл.

— По правде сказать, я и сам еще толком не решил. А теперь прощай, я и так слишком долго удерживал тебя вдали от супружеского ложа. Твоя жена, наверное, удивляется, что за таинственный гость не отпускает тебя к ней? Я принесу мои извинения, когда ты утром меня ей представишь.

— А я постараюсь искупить вину сейчас, — сказал он, вставая. — Ну да признаться, такая повинность мне по душе. Ты много теряешь, Мерлин, могу тебя уверить, — впрочем, откуда тебе знать?

— Знаю, — сказал я.

— Знаешь? Тогда, стало быть, у тебя есть нечто, ради чего ты на это идешь, ради чего отказываешься от женщин?

— Да, есть.

— Ну что ж, в таком случае, пожалуй, вот сюда, на свое необогретое ложе. — И он распахнул передо мною дверь.

11

Мальчик родился в канун Рождества, за час до полуночи.

Незадолго перед тем я и еще двое придворных, назначенных свидетелями, были приглашены в короле-

вины покои, где Гандар с несколькими помощницами хлопотал над роженицей. Одна из них, молодая женщина по имени Бранвена, недавно разрешилась от бремени мёртвым младенцем — ей предстояло стать кормилицей королевского сына. Когда все свершилось, младенца обмыли и спеленали и королева забылась сном, я простился и выехал из замка по Димилиокской дороге. Но лишь только скрылись из виду надвратные огни, как я тут же повернул коня на крутую тропу, что вела по оврагу обратно вниз, к морю.

Тинтагельский замок стоит на крутой, далеко выступающей в море прибрежной скале — почти что острове, со всех сторон окруженном бушующим прибоем. С берегом его соединяет лишь узкий перешеек, а справа и слева уходят круто к воде отвесные обрывы. У их подножий среди валунов есть несколько засыпанных галькой бухточек. Из одной такой бухточки, проходимой лишь в часы отлива, по крутым уступам можно пробраться вверх к низкой дверце в подножии крепостной стены. Это и есть потайной задний вход в замок. Дверца открывается на каменную винтовую лестницу, которая подводит к черному ходу из королевских покоев.

На этой винтовой лестнице в одном месте есть широкая площадка, куда выходит комната для стражи. Здесь я должен был ждать, пока младенец не окрепнет настолько, что его можно будет вынести на холодный зимний воздух. Стража там не стояла; несколько месяцев назад король распорядился наглухо закрыть задний вход в замок, и дверь, что вела в замковые покои, тоже замуровали. К моему приходу тайную дверцу снова распечатали, и никто ее не сторожил, кроме Ульфина и его друга Валерия, телохранителя короля, которым надлежало меня впустить. Валерий повел меня вверх по лестнице, а Ульфин спустился в бухточку, где я оставил коня. Ральфа со мной не было. Он должен был съездить удостовериться, что бретонский корабль уже находится в условленном месте у берега, а после этого каждую ночь поджидать в бухте с лошадьми, когда я вынесу младенца из замка.

В помещении стражи я переждал два дня и две ночи. Там была подстилка для сна, Ульфин собственноручно развел огонь, чтобы разогнать давний холод запустенья, и он же время от времени приносил мне пищу и свежее топливо, а заодно и вести о том, что происходит наверху, в замке. Он готов был остаться и прислуживать мне — он все еще питал ко мне благодарность за некое оказанное ему

благодеяние и сокрушался немилостью короля. Но я отослал его сторожить у королевина порога и провел дни ожидания в одиночестве.

На лестнице против моей двери была другая, пробитая в наружной крепостной стене, она вела на узкую открытую площадку, обнесенную невысокими каменными зубцами. В эту сторону не выходило ни одно окно, а внизу, между подножием стены и береговым обрывом, был неширокий травянистый склон. В летнюю пору здесь было шумно от гнездящихся птиц, но сейчас, в разгар зимы, все было мертво и покрыто инеем. Только студеные морские валы, не умолкая, с шуршанием откатывались по гальке, замирали и с грохотом обрушивались на отвесную скалу.

На восходе и на закате я выходил на эту площадку и высматривал признаки перемены погоды. Три дня все оставалось без изменений: холод, серая, обледенелая трава внизу, едва различимая сквозь густой туман, одевший все вокруг, от невидимого моря под невидимым обрывом до бледного молочного свечения в небе, где сквозь тучи тщетно пробивалось зимнее солнце. Море под покровом тумана лежало спокойное — насколько бывает оно спокойно у этих бурных берегов. В полночь, перед тем как заснуть, я опять выходил в студеную тьму и искал в небе звезды. Но все было затянуто слепой пеленой тумана.

И только на третью ночь поднялся ветер. Слабый ветер с запада, который проник между крепостными зубцами, пробрался в щель под дверью и встрепенул голубые язычки пламени на березовых поленьях. Я встал, прислушался. И, уже положив ладонь на дверной засов, различил в ночном безмолвии какое-то движение наверху лестницы. Вот тихо отворилась и вновь затворилась дверь королевиных покоев. Я встал на своем пороге и поглядел вверх.

Кто-то, осторожно ступая, спускался по ступеням: женщина, закутанная в плащ и с ношей в руках. Я шагнул на площадку. Сзади меня от очага в сторожевой комнате падал свет, и с ним — тень.

Ко мне спускалась Марсия. На ее щеках в тусклом свете блестели слезы. Она склонила голову над тем, что лежало на ее руках, — над младенцем, тепло укутанным от ночного холода. Увидев меня, она протянула мне свою ношу.

— Береги его, — проговорила она. — Береги его, и да хранит вас обоих бог.

Я взял дитя из ее рук. Из-под шерстяных одеял сверкнула золотая парча.

— А знак? — напомнил я.

Марсия передала мне перстень. Я много раз видел его на пальце Утера, оправленный в золото герб в виде дракона, вырезанный на розовой яшме. Я надел перстень себе на палец. Марсия сразу негодующе вскинулась, но тут же присмирела, вспомнив, кто я такой.

Я улыбнулся:

— Только на время. Я сохраню его для него.

— Господин мой принц... — Она склонила голову. Потом прислушалась, оглянулась через плечо: сзади, закутанная в плащ с капюшоном, спускалась молодая кормилица Бранвена, а за ней Ульфин нес мешок с ее пожитками. Марсия опять быстро посмотрела на меня и с мольбой прошептала, положив ладонь мне на рукав: — Ты скажешь мне, куда ты его увозишь?

Я покачал головой:

— Нет, прости, но этого никто не должен знать.

Она помолчала, пожевала губами.

— Хорошо, — гордо проговорила она. — Но обещай, что он будет в безопасности. Прошу тебя об этом не как человека и даже не как принца, а обращаюсь к твоему могуществу. Он будет жить?

Так, значит, Игрейна ни с кем не поделилась, даже с Марсией. И Марсия теперь говорила со мной наугад. А ведь в предстоящее время обе женщины будут особенно нуждаться в участии друг друга. Было бы жестоко оставлять королеву в одиночестве с ее знанием и надеждами. Неверно, что женщины не умеют хранить тайны. Если они любят, то будут молчать до могилы и за могилой, даже вопреки здравому смыслу. В этом их слабость и их великая сила.

Я посмотрел Марсии прямо в глаза.

— Он будет королем, — сказал я. — Королева это знает. Но ради безопасности ребенка никому не проговорись об этом.

Она не ответила, только опять склонила голову. Бранвена с Ульфином подошли к нам. Марсия отодвинула край одеяльца и открыла личико младенца. Мальчик спал. Выпуклые веки лежали опущенные, точно бледно-розовые раковины. На головке чернел густой пушок. Марсия вытянула шею и осторожно поцеловала его в темечко. Он не проснулся. Она снова натянула край одеяльца и умело и бережно уложила ребенка мне на руки.

— Вот так. Головку придерживай. Будете спускаться по уступам, смотри поосторожнее.

— Я буду осторожен.

Она открыла было рот, чтобы добавить еще что-то, но только покачала головой, и я увидел, как слеза соскользнула с ее щеки на одеяльце младенца. Потом Марсия решительно повернулась и ушла вверх по лестнице.

Я спустился в бухту. Впереди, держа наготове обнаженный меч, шел Валерий, а сзади, поддерживаемая Ульфином, спускалась Бранвена. Лишь только мы сошли вниз и галька заскрежетала у нас под ногами, от черноты под скалой отделилась тень Ральфа, мы услышали его торопливое, радостное приветствие и перестук копыт по галечнику.

Для кормилицы Ральф привел мула с крепкой спиной и крепкими ногами. Ее усадили в седло, я передал ей младенца, и она прижала его к себе, укрыв своим плащом. Ральф вспрыгнул на коня и взял за повод ее мула. Я должен был вести в поводу второго мула, с поклажей. На этот раз я задумал путешествовать как бродячий певец — арфисту в отличие от лекаря открыт доступ ко двору короля, — и к седлу второго мула была приторочена моя арфа. Ульфин передал мне повод и придержал моего мерина. Лошади были свежи, им не терпелось пуститься в путь, согреться на бегу. Я произнес слова благодарности и прощания, и они с Валерием стали карабкаться обратно вверх по уступам. Они должны были наглухо заложить за собой потайную дверцу.

Я повернул коня навстречу ветру. Ральф и женщина уже выехали на высокий берег. Я увидел в вышине надо мною их смутные силуэты и бледный овал обернутого ко мне лица Ральфа. Он, указывая, вытянул руку и крикнул:

— Гляди!

Я обернулся.

Туман редел, обнажая мерцающее звездами небо. Сзади нас, в вышине над замком, проступил смутный лик луны. Тучи, точно паруса, раздутые попутным западным ветром, мчались в сторону Бретани, вот уже последняя сбежала с небес, и на востоке, в сиянии малых сестер своих, ровным светом разгорелась большая звезда — она зажглась в ночь смерти Амброзия и теперь возвещала рождение Зимнего короля.

Мы пришпорили коней и поспешили к судну.

12

Дул ровный попутный ветер, и на пятый день на восходе солнца мы завидели берега Бретани. Море здесь никогда не бывает спокойно. Крутые прибрежные скалы грозно чернели, загораживая зарю, а внизу их терзали белые клыки морского прибоя; но лишь только мы обогнули мыс Винданис, и волны сразу опали, притихли, я даже смог выйти на палубу и наблюдать, как мы причаливали к пристани южнее Керрека, которую в свое время выстроили мой отец и король Будек, когда готовили здесь армию вторжения.

Утро было тихое, в воздухе легкий морозец, поля одеты перламутровым инеем. Прибрежные земли здесь равнинные, луга и верещатники тянутся на многие мили, и морской ветер свободно гуляет над ними, просаливая травы и корежа одинокие сосны да колючий терновник. Глубокими извилистыми рытвинами сбегают к морю узкие ручьи, а в часы отлива на прибрежных отмелях полно всякой живности и крикливые морские птицы бродят между камней, привлеченные легкой добычей. Суровый край, но изобильный, здесь в свое время нашли приют не только Амброзий и Утер, когда Вортигерн убил их брата-короля, но и многие сотни других беглецов, спасавшихся от Вортигерна и грозной саксонской опасности. Здесь и тогда уже они застали поселения кельтов, выходцев из Британии. На сто лет раньше, когда император Максим пошел в поход на Рим, те из британских воинов, кто уцелел после разгрома его армии, добрели, отступая, до этой гостеприимной земли. Кое-кто потом уплыл на родину, но большинство остались, обзавелись семьями и осели в здешних краях; мой родич-король Хоэль принадлежал к одной из таких семей. Здесь было так много поселенцев-британцев, что весь полуостров стали тоже называть Британией, только Малой — в отличие от их родной Великой Британии. В языке, на котором здесь говорят, до сих пор можно узнать наречия родины, и люди поклоняются тем же богам, но память о более древних местных божествах еще сохраняется в этом краю, и все здесь немного не так и не то. Я видел, как Бранвена посматривала с палубы корабля, в изумлении широко открыв глаза и рот, и даже Ральф, уже раньше побывавший здесь как мой посланец, взирал не без видимого трепета на ряды сто-

ячих камней, открывшиеся нам у пристани за домами и грудами мешков и бочек.

Такие камни, ряд за рядом, стоят вдоль и поперек всей Малой Британии, точно шеренги старых сивогривых воинов или рати мертвецов. И стояли, люди говорят, всегда, с незапамятных времен. Никто не знает, зачем и как они были установлены. Но мне хорошо известно, что их воздвигли не боги и не исполины и даже не колдуны, а простые смертные умельцы, и секреты их ремесла дошли до нас в песнях. Мальчиком, живучи в Бретани, я обучился этому ремеслу. Люди считают его магией. Не знаю, может быть, они и правы. Одно могу сказать наверняка: хоть камни эти воздвигнуты людьми, давно уже обратившимися в прах у их подножий, но боги, которым они служили, по-прежнему живут здесь. Когда я ходил по ночам между этих камней, я чувствовал спиной чьи-то взгляды.

Но сейчас солнце стояло высоко и золотило гранитные грани, отбрасывая на заиндевелую землю косые синие тени. У пристани было уже людно: наготове стояли телеги, рабочие сновали взад-вперед, пришвартовывая и разгружая наше судно. Мы были единственные пассажиры, но никто не взглянул дважды в сторону скромных, приличных путешественников: певца с арфой среди поклажи, его жены с ребенком и слуги. Ральф взял младенца из рук Бранвены и, поддерживая ее свободной рукой, осторожно повел по сводням. Она была бледна и молчалива и тяжело опиралась на руку Ральфа. И, видя, как он заботливо склоняется над ней, я вдруг заметил, что он успел вырасти из мальчика в мужчину. Ему пошел семнадцатый год, и, хотя Бранвена была, должно быть, годом старше, Ральф, пожалуй, больше моего походил на ее мужа. Он был оживлен, весел и наряден в своей новой одежде, точно весенний петушок. И он, думал я, все еще ощущая, как пристань, не лучше палубы, кренится и уходит у меня из-под ног, единственный из нас хорошо перенес это плаванье.

На берегу нас уже ждали. Не конный эскорт, как непременно хотелось королю Хоэлю, а заказанная Ральфом для Бранвены с младенцем простая запряженная мулом повозка, при ней возница и еще один человек, державший под уздцы двух лошадей. Этот второй шагнул мне навстречу и произнес приветствие. Держался он по-военному, но военного облачения на нем не было, и посторонний взгляд не определил бы, что это слуга короля. Ему, как видно, тоже ничего не было про нас известно, кроме того, что он должен нас встре-

тить, отвезти в город и устроить там впредь до того дня, когда король призовет нас к себе.

И потому приветствие его было учтивым, но без особых почестей.

— Добро пожаловать, господин. Король шлет тебе свой привет. Я должен сопровождать вас в город. Надеюсь, плаванье ваше было удачным?

— Корабельщики говорят, что да, но мне и этой даме что-то не верится, — ответил я.

Он усмехнулся:

— Да, вид у нее зеленоватый. Сочувствую ей. Я и сам не ахти какой мореход. А ты, господин? Сможешь ли верхом доехать до города? Здесь немногим более мили.

— Попробую, — сказал я.

Пока мы обменивались любезностями, Ральф усадил Бранвену в повозку и задернул шторы от утреннего холода. Во время этих передвижений младенец проснулся и заплакал. Отличные легкие были у маленького Артура. Я, вероятно, поморщился, потому что мой новый знакомец поглядел на меня с явной насмешкой. Я сдержанно спросил:

— Ты женат?

— А как же.

— Раньше я все пытался себе представить, что это за радости такие, которых я лишен в жизни. А теперь, кажется, понимаю.

Он посмеялся:

— Всегда можно уехать куда подальше. Ради одного этого стоит быть солдатом. Взбирайся в седло, господин.

И мы поскакали с ним бок о бок в город. Керрек — это довольно большое, наполовину военное поселение, окруженное стеной и рвом и расположенное вокруг срединного холма, на котором стоит королевская крепость. У подножия холма, откуда дорога начинала подъем к крепостным воротам, стоял дом, где жил в годы изгнания мой отец, вместе с королем Будеком собиравший и обучавший здесь войско, чтобы высадиться в Британии и отвоевать ее для себя, ее законного короля.

Я вот теперь вместе со мной в Керрек прибыл, быть может, новый и славнейший ее король, чей пронзительный младенческий вопль несся из закрытой повозки, когда мы по деревянному мосту через ров въезжали под своды городских ворот.

Мой спутник ехал рядом со мною и молчал, сзади Ральф с возницей беззаботно болтали, и их голоса вместе с цокотом копыт по булыжной мостовой и побрякиваньем сбруи далеко разносились в сонном утреннем безмолвии. Город еще только просыпался. Перекликались петухи во дворах и на навозных кучах. Отпирались двери домов, и женщины в платках сновали с охапками и ведрами топлива, спеша начать новый трудовой день.

Глядя вокруг, я поневоле радовался молчаливости моего спутника. За пять лет, что я здесь не был, Керрек изменился до неузнаваемости. Оно и понятно: нельзя, должно быть, вывести из города стоявшую в нем армию, которая здесь же формировалась и несколько лет обучалась, и чтобы на ее месте не осталась гулкая пустота. Войско, правда, располагалось тогда снаружи, за городскими стенами; шатры давно сняли, где был лагерь, теперь все поросло травой. Но и сам город, хотя солдаты короля Будека из него и не ушли, непоправимо утратил свой деловитый, целеустремленный характер, отличавший его во времена моего отца. На улице Саперов, где я проходил обучение под началом Треморина, осталось несколько мастерских, из открытых дверей уже доносился с утра пораньше лязг железа, но былая бодрая деловитость ушла вместе с многолюдием и говором толпы, уступив место какому-то пустынному унынию. Я был рад, что наш путь не лежал мимо бывшего дома моего отца.

Мы должны были остановиться у одной супружеской четы. Там нас радушно встретили, Бранвену с мальчиком сразу же увели куда-то в женские владения, а меня проводили в уютную комнату, где горел огонь и стоял накрытый к завтраку стол. Слуга внес мою поклажу и хотел было остаться, чтобы прислуживать мне за трапезой, но Ральф его отослал и сам встал у меня за спиной. Я велел ему сесть и позавтракать вместе со мной, и он принялся уписывать еду как ни в чем не бывало. Позавтракав, Ральф спросил меня, не хочу ли я пойти осмотреть город, и я его отпустил, а сам остался в доме. Я человек не слабый и не так-то легко устаю, но одной короткой доездки по твердой земле и одного хорошего завтрака мне мало, чтобы прогнать мучительную дурноту и слабость, вызванные плаваньем по зимнему морю. И потому, наказав Ральфу перед уходом позаботиться о благополучии Бранвены и младенца, я расположился у очага отдыхать и дожидаться приглашения от короля.

Прибыло оно под вечер, когда зажигали фонари, прибыло вместе с Ральфом, у которого глаза были про-

сто на лбу, а через руку висел пушистый теплый плащ из мягкой шерстяной, с начесом материи густо-синего цвета.

— Вот, король тебе прислал. Наденешь?

— Разумеется. Поступить иначе — значит оскорбить монарха.

— Но ведь это королевский плащ. Люди будут смотреть на тебя и гадать, кто ты такой.

— Нет, не королевский. Это почетный плащ певца. Здесь просвещенный край, Ральф, такой же, как и моя родина. Здесь в почете не только короли и военачальники. В котором часу король примет меня?

— Через час, он сказал. Он примет тебя с глазу на глаз, а потом ты будешь петь перед всеми в дворцовой зале. Чему ты смеешься?

— Хитрости короля Хоэля. Певец является ко двору — что может быть естественнее? Но тут затесалась одна трудность: король Хоэль не выносит музыки. Однако странствующего певца можно еще и расспросить о том, что слышно на белом свете, поэтому король примет меня с глазу на глаз, а потом, если его лордам вздумается слушать мои песни, он сможет преспокойно уйти.

— Однако он прислал еще свою арфу. — Ральф кивнул в угол, где за светильником стояла зачехленная арфа.

— О да, он ее прислал, но она никогда ему не принадлежала. Это моя арфа. — Ральф поглядел на меня с недоумением. Я сказал это слишком резко. Немая арфа целый день стояла у меня на глазах, напоминая о том времени, когда я был ближе всего в жизни к тому, что мог бы назвать счастьем. Здесь, в Керреке, в доме моего отца, я отроком играл на ней чуть не каждый вечер. Я пояснил Ральфу: — На этой арфе я здесь когда-то играл. Как видно, отец Хоэля сберег ее для меня. Едва ли чья-нибудь рука прикасалась к ней с тех пор. Ее надобно испробовать, прежде чем отправляться к королю. Сними-ка с нее чехол.

Тут у дверей заскреблись, и вошел раб с кувшином горячей воды. Пока я мылся и расчесывал волосы, а потом с помощью раба облачался в роскошный синий плащ, Ральф расчехлил арфу и поставил перед креслом.

Эта арфа была много больше той, что я привез с собой из-за моря. Та была ручная, удобная для перевозки, а эта — стоячая, со многими регистрами и такой силой звука, что слышно будет по всему королевскому дворцу. Я тщательно настроил ее и пробежал пальцами по струнам.

Проснуться к любви после долгого сна, вновь шагнуть в поэзию, проведя год на рыночной площади, или в юность, уже побывав в обличье дряхлого, сонного старца; вспомнить, чего чаял от жизни, когда скупые дары ее уже пересчитаны на перепачканных, трезвых пальцах, — вот что такое музыка, когда долго не играл. Душа расправляет крылья и, как птенец на краю гнезда, робко испытывает высоту. Перебирая наугад струны, я искал в моей арфе уснувшие страсти, осторожно, ощупью пробираясь вперед, как ступает во тьме человек по некогда знакомой почве. Тихий лепет, легкий всплеск звука, несколько громких нот. На трепещущих струнах заиграли отблески огня, и длинные золотые нити разразились песней:

Был некогда охотник в лунной тьме,
Он вздумал на топком берегу растянуть златые сети,
Сети из злата, из тяжкого металла.
Поднялся прилив и затопил сеть,
Скрыл ее в глубине, и охотник затаился
Над водой в лунной тьме.

И прилетели ночные птицы
Целыми полчищами, бессчетной королевской ратью.
Сели на воду, будто корабли,
Королевские гордые барки с серебряной кормой
и под серебряной мачтой,
Быстрые и яростные в бою,
Теснясь на воде в лунной тьме.

Тяжела внизу сокрытая сеть, ждет наготове.
Но недвижен охотник молодой, опустил руки.
Охотник, тяни сеть, нынче напитаешь детей.
И жена похвалит тебя, хитроумный охотник.
Потянул он сеть, охотник молодой, и стянул
ее быстро и крепко,
И вытянул, тяжелую, в тростники.
Тяжела она была, тяжелее злата, но не было
в ней ничего,
Не было в ней ничего, лишь вода,
Лишь вода тяжелее злата
Да одно серое перышко
Из крыла дикого гуся.

Скрылись корабли, серебряные рати, в лунной тьме.
Остались голодными дети, и жена возносила пени,
Но охотник спал и грезил, сжимая в пальцах перо
дикого гуся.

Король Хоэль был высокий и дородный мужчина, теперь уже лет, наверное, под сорок. В то время, что я жил в Керреке — между двенадцатью и семнадцатью годами, — мы с ним почти не виделись. Он тогда был отчаянный, горячий рубака, а я — только отрок, занятый учением в лазарете и мастерских. Но позже он с армией моего отца высадился в Великой Британии и сражался там, и тогда мы с ним узнали и полюбили друг друга. Он ценил радости жизни и был, как это свойственно таким людям, добродушен и ленив. Со времени нашей последней встречи он еще больше раздался вширь, лицо покрылось багровым румянцем сладкой жизни, но я ни на миг не сомневался, что в бою он был по-прежнему стоек и несокрушим.

Я начал разговор с того, что вспомнил его отца короля Будека и происшедшие у них перемены. Мы немного побеседовали о старых временах.

— Да, хорошие были годы, — говорил он, подперев кулаком подбородок и глядя в огонь. Он принял меня в своей опочивальне и, когда слуги принесли нам вина, выслал их всех вон. У ног его на звериных шкурах дремали, растянувшись, гончие псы, видя во сне утреннюю охоту. Свежевычищенные охотничьи копья стояли у стены за спинкой его кресла, и отблески огня играли на их сизых стальных гранях. Король расправил могучие плечи и с тоской произнес: — Кто знает, вернутся ли еще к нам добрые времена?

— Ты говоришь о годах, когда мы воевали?

— Я говорю о годах, когда правил Амброзий.

— Добрые времена к нам вернутся, вот только нужна твоя помощь.

Он посмотрел на меня с недоумением и даже какой-то неловкостью. Я старался изъясняться будничными словами, но был слишком очевиден их высокий смысл. Хоэль же, подобно Утеру, любил простое, обыкновенное, ясное.

— Это намек на младенца? На бастарда? Значит, несмотря ни на что, он все же наследует Утеру?

— Да. Я ручаюсь в этом.

Хоэль отвел взгляд и провел пальцем по краю кубка.

— Что ж, мы тут его сбережем. Но скажи мне, к чему такая таинственность? Утер прислал мне письмо,

где просит открыто, чтобы я позаботился о ребенке. От Ральфа я не смог добиться толку. Я, разумеется, помогу всем, чем могу, но ссора с Утером мне нежелательна. Из его письма явствует, что этот мальчик будет наследником только в случае, если не появится другой, у которого больше прав.

— Верно. Но не бойся, мне тоже ссора между тобой и Утером нежелательна. Нельзя бросить один лакомый кус двум грызущимся псам и рассчитывать на его сохранность. Пока не родится мальчик, у которого, как Утер говорит, больше прав наследовать престол, для Утера, как и для меня, важно, чтоб был жив и здоров этот. Он посвящен в мои планы — до некоторого предела.

— Ах так. — Он скосил на меня заинтересованный взгляд. Я не ошибся на его счет. К Британии он, может быть, и дружески расположен, но насолить за спиной королю Британии отнюдь не прочь. — До какого же предела?

— Пока мальчика не отлучили от груди, не отняли у женщин и не передали в мужское общество для обучения мужским искусствам. Лет до четырех. После этого срока я его у тебя заберу, и он должен будет возвратиться в Британию. Если Утер вздумает справиться о его местонахождении, придется ему сказать, но пока он не спросит — к чему соваться? Я так полагаю, что Утер вообще не вспомнит об этом ребенке. Он постарается по мере сил забыть о его существовании. Но как бы то ни было, это уж моя забота, а не твоя. Он поручил мальчика мне, дабы я воспитал его по своему разумению.

— Но не опасен ли для ребенка возврат на родину? Сейчас Утер отсылает его сюда, боясь, что дома ему от врагов грозит опасность. Уверен ли ты, что к тому времени она минует?

— Придется рискнуть. Я хочу быть поблизости от мальчика в годы его ученичества. А он должен воспитываться в Британии, и, стало быть, его местонахождение надо будет хранить в тайне. Всем нам, Хоэль, предстоят тяжелые времена. Я еще не вижу, что именно должно произойти, знаю только, что у этого мальчика — этого бастарда, как ты говоришь — будет много врагов, больше, чем у его отца Утера. Внебрачный, говоришь ты, и то же будут говорить другие, кому он окажется поперек дороги. У него будут тайные недруги пострашнее саксов. И потому его следует укрыть впредь до того дня, как настанет срок ему принять корону, и пусть тогда его не коснется тень сомнения и он станет королем в глазах всей Британии.

— Вот, значит, как. Это что же, видение тебе было такое? — Но прежде чем я успел ответить, он уже уклонился от этих чуждых ему материй, прокашлялся и сказал: — Хорошо, я буду охранять его по мере моих сил. Только объясни мне, чего именно ты для него хочешь. Ведь ты знаешь, что говоришь, ты человек умный. И верю, ты не поссоришь меня с Утером. — Он гортанно хохотнул. — Помню, Амброзий говаривал, что ты, даже отроком, разбирался в политике лучше, чем десять постельных императоров. — (Мой отец, разумеется, ничего такого не говорил и, уж во всяком случае, не Хоэлю, который сам славился любовными подвигами, но я оценил его слова как изъявление дружества и поблагодарил.) Он продолжал: — Так что скажи мне, чего ты хочешь. Я, признаться, немного сбит с толку... Эти недруги, о которых ты говоришь, разве они не догадаются, что мальчик в Бретани? Ты ведь говорил, что Утер не делал тайны из своих намерений прислать его сюда. А что королевский корабль отойдет и ни тебя, ни мальчика на борту не будет, так они могут решить, что вы отплыли раньше, и станут искать в Бретани, разве нет?

— Возможно. Но ребенок к тому времени уже будет укрыт в месте, которое я для него уготовил и куда Утеровы лорды не додумаются заглянуть. Сам же я уеду обратно.

— Что же это за место? Должен ли я его знать?

— Конечно. Это небольшая деревушка у ваших северных границ, близ Панасколя.

— Что? — Он не скрыл своего изумления. Один пес завозился во сне и приоткрыл карий глаз. — На севере? На границе с владениями Горланда? Но Горланд — не друг Дракону.

— И мне тоже, — кивнул я. — Он гордец, и между его домом и домом моей матери старая вражда. Но ведь с тобой он не ссорился?

— Нет, нет! — горячо ответил Хоэль тоном уважения одного бойца к другому.

— Так я и думал. Поэтому от Горланда не приходится опасаться набегов на твои владения. Ну а кому могло бы прийти в голову, что я помещу мальчика в такой близости от Горланда? Что изо всей Бретани я изберу место в одном полете стрелы от Утерова врага? Нет, там он будет в безопасности. Там я смогу оставить его спокойно. Но это не значит, что я не обязан тебе благодарностью от всей души, — с улыбкой добавил я. — Даже звезды по временам нуждаются в помощи.

— Рад это слышать, — смущенно буркнул Хоэль. — Нам, простым смертным королям, приятно сознавать, что мы тоже причастны к важным делам. Хотя ты и твои звезды могли бы, кажется, немного облегчить нам работу. Разве в неоглядных лесах, что тянутся отсюда на север, не найдется для мальчика иного укрытия, чем только на самой границе?

— Может быть, и нашлось бы, но там у меня есть верный дом. Дом единственного на обе Британии человека, который точно знает, что нужно ребенку в первые четыре года жизни, и будет заботиться о нем, как о своем родном дитяти.

— Женщина?

— Да. Моя кормилица Моравик. Она родом бретонка и, когда в Камлахской войне разорили Маридунум, оставила Южный Уэльс и вернулась на родину. Ее отец содержал таверну в местечке под названием Колль. Состарившись, он нанял себе помощника по имени Бранд. Бранд был вдов, и Моравик вскоре после приезда вышла за него замуж, ну просто чтобы все у них было по-божески... я имею в виду не только хозяйство, так как хорошо знаю Моравик... Там они живут и теперь. Ты, наверно, не раз проезжал их тихую таверну, хотя вряд ли когда останавливался в ней — она стоит при слиянии двух речек у моста. Бранд — отставной солдат твоего войска и добрый малый и, конечно, делает все, что Моравик ему велит. — Я улыбнулся. — Не знаю мужчины, который бы ей не подчинился, разве что, может, мой дед.

— М-м, да, — все еще с сомнением протянул Хоэль. — Помню эту деревеньку. Кучка домишек у моста, только и всего... Как ты говоришь, мало кому придет в голову искать там королевского наследника. Но таверна, придорожный постоялый двор? Разве одно это не грозит опасностью? Когда столько народу — и Горландовы люди тоже: ведь сейчас перемирие — проезжает мимо и останавливается в ней?

— Да, и потому никого не удивит, что туда начнут наведываться люди от тебя или от меня. Мой слуга Ральф останется там охранять мальчика, но его нужно будет оповещать о событиях в Британии, да и сам он должен будет время от времени отправлять известия тебе и мне.

— Да. Я понимаю. А как ты его туда доставишь?

— Никто не обратит внимание на странствующего арфиста, зарабатывающего в пути на пропитание своим искусством. А Моравик уже загодя распустила слухи, которые объяснят внезапное появление Ральфа с младенцем и корми-

лицей. Будет считаться, если кто спросит, что Бранвена приходится Моравик племянницей, что, служа в Британии, она родила от своего хозяина, и хозяйка вышвырнула ее из дому; но хозяин дал ей денег на дорогу и подрядил странствующего певца со слугой, чтобы отвезли ее в дом к тетке. А там певцов слуга решит оставить свое место и поселиться с молодой женщиной.

— А сам певец? Сколько времени ты там пробудешь?

— Не дольше, чем пробыл бы настоящий странствующий певец, а потом снова пущусь в странствие, и все обо мне забудут. К тому времени, когда недруги спохватятся и вздумают разыскивать Утерова сына, им его уже не найти. Бранвену никто не знает, а ребенок — обыкновенный ребенок. В любом доме таких по нескольку.

Хоэль кивал, слушал, обдумывал, задавал еще вопросы. Наконец он признал:

— Да, пожалуй, это все разумно. Чего же ты ждешь от меня?

— У тебя есть соглядатаи в королевствах, которые граничат с твоим?

Он засмеялся:

— Шпионы? У кого их нет?

— Значит, тебе сразу станет известно, как только со стороны Горланда или кого другого возникнет опасность. И если ты обеспечишь быструю и тайную связь с Ральфом, случись в том нужда...

— Ничего нет проще! Положись на меня. Я все сделаю, разве вот войной на Горланда, пожалуй что, не пойду, — со смешком заключил он. — Знаешь, Мерлин, я так рад тебя видеть после долгой разлуки. Сколько ты можешь у нас прогостить?

— Завтра же я должен выехать с младенцем на север. И поеду, с твоего изволения, без всякого эскорта. Оттуда вернусь, как только удостоверюсь, что все устроилось как надо. Но во дворец больше не приду. Ты мог один раз принять у себя заезжего менестреля, но, если возьмешь это за правило, все будут очень удивлены.

— О да, клянусь богом!

Мы посмеялись.

— Если погода продержится, Хоэль, нельзя ли, чтобы твое судно повременило с отплытием, пока я не вернусь? — спросил я.

— Сколько угодно, — ответил он. — А далеко ли ты думаешь отправиться?

— Сначала в Массилию, потом сушей в Рим. А дальше — на Восток.

Он удивился:

— Вот как? Ну и чудеса! Я-то всегда считал, что ты сидень несдвигаемый, как твои туманные холмы. Что это тебя надоумило?

— Не знаю. Что подсказывает нам решения? Я должен на несколько лет затеряться, покуда не понадоблюсь мальчику, и такое путешествие представляется как раз кстати. Притом еще я слышал кое-что. — Я не стал ему рассказывать, как ветер звенел тетивами. — У меня возникла охота повидать места, о которых мне столько пели в детстве.

Мы побеседовали еще немного. Я обещал слать ему письма из восточных столиц и наметил несколько городов, куда он сможет направлять для меня свои и Ральфовы сообщения об Артуре.

Огонь в очаге прогорел, и Хоэль громовым басом кликнул слугу. Когда мы снова остались одни, Хоэль сказал:

— Скоро тебе надо будет идти распевать в зале. Так что если мы обо всем договорились, то и дело с концом. — Он откинулся на спинку кресла. Один из псов поднялся, подошел к нему и ткнулся в колено, ища ласки. Склонившись над шелковистым загривком, король сверкнул на меня веселыми глазами. — Ну так какие же новости в Британии? Перво-наперво жду от тебя рассказа из первых рук о том, что же на самом деле произошло девять месяцев назад.

— Если только ты прежде поведаешь мне, что об этом люди рассказывают.

Он засмеялся:

— Да что рассказывают? Те же самые байки, что и всегда тянутся за тобою, словно плащ, хлопающий на ветру. Колдовство, летающие драконы, люди, невидимо перенесенные по воздуху и сквозь стены. Удивляюсь я тебе, Мерлин, зачем только ты переезжаешь через море на корабле и мучишься морской болезнью, как простой смертный? А теперь давай выкладывай.

Вернулся я на наше подворье поздно. Ральф ждал в моей комнате, клюя носом в кресле у очага. При виде меня он вскочил и принял у меня арфу:

— Все хорошо?

— Да. Завтра утром мы отправляемся на север. Нет, спасибо, вина мне не надо, я пил с королем, и потом меня еще заставили выпить в зале.

— Дай я помогу тебе снять плащ. У тебя усталый вид. Тебе пришлось им петь?

— Разумеется. — Я протянул на ладони кучку золотых и серебряных монет и булавку с алмазом. — Приятно сознавать, что способен заработать себе на жизнь, да еще с избытком. Алмаз — это от короля, отступное, чтобы я кончил петь, иначе они бы меня по сию пору держали. Я тебе говорил, что здесь культурная страна. Да, запри в ящик большую арфу, я возьму с собой завтра маленькую. — Он повиновался. — А как Бранвена и ребенок?

— Улеглись спать три часа назад. Она легла с женщинами. Они, по-моему, рады-радешеньки, что могут повозиться с младенцем.

В его тоне прозвучало недоумение, и я засмеялся.

— А он перестал орать?

— Не сразу. Часа через два. Но им, кажется, и это хоть бы что.

— Ну, так завтра с петухами, когда мы их поднимем, он снова примется за дело. Ступай поспи, пока можно. Мы выезжаем на рассвете.

13

Из Керрека почти строго на север идет старая римская дорога, которая протянулась по голым, засоленным лугам, прямая, как бросок копья. В миле от города, за бывшей развалившейся заставой, впереди появляется темная стена леса, словно медлительная волна морского прилива, наступающая на солончаковую низину. Это и есть большой бретонский лес, густой и дикий. Дорога прорезает его насквозь и выходит к реке, которая делит страну на две части. Когда римляне владели Галлией, на том берегу реки стояла крепость, и дорога была построена, как раз чтобы соединить ее с морем; но теперь владения Хоэля доходят лишь до реки, и римская крепость служит уже твердыней Горланду. Однако далеко

в леса не простирается власть ни того, ни другого короля — труднопроходимые, они тянутся на много миль, покрывая холмистую сердцевину полуострова Бретань. Если кто и проезжает здесь, то только по старой дороге, а в лесную глушь уходят лишь проселки лесорубов и угольщиков да тропы, проложенные теми, кто не ведает закона. Во времена, о которых я веду речь, эта местность носила название Гиблый лес и считалась заколдованной, нечистой. Стоило только свернуть с дороги и углубиться в чащу по одной из троп, извивающихся среди переплетенных стволов, и можно было ехать день за днем, не видя дневного света.

Когда мой отец стоял в Бретани у короля Будека, его воины блюли порядок даже в лесной чаще до реки, за которой начинались владения Горланда. Вырубали деревья по обе стороны от дороги, расчищали просеки в лесу. Но все это теперь пришло в запустенье, молодой лес и кустарник подступили вплотную, мощеную поверхность дороги давно взломали морозы, местами она уже совсем исчезла, и под ногами лежала твердая, смерзшаяся земля, которая с оттепелью превратится в непролазную жидкую грязь.

Мы выехали на заре холодного серого дня. Солоноватый ветер дул нам в спину. Он летел с моря и был полон влаги, но дождя не принес, и ехать было нетрудно. Огромные, вековые деревья стояли вдоль дороги, точно чугунные колонны, поддерживающие низкий, серый свод небес. Мы ехали молча. Густой подлесок справа и слева принудил нас даже по дороге двигаться не иначе как гуськом. Я ехал впереди, за мной Бранвена, а позади Ральф, ведший еще в поводу мула с поклажей. Первый час пути я чувствовал, что Ральф насторожен — он все поглядывал по сторонам, прислушивался; но в лесу видна была только обычная, мирная зимняя жизнь: лиса, олень с оленухой, один раз промелькнула черная тень — быть может, волк, уходящий в чащобу. И больше ничего — ни стука копыт, ни следа человека.

А Бранвена не выказывала признаков боязни. Она спокойно ехала за мной, безмятежно сидя на своем семенящем муле. Я не много рассказал здесь о Бранвене, потому что, признаюсь, мне мало что о ней известно. Оглядываясь теперь на давно прошедшие годы, я вспоминаю только каштановую голову, склоненную к младенцу, округлую щеку, опущенный взор, кроткий голос. Тихая молодая женщина; она, правда, свободно болтала с Ральфом, но ко мне почти никогда

не обращалась, видно, я внушал ей трепет и как принц, и как колдун. Она словно и не догадывалась об опасностях нашего путешествия. И то, что она очутилась за морем, в незнакомой стране, тоже ее — в отличие от большинства ее сверстниц — оставляло равнодушной. Такое несокрушимое спокойствие проистекало не из особого доверия ко мне или Ральфу; я убедился, что она просто кротка и послушна до глупости и так предана ребенку, что остального ничего не замечает. Она относилась к тому типу женщин, для которых весь смысл жизни — в рождении и вскармливании детей, и, не будь у нее сейчас Артура, она бы, без сомнения, горько убивалась по своем умершем младенце. А так она, как видно, и думать забыла о постигшем ее горе и пребывала в эдаком полусонном блаженстве — как раз то, что нужно, для того чтобы Артур благополучно перенес все тяготы путешествия.

К полудню мы уже далеко углубились в лес. Над головами у нас густо сплетались ветви деревьев, в летнюю пору они как щитом скрыли бы от нас небо, но теперь сквозь голые зимние сучья проглядывало бледное, затуманенное пятно света там, где на небе полагалось находиться солнцу. Я ехал и высматривал, где бы нам свернуть с дороги, чтобы не оставить слишком заметных следов, и вот, как раз когда младенец проснулся и начал выказывать признаки недовольства, я увидел прогалину в чаще и повернул лошадь.

Здесь начиналась тропа, узкая и извилистая, но в зимнее время проезжая. Она уводила от дороги шагов на сто и здесь раздваивалась: одна уходила дальше в гущу деревьев, другая, еле видная оленья тропка, круто сворачивала к подножию скалистого утеса. По ней мы и поехали. Она вела нас меж огромных валунов, на которых шуршали бурые прошлогодние папоротники, потом пошла вверх, обогнула сосновую рощу и потерялась на полянке, покрытой жухлой травой. Сюда, сквозь просвет в деревьях, проникало скудное тепло зимнего солнца. Мы спешились. Я расстелил в укрытии под навесом скалы конский чепрак для Бранвены, а Ральф спутал лошадей на опушке и насыпал им корму из седельных сумок. После этого мы сами уселись за обед. Я сидел с краю, спиной к дереву, и мне была видна сверху главная тропа, по которой мы приехали к развилке. Ральф в глубине укрытия помогал Бранвене. Завтракали мы рано и теперь испытывали голод. Младенец принялся вопить благим матом, еще когда мулы карабкались к месту стоянки. Но теперь ротик ему заткнул

кормилицын сосок, и он, прекратив вопли, принялся деловито насыщаться.

В лесу было тихо-тихо. Дикие твари обычно не показываются в дневную пору. Одна только черная ворона, тяжело взмахивая крыльями, прилетела, уселась на сосне над нами и начала громко каркать. Лошади сжевали корм и, обессиленные, задремали стоя, свесив головы. Младенец еще сосал, но уже не так жадно, погружаясь постепенно в молочную дрему. Я прислонился затылком к сосновому стволу. Бранвена вполголоса беседовала с Ральфом. Он сказал ей что-то в ответ, она засмеялась, и тут сквозь журчанье их молодых голосов до меня донесся другой, отдаленный звук. Лошади. На рысях.

По моему знаку они оба разом смолкли. Ральф в мгновение ока очутился подле меня и опустился на колени, выглядывая на тропу, проходившую внизу под утесом. Бранвене я сделал знак оставаться в укрытии — напрасно беспокоился, потому что в это время младенец срыгнул, и она, подняв его себе на плечо, стала хлопать по спинке, а все остальное перестало для нее существовать Мы с Ральфом, стоя на коленях, наблюдали за тропой.

Лошадей, судя по звуку, было две. Это не были ни вьючные клячи дровосеков, ни тихий обоз угольщиков. Лошади на рысях в Гиблом лесу могли означать лишь одно: опасность. Путники, подобно нам везущие золото — а у нас были деньги на содержание ребенка, — легко становились жертвой дурных и озлобленных людей. Связанные присутствием Бранвены и Артура, мы не могли ни вступить в бой, ни спастись бегством. И затаиться незаметно, чтобы беда нас миновала, из-за младенца было тоже нелегко. Я заранее предупредил Ральфа: что бы ни случилось, его место — подле Бранвены, при малейшей угрозе он обязан предоставить мне по моему разумению отвлечь от них опасность. Он тогда спорил, возмущался, но потом признал мою правоту и поклялся подчиниться.

Теперь я шепнул:

— Их, кажется, только двое. Если они поедут от развилки по другой тропе, мы останемся незамеченными. Скорее к лошадям. И ради господа, скажи Бранвене, чтобы младенец молчал.

Ральф послушно вскочил на ноги. Пробегая к опушке, он шепотом передал мой наказ кормилице, и я видел, как она, послушно кивнув, переложила Артура к другой

груди. Ральф как тень исчез среди сосновых стволов. Я замер в ожидании, не сводя глаз с тропы.

Всадники приближались. В тишине леса только ворона по-прежнему каркала на сосне. И тут я их увидел. Две лошади, гуськом рысившие по узкой тропе; бедные твари, они родились крупными боевыми конями, но, как видно, давно не кормились досыта и трусили кое-как, ставя ноги куда придется, так что всадники с проклятиями дергали их за узду над каждой выбоиной и над каждым корнем. Похоже, что это и вправду были разбойники. Вид у них был не менее запущенный, чем у коней, почти дикий и явно опасный. Одеты они были в остатки какой-то солдатской формы, а у одного на рукаве виднелся даже грязный полуоторванный военный значок. Кажется, Горландов. Тот, который ехал сзади, едва держался в седле: он был, очевидно, пьян и ни на что не обращал внимания, но передний ехал весь настороже и то и дело поворачивал из стороны в сторону голову, как собака, вынюхивая след. Он держал наготове расчехленный лук. А в рваных кожаных ножнах на бедре поблескивал большой, смертоносно отточенный нож.

Вот они прямо подо мной. Проезжают. Ни младенец у груди, ни наши лошади, спрятанные в соснах, не издали ни звука. Одна только черная ворона, раскачиваясь вверху под зимним солнцем, бранилась во всю глотку.

Я увидел, как тот, у которого был лук, поднял голову, сказал что-то через плечо, я не разобрал что. Затем, обнажив в ухмылке ряд кривых зубов, он поднял лук, натянул тетиву, и стрела, зазвенев, полетела в сосновую крону. Выстрел был точен. Ворона с криком взмыла над сосной и упала пронзенная. Она шлепнулась на поляну в двух шагах от Бранвены с младенцем, похлопала крыльями и затихла.

Я попятился и побежал к соснам, слыша сзади себя смех обоих всадников. Теперь стрелок, конечно, повернет сюда за стрелой. Уже слышно было, как трещит подлесок под грудью его коня. Я подобрал стрелу вместе с вороной и швырнул вниз под валуны. Он с тропы не мог видеть, куда упала его добыча; может быть, найдя ее под камнями, он удовлетворится этим и не поедет дальше? На бегу я заметил, как блеснули на меня испуганные глаза Бранвены, затаившейся с младенцем у груди. Но она не шелохнулась, а младенец крепко спал. Я сделал ей знак рукой, одновременно успокоительный, похвальный и предостерегающий, и побежал к лошадям.

Ральф стоял с ними в сосняке, собрав в одну руку все уздечки и закутав им глаза и ноздри своим плащом. Я остановился, прислушался. Разбойники приближались. По-видимому, они не заметили вороны со стрелой. Они без остановки пробирались вверх по склону прямо к сосняку.

Я выхватил у Ральфа повод моего гнедого и приготовился вскочить в седло. Гнедой заходил в поводу, с треском ломая копытами сухие сучья и травы. Послышался шум, бряканье сбруи — разбойники осадили коней. Один из них по-бретонски сказал другому: «Слушай!» — и раздался металлический шелест обнажаемых мечей. Я вскочил в седло. Вытащил меч. И уже открыл было рот, чтобы крикнуть, как меня предупредил чужой возглас и затем вопль одного из всадников: «Смотри! Смотри туда!» Мой конь взметнулся на дыбы, а в это время из кустов у меня под самым носом выскочило что-то белое и промчалось мимо, едва не задев мое колено.

Это была белая оленуха, прятавшаяся в зимнем лесу. Плавно, как призрак, пронеслась она между сосен по краю нашей поляны, на миг замерла на фоне неба и устремилась между камней вниз по склону прямо на тропу, по которой ехали те двое. Раздались торжествующие вопли, щелк хлыста, топот копыт: всадники поворачивали лошадей и пускали их в галоп по тропе обратно. Зазвенел охотничий клич. Я соскочил с седла, кинул поводья гнедого на руки Ральфу и побежал назад к моему наблюдательному посту за камнем. Я только успел заметить, как двое всадников во весь опор проскакали по тропе в обратном направлении. Впереди них, точно клок тумана между голых стволов, мелькнула на мгновение белая оленуха. Хохот, охотничий гик, дробь копыт эхом отдались по лесу и затихли в отдалении.

14

Река, ограничивающая с севера королевство Хоэля, протекает через самую гущу леса. Она почти всюду катит волны в тесном ущелье древесных стволов, и весь лес изрезан небольшими, буйно заросшими обрывистыми оврагами, по которым извиваются и бегут ее многочисленные притоки. Но есть одно место, где крутые лесистые склоны расступаются

и образуют широкую зеленую долину, там люди издавна обрабатывали поля и свели деревья под пастбища вокруг маленького поселения под названием Колль, что по-бретонски значит «Укромное место». Здесь в прошлые времена был римский перевалочный пункт на дороге из Керрека в Ланасколь. От него остался только старый ров, отводивший воду из реки. Деревня стояла в излучине. С двух сторон ее защищала река, римский ров был расчищен и тоже заполнен водой. Внутри подымались защитные земляные насыпи, увенчанные частоколом. Подъездной мост в римские времена был каменным, от него остались мощные быки, перекрытые теперь дощатым настилом. Хотя это и неподалеку от Горландовых пределов, но оттуда в деревню можно было проехать только узким речным ущельем, где шла старая римская дорога, теперь совсем разрушенная и вновь ставшая той каменистой тропой, по которой пробирался лесной зверь и дикий человек, когда еще не было в этих землях римлян. Поистине Колль — удачное название.

Таверна Бранда стояла сразу как въедешь в ворота. Главная улица деревни представляла собой едва ли не простую тележную дорогу, неровно мощенную разномерным булыжником. Таверна была расположена справа, немного отступя от дороги. Низкое строение, сложенное из грубого камня, слепленного серым раствором, службы вокруг — убогие мазаные хижины. Крыша на доме была камышовая, новая, камыши плотно уложены, переплетены веревкой и прижаты тяжелыми камнями. Дверь стояла распахнутая, как и полагается двери таверны, но завешенная от непогоды толстым меховым пологом. Из дымохода сбоку подымался ленивый дымок, пахнущий торфом.

Мы приехали вечером, когда ворота уже закрывались. Со всех сторон, смешанные с торфяным дымом, тянулись запахи стряпни. Народу было видно мало: детвору давно зазвали по домам, взрослые сели за ужин. По улице лишь кое-где бродили голодные псы; просеменила мимо старуха, одной рукой придерживая платок на голове, а другой прижимая квохчущую курицу под мышкой; тащился по улице мужчина с упряжкой усталых волов. Неподалеку звенела наковальня кузнеца и резко пахло паленым лошадиным копытом.

Ральф с сомнением оглядел таверну:

— В октябре, в солнечный день она казалась как-то приличнее. Не слишком-то важные хоромы, а?

— Тем лучше, — ответил я. — В такой дыре никому не придет в голову искать сына короля Британии. Войди же и сыграй свою роль, а я пока подержу лошадей.

Ральф отвел полог и вошел. Я помог Бранвене спуститься на землю и усадил ее на лавке возле двери. Младенец проснулся и начал было попискивать, но в это время опять появился Ральф в сопровождении рослого грузного мужчины и мальчика. Мужчина был, по-видимому, сам Бранд, когда-то он служил в королевском войске и до сих пор имел солдатскую выправку, а на тыльной стороне правой его руки виднелся сморщенный рубец от старой раны.

Он замялся, не зная, как обратиться ко мне. Я быстро проговорил:

— Ты — хозяин заведения, добрый человек? Я Эмрис, певец, мне поручено доставить тебе племянницу твоей жены с ребенком. Вы нас ожидали, полагаю?

Он прокашлялся:

— Да-да, конечно. Добро пожаловать. Моя жена уж с неделю высматривает вас на дороге. — Он увидел, что мальчик разглядывает меня, выпучив глаза, и сердито сказал ему: — Ну, чего уставился? А ну, живо отведи лошадей на задний двор.

Мальчик бросился выполнять приказ. А Бранд, склонив голову и вытянув руку не то в военном приветствии, не то просто приглашая, сказал:

— Входите, милости просим. Ужин скоро поспеет. Правда, — опять замялся он, — общество у нас простое, но, может быть...

— Я привык к простому обществу, — безмятежно отозвался я и шагнул через порог.

В эту пору года на дорогах проезжие редки, и в таверне было не людно. В низком помещении, освещенном слабым светом единственной сальной свечи и горящего торфа в очаге, сидело с полдюжины посетителей. При нашем появлении они оборвали разговор, все повернули головы, с любопытством разглядывая мою арфу, от одного к другому пробежал шепоток. На женщину с младенцем никто даже не взглянул. Бранд поспешно провел нас к дальней двери за очагом. Мы вошли в заднюю комнату, дверь за нами затворилась, и я увидел Моравик. Уставя руки в бока, она ждала нас.

Как бывает всегда, если не видел человека с детства, она стала словно бы меньше ростом. Я расстался с

ней двенадцатилетним мальчиком, хотя и довольно рослым для своих лет. Но она тогда была много крупнее меня, грузная женщина, обладавшая властным голосом и правом непререкаемых суждений, каким была облечена со времен моего раннего детства. Теперь же она едва доставала мне головой до плеча, однако голос и стать сохранила и непререкаемость суждений, как мне вскоре пришлось убедиться, — тоже. Хоть я и вырос любимым сыном верховного короля Британии, для нее я навсегда остался маленьким шалуном, за которым нужен глаз да глаз.

Ее первые слова прозвучали забавной укоризной:

— Ишь как поздно приехал, чуть было уж ворота не заперли! Того гляди, остались бы ночевать в лесу, утром бы костей не собрали, там и волки рыщут, да и похуже кто. И промокли небось — святые милостивцы и звезды небесные, спасите нас, ты погляди, какой на тебе плащ! Снимай немедленно и подойди к огню. Скоро ужин будет готов, по твоему вкусу стряпается. Я все помню, что тебе нравилось, маленький Мерлин. Вот уж не думала увидеть тебя еще хоть раз у себя за столом после того ночного пожара, тогда утром хватились, тебя нигде нет, одни только косточки обгорелые нашли на пожарище. — Тут она вдруг бросилась ко мне и крепко обняла меня. По щекам у нее текли слезы. — Ах, маленький Мерлин, как я рада тебя видеть!

— А я тебя, Моравик. — Я обнял ее. — Клянусь, ты, видно, с каждым годом молодела с тех пор, как оставила Маридунум. И вот теперь я опять в долгу перед тобою, перед тобою и твоим добрым муженьком. Я этого никогда не забуду. И король тоже. Познакомься: вот это — Ральф, мой товарищ, а это, — я вытолкнул молоденькую кормилицу вперед, — это Бранвена с младенцем.

— Ах, ну конечно! Младенчик! Спаси нас всех богиня. От радости, что вижу тебя, Мерлин, я совсем о нем позабыла! Подойди ближе к огню, милая, не стой там на сквозняке. Ближе, ближе, где свет, дай-ка я взгляну на него... Ах ты агнец мой, ах ты душенька!..

Бранд с улыбкой тронул меня за рукав:

— Ну, теперь, раз уж она его увидала, сударь, то забудет обо всем на свете. Хорошо еще, что успела поставить для вас ужин на плиту. Садитесь вот здесь, я сам буду вам прислуживать.

Моравик приготовила жирную баранью похлебку, горячую и сытную. Баранина солончаковых пустошей Бретани не хуже, чем наша уэльсская. В похлебке плавали клецки, и прямо с пылу на стол Бранд вывалил свежий, ароматный хлеб. Еще он принес кувшин красного вина, много лучше того, что делают у нас на родине. Бранд прислуживал за столом, а Моравик тем временем хлопотала вокруг Бранвены и младенца, который издавал оглушительные вопли, пока его не поднесли к груди кормилицы. Огонь в очаге пылал и потрескивал, было тепло, пахло ароматной пищей и добрым вином, отсветы пламени играли на щеке Бранвены и на головке младенца. Я почувствовал, что на меня кто-то смотрит, и, обернувшись, встретился глазами с Ральфом. Он раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, но в это время в соседнем помещении послышался шум, и хозяин, извинившись, поставил кувшин на стол и поспешил вон. Дверь за собой он закрыл неплотно, и мне слышны были громкие голоса — какой-то разговор или спор. Бранд отвечал тихо, но шум не унимался.

Наконец он вернулся ко мне, плотно затворив за собой дверь, и с озабоченным видом сказал:

— Господин, они видели, как ты входил и с собой у тебя была арфа. Ну и понятное дело, они требуют песню. Я пытался уверить их, что ты устал, что ты с дороги, но они не слушают. Говорят, что купят тебе на круг ужин, если песня придется им по вкусу.

— Ну что ж, — сказал я. — Пусть покупают.

У Бранда отвисла челюсть.

— Как? Ты? И будешь петь перед ними?

— Разве у вас в Бретани ничего не знают? Я ведь и в самом деле певец. И мне не впервой зарабатывать пением себе ужин.

Моравик, сидевшая с Бранвеной у очага, удивленно подняла голову.

— Это что-то новое! Про снадобья и всякие зелья я знала, ты перенял это искусство у отшельника, что жил за мельницей. И про чары тоже... — Она осенила себя крестом. — Но музыка? Кто тебя научил?

— Ноты преподала мне королева Ольвена, — ответил я и пояснил для Бранда: — Это жена моего деда, урожденная валлийка, она пела, как жаворонок. Позже, в Бретани, когда я жил здесь с Амброзием, у меня был учитель. Вы, может быть, даже знаете его: слепой старец, он путешествовал по всему свету и всюду пел свои песни.

Бранд кивнул, верно понял, о ком я говорю, а Моравик только поглядела с сомнением, поцокала языком и покачала головой. Должно быть, тот, кто рос у тебя на руках с младенчества и до отроческих лет, а потом потерялся из виду, навсегда останется в твоих глазах несмышленышем. Я засмеялся.

— Да вот недавно еще, на пути сюда, я играл перед королем Хоэлем в Керреке. Его, правда, трудно счесть знатоком, но и Ральф тоже меня слышал. Спросите у него, если не верите, что я способен заработать себе на ужин.

Бранд покачал головой:

— Но петь перед эдакой публикой?

— Почему же нет? Бродячий менестрель поет тем, кто ему за это платит. А я, покуда нахожусь в Малой Британии, всего лишь менестрель, не больше. — Я поднялся с кресла. — Ральф, подай мою арфу. Допей вино сам и ложись спать. Меня не жди.

И я вышел в общую залу. Народу здесь поприбавилось, в теплом полусвете набралось теперь, наверное, человек двадцать. При моем появлении раздались возгласы: «Певец! Певец! Песню нам! Спой песню!»

— В таком случае подвиньтесь, добрые люди, — сказал я.

Мне освободили скамью у очага, кто-то протянул кубок с вином. Я сел и стал настраивать струны. Все молчали и смотрели на меня.

Это были простые люди, а простые люди любят слушать про чудеса. Я спросил, какую песню им спеть, они стали называть кто одну, кто другую — разные легенды о богах, битвах и волшебстве, покуда наконец я сам не остановил свой выбор — помня о младенце, спящем в соседней комнате — на истории «Сон Максена». Это настоящая волшебная сказка, не хуже прочих, хотя герой ее — римский полководец Магнус Максимус, реальное лицо. Кельты зовут его Максен Вледиг, и легенда о сне Максена родилась в певучих долинах Уэльса, где каждый считает принца Максена своим родичем; рассказы о нем передавались из уст в уста, так что в конце концов, явись даже сам Максим, чтобы поведать, как все было в действительности, ему все равно бы никто не поверил. «Сон Максена» — длинная песня, каждый певец исполняет ее на свой лад. Вот как спел ее в тот вечер я:

«Максен, римский император, отправился на охоту, но, утомленный дневным зноем, прилег поспать на

берегу большой реки, что катит свои воды к Риму, и привиделся ему сон.

Снилось ему, что пробирается он вверх по реке к ее истокам, и вот перед ним — высочайшая гора мира, а из нее истекает другая полноводная река, и по ней поплыл он через широкие поля и густые леса, покуда не достиг устья, а там на берегу тихой гавани стоит город со стенами и башнями. Посреди гавани — корабль златой и серебряный, на палубе не видно матросов, но паруса подняты и трепещут, надутые ветром с востока. Перешел он на корабль по сходням из белой китовой кости, ступил на палубу, и корабль отплыл.

Дважды вставало и садилось солнце, и вот завидел он перед собой прекраснейший в свете остров и, оставив корабль, прошел весь остров от моря до моря. Выйдя на западный берег, увидел он через узкий пролив другой остров. А подле себя на берегу — прекрасный замок с распахнутыми воротами. Вошел Максен в замок, видит — просторная зала с золотыми колоннами, стены переливаются златом-серебром и драгоценными каменьями. В углу сидят два юноши, играют в шахматы на серебряной доске, а рядом старец в кресле из слоновой кости, он режет для них фигурки из горного хрусталя. Но не этим блеском пленен взор Максена, ослепительнее злата-серебра и драгоценных каменьев, прекраснее слоновой кости была красавица, что сидела недвижно в златом кресле, величавая, как королева. С первого взгляда император полюбил ее всей душой, поднял он ее с кресла, поцеловал и просил быть его женой. Но в самый этот миг поцелуя пробудился Максен ото сна, и оказалось что лежит он в долине близ Рима, а вокруг стоят его товарищи.

Вскочил Максен на ноги и поведал товарищам свой сон. Разослал и гонцов во все концы света отыскать остров, что прошел он из конца в конец, и замок с красавицей девицей. Много месяцев спустя, долго проплавав по морю, один человек нашел этот остров и вернулся поведать об этом своему господину. Тот остров, прекраснейший в мире, был Британия, а замок на западном берету — Каэр Сейнт, близ Сегонтиума, остров же через пролив был Мона, остров друидов. Максен отправился в Британию, и там оказалось все в точности так, как ему приснилось, и он попросил себе в жены ту красавицу у отца ее и братьев, и стала она его императрицей. Имя ее было Елена, и она родила ему двух сыновей и дочь, а он в ее честь возвел три замка: в Сегонтиуме, Каэрлео-

не и Маридунуме, который назывался Каэр Мирддин в честь божества возвышенных мест.

Но тем временем, пока Максен жил в Британии, позабыв о Риме, там возвели в императоры другого, и тот поднял свой штандарт на стенах римских, а Максена объявил низвергнутым. Тогда Максен собрал войско и с Еленой и ее братьями двинулся на Рим. Он завоевал Рим и навсегда остался там, и Британия его больше не видела. Но два брата Елены увели британское войско обратно на родину, и семя Максена Владига по сей день царствует в Британии».

Когда я кончил и последняя струна смолкла в дымной тишине, что тут поднялось! Слушатели мои кричали восторженно и колотили кружками по столам, требуя грубыми голосами еще песен и еще вина. Мне снова поднесли кубок, и, пока я пил и отдыхал перед новой песней, в таверне опять завязались разговоры, но говорили вполголоса, дабы не спугнуть мысли певца.

И хорошо, что эти мысли были от них сокрыты. Я думал о том, как бы поступили эти люди, узнай они, что последний, самый юный, отпрыск Максимова древа лежит сейчас и спит тут же, за стеной. Ибо эта часть легенды была, во всяком случае, достоверна: род моего отца действительно произошел от брака императора Максима с валлийской царевной Еленой. Остальное же, подобно всем легендам, было своего рода мечтательным искажением — словно художник, восстанавливая древнюю разбитую мозаику, сложил свою собственную, новую и красочную, картину, а в ней здесь и там оказались использованы старые, настоящие куски правды.

А правда была такова. Максим, по рождению испанец, командовал несколькими римскими легионами в Британии в те времена, когда саксы и пикты постоянно совершали набеги на побережье и римская провинция Британия была, казалось, накануне падения. Но римские полководцы восстановили вал Адриана и охраняли его, а сам Максим перестроил древнюю крепость в Сегонтиуме, что в Уэльсе, и расположился в ней с сильным гарнизоном. Это и был Каэр Сейнт, тот самый замок, «краше которого нет», где, должно быть, он встретил и полюбил свою валлийскую Елену.

А потом, в год Потопа, как назвал это время Эктор, именно Максим (хотя недруги его не признавали за ним такой заслуги) после многомесячной жестокой войны отогнал

саксов и создал провинции Стрэтклайд и Манау Гуотодин, под прикрытием которых его народ, британцы, могли жить в мире. «Принца Максена», как его величали жители Уэльса, солдаты провозгласили императором, и на том бы дело и остановилось, но дальше произошли всем известные события, в результате которых Максим должен был покинуть Британию, дабы отомстить за смерть своего старого командира, а потом двинуться на Рим.

Обратно он не вернулся, здесь «Сон» опять правдив; но не потому, что завоевал Рим и остался в нем править. Нет, он был разбит и впоследствии казнен, и, хотя остатки британского войска, отправившегося с ним, вернулись на родину и присягнули на верность его вдове и сыновьям, краткий мир на этом кончился. Со смертью Максима Потоп хлынул с новой силой, и не было теперь меча, который бы его остановил.

Стоит ли удивляться, что в наступившие затем мрачные годы краткая передышка победного мира, добытого Максимом, представлялась людям тем самым утраченным золотым веком, о каком поют поэты. Стоит ли удивляться, если легенда о Максене Защитнике все росла и росла, покуда могущество его не распространилось на весь мир, и в черные времена люди вспоминали его как спасителя, посланного богом.

Мои мысли вернулись к младенцу, спящему за стеной. Я снова поднял на колени арфу и, когда все смолкли, спел им еще одну песню:

Родился мальчик,
Зимний король.
В черный месяц
Был он рожден
И в черный месяц покинул дом,
Чтобы найти пристанище
У бедных.
Он объявится
С приходом весны
В зеленый месяц
И в месяц золотой,
И ярко
Будет пылать в небе
Его звезда.

— Ну как, заработал себе ужин? — спросила Моравик.

— Вдоволь вина и три медных гроша. — Я выложил их на стол рядом с кожаным кошелем, содержащим

золото короля. — Это вот тебе на воспитание младенца. Когда понадобится, пришлю еще. Ты не раскаешься, что взялась ходить за мальчиком. Ни ты, ни Бранд. Ты и раньше нянчила королей, Моравик, но не таких, каким вырастет этот.

— Что мне за дело до королей? Это просто славный малыш, которому нечего путешествовать так далеко в эдакую-то стужу. Его место дома, у себя в колыбели, и можешь передать это от меня своему королю Утеру. Ишь золото! — Однако кожаный кошель канул куда-то в складки ее юбки, и медные гроши тоже.

— Разве путешествие ему повредило? — испуганно спросил я.

— На мой взгляд, не заметно. Хороший мальчишка, здоровенький, вырастет не хуже прочих. Спит сейчас, голубчик, и двое детей, что при нем, тоже, бедняжки, уснули, так что говори потише, пусть они поспят.

Бранвена с младенцем спали в дальнем углу под лестницей, что вела на полати, вроде тех, где хранят сено в королевских конюшнях. Там и впрямь было набито сено, внизу же стояли наши лошади. А осел Бранда был привязан снаружи.

— Бранд ввел ваших в дом, — сказала Моравик. — Тесновато, но он не решился оставить их на виду. В этом твоем гнедом с белой звездой во лбу кто-нибудь еще признал бы собственного коня короля Хоэля, и тогда не оберешься вопросов, на которые не так-то легко ответить. Я устроила тебя и паренька на сене. Не такое, может, роскошное ложе, как ты привык, но там мягко и тепло.

— Прекрасно. Но не отсылай еще меня спать, Моравик. Можно я немного побеседую с тобой?

— Гм. Не отсылай его спать. Ишь ты. Да ты всегда был с виду такой паинька и речью кроток и всегда поступал, как самому заблагорассудится... — Она присела, расправив юбки, к огню и кивком указала мне на соседний табурет. — Ну-ка, садись к свету, дай я на тебя погляжу хорошенько. Ахти, ахти, какие перемены! Кто бы подумал тогда в Маридунуме, когда у тебя и одежки-то приличной не было, что ты вырастешь сыном верховного короля, да еще лекарем, и певцом... и святые угодники только знают, кем еще!

— Волшебником, хочешь ты сказать?

— Ну, это-то меня не так чтобы уж очень удивило, я ведь знаю, ты все бегал к тому старцу в Брин Мирддин. — Она осенила себя крестом и сжала пальцами блестя-

щий амулет на цепочке. Я еще раньше заметил его у нее на шее — нельзя сказать, чтобы это был христианский символ. Значит, Моравик по-прежнему обращалась за защитой ко всем богам, какие подвертывались под руку. В этом она не отличалась от остальных обитателей Гиблого леса, с его сказками и поверьями, с его призраками, видениями, голосами. Моравик кивнула: — Да, ты всегда был мальчик не как все, вечно один, вечно что-нибудь такое скажешь. Слишком много знал, я так считаю. Я думала, ты под дверьми подслушивал, но, выходит, ошиблась. «Королевский прорицатель» — вон как, мне говорили, тебя теперь называют. И такое про тебя мне понаплели, что будь хотя бы половина из этого правдой... Ну да ладно. Садись рассказывай. Все как есть.

Огонь в очаге прогорел, осыпаясь кучкой пепла. В соседнем помещении стих шум: пьяницы либо разошлись по домам, либо все уснули, где сидели. Бранд же с час как убрался на сеновал и похрапывал рядом с Ральфом. В углу, подле дремлющих животных, спали крепким сном Бранвена и младенец.

— А тут ишь еще новости какие, — шепотом говорила Моравик. — Младенчик-то, ты говоришь, сын верховного короля, и отец родной его признавать не хочет. Зачем же тебе было браться за ним смотреть? Мог бы, кажется, король другого кого попросить, кому сподручнее.

— За короля Утера я не ответчик, но что до меня, то мне этот младенец, можно сказать, доверен от отца моего и от богов.

— От богов? — сердито переспросила Моравик. — Это что еще за речи для доброго христианина?

— Ты забываешь, что я не крещен.

— До сих пор? Да, помню, старый король не желал об этом слушать. Ну да теперь уж не моя забота, сам соображай. А младенец? Его хоть окрестили?

— Нет, не успели. Если хочешь, можешь его крестить.

— Если я хочу? Что за вздор! И про каких это богов ты сейчас говорил?

— Сам не знаю. Они... он... объявится, когда придет срок. А покамест окрести младенца, Моравик. После Бретани ему предстоит воспитываться в христианском доме.

Моравик кивнула:

— Уж не помешкаю, можешь мне поверить. Пусть возлюбит его Господь милостивый и святые угодники.

И я повесила над его колыбелью вербеновый амулет, и девять молитв над ним уже прочитаны. Кормилица говорит, его зовут Артур. Что за имя такое?

— По-вашему — Артос, — ответил я. Артос — по-кельтски «медведь». — Но не зовите его этим именем здесь. Дайте ему еще второе имя и зовите его так, а первое имя забудьте.

— Тогда Эмрис? Ага! Я так и думала, что ты засмеешься. Я всегда надеялась, что еще появится на свет дитя, которое я смогу назвать по тебе.

— Не по мне, а по моему отцу Амброзию, ведь это его имя. — Мысленно я произнес, как бы пробуя на язык, сначала по-латыни, потом по-кельтски: «Арториус Амброзиус, последний из римлян...», «Артос Эмрис, первый из британцев...» И с улыбкой заключил вслух, обращаясь к Моравик: — Да, так его и назови. Когда-то давно я сам предрек, что явится Медведь, король по имени Артур, и свяжет воедино будущее с прошедшим. И только сейчас вспомнил, где я раньше слышал это имя. Так его и окрести.

Моравик несколько минут молчала. Ее живые глаза шарили по моему лицу.

— Доверен тебе, ты сказал. Король, какого еще не бывало. Значит, он будет королем? Ты можешь в этом поклясться? — И вдруг испуганно: — Почему ты так смотришь, Мерлин? Я уже видела у тебя такое выражение на лице, когда кормилица приложила младенца к груди. Ты что?

— Не знаю... — Я говорил медленно, не отводя глаз от прогоревших поленьев в алом устье очага. — Моравик, я поступаю так, как велит мне бог — кто бы этот бог ни был. Из тьмы ночи он возвестил мне, что дитя, зачатое в ту ночь в Тинтагеле Утером с Игрейной, будет королем всей Британии, достигнет величия, изгонит саксов из наших пределов и объединит нашу бедную страну в мощную силу. Я ничего не сделал по собственной воле, но лишь для того, чтобы Британия не канула во тьму. Это знание пришло ко мне вдруг, из безмолвия и огня, ясное и неоспоримое. Потом я долгое время ничего более не слышал и не видел и даже уже думал, что любовь моя к отцу и к родной земле сбила меня с толку и я счел пророческим видением то, что было лишь пожеланием и надеждой. Но вот теперь, посмотри, вон оно, мое видение, каким оно было дослано мне богом. — Я заглянул ей в глаза. — Не знаю, поймешь ли ты меня, Моравик. Все эти видения и пророчества, боги и звезды и голоса, говорящие в

ночи... Что видится смутно в пламени очага и в свете звезд, но ощутимо, как боль в крови, и рвет мозг ледяной иглой... Но теперь... — Я помолчал. — Теперь это уже не голос бога и не видение, но малое дитя человеческое со здоровыми легкими, дитя как дитя, оно плачет, сосет и мочит пеленки. В видениях об этом ничего нет.

— Потому что видения даются мужчинам, — ответила Моравик, — а родят детей, чтобы видения сбылись, женщины. Это совсем другое дело. Что же до младенца, — она кивком указала в угол, — то поживем — увидим. Жив будет — а нет причины, почему бы ему, такому здоровенькому, не выжить, — может статься, и вправду быть ему королем. Наша же забота — чтобы вырос и возмужал. И я свое дело сделаю, как и ты — свое. Остальное — божья воля.

Я улыбнулся ей. Ее простонародный здравый смысл словно снял у меня с души тяжелую ношу.

— Ты права. Глупо, что я вздумал сомневаться. Что будет, то будет.

— Вот и ладно. С тем бы можно и спать лечь.

— Да. Я пойду лягу. Хороший у тебя муж, Моравик. Я рад этому.

— И мы с ним на пару вырастим тебе этого королечка.

— Верю, — сказал я и, еще немного потолковав с Моравик, взобрался по лестнице на свою сенную постель.

В ту ночь мне привиделся сон. Будто бы я стою посреди широкого луга в окрестностях Керрека. Луг этот был мне знаком. Это было священное место, здесь некогда ходил бог своими путями, и я его прежде видел. И вот во сне я снова там в надежде опять его увидеть.

Но ночь пуста. Движется только ветер. На высоком небосводе мерцают равнодушные звезды. По черному куполу, еле видная среди ярких звезд, протянулась светлая полоса, которую зовут Галактикой. И ни облачка. Вокруг меня раскинулся луг, как он мне запомнился с прежних времен: заглаженный ветрами и посеребренный солью, со встрепанными терновыми кустами по краям и с огромным одиноким камнем посредине. Иду к нему. В рассеянном свете звезд у меня нет тени, и у камня тоже. Только серый ветер ерошит травы, и позади камня легкий трепет звезд — не движенье, а лишь дыханье небес.

А ночь по-прежнему пуста. Мысль моя стрелой взвивается в немое поднебесье и падает, обессилев, обратно. Я всеми силами, всем своим искусством, что так недешево мне досталось, стремлюсь вызвать бога, чья длань была на мне, чей свет меня вел. Молюсь в голос, но не слышно. Призываю чары, дар глаз моих и рассудка, что люди зовут провидческим, — ничего. Ночь пуста, и силы мне изменяют. Даже зрение мое земное меркнет, ночь и звездный свет расплываются, словно сквозь бегучую воду...

И самое небо как бы течет. Земля замерла, а небо в движении. Галактика собралась в узкую струю света и застыла, будто ручей на морозе. Луч льда — вернее, клинок — лежит поперек неба, точно королевский меч, играя драгоценными каменьями на эфесе. Вон изумруд, топаз, сапфиры, что на языке мечей означает власть, и радость, и правосудие, и чистую смерть.

Долго лежал в небе меч, как только что выкованное оружие, ожидающее руки, которая подымет и понесет его в бой. Потом сдвинулся. Не взметнулся в сражении, или в присяге, или в игре. Но скользнул легко вниз, как скользит клинок в ножны, и скрылся внутри стоячего камня.

И опять не было ничего, только пустой луг, да свистящий ветер, да серый стоячий камень посреди луга.

Я пробудился в темноте таверны. Надо мною в просвете между стропилами крыши сияла маленькая яркая звездочка. Внизу шумно дышали животные, а вокруг, со всех сторон, слышалось сопение спящих. Тепло пахло лошадьми, и торфяным дымом, и сеном, и бараньей похлебкой.

Я лежал навзничь, не шевелясь, разглядывая яркую звездочку. И о сне своем даже не думал. Вспоминалось что-то, были какие-то разговоры о мече, и вот теперь этот сон... Но не стоит вспоминать. Само придет. И явятся знаки. Ибо бог опять со мной, время мне не солгало. А через час — или два — будет утро.

КНИГА ВТОРАЯ
ПОИСКИ

1

Боги, наверно, привыкли к святотатству. Ведь святотатство даже вопрошать об их замысле, тем более подвергать сомнению их природу и самое их существование, чем я так упорно занимался. Но теперь, удостоверившись, что мой бог со мной и замысел его не оставлен, я, хоть ясных представлений о том не имел, знал, однако, что в свой срок почувствую его руку и она направит, повлечет, наставит меня, а как, в какой форме, в каком виде — велика ли важность? Это все мне тоже откроется. Только время еще не настало. А покамест я принадлежу себе. Нынче видения растаяли вместе со звездами, которые их породили. Ветер утра был не более как ветер, и солнечный свет — только свет.

По-моему, я даже ни разу не оглянулся. О Ральфе и ребенке мне нечего было беспокоиться. Дар провидения — неудобная вещь, но зато, провидя великую беду, не будешь изводиться по будничным пустякам. Тот, кто видел собственную старость и свой горький конец, не боится никаких превратностей в двадцать два года. Я знал, что ничего со мной не случится — и с мальчиком тоже: я дважды видел его меч, сияющий, обнаженный. И потому я был волен ничего не страшиться — кроме очередного плаванья по морю, которое привело меня, страждущего, но живого, в порт Массилию, что на берегу Срединного моря, в ясный февральский день, какой у нас в Британии назвали бы летним. А там, кто меня ни увидь и ни признай в лицо, уже не важно. Если пройдет слух, что принца Мерлина встречали в Южной Галлии или в Италии, недруги Утера, быть может, установят за мной слежку, надеясь через меня разыскать пропавшего королевского сына. Потом, отчаявшись, отстанут, чтобы затеять розыски в другом месте, но к тому времени след совсем простынет. В Керреке о появлении скромного бродячего певца будет забыто, и Ральф, бе-

зымянный, житель лесной таверны, сможет, ничего не опасаясь, украдкой путешествовать между Коллем и Керреком и сообщать вести королю Хоэлю для передачи мне. По всему по этому, высадившись в Массилии и оправившись от плаванья, я стал открыто готовиться к путешествию на Восток.

Теперь, поскольку мне не было более нужды скрываться, я намерен был путешествовать если и не по-княжески, то, во всяком случае, богато. Не для важности — для меня важность человека не в этом, — но у меня были на Востоке знакомцы, которых я намеревался посетить, и если у меня в мыслях не было, что я оказываю им этим честь, то и позорить их все же не хотелось. Поэтому я нанял себе слугу, купил лошадей и вьючных мулов и раба приглядывать за ними и пустился в путь. Первой моей целью был Рим.

Дорога от Массилии ровной, белесой лентой пыли тянется вдоль солнечного побережья, соединяя селения, некогда выстроенные солдатами Цезаря и мирно дремлющие подле ухоженных оливковых рощ и аккуратных виноградников. Мы выехали с рассветом, вытянутые тени наших лошадей падали на дорогу позади нас. Роса прибила дорожную пыль, воздух пах навозом, и горьким кипарисом, и дымом первых затопленных печей. Кричали петухи, деревенские шавки с визгом бросались под копыта лошадей. У меня за спиной переговаривались двое моих слуг — вполголоса, чтобы меня не тревожить. Нанимая их, я сделал удачный выбор: свободный, Гай, и прежде состоял в услужении, он поступил ко мне с отличными рекомендациями; второй, Стилико, был сыном сицилийского лошадиного барышника, который проворовался, влез в долги и для покрытия их продал в рабство родного сына. Стилико был живой худощавый паренек, говорливый и неунывающий. А Гай был серьезен и ловок и преисполнен сознанием моего величия гораздо больше, чем я сам. Узнав о том, что я принц крови, он так заважничал, что на него было забавно смотреть, даже Стилико, заразившись от него почтительностью, промолчал после этого целых двадцать минут кряду. Я думаю, они без зазрения совести пользовались моим саном, когда надо было произвести впечатление или нагнать страху на торговцев и трактирщиков. Что бы там ни было, но путешествие мое протекало легко и гладко, как в сказке.

Лишь только лошадь моя навострила уши в лучах утреннего солнца, я почувствовал, как взыграла моя

душа навстречу заре. Печали и опасения минувшего года словно упали вместе с тенью у меня за спиной на дорогу. Выступив на восток со своей маленькой свитой, я впервые в жизни почувствовал себя свободным, свободным и от мира, лежащего передо мной, и от обязанностей, оставшихся позади. До этой минуты я постоянно подчинял мою жизнь какой-то цели: сначала разыскивал отца, потом служил ему, потом оплакивал его смерть и ждал, когда, с рождением Артура, возобновится мое служение. И вот теперь половина дела сделана: мальчик находится в безопасности и, если можно доверять моим богам и звездам, останется живой и невредимый. Сам я еще молод, еду навстречу солнцу, и как ни назвать это — одиночеством или свободой, — но впереди меня ждет неизведанный мир и некий срок, когда я смогу наконец побывать в странах, про которые так много слышал и которые давно мечтал увидеть.

Итак, я со временем прибыл в Рим, и гулял по зеленым холмам среди кипарисов, и беседовал с человеком, который знал моего отца в том возрасте, в каком сейчас был я. Я остановился в его доме и не уставал дивиться, как мог я раньше дом моего отца в Керреке считать дворцом, а Лондон — большим городом. Затем из Рима — в Коринф и дальше по суше долинами Арголиды, где на опаленных солнцем холмах пасутся козы и обитают люди, дикие, как козы, среди развалин городов, некогда возведенных великанами. Здесь я впервые воочию увидел камни, еще огромнее тех, что у нас — в Хороводе Великанов, и они были подняты и установлены именно так, как о том поется в песнях. И дальше на восток продвигался я и видел земли, еще более голые, и там тоже стояли гигантские камни под палящим солнцем пустыни и жили люди неприхотливыми ордами, будто волки в стаях; но они умели петь легко, как поют птицы, и дивно, как движутся звезды. Там понимают движение звезд лучше, чем где-либо еще во всем свете, верно, этим людям пустые пространства небес и земли одинаково знакомы и доступны. Восемь месяцев я прожил в Меонии близ Сардиса у человека, который умел вычислять толщину волоса; с помощью его науки можно было бы поднять камни Хоровода Великанов вполовину быстрее и проще, чем это делал я. Потом я шесть месяцев прожил на побережье Мазии, близ Пергама, и работал в большом лазарете, куда стекаются за исцелением больные, равно и бедные, и богатые.

Здесь я узнал многое, мне прежде неведомое, в искусстве врачевания: так, в Пергаме одновременно с усы-

пительными снадобьями лечат музыкой, которая врачует грезами душу, а через то уж и тело. Воистину рука божия вела меня, когда я в отрочестве обучался игре на арфе. И повсюду, куда бы я ни ехал, я усваивал крохи чужой речи и слушал новые песни и новые мелодии. И я видел, как поклоняются чужим богам: кто в святых местах, а кто на святотатственный, по нашим понятиям, манер. Никогда не следует пренебрегать знанием, откуда бы оно ни приходило.

И все это время на душе у меня было спокойно: я знал, что там, в Бретани, в гуще Гиблого леса, мальчик растет здоровый и крепкий и укрытый от опасностей.

Время от времени до меня доходили известия от Ральфа, посылаемые королем Хоэлем в заранее обусловленные места. Так я узнал, что Игрейна вскоре опять понесла дитя и в свой срок разрешилась девочкой, которую назвали Моргиана. Письма, попадая мне в руки, конечно, уже устаревали, но про мальчика Артура я получал сведения еще и иным, прямым путем: я смотрел в огонь, как я умею, и все там видел.

Так, в пламени жаровни, разожженной стылым римским вечером, я впервые увидел, как Ральф едет по лесу в Керрек, к Хоэлю. Он путешествовал один и не привлек ничьего внимания, и, когда туманным утром, до восхода солнца, выехал в обратный путь, за ним не было ни погони, ни слежки. В гуще леса он пропал у меня из глаз, но потом дым развеялся, и я увидел его коня, отдыхающего в стойле, а на дворе, в лучах солнца, — Бранвену с ребенком на руках. После этого я еще несколько раз видел Ральфа во время его поездок в Керрек, но всегда к концу дым сгущался, точно речной туман, я не мог ни разглядеть таверны, ни последовать за ним взглядом внутрь. Словно лесное убежище и от меня было хранимо. Мне приходилось когда-то слышать, что Гиблый лес в Бретани — заколдованное место; могу подтвердить, что так оно и есть. Думаю, что ничьи чары не были способны проникнуть эту стену тумана вокруг таверны. Лишь изредка, мельком показывалась она мне.

Однажды возникла картина: двор, на дворе мальчуган барахтается среди щенят, а сука вылизывает ему лицо, и за ними с улыбкой наблюдает Бранд. Потом из кухни, бранясь, выскочила Моравик, подхватила ребенка на руки и, утирая ему лицо передником, унесла в дом. Другой раз я видел его верхом на Ральфовой лошади, которая пила воду из желоба, и еще раз верхом, впереди Ральфа в седле обе ручонки впились в гриву лошади, легонько трусящей к реке. Близко, от-

четливо я его ни разу не увидел, но того, что видел, было достаточно, чтобы уверяться в его здоровье и благополучии.

А потом ему сравнялось четыре года, и настал срок, когда Ральф должен был увезти его из лесного укрытия и обратиться к покровительству Эктора.

В ту ночь, когда они отплывали в Британию, я лежал под черным небом Сирии, на котором звезды в два раза крупней и ярче наших. Я смотрел в пастушеский костер на склоне горы в окрестностях Берита — здесь застала меня и моих слуг в пути ночь, и радушный пастырь предложил нам место у своего огня, разведенного для отпугивания волков и горных львов. Высоко плясало пламя на высушенных ветрами дровах, посылая в ночь снопы жарких искр. Сбоку слышались голоса: что-то говорил Стилико, ему гортанно отвечал пастух, и оба они рассмеялись, но Гай произнес нечто напыщенно-укоризненное, смех прервался, и вот уже все звуки потонули в трескучем гудении пламени. Потом стали возникать образы, сначала обрывочные, но ясные, живые, как те видения, что посещали меня в отрочестве в кристальном гроте. И я за одну ночь проследил все их путешествие, как, бывает, во сне, между вечером и утром, прослеживаешь целую жизнь...

Я впервые отчетливо видел Ральфа с тех пор, как покинул его в Бретани. Он стал прямо неузнаваем. Высокий молодой мужчина, по виду боец, с решительным и серьезным выражением лица, которое ему очень пристало. Я предоставил на их с Хоэлем усмотрение, надо ли посылать вооруженный эскорт, чтобы привезти его «жену и сына» в гавань. И они решили не рисковать понапрасну, хотя и было очевидно, что тайну удалось сохранить. Хоэль устроил так, что из Керрека через лес был отправлен под охраной небольшого отряда фургон с товарами, и, когда его снарядили обратно, вполне естественно, что молодой человек с семейством, которым тоже надо было добраться до побережья, воспользовались попутной защитой солдат, сопровождавших возвратный груз (что там у них лежало в туго перевязанных веревкой мешках, я не видел). Бранвена путешествовала в фургоне, и в конечном счете Артур тоже. Он явно перерос уже женскую опеку, его тянуло ехать рядом с солдатами, и Ральфу понадобилось употребить власть, чтобы держать его под крышей фургона при Бранвене, а не на луке седла впереди отряда. Когда они доехали и погрузились на корабль, четверо из отряда вышли в море вместе с

ними, якобы для сопровождения все тех же драгоценных мешков. На корабле подняли паруса. Свет костра отражался красным на волнах, и паруса у суденышка тоже алели на ветреном пламенеющем закате, и так они ушли, все уменьшаясь и уменьшаясь, покуда вовсе не скрылись из глаз в дымном пламени.

Когда же они пристали в Гланнавенте, на небе разгорался восход, быть может, также зажженный пламенем сирийского костра. Я видел, как закрепили канаты и все сошли по сходням на берег, где уже ждал Эктор, смуглый и улыбающийся, с отрядом хорошо вооруженных воинов без опознавательных значков. С ними тоже был фургон для товаров, но, как только они отъехали от города, из фургона извлекли паланкин для Бранвены и Артура, и отряд поскакал в Галаву по военной дороге через горы, что лежат между морем и замком Эктора, а фургон плелся сзади своим ходом. Эта дорога проходит два перевала, а между ними лежит низменная болотистая равнина, которая до конца весны бывает затоплена полыми водами. Дорога плохая, разрушенная ветрами, дождевыми потоками и зимними стужами, а местами, где в половодье образовались оползни, она совсем исчезает, и там сохранились лишь старые тропы с еще доримских времен. Дикий край и дикий путь, но вооруженным всадникам в погожий майский день там проехать не составляет труда. Все утро и весь день, окрашенный отблесками пламени, трусили они вперед, и паланкин раскачивался между двумя крепконогими мулами, но внезапно, с наступлением вечера, с перевала скатился темный туман, и в нем я различил зловещий блеск оружия.

Отряд Эктора уже спускался со второго перевала, перейдя на шаг на крутом откосе, где скалы теснили тропу. Оставалось совсем недалеко до широкой речной долины, откуда ровная, прямая дорога подводит к взлобью над озером, где стоит замок. Впереди, внизу, освещенные вечерним солнцем, виднелись вековые деревья и цветущие сады и нежная зелень возделанных нив. Но на перевале между серыми отвесными скалами клубился туман, было темно, и лошади оскользались и оступались на крутых осыпях и на мокрых камнях там, где тропа шла по ложу потока. Должно быть, шум бегущей воды и заглушил все остальные звуки. Никто из едущих не замечал, что впереди, в тумане, затаились вооруженные всадники.

Граф Эктор ехал во главе отряда, а в середине покачивался и кренился паланкин и подле него, не отступая ни на шаг, продвигался Ральф. Они приближались к засаде,

вот уже поравнялись с ней. Я увидел, как Эктор резко повернул голову и вдруг натянул поводья, так что конь под ним вскинулся на дыбы, осел на круп и поскользнулся на щебне; в руке Эктора сверкнул в воздухе обнаженный меч. Солдаты на крытой тропе, как могли, окружили паланкин и приготовились к сражению. Вот началась жаркая схватка, и никто не заметил то, что видел я: из-за скалы в тумане выезжали еще всадники.

Должно быть, я вскрикнул. То есть вслух я не издал ни звука, но Ральф вдруг поднял голову, будто пес на свист хозяина. Он закричал, осаживая коня. Вместе с ним повернулись и другие и встретили новое нападение лицом к лицу — лязг, скрежет, снопы искр, словно из-под кузнечного молота, бьющего по наковальне.

Я, напрягая зрение, всматривался в огонь, мне хотелось увидеть, кто такие эти напавшие всадники. Но разглядеть их не удавалось. В темноте сшибались мечи и щиты, сыпались искры, слышался стук, и звон, и крики, и катились камни из-под копыт — и вот уже противник исчез в тумане так же внезапно, как появился, оставив одного убитого на каменной осыпи и увозя поперек седла еще одного, истекающего кровью.

Преследовать их по горам в тумане надвигающейся ночи было бессмысленно. Один из Экторова отряда спешился, поднял убитого и перекинул через коня. По указанию Эктора тело обыскали, никаких значков не обнаружили. Охрана снова окружила паланкин, и отряд двинулся дальше. Я заметил, как Ральф украдкой обматывает тряпицей левую руку, куда достал из-за щита клинок неприятеля. А еще через минуту он со смехом наклонился в седле к шторам паланкина и говорил: «Да, но ты ведь еще не вырос. Дай срок, пройдет годика два, и, обещаю, я подберу тебе меч по росту». И, протянув руку, задернул кожаную штору. Я напряг зрение, чтобы разглядеть Артура, но сизый дым застлал всю картину, пастух громко крикнул собаку, и я вновь очутился на ароматном нагорье. Всходила луна, освещая руины храма, где теперь ютились лишь совы — все, что осталось от культа богини.

Так проходили праздные годы, которые я употребил на путешествия, но об этом я рассказал в другом месте, а сейчас нет нужды вдаваться в подробности. Для меня это были тучные годы, и не в тягость был мой путь, и десница божия легко покоилась на мне, так что я повидал все, о

чем мечтал когда-то; но во все это время я не получал ни вести, ни знамения в небе, которое было бы мне призывом вернуться на родину.

А потом, в один прекрасный день, когда Артуру уже шел седьмой год, в Пергаме, где я врачевал недужных и обучал учеников в лазарете, мне был дан знак.

Была ранняя весна, и целый день лил проливной дождь, струи хлестали по мокрым камням, белый известняк потемнел, неустанные потоки рыли глубокие борозды вдоль тропы, что ведет к больничным кельям у моря. Не было пламени, в чьей сердцевине я привык видеть далекие образы, но боги там таятся за каждой колонной и самый воздух настоян на снах. То, что я увидел, было лишь сновидением, какие бывают у всякого, кто устал и забылся сном.

В тот вечер поздно нам принесли пострадавшего, на бедре у него зияла глубокая рана, и из нее фонтаном истекала его жизнь. Вдвоем с еще одним врачом мы провозились с ним, наверное, часа три, а потом я спустился к морю обмыться от крови, щедро излившейся и заскорузшей на моей коже. Была надежда, что мой пациент останется жив: он был молод, и теперь, когда кровь остановили и рану зашили, он спал. Я снял с себя окровавленную набедренную повязку — тамошний климат позволяет в сложные минуты работать полуголым, — вошел в воду и плавал до тех пор, пока не очистился, а потом растянулся отдохнуть на еще не остывшем песке. С наступлением вечера дождь прекратился, ночь была безветренная, теплая и звездная.

Это было не видение, а как бы сон наяву. Я лежал, так мне представлялось, с открытыми глазами и смотрел на сияющие мириады, а оттуда смотрели на меня. Там среди небесного воинства был один отдаленный огонек, затуманенный, слабый, точно глаз фонаря в вихре снега. Но потом он стал приближаться, ближе, еще ближе, покуда своим затуманенным светом не затмил более яркие звезды, и я увидел горы, и берег, и реки, подобно жилкам зеленого листа, бегущие по долинам моей родины. А снег вихрился все гуще, скрывая долины, и за белой пеленой слышались раскаты грома, и крики сражающихся ратей, и поднялось море, подмыло берега, и вверх по рекам потекла соленая влага, зеленые луга подернулись серым и легли черной пустыней, и жилы их обнажились, как кости мертвеца.

Я проснулся с сознанием, что должен вернуться на родину: год Потопа еще не наступил, но приближался. К будущему снегу или еще через год, но мы скоро услышим раскаты грома, и мне надо успеть оказаться на месте, между королем и его сыном.

2

У меня был план вернуться через Константинополь, и туда уже ушли нужные письма. Теперь я предпочел бы более прямой путь, но единственный корабль, на который я мог сесть, шел на север каботажным плаваньем до Халкедона, что находится через пролив прямо против Константинополя. Я приплыл туда позже, чем рассчитывал, по причине противных ветров и изменчивой погоды, и узнал, к своей досаде, что корабль, направлявшийся на запад, ушел у меня, можно сказать, из-под носа, а следующий ожидался не ранее как через неделю. Из Халкедона ходят главным образом малые каботажные суда, большие же пользуются константинопольским портом. Поэтому я решил перебраться через пролив, радуясь, несмотря на подгонявшее меня нетерпение, что увижу великий город, о котором столько слышал.

Я готов был к тому, что Новый Рим превосходит великолепием Рим Старый, однако град Константинов оказался полон контрастов: здесь нищета ютилась бок о бок с роскошью и повсюду царил дух предпринимательства и отваги, отличающий молодые города, которые растут, распространяются, поглощают чужое и жадно стремятся к процветанию и богатству.

На самом-то деле это город древний: он тысячу лет назывался Византий, по имени Бизы, который пришел и обосновался здесь со своими людьми, но полтора столетия назад император Константин, перенеся к востоку центр своей империи, начал укреплять и отстраивать седой Византий и дал ему свое имя.

Константинополь живописно расположен на мысу, образующем с берегом естественную гавань, которую здесь называют Золотой Рог; и действительно, я никогда не видел столько богато нагруженных судов, как за время моего краткого плаванья из Халкедона через пролив. В городе много

дворцов, и роскошных домов, и государственных зданий с коридорами, подобными лабиринту, а у входов и выходов толпятся чиновники без числа, точно пчелы перед ульем. Повсюду сады, а в них пруды и павильоны и неутомимо бьющие фонтаны; в городе питьевой воды сколько душе угодно. С суши город защищен стеной Константина, а от Золотых Ворот к ней идет широкая дорога Мезея; перекрытая арками почти на всем протяжении, она проходит мимо трех форумов с колоннадами и кончается величественной триумфальной аркой Константина. Над городскими стенами со стороны моря возвышается грандиозная императорская церковь Премудрости Божией. Великолепный город, ослепительная столица, но все-таки не Рим, как полагал мой отец и как думают у нас в Британии; здесь все же Восток, и к Востоку обращен великий Константинополь. Даже одежды — горожане носят римские плащи и тоги — все же имеют вид азиатский, и, хотя на латыни говорят повсеместно, на базарах звучит и греческий, и сирийский, и армянский, а за аркадами Мезея начинаешь чувствовать себя в Антиохии.

Тому, кто не покидал берегов Британии, трудно представить себе эти места. Жизнь здесь бурлит и кипит и постоянно что-то обещает. Константинополь устремлен вперед, тогда как Рим и Афины и даже Антиохия словно обернулись назад, а Лондон, с его разрушающимися храмами и наскоро подлатанными башнями, где люди живут постоянно настороже, не отнимая руки от меча, казался отсюда таким же далеким и почти таким же диким, как ледяные земли норманнов.

В Константинополе я остановился у дальнего родича моего отца, который, впрочем, несмотря на отдаленность родства, принял меня как кузена. Он происходил от некоего Адеана, шурина Максима, который служил в его войске и вместе с ним участвовал в последнем походе на Рим. Под Римом Адеан был жестоко ранен, его сочли мертвым и оставили на поле брани, однако его вынесла и выходила одна христианская семья. Впоследствии он женился на дочери этого семейства, стал христианином, и хотя сам никогда не служил Восточному императору (удовольствовавшись только амнистией, дарованной по ходатайству тестя), однако сын его поступил на службу к Феодосию II, составил себе состояние и был вознагражден за службу женой из королевского дома и роскошным дворцом вблизи Золотого Рога.

Его правнук носил то же имя, но оно уже произносилось на византийский лад: Адьян. Обликом он все еще был в значительной мере кельт, валлиец, но как бы обескровленный близостью к солнцу. Высокий, худощавый, лицо узкое, без румянца, темные глаза близко поставлены, как на всех их портретах. Губы тонкие, тоже бескровные — сжатый рот царедворца, привыкшего хранить секреты. Но он был не лишен юмора и умел вести умные и занимательные беседы — редкое искусство в стране, где все, даже женщины, постоянно толкуют о возвышенных духовных материях, и притом с плоской, чисто плотской тупостью. Я и полдня не пробыл в Константинополе, а уже поневоле вспомнил то место в книге Галапаса, где он пишет: «Спроси, сколько оболов стоит товар, а тебе ответят рассуждением о догмате рождения и нерождения. Справься о цене на хлеб — услышишь, что Отец более велик, нежели Сын, и Сын ниже Отца. Поинтересуешься, истоплена ли баня, а тебе в ответ: Сын был сотворен из ничего».

Адьян принял меня очень радушно в роскошном покое с мозаикой на стенах и полом из золотистого мрамора. В Британии, где холодно, мы застилаем изображениями полы и плотно завешиваем ими стены и двери; на Востоке же поступают иначе. Эта комната вся играла красками; в мозаике они используют много золота, а от слегка неровной поверхности создается впечатление переливчатости, будто бы это не камень, а воздушный шелковый занавес. Фигуры совсем как живые, разноцветные, многие очень красивые. Я вспомнил растрескавшееся мозаичное панно у меня на родине в Маридунуме — мне, ребенку, оно казалось прекраснейшей картиной в мире. Изображало оно Диониса с дельфинами и виноградными лозами, но мозаика выкрошилась, лицо бога кто-то подправил и не так вставил ему в глаза зрачок. До сих пор Дионис представляется мне косоглазым. Одной стороной комната выходила на террасу, где был большой мраморный бассейн с серебрящимся фонтаном, а вдоль балюстрады в горшках росли кипарисы и лавры. Ниже террасы простирался напоенный солнцем дивный сад, в нем цвели розы, ирисы и жасмин (хотя было всего лишь начало апреля), смешивая свое дыхание с ароматами тысячи разных кустов, и повсюду тянулись, указуя в небо, черные персты кипарисов в золотых шишечках. А за садом сверкали воды бухты, кишевшей судами всех размеров, так деревенские пруды в наших краях кишат плавунцами и водяными блошками.

У Адьяна меня ждало письмо от Эктора. После взаимных приветствий я, испросив у хозяина позволения, развернул и прочел его.

Писец Эктора писал хорошо, но длинноватыми периодами, которыми, как я понимал, хотел возместить некоторую прямолинейность истинных слов своего господина. Письмо, если отбросить поэтические обороты и красоты стиля, подтверждало то, что я и так уже знал или предполагал. В крайне осторожных выражениях Эктор сообщал мне, что Артур (чтобы писец не понял, он диктовал: «Друзилла и оба мальчика») в безопасности. Но надолго ли эта безопасность, Эктор писал, что сказать трудно, и передавал мне новости, как они до него дошли.

Угроза вторжения, всегда присутствовавшая, но уже давно сводившаяся лишь к единичным набегам, теперь опять начала устрашающе расти. Окта и Эоза, вожди саксов, разбитые Утером в первый год царствования, все еще содержались пленниками в Лондоне, но в последнее время на Утера стали оказывать давление — причем не только союзные саксы, но и кое-кто из британских вождей, опасающихся недовольства на Саксонском берегу, — чтобы он освободил саксонских принцев на мирных условиях. Утер не соглашался, и были совершены две вооруженные попытки вызволить их из заточения силой. Обе они были подавлены, и весьма жестоко, и теперь другие группировки побуждали Утера немедля предать пленников смерти, на что он не мог решиться, боясь рассердить федератов. Прочно утвердившись на Саксонском берегу, в угрожающем соседстве даже от Лондона, они готовы были чуть что сразу вызвать из-за моря подкрепления и вторгнуться на богатые земли за валом Амброзия. А слухи между тем поступали еще того беспокойнее, был пойман гонец, который под пыткой признался, что везет залоги дружбы от англов на востоке, на реке Абус, пиктским царькам к западу от Стрэтклайда. Правда, всего лишь залоги, ничего более, добавлял Эктор, и он лично не думает, что опасность может сейчас грозить с севера. Между Стрэтклайдом и Абусом лежат верные королевства Регед и Лотиан.

Я пробежал глазами остальное и скатал письмо.

— Мне надо немедля возвращаться на родину, — сказал я Адьяну.

— Так сразу? Я этого опасался. — Он сделал знак слуге, тот поднял из чаши со снегом серебряный кув-

шин и налил вино в стеклянные кубки. Я удивился, откуда они берут снег — оказывается, его привозят ночами с гор и хранят в погребах под соломой. — Сожалею, что ты нас покидаешь, но, когда прибыло это письмо, я так и подумал, что в нем дурные вести.

— Пока еще не дурные, но дурные последуют. — Я объяснил ему, как мог, положение в Британии. Он слушал с интересом. В Константинополе такие вещи понимают хорошо. С тех пор как гот Аларих взял Рим, здесь привыкли ожидать громов с севера. Я продолжал: — Утер — могучий король и умелый полководец, но он не вездесущ, а такое разделение сил внушает людям неуверенность и страх. Необходимо обеспечить престолонаследие. — Я постучал пальцем по свитку. — Эктор сообщает мне, что королева опять в тягости.

— Я слышал. Если родится мальчик, он будет объявлен наследником, не так ли? Конечно, младенец на троне сейчас был бы не ко времени. Разве что найдется еще один Стилихон, чтобы блюсти интересы государства. — Он имел в виду знаменитого полководца, который оберегал престол малолетнего императора Гонория. — Есть ли среди военачальников Утера такой, которому можно поручить регентство в случае его гибели?

— Эти скорее убьют, чем оберегут, насколько я их знаю.

— Тогда Утеру лучше оставаться жить или же объявить законным наследником того сына, который у него уже есть. Ему сейчас должно быть сколько? Семь? Восемь? Почему бы Утеру не решиться на такой разумный поступок: признать его наследником, а тебя назначить регентом на случай, если король падет в бою до достижения им совершеннолетия? — Он поглядел на меня искоса сквозь стекло кубка. — Ну-ну, Мерлин, зачем так подымать брови? Весь мир знает, что ты увез мальчика из Тинтагела и где-то его тайно содержишь.

— А где, весь мир не говорит?

— Говорит, конечно. Мир неустанно рождает гипотезы, как вон тот водоем — лягушек. Всеобщее мнение таково, что ребенок спрятан на острове Ги-Бразиль, где его вскармливают молоком сразу девяти королев. Не диво, что он процветает. Или же он, может быть, при тебе, только невидим. В обличье вьючного мула, например, а?

Я засмеялся:

— Разве я посмел бы? Кто же тогда, выходит, Утер?

— По-моему, ты бы все посмел. Я надеялся, что посмеешь открыть мне, где находится мальчик и как он поживает... Но нет?

Я с улыбкой покачал головой:

— Нет, прости меня. Еще не время.

Он сделал изящный жест. Что такое тайна, в Константинополе тоже понимают.

— Ну по крайней мере что он жив и здоров, ты можешь мне сказать?

— В этом могу тебя уверить.

— И унаследует корону, а ты при нем будешь регентом?

Я засмеялся, покачал головой и осушил кубок. Адьян сделал знак рабу, который стоял в отдалении, чтобы не слышать нашей беседы, и тот снова налил мне вина. Адьян сразу же знаком отослал его.

— Я тоже получил письмо. От Хоэля. Он пишет, что Утер отправил людей разыскивать тебя и что он говорит о тебе без должной признательности, хотя всем известно, как много ты для него сделал. Ходят также слухи, что король и сам не знает местонахождения своего сына и разослал шпионов на розыски. Кое-кто утверждает, будто мальчика нет в живых. А есть такие, кто говорит, что ты держишь юного принца при себе ради собственных честолюбивых замыслов.

— Да, — спокойно подтвердил я. — Такие разговоры неизбежны.

— Вот видишь! — Он вскинул руку. — Я пытаюсь разозлить тебя и тем вызвать на откровенность, а тебе хоть бы что! Другой бы стал оправдываться, может быть, побоялся бы даже возвращаться, ты же все равно помалкиваешь и в душе, боюсь, принимаешь решение выйти в море с первым же кораблем.

— Я знаю будущее, Адьян, в этом вся разница.

— Ну а я будущего не знаю, и ты мне его, как я понимаю, открывать не намерен. Но наугад могу кое-что сказать. Во всех этих разговорах есть одна правда, хотя и навыворот: ты действительно держишь мальчика при себе, так как знаешь, что ему суждено стать королем. Однако ты все-таки мог бы мне рассказать, как ты намерен поступить, когда вернешься на родину. Явишь его людям?

— Пока я вернусь на родину, королева успеет родить, — ответил я. — Как я поступлю, зависит от этого. Я, конечно, повидаюсь и поговорю с Утером. Но главное, как мне представляется, — это оповестить людей в Британии —

и друзей, и недругов, — что принц Артур жив и благополучен и будет готов встать рядом с отцом, когда придет срок.

— Но он еще не пришел?

— Думаю, нет. На месте, надеюсь, мне будет виднее. С твоего позволения, Адьян, я погружусь на первый же корабль.

— Как тебе будет угодно, разумеется. Я сожалею, что должен лишиться твоего общества.

— Я тоже. Меня привел в Константинополь счастливый случай. Могло бы статься, что мы так бы и не увиделись с тобой, но меня задержала непогода, и судно, на котором я должен был отплыть из Халкедона, ушло.

Он ответил мне любезностью, но тут до него дошел смысл моих слов.

— То есть как это — задержала непогода? Ты что же, уже собирался домой? До того, как прочитал письмо? Ты, стало быть, знал?

— В общих чертах. Только — что мне пора возвращаться.

— Ну, клянусь Тремя! — (На мгновение я увидел в нем кельта, но божество, которым он поклялся, было христианское. Еще они в Константинополе говорят «Клянусь Одним!» — и за эти две клятвы готовы перерезать друг другу глотки.) Но тут же он рассмеялся. — Клянусь Тремя! Жаль, тебя не было у меня под боком неделю назад на ипподроме! Я проиграл добрую тысячу — дело, казалось, совсем верное, а они, представь, скакали, как трехногие коровы. Ну что ж, выходит, счастлив тот принц, у которого окажется такой советчик. Если бы вот он мог пользоваться твоими советами, я бы сегодня, пожалуй, занимал императорский трон, а не приличное место на государственной службе — и то спасибо, что удостоился, не будучи евнухом.

Говоря это, Адьян кивнул на мозаичное панно во всю стену у нас за спиной. Я уже успел обратить на него внимание и еще подивился византийскому обычаю украшать стены жилищ такими мрачными сценами — не то что в Италии или Греции. Я уже видел при входе изображение распятия — в полный рост, с плакальщиками и со всевозможными христианскими символами. Здесь у Адьяна тоже была картина казни, но более благородной: на поле брани. Небо темное — кусочки серого сланца сложены в свинцовые тучи, в них кое-где вкраплены проблески лазурита, а над тучами — головы созерцающих богов. На горизонте в алом закате — башни, храмы, крыши домов. По-видимому, это Рим. На пере-

днем плане над городской стеной — поле недавнего сражения: слева разгромленное войско, мертвые и умирающие люди, кони, разбросанное, разбитое оружие; справа победители, толпящиеся за венценосным вождем, и на него падает луч света от благословляющего Христа, вознесенного над остальными богами. У ног победителя на коленях вождь побежденных, склонивший голову в ожидании казни. Он протягивает победителю руки не в мольбе о пощаде, а ритуальным жестом передавая ему свой меч. Снизу под ним подписано «Макс.», а под победителем: «Феод. Имп.».

— Ну, клянусь Одним! — сказал я и увидел, что Адьян улыбнулся. Но он не мог знать, что вызвало у меня этот возглас и заставило вскочить с места. Он тоже учтиво поднялся и подошел вслед за мной к стене, явно польщенный моим интересом.

— Да, как видишь: Максим терпит поражение от императора. Хорошая мозаика, не правда ли? — Он погладил ладонью переливчатые камешки. — Мастер, создавший ее, едва ли что-нибудь смыслил в иронии военных побед. Несмотря на все, в итоге можно сказать, вышло так на так. Вон тот жалкий субъект слева за Максимом — это предок Хоэля, что вывел остатки британского войска обратно на родину. А этот благочестивый господин, так щедро орошающий своей кровью стопы императора, — мой прапрадед, чьей святости и деловой сметке я обязан и богатством, и спасением души.

Но я его не слышал. Я смотрел на меч на ладонях Максима. Этот меч я уже видел. Он возник в сиянии на стене в покоях Игрейны. Он, сверкнув, ушел в каменные ножны в Бретани. И вот теперь, в третий раз, в руках Максима под римскими стенами.

Адьян вопросительно смотрел на меня:

— В чем дело?

— Этот меч. Значит, вот он чей.

— А ты разве его видел раньше?

— Нет. Только во сне. Он дважды привиделся мне. И вот теперь, в третий раз, я вижу его на картине... — Я говорил почти что сам с собою, размышляя вслух. Солнечный зайчик, отброшенный на стену водой из фонтана, затрепетал на рукояти меча, который держал Максен, и драгоценные камни вспыхнули зеленым, желтым, ярко-синим. Я тихо произнес: — Так вот почему я опоздал на корабль в Халкедоне.

— Что ты говоришь?

— Прости. Я и сам толком не знаю. Мне вспомнилось одно видение... Скажи мне, Адьян, на этой картине... ведь это стены Рима, верно? Но ведь Максим был убит не в Риме, по-моему?

— Убит? — Адьян принял строгий вид, пряча улыбку. — В нашей семье говорят: «казнен». Нет, разумеется, не в Риме. Я думаю, художник здесь дает символ. А случилось это в Аквилее. Ты, наверно, не знаешь, это небольшой городок близ устья реки Туррус в северной Адриатике.

— Корабли заходят туда?

Он округлил глаза.

— Ты намерен туда попасть?

— Я хотел бы посмотреть место, где пал Максен. Хотел бы узнать, что сталось с мечом.

— В Аквилее ты его не найдешь. Кинан взял его с собой.

— Кто?

Он кивнул на мозаику:

— Вот этот, слева. Предок Хоэля, который привел британцев в Бретань. Хоэль мог бы тебе сказать. — Видя мое лицо, он расхохотался. — Неужто ты проделал такое длинное путешествие, только чтобы узнать об этом?

— Выходит, что так, — ответил я. — Но я сам лишь сейчас это понял. И что же, меч находится теперь в Бретани? У Хоэля?

— Нет. Он давно затерялся. Те, кто отправился дальше, в Великую Британию, взяли имущество Максима с собой. Они, наверно, захватили и меч, чтобы передать его сыну.

— И что же?

— Дальше я ничего не знаю. Дело это давнее, от него осталось только семейное предание — наполовину выдумки, надо полагать. А разве это так важно?

— Важно? — повторил я. — Не знаю. Но я привык присматриваться к тому, что попадается мне на глаза.

Он недоуменно глядел на меня, и я приготовился к дальнейшим расспросам, но он, помолчав, только сказал:

— Что ж, наверно, ты прав. Не хочешь ли выйти в сад? Там прохладнее. Мне показалось, что у тебя заболела голова.

— Нет, это пустяки. Просто на террасе кто-то играет на лире. У нее струны расстроены.

— Моя дочь. Спустимся и скажем, чтобы она перестала.

Пока мы спускались, Адьян рассказал, что через два дня из Золотого Рога выходит судно, он знает владель-

ца, и мне там будет обеспечено место. Судно это быстроходное, идет до Остии, где я без труда найду другое судно, на запад.

— А как будет с твоими слугами?

— Гай — превосходный работник. Ты не прогадаешь, если примешь его к себе в услужение. Стилико я освободил. Можешь и его взять, если только он согласится остаться, с лошадьми он кудесник. Было бы жестоко везти его со мной в Британию, у него кровь жидкая, как у аравийской газели.

Но когда я утром прибыл в порт, Стилико ждал меня на пристани, упрямый, точно мулы, с которыми он так хорошо управлялся. Пожитки свои он зашил в мешок и жарился на византийском солнце, закутанный в овчинный плащ. Я пробовал спорить с ним, даже поносил британский климат и ссылался на свой простой образ жизни, который в солнечных странах еще может приходиться ему по вкусу, но окажется непереносим в краю сырости и ледяных ветров. Однако убедившись, что он все равно сделает по-своему, даже если ему придется самому оплатить свой проезд из денег, полученных от меня на прощание, я наконец сдался.

По правде сказать, я был тронут и рад иметь его своим спутником в долгом плаванье к родным берегам. Стилико был не так вымуштрован на службе, как Гай, зато отличался расторопностью и сметкой и уже успел набить руку, помогая мне с травами и снадобьями. С ним мне будет легче: после долгих странствий одинокая жизнь в пещере Брин Мирддина немного страшила меня, а Ральф, я знал, уже никогда ко мне не вернется.

3

Лето перевалило за макушку, когда я добрался до Британии. На пристани меня ждали свежие новости в лице одного из королевских придворных, который выказал по поводу моего прибытия горячую радость и полное отсутствие удивления, так что я даже сказал ему:

— Тебе бы заняться ясновидением вместо меня.

Он засмеялся. Это был Лукан, мы с ним дружили, когда мой отец был королем и мы оба юнцами жили при дворе.

— Ясновидением? Как бы не так! Я уже пятый корабль встречаю. Ждал тебя, это верно, но не думал, что ты так скоро обернешься. Мы слышали, ты путешествуешь по Востоку, за тобой и гонцов отправили. Нашли они тебя?

— Нет. Но я сам повернул домой.

Он кивнул, словно я подтвердил его мысли. Он был когда-то слишком близок к Амброзию, моему отцу, чтобы задаваться вопросами о том, какая сила меня вела.

— Ты, стало быть, знал о болезни короля?

— Нет, я только знал, что времена сейчас опасные и мне пора возвращаться. Утер болен? Дурная весть. Что же это за болезнь?

— Заражение в ране. Ты знаешь, что он сам наблюдал за перестройкой защитных укреплений на Саксонском берегу и сам обучал там солдат? И вот один раз поднялась тревога, что ладьи идут вверх по Темзе, их видели у Вагниаций, слишком уж близко от Лондона. Небольшая вылазка, так, ничего серьезного, но он, как обычно, был в первых рядах и получил рану, а она не заживает. Уж третий месяц пошел, как его терзает боль, он извелся и спал с тела.

— Третий месяц? Чего же смотрит его врач?

— Гандар постоянно при нем и пользует его.

— И ничем не в силах помочь?

— Да видишь ли, — сказал Лукан, — его послушать — и остальных лекарей, к которым обращались, тоже, — так все идет как надо, король поправляется. Но я заметил, что они шепчутся по углам и вид у Гандара озабоченный. — Он искоса взглянул мне в лицо. — При дворе царит беспокойство, я бы сказал даже — опасение, и как бы оно не распространилось и дальше, за пределы двора. Тебе незачем объяснять, что это будет сейчас значить, если в стране подорвать доверие к могуществу короля. А слухи уже поползли. Ты ведь знаешь: чуть у короля живот заболел, сразу все в страхе — отрава; а теперь идут толки про чары и наговоры. И не без причины: у короля по временам лицо становится такое, будто он увидел призрак. Да, да, пора тебе вернуться домой.

Мы уже ехали по дороге, ведущей от моря. Оседланные лошади и конный эскорт ждали наготове у самой пристани. Вооруженные всадники сопровождали нас скорее ради придворного этикета, чем для безопасности, ибо дорога между портом и Лондоном людная и хорошо охраняет-

ся. А может быть, подумалось мне, это и не эскорт, а конвой, доставляющий меня ко двору?

Я сухо заметил Лукану:

— Король, я вижу, действует наверняка.

Он быстро взглянул на меня, но вслух лишь сказал с уклончивостью царедворца:

— Король, быть может, опасался, что ты не захочешь его лечить. Ведь врач, не сумевший исцелить короля, рискует, скажем так, своей репутацией.

— Своей головой, ты хочешь сказать. Надеюсь, бедняга Гандар жив?

— Пока да. — Он помолчал, потом скромно заметил: — Я, конечно, не знаток, но, по-моему, не тело короля, а его душа нуждается в лечении.

— А-а, так тут требуется моя магия? — Он молчал. Я добавил: — Или, может быть, нужен его сын?

Он опустил веки.

— Ходят слухи и о нем.

— Не сомневаюсь. — Я говорил таким же ровным тоном, как и он. — Одна новость дошла до меня еще в пути: королева была опять в тягости. Ей срок вышел, насколько я понимаю, с месяц назад. Кого она родила?

— Мальчика. Мертвого. Говорят, от этого король и повредился в уме, а рана его вновь воспалилась. Теперь же пошли слухи, что и старший его сын мертв. Собственно, говорят, что он умер в младенчестве, что никакого сына не существует. — Он смолк. Взгляд его был направлен между ушей коня, но в голосе прозвучал намек на вопрос.

— Не верно, Лукан, — ответил я. — Он жив, здоров и благоденствует. И быстро растет. Не бойтесь, он явится, когда будет нужда.

— Ага! — Он с облегчением перевел дух. — Значит, правда, что он у тебя. Эта новость исцелит если и не короля, то королевство. Ты привезешь мальчика в Лондон?

— Сначала я должен видеть короля. А там посмотрим.

Царедворец чувствует, когда разговор исчерпан. Лукан больше не задавал вопросов и стал обсуждать более общие новости. Он пересказал мне с подробностями то, что я знал в целом из писем Эктора. Оказалось, что Эктор не преувеличил опасность. Я нарочно не расспрашивал о возможных угрозах с севера, но Лукан сам завел об этом речь. Он рассказал о том, что к северу от Регеда вдоль старого вала Адриа-

на увеличены гарнизоны крепостей, и о том, какое участие принимает Лот в обороне северо-восточных берегов.

— У него там дело не спорится. Не потому, что участились набеги, скорее наоборот, последнее время там довольно спокойно, так что, вероятно, именно из-за этого. Малые царьки не доверяют Лоту; говорят про него, что он жесток, скуп при дележе добычи и заботится только о себе; и, видя, что настоящей драки пока нет и поживиться нечем, они уходят от него и уводят воинов домой обрабатывать землю. — Он презрительно хмыкнул, насколько это позволительно придворному. — Глупцы, они не понимают, что нравится им их вождь или нет, но если они не хотят сражаться, то скоро им будет нечего обрабатывать, да и не для кого — ни земли, ни семей.

— Но Лот заинтересован главным образом в союзе с южными соседями. Его связи с Регедом крепки? Почему к нему относятся с недоверием? Подозревают, что он норовит поживиться за чужой счет? Или тут еще что-то другое?

— Этого я не могу тебе сказать, — каменным голосом ответил Лукан.

— А больше у Утера нет никого, кто мог бы командовать на севере?

— Разве что он сам возьмется. А ставить кого-то над Лотом он не может. Его дочь сговорена за Лота.

Я удивился:

— Его дочь? Стало быть, Лот все же согласился взять Моргаузу?

— Да нет, не Моргаузу. Этим браком Лотиана не соблазнить, хотя она и выросла красавицей. Лот честолюбив, он не станет волочиться за побочной дочерью, когда можно получить законную принцессу. Я имел в виду дочь королевы, Моргиану.

— Моргиану? Да ведь ей едва ли пять лет?

— Тем не менее она сговорена. А слово короля обязывает, сам знаешь.

— Да, кому и знать, как не мне, — сухо отозвался я, и Лукан понял, что я думаю о своей матери, которая родила меня Амброзию, не связав его ничем, кроме тайного обещания, и о своем отце, который соблюл это тайное обещание, как священную клятву.

Впереди показались стены Лондона; бесчисленные возы и тележки катили по дороге, поспешая на утренний рынок. Речи Лукана дали мне пищу для размышлений, и я

был рад, когда оттянувшийся было эскорт теперь плотно сомкнулся вокруг нас и Лукан смолк, предоставив меня моим мыслям.

Я предполагал, что застану Утера в окружении придворных и занятого хоть какими-то делами; но он лежал у себя в опочивальне и был совершенно один.

Меня провели к нему по королевским покоям, где лорды, военачальники, слуги — все собрались в ожидании, храня настороженную тишину, которая была красноречивей слов. Вельможи тихо и озабоченно переговаривались, скучившись по двое, по трое; слуги не находили себе места, а в коридорах толпились просители и торговцы, но вид у них был понурый, изверившийся.

Вслед мне поворачивались головы, побежал шепоток, обгоняя меня, точно ветер на безлюдной равнине, и один христианский епископ, совсем забывшись, во всеуслышание произнес: «Слава богу! Теперь наконец чары будут сняты». Кое-кто из знакомых устремились было мне навстречу с радостными возгласами и расспросами, но я только улыбнулся, покачал головой и поспешил мимо, обменявшись с ними кратким словом приветствия. При этом, помня, что где короли, там козни и предательство, я пристально заглядывал в знакомые лица: меж этими рыцарями в латах и драгоценных каменьях, быть может, есть и такие, кто не рад моему возвращению, кто желает падения Утера прежде совершеннолетия его сына, кто враг Артуру и тем самым также и мне.

Иных там я знал хорошо, но и этим старался повнимательнее заглянуть в глаза. Валлийские вожди: Инир из Гуэнта, Мадор и Гвилим из моей родной земли Дифед, из Гвинедда не сам Маэлгон, но один из его сыновей, Кунедда. Рядом, окруженные земляками, Брихан и Цинфелин из Корнуолла и Нентрес из Гарлота, которые тогда вместе с Утером проехали мимо меня у Тинтагела. Потом люди с севера: Бан из Бенойка, здоровяк и красавец, очень смуглый, может быть, тоже, как мой отец и я, потомок испанца Максима; рядом с Баном его кузен из Бретани, чье имя я не смог вспомнить; Кадви и Борс, два мелких царька из Регеда, соседи Эктора; и еще его сосед, Аррак, один из многочисленных сыновей Кау из Стрэтклайда. Этих я взял на заметку, помня все, что мне было про них известно. Пока что никаких зловещих признаков, но надо быть настороже. Самого Регеда я не увидел, и Лота

тоже — это означало, что дела на севере требовали их присутствия еще настоятельнее, нежели болезнь короля. Но зять Лота, Уриен, худощавый и рыжий мужчина, со светло-голубыми глазами и скорым румянцем ярости, был здесь, и Тудваль из Динпелидра, который во всем с ним заодно, — тоже, а также и его побратим Агвизель, о чьей жизни в холодной башне близ Бремениума ходили кое-какие странные слухи.

Были там и другие, кого я не знал, этих я обвел взглядом мельком, на ходу. Их имена можно было узнать потом у Лукана или у Кая Валерия, сторожившего на пороге королевской опочивальни. Рядом с Валерием стоял молодой человек, который показался мне знаком: крепкий, загорелый, на вид лет двадцати. Он мне кого-то напоминал, но я так и не догадался, кто это. Юноша смотрел на меня в упор с королевского порога, но не приветствовал меня ни словом, ни жестом. Я спросил шепотом у Лукана:

— Вот тот молодчик у двери, рядом с Валерием. Кто он?

— Кадор Корнуэльский.

Теперь я узнал это лицо, виденное мною в последний раз в полночь над телом Горлойса в замке Димилиок. Оно не изменилось: те же льдистые голубые глаза, сведенные в одну линию брови. Лицо воина, с годами совершенно уподобившегося отцу и такого же, как он, грозного.

Наверно, дальше можно было не искать. Изо всех присутствующих у него было более всего причин меня ненавидеть. И он находился при короле, хотя Лукан говорил, что ему поручена охрана Ирландского берега.

В отсутствие Регеда и Лота он был здесь ближайшим родичем Утера, не считая, конечно, меня.

Я прошел в одном ярде от него и нарочно посмотрел ему прямо в глаза, а он не отвел взгляда, но не поклонился и не приветствовал меня. Голубые глаза глядели холодно и бесстрастно. Ну что ж, подумал я, здороваясь с Валерием, посмотрим. Почему он здесь, я без труда узнаю у самого Утера. Как узнаю и то, много ли может ожидать для себя юный герцог в случае, если король не поправится.

Лукан прошел вперед оповестить короля о моем прибытии. Теперь он появился на пороге и знаком пригласил меня войти. Вместе с ним вышел Гандар. Я хотел было остановиться и перемолвиться словом с королевским лекарем, но он поспешно покачал головой:

— Нет, нет. Он ждет тебя безотлагательно. Клянусь Змеей, Мерлин, я рад тебя видеть! Но будь осторожен... Вон он зовет. Потолкуем позже.

— Хорошо. Спасибо.

Из глубины опочивальни опять донесся повелительный призыв. Гандар шагнул в сторону, пропуская меня, и я на мгновение встретился с его хмурым, озабоченным взглядом. Слуга затворил двери, и я остался один на один с королем.

4

Он оказался на ногах и одет: на нем был халат, распахнутый спереди, снизу рубаха, пояс, шитый драгоценными каменьями, за поясом — длинный кинжал. Королевский меч Фалар покоился на подставке у стены за кроватью под золотым драконом. Было еще лето, но ночью поднялся холодный северный ветер, и я был рад — видно, разнежился в своих странствиях, — что в пустом очаге пышет теплом медная жаровня и кресла придвинуты к ней.

Он быстро прошел через комнату мне навстречу, и я заметил, что он хромает. Отвечая на его приветствие, я разглядывал его лицо, ища в нем признаки болезни и уныния. Он похудел, новые морщины пролегли у губ, придавая ему вид пятидесятилетнего (а ему было сорок), и под глазами лежали тени — знак телесного́ страдания или долгой бессонницы. Однако двигался он хоть и припадая на одну ноту, но вполне свободно и, как прежде, порывисто. И речь его прозвучала все так же громко, четко и распорядительно:

— Вино вон там. Будем наливать себе сами. Я хочу говорить с тобой с глазу на глаз. Садись.

Я повиновался, налил вина и протянул кубок ему. Он взял, но пить не стал, а поставил и опустился в кресло против меня, резко, почти сердито натянув на колени полу халата. Я заметил, что он смотрит в пол, на жаровню, на вино, куда угодно, только не мне в глаза.

Он продолжал так же отрывисто, не тратя времени на вежливые расспро́сы о моем путешествии:

— Тебе, наверное, уже передали, что я был болен?

— Я так понял, что ты и сейчас хвораешь, — ответил я. — Рад видеть тебя на ногах и полным сил. Лукан рассказал мне о схватке при Вагниациях; ране твоей уже два месяца, это верно?

— Да. Рана невелика, так, задело копьем. Но она загнила и долго не заживала.

— А теперь зажила?

— Да.

— И не болит?

— Нет!

Он почти выкрикнул это и откинулся в кресле, выпрямив спину, сжав пальцами подлокотники и наконец встретившись глазами со мной. Я узнал этот каменный взгляд его светлых глаз, не выражающий ничего, кроме злобы и неприязни. Но теперь я прочел в нем, кроме злобы и неприязни, еще досаду человека, который против воли вынужден обращаться за помощью к тому, чьей помощи поклялся больше не просить никогда. Я ждал.

— Как поживает мальчик?

Если его вопрос и удивил меня, я не показал виду. Правда, я говорил Эктору и Хоэлю, чтобы короля не извещали о местопребывании мальчика, покуда он сам не спросит, однако распорядился время от времени посылать ему — в туманных выражениях, никому, кроме короля, не понятных — доклады о здоровье и успехах его сына. С тех пор как Артур переселился в Галаву, эти отчеты шли сначала в Бретань к Хоэлю, а от него — к Утеру; непосредственная связь между Галавой и королем была исключена. Хоэль писал мне, что за все эти годы Утер ни разу прямо не справился о сыне. И стало быть, сейчас не имел представления о том, где он находится.

— Последнее известие ты должен был получить раньше меня. Разве оно не прибыло?

— Нет еще. Я сам написал месяц назад Хоэлю, спрашивал, где мальчик. Он мне не ответил.

— Возможно, он отправил ответ в Тинтагел или Винчестер.

— Может быть. А может быть, он не хочет мне ответить.

Я вздернул брови:

— Отчего же? С самого начала предполагалось, что от тебя это не секрет. Он разве уже раньше уклонялся от ответов на твои вопросы?

Утер отозвался холодно, пряча смущение:

— Я не спрашивал. Нужды не было.

Это уже было кое-что. Оказывается, королю захотелось узнать, где Артур, только после неудачных родов королевы. Значит, я был прав, когда предположил, что, родись у него другие сыновья, он бы с удовольствием забыл своего бастарда в Бретани. Было в этом и еще кое-что, довольно для меня неприятное: если королю вдруг понадобился Артур, может, он сейчас еще скажет, что кончилось мое опекунство, которое так и не успело начаться.

Я решил выждать, а пока продолжить игру.

— В таком случае ответ Хоэля просто еще не дошел, — сказал я. — Впрочем, теперь это и не важно: я здесь и могу ответить за него.

Он все с тем же каменным выражением лица задал мне вопрос:

— Я слышал, ты все это время провел, путешествуя в чужих краях. Ты брал его с собой?

— Нет. Я счел, что мне лучше держаться вдали, покуда не придет время, когда я смогу быть ему полезен. Я убедился, что оставляю его в безопасности, и покинул Бретань, но постоянно получал известия... — Я улыбнулся. — О, ничего такого, что могли бы выследить твои соглядатаи... или чьи бы то ни было. Ты ведь знаешь, у меня другие приемы. Я не хотел рисковать. И раз ты не имеешь понятия о его местонахождении, значит, можно быть уверенным, что и никому другому оно не известно.

Он бросил на меня взгляд из-под опускающихся век, и я успел прочесть в нем подтверждение моим словам: он действительно получал от своих соглядатаев сведения обо мне и моих переездах, и всюду, где было возможно, за мной по его приказу следили. Я так и думал.

Властители живы доносами. И недруги Утера тоже, наверное, пытались за мной следить. Может быть, соглядатаи короля даже как-то обнаружили вражескую слежку. Но когда я спросил его об этом, он только покачал головой.

Потом помолчал немного, мысленно прослеживая какие-то ему одному известные ходы. На меня он больше не смотрел. Протянул руку за кубком, но не выпил, а только поболтал в нем вино. И неопределенно сказал:

— Ему сейчас уже семь.

— На Рождество исполнится восемь. Здоровый и крепкий мальчик. За него можешь не бояться, Утер.

— Ты так думаешь? — Во взгляде, брошенном на меня, сверкнула не злоба, а горечь. У меня тоже, при

всем наружном спокойствии, сжалось сердце: если вид обманчив и болезнь короля на самом деле смертельна, что ждет сейчас мальчика на престоле, если половина малых властителей (я снова вспомнил лицо Кадора) готовы перегрызть ему глотку? Даже я не мог разглядеть в дыму и пламени, что сулит ему улыбка божества.

— Ты так думаешь? — повторил король. Я увидел, как побелели у него суставы пальцев, сжимавших кубок, и подивился прочности тонкого серебра. — Последний раз, когда мы беседовали с тобой, Мерлин, я просил тебя сослужить мне службу и верю, что ты мою просьбу исполнил. Теперь, когда служба твоя подошла к концу... Нет, ты выслушай меня! — Хотя я ни слова не произнес и даже рта не раскрыл. Он был точно человек, которого загнали в угол и который спешит опередить удар. — Мне нет нужды напоминать тебе о сути нашего уговора, как нет нужды спрашивать, соблюл ли ты его. Где бы ты ни содержал мальчика, как ты его ни обучал, я не сомневаюсь, что он не ведает о своем высоком рождении, но что он может в достойном виде предстать перед людьми как принц и мой наследник.

Я ощутил, как вскипающая кровь хлынула мне в лицо.

— Ты что же, хочешь меня убедить, что время для этого уже наступило?

Я забыл умерить голос. Серебряный кубок со стуком вернулся на столик. На меня сверкнули гневом светлые глаза короля.

— Королю незачем «убеждать» своих слуг, чтобы они выполняли его повеления, Мерлин.

Я опустил глаза и медленно, с усилием разжал тиски дурного предчувствия на сердце, как разжимают палкой сведенные мертвой хваткой челюсти бульдога. При этом я чувствовал на себе гневный королевский взгляд и слышал, как со свистом вырывается дыхание из его сузившихся ноздрей. Стоит сейчас по-настоящему разозлить Утера, и дорога к мальчику заказана мне на годы. Король повернулся в кресле, как будто ему вдруг стало неудобно сидеть. Я два раза перевел дух, поднял на него глаза и проговорил:

— В таком случае, государь, соблаговоли мне сказать, что послужило причиной твоего приглашения: собственное твое нездоровье или твой сын? В любом случае я твой слуга.

Минуту он грозно взирал на меня, но потом лоб его разгладился, рот тронуло подобие усмешки.

— Нет, Мерлин, уж кто-кто, но не слуга. И ты прав, я хочу убедить тебя кое в чем, одинаково относящемся и к моему здоровью, и к моему сыну. Клянусь Скорпионом, почему у меня слова не идут с языка! Я позвал тебя не для того, чтобы ты вернул мне сына, но чтобы сказать тебе: если твои целительные силы меня не спасут, он должен будет стать королем.

— Ты мне только что говорил, что у тебя все зажило.

— Я сказал, что рана зажила. Яд вышел, и боль прошла, но осталась болезнь, которую Гандар не в силах излечить. Он посоветовал обратиться к тебе.

Мне на ум пришли слова Лукана про то, что король видит призраки, вспомнилось кое-что, с чем я имел дело в Пергаме.

— Ты не похож на смертельно больного, Утер. Ты говоришь про душевную болезнь?

Он не ответил на мой вопрос, но то, что он сказал, не прозвучало как перемена темы разговора:

— После твоего отъезда королева родила мне еще двоих детей. Ты знал?

— О девочке Моргиане я слышал. А про мертворожденного узнал только сегодня. Сочувствую вам.

— А не открыл тебе твой знаменитый дар прозренья, что больше их у меня не будет?

Он вдруг стукнул кубком о столик, и я заметил, что на серебре все же остались вмятины от пальцев. Он рывком вскочил с кресла, словно брошенное вверх копье. Теперь я увидел, что им движет не сила, как мне показалось вначале, а страшное напряжение, жилы и нервы натянуты, будто тетива, на щеках под скулами обозначились провалы, точно что-то точит его изнутри. — Как может быть королем тот, кто даже и не мужчина? — Он бросил мне этот вопрос и, не дожидаясь ответа, быстрыми шагами отошел к окну и там встал, прислонив лоб к камню и глядя на летнее утро.

Теперь я наконец понял, что он пытался мне сказать. Он уже однажды призывал меня вот в эту же самую комнату, чтобы поведать о сжигающей его страсти к Игрейне, жене герцога Горлойса. Тогда, как и теперь, он был вне себя от того, что вынужден обращаться за помощью к моему искусству; тогда, как и теперь, в нем было то же лихорадочное напряжение, как тетива, готовая лопнуть. И причина была та же. Амброзий однажды сказал про него: «Если бы он хоть иногда думал рассудком, а не плотью, ему было бы гораздо лучше». До сих пор бурные плотские страсти шли Утеру на пользу,

принося ему не только удовольствие и облегчение, но также и уважение подчиненных, таких же солдат, как и он сам, — перед ними он если и не похвалялся своими подвигами, то, во всяком случае, секрета из них не делал. Его талантам дивились, завидовали, даже восхищались. Да и для самого Утера это было больше чем просто удовольствие — это был еще и способ самоутверждения, и предмет гордости, из таких вещей не в последнюю очередь складывалось его представление о самом себе как о доблестном полководце.

Он не отходил от окна и хранил молчание. Я сказал:

— Если тебе трудно говорить со мною, может быть, мне сначала потолковать с твоими лекарями?

— Они не знают. Кроме Гандара.

— Значит, с Гандаром?

Но в конце концов он все-таки рассказал мне сам, расхаживая из угла в угол своей стремительной, прихрамывающей походкой. Когда он поднялся, я тоже встал было с кресла, но он нетерпеливым жестом велел мне остаться на месте, и я откинулся на спинку и отвернул голову к теплу жаровни, понимая, что он потому и мечется по комнате, что не хочет встречаться со мной взглядом. Он рассказал мне о набеге на Вагниации и о том, как он возглавил заградительный отряд и как у них завязалась горячая схватка на прибрежной гальке. Острие копья угодило ему в пах, рана неглубокая, но рваная, и лезвие было нечистым. Рану перевязали, и, поскольку она не причиняла особых страданий, он не придал ей значения; по новой тревоге в связи с высадкой саксов в Медуэе он снова ринулся в бой, не давая себе передышки, пока опасность не миновала. Сидеть в седле было неловко, но почти не больно, он и не чаял худа, а тут вдруг рана начала воспаляться и гнить. Даже сам Утер вынужден был в конце концов признать, что не может больше ездить верхом, и его в повозке отвезли назад в Лондон. Послали за Гандаром, он тогда был не при войске, и его стараниями яд постепенно вышел, воспаленный рубец зажил. Осталась небольшая хромота от неправильного сращения мышц, но боль уже не чувствовалась, и дело шло, казалось бы, на полную поправку. Королева была на сносях и все это время находилась в Тинтагеле, Утер, как только окреп, собрался к ней туда. Он уже считал себя совсем здоровым и верхом доехал до Винчестера, где они остановились и стали держать совет. И в ту же ночь... там была одна женщина...

Утер оборвал свою речь и снова прошелся по комнате от очага к окну. Он, может быть, думал, что я ожидал от него верности королеве? Но у меня и в мыслях этого не было. Там, где Утер, всегда была какая-нибудь женщина.

— И что же? — спросил я.

Тут наконец правда вышла наружу. Там была одна женщина, и Утер уложил ее к себе в постель, как укладывал многих других, побуждаемый минутной, но неодолимой похотью. И оказался бессилен.

— Знаю, знаю, — остановил он меня, видя, что я порываюсь что-то сказать. — Это и раньше случалось, даже со мной. Случается с каждым. Но в тот раз не должно было случиться. Я желал ее, и она знала свое дело, но говорю тебе: ничего не получилось — ничего... Я подумал, что устал с дороги, что неудобство, которое я испытывал, сидя в седле — это было не более чем неудобство, — чересчур раздражило меня, потому я и решил остаться в Винчестере на ночь. И снова лег с этой женщиной, и с ней, и с другими. И снова ни с одной ничего не вышло. — Он оторвался от окна и подошел ко мне. — А тут прибыл гонец с известием, что королева до срока разрешилась от бремени мертвым принцем. — Он глядел на меня сверху вниз почти с ненавистью. — Этот бастард, которого ты от меня прячешь, ты ведь с самого начала знал, не правда ли, что он будет после меня королем? Похоже, что ты не ошибся, ты и этот твой проклятый дар прозрения. У меня больше детей не будет.

Соболезнования здесь были бы неуместны, да он и не ждал их от меня. Я сказал только:

— Гандар владеет искусством врачевания не хуже меня. У тебя нет причины в нем сомневаться. Я готов осмотреть тебя, если тебе угодно, но мне хотелось бы прежде потолковать с Гандаром.

— Он хуже твоего разбирается в снадобьях. Кто может в этом с тобой сравниться? Я хочу, чтобы ты составил мне снадобье, которое вернуло бы силу моим чреслам. Что тебе стоит? Все старухи, послушаешь их, умеют варить такие зелья...

— А ты их испробовал?

— Как же я могу их испробовать, не открыв всем солдатам в моем войске, да и всем женщинам Лондона, если на то пошло, что их король бессилен? Представляешь себе, какие песни они будут обо мне распевать, какие истории рассказывать, если узнают?

— Ты — хороший король, Утер. Люди над этим не издеваются. И солдаты не издеваются над полководцами, под чьим началом идут в бой и одерживают победы.

— Долго ли еще я смогу вести их в бой в теперешнем моем положении? Говорю тебе, я страдаю не только телом, но и духом. Эта немощь точит меня... Я — полчеловека, и жить так мне невмоготу. А что до солдат, то ты бы согласился биться с врагом, сидя на мерине?

— Они пойдут за тобой, даже если ты поедешь в паланкине, как женщина. Ты потерял голову, иначе бы ты в этом не усомнился. Скажи, а королева знает?

— Я поспешил из Винчестера в Тинтагел. Думал, что, может быть, с ней... но...

— Понятно. — Я не стал вдаваться в дальнейшие подробности. Король сказал мне довольно, и я видел, что он страдает. — Ну что ж. Если существует снадобье, которое может тебя исцелить, верь, я его отыщу. На Востоке я узнал об этом немало нового. Думаю, что здесь нет ничего такого, что время и врачебное искусство не могли бы превозмочь. Такие вещи случаются достаточно часто, и нет нужды отчаиваться. У тебя еще, глядишь, родится сын и займет то место, что ты так не хотел бы отдать «бастарду», которого я для тебя ращу.

— Ты сам в это не веришь! — резко оборвал меня он.

— Не верю. Я верю тому, что говорят мне звезды, если я правильно их прочел. Но можешь мне довериться, я сделаю все, что в силах, чтобы тебе помочь; а что из этого выйдет, на то воля богов. Иной раз они поступают с нами жестоко, кому и знать это, как не тебе и мне... Но еще я прочел по звездам, Утер, что, кто бы ни унаследовал после тебя трон, свершится это не теперь, а позже. Ты еще не один год будешь сам сражаться и побеждать.

И тут по его лицу я увидел, что он опасался не только бессилия. При моих словах взгляд его просветлел, и я понял, что исцеление его духа и тела уже началось. Он снова опустился в кресло, осушил кубок и поставил его обратно.

— Добро, — сказал он и впервые за весь наш разговор улыбнулся. — Я теперь первый готов поверить тем, кто говорит, что королевский прорицатель не ошибается. Ловлю тебя на слове... Давай же наполним снова кубки, Мерлин, и потолкуем. Ты должен многое мне рассказать, и теперь я могу слушать.

Мы еще некоторое время провели с ним в беседе. Я рассказал ему, что знал, об Артуре, а он слушал спо-

койно и с глубоким вниманием. Из его слов я мог понять, что в это последнее время он волей или неволей, быть может, и сам того не сознавая, все надежды стал возлагать на своего первенца. Я открыл ему, где находится мальчик, и, к моему облегчению, он ничего на это не возразил, наоборот, задав еще несколько вопросов и обдумав мои ответы, одобрительно кивнул:

— Эктор — добрый человек. Я бы и сам мог о нем вспомнить, да только я все перебирал королевские дворы, а такие, как он, мне в голову не приходили. Да, да, это верный выбор... Галава — хорошее место и безопасное... И клянусь Светом, пусть только заключенные мною на севере договоры останутся в силе, а уж я позабочусь, чтобы Галаве не грозила опасность. И что ты рассказываешь о положении мальчика и о воспитании — все это очень правильно. Если кровь и воспитание сказываются, он вырастет отличным воином и будет способен внушать к себе доверие и преданность. Надо позаботиться, чтобы в распоряжении Эктора был лучший учитель рубки и фехтования, какой есть в стране.

Я, верно, выразил видом своим несогласие, потому что он поспешил с улыбкой меня успокоить:

— Не бойся, я тоже умею хранить тайны. В конце-то концов, если наукам его будет обучать самый блестящий учитель в стране, то и королю ведь нельзя отставать. Каким образом думаешь ты попасть в Галаву, Мерлин, и чтобы пол-Британии не потянулось туда вслед за тобой, уповая на твои чары и снадобья?

Я ответил неопределенно. Мой публичный въезд в Лондон успел сослужить свою службу: повсюду, должно быть, уже шли разговоры, что принц Артур жив и благоденствует. Как и когда я исчезну опять, я еще не придумал; сейчас все мысли у меня были заняты тем, что король, по счастью, согласился с моими планами и не собирается взять Артура из-под моей опеки. Мне показалось, что он, как и прежде, рад возможности переложить эти заботы на мои плечи, и стоит мне скрыться с глаз в далекой Галаве, как король забудет меня с той же легкостью, что и добрые жители Маридунума.

Об этом шла речь напоследок. Если раньше не объявится нужда, сказал Утер, он призовет к себе мальчика, только когда тот вырастет лет до четырнадцати и будет уже способен возглавить воинский отряд, и тогда он публично признает его своим сыном и наследником.

— При условии все же, что не будет другого, — добавил король, на минуту опять сделав прежнее каменное лицо. И жестом отпустил меня для разговора с Гандаром.

5

Гандар ждал меня в отведенном мне дворцовом покое. Пока я был у короля, мой слуга Стилико внес доставленную с корабля поклажу, разобрал и привел в порядок. Я показал Гандару, какие снадобья привез из дальних странствий, и, обсудив с ним болезнь короля, предложил, чтобы он прислал ко мне помощника, который сможет научиться у меня до моего отъезда, как их готовить и применять. Если у него не найдется человека, на которого можно положиться в соблюдении тайны, я готов был отдать ему на время моего Стилико.

Он посмотрел на меня с удивлением, и я объяснил, что Стилико обнаружил настоящий талант к приготовлению зелий из сушеных корешков и трав, вывезенных мною из Пергама. Правда, он не умел читать, но я сделал на банках наклейки со знаками и на первое время допустил его только к неядовитым растениям. Он выказал себя надежным и при всем своем живом нраве на диво старательным юношей. Впоследствии я узнал, что у него на родине знают толк в травах и снадобьях, у них там ни один сеньор не надкусит яблоко, пока его не отведал особо для того приставленный слуга. Я радовался, что мне достался такой ценный помощник, и многому его обучил. Расстаться с ним теперь мне было бы жаль, и я с облегчением услышал, что у Гандара есть доверенный ученик и он пришлет его, как только мне будет удобно.

Я, не откладывая, приступил к работе. Для Стилико по моей просьбе было приспособлено отдельное помещение, там была угольная плита, стол и разные необходимые сосуды и принадлежности. Комнаты наши были рядом и сообщались, но на дверном проеме я распорядился повесить двойной занавес: Стилико никак не мог примириться с британским летом и выдерживал у себя в комнате невыносимую, вулканическую жару.

Три дня ушло у меня на поиски состава, сулившего королю выздоровление. Я сразу дал знать Гандару. Он

прибыл сам, запыхавшись в спешке, а вместо ожидаемого мною ученика привел с собой девушку, совсем еще молоденькую, в которой я, к недоумению своему, узнал побочную дочь короля Моргаузу. Лет тринадцати-четырнадцати, не более, но рослая для своего возраста, она была, как и утверждала молва, на диво хороша собой. В эти лета в девочках, бывает, проглядывает будущая красота, но красота Моргаузы была не будущая, а настоящая, и даже я, совсем не знаток женщин, понимал, что такие сводят мужчин с ума. Ее стан был по-детски легок, но грудь полная, высокая, и шея округлая, как лилейный стебель. Длинные волосы розовато-золотистой завесой ниспадали поверх золотисто-зеленого платья. Большие, запомнившиеся мне глаза были тоже золотисто-зеленые, влажные и прозрачные, как вода, струящаяся по зеленому мху, углы маленького рта приподнимались в улыбке, обнажая мелкие, кошачьи зубки. Она низко присела, приветствуя меня:

— Принц Мерлин.

Голос жеманный, тоненький, едва слышный. Я увидел, как Стилико обернулся от стола и так и застыл с выпученными глазами.

Я протянул ей руку:

— Мне говорили, что ты выросла красавицей, Моргауза. Счастлив будет тот, кто получит тебя в жены. Ты еще не сговорена ни за кого? Что же это зевают мужчины Лондона?

Улыбка ее стала шире, распустившись двумя ямочками в углах рта. Она не промолвила ни слова. Стилико, перехватив мой взгляд, снова согнулся над работой, однако, как мне показалось, без надлежащей сосредоточенности.

— Уф-ф! — произнес, обмахиваясь, Гандар. По всему лицу у него уже выступили капельки пота. — Неужели для твоей работы необходима эта парилка?

— Мой слуга родом из более благословенного края, чем наш. В Сицилии разводят саламандр.

— Более благословенным ты это называешь? Я бы и часа не выдержал, умер.

— Я велю ему перенести все в мою комнату, — предложил я.

— Ради меня — нет нужды, — ответил Гандар. — Я ухожу. Я пришел, только чтобы представить тебе моего ученика и помощника, который будет ходить за королем. Не смотри так изумленно. Тебе трудно поверить, я понимаю, но это дитя уже теперь неплохо разбирается в целебных сна-

добьях. У нее была, я слышал, нянюшка в Бретани, из тамошних знахарок, она обучила ее собирать, высушивать и варить травы, и, переехав сюда, она рвалась учиться дальше. Да только войсковые лекари для нее неподходящая компания.

— Ты меня удивил, — сухо признался я. Юная Моргауза подошла к столу, где работал Стилико, и грациозно склонила к нему головку. Розовато-золотистая прядь задела его руку. Он, как ослепший, налепил на две банки неверные наклейки, потом спохватился и стал их отдирать.

— И вот теперь, — продолжал Гандар, — услышав, что король нуждается в лечении, она вызвалась ходить за ним. Не беспокойся, дело она знает. Король согласился. Несмотря на юный возраст, она умеет держать язык за зубами, да и кто лучше родной дочери сможет за ним смотреть и хранить его тайну?

Я сказал, что это, пожалуй, справедливо. Сам Гандар, хоть и числился главным лекарем короля, был также главой всех войсковых лекарских команд. До этой последней раны король мало нуждался в его услугах, теперь же при первом признаке начала боевых действий место Гандара при войске. Родная дочь Утера, да еще владеющая искусством врачевания, — что может быть лучше на этот случай?

— Пусть обучится здесь, чему сможет. Я согласен и даже рад. — Я обратился к ней: — Моргауза, я составил лекарство, которое, мне кажется, должно помочь королю. Вот здесь я записал рецепт, ты сможешь разобрать его? Прекрасно. У Стилико есть все составные снадобья, если только он правильно пометил банки... Я теперь оставлю вас, он тебе покажет, как смешивать лекарство. Только дай ему полчаса, чтобы он перенес приборы из этой бани...

— Ради меня — нет нужды, — скромно потупясь, повторила она слова Гандара. — Я люблю жару.

— В таком случае я ухожу, — с облегчением сказал Гандар. — Мерлин, ты отужинаешь нынче со мной или будешь у короля?

Я вышел с ним в соседнее помещение, где стояла благодатная прохлада. Из-за плотного занавеса доносился взволнованный, пресекающийся голос слуги вперебивку с редкими тихими вопросами принцессы.

— Она справится, вот увидишь, — сказал мне Гандар. — Незачем тебе качать головой.

— Я разве качал? Я думал не о лечении, тут я, во всяком случае, готов тебе верить.

— Но ты ведь еще побудешь в Лондоне и проследишь хоть немного за ее успехами?

— Разумеется. Засиживаться здесь я не хочу, но несколько дней могу ей уделить. Ты ведь тоже пока не уезжаешь?

— Нет. Но в короле произошла такая заметная перемена в эти три дня, что ты с нами, думаю, он теперь уже недолго будет во мне нуждаться.

— Будем надеяться, — ответил я. — Сказать по правде, я не особенно обеспокоен — общим состоянием его здоровья, во всяком случае. А что до бессилия — если к нему вернется душевное равновесие и сон, душа его перестанет терзать тело и положение еще может выправиться. К тому как будто бы и идет. Ты ведь знаешь, как это бывает.

— О да, он выздоровеет, — Гандар покосился на занавес и снизил голос, — насколько требуется. А будет ли у нас прежний жеребец в стойле, по-моему, теперь уже не важно, раз есть принц, живой и невредимый, он растет, мужает и готов унаследовать корону. Мы избавим короля от теперешнего недомогания, и если с помощью господа и твоих снадобий он снова сможет сражаться и вести за собой войско...

— Сможет.

— Тогда... — Он не договорил.

Здесь я могу сказать, что король и в самом деле быстро поправился. Хромота прошла, он стал лучше спать и прибавил в весе, а позже я узнал от одного из его постельничих, что хотя король никогда уже больше не был тем Быком Митры, чья сила служила его солдатам предметом шуток и восхищения, и хотя детей больше не было, однако ему случалось преуспеть и на ложе, и неожиданные приступы ярости, пугавшие его приближенных, постепенно сошли на нет. А как воин он вскоре уже снова стал тем безоглядным храбрецом, который вдохновлял и вел войско к победе.

Проводив Гандара, я зашел в комнату Стилико: Моргауза старательно разбирала прописи, которые я ей дал, она называла, а он поочередно показывал ей вещества для возгонки, порошки, из которых составляют снотворные средства, мази, предназначенные для растирания сведенных мускулов. Ни он, ни она не заметили, как я вошел, и я некоторое время наблюдал за ними, ничего не говоря. Я убедился, что Моргауза все понимает и усваивает и, хотя юноша по-прежнему то и дело поглядывает на нее и весь дрожит перед ее красотой, словно жеребенок перед пламенем костра, ей до него и

до его переживаний нет ни малейшего дела — как и надлежит принцессе, обращающейся к рабу.

В комнате было жарко, у меня разболелась голова. Я быстро подошел к столу. Стилико оборвал свою речь на полуслове, а Моргауза подняла на меня глаза и улыбнулась.

Я сказал:

— Тебе все понятно? Хорошо. Я оставлю тебя на Стилико, но, если он не сможет ответить на какой-нибудь твой вопрос, пошли за мной.

Я повернулся к Стилико, чтобы дать ему наставления, но Моргауза неожиданно шагнула ко мне и положила ладонь мне на рукав:

— Принц...

— Да, Моргауза?

— Разве тебе обязательно уходить? Я... я думала, ты будешь моим учителем, ты сам. Мне так хочется учиться у тебя!

— Стилико научит тебя всему, что тебе надо, о лекарствах для короля. Если хочешь, я могу показать тебе, как размять сведенную мышцу, но, по-моему, королевский банщик сумеет сделать это лучше.

— О да, я понимаю. Я имела в виду другое; научиться тому, что нужно для ухода за королем, совсем нетрудно. А я... я надеялась на большее. Прося Гандара привести меня к тебе, я думала... надеялась...

Она не договорила и потупилась. Розовато-золотистые волосы повисли блестящим покрывалом перед ее лицом. Сквозь них, как сквозь дождевые нити, на меня смотрели ее глаза, внимательные, послушные глаза ребенка.

— Надеялась? На что же?

Едва ли даже Стилико, стоящий в четырех шагах, расслышал ее шепот: «...что ты обучишь меня хоть немного своему искусству, принц».

Ее глаза взывали ко мне с надеждой и боязнью, как глаза собаки, трепещущей перед плетью в руке хозяина.

Я улыбнулся ей, но чувствовал сам, что держусь чересчур натянуто и говорю излишне учтиво. Проще встретить лицом к лицу вооруженного врага, чем противостоять юной деве, когда она искательно заглядывает тебе в глаза, кладет ладонь тебе на рукав и в горячем воздухе сладко пахнет спелыми плодами, будто в солнечном саду. Клубникой? Или абрикосами?

Я поспешил ответить:

— Моргауза, я не владею никаким искусством сверх того, о чем ты можешь узнать из книг. Ты ведь умеешь читать, не так ли? Да, конечно, ведь ты разобрала мои прописи. Так вот, читай Гиппократа и Галеона. Пусть они будут твоими учителями: я учился у них.

— Принц Мерлин, в искусстве, о котором я говорю, нет даже равных тебе.

Жара в комнате становилась нестерпимой. У меня болела голова. Я, видно, нахмурился, потому что Моргауза приблизилась ко мне, грациозно, словно птичка, садящаяся на ветку, и проговорила заискивающе, торопливо:

— Не сердись на меня. Я так долго ждала и подумала, что вот теперь-то наконец дождалась. Всю жизнь я слышала рассказы о тебе. Моя нянька в Бретани... она говорила, что видела, как ты бродил по лесу и по берегу моря, собирал соцветья и корни и белые ягоды волчьего лыка и иной раз ступал бесшумнее призрака, а тень от тебя не падала даже в солнечный день.

— Она сочиняла все это, чтобы внушить тебе страх. Я обыкновенный смертный.

— Разве обыкновенные смертные беседуют со звездами, как с хорошими знакомыми? Или передвигают стоячие камни? Или уходят за друидами в глубь горы Немет и не погибают под их ножом?

— Я не погиб под ножом друидов, потому что верховный друид боялся моего отца, — возразил я. — А когда я жил в Бретани, то был еще совсем юнцом, и уж конечно, не магом. Я обучался тогда моему ремеслу, вот как ты обучаешься сейчас. Мне не было семнадцати, когда я покинул те края.

Но она словно бы не слышала. Вся замерев, она смотрела на меня сквозь завесу волос своими продолговатыми глазами, прижав к зеленому платью под грудью узкие белые ладони.

— Но сейчас ты мужчина, господин мой, — бормотала она. — И не станешь отрицать, что здесь, в Британии, ты совершал волшебные чудеса. Живя здесь, с моим отцом, я только и слышу о тебе от людей, что ты величайший чародей мира. Я своими глазами видела Висячие Камни, которые ты поднял и установил, и слышала, что ты предсказал славные победы Пендрагона, и привел в Тинтагел звезду, и перенес королевского сына по воздуху на остров Ги-Бразиль...

— Ты и это здесь слышала? — Я попытался обернуть все шуткой. — Лучше остановись, Моргауза, не то

совсем запугаешь моего слугу, а он мне нужен, я не хочу, чтобы он от меня сбежал.

— Не смейся надо мною, принц. Неужели ты станешь все это отрицать?

— Нет, не стану. Однако обучить тебя тому, о чем ты просишь, я не могу. Кое-какие виды магии ты можешь перенять от алхимиков, тайны же, которыми владею я, я никому раскрыть не вправе. И не смогу обучить им тебя, даже когда ты вырастешь и будешь способна понять.

— Я и сейчас поняла бы. Я уже немного владею магией... самой простой, доступной молодым девушкам. Я хочу быть твоей последовательницей и ученицей. Научи меня, как получить в руки силу, подобную твоей.

— Это невозможно, говорю тебе. Поверь мне. Ты слишком молода. Прости меня, дитя. Чтобы владеть силой, подобной моей, ты, вероятно, всегда останешься слишком молода. Едва ли есть на свете женщина, способная дойти туда, куда дошел я, и видеть то, что открыто мне. Это нелегкое искусство. Бог, которому я служу, требователен и жесток.

— Какой бог? Я знаю только людей.

— Вот и узнавай людей. А моя сила, сколько у меня ее есть, тебе недоступна. Повторяю, преподать ее тебе не в моей власти.

Она глядела на меня, не понимая. Она была еще слишком молода, чтобы понимать. Отсветы огня из плиты падали на ее чудесные волосы, на ее широкий чистый лоб, на пышную грудь и детские ладони. Я вспомнил, что Утер предлагал ее в жены Лоту, а Лот отверг ее и предпочел ее младшую единокровную сестру. Знает ли об этом Моргауза? — подумал я, и мне стало жаль ее. Что-то с ней в жизни станется?

Я сказал мягко:

— Это правда, Моргауза. Бог дает человеку силу, но только ради своих собственных целей. А когда свершится желаемое, что будет дальше, не ведомо никому. Если он изберет тебя, ты будешь призвана, но не вступай в огонь сама, дитя. Довольствуйся той магией, что доступна молодым девушкам.

Она хотела было что-то возразить, но нас прервали. Стилико подогревал какую-то смесь в чаше над горелкой и, как видно, все внимание употребил на то, чтобы расслышать наши речи, чаша у него наклонилась, и часть жидкости выплеснулась в огонь. Раздалось шипение, треск, и густое облако пахучего пара распространилось между мной и прин-

цессой, скрыв ее от моих глаз. Я только увидел ее руки, эти послушные детские ладони — она быстро вскинула их, отгоняя от глаз едкие испарения. У меня тоже глаза наполнились слезами. Размытые очертания залучились. Нестерпимая головная боль ослепила. Белые маленькие ладони взлетали в темном чаду, словно творя колдовство. Мимо тучей пронеслись летучие мыши. Где-то рядом простонали струны моей арфы. Стены вокруг меня сблизились, как грани ледяного кристалла, как гробница...

— Учитель, прости! Ты болен, учитель? Учитель!

Я встрепенулся и пришел в себя. Взгляд мой прояснился. Чадное облако рассеялось, последние редкие клочья уходили сквозь решетку окна. Ее ладони опять недвижно покоились под грудью. Она откинула волосы со лба и разглядывала меня с любопытством. Стилико подхватил опрокинувшуюся чашу и, держа ее перед собой, смотрел на меня испуганно и озабоченно.

— Господин, эту смесь ты составил сам. Ты говорил, что она безвредна...

— Совершенно безвредна. Но другой раз, когда будешь ее варить, смотри, что делаешь. — Я обернулся к принцессе. — Прости, я напугал тебя. Это пустяки, просто головная боль, у меня они бывают. Внезапные, и так же внезапно проходят. А теперь я должен проститься. Я уезжаю из Лондона в конце этой недели. Если тебе понадобится до той поры моя помощь, пошли за мной, и я с радостью приду. — Я улыбнулся и, протянув руку, коснулся ее волос. — Не гляди так уныло, дитя. Тяжек этот дар, и он не для юных дев.

Я пошел к дверям, и она еще раз сделала мне реверанс, и личико ее снова укрыла сияющая завеса волос.

6

То был, наверно, единственный раз в моей жизни, когда Брин Мирддин оказался для меня не домом, куда я нетерпеливо рвусь, а всего лишь остановкой в пути. И, добравшись до Маридунума, я не радовался, как бывало, привычной тишине, и своим книгам, и досугу, который можно посвятить музыке и медицине, а, наоборот, тяготился промедле-

нием, всеми помыслами устремляясь на север, где живет мальчик, в котором отныне — вся моя жизнь.

Все, что я знал о нем, не считая туманных заверений, полученных через Хоэля и Эктора, сводилось к тому, что он здоров и крепок, хотя ростом и меньше для своих лет, чем был в его возрасте Кей, родной сын Эктора. Теперь Кею было одиннадцать, а принцу Артуру восемь, и оба они нередко являлись мне в моих видениях. Я видел, как Артур борется со своим старшим названым братом, как садится на чересчур высокого, на мой опасливый взгляд, коня, как они рубятся друг с другом сначала на палках, а потом и на мечах; клинки, наверно, были затуплены, но я заметил только опасный взблеск металла, а также и то, что хотя у Кея мускулы крепче и длинные руки, зато Артур быстр, как само сверканье меча. Я наблюдал, как они на пару удят рыбу, лазят по камням, носятся по опушке Дикого леса, тщетно пытаясь укрыться от бдительного Ральфа, который с двумя доверенными людьми Эктора неотступно, денно и нощно, караулит Артура. Все это рисовалось мне в пламени, в дыму, на звездном небе, а однажды, когда не было ни огня, ни звезд на небе, — в грани драгоценного хрустального кубка, которым я любовался во дворце Адьяна над бухтой Золотой Рог. То-то, должно быть, Адьян подивился моей внезапной рассеянности, а может быть, приписал ее несварению желудка после его более чем обильных угощений — немочи, которая на Востоке считается заслуженной данью гостеприимству.

Я даже не был уверен, что узнаю Артура, когда увижу воочию, и каким он все-таки вырос, я тоже по-настоящему не знал. Видел его отвагу, его веселость, его упорство и силу, но об истинной его природе я судить не мог; видения питают духовный взор — чтобы понять сердцем, нужна живая кровь. Я даже голоса его никогда не слышал. Как мне войти в его жизнь, когда я доберусь на север, тоже пока еще было неясно, но всю дорогу от Лондона до Брин Мирддина я шагал по ночам и высматривал знаки на звездном небе, и каждую ночь Медведица висела прямо передо мной, мерцая и повествуя о темном севере, о льдистых небесах и о запахах хвои в лесах и воды в горных ручьях.

Стилико при виде моего пещерного жилища выказал совсем не те чувства, которых я от него ожидал. Отправляясь в долгие странствия, я сделал распоряжения, чтобы мой дом без меня содержался в порядке. Оставил некото-

рую сумму здешнему мельнику и просил его время от времени посылать слугу в пещеру. Сразу видно было, что мельник выполнил уговор: в пещере было прибрано, сухо, лежала заготовленная провизия. Была припасена даже свежая подстилка для лошадей, и мы едва лишь сошли с седел, как снизу по тропе, запыхавшись, прибежала следом за нами девушка с мельницы и принесла нам козьего молока и свежего хлеба и шесть только что выловленных форелей. Я поблагодарил ее и попросил, чтобы она показала Стилико то место, где вода из священного источника, в котором я не позволил ему чистить рыбу, сбегала вниз по уступам. Они ушли, а я проверил печати на бутылках и кувшинах и убедился, что замок на сундуке цел и, стало быть, мои книги и инструменты, спрятанные в нем, никто не трогал, а меж тем снаружи доносились веселые молодые голоса, они деловито жужжали, точно мельничные жернова, то и дело раскатывались хохотом, растолковывая один другому слова незнакомого языка.

Наконец девушка ушла, а юноша вернулся в пещеру с выпотрошенными, готовыми для жарки рыбинами, и вид у него был вполне довольный, словно он ничего особенного не видит в моем обиталище: дом как дом, не хуже любого, где нам с ним случалось останавливаться. Сначала я склонен был приписать такое благодушие всеискупающему женскому обществу, но потом оказалось, что просто он родился и вырос в такой же пещере — у него на родине бедный люд прозябает в столь ужасном ничтожестве, что владельцы сухой и удобной пещеры почитают себя счастливцами и часто принуждены драться за свое жилище, словно лисы за логово. Отец Стилико без долгих колебаний, точно ненужного щенка, продал сына в рабство — в семье из тринадцати человек без него легко могли обойтись, его место в пещере стоило дороже, чем его присутствие. Рабом Стилико спал в конюшне, а еще чаще — прямо под открытым небом, во дворе, и даже у меня, сказать по совести, обычно оказывался на ночевке в таких домах, где лошадям отводятся лучшие помещения, чем слугам. Каморка в Лондоне была единственным в его жизни человеческим жилищем, так что моя просторная пещера казалась ему роскошной, а теперь сулила к тому же еще и дополнительные радости, которые редко выпадают на долю молодому рабу.

Стилико устроился в пещере как дома, и вскоре по окрестным холмам прошел слух, что маг Мерлин вернулся. Люди потянулись ко мне за целебными снадобьями, а в

уплату, как всегда, несли снедь и утварь. Девчонка мельника — а звали ее Мэй — прибегала снизу всякий раз, как улучала минуту, и приносила нам муку и печево, а бывало, люди передавали с нею и другие подношения. И Стилико со своей стороны тоже взял за правило заглядывать на мельницу, когда я посылал его в город. Вскоре я убедился, что у Мэй он ни в чем не встречает отказа. Однажды ночью, когда сон никак не шел ко мне, я встал и спустился на площадку перед священным источником, чтобы посмотреть на звезды. В ночной тишине я услышал, что лошади в укрытии под скалою беспокойно фыркают и переступают ногами. Сияли звезды, светил белый серп месяца, так что я не стал возвращаться за факелом, а негромко кликнул Стилико и, не дожидаясь его, поспешил спуститься в заросли терновника — посмотреть, что могло встревожить лошадей. И, только разглядев под навесом на соломе два сплетенных молодых тела, понял, что Стилико спустился еще раньше меня. Я отошел незамеченный и, вернувшись на свое ложе, предался думам.

Через несколько дней я решил поговорить со Стилико. Я сказал ему, что собираюсь отправиться дальше на север, но хочу, чтобы никто об этом не догадался, поэтому ему лучше всего будет остаться и прикрыть мое отступление. Он горячо заверил меня в своей преданности и поклялся сохранить тайну. И я знал, что могу на него положиться: помимо таланта по части лекарственных трав, он был еще невероятный лжец. Говорят, это тоже национальная черта. Я только опасался, что он завретсся, подобно своему барышнику-папаше, и потом не оберешься неприятностей. Но ничего иного не оставалось, как рискнуть, впрочем, зная его верную душу и то, как хорошо ему живется в Брин Мирддине, я был уверен, что риск невелик. Пряча нетерпение, он спросил, когда я предполагаю выехать, но я ответил ему только, что жду знака. Как всегда, он принял мои слова без рассуждений и расспросов. Он скорее стал бы вопрошать жрицу, вещающую в храме — в Сицилии придерживаются старой веры, — или самого Гефеста, дышащего пламенем с вершины гор. Как я обнаружил, он свято верил всем россказням, какие слышал обо мне, и, наверное, не удивился бы, увидев, как я у него на глазах растаял словно дым или извлек золото прямо из воздуха. По-видимому, он, как прежде Гай, не прочь был попользоваться своим положением слуги колдуна. Мэй, во всяком случае, трепетала и ни за что не соглашалась приблизиться к пещере даль-

ше терновых кустов, что ввиду моих замыслов было мне только на руку.

Я выжидал не магического знака. Будь я уверен, что опасности нет, я бы отправился на север без всякого промедления. Но я знал, что за мной следят. Утер наверняка продолжал держать близ меня своих соглядатаев. Само по себе это было не страшно; от шпионов короля мне не грозила опасность. Но шпионов может подослать всякий, и, конечно, найдутся и другие, кто будет интересоваться мною, хотя бы из простого любопытства. А потому я сдержал нетерпение и оставался на месте, промышляя своим ремеслом и выжидая, когда мои соглядатаи не выдержат и обнаружат себя.

Однажды я послал Стилико вниз с лошадьми в кузню на краю города. Обе наши лошади были подкованы перед выездом из Лондона, и, хотя на зиму подковы обычно снимают, я хотел заново подковать мою кобылу, так как ей предстоял еще один долгий переход. Пряжки подпруги тоже требовали починки. Стилико поехал и, пока кони будут у кузнеца, должен был выполнить еще кое-какие поручения.

Подморозило. Было сухо и безветренно, небо обложили тяжелые облака, и в них вязли солнечные лучи, один только тусклый багровый диск висел над землей. Я отправился в хижину пастуха Аббы. Его сын Бан, дурачок, несколько дней назад поранил колом руку, и рана загнила. Я взрезал опухоль и наложил повязку с мазью, однако на Бана надеяться можно было не больше, чем на неразумного пса, он содрал бы повязку, если б она его беспокоила.

Но тревожился я напрасно: повязка оказалась на месте и рана затягивалась чисто и хорошо. На Бане, как и на всех убогих — я давно это заметил, — любая болячка заживала быстро, точно на малом ребенке или лесном звере. И хорошо, что так, ведь эти люди дня не могут прожить, чтобы как-нибудь не пораниться. Я перевязал ему руку и остался у них. Пастушья хижина притулилась в распадке между холмами, все овцы Аббы находились в загоне. Как часто случается, ожидались ранние ягнята, хотя на дворе был еще только декабрь. И я задержался, чтобы помочь Аббе с трудным окотом, поскольку у Бана болела рука. К тому времени, когда двойняшки-ягнята мирно уснули перед очагом, свернувшись на коленях у Бана, а матка лежала поблизости и не сводила с них глаз, короткий зимний день уже угас, завершившись багровым закатом. Я простился с пастухами и пошел к себе через

гребень холма. Наступила ночь, когда я вошел в сосновую рощу над пещерой. Небо прояснилось и украсилось яркими звездами, только туманный лик луны бросал на заиндевелую землю голубые тени. Тени я и заметил. Движущиеся. Я замер на месте и присмотрелся.

Четверо мужчин находились на площадке перед входом в пещеру. Снизу, из-за терновых зарослей, доносилось бряканье сбруи их привязанных коней. Пришельцы сбились в кучу и негромко переговаривались — я слышал невнятный звук их речей. У двоих в руках были обнаженные мечи.

А луна с каждой минутой светила все ярче, и новые звезды высыпали в морозном небе. Далеко внизу, у входа в долину, залаяла собака. Вскоре вслед за тем я услышал неторопливый перестук копыт. Мои незваные гости под скалой тоже услыхали эти звуки. Один из них тихо отдал распоряжение, и они все устремились вниз, туда, где стояли их кони.

Но едва только они ступили на тропу, как я окликнул их сверху.

Можно было подумать, что я свалился с неба в огненной колеснице. Это довольно жутко — когда в темноте у тебя над головой вдруг раздается голос человека, который, по твоим понятиям, только что въехал в долину внизу, в полумиле отсюда. К тому же тот, кто берется шпионить за колдуном, уже находится во власти страха и склонен поверить в любое диво. Один из незваных гостей испуганно вскрикнул, вожак вполголоса выругался. Их запрокинутые лица показались мне сверху, в свете звезд, серыми, словно заиндевелыми.

Я проговорил:

— Я Мерлин. Что вам от меня угодно?

Наступила тишина, и стал явственно слышен приближающийся лошадиный скок — лошади припустились рысью, чуя дом и ужин. Я заметил, что стоящие внизу подо мною люди готовы удариться в бегство. Но вожак откашлялся и сказал:

— Мы от короля.

— В таком случае спрячьте ваши глупые мечи. Я сейчас спущусь.

Подойдя к ним, я убедился, что они меня послушались, но руки держали вблизи ножен и сгрудились потеснее.

— Кто из вас главный? — спросил я.

Самый рослый шагнул вперед. И ответил вежливо, но злобно — как видно, пережитая минута страха не доставила ему удовольствия.

— Мы дожидались тебя, принц. Мы посланные короля.

— Это с обнаженными-то мечами? Ну что ж, ведь вас всего четверо против одного, если уж на то пошло.

— Четверо против чар, — возразил уязвленно вожак.

Я улыбнулся:

— Разве вы не знали, что мои чары не страшны людям короля? Вы могли быть уверены в радушном приеме. — Я помолчал. Они переступали с ноги на ногу, хрустя инеем. Один из них пробормотал что-то — то ли божбу, то ли проклятие — на своем наречии. Я сказал: — Ну ладно. Здесь не место для разговоров. Мой дом, как видите, открыт для гостей. Отчего вы не развели огонь, не запалили светильники и не ждали меня, укрывшись от непогоды?

Они опять помялись, переглянулись. Ни один не произнес ни слова мне в ответ. При луне их черные следы вели по заиндевелой земле ко входу в пещеру. Было очевидно, что они уже побывали внутри.

— Что ж, — сказал я. — Милости прошу хоть теперь.

Я приблизился к святому источнику, над которым в темной нише, еще различимое, белело деревянное изваяние божества. Взял чашу от его подножия, плеснул ему и напился сам. Потом жестом предложил воды их вожаку. Он замялся в нерешительности и покачал головой.

— Я христианин, — сказал он. — А это что за бог?

— Мирддин, — ответил я. — Бог возвышенных мест. До меня этот полый холм принадлежал ему. Он доверил его мне, но сам держит под неусыпным надзором.

Тут я заметил, как и ожидал, что они, пряча руки за спину, все четверо сделали знак, охраняющий от чар. Потом, один за другим, подошли к источнику, каждый напился и плеснул воды здешнему богу. Я кивнул:

— Да, лучше не забывать, что старые боги по-прежнему надзирают над нами сверху и таятся в полых холмах. Иначе как бы я узнал о вашем приезде?

— Неужто ты знал?

— Неужто нет? Входите же. — Я обернулся на пороге, придерживая куст, который загораживал вход. Ни один не шевельнулся, только вожак сделал шаг вперед, но тоже в нерешительности остановился. — В чем дело? — спросил я. — В пещере ведь никого нет? Или есть? Вы что, нашли там беспорядок, когда заходили, и боитесь мне признаться?

— Нет, никакого беспорядка там не было, — ответил вожак. — Мы не заходили... то есть мы... — Он прокашлялся и начал сызнова: — То есть мы зашли, это правда, но только переступили через порог...

Он опять не договорил, и опять они стали переглядываться, перешептываться, потом один из них вслух произнес:

— Да скажи ты ему толком, Кринас!

Кринас в третий раз начал сначала:

— Дело в том, сэр...

Он долго раскачивался и мялся, но в конце концов я все же услышал его рассказ, стоя у входа в пещеру в полукольце перепуганных воинов.

Оказалось, что они прибыли в Маридунум за два дня до того и выжидали случая подъехать к пещере никем не замеченными. У них был приказ открыто со мной в общение не вступать, чтобы другие соглядатаи, находящиеся, как подозревал король, где-нибудь поблизости, не вздумали подкараулить их на обратном пути и силой оружия отнять у них письмо, если я его им вручу для передачи королю.

— Ну и что же?

И вот нынче утром, продолжал Кринас, они углядели внизу возле кузницы мою кобылу, под седлом и свежеподкованную. Кузнец им на прямой вопрос ничего не ответил, и они заключили, что я нахожусь где-то в городе, занятый делами, покуда кузнец возится с моей лошадью. Тогда они решили, что если еще кто шпионит здесь за мной, то, наверно, тоже находится сейчас где-нибудь поблизости, в городе, воспользовались удобной минутой и поехали к пещере.

Он опять замолчал. Я чувствовал, что они пытаются в темноте угадать, как я воспринимаю этот рассказ. Но я молчал, и Кринас, сглотнув, продолжил.

То, что он рассказал дальше, звучало по крайней мере правдоподобно. Находясь в Маридунуме, они успели, как бы между прочим, разузнать дорогу в Брин Мирддин. Можно не сомневаться, что ответы на их расспросы люди щедро сдобрили рассказами о святости этих мест, о волшебном могуществе их обитателя. Окрестные жители очень гордились своим колдуном и, пересказывая мои подвиги, не скупились на красочные подробности. Поэтому мои гости подъехали к пещере уже несколько напуганные.

Пещера, как они и ожидали, оказалась пуста. На белом снежном покрове перед входом не было видно

ничьих следов. Глубокая тишина встретила их среди холмов, только журчал, изливаясь, святой родник. Они зажгли факел и, остановясь у входа, заглянули внутрь пещеры; там было все прибрано, но пусто, зола в очаге остыла...

— И что же? — понудил я Кринаса, который снова умолк.

— Мы знали, что тебя там нет, господин, но у нас было такое чувство... Мы позвали, никто не ответил, а потом вдруг из темноты донесся какой-то шелест. Он словно бы шел из глубины пещеры, где находится твое ложе и светильник подле него...

— И вы вошли?

— Нет, сударь.

— И ничего не трогали?

— Нет, — поспешно ответил он. — Мы... мы не посмели.

— Хорошо хоть так, — заметил я. — Что же дальше?

— Мы огляделись вокруг, но там никого не было. А звук не прекращался. Нам стало страшно. Мы наслушались разных историй... Один из нас сказал, что ты, может быть, подсматриваешь сейчас за нами, невидимый. Я велел ему не болтать вздора, но, по чести признаться, у меня все время было такое чувство...

— Будто тебе смотрят в спину? Вполне понятно. Продолжай.

Он сглотнул:

— Мы опять крикнули. И тогда они вдруг вылетели из-под крыши. Целое облако летучих мышей.

В эту минуту нас прервали. Стилико доехал до терновых зарослей и обнаружил там привязанных чужих лошадей. Я услышал, как он закрыл в загоне наших и бросился со всех ног вверх по извилистой тропе. Вот он с кинжалом в руке, оскользаясь на полегшей траве, выскочил на поляну у входа в пещеру.

На бегу он что-то кричал. Лунный луч отсвечивал на длинном лезвии кинжала в низко опущенной и готовой разить руке. Солдаты, лязгнув мечами, разом обернулись ему навстречу. Но я растолкал их, сделал два быстрых шага вперед и успел остановить его, со всей силой сжав ему правое запястье:

— Не надо. Это люди короля. Убери.

Пришельцы тоже спрятали мечи. Я спросил:

— За тобой не было погони, Стилико?

Он мотнул головой. Его била дрожь. Раб не привычен к оружию, как сын свободного человека. Я только здесь, в Брин Мирддине, впервые позволил ему носить кинжал. Я выпустил его руку и обратился к Кринасу:

— Ты говорил про летучих мышей. Сдается мне, вы слишком много веры придаете людским россказням, Кринас. Если потревожишь летучих мышей, они и впрямь могут напугать на минуту. Но ведь это всего только мыши.

— Не только мыши, сударь. Мышей мы действительно вспугнули, и они вылетели из темноты под сводами и пролетели мимо нас. Будто хвост серого дыма. И оставили после себя смрад в воздухе. Но когда они улетели, стал слышен другой звук. Какая-то музыка.

Стилико взволнованно слушал, в темноте переводя широко раскрытые глаза с солдат на меня. Я заметил, что они снова сделали охранительный знак.

— Музыка звучала вокруг нас, — продолжал Кринас. — Тихо-тихо, почти шепотом, и слабое эхо, не умолкая, отдавалось от стен пещеры. Признаюсь без стыда, господин, мы вышли вон и не решались войти снова. Поджидали тебя снаружи.

— Обнажив мечи против чар? Понятно. Однако теперь уже нет более нужды оставаться на холоде. Сейчас вы можете войти. Ручаюсь вам в полной безопасности, если вы не вздумаете поднять руку на меня и моего слугу. Стилико, ступай вперед и разведи огонь. Ну так как же? Нет-нет, не пытайтесь уйти, вы ведь еще не передали мне весть от короля. Забыли?

В конце концов угрозами и уверениями я завел их в пещеру — они ступали осторожно и переговаривались только шепотом. Вожак согласился сесть рядом со мною, но остальные ни за что не хотели углубиться так далеко и остались сидеть на полпути между входом и очагом. Стилико вскоре подогрел вино с пряностями и обнес всех.

Теперь, при свете, я увидел, что пришельцы одеты не как солдаты короля: ни значков, ни герба на них не было. По виду их можно было принять за воинов какого-нибудь мелкого царька. Выправка, несомненно, военная, и к Кринасу обращаются хотя и без чинов, но почтительно, как к старшему по званию.

Я разглядывал их. Вожак сидел невозмутимо, но остальные трое под моим взглядом беспокойно заерзали, и один, худощавый и низкорослый, с черными волосами и бледным лицом, украдкой опять сделал охранительный знак.

Наконец я нарушил молчание:

— Вы говорите, что прибыли ко мне как посланцы короля. Поручил ли он вам передать мне письмо?

Ответил Кринас. Он был высокий, рыжеволосый, глаза голубые. Наверно, с примесью саксонской крови, хотя есть и кельты вот такой же светлой масти.

— Нет, сударь. Нам поручено только передать тебе привет от короля и справиться о его сыне.

— Но почему?

— Почему? — переспросил он недоуменно.

— Да, почему? Я четыре месяца как покинул королевский двор. Король получал за это время вести. Почему же он вдруг теперь шлет вас, и притом ко мне? Он ведь знает, что мальчик не у меня. Очевидно, что здесь, — я обвел взглядом четырех вооруженных мужчин, — он не был бы в безопасности. Известно королю и то, что я намерен был задержаться в Брин Мирддине, прежде чем отправиться к принцу Артуру. Я опасался шпионов, и мне трудно поверить, что вы получили такое поручение от короля.

Трое по ту сторону очага переглянулись. Один из них, здоровый детина с красным, рябым лицом, нервно поддернул пояс с ножнами, рука его потянулась к рукоятке меча. Я видел, что Стилико взглянул на него настороженно и прямо с кувшином вина шагнул поближе ко мне.

Кринас минуту молча смотрел мне в глаза, потом кивнул и проговорил:

— Ладно, господин, твоя взяла. Да я особенно и не надеялся на успех, тебя такими баснями не проведешь. Просто с ходу сказал первое, что пришло в голову, когда ты вдруг объявился у нас над головой.

— Отлично. Стало быть, вы шпионите. Опять же, я хочу узнать почему.

Он пожал широкими плечами:

— Кому и знать, господин, как не тебе, каков нрав у королей. Мы не задавали вопросов, когда нам было приказано пробраться сюда и тайно осмотреть пещеру в твое отсутствие.

Трое его товарищей взволнованно закивали, подтверждая его слова:

— И мы не причинили вреда, господин. В пещере мы не были, это мы правду сказали.

— Да, и почему не были — тоже.

Он вскинул руку:

— Ничего не скажешь, сударь, ты вправе на нас сердиться. Вина наша. Обычно, сам понимаешь, мы такими делами не занимаемся, но ведь приказ есть приказ.

— И что же вам было приказано разыскать?

— Определенного — ничего. Просто поспрашивать народ в округе, оглядеть твое жилище, узнать, когда ты собираешься в путь. — Быстрый взгляд искоса: как я это приму? — Я понял так, что королю ты не все открыл и он хочет дознаться сам. Ты знал, что за тобой следили с первой минуты, как ты оставил Лондон?

Еще одна толика правды.

— Догадывался, — ответил я.

— Ну вот видишь. — Он сказал это так, будто тем самым все разъяснилось. — Таковы уж они, короли, никому не доверяют и хотят непременно все знать сами. Сдается мне, господин, если ты простишь мне эти слова...

— Говори.

— По-моему, король не поверил тебе, когда ты объяснял ему, где у тебя содержится маленький принц. Наверно, он решил, что ты хочешь переправить его в другое место... спрятать, как раньше. Вот он и послал нас доглядеть потихоньку — авось нам удастся разгадать куда.

— Может быть. Желание все знать — болезнь королей. И кстати, о болезнях, не наступило ли ухудшение в здоровье короля, что он вот так вдруг забеспокоился о сыне?

Я ясно прочел по его лицу, словно он выразил свою досаду словами, как ему обидно, что он сам не вспомнил к месту про королевскую болезнь. Но, поколебавшись, он решил, что безопаснее, где можно, говорить правду.

— Что до этого, сударь, то у нас нет сведений. Сам я его перед отъездом не видел. Но слышал, что немочь его прошла и он вернулся на поле брани.

То же самое было известно и мне. Я помолчал немного, внимательно разглядывая моих гостей. Кринас попивал вино с показной непринужденностью, а сам не сводил с меня сторожкого взгляда. Потом я сказал:

— Ну что ж, вы выполнили приказ и разузнали то, что нужно было королю. Я все еще здесь, а мальчика здесь нет. В остальном же королю волей-неволей придется довериться мне. И срок моего предстоящего отбытия я ему сообщу в свое время.

Кринас откашлялся:

— Такой ответ едва ли годится для передачи королю, господин.

Он говорил нарочито громко, словно бы ничего не боялся, он и вправду был отважный малый. Остальные

разделяли его страх, но при этом не пытались скрыть своего малодушия. У низкорослого черные глаза так и бегали на бледном от испуга лице, он потянулся к вожаку, дернул его за рукав. Я услышал, как он вполголоса сказал:

— Уйдем лучше. Не забывай, кто он такой... Довольно с нас... Еще разозлим его.

Я резко возразил:

— Мне не на что злиться. Вы выполняете свой долг, не ваша вина, что король так недоверчив и всему требует дополнительных подтверждений. Можете передать ему от меня, — я сделал паузу, будто обдумывал, как бы лучше выразиться, и все четверо жадно вытянули шеи, — что его сын находится в том месте, которое я ему называл, что он в безопасности и благополучии и что я жду только подходящей погоды, чтобы отправиться в плаванье.

— В плаванье? — мгновенно переспросил Кринас.

Я поднял брови:

— А что? Я думал, всему свету известно, где находится Артур. Ну да король-то, во всяком случае, поймет.

Один из солдат хриплым голосом проговорил:

— Мы слышали, господин, но то были только слухи. Стало быть, это правда, про остров?

— Истинная правда.

— Ги-Бразиль? Но это сказка, сударь, прошу прощения, — возразил Кринас.

— Разве я называл имя? За слухи я не отвечаю. Место, о котором я говорю, имеет много названий, и рассказывают о нем всего столько, что хватило бы на Девять Книг черной магии... И всякому, кто ни увидит его своими глазами, открывается иное. Когда я отвез туда Артура...

Я оборвал речь и промочил горло, словно певец перед тем, как коснуться струн. Трое по ту сторону очага приготовились слушать. На Кринаса я старался не смотреть, обращаясь через его голову прямо к ним зычным и распевным голосом сказителя:

— Все вы знаете, что мальчик был передан мне на руки в третью ночь, как родился на свет. Я отвез его в безопасное укрытие, а потом, улучив удобное время, когда в мире было спокойно, переправил к западу на побережье. В том месте у подножия отвесных скал находится песчаная бухта, и вокруг нее стоят стоймя камни, точно волчьи зубы — о них разбивается насмерть и пловец, и лодочник в часы при-

лива. По сторонам той бухты волны пробили в скалах высокие арки. Скалы там в солнечных лучах отсвечивают сизым, и розовым, и нежно-бирюзовым, а в летние вечера при отливе, когда садится солнце, на горизонте глазам открывается земля, но, когда угасает свет дня, она исчезает. Это — Летний остров, который, говорят, всплывает и тонет по воле небес, и Стеклянный остров, сквозь который видно звезды и облака, но для тех, кто там обитает, он изобилует деревьями и травами и кристальными родниками.

Солдат с бледным лицом весь подался ко мне, разинув рот, другой, я видел, под шерстяным плащом зябко передернул плечами. У Стилико глаза блестели, как бляхи на щите.

— Это — Остров Дев, куда после кончины попадают короли. И когда-нибудь настанет день...

— Господин! Я все это видел своими глазами! — Чтобы вот так оборвать прорицателя на первых же словах прорицания, бледнолицый должен был дойти до совершенного исступления. — Да, да, видел! Когда был еще маленький. Так же ясно, как Касситериды в ясный день после дождя. Но тогда это была пустая земля.

— Она не пустая. И не только там могут видеть ее люди, подобные тебе. Если знаешь, как искать, ее можно найти даже зимой. Но мало кто может добраться туда и вернуться обратно.

Кринас слушал не шевелясь, с каменным лицом.

— Стало быть, он на корнуэльской земле?

— Так ты и это знаешь?

В моем голосе не прозвучало и тени насмешки, но он обиженно буркнул:

— Нет, — и, поставив пустой кубок, встал. Рука его потянулась к поясу. — Стало быть, то, что ты рассказал, мы и должны передать королю?

Остальные, по его кивку, тоже поднялись. Стилико со стуком поставил кувшин, но я успокоил его, покачав головой, и улыбнулся:

— Вам, я думаю, несдобровать, если этим исчерпаются все ваши новости? И мне тоже мало радости, если ко мне пришлют новых соглядатаев. Так что, ради нашего с вами общего блага, надо будет утолить королевское любопытство. Отвезете в Лондон мое письмо?

Мгновение Кринас стоял как вкопанный, не отводя воинственного взгляда. Потом тряхнул головой и мир-

но засунул большие пальцы за пояс. Только услышав, как он облегченно перевел дух, я понял, что он уже совсем готов был пустить в ход единственные известные ему доводы.

— Охотно.

— Тогда подождите еще немного. Сядьте. Наполни им кубки, Стилико.

Мое письмо к Утеру было кратким. Сначала я справлялся о его здоровье, потом писал, что принц, насколько мне известно из надежных источников, здоров и благополучен. С наступлением весны, сообщал я далее, я намерен съездить и повидать мальчика сам. А пока буду следить за ним по-своему отсюда и все новости сообщать королю.

Запечатав письмо, я снова вышел в переднюю пещеру. Мои гости вполголоса о чем-то торопливо и озабоченно переговаривались. Здесь же находился и Стилико с кувшином. При моем появлении они смолкли и поднялись. Я передал письмо Кринасу:

— Остальное, что я имел сказать королю, заключено в этом письме. Он будет удовлетворен. — Я добавил: — Даже если вы не совсем точно выполнили приказ, королевской немилости вам нечего опасаться. А теперь оставьте меня, и да оберегает вас бог путешествий.

И они наконец ушли, не выказав особой благодарности за мое напутственное благословение. Пересекая заснеженную площадку перед входом в пещеру, они настороженно поглядывали во мглу по сторонам и зябко кутались в свои шерстяные плащи, словно чувствуя на спине морозное дыхание ночи. Поравнявшись со святым источником, каждый снова сделал охранительный знак, и, по-моему, у последнего — Кринаса — это был не знак креста.

7

Стук их копыт смолк на уходящей вниз тропе. Стилико прибежал сверху с обрыва, откуда смотрел им вслед.

— Уехали. — Зрачки его были расширены не только от морозной тьмы. — Господин, я думал, они тебя убьют.

— Могли убить. Они храбрые люди и натерпелись страху. Это опасное сочетание. Тем более что один из них — христианин.

Он немедленно понял, что я имею в виду.

— То есть он тебе не поверил?

— Вот именно. Он мне не поверил, но побиться об заклад, что я лгу, не рискнул бы. А теперь, Стилико, собери мне что-нибудь поесть, не важно что, только поскорее, и уложи, что подвернется, на дорогу. Одежду я упакую сам. Кобыла подкована?

— Конечно, господин, но... разве ты уезжаешь сегодня?

— Прямо сейчас. Этого случая я как раз и дожидался. Они себя обнаружили, и к тому времени, когда поймут, что след, который я им дал, — ложный, я буду уже далеко — перенесусь за море на запад... Что тебе после этого делать, ты знаешь, мы обсуждали это много раз.

И в самом деле, у нас был план, что после моего отъезда Стилико останется в Брин Мирддине, будет, как и прежде, закупать и привозить из города провизию, чтобы казалось, будто я дома. Я сделал запасы лечебных снадобий и научил его простейшие из них составлять самому — он должен был раздавать их беднякам, которые придут за помощью, чтобы они не ощутили моего отсутствия, так что разговоры о том, что я уехал, должны были начаться далеко не сразу. Может быть, не так уж и много времени я выгадывал этим способом, но много мне и не надо было: достаточно мне перевалить через ближние холмы и ступить на лесные тропы, и выследить меня уже будет трудно.

Поэтому Стилико только кивнул мне в ответ и бросился со всех ног выполнять мое повеление. В одну минуту трапеза моя была готова, и, пока я ел, он собрал мне еды в дорогу. Я видел, что его распирают вопросы, и дал ему выговориться. Я умел, правда, не без запинок, объясняться с ним на его родном языке, но он свободно, хотя и с акцентом, говорил по-латыни, и ею мы обычно и пользовались. С тех пор как мы выехали из Константинополя, Стилико, как и следовало ожидать от такой страстной натуры, горячо ко мне привязался; но он не мог жить без собеседника, и было бы жестоко настаивать на немом почитании, которое завел было у нас вымуштрованный Гай. Да я этого и не любил. И потому, пока он был занят сборами, вопросы так и сыпались у него с языка:

— Господин, если этот человек, Кринас, добивался сведений о принце, но не поверил твоему рассказу про Стеклянный остров, почему же он в таком случае уехал?

— Прочесть мое письмо. Он думает, что в нем содержится правда.

Стилико широко раскрыл глаза:

— Но он не посмеет распечатать письмо, адресованное королю! А ты написал в нем правду?

Я поднял брови:

— Правду? А ты разве тоже не веришь в Стеклянный остров?

— Нет, почему же. Про это все знают. — Он говорил серьезно. — Даже в Сицилии у нас слышали про невидимый остров за краем заката. Но ты сейчас держишь путь не туда, готов прозакладывать что угодно!

— Откуда такая уверенность?

Он сверкнул на меня влажными черными глазами.

— А как же, господин? Ты, да чтобы пустился в плаванье через Западное море? И еще зимой? Во что угодно готов поверить, но не в это! Если бы ты имел магическую власть над морской стихией, разве мы маялись бы так, плывя по Срединному морю? Вспомни шторм у Пилоса.

Я засмеялся:

— Когда всей магии у нас был один рвотный корень? Еще бы мне не помнить. Нет, Стилико, из моего письма они ничего не узнают. И к королю оно тоже не попадет. Этих людей не король подослал.

— Не король? — Он разинул рот и выпучил глаза, но тут же опомнился и опять склонился над переметной сумой, куда набивал поклажу. — Откуда ты знаешь? Они знакомы тебе?

— Нет. Но Утер не назначает своих солдат шпионить, ведь таких шпионов сразу можно узнать. Это чьи-то солдаты, посланные, как Кринас сам сказал, побродить по базару и тавернам Маридунума, поспрашивать людей, а потом подняться сюда, обшарить пещеру в наше отсутствие и найти либо принца, либо какой-нибудь след, который приведет к нему. Они даже и не настоящие шпионы. Какой шпион осмелится возвратиться к хозяину и признать, что его разоблачили, но дали письмо со всеми необходимыми сведениями? Я постарался облегчить им положение, и, может быть, они решили, что сумели меня обмануть, но, как бы то ни было, им необходимо было заполучить это письмо. Надо отдать должное Кринасу, он соображает быстро. Когда я застал их на месте, он ловко вывернулся. Не его вина, что один из его подчиненных выдал его с головой.

— Каким образом?

— Тот, низкорослый, с бледным лицом. Я услышал, как он произнес что-то на своем родном языке. Кринас, наверное, даже внимания не обратил. Но он говорил по-корнийски. Тогда я рассказал им про Стеклянный остров и описал бухту, и ему это все было знакомо.

Знал он и Касситериды. Это острова у корнуэльского побережья, в них даже Кринас не мог не поверить.

— У корнуэльского? — переспросил Стилико, как бы взвешивая новое слово.

— У побережья Корнуолла, на юго-западе.

— Стало быть, люди королевы? — Стилико недаром провел время в Лондоне, он не сидел в четырех стенах, обучая Моргаузу приготовлению целебных снадобий. Он умел слушать не хуже, чем говорить, и с тех пор, как мы оставили Утеров двор, так и засыпал меня рассказами о том, что там думают и говорят по всем мыслимым поводам. — Говорят, она все еще в тех краях после неудачных родов.

— Это так. И она, конечно, могла бы использовать корнуэльцев для тайных поручений. И все-таки я не думаю, чтобы их подослала она. Ни король, ни королева сейчас не приближают к себе корнуэльцев.

— Корнуэльские солдаты стоят под Каэрлеоном. Я слышал об этом в городе.

Я поднял голову:

— Вот как? Под чьим же началом?

— Не слыхал. Но могу узнать.

Он вопросительно смотрел на меня, но я покачал головой:

— Нет. Чем меньше ты будешь знать об этом, тем лучше. Забудь. Они сейчас перестанут следить за мною, покуда не прочитают письмо, а здесь не так-то легко отыскать человека, который понимает по-гречески...

— По-гречески?

— Да, у короля секретарь — грек, — подтвердил я. — Я не видел нужды облегчать им работу. А они, я думаю, не догадались, что я их разоблачил. И торопиться не станут. К тому же в письме я упомянул, что пробуду здесь до весны.

— А сюда они не вернутся?

— Едва ли. Зачем им? Признаться передо мной, что они прочитали письмо, адресованное королю? И что послал их вовсе не король? Покуда они полагают, что я здесь, они не решатся сюда приехать — из боязни, как бы я не донес

королю. Они и убить меня не осмелятся, и допустить, чтобы я все узнал про них, тоже побоятся. И значит, носа сюда не покажут. А ты в ближайший день, как приедешь в Маридунум, позаботься дать знать начальнику гарнизона, чтобы поискал в окрестностях этих корнуэльцев, и пусть доложит о случившемся королю. Я и сам отправлю королю известие. Пусть дает указание своим шпионам охранять нас от других... Ну, у меня все готово. Ты сложил провизию? Наполни-ка мне вот флягу. Да повтори, что ты скажешь, если кто-нибудь все же сюда заявится.

— Скажу, что ты все дни проводил на холмах и в последний раз ушел в сторону хижины пастуха Аббы, и я думаю, что ты остался у него помочь с овцами. — Стилико посмотрел на меня с сомнением. — Никто, конечно, не поверит.

— Отчего же? Ты ведь искусный лгун. Осторожней, ты льешь вино мимо!

— Принц — и возится с овцами? Довольно невероятно.

— Я и не такие невероятные вещи делал. Тебе поверят. К тому же это правда. Откуда, ты думаешь, у меня на плаще пятна крови?

— Убил кого-нибудь, я думаю.

Он говорил совершенно серьезно. Я рассмеялся:

— Это нечасто со мной случается, и, как правило, по недоразумению.

Он недоверчиво потряс головой и закупорил флягу.

— Если бы те четверо обнажили против тебя мечи, господин, ты бы употребил чары?

— Зачем мне чары, когда у меня был твой кинжал наготове? Я не поблагодарил тебя за храбрость, Стилико. Ты молодец.

Он удивился:

— Ты же мой хозяин.

— Я купил тебя за деньги и возвратил тебе свободу, принадлежащую тебе по праву рождения. Разве ты мне чем-нибудь обязан?

Он только взглянул на меня недоуменно и сказал:

— Ну вот, все готово, господин. Тебе надо только обуть сапоги и захватить овчинный плащ. Пойти оседлать Ягодку, покуда ты переобуваешься?

— Одну минуту, — ответил я. — Подойди и взгляни мне в глаза. Я обещал, что тебя здесь никто не обидит. И это правда; я видел, что тебе не угрожает никакая опас-

ность. Но когда я уеду, если тебе будет страшно, можешь спуститься вниз и устроиться на мельнице. Слышишь?

— Да, господин.

— Ты мне веришь?

— Да.

— Так чего же ты боишься?

Он замялся, сглотнул. Наконец промолвил:

— Да вот музыка, про которую они говорили, что это было, господин? Она правда шла от богов?

— В каком-то смысле да. Моя арфа по временам при движении воздуха обретает голос. Они именно это и слышали, я думаю, а так как совесть их была нечиста, испугались.

Он оглянулся в угол, где стояла большая арфа. Мне переправили ее сюда из Бретани, и по возвращении я пользовался только ею, а малую поставил на место.

— Вот эта? — удивился Стилико. — Но как она может звучать, ведь она в чехле?

— Нет, не эта. Эта безмолвствует, покуда я не коснусь ее струн. Я говорил о другой, малой, которая сопровождает меня в путешествиях. Я сам смастерил ее в этой самой пещере с помощью волшебника Галапаса.

Он облизнул губы. Ясно было, что ответ мой его далеко не успокоил.

— Ту я не видел со дня нашего приезда. Где ты ее держишь?

— Я все равно собирался тебе показать при прощанье. Идем, мой друг, тебе нет нужды бояться. Ведь ты сам сто раз переносил ее с места на место. Засвети факел и ступай со мной, посмотри.

Я отвел его в глубину главной пещеры. Я еще не показывал ему кристального грота, а так как поперек скального уступа, ведущего к его входу, я поставил сундук с книгами и стол, сам Стилико туда не лазил и о его существовании не догадывался. По моему знаку он помог мне отодвинуть стол, и я, подняв руку с факелом, вскарабкался на затененный уступ, за которым открывался, невидимый снизу, кристальный грот. У входа я опустился на колени и поманил к себе Стилико.

Пылающий факел отбрасывал сквозь пелену колеблющегося дыма яркие огненные блики, и они играли на стенах хрустального шара. Здесь я мальчиком увидел мои первые видения в игре отраженного пламени. Здесь я узнал, как я сам был рожден на свет, как встретил смерть старый

король, как была возведена на море башня Вортигерна, здесь провидел победы Амброзиева дракона. Теперь полый шар был пуст, только арфа покоилась в его середине, и от нее на сверкающие стены во все стороны ложилась многократно повторенная тень.

Я взглянул в лицо юноши. Благоговейный ужас выразился в нем, хотя грот был пуст и тени немы.

— Слушай, — сказал я. Я произнес это слово громко, воздух заколебался от моего голоса, и арфа отозвалась, тихая музыка заплескалась в круглых стенах. — Я все равно собирался показать тебе грот, — продолжал я. — Если тебе нужно будет спрятаться, прячься здесь. Я тоже прятался здесь, когда был ребенком. Знай, боги станут хранить тебя, укрывать от опасности. Где же надежнее укрытие, чем прямо в руке бога, внутри его полого холма? А теперь ступай оседлай Ягодку. Арфу я сам принесу. Мне пора ехать.

Когда наступило утро, я был уже в пятнадцати милях от пещеры и ехал на север под сенью дубрав, что тянутся по долине реки Коти. Здесь нет дорог, а только тропы, но мне они хорошо знакомы, и я знал хижину стеклодувов в самом сердце леса, которая об эту пору стоит необитаемая.

Под этим кровом мы с кобылой вдвоем провели остаток короткого декабрьского дня. Я напоил ее из ручья и натаскал ей в угол сена. Сам я не испытывал голода. Меня питало пьянящее ощущение легкости и силы. Я узнавал его. Оно означало, что я правильно выбрал день и час. Что-то ожидало меня там, в конце пути, по которому я шел.

Я выпил глоток вина и, тепло закутавшись в овчину, подарок Аббы, заснул крепко и безмятежно, как дитя.

Во сне я опять видел меч и понял, даже сквозь сон, что видение это — прямо от бога. Обычные сновидения не обладают такой отчетливостью, это просто путаница желаний и страхов, подслушанного и замеченного, но представляющегося незнакомым. А это пришло ясное, как память.

Я впервые видел меч вблизи. Не огромным и ослепительным, как звездный меч над Бретанью, и не смутным и огненным, как он проступил когда-то на темной стене в опочивальне королевы Игрейны, а просто меч, красивое боевое оружие, рукоять витого золота осыпана драгоценными каменьями, клинок горит и сверкает, словно сам так и рвется в бой. По этому признаку мечи получают имена — один кровожа-

ден, от другого не отобьешься, третьему нет охоты рубиться; но каждый жив своей жизнью.

Так и жил этот меч, обнаженный и зажатый в деснице воина. Человек, его державший, стоял у огня, у лагерного костра, как можно было понять, посреди широкой темной равнины, и, кроме него, на всей равнине никого не было. Вдали, у него за спиной, смутно угадывались в ночной темноте очертания стен и башни. Я вспомнил стенную мозаику в доме Адьяна, но это был не Рим. Очерк башни показался мне знаком, но где я ее видел, я вспомнить не мог, может быть, тоже во сне.

А человек был высок и закутан в плащ, и темные тяжелые складки ниспадали с его плеч до самых пят. Лица под низко надвинутым шлемом было не видно. Голову он потупил и обнаженный клинок поддерживал ладонью. Он поворачивал его и как бы взвешивал или разглядывал руны на лезвии, и при каждом повороте огонь то вспыхивал, то мерк, то вспыхивал, то мерк. Я успел прочесть одно слово: «Король», и еще раз: «Король» — и видел, как играют в свете костра драгоценные камни на рукояти. Потом я заметил на его шлеме венец червонного золота, а темный его плащ оказался пурпурным. Вот он повернул руку, и на пальце у него блеснул золотой перстень с драконом.

Я позвал: «Отец? Это ты?» — но, как бывает во сне, с уст моих не сорвалось ни единого звука. И однако же человек поднял голову и посмотрел на меня. Внизу под шлемом не было глаз. Не было ничего. Руки, державшие меч, были руками скелета. Перстень сиял на кости.

Он плашмя на костлявых кистях протянул меч мне. Голос, который не был голосом моего отца, произнес: «Возьми это!» Голос был не призрачный и не такой, какие звучат подчас в видениях. Я их слышал: в них нет плоти — словно ветер дудит в пустой рог. А это был живой мужской голос, резкий, привыкший командовать, чуть осипший, как бывает от гнева, или спьяну, или, вернее всего, здесь от глубокой усталости.

Я попробовал шевельнуться, но не мог, как только что не мог ни слова произнести. Я никогда в жизни не боялся духов, но этот человек внушал мне страх. Из черной пустоты под шлемом снова раздался голос, мрачный и чуть насмешливый, и в темноте у меня на спине зашевелились волоски, как на волчьем загривке. Дыханье мое пресеклось, по коже побежали мурашки. Он произнес, и на этот раз я отчетливо различил в его голосе глубокую усталость:

— Не бойся меня. И меча не бойся. Я не отец твой, но ты моего семени. Возьми же меч, Мерлин Амброзий. Ты не будешь знать покоя, пока он не окажется в твоей руке.

Я приблизился. Пламя опало, и сделалось почти совсем темно. Я протянул руки взять меч, и он мне навстречу протянул меч, лежащий на его ладонях. Весь замерев, я приготовился к прикосновению его костлявых пальцев, но ничего не почувствовал. Отпущенный меч пролетел сквозь мои ладони и упал наземь между мною и им. Я, коленопреклоненный, стал шарить в темноте, но меча не было. Сверху над собой я ощущал его дыханье, теплое, как у живого человека, и пола его плаща, развеваясь, коснулась моей щеки. Голос произнес: «Найди его. Кроме тебя, никто не может его найти».

А в следующее мгновенье я уже лежал с широко открытыми глазами и смотрел на полную луну — рыжая кобыла толкала меня в щеку мягким носом, и грива ее щекотала мне лицо.

8

Декабрь, бесспорно, не время для путешествий, тем более если по роду своих дел ты не можешь пользоваться проезжими дорогами. Зимние леса прозрачны и не загромождены подлеском, но в долинах можно подчас двигаться лишь вдоль речного русла, извилистого и каменистого, с опасными размывами берегов, образовавшимися во время паводков и ненастий. Снега, правда, не было, но на второй день пути задул промозглый ветер с дождем, и все тропы обледенели.

Ехать приходилось медленно. На третий день к вечеру я услышал волчий вой, доносившийся сверху из-под линии снегов. Я ехал долинами, лесными зарослями, но время от времени, когда деревья редели, видел в отдалении вершины — на них белели шапки свежевыпавшего снега. А зима не скупилась: в воздухе пахло новыми снегопадами, и мороз пощипывал щеки. Пойдет снег, и волки спустятся вниз. Мне уже и теперь в сгущающихся сумерках чудились меж столпившихся стволов какие-то мелькающие тени, и из кустов доносились звуки, издаваемые, быть может, вполне безобидными тварями, вроде оленей или лис, но Ягодка пугливо вздра-

гивала, то и дело прядала ушами, и шкура у нее на холке собиралась в складки, словно на нее садились мухи.

Я ехал, озираясь через плечо и отстегнув меч в ножнах.

— Мевисен, — обратился я к моей валлийской кобыле на ее родном языке, — когда мы отыщем большой меч, который хранит для меня Максен Вледиг, то будем с тобой, конечно, непобедимы. Отыскать его, как видно, ничего не поделаешь, придется. А пока что я не меньше твоего боюсь рыскающих поблизости волков, и потому мы должны приглядеть себе какое-нибудь подходящее укрытие, где мы сможем обороняться тем оружием, которое у меня есть, и тем искусством, каким я владею, и там мы с тобой на пару пересидим эту ночь.

Подходящим укрытием, которое для нас нашлось, оказались развалины, затерянные в чаще леса. Это были остатки стен небольшого строения, имевшего некогда форму печи или улья. С одной стороны они обрушились, а другая стояла, словно половина пустой яичной скорлупы, выпуклым полукуполом против ветра и прикрывала от ледяного дождя, то затихавшего, то припускавшего снова. Обрушившиеся камни старой кладки были почти все кем-то вывезены — должно быть, для нового строительства, — но все-таки осталась груда обломков, за которой можно было скрыться и мне, и лошади.

Я спешился, и мы вошли. Кобыла осторожно ступала по замшелым камням, встряхивая мокрой гривой, и вскоре уже смирно стояла под сводом, упрятав морду в мешок с кормом. Я придавил повод тяжелым камнем, потом, надергав в углу прошлогоднего папоротника, обтер ее мокрую спину и прикрыл сверху. И она, как видно, забыла свои страхи и мерно похрустывала, уткнувшись носом в мешок. Потом я, как мог, устроился сам, соорудив себе сухое сиденье из одной переметной сумки и поужинав остатками пищи и вина. Я бы с радостью развел огонь, не только для тепла, но и для острастки волкам, но поблизости могли рыскать не только волки, и потому, держа ножны с мечом под рукой, я закутался в овчину, покончил со своим холодным ужином и наконец погрузился в полудрему-полубодрствование, насколько позволяло мое опасное и неудобное положение.

И снова видел сон. Но уже не о королях, мечах и блуждающих звездах — теперь это был отрывистый и тревожный полусон, полугреза о малых божествах укромных углов, о богах холмов и лесов, рек и перекрестков, — о богах, что по сию пору не покинули порушенных святилищ, но зата-

ились во мгле, куда не достигают огни людных христианских храмов и сохранившиеся культы великих богов Рима. В больших населенных городах они забыты, но в лесах и на диких взгорьях жители по-прежнему молятся им и оставляют приношения — еду и питье, — как повелось с незапамятных времен. Римляне дали им латинские имена и не трогали их скромных святилищ; христиане же отрицают их существование, и епископы корят бедный люд за приверженность старой вере, а главное, надо думать, за приношения, которые, говорят они, более кстати пришлись бы в келье праведного отшельника, нежели у подножия древнего алтаря в диком лесу. Но простые люди продолжают украдкой посещать обители старых богов и оставлять там свои пожертвования — а когда наутро положенного не оказывается на месте, кто может утверждать, что это не бог его унес?

Должно быть, развалины, где я остановился на ночлег, принадлежали к подобным святилищам — так думалось мне во сне. Я видел тот же лес и тот же каменный полукупол, служивший мне укрытием, даже груда обомшелых обломков рухнувшей стены была та же, что и наяву. Было темно, громко гудел зимний ночной ветер в вершинах деревьев. Больше ничего я не слышал, да и невозможно было бы расслышать сквозь это гуденье, но кобыла моя вдруг переступила копытами, фыркнула в мешок и подняла голову, и я тоже посмотрел вверх: из-за груды камней в темноте на меня глядели два глаза.

Объятый сном, я не в силах был шевельнуться. Вслед за первой парой глаз так же быстро и бесшумно появлялись все новые. Я различал только смутные тени во тьме ночи — не волчьи, а словно бы человечьи, словно бы какие-то маленькие человечки возникали передо мной один за другим, внезапно и бесшумно, как призраки; и вот уже они обступили меня ввосьмером, плечом к плечу, загораживая вход в мое убежище. Не двигались и ничего не говорили, просто стояли, как восемь маленьких призраков, продолжение леса и ночи, ее сгустки, подобные тьме под деревьями. Но я ничего не видел, лишь мгновеньями в свете зимних звезд, проглядывавших между проносившимися облаками, — блеск следящих за мною глаз.

Ни слова, ни шороха.

Внезапно, без всякого перехода, я ощутил, что проснулся. Они были по-прежнему здесь.

Я не потянулся за мечом. Восьмеро против одного — такое противоборство довольно бессмысленно, к тому же

существуют и другие способы самозащиты, и следовало для начала испытать их. Но и того я не успел. Я только открыл было рот, чтобы заговорить, как один из них произнес что-то, одно краткое слово, тут же унесенное ветром, и я опомниться не успел, как меня с силой отбросили к стене, рот мне заткнули кляпом, а руки вывернули за спину и крепко связали запястьями вместе. Затем меня не то выволокли, не то вынесли из укрытия и швырнули спиной на груду острых камней. Двое встали надо мной караулом. Кто-то из пришельцев вытащил кремень и железо и после долгих усилий сумел поджечь тряпичный жгут, вправленный в расщепленный бычий рог, служивший факелом. Жгут тускло затлел, источая дымный, зловонный свет, но его им хватило, чтобы перерыть мои переметные мешки и даже с любопытством осмотреть кобылу. Потом светоч поднесли ко мне и, сунув чадящий фитиль чуть ли не в лицо, принялись рассматривать меня с тем же любопытством, что и кобылу.

Я понимал, что, раз я до сих пор жив, значит, это не просто грабители: они ничего не взяли, когда рылись в переметных мешках, а у меня отняли только меч и нож, а дальше обыскивать не стали. По тому, как они пристально разглядывали меня, кивая и удовлетворенно бормоча что-то, я со страхом заключил, что именно я им и был нужен. Но если так, думал я, если они хотели узнать, куда я держу путь, или их наняли, чтобы выяснить это, им было бы выгоднее не обнаруживать себя и следовать за мною тайно. Я бы в конце концов привел их прямо на порог к графу Эктору.

Из их разговора я ничего не узнал об их намерениях, зато он открыл мне другое, не менее важное: эти люди говорили на языке, которого я никогда прежде не слышал в обиходе, и, однако же, он был мне знаком — мой наставник Галапас учил меня древнему языку бриттов.

Древний язык сходен с нашим теперешним, но люди, которые на нем говорят, так давно живут отрезанными от всех других племен, что речь их подверглась изменениям: добавились слова, стал другим выговор, так что теперь, чтобы понимать его, требуется усердие и хороший слух. Я улавливал знакомые окончания, иногда различал слова, которые и сегодня существуют в Гвинедде, но за пятьсот лет изоляции они стали произноситься совсем иначе, нечетко и нечленораздельно, и рядом с ними сохранились слова, давно утраченные другими диалектами, и возникли новые звуки, будто эхо этих холмов, их богов и диких тварей, среди них обитающих.

Я понял, кто эти люди. Это были потомки племен, в незапамятную старину бежавших на дикие взгорья и уступивших города и пахотные угодья римлянам, а после римлян — Кунедде. Точно бездомные птицы, они гнездились на лесистых холмах, где земля скупо дает пропитание и незаманчива для их могущественных противников. Иногда они укрепляли какую-нибудь вершину и удерживали ее силой оружия, но вершины, удобные для возведения крепостей, ценились завоевателями, и те обкладывали их и брали штурмом или измором. Так остатки непобежденных отдавали вершину за вершиной, и в конце концов у них остались лишь голые скалы, да пещеры, да высокие пустоши, зимою заносимые снегом. Там они и жили, и никто их никогда не видел — разве что случайно или если они сами того пожелают. Я догадывался, что это они спускались по ночам и уносили украдкой приношения, оставленные в старых святилищах. Мой сон наяву оказался в руку. Все остальные обитатели полых холмов недоступны смертному взору.

Они разговаривали друг с другом — насколько эти настороженные существа способны к многословным разговорам, — не подозревая о том, что я их понимаю. Я прикрыл глаза, прислушался.

— Говорю тебе, это он. Кто еще мог бы ехать один через лес в такую непогожую ночь? И притом на рыжей кобыле?

— Да, верно. Они сказали, один. И кобыла рыже-чалая.

— А может, он убил того. И кобылу отнял. Он прячется, это ясно. Иначе почему бы он затаился здесь в зимнюю ночь и даже костра не развел, хотя волки спустились совсем близко.

— Он не волков боится. Можешь не сомневаться, это он самый и есть, кто им нужен.

— За кого они дают деньги.

— Они говорили: он опасный человек. Непохоже.

— У него меч был под рукой.

— Но он его не поднял.

— Не успел, мы его схватили.

— Он нас давно заметил. Успел бы. Напрасно ты схватил его, Квилл. Они же не сказали — захватить. Сказали — разыскать и идти по следу.

— Теперь поздно. Мы уже его схватили. Что будем делать? Убьем его?

— Пусть Ллид решает.

— Да, пусть решит Ллид.

Они говорили не так связно, как я здесь передаю, а перекидывались обрывками фраз на своем странном, емком языке. Потом замолчали и отошли в сторону, оставив надо мной двух стражей. Я понял, что они ждут Ллида.

Он появился минут через двадцать, и с ним еще двое — три тени вдруг отделились от черноты леса. Остальные окружили его, объясняя и указывая, и тогда он схватил факел, обгорелый тряпичный жгут, сильно пахнущий дегтем, и решительно подошел ко мне. Остальные поспешили следом.

Они обступили меня полукругом, как раньше. Факел в поднятой руке Ллида осветил моих пленителей, не очень ясно, но достаточно, чтобы я их запомнил. То были низкорослые темноволосые люди, холода и лишения выдубили кожу на их хмурых, насупленных лицах до цвета старой, корявой древесины и провели по ней глубокие складки. Одежду их составляли плохо выделанные шкуры и штаны из толстого, грубо тканного сукна, выкрашенного коричневой, зеленой или рыжей краской, добываемой из горных растений. Вооружены они были кто как — дубинами, ножами, каменными топорами, заточенными до блеска, а один — тот, что командовал до появления Ллида — держал в руке мой меч.

Ллид сказал:

— Они ушли на север. Никто в лесах не увидит и не услышит. Выньте кляп.

— Что толку? — возразил тот, у которого был мой меч. — Он ведь не знает нашего языка. Взгляни на него. Он ничего не понимает. Мы сейчас говорим, что его надо убить, а он даже не испугался.

— Что же это доказывает? Только что он смел, а это мы и так знаем. Человек, которого вот так схватили и связали, понимает, что ему угрожает смерть. Однако в его глазах нет страха. Делайте, что я велю. Я знаю довольно, чтобы спросить имя и куда он держит путь. Выньте кляп. А ты, Пвул, и ты, Арет, поищите сухого валежника. Мне нужно побольше огня, чтобы разглядеть его хорошенько.

Один из моих стражей развязал узел и вынул тряпичный кляп. У меня был разорван угол рта, и тряпка пропиталась слюной и кровью, но житель холмов упрятал ее к себе в карман. При такой нищете, как у них, вещи не выкидывают. Интересно, подумалось мне, дорого ли «они» посулили за меня?

Если это Кринас с товарищами напали на мой след и подрядили лесных людей высмотреть, куда я пробира-

юсь, то поспешные действия Квилла спутали им все карты. Но и мои замыслы тоже рухнули. Даже надумай они теперь меня отпустить, чтобы тайно последовать за мною, разве могу я продолжать свой путь? Я не сумею уйти от слежки, хоть и буду о ней знать. Эти люди видят в лесу любую тварь и умеют доставлять вести быстрее пчел. Отправляясь в это путешествие, я знал, что в лесу мне не укрыться от любопытных глаз, но обычно лесные жители никому не показываются и ни во что не вмешиваются. Теперь же у меня оставался только один способ добраться до Галавы и не привести за собой врагов: я должен переманить этих людей на свою сторону. Я ждал вопросов их вожака. Он спросил, медленно, с трудом подбирая ломаные валлийские слова:

— Ты — кто?

— Путник. Еду на север, где живет один мой старый друг.

— Зимой?

— В этом есть нужда.

— Где... — он искал слово, — откуда ты едешь?

— Из Маридунума.

Это, по-видимому, совпадало со сведениями, полученными от «них». Он кивнул:

— Ты — гонец?

— Нет. Твои люди видели все, что я с собой везу.

Один из них скороговоркой сказал на древнем языке:

— Он везет золото. Мы видели. Оно у него в поясе, и еще есть зашитое в подпруге на кобыле.

Вожак разглядывал меня. Угадать его мысли по лицу я не мог, оно было не прозрачнее дубовой коры.

Он спросил через плечо, не отрывая взгляда от моего лица.

— Обыскивали? — Это он произнес на своем языке.

— Нет. Мы видели, что у него в карманах, когда отбирали оружие.

— Обыщите теперь.

Они повиновались и действовали достаточно грубо. А затем пропустили его вперед и сами тоже сгрудились над добычей, рассматривая ее при свете тусклого факела.

— Золото. Смотрите, как много. Пряжка с королевским драконом. Не значок, попробуйте на вес, это настоящее золото. Клеймо — ворон Митры. И он едет из Маридунума на север, притом тайно. — Квилл снова запахнул на мне плащ и закрыл клеймо. Он выпрямился. — Ясно, что

это он самый, о ком говорили солдаты. Он лжет. Он гонец. Надо его отпустить и выследить.

Но Ллид медленно проговорил, глядя на меня:

— Гонец, везущий арфу и знак Дракона, и с клеймом ворона Митры? И едущий в одиночку из Маридунума? Нет. Это может быть только один человек: чародей из Брин Мирддина.

— Вот этот? — переспросил человек, который держал мой меч. Меч чуть не выпал у него из руки, но он сделал над собой видимое усилие, сглотнул и сжал его крепче прежнего. — Это он-то чародей? Да он молод еще! И потом, я слышал про того чародея Он, говорят, ростом великан и взгляд его леденит до мозга костей. А этого отпусти, Ллид, и пойдем по его следу, как подрядились с солдатами.

Квилл встревоженно поддержал его:

— Да, давай его отпустим. Королей мы знать не знаем, но повредить чародею — это не к добру.

Остальные, испуганно переглядываясь, сгрудились еще ближе.

— Чародей? Об этом речи не было. Мы никогда бы не тронули чародея.

— Никакой он не чародей, взгляните, как он бедно одет. И потом, если б он владел магией, он бы не дал себя схватить.

— Он же спал. И чародеи нуждаются в сне.

— Нет, он не спал. Он нас видел. И ничего нам не сделал.

— Мы успели заткнуть ему рот.

— Сейчас у него рот не заткнут, а он молчит.

— Право, Ллид, отпустим его и получим у солдат обещанные деньги. Они сказали, что хорошо заплатят.

И снова бормотанье, кивки. Потом один из них рассудительно заметил:

— При нем есть больше, чем дадут солдаты.

Ллид все это время молчал, но тут сердито вмешался:

— Разве мы грабители? Или платные доносчики? Я же говорил вам: мы не будем слепо выполнять то, что велели солдаты, какую бы награду они нам ни посулили. Кто они такие, чтобы мы, Древний народ, работали на них? Мы работаем сами на себя. Тут есть кое-что интересное для нас. Солдаты нам ничего не объяснили. Быть может, объяснит этот человек. Похоже, что свершаются важные дела. Посмотрите на него, такой человек не ездит по чужому поручению. Такие люди среди других пользуются почтением. Развяжем его и попробуем с ним побеседовать. Разведи костер, Арет.

Во время этого разговора двое по его слову натаскали валежника и сучьев, сложили костер и стояли наготове. Но в ту ночь во всем лесу не сыскать было сухой ветки. Ледяной дождь лишь недавно перестал, отовсюду, со всех деревьев, текло и капало, почва под ногами поддавалась, как губка, точно пропитанная влагой до самого центра земли.

Ллид сделал знак моим стражам:

— Развяжите ему руки. И один из вас пусть сходит принесет еды и питья.

Один страж сразу отошел, но другой не сдвинулся с места и нерешительно теребил нож. Остальные теснились тут же, продолжая спор. Как видно, у Ллида не было королевского единовластия, он был только вождь, и товарищи могли оспорить и опровергнуть его суждения. Я разобрал лишь обрывки их речей, но потом Ллид внятно произнес:

— Есть вещи, которые нам нужно знать. Знание — наша единственная сила. Если он не скажет нам своей волей, придется его заставить...

Арет запалил сырой валежник, костер затлел, не давая ни тепла, ни света, а только испуская клубы черного, едкого дыма — попеременно во все стороны света, — как кружил ветер. У всех запершило в горле, слезились глаза.

Я решил, что, пожалуй, пора положить конец недоразумениям. И внятно произнес на древнем языке:

— Отойди от костра, Арет.

Сразу воцарилась полная тишина. Я ни на кого не глядел. Мои глаза были устремлены на тлеющие ветки. Заставив себя забыть веревку, перетянувшую мне запястья, и боль от ушибов и ран и промокшую одежду, я смотрел на костер. И вот легко, как дыхание, пришла сила, ровная и свободная, и пробежала по жилам. Что-то упало сверху, пролетев сквозь тьму, то ли огненная стрела, то ли низвергнутая с небес звезда, дрова в костре вспыхнули, рассыпались снопами белых искр, огненным дождем и жарко разгорелись. Пламя струилось в потоках искр, опадало, ухало, снова взвивалось, золотое, красное, колеблющееся, дышащее живительным теплом. Ледяной дождь шипел на дровах и, словно масло, только добавлял огню силы. Пламя загудело. Шум его наполнил весь лес, отдаваясь стократ, будто конский скок.

Наконец я отвел глаза от костра и огляделся. Около меня никого не было. Они исчезли, словно и впрямь были не люди, а духи холмов. Один в диком лесу, я лежал на

груде камней, от мокрой моей одежды уже шел пар, и веревки глубоко врезались мне в запястья.

Что-то прикоснулось ко мне сзади. Лезвие каменного ножа. Оно протиснулось между кожей и веревкой и пилило мои путы. Веревка лопнула. Я с трудом пошевелил затекшими плечами и стал растирать наболевшие запястья. На одном был кровоточащий порез — нож задел кожу. Назад я нарочно не смотрел и ничего не говорил, а просто сидел и разминал себе руки.

Из-за спины у меня раздался голос. Голос принадлежал Ллиду. Он спросил меня на древнем языке:

— Ты — Мирддин, прозываемый Эмрисом или Амброзием, сын Амброзия, сына Констанция из рода Максена Владига?

— Я Мирддин Эмрис.

— Мои люди схватили тебя по ошибке. Они не знали.

— Но теперь знают. Как вы намерены со мной поступить?

— Отпустим тебя, чтобы ты отправился своей дорогой, когда пожелаешь.

— А до той поры вы допросите меня и силой принудите открыть вам то важное, что мне известно?

— Ты сам знаешь, что мы ни к чему не можем тебя принудить. И никогда не станем пытаться. Ты откроешь нам, что сочтешь нужным, и уедешь, когда вздумаешь. Но мы могли бы посторожить тебя, пока ты будешь спать, и у нас есть еда и питье. Всем, что можем предложить, мы будем рады с тобой поделиться.

— В таком случае я принимаю ваше предложение. И благодарю. Мое имя вам известно. Твое я слышал, но ты должен сам мне его назвать.

— Я — Ллид. Мой предок был Ллид, бог леса. У нас тут все люди происходят от богов.

— Значит, вам нет нужды бояться человека, который происходит всего лишь от короля. Я буду рад разделить твой ужин и побеседовать с тобой. Приблизься же и насладись теплом костра.

Их запасы состояли из холодной жареной зайчатины и буханки черного хлеба. У них было мясо свежеубитого оленя, добыча сегодняшней охоты, однако оно предназначалось для племени. Но в костер сунули жарить потроха, а заодно битую черную курицу и несколько плоских сырых лепешек, как можно было судить по запаху и вкусу, замешенных на крови. Нетрудно было догадаться, откуда все это взялось: в тех

краях приношения из подобных яств можно увидеть на любом перекрестке дорог. И эти люди забирают их не из святотатства; как объяснил мне Ллид, они считают себя потомками богов, поэтому дары как бы принадлежат им по праву; и худа в том я не вижу. Я принял от них хлеб, кусок оленьего сердца и рог крепкого сладкого напитка, который они варят из трав и дикого меда.

Мы с Ллидом сидели чуть в стороне и беседовали, а прочие десятеро расположились вокруг костра.

— Эти солдаты, — спросил я, — что послали вас следом за мной, много ли их было?

— Пятеро. Солдаты при полном вооружении, но без значков.

— Пятеро? Из них один рыжеволосый, в коричневом панцире и синем плаще? А другой на пегой лошади? — Это единственное, что мог сообщить мне об их конях Стилико, разглядевший сквозь чащу белые пятна. А пятый, должно быть, оставался в дозоре внизу. — Что же они вам говорили?

Но Ллид только покачал головой:

— Нет, среди них не было такого человека, как ты описываешь, и такой лошади тоже. Вожак у них светловолосый, тощий, как рукоятка вил, и с бородой. Они сказали, чтобы мы выследили одинокого путника на рыже-чалой кобыле, по какому делу он едет, они не знают, но их хозяин хорошо заплатит, если мы выследим, куда лежит его путь.

Он бросил за спину дочиста обглоданную кость, утерся и посмотрел мне в глаза.

— Я сказал, что не буду спрашивать, что за дела у тебя в наших краях. Одно только скажи мне, Мирддин Эмрис: почему сын верховного короля Амброзия и родич короля Утера Пендрагона находится один в диком лесу, а за ним охотятся люди Уриена и желают ему зла?

— Люди Уриена?

— Ага, — сказал он с глубочайшим удовлетворением в голосе. — Есть вещи, которых не смогла открыть тебе твоя магия. Но в этих краях тайно от нас никто не сделает и шагу. Кто ни появится, мы сразу берем на заметку и не выпускаем из виду, покуда не выясним, что ему надо. Уриена Горского мы знаем. Те солдаты были его люди и говорили на языке его страны.

— Тогда расскажи мне про Уриена, — попросил я. — Мне лишь известно, что он малый властитель малого королевства и приходится зятем Лоту, королю Лотианскому. Что

за причина ему охотиться за мною, не знаю. Я еду по королевскому делу, а Уриен не враждует ни со мной, ни с королем. Наоборот, он и король Лотиана — союзники Регеда и короля Утера. Может быть, Уриен стал вассалом кого-нибудь другого? Герцога Кадора?

— Нет. Только короля Лота.

Я молчал. Гудел костер, лес над нашими головами качался и шелестел. Ветер начал стихать. Я лихорадочно соображал. Что Кринас с товарищами — люди Кадора, не вызывало сомнения. Но значит, с севера засланы и другие соглядатаи, и им каким-то образом удалось напасть на мой след. Уриен, шакал Лота. И Кадор. Два самых могущественных союзника Утера, его правая и левая рука, но стоило только ему пошатнуться, и сразу же они высылают шпионов на поиски принца... Картина распалась и сложилась снова, как отражение в пруду, после того как в него бросят камень; но это уже другая картина, в середине ее — камень, и от этого все переменилось. Король Лот, суженый Моргианы, дочери верховного короля. Король Лот.

Наконец я проговорил:

— Ты, кажется, сказал, что эти люди отправились на север? Они что же, торопились с докладом к Уриену или по-прежнему будут стараться разыскать и выследить меня?

— Будут искать тебя. Они сказали, что поищут севернее, не обнаружится ли твой след. А если нет, то в условном месте встретятся с нами.

— И вы там появитесь?

Он сплюнул в сторону, не дав себе труда ответить.

Я улыбнулся:

— Я завтра поеду дальше. Вы выведете меня на тропу, которая неизвестна солдатам?

— Охотно. Но для этого я должен знать, куда тебе надо поехать.

— Я следую за своим сном, — ответил я.

Он кивнул. Для жителей холмов это убедительное объяснение. Они руководствуются инстинктами, как животные, а также читают по звездам и ждут знамений. Я помолчал минуту, потом спросил:

— Ты упоминал Максена Владига. Когда он покинул эти острова и отправился обратно в Рим, был с ним кто-нибудь из ваших людей?

— Да. Мой собственный прадед вел их отряд.

— И вернулся обратно?

— Конечно.

— Я сказал тебе, что иду следом за своим сном. Мне приснилось, будто бы со мной говорил умерший король, и он велел мне отправиться в странствие и исполнить подвиг, а потом возвести на престол нового короля. Ты никогда не слышал, что сталось с мечом Максена Владига?

Он вскинул руку и осенил себя знаком, которого я никогда прежде не видел, но понял, что это — могущественный охранительный знак против могущественных чар. Потом он пробормотал себе под нос какие-то непонятные мне заклинания и проговорил охрипшим голосом, обращаясь ко мне:

— Итак, свершилось. Слава Арауну, и Билису, и Мирддину, богу холмов. Я знал, что это важные дела. Чувствовал кожей, как чувствуют капли дождя. Стало быть, вот что ты разыскиваешь, Мирддин Эмрис?

— Да. Я был на Востоке и там узнал, что меч вместе с главными императорскими сокровищами вернулся на Запад. Я думаю, что меня привело сюда высшее произволение. Не направишь ли ты меня дальше?

Он медленно покачал головой:

— Нет. Об этом мне ничего не известно. Но в наших лесах есть люди, которые тебе помогут. Предание дошло до нынешних дней. Это все, что я могу тебе сообщить.

— Неужели твой прадед ничего не рассказывал?

— Этого я не говорил. Я повторю тебе его рассказ. — Он перешел на распев, которым пользуются сказители. Я знал, что он приведет мне древний рассказ дословно — здешние люди передают слова из поколения в поколение неизменными и четкими, как резные узоры на чаше. — Мертвый император опустил меч — живой император его подымет. По воде и по суше, кровью и огнем был он доставлен в отчий край — по воде и по суше лежит его путь на родину, и оставаться ему скрытым в плавучем камне, покуда огнем не подымется вновь. И поднимет его лишь муж, рожденный по закону от британского семени.

Ллид умолк. Сидевшие вокруг костра затаили дыхание и безмолвно слушали его распев. Я видел, как блестели глаза, как пальцы сотворяли древний охранительный знак. Ллид прокашлялся, сплюнул и коротко заключил:

— Вот и все. Я ведь сказал, что тебе это не поможет.

— Если мне суждено отыскать меч, то и помощь объявится, можешь не сомневаться. Я знаю теперь, что он близко. Где сохранилась песня, неподалеку должен быть и меч. Ну а когда я отыщу его... Ты, верно, знаешь, куда я держу путь?

— Куда же еще ехать Мирддину Эмрису, тайно, в зимнюю пору, как не к принцу?

Я кивнул:

— Он за пределами ваших владений, но не за пределами, доступными слуху и глазу вашего народа. Известно вам его местонахождение?

— Нет. Но мы узнаем.

— Меня это не пугает. Проследите за мной, если хотите, до самого места, а потом возьмите принца под свою охрану. Это будет король, Ллид, у которого для Древнего народа холмов та же справедливость, что и для королей и епископов на Винчестерском соборе.

— Мы будем охранять его!

— Тогда я поеду дальше на север и буду рассчитывать на вашу помощь. А теперь, с твоего разрешения, я хотел бы поспать.

— Мы посторожим тебя, — сказал Ллид. — И с первым светом проводим в дорогу.

9

Дальнейший путь, который они мне указали, представлял собою такую же малоезженую тропу, как и та, что привела меня к ним, но двигаться по ней было легче благодаря тайным зарубкам, и притом ближе, чем по дороге. Там были внезапные повороты, отвесные подъемы, узкие проходы — никогда бы не подумал, что можно проехать, не будь этих путеводных знаков. Едешь по такому тесному, заросшему оврагу, видишь впереди глухую стену горы, и грохот падающей по ее уступам воды отдается в теснине, но всегда в конце концов, уже у самого подножия, обнаруживается проход, пусть опасный, но сквозной, через невидимую до последней минуты расщелину, и сразу же за ней — обрывистый спуск вниз. Так ехал я еще двое суток, ни с кем не встречаясь, почти не отдыхая, кормясь сам и кормя кобылу тем, что нам дали в дорогу Древние.

На утро третьего дня у кобылы отпала подкова. По счастью, это случилось на ровной дороге — мы двигались по травянистой бровке между двумя долинами, где в это время года не встретишь ни живой души. Я слез с седла и повел Ягодку в поводу, поглядывая вправо и влево, не покажется ли дорога или дым селения. В целом я представлял себе, где нахожусь; правда, туманы и метели скрыли от глаз вершины, но все-таки я успел заметить в минуту просветления белую макушку Снежной горы, на которой держится все зимнее небо. Я уже однажды ехал здесь, только внизу, по дороге, я узнавал очертания ближних холмов. Было ясно, что скоро я найду дорогу, а при дороге — кузню.

Я хотел было сам содрать у Ягодки остальные три подковы, но земля на тропе была тверже железа, и без подков лошадь давно бы уже обезножела. К тому же у нас кончались припасы, а на зимней дороге пополнить их было негде. Оставалось только спуститься в долину, не боясь того, что меня увидят и узнают.

День стоял тихий и ясный, с морозцем. Около полудня я заметил дым селения, а еще немного погодя и блеск воды. Я потянул за повод, и мы стали спускаться под гору. Спуск был отлогий, по дубовому редколесью, вверху над нами дубы шелестели остатками пожухлой, неопавшей листвы. Вскоре меж голых стволов впереди заблестела серая водяная гладь реки, катившей свои волны в низких берегах.

У воды, на опушке дубравы, я остановился. Нигде ни движения, ни звука, только громко журчала река, заглушая отдаленный собачий лай — признак близости селения.

Было очевидно, что большая дорога проходит где-то недалеко. Кузню, верней всего, надо было искать там, где река встречается с дорогой. Кузнецы всегда выбирают себе место у моста или брода. Под прикрытьем дубов я медленно повел мою лошадку по опушке дальше на север.

Так мы с ней брели, наверное, с час, если не больше, как вдруг долина сделала крутой поворот к западу, и я увидел впереди открытую полосу зелени: дорога. В кристальной зимней тишине слышен был звон наковальни.

Однако никаких признаков поселения не было заметно — наоборот, лес становился только гуще. Я знал, что селения в этих краях строятся на холме или пригорке, где жителям сподручнее обороняться. Другое дело — кузнец со своим хозяйством, один на берегу реки: ему нечего опасаться.

Умельцы — люди полезные, да и отнять у них особенно нечего, к тому же их охраняют от злого человека древние божества переправ.

Кузнец словно и сам был из Древних. Низкорослый, согнутый в дугу своим ремеслом, он оказался зато на диво широк в плечах, а могучие узловатые руки покрывала черная растительность, густая, как медвежья шкура. Ладони, широкие, в трещинах, были тоже черные.

Он поднял голову от работы, когда моя тень упала через его порог. Я произнес слова привета, привязал кобылу к крыльцу за дверью и уселся ждать, когда до меня дойдет очередь, радуясь теплу от горна, который раздувал мехами подручный в кожаном переднике. Кузнец в ответ на приветствие только пристально взглянул на меня из-под бровей и продолжал, не сбившись, размеренно работать молотом. Он ковал лемех. Шипел пар, молот звенел все глуше, лемех, остывая, серел и истончался в лезвие. Кузнец приказал что-то неразборчиво подручному, тот отпустил мехи и, подхватив ведро для воды, вышел из кузни. А хозяин положил молот, разогнул спину, почесался, потянулся, снял с крюка бурдюк с вином, напился и утер ладонью рот. Понимающим взглядом обвел кобылу.

— Подкова-то с тобой? — спросил он. Я почти ожидал услышать из его уст древний язык, но он говорил на обыкновенном валлийском. — Не то придется потратить времени много больше, чем тебе небось охота. А то давай я и остальные три сниму?

Я усмехнулся:

— И заплатишь мне за них?

— Задаром обслужу. — Кузнец обнажил, ухмыляясь, черные зубы.

Я отдал ему подкову:

— Прибей вот, и получишь за работу пенни.

Он взял подкову, покрутил ее в мозолистых руках. Потом кивнул и поднял ногу лошади.

— Далеко путь держишь?

Новости, услышанные от путников, — тоже плата за работу кузнеца. Я это знал, и рассказ для него был у меня готов. Он орудовал напильником и слушал, а кобыла смирно стояла между нами, понурив голову и развесив уши. Потом вернулся подручный с ведром и выплеснул воду в чан. Он отсутствовал что-то уж очень долго и явился запыхавшись.

Но если я и обратил на это внимание, то разве только подумал, что он, как свойственно мальчишкам, воспользовался случаем побездельничать, а потом спохватился и бежал со всех ног. Кузнец ничего ему не сказал, поставил его снова к мехам, и скоро пламя взревело, и подкова раскалилась докрасна.

Наверно, мне все-таки следовало быть больше начеку, хотя я понимал, спускаясь в кузницу, что риск довольно велик. Но ведь могло же случиться, что солдаты, разыскивающие одинокого всадника на рыжей кобыле, здесь не проезжали. Однако оказалось, что проезжали.

За ревом горна и звоном наковальни я не расслышал шагов и вдруг увидел, как между мной и дверью упали тени и появились четверо мужчин. Все четверо были в латах и с оружием в руках, словно собрались пустить его в ход. У двоих были копья, достаточно грозные, хотя и самодельные, один держал тесак с таким острозаточенным лезвием, что впору живой дуб срубить, а четвертый не без сноровки сжимал в руке короткий римский меч.

Этот последний был среди них главный. Он вполне учтиво приветствовал меня, когда кузнец прервал свою оглушительную работу и мальчишка-подручный смог выпучить на меня глаза:

— Кто ты таков и куда держишь путь?

Я ответил на его языке, не поднявшись с места:

— Я зовусь Эмрис и направляюсь на север. Мне пришлось свернуть с дороги, потому что, как видишь, у моей лошади отвалилась подкова.

— Откуда ты?

— С юга, где не высылают вооруженных воинов против путника, которому случится проезжать через наше селение. Чего вы боитесь, выезжая четверо на одного?

Он проворчал что-то невнятное, и двое с копьями, переступив с ноги на ногу, опустили оружие, стукнув древками об пол. Но сам он меч не убрал.

— Ты слишком хорошо для чужака говоришь на нашем языке. Я думаю, ты как раз тот, кого нам было приказано разыскать.

— Я тебе не чужак, Брихан, — спокойно ответил я. — Этот меч достался тебе под Каэрконаном или же мы добыли его, когда разнесли в клочья отряды Вортигерна у перекрестка под Бремией?

— Под Каэрконаном? — Меч у него в руке вздрогнул и покачнулся. — Ты тоже там сражался? В войске Амброзия?

— Да, я там был.

— И под Бремией? У герцога Горлойса? — Меч окончательно поник. — Постой, ты назвался сейчас Эмрисом? Не Мирддин ли Эмрис, прорицатель, который принес нам в той битве победу, а потом исцелял наши раны? Не сын Амброзия?

— Он самый.

Люди моей страны не имеют обычая преклонять колени, но, засунув за пояс меч и обнажив в довольной улыбке зачерненные зубы, он этим приветствовал меня на свой лад так же горячо:

— Он самый, клянусь всеми богами! Я не признал тебя, господин. Оружие долой, вы, глупцы! Не видите, что ли? Он принц, не по нашим зубам кость.

— Их не за что винить, если они ничего этого не видят, Брихан, — со смехом возразил я. — Я сейчас не принц и не прорицатель. Я путешествую тайно и нуждаюсь в помощи... и в молчании.

— Ты получишь от нас все, что в нашей власти тебе дать, господин. — Он заметил мой невольный взгляд в сторону кузнеца и его подручного и поспешил добавить: — Из тех, кто здесь есть, ни один словом нигде не обмолвится, да, да! И мальчишка тоже.

Мальчишка закрыл рот и кивнул. Кузнец проворчал:

— Да ежели я знал бы, кто ты...

— Не погнал бы мальчика со всех ног в селение за подмогой? — сказал я. — Не беда. Если ты, как Брихан, слуга королю, значит, я могу тебе доверять.

— Мы здесь все королевские слуги, — сурово заметил Брихан, — но, будь ты даже Утеров злейший враг, а не сын его брата и свершитель его побед, все равно я бы тебе помог, я, и все мои сородичи, и все, кто живет в наших краях. Ибо кто спас мне вот эту руку под Каэрконаном? Благодаря тебе я мог сегодня выйти на тебя с мечом, господин. — Он похлопал ладонью по рукояти меча у себя за поясом. Я вспомнил, о чем он говорит. Саксонский топор глубоко вонзился в мякоть его руки, разрубил волокно мышцы и обнажил кость. Я зашил рану и лечил его моими снадобьями, и благодаря ли им или же из-за глубокой веры Брихана во всемогущество Королевского Мага, но рука зажила. Прежняя сила к ней не вернулась, но служить она могла. — Что же до остальных

наших людей, — заключил Брихан, — то мы все твои слуги, господин мой. Ты в безопасности с нами, и мы тебя не выдадим. Мы все понимаем, в чьих руках будущее этих краев: в твоих руках, Мирддин Эмрис. Если б мы только знали, кто таков «одинокий путник», которого разыскивают солдаты, мы бы их связали и держали тут до твоего прибытия, да, да, и убили бы по первому твоему знаку.

Он свирепо посмотрел вокруг, и его товарищи согласно закивали, подтверждая его слова. Даже кузнец крякнул что-то одобрительное и обрушил молот на наковальню, словно боевой топор на голову врага.

Я растроганно поблагодарил их. Мне подумалось, что я слишком давно не был среди простых людей моей страны, слишком долго беседовал с одними лордами, принцами и государственными мужами. И уже начал думать так же, как они. А ведь не только от лордов и воинственных королей зависело восхождение Артура на верховный престол, не одни они его будущая опора. Нет, его возведет на престол и будет биться за него с врагами народ Британии, который корнями уходит в почву, который питает ее и сам питается ее соками, как деревья. Доверие народа, доверие жителей холмов и низин — вот что сделает из него верховного короля всех земель и островов, о чем мечтал, но что не успел осуществить в свой краткий срок мой отец. Об этом же грезил еще прежде Максим, несостоявшийся император, которому Британия виделась первой в упряжке держав, тянущих телегу истории против ледяного ветра с севера. Я смотрел на Брихана с изувеченной рукой, на его родичей, бедных жителей бедного селения, которое они готовы защищать, не щадя собственных жизней, на кузнеца и его подручного — мальчишку в лохмотьях, я вспоминал Древний народ, в холодных пещерах хранящий верность прошлому и будущему, и думал: на сей раз все будет иначе. Максен и Амброзий пытались добиться этого силой оружия и смогли лишь заложить основы. Теперь же, если будет на то воля бога и британского народа, Артур возведет дворец. И еще мне вдруг подумалось, что пора бы мне покинуть дворцы и замки и вернуться к своим холмам. Вот откуда можно ждать помощи.

Брихан прервал молчание:

— Не подымешься ли ты с нами в селение, господин? Оставь у кузнеца кобылу и пойдем ко мне в дом, там ты отдохнешь, поешь и расскажешь нам новости. Мы все сгораем от нетерпения узнать, отчего солдаты охотятся за

тобой, предлагают деньги за твою поимку и так настойчивы, будто от нее зависит судьба королевства.

— Так оно и есть. Но не верховного королевства.

— Ага, — сказал он. — Они пытались нас убедить, будто они солдаты короля, но мне так и показались, что это ложь. Чьи же они?

— Они служат королю Уриену Горскому.

Поселяне переглянулись. Лицо Брихана осветилось пониманием.

— Ах вот что! Уриену? Но для чего Уриену платить золото за то, чтобы узнать твое местонахождение? Или, может быть, он платит, чтобы узнать местонахождение принца Артура?

— Это одно и то же, — ответил я, кивая. — Не сейчас, так вскоре будет. Он хочет знать, куда я направляюсь.

— Чтобы по твоим следам добраться до принцева убежища? Да. Но какой в этом прок королю Гора? Он человек маленький, и не похоже, что станет большим. Или... погоди, я, кажется, понял. Прок от этого будет его родичу, Лоту Лотианскому?

— Думаю, что так. Я слышал, что Уриен — Лотов ставленник. Можно не сомневаться, что он старается для него.

Брихан кивнул и задумчиво проговорил:

— А король Лот сговорен в мужья принцессе, которая станет королевой, если Артур умрет... И он, стало быть, платит солдатам, чтобы узнали, где содержится принц? Господин, одно к одному складывается в картину, которая мне очень не нравится.

— И мне тоже. Возможно, мы оба ошибаемся, Брихан, но я нутром чувствую, что мы правы. И Лот с Уриеном, может быть, не единственные. Других вы не видели? Здесь не проезжали люди из Корнуолла?

— Нет, сударь. Будь спокоен, если кто-нибудь еще заедет в наши края, от нас они помощи не получат. — Он коротко хохотнул, как пролаял. — А твоему чутью я готов поверить скорее, чем иным клятвам и заверениям. Мы позаботимся, чтобы по твоим следам не пришла опасность к маленькому принцу... Если твои преследователи появятся в Гвинедде, мы уж устроим так, чтобы они потеряли твой след, подобно тому как теряет след стая волков, когда олень перешел через реку.

Доверься нам, господин. Мы — твои слуги, как были слугами твоего отца. Нам ничего не известно о принце,

которого ты нам прочишь, но, раз он твой избранник и ты велишь нам идти за ним и служить ему, значит, Мирддин Эмрис, мы отныне его слуги, покуда руки наши в силах держать меч. Вот наше слово — мы даем его во имя тебя.

— А я принимаю его именем принца и благодарю. — Я поднялся на ноги. — Брихан, мне лучше не ходить с вами в селение, но ты, если пожелаешь, можешь сослужить мне одну службу. Мне нужна пища на несколько дней, и вино в мою флягу, и корм для кобылы. Деньги у меня есть. Ты сможешь снабдить меня припасами?

— Это проще простого, и можешь убрать свои деньги. Ты разве брал с меня плату, когда лечил вот эту руку? Дай нам час сроку, и мы доставим сюда, что требуется, никому не обмолвившись ни словом. Пусть мальчик пойдет с нами — люди в селенье привыкли видеть, как он относит в кузню провизию. Он принесет все, что нужно.

Я опять поблагодарил его, а потом мы с ним еще побеседовали, и я рассказал ему, какие новости я привез с юга. Потом они простились и ушли. И я знаю наверняка, что ни тогда, ни позже ни один из них, включая мальчишку-подручного, никому не проговорился о встрече со мною.

Мальчик еще не вернулся из селения, а уж кузнец закончил свою работу. Я заплатил ему и похвалил за искусство. Он принял и то и другое как должное. Он хотя и слышал, конечно, наш разговор с Бриханом, однако не выказал передо мной ни малейшего трепета. Действительно, почему человек, искусный в своем деле и окруженный привычными орудиями своего труда, должен трепетать перед принцами? У них разная работа, вот и все.

— В какую сторону ты едешь отсюда? — спросил он меня. Я замялся было, и он заметил: — Я ведь сказал, что меня ты можешь не опасаться. Если уж эта сорока Брихан с братьями смогут держать язык за зубами, то я и подавно. Я служу дороге и всем, кто по ней проезжает. Кузнец при дороге — никакому королю не слуга, но мне однажды довелось говорить с Амброзием. А вот дед моего деда — он прибивал подковы лошадям самого императора Максима. — Он неправильно истолковал мой оторопелый взгляд и добавил: — Да, да, не смотри так. Давно это было. Но уже и тогда, рассказывал мне дед, эта наковальня переходила из рук в руки от отца к сыну так давно, что не упомнят и старейшие жители селе-

ния. Да что там, в наших краях люди говорят, что первый кузнец, установивший здесь свою наковальню, обучался ремеслу у самого Веланда Кузнеца. Так что к кому же еще было обратиться императору? Вот смотри.

Он указал на распахнутую дверь кузни. Тяжелая, дубовая, она была вылощена до серебряного блеска, выбелена временем и непогодой, так что стала похожа на старую кость, и рябила разводами и бороздками, как серая вода. За дверью на крюке висел мешок с железными гвоздями, и тут же — сетка с клеймами. Атласная плоскость двери была вся испещрена ожогами: поколения кузнецов, куя новое клеймо, всякий раз пробовали его на двери.

В глаза мне бросилась буква «А» — клеймо было свежее, еще обугленное. Под ним виднелись более старые знаки — что-то похожее на птицу в полете; стрела, глаз и несколько знаков попроще, нанесенных на дереве с помощью раскаленного докрасна металла досужими путниками в ожидании, пока кузнец закончит свою работу. Сбоку, в стороне от других, едва заметными тенями по серебряному, стояли буквы «М» и «И» и прямо под ними — более глубокая вмятина, словно выдавленный полумесяц, и на нем — следы гвоздей. На это место и указывал мне кузнец.

— Вот сюда, рассказывают, ударил копытом скакун императора, да только мне не верится. Когда я или кто другой из наших беремся подковать коня, будь он хоть самый что ни на есть дикий и вчера только из леса, он у нас не брыкается. А вот там, чуть повыше, — это доподлинный знак. Это клеймо было выковано здесь для коней Максена Владига, которых он взял с собой в тот раз, когда убил римского короля.

— Кузнец, — сказал я, — в этом единственном месте твоя легенда лжет. Римский король убил Максима и забрал его меч. Но валлийские мужи привезли его назад, в Британию. Может быть, и меч этот был выкован здесь.

Кузнец долго медлил с ответом, и сердце мое в ожидании тревожно заколотилось. Но потом он нехотя произнес:

— Если и так, я об этом не слыхал.

Было видно, что ему стоило труда не приписать меч к заслугам своей кузни, но он ответил мне правду.

— Мне было сказано, — продолжал я, — что где-то в лесу живет человек, которому известно, где спрятан меч императора. Слышал ли ты что-нибудь об этом или, может, ты сам знаешь, где я смогу его найти?

— Нет, откуда мне. Но говорят, далеко на север отсюда живет святой человек, который знает все. Только это к северу от Дэвы, в другой земле.

— Туда я и держу путь. Я разыщу его.

— Только смотри, если не хочешь наткнуться на солдат, по дороге не езжай. Отсюда в шести милях к северу есть распутье, там дорога на Сегонтиум сворачивает к западу. Если поедешь вон там по-над речкой напрямую, то срежешь угол и выедешь на дорогу как раз у переправы.

— Но мне не надо в Сегонтиум. Если я заберу слишком на запад...

— А ты, как переправишься, от реки-то и сверни. Там дальше идет прямая тропа, поначалу-то через дубравы, а уж потом по открытому месту, не заплутаешь. Поедешь по ней прямехонько на север, а большую дорогу до самой Дэвы и не увидишь больше. Спросишь там лодочника, как найти святого отшельника в Диком лесу, он тебя направит. Так что поезжай по-над речкой, верное дело, там с пути сбиться нельзя.

Я заметил, что так говорят, когда в действительности сбиться с пути ничего не стоит. Но кузнецу я ничего не сказал, а тем временем вернулся мальчишка с провизией, и мы с ним стали укладываться в дорогу. При этом он шепотом предостерег меня:

— Я слышал, что он тебе советовал, господин. Не делай этого. Там трудная тропа, и вода в реке стоит высоко. Лучше держись дороги.

Я поблагодарил его и дал монетку за труды. Мальчишка ушел к своим мехам, а я хотел было проститься с кузнецом, но он скрылся в дальнем темном углу кузни — слышно было только, как он гремит там железом и посвистывает сквозь поломанные зубы. Я крикнул ему туда:

— Я ухожу! Спасибо за все!

И вдруг у меня перехватило дыхание. В темном запечье внезапно вспыхнувший огонь осветил человеческое лицо.

Каменное лицо, знакомые черты, которые некогда можно было видеть на каждом перепутье. Одно из древнейших божеств, бог путешествующих, Мирддин, как и я, — иначе Меркурий, или Гермес, владыка больших дорог и обладатель священной змеи. Мой бог, так как и я, был рожден в сентябре. Старый придорожный идол-герма, некогда стоявший у всех на виду и всех проезжих провожавший взглядом, он теперь лежал у стены, седой от высохших мхов и ли-

шайников. Но и такого, я все равно сразу узнал его: плоское лицо в обрамлении бороды, пустые глаза, овальные и выпуклые, как виноградины, сцепленные на животе руки, гениталии, некогда торчавшие, а ныне отбитые, покалеченные.

— Знай я, что ты находишься здесь, Старейший, — проговорил я, — уж я бы налил для тебя вина.

Сбоку от меня появился кузнец.

— Он свое получает, ты не беспокойся, — сказал он. — Мы, служители дорог, никогда не посмеем его обидеть.

— Зачем ты внес его в дом?

— Да он не здешний. Он стоял у той переправы, где старая тропа — мы зовем ее Еленин Путь — пересекает реку Сейнт. Римляне, когда проложили новую дорогу на Сегонтиум, прямо перед ним построили свою почтовую станцию. Вот его и перенесли сюда, а как — не ведаю.

Я задумчиво проговорил:

— У той переправы, про которую ты мне толковал? Тогда, стало быть, все-таки мне туда.

Я кивнул кузнецу и поднял руку, приветствуя бога.

— Пребудь со мною, — сказал я ему, — и помоги мне отыскать путь, с которого нельзя сбиться.

И он вел меня всю первую половину пути; да, там и впрямь нельзя было сбиться, пока тропа шла вдоль самого берега реки. Но под вечер, когда тусклое зимнее солнце уже совсем склонилось к закату, стал собираться туман над водой и в сгущающихся сумерках одел окрестность сырым, непроглядным покровом. Оставалось только ехать по звуку воды в реке, хотя в тумане и он был обманчив, то громкий, будто под самым носом, то вдруг глухой и словно отдаленный; но там, где река делала изгиб, тропа шла напрямик, и в этих местах я дважды сбивался с дороги и вынужден был пробираться сквозь чащу, не слыша и не видя воды. Наконец, сбившись в третий раз, я бросил поводья на шею Ягодке и предоставил ей самой искать спасение, думая не без усмешки о том, что на дороге бы я сейчас был в безопасности. Приближение солдат было бы слышно издалека, и стоило на несколько шагов свернуть в повитый туманом лес, чтобы скрыться от их глаз.

В вышине над слоями тумана, должно быть, светила луна. И от этого он переливался, струился белыми потоками вперемешку с тьмой, обтекая, одевая стволы словно бы зыбкими сугробами. Нагие деревья то прятались в тумане,

то возникали, сплетая в вышине черные ветви. А земля под ногой была мягче ковра, и, бесшумные, тонули в ней шаги.

Ягодка уверенно шла вперед, ведомая то ли невидимой для меня тропой, то ли тайным своим чутьем. То и дело она навостряла уши, хотя я ничего не видел и не слышал, а однажды даже остановилась и мотнула вбок шеей, как видно чего-то испугавшись, но я не успел еще взять в руки поводья, как она уже опять опустила голову, развела уши и заторопилась дальше, избранной ею невидимой дорогой. Я не стал ей мешать. Что бы ни попадалось нам навстречу в тумане, опасности не сулило. Если только мы едем правильно — а я теперь уверился, что это так, — стало быть, все в порядке.

Через час после наступления темноты Ягодка вынесла меня потихоньку из чащи, протрусила ярдов сто по открытому месту и остановилась перед высоким сгустком черноты, который не мог быть не чем иным, как строением. У стены была колода для водопоя. Ягодка вытянула шею, фыркнула и стала пить.

Я слез с седла и толчком открыл дверь строения. Это была почтовая станция римлян, о которой рассказывал кузнец, пустая и наполовину разрушенная, но, как видно, все еще приносящая пользу путникам вроде меня. В углу груда обугленных поленьев указывала последнее местоположение очага, в противоположном углу стояла кровать — несколько довольно чистых досок, положенных на камни, чтобы не дуло из-под двери. Не особенно уютное пристанище, но были у нас и похуже. Через час я уже спал под мерное жевание моей кобылы и проспал крепко и безмятежно до самого утра.

Проснулся я в полумраке рассвета, еще до того, как встало солнце. Кобыла, покачиваясь, дремала у себя в углу. Я вышел к колодe умыться.

Туман рассеялся, кончилась и мягкая погода. Землю затянул серый иней. Я огляделся.

Почтовая станция стояла чуть отступя от дороги, которая тянулась через лес с востока на запад, прямая, как копье. Когда римляне прокладывали здесь дорогу, лес был расчищен — повалены деревья и вырублен подлесок на сто ярдов по обе стороны. Теперь деревья выросли снова и густой кустарник покрыл землю, но все-таки под ним угадывалась древняя дорога, ведь она существовала еще и до римлян. Река, здесь спокойная и ровная, перекатывалась над развалинами моста, по которым можно было переправиться вброд по

колено. А на той стороне, за кустарником, чернела дубрава — там должна начинаться тропа, которая поведет меня дальше на север.

Разглядев все, что мне было надо, я вернулся к колоде, разбил хрупкую корку льда на воде и умылся. В это время взошло солнце и выглянуло меж древесных стволов в холодном красном свете зари. Заискрился иней. Свет разгорался, как кузнечный горн под мехами. Я отвернулся от колоды, и свет низкого солнца брызнул, слепя, мне в глаза. Черные деревья стояли бестелесными тенями на фоне восхода, красного, как лесной пожар. Река текла расплавленным золотом.

Между мною и рекой что-то чернело — высокое, массивное и в то же время как бы нематериальное в сиянии утра и подымающееся прямо из подлеска на краю дороги. Что-то знакомое, в иной жизни — в мире тьмы, и дальних земель, и чужих богов. Стоячий камень.

На мгновение мне подумалось, что я еще сплю и это мне снится. Я загородился от солнца ладонью и, прищурившись, взглянул снова.

Солнце поднялось над верхушками леса, тени деревьев укоротились. Камень остался, отчетливо видный на серебряном инее.

Но все-таки это был не стоячий камень, а просто верстовой столб. Обычная вещь и на обычном месте. Столб как столб, может быть, самую чуточку выше, чем принято, с обычным славословием императору и надписью внизу: «До Сегонтиума 22 мили».

Подойдя ближе, я понял, отчего он казался выше обычного: он не врос в землю, так как был установлен на квадратном каменном подножии. Значит, этот камень особенный? Может быть, на его квадратном подножии когда-то стоял древний идол? Я наклонился и раздвинул заиндевелые травы. На каменную плиту упал солнечный луч и осветил какой-то знак, похожий на изображение стрелы. Но потом я догадался, что это полустертая старинная надпись, огамические письмена, напоминающие общим рисунком оперение и заостренный наконечник стрелы, указывающий на запад.

Что ж, подумалось мне, почему бы и нет? Знаки просты, но веления судьбы не всегда приходят из надзвездных высот. Мой бог и прежде изъяснялся со мною такими вот простыми знаками, и я лишь вчера говорил себе, что искать надо не только наверху, в небе, но и внизу, на земле. И вот

они, знаки земли: отпавшая подкова, слово придорожного кузнеца, несколько царапин на камне — все словно сговорилось совлечь меня с моего пути на север и направить на запад, в Сегонтиум. Так почему бы и нет? — опять подумалось мне. Кто знает, может быть, тот меч и в самом деле был выкован в кузне, где я встретил бога Мирддина, и закален в холодных водах реки Сейнт, а после смерти Максима был возвращен на родину его супруги, оставшейся в этих местах с младенцем-сыном. Может быть, правда, что в Сегонтиуме, Каэр Сейнте Максена Владига, где-то спрятан меч королей Британии и лежит дожидается, когда придет ему время быть поднятым в огне.

10

Таверна на окраине Сегонтиума, в которой я остановился, была достаточно удобной, хотя стояла и не у большой дороги. Здесь редко появлялись проезжие, а собирались обычно поесть и выпить местные жители, прибывшие на рынок или в порт — отправлять свои грузы морем.

Заведение это знавало лучшие дни, оно предназначалось в свое время для обслуживания солдат из большой казармы за городом. И простояло на своем месте, наверное, не менее двухсот лет. Когда-то это было прочное каменное строение, а внутри — одна просторная комната, почти зала, большой очаг и черные дубовые стропила прочнее железа, поддерживавшие крышу. Несколько скамей и тяжелых столов еще и теперь стояли в таверне, все запятнанные, обожженные и изрезанные ножами пьяных легионеров, вырезавших на досках свои имена и еще кое-какие менее пристойные надписи. Чудо еще, что и в таком виде таверна сохранилась: кладка стен была кое-где порушена, а камень разворован, и по меньшей мере однажды в них бушевал пожар — после набега соседей-ирландцев. От старых времен осталась только продолговатая каменная коробка, и крыша на черных стропилах была не черепичная, а тростниковая. Кухней служила мазаная пристройка позади огромного очага.

Но в очаге полыхали поленья, пахло добрым элем и свежим печевом из печи снаружи, а в сарае имелась свежая подстилка и корм для кобылы. Я позаботился о

том, чтобы ее поставили в теплое место, вычистили и задали ей корму, а уж потом пошел в таверну выговорить себе ночлег и ужин.

Жизнь в порту об эту пору года замирает. В городе почти не было проезжих, и завсегдатаи не задерживались в таверне, а с наступлением темноты спешили скорее домой, в теплую постель. Поэтому мое появление осталось мало кем замеченным, никто меня не расспрашивал, разошлись рано, я мирно отправился спать и проспал крепким сном до утра.

Следующий день был солнечный — один из тех ослепительных, лучистых дней, которые иногда швыряет на землю декабрь, точно блестящее золото в пригоршне свинцовых монет зимней чеканки. Я позавтракал рано, зашел проведать мою лошадку, оставил ее спокойно отдыхать и вышел из таверны.

Повернув к востоку, прочь от города и порта, я пошел по берегу реки туда, где на возвышенности, в полумиле от города, стояли развалины бывшей римской крепости Сегонтиум. Чуть ниже по склону виднелась Башня Максена. В ней расположил своих солдат верховный король Вортигерн, когда мой отец, король Южного Уэльса, прибыл туда со свитой из Маридунума для переговоров. И я, двенадцатилетний отрок, был тогда с ними и в этой поездке впервые удостоверился, что грезы кристального грота сбываются. Здесь, в этом диком и тихом уголке земли, я впервые ощутил силу, осознал себя ясновидцем.

Тогда мы тоже ехали зимой. И сейчас, проходя заглохшей дорогой к бывшим воротам, от которых остались только две разрушенные башни, я старался оживить в памяти пестроту плащей и флагов и блеск оружия там, где теперь, исполосованный синими утренними тенями, лежал один нетронутый иней. Строения стояли пустые, заброшенные. Там и сям на голой каменной кладке сохранились языки копоти — красноречивые свидетельства былых пожаров. В других местах видно было, где люди вывозили камень для своих построек, выламывали даже булыжники из мостовой. В оконных проемах рос чертополох, на стенах между камней укоренились молодые деревца. Зияла колодезная яма, заваленная щебнем. Цистерны переполняла дождевая вода и вытекала струйкой по желобкам, которые образовались в тех местах, где некогда воины точили о каменный край свои мечи. Да, смотреть было не на что. Ничего здесь не было, даже призраков. Зим-

нее солнце освещало мертвые развалины. Кругом царила тишина.

Помню, что, бродя среди остовов зданий, я думал не о прошлом и даже не о цели моих теперешних поисков, но, как подобало строителю, о будущем. Я прикидывал на глазок, как учил меня некогда Треморин, что тут надо будет сделать: это снести, то подправить, башни отремонтировать, северо-восточной частью крепости пожертвовать, чтобы зато надежнее укрепить западную и южную... Да, если Артуру когда-нибудь понадобится Сегониум.

Я поднялся на самое высокое место посредине крепости, где когда-то стоял дом начальника гарнизона, дом Максима. Здесь также все было в запустении. Тяжелая дверь еще висела на ржавых петлях, но потолочное перекрытие разошлось, потолок угрожающе провис. Я осторожно переступил через порог. В главный покой сквозь прорехи в крыше сочился дневной свет, у стен лежали груды мусора, когда-то яркие фрески облупились и побурели от сырости. В сумраке я разглядел старый стол — он был так тяжел, что вынести его оказалось слишком трудно, а рубить на топливо не стоило. Позади стола свисали лохмотья кожи, некогда украшавшие стену. Здесь восседал полководец и замышлял покорить Рим, как прежде Рим покорил Британию. Он потерпел поражение и пал, но своим поражением посеял семена мечты, которые потом собрал другой король. «Наша страна будет единым государством, самостоятельным королевством, — говаривал мой отец, — а не просто римской провинцией. Рим гибнет, мы же еще пока способны выстоять». Вслед за этим память принесла мне другой голос, голос пророка, который по временам вещал моими устами: «И королевства станут одним Королевством, и боги — единым Богом».

Будет срок прислушаться к этим призрачным голосам, когда здесь снова станет восседать полководец. Я вышел обратно на свет зимнего погожего утра. Где среди этого запустения найду я то, что ищу?

Из крепости открывался вид на море и порт, вокруг которого теснились маленькие домишки, а против порта в море виднелся остров друидов, который зовется Мона, или, иначе, Вон, так что местные жители называют свой город: Каэр-ар-Вон. А позади меня возвышался Снежный Холм, И-Виддфа, там, если бы в человеческих силах было туда взобраться и существовать среди снегов, человек мо-

жет въяве встретить на тропках живых богов. На его белоснежном отдаленном фоне чернела близкая и разрушенная Башня Максена. И вдруг мне представилось все в ином свете, как бы заново. Башня моих видений; башня с картин на стене у Адьяна... Я покинул дом начальника гарнизона и быстро зашагал к башне.

Она торчала из груды обрушенных камней, но я знал, что сбоку в склоне вход в подземный храм Митры, и, задумавшись, сам не заметил, как направился туда.

Вниз вели ступени, скользкие, треснутые. Одна выломалась и встала ребром, перегородив спуск, а в самом низу скопилась куча грязи и отбросов, оставленных крысами и бродячими псами. Стоял сильный запах сырости, гниения и давних действ, быть может, связанных с пролитием крови. Разрушенную стену над дверью избрали местом ночлега какие-то птицы, их помет выбелил последние ступени. Теперь эти белые потеки зеленели плесенью. Галка? Ворон Митры? Или мой тезка кречет-мерлин? Осторожно ступая по осклизлым камням, я приблизился к порогу старого храма.

Внутри стояла тьма, но свет дня просочился вслед за мною, и к тому же из какой-то прорехи в кровле тоже падал слабый луч, и я смог оглядеться. Здесь была та же мерзость запустенья, что и на лестнице. Только прочность каменных сводов уберегла это помещение, иначе его давно бы погребли навалившиеся сверху камни. Утварь тоже не сохранилась — жаровни, скамьи, резьба. Один голый остов, как и заброшенные руины наверху. Четыре малых алтаря были обрушены, но срединный, самый массивный, все еще прочно стоял на месте и на нем виднелась надпись: Mithrae invicto, «Митре непобежденному», но над алтарем, в апсиде, топор, молот и огонь уничтожили все следы повествования о быке и боге-победителе. От всей картины, изображавшей убиваемого быка, чудом уцелел один пшеничный колос в нижнем углу, резьба четкая, как новая. Кислый плесенный дух вызывал кашель.

Здесь подобало сотворить молитву ушедшему богу. Я стал произносить ее вслух, и голос мой отдавался от стен, но не эхом, а как бы ответом. Ну конечно. Я ошибался. Старый храм не пуст. Некогда он был свят и святость свою утратил, но что-то все же сохранилось и витало у хладного алтаря. Кислый дух — это не запах плесени. Это аромат незажженных курений, остывшего пепла, непроизнесенных молитв.

Когда-то и я был его слугой. А здесь, кроме меня, никого нет. Медленно вышел я на середину и простер раскрытые ладони.

Свет, краски, огонь. Белые одежды, песнопения. Рвущиеся кверху языки пламени. Рев умирающего быка и запах крови. А вверху, снаружи — сияние солнца в городе, ликуют толпы, приветствуя нового короля, слышен смех и топот маршрующих ног. Вокруг меня клубится густой аромат курений, и надо всем — голос, негромкий и спокойный: «Повергни наземь мой алтарь. Пришло время ему быть повергнутым».

Я очнулся, закашлявшись. Вокруг клубилась густая пыль, и грохот все еще отдавался в сводчатых стенах. Воздух дрожал и звенел. У моих ног лежал опрокинутый алтарь.

Все плыло у меня перед глазами. Как во сне, глядел я на дыру в полу, образовавшуюся на месте алтаря. В голове гудело, руки, вытянутые вперед, были перепачканы, на одной ладони из пореза текла кровь. Алтарь был тяжел, вырублен из цельного камня, в своем уме я бы никогда не поднял на него рук; и однако же, вот он лежал, повергнутый, передо мною, и отзвуки его падения замирали под сводами, и уже слышался шорох щебня, осыпающегося в образовавшуюся яму.

В глубине отверстия что-то виднелось: твердый край и угол, чересчур острый для камня. Ящик. Я опустился на колени и коснулся его.

Ящик был металлический и очень тяжелый, но крышка откинулась без труда. Тот, кто спрятал его здесь, полагался больше на божье береженье, чем на силу замка. Внутри мои пальцы нащупали сгнивший холст, расползавшийся от прикосновения, в нем — еще одна обертка, из промасленной кожи, а в ней — что-то длинное, и узкое, и гибкое. Наконец-то. Я бережно вынул меч и поднял его, обнаженный, на ладонях.

Сто лет назад они спрятали его здесь, те, кто вернулся из Римского похода. И теперь он сверкал у меня в руках, такой же блестящий, грозный и прекрасный, как в тот день, когда был выкован. И не диво, подумалось мне, что за эти сто лет он превратился в легенду. Легко верилось, что это произведение искусства седого кузнеца Веланда, который был стар еще до прихода римлян, его последняя работа перед тем, как он затерялся среди туманных холмов вместе с другими малыми богами лесов, рек и родников, уступив людные до-

лины картинным богам Греции и Рима. Я чувствовал, как из меча мне в ладони вливается сила, словно я держу их в воде, куда ударила молния. «Кто достанет тот меч из-под камня, и есть король всей Британии по праву рождения...» Слова были ясные, словно сказаны вслух, и сияли, словно насеченные на клинке. Я, Мерлин, единственный сын короля Амброзия, достал этот меч из-под камня. Я, в жизни не выигравший ни одного сражения, не командовавший даже отрядом, не умеющий управиться с боевым скакуном, а мирно разъезжающий на меринах и кобылах. Я, ни разу не возлежавший с женщиной. Я даже и не муж, а лишь глаза и голос. Лишь дух, как я сказал однажды, лишь слово, не более.

Этот меч — не для меня. Ему придется подождать.

Я снова обернул прекрасный клинок в жалкие обертки и стал на колени, чтобы уложить его обратно. Но ящик оказался глубже, чем я думал, в нем лежало еще что-то. Сквозь прорехи в холсте я разглядел мерцающую широкогорлую чашу-кратер, какие видел во время моих странствий к востоку от Рима. Она была из червонного золота и усажена изумрудами. Рядом с чашей блеснуло острие копья. Обнажился край блюда, украшенного сапфирами и аметистами.

Я наклонился, протянул руки с мечом. Но уложить его на место не успел, потому что тяжелая металлическая крышка ящика вдруг ни с того ни с сего с лязгом захлопнулась. От этого звука опять пробудилось эхо и обрушило со стен и из апсиды каскад камней и штукатурки. Я отшатнулся, и в мгновение ока отверстие в полу и ящик со всем содержимым оказались погребены под кучей щебня.

Я остался стоять на коленях, задыхаясь и кашляя в туче пыли и крепко держа в грязных, окровавленных руках запыленный, потускневший меч. С задней стены апсиды исчез последний след резьбы. Теперь это было лишь углубление в каменной кладке, гладкое и темное, как стена грота.

11

Паромщик в Дэве знал святого отшельника, про которого рассказывал мне кузнец. Оказалось, он живет в горах выше замка Эктора в Диком лесу. Хотя я боль-

ше не нуждался в наставлениях отшельника, от беседы с ним не могло быть худа, а его келья — часовня, как назвал ее паромщик — лежала у меня на пути и могла послужить мне пристанищем, покуда я не решу, когда и как мне предстать у графских ворот.

Не знаю, действительно ли обладание мечом давало волшебную силу, но дальше я ехал быстро, без препятствий и приключений. Прошла неделя, как мы с моей кобылой покинули Сегонтиум, и однажды в исходе зимнего дня мы неспешной рысью выехали на ровный травянистый берег широкого тихого озера, а на той стороне, высоко, как звезда среди древесных стволов, мерцал в ранних сумерках бледный огонек. К нему я и погнал мою лошадку.

Путь вокруг озера оказался неблизкий, и было уже совсем темно, когда я на усталой кобыле выехал по лесной тропе на поляну и увидел над живым и трепетным мраком леса черный недвижный клин — крышу часовни.

Часовня оказалась небольшим продолговатым строением, возведенным на самой опушке в дальнем конце поляны. Вокруг стеной стояли высокие, темные сосны под звездной крышей, а из-за сосен со всех сторон выглядывали снежные вершины, кольцом замыкавшие эту тихую ложбину. Сбоку на поляне было углубление в мшистых камнях, и в нем, как в чаше, стояла черная неподвижная вода — один из тех родников, что беззвучно бьют со дна. Было холодно, пахло сосной.

К дверям часовни вели обомшелые, разбитые каменные ступени. Двери были распахнуты, и в глубине горел ровный огонь. Я спешился и дальше повел кобылу в поводу. Она споткнулась о камень, громко брякнув подковой. Казалось бы, житель этих безлюдных мест должен был выйти и узнать, в чем дело; однако никто не появился. Лес стоял словно замерший: ни звука, ни шороха. Только звезды в вышине будто дышали, как бывает зимней порою. Я стянул с кобылы уздечку и пустил ее напиться из родника. А сам, подобрав полы плаща, поднялся по замшелым ступеням и вошел.

Помещение было небольшое, продолговатое, но с высоким сводчатым потолком. Странно было видеть такое сооружение в гуще леса — здесь живут в подслеповатых хижинах, если не в пещерах или расселинах между скал. Но это было святилище, предназначенное для обитания божества. Пол слагали каменные плиты, чистые и целые. Посредине, против двери, возвышался небольшой алтарь, а позади него

висел тяжелый занавес из плотного вышитого полотнища. Сам алтарь тоже был под покровом чистого грубого холста, а на нем стоял зажженный светильник, простая деревенская лампа, проливавшая, однако, ровный яркий свет. Ее недавно наполнили маслом, подровняли и подкрутили фитиль. Сбоку от алтаря на приступке стояла каменная чаша, какие использовались для жертвоприношений. Она была добела вычищена и налита свежей водой. С другого бока помещался черный металлический горшочек под крышкой, весь в отверстиях — в таких христиане жгут благовония. Воздух в часовне еще сохранял слабый смоляной аромат. У стены стояли три бронзовые незажженные лампы, три трехсвечника.

Больше в часовне ничего не было. Тот, кто содержал ее в чистоте и порядке, кто недавно заправил лампу и курил благовония, сам жил в другом месте.

Я громко воззвал:

— Есть тут кто-нибудь?

Эхо замерло под высоким потолком. Ответа не было.

В руке у меня оказался кинжал — каким образом, я даже не заметил. Когда-то я уже встречал вот такие же покинутые дома, и тогда это могло означать только одно; но то было в Вортигерновы времена, во дни Волка. Такой человек, как этот отшельник, живущий один в безлюдном месте, вверяет свою безопасность самой келье своей, святости ее стен, заступничеству ее бога. И обычно они надежно хранят его, так было по крайней мере во времена моего отца. Но потом наступили перемены, даже за те несколько лет, что прошли с его смерти. Утер — не Вортигерн, но порой можно было подумать, что возвращаются дни Волка. Наше время — буйное и дикое, полное военных тревог, но самое главное — изменяются верования и обязательства, и ум людской не поспевает их осознать. Среди моих современников есть люди, которые не задумаются убить хоть бы и прямо на алтаре. Но я полагал, что в Регеде этого нет, иначе бы не выбрал его пристанищем для Артура.

Тут мне пришла в голову одна мысль, я шагнул за алтарь и отдернул тяжелый занавес. Так и есть, за занавесом оказалось помещение, полукруглая ниша, где, как видно, хранились разные вещи, в полутьме я разглядел составленные вместе табуреты, банки с ламповым маслом, священные сосуды. В задней стене была пробита узкая дверца.

Я прошел через нее и очутился в каморке, где, как видно, жил тот, кто смотрел за часовней. Это была ма-

ленькая квадратная пристройка у задней стены, с низким оконцем и наружной дверью, открывающейся прямо в лес. Я прошел ощупью, отворил дверь. В свете звезд я увидел близкую стену сосен, а у порога — сарай и поленницу под навесом, больше ничего.

При отворенной двери я стал разглядывать каморку. Там стояла деревянная кровать, заваленная грудой шкур и одеял, рядом табурет, столик, на столике чашка и тарелка с остатками недоеденной пищи. Я взял в руки чашку — в ней было до половины налито слабое вино. На столе свеча расплавилась и застыла лужицей воска. Свечной чад еще чувствовался в воздухе, смешанный с запахами вина и остывшей золы в очаге. Я тронул расплывшийся воск — он был еще теплый.

Я вернулся в часовню. Встал у алтаря. Снова позвал. Высоко под потолком — одно против другого — зияли два незастекленных оконца, и хозяин должен был услышать меня, если отошел не очень далеко. Однако ответа по-прежнему не было.

Вдруг большим бесшумным призраком в окошко влетела огромная белая сова и описала круг в полусвете под потолком. Я разглядел хищный клюв, широко раскинутые мягкие крылья, вытаращенные слепые и мудрые глаза. И так же бесшумно, точно призрак, птица вылетела вон. Это была всего только *диллиан уэн*, белая сова, которая в тех краях гнездится в каждой башне, в каждой развалине, но у меня от страха похолодела спина. Снаружи донесся протяжный, душераздирающий, жуткий совиный крик, а вслед за ним слабым эхом прозвучал человеческий стон.

Если бы он не застонал, я бы не нашел его до света. Он был в черном плаще с капюшоном и лежал ниц на краю поляны под деревьями у родника. Кувшин, выпавший у него из рук, указывал, какое дело его туда привело. Я нагнулся и бережно перевернул его на спину.

Это был старец, худой, изможденный — одни кости, хрупкие, как у цыпленка. Я удостоверился, что все они целы, поднял старца на руки и внес в часовню. Глаза его были полуоткрыты, но в сознание он не приходил, при свете лампы видно было, что одна сторона его лица как-то скошена — словно рука ваятеля напоследок провела по мягкой глине и сгладила черты. Я уложил его на кровать, тепло укутал. Возле очага лежала растопка, а в золе покоился камень, который раскаляют в огне и употребляют для обогрева. Я принес еще дров, развел огонь и, когда камень разогрелся, выта-

щил его, обернул тряпицей и положил к ступням старца. Больше я пока ничего не мог для него сделать, поэтому, задав корму кобыле, я приготовил еду также и себе и устроился подле угасающего огня дожидаться наступления утра.

Четыре дня я ходил за ним, и ни одна живая душа не появлялась у часовни — только лесные звери, да дикие олени, да по ночам летала вокруг белая сова, словно ждала, когда пора будет сопровождать его душу в последний полет.

Я понимал, что он не поправится. Серые щеки его запали, вокруг рта легли те же синие тени, какие я видел на лицах умирающих солдат. По временам он, казалось, приходил в себя и сознавал мое присутствие. В такие минуты он бывал беспокоен, и я понимал, что его тревожит святилище. Я пытался заговорить с ним и уверить его, что все в порядке, но он как будто бы не понимал моих слов, и в конце концов я отдернул занавес, отделявший часовню от его каморки, так чтобы он сам мог видеть лампу, по-прежнему горевшую на алтаре.

Странное это было для меня время. Днем я хлопотал в часовне и ухаживал за старцем, а ночью почти все время бодрствовал над больным и вслушивался в его бессвязное бормотание, ловя в нем хоть какой-то смысл. У старца имелся небольшой запас крупчатой муки и вина, а в моих сумках было вяленое мясо и изюм, так что пищей я был обеспечен. Старец с трудом глотал, и я поддерживал в нем силы горячим вином с водой, а также особым отваром из целебных трав, которые у меня были с собой. Каждое утро я только диву давался, что он опять пережил ночь. Так я и жил, днем хозяйничал, а долгими ночными часами сидел над больным или же уходил в часовню, где постепенно выветривался запах курений и через оконца тянул лесной сосновый ветер, сбивая набок язычок пламени на фитиле.

Теперь, когда я вспоминаю это время, оно представляется мне как бы островом среди текучих вод. Или ночным сном, вносящим отдых и бодрость в дни трудов. Мне бы рваться в путь, чтобы поскорее увидеть Артура, потолковать снова с Ральфом и сговориться с графом Эктором, как, не выдавая тайны, включиться в Артурову жизнь. Я же ни о чем этом просто не думал. Глухая стена леса, ровный тихий светоч на алтаре, меч, спрятанный мною под стрехой сарая, — все это удерживало меня на месте, в благом ожидании. Человеку не дано знать, когда призовут или посетят его боги; но в иные

минуты верные слуги ощущают их приближение. Вот так было и тогда.

На пятую ночь, когда я внес охапку дров для очага, отшельник заговорил со мною. Он смотрел на меня с кровати, не в силах поднять голову, но взгляд его был спокоен и ясен.

— Кто ты?

Я опустил дрова на пол и подошел к его ложу.

— Мое имя — Эмрис. Я проезжал через этот лес и наткнулся на твое святилище. Тебя я нашел у родника, внес в дом и уложил на кровать.

— Я... помню. Я пошел по воду... — Видно было, каких усилий стоит ему это воспоминание, но сознание полностью вернулось в его глаза, и речь его, хотя и не совсем внятная, была достаточно вразумительна.

— Ты болен, — сказал я ему. — Не утруждай себя теперь. Я принесу тебе питье, а потом ты должен опять отдыхать. Вот у меня тут отвар, который укрепит твои силы. Я врач, не бойся и выпей.

Он выпил, и вскоре бледность его чуть отступила и дыхание стало легче. Я спросил, не больно ли ему, и он одними губами беззвучно ответил: «Нет». Потом он некоторое время лежал спокойно, глядя на свет лампы за порогом. Я подбросил дров в огонь и поднял изголовье больного, чтобы ему легче дышалось, а сам уселся рядом и стал ждать. Ночь была тиха; снаружи доносилось близкое уханье белой совы. Я подумал: «Тебе уже недолго осталось ждать, сестра». Около полуночи старец легко повернул ко мне голову и спросил:

— Ты христианин?

— Я служу богу.

— Ты будешь блюсти это святилище, когда меня не станет?

— Святилище будет блюстись. Даю тебе слово.

Он кивнул, удовлетворенный, и опять какое-то время полежал спокойно. Но я чувствовал, что его что-то томит, я видел заботу в глубине его глаз. Я подогрел еще вина, смешал с настоем трав и поднес к его губам. Он поблагодарил меня вежливо, но рассеянно, словно думал о чем-то другом. Взгляд его снова устремился к освещенной двери в святилище.

Я сказал:

— Если хочешь, я съезжу вниз и привезу тебе христианского священника. Только тебе придется объяснить мне, как ехать.

Он покачал головой и снова закрыл глаза. Немного погодя он жалобно спросил:

— Ты слышишь их?

— Я слышу только сову.

— Нет, не ее. Других.

— Кого — других?

— Тех, кто толпится у дверей. Иногда в летнюю ночь они кричат, как молодые птицы или как отары на отдаленных холмах. — Он повернул голову из стороны в сторону. — Не дурно ли я поступил, что закрылся от них?

Я понял его. Я вспомнил жертвенную чашу у алтаря, родник за стеной, незажженные девять светильников — атрибуты древнейшей из религий. И белую парящую тень в сумеречных верхушках сосен, кажется, тоже. Да, здесь, как подсказывала мне моя кровь, место было свято еще с незапамятных времен. Я тихо спросил:

— Чье здесь было святилище, отец?

— В старину оно звалось святилищем деревьев. Потом — святилище камня. Потом оно носило еще одно имя... а сейчас селяне внизу называют его Зеленая часовня.

— А то что было за имя?

Он поколебался, потом ответил:

— Святилище меча.

Я почувствовал холод в затылке, словно к нему прикоснулся клинок.

— Почему, отец? Тебе известно?

Минуту он молчал, прикидывая что-то в мыслях, не отводя от меня внимательных глаз. Потом еле заметно кивнул, словно принял решение:

— Ступай к алтарю и сними с него покров.

Я послушался, переставил горящую лампу на приступку и снял покров, которым алтарь был закутан до самого основания. Я уже и раньше заметил, что это не обычный христианский алтарь в виде стола — он был выше, мне по грудь, и формой напоминал римский алтарь. Теперь я в этом удостоверился. Точно такой же я видел в Сегонтиуме, посвященный Митре. В виде стоящей плиты с завитками по краю, обрамляющими выбитую надпись. Здесь тоже была когда-то надпись, но теперь она бесследно исчезла. Сверху еще можно было разобрать invicto и Mithrae, но на боковой поверхности, на месте обычных слов оказалось изображение меча, и его крестообразная рукоять приходилась точно на средину ал-

таря. Прежние буквы были стесаны, длинный клинок выступал поверх всего высоким рельефом. Резьба была грубая, но четкая и знакомая моему взгляду, как рукоять меча была уже знакома моему прикосновению. И, глядя на него, я вдруг понял, что это перекрестье в камне — единственный крест во всей часовне. Над ним имелось только посвящение Митре Непобежденному. А в остальном алтарь был гол.

Я вернулся к ложу старца. В глазах его было ожидание и вопрос. Я сказал:

— Что делает здесь Максенов меч, выбитый вместо креста на алтаре?

Веки его опустились и тут же снова легко поднялись, вздох облегчения сорвался с губ.

— Так. Это ты. Ты послан сюда. Давно пора было. Сядь, и я тебе все расскажу.

Я сел, и он заговорил голосом, достаточно крепким, но тонким и натянутым, точно проволока:

— У меня как раз достанет времени тебе все поведать. Да, ты прав, это меч Максена, того, что звался у римлян Максимом, был императором в Британии еще до появления саксов и женился на британской принцессе. А меч его, рассказывают, выкован к югу отсюда из железа, добытого на Снежном Холме близ морского побережья, а закален в ручье, что бежит с того холма в море. Это меч верховного короля Британии, он предназначен для защиты Британии от врагов.

— Так что, когда он взял его с собой в Рим, там его чудесная сила иссякла?

— Дивно еще, что он не сломался у него в руке. Но после гибели Максена меч привезли обратно в Британию, и теперь он дожидается короля, который сможет его найти и, найдя, поднять.

— И тебе известно, где его спрятали?

— Я не знал этого, но, когда юным отроком я пришел сюда служить богам, хранитель алтаря говорил мне, что меч перенесли обратно в ту землю, где он был создан, в Сегонтиум. Он рассказывал, как все это было, в этом вот самом месте, только давно, задолго до его времени. Это было... это было после того, как император Максен пал под Аквилеей, что у Срединного моря, и те из британцев, кто остался в живых, возвратились домой. Они перебрались через Бретань и высадились на западном берегу, а дальше двигались по дороге через холмы и как раз проходили поблизости от-

сюда. Среди них были поклонники Митры, и, увидав святое место, они остановились здесь, чтобы вознести молитвы в летнюю полночь. Но больше было христиан, и один из них даже священник, и потому, когда те помолились, единоверцы попросили его отслужить обедню. Но у него не было ни креста, ни чаши, только вот этот алтарь, как видишь ты его сегодня. Тогда они посовещались между собой, отошли к своим коням и достали из сум неисчислимые сокровища.

Среди тех сокровищ был меч и чаша — большой кратер, грааль из земли греческой, широкий и глубокий. Меч поставили, прислонив к алтарю, вместо креста и испили из грааля, и, как рассказывали потом люди, все, кто в тот день здесь был, утолили дух свой. Золото они оставили для святилища, меч же и грааль оставить не могли. Один из них взял молоток и долото и выбил на алтаре изображение, которое ты видел. А потом они сели на коней и уехали, и больше их не видели в этом краю.

— Странный рассказ. Я никогда прежде его не слышал.

— Никто его не слышал. Хранитель святилища поклялся старыми и новыми богами, что не скажет ни слова никому, кроме того, кто будет здесь его преемником. Так, в свой черед, узнал об этом и я. — Он помолчал. — Я узнал, что придет день, когда меч вернется сюда и опять послужит крестом при алтаре. Вот почему я так заботился о том, чтобы в святилище не осталось ничего лишнего. Вынес светильники и жертвенные чаши и выкинул в озеро кривой нож. Над жертвенным камнем теперь выросла трава. Я выгнал сову, которая гнездилась под крышей, достал из родника серебряные и медные монеты и роздал бедным. — Опять наступило молчание, такое долгое, что я уже подумал было, что старца не стало. Но вот его глаза снова открылись. — Правильно ли я поступал? — спросил он.

— Откуда мне знать? Ты делал то, что полагал правильным. Больше, чем это, кто может сделать?

— А ты что будешь делать?

— То же самое.

— И то, что я рассказал тебе, не откроешь никому, кроме тех, кому надлежит об этом знать?

— Обещаю.

Он полежал тихо, но лицо его оставалось озабоченным и взгляд — устремленным на вещи давние и дальние. Потом, почти незаметно, но неколебимо, как человек, всту-

пающий в холодную воду, чтобы перейти на тот берег, он принял решение.

— Покров все еще снят с алтаря?

— Да.

— Тогда засвети девять светильников, наполни чашу маслом и вином и открой двери в лес, а меня перенеси и положи так, чтобы мне еще раз увидеть меч.

Я знал, что, если подыму его, он умрет у меня на руках. Дыхание его тяжело вырывалось из тощей груди, сотрясая все его тщедушное тело. Он опять, теперь уже с трудом, повернул голову.

— Поспеши. — Я колебался, и страх мелькнул в его взгляде. — Говорю тебе, я должен его видеть. Сделай, как я сказал.

Я подумал про святилище, из которого выкинуты все древние святыни, подумал о настоящем мече, спрятанном мною вместе с королевским золотом под стрехой сарая. Но было уж поздно и для этого.

— Я не могу поднять тебя, отец, — сказал я ему. — Но ты лежи спокойно. Я перенесу к тебе алтарь.

— Но как?.. — начал было он, но осекся. Взгляд его выразил изумление. — Тогда перенеси его поскорее, — шепнул он. — А потом отпусти меня.

Я встал на колени возле его ложа и, отворотясь от него, стал смотреть на красную сердцевину пламени. Прогоревшие поленья рассыпались кристаллами искр, образуя ослепительный огнедышащий шар. Рядом со мною билось тяжелое дыхание умирающего, как мучительные пульсы моей крови. Острая боль стучала у меня в висках, жгла и разрасталась в животе. По лицу струился пот, кости дрожали в ножнах плоти, а между тем у темной голой стены напротив я толику за толикой, дюйм за дюймом возводил для старца алтарную плиту. Она медленно поднималась и загораживала огонь в очаге. Каменная поверхность ее переливалась и мерцала, вокруг рябили и наплывали волны света, словно каменная плита плыла по освещенной солнцем воде. Потом, один за другим, я зажег девять светильников, и они поплыли вместе с плитой, будто болотные огни. В чаше заплескалось вино, из курильницы повалил благовонный дым. «Invicto», — начертал я на камне и, весь в поту, стал подбирать имя для бога. Но ничего не приходило в голову, кроме одного только слова «Invicto». Потом меч выступил из камня, словно вспорол ножны,

клинок белой стали, и вдоль него, в бликах водянистого света, из-под драгоценной рукояти — руны, сложившиеся в слово: «...непобежденному...»

Было утро, просыпались птицы. В каморке и в часовне было тихо. Старец почил, отошел незаметно, как и те видения, что я для него вызвал. А я, с трудом разогнувшись, измученный и вялый, побрел в часовню натянуть покров на алтарь и подправить фитиль в лампе.

КНИГА ТРЕТЬЯ
МЕЧ

1

Обещая старцу позаботиться о его святилище, я вовсе не имел в виду, что стану блюсти его сам. В одной из долин близ замка графа Эктора расположен небольшой монастырь, где нетрудно будет, как я полагал, найти желающего стать блюстителем часовни. Это не значило, впрочем, что я должен буду передать ему тайну меча: она принадлежала мне, и окончание его истории было в моих руках.

Но шли дни, и я раздумал обращаться к монашеской братии. Поначалу у меня просто не было такой возможности, зато оказалось много времени для размышлений.

Я похоронил старца, и как раз вовремя: на следующий день выпал снег, лег на землю мягко, глухо и глубоко, одев белым саваном лес и засыпав все пути, связывавшие часовню с остальным миром. По правде сказать, я обрадовался заточению: пищи и дров было вдоволь, а мы оба с кобылой нуждались в отдыхе.

Снег пролежал недели две с лишком. Я потерял счет дням, зная только, что пришло и миновало Рождество, наступил Новый год. Артуру сравнялось девять лет.

Так, поневоле, я стал блюстителем святилища. Я понимал, что тот, кто потом придет на смену старцу, постарается опять изгнать из часовни все следы чуждых ему религий, я же пока что распахнул ее двери всем богам. Пусть входят, кому нужда. Я убрал покров с алтаря, начистил три бронзовые лампы, расставил их вокруг и зажег девять светильников. Камнем и родником мне предстояло заняться позже, когда стает снег. Не удалось мне также разыскать жертвенный нож, чему я про себя был рад: зазывать в часовню эту богиню у меня не было особой охоты. В ее жертвенной чаше я держал сладкую свежую воду и по утрам и вечерам сжигал щепотку благовоний.

Белая сова прилетала и улетала, когда ей вздумается.

На ночь я затворял дверь от холода и ветра, но никогда не запирал, а днем она всегда стояла распахнутая, отбрасывая на снег отблески огней.

Вскоре после зимнего солнцеворота снег растаял, и в лесных топях снова открылись черные тропы. Но я все медлил. У меня было вдоволь времени все обдумать, и я заключил, что в эту часовню меня привела та же рука, что и в Сегонтиум. Можно ли найти место лучше этого, где я мог бы жить вблизи от Артура, не привлекая ничьего внимания? Здесь мне так удобно будет спрятаться. Жители питают к таким местам священный ужас — а заодно и к отшельникам, их охраняющим. «Святой человек в лесу» ни у кого не вызовет подозрения. Пройдет слух, что в часовне живет новый, молодой отшельник, но местные предания уходят в глубокую старину, люди привыкли, что каждый святой старец, умирая, оставлял после себя преемника, и скоро я в свою очередь стану просто «отшельником Дикого леса», какие были и до меня. А обосновавшись в часовне, я займусь лечением больных и смогу спускаться в деревни за провизией, разговаривать с людьми и так узнавать новости, и рано или поздно до графа Эктора дойдут известия о том, что я поселился в Диком лесу.

Через неделю после того, как стаял снег, когда я еще не решался вывести Ягодку на топкую черную тропу, ко мне явились гости. Двое жителей леса: низкорослый коренастый мужчина в плохо выделанных оленьих шкурах, издававших неприятный запах, и девушка, его дочь, закутанная в грубошерстное полотнище. Они были такие же смуглые и черноглазые, как и жители холмов в Гвинедде, но притом еще обветренное темное лицо девушки было осунувшимся, бескровным. Она страдала, хотя и немо, как животное, — не дернулась, не издала ни звука, когда отец размотал ветошь у нее на руке, от локтя до запястья раздувшейся и почерневшей от яда.

— Я обещал ей, что ты ее исцелишь, — просто сказал мужчина.

Я ничего не ответил на это, но взял ее руку и ласково обратился к ней на древнем языке. Она отшатнулась в страхе, когда я объяснил мужчине — его звали Маб, — что должен нагреть воды и прокалить в огне нож, и он ввел ее в мое жилище. Я взрезал опухоль, очистил и перевязал рану. Продолжалось это довольно долго, и за все время девушка не издала ни звука, только бескровное лицо ее под слоем грязи еще больше побледнело, поэтому, сделав перевязку, я подо-

грел им обоим немного вина и вынес последние запасы изюма и несколько ячменных лепешек. Лепешки были моего собственного приготовления — я припомнил, как пекли их дома слуги, и попытался им подражать. Первое мое печево было малосъедобно, даже размоченное в вине, но постепенно дело у меня пошло на лад, и теперь я с гордостью наблюдал, как Маб и его дочка едят и тянутся взять еще. Вот так, от магии и божественных голосов до ячменных лепешек, и этим самым низменным из моих искусств я гордился не меньше, чем другими.

— Ну, — сказал я Мабу, — так вы, выходит, знали, что я здесь?

— Слух прошел по лесам. Нет, ты не смотри так, Мирддин Эмрис. Мы никому не передаем. Но мы следуем за каждым, кто движется лесом, и знаем все, что происходит.

— Да. В этом ваша сила. Мне говорили. Мне еще придется, быть может, к ней прибегнуть, покуда я сижу в этой часовне.

— Наша сила — к твоим услугам. Ты возжег здесь старые светильники.

— Тогда поведай мне, что слышно на свете.

Он выпил и утерся.

— Зима прошла спокойно. На побережьях тихо — благодаря штормам. На юге шли сражения, но кончились, и границы восстановлены прежние. Цисса уплыл на корабле обратно в Германию. Аэлле с сыновьями остался. На севере мир. Правда, Гвартегидд повздорил с отцом своим Кау, ну да это племя отродясь не сидело спокойно. Он убежал в Ирландию, но это все пустое: Еще говорят, Риагат в Ирландии у Ниалла. Ниалл задал пир Гилломану, и теперь между ними мир.

Это было голое перечисление фактов, и говорилось все без понимания и выражения, будто заученное наизусть. Но я смог разобраться, о чем идет речь. Саксы, Ирландия, пикты на севере: угрозы со всех сторон, но, кроме угроз, ничего — пока что.

— А король? — спросил я.

— Король в себе, но не тот, что был. Раньше был храбр, теперь зол. Приближенные его боятся.

— А сын короля? — Я ждал ответа. Много ли знают эти люди?

Черные глаза посмотрели загадочно.

— Он, слышно, находится на Стеклянном острове, но тогда что делаешь здесь ты, Мирддин Эмрис?

— Смотрю за святилищем. Чтобы ты мог зайти, когда вздумаешь. Чтобы каждый мог зайти.

Он промолчал. Его дочь сидела на корточках у очага и смотрела на меня уже без всякого страха. Она поела и еще украдкой сунула несколько лепешек себе за пазуху. Я посмеялся про себя.

Я спросил у Маба:

— Если мне понадобится послать весть, ваши люди возьмутся ее доставить?

— С охотою.

— Даже королю?

— Мы так устроим, что она дойдет до короля.

— А теперь про сына короля, — сказал я. — Ты говоришь, вы знаете все, что происходит в лесу. Если моя магическая сила доберется до сына короля в его укрытии и привлечет его ко мне, будет ли он в безопасности, проезжая через лес?

Он сделал странный знак, который у меня на глазах делали раньше люди Ллида, и кивнул:

— Он будет в безопасности. Мы позаботимся об этом. Ты ведь обещал Ллиду, что он будет и для нас королем, а не только для жителей городов юга?

— Он будет король для всех, — ответил я.

Рука его дочери, как видно, заживала хорошо, потому что больше он ее ко мне не приводил. Через два дня у моей задней двери появился свежезабитый фазан и мех с медвяным пивом. Я в ответ расчистил снег с жертвенного камня и поставил чашу в нише над родником. На глаза мне по-прежнему никто не попадался, но я заметил кое-какие следы, и ячменные лепешки, оставляемые мною у порога от свежей выпечки, всякий раз к утру исчезали, а взамен появлялись разные приношения: олений бок, например, или ползайца.

Как только лесные тропы достаточно просохли, я оседлал Ягодку и поехал в Галаву. Путь шел вдоль речки, а потом вокруг озера. Это было озеро небольшое, много меньше того, над которым стояла Галава, наверное, в милю длиной и в треть мили шириной, и лес со всех сторон подступал к самой воде. Я уже доехал до середины, и вдруг посреди озера, но ближе к тому берегу, я увидел небольшой, густо поросший деревьями остров, словно кусочек окрестных лесов, оторванный и заброшенный в тихую заводь. Остров был скалистый, деревья теснились на валунах, обступая высокий обрывис-

тый утес, возвышавшийся посредине. Серый каменный утес, еще припорошенный последним снегом, стоял на островке как настоящий неприступный замок. В свинцовом свете безветренного дня слегка поблескивали его скальные бастионы. Остров, казалось, плавал на воде над своим отражением, и перевернутые башни уходили в тихую глубину, к самому сердцу озера.

У дальнего конца озера речка снова вытекала, помолодевшая, многоводная после таяния снегов, и бежала резво и решительно в Галаву, прокладывая себе путь среди тростников и черных болотистых низин между рядами ивняка и ольшаника. Еще через милю долина расширялась, болота уступили место полям и жилищам поселян, а под защитой замковых стен жались ремесленные слободки. Позади замка, принадлежавшего графу Эктору, между черными голыми деревьями сквозила серая холодная гладь большого озера, оно тянулось на запад сколько хватал глаз и сливалось с суровым небом.

Первая сельская усадьба, которая попалась мне на пути, была расположена чуть отступя от речного берега. Это не была настоящая ферма, разбитая по римскому плану, как у нас на юге и юго-западе, а простой крестьянский дом, к каким я привык здесь, на севере, — кучка круглых строений, побольше и поменьше, от жилого дома и до сараев для скота и птицы, теснящихся в кольце прочной ограды из дерева и камня. Пес у ворот зашелся лаем, натягивая цепь. В дверях сарая появился мужчина — хозяин, судя по одежде — и уставился на меня, не переступая порога. Он держал в руке большой садовый нож. Я натянул поводья и выкрикнул приветствие. Он вышел мне навстречу с выражением любопытства, но и настороженности, какую постоянно приходилось видеть теперь у людей при появлении незнакомца.

— Куда ты держишь путь, господин? В графский замок в Галаве?

— Нет. До ближайшего дома, где я смогу купить себе пищу — мяса и лепешек и, может быть, немного вина. Я еду из лесной часовни, что стоит там, наверху. Ты ее знаешь?

— Кто же ее не знает. Как поживает старец, добрый человек Проспер?

— Он умер на Рождество.

Селянин перекрестился.

— Ты был с ним?

— Да. А теперь блюду святилище. — В подробности я не стал вдаваться. Если он заключит, что я прожил там какое-то время и помогал старцу, тем лучше. — Мое имя Мирддин, — сказал я ему. Я решил не добавлять «Эмрис». Имя Мирддин достаточно распространено на западе и не обязательно должно связываться с пропавшим Мерлином; с другой стороны, если Артур все еще зовется здесь Эмрис, могут обратить внимание, что появился какой-то приезжий человек, носящий такое же имя, и находится при мальчике.

— А-а, Мирддин. Откуда же ты?

— Я до этого жил в пещерном святилище Дифеде.

— Понятно. — Он обвел меня взглядом, счел неопасным и кивнул. — Что ж, каждому свое. Надо думать, твои молитвы приносят такую же пользу, как и меч графа в грозное время. А графу известно о перемене в часовне?

— Я еще никого не видел. Сразу после кончины Проспера выпал снег. А что он за человек, граф Эктор?

— Хороший господин и хороший человек. И госпожа хорошая, ему под стать. Ты не будешь испытывать лишения, покуда лес принадлежит ему.

— Есть у него сыновья?

— Двое, и оба парнишки на славу. Да ты их небось скоро увидишь, вот только установится погода. Они что ни день ездят в лес. А граф, как вернется домой, непременно за тобою пошлет. Сейчас-то он в отъезде, и старший сын с ним. Их ждут обратно с весной. — Он отвернулся от меня, позвал, и на порог дома вышла женщина. — Катра, вот новый хранитель часовни. Старый Проспер недавно помер. Ты правильно говорила, что он до Нового года не дотянет. Найдется у тебя несколько хлебов нынешней выпечки и мех вина? Добрый господин, перекуси пока с нами, а тем временем вынут печево с пода.

Я принял приглашение и воспользовался их гостеприимством. Здесь я нашел все, в чем нуждался: хлеб и муку и мех с вином, овечье сало для изготовлении свечей, масло для лампы и корм для кобылы. Расплатился, и Федор — так он назвался — помог мне упаковать припасы в седельные сумки. Вопросов я больше не задавал, но внимательно слушал все, что он рассказывал, а потом, вполне довольный, поехал обратно в часовню. Сведения о моем появлении дойдут до Эктора, и имя тоже, и уж кто-кто, а он сразу же сопоставит нового отшельника в Диком лесу с тем

Мирддином, что с наступлением зимы в один прекрасный день исчез из холодных пещер Уэльса.

В начале февраля я опять спустился вниз, на этот раз заехал прямо в селение, и оказалось, что жители уже наслышаны обо мне и, как я и думал, приняли мое присутствие в лесу как должное. Отыщи я себе пристанище где-нибудь в деревне или в замке, я бы до сих пор, конечно, был бы для них «тот приезжий человек» и «чужак» и обо мне судачили бы все кому не лень; но святые отшельники — люди особенные, они часто перебираются с места на место, и добрым поселянам это не в диковину. Я с облегчением узнал, что наверх, в часовню, они никогда не ездят, это место своей древней святостью пугает их. Они почти все христиане и за душевным утешением обращаются к святой братии в близлежащий монастырь, но старые верования так легко не умирают, и я внушал им, наверное, больше трепета, чем сам аббат.

Та же древняя святость одевала в их представлении, как я узнал, и скалистый остров посреди озера. Я спросил о нем одного из лесных жителей. Название этого острова, сказал он мне, Каэр Банног, что значит «замок в горах», и в нем, согласно поверьям, обитает Крошка Билис, король Загробного царства. Островок может ни с того ни с сего исчезать и появляться, может плавать на воде невидимо для глаз, будто бы сделанный из стекла. К нему никто не рискует приблизиться. Люди, правда, удят рыбу в озере, и на тучных лугах в западном конце долины пасутся стада, но остров объезжают стороной. Как-то одного рыбака забросило туда штормом, и он провел на островке ночь. А когда возвратился домой, то оказался не в своем уме, толковал, что будто бы целый год жил в огромном замке из стекла и золота, где невиданные ужасные чудовища караулят сокровища, которым нет счета. За сокровищами этими так никто и не съездил, потому что рыбак, не приходя в себя, через неделю помер. С тех пор на остров никто ни ногой, и хотя, как говорят, ясным вечером на закате замок бывает отлично виден, подгребешь поближе — и он бесследно исчезает, а стоит ступить на берег, как остров тут же и потонет.

Такими пастушескими баснями лучше не пренебрегать. Я давно уже подумывал о здешнем «стеклянном острове», который оказался прямо у меня под боком, прикидывал, будет ли он со своей зловещей славой достаточно надежным укрытием для меча Максена. Пройдет еще несколько лет, прежде чем Артур вырастет и сможет поднять меч Британии, а

до тех пор небезопасно, да и не подобает, хранить его запрятанным под стрехой хлева при часовне в дальнем лесу. Чудо еще, думалось мне, что от него до сих пор не загорелся, не вспыхнул сухой тростник кровли. Если это в самом деле меч королей Британии и если Артур в самом деле станет тем королем, которому суждено поднять этот меч, то пусть до поры до времени меч дожидается его в священном и издревле волшебном месте наподобие того, где он был мною найден. А настанет срок, и юный король разыщет его, ведомый свыше, как был ведом я. Потому что я — орудие бога, но не десница его.

Вот я и думал про этот остров. Думал, думал и в один прекрасный день принял решение.

В марте я в третий раз спустился в деревню, чтоб пополнить свои запасы. Когда я ехал обратно берегом озера, как раз садилось солнце и легкий туман заклубился над водой. Из-за этого островок казался отдаленным и как бы плавающим на поверхности озера, так что легко было представить себе его волшебным, готовым затонуть под ногой. Лучи пылающего заката падали на отвесные утесы, и они выступали, алые, из темной завесы окружающих деревьев. В этом освещении причудливые каменные очертания и впрямь напоминали башни и бастионы солнечного замка, возвышающегося над лесом. Я любовался им и вспоминал старинные поверья, потом поглядел снова и, вытаращив глаза, резко натянул поводья. Там, за блестящей гладью вод, из зыбкого тумана выступала башня моего видения, Максенова Башня, неразрушенная, целая, сложенная из закатного света. Башня меча.

На следующий день я перевез меч туда. Туман скопился еще гуще прежнего и скрывал меня от любого любопытного глаза.

Остров находился менее чем в двухстах ярдах от южного берега озера. Я хотел было пустить Ягодку вплавь, но оказалось, что там глубины ей всего по грудь. Озеро лежало тихое и гладкое, как стекло. Несколько осторожных всплесков — так переходят воду дикие олени, — и мы перебрались на тот берег, не встретив никого, если не считать пары уточек-нырков да цапли, которая пролетела мимо в тумане, плавно взмахивая крыльями.

Оставив кобылу пастись у берега, я взял меч и поднялся с ним сквозь заросли к подножию отвесного утеса. Наверное, я знал заранее, что там увижу. Кусты и молодая

древесная поросль вплотную подступали к каменистой осыпи под скалами, но, еще не одетые листвою, они не могли скрыть от взгляда узкого отверстия пещеры, круто уходящей в глубину. Я захватил с собою факел. И теперь, запалив его, по тесному проходу спустился в грот у глубинных оснований утеса, недоступный для дневного света.

У ног моих лежала черная, недвижная гладь воды, покрывшей дно грота. В дальнем конце виднелась плоская каменная глыба, естественного ли происхождения или обтесанная человеческой рукой, трудно сказать; но она стояла там наподобие алтаря, а сбоку в камне было выдолблено углубление в виде чаши. В нем накопилось полно воды, и в дымном свете моего факела она казалась красной, как кровь. Вода скапливалась и на потолке и падала там и сям вниз медлительными каплями. Шлепаясь о черную поверхность подводного озерка, они издавали тихий звук, подобный звону тронутой струны, и эхо расходилось кругами вместе со светом факела. Там же, где они глухо падали на камень, образовывались не впадины, а, наоборот, воздвигались столбы, а над ними нависали массивные каменные сосульки, которые росли навстречу столбам. Не грот, а настоящий храм, с беломраморными колоннами и стеклянным полом. Даже я, пришедший сюда по праву и обладающий защитной силой, почувствовал, как у меня зашевелились волосы на голове.

«По воде и по суше лежит его путь на родину, и оставаться ему скрытым в плавучем камне, покуда огнем не подымется вновь». Так вещали Древние, и они, как и я, с первого взгляда узнали бы этот грот. Как я и как те злосчастные рыбаки, которые возвращались из Потустороннего мира и бредили чертогами Черного короля. Здесь, в преддверье царства Билиса, будет лежать сокрытым от всех глаз этот меч, пока не явится юноша, которому дано будет его поднять.

Я вошел в черную воду. Дно круто уходило вниз, озерко становилось все глубже. Позади каменной плиты потолок грота смыкался с водой — дальше узкий проход терялся в подводных глубинах. Вода рябила и плескалась вокруг плиты, и эхо расходилось кругами по стенам, обтекая каменные колонны. Вода была ледяная. Я положил меч, завернутый, как он был, когда я его нашел, подальше на плоский камень. Потом перешел через озерко обратно. В гроте звенело эхо. Я постоял, пока оно не утихло до ровного гуденья, потом

замерло совсем. И сделалось так тихо, что даже дыхание мое казалось неуместным вторжением в эту тишину. Оставив меч немо ожидать своего часа, я поспешил обратно на свет дня. Тени расступились, и я беспрепятственно вышел наружу.

2

Наступил апрель, когда ожидалось возвращение Эктора. Первую неделю месяца лили дожди и дули ветры — совсем зимняя непогода, лес гудел, как штормовое море, часовню продували сквозняки, пламя девяти светильников пласталось и чадило. Белая сова сидела на яйцах под крышей и поглядывала вниз.

Но однажды ночью я проснулся от тишины. Ветер упал, замолчали сосны. Я встал, накинул плащ и вышел. Луна смотрела свысока, а Медведица на севере плыла так низко и сияла так ярко, что казалось, протяни руку — и достанешь, только обожжешься. Кровь моя бежала в жилах свободно и легко, я чувствовал себя чистым, умытым, как обступивший меня лес. Остальную часть ночи я спал не больше, чем юный любовник, а с первым светом встал, утолил голод и пошел седлать Ягодку.

В ясное небо всплыло блистательное солнце и свежими лучами залило поляну. Капли вчерашнего дождя разноцветно переливались на отяжелевших травинках и на тугих кулачках молодых папоротников, падали и всходили паром с веток сосен, наполнявших воздух хвойным благоуханием. А выше их зеленых верхушек со всех сторон дымились белые вершины гор.

Я вывел кобылу из сарая и как раз подносил седло, как вдруг она перестала щипать траву, подняла голову и навострила уши. А через несколько секунд и я услышал то, что вспугнуло ее: стук копыт, приближающихся быстрым галопом — на таком галопе недолго и шею сломать на горной тропе, извивающейся по корням, под нависшими ветвями. Я опустил седло на землю и стал ждать.

Ладная вороная лошадь вылетела на полном скаку, с закинутой на натянутых поводьях головой, осела на круп в трех шагах от меня, и в то же мгновенье мальчик, плашмя

лежавший у нее на спине, соскользнул с седла наземь. Лошадь была в мыле, с удил капала пена. Раздутые ноздри рдели. Видно, немалых трудов стоил этот головоломный галоп и такая резкая остановка. Сколько же ему? Девять? В его возрасте я ездил на пузатой лошадке, которая и в рысь-то переходила, только если ее пнуть хорошенько.

Он одной рукой подобрал поводья и удержал лошадь, рвавшуюся к водопою. Проделывалось это машинально, а все внимание гостя было устремлено на меня.

— Это ты — новый святой?

— Да.

— Проспер был моим другом.

— Мне очень жаль.

— Ты не очень-то похож на отшельника. Ты правда теперь смотришь за часовней?

— Да.

Он, задумчиво закусив губу, разглядывал меня. Взвешивал, оценивал. И под взглядом этого мальчика, как еще никогда в жизни, я ощутил трепет в груди и, усилием воли сдержав волнение, заставил сердце биться ровно. Я ждал. Я знал, что по лицу моему ничего не заметно. Мальчик видел перед собой безобидного, безоружного человека, который седлает неприметную лошаденку, чтобы ехать в долину за припасами.

Наконец он счел возможным попросить:

— Ты никому не расскажешь, что видел меня?

— А разве за тобой кто-то гонится?

Губы его изумленно приоткрылись. По-видимому, от меня ожидалось что-нибудь вроде «Слушаюсь и повинуюсь, господин». Но тут он тревожно вскинул голову, и тогда я тоже услышал приближающийся перестук копыт, негромкий, по мшистой земле. Кто-то торопился сюда, но все-таки скакал не так быстро, как мой гость на вороной.

— Ты меня не видел, помни! — Рука его потянулась было к кошельку, но на полпути задержалась. Сверкнула широкая улыбка и поразила меня: до этой секунды он был вылитый Утер, но такая светлая улыбка — это от Амброзия, и темные глаза — тоже Амброзиевы. Или мои.

— Прости, — выговорил он вежливо, но торопливо. — Поверь, я не делаю ничего дурного. Ну то есть ничего особенного. Я потом дам себя поймать. Но он не позволяет мне ездить так, как мне нравится.

Он ухватился за луку седла, готовясь вскочить на лошадь.

— Если ты скачешь так по здешним тропам, — сказал я, — то ничего удивительного, что он не позволяет. Но зачем тебе уезжать? Ступай в часовню, а я собью его со следа и коня твоего поставлю где-нибудь, пусть остынет.

— Я так и знал, что ты не святой, — сказал мальчик тоном похвалы и, бросив мне поводья, скрылся в задней двери.

Я отвел вороную в сарай и запер. Постоял минутку на пороге, дыша тяжело и часто, как человек, только что выплывший из штормовых волн. Десять лет я ждал этой минуты. Я проложил Утеру дорогу через тинтагельские стены и убил Бритаэля, начальника крепости, не испытав такого сердцебиения. Так или иначе, он здесь. Теперь посмотрим. Я пошел к опушке, навстречу Ральфу.

Он выехал на поляну один, крупной рысью, припадая к самой гриве рослого каурого коня. Вид у него был взбешенный. На щеке рдела царапина — наткнулся на ветку.

Наверно, его ослепил солнечный свет, заливавший поляну. Я уж думал, что он на меня наедет. Но потом он все-таки разглядел, что я стою на пути, и осадил коня, с силой натянув поводья.

— Эй, ты! Тут не проезжал только что мальчик?

— Проезжал, — негромко ответил я и протянул руку к его поводу. — Ты погоди, не торопись...

— Прочь с дороги, глупец! — Каурый, почуяв шпоры, взвился на дыбы, вырвав у меня повод. И в это же мгновение Ральф, потрясенный, вымолвил: — Господин! — и успел повернуть лошадь. Копыта мелькнули в двух дюймах от моей головы. Ральф соскользнул с седла так же легко, как и мальчик Артур, и потянулся было целовать мою руку.

Я успел ее отдернуть:

— Нет. И быстро подымись с колена, друг. Он здесь и видит нас.

— Милосердный Иисусе! Я чуть было не наехал на тебя! Солнце слепило мне глаза — я тебя не узнал!

— Я так и понял. Однако не очень-то радушную встречу оказал ты новому отшельнику, Ральф. Здесь на севере у всех такие манеры?

— Господин... господин! Прошу меня простить. Я был зол... — И пояснил чистосердечно: — Он просто дурачил меня. Я иногда различал его впереди, а догнать все равно не мог. Ну и я... — Но тут до него дошел смысл

моих слов. Он не договорил и сделал шаг назад, оглядывая меня с головы до ног и словно не веря своим глазам. — Новый отшельник? Ты? То есть ты и есть Мирддин, что поселился при часовне? Ну конечно! Какой же я глупец! Мне и в голову не пришло. И никому другому тоже, можешь быть уверен. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь высказал предположение, что это сам Мерлин.

— И надеюсь, не услышишь. Сейчас я всего только блюститель святилища и останусь им сколько понадобится.

— А граф Эктор знает?

— Пока нет. Он скоро должен вернуться?

— На той неделе.

— Скажешь ему тогда.

Он кивнул и тут же захохотал — его удивление уступило место радости.

— Клянусь крестом, как я рад тебя видеть, господин! Благополучен ли ты? Как ты жил все это время? Как добрался сюда? И что будет теперь?

Вопросы сыпались один за другим. Я с улыбкой поднял ладонь.

— Слушай, — торопливо прервал я его. — Мы потолкуем потом. Выберем подходящее время. А теперь уезжай и заблудись на час или около того, дай мне познакомиться с мальчиком с глазу на глаз, ладно?

— Конечно. Двух часов тебе хватит? Этим ты много выиграешь в его глазах — меня обычно не так-то легко сбить с его следа. — Он обвел глазами поляну, не поворачивая головы. Сияло утреннее солнце, было тихо, только заливался весенний дрозд. — Где он? В часовне? Тогда он, наверное, наблюдает за нами, так что ты махнешь рукой куда-нибудь в сторону.

— С удовольствием. — Я повернулся и указал на одну из тропинок, уводящих прочь от моей поляны. — Сюда можно? Я не знаю, куда ведет эта тропа, но надеюсь, ты сможешь на ней заблудиться?

— Если не сложу голову, — кротко заметил он. — Надо же было тебе махнуть именно в эту сторону... Я бы сказал, что просто не повезло, но раз это ты...

— Я махнул наугад, уверяю тебя. Прости. А что, там опасно?

— Как тебе сказать. Если я должен искать Артура в этой стороне, то обратно мне скоро не выбраться. — Он подобрал поводья, изображая поспешность, чтобы обма-

нуть нашего невидимого наблюдателя. — А если по правде сказать, господин мой...

— Мирддин. Я теперь не господин тебе, да и никому другому.

— Хорошо, тогда Мирддин. Тропа там крутая и неровная, но проехать можно. И больше того, именно ее и избрал бы дьяволенок, если бы... Я же говорил — что ты ни сделаешь, все со смыслом. — Он засмеялся. — Как я рад, что опять тебя вижу. У меня словно гору с плеч сняли. Последние несколько лет были ох как нелегки, поверь!

— Верю.

Он поднялся в седло, махнул мне рукой. Я отступил. Он быстро проскакал по поляне, и вскоре стук копыт замер на крутой, заросшей папоротниками тропе.

Мальчик сидел на краю стола и ел хлеб с медом. Мед стекал у него по подбородку. При моем появлении он спрыгнул со стола, утерся тыльной стороной руки, слизнул с руки мед и проглотил.

— Ты не рассердишься? Тут было так много, а я просто умирал с голоду.

— Ешь, пожалуйста. Вон в той чаше на полке сушеные фиги.

— Спасибо, сейчас не хочется, я уже сыт. Я лучше пойду напою Звездочку. Ральф, я слышал, уехал.

Мы повели лошадь к источнику. По пути он объяснил:

— Я зову ее Звездочкой из-за этой вот белой звезды на лбу. А ты почему улыбнулся?

— Просто потому, что когда я был такой, как ты, или даже моложе, у меня была лошадка по имени Астер, а это значит «звезда» по-гречески. И, как ты, я однажды убежал из дому и поехал на холмы и там повстречал отшельника — он тоже жил один, правда, не в часовне, а в пещере, — и он угостил меня медовыми лепешками и фруктами.

— Так ты убежал из дому?

— Не насовсем. Только на один день. Мне просто хотелось побыть одному. Иногда это бывает необходимо.

— Значит, ты меня понимаешь? Потому ты и отправил Ральфа прочь и не сказал ему, что я здесь? На твоем месте всякий другой сразу сказал бы. Им все кажется, что мне нужна нянька, — добавил Артур оскорбленно.

Лошадь подняла от воды мокрую морду, фыркнула, разбрызгав во все стороны холодные капли, и отошла от родника. Мы повели ее обратно. Он посмотрел мне в лицо.

— Я еще не поблагодарил тебя. Я очень тебе обязан. Ральфу худа не будет, ты не думай. Я не хвастаю, когда мне удается улизнуть от надзора. А то мой опекун рассердится, хотя разве это Ральфа вина? Ральф скоро вернется этой же тропой обратно, и я поеду вместе с ним. И ты сам тоже не бойся, я не дам тебя ему в обиду. Да он всегда винит только меня одного. — И снова эта внезапно вспыхивающая улыбка. — Я и в самом деле всегда сам виноват. Кей старше меня, но зачинщик — я.

Мы подошли к сараю. Он протянул было мне поводья, но опять, как и прежде, остановился, не донеся руки, сам ввел лошадь и сам привязал к столбу. Я стоял на пороге и смотрел на него.

— Как твое имя? — спросил я.

— Эмрис. А твое?

— Мирддин. А второе, представь себе, тоже Эмрис. Но это неудивительно: там, откуда я прибыл, Эмрис — распространенное имя. Кто твой опекун?

— Граф Эктор. Он — лорд Галавы.

Мальчик повернулся ко мне, и я увидел, что лицо его покраснело. Было очевидно, что он ждет следующего, напрашивающегося вопроса. Однако я его не задал. Я сам двенадцать лет должен был всякому встречному и поперечному отвечать, что я незаконный сын неизвестного отца, и не собирался принуждать Артура к подобному признанию. Хотя тут имелась все же некоторая разница. Насколько я мог судить, он был приспособлен к самозащите куда лучше, чем я в его возрасте и даже в два раза старше. И как приемный сын лорда Галавы он не должен был жить, как я, на унизительном положении «бастарда». Впрочем, подумал я, всматриваясь в мальчика, разница между мной и им гораздо глубже: я довольствовался малым, не подозревая о своей силе; он же никогда не помирится меньше чем на всем.

— Сколько же тебе лет? — спросил я. — Десять?

Это ему польстило.

— По правде сказать, недавно сравнялось девять, — ответил он.

— Однако ты уже сидишь в седле лучше, чем я сейчас.

— Ну да ведь ты всего лишь... — Он осекся и покраснел.

— Я сделался отшельником только с Рождества, — мягко возразил я. — А до этого немало поездил верхом.

— Да? С какой целью?

— Путешествовал. И даже сражался, когда была нужда.

— Сражался? Где же?

Так, беседуя, я подвел его ко входу в часовню со стороны поляны, и мы поднялись по старым, замшелым крутым ступеням. Любо было смотреть, как легко он взбежал по ним впереди меня. Он был рослый мальчик, крепкого сложения и широкий в кости — обещал вырасти сильным мужчиной. И не только сильным, а еще, как Утер, и красивым. Но прежде всего Артур производил впечатление стремительной плавности движений, будто танцор или искусный фехтовальщик. В этом было что-то от Утеровой подвижности, но в другом роде: у Артура в основе лежала глубинная, внутренняя гармония. Атлет увидел бы в нем хорошую реакцию, лучник — верный глаз, скульптор — твердую руку. В девятилетнем ребенке эти качества уже слились в единую пламенную, но сдержанную силу.

— В каких сражениях принимал ты участие? Ты ведь, наверное, слишком молод даже для Великой войны. Мой опекун говорит, что я должен дожидаться, пока мне исполнится четырнадцать лет, чтобы попасть на войну. А это несправедливо, потому что Кей на три года старше, а я его побеждаю три раза из четырех... ну ладно, пусть хотя бы и два... Ой!

Мы вошли в часовню, и солнце, сиявшее нам в спину, отбросило внутрь наши тени, так что поначалу, со свету, он алтаря не заметил. Но вот он сделал еще шаг, яркий утренний луч упал на каменную плиту, высветив по странной случайности резное изображение, и меч, четкий, блистающий, словно выступил из камня. Не успел я промолвить слова, как мальчик устремился вперед, протянул к рукояти пальцы. Я увидел, как он вздрогнул, наткнувшись на камень. Постоял так мгновенье, будто зачарованный, потом уронил руку и сделал шаг назад, не отводя глаз от алтаря.

Не глядя на меня, он проговорил:

— Надо же, как чудно. Я подумал, он настоящий. Подумал, вот самый прекрасный и самый грозный меч на свете и он предназначен для меня. А это, оказывается, ненастоящий меч.

— Он настоящий, — сказал я. Мальчик обернулся ко мне в солнечном луче среди танцующих пылинок. Алтарь у него за спиной светился, как зыбкое белое льдистое пламя. — Самый настоящий. Настанет день, когда он будет лежать вот на этом алтаре, и все люди его увидят. Тогда тот, кто отважится взять его с камня и поднять, должен...

— Что? Что он должен, Мирддин?

Я потряс головой, похлопал глазами на солнце и пришел в себя. Одно дело — видеть то, что совершается сейчас где-нибудь на другом краю земли, и совсем другое — лицезреть то, что еще вообще не сошло с небес. Это искусство, которое люди называют пророческим и за которое почитают меня, приходит, пронизывая, будто удар бича божия, как мы зовем молнию. Но, корчась от боли, я в то же время радостно принимал его — так радуется женщина последней муке родов. Вспышка ясновидения нарисовала мне, как это все будет происходить на этом самом месте: и меч, и пламя, и юного короля. После всего, что было: после моего плаванья по Срединному морю, и нелегкого путешествия в Сегонтиум, и принятия мною после смерти Проспера его обязанностей, и поездки на Каэр Банног, где я спрятал меч, — я теперь убедился наверняка: я верно прочел волю бога. Отныне оставалось только ждать.

— Что я должен? — настаивал требовательный молодой голос.

Я не знаю, заметил ли Артур перемену в своем вопросе. Он смотрел на меня трепетно, серьезно, выжидающе. Бич божий задел и его. Но еще не подошел срок. Медленно, отбрасывая ненужные слова, я поведал ему то, что было ему сейчас доступно.

Я сказал:

— Меч переходит от отца к сыну. Ты еще должен искать. Когда же подойдет твой срок, твой меч будет лежать перед тобой и ты возьмешь его в руку на глазах у всех людей.

И потусторонний мир отступил, и я вновь очутился на поляне, залитой апрельским солнцем. Отерши пот с лица, я полной грудью вдохнул благодатный весенний воздух. И было это как первый вздох младенца. Я отбросил со лба взмокшие волосы и встряхнул головой.

— Они не дают мне покоя, — проговорил я.

— Кто?

— Да эти, кто здесь обитает. — Его глаза следили за мной напряженно, готовые к чуду. Медленно, ступень за ступенью, он спустился от алтаря. Камень у него за спиной был просто камень, с грубо высеченным изображением меча на боковой поверхности. Я улыбнулся ему. — Я обладаю, Эмрис, одним ценным и полезным даром, но жить с ним иногда не очень-то удобно и всегда дьявольски трудно.

— То есть ты видишь то, что не видно?

— Иногда.

— Так ты волшебник? Или прорицатель?

— И того и другого понемножку, скажем так. Но это моя тайна, Эмрис. Я твою тайну не выдал.

— И я никому не скажу. — Он ограничился этим — ни клятв, ни обещаний, но я знал, что он сдержит слово. — Значит, ты прорицал будущее? Что же значило твое пророчество?

— Это не всегда бывает ясно. Даже мне самому. Но в одном не сомневайся: когда-нибудь, когда ты будешь готов, мы найдем меч, для тебя предназначенный, и это будет самый прекрасный и самый грозный меч на свете. А сейчас, пока суд да дело, не подашь ли мне воды напиться? Там у родника стоит чашка.

Он бегом принес мне воды. Я поблагодарил, выпил и отдал ему чашку.

— Так как же насчет сушеных фиг? Ты еще хочешь есть?

— Я всегда хочу есть.

— Тогда в следующий раз, как приедешь, захвати с собой пищу. А то можешь попасть в неудачный день.

— Я и тебе привезу еду, если хочешь. Ты ведь очень беден, да? А по виду непохоже. — Он разглядывал меня, склонив голову набок. — То есть по виду еще может быть, а вот по разговору совсем нет. Скажи мне, чего тебе хочется, и я постараюсь достать.

— Не стоит труда, — ответил я. — Сейчас у меня есть все.

3

В назначенный срок объявился Ральф, во взгляде — вопросы, на языке же — ни одного, сверх тех, что можно задать незнакомому человеку.

На мой взгляд, он вернулся слишком рано — мне надо было наверстать целых девять лет и о многом составить суждение. И на взгляд Артура, как я заметил, тоже, хотя он встретил Ральфа любезно и безмолвно выстоял под бичом его горячих упреков. По виду мальчика я заключил, что, не будь здесь меня, наказание могло бы стать не только словесным. Я понял, что он получал суровое воспитание. Он слышал, конечно, что королей воспитывают строже, чем про-

стых смертных; едва ли только он относил это правило к себе. Кею, подумал я, наверно, не так достается — интересно, как истолковывал Артур такое различие? Но сейчас он держался кротко и, когда в знак примирения я предложил Ральфу вина, покорно принял на себя роль виночерпия.

Когда наконец он вышел привести лошадей, я торопливо сказал Ральфу:

— Передай графу Эктору, что я предпочел бы не появляться в замке. Он поймет. Это слишком опасно. Он лучше моего сможет выбрать для нас удобное место встречи, и пусть сообщит мне. Бывало ли, что он наезжал сюда? Или же это вызовет у людей ненужный интерес?

— При Проспере он здесь ни разу не был.

— Тогда я спущусь вниз, пусть он даст мне знать. А теперь, Ральф, у нас очень мало времени, но скажи мне вот что. Ты не замечал, чтобы кто-нибудь заподозрил о мальчике правду? Никакой слежки? Ничего подозрительного?

— Ничего.

Я проговорил раздельно:

— А я видел кое-что, когда ты его привез из Бретани. Вы переходили через перевал, и на ваш отряд напали. Кто это был? Ты разглядел их?

Ральф посмотрел на меня с недоумением:

— Это ты про тот случай в горах на полпути между Галавой и Медиобогдумом? Я его помню. Но тебе откуда о нем известно?

— Я видел в пламени. Я тогда все время смотрел за вами. Что с тобой, Ральф? Почему ты так на меня смотришь?

— Странный был случай, — медленно ответил он. — Никогда не забуду. В ту ночь, когда произошло нападение, мне почудилось, будто ты произнес мое имя. Это было предостережение, отчетливое, как звук рога или как лай собаки. И вот теперь ты говоришь, что все видел. — Он поежился, словно от внезапного сквозняка. Потом ухмыльнулся. — Я совсем отвык от тебя, господин. Но теперь, надеюсь, снова привыкну. Ты и теперь смотришь за нами? Сознавать это не всегда приятно.

Я засмеялся:

— Да нет. Если возникнет опасность, мне, наверно, и так станет о ней известно. А в остальном, думается, я могу положиться на тебя. Но ты до сих пор не ответил: ты узнал, кто были те люди, что напали на вас в ту ночь?

— Нет. На них не было никаких знаков. Мы убили двоих, но при них не нашлось ничего, что указывало бы, кому они служат. Граф Эктор думает, что это, наверно, разбойники, грабители. Я тоже. Во всяком случае, с тех пор ничего такого больше не было. Ничего даже похожего.

— Я так и думал. Но теперь не должно быть ничего, что могло бы связать отшельника Мирддина с волшебником Мерлином. Что говорят люди про нового блюстителя часовни?

— Только что Проспер умер и что бог, как всегда, когда пробил час, послал на смену нового человека. Что новый отшельник молод и с виду тих, но не так тих, как кажется.

— А это как надо понимать?

— Так, как говорится. Ты не всегда держишься как простой и скромный отшельник, господин.

— Разве? Ума не приложу, почему бы это. Ведь я и есть простой и скромный отшельник. Надо мне будет проследить за собой.

— Ты не шутишь, я знаю, — улыбаясь, сказал Ральф. — Но беспокоиться тебе, по-моему, не о чем, они просто считают тебя более святым, чем другие отшельники. Здесь вокруг часовни всегда водились духи, и сейчас не без того, надо понимать. Рассказывают, например, про духа, в обличье огромной белой птицы, которая летит человеку в лицо, если он отважится слишком далеко подняться по тропе, или вот... да обычные россказни про всякую нечисть, глупые деревенские басни, кто в них поверит? Но вот две недели назад... ты не слышал? Тут проезжал отряд откуда-то из-под Алауны, и поперек тропы упало дерево, а ветра не было — просто так, ни с того ни с сего.

— Я об этом не знал. Были пострадавшие?

— Нет. Есть другая тропа. Поехали по ней.

— Понятно.

Он вопросительно посмотрел на меня:

— Твои боги, господин?

— Можно сказать, что так. Не думал, что их покровительство будет действовать столь неотступно.

— Значит, ты знал, что это могло случиться?

— Пока ты не рассказал, мне в голову не приходило. Но чьих это рук дело — знаю.

Ральф озабоченно нахмурился.

— Если это не случай... И если я еще раз привезу сюда Эмриса этой тропой...

— С ним ничего не может случиться. И тебе он тоже послужит вместо охранной грамоты. Ты их не бойся, Ральф.

При последних словах брови его сошлись было к переносице, но он тут же опомнился и кивнул. Вид у него был озабоченный, даже взволнованный. Он спросил:

— Как долго думаешь ты тут пробыть?

— Трудно сказать. Это во многом зависит от здоровья верховного короля. Если Утер поправится совсем, то, может быть, мы продержим здесь мальчика до четырнадцати лет, прежде чем покажем отцу. А что, Ральф? Неужто тебе так обидно еще несколько лет прожить в этом медвежьем углу? Или гоняться верхом за таким шустрым господином стало невмоготу?

— Нет... то есть да. Но... дело не в этом, — забормотал он, покраснев.

Я, улыбаясь, спросил:

— Кто же она?

Его насупленный взгляд стал мне понятен только тогда, когда он, помолчав, произнес:

— Много ли ты еще подсмотрел, когда следил в пламени за Артуром?

— Мой милый Ральф! — Не стоило ему объяснять, что звезды отражают только судьбу королей и волю богов. Я мягко сказал: — Мой провидческий дар не открывает мне того, что свершается за дверью спальни. Я просто догадался. Твое лицо прозрачнее кисеи. И пожалуйста, даже в сердцах не забывай звать его Эмрисом.

— Прости. Я не хотел... Да и не было ничего такого, что ты мог бы подсмотреть... Я ни разу не побывал у нее в спальне... Я хочу сказать, она не... Вот проклятье! Мне следовало знать, что тебе все будет известно! Я не хотел дерзить тебе. Я забыл, что ты все понимаешь не так, как остальные. Растерялся. Слишком давно с тобой не разговаривал... А вот и лошади. Он, кажется, и твою оседлал. Я не знал, что ты собираешься ехать вниз.

— Не собирался. Это, видно, Эмрисова затея.

Я не ошибся. Едва увидев нас на пороге, Артур крикнул:

— Я привел твою лошадь тоже, господин. Не проводишь ли нас немного?

— Если мы поедем моим ходом, а не твоим.

— Можно хоть шагом, если пожелаешь.

— Ну, на такую муку я тебя не обреку. Но пустим Ральфа вперед, хорошо?

Тропа вначале круто уходит под гору. Ральф ехал первым, Артур — за ним, и, видно, его вороная и впрямь была тверда на ногу, потому что Артур ехал все время, отвернув голову, занятый разговором со мной. Можно было подумать, не зная обстоятельств, что это мальчик, а не я, должен был наверстывать девять лет; я почти не задавал вопросов; все события его жизни, крупные и мелкие, сыпались у него с языка, и вскоре я уже знал о доме и домочадцах графа Эктора и о положении Артура среди них не меньше, чем знал сам мальчик. А кое-что и сверх того.

Потом мы выехали из сосняка на более отлогий склон, поросший дубами и каштанами, а еще через полмили уже трусили по ровной дороге над берегом озера. Каэр Банног в лучах солнца колыхался на воде, скрывая в глубине под утесами свою тайну. Долина впереди нас раздалась вширь, и вскоре, одетые туманом, показались зеленые ряды ив, росших вдоль реки.

В том месте, где река вытекает из озера, я натянул поводья. Когда мы прощались, мальчик живо спросил:

— А можно мне скоро опять приехать?

— Приезжай, когда захочешь — когда сможешь. Но обещай мне одно.

Он насторожился — это означало, что его обещания, раз данные, неукоснительно исполняются.

— Что же?

— Не приезжай без Ральфа, или кто там тебя должен сопровождать. В следующий раз не удирай. Эта местность зовется Диким лесом недаром.

— О, я знаю, он считается заколдованным, но я не боюсь его обитателей, особенно теперь, когда я видел... — Он осекся и закончил фразу иначе, чем начал: — Когда там — ты. А что до волков, то у меня есть кинжал, и волки не нападают днем. К тому же нет такого волка, который мог бы догнать мою Звездочку.

— Я имею в виду другие породы зверей.

— Медведей? Кабанов?

— Нет. Людей.

— О! — произнес он, как пожал плечами. Это была, конечно, отвага — здешний лес, как и любой другой, служил убежищем для разбойников, рассказы о которых он не мог не слышать, — но, кроме отваги, еще и неведение. Так воспитал мальчика граф Эктор, что он, над чьей головой нависла постоянная угроза, чьи недруги рыщут по всем королевствам, он тем не менее об опасности знает только понаслышке!

— Ну хорошо, — сказал он. — Обещаю.

Я был удовлетворен. Лесные хранители будут, конечно, на страже, но тут нужна еще и другая охрана и забота — графа Эктора и моя.

— Мой поклон графу Эктору, — сказал я Ральфу и увидел по его лицу, что он понял мои мысли. На том мы расстались. Я сидел в седле и смотрел им вслед — они ехали по травянистому берегу реки, вороная рвалась в галоп и закусывала удила, большая каурая Ральфа мерно трусила рядом, и мальчик что-то говорил, страстно жестикулируя. В конце концов он, как видно, добился своего, Ральф пустил в ход каблуки, и каурая ударилась в галоп. Вороная, отпущенная мгновением позже, устремилась вслед за ней. Когда двоих мчащихся всадников уже должна была скрыть от меня молодая березовая роща, меньший всадник обернулся в седле и махнул мне рукой. Началось.

Он вновь появился у меня на следующий же день, умеренным — напоказ — аллюром выехал на поляну, а сзади, отставая на полкорпуса, следовал Ральф. Артур привез мне в подарок яйца и медовые пироги, а также известие, что граф Эктор еще не вернулся, но графиня возлагает надежды на благое влияние святого отшельника и с радостью отпускает мальчика ко мне. А граф сразу же по возвращении повидается со мной.

Это сообщение передал мне не Ральф, а сам Артур, он явно не усмотрел тут ничего сверх обычной строгой заботливости своего опекуна, которой, должно быть, втайне давно уже тяготился. Четыре яйца оказались разбиты.

— Только Эмрис, — съязвил Ральф, — мог вообразить, что сможет довезти яйца на своем бешеном коньке.

— Согласись, что всего четыре битых яйца — это неплохо.

— О да, только Эмрис мог так отличиться. Так спокойно я не ездил с тех пор, как вчера сопровождал тебя домой.

Потом он под каким-то предлогом оставил нас вдвоем. Артур вымыл яичный желток из гривы своей лошадки, а потом уселся со мной есть пирожки, а заодно засыпал меня вопросами о мире за пределами Дикого леса.

Через несколько дней Эктор возвратился в Галаву и сообщил мне через Ральфа, где и когда состоится наша встреча.

К этому времени по окрестным селениям, уж конечно, прошла молва о том, что юный Эмрис два или три раза ездил в лесную часовню, и никто бы не удивился, уз-

нав, что граф Эктор или его хозяйка пожелали увидеть нового отшельника. Мы условились встретиться как бы случайно в усадьбе Федора... На самого Федора и его жену, мне сказали, вполне можно было положиться; остальные же люди увидят только, что отшельник, как всегда, заехал за провизией, а граф проезжал в это время мимо и воспользовался случаем потолковать с ним.

Нас проводили в небольшую задымленную комнатку, хозяин принес вино и ушел.

Эктор совсем не переменился, разве только в волосах и бороде прибавилось серебра. Я сказал ему это, когда мы поздоровались, и он рассмеялся:

— А чего же тут удивляться? Ты подбрасываешь в мое тихое гнездо золоченое кукушкино яйцо и ждешь, что я останусь таким же беззаботным, как прежде? Ну, ну, я пошутил. Ни я, ни Друзилла не согласились бы расстаться с нашим мальчиком. Чем дело ни кончится, а минувшие годы были для нас счастливыми, и если работа наша оказалась успешной, то ведь и материал для работы мы получили самый добротный.

И он стал рассказывать мне о годах своего опекунства. Пять лет — срок немалый, и ему было что рассказать. Я почти ничего не говорил и жадно слушал. Кое-что из того, о чем он вел речь, было мне уже известно — из картин в пламени или со слов самого мальчика. Но если я и знал кое-что о жизни Артура в Галаве, если о плодах его воспитания мог судить сам, зато из рассказа Эктора я составил себе представление о той горячей привязанности, какую питали он и его жена к своему воспитаннику. И не только они, но и все домочадцы Эктора, ничего не ведавшие о том, кто такой Артур, относились к нему с неизменной сердечностью. Я не ошибся в своем первом впечатлении: ему действительно свойственна была отвага, и быстрый ум, и горячая жажда совершенства. Недоставало, пожалуй, хладнокровия и осторожности, как и у его отца, но:

— Кому, черт возьми, нужна осторожность в юноше? Этой премудростью он легко овладеет, когда получит первую рану или — что куда хуже — встретит человека, который обманет его доверие! — сердито воскликнул Эктор, как видно раздираемый между гордостью за мальчика и верой в свое воспитательское искусство.

Но когда я заговорил о воспитании и хотел выразить свою благодарность, он меня решительно остановил:

— Ну а ты, я слышал, неплохо здесь устроился. Счастливый случай привел тебя в Зеленую часовню как раз ко времени, чтобы заступить на место старика Проспера.

— Случай? — переспросил я.

— А-а, чуть не позабыл, с кем разговариваю. Давно не было волшебника в наших краях. Ну, для такого наипростого смертного, как я, это выглядит как случай. Но случай или нет, а вышло очень удачно; в замке ты поселиться не мог бы, у нас есть один человек, который, оказывается, хорошо тебя знает — Марцелл, тот, что женился на сестре Валерия. Он у меня учитель фехтования. Может быть, я не должен был его брать на службу, зная, что рано или поздно ты сюда вернешься, но он — один из лучших воинов в королевстве, а нам тут, на севере, видит бог, хорошие бойцы ой как нужны. К тому же он лучший в стране фехтовальщик. Ради мальчика я не мог упустить такой случай. — Он бросил на меня взгляд из-под насупленных бровей. — Чего ты смеешься? Или это тоже был не случай?

— Нет, — сказал я. — Это был Утер. — Я передал ему свой разговор с королем о воспитании Артура. — Как похоже на Утера послать человека, который знает меня! Он никогда не умел думать сразу о нескольких вещах... Ну да ладно, я там не покажусь. Можешь ты найти подходящий предлог, чтобы мальчику ездить ко мне?

Он кивнул:

— Я представил дело так, что-де давно слышал о тебе, что ты — человек ученый, много ездил по свету и можешь обучить мальчиков тому, чего они не узнают от аббата Мартина и святых братьев. Им будет позволено ездить к тебе, когда бы они ни пожелали.

— Они? Разве Кей не вырос из учеников, даже при необыкновенном учителе?

— Да он ради учения и не поедет, — сокрушенно, но не без гордости сказал отец. — Он вроде меня, мой Кей, ничего знать не желает, кроме искусства боя, так можно сказать, хотя, конечно, с юным Артуром ему, похоже, никогда не сравниться, этот обещает вырасти редким рубакой, но и Кей, он у меня упорный и старается изо всех сил. Ради книжной науки он сюда не зачастит, но ведь знаешь, они какие, мальчишки, — что у одного есть, то и другому непременно подавай. Разве его удержишь дома, когда Артур ему столько всего понарассказывал. Малыш ни о чем другом не говорит, он даже Друзилле сказал, что его святой долг — каждый день ез-

дить к тебе и смотреть за тем, чтобы у тебя вдоволь было еды. Хорошо тебе смеяться. Ты, может, заколдовал его?

— Разве что ненароком. Я буду рад снова повидать Кея. Он был славный малыш.

— Ему нелегко приходится, — сказал Эктор. — Меньшой, можно сказать, уже теперь ни в чем ему не уступает, даром что между ними разница в три года, а в будущем, глядишь, и превзойдет. А когда они были малышами, мой то и дело слышал: «Смотри, чтобы Эмрису досталось не меньше, чем тебе, — он приемный сын и гость». Может, не будь он у нас единственным, все было бы проще. Друзилла уж так старалась и Кею показать, что он родной сын, и того приголубить, чтобы не чувствовал себя посторонним. Кей молодцом держится с Артуром, хотя и ревнует иной раз, не без этого, но за будущее можно не беспокоиться, поверь. Покажи ему, куда принести свою верность, и никакая сила его не собьет. В папашу пошел, неповоротливый пес, но уж вцепится — не отпустит.

Он говорил и говорил, а я сидел и слушал, вспоминая, как я сам при другом дворе рос, не то что Артур, на положении чужака и бастарда. Я был тих нравом и лишен талантов, которым мог бы позавидовать юноша или муж, тогда как Артур, по самой природе своей, должен выделяться среди сверстников в замке, точно большая стрекоза среди болотной мошкары.

Наконец Эктор вздохнул, допил вино и поставил кружку.

— Ну да это все теперь детские сказки и дела давно прошедшие. Кей сейчас все больше бывает со мною и с моими людьми, и спутником Артура будет Бедуир. Говоря «они», я подразумевал не Кея. У нас теперь есть еще один мальчик. Я привез его с собой из Йорка. Это сын Бана Бенойкского. Знаком ты с ним?

— Да, знаю такого.

— Он попросил меня взять Бедуира на год-другой. Прослышал, что у меня живет Марцелл, и хочет, чтобы Бедуир тоже у него поучился. Он примерно одних лет с Артуром, так что я не огорчился, когда услышал предложение Бана. Мальчик тебе понравится. Тихого нрава и не то чтобы семи пядей во лбу, так мне аббат Мартин сказал, но славный и к Эмрису привязался. Против них двоих даже Кей и тот поостережется выйти. Так что вот оно как обстоят дела. Только бы аббат Мартин не вздумал вставлять палки в колеса.

— С чего бы ему?

— Мальчик был окрещен в христианскую веру. А в Зеленой часовне... В последние-то годы Проспер служил богу, но люди знают: в свое время здесь всякие божества обитали, а не только истинный Христос. Ты-то сам в часовне какой порядок завел?

— Я воздаю каждому богу, какой мне встретится на пути, — ответил я. — Так велит в наши дни здравый смысл, да и простая вежливость тоже. Мне иногда кажется, что боги сами еще здесь не вполне разобрались. Часовня открыта воздуху и лесу, кто пожелает, пусть входит.

— А как же Артур?

— Выросши в христианском доме, Артур должен почитать христианского бога. А вот как будет на поле боя — это уже другой разговор. Я еще не знаю, от которого из богов он получит меч, — знаю только, что Христос к мечу был не очень-то склонен. Ну да посмотрим. Налить тебе еще вина?

— Что? А-а, спасибо. — Эктор встрепенулся, сморгнул, облизнул губы и заговорил на другую тему: — Ральф говорил, ты спрашивал о засаде под Медиобогдумом пять лет назад. Так вот, это были разбойники, и никто больше. Отчего ты спрашивал? Разве есть признаки, что кто-то сейчас интересуется?

— У меня тоже были кое-какие неприятности на пути с юга, — ответил я. — Но Ральф говорит, что тут не было ничего.

— Ничего. Я сам дважды ездил в Винчестер и один раз в Лондон, и ни одна живая душа не подходила ко мне с расспросами, а уж без этого бы никак не обошлось, если бы там хотя бы подозревали, что мальчик где-то на севере.

— И Лот с тобой не заговаривал и не выказывал интереса?

Он бросил на меня быстрый взгляд:

— Этот-то? От него всего можно ожидать. Тут у нас на севере куда спокойнее бы жилось, если б только этот господин занимался делами своего королевства, а не зарился на верховный престол.

— Значит, вот как люди говорят? Он метит на место короля, а не просто к нему в приближенные?

— Куда бы он ни метил, но помолвка между ним и Моргианой уже заключена, и свадьба состоится, как только ей исполнится двенадцать лет. Теперь, даже захоти Утер, все равно от этого союза не отвертеться.

— А тебе он не по душе?

— Да в наших краях он никому не по душе. У нас говорят, что Лот все время раздвигает свои границы и

пользуется для этого не одним только мечом. Рассказывают о сговорах. Если он заберет в свои руки слишком много силы, глядишь, после смерти верховного короля у нас снова начнется время Волка. Что ни весна — саксонские набеги на побережье, раздоры да пожары до самых Пеннин, за саксами — ирландцы туда же, а нашим только и остается — уходить в горы и искать укрытия среди неприютных утесов.

— Давно ли ты видел короля?

— Три недели назад. Он стоял в Йорке и послал за мной. Расспрашивал с глазу на глаз про мальчика.

— Каков он был на вид?

— Неплох как будто, но пружина выпала. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Вполне. А Кадор Корнуэльский был с ним?

— Нет. Он тогда еще находился в Каэрлеоне. Я потом слышал, что он...

— В Каэрлеоне? — резко переспросил я. — Сам Кадор был там?

— Да, — подтвердил Эктор, удивленный. — Он возвратился, еще когда ты был у себя. Разве ты не знал?

— Должен был знать, — с досадой ответил я. — Он послал вооруженный отряд обыскать мой дом в Брин Мирддине и выследить, куда я отправлюсь. Я, мне кажется, сумел от них улизнуть, но обнаружилось, что меня выслеживают два отряда, а такой возможности я не предусмотрел. Уриен Горский тоже заслал своих людей в Маридунум, и они по моему следу добрались до Гвинедда. — Я рассказал ему про Кринаса и отряд Уриена. Он слушал, хмурясь. Я спросил: — А здесь эти люди не слышно чтобы появлялись? Они вопросов не задают, а высматривают и прислушиваются. Выжидают.

— Нет. Объявись здесь чужие люди, об этом стало бы известно. Ты, верно, сбил их со следа. И не беспокойся, люди Кадора сюда не заедут. Он теперь в Сегонтиуме, ты знал об этом?

— Когда я был там, говорили, что ожидается его приезд. Ты не знаешь, он что, собирается обосноваться теперь в Сегонтиуме, раз Утер поставил его командовать обороной Ирландского берега? Нет ли слухов о новых защитных сооружениях?

— Слухи-то есть, но едва ли пойдет дальше разговоров. На такое дело понадобится больше времени и средств, чем найдется у Утера. Кадор, если я верно понимаю, оста-

вит гарнизон в Сегонциуме и в береговых крепостях, а сам расположится в глубине, где можно стоять наготове с большими силами, чтобы бросить их в место удара. Возможно, в Дэве. Сам король Регеда находится в Лугуваллиуме. Мы делаем, что в наших силах.

— А Уриен? Надеюсь, сосредоточил полки у себя на востоке?

— Да, вгрызся в свои утесы, — с мрачной похвалой отозвался Эктор. — И в одном можно не сомневаться. Покуда Лот не обвенчается с Моргианой в присутствии всех епископов королевства и не представит неоспоримых доказательств осуществления брака, он не станет свергать Утера и Уриена на него не напустит. Артура же им не найти. Если они за девять лет не разнюхали, где мальчик, теперь уж не учуют. Так что будь спокоен. К тому времени, когда Моргиана отпразднует свое двенадцатилетие и будет готова взойти на брачное ложе, Артуру исполнится четырнадцать и настанет срок, назначенный Утером, чтобы явить его людям. Вот тогда-то и придет черед разделаться с Лотом и Уриеном, ну а если это случится раньше — что делать, значит, так судил бог.

На том мы расстались, и я один вернулся в часовню.

4

После этого Артур иногда с обоими мальчиками, но чаще с одним Бедуиром приезжал ко мне в святилище раза два-три в неделю. Кей был крупный белокурый крепыш, лицом очень похожий на отца, он обходился с Артуром любовно, но покровительственно и чуточку насмешливо — такое обращение не могло не доводить временами младшего до бешенства. Но Артур был тоже очень привязан к своему названому брату и хотел непременно разделить с ним удовольствие, которое, по-видимому, получал от этих посещений. И Кей с интересом слушал мои рассказы о дальних странах, описания битв, походов и завоеваний, но скоро уставал и отвлекался, когда мы обсуждали чужие обычаи и образы правления, легенды и верования, о которых так любил слушать Артур. Со временем Кей стал все чаще оставаться дома, предпочитая (как докладывали мне мальчики) отправляться с отцом на

потехи или по делам — иногда на охоту, иногда в дозор, а случалось изредка, что и в гости к кому-нибудь из соседей. На второй год я Кея уже почти не видел.

Бедуир был совсем другой — тихий мальчик одного возраста с Артуром, ласковый и мечтательный, как поэт, он был рожден играть в жизни вторую скрипку. Они с Артуром были точно два бока одного яблока. Бедуир, как верный пес, во всем следовал за ним, не скрывая своей любви, но, несмотря на мягкий нрав и поэтичный взор, был мужествен и прям. Собой он был дурен — нос приплюснут в какой-то давней драке и заметно искривлен, на щеке шрам от ожога. Но он был мальчик с характером и притом добрый, и Артур любил его. Как сын пусть мелкого, но короля, Бедуир был по рождению выше Кея, а уж Артуру, по представлениям мальчиков, до него было как до неба. Однако ни Бедуиру, ни Артуру это и в голову не приходило; первый предлагал преданность, второй принимал ее.

Как-то я спросил у них:

— А вы знаете историю Бисклаварета — человека, который стал волком?

Бедуир, не тратя попусту времени на ответ, извлек из-под покрывала арфу и бережно поставил у моих ног. Артур лежал, подперев кулаком подбородок, на моем ложе, в глазах у него плясало пламя — был промозглый вечер поздней весны, — и он нетерпеливо сказал:

— Да ладно тебе. Бог с ней, с музыкой. Как же это было?

Бедуир примостился, подогнув коленки, рядом с ним на одеяле, а я настроил струны и начал.

Это волшебная история, и Артур слушал, весь светясь, Бедуир же совсем притих, обратив ко мне лицо — одни глаза. Уже стемнело, когда они собрались в тот вечер домой в сопровождении здоровяка слуги, который был к ним приставлен. А назавтра Артур приехал один и рассказал мне, что ночью Бедуира мучили кошмары.

— Но знаешь ли, Мирддин, когда мы вчера возвращались домой и он был еще весь полон твоим рассказом, что-то вдруг мелькнуло за деревьями, мы подумали: волк, и Бедуир заставил меня ехать между ним и Лео. Я знал, что ему страшно, но он сказал, его право — защищать меня, и я думаю, он прав, ведь он — королевский сын, а я...

Он не договорил. Впервые он так близко коснулся этой скользкой темы. Я не произнес ни слова. Я ждал.

— ...а я — его друг.

Мы поговорили с ним о природе храбрости. Момент прошел. Позднее я вспоминал его слова о Бедуире. Вспоминал не раз в последующие годы, когда в обстоятельствах, куда более сомнительных, верность Бедуира Артуру оставалась неколебимой.

А сказал он мне — серьезно, будто в свои девять лет действительно понимал такие вещи — вот что:

— Бедуир — самый храбрый спутник и самый верный друг на свете.

Эктор и Друзилла, разумеется, позаботились о том, чтобы Артуру было известно все, что полагается, о короле и королеве. Знал он также, не хуже всякого в стране, и про юного престолонаследника, который в Бретани, на Стеклянном острове, в Башне у Мерлина, ждет своего часа. Один раз он сам пересказывал мне расхожую легенду о «тинтагельском обмане». Рассказ, передаваемый из уст в уста, со временем украсился многими живописными подробностями. Получалось так, что якобы Мерлин волшебством перенес короля и его свиту, вместе с конями, невидимо, прямо в стены замка, а на следующее утро, при ясном свете, их оттуда вынес.

— И рассказывают, — заключил Артур, — что всю ту ночь на башнях замка спал, свернувшись кольцами, огромный дракон, и утром Мерлин улетел на нем, оставив за собою огненный след.

— Вот как? Этого я никогда не слышал.

— А ты разве знаешь эту историю? — спросил Бедуир.

— Я знáю одну песню, — ответил я. — Она ближе к истине, чем все, что вы могли услышать здесь на севере. Я выучил ее от человека, который некогда жил в Корнуолле.

В тот день с ними был Ральф, он слушал наш разговор и молча усмехáлся. Я посмотрел на него, вопросительно подняв брови, и он незаметно покачал головой. Как я и думал, Артуру не рассказывали, где он родился. И мудрено было об этом догадаться: выговор у него был скорее северный.

В тот вечер я поведал мальчикам правду, как ее знал — а кому и знать, как не мне? — без причудливых украшений, которые привнесло время и человеческое неведение. Видит бог, она и без того была вполне волшебной: воля богов и людская страсть, под покровом ночи стремящиеся на свет одной большой звезды, и посев, из которого должен был вырасти король.

— Так исполнилась божья воля и воля короля, а люди, люди, как им свойственно, ошибались и расплачивались за ошибки жизнью. Когда же настало утро, маг уехал один-одинешенек — лечить сломанную руку.

— И никакого дракона? — услышал я от Бедуира.

— Никакого дракона.

— А мне с драконом больше нравится, — упрямо сказал Бедуир. — Я все равно буду верить в дракона. Уехал один-одинешенек — ну куда это годится? Настоящий маг ни за что бы так не уехал, ведь верно, Ральф?

— Ну конечно, — подтвердил Ральф, подымаясь с места. — А вот нам пора. Смотрите, уже смеркается.

Но его словам не вняли.

— Знаете, что мне не понятно, — продолжал Бедуир. — Не понимаю я такого короля, которому лишь бы добиться женщины, а целое королевство пусть горит огнем. Добрый мир с вассалами стоит куда больше любви какой-то женщины. Я бы в жизни не поставил под удар важные вещи ради такой малости.

— И я бы тоже, — проговорил Артур, помолчав, и видно было, что поразмыслив. — Но все равно, понять это я, кажется, могу. Любовь нельзя сбрасывать со счетов.

— Но нельзя и жертвовать ради нее дружбой, — тут же возразил Бедуир.

— Это конечно, — согласился Артур. Я видел, что он думает о чувствах вообще, в то время как для Бедуира речь шла об одной определенной дружбе, одной определенной любви.

Ральф заговорил было снова, но в это время мелькнула большая тень, на мгновенье затмив свет лампы. Мальчики даже не взглянули вверх, ведь то была лишь старая белая сова, бесшумно влетевшая в окно и севшая на стропило. Но ее тень скользнула по моим плечам, точно ледяная ладонь. Я содрогнулся. Артур бросил на меня быстрый взгляд:

— Что с тобой, Мирддин? Это же только сова. А у тебя такое лицо, будто ты увидел призрак.

— Пустяки, — сказал я. — Сам не знаю, что мне померещилось.

Тогда я и вправду не знал, зато теперь знаю. Мы разговаривали, как обычно, на латыни, но промелькнувшую тень он назвал кельтским словом: *гуенхвивар* — «белая тень».

Позаботился я и о том, чтобы рассказать мальчикам об их родной стране и о ее недавнем прошлом, об

Амброзии и о войне, которую он вел против Вортигерна, и о том, как он объединил разные королевства, провозгласил себя верховным королем, повсеместно установил в своих землях законность, утвердив ее силою меча, так что какое-то время можно было мирно ездить из конца в конец по всей стране, не подвергаясь опасностям, а если кто и терпел обиду, всегда и против всякого, кто бы он ни был, мог получить у короля защиту и правосудие. Раньше мальчикам рассказывали это как историю, я же все видел своими глазами и был ближе других к тому, что свершалось, постоянно находясь при верховном короле, а в иных случаях и сам участвуя в возведении нового государства. Об этом мальчики, понятно, не должны были догадываться; я объяснил им просто, что был с Амброзием в Бретани, а затем и в битве у Каэрконана и в последующие годы восстановления. Каким образом это получилось, они никогда у меня не спрашивали, вероятней всего из деликатности, чтобы мне не пришлось рассказывать, как я служил в какой-нибудь низкой должности, вроде подручного у строителей или писца. Зато, помню, Артур просто забросал меня вопросами о том, как граф Британский — этим именем называл себя тогда Амброзий — собрал, обучил и снарядил армию, как переправил ее через Узкое море в землю думнониев, утвердил там знамя верховного короля и оттуда двинулся на север, чтобы огнем и мечом вытеснить Вортигерна из Доварда и наконец уничтожить огромное саксонское войско под Каэрконаном. Об организации, обучении и стратегии от меня требовался рассказ со всеми возможными подробностями, и каждую стычку с врагом, какую мне удавалось припомнить, мальчики по нескольку раз переигрывали на вычерченной в пыли карте.

— Говорят, скоро снова будет война, — жаловался Артур, — а я еще слишком молод и не смогу принять участие в деле.

Он сокрушался об этом не таясь, как пес, которого погожим осенним утром хозяин не взял на охоту. А ему через три месяца исполнялось десять лет.

Естественно, разговоры были не только о войне и высоких материях. В иные дни мальчики резвились, как два щенка, бегали, возились, скакали взапуски вдоль берега реки, купались нагишом в озере, распугивая всю рыбу на мили в округе, или брали луки и уходили с Ральфом вверх по склону горы стрелять голубей и зайцев. Иногда отправлялся с

ними и я, но охота не принадлежит к числу моих любимых забав. Иное дело — когда мне взбредало на ум вытащить рыболовную снасть, оставшуюся после старика отшельника, и попытать счастья в светлых водах озера. Там мы проводили время с большой приятностью, Артур удил нетерпеливо и неудачно, я наблюдал за ним, и при этом мы тихо беседовали. Бедуир рыбную ловлю не любил и уходил с Ральфом в лес, но Артур даже в те дни, когда ветер и непогода не сулили рыбакам успеха, все равно предпочитал оставаться со мной, а не искать иных забав под присмотром Ральфа.

Теперь, оглядываясь назад, я вспоминаю, что такое положение меня ничуть не удивляло. В этом мальчике была вся моя жизнь, любовь к нему наполняла каждый мой час, и я ни о чем не задумывался, принимая как подарок небес его откровенную тягу ко мне. Я просто говорил себе, что у него есть потребность отдохнуть от многолюдного житья в замке и от покровительства старшего брата, готовящегося занять место в жизни, о котором он, Артур, не вправе даже мечтать, что ему хочется побыть с Бедуиром в мире вымыслов и героических деяний, где он чувствовал себя в своей стихии. Приписывать его склонность любви я себе не позволял, да если бы и догадывался о природе его чувств, я тогда не вправе был ей потворствовать.

Бедуир прожил в Галаве год с небольшим и поздней осенью, незадолго до одиннадцатого дня рождения Артура, уехал домой, с тем чтобы летом вернуться обратно. После его отъезда Артур одну неделю открыто хандрил, другую был неузнаваемо тих, а потом разом встрепенулся, взбодрился и зачастил ко мне пуще прежнего, пренебрегая ноябрьским ненастьем.

Не знаю, под каким предлогом Эктор так часто отпускал его ко мне. Вернее всего, никаких предлогов и не требовалось: мальчик выезжал из дому чуть не всякий день, не глядя на погоду, и, если сам не объявлял, куда едет, обычно никто его и не спрашивал. Было, разумеется, известно, что Артур — частый гость у мудреца в Зеленой часовне, но если кто и задумывался об этом, то разве чтобы похвалить мальчика, что он водит дружбу с ученым человеком, и больше уже к этой мысли не вернуться.

Я не делал попыток обучать Артура, как в свое время обучал меня мой наставник Галапас. Чтение и счет его мало интересовали, а навязывать ученье мне не хотелось: став королем, он сможет пользоваться в этих делах услугами

других людей. Школьные науки ему в достаточной мере преподавал аббат Мартин и его монахи. Я обнаружил у мальчика склонность к языкам сродни моей собственной: помимо местного кельтского наречия, он помнил еще бретонский язык своего раннего детства, а Эктор, памятуя о будущем, постарался исправить его северный выговор, так чтобы речь его была понятна повсюду в Британии. Я решил обучить его древнему языку, но с удивлением обнаружил, что он уже немного знаком с ним и медленно произнесенную фразу способен понять. Я поинтересовался: откуда? Он удивленно посмотрел на меня и ответил:

— От жителей гор, само собой. Кроме них, на древнем языке теперь не говорит никто.

— А ты разве с ними разговаривал?

— О да. Один раз, когда я был маленький, лошадь сбросила солдата, с которым я катался, он сильно расшибся, и тогда появились двое жителей гор и помогли. Они, похоже, знали, кто я.

— Вот как?

— Да. После этого я часто встречался с ними в разных местах и научился немного по-ихнему разговаривать. Но я хотел бы выучиться лучше.

Другие мои искусства, музыку и медицину, и так любовно накопленные сведения о зверях и птицах и прочей живности я ему передавать не пытался. Зачем? Они ему не понадобятся. Звери интересовали его только как объект охоты, и тут о повадках дикого оленя, волка или кабана он уже знал, пожалуй, не меньше моего. Не делился я с ним и моими знаниями о машинах: их для него опять-таки будут изобретать и строить другие; ему надо было только разбираться в их употреблении, а этому, как и разным приемам ведения войны, он с успехом обучался у воинов Эктора. Но как некогда Галапас меня, так я научил его чертить и понимать карту, а заодно и показал ему карту звездного неба.

Однажды он спросил:

— Почему ты иногда смотришь на меня так, словно я тебе кого-то напоминаю?

— Разве я так смотрю?

— Сам знаешь, что смотришь. Кого же?

— Меня самого. Немножко.

Он поднял голову от карты, которую мы с ним изучали.

— Как это понимать?

— Я ведь говорил тебе, в твоем возрасте я тоже ездил в горы в гости к моему другу Галапасу. Мне вспомнилось, как он впервые показал мне карту. Он заставлял меня трудиться куда больше, чем я тебя.

— А-а.

Больше он тогда ничего не сказал, но вид у него был разочарованный. Откуда он взял, удивился я, что от меня сможет узнать тайну своего рождения? Только потом мне пришло в голову, что он, должно быть, хотел, чтобы я все это просто для него «увидел». Может быть. Но просить он меня не стал.

5

Прошел еще год и еще, а война все не начиналась. Но в тринадцатую весну Артура Окта и Эоза бежали из заточения и укрылись на юге у союзных саксов. Поговаривали, что в побеге им помогли лорды, на словах преданные Утеру. Прямо винить Лота или Кадора оснований не было, имена предателей не назывались, но слухи ползли упорно, и по всей стране нарастало беспокойство. Выходило так, что все старания Амброзия насильственно объединить государство пропали втуне: каждый мелкий король радел, подобно Лоту, только о своих выгодах и своих границах. А Утер был уже не тот, что прежде, блистательный воитель, восхищавший и устрашавший соседей, он теперь слишком зависел от союзников и потому сквозь пальцы смотрел, как они набирают силу.

Вторая половина года прошла сравнительно спокойно — были, конечно, как обычно, набеги с севера и с юга на дикие спорные земли по обе стороны от вала Адриана, и летом на восточное побережье несколько раз высаживались саксы и не встретили — как говорили люди — надлежащего отпора от тех, кому была поручена защита. На западном побережье из-за штормов в Ирландском море было тихо, и я получил известие, что Кадор приступил к восстановлению фортификаций в Сегонтиуме. Король Утер не слушал советников, которые твердили ему, что беды следует ждать прежде всего с севера, и пребывал между Лондоном и Винчестером, занимаясь главным образом охраной Саксонского берега и укреп-

лением зала Амброзия и держа наготове ударные силы, чтобы бросить их туда, где враг вторгнется в наши пределы. Тогда еще мало что могло привлечь его внимание к северу, о великом наступательном союзе заморских племен ходили только самые туманные слухи, а на южном берегу весь год продолжались мелкие набеги, и там королю постоянно приходилось их отражать. Королева между тем покинула Корнуолл и со всей своей святой перебралась в Винчестер. Туда король приезжал к ней, когда только мог. От людей, конечно, не укрылось, что он больше не оказывает внимания другим женщинам, но о бессилии речи не было: красавицы, которым пришлось с ним столкнуться, приписали королевскую слабость временному недомоганию и помалкивали. Видя, что он теперь все свободное время проводит у королевы, люди стали говорить, что он дал ей обет верности. И если кое-кто из женщин и оплакивал потерю любовника, зато отцы семейств, привыкшие запирать дочек при известии о приезде короля, теперь радовались и восхваляли его за то, что к доблести он добавил добродетель.

А доблесть к нему, по-видимому, действительно вернулась, хотя рассказывали, что он стал неспокоен и раздражителен и порой выказывал зверскую жестокость к побежденным врагам. Впрочем, это скорее одобрялось как проявление силы в минуту, когда сила была стране необходима.

Сам я сумел исчезнуть с людских глаз вполне незаметно. Если кто и выражал недоумение по этому поводу, то одни предполагали, что я переплыл обратно через Узкое море и отправился в путешествие, а другие — что уединился в каком-то новом укрытии и опять предался наукам. Я слышал от Ральфа и Эктора — а иногда и от ничего не подозревающего Артура, — что сведения обо мне приходили из разных концов страны. Рассказывали, что, как только Утер занедужил, тут же к берегу в золотой барке под алым парусом пристал Мерлин, пересел на коня и поскакал в замок, а исцелив короля, исчез, растворившись в воздухе. Потом его якобы видели в Брин Мирддине, хотя, как он туда приехал, никто не заметил. (А ведь я менял лошадей в обычных местах и ночевал всегда в придорожных тавернах.) После же этого, рассказывали, маг Мерлин завел привычку появляться в самых разных уголках страны и тут же исчезать. Он исцелил больную женщину близ Акве Сулис, а неделей позже был встречен людьми за четыреста миль оттуда в Каледонском лесу. Россказни эти множились, сочиняемые досужими людьми, которые стремились придать себе значительности передачей таких «но-

востей». Иной раз, как случалось и прежде, какой-нибудь бродячий лекарь или самозваный прорицатель объявлял себя «новым Мерлином», а то и прямо присваивал мое имя: это внушало больным доверие и в случае выздоровления не причиняло вреда; если же больной умирал, люди потом говорили: «Значит, это был все-таки не Мерлин, его бы чары подействовали обязательно». Лже-Мерлин к этому времени бывал уже далеко, а моя врачебная слава не страдала.

Так я хранил тайну и не терпел урона. Незаметного отшельника в Зеленой часовне не касалось никакое, даже минутное, подозрение.

Изредка мне удавалось переправить королю успокоительное известие. Больше всего я опасался, что у него не хватит терпения и он либо раньше срока потребует мальчика к себе, либо же своими неосторожными действиями выдаст Эктора и меня находящимся при нем соглядатаям. Но Утер молчал. Эктор в разговоре со мной как-то признался, что не понимает, чем руководствуется король: то ли по-прежнему считает, что мальчику быть при нем в Лондоне пока опасно, то ли в глубине души еще надеется вопреки очевидности, что у него родится другой сын.

Я же полагал, что ни то, ни другое. Беднягу Утера одолевали заботы, измены, немочи, к которым он был так непривычен; к тому же в ту зиму и королева начала прибаливать. Ему просто было недосуг, мысли не доходили до незнакомого мальчишки, который живет где-то и дожидается своего срока, чтобы перенять у него то, что ему день ото дня становилось все труднее удерживать.

Что же до королевы, то я за эти годы много раз дивился ее молчанию. Ральф как-то ухитрился тайно поддерживать связь со своей бабкой и через нее извещал королеву о благополучии ее сына. Но Игрейна, насколько можно было судить по рассказам, хоть и любила свою дочь Моргиану и, наверно, сына тоже могла бы полюбить, тем не менее оказалась способна вполне, на мой взгляд, равнодушно смотреть, как ее детей делают орудиями королевской политики. Моргиана и Артур были для нее лишь залогами ее любви к королю: дав им жизнь, она сразу же вновь всем существом обращалась к мужу. Артура она почти не видела и довольствовалась сознанием, что в один прекрасный день, когда понадобится королю, он явится, молодой и могучий, из своего тайного убежища и окажет королю поддержку. А Моргиану, единственную дочь,

которой она отдала всю свою материнскую ласку, она соглашалась (бровью не поведя, как было сказано в письме Марсии) отдать замуж в чужие края, что должно было привлечь холодное северное королевство и его сумрачного властелина на сторону Утера в предстоящей борьбе. Когда я рассказывал Артуру о всепожирающей страсти, которая некогда овладела Утером и Игрейной, я и вполовину не передал того, что было на самом деле. Игрейна и теперь была прежде всего возлюбленной Утера и только потом королевой: мать королевских детей, она интересовалась ими не больше, чем ястреб, когда его птенцы слетают с гнезда. Так оно было и лучше для нее. И для Артура, я полагал, тоже. Все, что ему было теперь нужно, он получал от Эктора и его достойной супруги.

Я не поддерживал связи с Брин Мирддином, но каким-то кружным путем Эктор добыл для меня оттуда свежие вести. Стилико женился на Мэй, дочке мельника. Родился у них мальчик. Я послал Стилико поздравления и денег в подарок, а также самые страшные заклятья, чтобы он не допустил жену или сына прикоснуться к книгам и инструментам, хранящимся в пещере. После этого я забыл о них.

Ральф тоже обзавелся женой на второе лето моей жизни в Диком лесу. Резоны у него были иные: он очень долго добивался своей избранницы и обрел счастье на ее ложе только после христианского бракосочетания. Даже если бы я и не знал, что эта девушка добродетельна и что Ральф томился по ней больше года, как жеребчик в загоне, легко было бы об этом догадаться, видя, как развернулись, расцвели его освобожденные силы. Она была пригожа, приветлива и мила и вместе с девством отдала ему всю свою преданность и любовь. Что же до Ральфа, то он был обыкновенный молодой человек и, как все, не отказывался при случае от плотских радостей. Однако после женитьбы, сколько знаю, никогда не смотрел на сторону, хотя был хорош собой и в позднейшие годы, естественно, пользовался большой милостью у короля и многие были бы рады воспользоваться им для достижения влияния, заодно с удовольствием. Но он был не из таких.

Я думаю, люди в Галаве не могли взять в толк, почему такой блестящий молодой джентльмен остается дядькой при Экторовом приемыше, тогда как даже юный Кей ездил с отцом и его ратниками, если возникала тревога, но Ральф имел характер твердый и на насмешки не поддавался и к тому же мог сослаться на строгий графский приказ. Слож-

нее было бы, наверное, если бы его вздумала упрекать молодая жена, но она уже ждала ребенка и только рада была, что муж всегда дома, при ней. Сам Ральф, конечно, немного томился, я знаю, но однажды в доверительном разговоре со мной сказал, что, если только Артур станет признанным наследником престола и займет свое законное место при короле, он, Ральф, будет считать свою жизнь прожитой не зря.

— В ту ночь в Тинтагеле ты говорил, что нас ведут боги, — напомнил он мне. — Я — не ты и с богами дружбу не вожу, но я не представляю себе юноши, который был бы более достоин принять меч верховного короля, когда Утер выпустит его из рук.

И все, что я слышал об Артуре, служило тому подтверждением. Когда я спускался в селение за провизией или в таверну — узнать последние новости, рассказы об Экторовом приемыше Эмрисе были у всех на устах. Уже в те времена его личность накапливала вокруг себя легенды, как капель с пещерного свода накапливает слои извести.

Один человек в переполненной таверне рассуждал при мне так:

— Говорю вам, ежели бы мне кто сказал, что он — Драконова семени, ублюдок покойного верховного короля, я бы вот ей-же-ей поверил.

Люди закивали, и кто-то заметил:

— Ну так и что ж? Утеровым-то щенком он вполне бы мог оказаться. И то странное дело, что их тут толпы не ходят. Уж он юбочник был, каких свет не видывал, покуда с хвори его на добродетель не потянуло.

Другой возразил:

— Будь у него тут дети, он бы их беспременно признал.

— Это уж точно, — подхватил первый. — Истинно так. У него стыда сроду было не больше, чем у быка. Да и чего бы ему стыдиться? Вон девчонка, что он родил в Бретани, Моргауза ее вроде звать, при дворе живет в почете, и всюду, где король, там и она. Про троих его отпрысков только и известно: две девчонки да принц, что воспитывается при каком-то иноземном дворе.

Затем разговор, как обычно в те дни, перешел на престолонаследие и на юного принца Артура, который растет в дальнем королевстве, куда перенес его маг Мерлин.

А между тем прятать его, как видно, уже оставалось недолго. Глядя, как он на полном скаку выезжает из лесу по горной тропе, как ныряет и борется с Бедуиром в лет-

них водах озера или жадно впитывает мои чудесные рассказы, как впитывает почва влагу дождя, я только диву давался: неужели не видят другие исходящего от него царственного сияния, подобного тому, что источал меч на алтарном камне в моем ослепительном видении.

6

А потом наступил год, который даже теперь называется Черным годом. Артуру исполнилось тринадцать. В Рутупиях от какой-то заразы, подхваченной в долгом заточении, умер саксонский вождь Окта; его кузен Эоза отправился в Германию, встретился там с сыном Окты Колгримом, и нетрудно догадаться, о чем они там сговорились. Король Ирландии переплыл море, но высадился не на Ирландском берегу, где его поджидали Кадор под Дэвой и Маэлгон Гвинеддский за поспешно восстановленными укреплениями Сегонтиума; нет, его паруса объявились у побережья Регеда, и он ступил на сушу в Стрэтклайде, где был дружески принят пиктскими вождями. У них был договор с Британией еще со времен Максена, подтвержденный при Амброзии; однако сегодня уже нельзя было предугадать, какой ответ они дадут на ирландские предложения.

А тут еще и другие беды, чувствительнее этих, обрушились на страну. Пришел голод. Весна выдалась долгой, холодной и дождливой, вода не сходила с полей, когда давно уже прошли сроки сева и хлебам пора было зазеленеть на пашнях. По всему югу падал скот, в Галаве дохли даже неприхотливые сизорунные овцы, болезнь разъедала им ноги, и они не могли пастись на верещатниках по склонам гор. Поздние заморозки погубили садовый цвет, а зеленя если где и встали, то бурели и сгнивали на корню в затопленных полях. С севера шли зловещие слухи. Один друид потерял голову и поносил Утера за то, что тот увел страну от старой веры, а некий христианский епископ в церкви с амвона провозгласил Утера язычником. Рассказывали о каком-то покушении на жизнь короля и о жесточайшей расправе, которую он учинил над виновниками.

Так, в бедствиях, прошли весна и лето, и к началу осени страна превратилась в бесплодную пустыню. Люди мерли с голоду. Пошли толки, что на Британии лежит про-

клятие, но как считать, то ли бог гневался за то, что в сельские святилища все еще несли жертвы, или же древние божества гор и лесов негодовали на всеобщее небрежение, — этого никто не знал. Одно было бесспорно: земля оскудела и короля Утера донимала немочь. В Лондоне собрался совет знати и потребовал, чтобы король назвал своего наследника. Но, как рассказывал мне Эктор, Утер все еще медлил, не зная наверняка, кто ему друг, кто недруг; он ответил только, что сын его жив и здравствует и весной на пасхальном пиршестве будет представлен лордам. А тем временем дочь его Моргиану, достигшую двенадцатилетнего возраста, должны были к Рождеству увезти для бракосочетания на север.

Осенью погода переменилась. Стало сухо и тепло. Погибший урожай и издыхающий скот это уже не могло спасти, но люди, истосковавшиеся по солнечным лучам, немного отогрелись, и редкие плоды, уцелевшие на ветвях после весенних бурь и летней сырости, все же успели теперь вызреть. В Диком лесу клубились, расползаясь меж стволов, утренние туманы и всюду, куда ни глянь, переливалась алмазами сентябрьская паутина. Эктор уехал из Галавы для встречи с Регедом и его союзниками под Лугуваллиумом. Король Ирландии отплыл обратно к себе домой, и в Стрэтклайде по-прежнему царил мир, но надо было выставить защиту от Итуны до Лугуваллиума, и дело это предполагалось возложить на Эктора. Кей отправился с отцом. Артур, без каких-то трех месяцев четырнадцати лет от роду и ростом с шестнадцатилетнего юношу, уже и теперь, по утверждению Ральфа, отлично владеющий мечом, горько обиделся и замкнулся в себе. Он почти все время проводил в лесу, иногда со мной (хотя не так часто, как прежде), но большей частью, рассказывал мне Ральф, охотясь или носясь верхом по каменистым склонам.

— Хоть бы уж король предпринял какой-нибудь шаг, — вздыхал Ральф. — Не то мальчик сломает себе шею. Он словно чувствует, что его что-то ожидает в будущем, а что — не догадывается, и не знает покоя. Как бы он не убился, честное слово. На эту его новую лошадь, он зовет ее Канрит, я, если правду сказать, сам бы по своей воле никогда не сел. Зачем только Эктор ему ее подарил — понять не могу. Хотел вину, что ли, свою искупить, что не берет его с собой?

Наверное, Ральф был прав. Этого белого жеребца Эктор оставил у Артура, отправляясь с Кеем в Лугуваллиум. Бедуир тоже уехал, а ведь был не старше Артура. Труд-

но же было, я думаю, Эктору объяснить, почему остается дома Артур. Но пока молчит Утер, он ничего не мог сделать.

Наступило сентябрьское полнолуние. В небе сияла большая луна, которую у нас зовут «урожайной». Погожими теплыми ночами она бесполезно изливала свет на мертвые нивы, освещая разве грабителей, выходящих ночью из укрытий, чтобы напасть на отдельно расположенные усадьбы, да военные отряды, с утра до ночи и с ночи до утра перебрасываемые по дорогам из одной опасной точки в другую.

Стояла одна из таких ночей. Я не мог уснуть. Болела голова. Я чувствовал, как меня обступают призраки, как близятся видения. Но образы не обретали цвета и очертаний, голоса молчали. Так мучает предчувствие грозы, охватывая тело словно душным одеялом, а молния все никак не взблеснет и дождь не хлынет, не промоет обложенные тучами небеса. Потом пришел долгожданный рассвет, туманный и серый, я встал, взял хлеба и горсть олив из кувшина и спустился по лесной тропе к берегу озера, чтобы смыть усталость бессонной ночи.

Утро было тихое-тихое, не различить, где кончается туман и начинается озерная гладь. Вода соприкасалась с плоским галечным берегом беззвучно и недвижно. Позади меня высились сосны, обвитые туманом, ароматы их еще не проснулись. Нарушить эту тишину, разбить девственную гладь воды было просто святотатством, но холодное купание смыло липкие пряди ночи, и, вытершись и одевшись, я с удовольствием съел свой завтрак, а затем устроился с удочкой дожидаться восхода в надежде, что поднимется ветерок и разобьет гладкое зеркало воды.

Наконец, бледное сквозь туман, встало солнце, но ветерка с собой не принесло. Только выступили из серой мути верхушки сосен да на том берегу черный лес поднялся по облачным горным уступам. Водная гладь переливалась отсветами в тумане, точно жемчужина.

Ни ряби, ни кругов на воде, ни легчайшего дыханья ветерка. Я отчаялся и уже решил уходить, как вдруг у меня за спиной послышался шум и треск: кто-то скакал к берегу прямо через лес, не разбирая дороги. Не всадник: бег был слишком легкий и скорый.

Я замер в полуобороте и ждал. По спине пробежал холодок, вспомнилась мука бессонной ночи. Заныли кончики пальцев: я крепко, до боли, сжал удилище.

Так значит, это накапливалось всю ночь. Всю ночь готовилось свершиться! Ночь? Но разве я не ждал этого вот уже четырнадцать лет?

В полусотне шагов от меня из зарослей вырвался благородный олень. Сразу заметил меня, остановился, высоко вскинув рога, готовый броситься в другую сторону. Олень был белый. Зато раскидистые ветви рогов над его снежным лбом отливали небывалым золотисто-бронзовым блеском, а глаза рдели, как два граната. И все-таки он был настоящий: на белой шкуре темнели потеки пота, густая шерсть в подбрюшье и на груди сочилась влагой. Вокруг шеи повис, будто желтый венок, случайно зацепившийся побег вербейника. Олень оглянулся через плечо и на прямых, как жерди, ногах пошел в воду. Скачок, еще скачок, вот он уже по плечи воде и плывет на середину озера.

Озерная гладь разбилась, от оленьей шеи потянулись углом две борозды. И, как эхо, в лесу опять раздался шум и треск. Еще кто-то мчался, ломая подлесок.

Я ошибался, думая, что ни одна тварь не может в лесу сравниться быстротой с бегущим оленем. Из зарослей в том же самом месте выскочил Кабаль, белый гончий пес Артура, и, не помешкав, бросился в воду. А еще через секунду появился и сам Артур на жеребце Канрите.

Он на полном скаку, вздернув на дыбы, осадил коня у воды. Натянутый лук с заложенной стрелой был у него в руке. Он поднял его и прицелился, пока жеребец опускал передние ноги. Но олени плавают, целиком погружаясь в воду, одна только белая голова быстро резала зеркальное лоно, и закинутые назад рога волочились концами по воде, будто ветви. А следом, заслоняя его от Артура, плыл пес. Артур опустил лук и повернул жеребца, готовясь пуститься в объезд вокруг озера. Но прежде, чем вонзить шпоры, успел заметить меня. С громким возгласом он поскакал ко мне по прибрежному галечнику. Лицо его пылало.

— Видел его? Белый как снег и голова императорская! Я в жизни таких не встречал! Еду в обход. Кабаль его настигает и задержит, пока я не подоспею. Прости, я помешал тебе удить рыбу.

— Эмрис...

Он нетерпеливо отозвался:

— Ну что?

— Взгляни. Он плывет к острову.

Он резко обернулся и посмотрел туда, куда я показывал. Олень скрылся в тумане, и пес вместе с ним. Исчезли бесследно, только мелкая рябь еще бежала, разглаживаясь к берегу.

— К острову? Ты уверен?

— Совершенно.

— Все дьяволы преисподней! — вне себя воскликнул он. — Надо же быть такой незадаче! А я-то подумал, что он мой, раз Кабаль уже у него на хвосте. — Он не отпуская поводья, растерянно оглядывая озеро в белых дымных клубах, а жеребец нетерпеливо переступал ногами. Остров посреди озера, видно, внушал мальчику такой же трепет, как и всякому, кто вырос в этих местах. Но вдруг он твердо сжал рот и дернул довод. — Я поплыву на остров. С оленем, я вижу, приходится распрощаться — такое не сбывается, — но Кабаля потерять я не согласен. Мне подарил его Бедуир, и будь я проклят, если уступлю его хоть Билису, хоть кому другому ни в этом мире, ни в ином. — Он заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. — Кабаль! Кабаль! Ко мне! Кому говорят!

— Бесполезно. Теперь ты его не отзовешь.

— Это верно. — Он набрал в грудь воздуху. — Ну ладно. Делать нечего, придется плыть на остров. Если твоя магия, Мирддин, туда достанет, вели ей сопровождать меня.

— Она всегда с тобой, ты это знаешь. А ты неужто думаешь переплыть озеро на коне?

— Он доплывет, — взволнованно отозвался Артур, направляя жеребца в воду. — В объезд на тот берег слишком далеко. А если олень начнет карабкаться на утесы и Кабаль за ним...

— Но почему не в лодке? Ведь это быстрее, и можно будет обратно привезти в ней Кабаля.

— Да, но ведь из нее надо сначала вычерпать воду. Как всегда.

— Я только нынче утром вычерпал. Сейчас садись и греби.

— Неужели правда? В первый раз за целый день вдруг повезло! Так ты куда-то собирался? Поплывем со мной.

— Нет. Я останусь здесь. Ступай, Эмрис, плыви за своим псом.

Мгновенье он неподвижно сидел верхом на неподвижном коне, глядя на меня сверху вниз. В лице его выразилось минутное волнение — или страх? — но тут же все сменилось нетерпением. Он соскользнул с седла, сунул повод мне в руку. Потом отпустил тетиву на своем луке, надел его себе через голову и побежал к лодке. Это была простенькая плоскодонка, она хранилась у меня в маленькой заводи, вытащенная на песок среди камышей. Артур с разбега спихнул ее на воду и впрыгнул через борт. А я стоял и смотрел, держа

в поводу его коня. Отталкиваясь шестом, он вывел лодку на глубокое место и, взявшись за весла, стал грести.

Я вытащил у жеребца из-под седла скатанную попону, прикрыл ему потную спину, привязал его и оставил на траве пастись, а сам вернулся к своей удочке у воды.

Солнце поднялось уже высоко, лучи его набирали силу. Синей молнией промелькнул зимородок. Над водой плясали прозрачнокрылые стрекозы. Запахло дикой мятой, из путаницы незабудок выбежала юркая трясогузка. Застрекотала маленькая краснобрюхая цикада, повисшая вниз головой на тростнике. Туман под лучами солнца легко заколебался, стал подниматься над зеркальной водой, задвигался, заклубился, как призрак ночи, как дым волшебного огня...

Берег, красная цикада, белый конь на зеленой траве, смутный лес у меня за спиной — все затуманилось, стало призрачным. Не отрывая широко раскрытых глаз, я смотрел и смотрел в глубь безгласной, слепой туманной жемчужины.

Он греб изо всех сил, то и дело оглядываясь через плечо на приближающийся остров. Сначала просто что-то смутно темнело над водой, но постепенно стал вырисовываться берег, увешанный плакучими ветвями деревьев. За деревьями, туманные и неправдоподобные, высились отвесные утесы, точно стены и башни грозного замка на скальном основании. Там, где прибрежный песок соприкасался с водой, змеилась сверкающая серебряная кайма, четко разделяя остров и его отражение. Одетые туманом деревья и высокие бастионы утесов невесомо плавали над водой, как призраки в призрачной дымке.

Лодка быстро приближалась к острову. Артур все оглядывался и звал любимого пса:

— Кабаль! Кабаль!

Зов его громко отдавался по воде, возносился по отвесным утесам и наверху замирал. И пес, и олень исчезли бесследно. Артур снова налег на весла, и легкая лодка быстрее заскользила по волнам.

Вот под днищем заскрежетала галька. Он выскочил из лодки. Вытянул ее повыше и зашагал по узкой травянистой полосе. Солнце поднялось, и свет его разливался все ярче, отраженный белым туманом и белой водой. К самому берегу клонились ветви берез и рябин, все еще отягощенные влагой. Рябиновые гроздья пламенели. Земля пестрела ромашками, вероникой, желтыми звездочками камнеломки. Поздние

цветки наперстянки по склонам вздымали свои пики сквозь ежевичные плети. Побуревшая к осени таволга наполняла воздух густым медвяным ароматом.

Мальчик раздвинул нависшие ветви, продрался через заросли куманики, остановился на травянистом откосе и, прищурившись, разглядывал вздымающиеся впереди утесы. Снова позвал пса, и снова крик замер без ответа. Туман над землей теперь быстро рассеивался, отходя к вершинам, основания утесов заливал яркий, но неверный блеск. Вдруг Артур замер, задрав голову. По отвесной расселине, издалека казавшейся не более чем морщинкой на гладкой стене, скакал снизу вверх белый олень, легкий, как клочок тумана, растворяющийся в воздухе.

Артур бросился бежать вверх по травянистому склону, глушившему шаги. Высокий желтый папоротник раздавался перед ним, раскидывая во все стороны блестящие капли.

У подножия утеса он остановился и еще раз огляделся вокруг. К нему словно вернулся недавний священный трепет. Так медлит человек не от боязни, а когда сознает, что за новым его шагом последуют события, которые предвидеть до конца ему не дано. Он запрокинул голову, рассматривая высившуюся перед ним скальную стену. Белого оленя не было видно, отвесные утесы еще больше, чем издалека, походили на замок, увенчанный солнцем.

Артур перевел дух, встряхнул головой, будто вынырнул из воды, и снова позвал, теперь негромко:

— Кабаль! Кабаль!

В ответ где-то совсем близко, нарушая зловещую тишину, раздался собачий лай. Страх и ликование звучали в нем. Он донесся сверху, с каменной стены. Мальчик недоуменно осмотрелся. И сразу же за зеленой древесной завесой заметил вход в пещеру. В это время Кабаль опять залаял — не от страха или от боли, а как подают голос псы, преследующие дичь. Не колеблясь более ни мгновенья, Артур нырнул в темную глубину пещеры.

Потом он так и не смог объяснить, каким образом продвигался в кромешной тьме. Я думаю, что он скорее всего подобрал кресало и факел, которые я там бросил; но сам он ничего этого не помнит. А может быть, правда то, что помнит он: будто бы там повсюду был разлит слабый, переливчатый свет, как бы отражавшийся от зеркальной поверхности подземного озера в гроте с колоннами.

А там, где вода кончалась, на постаменте лежал меч. Из каменного свода над ним капля за каплей стекала вода, содержащаяся в ней известь годы собиралась и твердела, так что кожаные ножны меча, по-прежнему надежно защищая блестящий клинок, сами затвердели под этой капелью, будто каменные. Так он и покоился, одетый известковой скорлупой, и видна была только его удлиненная ферма да торчала наружу рукоять в форме креста.

С виду — меч, но только каменный, будто бы случайная игра природы, известковый натек на камне. Быть может, Артуру вспомнился другой меч, тоже каменный, который он когда-то пытался ухватить в Зеленой часовне, а может быть, перед ним на миг тоже приоткрылось будущее. Жестом быстрее мысли, опережая сознание, он наложил руку на рукоять.

Слова свои он обратил ко мне, словно я находился рядом; мое присутствие и в самом деле было сейчас для него так же ощутимо, как и присутствие белого пса, который, повизгивая, сидел у воды.

— Я потянул и легко вытащил его из камня. Это прекраснейший меч в мире. Я назову его Калибурн.

На берегу туман окончательно рассеялся под лучами солнца, но все еще покрывал остров. Невидимый для глаз остров плавал на перламутровой воде.

Я не знал, сколько времени прошло. Солнце стояло высоко и заливало горячим светом зажатое в холмах озеро. Блеск воды резал глаза. Я заморгал, встряхнул головой, потянулся.

Сзади меня послышался шум, перестук копыт. Я подумал, что отвязался белый жеребец, и быстро обернулся.

В тридцати шагах от меня из лесу плавно, как облако, выехал на серой лошади Кадор Корнуэльский в сопровождении отряда конников.

7

Кажется, первое, что я ощутил, была досада: как это меня застали врасплох? Почему не предупредили лесные жители, охранявшие Артура? Да и я сам, маг Мерлин,

не чувствовал в воздухе никакой угрозы: картины, заслонившие приближающийся отряд от моих глаз и ушей, не содержали ничего, кроме света и долгожданного свершения. Единственной отрадой могло быть то, что Артура при мне не застали, и единственной надеждой — что под обличьем отшельника я останусь не узнан и Кадор проедет мимо, прежде чем Артур вернется с острова.

Все это мелькнуло у меня в уме за тот миг, пока Кадор, вскинув руку, остановил свой отряд, а сам я подобрал удочку и поднялся на ноги. С готовой ложью на устах я почтительно склонился навстречу Кадору, который подскакал и в десяти шагах от меня остановился. И сразу же мне пришлось оставить всякую надежду на то, что меня не узнают: в окружении солдат за спиной Кадора я увидел связанного Ральфа с кляпом во рту.

Я сразу выпрямился. Кадор склонил голову в приветственном поклоне — ниже он не поклонился бы и самому королю.

— Приятная встреча, принц Мерлин.

— Приятная? — кипя яростью, отозвался я. — Ты зачем схватил моего слугу? Он уже давно не твой. Вели его освободить.

Он сделал знак, и солдаты по обе стороны от Ральфа отпустили ему руки. Он выдернул кляп изо рта.

— Ты ранен? — спросил я.

— Нет. — Он тоже был зол и раздосадован. — Моя вина, господин. Они напали, когда я ехал через лес вверх по горной тропе. И, узнав меня, решили, что и ты можешь быть поблизости. Для того и заткнули мне рот, чтобы я не предупредил тебя криком. Хотели застигнуть врасплох.

— Не кори себя. Твоей вины тут нет никакой.

Я уже вполне овладел собой и лихорадочно искал тем временем хотя бы обрывки недавнего видения. Где сейчас Артур? Все еще на острове с Кабалем и чудесным мечом? Или уже плывет обратно под покровом тумана? Но я ничего не видел сверх того, что открывалось моим глазам здесь, в ясном свете дня, и понимал, что чары нарушены и я утратил с ним связь.

Я обратился к Кадору:

— Странно ты делаешь свое дело, герцог! Зачем было вязать Ральфа? Если ты хотел меня видеть, стоило только сесть на коня и приехать сюда. Через лес проезд никому не заказан, и двери Зеленой часовни открыты и день и ночь. Я бы от тебя не убежал.

— Так, стало быть, это ты и есть отшельник из лесной часовни?

— Я.

— А Ральф прислуживает тебе?

— Именно так.

Он сделал знак своим людям оставаться в отдалении, а сам подъехал вплотную ко мне. Привязанный рядом белый жеребец заржал и вскинулся на дыбы при приближении серой лошади. Кадор натянул поводья и заглянул мне в лицо, вопросительно подняв брови:

— А этот конь? Тоже твой? Не странный ли выбор для отшельника?

Я ответил язвительно:

— Ты сам знаешь, что это не мой конь. Раз вы выследили в лесу Ральфа, значит, видели, конечно, и одного из сыновей графа Эктора. Они приехали вместе. Мальчик удит на озере рыбу. Когда он возвратится, я не знаю. Часто он по целым дням проводит на воде. — Я решительно отвернулся от озера. — Ральф, дождешься здесь его. А ты, герцог, раз уж тебе так не терпелось встретиться со мной, что ты даже не постеснялся схватить моего слугу, не последуешь ли за мной в часовню и не сообщишь ли мне свои вести с глазу на глаз? Заодно объяснишь, что, кроме превратностей охоты, привело тебя и твоих корнуэльцев так далеко на север?

— Война меня привела. Война и королевский приказ. Я думаю, даже ты здесь, в своем заточении, не мог не слышать Колгримовы угрозы. Но к этому озеру я завернул, можно сказать, по счастливой случайности. — Он улыбнулся и с любезностью добавил: — Да и какая уж там охота? Разве ты, принц Мерлин, не знаешь, что тебя разыскивают по всей стране?

— Мне это известно. Здесь я скрываюсь по собственной воле. Так что же, герцог, пойдем? Оставим Ральфа ждать мальчика...

— Экторова сына, не так ли? — Он даже не подумал двинуться вслед за мной прочь от воды, но по-прежнему с улыбкой сидел недвижно на рослой серой лошади. Вид у него был самоуверенный, тон высокомерный. — И ты всерьез надеешься, что я уйду с тобой отсюда и оставлю Ральфа ждать этого... э-э-э... отпрыска графа Эктора? Чтобы ты опять унес его куда-нибудь и спрятал на долгие годы? Поверь мне, принц...

В этот миг с озера донесся лай Кабаля, гончий пес дал голос, почуяв опасность. Слышно было, как Артур

что-то сказал ему коротко, и пес умолк. И сразу мальчик налег на весла: всплеснула вода, зажурчала под днищем.

Кадор рывком обернулся к воде, и я, не сдержавшись, тоже. Вид у меня, должно быть, был угрожающий, потому что двое офицеров, сорвавшись с места, поскакали ко мне.

— Останови своих людей, — пробормотал я сквозь зубы. Кадор покосился на меня и поднял руку. Двое всадников осадили с разбега коней, не доскакав до меня на расстоянье броска копьем. Я проговорил вполголоса, так, чтобы никто, кроме Кадора, не расслышал: — Если не хочешь иметь своим врагом Эктора — и с ним весь Регед, — да чтобы потом еще Колгрим расклевал остатки, отпусти Ральфа с мальчиком. Все, что ты желаешь сказать, можешь сказать мне. Я убегать не собираюсь. Но за мою жизнь, герцог Кадор, платить будет сам король.

Он в нерешительности перевел взгляд с туманной глади вод на своих ратников. Не двигаясь с опушки, они взяли копья на изготовку. Едва ли они разгадали, кто я и за какой дичью охотится сегодня их герцог, но они видели, как он насторожился при этих звуках из тумана, и копья их зашевелились, закачались, будто камыш на ветру.

— Ну, что до этого... — начал было Кадор. Но не договорил.

Лодка вынеслась из тумана и зашуршала во мелководью. За миг до того, как она уткнулась носом в берег, Кабаль с рыком перепрыгнул через борт и устремился к нам. Один из офицеров обнажил меч. Кадор услышал это и что-то крикнул ему через плечо. Тот замешкался, и пес, взбежав вверх по откосу, молча теперь, бросился на Кадора. Серая лошадь взвилась на дыбы. Пес промахнулся и вцепился зубами в край чепрака. Оторочка оборвалась, и собака упала на землю.

Артур, вытаскивая лодку, у меня за спиной кричал на Кабаля. Ральф рванулся было схватить пса, но к нему подскакали два ратника и, со стуком скрестив перед ним копья, не дали ему подойти. Кабаль мотнул головой, отбросив за спину лоскут, и, оскалясь, прыгнул на них. Один из ратников уже занес было копье. Там и сям сверкнули обнаженные мечи. Кадор рявкнул приказ. Мечи замерли в воздухе. Сам герцог поднял не меч, но хлыст и пришпорил серого. Пес подобрался, готовый к прыжку.

Я сделал шаг вперед прямо под занесенный хлыст, ухватил пса за ошейник и потянул что было сил. Всего моего веса едва хватило, чтобы не дать ему прыгнуть. Голос Артура внятно произнес: «Кабаль! Назад!» Пес присмирел, и в этот

миг Артур в два прыжка очутился между мной и Кадором. Новый меч, обнаженный, сиял у него в руке.

— Ты, господин, кто б ты ни был.., — задыхаясь, произнес он. Острие меча скользнуло снизу вверх к Кадоровой груди. — Осади назад. Только тронь его, и, клянусь, я убью тебя, будь у тебя за спиной хоть тысяча ратников.

Кадор медленно опустил хлыст. Я разжал руки, и Кабаль, рыча, припал к земле у ног Артура. Артур стоял передо мной, расставив ноги, кипя яростью, готовый, без сомнения, разить насмерть. Но герцог словно бы не замечал опасности и обнаженного меча. Глаза его не отрывались от лица мальчика. Один раз, на какой-то миг, они скользнули по моему лицу и тут же снова вернулись к Артуру.

Все это произошло в несколько головокружительных мгновений. Люди герцога еще только приближались к нам, два офицера заезжали справа и слева. Прозвучала команда, и одновременно я, вытянув руку, поймал Артура за плечо и резким движением повернул его лицом к себе, а спиной к подъезжающим корнуэльцам.

— Эмрис! Опомнись. Здесь нет опасности, кроме как от твоего пса. Надо тебе строже его держать. А теперь возьми его и возвращайся немедля с Ральфом в Галаву.

За все годы нашего знакомства я еще никогда не говорил с ним так резко. Он стоял, приоткрыв недоуменно рот, как человек, которого ни за что ударили. И в ответ на его взгляд я добавил:

— С этим джентльменом я знаком. С чего это тебе помстилось, будто он мне угрожает?

— Я... я думал... — заикаясь, забормотал он, — мне показалось, они схватили Ральфа... и обнажили мечи против тебя...

— Тебе неверно показалось. Спасибо, но, как видишь, в помощи я не нуждаюсь. Убери же меч и поезжай.

Он опять испытующе заглянул мне в лицо, потом опустил взгляд на меч в своей руке. Ослепительный, он сиял в лучах солнца, рукоять сверкала драгоценными камнями. Я вспомнил, какова она в руке, как удобна и ухватиста, какая сила бежит из клинка прямо в жилы, прямо в закипающую кровь. За этим мечом он не устрашился проникнуть и в чертоги подземного мира и вынес из тьмы на свет это оружие света, а здесь его ждала первая в его жизни опасность, и он встретил ее, как должно, с чудесным мечом в руке. И вдруг я так сурово говорю с ним!

— Ступай. Никто тебя на задерживает.

Он потер плечо, но не двинулся с места. Лицо его уже опять начинало розоветь, а с румянцем разгорался и гнев. Он так походил сейчас на Утера, что в предчувствии беды я крикнул уже совсем грубо:

— Ступай прочь, оставь нас, слышишь? Я завтра с тобой поговорю!

— Эмрис! — вкрадчиво окликнул его Кадор. И не успел я ничего сделать, как мальчик обернулся к нему, и мне стало ясно, что притворяться дольше бессмысленно. Кадор с интересом разглядывал его черты, испытующе скашивая глаза на меня.

— Да, так меня зовут, — хмуро ответил Артур, щурясь от солнца, ударявшего ему в глаза. Вдруг он заметил у герцога на плече воинский значок. — Корнуолл? Что ты делаешь так далеко на север от своих владений и с чьего дозволения проводишь людей через наши земли?

— Через ваши земли? Земли графа Эктора?

— Я его приемный сын. Но может быть, — продолжал Артур с холодной учтивостью, — ты успел побывать в Галаве и испросил согласия госпожи?

Он знал, разумеется, что Кадор там не был: он сам не так-то давно выехал из Галавы. Но этот надменный тон исцелял его уязвленную гордость. Он стоял, вскинув голову, спиной ко мне, глядя Кадору прямо в глаза.

Кадор спросил:

— Ты, стало быть, воспитанник графа Эктора? А кто же твой отец, Эмрис?

Артур не дрогнул перед этим вопросом. Он спокойно ответил:

— Этого, господин, я не вправе тебе открыть. Но мне не приходится стыдиться моего происхождения.

Кадор замялся. Глаза его выражали любопытство. Он знал, разумеется. Как мог он не знать — с той самой минуты, когда мальчик выскочил из тумана мне на подмогу? За мгновенье до этого все уже было непоправимо. Но была еще вероятность, что другие не догадаются; большая серая лошадь Кадора стояла между Артуром и ратниками, и в ту самую минуту, когда я это подумал, Кадор сделал знак своим людям отъехать назад, чтобы они не слышали нашего разговора.

Теперь я был спокоен. Я знал, что делать. Прежде всего я должен спасти гордость Артура, гордость и его

любовь ко мне, сколько ее осталось после того, как я испортил ему минуту торжества. Легонько тронув его за плечо, я сказал:

— Эмрис, с твоего позволения, мы должны теперь потолковать с герцогом Корнуэльским. Он не причинит мне зла. Не соблаговолишь ли отъехать с Ральфом к часовне и подождать меня там?

Я опасался, что Кадор вмешается, но он словно замер в седле. Взгляд его был теперь устремлен не на лицо мальчика, а на меч, блиставший в его руке. Потом он вздрогнул и как бы очнулся, сделал знак своим людям, отпущенный ими Ральф подвел Артуру Канрита и сам вскочил в седло. При этом он встревоженно, вопрошающе взглянул на меня, не зная, должно быть, как воспринимать мои слова: за чистую монету или же воспользоваться случаем и удрать с Артуром в лес.

Я кивнул:

— Поезжай в часовню, Ральф. И подождите меня там, пожалуйста. За меня не бойтесь, я подойду позже.

Артур все еще медлил, держа Канрита под уздцы.

Кадор подтвердил:

— Это все правда, Эмрис, я ему вреда не желаю. Не бойся оставить его со мной. Я не так глуп, чтобы связываться с колдунами. Он к вам вернется, можешь не сомневаться.

Мальчик насупленно взглянул на меня. Вид у него был по-прежнему нерешительный, даже ошеломленный. Негромко, но не таясь теперь от чужих ушей, я сказал:

— Эмрис.

— Да?

— Я должен поблагодарить тебя. По правде говоря, я и сам тогда думал, что мне угрожает опасность, и испытывал страх.

Насупленный взгляд исчез. Мальчик не улыбнулся, но с лица его сошел гнев, к нему прилила жизнь, вдруг заблистав, как острый меч, выхваченный из ножен. И я понял: несмотря ни на что, его любовь ко мне осталась неколебима! Он сказал, и в голосе его прозвучало почти одно негодование:

— Когда ты наконец поймешь, что я скорее умру, чем дам тебя в обиду!

И опустил взгляд на меч в своей руке, словно сам дивясь, откуда он взялся. Потом вскинул голову и посмотрел прямо в лицо Кадору:

— Если ты причинишь ему хоть какое-то зло, знай, в Британии недостанет места для нас обоих. Клянусь.

— Сударь, — ответил Кадор учтиво и серьезно, как воин воину, — этому я охотно верю. А я клянусь тебе, что не причиню вреда ни ему и никому другому, кроме только врагов короля.

Еще миг мальчик смотрел ему в глаза, потом кивнул. Напряжение его покинуло. Он встрепенулся, прыгнул в седло и, отдав Кадору военный салют, без дальних слов ускакал по тропе, что вела вдоль озера. Кабаль припустил за ним, а следом поскакал и Ральф. На повороте тропы мальчик на миг оглянулся. И вот уже все трое скрылись из виду, я остался один с Кадором и его корнуэльцами.

8

— Итак, герцог? — проговорил я.

Он молчал потупясь, покусывая губу. Потом, не оборачиваясь, жестом подозвал к себе офицера и спешился, а тот принял у него коня.

— Отведи людей по берегу на сто шагов. Напоите лошадей и ждите меня.

Офицер отъехал, и весь отряд, развернувшись, ускакал и скрылся из виду за краем леса. Кадор подобрал полу плаща и оглянулся вокруг:

— Поговорим прямо здесь?

Мы уселись на плоский камень над самой водой. Кадор обнажил кинжал — но лишь для того, чтобы выцарапывать узоры по лишайнику. Он вывел круг, прорисовал внутри треугольник и тогда, не поднимая головы, проговорил:

— Хороший мальчик.

— Да.

— И похож на родителя.

Я промолчал.

Кинжал впился в землю. Кадор поднял на меня глаза.

— Мерлин, почему ты решил, что я ему враг?

— А разве ты не враг ему?

— Да нет же, клянусь богами! Я никому не скажу, где он, если ты не велишь. Вот видишь! Ты удивлен, ты считал меня врагом его — и своим. Почему же?

— Если у кого и есть на то причина, то у тебя, Кадор. Через меня и Утера был убит твой отец.

— Это не совсем верно. Ты злоумышлял против брачного ложа отца, но не замышлял его гибели. Его собственная неосмотрительность — или отвага, если угодно — была тому виной. Ты, я верю, не предвидел такого исхода. К тому же, если я должен питать к тебе вражду за ту ночь, как же я тогда должен бы ненавидеть Утера Пендрагона?

— А это не так?

— Да бог с тобой, ты разве не слышал, что я выступаю с ним заодно и служу его главным воеводой?

— Слышал. И удивлялся. Ты ведь знаешь, я не доверял тебе.

Он хрипло рассмеялся — похоже на басистый лающий хохот его отца.

— Да, ты этого не скрывал. Я не виню тебя. Нет, я не питаю ненависти к Утеру Пендрагону — и любви, признаюсь, тоже. Но мальчиком я хорошо усвоил, к чему ведет разобщенность королевства. Корнуолл — моя земля, но она не устоит в одиночку. У Корнуолла теперь одно будущее, и это будущее — вместе со всей Британией. Я связан с Утером волей или неволею. И больше никогда не внесу раздора, не хочу видеть страдания народа. Так что я теперь стою за Утера... или, вернее будет сказать, — за верховного короля.

Я увидел, как зимородок, осмелев с уходом солдат, нырнул прямо у нас под ногами и вода всплеснула алмазиками. Он тут же всплыл с рыбешкой в клюве, встряхнулся и синей молнией унесся прочь. Я сказал:

— Это ты несколько лет назад, когда я еще не перебрался на север, подослал ко мне в Маридунум шпионов?

Он поджал губы.

— Те-то? Те мои... Отличились, нечего сказать. Ты их сразу же разоблачил, так ведь было дело?

— Ну, нетрудно было догадаться. Они были корнуэльцы, а твое войско как раз стояло в Каэрлеоне. Я потом узнал, что ты и сам там находился. Разве этого не довольно было, чтобы заключить, что ты пытаешься найти Артура?

— Да, да, ты прав. Именно этого я и хотел. Но не затем, чтобы причинить ему зло. — Он снова нахмурился и посмотрел на кинжал. — Вспомни те годы, принц Мерлин, и вообрази, каково тогда было мне. Король хворал и уступал все больше и больше власти Лоту и его присным. Он предлагал ему в жены Моргаузу, когда Моргиана еще и на свет не родилась.

Ты знал об этом? Он и теперь, я думаю, по-настоящему не понимает, чего добивается Лот... Я попробовал было

открыть ему глаза, но получилось так, будто я и сам мечу туда же. Я боялся за судьбу наших земель, в случае если Утер помрет — или помрет его сын. И хоть я и не сомневался, что ты на свой манер сумеешь надежно защитить его сына, все-таки и моему оружию тут могло быть применение. — Кинжал опять впился в мох. — Вот зачем я хотел разыскать его. И не спускать с него глаз, как, совсем по другой причине, не спускаю глаз с Лота.

— Так, так. И тебе не пришло в голову прямо обратиться ко мне?

Он взглянул на меня искоса. Углы рта его дернулись.

— А если бы я приехал и сказал это тебе, разве бы ты мне поверил?

— Кто знает. Меня не так-то легко обмануть.

— И открыл бы мне, где находится мальчик?

Я улыбнулся:

— Вот это — нет.

Он вздернул плечо.

— Вот видишь. Я послал соглядатаев, но ничего не узнал. И тебя потерял из виду. Но у меня в мыслях не было причинить тебе вред, клянусь в этом. И если в прошлом я, может быть, и питал вражду к тебе, то уж Артуру врагом я никогда не был. Теперь ты мне веришь?

Я огляделся вокруг. Безмятежно сияло солнце, блестели в его лучах сосны, последняя легкая дымка таяла над озером.

— Мне бы давно следовало это понять. Я сегодня все недоумевал, почему у меня не было предчувствия опасности.

— Если бы я был Артуру врагом, — с улыбкой сказал Кадор, — я бы сообразил, что бесполезно пытаться схватить его на глазах у его защитника Мерлина. Так стало быть, если бы грозила опасность, ты бы это знал?

Я перевел дух. Я снова чувствовал себя легко, как летний ветерок.

— Обязательно. Меня все время смущало, как это я допустил тебя подъехать столь близко и не почувствовал кожей холода. И сейчас не чувствую. Герцог Кадор, я должен просить у тебя прощения, если ты мне его даруешь.

— Охотно. — Он стал обтирать лезвие кинжала о траву. — Но если я ему не враг, Мерлин, зато другие — враги. Не мне объяснять тебе, какими опасностями чревата предстоящая на Рождество свадьба: под угрозой не только право Артура на трон, но и самое королевство.

Я кивнул:

— Раздоры, беды, черный исход Черного года. Да, да. Есть ли что-нибудь еще, что ты можешь рассказать мне о короле Лоте, чего бы не знали все люди?

— Ничего определенного, почти ничего. Я не хожу в доверенных у Лота. Но могу сказать тебе вот что: если Утер не поторопится провозгласить сына наследником, знать может выбрать его преемника из своей среды. Ну а тогда выбор ясен — Лот: он бывалый и прославленный воин, сражался плечом к плечу с королем Утером и к тому же приходится — или скоро будет приходиться — королю зятем.

— Преемник? — сказал я. — Или замена?

— В открытую — нет. Моргиана не допустит, чтобы он переступил на пути к трону через труп ее отца. Но когда бракосочетание состоится, он станет ближайшим наследником престола, и Артуру, когда он объявится, понадобится доказать, что он имеет больше прав и больше сторонников.

— Это верно.

— Прав-то у него больше, это бесспорно. А вот сторонников? За Лотом стоит армия многочисленнее моей. — Я промолчал, но он сам себя перебил: — Да, я понимаю. Если за ним будешь стоять ты сам, вживе... то ты сможешь обеспечить его права?

— Буду пытаться. С помощью других. На твою помощь я могу рассчитывать?

— Ты ее уже имеешь.

— Ты устыдил меня, герцог Кадор.

— Не говори так, — ответил он. — Ты был прав. Я ведь и вправду ненавидел тебя, когда был молод. Но теперь я смотрю на вещи иначе: разумнее, мне кажется. Мои собственные интересы, не считая прочего, не велят мне оставаться в стороне и смотреть, как Утер все теснее сходится с Лотом и Лот достигает своей цели. Только у одного Артура права на престол неоспоримы, только он один способен удержать в руке все королевства — если это вообще еще возможно. Да, я поддержу Артура.

Я подумал, что Кадор и в пятнадцать лет умел судить трезво, а теперь его прямодушный здравый смысл был как глоток свежего воздуха в душном помещении королевского совета.

— А Лоту это известно? — спросил я.

— По-моему, я не скрывал своих намерений. Лот знает, что я буду против него, как и лорды северного

Регеда и короли Уэльса. Но есть другие, в ком я не уверен, и многие, чье отношение зависит от того, грозит ли опасность их землям. Времена теперь страшные, Мерлин. Ты слышал, что Эоза переплыл в Германию и там вступил в сговор с Колгримом и Бадульфом? Да? Так вот, недавно пришло известие, что на берегу Немецкого моря против Сегедунума накапливаются их ладьи и что пикты открыли им свои гавани.

— Этого я не слышал. Стало быть, еще до зимы начнутся военные действия?

Он кивнул:

— Месяца не пройдет. Потому-то я и здесь. На Ирландском берегу стоит Маэлгон, но угроза сейчас не с запада. Еще не с запада. Удар будет нанесен с востока и с севера.

— Ах так. — Я улыбнулся. — Стало быть, кое в чем, я полагаю, очень скоро будет достигнута ясность.

Он смотрел на меня испытующе. Но при этих моих словах удовлетворенно кивнул:

— Значит, тебе и это понятно. Впрочем, конечно. Да, одно доброе следствие может вытечь из этой смуты: Лоту придется открыть карты. Если верны слухи, что он заигрывал с саксами, тогда он должен открыто стать на сторону Колгрима. Если же он хочет получить Моргиану и через нее — престол верховного короля, то ему придется воевать за Утера. — Он от души рассмеялся. — Смерть Окты все смешала: Колгрим, озверев, бросился сюда через Немецкое море, и следующий шаг за Лотом. А протянись дело до весны, Лот и Моргиану получил бы, и Колгрима мог бы принять с распростертыми объятиями, чтобы саксы посадили его верховным королем, как было с Вортигерном. Ну а так — посмотрим.

— Где сейчас король? — спросил я.

— На пути к северу. Через неделю должен быть в Лугувалиуме.

— Он возглавит битву сам?

— Таково его намерение, но он человек хворый, как тебе известно. Похоже, что Колгрим и Утера заставит открыть карты. Я думаю, он теперь же пошлет за Артуром. Другого выхода у него нет.

— Пошлет ли, нет ли, Артур будет там. — Я увидел воянение в лице Кадора и сказал: — Герцог, ты дашь ему эскорт?

— Охотно, клянусь богом! Ты поедешь с ним вместе?

Я ответил:

— Отныне где он, там и я.

— Присутствие твое будет полезно, — многозначительно заметил Кадор. — Дай бог, чтобы не вышло, что Утер промедлил слишком долго. Даже имея доказательства Утерова отцовства и в подкрепление — меч в королевской руке, нелегкое это будет дело — склонить знать к провозглашению наследником неопытного ребенка... Сторонники же Лота будут драться до последнего. Их лучше всего взять врасплох. Да, мальчику понадобится вся мыслимая поддержка, какую мы можем ему оказать, любая мелочь, какую мы можем положить на его чашу весов.

Я улыбнулся:

— Он и сам сможет немало положить на свою чашу. Он не пустое место, Кадор, запомни это. Не игрушка в руках интриганов.

— Можешь меня в этом не убеждать, — усмехнулся Кадор. — А ты знаешь, что он походит на тебя гораздо больше, чем на короля?

Я ответил, устремив взгляд на сияющую гладь озера:

— Я думаю, что королевскую корону ему принесет мой меч, а не Утеров.

Он резко выпрямился.

— Ах да. Меч. В каких глубинах подземного царства он его откопал?

— На Каэр Банноге.

Он вытаращил глаза.

— Значит, он побывал на заклятом острове? Ну так пусть владеет им на здоровье, а заодно и всем, что сулит ему это обладание. Я бы не осмелился! Что его туда привело?

— Он спасал своего пса. Этот пес — подарок друга. Можно сказать, что его привел туда случай.

— О да. Тот же случай, что привел меня сегодня на берег этого озера, где я застал бедного отшельника и мальчишку по имени Амброзий, а в руке у него меч, достойный короля.

— Или императора, — добавил я. — Это меч Максена Владига.

— Вот как? — Он шумно втянул в грудь воздух. И поглядел на меня так, как глядели солдаты-корнуэльцы, когда я рассказывал им про заколдованный остров. — Так ты это имел в виду, говоря о праве на корону? Меч, который нашел для него ты? Широко ты раскидываешь сети, Мерлин.

— Никаких сетей. Я просто следую за временем.

— Да. Я вижу. — Он опять глубоко вздохнул и огляделся вокруг, словно сейчас увидел и этот солнечный день во всем сиянии, с ветерками, пробегающими по воде, и остров, всплывший из озерных глубин. — И теперь для тебя, и для него, и для всех нас час пробил?

— Так я полагаю. Он нашел меч там, куда я его положил, и едва только это случилось, как появился ты. Весь год короля понуждали объявить наследника, а он молчал и ничего не делал. Ну так теперь это сделаем мы. Ты сегодня ночуешь в Галаве?

— Да. — Он выпрямился и со стуком засунул кинжал в ножны. — Ты приедешь? На рассвете мы отбываем.

— Я приеду туда нынче вечером, — сказал я. — И Артур со мной. А до вечера он останется у меня в лесу. Нам с ним нужно многое сказать друг другу.

Он вопросительно взглянул на меня:

— Он ведь еще ничего не знает?

— Ничего, — подтвердил я. — Я дал обещание королю.

— В таком случае, пока король не выскажется открыто, надо, чтобы мальчик оставался в неведении. Мои люди, наверное, заподозрили кое-что, но это все народ верный, их можно не опасаться.

Я встал, и он вслед за мною. Он сделал знак поднятой рукой стоявшему в отдалении офицеру. Послышались слова команды, и отряд двинулся к нам по берегу озера.

— У тебя есть лошадь? — спросил Кадор. — Или оставить одну из наших?

— Благодарю, не надо. Лошадь у меня есть. А сейчас я пойду пешком наверх к часовне. Только сначала мне надо еще кое-что сделать.

Кадор оглянулся на освещенный солнцем лес, на недвижную гладь озера, на дремлющие горы, словно ожидая, что с их вершин на меня сейчас снизойдет волшебная сила.

— Еще кое-что сделать? Здесь?

— Ну да. — Я подобрал удочку. — Выудить свой обед, и не на одного, а на двоих, кстати сказать. Видишь, этот славный день даже подарил мне ветерок. Если Артур смог достать из озера меч Максена, надеюсь что сподоблюсь вытащить хотя бы две рыбины приличных размеров.

9

Ральф ждал меня на краю поляны, но переговорить толком мы не могли, так как Артур сидел поблизости на ступенях часовни со своим псом Кабалем и грелся на солнышке.

Я в нескольких словах объяснил Ральфу, что от него теперь требуется. Он должен незамедлительно ехать в замок и рассказать Друзилле о том, что произошло, сообщить, что Артур в безопасности, находится пока у меня и что завтра утром мы все вместе поедем с герцогом Кадором на север. Нужно послать гонца к графу Эктору и к королю. И еще Ральф должен был попросить графиню, чтобы она договорилась с аббатом Мартином о часовне — пусть присмотрят за ней во время моего отсутствия.

— Ты ему прямо сейчас скажешь? — спросил Ральф.

— Нет. Это дело Утера.

— А ты не думаешь, что он уже догадался, после всего, что произошло давеча на берегу? Он помалкивает, но вид у него такой, будто он получил больше, чем просто меч. Что это за меч, Мерлин?

— Говорят, его смастерил в незапамятные времена сам Веланд Кузнец. Но что доподлинно известно, так это что им рубился император Максим и его люди доставили его обратно на родину и он предназначен королю Британии.

— Тот самый меч? Он говорит, что нашел его на Каэр Банноге... Я, кажется, начинаю понимать... И вот теперь вы едете с ним к королю. Ты что же, хочешь вынудить Утера кончить молчанку? Думаешь, Утер его примет?

— Уверен. Утеру сейчас очень важно объявить его наследником. Думаю, когда мы приедем, окажется, что он уже послал за мальчиком. Поезжай-ка теперь скорее, Ральф. Будет время поговорить потом. Ты, разумеется, поедешь с нами.

— А ты думал, я допущу, чтобы меня оставили здесь? — Он сказал это шутливо, но я видел, что он испытывает сожаление и в то же время облегчение; он понимал, что долгие годы неусыпной службы подошли к концу и теперь Артура возьмут из-под его надзора и передадут заботам моим и короля. Но была в его сердце и радость, что теперь он скоро окажется в гуще событий, будет нести открыто честную службу и с мечом в руке сражаться против врагов отечества. Он улыбнулся, приветственно махнул мне, повернул коня и поскакал вниз по горной тропе в направлении Галавы.

Стук копыт замер за деревьями. Солнце заливало сиянием поляну. Последние капли влаги высохли на сосновых ветвях, пахло смолой. Где-то запел зяблик. В траве пестрели поздние колокольчики, над белым ежевичным цветом порхали маленькие голубые мотыльки. Под стропилами часов-

ни было гнездо диких пчел, и теперь их гудение наполнило воздух тихим напевом уходящего лета.

На нашем жизненном пути расставлены верстовые столбы, знаменующие наиболее важные события, которые мы помним до смертного часа. Видит бог, у меня есть немало ярких воспоминаний, больше, чем у иных людей: как жили и умирали короли, приходили новые боги и уходили старые, как создавались и гибли королевства. Но в памяти иногда остаются и не великие дела; сейчас, в моей последней тьме, мне особенно живо вспоминаются мелочи, мирные, заурядные, минуты, которые охотно пережил бы снова, а не огненные мгновения власти. Я вижу словно сейчас — и как отчетливо! — то золото послеполуденного солнца. Журчит источник, переливчато звенит песня зяблика, гудят дикие пчелы, белый пес вдруг принимается вычесывать блох из своей лохматой шубы; у костра стоит на коленях Артур и упоенно переворачивает форель на ореховом прутике, лицо у него торжественное, сосредоточенное, спокойное, высвеченное изнутри тем светом, что проблескивает только на лицах вот таких людей. Сегодня — его начало, и он об этом знает.

Он почти ни о чем меня не спрашивал, хотя с губ его, наверное, рвались сотни вопросов. Я думаю, он знал, сам не сознавая откуда, что мы на пороге событий, слишком важных для слов. Не все можно выразить словами. Слова искажают смысл своими слишком четкими значениями, своими множественными связями с миром обыденного.

Мы поели в молчании. Я размышлял о том, как сказать ему, не нарушая слова, данного Утеру, что я собираюсь взять его с собой к королю. На мой взгляд, Ральф ошибался: мальчик отнюдь ни о чем не догадывался; но должен же он как-то заинтересоваться событиями этого дня — не только мечом, но и беседой, которая состоялась между мной и Кадором, и его обращением с Ральфом. Но он молчал, не спросил даже, почему Ральф уехал и оставил его со мной одного. С него словно было довольно того, что есть. А та стычка на берегу как будто бы никогда и не существовала.

Мы ели под открытым небом, и, когда кончили, Артур, ни слова не говоря, убрал посуду и принес в миске воды мне умыться. Потом он примостился у моих ног на ступенях часовни, сплетя пальцы на одном колене. Зяблик все еще распевал. Окутанные синей тенью, туманные, задумчивые горы расселись вокруг, поджав колени. Я чувствовал, как тайные силы обступают меня со всех сторон.

— Этот меч, — проговорил Артур. — Ты ведь, конечно, знал, что он там.

— Да, знал.

— Он сказал... он назвал тебя колдуном? — В его тоне прозвучал еле слышный вопрос. На меня он не смотрел. Он сидел на ступеньку ниже меня, опустив голову и разглядывая пальцы, сплетенные на колене.

— Ты же знаешь. Ты сам видел, как я колдую.

— Да. В первый раз, когда я сюда приехал, ты показал мне меч на каменном алтаре, и он был прямо как настоящий... — Он осекся, поднял голову, словно вдруг сделал открытие. Голос у него зазвенел: — Он и был настоящий. Вот этот самый меч, верно? Его изображение в камне! Верно ведь? Верно?

— Верно.

— Что же это за меч, Мирддин?

— Помнишь, я рассказывал тебе и Бедуиру про Максена Вледига?

— Да, отлично помню. Ты еще сказал, что это его меч высечен на алтаре. — И снова открытие: — Так это он самый и есть? Его меч?

— Да.

— Как же он попал на остров?

Я ответил:

— Я положил его там. Несколько лет назад. Я привез его сюда из одного места, где он был спрятан.

Тут он совсем ко мне обернулся и заглянул мне в лицо долгим взглядом:

— То есть ты его нашел? Значит, это твой меч?

— Этого я не сказал.

— Ты нашел его с помощью колдовства? Где же?

— Я не могу открыть этого, Эмрис. Когда-нибудь тебе, быть может, самому придется искать это место.

— Зачем?

— Не знаю. Но первая потребность мужчины — меч. Чтобы воевать с жизнью и одолеть ее. Потом, когда он одолеет и станет старше, тогда он испытывает другую потребность — в пище для духа.

Немного спустя я услышал его тихий вопрос:

— Что ты сейчас видишь, Мирддин?

— Я видел процветающую страну, тучные хлеба по долинам, мирных пахарей за работой, как в старые римские времена. Я видел меч, праздный и скучающий, и дол-

гие дни мира, сменившиеся постепенно днями драк и раздоров, и нужду в подвиге для праздных мечей и несытого духа. Вот зачем, наверное, бог отнял у меня грааль и копье и спрятал под землю — чтобы в один прекрасный день ты мог отправиться на розыски остальных сокровищ Максена. То есть нет, не ты, а Бедуир... это его дух, а не твой возалкает и возжаждет и устремится за утолением к ложным источникам...

Словно издалека я услышал, как голос мой замер и наступила тишина. Зяблик улетел, пчелы затихли. Я увидел, что мальчик стоит и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Он спросил со всей силой своего простодушия:

— Кто ты?

— Мое имя Мирддин Эмрис, но я известен как маг Мерлин.

— Мерлин?! Но тогда, значит, ты... ты и есть... — Он осекся и сглотнул.

— Мерлин Амброзий, сын Амброзия, верховного короля... Да.

Он долго молчал. Я видел, как мысль его пробирается назад, вспоминает, прикидывает. Но про себя он по-прежнему не догадывался — он слишком сжился со своей ролью Эктора безымянного выкормыша. И, как все в королевстве, твердо верил, что принц воспитывается в пышности где-то на заморском дворе.

Наконец он прервал молчание, и в тихом голосе его прозвучала такая внутренняя сила и радость, что непонятно было, как он может все это вместить. Но то, что он сказал, изумило меня:

— Значит, меч этот — твой. Ты нашел его, а не я. Мне было только назначено доставить его тебе. Он твой. Сейчас я тебе его принесу.

— Нет, Эмрис, погоди...

Но он уже ушел. И тут же возвратился бегом и протянул мне меч:

— Вот. Возьми. — Он задохнулся. — Я должен был догадаться, кто ты... Не за морем, в Бретани, рядом с принцем, как утверждали некоторые, а здесь, в своей стране, ждешь, когда надо будет оказать поддержку верховному королю. Ты — Амброзиево семя. И найти этот меч мог только ты. Я же обнаружил его только потому, что ты меня туда послал. Он принадлежит тебе. Возьми его.

— Нет. Не мне. Не побочному отпрыску.

— Разве это так важно?

— Да, — мягко сказал я.

Он молчал. Меч у него под боком скрыла тень. Я неправильно истолковал тогда его молчание: помню, я только обрадовался, что кончился этот неприятный разговор.

Я встал на ступени.

— Поди отнеси его в часовню. Пусть лежит, как назначено, на божьем алтаре. И бог, который властвует в этом месте, посторожит его. Ему предназначено лежать здесь до той поры, покуда перед лицом всех людей за ним не явится законный наследник престола.

— Ах так. Ты потому и послал меня? Чтобы я принес меч для наследника?

— Да. Придет срок, и меч достанется ему.

К моему удивлению, Артур улыбнулся, вполне довольный. И кивнул. Мы вместе внесли меч в часовню. Он положил его на алтарь прямо над его высеченным в камне изображением. Это был один и тот же меч. Артур, помедлив, разжал рукоять, отступил от алтаря и встал рядом со мною.

— Ну а теперь, — начал я, — мне нужно тебе кое-что сообщить. Герцог Корнуолл принес известие...

Договорить мне не пришлось. Из лесу донесся приближающийся стук копыт, Кабаль вскочил, ощетинившись, и зарычал, Артур резко обернулся. Голос его прозвучал встревоженно:

— Слышишь? Это Корнуолл возвращается со своими ратниками? Что-то, должно быть, случилось... Ты уверен, что они не замышляют против тебя зла?

Я положил ладонь ему на плечо, и он замолчал, потом, видя волнение в моем лице, спросил:

— Тогда в чем же дело? Ты этого ждал?

— Нет. Да. Сам не знаю. Повремени еще немного, Эмрис. Да, да, это должно было произойти. Я так и думал. День еще не кончен, Эмрис!

— Что это все значит?..

Я покачал головой:

— Идем со мной им навстречу.

Конники, на полном скаку выехавшие на поляну, были не корнуэльцы. Красный на золоте, рдел дракон. Люди короля. Командир остановил отряд и выехал вперед. Его взгляд обвел поляну, замшелую часовню, мои простые одежды; он скользнул по отроку, стоявшему рядом со мною, скользнул совсем мельком и остановился на моем лице. Приветствуя меня, офицер низко склонил голову.

Он произнес слова формального приветствия от имени короля. Затем последовали известия, которые я уже слышал от Кадора: король с войском идет на север и намеревается стать под Лугуваллиумом, дабы встретить лицом к лицу силы Колгрима. Далее командир с тревожным видом сообщил мне, что в последнее время недуг короля заметно усилился, случаются дни, когда он совсем не может держаться в седле, но готов в случае нужды ехать на бой, лежа в повозке.

— И вот что мне поручено сказать тебе, мой господин. Верховный король, памятуя о той помощи и подмоге, что ты оказывал войску его брата Аврелия Амброзия, просит тебя теперь покинуть здешнее убежище и приехать к нему туда, где он поджидает врагов. — Все это произнесено было единым духом, на память. В заключение же он произнес: — Сударь, еще я должен сказать тебе, что это — призыв, которого ты дожидаешься.

Я склонил голову:

— Да, я ждал его. Я уже и сам послал предупредить короля, что еду к нему, и Эмрис из Галавы — со мною. Тебе поручено сопровождать нас? В таком случае ты, конечно, будешь столь любезен, что повременишь, покуда мы соберемся. Эмрис, — обратился я к Артуру, стоявшему подле меня в оцепенении восторга, — идем.

Он вошел вслед за мной в часовню. И лишь только мы остались одни, ухватил меня за рукав:

— Ты возьмешь меня с собой? Это не шутка? И если дойдет до боя, то я...

— То ты будешь сражаться.

— Но мой отец граф Эктор... Что, если он запретит?

— Тебе предстоит сражаться не при графе Экторе. Ведь это люди короля, и ты едешь со мною. Тебе предстоит сражаться при короле.

— Я знал! — весело воскликнул Артур. — Знал, что сегодня день чудес! Сначала я думал, белый олень привел меня к мечу и меч этот — для меня. Но теперь я понимаю: это был просто знак, что сегодня — мой первый бой... Но что это ты делаешь?

— Смотри, — ответил я. — Я сказал тебе, что мы оставим меч под охраной бога. Он слишком долго пролежал во тьме. Оставим же его теперь залитым светом.

Я вытянул руки. Из воздуха возникло белое пламя и пробежало по клинку, задрожала, задымилась в огне

неразборчивая руническая вязь. Пламя разрослось, охватило алтарь и, вспыхнув ярким факелом, опало — осталась одна светлая каменная плита, и на ней — ничего, только выпуклое изображение меча.

Артур никогда прежде не видел, как я занимаюсь магией, он стоял с разинутым ртом, глядя на вспыхнувшее в воздухе пламя, от которого занялся камень. Потрясенный, даже слегка испуганный, он сделал шаг назад, и слабый отсвет огня упал на его бледное, без кровинки на щеках, лицо.

Все было кончено. Он молча облизнул губы. Я улыбнулся ему:

— Ну что ты? Ты же и прежде видал мое искусство.

— Да. Но не такие вещи... Все это время, что мы с Бедуиром ездили к тебе, ты даже не намекнул мне, что ты за человек на самом деле... Такой могущественный. Я и понятия не имел. Ты нам ничего не говорил.

— Нечего было и говорить. Мне не было нужды прибегать к могущественным чарам, а научить этому вас с Бедуиром я все равно бы не мог. В вашем распоряжении другие искусства. А понадобится тебе это — я всегда буду к твоим услугам.

— Правда? Всегда-всегда? Хорошо бы.

— Так и будет.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — ответил я.

Он еще минуту разглядывал мое лицо, и в его взгляде я увидел целый мир неуверенности, смятения и тревоги. Это был взгляд мальчика, незрелого, растерянного, но он тут же исчез за броней его неизменной блистательной отваги. Артур улыбнулся, и все сделалось как раньше.

— Смотри, как бы тебе не пожалеть потом! Ведь Бедуир — единственный человек на свете, способный меня долго выносить!

Я рассмеялся:

— Уж я постараюсь. А теперь, если можешь, ступай скажи, чтобы подавали наших лошадей.

Потом я собрался и вышел на порог часовни. Артур вопреки моему ожиданию не топтался на коне, исходя нетерпением, — он ждал, держа под уздцы мою лошадь, кротко, как слуга. При виде меня глаза у него округлились: я облачился в лучшие мои одежды, и моя черная мантия, подбитая пурпуром, была сколота на плече фибулой с королевским драконом. Он увидел мою усмешку, понял, что я разгадал

его мысли, и улыбнулся мне в ответ, вскакивая на спину своему белому жеребцу. Я же постарался скрыть от него мелькнувшую у меня в эту минуту мысль: что юноша в простом плаще, но с гордым, ясным взглядом не нуждается в королевском значке — и без того видно, что он — из рода Пендрагонов. Но он скромно направил белого жеребца следом за моей чалой кобылой, и все глаза были устремлены на меня.

Так мы оставили Зеленую часовню на попечение того божества, которому она была посвящена, и поехали вниз к Галаве.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
КОРОЛЬ

1

Опасность со стороны саксов была еще серьезнее, чем можно было понять из рассказов Кадора. Колгрим быстро продвинулся в глубь страны. Когда мы с Артуром в сопровождении нашего эскорта достигли Лугуваллиума, войска короля и Кадора вместе с регедскими ратниками занимали позиции у юго-восточной окраины города фронтом к противнику, уже накопившему несчетные силы для предстоящего сражения.

Британские военачальники собрались в шатре у короля на совет. Шатер его был разбит на вершине небольшого холма в дальнем конце поля, предназначенного для сражения. Здесь в прошлом стояла возведенная кем-то крепость, сохранились развалившиеся стены и обрушившаяся башня, а ниже по склону виднелись груды камней и замуравевшие нивы — все, что осталось от покинутой деревни. Здесь буйно разрослась ежевика и крапива, среди поваленных камней возвышались старые развесистые яблони, в их листве золотились спелые плоды. К подножию холма, скрипя колесами, сворачивали обозы; а под прикрытием деревьев и полуобрушенных стен готовились расположиться полевые лазареты. Кажущаяся неразбериха должна была скоро кончиться; королевская армия все еще строилась по римскому образцу, как во времена Амброзия. Разглядывая огромное войско врага, целое море копий, топоров и конских грив, вздымаемых ветром, точно пена прибоя, я размышлял о том, что в этой битве нам понадобится — до последней крупицы — вся наша сила и отвага. Как-то покажет себя король?

Утеров шатер стоял на ровной площадке у подножия бывшей башни. Наш маленький отряд пробирался туда через шумные порядки строящихся полков, люди смотрели нам вслед, и даже сквозь крики команды и звон доспехов слышно было, как солдаты передавали друг другу: «Это Мер-

лин. Мерлин. Маг Мерлин приехал. Мерлин с нами». Они оборачивались, указывали на меня, кричали, и глухое ликование распространилось по полю. Один здоровяк со значком Дифеда крикнул мне на моем родном языке, когда я проезжал мимо:

— Ты, стало быть, нынче с нами, Мирддин Эмрис? Уж не увидел ли ты нашу падучую звезду?

Я ответил ему громко и внятно, чтобы слышали и другие:

— Нынче наша звезда восходит! Глядите зорче и увидите, как она взойдет над нашей победой!

Вместе с Артуром и Ральфом я спешился за холмом и пешком поднялся к Утерову шатру, а у нас за спиной мое слово пробежало по полкам, точно ветер по полю спелой ржи. Был ясный сентябрьский день, солнце сияло. У входа в королевский шатер реял штандарт: алый по желтому дракон. Не мешкая, я вошел, за мною — Артур. Он успел в Галаве облачиться в доспехи и выглядел настоящим молодым воином. Я думал, что он явится с гербом графа Эктора, но на нем не было никакого значка, а плащ и рубаха — из чистой белой шерсти. «Это мой цвет, — сказал он мне в ответ на мой вопросительный взгляд. — Белая лошадь, белый пес, и щит у меня тоже будет белый. У меня нет имени, значит, я сам начертаю свое имя на щите. И герб у меня будет свой, когда я заслужу его». В тот раз я ему ничего не сказал, но теперь, когда он шел рядом со мной через большой королевский шатер, я подумал, что, захоти он нарочно привлечь к себе все взоры на поле боя, он не мог бы облачиться удачнее. Ослепительно белые одежды и сияющая, рвущаяся в дело молодость выделялись в то утро среди всеобщей пестроты, как если бы фанфары уже протрубили о его королевском достоинстве. И ту же мысль я прочел в тревожном, ищущем взгляде Утера, устремленном на Артура.

Наружность короля меня поразила. Я удостоверился в справедливости рассказов о том, что Утер «совсем сдал, словно хворь снедает его изнутри и точит в нем последние силы». Он исхудал, стал бледен лицом и, как я заметил, то и дело подносил руку к груди, будто ему трудно вздохнуть. Он был в роскошном облачении — доспехи сверкали золотом и драгоценными каменьями, мантия из золотой парчи вся расшита алыми драконами. Величественно и прямо восседал он на большом королевском троне. В рыжей его бороде уже засеребрилась седина, но глаза в глубоких глазницах горели прежним живым огнем. Профиль заострился по-ястребиному,

отчего лицо его стало словно бы еще более царственным, чем раньше. Блеск золота и драгоценностей и тяжелые складки мантии скрадывали худобу его тела, только по костлявым кистям и запястьям было заметно, как высушила его долгая болезнь.

Артур и Ральф остались ждать в некотором отдалении, я же прошел вперед. Граф Эктор стоял подле короля, а также Коэль Регедский, Кадор и еще с десяток военачальников Утера, чьи лица мне были знакомы. Я заметил, как Эктор изумленно взглянул на Артура. Лота нигде не было видно.

Утер приветствовал меня с любезностью, плохо скрывавшей нетерпение. Должно быть, он намеревался прямо сейчас представить полководцам своего сына, однако не успел. Снаружи заиграли трубы. Утер поколебался мгновение, потом сделал торопливый знак Эктору, и тот, выступив вперед, представил Артура королю как своего приемного сына Эмриса. Артур по-взрослому собранно и чинно опустился на колено и поцеловал руку короля. Я видел, как Утер сжал его пальцы, и подумал, что вот сейчас он все объявит, но в это время опять, еще громче и ближе, заиграли трубы, и двери шатра распахнулись. Артур отошел в сторону. Утер с заметным усилием оторвал взгляд от его лица и произнес слова команды. Военачальники, отдавая приветствие, торопливо разошлись, чтобы вскочить на коней и скакать к своим полкам. От топора копыт содрогнулась земля, воздух зазвенел от возгласов и булатного звона. Вбежали четверо здоровых мужчин с шестами, и я увидел, что трон Утера — на самом деле своего рода носилки, большое кресло, в котором его понесут на поле боя. Слуга бегом поднес королевский меч и вложил ему в руку, что-то шепнув при этом, четверо носильщиков пригнулись к шестам в ожидании королевского слова.

Я шагнул в сторону. Если в эту минуту мне и вспомнился молодой отважный воин, умело и мужественно сражавшийся бок о бок со своим братом в начале войны, то жалости и сострадания я не почувствовал — так весело вскинул голову король, так знакомо улыбнулся своей яростной улыбкой. Годы словно слетели с него. Когда бы не носилки, я поклялся бы, что передо мной здоровый человек. Даже румянец снова выступил у него на щеках, и весь он словно загорелся.

— Мой слуга сообщил мне, что ты уже предрек нам победу? — Он засмеялся молодым, звонким смехом. —

В таком случае ты принес нам сегодня все, чего можно было желать. Эй, мальчик!

Артур, разговаривавший с Эктором у входа, замолчал и оглянулся. Король поманил его:

— Иди сюда. Будь со мной.

Артур бросил вопросительный взгляд на своего опекуна, потом на меня. Я кивнул. Он пошел на зов короля, а Эктор сделал знак Ральфу, и тот, не говоря ни слова, двинулся вслед за Артуром и встал с ним рядом слева от королевского кресла. Эктор еще помедлил у входа в шатер, но Утер говорил что-то своему сыну, и Артур был весь внимание. Граф закинул полу плаща через плечо, второпях кивнул мне и вышел. Снова взыграли трубы, и короля понесли навстречу солнцу и кликам туда, где его ждали, изготовившись к бою, полки.

Я не последовал за носилками вниз по склону холма, а остался на высоком месте перед входом в шатер и мог видеть, как внизу подо мною на широком поле строятся войска. Вот носилки поставлены на землю, и король, поднявшись, обращается с речью к своим солдатам. На расстоянии мне не было слышно, что он говорит, но, когда он обернулся и указал туда, где я стоял на виду у всей армии, опять раздался крик: «Мерлин!» — и затем приветственные возгласы. В ответ донесся крик из вражеского стана, полный вызова и насмешки, и тут же все потонуло в реве труб и в громе копыт, и содрогнулись небеса.

Подле башни росла старая яблоня, толстая, узловатая, кора вся в зеленых пятнах лишайника, но сучья ее клонились под грузом золотистых яблок. Перед яблоней была груда камней и среди них — некое подобие пьедестала, быть может, поддерживающего когда-то статую или алтарь. Я взгромоздился на этот пьедестал и, прислонившись спиной к стволу яблони, принялся наблюдать за ходом сражения.

Знамени Лота по-прежнему нигде не было видно. Я подозвал пробегавшего мимо парня — это был подручный лекаря, он торопился в лазарет внизу под горой — и задал ему вопрос:

— А что же Лот из Лотиана? Его полки не подошли?

— Пока нет, господин. Не знаю почему. Может быть, их держат в резерве на правом фланге?

Я посмотрел туда, куда он указывал. Там, в правом конце поля, посверкивала, извиваясь, речка в широких, шагов на пятьдесят, топких берегах. Дальше подымался отлогий склон, поросший редким ивняком, ольхой и молодыми дуба-

ми, а за ним начинался настоящий лес. Склон был неровный, каменистый, но конница там прошла бы, а под покровом леса вполне могла бы спрятаться целая армия. Мне показалось, что я вижу блеск копий сквозь лесную чащу. Лот, подходя с северо-востока, должен был первым узнать о приближении саксов и никак не мог бы опоздать к началу битвы. Не иначе как он затаился в лесу, высматривал и выжидал. Но не как резерв, не по приказу короля — в этом я был убежден. Перед Лотом сегодня действительно встал выбор, о котором говорили мы с Кадором: если бой будет складываться в пользу Утера, Лот успеет ввести свои полки и разделить с ним миг триумфа, а впоследствии добычу и власть; если же побеждать будет Колгрим, то Лот сможет перекинуться на сторону саксов, вовремя отвергнув брак с Моргианой, и воспользоваться благами, которые дадут ему новые правители. Конечно, я, может быть, возвожу на него напраслину, подумал я, но сдается мне, что так оно все и есть. Жаль, я до начала битвы не узнал, что думает по этому поводу Утер. Если Лот находится где-нибудь поблизости, уж он ни за что не упустит открывшихся ему в этой битве возможностей. И он скоро заметит меня или, во всяком случае, прослышит о моем присутствии. А уж тогда он сразу поймет, кто таков этот белый отрок на белом коне, сражающийся по левую руку от короля.

Было ясно, что появление верховного короля, даже на носилках, укрепило и взбодрило дух британцев. Правда, несомый в битву, он не мог, как раньше, вести полки за собой, но его дракон развевался в самом центре поля сражения, и, хотя приближенные обступили его плотным кольцом, не подпуская врага к носилкам, самая яростная сеча пошла именно там, вокруг королевского дракона, и время от времени мне видно было, как сверкала золотая мантия и взблескивал собственный меч короля. Справа от него рубился король Регеда, а рядом с ним Кау и трое из его сыновей. Там же сражался и яростный, упорный Эктор, а слева — Кадор, с истинно кельтским блеском и упоением. Артур от природы был одарен и упорством одного, и вдохновеньем другого, но сейчас, я знал, он не ведал большего счастья, чем сражаться, прикрывая слева своего короля. Ральф в свою очередь, чуть отступя, прикрывал левое плечо Артура. Я видел, как его каурая кружится, вьется и оседает на круп бок о бок с белым жеребцом.

А битва кипела, перекидываясь то туда, то сюда. Вон знамя покачнулось и упало под яростным натиском

врага; но британцы наседают снова, мелькают боевые топоры, и пятятся перед ними воющие волны саксов. А через заболоченную речную низину уже несколько раз промчался одинокий всадник — гонец, как можно было понять, промчался и исчез среди деревьев на том берегу. Теперь уж мне было совершенно ясно, что там укрываются и выжидают полки Лота. И я знал, так же определенно, как если бы прочел его мысли, что выжидает Лот не королевского приказа. Каких бы призывов о помощи ни отвозили ему те гонцы, все равно он не вступит в битву, покуда не станет очевидно, на чью сторону клонится победа. Так два кровопролитных часа, от полудня до трех, бились британские силы, лишенные свежих подкреплений. Ранен король Регеда и унесен с поля битвы; его полки удерживают позиции, но мне видно, что они готовы дрогнуть. И, однако, по-прежнему не показываются воины Лотиана. Еще немного, и, если они не ввяжутся в бой, будет, пожалуй, поздно.

Потом и впрямь стало похоже на то, что исход сраженья решен. Раздался крик в гуще сечи, крик ярости и отчаяния. Королевский штандарт с алым драконом закачался, покосился и начал падать. И вдруг, несмотря на расстояние, я увидел все с такой отчетливостью, словно находился там, рядом с носилками короля. Отряд саксов, рыжебородых великанов, красных от крови, текущей из нечувствительных ран, набросился на британцев, сражавшихся вокруг короля, со всей своей мощью и свирепостью. Иные из них пали под ударами защитников короля, иных удалось потеснить назад, но двое, размахивая боевыми топорами, пробились слева к самым носилкам. Топор ударил по древку штандарта, дракон закачался, стал валиться. Державший его знаменосец, облившись кровью из перерубленного запястья, упал под копыта лошадей. А топор, описав дугу в воздухе, уже готов был обрушиться на короля. Утер, поднявшись на ноги, замахнулся было мечом. Но меч Ральфа сверкнул и, опередив его, вонзился в сакса, тело окровавленного врага рухнуло поперек носилок, золотая королевская мантия обагрилась. Король оказался пригвожден к креслу телом убитого. Второй сакс, грозно воя, бросился к нему. Ральф с проклятьями заворачивал коня, стремясь загородить беззащитного короля от нового нападения. Но исполин сакс раздвинул британские копья, как разъяренный бык — высокую траву, и занес топор над королем. Казалось, ничто уже не остановит его руку. Но я увидел, как Артур на-

правил вперед белого жеребца, в это время древко штандарта упало коню на грудь, и тот, заржав, взвился на дыбы. Артур, сжав коленями коня, поймал древко, крикнул и перебросил его другому ратнику по ту сторону от королевских носилок, а сам обернул ржущего, бьющего копытами жеребца навстречу нападающему исполину саксу. Сверкнул дугой боевой топор, обрушился вниз. Жеребец подпрыгнул, отпрянул, удар пришелся мимо, однако задел на пути меч Артура и выбил его из руки наземь. Снова взвился на дыбы жеребец, ударил убийственными передними копытами, и лицо сакса с топором превратилось в кровавое месиво. Но вот конь опустился на ноги подле королевских носилок, рука Артура потянулась к поясу за кинжалом, и в это время негромко, но отчетливо раздался голос короля: «Бери!» — и он бросил Артуру рукоятью вперед свой собственный меч. Артур вытянул навстречу руку и поймал рукоять меча. Я видел, как блеснул в воздухе острый клинок. Белый жеребец уже опять поднялся на дыбы, и штандарт снова реял высоко в воздухе, алый на золотом. Грянул крик и покатился по полкам от центра, где белый горячий жеребец под королевским драконом ступал по бабки в крови. И с криком ратники ринулись к ним. Я видел, как воин со штандартом замялся и нерешительно оглянулся на короля, но король взмахом руки отослал его вперед, а сам с улыбкой откинулся на спинку своего кресла.

Тут и лотианские полки, упустив минуту для задуманного Лотом картинного вмешательства, высыпали из леса и обрушились вниз, множа ряды наступающих британцев. Но битва была уже выиграна. Не было на поле человека, от чьего взгляда ускользнуло бы то, что произошло. На глазах у всех, белый на белом коне, казалось, воинский дух короля вырвался из его немощного тела и, точно блик света на острие копья, устремился вперед, нанося удар в самое сердце саксонского войска.

Саксы, теряя позицию за позицией, отступали к заболоченному краю поля, теснимые торжествующими, распалившимися бриттами, а позади сражающихся на поле выбегали люди и выносили раненых и умирающих. Носилки с Утером, вместо того чтобы двинуться назад, продолжали следовать за Артуром. Но самая гуща сражения кипела теперь не вокруг них, а далеко впереди, где под красным драконом всем были видны белый жеребец, и белый плащ, и блистающий клинок королевского меча.

Дальше стоять у всех на виду на вершине холма мне было незачем, да никто уже и не обращал на меня внимания. Я спустился вниз, где под защитой поваленных яблонь был устроен полевой лазарет. Палатки уже наполнялись, лекари и помощники трудились не покладая рук. Я послал мальчишку за ящиком с инструментами, а сам скинул плащ и повесил на нижний сук яблони, отгородив угол от солнечных лучей; и в эту тень я зазвал проходивших санитаров с носилками и велел им оставить здесь раненого.

Один из санитаров был худой, седеющий ветеран, его лицо было мне знакомо. Он работал со мной под Каэрконаном.

— Повремени минуту, Павел, — сказал я ему. — Не торопись уходить. Выносить раненых найдется кому и без тебя. А твоя помощь пригодилась бы мне здесь.

Он явно обрадовался, что я его узнал.

— Я так и подумал, что понадоблюсь тебе, господин. У меня и снаряжение с собой.

Он опустился на колени по ту сторону от лежавшего в беспамятстве раненого, и вдвоем мы стали осторожно стягивать с него разрубленный кожаный панцирь, из-под которого хлестала кровь.

— А как состояние короля? — спросил я.

— Трудно сказать. Я ведь думал, ему конец — а с ним и многому еще в нашей жизни, — а вот поди ж ты, он там сидит себе с Гандаром и улыбается, довольный. Да и есть ему чего улыбаться.

— Д-да, пожалуй... Хватит, дальше стаскивать не будем. Дай-ка я посмотрю...

Рана была нанесена топором, кожа и металл панциря смешались в глубине с мясом и осколками кости. Я сказал:

— Боюсь, тут мало что можно сделать. Однако попытаемся. Бог сегодня на нашей стороне, стало быть, и на стороне этого бедняги. Держи вот тут крепче... Так ты говоришь, ему есть чего улыбаться? Это верно. Теперь удача нам не изменит.

— Удача? Скажем так: удача на белом коне. Любо-дорого было смотреть, как этот юнец врубился в гущу схватки в решающую минуту. Как раз то, что было нужно, когда король вдруг на глазах у всех рухнул в кресло, будто умер, и королевский дракон пошатнулся и упал. Мы тогда высматривали короля Лота, да только его не видно было. Поверь мне, еще бы полминуты, и мы бы все метнулись в обратную сторону. В сражении оно всегда так: диву даешься, как мно-

го решают какие-то мгновенья да толика удачи. Вот так, вовремя сделанный шаг, да еще чтобы человек подходящий объявился — и все, выиграно или проиграно целое царство.

Еще некоторое время мы работали молча, я торопился, потому что раненый начал шевелиться у меня под руками и надо было успеть, пока к нему не возвратилось сознание мучительной действительности. Когда я кончил и мы уже бинтовали, Павел задумчиво заметил:

— Странная вещь.

— Что именно?

— Ты помнишь Каэрконан?

— Мне ли забыть его?

— Так вот, этот юнец сильно смахивает на него... то есть на Амброзия, я хочу сказать, на графа Британского, как он тогда именовался. На белом коне и все такое и под развевающимся драконом. Так люди говорили... И имя то же самое, верно? Эмрис. Может быть, родич ваш?

— Может быть.

— Понятно, — буркнул Павел и больше вопросов не задавал. Но мне уже все было ясно: слух разнесся по всему нашему лагерю, едва только мы с Артуром появились в сопровождении эскорта. И пусть себе. Утер уже обнаружил свои намерения. Мальчик выказал столько отваги, и воинская удача нам улыбнулась, а Лот так позорно просчитался — пусть-ка он теперь попробует переубедить короля или доказать лордам, что сын Утера не годится в вожди.

Раненый очнулся и закричал, и больше нам уже было не до бесед.

2

К ночи с поля унесли всех павших. Король покинул сражение, но прежде, чем стало ясно, на чьей стороне победа, и никакому маневру саксов уже не под силу было тут что-либо изменить. Когда все стихло, главные британские силы отошли к северо-западу в свое прежнее расположение на окраине города, а удерживать поле оставили только Кадора и Кау, короля Стрэтклайда. Лот не стал искать сочувствия у остальных военачальников, а сразу же, как прекратился

бой, убрался в город, залег в своем шатре, подобно Аяксу, и никому не показывался. По слухам, он пришел в бешеную ярость из-за того, что король так отличил неизвестного юнца на поле брани, и погрузился в свирепое молчание, узнав, что Эмрис приглашен вместе со мной на победный пир, где его, конечно же, ожидают дальнейшие почести. Толковали в лагере и о причинах, побудивших Лота так промедлить с введением в бой своих полков. О предательстве прямо речи не было, но люди открыто говорили, что, задержись они еще хоть немного да не окажись там Артура, свершившего маленькое чудо, и бездействие Лотиана стоило бы Утеру поражения в бою. Гадали также вслух и о том, перестанет ли Лот дуться и молчать и примет ли участие в пире, назначенном на следующий вечер. Но я-то знал, что Лот не усидит в одиночестве. Побоится. Он хотя и помалкивал, но наверняка знал, кто такой на самом деле Эмрис, и, если он намерен прилюдно его опорочить, дабы отнять у него власть, которой так давно добивается, другого случая у него не будет.

Когда в палатках под яблонями кончили возиться с теми из пострадавших, чьи раны нуждались в безотлагательном внимании, лекарский отряд тоже вернулся в город, где устроили лазарет. Я перебрался вместе с ними и до самой ночи хлопотал над ранеными. Наши потери были для такого побоища не очень велики, но все-таки похоронным командам предстояло ночью немало потрудиться под взглядами волков и слетающегося воронья. А в болотистой низине мерцали огни — саксы сжигали своих мертвецов.

К полу́ночи я кончил работу в лазарете и сидел в сенях, пока Павел укладывал мои инструменты, как вдруг кто-то быстро прошел через двор и остановился на пороге у меня за спиной.

Можете обругать меня старым дураком — если оглянуться через все годы на мою несостоявшуюся жизнь, то, пожалуй, это будет не так уже далеко от истины, — но мне не только любовь подсказала, что это он. Я еще не повернул головы, как на меня сквозь запахи целебных снадобий, сквозь смрад мук и страхов повеяло отрадным благоуханием. Даже светильники вспыхнули ярче.

— Мерлин? — позвал он тихо, как всякий перед лицом чужого страдания; но голос его еще звенел упоением недавнего боя. Я оглянулся с улыбкой, но тут же нахмурился:

— Ты ранен? Глупый мальчишка, что же ты так поздно пришел? Дай я осмотрю тебя.

Он вырвал у меня задубевший от крови рукав.

— Ты что, не можешь отличить по виду черную саксонскую кровь? На мне нет ни царапины. Ах, Мерлин, какой день! И какой король! Отправиться в битву хворым, на носилках — вот это настоящая храбрость, куда большая, чем воевать верхом на добром коне и с добрым мечом в руке. Клянусь, мне даже задуматься не понадобилось... все получилось само собой... Мерлин, это было великолепно! Я рожден для этого, теперь я убедился! А ты видел, как было дело, как поступил король? Видел его меч? Клянусь, этот меч прямо повлек меня вперед, своей волей, не моей... И тут вдруг крики, и солдаты хлынули за мной, будто море вышло из берегов. Я ни разу даже не пришпорил Канрита... Все произошло так быстро и вместе с тем так медленно и отчетливо, каждый миг растянулся в вечность. Я и не подозревал, что можно одновременно испытывать удушающий жар и ледяной холод, а ты?

Он продолжал торопливо говорить, не дожидаясь моих ответов, глаза его еще горели восторгом боя, упоением пережитого. А я и не слушал почти, я смотрел на него и на лица санитаров и слуг и тех раненых, кто был в сознании и мог его слышать. И я видел, какое он оказывал действие — вот так же и Амброзиево присутствие после битвы давало силы страждущим и утешение умирающим. Артур обладал тем же удивительным свойством, в будущем мне еще не раз предстояло видеть его в действии: он словно разливал вокруг себя силу и сияние, и, однако же, они вновь преумножались в нем. Я знал, что с возрастом все труднее ему будет даваться такое обновление, но сейчас он был еще совсем юн, и впереди был расцвет его сил. После всего, что было сегодня, кто осмелится утверждать, будто он не годится в короли из-за своей молодости? Неужели закосневший в интригах Лот, который спит и видит, как бы ему сесть на чужой трон? Нет, сегодняшний день доказал, что самая молодость Артура и вызвала в солдатах прилив отваги — так охотник призывает на след стаю гончих, так колдун свистит, и подымается ветер.

На одной из коек он увидел знакомого солдата — тот рубился от него по соседству — и, тихо ступая, прошел в глубь лазарета, чтобы потолковать сначала с ним, а потом и с другими. Двоих, я слышал, он назвал по имени.

«Дай ему меч, — было сказано мне в видении, — и его собственная природа доделает остальное. Короли создаются не из снов и пророчеств; ты еще не начал ра-

ботать на него, а уж он был таким, каков он сейчас. Все, что ты мог, — это охранять его, пока он рос. Ты, Мерлин, точно кузнец Веланд у черной наковальни: ты выковал меч и придал его лезвию остроту, но он сам прорубит себе путь».

— Я видел, как ты стоял наверху у яблони, — весело сказал Артур. Он вышел со мной в сени, где я задержался, давая наставления дежурному. — Солдаты говорили, что это добрый знак. Что раз ты над нами, на холме, битва, можно сказать, выиграна. И это — чистая правда, потому что я все время, даже когда не думал, неизменно чувствовал на себе твой взгляд. Чувствовал, что ты близко. Это было как щит, прикрывающий спину. Мне даже казалось, будто я слышу...

Он осекся на полуфразе. Глаза его расширились и остановились на чем-то у меня за спиной. Я оглянулся, чтобы узнать, что сковало ему язык.

Моргаузе было уже двадцать два года, и она стала еще обворожительнее, чем в тот год, когда я ее видел в последний раз. Она явилась в сером, в свободном длинном одеянии мышиного цвета, в котором должна была бы походить на монахиню, но почему-то не походила. Украшений она не надела — да и ни к чему они были. Кожа ее превосходила белизной мрамор, и продолговатые глаза, которые я хорошо помнил, отливали золотисто-зеленым из-под рыжеватых ресниц. Волосы она, как подобает незамужней женщине, носила, распустив по спине золотой волной, только убрав со лба под широкую белую ленту.

— Моргауза! — воскликнул я удивленно. — Тебе здесь не место! — Но тут же вспомнил о ее лекарском искусстве и увидел у нее за спиной двух женщин и пажа с коробками и скатанными бинтами. Она, должно быть, как и я, возилась с ранеными; а может быть, она здесь в свите короля и ухаживала за ним в его немощи. Я поспешил добавить: — Да, да, понимаю, прости. И прости, что я неприветливо тебя встретил. Твое искусство здесь будет полезно. Скажи мне, как здоровье короля?

— Он пришел в себя и сейчас отдыхает. Он весел и, по-видимому, чувствует себя неплохо. Должно быть, битва была необыкновенная. Мне жаль, что я ее не видела. — Она устремила долгий оценивающий взгляд на Артура, стоящего у меня за спиной. Было очевидно, что она признала в нем юношу, завоевавшего сегодня всеобщее восхищение, но король еще не успел открыть ей, кто он таков. Ни в голосе ее,

ни во взгляде не было и намека на такое знание, когда она сделала ему реверанс: — Сударь.

Лицо Артура зарделось, как полковое знамя. Он, запинаясь, выговорил какое-то приветствие, на глазах превратившись снова в неуклюжего, застенчивого мальчика — а ведь мальчиком он не был ни застенчивым, ни неуклюжим.

Она выслушала его равнодушно и опять обратила взгляд на меня: двадцатилетняя женщина, пренебрегающая подростком. Я подумал: нет, она еще не знает.

А она мелодичным, ласковым голосом произнесла:

— Господин мой Мерлин, я пришла к тебе с вестью от короля. Позднее, когда ты отдохнешь, он хотел бы побеседовать с тобой.

Я с сомнением сказал:

— Но ведь уже очень поздно. Может быть, пусть он поспит?

— Мне кажется, он будет лучше спать, если сначала поговорит с тобой. Ему не терпелось тебя увидеть сразу же по возвращении с поля боя, но сначала ему следовало отдохнуть, и я дала ему снотворного снадобья. Сейчас он проснулся. Ты мог бы прийти к нему через час?

— Хорошо.

Она, потупя взор, еще раз сделала реверанс и вышла так же неслышно, как вошла.

3

Мы поужинали с Артуром вдвоем. Мне отвели комнату с окном на реку. Вдоль берега, обнесенный высокой стеной с воротами, тянулся небольшой сад. Комната Артура примыкала к моей, а вход в ту и в другую был через прихожую, где находилась вооруженная охрана. Утер принял все меры предосторожности.

Моя комната была просторна и богато убрана. Там нас дожидался слуга с едой и вином. За ужином мы почти не говорили. Я устал и проголодался, а Артур хоть и ел со своим всегдашним аппетитом, теперь, после недавнего возбуждения, был как-то по-особенному молчалив — возможно, из уважения ко мне, решил я. Я же ни о чем другом сейчас

не мог думать, кроме предстоящего разговора с Утером и того, что принесет нам завтрашний день; а сам испытывал при этом только упадок духа, который относил за счет трудного пути и долгого, полного событий дня. Но в глубине души я понимал, что этим дело не исчерпывается — я словно ступил с залитой солнцем равнины на болото, над которым навис густой, волглый туман.

Пришел Ульфин, слуга Утера, дабы сопровождать меня к королю. По взгляду, который он задержал на Артуре, я понял, что правда ему известна, но, проходя со мной длинными коридорами к опочивальне короля, он не обмолвился о ней ни словом. Казалось, одно только заботило его сейчас — нездоровье короля. И когда меня ввели в опочивальню, я убедился, что беспокойство имело основание. Даже с утра перемена была разительна. Король в подбитом мехом халате полулежал в постели, откинувшись на подушки, и без королевского облачения, без лат, пурпура и парчи на виду была бедственная худоба его тела. Я сразу увидал смерть в его лице. Не сегодня и не завтра, но она недолго заставит себя ждать — вот откуда, подумалось мне, та неясная тревога, что гнетет мне душу. Но немощный и недужный король, однако, выказал радость при виде меня, ему не терпелось начать разговор, и я отбросил горькие предчувствия. Пусть в нашем распоряжении только нынешняя ночь и завтрашний день, мы с Утером еще успеем увидеть, как взойдет и утвердится в зените наша звезда.

Он заговорил сначала о выигранной битве и о событиях минувшего дня. Я понял, что все сомнения оставили его, что он сожалеет, хотя и не признается открыто, о потерянных для него годах Артурова отрочества. Он засыпал меня вопросами, и, как ни опасался я утомить его рассказом, было ясно, что на душе у него станет легче, когда я удовлетворю его любопытство. И потому, по возможности кратко и ясно, я поведал ему историю последних лет, со всеми подробностями жизни мальчика в Диком лесу, которым не нашлось места в донесениях, им от меня полученных. Поведал я ему и то, что знал и что подозревал о недругах Артура; при имени Лота он не выказал волнения и выслушал меня, не прервав. О мече Максима я говорить не стал. Король сегодня прилюдно вложил собственный меч в руку сына; мог ли он яснее выразить, что считает его своим наследником? А меч Максена, когда объявится в нем нужда, вручит ему бог. Между двумя этими дара-

ми оставался еще темный промежуток будущего, который был скрыт от меня, — зачем тревожить короля понапрасну?

Когда я кончил, Утер откинулся на подушки и полежал так в молчании, глубоко задумавшись и устремив взгляд в дальний конец комнаты. Потом он заговорил:

— Ты был прав, Мерлин. Даже в том, что трудно поддавалось пониманию и за что, не понимая, я осуждал тебя, ты был прав. Бог держал нас в руке своей. И несомненно, это бог внушил мне отказаться от сына и оставить его на твое попечение, чтобы он вырос вот таким и возмужал в тайне и в безопасности. Мне все же дано было увидеть, какого принца зачал я в ту дикую ночь в Тинтагеле и какой король придет мне на смену. Мне бы следовало больше тебе доверять, бастард, как доверял тебе мой брат. Мне ведь нет нужды объяснять тебе, что я умираю? Гандар мнется и жмется и увиливает от ответа, но ты, королевский прорицатель, ты ведь признаешь правду?

Вопрос прозвучал властно, требуя ответа. И когда я сказал: «Да», на устах Утера мелькнула почти довольная улыбка. И, видя, с какой суровой отвагой встречает он смерть, я почувствовал к нему больше расположения, чем испытывал прежде. Вот чем очаровал он сегодня Артура — гордым королевским достоинством, которое пришло к нему с запозданием, но все же пришло. Сейчас, когда близко свершение, мы с Утером словно объединились в этом мальчике. Король кивнул. Бремя пережитого за день и вечер уже начинало сказываться на нем, но взгляд его оставался дружелюбен, а речь жива:

— Ну что ж, с прошлым мы разобрались, а будущее — это уже его дело. И твое. Но я еще не умер, я еще верховный король, и настоящее в моей власти. Я послал за тобой, чтобы сказать, что завтра на праздничном пиру объявлю Артура моим наследником. Лучше случая не придумать. После сегодняшнего боя никто не скажет, что он недостоин королевского трона, он показал, чего он стоит, и люди видели, более того, видела армия. Даже захоти я теперь оставить тайну нераскрытой, едва ли это было бы возможно: слух пробежал по лагерю, как огонь по соломе. А сам он еще ничего не знает?

— Похоже, что нет. Пора бы ему, кажется, начать догадываться, но он как будто ничего не подозревает. Ты сам ему завтра скажешь?

— Да. Я пошлю за ним утром. А до тех пор, Мерлин, оставайся при нем и не спускай с него глаз.

После этого он посвятил меня в свои планы на завтра. Сначала он поговорит с Артуром, а вечером, когда все придут в себя после боя и подлечат раны, Артур будет призван со славой и почетом на пир и предстанет перед знатью. Что до Лота, спокойно и прямо продолжал король, то трудно сказать, как он себя поведет, но он так много проиграл в глазах людей, не вступив вовремя в битву, что даже в качестве сговоренного жениха королевской дочери не отважится выдвинуть открыто свои притязания и оспорить выбор верховного короля. О том, что Лот готов был, обернись фортуна иначе, перекинуться на сторону саксов, король не упомянул, он видел в его промедлении лишь попытку придать себе веса — чтобы вышло так, будто вмешательство Лота принесло британцам победу. Я также промолчал. Как бы то ни было, справедливы такие черные подозрения или нет, но это теперь уже была не Утерова забота.

Потом он заговорил о дочери своей Моргиане. Брак, о котором был у них твердый договор, непременно должен был свершиться, нарушить договор значило бы смертельно оскорбить Лота и северных королей, кормившихся от него. Да так оно будет и безопаснее. Лот по тем же соображениям тоже не посмеет отказаться от нареченной невесты, а сыграв свадьбу, свяжет себя в глазах людей с Артуром, который к этому времени будет уже объявлен и всеми признан... «королем», чуть было не сказал Утер, но все-таки выговорил «наследником». Вид у него был усталый, и я уже поднялся было, чтобы его оставить, но он пошевелил исхудалой рукой, и я остался. Он заговорил не сразу, а сначала полежал молча, с закрытыми глазами. Откуда-то потянуло сквозняком, свечи затрещали и оплыли. Заколебались тени, затемнили королевское лицо. Но вот свет выровнялся, и я опять увидел его глаза — они ясно смотрели на меня из глубоких подбровий.

Потом я услышал его голос, тонкий от напряжения. Он просил меня. Нет, не просил. Утер, верховный король, умолял меня не покидать Артура, довершить начатый труд, хранить его сына, наставлять, оберегать...

Голос иссяк, но глаза глядели все так же искательно, с мольбой, и я понимал, что они говорили: «Открой мне будущее, Мерлин Королевский Маг. Дай услышать твое пророчество».

— Я буду с ним, — произнес я. — Остальное я уже говорил тебе раньше. С мечом королей в руке он свер-

шит такое, что превзойдет людские надежды. Под его властью объединятся страны, и будет мир и свет перед тьмой. Когда воцарится мир, я вернусь к своему одиночеству, но всегда буду готов по первому его зову явиться на помощь, едва только он свистнет, как высвистывают ветер.

Так говорил я, не потому что глазам моим опять предстало видение — видения не являются по заказу, да и присутствие Утера никогда к этому не располагало. Но, желая дать покой его душе, я говорил по памяти прежних пророчеств и по знанию людей и событий, а такое знание нередко равносильно провидению. И он успокоился, а мне только этого и надо было.

— Это я и хотел услышать, — проговорил он. — Что ты будешь с ним, будешь служить ему при всех обстоятельствах... Может быть, если бы я послушал брата и удержал бы тебя при себе... Ты дал обещание, Мерлин. Никто не обладает таким могуществом, как ты, даже верховный король.

Он сказал это беззлобно, как вещь очевидную. Голос его вдруг прозвучал устало, расслабленно.

Я поднялся:

— Теперь я оставлю тебя, Утер. Ты должен поспать. Что за питье дает тебе Моргауза?

— Не знаю. Пахнет маком. Она разбавляет его теплым вином.

— А спит она здесь, подле тебя?

— Нет. Дальше по коридору, в первом женском покое. Но не буди ее сейчас. Тут в кувшине еще довольно этого питья.

Я подошел к столу, взял в руки кувшин и понюхал. Питье было уже смешано с вином; запах от него шел крепкий и сладкий: мак и еще кое-какие известные мне снадобья; но было и что-то еще, чего я не мог назвать. Я намочил палец и поднес к губам.

— Кто-нибудь прикасался к кувшину после нее?

— Что? — Он успел забыться, но не сном, а недужной, смутной тревогой. — Прикасался? Я не видел никого, да меня травить никто и не станет. Каждому известно, что всю мою пищу сначала отведывает паж. Можешь позвать его, если хочешь.

— Незачем, — ответил я. — Пусть спит.

Я налил в чашку немного питья, но не успел поднести ко рту, как Утер с неожиданной силой произнес:

— Не делай глупости! Поставь!

— Ты же сказал, что отравы тут быть не может.

— Все равно. Не будем рисковать.

— Ты что же, не доверяешь Моргаузе?

— Моргаузе? — недоуменно переспросил он, словно не понимая, при чем здесь она. — Нет, отчего же. Она все эти годы за мной ходила, даже от венца отказалась, а ведь... Ну да что там. Ее судьба «в дымке», так она говорит, и она готова ждать ее решения. Она изъясняется загадками, как и ты порой, а я загадок не терплю, ты же помнишь. Нет, в своей дочери я не могу усомниться. Но нынешней ночью, изо всех ночей, нам следует быть особенно настороже, а ты изо всех людей, кроме моего сына, мне сейчас особенно необходим. — И он улыбнулся, снова став на мгновение прежним Утером, которого я так хорошо помнил, насмешливым и прямолинейным и чуточку злорадным. — То есть до тех пор, пока он не признан, а после этого мы с тобой друг без друга, я полагаю, обойдемся.

Я усмехнулся:

— Вот я пока и отведаю твоего вина. Не беспокойся, запаха отравы я в нем не чую. И смерть моя еще не подошла.

Я не прибавил: «Потом позволь мне удостовериться, что ты доживешь до завтра и сможешь провозгласить своего сына наследником престола». Непонятная тень, маячившая у меня за спиной, не была моей собственной смертью и Артуровой, я знал, тоже, а вот смертью короля еще могла вопреки моим расчетам оказаться. И потому я набрал в рот вина, подержал на языке и проглотил. Король лежал, откинувшись на подушки, и успокоенно наблюдал за мной. Я сделал еще глоток и, перейдя через комнату, снова уселся у его ложа. И опять потекла наша беседа, теперь непринужденная, ни о чем — о расшитом воспоминаниями прошлом, о будущем в сиянии славы за тенью неведения. Мы неплохо теперь понимали с ним друг друга, Утер и я. Убедившись, что вино безвредно, я налил ему, дал выпить, а затем призвал к нему Ульфина и оставил его во власти сна.

4

Все покуда шло хорошо. Даже если Утер не дожил бы до утра — а ничто в его облике и в моей душе не предвещало для него столь близкой кончины, — все равно

обстоятельства складывались благоприятно. Я при поддержке Кадора и клятвенном подтверждении Эктора мог и сам не хуже Утера открыть лордам тайну Артурова рождения, а право, за которым сила, — это уже залог победы. Меч, переданный королем отроку во время битвы, также служил в глазах воинов доказательством того, что он избран в наследники, и они, кто следовал за ним в бою, пойдут за ним и теперь. Не обрадуются концу смутных дней и провозглашению бесспорного престолонаследника разве только одни наши северо-восточные немирные соседи.

Тогда откуда, думал я, идучи длинными коридорами в свои покои, эта тяжесть у меня на сердце? Что это за черная тень, зловещая, как предчувствие смерти?

Почему, если кровь моя предсказывает беду, глаза мои ее не видят? Что за призрак, костистый и алчный, затаился и застит сияние прошедшего дня?

Однако уже минуту спустя, когда, кивнув стражнику у входа, я прошел к себе в комнату, край беды приоткрылся моему взору. Через дверь в комнату Артура я увидел его постель: она была пуста.

Поспешными шагами я вернулся в прихожую и, склонившись над спящим слугой, попытался его растолкать. Тут в нос мне ударил знакомый запах: то же снотворное снадобье, что и в вине у короля. Оставив слугу храпеть на подстилке, я выбежал обратно в коридор. Стражник в испуге прижался к стене, как видно устрашившись моего лица.

Но я только тихо спросил:

— Где он?

— Господин, с ним ничего худого не приключилось. Для тревоги нет причины... Мы не нарушили приказ, ему ничего не угрожало. Второй стражник проводил его до самой двери и остался ждать...

— Где он?

— В женских покоях. Когда девушка пришла за ним...

— Девушка?

— Ну да, господин. Она пришла сюда. Мы ее, понятно, остановили, не пропустили внутрь, но тут он сам вышел к двери... — Успокоенный моим молчанием, стражник понемногу разговорился. — Право, господин, ну что тут худого? Это приближенная дама принцессы Моргаузы, темноволосенькая такая, ты небось тоже ее заметил, пышненькая,

что твоя малиновка-красногрудка, и с лица хорошенькая, молодому господину по заслугам...

Да, я ее тоже заметил: маленькая и вся округлая, щеки румяные, глаза карие блестят, как у птички. Миловидная смуглянка, совсем молоденькая и свежая, как летний день. Но я прикусил губу.

— Давно?

— Часа два, наверное, будет, — ответил он с ухмылкой. — Времени вдоволь. Какой в том вред, господин? Да и захоти мы, разве бы нам его удержать? Ее мы не пропустили, у нас приказ был, и он это знал. Ну он и говорит, что, мол, пойдет с ней, — так разве ж мы можем воспрепятствовать? И потом, такая награда по справедливости венчает день первого боя.

Я что-то сказал ему в ответ и вернулся в свою комнату. Стражник был прав: они соблюли долг, как разумели, — в такие дела никакая охрана не вмешивается. Да и впрямь, что тут худого? Сегодня мальчик при свете дня обрел одну половину мужества — вторую он неизбежно должен был добыть сегодня же под покровом ночи. Как меч его утолил ныне кровью сжигавшую его жажду, так и сам он горел бы заживо, покуда не получил утоления от женского тела. Всякий, с горечью подумал я, кроме пророка, беседующего с богами, мог это предвидеть. Любой воспитатель спокойно предоставил бы нынешней ночи завершиться по естественному предначертанию. Но я — Мерлин, тени обступили меня, и мне страшно.

Я стоял один посреди комнаты, где теснились тени, и смирял смятение, глядя в лицо собственному страху. Чернота шла от моей души: что же это, просто человеческая черная зависть к Артуру, в четырнадцать лет так легко вкусившему удовольствие, к которому я в двадцать лет стремился столь же страстно, но потерпел позорную неудачу? Или же это боязнь пуще зависти, боязнь утратить хотя бы частью любовь, так высоко ценимую и так недавно обретенную? А может быть, я страшился за него одного, зная, что женщина крадет у мужчины силу? Эту последнюю мысль я тут же отверг. Нет, не отсюда моя чернота. В тот день, когда, двадцатилетний, я сбежал, преследуемый женским злым, издевательским смехом, я сознавал, что должен сделать трезвый выбор между мужеством и могуществом, и выбрал могущество. Но сила Артура будет в другом — в полном и могучем расцвете его мужества; сила королей. Он не раз доказывал, что, как ни любит он меня, как ни стремится мне подражать, все-таки он

Утеров сын, его плоть и кровь: мужество манило его всеми своими свершениями. И первую в своей жизни женщину он по праву должен был получить как раз сегодня. А мне следовало посмеяться вместе со стражником да отправиться мирно спать, предоставив ему вкушать плотские радости.

Но ведь не зря же этот холод у меня внутри и капли пота на лице. Я стоял неподвижно перед лампой, которая вспыхивала и мерцала, стоял и думал.

Моргауза, думал я, приближенная дама Моргаузы. И она опоила слугу, чтобы он не побежал и не сообщил мне, что Артур уже два часа как находится в ее покоях... Моргауза — единокровная сестра Моргианы, что, если она служит Лоту? Он мог посулить ей золотые горы в случае, если станет королем. Она, правда, не покушалась на жизнь Утера, это так, но ведь ей известно, что еду и питье отведывает сначала слуга. К тому же им не было расчета отделываться от короля, покуда Лот не обвенчается с Моргианой и сможет объявить себя законным наследником верховного престола. Но вот теперь, когда Утер уже при смерти, вдруг появился Артур, и рядом с ним обесценились все притязания Лота. Если Моргауза и вправду враг, если ей нужно убрать Артура, не допустить его прихода на завтрашний пир, то не иначе как он лежит сейчас, опоенный дурманом, попал в руки Лота, умирает...

Все это глупости. Не для смерти дал ему бог императорский меч и показал его мне верховным королем. Моргаузе нет причины желать Артуру зла. Ей больше выгоды, если королем станет ее единокровный брат, а не Лот, муж ее сестры. Смерть Артура, хладнокровно рассуждал я, не в ее интересах. И однако же я чувствовал смерть: она имела неясные очертания и неопределенный запах. Запах предательства, смутно помнившийся мне со времен детства, когда мой дядя замышлял измену своему отцу-королю и мою гибель. Рассуждения тут были ни при чем, я просто знал, я чуял беду и должен был ее обнаружить.

Идти через весь дом и всюду спрашивать Артура было бы нелепо. Если он сейчас нежится в постели с женщиной, он мне этого всю жизнь не простит. Придется разыскивать его иным способом, а так как я — Мерлин, такой способ у меня есть. Застыв в полумгле посреди комнаты, вытянув вдоль тела руки и сжав кулаки, я смотрел и смотрел на пламя лампы...

Знаю, что не сдвинулся с места, не покидал своих покоев, но в памяти осталось, будто я тихо и невидимо,

как призрак, вышел вон, не замеченный стражником, и двинулся полутемным коридором к дверям Моргаузы. Здесь я застал второго стражника, он не спал, а глядел перед собой широко открытыми глазами, однако меня не увидел.

Изнутри не доносилось ни звука. Я вошел.

В передней комнате воздух был спертый, жаркий, пахло духами и притираниями, какие употребляют женщины. Здесь стояли две кровати, и в обеих кроватях спали. У порога внутренней опочивальни, свернувшись, дремал паж Моргаузы.

Две кровати и две головы в изголовьях. Старая женщина, седая, рот приоткрыт, похрапывает мирно. Другая спит беззвучно, на подушке — тяжелая черная коса, заплетенная на ночь. Маленькая смуглянка спала одна.

И тут я осознал, какая угроза томила мне душу, какую опасность, перед лицом смерти, предательства и поражения, я упустил из виду. Я уже говорил, что те, кто наделен даром божественного провидения, часто бывают по-человечески слепы — отдав мужество за могущество, я оказался беспомощен перед женщинами. Будь я не мудрец, а обыкновенный человек, я бы заметил, как глаза ответили глазам в лазарете, разгадал бы последующее молчание Артура, понял бы, что означал тот долгий, оценивающий женский взгляд.

Она, конечно, владела магией, раз сумела так меня ослепить. Может быть, теперь, понимая, что я уже бессилен вмешаться, она дала развеяться своим чарам или, засыпая, позволила им ослабнуть. А может быть, мои чары оказались могущественнее и загородиться от моего взгляда она не сумела. Видит бог, я не хотел смотреть, но я был пригвожден к месту собственной моей силой, а так как нет силы без знания и нет знания без муки, стены и дверь в опочивальню Моргаузы растаяли перед моим взором, и я все увидел своими глазами.

Времени вдоволь, сказал стражник. Времени им и впрямь хватило с избытком. Женщина лежала нагая, раскинувшись поверх постели. Юноша, смуглокожий рядом с белизной ее тела, замер в упоении, голова — у нее на груди, лицо отвернуто. Он не спал, но и не бодрствовал, слепо, отрешенно, самозабвенно шаря ртом по ее коже, точно щенок, который ищет сосок на брюхе матери. Ее лицо мне было видно отчетливо. Она обнимала его голову, охваченная той же тяжелой истомой, но лицо ее не выражало нежности. Не выражало и наслаждения. На нем было написано лишь злобное тор-

жество, как у воина в битве; золотисто-зеленые глаза широко раскрыты и уставлены куда-то во тьму, а маленький рот изогнут в победоносной — или презрительной? — улыбке.

5

Он вернулся перед самым рассветом. Только что просвистала первая птаха, и тут же грянул разноголосый утренний птичий хор, в котором едва не потонул негромкий лязг оружия за дверью и тихие слова, обращенные входящим к стражнику. Потом он вошел, сонно щурясь, и вдруг остановился, не дойдя до своей двери, потому что заметил меня у окна в кресле с высокой спинкой.

— Мерлин! Так рано — и уже поднялся? Тебе не спалось?

— Я не ложился.

Он сразу встрепенулся, встревожился, насторожился:

— В чем дело? Что-нибудь случилось? Что-то с королем?

Хорошо хоть, подумал я, ему не приходит в голову, что я караулю его, чтобы допросить, где он пропадал всю ночь. И пусть он никогда не узнает, что я выходил отсюда и разыскал его.

— Нет, — ответил я. — Король тут ни при чем. Но мне надо поговорить с тобой до наступления дня.

— О боги, только не сейчас, если ты меня любишь! — зевая и смеясь, сказал он. — Я так хочу спать, Мерлин. Ты догадался, где я был, или тебе стражники сказали?

Он подошел ближе, и от него пахнуло ее духами. Меня замутило. Я вздрогнул.

— Нет, сейчас, — твердо возразил я. — Умойся и проснись. Я должен тебе кое-что сказать.

В комнате горела только одна лампа, да и ту я прикрутил совсем низко, и ее свет уже померк в свинцовой белизне утра. Я разглядел, как на скулах у Артура обозначились желваки.

— По какому праву... — начал было он, но тут же сумел овладеть собою, обуздать свое бешенство. — Хорошо. Я понимаю, у тебя есть право меня допрашивать, мне только не нравится время, которое ты выбрал.

Это уже было совсем другое, чем уязвленная ребяческая гордость тогда на берегу озера. Вот как далеко успели они его увести — меч и женщина. Я сказал:

— У меня нет права тебя допрашивать, нет и намерения такого. Успокойся и выслушай. Я действительно собираюсь говорить с тобой и о том, помимо прочего, что было сегодня ночью, но беспокоит меня совсем другое. За кого ты меня принимаешь, за аббата Мартина? Я не оспариваю твоего права вкушать плотские радости, где и когда тебе вздумается. — Он все еще слушал враждебно, кипя гордостью и гневом. Чтобы дать ему успокоиться и выиграть время, я мягко добавил: — Может быть, правда, неразумно было выходить из своей комнаты сегодня ночью, когда здесь столько людей, которые ненавидят тебя за вчерашнюю битву. Но могу ли я винить тебя? Ты доказал свое мужество на поле брани — почему же вслед за тем не доказать его в постели? — Я улыбнулся. — Хотя сам я никогда не возлежал с женщиной, я знаю, что значит испытывать желание. И тому, что ты сегодня же был так вознагражден, я рад.

Я замолчал. Он стоял бледный от гнева, но теперь даже в полумгле рассвета мне было видно, как схлынул его гнев, а с ним и последние остатки краски с лица. У него словно дыхание прервалось, кровь остановилась в жилах. Глаза стали черными. Он прищурил их, будто я ему плохо виден, будто он только сейчас впервые в жизни меня заметил и никак толком не разглядит. От такого взгляда мне сделалось не по себе, а я не из тех, кого легко смутить.

— Ты никогда не возлежал с женщиной?

Весь поглощенный мыслями о предстоящем разговоре, я счел эти слова пустячными и неуместными.

— Ну да, я же сказал, — недоуменно подтвердил я. — По-моему, это всем известно. И у некоторых, по-моему, вызывает презрение. Но те...

— Так ты что же, евнух?

Вопрос прозвучал грубо, и при этом нарочно грубо. Я вынужден был переждать минуту, а уж потом ответил:

— Нет. Я хотел сказать, что те, для кого целомудрие достойно презрения, не принадлежат к числу людей, чье презрение способно меня задеть. Неужто и ты из таких?

— Каких? — Он явно не понял ни слова из моей речи. Стряхнув власть обуревавшего его необъяснимого смятения, он со всех ног бросился к себе в комнату, как будто задыхался, как будто ему не хватало воздуха. И только пробормотал на бегу: — Я сейчас. Мне надо умыться.

Дверь за ним захлопнулась. Я сразу вскочил на ноги и, опершись ладонями о подоконник, выглянул в прохладное сентябрьское утро. Закричал петух; издалека ему отозвались другие. Я заметил, что дрожу; я, Мерлин, некогда спокойно смотревший, как короли, принцы и епископы прямо у меня на глазах замышляют мою погибель; я, беседовавший с мертвыми; я, умеющий вызвать бурю и пожар, высвистывать ветер. Что ж, этот ветер я накликал сам, не мне теперь от него прятать голову. Но я-то рассчитывал на его любовь ко мне, надеялся, что она поможет нам обоим выдержать предстоящий разговор. Не думал я, что утрачу его уважение — да еще по такому ничтожному поводу, — и как раз в эту решающую минуту.

Я говорил себе, что он еще совсем юн, что он Утеров сын и только что от своей первой женщины и его распирает новая, мужская гордость. Я говорил себе, что глупо было надеяться на ответную любовь, мальчик платил мне, как и я — моему наставнику Галапасу, всего лишь простой привязанностью, приправленной толикой страха. Все это и еще многое другое говорил я себе, и к тому времени, когда Артур возвратился, я уже сидел, спокойно поджидая его, у стола, на котором стояли два полных кубка с вином. Он, ни слова не говоря, взял один, отошел с ним в дальний конец комнаты и сел на край моей кровати. Умываясь, он намочил даже волосы, и мокрые пряди липли ко лбу. Халат он сменил на дневную одежду и в короткой рубахе, без плаща и без лат, снова стал мальчиком, тем Артуром, что резвился все лето в Диком лесу.

Я тщательно обдумал, с чего начинать разговор, но сейчас никакие слова не шли мне на ум. Молчание прервал Артур. Он не глядел на меня, а крутил в ладонях кубок, взбалтывая в нем вино, будто важнее этого не было ничего на свете. Потом ровно и отчетливо проговорил, словно тем самым все объяснялось, и действительно все встало на свои места:

— Я думал, что ты — мой отец.

Так выходишь на поединок, и вдруг оказывается, что твой противник и меч в его руке просто примерещились тебе, и в тот же миг почва уходит у тебя из-под ног, как топь на болоте. Я лихорадочно собирал разбежавшиеся мысли.

Нет, он дарил мне почтение и любовь, этот мальчик, мне посчастливилось внушить их ему, — впрочем, всякий отец должен сам заслужить любовь и почтение сына. Но я вдруг понял и многое другое. Мне стала понятна та готов-

ность, та уверенность в добром приеме, с какой он всегда ехал ко мне, хотя, казалось бы, одному только Эктору должны были принадлежать по праву его чувства. И точно золотое рассветное небо в разрыве серых туч за окном, мне вдруг раскрылось то ослепительное предвкушение, с каким он ехал со мной в Лугуваллиум. Я вспомнил мои собственные неустанные детские поиски отца и как я готов был видеть его во всяком мужчине, который взглядывал на мою мать. Артуру приходилось полагаться на слово приемных родителей в том, что он побочный сын благородного отца, и надеяться на обещанное признание, «когда он вырастет и облачится в латы». Как свойственно детям, он говорил мало, но ждал и мечтал все время — так же ждал и мечтал когда-то и я. И в разгар этих его неотступных ожиданий явился я, окруженный некой тайной и с видом человека, как говорил Ральф, привыкшего к почтительному обращению и одержимого высшей целью. Мальчик мог заметить внешнее сходство между нами, а вернее, кто-нибудь, например Бедуир, обратил на это его внимание. И, сделав собственные выводы, он продолжал ждать наготове со своей любовью, со своим сыновним послушанием и доверием на будущие времена. Потом появился меч — дар, как ему казалось, от меня. И сразу вслед за этим — открытие, что я сын Амброзия Мерлин, герой бессчетных легенд, рассказываемых у каждого очага. Пусть и побочный сын, но он вдруг нашел самого себя и узнал, что в нем течет кровь королей.

Он поехал со мной ко двору в Лугуваллиум, считая себя внуком Амброзия и внучатым племянником Утера Пендрагона. Из этого сознания родилась его отвага в бою. Он, верно, думал, что из-за этого и Утер бросил ему меч, что в отсутствие наследного принца он пусть и побочный сын, но все же оказался ближайшим по крови к королю. И он возглавил наступление и принял на себя после этого обязанности и почести, по праву принадлежащие принцу.

Объяснилось также и то, почему ему не приходило в голову заподозрить, что, может быть, он и есть «пропавший принц». Любопытные взгляды и почтительные перешептывания он приписывал тому, что в нем видят моего сына. А про наследника верховного престола он, как и в стране, слышал, что тот будто бы находится где-то при иноземном дворе, и раз и навсегда в это поверил. Решив, что его место в жизни найдено, он просто перестал об этом думать. Он — сын Мерлина, от королевских кровей и приобщен через меня к самому сре-

доточию королевской власти. И вдруг жестоко, как ему, наверное, представилось, его лишают всего: надежды, славы, будущего, о котором он мечтал, и даже найденного наконец отца. Я, проживший детство бастардом и ничьим сыном, отлично знал, каково это для юного сердца; Эктор, пытаясь оберечь Артура от всяких страданий, посулил ему в будущем признание благородных родителей, но откуда мне было догадаться, что этого признания он, веря и любя, ждал от меня?

— Даже имя у нас одно, ведь верно? — понуро и виновато пояснил он, слышать это мне было еще горше, чем прежнюю его грубость.

Если я и не в силах поправить того, что случилось, по крайней мере я могу исцелить его уязвленную гордость. Скоро и так все будет поставлено на свои места, но пусть он узнает тайну безотлагательно, сейчас. Я много раз размышлял о том, как бы я повел разговор, если бы он был поручен мне. Но теперь я сказал, что есть, без обиняков:

— Мы носим одно имя, потому что мы и впрямь родные друг другу. Ты не сын мне, но мы с тобой кузены. Ты, как и я, внук Констанция и потомок императора Максима. Твое настоящее имя — Артур, и ты законный сын верховного короля и королевы его Игрейны.

Я думал, что молчание на этот раз продлится вечно. При первых моих словах он поднял глаза от вина и так остался, устремив взгляд на меня. Брови сведены, точно глухой старается что-то расслышать. По лицу растекается краска, будто красное пятно на белом холсте, рот приоткрылся. Но вот он аккуратно поставил кубок, поднялся с моей кровати, подошел и встал рядом со мной у окна, упершись, как недавно я, ладонями в подоконник и высунувшись по пояс наружу.

Прилетела пичуга, села на ветку над его головой и запела. Небо померкло, сделалось бледно-зеленым, потом тускло-лиловым, по нему поплыли легкие хлопья облаков. А он все стоял, стоял и я, выжидая, без слов, без движения.

Наконец, не поворачивая головы, он проговорил, обращаясь к поющей пичуге:

— Зачем же было так? Четырнадцать лет. Почему не на своем месте?

И тогда я смог рассказать ему все. Начал с видения, которое было у Амброзия, а с ним и у меня: все земли, от Думнонии до Лотиана и от Дифеда до Рутупий, объединены под властью одного короля; романобританцы, кельты и

верные федераты сражаются вместе за то, чтобы оградить Британию от Черного потопа, залившего всю Империю, — более практичный и умеренный вариант имперского «сна Максима», приспособленный к обстановке и переданный от деда к отцу и внушенный мне моим наставником — или богом, избравшим меня своим слугой. Рассказал о смерти Амброзия, после которого не осталось других сыновей, и о запутанной путеводной нити, которую бог вложил мне в руки и повелел следовать ей. О внезапной страсти короля Утера к Игрейне, жене герцога Корнуолла, и о том, как я содействовал их союзу, ибо мне было открыто богом, что от этого союза родится следующий король Британии. О смерти Горлойса и о раскаянии Утера, хоть и смешанном с облегчением — ведь эта смерть была ему очень кстати, но во всеуслышанье он от нее открестился и решительно отмежевался; о нашем с Ральфом изгнании вследствие всего этого и о том, как Утер хотел отказаться от собственного сына, зачатого при таких обстоятельствах. Как в конечном счете гордость и здравый смысл возобладали и младенец был передан мне, дабы я берег его в первые, немирные, годы Утерова царствования, но потом собственная болезнь и возросшая сила его врагов побудили короля и дальше держать ребенка в тайном месте. Кое о чем я промолчал: не стал рассказывать Артуру о величии, страданиях и славе, открывшихся мне в его будущем; не обмолвился и о бессилии Утера и о том, как он мечтал о втором сыне, чтобы заменить им тинтагельского «бастарда», — это все были Утеровы тайны, и ему уже недолго оставалось их хранить.

Артур слушал молча, не перебивая. Поначалу застыв в прежней позе, словно все, что его занимает, — это медленно светлеющее небо да пение дрозда в кустах за окном; но потом он повернулся ко мне, и я, хоть и не глядя, почувствовал на себе его взгляд. Когда же я дошел до коронационного пиршества и просьбы Утера привести его на ложе к Игрейне, Артур опять зашевелился, тихо ступая, прошел через комнату и уселся на прежнем месте — на краю кровати. Мой рассказ о той безумной ночи, когда он был зачат, был прост, правдив и безыскусен. Но он слушал, как когда-то в Диком лесу слушал вместе с Бедуиром мои полуволшебные сказки, лежа или сидя с поджатыми коленями на моей постели, подперев подбородок кулаком, устремив на меня успокоенный, сияющий взгляд.

Завершая свой рассказ, я вдруг увидел, что он отлично укладывается в то, что я рассказывал мальчику

прежде, я словно вручал ему недостающие звенья золотой цепи и как бы говорил: «Все, что я преподал тебе до сих пор, чему обучил тебя, сошлось теперь в тебе самом».

Наконец я кончил и отпил глоток вина. Он стремительно выпрямился, расцепив руки, подбежал ко мне с кувшином и снова наполнил вином мой кубок. Я поблагодарил, и он поцеловал меня.

— Ты, — проговорил он тихо. — С самого начала — ты. Я не так-то, оказывается, был далек от истины. Я столько же твой, сколько и Утеров, даже больше, и Экторов... И про Ральфа мне тоже приятно было узнать. Я понимаю... о, теперь я многое начинаю понимать. — Произнося отрывисто слова, он возбужденно, как Утер, расхаживал по комнате. — Столько всего... слишком много, чтобы все усвоить, мне понадобится время... Я рад, что услышал это от тебя. А король сам хотел мне рассказать?

— Да. Он собирался раньше с тобой побеседовать, да не оказалось времени. Надеюсь, он еще успеет.

— То есть как это?

— Он умирает, Артур. Ты готов стать королем?

Он стоял передо мною с винным кувшином в руке, глаза запали после бессонной ночи, мысли теснились, не успевая выразиться на лице.

— Прямо сегодня?

— Думаю, да. Но точно не знаю. Скоро.

— А ты будешь со мной?

— Разумеется. Я же сказал.

И только теперь, когда он с улыбкой поставил кувшин и потянулся погасить лампу, настигла его новая мысль. Я видел, как пресеклось его дыхание, как он боязливо, осторожно выдохнул — так боится перевести дух человек, получивший смертельный удар.

Стоя спиной ко мне, он потянулся к лампе. Рука его не дрожала. Зато другая, украдкой от меня, сложилась в знак, оберегающий от зла. Но, оставаясь Артуром, он еще через мгновенье обернулся ко мне и сказал:

— А теперь и я должен кое-что тебе сказать.

— Что же?

Он ответил, словно вытягивая слово за словом из глубины:

— Женщина, с которой я был сегодня, — Моргауза. — И, видя, что я молчу, спросил: — Ты знал?

— Узнал, когда было уже поздно тебя останавливать. А должен был бы знать. Я, еще отправляясь к королю, чувствовал, что что-то не так. Ничего определенного, но меня давили тяжелые тени.

— Если бы я сидел у себя в комнате, как ты велел...

— Артур. Что свершилось, то свершилось. Бессмысленно теперь говорить «если бы то» да «если бы се». Разве тебе не ясно, что ты невиновен? Ты послушался своей природы, так всегда поступают юноши. А вот я, я виноват кругом. По справедливости ты мог бы теперь проклинать меня за такую скрытность. Если бы я раньше открыл тебе тайну твоего рождения...

— Ты велел мне сидеть здесь и никуда не уходить. Пусть ты и не знал, какое зло носится в воздухе, зато ты знал, что, если я тебя послушаюсь, зло меня не коснется. Если бы я послушался, то не только избег бы опасности, но и остался бы чист... — он проглотил какое-то слово, — не запятнан. Ты виноват? Нет, вина на мне, бог это знает, и он нас рассудит.

— Бог рассудит всех нас.

Он в три нервных шага пересек комнату, метнулся обратно.

— Изо всех женщин на свете — моя сестра, дочь моего отца...

Слова не шли, застревали в глотке. Я видел, как ужас липнет к нему, точно слизняк к зеленому листу. Левая рука его все еще была сложена в знак, оберегающий от зла, — древний языческий знак: с незапамятных времен то был тяжкий грех перед любыми богами. Вдруг он остановился, оборотясь ко мне лицом, даже в эту минуту он думал шире, чем о себе одном:

— А Моргауза? Когда она узнает то, что ты сейчас открыл мне, что она подумает о грехе, нами содеянном? Что сделает? Если она придет в отчаяние...

— Она не придет в отчаяние.

— Откуда ты знаешь? Ты же сказал, что не знаешь женщин. Я так понимаю, что для женщин эти вещи значат еще гораздо больше. — Ужасная мысль-объяснение поразила его. — Мерлин, что, если будет ребенок?

Кажется, мне еще никогда в жизни не требовалось столько самообладания. Он в испуге всматривался мне в лицо; позволь я выявиться моим настоящим мыслям, и один бог знает, что бы с ним могло статься. При последних его словах бесформенные тени, которые всю ночь угнетали и когтили мне душу, вдруг обрели очертания и вес. Они нависли надо

мною, они заглядывали мне через плечо, тяжкокрылые стервятники, и от них разило падалью. Я, так хлопотавший о зачатье Артура, сидел сложа руки и не видел, как была зачата его погибель.

— Я должен буду сказать ей. — Голос его прозвенел, натянутый отчаянием. — Немедленно, сейчас. Раньше, чем верховный король объявит меня своим сыном. Может быть, кто-то догадывается, может быть, ей нашепчут...

Он продолжал взволнованно говорить, но я не слышал, поглощенный собственными мыслями. Я думал: если я скажу ему, что она и так знает, что она порочна и порочны чары ее; если я скажу ему, что она нарочно все подстроила; чтобы получить в руки силу; если я скажу ему все это сейчас, когда он и так потрясен событиями прошедшего дня и минувшей ночи, тогда он просто схватит меч и зарубит ее. И она умрет, а с нею умрет и семя, которому суждено вырасти порочным и подточить его в его славе, как ныне точит его слизняк отвращения в юности. Но если он сейчас убьет их, никогда больше не поднимет он меч во славу божию и порок их восторжествует над ним, когда дело его жизни еще даже не начато.

И я проговорил спокойно:

— Артур. Постой и выслушай меня. Я сказал уже: что сделано, то сделано, мужчины должны уметь принимать последствия своих поступков. А теперь вот что я тебе скажу. Близок тот день, когда ты станешь верховным королем, а я, как ты знаешь, королевский прорицатель. Выслушай же мое первое прорицание. То, что ты сделал, ты сделал в неведении. Ты один из семени Утерова чист. Боги ревнивы, ты ведь знаешь. Они завидуют людской славе. Каждый человек носит в себе семя своей погибели, и ты тоже не более как человек. У тебя будет все; тебе нечего будет желать; но всякой жизни наступает предел. И ныне ты сам положил такой предел для себя самого. Распоряжаться собственной смертью — есть ли для человека жребий желаннее? Каждая жизнь чревата смертью, каждый свет — тенью. Довольствуйся тем, что стоишь в луче света, и не заботься о том, куда упадет тень.

Он слушал меня все умиротвореннее, а потом негромко и спокойно спросил:

— Мерлин, что я должен делать?

— Предоставь все мне. А сам забудь, не вспоминай о ночи, думай об утре. Слышишь, заиграли трубы? Ступай теперь и поспи немного до наступления дня.

Так, незаметно, было выковано для нас первое звено новой цепи. Он ушел и уснул, дабы быть готовым к великим свершениям грядущего дня; я же остался сидеть и думать, а свет все разгорался, и день наступил.

6

Наконец прибыл Ульфин, королевский постельничий, чтоб пригласить Артура к королю. Я разбудил мальчика, а потом проводил до порога, и он ушел, молчаливый и сдержанный, охваченный каким-то противоестественным спокойствием, подобным гладкому льду над бешеным водоворотом. Наверно, по молодости лет он уже и впрямь начал забывать про тени прошедшей ночи; теперь это было мое бремя. Такое разграничение установилось меж нами на все последующие годы.

Лишь только он ушел в торжественном сопровождении Ульфина — бывалый царедворец, должно быть, вспоминал теперь ту давнюю ночь в Тинтагеле, а сам Артур принимал королевские почести как должное, будто в жизни ничего другого не видел, — как я тут же позвал слугу и велел пригласить ко мне принцессу Моргаузу.

Слуга удивился, посмотрев на меня с сомнением: надо было так понимать, что принцесса сама посылает за теми, кто ей нужен. Но сейчас было не до того, я коротко повторил: «Делай, что тебе велено», и слуга припустился со всех ног.

Она, конечно, заставила меня дожидаться, однако же пришла. В то утро она была в красном, в платье вишневого цвета, и золото волос, рассыпанных по плечам, тоже отсвечивало розовым, как набухшие почки лиственницы по весне, как плоды абрикоса. Я ощутил густой, сладкий аромат, смесь абрикосов с жимолостью, и сердце сжалось от воспоминаний. Но этим и исчерпывалось ее сходство с той, которую я любил — попытался любить — так бесконечно давно; в опущенных долу зеленых глазах Моргаузы не было и намека на невинность. Она вошла улыбаясь, и прелестные ямочки играли в углах ее нераскрытых изогнутых губ. Сделав мне реверанс, она грациозно прошла через комнату и уселась в кресло с высокой спинкой. Красиво распределила пышные красные складки, кивком отослала сопровождавших ее дам и, вздернув

подбородок, вопросительно посмотрела на меня. Руки она покойно сложила на округлом животе, но не как скромница, а словно бы по-хозяйски.

В душе у меня шевельнулась давняя память. Вот так, сложив руки, стояла моя мать лицом к лицу с человеком, пришедшим убить меня. «Я обороняю ребенка, у которого нет отца!» Моргауза, верно, прочла мои мысли. Изящные ямочки у губ дрогнули, золотисто-опушенные веки опустились.

Я не сел, а остался стоять сбоку от окна. Резче, чем мне хотелось, я сказал:

— Ты, несомненно, знаешь, почему я послал за тобой.

— А ты, принц Мерлин, несомненно, знаешь, что я не привыкла, чтобы за мной посылали.

— Не будем зря тратить время. Ты пришла, и хорошо сделала. Я хочу говорить с тобой, покуда Артур у короля.

Она посмотрела на меня, высоко вздернув брови:

— Артур?

— Не смотри на меня невинными глазами, Моргауза. Ты ведь знала его имя вчера, когда уложила его к себе в постель.

— Бедный мальчик, даже свои постельные дела он не может держать от тебя в тайне? — Тонкий голосок прозвучал презрительно, ядовито. — Прибежал, лишь только ты свистнул, и во всем отчитался перед тобою? Удивительно, что ты хоть ненадолго спустил его с цепи и позволил ему такую вольность. Желаю тебе с ним удачи, Мерлин, делатель королей. Да только какой же король из недоученного щенка?

— А такой король, каким нельзя управлять в постели, — ответил я. — Одну ночь ты получила, и это было слишком. Теперь наступает расплата.

Ладони ее на животе шевельнулись.

— Ты не можешь причинить мне вреда.

— Я и не собираюсь причинять тебе вред. — Глаза ее сверкнули, мой ответ ее рассердил. — Но и не позволю тебе причинить вред Артуру. Ты сегодня же покинешь Лугуваллиум и больше ко двору не вернешься.

— Мне покинуть двор? Какая чепуха! Ты же знаешь: я хожу за королем, он из моих рук принимает лекарства, без меня он беспомощен. Вдвоем с его постельничим мы все для него делаем. Даже и думать нечего, чтобы король согласился на мой отъезд.

— После сегодняшнего дня король больше никогда не пожелает тебя увидеть.

Она недоуменно посмотрела на меня. Щеки ее раскраснелись. Заметно было, что мои слова ее задели.

— Да как ты можешь это говорить? Даже тебе, Мерлин, не удастся закрыть мне доступ к моему отцу, и, ручаюсь, он никогда не согласится, чтобы я уехала. Неужели ты собираешься рассказать ему о том, что произошло? Он ведь больной человек и не переживет удара.

— Я не расскажу ему.

— Тогда что же ты ему скажешь? Как будешь добиваться моего изгнания?

— А я не говорил, что буду его добиваться, Моргауза.

— Ты сказал, что после сегодняшнего дня король больше не пожелает меня видеть.

— Я говорил не об отце твоем.

— Не понимаю. — Она вдруг судорожно вздохнула, золотисто-зеленые глаза широко раскрылись. — Но ведь ты сказал... король? — Задышала чаще. — Ты имел в виду мальчика?

— Да, твоего брата. Где твое искусство, Моргауза? Утер помечен печатью смерти.

Она заломила пальцы.

— Знаю. Но... разве сегодня?

Я повторил свой вопрос:

— Где твое искусство, Моргауза? Сегодня. Так что тебе лучше поскорее отсюда убраться, верно? Не станет Утера, кто будет здесь твоим защитником?

Она подумала немного. Прекрасные зелено-золотистые глаза сузились, стали хитрыми и совсем не прекрасными.

— А от кого меня защищать? От Артура? Ты так уж уверен, что склонишь лордов признать его королем? И даже если и склонишь, ты что же, полагаешь, что мне понадобится от него защита?

— Ты не хуже меня знаешь, что королем он все равно будет. Это скажет тебе твое магическое искусство. И какой король из него получится, ты тоже понимаешь, хоть и отзывалась о нем с пренебрежением назло мне. От него, Моргауза, может быть, защита тебе и не понадобится, зато наверняка понадобится от меня. — Взгляды наши пересеклись. Я кивнул. — Да, да. Где он, там и я. Считай, что я тебя предупредил, и уезжай, пока не поздно. От таких чар, какие ты напустила на него нынче ночью, я смогу его оградить.

Она уже снова сидела спокойно. Маленький рот изогнут в прежней загадочной усмешке. Да, какими-то чарами она владела, спору нет.

— А тебе так уж не страшна женская магия, принц Мерлин? В конце концов и ты попадешься, верь мне.

— Знаю, — спокойно ответил я. — Ты думаешь, я не видел, какой конец меня ждет? И меня, и всех нас, Моргауза. Для тебя я видел силу и для того, кого ты понесла, тоже. Силу, но не радость. Ни теперь, ни после.

За окном у стены росло абрикосовое дерево. Солнце разогрело плоды — золотистые, ароматные, налитые шарики. В блещущей листве гудели осы, осоловелые от тепла и сладкого духа. Вот так же в благоухающем саду я уже когда-то смотрел в глаза ненависти и смертной вражде.

Она сидела недвижно, сцепив на животе пальцы. Глаза ее вонзились, словно всосались в мои. Запах жимолости загустел, поплыл золотисто-зеленым облаком в окно, смешиваясь с ароматом абрикосов и солнечным сиянием...

— Довольно, — презрительно остановил я ее. — Неужто ты в самом деле думаешь, что я могу поддаться твоей женской магии? Теперь не больше, чем когда-то. Подумай, что ты делаешь, забудь пока про чары. Артур уже знает, кто он, и понимает, что содеяно им ночью с тобою. И ты полагаешь, он потерпит тебя близ себя? Будет безропотно наблюдать, как с каждым днем, с каждым месяцем растет в твоем теле младенец? Он не отличается ни хладнокровием, ни терпением. Зато у него есть совесть. Он верит, что ты согрешила по неведению, так же как он. Иначе бы он не бездействовал.

— А что бы он сделал? Убил бы меня?

— Ты разве не заслужила этого?

— Он согрешил, если называть это грехом, точно так же, как и я.

— Он не знал, что совершает грех, а ты знала. Нет, нет, не пытайся оправдываться. К чему притворство? Не надо было магии, чтобы слышать, как люди зашептались, лишь только мы с ним прибыли ко двору. Ты знала, что он — сын Утера.

Впервые тень страха пробежала по ее лицу. Упрямо она твердила свое:

— Нет, не знала. Ты не можешь доказать, что я знала. Зачем бы я стала это делать?

Я скрестил руки на груди и прислонился плечом к стене.

— Сейчас я скажу тебе зачем. Затем, во-первых, что ты дочь Утера и, подобно ему, любительница случайных удовольствий. Затем, что в тебе течет кровь Пендрагонов, а в крови — жажда власти, женщина добивается власти чаще всего у мужчины в постели. Ты знала, что король, твой отец, при смерти, и боялась остаться без власти — тебя, единокровную сестру молодого короля, неизбежно затмила бы будущая королева. Думаю, что ты, не колеблясь, убила бы Артура, да только положение твое при дворе Лота было бы еще менее выигрышным, ведь тогда королевой оказалась бы твоя родная сестра. Кто бы ни стал верховным королем, незаменимой, как при Утере, тебе уже не быть. Пойдешь замуж за какого-нибудь мелкого царька, уедешь с ним на край земли и всю жизнь будешь рожать ему детей да ткать мужу плащи с гербом, и всей власти твоей только и будет что над собственными домочадцами и всего могущества — немного женской магии, которой ты успела обучиться и сможешь применять в своих владениях. Вот почему ты сделала то, что сделала, Моргауза. Ты хотела иметь какие-то права на короля, пусть даже основанные на ненависти и отвращении. То, что ты сделала нынче ночью, сделано тобою хладнокровно, ради приобретения власти.

— А сам-то ты кто такой, что так говоришь со мною? Сам ты хватал власть, где только мог.

— Не где мог, а где она мне доставалась. А все, чем владеешь ты, ты прибрала к рукам вопреки законам, божеским и человеческим. Если бы ты согрешила в неведении, побуждаемая лишь похотью, тем бы дело и кончилось и говорить было бы не о чем. Я уже сказал тебе, он тебя ни в чем не винит. Нынче утром, когда он узнал, что свершилось, его первая мысль была о тебе, о твоем горе. — Я увидел, как блеснули торжеством ее глаза, и мягко добавил: — Но тебе придется иметь дело не с ним, а со мною. И я говорю, что ты должна уехать.

Она вскочила:

— Почему же ты не рассказал ему и не позволил ему меня убить? Тебе ведь этого хотелось?

— Чтобы к одному прегрешению прибавить другое, еще худшее? Ты говоришь вздор.

— Я иду к королю!

— Для чего? Ему сегодня не до тебя.

— Я всегда нахожусь при нем. Мне надо дать ему лекарства.

— У него теперь есть я. И Гандар. Ты ему больше не нужна.

— Он допустит меня к себе, когда узнает, что я пришла проститься! Говорю тебе, я пойду к нему!

— Ступай, — ответил я. — Я тебя не держу. Если ты задумала открыть ему правду, подумай получше. Потрясение убьет его, и Артур только скорее станет королем.

— Лорды не признают его! Никогда не признают! Думаешь, Лот будет молчать и слушать твои речи? Что, если я *им* расскажу о нынешней ночи?

— Тогда верховным королем будет Лот, — спокойно ответил я. — И долго ты при нем останешься в живых, беременная Артуровым отпрыском? Да, да, об этом ты, я вижу, еще не поразмыслила? Как ни клади, а у тебя нет иного выбора, кроме как убраться отсюда, пока возможно. После свадьбы твоей сестры пусть Лот найдет тебе мужа — так ты еще, пожалуй, убережешься.

И вдруг она разъярилась и зашипела на меня, словно кошка, загнанная в угол:

— Это ты, ты смеешь осуждать меня! Ты ведь и сам рос побочным отпрыском... Всю жизнь я должна была смотреть, как все, все достается Моргиане! Эта девчонка будет королевой, а я... Она и магии тоже обучается, только как ею пользоваться в своих интересах, не понимает, точно слепой котенок! Ей место в монастыре, а не на королевском троне, а вот мне... а я... — Она осеклась и прикусила губу. И кончила не так, как собиралась: — Я, владеющая начатками той силы, которая дала тебе величие, кузен мой Мерлин, неужели ты думаешь, я соглашусь остаться никем? — Она говорила нараспев, точно ведунья, произносящая всесильное заклинание. — Это ты, Мерлин, который ни одному мужчине не друг и ни одной женщине не любовник, ты — никто, в конце жизни от тебя только и останется, что тень да имя!

Я улыбнулся:

— Ты думаешь меня испугать? Я ведь вижу дальше, чем ты. Я — никто, это верно, я лишь воздух, тьма, слово, обещание. Я заглядываю в глубь прозрачного кристалла и живу ожиданием в горных гротах. Но здесь, на свету, у меня есть юный король и блистающий меч, и они делают за меня мою работу и возводят здание, которое останется стоять, когда мое имя будет лишь непонятным словом в забытых песнях и из-

житых сказаниях, а твое имя, Моргауза, — лишь шипением из темного угла. — Я повернул голову и кликнул слугу. — Довольно, нам более нечего сказать друг другу. Ступай соберись и оставь этот двор.

Слуга вошел и встал на пороге, с опаской поглядывая то на нее, то на меня. Я узнал в нем по виду смуглого кельта, жителя западных гор; это племя и ныне чтит старых богов, и, может быть, он смутно ощутил в моей комнате присутствие враждебных соревнующихся чар.

Но для меня она теперь опять была только юной женщиной, запрокинувшей навстречу мне миловидное, встревоженное лицо, так что золотисто-розовые волосы, обрамляющие бледный лоб, заструились по вишневому платью. Для слуги в дверях это должно было выглядеть как обыкновенное прощанье, если он не чувствовал единоборствовавших теней. Она на него даже не взглянула — что он понял, о чем догадался, ее не интересовало.

Следующую фразу она произнесла негромко, спокойно:

— Я поеду к сестре. Она до свадьбы пребывает в Йорке.

— Я позабочусь об эскорте. Свадьба, без сомнения, состоится на Рождество, как и предполагалось. Король Лот скоро к вам присоединится и предоставит тебе место при дворе твоей сестры.

Она опять, скрытно и коротко, сверкнула на меня глазами. Можно было гадать, на что она надеялась — возможно, на то, что еще успеет занять место сестры при Лоте, — но мне она уже наскучила. Я сказал:

— Итак, прощай, пожелаю тебе благополучного путешествия.

Она низко присела в реверансе и произнесла сквозь зубы:

— Мы еще встретимся, кузен.

Я ответил галантно:

— Я буду с нетерпением ждать этой встречи.

И она ушла, тонкая, прямая, руки снова сложены на животе. Слуга закрыл за ней двери.

Я стоял у окна и собирался с мыслями. Я устал, глаза после бессонной ночи саднило, но голова была легкая и ясная, образ Моргаузы отодвинулся вдаль. Свежее дыхание утра проникало в окно и разгоняло черные флюиды, запах жимолости все слабел, окончательно выдохся, и с ним развеялась последняя тень. Когда пришел слуга, я умылся холодной водой и, велев ему следовать за мной, прошел в лазарет.

Здесь легче дышалось, и взгляд умирающих было проще выдержать, чем присутствие женщины, которой предстояло родить Мордреда, Артурова племянника и побочного сына.

7

Король Лот, оказавшись в стороне от главных событий, не сидел сложа руки. Его хлопотливые посланцы сновали туда и сюда, убеждая всякого, кто соглашался слушать, что Утеру для такого случая, как провозглашение наследника, надо бы вернуться в один из своих дворцов в Лондоне или Винчестере. Спешка, шептали они, неприлична, неуместна: в таких делах следует придерживаться обычая, всех оповестить, все церемонии соблюсти и заручиться благословением церкви. Но старались они напрасно. Простые люди в Лугуваллиуме и солдаты, сейчас числом превосходящие мирных жителей, придерживались иного мнения. Всем было ясно, что часы Утера сочтены, и разве не правильно, не справедливо объявить наследника прямо сейчас и по соседству с полем битвы, на котором Артур уже успел по-своему объявить себя? А что при этом не будут присутствовать епископы, что за беда? Ведь это будет пир по случаю победы, устроенный, можно сказать, прямо на бранном поле.

Дом, где расположился в Лугуваллиуме король со своим двором, был набит до отказа. Но празднество выплеснулось далеко за его стены. По всему городу и окрестностям предавались ликованию солдаты, воздух был синь от дыма и костров и полон запахами жарящегося мяса. Командиры на пути в королевские палаты изо всех сил старались не замечать пьянство в расположении полков и на улицах и не слышать женского смеха и визга там, куда по правилам женщинам доступа не было.

Артура я почти весь день не видел. Он пробыл с королем наедине до самого полудня и вышел от него, только чтобы дать отцу отдохнуть перед началом пиршества. Я же весь день провел в лазарете. Там было тихо, не то что в сутолоке вблизи королевских покоев. Двери наших с Артуром комнат подверглись настоящей осаде — кто-то искал милостей у новоявленного принца, кто-то рвался поговорить со мной

или купить мою благосклонность подарком, а кого-то просто влекло любопытство. Я велел объявить, что Артур у короля и до начала пира ни с кем говорить не будет. А страже оставил тайное распоряжение послать за мной, если меня будет спрашивать Лот. Но Лот у моих дверей не появлялся. И в городе, как я узнал от слуг, его тоже не было видно.

Но я не мог рисковать. С утра пораньше я послал к Каю Валерию, начальнику королевской стражи и старому моему знакомому, и попросил назначить дополнительную охрану к дверям наших комнат, в сени и даже под окна. А по дороге в лазарет я завернул в покои короля и перемолвился несколькими словами с Ульфином.

Может показаться странным, что прорицатель, которому открылась картина будущей коронации Артура, ясная, отчетливая, осиянная светом, так заботится охранить себя от недругов. Но тем, кто общался с богами, известно, что они прячут свои обетования в слепящих лучах света и что улыбка на устах бога не всегда означает милость. Человек еще должен в этом удостовериться. Боги любят вкус соли; пот человеческих усилий служит приправой к их жертвенным яствам.

Стражи, стоявшие, скрестив пики, на пороге королевских покоев, пропустили меня без единого слова. В первой комнате ждали пажи и слуги. В следующей сидели женщины, помогавшие ухаживать за королем. Ульфин, как всегда, находился у самой двери в королевскую опочивальню. Он поднялся мне навстречу, и некоторое время мы толковали с ним о состоянии короля, об Артуре, о вчерашних событиях и о том, что должно было произойти нынче вечером, потом — мы беседовали в стороне и негромко, чтобы не слышали женщины, — я спросил его:

— Ты знаешь, что Моргауза покинула двор?

— Да, слышал, никто не знает почему.

— Ее сестра Моргиана находится в Йорке в ожидании свадьбы, — сказал я, — и очень нуждается в ее обществе.

— О да, это мы слышали.

По каменному выражению его лица можно было заключить, что такому объяснению никто не придавал веры.

— Приходила она к королю?

— Трижды. — Ульфин улыбнулся. Было ясно, что Моргауза не принадлежит к его любимицам. — И все три раза не была допущена, так как король был занят принцем.

Двадцать лет была любимой дочерью и за двадцать часов забыта ради законного сына! «Ты и сам рос побочным отпрыском», — упрекнула она меня. Когда-то я, помнится, задумывался о том, какая судьба ей уготована. Здесь, при Утере, она имела положение, пользовалась каким-то влиянием и вполне могла питать к отцу своего рода привязанность. Она даже отказалась от брака, чтобы остаться при нем, как упомянул он вчера в разговоре со мной. Быть может, я слишком строго ее судил, потрясенный открывшимся мне будущим и охваченный своей безоглядной любовью к ее брату.

Я поколебался, но потом все-таки спросил:

— Она очень была огорчена?

— Огорчена? — пожал плечами Ульфин. — Вернее будет сказать, разъярена. Этой даме становиться поперек дороги опасно. Всегда она такая была, бешеная, с самого детства. Вот и нынче одна из ее камеристок плакала — небось получила хлыстом от госпожи. — Он указал кивком на юного белокурого пажа, скучавшего под окном. — Вон мальчишка, вышел к ней сказать, что ее не примут, так она ему ногтями всю щеку разодрала.

— Смотрите, как бы не было заражения, — заметил я, при этих моих словах Ульфин взглянул на меня, удивленно вздернув бровь. Я кивнул. — Да, да, это я ее выпроводил. Она уехала не по своей воле. Когда-нибудь ты узнаешь, в чем тут дело. А пока, надеюсь, ты заглядываешь время от времени к королю? Беседа не слишком его утомила?

— Наоборот, ему сейчас лучше, чем было все последнее время. Прямо не мальчик — родник целебной воды. Король глаз с него не сводит, и сила его час от часу прибывает. Они и полудничать будут вместе.

— Ага, так значит, его пищу сначала отведают? Я как раз об этом и пришел спросить.

— Разумеется. Можешь ничего не опасаться, господин мой. Принц у нас в безопасности.

— Но король должен отдохнуть перед началом пира.

Ульфин кивнул:

— Я уговорил его поспать после трапезы, до вечера.

— Тогда, может быть — что много труднее, — ты и принца склонишь к тому же? Или если не поспать, то хотя бы вернуться прямо к себе и никуда не выходить, пока не начнется пиршество?

Ульфин поглядел на меня с сомнением:

— Но согласится ли он?

— Да, если ты объяснишь, что этот приказ — или, лучше сказать, просьба к нему — от меня.

— Хорошо, господин.

— Я буду в лазарете. Пошлешь за мной, если я понадоблюсь королю. И во всяком случае, пошли мне сказать, как только принц отсюда выйдет.

Было уже далеко за полдень, когда белокурый паж принес мне известие, что король почивает, а принц отправился к себе. Когда Ульфин передал принцу, что от него требуется, тот разозлился, нахмурился и резко сказал (эту часть поручения паж передал, стыдливо потупясь, дословно), что провалиться ему, если он будет до ночи киснуть в четырех стенах, однако, узнав, что просьба исходит от принца Мерлина, остановился на пороге, пожал плечами и пошел к себе, не добавив более ни слова.

— В таком случае пора и мне, — сказал я, — но сначала, мальчик, дай мне осмотреть твою расцарапанную щеку.

Я смазал ему царапину, и он стремглав убежал обратно к Ульфину, а я забитыми пуще прежнего коридорами пробрался в свои комнаты.

Артур стоял у окна. Услышав меня, обернулся:

— Бедуир здесь, ты знал? Я его видел, но не смог к нему протолкаться. Я послал к нему сказать, что ближе к вечеру мы с ним поедем покататься. А теперь оказывается, что мне нельзя.

— Мне очень жаль. Но у тебя еще будет много случаев поболтать с Бедуиром, более благоприятных, чем сегодня.

— Да, уж хуже, чем сегодня, быть не может, клянусь небом и землею! Я здесь просто задыхаюсь! Чего им всем от меня нужно, этой своре там, за дверью?

— Чего большинству людей нужно от своего принца и будущего короля? Тебе придется привыкнуть к этому.

— Похоже, что так. Вон даже за окном стражник.

— Знаю. Это я его там поставил. — И в ответ на его взгляд: — У тебя есть враги, Артур. Разве я не доказал тебе?

— Неужели мне всегда так жить, в окружении? Прямо как пленник.

— Станешь признанным королем, будешь сам распоряжаться, как тебе лучше. А до той поры ты должен находиться под охраной. Помни, что здесь мы в военном лагере; по возвращении в столицу или в один из неприступных королевских замков ты сможешь окружить себя приближенны-

ми по собственному выбору. И будешь проводить сколько твоей душе угодно времени в обществе Бедуира, или Кея, или кого ни пожелаешь. Обретешь свободу — до некоторой степени, а большее уже невозможно. Ни тебе, ни мне нет дороги обратно в Дикий лес, Эмрис. Та жизнь не вернется.

— Там было лучше, — сказал он, ласково посмотрел на меня и улыбнулся. — Мерлин.

— Что?

Он хотел было сказать что-то, но передумал, только тряхнул головой и другим тоном, отрывисто спросил:

— А сегодня на пиру? Ты будешь вблизи меня?

— В этом можешь не сомневаться.

— Король рассказал, как он будет представлять меня знати. Тебе известно, что произойдет потом? Эти враги, о которых ты говорил...

— ...постараются помешать тому, чтобы собрание лордов признало тебя наследником Утера.

Он подумал минуту. Спросил:

— Туда разрешается приходить вооруженным?

— Нет. Они попробуют прибегнуть к другому средству.

— Ты знаешь какому?

Я сказал:

— Отрицать отцовство короля в присутствии самого короля они не могут, точно так же как не могут заявить в присутствии меня и Эктора, что принца подменили. Значит, им остается посеять к тебе недоверие, сомневающихся укрепить в их сомнениях и склонить на свою сторону армию. Твоим недругам не повезло, что пиршество затеяно прямо на месте сражения, где на одного лорда приходится три солдата, — а после вчерашнего армию не так-то легко будет убедить, что ты не годишься в короли. Нет, я полагаю, они разыграют какой-нибудь спектакль, постараются вызвать растерянность, подорвать доверие к тебе и даже к Утеру.

— А к тебе, Мерлин?

Я улыбнулся:

— Это одно и то же. Прости, но дальше я ничего не вижу. Я вижу смерть и тьму, но не для тебя.

— Для короля? — отрывисто спросил он.

Я не ответил. Он минуту молчал, глядя мне в лицо, потом кивнул, будто получил ответ, и спросил:

— Кто же они, мои враги?

— Их возглавляет король Лотиана.

— А-а, — задумчиво протянул он, и я понял, что его острый ум не бездействовал в течение прошедшего безумного дня. Он видел и слышал, сопоставлял и соображал. — И еще Уриен, его приспешник, и Тудваль, и Динпелидра, и... чей это зеленый значок с росомахой?

— Агвизеля. Король что-нибудь говорил тебе о них?

Он покачал головой:

— Мы беседовали все больше о прошлом. Он, конечно, за эти годы получал обо мне известия от тебя и от Эктора, а я... — Он засмеялся. — Едва ли еще какой-нибудь сын знает так много о своем отце и об отце своего отца, как я. Ты мне столько рассказывал... Но одно дело — рассказы, а другое... Пришлось еще многое узнавать.

И он подробно рассказал мне о часах, проведенных с королем, без всякого сожаления по невозместимому прошлому, а с той спокойной рассудительностью, которая, как я убедился, была неотъемлемой чертой его натуры. Это, думал я, у него не от Утера: такое свойство я замечал за Амброзием и за самим собой — люди называют его холодностью. Артур оказался способен подняться над переживаниями своего отрочества, все продумать и взвесить с той четкостью мысли, какой отмечены истинные короли, исключить все чувства и добраться до существа. Даже заговорив о матери, он сумел взглянуть на события с ее точки зрения и выказал ту же бестрепетную проницательность, что и королева Игрейна.

— Если б я знал, что моя мать жива и так охотно со мной рассталась, мне, ребенку, было бы, наверно, больно. Но вы с Эктором избавили меня в детстве от ненужных страданий, изобразив дело так, будто она умерла; ну а теперь я и сам все понимаю, как, по твоим словам, понимала моя мать: что быть принцем — значит всегда подчиняться необходимости. Она не просто так отдала меня. — Он улыбался, но говорил серьезно. — То, что я сказал тебе раньше, правда. Мне гораздо лучше было жить в Диком лесу, считая себя внебрачным сыном умершей матери и твоим, чем если бы я рос при дворе отца с мыслью, что королева раньше или позже родит другого сына, который займет мое место.

За все годы я ни разу не взглянул на его положение так. Я был ослеплен высшими целями, занят заботами о его безопасности, о будущем страны, о воле богов. Живой мальчик Эмрис, пока он однажды утром не ворвался в мою лесную жизнь, был для меня только символом, как бы новым

воплощением моего отца и моим собственным орудием. А потом, когда я узнал и полюбил его, я сознавал только, каким лишениям мы его подвергаем: ведь он такой горячий, такой честолюбивый, так стремится во всем быть лучшим и первым и сердце у него такое щедрое и привязчивое. Напрасно бы я стал говорить себе, что, если бы не я, никогда бы не видеть ему своего наследства; меня угнетало неотступное чувство вины за все, что было у него отнято.

Бесспорно, он сознавал свои лишения и страдал. Но и сейчас, в миг полного самообретения, он умел ясно представить себе, каково ему было бы расти принцем при дворе. И я понимал, что он прав. Даже не считая постоянного риска, самая жизнь у короля была бы для него безрадостной, а многие его хорошие качества, не получая выхода и развития, со временем изжили бы себя. Но чтобы облегчить мою душу, слова об этом должны были исходить от него. И теперь, когда я их услышал, они развеяли мое чувство вины, как свежий ветерок разгоняет болотные туманы.

А он опять заговорил об отце.

— Он мне понравился, — сказал он. — Он был хорошим королем в меру своих сил. Живя от него в стороне, я имел возможность слушать, что люди говорят, и вынести свое суждение. Но как отец... Сумели бы мы с ним поладить под одним кровом — это другой разговор. А знакомство с матерью мне еще предстоит. Ей, я полагаю, скоро понадобятся утешения.

Про Моргаузу он помянул только один раз, мельком:

— Говорят, она уехала?

— Да, отбыла нынче утром, пока ты находился у короля.

— Ты говорил с ней? Как она приняла твои слова?

— Убиваться не стала, — ответил я, нисколько не погрешив против правды. — Можешь за нее не беспокоиться.

— Это ты велел ей уехать?

— Посоветовал. Как тебе советую не думать об этом впредь. Сейчас пока ничего больше сделать нельзя. Единственное только я предполагаю: поспать. Сегодня был трудный день, и прежде чем он кончится, и тебе, и мне придется еще труднее. А потому, если сможешь, забудь толпу, осаждающую двери, и стражника, стоящего под окном, и давай оба поспим до заката.

И тут он вдруг зевнул, широко, как молодая кошка, и засмеялся:

— Ты не навел на меня чары — для верности? Я вдруг так спать захотел, кажется, неделю бы проспал...

Ладно, сделаю, как ты велишь, но можно мне послать слугу к Бедуиру?

О Моргаузе он больше не говорил и, я думаю, за сборами и последними приготовлениями к пиру и впрямь забыл о ней. Во всяком случае, давешнее сокрушенное выражение окончательно исчезло с его лица, ничто не омрачало более его душу, угрызения и дурные предчувствия отскочили от его юного деятельного существа, словно капли воды от раскаленного металла. Даже если бы он и догадывался, как я, о том, какое будущее его ждет — еще более великое, чем он мог себе представить, и под конец более ужасное, — все равно едва ли от этого потускнела бы его радость. Четырнадцатилетнему смерть в сорок лет представляется бесконечно далекой.

Час спустя после захода солнца нас пришли пригласить в пиршественную залу.

8

В зале собралось множество гостей. А в коридорах если и раньше было людно, то теперь, после того как трубы провозгласили начало пиршества, началась настоящая давка; казалось, еще немного — и даже эти прочные, римской постройки стены выпучатся и рухнут под нажимом возбужденной толпы. Ибо распространился слух, быстрый, как лесной пожар, что это будет не обычный пир по случаю победы, и в Лугуваллиум съехались люди за тридцать миль в округе, желая присутствовать при великом событии.

В толпе нельзя было различить, кто сопровождает какого-то лорда из числа приглашенных в главную залу, где пировал сам король. На пиршествах такого рода оружие полагается оставлять при входе, и вскоре передняя комната стала похожа на уголок Дикого леса — такая в ней образовалась чаща из пик, копий и мечей, отнятых у входящих. Сверх этого стража ничего не могла сделать и лишь обшаривала взглядами каждого прибывающего гостя, чтобы удостовериться, что при нем не осталось иного оружия, кроме ножа или кинжала, которым он будет резать пищу.

К тому времени, когда гости расселись у столов, небо за окнами померкло и запылали факелы. Вечер

был теплый, и от чадного факельного огня, от еды, вина и шумных речей в зале скоро сделалось удушающе жарко, и я с беспокойством поглядывал на короля. Он казался оживлен, но лицо заливал нездоровый румянец, и кожа на скулах словно остекленела и просвечивала, как случалось мне видеть и прежде у людей, чья силы исчерпаны до последнего предела. Однако он прекрасно держался, любезно и весело разговаривал с Артуром, сидевшим от него по правую руку, и с другими, кто окружал его за столом, и лишь по временам вдруг смолкал и уносился мыслями куда-то, но, тут же встрепенувшись, вновь приходил в себя. Раз он спросил меня — я сидел от него слева, — не знаю ли я, отчего к нему сегодня не приходила Моргауза. Спросил без тревоги и даже без особого интереса: ясно было, что о ее отъезде он ничего не слышал. Я ответил, что ей захотелось съездить к сестре в Йорк, и, так как король был занят, я сам дал ей разрешение покинуть двор и назначил ей провожатых. К этому я поторопился добавить, что ему нет нужды беспокоиться о своем здоровье, раз я нахожусь рядом и сам смогу за ним смотреть. Он кивнул и поблагодарил, но так, словно в моей помощи уже не было больше нужды.

— У меня есть лучшие лекари в мире: победа и этот мальчик. — Он положил Артуру на плечо ладонь и засмеялся. — Слышали, как называли меня саксонские псы? Полумертвый король. Я слышал, как это кричали, когда меня несли на носилках... Оно так и в самом деле было, но теперь мне дарована победа, а заодно и жизнь.

Слова эти он произнес во весь голос, гости у стола смолкли, прислушиваясь, и ропот одобрения пробежал по зале, когда король кончил говорить и вернулся к еде. Мы с Ульфином оба предупреждали его, чтобы он не усердствовал в еде и питье; но совет наш был излишним: король ел мало и без охоты, а вино заботами Ульфина пил сильно разбавленное. Разбавленное вино подавалось и Артуру. Он сидел подле отца, прямой как стрела и слегка бледный от волнения. Кажется, вопреки своему обыкновению он даже не замечал, что ест. Говорил он мало, только в ответ, и то очень немногословно, лишь насколько того требовали приличия. А большей частью молчал и с возвышения, на котором стоял королевский стол, смотрел вниз на гостей. Я, хорошо его знавший, понимал, чем он занят: он перебирал по лицам и гербам всех присутствующих и запоминал, кто где сидит. И кто как выглядит. Это лицо враждебное, это дружеское, но нерешительное и

готовое поддаться на обещания власти или выгоды, там глупое или просто любопытствующее. Мне они тоже были понятны, словно это не люди, а красные и белые фигуры, расставленные для игры на доске, но чтобы отрок на четырнадцатом году, да еще в такую ответственную минуту, мог быть настолько собранным и наблюдательным — это просто диво. Годы спустя он все еще мог с точностью перечислить тех, кто среди собравшихся был на его стороне, а кто против в ту первую ночь, с которой началось его царствование. Только дважды его холодный блуждающий взгляд просветлел и задержался: на Экторе, который сидел неподалеку от нас, — верном, прямодушном Экторе; не сводящем сияющих, чуть повлажневших глаз поверх кубка с вином со своего приемыша в белосеребряных драгоценных одеждах одесную от короля. (Мне показалось, что взгляд Кея, пировавшего рядом с отцом, не выражал особого восторга, но, впрочем, его узкое лицо с низким лбом всегда имело немного недовольное выражение.) В дальнем конце залы, подле своего отца, короля Бана, сидел Бедуир, и доброе его разгоряченное лицо, и открытый взгляд так и светились любовью. Взгляды мальчиков то и дело встречались. Здесь протягивалась еще одна надежная связь, на которой будет покоиться новое королевство.

А пир продолжался. Я озабоченно поглядывал за Утером, гадая, достанет ли у него сил досидеть до конца и добиться от лордов признания Артура наследником трона. В противном случае мне надо было выбрать подходящую минуту и вмешаться или же дело придется решать силой оружия. Но Утер превозмог слабость, он огляделся вокруг себя и поднял руку. Заиграли трубы, требуя тишины. Гул речей смолк, все глаза устремились к королевскому столу. Он был установлен на возвышении, ибо у короля недостало бы силы обратиться к пирующим стоя. Но и сидя в своем тяжелом кресле, прямой и властный, с горящими факелами и разноцветными знаменами за спиной, Утер был ослепителен и величав, и в зале воцарилось послушное молчание.

Положив ладони на резные подлокотники, он начал говорить. На губах у него играла улыбка.

— Милорды, все вы знаете, по какому случаю мы здесь собрались. Колгрим обращен в бегство и брат его Бадульф, и уже поступают известия, что враг в беспорядке бежал к побережью, за дикие северные земли. — И он продолжал говорить об одержанной накануне победе, такой же важ-

ной, по его словам, как победа его брата при Каэрконане, и столь же знаменательной. — Силы наших врагов, что накапливались и грозили нам столько лет, разбиты и отброшены до поры до времени от наших рубежей. Мы завоевали себе передышку. Но что еще того важнее, милорды, мы увидели, как это делается, и убедились, сколь могущественно единство и какими бедами для нас чревато его отсутствие. Порознь на что мы способны, короли севера и короли юга и запада? Но заодно, держась и сражаясь вместе, под единым командованием, по единому плану, мы еще не раз сможем вонзить меч Максена в сердце врага.

Он, конечно, говорил иносказательно, но я заметил, как вздрогнул Артур при этом напоминании и бросил на меня быстрый взгляд, чтобы тут же снова вернуться к внимательному разглядыванию гостей.

Король прервал свою речь. Ульфин шагнул было к нему с кубком вина, но король отвел его руку и заговорил опять. Голос его окреп и звучал почти с прежней силой.

— Ибо таков урок, преподанный нам событиями последних лет. У нас должен быть один вождь, один могущественный верховный король, и чтобы ему подчинялись не споря все королевства. Без этого мы снова окажемся там, где были до прихода римлян. Будем разобщены и разбиты, как это было с галлами и германцами, расколовшись на множество отдельных народов, точно волки, грызущиеся друг с другом за пищу и землю, мы не выйдем вместе против общего врага и постепенно превратимся в забытую богом провинцию Рима, вместе с ним катящуюся навстречу гибели, а могли бы воспрянуть единым новым королевством со своим народом, со своими богами. И так оно и будет, я верю, если только во главе нас встанет достойный король. И может быть, кто знает, дракон Британии еще вознесется, если и не столь высоко, как орлы Рима, зато с гордостью и мечтой, которые переживут века.

В зале царила глубокая тишина. Так мог говорить сам Амброзий. Или даже сам Максим, подумалось мне. Боги вещают нам, надо лишь запастись терпением.

Утер снова прервал свою речь. Он сделал вид, будто это ораторская пауза, предназначенная для вящего эффекта, но я заметил, как побелели его руки, сжимающие подлокотники кресла, как он собирается с последними силами. Наверно, я один это заметил, на Утера едва ли кто смотрел, взгляды всех гостей были устремлены на сидящего с ним

рядом юного Артура. Вернее, всех, кроме короля Лотиана: этот алчно пожирал глазами верховного короля. Ульфин, воспользовавшись паузой, опять подошел к королю с кубком, но, встретившись со мной глазами, пригубил вино сначала сам, а уж затем дал испить королю. Дрожь в руке, принявшей у него кубок, уже нельзя было скрыть; не давая королю обнаружить свою слабость, Ульфин бережно взял кубок у него из рук и поставил на стол. Все это, я увидел, не укрылось от глаз Лота, жадно следившего за королем. Должно быть, он понимал, как болен Утер, и ждал, что с минуты на минуту силы его оставят. Либо Моргауза ему открыла, либо же он сам догадался о том, что и я знал наверняка. Утер не доживет, не успеет в этой жизни надежно утвердить Артура на троне, а хаос и безначалие, которые возникнут при молодом короле, сулят выгоду его противникам.

Когда Утер заговорил снова, голос его звучал совсем слабо, но в зале стояла полная тишина, и повышать голос ему не понадобилось. Даже те, кто слишком много выпил, торжественно внимали речи короля о вчерашней битве, о тех, кто отличился и прославился, и о тех, кто пал, и, наконец, о роли Артура в победе и затем о самом Артуре.

— Все эти годы вы слышали о том, что мой сын, рожденный королевой Игрейной, воспитывается и обучается королевским искусствам в дальних странах и находится в руках, увы, более крепких, чем мои после приключившейся со мной болезни. Вы знали, что настанет срок, когда он вырастет и будет под своим настоящим именем провозглашен моим наследником и вашим новым королем. Да будет же ныне известно всем, где провел годы детства ваш законный принц: сначала под защитой кузена нашего Хоэля в Бретани, а затем в доме верного слуги и соратника графа Эктора в Галаве. И все эти годы его охранял и учил мой родич Мерлин, называемый также Амброзий, в чьи руки был он передан сразу после рождения, и никто не оспорит, что лучшего опекуна и быть бы не могло. Не оспорит никто и разумность моего решения отослать принца от себя до того времени, покуда он не вырастет и сможет открыто объявиться перед вами. Таков обычай, распространенный среди властителей мира сего: воспитывать детей при чужих дворах, чтобы они вырастали чуждые высокомерия, не отравленные лестью и огражденные от предательства и происков властолюбия. — Он смолк на мгновение, чтобы перевести дух. Произнося последние слова,

он смотрел перед собою в стол и ни с кем не встречался взглядом, но кое-кто из гостей зашевелился в смущении или переглянулся с соседом; и все это не укрылось от внимательных глаз Артура. Король продолжал:

— Те же из вас, кто всегда считал, что обучать принца королевскому искусству — значит с нежных лет посылать его в бой или в совет вместе с отцом, пусть вспомнят вчерашнюю битву, и как легко он принял меч из рук короля, и как повел полки к победе, будто он не принц, а сам верховный король и бывалый воин.

Утер уже задыхался, лицо его стало землистым. Я заметил хищный взгляд Лота и встревоженный — Ульфина. Увидел нахмуренные брови Кадора. И с благодарностью припомнил мой с ним недавний разговор у озера. Кадор и Лот. Не будь Кадор настоящим сыном своего отца, они легко могли бы сейчас разорвать между собой страну на куски, растащить север от юга, точно два пса, раздирающих добычу, и оставить обездоленного щенка скулить от голода.

— Итак, — произнес верховный король, и в тишине с жуткой отчетливостью раздалось его свистящее дыханье, — я представляю вам моего законного и единственного сына Артура Пендрагона, который будет над вами верховным королем после моей смерти и которому я отныне и навсегда передаю мой боевой меч.

Он протянул Артуру руку, и мальчик поднялся, прямой и серьезный, и приветственные возгласы и клики понеслись к задымленным стропилам крыши. Шум поднялся такой, что, наверно, слышно было во всем городе. Когда кричащие смолкли, чтобы перевести дух, эхо прокатилось по улицам, точно пожар по стерне в погожий день. В этих возгласах было одобрение и радость, что дело наконец решено, люди ликовали. Я видел, как Артур, невозмутимый, словно облако, оценивал настроения гостей. Но мне также было видно, как бьется жилка у него на щеке. Он стоял, как стоит воин с мечом, одержавший одну победу, но готовый услышать новый вызов.

И вызов прозвучал. Отчетливо сквозь крики и стук кубков об стол раздался голос Лота, грубый и зычный:

— Я оспариваю этот выбор, король Утер!

Словно каменная глыба упала в стремительный горный поток. Крик стих, люди задвигались, переглядываясь, переговариваясь, озираясь по сторонам. И вдруг оказалось, что поток раздвоился. Снова раздались возгласы в поддер-

жку Артура, но здесь и там послышалось: «Лотиан! Лотиан!» — и поверх всего этого гремел голос Лота:

— Неопытный мальчишка! Повидавший в своей жизни только одну битву! Говорю вам, вы и оглянуться не успеете, как Колгрим вернется, и что же, вас поведет в бой желторотый юнец? Если ты должен передать свой меч, король Утер, передай его в руки бывалого и опытного полководца, пусть орудует именем этого юнца, покуда он не повзрослеет!

При последних словах он что было силы грохнул кулаком об стол, и вокруг снова раздались крики: «Лотиан! Лотиан!» — подхваченные в дальнем конце залы и тут же заглушенные громкими возгласами: «Пендрагон!», и «Корнуолл!», и даже «Артур!». Шум нарастал, и становилось ясно, что, будь сейчас люди при оружии, не обошлось бы дело одними оскорблениями. Слуги жались к стенам, распорядители ходили между столами, пытаясь умиротворить собравшихся. Король, мертвенно-бледный, вскинул было руку, но почти никто не обращал на него внимания. Артур стоял безмолвно, недвижно и тоже был бледен.

— Милорды! Милорды! — Утер весь трясся от ярости, а ярость, как я хорошо знал, была для него опаснее удара копьем. И Лот, как видно, тоже это знал.

Я положил ладонь Утеру на плечо.

— Все будет хорошо, — негромко произнес я. — Сядь пока, и пусть они накричатся вволю. Гляди, Эктор собрался говорить.

— Господин мой король! — Голос Эктора звучал деловито, дружелюбно и буднично, он подействовал на спорящих успокоительно. Эктор обращался словно бы к одному королю. И сразу стало тише, люди старались расслышать, что он говорит. — Господин мой король, король Лотиана сейчас оспорил твой выбор. У него есть право говорить здесь, как и у всякого твоего подданного есть право быть выслушанным тобою, но спорить и даже подвергнуть сомнению то, что ты сказал сегодня, у него права нет. — Он немного повысил голос и обратился к гостям: — Милорды, здесь речь идет не о выборе или предпочтении. Наследник короля родится, а не назначается, и коль скоро обстоятельства привели к рождению законного наследника, о чем же спорить? Взгляните на принца, представленного вам сегодня. Он прожил в моем доме десять лет, и я, который знает его, как никто, говорю вам, что этот принц, достойный встать во главе нас, и не когда-нибудь, «когда он повзрослеет», а те-

перь. Даже не окажись здесь меня, чтобы свидетельствовать перед вами его происхождение, вам достаточно взглянуть на него и вспомнить его на вчерашнем поле боя, чтобы увериться: перед нами, волею судеб и милостью божией, истинный и законный король. И это не подлежит ни обсуждению, ни спору. Взгляните на него, милорды, и вспомните вчерашнюю битву! Кто лучше его сможет объединить королей со всех концов Британии? Кто лучше его сможет владеть мечом его отца?

Послышались крики: «Верно! Верно!» и «Ясное дело — он Пендрагон и, стало быть, наш король!» — и слитный гул голосов, еще более громких, чем раньше. Мельком мне припомнились советы при моем отце, мирные и торжественные собрания. И снова я увидел, что Утер дрожит, сидя в своем кресле, и в лице его нет ни кровинки. Да, времена переменились: для него не было иной возможности утвердить свою волю, кроме как через признание совета лордов.

Но, прежде чем он успел сказать слово, Лот уже снова был на ногах. Теперь он не кричал, а говорил рассудительно и веско, учтиво обращаясь к Эктору:

— Я оспаривал не рождение принца, а лишь способность молодого и неопытного человека возглавить нас в эти трудные дни. Мы знаем, что вчерашняя битва была всего лишь предварением, лишь первым шагом в войне, более долгой и жестокой, чем даже те, что вел Амброзий, в борьбе, какой мы не видели со времен Максима. И нам нужен полководец, выказавший талант в испытаниях более серьезных, чем одна удачная схватка. Нам нужен не заместитель недужного короля, а человек, облеченный всей властью и божьим благословением настоящего помазанного монарха. Если юный принц действительно способен удержать в руке отцовский меч, может быть, его отец пойдет на то, чтобы прямо сейчас, при всех нас, вручить его ему?

Снова тишина. Трижды ударили сердца. Каждый присутствующий в зале знал, что означает для короля публично отдать королевский меч. Это — отречение. Один только я из всех, кто там был, не считая, может быть, Ульфина, понимал, что, отречется сейчас Утер или нет, не имеет значения: Артур все равно будет королем еще до наступления ночи. Но Утер этого не знал, а достанет ли ему силы духа, при всей его немощи, отречься от власти, в которой была для него вся жизнь, — этого не мог бы сейчас сказать даже я. Он сидел очень прямо, по виду совершенно спокойно, только мне,

находившемуся совсем близко от него, было заметно, как дрожь время от времени сотрясала его с головы до ног, так что блики света плясали в венце червонного золота, стягивавшем его лоб, и вспыхивали в перстнях на пальцах. Я молча поднялся, подошел и встал от него по левую руку. Артур, хмурясь, вопрошающе взглянул на меня. Я покачал головой.

Король в нерешительности облизнул губы. Лотова внезапная перемена тона озадачила его, как озадачила и других в зале. Правда, из колеблющихся многие вздохнули с облегчением: они страшились мятежей, и разумная речь Лота, его почтительность к верховному королю успокоила их опасения. Послышался ропот одобрения. Лот раскинул руки, как бы обнимая всех, кто находится в зале, и сказал, сохраняя прежний рассудительный тон и обращаясь ко всем:

— Милорды, если мы убедимся, что король собственными руками передает избранному наследнику свой королевский меч, нам только и останется, что признать его. А потом уже будет время обсудить, как нам лучше подготовиться к грядущим войнам.

Артур слегка повернул голову, словно охотничий пес, почуявший в воздухе новый запах. Эктор тоже озирался на Лота, удивленно и недоверчиво слушая его уступчивые речи, молчаливый Кадор в дальнем конце залы смотрел на Лота во все глаза, словно хотел высмотреть его сокрытую душу.

Утер склонил голову, и эта поза самоотречения пристала ему, как никакая другая за всю жизнь.

— Я готов.

Пробежал один из распорядителей. Утер откинулся на спинку своего массивного кресла и отрицательно покачал головой, когда Ульфин опять протянул ему кубок. Я незаметно опустил руку и взялся за его запястье. Пульс был слабый, как кузнечик, запястье — прежде туго свитые нервы и жилы — стало хрупким и сухим. Губы у него пересохли, он то и дело облизывал их. Он негромко проговорил:

— Тут какая-то хитрость, но я не могу ее разгадать. А ты?

— Пока нет.

— За ним ведь почти никто не стоит. Даже среди солдат, после вчерашнего. Но теперь... может быть, тебе самому придется с ними разбираться. Доказательствами и посулами их не проймешь. Ты ведь знаешь их, им нужно знамение. Ты бы не мог дать им знамение?

— Не знаю. Пока нет. Боги являются, когда являются.

Артур услышал, что мы шепчемся. Он стоял весь натянутый, как тетива в луке. И вдруг при взгляде на конец залы лицо его утратило прежнее напряженное выражение. Я проследил, куда он смотрит, и увидел Бедуира. Его, пунцового от негодования, удерживала на месте отцовская тяжелая рука. Иначе, я думаю, он бы уже бросился на Лота с кулаками.

Пробежал обратно распорядитель, держа на поднятых ладонях боевой меч Утера в ножнах. Зловеще рдели рубины на рукояти. Ножны были серебряные, золоченые, изукрашенные тонкой чеканкой и драгоценными каменьями. Все, кто был в зале, сотни раз видели этот меч у короля на поясе. Лорд-распорядитель положил его перед Утером на стол. Исхудалая королевская рука протянулась к рукояти, и пальцы сами привычно сомкнулись под щитком, скорее лаская, чем сжимая, — настоящая хватка искусного воина. Артур смотрел, и я увидел, как брови его недоуменно сдвинулись к переносице. Верно, он вспомнил меч в Диком лесу и не понимал, какая роль предназначена тому мечу в церемонии отречения.

Я же, щурясь от огненного сияния огромных рубинов, понял наконец предначертание богов. Оно было ясно с самого начала: огонь, и летучая звезда, и меч в камне. И открылось оно не в двусмысленной улыбке божества сквозь завесу дыма — а отчетливо и ясно, как красный огонь рубинов. Утеров меч не выдержит, как не выдержал сам король Утер. Выдержит другой. Он явился по воде и по суше и теперь лежит наготове, чтобы завоевать Артуру королевство, сохранить и защитить его, а потом навсегда исчезнуть с глаз людских...

Король решительно взялся за ножны и выдернул меч:

— Я, Утер Пендрагон, сим отдаю сыну моему Артуру...

Послышался общий вздох, потом невнятный слитный говор, кто-то крикнул в страхе: «Знамение! Знамение!», кто-то еще отозвался: «Смерть! Это предвещает смерть!», и шепот, стихший было перед лицом победы, стал пробуждаться опять: «На что же можем надеяться мы, опустошенная земля, и увечный король, и отрок без меча?» Выдернув меч из ножен, Утер тяжело поднялся на ноги. Он держал его криво, не подняв, и глядел на него, почернев лицом и приоткрыв рот, словно пораженный немотой. Меч был сломан. В одной пяди от острого конца клинок обломился, и рваный разлом черно поблескивал в факельном свете.

Король попытался было что-то сказать, но только промычал — слова застряли у него в горле. Меч вывалился из ослабшей руки и со звоном упал на пол. Ноги у короля подкосились, мы с Ульфином подхватили его под руки и осторожно опустили обратно в кресло. Артур, быстрый, как рысь, подскочил и склонился над ним.

Потом он медленно выпрямился и посмотрел на меня. Мне не было нужды говорить ему то, что мог видеть всякий, находившийся в пиршественном зале. Утер был мертв.

9

Мертвый Утер сумел сделать то, что не удалось Утеру умирающему: суматоха в зале стихла. Все, кто там был, стоя, в молчании наблюдали, как мы медленно опускаем его в кресло. Среди тишины пламя факелов потрескивало, как шуршащий шелк, и кубок, оброненный Ульфином, со звоном прокатился полукругом по полу туда и обратно. Я склонился над умершим королем и закрыл ему глаза.

И тут вновь раздался зычный и настойчивый голос Лота:

— Воистину это знамение! Мертвый король и сломанный меч! Ты и теперь будешь говорить, Эктор, что бог предназначил этого отрока вести нас на саксонского врага? Да уж воистину увечная-земля, а преграда саксонской угрозе лишь отрок со сломанным мечом!

Опять поднялся гомон. Люди кричали, обращаясь друг к другу или озираясь вокруг в испуге и смятении. Краем сознания я заметил, что для Лота происшедшее не было неожиданностью. Артур с горящими глазами на совершенно бескровном от потрясения лице выпрямился над телом отца и резко обернулся к орущим, но я проговорил торопливо: «Нет. Подожди», и он послушался. Только рука опустилась на пояс и сжала до побеления рукоятку кинжала. Едва ли он сознавал это, а если б и осознал, то все равно не смог бы сдержаться. Рев изумления и страха бился в каменные стены, как штормовой прибой.

Сквозь весь этот оглушительный шум вновь прозвучал голос потрясенного, но мужественного Эктора, прозвучал так же твердо и деловито, как и раньше, разгоняя

клочья суеверного страха, подобно метле, смахивающей паутину:

— Милорды! Пристойно ли это? Наш верховный король умер сейчас у нас на глазах. Неужто мы осмелимся перечить его воле, едва успели его глаза закрыться вечным сном? Мы все видели, что послужило причиной его смерти: вид королевского меча, вчера еще бывшего целым, а ныне сломавшегося в ножнах. Неужто же мы, как малые дети, устрашимся такой случайности, — он веско уронил это слово в чуткую тишину, — и из-за нее не выполним то, что, бесспорно, должны? Если же вам нужно знамение, то вот оно! — Он указал на Артура, прямого, как сосенка, подле кресла с мертвым королем. — Один король пал, а уже на его место готов встать другой. Он послан нам ныне богом. И мы должны его признать.

Он смолк. Люди тихо переговаривались, переглядывались. Иные кивали и выкрикивали свое согласие, но были и такие, кто по-прежнему смотрел с сомнением, и слышались голоса:

— Но меч? Как же сломанный меч?

Эктор бестрепетно отвечал:

— Король Лот сказал, что сломанный меч — знамение. Но что он знаменует? Я вам скажу — предательство! Меч сломался не в руке у верховного короля и не в руке его сына.

— Это правда, — подхватил другой властный голос. Отец Бедуира, король Бенойка, встал со своего места. — Мы все видели его целым во время битвы. И видели его в деле, клянусь богом!

— А после этого? Как было потом? — послышались вопросы со всех сторон. — Разве король послал бы за ним, если бы знал, что он сломан? — Но кто-то неразличимый в дальнем конце зала заметил:

— А согласился бы король уступить его мальчику, если бы он был целый?

И еще чей-то голос, мне показалось, что Уриена, произнес:

— Король знал, что умирает. Он оставил увечную землю и сломанный меч. Теперь королевская власть должна перейти к сильнейшему.

Эктор, густо покраснев, крикнул в ответ:

— Я правильно говорил о предательстве! Хорошо, что верховный король успел представить нам своего наследника, не то бы Британия и впрямь оказалась изувечена и раздодрана на куски псами-изменниками, вроде тебя, Уриен Горский!

Разъяренный Уриен с криком схватился за кинжал. Но Лот под шумок что-то резко сказал ему, и тот присмирел. Лот улыбался, щелки-глаза его смотрели настороженно, а голос прозвучал вкрадчиво:

— Мы все знаем, как выгодно графу Эктору провозгласить королем своего приемыша.

Сразу снова стало тихо. Я увидел, что Эктор озирается, словно бы ища несуществующее оружие. Пальцы Артура еще крепче сжали рукоять кинжала на поясе. Но тут у правой стены люди задвигались и вперед выступил Кадор. Белый вепрь Корнуолла то горбился, то пластался на его рукаве. Кадор оглянулся, выжидая тишины. Все смолкли. Лот с опаской оглянулся: он, как видно, не знал, чего можно ждать от герцога Корнуолла. Эктор сдержался и сел, все еще кипя. Повсюду вокруг я видел, что перепуганные, колеблющиеся, не имеющие собственного мнения люди смотрят на Кадора так, словно ждут от него руководства в минуту опасности.

Голос Кадора прозвучал отчетливо и совершенно бесстрастно:

— То, что сказал Эктор, — правда. Я сам видел меч верховного короля после битвы, когда он принял его обратно из рук сына. Клинок был цел и незапятнан ничем, кроме вражьей крови.

— Но как же он оказался сломан? Здесь предательство? Кто его сломал?

— В самом деле, кто? — повторил Кадор. — Не боги, уж конечно, что бы ни утверждал король Лот. Боги не ломают мечи королей, которым ниспосылают победу. Они им дарят мечи, и притом целые.

— Но если Артуру быть нашим королем, — выкрикнул кто-то, — где же меч, который подарили ему боги?

Кадор вопросительно посмотрел в сторону королевского возвышения, было ясно, что он ждет, чтобы заговорил я. Но я молчал. Я стоял за спиной Артура рядом с королевским креслом. Здесь было мое место, и пора, чтобы люди это знали. Они выжидающе притихли, все головы повернулись туда, где я стоял черной тенью позади серебряно-белого Артура. Слышался невнятный говор многих голосов. Здесь были такие, кто испытал на себе мою силу, и не было ни одного, кто бы поставил ее под сомнение. Даже Лот. Он вопросительно скосился на меня, так что сверкнули белки глаз. Однако я безмолвствовал, и тогда здесь и там на лицах появились

насмешливые улыбки. Мне видно было, как напряглись плечи Артура, и беззвучно, одною волею, мысленно, я сказал ему: «Погоди, Артур. Еще немного. Сейчас не пора».

Он молча взял в руки сломанный меч и осторожно засовывал его обратно в ножны. Вот клинок сверкнул последний раз и скрылся.

— Видите? — обратился Кадор к собравшимся. — Утерова меча больше нет, как нет и его самого. Но у Артура есть свой меч, и он куда прекраснее этого королевского меча, который сломала человеческая рука. Тот меч ему подарили боги. Я сам видел его у Артура в руке.

— Когда? Где? — раздались вопросы. — Какие боги? Что за меч?

Кадор с улыбкой подождал, пока утихнут голоса спрашивающих. Он стоял в непринужденной позе, статный и могучий, исполненный, как всегда, сдержанной, но действенной силы. Лот кусал губу и хмурился. На лбу у него проступил пот, глаза тревожно обводили залу, подсчитывая сторонников. Как видно, он надеялся, что Кадор будет против Артура.

Кадор в его сторону и не посмотрел.

— Не так давно я видел принца у Мерлина, — объяснил он собравшимся, — это было в Диком лесу, и в руке он держал меч столь прекрасный, что я в жизни такого не видывал, весь выложенный драгоценными каменьями, точно императорский, и клинок его сиял, как луч света, так что больно было смотреть.

Лот откашлялся:

— Обман зрения. Колдовство. Ты же сам говоришь, при этом был Мерлин. Мы все знаем, что означает его присутствие. Если Мерлин — наставник Артура...

Его прервал низкорослый темноволосый и краснолицый человек, в котором я узнал Гвила с западного побережья, где в горах до сих пор собираются друиды:

— А если и колдовство, что с того? Да за королем, владеющим магией, всякий пойдет!

Это вызвало крики одобрения. Застучали по столам кулаки. Многие гости были кельты из горных областей, и такая речь пришлась им по душе.

— Правда, правда! Сила — вещь хорошая, но какой от нее прок без удачи? А у нашего короля, хоть он и молод, есть и то, и другое. Справедливо говорил Утер о доброй

выучке и добром совете. А лучший советчик, чем Мерлин, может ли быть у молодого короля?

— А добрая выучка, — подхватил звонкий молодой голос, — состоит не в том, чтобы выжидать, не вступая в бой, покуда чуть вовсе не опоздал!

Это крикнул, забывшись, Бедуир. Отец для острастки отпустил ему затрещину, но удар пришелся сбоку и не сильный, а карающая рука задержалась и потрепала мальчика по затылку. На них смотрели с улыбкой. Жар спадал. Кипение страстей, вызванное приступом суеверного страха, утихло, люди пришли в себя и были готовы слушать и взвешивать услышанное. Кое-кто из склонявшихся на сторону Лота и его приспешников стал от него отходить. Раздались голоса: «Почему молчит Мерлин? Мерлин знает, как надобно поступить. Пусть он нам скажет!» И другие подхватили: «Мерлин! Мерлин! Пусть Мерлин говорит!»

Я дал им немного покричать. А потом, когда они уже готовы были стены разнести от нетерпения, заговорил. Я не повысил голоса и не сдвинулся с места, а остался, как стоял, между мертвым королем и живым; но люди притихли и стали слушать.

— Я должен сказать вам две вещи, — начал я. — Во-первых, король Лотиана ошибся: я не наставник Артура, а его слуга. А второе — то, что уже говорил вам герцог Корнуолл: что от саксонской угрозы нас оградит король, юный и здравствующий, и в руке у него — меч, данный ему богом.

Лот увидел, что удача от него ускользает. И крикнул, обводя взглядом своих сторонников:

— Да, меч — любо-дорого смотреть! Появляется в руке как видение и исчезает во время битвы!

— Вздор говоришь, — оборвал его граф Эктор. — Тот меч, что был выбит у него из рук, одолжил ему я. И не сокрушаюсь о нем, не из лучших был клинок.

Кто-то засмеялся. Здесь и там блеснули улыбки, и теперь в голосе Лота слышалась лишь ярость поражения:

— Так где же он добыл тот чудо-меч и куда он теперь подевался?

Я ответил:

— Он один отправился на Каэр Банног и достал меч, хранившийся на дне озера.

Стало тихо. Среди собравшихся не было никого, кто бы не знал, о чем идет речь. Я увидел, как люди осеняют себя знаком, охраняющим от чар.

Кадор нарушил тишину. Он сказал:

— Это правда. Я видел своими глазами, как Артур возвратился с Каэр Баннога и привез его с собой в старых-старых ножнах, словно он пролежал там, спрятанный, добрую сотню лет.

— Так оно и было, — подтвердил я. — Послушайте, милорды, я поведаю вам, что это за меч. Этот меч взял с собою в Рим Максен Вледиг, а потом его соратники привезли этот меч обратно в Британию и спрятали здесь до того времени, покуда боги не надумают указать сыну короля к нему дорогу. Нужно ли напоминать вам пророчество? Оно произнесено не мною: меня тогда еще не было на свете. Оно гласит, что меч явится по воде и по суше и будет покоиться, сокрытый во тьме и заключенный в камне, покуда не явится тот, кто рожден быть законным королем всей Британии, и не достанет его из укрытия. Вот он и лежал на Каэр Банноге в чертоге Билиса, пока, препровождаемый божественными знамениями, Артур не нашел его там и не освободил из каменного плена.

— Покажи нам! — закричали все. — Покажи!

— Я покажу вам этот меч. Он остался лежать на алтаре часовни, что в Диком лесу. Там я его положил, и там он пролежит до тех пор, пока Артур не подымет его в присутствии вас всех.

Лот заметно струсил: все теперь были против него, а он открыто выказал себя противником Артура. Но до сих пор я говорил негромко и спокойно, и Лот еще питал надежду на успех. Его поддерживало природное упрямство и тупая жажда власти.

— Видел я этот меч, меч в алтаре Зеленой часовни. И многие из вас его видели! Это меч Максена, спору нет, да только он вырезан в камне.

Тут я сделал шаг вперед и высоко вскинул руки. В открытые окна, неведомо откуда, ворвался ветер, зашевелились пестрые знамена, алый дракон у Артура за спиной словно полез кверху по золотому полю, а моя тень, колеблясь, выросла на стене, также подобная дракону с распростертыми крыльями-руками. Сила моя была при мне. Она прозвучала и в моем голосе:

— Но из камня он поднял его и подымет опять в присутствии вас всех. Часовня же отныне будет именоваться Гиблой часовней, ибо если кто, не будучи по праву ко-

ролем, только прикоснется к тому мечу, клинок вспыхнет в его руке, как гибельная стрела небес.

Кто-то из гостей веско произнес:

— Если он вправду владеет мечом Максена, то, значит, получил его в дар от бога, а если еще и Мерлин с ним, то, клянусь, каким бы он ни поклонялся богам, я пойду за ним!

— И я, — сказал Кадор.

— И я! И я! — раздались еще голоса. — Отправимся смотреть этот волшебный меч и этот погибельный алтарь!

Все повскакали с мест. Громкие крики неслись отовсюду и отдавались под сводами крыши:

— Артур! Артур!

Я опустил руки. Ну вот, Артур, теперь пора.

Он ни разу не оглянулся на меня, но услыхал мою мысль, и я почувствовал, как моя сила исходит от меня и перетекает к нему. Она окружила его, и это почувствовали все, кто был в зале. Он поднял руку. Все замерли. Прозвучал его голос, ясный и твердый, голос воителя, проведшего два первых решающих боя в жизни — на поле брани и здесь, в пиршественной зале:

— Милорды. Вы видели, как судьба распорядилась, чтобы я явился к отцу без меча, как то и надлежало. Однако предательством было сломано оружие, которое он должен был мне вручить, и предательством у меня пытались отнять мое наследственное право, объявленное и подтвержденное прилюдно отцом моим, верховным королем. Но, как сказал вам Мерлин, бог уже вложил мне в руку другое, славное оружие, и теперь я готов поднять его у вас на глазах, как только мы все прибудем в Гиблую часовню.

Он замолчал. Нелегко говорить после того, как сказали свое слово боги. Он закончил негромко — прохладная вода после пламени. Свет факелов рдел все тусклее, моя тень укоротилась и сползла со стены. Штандарт с драконом безжизненно обвис.

— Милорды, мы отправимся туда утром. А сейчас нам подобает обратить наши заботы к верховному королю, распорядиться, чтобы тело его было по-королевски обряжено и установлено в траурной зале, окруженное стражей, прежде чем оно будет отвезено к месту вечного упокоения. А уж тогда пусть желающие захватят с собой мечи и копья, и мы отправимся в путь.

Артур кончил. К нему через всю залу решительными шагами подошел Кадор, за ним Эктор, и Гвил, и отец Бедуира — король Бан, и еще десятка два рыцарей. Я неслышно отступил к стене, оставив его в окружении королевской стражи. По моему знаку слуги подняли и понесли кресло, в котором все это время лежало и цепенело тело короля, забытое всеми, кроме одного только плачущего Ульфина.

10

Выйдя незаметно из залы, я сразу же спешно послал слугу с наказом седлать для меня самого резвого коня. Другой слуга вынес мой плащ и меч, и скоро, не привлекая ничьего внимания, я прошел людными коридорами и выскользнул во двор.

Оседланный конь уже дожидался меня там. Мне показалось, я узнаю его, и действительно по сбруе я убедился, что это каурый Ральфа. Сам Ральф держал удила, и лицо у него было озабоченное, взволнованное. А за высокими стенами город гудел, как потревоженный улей, и повсюду горели костры.

— В чем дело? — спросил я. — Разве я не ясно передал: я еду один.

— Мне так и сказали. Конь — для тебя. Он резвее твоего и крепче на ногу, и ему знакомы лесные тропы. А встретится опасность... — Ральф не договорил, но я его понял. Этот конь был обучен в бою и в случае столкновения был бы не хуже третьей руки.

— Спасибо. — Я принял у него поводья и вскочил в седло. — Привратники предупреждены?

— Да. Мерлин. — Он все еще не выпускал поводья. — Позволь мне поехать вместе с тобой. Негоже тебе пускаться в путь одному. У тебя есть злейший враг, и он не остановится ни перед чем.

— Знаю. Ты больше поможешь мне, если останешься здесь и проследишь, чтобы никто не выехал по моим следам. Ворота на запоре?

— Да. Я позаботился запереть их. Ни один всадник, кроме тебя, не выедет из этих ворот до той минуты, пока их не распахнут перед Артуром и остальными. Но мне до-

ложили, что два человека успели выскользнуть вон, пока гости еще не вышли из залы.

Я нахмурился:

— Лотовы люди?

— Непонятно. Назвались гонцами, посланными на юг с известием о смерти короля.

— Никаких гонцов отсюда не отправляли, — решительно возразил я. Об этом я сам распорядился. Весть о смерти верховного короля, способная породить только страх и неуверенность, не должна была выйти за пределы этих стен до того, как к ней не прибавится другая — о новом короле и новой коронации.

Ральф кивнул:

— Знаю. Те двое улизнули как раз перед поступлением приказа. Может быть, кто-то — из пажей, например — хочет получить награду, первым доставив на юг важную новость. Однако само собой, это могут быть и люди Лота. Но что у него на уме? Сломать меч Максена, как он сломал Утеров?

— Думаешь, это ему под силу?

— Н-нет. Но если он не сможет причинить вреда, зачем же ты сейчас туда скачешь? Почему не подождешь и не поедешь вместе с принцем?

— Потому что Лот сейчас и вправду не остановится ни перед чем, чтобы опровергнуть Артуровы права. Им руководит хуже чем жажда власти — страх. Он готов на все, только бы бросить тень на меня и подорвать веру людей в то, что меч — дар бога. Вот из-за чего я должен ехать. Бог сам за себя не заступится. Для того мы и здесь, чтобы сражаться за него.

— Ты хочешь сказать... Понимаю. Они могут осквернить часовню, разрушить алтарь... Если сумеют, то помешают тебе встретить там короля... И убьют сторожа, которого ты оставил блюсти святилище. Я прав?

— Да.

Он так дернул каурого за узду, что конь захрапел.

— Тогда неужто ты думаешь, что Лот не решится тебя убить?

— Думаю, решится. Но не сможет. А теперь пусти меня, Ральф. Я останусь цел.

— Ага. — В его голосе прозвучало облегчение. — Значит, звезды больше не сулят нам на сегодня смертей?

— Будет еще одна смерть. Но не моя. Однако с собой я не беру никого, чтобы не рисковать. Вот почему ты останешься здесь, Ральф.

— Господи, да если в этом все дело...

Я опустил поводья каурому на шею, и конь встрепенулся, перебрал ногами.

— У нас уже один раз был такой спор, Ральф, и тогда я уступил. Но сегодня — нет. Я не могу принудить тебя к повиновению, ты теперь не мой слуга. Но ты слуга Артура, и твой долг — быть с ним и доставить его в часовню живым и невредимым. А теперь отпусти меня. В которые ворота?

Ральф еще мгновение помедлил, но потом шагнул назад.

— В южные. Храни тебя бог, мой добрый господин.

Он крикнул через плечо повеление страже. Створки ворот распахнулись и с гулом захлопнулись снова у меня за спиной. Каурый взял в галоп.

В небе висел полумесяц — узкая полоска серебра с затемненным краем. Он освещал мне знакомую тропу, ведущую низом речной долины. У воды темнели купы ив, под ними прятались синие тени. Река, поднявшаяся после дождей, стремительно катила свои волны. В небе мерцали звезды, и ярче всех горела Медведица. Но вот луна, и звезды, и река скрылись из виду — каурый, чуя каблуки, распластался в могучем галопе, и мы влетели под черные своды Дикого леса.

В начале пути тропа бежала прямая и ровная, то и дело в прорехи между ветвями просачивался бледный свет луны, бросая к подножиям деревьев серые мягкие блики. Под копытами коня постукивали выступающие древесные корни. Я пригнулся к самой гриве, чтобы не задевать нижних ветвей. Но потом тропа стала забирать в гору, сначала слегка, потом круто, петляя между стволами редеющего леса. По временам она вдруг резко сворачивала в обход утесов, торчащих среди древесной гущи. Слева, далеко внизу, слышался шум горного потока, как и река в долине, взбухшего после дождей. Один только стук копыт нарушал лесное безмолвие. Деревья застыли как мертвые. Сюда, под черные своды, не проникало дыхание ветра. Нигде не было ни малейшего движения. Если олень, или волк, или лиса и выходили в ту ночь из своих укрытий, я никого не заметил.

Подъем становился все круче. Каурый упрямо карабкался вверх, но ребра у него так и ходили, и плавный галоп сменился одышливой рысью. Теперь уже недалеко. Сверху сквозь поредевшие ветви сочился слабый звездный свет, и я разглядел, что впереди за поворотом тропа опять ныряет в

лесную гущу, словно под темные своды. Где-то слева ухнула сова. Ей отозвалась другая, справа. Для меня это прозвучало в тишине как боевой клич, потому что как раз тогда конь мой завернул за поворот в непроглядную тьму и я, всей своей тяжестью задирая ему голову, повис на удилах. Более умелый всадник успел бы его остановить, а я — нет. Я промедлил лишнее мгновение.

Он уперся в землю всеми четырьмя копытами, но с разгону проехался косо по влажной земле и очутился перед стволом упавшего дерева, перегородившего нам дорогу. Это была давно иссохшая сосна, ее острые, колючие мертвые сучья торчали в разные стороны, как шипы в волчьей яме. Слишком длинные и частые, такой барьер нам бы не взять даже на свету под луной, а тем более в темноте за крутым поворотом. Место было выбрано удачно. По одну сторону от тропы уходил вниз к ручью крутой каменистый обрыв футов в сорок, по другую чернела чаща терновника и остролиста, такая густая, что лошади там не пробраться. Даже развернуться было негде. Примчись мы сюда галопом, и сучья, как копья, пронзили бы моего коня, а я сам перелетел бы через его голову прямо на их смертоносные острия.

Если враг в расчете на то, что я врежусь в лежащее дерево на полном скаку, затаился чуть поодаль, у меня еще, быть может, оставалось несколько мгновений, чтобы сойти с тропы и углубиться в чащу леса. Я дернул каурого и хлестнул поводьями. Он повернулся, взвившись на дыбы, ободрал себе бок о колючки терновника, мне острый сук пронзил бедро. Потом, словно пришпоренный, конь всхрапнул и рванулся вперед. Под нами в треске ломающихся сучьев открылась черная яма. Конь пошатнулся, передние ноги его провалились, и он, колотя копытами, рухнул вниз. Я перелетел через его холку и угодил как раз между лежачим стволом и отверзшейся ямой. Минуту я лежал там, оглушенный, и в это время каурый, напрягая все силы, вырвался из неглубокой ямы, дрожа, остановился на краю, а из-за деревьев выбежали двое с кинжалами в руках и кинулись к месту нашего падения.

Я упал туда, где тень была особенно густа, и лежал там без движения, оставаясь для них, должно быть, невидимым. К тому же шум горного потока заглушал все остальные звуки, так что они, наверно, решили, что я свалился прямо под обрыв. Один подбежал к краю обрыва и заглянул вниз,

другой протиснулся между конем и терновником и тихонько приблизился к яме.

Вырыть ее глубоко они не успели — только чтобы лошадь засеклась и сбросила меня наземь. Но теперь в темноте она служила мне защитой, оба разом они не могли на меня наброситься. Тот, кто был ближе, что-то крикнул своему товарищу, но шум падающей воды под обрывом заглушил его слова. Тогда он осторожно шагнул в обход ямы по направлению ко мне. В руке у него тускло сверкнул нож.

Я подкатился ему под ноги, схватил его за лодыжку и дернул. Он заорал, опрокинулся в яму, но вырвал у меня ногу, полоснул по воздуху ножом и, откатившись, вскочил на ноги. Товарищ его метнул нож. Он стукнулся в дерево у меня за плечом и упал на землю. Одним клинком меньше. Но теперь они знали, где я. Оба притаились за ямой: один справа от тропы, другой слева.

У одного в руке я заметил словно бы меч, другого мне было не видно. В тишине слышался только шум воды под обрывом.

Узкая тропа, где так легко, казалось, устроить засаду, помешала им зато привести с собой лошадей. Мой конь безнадежно охромел. А их, должно быть, стояли привязанные где-то за деревьями. Лезть через сосновый ствол я не мог — они бы меня заметили и успели прикончить. Через заросли терновника тоже не продраться. Оставался обрыв: если бы незамеченным спуститься к ручью, обойти их и углубиться в лес, может быть, даже отыскать их лошадей...

Я стал осторожно продвигаться к краю обрыва, свободной рукой нащупывая впереди себя дорогу. Здесь росли кусты и кое-где между камнями молодые деревца. Я нащупал гладкий, гибкий ствол, ухватился, дернул на пробу. И стал, держась, тихонько пятиться к обрыву. При этом я не спускал глаз с меча, мерцавшего в руке одного из моих врагов. Он по-прежнему стоял возле ямы. Нога моя соскользнула с земляного обрыва. В лодыжку вцепилась какая-то колючка.

А кроме колючки, и человеческая рука. Мой второй преследователь поступил так же, как и я. В темноте подполз к обрыву и, припав к откосу, затаился. А теперь внезапно бросился мне в ноги. Я покачнулся и упал. У самого моего лица просвистел его нож и вонзился глубоко в землю.

Он рассчитывал, что, сбитый с ног, я покачусь вниз по каменистому обрыву, рухну на валуны в русле пото-

ка, разобьюсь, и, беспамятного, они вдвоем легко меня прикончат. Так бы все и вышло, не надумай он швыряться ножом. От взмаха он потерял равновесие, да к тому же я, падая, отдавил ему свободной ногой руку, которая держала меня за лодыжку. Каблук угодил во что-то мягкое, послышался сдавленный стон, мой противник не удержался наверху и, что-то крича, покатился вместе со мной вниз по отвесному склону.

Я падал первым. И зацепился на полдороге за ствол молодой сосенки. Мой противник катился следом, увлекая с собой обломки сучьев и камни. Я уперся ногами в сосенку и приготовился к встрече. Когда он поравнялся со мной, я бросился на него сверху, придавил его всей тяжестью к земле, распял его руки своими руками. Он вскрикнул от боли. Одна нога оказалась неловко подвернута. Другой он брыкнул, и я почувствовал, как шпора вспорола мягкую кожу сапога. Он отчаянно сопротивлялся, извиваясь подо мною, как рыба на песке. Еще мгновенье, и ноги мои соскользнут со ствола, тогда мы оба свалимся на дно оврага. Я старался удержать его левой рукой, а правой потянулся за кинжалом.

Второй убийца слышал, как мы падаем. Он что-то крикнул сверху и стал ощупью спускаться к нам по обрыву. Он двигался осторожно, но быстро. Слишком быстро. Я навалился на того, кто находился подо мною, чтобы он не мог пошевелить руками. Что-то хрустнуло, я думал, сухая ветка, но он взвыл от боли. Я изловчился и освободил правую руку. В кулаке у меня был зажат кинжал, рукоятка впилась в ладонь. Я замахнулся. Случайный луч луны отразился в его глазах всего в футе от моих глаз; я чувствовал запах страха, и боли, и ненависти. Он дернулся из последних сил, чуть было не сбросил меня, отводя голову от моего удара. Я перевернул кинжал и со всей силой ударил рукоятью, метя позади открывшегося уха.

Но удар не достиг цели. Что-то брошенное сверху — камень или коряга — больно ударило меня в плечо. Рука дернулась и беспомощно повисла. Кинжал покатился в темноту. Второй убийца был уже в кустах надо мною, обнаженный меч чиркнул по камням. Луна взблеснула на занесенном клинке. Я рванулся в сторону, но мой враг вцепился в меня изо всей мочи, пустив в ход даже зубы, чтобы только мне не увернуться из-под убийственного удара мечом.

Это и послужило к его гибели. Его товарищ сделал еще один скачок и обрушил меч на то место, где только что находилась моя незащищенная спина. А я уже

скользил вниз — одежда моя, за которую меня пытались удержать, разорвалась, один кулак был прокушен в кровь. Удар меча пришелся по спине моего противника. Я услышал хруст костей и тут же — оглушительный, пронзительный крик. Освобожденный, я покатился под обрыв навстречу шуму падающей воды.

На пути попался куст, я зацепился было, но проломил его, полетел дальше. Ветка хлестнула меня по горлу. Шипы и колючки в клочья изорвали на мне остатки одежды. Потом я налетел на камень, застрял и несколько мгновений пролежал так, оглушенный и почти бездыханный. Но в тишине я услышал, что второй убийца спускается вслед за мной. Неожиданно земля подо мной стала осыпаться, камень, удерживающий меня, сорвался с места, и я, пролетев последний отвесный участок обрыва, упал на каменную плиту, по которой ледяная вода неслась, переливаясь в глубокую заводь.

Свались я в заводь, я бы остался, наверное, совсем невредим. Угоди я на валун, вокруг которого кипела и пенилась вода, мне бы тут же и конец пришел. Но я упал на плиту, через которую переливалась вода не больше пяди глубиной, низвергаясь затем в одну из бессчетных тихих лесных заводей. Я упал плечом вперед. Ледяная влага хлынула в рот, в глаза, в ноздри, лоскуты одежды пропитались водой. Стремительный поток потащил меня, оглушенного, задыхающегося, по скользким камням. Пальцы искали зацепки, оскользались, срывались, скребли, выламывая ногти.

С шумным плеском, так что вздрогнула каменная плита, рядом упал второй убийца, пошатнулся, но устоял и опять занес надо мною обнаженный меч. Снова отразилась луна на острие. А над ним в вышине были звезды. Меч, лежащий поперек ночного неба среди сияния звезд. Я разжал пальцы, стремительный поток перевернул меня кверху лицом, навстречу разящему мечу. Вода слепила. Грохот ее падения сводил с ума. Метнулся блик, словно бы падающая звезда, и сверху обрушился меч.

Это было как повторяющийся сон. Я уже когда-то вот так сидел в лесу у костра, и меня тогда тоже окружали полукольцом мелкорослые смуглые жители холмов, и глаза их выжидающе поблескивали на грани светлого круга, будто глаза диких лесных тварей.

Но на этот раз костер развели они сами. Перед огнем дымилась, высыхая, моя изодранная одежда. Меня они закутали в свои плащи, сшитые из овчины и сильно пахнущие первоначальными владельцами, но теплые и сухие. Ушибы мои ныли, кое-где, на месте меткого удара, на который я не обратил внимания в пылу схватки, боль ощущалась острее. Но кости были целы.

Без памяти я пробыл недолго. За пределами светлого круга лежали два мертвых тела, а поблизости от них — заостренный кол и тяжелая дубинка, еще не обтертые от крови. Один из смуглых чистил, втыкая в землю, длинный нож.

Маб принес мне чашу разогретого вина с примесью чего-то едкого, перебивающего вкус винограда. Я выпил, чихнул и поднялся на ноги.

— Вы разыскали их коней?

Он кивнул:

— Там, за тропой. Твой охромел.

— Знаю. Приглядите пока за ним, ладно? Когда доберусь до часовни, я пошлю сюда слугу. Он отведет хромого домой. А теперь приведите мне одного из тех коней и отдайте мою одежду.

— Она еще не высохла. И четверти часа не прошло, как мы вытащили тебя из заводи.

— Не важно. Мне надо торопиться. Маб, там наверху поперек тропы лежит дерево, а перед ним вырыта яма. Попроси, если можно, своих людей расчистить к утру проезд.

— Они уже взялись за дело. Слышишь?

И я услышал сквозь шум потока и треск костра. Вверху, у нас над головами, стучали топоры и мотыги.

Маб заглянул мне в глаза:

— Значит, новый король проедет этой дорогой?

— Возможно. — Я улыбнулся. — Как ты успел узнать?

— Один из наших людей прискакал из города и сообщил нам. — Он обнажил щербатые зубы. — Ворота, запертые по твоему приказу, ему не помешали, хозяин... Но мы узнали раньше. Разве ты не видел, как упала звезда? Она пролетела из края в край через все небо, в красном венце дракона и с дымным хвостом. И мы поняли, что ты должен прибыть. Но мы были за Волчьим перевалом, когда пролетел огненный дракон, и едва не опоздали. Прости.

— Вы поспели как раз ко времени. Я обязан тебе жизнью. Никогда не забуду.

— А я обязан тебе, — ответил он. — Почему ты выехал один? Разве ты не знал, что это опасно?

— Я знал, что предстоит еще смерть, и не хотел брать ее на свою душу. Боль — это другое дело, и она скоро проходит. — Я снова с усилием встал на ноги. — Маб, если мне ехать, то сейчас, иначе будет поздно. Мою одежду.

Одежда была еще мокрая, вся изодранная и вывалянная в грязи. У них же ничего другого, кроме овчин, не было, жители гор низкорослы, платье с их плеча на меня бы не полезло. Я кое-как набросил на себя остатки моего придворного облачения и принял от одного из людей Маба узду смирной бурой лошади. Рана в бедре у меня опять сочилась кровью, чувствовалось, что в ней остались занозы. Я попросил уложить на седло овчину и с трудом взгромоздился сверху.

— Поехать нам с тобой? — предложили они.

Я покачал головой:

— Нет. Оставайтесь здесь и займитесь расчисткой дороги. А утром, если хотите, можете приехать к святилищу. Там места хватит на всех.

Под луной поляна в самом сердце леса лежала недвижная, как картина, и дивная, как сон. Луна высветила конек крыши и посеребрила верхушки окружающих сосен. Из открытой двери лилось золотое сияние от девяти светильников, ровно горящих вокруг алтаря.

Я не спеша обогнул часовню, мне навстречу распахнулась задняя дверь, выглянул встревоженный сторож. Здесь наверху все было в порядке, никто не появлялся. Но глаза бедного малого широко раскрылись, когда он разглядел, в каком я виде, и он с радостью оставил меня, когда я передал ему поводья и велел скакать домой в Галаву. А я с глубоким вздохом облегчения вошел в пустую часовню, чтобы у огня осмотреть свои раны и сменить одежду.

Тишина медленно просачивалась обратно. Легкий порыв ветра тронул верхушки сосен и смахнул последние отзвуки удаляющихся копыт; ветерок потянул сквозь часовню, удлиняя языки пламени в светильниках и вытягивая из них тонкие полосы дыма, ароматного, как благовонные смолы. Снаружи над поляной луна и звезды разливали свой бесплотный свет. Все было полно присутствием божества. Я опустился перед алтарем на колени. Ум мой и воля опустели, и через все

мое существо хлынула воля божия, и я вознесся на гребне ее волны.

А ночь лежала серебряная и тихая и ждала, когда замелькают факелы и вострубят трубы.

11

И вот они появились. Огни, и звон, и стук лошадиных копыт все приближались сквозь лесную чащу, покуда поляну не заполнили полыхающие факелы и возбужденные голоса. Они доносились до меня сквозь мой ясновидческий сон наяву, смутные, гулкие, отдаленные, как звон колоколов со дна морского.

Те, кто возглавлял процессию, приблизились к святилищу и остановились в дверях. Голоса притихли, ноги неуверенно зашаркали. С порога им была видна внутренность чисто выметенной и пустой часовни, только за каменным алтарем, лицом к входящим, стоял один человек. Вокруг алтаря ровно горели девять светильников, освещая вырезанное сбоку в камне изображение меча с надписью Mithrae invicto и лежащий поверх алтаря сам меч, извлеченный из ножен, — голый клинок на голом камне.

— Погасите факелы, — сказал я. — Здесь в них нет нужды.

Они подчинились и по моему знаку прошли внутрь. Места было мало, а народу входило много. Но всех охватил благоговейный трепет; распоряжения отдавались тихими голосами, словно поступали не от военачальников, только что вернувшихся с поля боя, а от священнослужителей, исполняющих торжественный ритуал. Люди занимали подобающие им места: короли и знать и королевская охрана — внутри часовни, остальные безмолвно толпились на поляне и даже под темными сводами лесной опушки. Там, под деревьями, все еще горели факелы, и там держали лошадей, вся поляна была в кольце огней и звуков; но ближе, под открытым небом, люди стояли без огня и без оружия, как и подобает в присутствии бога и короля. А ведь в ту ночь, изо всех великих ночей, с ними не было священнослужителя; единственным посредником между людьми и божеством оказался я, кого бог тридцать лет влек своим путем и вот теперь привел сюда.

Наконец все разместились соответственно своему положению. Казалось, люди занимали места по предварительному уговору, в действительности же они действовали вполне безотчетно. За порогом на ступенях кучкой толпились маленькие жители холмов: они избегают находиться под крышей. Внутри часовни по правую руку от меня встал король Лот Лотианский в окружении друзей и приспешников; по левую руку — Кадор и те, кто был заодно с ним. В часовне собралось человек, наверное, сто или более, они плотно сгрудились в тесном и гулком пространстве перед алтарем, но эти двое, белый вепрь Корнуолла и красный леопард Лотиана, стояли друг против друга по обе стороны алтаря, сталкиваясь ненавидящим взором, а меж ними у двери, могучий и бдительный, возвышался граф Эктор. Но вот Эктор и следовавший за ним Кей ввели Артура, и с этой минуты я никого, кроме него, не видел.

Яркие краски, лучащиеся драгоценности, золото — все плыло у меня перед глазами. В прохладном воздухе стоял запах сосен, чистой воды, благовонных курений. Сдержанный людской говор был словно треск занимающегося пламени, которое вот-вот взмоет ввысь гудящими языками.

Пламя девяти светильников, то разгорающееся, то никнущее; пламя, лижущее каменный алтарь; пламя, бегущее по лезвию меча, раскаляющее его добела. Я простер ладони. Пламя лизнуло мои одежды, вспыхнуло на рукаве, на конце пальца, но, касаясь живой кожи, оно даже не жгло. Это было холодное пламя, вызванное силой слова из глубины мрака, с горячей сердцевиной вокруг меча. Меч покоился в пламени, как бриллиант в белом пухе. «Кто подымет сей меч...» Руны плясали вдоль клинка, изумруды сверкали. Часовня была черным шаром с огнем в сердцевине. Он отбрасывал от меня огромную тень высоко под своды крыши. Я услышал мой собственный голос, гулко отдающийся под сводами, словно звучащий во сне:

— Пусть подымет сей меч тот, кто осмелится.

Движение; полные страхом голоса. Слышно было, как Кадор произнес:

— Это тот самый меч. Я бы его всюду узнал. Я видел его сияющим в руке принца. Этот меч принадлежит ему, свидетель бог! Не прикоснусь к нему, даже если сам Мерлин мне прикажет.

— И я! И я! — послышались возгласы, а потом:

— Пусть король его подымет! Пусть верховный король покажет нам меч Максена! — И последний одинокий, грубый голос Лота:

— Да. Пусть он берет его себе. Я все видел, клянусь смертью бога, с меня довольно. Если это его меч, значит, и бог с ним, мне он ни к чему.

Артур медленно выступил вперед. Позади него образовалась пустота, люди отшатнулись во мрак, и шорох их присутствия был не громче, чем шорох ветра в верхушках деревьев. Между мной и им стояло белое дрожащее сияние огня, и в нем колебался раскаленный клинок. Темнота вокруг вспыхивала искрами и мерцала, как кристальный грот, в ней теснились и трепетали крылами огненные образы. Белый олень в золотом ошейнике. Летучая звезда с головой дракона и дымным хвостом. Король, охваченный нетерпением, сгорающий страстью, а позади него на стене колышется красный дракон на золотом поле. Женщина в белых одеждах, с королевской осанкой, за спиной у нее, во мгле, меч, стоящий на алтаре наподобие креста. Кольцо огромных камней, торчащих стоймя на открытой равнине и окружающих королевскую гробницу. Дитя, переданное мне в руки непогожей зимней ночью. Грааль под ветхим покровом, спрятанный в темном тайнике. Юный король, увенчанный короной.

Он смотрел на меня сквозь марево видений. Для него это были только языки пламени, о которые можно обжечься, а можно и не обжечься — это зависело от меня. Стоял и ждал, не сомневаясь, но и не вверяясь слепо, — просто ждал.

— Подойди, — тихо сказал я. — Он — твой.

Он потянулся через ослепительно белое пламя, и прохладная рукоять меча легла ему в руку, для которой она и была выкована сотню и сотню лет назад.

Первым преклонил колени Лот. Верно, он всех более в этом нуждался. Артур поднял его и обратился к нему без сердечности, но и без горечи — то была речь монарха, различающего за сегодняшним злом завтрашнее добро.

— Я не хочу сегодня ни с кем сводить счеты, Лот Лотианский, всех менее — с супругом моей сестры. Ты убедишься, что сомневаешься во мне напрасно, и ты сам, а после тебя сыновья твои — вы все будете помогать мне охранять Британию и править ею так, как должно.

Кадору он сказал только:

— Покуда я не обзаведусь другим наследником, мой наследник — ты, Кадор Корнуэльский.

С Эктором он говорил долго и тихо, так что никто, кроме них двоих, ничего не мог услышать, а потом поднял его и поцеловал.

После этого он долго стоял у алтаря, принимая от своих подданных присягу на верность — они подходили один за другим, преклоняли колени и целовали рукоять его меча. И с каждым он говорил — просто, как отрок, и величаво, как король. А в руках его, точно крест, перевернутый вверх рукоятью Калибурн сиял своим собственным светом, ибо алтарь, окруженный погасшими светильниками, был окутан тьмой.

Люди, один за другим, приносили присягу верности и выходили вон, часовня постепенно пустела. И чем тише становилось внутри, тем больше оживал окрестный лес, ибо здесь собрались все прибывшие, теперь шумные, возбужденные, в ожидании выхода своего короля. Выводили из-под деревьев коней, на поляне метались факелы, лошади фыркали, звенела сбруя.

Последним удалились Маб и его люди, и вот в часовне, не считая охраны у темной стены, остались лишь король да я.

С трудом переступая, ибо кости мои еще ныли от ушибов, я обошел алтарь и встал с ним лицом к лицу. Он был уже почти с меня ростом. И глаза, которые глядели на меня, были совсем как мои глаза.

Я опустился перед ним на колени и протянул к нему руки. Но он вскрикнул, поднял меня на ноги и поцеловал.

— Ты не должен преклонять передо мной колени. Кто угодно, но не ты.

— Ты — верховный король, а я твой слуга.

— Что с того? Меч-то твой, и мы оба знаем это. Не важно, как ты называешь себя: моим слугой, родичем, отцом — все равно ты — Мерлин, и без тебя я ничто. — Тут он непринужденно рассмеялся, ибо в новом, королевском, положении чувствовал себя так же естественно, как естественно пришлась рукоять Калибурна ему по руке. — А где твое придворное платье? Только ты мог напялить на себя по такому случаю эту старую хламиду. Я пожалую тебе плащ из золотой парчи, шитый звездами, как тебе подобает. Наденешь?

— Не надену, даже ради тебя.

Он улыбнулся:

— Тогда поедем так. Ты ведь поедешь теперь со мной?

— Я последую за тобой немного погодя. Когда ты выберешь минуту, чтобы оглянуться, где я, я уже буду подле тебя. Слышишь? Они готовы сопровождать тебя. Пора в путь.

Я проводил его до порога. Пламя факелов еще трепалось на ветру, хотя луна давно зашла и последние звезды померкли на утреннем небосклоне. Вставало утро, золотистое и безмятежное.

К самому крыльцу подвели белого коня. Артур хотел было сесть на него, но ему не дали — Кадор, Лот и еще несколько мелких королей вместе подняли его и опустили в седло, и тут наконец радость и надежда вырвались громким возгласом из людских глоток и раскатились под сводами. Так был возведен на престол Артур, юный король.

Я вынес из часовни светильники. Мне предстояло с наступлением дня переправить их туда, где им надлежало отныне быть: в пещере под сводами полых холмов, ибо там нашли теперь себе пристанище их боги. Все светильники лежали опрокинутые на полу часовни, масло из них растеклось, не сгорев. Тут же валялась и расколотая каменная чаша и груда щебня и праха в том месте, куда ударила холодная молния. Собирая с полу это пропитанное маслом крошево, я увидел, что каменная резьба с передней плиты алтаря исчезла. Ее замасленные обломки и держал я теперь в руках. Из всей резьбы остались лишь рукоять меча да одно короткое слово.

Я чисто вымел часовню и все внутри привел в порядок. Движенья мои были по-старчески медлительны. Я и поныне помню, как болело у меня все тело и как, все завершив, я опять опустился на колени и ничего не видел, не различал перед собой, словно все еще ослепленный видением или слезами.

Потом сквозь слезы я различил оголенный алтарь, и не было вкруг него девятиглазого огня, который так радовал малых богов прошлого, не было и некогда выбитого в камне меча, принадлежавшего великому воителю, и имени божества, которому он поклонялся. Осталась лишь рукоять, она выступала наподобие креста, а сверху отчетливые буквы складывались в надпись: «Непобежденному».

ЛЕГЕНДА

Когда Аврелий Амброзий был верховным королем Британии, Мерлин, которого также назвали Амброзий, перенес из Ирландии Хоровод Великанов и установил его близ Эмсбери, в Стоунхендже. Вскоре после этого на небе появилась огромная звезда в обличье дракона, и Мерлин, поняв, что она знаменует смерть Амброзия, горько заплакал и предрек, что королем под знаком дракона будет Утер и что у него родится сын, «коего могущество будет простираться на все королевства, лежащие под лучами той звезды».

На Пасху, на пиру в день коронации, король Утер влюбился в Игрейну, супругу Горлойса, герцога Корнуэльского. Он осыпал ее знаками внимания на глазах у всего двора; она никак ему не отвечала, но супруг ее, вознегодовав, покинул двор, не испросив разрешения, и с женой и свитой возвратился к себе в Корнуолл. Утер рассердился и велел ему вернуться обратно, но Горлойс повиноваться отказался. Тогда король в великом гневе собрал войско и вторгся в Корнуолл, сжигая города и замки. У Горлойса недоставало полков, чтобы ему противостоять, поэтому он поместил жену свою в замок Тинтагел, надежнейшую из крепостей, а сам приготовился защищать другой замок — Димилиок. Утер сразу же обложил Димилиок, заперев там Горлойса и его отряд, а сам стал изыскивать способы, как ему пробиться в Тинтагел и завладеть Игрейной. Он обратился за советом к одному из своих приближенных по имени Ульфин, и тот посоветовал послать за Мерлином. Мерлин, тронутый непритворными терзаниями короля, обещал ему помощь. Своим волшебным искусством он изменил облик Утера и превратил его в подобие Горлойса, Ульфина превратил в Иордана, Горлойсова друга, а себя в Бритаэля, одного из Горлойсовых военачальников. Втроем они поскакали в Тинтагел и были впущены привратником. Игрейна, сочтя Утера своим супругом герцогом, радостно приняла его и уложила в свою постель. Так Утер в ту ночь «возлег

с Игрейной, и она не отказала ему ни в чем, чего он только ни пожелал».

Тем временем под стенами Димилиока завязалась схватка, и в этой схватке был убит герцог, супруг Игрейны. В Тинтагел отправили гонцов уведомить герцогиню о гибели мужа. Когда же оказалось, что «Горлойс», живой и невредимый, находится у герцогини, гонцы от изумления утратили дар речи; но король тогда признался в обмане и несколько дней спустя обвенчался с Игрейной. Некоторые полагают, что в тот же самый день сестра Игрейны Моргауза была повенчана с Лотом, королем Лотиана, а вторая сестра, Фея Моргана, была отдана в монастырскую школу, где овладела искусством некромантии, а впоследствии она вышла за короля Уриена Горского. Но другие утверждают, что Моргана была родной сестрой Артура, рожденной после него от брака короля Утера и королевы его Игрейны, и что Моргауза также была его сестрой, но только от другой матери.

Утеру Пендрагону предстояло еще царствовать пятнадцать лет, и в эти годы он ни разу не виделся со своим сыном Артуром. Перед тем как младенцу родиться на свет, Мерлин явился к королю и говорил с ним так: «Сэр, вам надлежит позаботиться о вскормлении вашего дитяти». — «Как ты пожелаешь, — ответил король, — так пусть и будет». И потому в ночь, когда он появился на свет, младенец Артур был принесен к задним воротам Тинтагела и передан там на руки Мерлину, который отвез его в замок сэра Эктора, верного рыцаря. Там Мерлин устроил ребенку крещение и нарек его Артуром, а супруга сэра Эктора взяла его к себе приемным сыном.

Во все время Утерова правления страну жестоко беспокоили набеги саксов, а также скоттов из Ирландии. Двое саксонских вождей, плененных королем, сумели бежать из Лондона и перебрались оттуда в Германию, а там собрали большое войско, которое внушало ужас всему королевству. Утера же поразил жестокий недуг, и потому он назначил Лота Лотианского, нареченного жениха его дочери Моргаузы, своим главным военачальником. Но сколько раз Лот ни обращал врагов в бегство, они опять возвращались с возросшими силами и опустошали всю страну. Наконец Утер, хоть и жестоко страдал от болезни, призвал к себе всех лордов и объявил, что сам поведет в бой свои полки, и тогда были сооружены носилки, чтобы на них нести его в бой во главе войска. Саксонские вожди, узнав, что британский король идет сражаться против них в носилках, с презрением отозвались о нем, что-де он уже и так полумертв и него-

же им вступать с ним в битву. Но Утер, собравшись с прежними силами, громко засмеялся и крикнул: «Они назвали меня полумертвым королем, таков я и в самом деле был. Но я предпочту победить их, лежа на носилках, нежели покориться им и жить в позоре». И армия бриттов победила саксов. Однако недуг короля все усиливался, и множились страдания его подданных. И вот, когда король уже был близок к смерти, явился к нему Мерлин, подошел к его одру на глазах у всех лордов и повелел ему провозгласить его сына Артура новым королем. Утер так и сделал, а после того умер и был похоронен подле брата своего Аврелия Амброзия внутри Хоровода Великанов.

После его кончины лорды Британии собрались все вместе, дабы отыскать своего нового короля. Никто не знал, где воспитывается Артур, куда скрылся Мерлин, но они полагали, что короля им откроет знамение. Тогда Мерлин распорядился смастерить могучий меч и поместил его силой своего колдовского искусства внутрь огромного камня наподобие алтаря, а сверху была стальная наковальня, и пустил огромный камень вплавь к главной лондонской церкви, где его вытащили из воды и установили на церковном дворе. На том мече золотыми буквами значилось: «Кто вытащит меч из этого камня из-под наковальни, тот по рождению законный король над всей Англией». И было там устроено великое празднество, и во время этого празднества все лорды должны были попытать свои силы, не удастся ли кому вытащить меч из камня. Среди них были и сэр Эктор, и Кей, сын его, с Артуром, который без своего меча и герба следовал за ним как оруженосец. Они прибыли к месту состязания, тут сэр Кей хватился, что при нем нет меча, и послал Артура за мечом. Но когда Артур вернулся к дому, где они стояли, там никого не оказалось и двери были заперты, тогда Артур поспешил на церковный двор, вытащил из камня меч и отнес сэру Кею. Тут меч признали, но даже когда Артур доказал, что изо всех людей он один может вытащить его из камня, нашлись люди, которые кричали против него, что-де им позор и всему королевству поругание, если признают королем безродного отрока, и что пусть устроят еще одно испытание на Сретенье Господне. И вот на Сретенье съехались все знатные лорды страны, а потом еще и на Пятидесятницу, но ни один не в силах был извлечь меч из камня, кроме Артура. Однако иные из лордов продолжали в сердцах упорствовать и не признавать его, покуда не кончилось тем, что поднял голос простой люд: «Мы желаем, чтобы нашим королем был Артур, и не допустим более промедления, ибо

мы все видим: такова божья воля, чтобы быть ему нашим королем, а кто против, того мы убьем». Так был признан Артур своим народом, и знатью, и простыми людьми, и все, кто богат и кто беден, стали пред ним на колени и просили простить их за то, что так долго медлили с признанием. И он их простил. А тогда Мерлин открыл им, кто такой в действительности Артур, что он не безродный отрок, а зачат в законе королем Утером с Игрейной три часа спустя после смерти герцога, ее супруга. Так был возведен на престол Артур, юный король.

ОТ АВТОРА

Как и предыдущая книга — «Кристальный грот», этот роман — художественный вымысел, хотя и основанный в значительной мере на истории и на легендах. Правда, быть может, не в равной степени: о Британии пятого века нашей эры (т.е. начала Темного времени) так мало известно, что приходится руководствоваться не столько фактами, сколько преданиями и собственными выводами. Я, например, придерживаюсь того взгляда, что, если голос преданий так настойчив — если мотивы так живучи и возрождаются вновь и вновь, как это происходит с артуровскими легендами, — значит, в них содержится реальное зерно, даже в самых фантастических историях, которые наслоились вокруг сердцевины скудных фактов Артурова существования. Увлекательное занятие — осмысливать эти подчас дикие и нелогичные сюжеты, придавать им характер более или менее связных и правдоподобных рассказов о человеческих поступках и мире воображения.

«Полые холмы» — попытка создать произведение самостоятельное, не зависящее от своего предшественника, романа «Кристальный грот», и даже от моих собственных пояснительных заметок. Собственно говоря, эти заметки я предлагаю лишь для тех читателей, чьи интересы выходят за рамки самого романа, но чьи сведения об артуровских легендах со всеми их разветвлениями недостаточны, чтобы проследить ход мысли, заложенной в отдельных элементах моего повествования. Быть может, им будет интересно уяснить себе происхождение некоторых взглядов, источники некоторых мотивов.

В «Кристальном гроте» я основывала мой рассказ главным образом на «истории», изложенной Гальфридом Монмутским*, и на восходящих к нему более поздних, преимущественно средневековых повестях об Артуре и его дворе; но я придала дей-

* Histori of the Kings of Britain. Geoffrey of Monmouth [Everyman's Library, 1912].

ствию римско-британский фон V века, так как именно на этот фон проецируются все известные нам исторические артуровские факты*. Мы не располагаем точными датами, но я следую мнению ряда специалистов, которые относят рождение Артура примерно к 470 году. Действие «Полых холмов» покрывает неосвещенный промежуток между этой датой и тем временем, когда юный Артур предстает уже как «военный предводитель» (dux bellorum), или, в соответствии с более чем тысячелетним преданием, «король надо всей Британией». Здесь мне хотелось бы указать те нити, из которых я сплела мой рассказ о ранних годах Артура и которые едва намечены в преданиях, а в истории не фигурируют вовсе.

Что Артур существовал на самом деле, представляется бесспорным, чего отнюдь нельзя сказать о Мерлине. «Маг Мерлин», как он нам известен, — образ сложный, возникший почти полностью из материала песен и легенд; однако и здесь хочется думать, что, раз существуют о нем легенды, переживающие века, значит, существовал в свое время какой-то влиятельный человек, обладавший талантами, которые его современникам представлялись волшебными. Первый раз он появляется в легенде юношей, но уже наделенным необыкновенными свойствами. И на этом сюжете, изложенном у Гальфрида Монмутского, я основываю вымышленный мною образ, который мне представляется порождением и воплощением той эпохи смуты и исканий, что зовется у нас Темным временем. Джефри Эш в своей блестящей книге «От Цезаря до Артура»** так характеризует эту пору «многоразличных представлений»:

«Когда утвердилось христианство и свергнутое кельтское язычество превратилось в мифологию, многое из него так или иначе сохранилось. Сохранили своих богов реки и острова. Духи озер витали над водами, герои путешествовали в волшебных барках. В горах, где прежде обитали призраки, поселились феи и эльфы, чудесный маленький народец, подобного которому мы не найдем у других наций. Древние курганы и могильники как нельзя лучше подошли на роль их обиталищ. Невидимые миры соседствовали с видимыми, существовали

* Roman Britain and the English Settlements. R.G. Collingwood and J.N.Z. Myres (Oxford, 1937]. Celtic Britain. Nora K. Ghadwick, vol. 34 в серии Ancient People and Places [Thames and Hudson, 1963].

** From Caeser to Arthur. Geoffrey Ashe [Collins, 1960], а также The Quest for Arthur's Britain, ed. Geoffrey Ashe [Pall Mall Press, 1968].

магические способы проникновения и общения. Эльфы и герои, повергнутые боги и полубоги, духи умерших — все теснились вместе в одном калейдоскопическом хороводе... Все стало двусмысленным. Так, например, через много столетий после торжества христианства полые холмы оставались жилищами фей, а даже если и не полые, все равно там могли обитать бестелесные души... Были святые, якобы творившие чудеса; и те же самые чудеса совсем незадолго до них приписывались бывшим, но еще вполне узнаваемым богам. Были стеклянные замки, в которых герой мог провести столетие в заколдованном сне; были блаженные края фей, достичь которых можно только по воде или подземными ходами... Странствия и чары, битвы и плен — тему за темой складывала кельтская фантазия в одно связное повествование. И каждый отдельно взятый эпизод можно рассматривать как факт, или как вымысел, или как религиозное иносказание, или и то, и другое, и третье одновременно».

Мерлин, рассказчик в «Полых холмах», чародей и целитель, наделенный даром провидения, способен по своей воле переходить из одного мира в другой. А поскольку легенды о Мерлине связаны с кристальными гротами, с невидимыми башнями, с полыми холмами, где он спит и по сие время, я рассматриваю его как связующее звено между мирами; как некий инструмент, посредством которого, говоря его собственными словами, «все короли превращаются в одного Короля и все боги — в одного Бога». Ради этой цели он отрекается от собственной свободной воли, от полного, нормального самоосуществления. Полые холмы — это место перехода из здешнего мира в мир потусторонний, а в Мерлине эти миры людей, богов, животных и сумеречных духов как бы воплощаются, пересекаются.

Случаем такого же пересечения реальности и фантазии является фигура Максима. Магнус Максимус, воитель с мечтой об империи, — это реальный факт: он командовал в Сегонтиуме, пока не уплыл в Галлию, охваченный неодолимым стремлением к власти. А Максен Владиг — легенда, одна из разработок типичного кельтского мотива странствия-поиска, из которого впоследствии развился рассказ о поисках Святого Грааля. Я в этом романе объединила факты, относящиеся к великому предшественнику Артура и его имперской мечте, и эпизоды с мечом из артуровской легенды и придала им характер истории о странствии-поиске.

Сюжет о мече Максима — мое собственное измышление. Он следует исконной схеме «поисков и нахождений», по которой наряду со многими другими построен также и сюжет о поисках Святого Грааля, присоединенный позднее к артуровскому циклу. Повествования о Святом Граале, который поднимается как чаша Тайной Вечери, возникли в XII веке и смоделированы с ранних кельтских образцов; в них, кроме того, просматриваются и более архаичные элементы. Граалевских сюжетов много, их объединяют некоторые общие моменты, и при всем многообразии и изменчивости деталей — определенное постоянство идеи и формы. Там, как правило, фигурирует никому не известный юноша, bel inconnu, выросший на лоне природы и не ведающий своего имени и происхождения. Он покидает дом и отправляется в странствия, чтобы узнать, кто он такой. Приезжает на Опустошенную землю, которой правит увечный (бессильный) король. Там есть замок, обычно на острове, куда герой попадает по воле случая. Он добирается туда в лодке, принадлежащей венценосному рыбаку Королю-Рыболову. Король-Рыболов иногда отождествляется с бессильным королем Опустошенной земли. Замок на острове принадлежит королю Потустороннего мира, и там герой находит предмет своих поисков — иногда это чаша или копье, иногда меч, целый или сломанный. В конце приключения юноша пробуждается на берегу, рядом привязан его конь, а остров снова сделался невидим. Когда он возвращается из Потустороннего мира, на Опустошенную землю снова приходит мир и плодородие. В некоторых рассказах упоминается белый олень с золотым ошейником, который ведет юношу в его поисках.

Для дальнейшего ознакомления см. Arthurian Literature in the Middle Ages; A Collaborative History, ed. by R.S. Loomis (Oxford University Press, 1959), а также The Evolution of the Grail Legend by D.D.R. Owen (University of St. Andrews Publications, 1968).

ЕЩЕ НЕКОТОРЫЕ КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ

Сегонтиум. Гальфрид Монмутский в своей «Vita Merlini» рассказывает о чашах, изготовленных Веландом Кузнецом в Каэр Сейнте (Сегонтиуме) и подаренных Мерлину. Имеется также рассказ о мече, выкованном Веландом и подаренном Мерлину уэльским королем. А в «Англосаксонской хронике» под 418-м годом есть такая короткая запись: «В этом году римляне собрали все сокровища, какие были в Британии, и зарыли в землю, так что потом никто не мог найти, а часть захватили с собой в Галлию».

Галава. Место действия большинства артуровских повествований — западные кельтские области: Корнуолл, Уэльс, Бретань. В этом я следую за легендами. Но, судя по всему, существовала и артуровская традиция, ориентированная на север Англии и Шотландию, в связи с чем и действие романа перемещается к северу. Знаменитого «сэра Эктора из Дикого леса», приемного отца Артура, я поместила в Галаве — современный Эмблсайд в Озерном крае. Мне иногда казалось, что «источник Галабес, где укрылся он (Мерлин) от людей», вполне может быть римской Галавой, или Галабой. (В «Кристальном гроте» я воспользовалась другим толкованием: средневековые авторы упоминают великана Галапаса, который фигурирует в роли древнего духа, хранителя источника или брода.) Усыновление Артура Эктором, как и воспитание в Галаве Бедуира, — обстоятельства, вполне правдоподобные: мы находим у Прокопия, что в те времена, как и позднее, мальчики из хороших семей получали образование вдали от дома. Что же до часовни в зеленой чаще, то, сочинив лесное святилище, я не могла удержаться от того, чтобы назвать его Зеленой часовней — по ассоциации со средневековой поэмой «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», действие которой также происходит где-то в Озерном крае.

Вал Амброзия. Это Уонсдайк, или Уоденсдайк, «вал Одина», как называли его саксы, не веря, что он — дело рук человеческих. Вал тянулся от Ньюрбери до Северна, где следы его кое-где сохранились и теперь. Сооружен примерно между 450 и 475 гг. н.э., и я поэтому приписала его Амброзию.

Каэр Банног. Это название, означающее на древнекельтском языке «Замок горных пиков», — мое собственное толкование ряда варьирующихся имен — Карбонек, Корбеник, Каэр Бенойк и проч., — принадлежащих замку, где герой обретает Грааль.

Существует кельтская легенда о том, как Артур унес волшебный котел (сосуд или грааль) и чудесный меч у Нуадды, или Ллида, владыки Потустороннего мира.

Кей и Бедуир. По легенде, это товарищи Артура. Кей — сын Эктора, ставший впоследствии у Артура сенешалем. Имя Бедуира позднее было переиначено, так что он сделался Бедивером, однако по характеру взаимоотношений с Артуром он выступает как прообраз Ланселота. Отсюда упоминание о «белой тени» (Гуенхвивар, Гвиневер), которая падает между ними на стр. 286.

Кадор Корнуэльский. Предание гласит, что, когда Артур умер, не оставив потомства, он завещал королевство сыну Кадора.

Моргауза. В этом мотиве инцеста по неведению артуровские легенды очень сбивчивы и противоречивы. По самой распространенной версии, Артур «возлег» со своей единственной сестрой Моргаузой, женой (или возлюбленной) Лота, и зачал с ней Мордреда, который в конце концов и принес ему гибель. Родная же сестра Артура Моргана, или Моргиана, стала Феей Морганой, колдуньей. Моргауза, как считается, родила потом Лоту четырех сыновей, и все они были верными рыцарями Артура, что представляется неправдоподобным, если допустить, что она оказалась любовницей Артура, уже будучи женой Лота. Из этого затруднения я выбралась своим путем: предположив, что Моргауза, вынужденная покинуть Артуров двор, не тратя времени даром, постарается занять место королевы при Лоте, отняв его у своей сестры. Если не ошибаюсь, в V веке в окрестностях Каэр Эйдина (Эдинбурга) имелся монастырь, куда могла удалиться Моргиана. Можно сказать, что это и был «дом ведьм», или «ведуний», который упоминается в легендах, и напрашивается соблазнительное предположение, что именно отсюда Фея Моргана и девять ее

монахинь явились, чтобы увезти Артура, павшего в последней битве с Мордредом под Камланом.

Коэль, король Регеда — это прообраз «Старого дедушки Коля» из детских стишков. Согласно легенде, Хэль, один из девятнадцати сыновей стрэтклайдского короля Кау, навлек на себя особое нерасположение Артура. Другой его сын, Гильдас, монах, по-видимому, платил Артуру ответной неприязнью. Во всяком случае, в своей книге «Гибель и покорение Британии» (ок. 544 г. н.э.) он ни разу не упоминает имени Артура, хотя и говорит о битве на горе Бадон, последнем из двенадцати великих сражений Артура, в котором тот переломил саксонскую силу. По тону сочинений Гильдаса можно заключить, что если Артур и был христианином, то не более чем на словах. К монахам он, во всяком случае, не благоволил.

Калибурн — самое удобопроизносимое из имен, которые имел меч Артура, позднее воспетый в поэмах как Экскалибур.

Белый цвет — излюбленный цвет Артура; его белый пес Кабаль занимает в легендах значительное место. «Канрит» означает «белый призрак».

Как можно видеть из этих по необходимости отрывочных пояснений, любой эпизод в моей книге можно рассматривать, пользуясь опять словами Джефри Эша, «как факт, или как вымысел, или как религиозное иносказание, или и то, и другое, и третье одновременно». И в этом — если ни в чем другом — она полностью верна эпохе.

М.С.

Ноябрь 1970 — ноябрь 1972

СОДЕРЖАНИЕ

Хрустальный грот 5
Книга I. Вяхирь 11
Книга II. Сокол 108
Книга III. Волк 200
Книга IV. Красный Дракон 286
Книга V. Приход Медведя 359
Легенда о Мерлине 425
От автора 430

Полые холмы 435
Книга первая. Ожидание 437
Книга вторая. Поиски 570
Книга третья. Меч 673
Книга четвертая. Король 742
Легенда 818
От автора 822
Еще некоторые краткие заметки 826

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-и этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Стюарт Мэри

Хрустальный грот
Полые холмы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Это — самая прославленная «артуриана» XX в!

Не просто фэнтези, но — ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА, озаряющая тьму давно прошедших времен светом безграничного воображения…

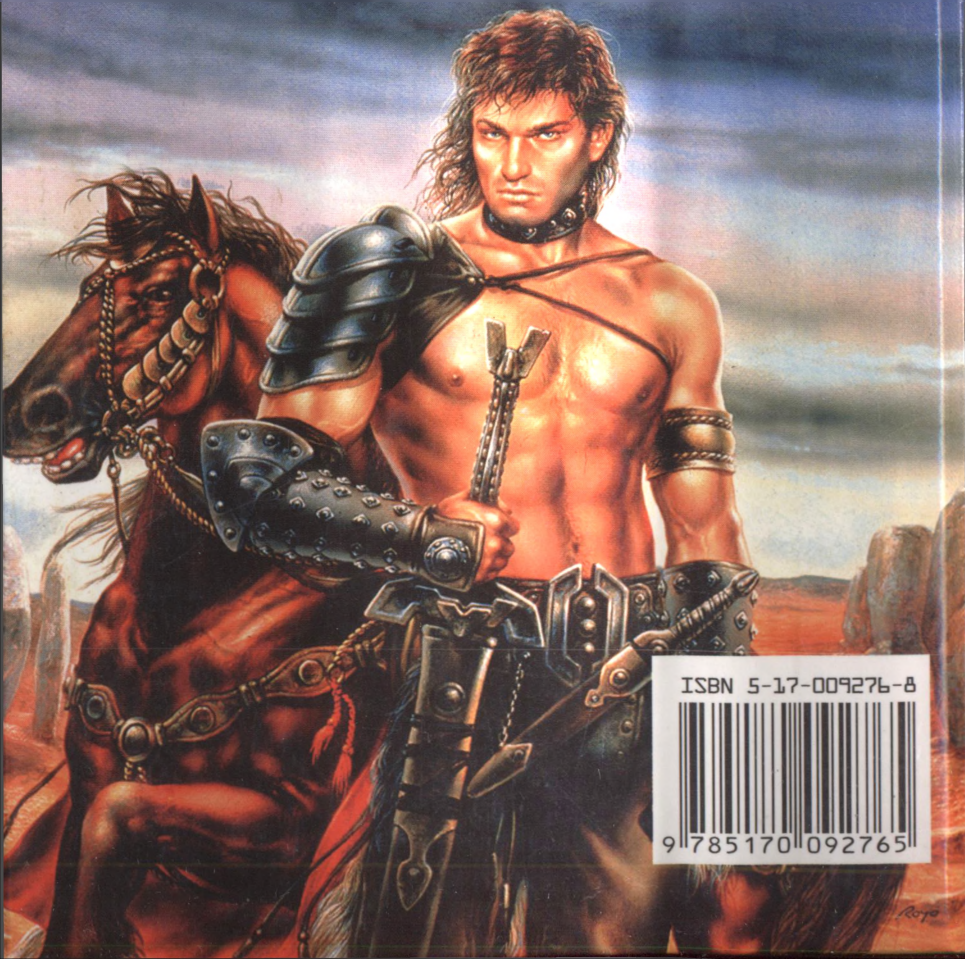
Не просто увлекательные приключения, но — истинная Высокая магия и истинный, высокий дух первоначального, полузабытого артуровского мифа…

Это — чудо, созданное великолепным пером Мэри Стюарт.

Сказание о деяниях Мерлина, величайшего из магов Британии, и Артура, благороднейшего из британских королей. Сага о любви женщины, которую когда-нибудь назовут Гвиневерой, и славного рыцаря, которого еще не назвали Ланселотом. Повесть о королеве-колдунье, верившей в судьбу, и принце-бастарде, тщетно пытавшемся судьбу превозмочь.

Это — драгоценный подарок для всех, кому хочется еще раз оказаться в мире Артура.

Не пропустите!

ISBN 5-17-009276-8

9 785170 092765